ČASOPIS PRO

SLOVANSKOU FILOLOGII

SLAVIA

VOLUME 14

1936/37

SLAVIA

ČASOPIS PRO SLOVANSKOU FILOLOGII

S podporou

ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO.

Ročník XIV.

TISKEM A NÁKLADEM

ČESKOSLOVENSKÉ GRAFICKÉ UNIE A. S. V PRAZE

1936—1937

Reprinted with the permission of the Original Publishers

JOHNSON REPRINT CORPORATION
111 Fifth Avenue, New York, N.Y. 10003

JOHNSON REPRINT COMPANY LTD
Berkeley Square House, London, W1X6BA

First Reprinting 1970, Johnson Reprint Corporation

Printed in the United States of America

Obsah ročníku čtrnáctého.

Články: Strana

Kritiky a referáty:

Zprávy:

XIVème Année. - Table des matières.

Articles:

Critiques et comptes-rendus:

Notes et informations:

Nécrologie.

Елементитѣ пространство и време въ историята на глаголнитѣ видови значения [1]).

Съ въпроса за видовитѣ значения на глаголнитѣ основи въ литовско-славянскитѣ езици сж се занимавали не единъ отъ европейскитѣ слависти на миналия и днешния вѣкове. Едни отъ тѣхъ сж разглеждали въпроса досежно отдѣлни езици (Meillet, Mazon, Agrell, Беличъ), а други — въ сравнителенъ масщабъ (Миклошичъ, Уляновъ, Фортунатовъ). Туй което може да се изтъкне като общо въ тѣхнитѣ изследвания, е, че тѣ сж разглеждали въпроса предимно описателно, сир. широко и подробно, съ изобилни примѣри отъ съответнитѣ езици, но — поне у повечето отъ тѣхъ — безъ достатъчно обясняване явленията въ тѣхната причинна зависимость. Единъ примѣръ: като разпредѣля въ отдѣлни класове префиксуванитѣ глаголи, Миклошичъ изтъква факта, че у известни глаголи проститѣ повторителни основи, съчетани съ нѣкои префикси, образуватъ сложни основи п е р ф е к т и в н и, въпрѣки неговото правило, че »повторителнитѣ глаголи чрезъ префиксуване добиватъ значение на трайни« (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen — IV, 317). — »Това колебание«, казва той, »по отношение на което отдѣлнитѣ (славянски) езици се, при това, различаватъ единъ отъ другъ, налага едно по-обстойно разглеждане« (ibid. — 315). Явлението е още по-интересно поради обстоятелството, че не само въ отдѣлнитѣ славянски езици, а и въ отдѣлнитѣ епохи на единъ и сжщъ езикъ, както е напр. случая съ българския, то се явява въ различенъ размѣръ. И при все това, туй знаменателно явление не е разгледано достатъчно обстойно ни отъ него, ни отъ по-сетнешнитѣ учени. Дори единъ Уляновъ не се спира върху него.

А обяснението на това явление е твърде важно, защото то подига въпроса: кои префикси, кога и з а щ о перфективизуватъ повторителнитѣ основи? Въ що, собствено, се състои това пер-

---

[1]) Тази статия е извадка изъ неиздаденото съчинение »Българскиятъ езикъ — опитъ за психологично и семантично изследване«.

фективизуване? И най-сетне: защо у едни отъ славянскитѣ езици това перфективизуване става въ най-широкъ размѣръ (чехски, български), у други — въ по-малъкъ (сръбски, руски) а у трети — въ най-малъкъ (полски)? Дали собствено различни закони за перфективацията трѣбва да търсимъ въ различнитѣ славянски езици, или имаме различни степени на езиковия развой, при което единъ и сѫщъ законъ прилагаме къмъ различни условия?

Тия въпроси, както и самата проблема изобщо за видовитѣ съотношения, сѫ въпроси отъ чисто семантично естество, и разглеждането имъ би трѣбвало да се сложи на историко-семантична основа — сир., както личнитѣ глаголни основи, тъй и префикситѣ, да се проследятъ въ тѣхния семантиченъ развой. А строго семантично изследване може да прави човѣкъ само върху собствения си, бащинъ езикъ: върху чужди, па дори сродни езици, то всѣкога ще бѫде рискувано.

Ето защо, осмѣлявайки се да се заловя съ своята тема, която съставя само една часть отъ голѣмия въпросъ за видовитѣ съотношения, — азъ се ограничавамъ съ скромната задача да направя изследването си изключително върху българския езикъ, — онзи, който при това е може би най-малко засегнатъ въ по-новитѣ си фази на развитие отъ досегашнитѣ изучвания, и който, лаская се да вѣрвамъ, представя твърде благодарна область за този родъ изучвания, — благодарение на това, че по семантиченъ и морфологиченъ развой той спада къмъ тия славянски езици, които сѫ отишли най-далечъ, очертали сѫ най-дълга развойна линия, и съ това разкриватъ най-широкъ просторъ за изследване законитѣ на движение у тази линия — и за съставяне уравнението ѝ, казано на математиченъ езикъ. Доколко моитѣ изводи ще могатъ да се отнесатъ и къмъ други езици отъ лит.-слав. група, и до кои — върху това други ще могатъ да си кажатъ думата.

*

Известно е, че голѣма часть отъ глаголитѣ съ течение на времето мѣнятъ видовото си значение. Едни глаголи, които познаваме днесъ като специализувани за единъ видъ, въ старобългарски ги намираме съ двойно видово значение; такива сѫ: родя, раня, кажа[1]), река[1]) и др.; сѫщо и глаголитѣ при

[1]) Последнитѣ два глагола и днесъ се срѣщатъ въ рѣдки диалекти съ двойно видово значение; въ книжовния езикъ, обаче, тѣ сѫ чисто перфективни.

сложни основи: покоря, съхраня, помоля, оправдая, обладая, вѣнчая, отвещая, възвещая, разумѣя и др. — Други глаголи, съ значение чисто имперфективно въ по-старитѣ паметници, днесъ намираме съ двойно видово значение; такива сѫ: пиша, чета, сипя, тегля [1]) и др. — Особенъ интересъ представя, обаче, една трета група глаголи, които, префиксувани, намираме въ старобългарски, и то до неотдавна, съ значение чисто имперфективно, а днесъ сѫ напълно специализувани за перфективно значение (само въ рѣдки диалекти се употрѣбятъ днесъ съ двойно видово значение). Това сѫ глаголитѣ: ходя, нося, водя, влача и лазя [2]). Тѣхъ тъкмо, като глаголи, чиито основи въ сложния си видъ сѫ пробелязали най-дълга линия въ развоя на видовото си значение, ще се опитамъ да разгледамъ въ тази си статия.

Въ по старитѣ паметници, както казахме, тия глаголи, префиксувани, иматъ имперфективно значение: проходити (»преминавамъ«; оттамъ проходъ); доносити (»донасямъ«); заводити (»завеждамъ«); извлачити (»извличамъ«); излазити (»излизамъ«). Туй се отнася до съчетанията на изброенитѣ глаголи (при прости основи) съ всички префикси (съ които изобщо се свързватъ проститѣ основи на тия глаголи въ старобългарски); напр. при глагола ходити: проходити (»преминавамъ«), заходити (»отивамъ отзадъ«, »захождамъ«), походити (»отивамъ по посока на нѣщо«, оттамъ »походъ«), отходити (»отивамъ«), доходити (»дохаждамъ«), прѣходити (»преминавамъ«), изходити (»излизамъ«), въходити (»влизамъ«), съходити (»слизамъ«), приходити (»дохождамъ«), въсходити (»възлизамъ«), находити (»намирамъ«). Или при глагола носити: заносити (»занасямъ«), проносити (»пронасямъ«), поносити (»понасямъ«), прѣносити (»пренасямъ«), износити (»изнасямъ«), доносити (»донасямъ«) и т. н.

Ето нѣкои примѣри:

Како заходитъ слъньце и како исходитъ (Тиквешки рѫкописъ — Министерски сборникъ VIII. 393).

---

[1]) Днесъ казваме, напр. »пиша писмо«, но казваме и »щомъ пристигнешъ, да пишешъ!«; казваме »чета книга«, но казваме и:« отивамъ въ църква, но щомъ четатъ евангелието, ще си излѣза«; сѫщо: »сипя хули«, но и — »ще си сипя чай«; »тегля колата«, но и — »ще му тегля единъ сънь«.

[2]) Къмъ сѫщиятъ редъ бихме отнесли и возя, гоня, и бродя, но поради известна усложненость въ тѣхната еволюция изоставяме ги.

Преходно есть сіе житие... преходитъ бо и образь мира сего (Молитва на Дим. Кантакузенъ — Мин. сб. XVIII—77).

Една работа имаше сѣкоги да отходе на черкова (Свищовски Дамаскинъ, издание на Академията — 456).

Отъ неѩ плодъ ни ще излѣзе, защо се Севирово учение находе у неѩ (Свищ. дам. 410).

Да ископаятъ земѣта дльбоко и да угудеть сулнарите да доходе изь тѣхъ водьта до мънастирю (Свищ. дам. 388).

Всакого мимоходещаго чловѣка прѣносихъ сиѥ дивное чоудо не видѣхъ (Тикв. рѫкописъ — Мин. сб. IX—97).

Мльчати дѣла божиꙗ прѣславна бѣдоу наноситъ доуше (Тикв. рѫкописъ — Мин. сб. X—74).

Где вьзимлѹть ѡблаци води еже толико много износет. (Тикв. рѫк. — Мин. сб. VIII—404.)

И не приносеще жрьтви имени твоѥму (Слово за Сивила и царь Давидъ — Мин. Сб. IX—178).

И земаши гу баща му на сѣка година и заносѣши го у черковата (Свищ. дам. 369).

Егда же прихождѫ азъ, инъ прѣжде мене вълазитъ (Зограф. еванг. — изд. Ягичъ, 143).

Днесъ, както казахме, всички възможни префиксувания на казанитѣ глаголи иматъ перфективно значение. Но не само видовото значение е промѣнено у тѣхъ: въ всички случаи формитѣ сѫ претърпѣли и друга промѣна въ значението си: да проходя днесъ означава вече не да »премина« (съответната перфективна форма на »преминавамъ«, старото значение), а да »почна да ходя«; да донося днесъ значи не »да донеса«, а да »нося до край«; да заводя значи не да »заведа«, а да »почна да водя« (напр. »да заводя нередовенъ животъ«); да извлача значи не да »извлѣка«, а да »влача до край«; да излазя значи не да »излѣза«, а да »лазя до край« и т. н.

Ако формата напр. донося се бѣше само перфективизувала, тя щѣше да премине отъ значение »донасямъ« къмъ съответното му перфективно значение »донеса«, — сир. днешното донося щѣше да бѫде равно на донеса. А ние знаемъ, че днешното донося не съвпада по значение съ донеса. Сравнението на двѣтѣ перфективни форми ще ни даде представа за промѣната въ качественото, сѫщностното зна-

чение [1]), която е претърпѣла последната форма отъ старобългарската епоха до днесъ. — А каква е, въ сѫщность, разликата между д о н е с а и д о н о с я? — »Да д о н е с е нѣкой детето« ще рече »чрезъ носене да го премѣсти д о т у к ъ«; »да д о н о с и една жена детето« ще рече »да го носи д о к р а я н а в р е м е т о, опредѣлено отъ физиологичния законъ за носене детето. »Да из н е с а дрехитѣ« ще рече »да ги премѣстя и з ъ вѫтре на вънъ«; »да ги и з н о с я« ще рече »да ги нося д о к р а я н а в р е м е т о, опредѣлено за носене«. Въ префиксуванитѣ глаголи д о н е с а и и з н е с а представитѣ съдържатъ единъ сѫщественъ белегъ, който въ представитѣ отъ глаголитѣ д о н о с я и и з н о с я въ днешното имъ значение липсва: това е елементътъ п р о с т р а н с т в о. Въ формата д о н е с а префиксътъ бележи, че предметътъ ще бѫде носенъ д о т у к ъ; въ формата д о н о с я той бележи не д о к ѫ д е, а д о к о г а ще трае носенето. Въ първия случай той изразява отношение на действието къмъ п р о с т р а н с т в о т о, въ втория — къмъ в р е м е т о. Сѫщото е и при и з н е с а — и з н о с я: въ първата форма префиксътъ загатва за м ѣ с т о т о, изъ което ще вадимъ предмета, въ втората — че ще носимъ, напр. дрехитѣ, докато »излѣземъ и з ъ в р е м е т о, опредѣлено за носене на единъ костюмъ«.

Вземъ ли се и въ много други случаи, ще намѣримъ навредъ сѫщата разлика въ сѫщностното значение; само че всѣкѫде трѣбва да постѫпимъ по сѫщия начинъ — като сравняваме глаголнитѣ форми при еднакъвъ знаменатель, сир. при еднакъвъ префиксъ и еднакво видово значение; напр. за да опредѣлимъ промѣната на сѫщностното значение въ префиксуванитѣ форми отъ глагола х о д я, да речемъ з а х о д я, ще трѣбва да сравнимъ по сѫщностно значение днешната перфективна форма з а х о д я съ оная перфективна форма, която има сѫщностното значение на старата имперфективна з а х о ж д ѫ (»захождамъ«, »отивамъ отзадъ«); съответната — при сѫщото сѫщностно значение — перфективна форма е з а й д а (»отида отзадъ«); ще сравняваме, прочее, з а й д а съ днешното з а х о д я; »да з а й д е слънцето« ще рече, »да отиде з а д ъ известно мѣсто отъ пространството«; »да з а х о д и детето на училище« ще рече »да п о ч н е д а х о д и«; въ единия случай префиксътъ з а- пази

[1]) Онази страна на общого глаголно значение, която се отнася не до трайностьта, а до качествената сѫщность на действието или състоянието (доколкото последнитѣ схващаме и като временни свойства, качества на синтактичния субектъ или обектъ).

реалното, пространственото значение на ст.-българския предлогъ з а-, който значи »задъ« и бележи отношение на действието къмъ нѣкое мѣсто отъ пространството; въ втория случай — днешното »да заходи на училище«, той е изгубилъ своето реално пространствено значение и означава вече само началото отъ времето на ходенето.

Ще рече, префикситѣ сѫ промѣнили значението си. Тази промѣна има посока, по общия семантиченъ законъ, отъ предметното къмъ непредметното, въ случая — отъ областьта на пространството къмъ областьта на времето. Тази промѣна е, която промѣня и значенията на сложнитѣ глаголни основи.

Промѣната на сѫщностното значение въ случая е лесно обяснимо: префиксътъ губи пространствения си елементъ — губи го и цѣлата сложна основа. Остава въпросътъ: защо и какъ съ промѣната на префиксовото значение въ темпорално се превръща и видовото значение на сложната основа отъ имперфективно въ перфективно, и дали изобщо двѣтѣ промѣни сѫ необходимо свързани една съ друга. Но този въпросъ е тѣсно свързанъ съ въпроса за сѫщностьта на видовитѣ различия при глаголнитѣ значения. А по последния въпросъ сѫществува известна неяснота въ науката.

Преди всичко самитѣ названия свършенъ видъ (perfectiv) и несвършенъ (imperfectiv) даватъ едно непълно опредѣление на съответнитѣ понятия: въ тия названия се говори за свършеность — сир. свършекътъ на действието въ представата се дава като сѫщественъ белегъ на понятието »свършенъ видъ«; а ние виждаме, че свършекътъ не е белегъ присѫщъ на всѣка представа отъ вида, носещъ името »свършенъ«; напр., изразътъ »да зачета книгата« извиква представа за началото на действието, въ която представа нѣма ни поменъ отъ свършека му.

А. Беличъ въ статията си »Zur slavischen Aktionsart« (въ сборника Streitberg Festgabe — Leipzig, 1924), като преценява откъмъ точность господствуващето опредѣление на свършенъ и несвършенъ видъ, земайки за образецъ Лескиновото му формулиране, сѫщо намира, че това опредѣление не може да обгърне всички случаи. Той вижда сѫщественото на перфективния глаголъ въ »отбелязването завършека на единъ моментъ въ извършването на действието«; по този начинъ той иска да примири съ традиционното название и случаитѣ на начинателна

перфективность, въ които вижда пакъ завършекъ — »на началния моментъ«. Но и по такъвъ начинъ едва ли могатъ да се обхванатъ напр. случаитѣ съ ингресивнитѣ глаголи (»да понеса куфара«, »да поведа дружината«, »да попѣе пѣтелътъ« и др.); па дори и въ чисто начинателнитѣ (инхоативни) глаголи възможно ли е представата да съдържа единъ — първия моментъ, който да се схваща съ своя завършекъ, когато въ сѫщность ние не можемъ (въ представата си) да отдѣлимъ този моментъ отъ неразделно свързанитѣ съ него следващи моменти? — Напр. нима въ израза »ще заходя на Витоша« се отбелязва завършека на началния моментъ отъ първия ми излетъ? — Че това не е тъй, показватъ и самитѣ употрѣби: не казваме, напр., »утре ще заходя на Витоша«, а казваме »отъ утре ще заходя на Витоша«. Явно е, че глаголната представа съдържа началния моментъ не съ отбелязанъ завършекъ, а напротивъ — съ ярко подчертана неразривната му свързаность съ редица следващи моменти отъ действието; последнитѣ, наистина, не сѫ много на брой, защото, — да си послужа съ израза на Лескина — нашиятъ Blickpunkt des Bewußtseins е запълненъ главно съ началния моментъ, поради което следващитѣ задъ него се виждатъ въ перспектива; но важното е, че тукъ *завършекъ* не се отбелязва. — Още по-ясно полчава туй при начинателния глаголъ заседя: че тукъ не си представяме началния моментъ съ завършека му, най-добре ще разберемъ, като сравнимъ значението на този глаголъ съ значението на моменталния глаголъ седна; въ него началниятъ моментъ ни е даденъ несъмнено съ завършека си, защото този моментъ е единственъ — и начало и край; ако и въ заседя бѣ сѫщото, то следва че значенията на двата глагола ще съвпаднатъ. А може ли да смѣтаме, че »да седна« и »да заседя« съвпадатъ по значение? — По никой начинъ. Разликата е, че въ заседя началния моментъ ни е даденъ безъ отбелязанъ завършекъ. — Следователно, ингресивнитѣ и начинателни глаголи не могатъ да се обхванатъ съ названието »свършенъ видъ«[1]). Трѣбва, прочее, да се потърси друго название, което да отговаря на съответното понятие днесъ — при днешния развой на видовитѣ значения въ славянскитѣ езици.

[1]) А. Беличъ въ цитуваната статия разглежда въпроса за видовитѣ значения относно сърбо-хърватскитѣ глаголи, при уговорка, че казаното за тѣхъ би могло да важи и за глаголитѣ въ други славянски езици.

Но тогазъ кое название би било умѣстно? — За да си отговоримъ, трѣба да потърсимъ онзи характеренъ белегъ, възъ основа на който се прави самия дѣлежъ на видовитѣ значения, и който, както казахме, не е свършеностьта на действието. Този белегъ ще ни подскаже и названието.

Ако изредимъ по възможность повече разновидности на глаголнитѣ представи, ще имаме следнитѣ случаи:

1) Глаголната представа съдържа действието [1]) въ течение на самото му произвеждане, но не съдържа момента когато е почнало, или когато ще свърши: п и ш а; п ѣ я. Графичниятъ образъ на такава представа бихме дали като геометрична линия, на която ни началото, ни края въ пространството, сѫ дадени (фиг. 1);

2) Глаголната представа обхваща действието въ цѣлия му развой — съ началото и свършека му: »Да к у п я хлѣбъ«; »да п р о ч е т а книгата«. Графичниятъ образъ е геометрична отсѣчка, сир. линия, ограничена въ началото и края си (фиг. 2);

3) Представата обхваща непродължително действие, дадено съ началото и края си, който край, обаче, не представя резултатенъ завършекъ; »да п о г о в о р и м ъ«; »да п о ч е т е м ъ«. Граф. образъ е малка отсѣчка (фиг. 3);

4) Представата съдържа началото на действието, заедно съ малка часть отъ неговото протичане, но безъ края му: да з а г о в о р я, да з а ч е т а. Графичниятъ образъ — геометриченъ лѫчъ, ограниченъ откъмъ началото (фиг. 4);

5) Представата съдържа крайната часть отъ действието, заедно съ самия завършекъ, а не съдържа началото: да д о ч е т а; да д о н е с а нѣщо. Графич. образъ — лѫчъ, ограниченъ откъмъ края си (фиг. 5);

6) Въ представата завършекътъ е даденъ следъ крайния моментъ на едно приeто за нормално, времетраене на действието: да п р е х о д я (»преходилъ та се преуморилъ«) — сир. да ходя п р е к о мѣрката; да п р е н о с я дрехитѣ [2]), сир., да ги нося повече време отъ обичайното. Графичниятъ образъ — от-

---

[1]) Ние ще разгледаме примѣри главно съ глаголи, които означаватъ действие — не и състояние, защото при действието намираме въ повече разновидности глаголнитѣ представи.

[2]) Тукъ и двата глагола се явяватъ въ неповторителния си смисълъ, въ какъвто сѫщо се употрѣбяватъ — когато не сѫ съ ц е л е п о с о ч н о т о с и з н а ч е н и е.

сѣчка, на която крайната граница стои отвждъ дадена точка на чертата (фиг. 6)[1];

7) Представата съдържа само единъ моментъ отъ действието, при което само моментнитѣ действия се даватъ цѣли: седна, стана, грѣмна, тласна; а отъ немоментнитѣ се дава само частица моментъ: чукна (когато става въпросъ за отдѣлно чукане при дробното действие »чукамъ«). Графичниятъ образъ тукъ представя точка (фиг. 7).

Въ всички случаи до тукъ става дума за единно, неповтарящо се действие. Нека сега видимъ случаитѣ съ повтарящо се действие.

А. Представата съдържа редица повторения на едно действие, но безъ началото и края на редицата, сир. първото и последното отъ единичнитѣ изпълнения не сж дадени. — Тукъ различаваме нѣколко случая.

А I. Редицата се състои отъ отдѣлни цѣлостни изпълнения на повтарящето се действие, дадени всѣко едно съ началото и края си: »Ходя на църква«; »често бивамъ на театъръ«; »сегизъ-тогизъ купувамъ по нѣкой вестникъ«; »идвамъ въ София«. Графичниятъ образъ представя редъ отъ отсѣчки (фиг. А I) — всѣка една отъ които не е друго, освенъ отсѣчката въ фиг. 2[2]).

---

[1]) Тия случаи не бива да се смѣсватъ съ случаи, като напр. да препаля (»нашата печка гори добре, когато й слагаме по малко гориво; но когато я препалимъ — мирише«). Тукъ префиксътъ означава вече не края на времедействието, даденъ относно границата на приетата за нормална, трайность, а степеньта на силата на действието, дадена относно известна, приета за нормална, степень на силата: да препаля ще рече »да напаля прѣко мѣрката силно«, дето »мѣрката« е — нормалната степень. Прочее префиксътъ въ случая се явява съ модално значение — отъ областьта на времето е миналъ къмъ областьта на начинитѣ. Но и въ това »пето измѣрение« на действието, той бележи пакъ границата, дадена относно нормалната граница, нормалната степень.

[2]) Не трѣбва, разбира се, да изпускаме изъ предвидъ, че най-често въ формата на повторително-имперфективния глаголъ — особено що се отнася до сегашното време — се означава не само казаната редица отъ отдѣлни единични изпълнения на действието, а и единичното изпълнение въ течение на самото му протичане — безъ границитѣ; напр. »купувамъ хлѣбъ« може да означава и само едно единично купуване (»сега, въ този моментъ, купувамъ хлѣбъ«); кога е почнало купуването и кога ще свърши — не се дава въ представата. Съ други думи, освенъ редицата отсѣчки въ фиг. AI, съ сжщата повторителна форма се означава и неограничена часть отъ срѣдата на една отъ тия отсѣчки — онази, въ която се намира точката (s) на момента »сега«: :...▬▬|▬▬...:. (s) Това ще рече, че сегашното време на повторителния по форма

А II. Редицата се състои отъ отдѣлни повторения на непродължително, недостигащо резултатъ действие, дадено съ началото и края си: »Обичамъ да си попивамъ«; »обичамъ да поговорвамъ на такава тема«. Граф. обр. (фиг. А II) — редъ отъ кѫси отсѣчки, сѫщи като отсѣчката въ фиг. 3. Формитѣ, съ които се означава този видъ повторит. действие, сѫ неприспособими за означаване единично изпълнение на действието: това сѫ чисто повторителни форми.

А III. Редицата се състои отъ отдѣлни начевания на повтарящето се действие: »заговорвамъ на разни теми«; »заигравамe«. Графич. образъ (фиг. А III) представя редъ отъ лѫчове ограничени въ началото — сѫщи като лѫча на фиг. 4.

А IV. Редицата се състои отъ отдѣлни довършвания (крайници) на повтарящето се действие: »дописвамъ писмата си«; »не допивамъ чая си«; »занасямъ писмата«. Граф. образъ (фиг. А IV) представя редица лѫчове, ограничени откъмъ края — сѫщи като лѫча въ фиг. 5.

А V. Представата съдържа редица отъ отдѣлни изпълнения на действието, всѣко едно отъ които е дадено съ началото и завършека си, който стои следъ крайния моментъ на приетото за нормално времетраене на действието: преходвамъ; преяждамъ; препивамъ. Графич. образъ представя редъ отъ отсѣчки, всѣка отъ които представя отсѣчката на фиг. 6 (фиг. А V.)

А VI. Редицата се състои отъ отдѣлни изпълнения на мо-

глаголъ може да се употрѣбя и съ значение неповторително — като въ точка 1).

Повторителната форма се употрѣбя и при бѫдещето и миналото време на глаголитѣ освенъ за означаване редицата повторения още и за означаване на едно само единично изпълнение (неограничено, въ течение на неговото протичане) — новече съ известна отсѣнка на неопредѣленость въ представата; напр. »ще купувамъ хлѣбъ« въ смисълъ, че »веднажъ ще купя«; »купува ли хлѣбъ?« въ смисълъ »купи ли«. Ясно е, че въ тия случаи действието не се опредѣля тъй точно, както въ съответнитѣ еднократни форми »ще купя хлѣбъ« или »купихъ хлѣбъ«. Тази неопредѣленость се дължи на това, че при тия повторителни форми, като се подразбира реализуването само на едно отъ повторенията съдържащи се въ глаг. представа, не се посочва кое тъкмо. Въ сегашното време никаква неопредѣленость нѣма, защото тамъ точно се посочва кое отъ повторенията се реализува: онова, въ което се намира точката на момента »сега«. — Казаното е еднакво въ сила и досежно сложнитѣ повторит.-имперфективни основи: напр. прочитамъ веднажъ книгата.

Сравнителната неопредѣленость — не само у повторителнитѣ, а изобщо у имперфективнитѣ глаголи — е, която кара да се образува отрицателното повелително наклонение (»запретително наклонение«) само отъ имперфективнитѣ форми на глаголитѣ.

ментно действие: »с к о к в а м ъ«, »ч у к в а м ъ«[1]) Граф. образъ (фиг. А VI) е редъ отъ точки, сжщи като точката въ фиг. 7.[2])

Б. Представата съдържа редица повторения, дадена съ началото и края си — сир., съ първото и последното отъ единичнитѣ изпълнения. »Ще и з х о д я горитѣ и планинитѣ«, »ще и з х в ъ р л я м ъ всичкитѣ си непотрѣбни вещи«. Графичниятъ образъ е даденъ въ фиг. Б.

В. Редицата представя малка часть отъ повторенията на многократното действие, дадена пакъ съ началото и края си, само не достигаща резултатенъ завършекъ: »Да п о х в ъ р л я м е заровeтѣ«; »да п о х о д и година-две на училище«. Граф. образъ е даденъ въ фиг. В.

---

[1]) Нека не се смѣсва такава редица отъ отдѣлни с а м о с т о й н и изпълнения на моментно действие съ редицата моментни ч а с т и ц и на дробно неповторително действие — напр., ч у к а м ъ; при действието »чукамъ« отдѣлнитѣ удари сж дробни части отъ цѣлото, гжсто и правилно следващи едно подиръ друго, на които графичниятъ образъ представя гжста редица отъ точки: .... Съ префикса и з- напр., и з ч у к а м ъ, тази редица точки добива следния видъ: |..................|; въ повторителна форма, и з ч у к в а м ъ — следния: |............| |............| |............| .... Това сж съответно сжщитѣ графични образи, като въ фиг. 1, 2 и А I, само че чертата е раздробена.

[2]) Итукъ ще повторимъ забележката къмъ точка А I — че повторителната форма се употрѣбя и з а е д и н и ч н о и з п ъ л н е н и е, при което ние си представяме действието неограничено — въ течение на самото му произвеждане — при все че въ действителностьта то трае най-често само единъ моментъ; напр. »Ето, той сега с к о к в а« (разбира се единъ пжть). Сжщото се отнася и до точка А III, А IV и А V. Изключение прави само А II. Тази гъвкавость на повторителната форма да се приспособява и за неповторително действие е, която кара едни отъ ученитѣ да смѣтать повечето отъ сложнитѣ повторително-имперфективни основи »трайни« (Миклошичъ, Фортунатовъ, Meillet), а други — »повторителни« (Ульяновъ, Leskien).

Такава гъвкавость иматъ глаголитѣ, напр. въ нѣмския, само че тамъ формата е приспособена да означава двѣтѣ главни видови значения — перфективно и имперфективно; а за повторително действие въ нѣмския безъ друго се прибѣгва до описателни срѣдства (като наречията öfters, manchmal и др.). — Но въ такъвъ случай трѣба ли да наричаме тия основи »повторителни«, когато тѣ се явяватъ и като трайни? — Да, защото въ повечето форми на глаголитѣ тѣ се явяватъ повторителни. Само въ сегашно време изявително наклонение тѣ се употрѣбятъ толкова като трайни колкото и като повторителни; въ бжещето и миналото времена тѣ се употрѣбятъ неповторително само въ ограничения брой случаи съ специаленъ смисълъ на неопредѣленость; а въ ония глаголни форми, при които означаваното действие или състояние не сж дадени съ о т н о с и т е л н о т о си време (сир. времето на действието дадено въ отношение къмъ момента »сега«), та а б с о л ю т н а т а и м ъ с т о й н о с т ь в ъ в р е м е е изолирана и въ чистъ видъ, тѣ се явяватъ съ чисто повторителната си природа. Такъвъ е случая съ подчинителната форма; напр. въ изразитѣ »поржчахъ му да к у ч у в а«, »научихъ го да п р о ч и т а«, »съветва ме да и з л и з а м ъ« и т. н., глаголътъ не може да се възприема неповторително.

Г. Представата съдържа малка часть отъ редицата повторения, дадена съ началото, но не и съ края си: »ще заходя«; »отъ утре ще си закупуваме хлѣбъ«. Графичния образъ въ фиг. Г.

Д. Представата съдържа само последната часть отъ редицата повторения, дадена съ завършека си: »ще доходя до край«»ще си дохвърляме заровет̃ѣ, па тогазъ ще излѣземъ«. Граф. образъ въ фиг. Д.

Фиг. 1) Пиша, пѣя.
2) Ще купя хлѣбъ. Ще прочета книгата.
3) Ще почета. Ще поговоримъ.
4) Ще заговоря. Ще зачета. Ще понеса куфара къмъ гарата.
5) Ще донеса. Ще допиша писмото.
6) Ще преходя. Ще пренося дрехитѣ.
7) Ще седна. Ще трепна. Ще чукна.

А I Ходя на църква. Купувамъ. Бивамъ на театъръ.

А II Поговорвамъ. Попѣвамъ си.

А III Заговорвамъ на разни теми. Заиграваме.

А IV Дописвамъ писмата си. Занясамъ писмата на пощата.

А V Преходвамъ. Преносвамъ.

А VI Свѣтва. Трепва.

Б. Ще изходя горитѣ и планинитѣ. Ще изхвърлямъ непотрѣбнитѣ си вещи.

В. Ще походя на училище; ще похвърляме заровет̃ѣ.

Г. Ще заходя на училище. Ще си закупуваме готовъ хлѣбъ.

Д. Ще си дохвърляме заровет̃ѣ.

Отъ всички тия разновидности на глаголната представа случаитѣ въ фиг. 1 и фиг. АІ, ІІ, ІІІ, IV и V представятъ несвършенъ видъ, а въ всички останали — свършенъ. Разгледаме ли

двата вида фигури, ще видимъ, че характерната особеность, която отличава първия видъ отъ втория, е, че навредъ въ фигуритѣ на свършения видъ съдържащето се въ представата действие — било то повторително или не — е дадено или съ границитѣ си (фиг. 2, 3, 6, Б и В), или най-малко съ една отъ границитѣ си въ времето: било съ началния моментъ (фиг. 4 и Г), било съ крайния (фиг. 5 и Д), било, найсетне, съ всичко единъ моментъ (фиг. 7), който представя началото и края слѣти въ едно, и въ сѫщность може да се вземе за частенъ случай отъ фиг. 2. Напротивъ, въ фиг. 1) не си представяме ни началния моментъ, ни крайния; въ фигуритѣ AI, II, III, IV и V, на редицата отъ отдѣлни извършвания на многократното действие сѫщо не сѫ дадени ни началното, ни последното извършване: ходътъ на многократното действие е даденъ неограниченъ. Оттукъ тъкмо виждаме, че белегътъ, който отличава свършения отъ несвършения видъ глаголни представи, е ограничеността, предѣлностьта на съдържащето се въ представата действие. А оттамъ и названията, които да отбелязватъ присѫтствието или липсата на този белегъ, биха могли да бѫдатъ предѣленъ и непредѣленъ видъ на глагола: — verba limitativa и verba illimitativa [1]). (Азъ, обаче, ще продължа да употрѣбямъ традиционнитѣ названия, защото съ тѣхъ сме свикнали.)

Следъ това отклонение ние можемъ да се върнемъ къмъ главния въпросъ: защо навредъ, заедно съ промѣната на префиксовото значение отъ пространствено въ темпорално, се промѣня и видовото значение на сложнитѣ основи, получени отъ съчетаването съ префикси на ония прости повторителни основи, които изброихме на стр. 3.

---

[1]) Несполучливостьта на традиционнитѣ названия свършенъ и несвършенъ видъ е изтъквана не отъ едного. Уляновъ въ »Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ« употрѣбя навредъ названието »длительныя« и »недлительныя« основи. Обаче, туй название се схваща повече въ квантитативния му смисълъ, а квантитативниятъ дѣлежъ тукъ не отговаря напълно сполучливо на отдѣлнитѣ случаи, защото въ нетрайната основа купя, напр. при израза »да купя кѫща«, трайностьта е много по-дълга, отколкото при трайната основа пиша при »пиша телеграма« напр. — Фортунатовъ предлага название »опредѣленъ« и »неопредѣленъ« видъ, но то е несполучливо затова, защото думата »опредѣленъ« въ днешното си обезпредметено съдържание не съдържа вече белега предѣлъ, а значи изобщо »изясненъ«.

Известни сѫ следнитѣ две правила за перфективацията на глаголитѣ въ ст.-български: 1) Ако свържемъ съ префиксъ основа отъ траенъ, сир. неповторително-имперфективенъ видъ, получената сложна основа добива перфективно значение: нести — изнести, писати — написати и т. н. 2) Ако свържемъ съ префиксъ основа повторително-имперфективна, въ получената сложна основа се запазва имперфективното значение: даꙗти — прѣдаꙗти, двизати сѧ — подвизати сѧ, ходити — въсходити, носити — приносити, водити — изводити и т. н., а оттамъ имперф. значение иматъ и образуванитѣ по аналогия производни основи, чиито форми срѣщаме само въ префиксни съчетания, като: възлагати, нарицати, иститцати и др. (Форми *лагати, *рицати, *тицати не сѫществуватъ въ ст.-български).

За отклоненията отъ тия правила ще говоримъ после.

Защо префикситѣ въ ст.-български перфективизуватъ съчетанията си съ неповторителнитѣ имперфективни основи, а тия съ повторителнитѣ не перфективизуватъ? — Префикситѣ, както знаемъ, преди да бѫдатъ такива, сѫ били самостойни наречия, а по-късно — предлози; и като такива, означавали сѫ изпърво отношение къмъ известенъ предметъ или изобщо мѣсто въ пространството; по-сетне сѫ разширявали употрѣбата си и сѫ почвали да означаватъ и отношение къмъ времето, а още по-късно — и причинно отношение [1]). И като префикси по-късно, тѣ изпърво означаватъ отношение на действието къмъ пространството; трѣба да предполагаме, че тѣ въ самото начало сѫ почнали да се свързватъ съ глаголи, означаващи най-ярки пространствени действия — движения (а после по аналогия сѫ почнали да се свързватъ и съ други глаголи); като свързвали действието съ известно мѣсто, пространственитѣ префикси сѫ внасяли въ глаголната представа и образа на самото мѣсто; съчетани съ проста основа, означаваща неповторително, трайно действие, извиканиятъ образъ на мѣстото се свързва съ единъ отдѣленъ моментъ отъ действието (защото въ тия първични съчетавания съ пространствено-двигателни основи, движещиятъ се субектъ или обектъ се намира въ означеното мѣсто

[1]) Напр. предлогътъ за изпърво е означавалъ »задъ« (»за мъноѭ«), по късно — и »следъ« (»за мъногимъ лѣтомъ«); а днесъ вече и »поради« (»това направихъ за тебе«; »Защо«? »З а т о в а«) — целепричинно отношение.

само въ даденъ моментъ отъ движението си; въ другитѣ моменти той е на други мѣста: нали се движи?). Оттова и въ глаголната представа изпъква тъкмо този моментъ, който се свързва съ казаното мѣсто. — Напр., въ формата з а н е с е ш ъ префиксътъ означава, че ще »несешъ« предмета на онова мѣсто, което се намира з а д ъ мѣстото, на което стоя азъ, говорещиятъ, или пъкъ ти, действуващиятъ субектъ; въ представата ни действието възниква свързано съ това »задно« мѣсто, — а съ него се свързва само единъ моментъ отъ действието — момента, въ който то се върши тамъ, на сжщото мѣсто; но този моментъ е последния моментъ отъ действието, крайната граница на времедействието; тази тъкмо граница се очертава въ глаголната представа и й придава п р е д ѣ л е н ъ, »с в ъ р ш е н ъ« видъ. При нѣкои префикси означаваното мѣсто се свързва не само съ единъ, а съ редица моменти, па и съ цѣлото време на действието. Изобщо отъ префикса зависи дали ще имаме единия предѣленъ моментъ, или и двата. Напр., формитѣ да з а н е с а и да д о н е с а даватъ крайния моментъ, защото означаватъ мѣстото, въ което се довършва носенето; да п р е н е с а или да п р о н е с а, ще рече, да нося предмета п р е з ъ известно мѣсто, а въ този случай азъ въ всички моменти отъ действието се намирамъ п р е з ъ това мѣсто, — въ различнитѣ му пунктове, и затова представата съдържа цѣлото времедействие; то е о г р а н и ч е н о съ началото и края си, защото трае само презъ времето докато носимъ предмета п р е з ъ казаното мѣсто; последното дава пространственитѣ предѣли на действието, а тѣ съвпадатъ съ двете границы на времедействието.

До тукъ ние разглеждаме примѣри съ пространствени префикси. Последнитѣ, както казахме, перфективизуватъ съчетанията си съ неповторителнитѣ основи затуй, защото, бележейки мѣсто отъ пространството, тѣ косвено бележатъ и моментъ (или моменти) отъ времедействието, и по този начинъ слагатъ граница или граници на последното. Но значенията на много отъ префикситѣ, по общитѣ закони за развоя на значенията, еволюиратъ, като минаватъ отъ областьта на пространството и въ областьта на времето. Напр., префиксътъ д о-, докато изпърво означава крайния п у н к т ъ отъ линията на движението въ пространството, (д о н е с а), по-късно почва да означава и само крайния м о м е н т ъ отъ времето на какво да е действие или състояние б е з ъ в е ч е д а о з н а ч а в а мѣсто: да д о ч е т а,

да договоря, да доспя; из-, следъ като въ изнеса означава, че ще нося нѣщо до онзи пунктъ отъ линията на движението въ пространството, въ който носениятъ предметъ излиза вече извънъ вмѣстилището, дето е билъ по-рано, — сѫщиятъ префиксъ въ изтърпя, напр., означава вече моментъ отъ състоянието, въ който излизамъ извънъ времето на това състояние — сир. граничния моментъ на последното.[1]) И разбира се, ако пространствения префиксъ перфективизува неповторителното действие, защото бележи косвено гранични моменти отъ времето на сѫщото, то темпоралния префиксъ ще перфективизува това действие още по-лесно, защото той бележи такива моменти не косвено, а прѣко, безъ участието на пространствения факторъ.

2) Когато пространственъ префиксъ свържемъ съ основа повторителна, неговото значение се отнася до всѣко единично изпълнение на действието и оказва върху всѣко сѫщото влияние, както върху действието на трайнитѣ глаголи, сир., извиквайки представа за дадено мѣсто, отбелязва и нѣкой моментъ (началния или крайния или двата) на всѣко едно отъ тия отдѣлни единични изпълнения отъ повторителната редица, съ което очертава границитѣ (въ време) на тѣзи отдѣлни повторения; обаче, самата редица си остава неограничена, сир. кога е началото ѝ, или края ѝ, — не е дадено, затова глаголнага представа отъ получената сложна повторителна основа бива въ непредѣленъ, »несвършенъ« видъ: откупувамъ, пропадамъ, възставамъ, предавамъ, ст.-българскитѣ заношѫ (въ нѣкогашното му пространствено значение, »занасямъ«), изхождѫ (»излизамъ«), привождѫ (»привеждамъ«, »довеждамъ«) и т. н.

---

[1]) Разбира се, не при всички префикси може тъй ясно да се види, какъ става преходътъ на значенията. Напр. въ занеса префиксътъ означава пунктъ отъ линията на движението въ пространството, който се намира задъ мѣстото на което седя; въ заговоря сѫщиятъ префиксъ означава, обаче, начало на говоренето. — Преходътъ, безъ съмнение, тукъ не е станалъ направо, защото имаме две далечъ не сродни значения. Може би като посрѣденъ мостъ е послужила формата »да се заговоря« или »да заговоря нѣкого«, при което префиксътъ пази пространственото си значение: »да го заговоря« = да го премѣстя *задъ* площьта, която дѣли »пространството на мълчанието« отъ »пространството на говоренето«. Тази площь е граница между мълчанието и говоренето; моментътъ, въ който азъ я прескачамъ (и за който загатва префиксътъ) е граница между времето на мълчанието и това на говоренето: той е край на мълчанието, но начало на говоренето, — оттамъ и начинателното значение на префикса

— Да речемъ, че днешната повторителна основа [1]) хвърля-свържемъ съ пространственъ префиксъ — напр. префикса за- въ пространственото му значение (»задъ«): — »Захвърлямъ непотрѣбнитѣ си вещи«. Тукъ префиксътъ се отнася поотдѣлно къмъ всѣко единично изпълнение отъ повторителната редица, сир. захвърлямъ — .... захвърля — захвърля + захвърля .... Това става тъй, защото префиксътъ за- тукъ извиква представа за мѣстото »задъ мене«, въ което хвърлямъ вещитѣ; а това мѣсто се асоциира не съ единъ моментъ, а съ последния моментъ на всѣки единъ отъ единичнитѣ хвърлеи, защото при всѣки отъ тѣхъ хвърления предметъ отива все »отзадъ«; следователно, и въ нашето съзнание ще възникне представа за такава редица повторения, въ която трайностьта на всѣко едно отъ тѣхъ е ярко ограничена откъмъ края, обаче, редицата е неограничена. Графичниятъ образъ на таказа представа е:

.... ——| ——| ——| ——| ——| ....

Така е съ пространственитѣ префикси. Но когато и при повторит. основи много отъ префикситѣ въ по-ново време добиятъ покрай пространственитѣ си значения още и значения темпорални, работата се измѣня.

Когато съединимъ една проста повторит. основа съ префиксъ темпораленъ, [2]) тогава се явяватъ следнитѣ два случая:

а) Простата основа е самостойна, сир. и безъ префиксъ може да образува глаголни форми, напр.: ходи-, носи-, дава-, става-, купува-, хвърля- и т. н. Ако такава основа свържемъ съ темпораленъ префиксъ, тогава той бележи не мѣсто, а моментъ отъ времето — вече на цѣлата редица повторения, защото той се отнася къмъ онова действие, което се изразява отъ простата основа; а понеже тя е повторителна, та нейното значение представя редица повторения, то префиксътъ се отнася къмъ тази тъкмо редица, и бележи или началото ѝ, или края, или и двата предѣлни момента, като по такъвъ начинъ я ограничава, дава ѝ предѣленъ, »свършенъ« видъ. Например нека вземемъ форма, образувана отъ сѫщата основа хвърля-, пакъ съ префикса за-, но вече при тем-

[1]) Поради това, че въ повечето случаи ще се разглеждатъ примѣри отъ новобългарски, азъ ще вземамъ не инфинитивнитѣ, а сегашнитѣ основи на глаголитѣ.

[2]) Сир. префиксъ съ темпоралното му значени е; защото особени форми за префикси съ такова значение, поне до днесъ, нѣмаме: имаме общи префиксни форми, много отъ които, освенъ въ пространственото си значение, се явяватъ и съ темпорално.

поралното му значение: захвърлямъ. Въ това си значение префиксътъ бележи начало на времедействието; отнасяйки своето значение къмъ значението на основата, той бележи началото отъ времето на онова действие, което се изразява въ нея; а това действие представя редица повторения (. . . хвърля + хвърля + хвърля . . .); префиксътъ бележи, прочее, началото на тази редица повторения — ограничава я откъмъ началото. Той се явява единъ видъ като коефициентъ предъ скобитѣ на многочлена, съдържащъ се въ простата повторителна основа, сир. захвърлямъ = започна да (хвърля + хвърля + хвърля... Графичниятъ образъ на такава представа е: [——— ——— .... Сѫщиятъ, който имаме въ фиг. Г. на стр. 12.

По сѫщия начинъ издавамъ, редомъ съ старото си пространствено-имперфективно значение (»издавамъ викове«), добива и перфективно — при темпоралното значение на префикса, — и тогава значи »да давамъ до край« (»ще давамъ докато всичко издавамъ и нищо не остане за мене«); — закупувамъ редомъ съ старото си простр.-имперфективно значение (»закупувамъ храни«) добива и темпор.-перф. значение: (»отъ утре ще си закупуваме хлѣбъ«, сир. не ще си мѣсимъ вече).

б) Друго е при несамостойнитѣ прости основи, сир. ония образувани по аналогия основи, които сѫществуватъ само въ съчетания съ префикси, а сами не образуватъ лични форми, като напр. проститѣ основи въ глаголитѣ: забива (камбана), заплитамъ, дочитамъ, попѣвамъ си, заяждамъ и т. н.; тукъ и да има префиксътъ значение темпорално, видовото значение на сложната основа си остава имперфективно, защото значението на префикса не може да се отнесе къмъ редицата повторения на простата основа, тъй като последната не извиква представа за такава редица: сама тя не извиква никаква представа; напр. темпоралното заплитамъ (»почвамъ да плета«), за да има перфективно значение, трѣба за-, което означава началото на действието, да се отнесе къмъ редицата повторения, представата за която се извиква у насъ отъ глагола при простата основа *плитамъ; но при тази основа глаголътъ не извиква у насъ никаква представа за редица повторения: той е звукосъчетание безъ значение [1]). Редица повторе-

---

[1]) Поне изявително; защото тази неизхлупена изъ префиксната черупка форма, нестѫпила на двете си нозе да изрази положителна действителность, изразява условна: »плитамъ ти цѣлъ день, стига да има кой да шета заради мене«.

ния може да означава той, но ако не се отдѣля отъ него префиксътъ, което ще рече, префиксътъ да не излѣзе предъ скоби, а да си остане като частенъ коефициентъ при всѣко единично действие, или: заяждамъ = ... заямъ + заямъ + заямъ...[1]). А това значи, че префиксътъ, макаръ и темпораленъ, ограничава времедействието на всѣко отдѣлно изпълнение отъ повторителната редица на сложната основа, а самата редица си остава неограничена — както при пространственитѣ префикси.

Благодарение на това тъкмо свойство на несамостойнитѣ основи — неотдѣлимостьта на префикса отъ тѣхъ, — се образуватъ въ езика съответни сложни имперфективни форми и срещу сложнитѣ перфективно-повторителни съ темпорално значение на префикса, — като се използува пакъ аналогията за образуване производни основи; напр. срещу днешното заходя (»на училище«) — заходвамъ, срещу заскачамъ (»почна да скачамъ«) — заскачвамъ, срещу закупувамъ (»почна да купувамъ«) — закупуввамъ, и т. н. Полученитѣ чрезъ тая имперфективация нови производни основи представятъ вече *повторителни отъ II степень.*

Има, обаче, една категория самостойни повторит. основи, съчетанията си съ които и темпоралнитѣ префикси не напълно перфективизуватъ. Това сѫ ония производни срещу перфективнитѣ основи означаващи моментна часть отъ раздробено неповторително действие, съчетанията на които основи съ темпор. префикси съвпадатъ по форма съ други, сѫществуващи отъ порано, темпорално-префиксни съчетания, съ имперфективно значение. Така напр. новата повтор. основа свѣтва- (срещу перф. свѣтне-) съ темпоралния префиксъ за- образува засвѣтва-, съвпадаща съ производната (срѣщу сложната перфективна засвѣти-) имперфективна основа засвѣтва-, която е по-стара и затова нейното имперф. значение — поне за днешно време — надделява. А по-стара е тя, защото производнитѣ срещу перфективнитѣ безпрефиксни основи на -не- сѫ

[1]) Че това е наистина така, — че префиксътъ въ случая се явява повторителенъ, сир. повтаря се предъ всѣко единично изпълнение отъ повторителния редъ, показва и описателния глаголъ, съ който превеждаме значението на темпоралния префиксъ; този глаголъ е повторителенъ: заплитамъ = »*започвамъ* да плета«. А при самостойнитѣ основи той е еднократенъ: заходя = »*започна* да ходя«.

образувани въ по-ново време [1]). До съвпадането се е дошло тъй: изпърво срещу по-старата, сложна перфективна основа засвѣти- нѣкога се е образувала съответна производна засвѣтюва-; по-късно срещу новата перфективна свѣтне- се е образувала съответна имперфективна свѣтнува-; тъй щото получило се е отъ една страна несамостойната основа *свѣтюва-[2]), отъ друга — самостойната свѣтнува-; по правилото, несамостойната съ темпораленъ префиксъ образува имперфективни глаголни форми: засвѣтювамъ (»почвамъ да свѣтя«), а самостойната свѣтнува- образува перфективни: засвѣтнувамъ (»почна да свѣтнувамъ«). Но въ по-ново време двет[ѣ] сложни основи се съкращаватъ, като отъ едната отпада частицата -ю,- а отъ другата -ну-, и по този начинъ двет[ѣ] основи, различни по видово значение, се изравняватъ въ обща форма засвѣтва-, съ двойно видово значение, защото пази видовитѣ значения на двет[ѣ] отдѣлни основи, отъ които е получена; тъй щото глаголътъ засвѣтвамъ = »почвамъ да свѣтя« = »почна да свѣтвамъ«. Обаче, преобладава, както казахме, имперфективното значение, защото перфективното е още ново и непривично.

Има случаи пъкъ, когато самостойната повторителна основа се перфективизува и отъ пространствени префикси. То[ва] става когато префиксътъ има сумарно-пространствено значение, сир., бележи не едно мѣсто (пунктъ), а обхваща съвокупността отъ всички отдѣлни пунктове на отдѣлнитѣ повторения на многократно действие. Ако такъвъ префиксъ свържемъ съ основа самостойна тогава става перфективация. Така напр. основата пада- при пространств. префиксъ, когато той е съ единично, пунктуално значение, образува имперф. сложна основа — съгласно правилото: нападамъ, изпадамъ, по-

---

[1]) Когато перфективнитѣ основи на -не- почватъ да се специализуватъ за моментни частици действия и се образуватъ (по аналогия на ст.-българскитѣ свьне-, двигне-, дъхне- и др.) при множество глаголи, при което се е явила нужда и отъ съответни прости имперф. основи за означаване повтарящо се моментно действие, било то самостойно, за което се образуватъ основи на -нува- (напр. свѣтнува-, блѣснува-, лъснува-, трепнува-, треснува-, и т. н.), било когато то е частица-моментъ, и образуваната повторит. редица схващаме като раздробено трайно действие, за каквото сѫ се образували основи на -ка- (свѣтка-, блѣска-, лъска-, трепка- и т. н.).

[2]) Употрѣбима самостойно само въ условно, но не и въ изявително наклонение.

падамъ, пропадамъ и т. н.; сжщитѣ форми и при множествени субекти или обекти, запазватъ имперфективния си смисълъ, ако префикситѣ сж употрѣбени пакъ въ единичното си, пунктуално значение, — напр. »нападамъ враговетѣ си«, »изпадаме въ несгодно положение«, »попадаме въ примката« и т. н. Тукъ имаме обикновено повторит. действие, сир., изпадаме =... изпаднемъ + изпаднемъ + изпаднемъ+.... — защото пунктуалниятъ префиксъ се отнася къмъ всѣко единично изпълнение, — повтаря се предъ всѣки членъ отъ многочлена. Обаче при такива случаи, дето префиксътъ бележи или общата повърхнина, върху която, тъй да се каже, се проектуватъ въ отдѣлни пунктове всички единични падания, или предмета, изъ който се отдѣлятъ всички единични падащи предмети, — става перфективация: »Ще нападатъ ябълки«; »ще попада прахъ«; »ще изпадатъ книгитѣ отъ етажерката«.

Тукъ префиксътъ се явява предъ скобитѣ ограждащи многочлена на повторителното действие:

»Да нападатъ ябълки« — (падне - падне - падне...) на... (подразбира се »на земята«). Сжщото е и въ примѣра »Ще попада прахъ«; така е и при преходнитѣ глаголи: »ще нахвърлямъ дървата въ зимника«.

Перфективното значение въ тия случаи се дължи на това, че префиксътъ, като извиква въ представата повърхнината, обхващаща всички пунктове на падането, чертае цѣлостния образъ на пространствения ефектъ отъ действието, който образъ е пространствена проекция на цѣлото времедействие, съ границитѣ му.

Оттамъ и предѣлния, »перфективенъ« видъ на глаголната представа.

Въ много отъ такивато случаи ние можемъ да употрѣбимъ и глаголи съ неповтор. основа — проста или префиксувана (съ сумаренъ префиксъ): »Ще паднатъ ябълки«, »ще нахвърлишъ дървата«, »всички ще настанатъ прави«. Само че въ такъвъ случай може да си представимъ и че отдѣлнитѣ падания ще станатъ едновременно, а тогазъ действието въ представата ни ще бжде нетрайно. Повторителната основа въ случая вмъква елемента време между отдѣлнитѣ падания на единични предмети, тя разтѣга въ четвъртото ѝ измѣрение пространствената проекция на действието, очертана върху повърхнината на пред-

мета, за която повърхнина загатва префиксътъ; тя *арпеджира* акорда на колективното падане[1]).

Съ примѣра »Ще изпадатъ книгитѣ« е сѫщото, само че тукъ префиксътъ намѣсто да бележи повърхнината, върху която падатъ предметитѣ, бележи предмета, *изъ* който падатъ тѣ и съ отдѣлнитѣ пунктове на който свързваме *началнитѣ* моменти на отдѣлнитѣ единични падания; тия пунктове чертаятъ цѣлостната пространствена проекция на общото времедействие, съ границитѣ му.

По аналогия на тия глаголи съ пространствено-двигателно значение, дето пространственото значение на префикситѣ е напълно ясно, сумарнитѣ префикси се свързватъ и съ други самостойни повторителни основи, съчетанията си съ които сѫщо перфективизуватъ, напр. »да *наскачатъ* всички«, »да *накупувамъ*«, »да *нараждамъ*«, »да *изпродавамъ*«, »да ги *издигатъ* една нощь всички и да ги откаратъ на нова позиция« и др., — дето пространственото значение на префикситѣ е вече замъглено за смѣтка на темпоралното.

По пѫтя на сѫщата аналогия сумарнитѣ префикси почватъ да се свързватъ и съ срѣдния залогъ на непреходнитѣ глаголи, при което пространствениятъ елементъ на префикса е вече изпаренъ и префиксътъ е миналъ къмъ сумарно-темпорално значение: »да се *ходя*« = »да ходя *докато* се наситя«; »да се *наскачамъ*« = »да скачамъ *докато* се наситя«; да *си отходя* = »да ходя до *когато* искамъ« и т. н.

Сумарнитѣ пространствени префикси могатъ да перфективизуватъ обаче, както казахме, само съчетанията си съ самостойнитѣ повторителни основи, защото само при тѣхъ префиксътъ може да излѣзе предъ скобитѣ на многочлена отъ единични изпълнения на действието, и да ги обхване по такъвъ начинъ всички. Не е така при несамостойнитѣ основи. Напр. »*Налавямъ* риба«, »*налъгвамъ*«, »вълкъ *пояжда* стадото«, »*нареждамъ*«. — И тукъ както и при темпоралнитѣ префикси неотдѣлимостьта на несамостойната основа отъ префикса се използва за образуване производни имперфективни основи

[1]) Този примѣръ ясно показва, че и Уляновия дѣлежъ на »длительныя и недлительныя« глаголни основи не разрешава въпроса съ видовитѣ различия въ глаголнитѣ значения: глаголната основа въ примѣра »да *нападатъ* ябълки« може да обхваща една трайность отъ 3 дни (напр. ако е безвѣтрие), а »ябълка *пада*« обхваща трайность дѣе секунди отъ всичкитѣ три секунди на цѣлото действие. Първата глаголна основа е споредъ Улянова нетрайна, а втората трайна.

срещу перфективнитѣ съ сумарни пространств. префикси, като полученитѣ имперф. основи представятъ вече повторителни отъ II степень; напр. срещу »да н а п а д а т ъ« — »н а п а д в а т ъ«, срещу »да н а к у п у в а м ъ« — »н а к у п у в в а м ъ« и т. н.

При все това, има случаи, когато сложната сумарно-повторителна основа при самостойна проста може да има д в о й н о видово значение; напр. основата н а х в ъ р л я- въ случая »Ще нахвърлямъ дървата въ зимника« е перфективна, но въ следния примѣръ тя е имперфективна: »Въ този часъ той нахвърляше първитѣ линии на новата си рисунка«. Въ първия случай префиксътъ излиза предъ скобитѣ ограждащи арпеджирания акордъ на хвърлянето, а въ втория той се повтаря като частенъ коефициентъ на всѣки членъ, поради което в с ѣ к и ч л е н ъ о т д ѣ л н о п р е д с т а в я н е е д и н и ч е н ъ х в ъ р л е й, а с у м а р н о с т ь:

нахвърлямъ = ... нахвърля — нахвърля + нахвърля ... =
= .... (хвърля + хвърля + хвърля) + (хвърля +
+ хвърля — хвърля) — (хвърля — хвърля + хвърля) ....

А става тъй въ втория случай, защото повторителната сложна основа н а х в ъ р л я- се усѣща като производна на неповторителната сложна н а х в ъ р л и-, сѫщо сумарна. Влиянието на последната е причина за имперфективностьта въ дадени случаи на първата. — Така е и случая съ р а з х в ъ р л я м ъ, а и при други глаголи; имперфективното имъ значение можемъ да схванемъ най-ясно, когато изговоримъ повторителния глаголъ следъ неповторителния; напр. да н а р о д я — н а р а ж д а м ъ; д а н а к у п я — н а к у п у в а м ъ; д а н а с к о ч и м ъ — н а с к а ч а м е.

Тамъ дето не сѫществува съответна неповторителна сумарна основа, повторителната е чисто перфективна: »да н а п у с к а м ъ трохи по земята«; »да н а п а д а т ъ ябълки« (защото »да н а п у с т н а т р о х и« и »да н а п а д н а т ъ ябълки« не се казва).

Сѫщото важи въ известна степень и за темпоралнитѣ префикси: сложната повторит. основа, макаръ съставена отъ префиксъ и самостойна проста, понѣкога бива не чисто перфективна, а съ двойно видово значение; така е при случаитѣ когато сложната повт. основа има съответна неповторителна; напр. глаголътъ д о к у п у в а м ъ, ако го изговоримъ следъ съот-

ветния му неповторителенъ д о к у п я, ще го схванемъ имперфективно; сѫщото е и съ д о р а ж д а м ъ — срещу д о р о д я:

дораждамъ = ... дородя + дородя + дородя + ...

А перфективното значение бѣ:

дораждамъ = (родя + родя + родя . . .) до край.

Само че тукъ имперфективното значение се схваща съ известно усилие — необходимо е изговарянето на глагола при повторит. основа следъ този при съответната неповторителна. Преобладаващо е перфективното значение.

Двойно видово значение, обаче, не може никога да сѫществува при начинателния префиксъ з а-, защото ония сложно-повторителни основи, въ които той е свързанъ съ с а м о с т о й н а п р о с т а о с н о в а, нѣматъ съответни сложно-неповторителни, които да влияятъ върху видовото значение на сложнитѣ повторителни [1]). — Така напр. срещу темпоралното з а к у п у в а м ъ нѣмаме з а к у п я (»почна да купя?«); — срещу з а н о с я, з а в о д я, з а х о д я, з а л а з я, з а в л а ч а не сѫществуватъ днесъ темпорални з а н е с а (»почна да *неса« [2])), з а в е д а (»почна да *веда«), з а и д а (»почна да ида«) з а л ѣ з а (»почна да *лѣза«) и з а в л ѣ к а (едва съ усилие може да се схване въ смис. »почна да влѣка«). У всички тия глаголи неповторителнитѣ сложни основи и до днесъ пазятъ чисто пространственитѣ значения на префикситѣ си и сѫ съответни на пространствено-повторителнитѣ основи з а н а с я-, з а в е ж д а-, з а х о ж д а-, з а л ѣ з в а-, з а в л и ч а-, — а не на специализуванитѣ за темпорално значение з а н о с и-, з а в о д и- и т. н.; — срещу темпор. з а с ѣ д а м ъ нѣмаме темп. з а с е д н а (»почна да седна?«), а сѫщо и з а с é д а, з а с é д е ш ъ, защото ст.-българската основа с ѧ д е- е изчезнала, па дори и въ рѣдкитѣ диалекти дето се още пази, тя не може да се свърже съ начинателенъ префиксъ, защото е перфективна; форма з а с е д я

[1]) Тукъ се натъкваме на факта, че по-голѣма п е р ф е к т и в а ц и о н н а (сир. »д о в ъ р ш и т е л н а« съгласно традиционната терминология), сила, има не д о в ъ р ш и т е л н и я префиксъ д о-, а н а ч и н а т е л н и я з а-, тъй като, мѣрени върху повторителнитѣ самостойно-прости основи, първиятъ дава сложни основи понѣкога съ двойно видово, а втория — всѣкога съ чисто перфективно значение. Въ сѫщность, неспазвайки традиционната терминология, ще кажемъ, че начинателния префиксъ з а- има по-голѣма о г р а н и ч и т е л н а сила.

[2]) Освенъ въ тѣсно специализуваното значение »несене яйца« (»кокошката ще пронесе«, или »ще занесе«); но при това сѫщностно значение темпоралното »занеса« не е вече съответно на »з а н о с я« въ широкото му сѫщностно значение »bringen« или »tragen«.

(»почна да седя«) имаме, но тя не е съответна на з а с ѣ д а м ъ, защото има друго сѫщностно значение: означава не действието »с ѣ д а н е« (sich setzen), а състояние (sitzen).

Повторителната отъ II степень извиква представа за неограниченъ повторит. редъ, на който отдѣлнитѣ съставни членове сѫ не еднократни изпълнения на действието, а отдѣлни повторителни периоди, всѣки единъ отъ които образува значението на съответната перфективно-повторит. основа (била тя съ пространствено-сумаренъ, или темпораленъ префиксъ); напр. срещу перф.-повторителната основа о б х о д и- (»Да обходя по-голѣмитѣ градове на България«) се образува съответно повторителната отъ II степ. о б х о д в а- (»Често обходвамъ по-голѣмитѣ градове на България«). Тукъ

обходвамъ[1]) = ... обходя + обходя + обходя + ... =

= .... | ида (въ София) + ида (въ Пловдивъ) + ида (въ Варна) |

+ (ида (въ Соф.) + ида (въ Пловд.) + ида (въ В.)) + ...

Като, разбира се, никога не изпускаме изъ предвидъ, че и повторителната отъ II степень е пригодена въ формитѣ си отъ сегашно време за употрѣба, освенъ за посоченото значение, още и за означаване само единъ отдѣленъ отъ повтарящитѣ се периоди заградени въ скобитѣ, въ който случай основата има о б и к н о в е н о повторително значение (I степень) — напр. »сега, въ този моменъ азъ о б х о д в а м ъ градовете, »правя една отъ обичайнитѣ си обиколки«. (Сѫщото важи и за миналото и бѫдещето време — но съ известната неопредѣленость въ значението). — Тукъ

обходвамъ = . . . ида + ида + ида . . .

Това е значението на само единъ отъ заскобенитѣ периоди — въ неограниченъ видъ, безъ скоби. [Сѫщо тъй както пъкъ отъ своя страна обикновената повторителна (I степ.) въ сегашното си време можеше да има и неповторит. значение — като съответенъ дуративъ на перфективната първична основа, на която е производна — вж. стр. 9 забележка 2 подъ линия].

Имперфективно-повторителниятъ глаголъ отъ II степень мо-

---

[1]) Префиксътъ съ сумарно значение о б-, естествено, тукъ не излиза предъ скоби за да обхване всичкитѣ повторения, защото е свързанъ съ несамостойна основа; неотдѣлимостьта му отъ нея е причина да се повтаря той предъ всѣки членъ отъ повторителния редъ.

же сѫщо да бѫде перфективизуванъ, сир. да му бѫде ограничена трайностьта, — напр. откъмъ началото: да заобходвамъ, — или откъмъ края: да си дообходвамъ. По този начинъ имаме следното редуване на перфективация и имперфективация:

Ида — ходя — обходя — обходвамъ — заобходвамъ.

Колкото се отнася специално до глагола ходя, като повторителна отъ II степ. при нѣкои префикси може да служи, освенъ основата съ инфикса -ва-, още и тази за пространств.-имперфективното значение (повторителната отъ I степень), напр. захождамъ, изхождамъ, обхождамъ. Това става тамъ, дето по една или друга причина формитѣ сѫ или изгубили, или силно ограничили употрѣбата си въ старото-пространствено-имперфективно значение, та по този начинъ нѣма опасность отъ двусмислие; напр. захождамъ, употрѣбенъ съ одушевенъ субектъ, днесъ не ще се схване въ пространств.-имперфективно значение (»отива отзадъ«), защото този глаголъ е днесъ ограничилъ употрѣбата си въ този смисълъ само за случаитѣ съ небесни свѣтила и, разбира се, основанитѣ на тѣхъ метафорни употрѣби; затова ще се схване въ темпоралния смисълъ на префикса, като »почвамъ да ходя«, »заходвамъ«. Сѫщо изхождамъ ще се схване въ новото, транзитивно значение на повторителенъ глаголъ отъ II степень (»изхождамъ горитѣ и планинитѣ«), а не въ старото, пространствено значение (»ausgehen«), защото въ това значение днесъ формата е замѣстена съ излизамъ, и не се употрѣбя вече предметно, — тя е вече книжна дума, напълно специализувана за преносни употрѣби (напр. »изхождамъ отъ такива и такива съображения«); обхождамъ не ще схванемъ въ пространственото значение »herumgehen«, »umkreisen«, защото днесъ вече не се употрѣбя въ него (употрѣбятъ се други форми — »обикалямъ« »обкрѫжавамъ«); ще я схванемъ само въ сумарното значение (»обхождамъ градоветѣ«, die Städte nacheinander besuchen [1]).

Не така, обаче, стои работата при случаитѣ, дето формата пази напълно употрѣбата си въ старото пространств. значение — като повторителна отъ I степ.; напр. дохождамъ не може

---

[1]) Съ пространствено значение думитѣ обхождамъ и обходъ се употрѣбятъ днесъ само отъ военнитѣ, заети отъ руситѣ презъ време на окупацията въ 1877—8 год.

да се употрѣби като повтор. отъ II степ., съ темпорално значение на префикса (въ смисълъ »довършвамъ ходенето си«), защото още напълно пази употрѣбата си въ пространственото значение (»kommen«); като повторителна отъ II степень за този случай се употрѣбя само новата форма — съ инфиксъ -в а- — д о х о д в а м ъ.

Нека се повърнемъ сега къмъ разглежданитѣ отъ насъ прости повторителни глаголи х о д я, н о с я, в о д я, в л а ч а, и л а з я. Какъ да си обяснимъ това чудно явление, че въ по-голѣмата часть отъ земитѣ ни тия глаголи, префиксувани, сѫ могли за единъ сравнително тъй кѫсъ периодъ отъ време[1]) да промѣнятъ напълно значенията си, та днесъ ги срѣщаме току-речи навредъ по земитѣ ни изключително въ свършенъ видъ? — Промѣната на значенията всѣкога става постепенно; и з п ъ р в о е д н а ф о р м а р а з ш и р я в а з н а ч е н и е т о с и, и з в е с т н о в р е м е с е у п о т р ѣ б я т у з а п ъ р в и ч н о т о, т у з а н о в о т о з н а ч е н и е, а ч а к ъ с л е д ъ т о в а, п о р а д и н е я с н о т а т а й о т ъ р а з ш и р е н о т о з н а ч е н и е, с е в ъ в е ж д а з а п ъ р в и ч н о т о з н а ч е н и е н о в а ф о р м а, к о я т о, п р е д п о ч и т а н а, и з м ѣ с т я с т а р а т а о т ъ т о в а п ъ р в и ч н о з н а ч е н и е, з а д а я о г р а н и ч и з а в т о р и ч н о т о. Измѣстянето, обаче, става постепенно, като известно време за първичното значение се употрѣбятъ и двет̀ѣ форми, сир., старата и следъ въвеждането на новата за известно време се употрѣбя съ двет̀ѣ си значения.

Така трѣба да е станало и съ нашитѣ префиксувани глаголи: изпърво и з х о д я напр., е ималъ пространствено значение (»ausgehen«) защото префиксътъ и з- е ималъ пространствено значение; по-сетне префиксътъ е раздвоилъ значението си, та редомъ съ пространственото си значение е добилъ и темпорално; и сложната основа го е раздвоила, та и з х о д я е почнало да се употрѣбя съ две значения: ту като »излизамъ« ту като днешното »изходя« (»да изходя гори и планини«); че това е било така, личи отъ паметницитѣ; редомъ съ израза: »И поче да исходи смрадь отъ него зль«[2]), срѣщаме и изразътъ »Хотѧште бо амастридонско исходити царство«[3]). Явно е, че въ втория

[1]) Свищовскиятъ Дамаскинъ, напр., въ който срѣщаме тия префиксувани глаголи току-речи само съ старитѣ имъ значения, датува едва отъ срѣдата на 18 вѣкъ.

[2]) Коприщенски дамаскинъ —21, изд. Академ. на Науkитѣ.

[3]) »Александрия« — Бълг. литература отъ Б. Ангеловъ, София, 1922.

примѣръ глаголътъ е употрѣбенъ въ днешното значение — »да изходи Амастридонското царство«. А първиятъ примѣръ, дето глаголътъ е употрѣбенъ въ старото си значение, е изъ по-късенъ паметникъ, което показва, че презъ известно време сложната основа наистина е имала двойна употрѣба. Ето нѣкои примѣри отъ още по-ново време:

Мене ми госкье дойдоха,
а ти бегашъ от дома,
та по бродища доходишъ?«
(Нар. пѣсень отъ Вратца,
»Сборникъ отъ нар. умотворения«
— Шапкаревъ, Соф., 1891 часть 1, стр. 20).

Не зимай, синко, българка,
че носи малко премѣна;
а земи, синко, каджна,
каджна, синко, доноси
кочия съ бѣла премѣна.
(Нар. пѣсень отъ Копривщица,
Минист. сборн. XVI—XVII, стр. 77).

Стани ми, стани, Недѣльо.
Сега се рано стануе,
бело се лице омива,
ситно се сфике облачи.
(Нар. пѣсень отъ
Самоковско — Сб. нар.
умотв. — Шапкаревъ, ч. I стр. 60).

Ако ти износи.
Ако ти поноси
(»Български притчи« отъ
Петко Славейковъ,
Пловдивъ, 1895 — стр. 27).

Стоянъ си либе оставя,
та си низаминъ отводи.
(Нар. пѣсень отъ Панагюрище
Минист. сбор. XVI—XVII, стр. 96).

И днесъ още по нѣкои мѣста отъ областьта на западнитѣ говори (Софийско, Вратчанско, Пирдопско и др.) намираме много отъ тия префиксувани глаголи съ двойна употрѣба; особено у по-стари хора, ще чуете напр.: »Та па ще ли да ти доноси армаганъ?« (въ смисълъ »донася«); »Ще ли да доходите пакъ и това лѣто?« (въ смисълъ »да дохождате«); »Излазѝ ли?« (въ смисълъ »излиза́ ли«). Въ сѫщитѣ мѣста се употрѣбятъ тия форми и въ новото имъ перфективно значение: »Да ходи, да се находи, да носи да се наноси«; »Еди-коя си не доносила детето«; »Едва излазихъ до върха«.

Освенъ туй, множество още префиксувани повторителни глаголи се намиратъ днесъ и въ източнитѣ говори въ сѫщата фаза на раздвоение [1]); нѣкои отъ тѣхъ се изброиха на стр. 18; тукъ можемъ да прибавимъ къмъ тѣхъ и следнитѣ: з а р а ж д а м ъ (»зарażда се културата«, но »ще зарażда« въ смисълъ »ще почне да ражда«), з а п а д а м ъ (»изкуството запада«, но »ще западатъ капки дъждъ«); з а х в ъ р л я м ъ; з а с к а ч а м ъ (»заскача ми, пресѣда ми при ядене« и »ще заскачамъ отъ радость«); з а с ѣ д а м ъ (»нѣщо ми засѣда на душата« и »ще засѣдаме«, сир. »ще почнемъ да сѣдаме, напр. по пейкитѣ«); о т с к а ч а м ъ (»отскачамъ на три крачки« и »ще си отскачамъ« въ смисълъ »ще скачамъ досита«).

Прочее, преди днешната фаза на пълна специализация за перфективно значение у разглежданитѣ отъ насъ сложни основи на -и-, имало е една предходна фаза — разширителна —, въ която формитѣ сѫ били съ двойно значение. Тази фаза още не е изживѣна въ нѣкои диалекти. Въ тази тъкмо фаза на двузначность се е явила нужда, за извикване ясно и точно първичнитѣ представи отъ пространствено-имперфективенъ видъ да се въведатъ нови форми; такива сѫ образувани по аналогия на сѫществуващитѣ още въ ст.-български втори повторителни основи съ разширена коренна гласна *а* (х а ж д а ѭ -, п р о в а ж д а ѭ и з н а ш а ѭ- [2]), като се съкращаватъ въ *х а ж д а-, п р о в а ж д а, и з н а с я-. При други случаи, както е напр. при основитѣ в л а ч и-, л а з и-, нови производни основи за първичното простр.-имперфективно значение сѫ образувани по аналогия на производнитѣ основи при други глаголи; напр., за и з л а з и- срещу перфективното (пространстрено) и з л е з е- се е произвело имперф. и з л и з а- (по аналогия на изрече- — изрича-); за и з в л а ч и- срещу пространств.-перф. и з в л е ч е- — и з в л и ч а-,

---

[1]) Сѫщо и неповтор. сложни основи намираме съ разширени значения на префикситѣ имъ; напр. д а з а в ѣ х н е — при пространств. значение на префикса значи »да поувѣхне«, а при темпор. — »да почне да вѣхне«; п о п ѣ е — е ингресивна напр. въ »щомъ попѣе петелътъ«, а детерминативна въ »да попѣемъ малко«; п о я д е — е сумарна въ »вълкъ ще *пояде* стадото«, а бива и детерминативна въ »да поседи безъ работа, да *пояде* отъ готовото« — и т. н. — Но върху тия случаи ние не се спираме надълго, тъй като при тѣхъ преминаването къмъ сумарно-пространствено и темпорално значения на префикситѣ днесъ не оказва влияние върху видовото значение на основитѣ — и безъ това перфективни, понеже сѫ неповторителни; оказва влияние само върху една категория случаи, върху които ще се спремъ по-нататъкъ.

[2]) Които Д-ръ Л. Милетичъ нарича усилено-итеративни.

по сжщата аналогия, и т. н.[1]). Това замѣстване навѣрно е станало отначало само при съчетанията съ ония префикси, които сж били раздвоили значенията си, защото само тамъ е имало нужда отъ нови форми, поради двусмислието на сложнитѣ основи; тамъ, дето префикситѣ сж пазѣли са̀мо пространствено значение, като напр. въ вноси-, възноси-, разноси-, относи-, уноси-, сноси-, приноси-, такава нужда не е имало, защото не е имало двусмислие; но благодарение на аналогията, подъ влияние на въведенитѣ форми за пространственитѣ значения на двойно-значнитѣ основи, а именно: занася-, донася-, понася-, пренася-, пронася-, изнася-, — и нераздвоенитѣ по значение сложни основи се замѣстятъ съ нови: внася-, възнася-, разнася-, унася-, отнася-, снася-, принася- и т. н., като съответнитѣ стари форми изчезватъ. Така се получава днешното положение: ститѣ двойно-значни основи ограничени за новото си перфективно значение, а ститѣ нераздвоени изчезнали. Ето защо, днесъ срѣщаме основитѣ ходи-, носи-, води-, влачи- и лази- въ сложенъ видъ само съ ново, перфективно значение — съчетани само съ темпорални или сумарно-пространствени префикси.

Остава единъ въпросъ: защо нѣкои сложни неповторителни основи запазватъ имперфективно значение отъ епохата на твърде стари паметници до днесъ. Става дума за предстои-, отстои-, състои-се, подлежи-, предлежи-, принадлежи-, зависи-, и др. Тѣзи основи, както обяснява рускиятъ професоръ Шахматовъ [2]), представятъ изкуствени образувания отъ старитѣ преводачи по аналогия на гръцки образци. Само че въ що се състои тука изкуственостьта — той не казва. А тукъ просто имаме съчетания на префикси отъ чисто пространствено значение съ основи, които означаватъ не действие, а неизмѣнно състояние, поради което ни сж дадени

[1]) При много случаи имаме кръстосване на различни аналогии, и оттамъ — по нѣколко вида нови производни основи; напр., редомъ съ извежда- — извожда-, редомъ съ дохажда- — дохадя-, дохожда-, доходя- и пр. — При това, — което е характерно за префикснитѣ съчетания на тия *и*- основи, — за пространств.-имперфективното значение се замѣстватъ съ нови — *а*- основи, а въ старата си форма се специализуватъ за перфективното значение; съ други думи, по общото правило, за първичнитѣ значения се въвеждатъ нови основи, отъ III спрежение, а старитѣ отъ II спрежение се специализуватъ въ вторичнитѣ значения.

[2]) Въ »Очеркъ современного русского литер. языка«, 925, стр. 165.

само въ времето. Префикситѣ тукъ означаватъ мѣстото на състоянието, но не отбелязватъ граниченъ моментъ отъ времето на последното, защото тукъ мѣстото представя пунктъ свързанъ еднакво съ всички моменти. Сѫщитѣ трайни основи, съчетани съ темпорални префикси, образуватъ естественъ, »нашенски« свършенъ видъ: престои-, постои-, достои-, »ще устои на думата си«, сир., ще стои до край на думата си, и т. н.; полежи, пролежи, отлежи, повиси. Дори и въ нѣкои отъ по-първитѣ примѣри, когато префиксътъ добие и темпорално значение, сложната основа раздвоява видовото си значение. Напр., редомъ съ »отстои на толкова крачки оттукъ« се казва и »ще си отстоя« (перфективно, въ смисълъ »ще стоя толкова време колкото ми се ще«, »genug stehen«); въ сѫщото значение се употрѣбя и »ще се настоя« — а настоıати на ст.-български е имперфективно — оттамъ »настояще« (не важи дали заето направо отъ ст.-българскитѣ книги или чрезъ рускитѣ).

Единъ чисто-пространственъ префиксъ и една чисто темпорална основа само съчетаватъ, но не сливатъ значенията си, — сѫщо тъй, както два химически елемента, когато липсва помежду имъ химическо сродство, образуватъ само смѣсь, но не и съединение. Между елемента пространство въ префикса и елемента време на основата изразяваща неизмѣнно състояние, липсва сродство. Въ нашата представа тѣзи два елемента могатъ да се сродятъ и съединятъ само по единъ начинъ: въ действието[1]).

И наистина, ако при съчетаване означаващата състояние проста основа съ нѣкои префикси, получената сложна основа добие значение на действие, добива и перфективность; напр., »Попътъ ще му отстои (на гроба)«; »ще отстоя правата си«; »срещата ще се състои«; »ще настоя да го оправдаятъ«; значение на действие, сир. мѣнежъ, има сложната основа и когато бележи настѫпването на състоянието, което означава простата основа: да провѝси (нозетѣ си); тукъ префиксътъ се асоциира съ началния моментъ отъ трайностьта на състоянието.

*

---

[1]) Безразлично дали то е предметно или не: въ представата ни самия пространственъ префиксъ опредметява непредметното глаголно действие; напримѣръ измислямъ — »вадя мисъльта изъ нѣщо«.

Отъ всичко до тукъ казано можемъ да изведемъ следнитѣ правила за зависимостьта между значенията на префикситѣ и видовитѣ значения на сложнитѣ глаголни основи, въ състава на които тѣ влизатъ:

I. Префикситѣ съ пространствено значение перфективизуватъ съчетанията си

а) Съ неповторително-имперфективнитѣ прости основи, — ако получената сложна основа означава действие, а не неизмѣнно състояние: пиша — напиша; мисля — измисля.

б) Съ самостойнитѣ повторит.-имперфективни основи, когато префиксътъ има сумарно значение: да нападатъ ябълки; да попада прахъ; на напускамъ трохи по земята. — Изключение правятъ онѣзи сумарни повторителни основи, които иматъ свои съответни сумарно-неповторителни, подъ влияние на които сумарно-повторителнитѣ могатъ да иматъ и имперфективно значение редомъ съ перфективното; напр. накупувамъ (срещу накупя е имперфективно); нахвърлямъ (срещу нахвърля е имперфективно).

Пространственитѣ префикси не перфективизуватъ съчетанията си:

m) Съ неповтор.-имперфективнитѣ основи, когато образуванитѣ сложни основи означаватъ не действие, а неизмѣнно състояние: лежа — подлежа, чувствувамъ — предчувствувамъ.

n) Съ всички повторително-имперфективни основи освенъ въ случая на точка б) (дето едни отъ образуванитѣ сложни основи бѣха перфективни, други — двувидови); напр. давамъ — подавамъ, *ядамъ — изядамъ.

Префикситѣ съ пространствено значение изобщо могатъ да се свързватъ съ всички видове основи, освенъ тѣзи отъ разгледаната категория прости повторит.-основи на -и (ходи-, носи- и т. н.), които днесъ се свързватъ или само съ темпор. префикси, или съ нѣкои сумарно-пространствени, но не и съ единично-пространствени.

II. Префикситѣ съ темпорално значение перфективизуватъ съчетанията си:

а) Съ всички неповторително-имперфективни основи: пѣя — запѣя; плета — доплета; седя — поседя.

б) Съ самостойнитѣ повторително-имперфективни: падамъ

— да западамъ; скачамъ — да доскачамъ. — Изключения:

l) Случаитѣ съ онѣзи безпрефиксни основи, които представятъ производни съответствия на перфективни основи на -неозначаващи моментна часть отъ раздробено неповторит. действие, като свѣтва-, чуква-, трепва- (срещу свѣтне-, чукне-, трепне-); съ такивато повтор.-имперфективни основи префикситѣ образуватъ сложни основи съ двойно видово значение, при което преобладава имперфективното: засвѣтвамъ, затрепвамъ.

2) Изключения представятъ и случаитѣ когато образуваната сложно-повторителна основа има своя съответна неповторителна, подъ влияние на която първата може да има и имперфективно значение редомъ съ преобладаващето перфективно; напр. докупувамъ (срещу докупя е имперф.); дораждамъ (срещу дородя — е имперф.).

Префикситѣ съ темпор. значение не перфективизуватъ съчетанията си:

m) Съ несамостойнитѣ повтор.-имперфективни основи: ходвамъ — заходвамъ; читамъ — дочитамъ.

Сѫщитѣ префикси не могатъ да се свързватъ съ несамостойнитѣ неповторителни основи, напр. заведе въ смисълъ »почне да веде« не се казва, защото днесъ глаголъ веда не сѫществува (освенъ въ рѣдки диалекти).

III. Префикситѣ съ модално значение перфективизуватъ съчетанията си съ неповторит.-имперфективнитѣ основи: паля— препаля; топля — претопля.

Сѫщитѣ префикси, поне за днесъ, съ самостойнитѣ повторит.-имперфективни основи не се свързватъ (съ несамостойнитѣ, естествено, образуватъ съответни имперфективни производни срещу неповторително-перфективнитѣ: препаля — препалвамъ; претопля — претоплямъ).

Видовото значение на префиксуванитѣ перфективни основи си остава пакъ перфективно — както при пространственитѣ, тъй и при темпоралнитѣ и модални префикси: купя — прекупя; родя — дородя-; съмне — досъмне, (доразсъмне)[1]); стана — постана.

[1]) Тукъ може да се забележи, че темпораленъ префиксъ съ перфективна основа, когато тя не е свързана съ другъ префиксъ, (при който случай да се събератъ два префикса — напр. доизкара-),

Тия правила ще сѫ въ сила при всѣкаква основа, която съчетаваме съ префиксъ, безразлично дали тя е проста, както въ всички до сега разглеждани случаи, или сложна, въ който случай като се съедини съ префиксъ, се събиратъ два или повече префикса. И наистина, самостойната сложна основа извежда-, съчетана съ пространственъ префиксъ, запазва имперфективното си значение: про-извеждамъ; последната форма, взета като основа и съчетана съ новъ пространств. префиксъ, пакъ запазва имперфективното си значение: възпроизвеждамъ; а това показва, че и три префикса да се събератъ, щомъ сѫ съ единично пространствени значения, не сѫ въ сила да перфективизуватъ получената сложна основа. Но ако основата извежда- свържемъ съ префиксъ темпораленъ, става перфективизуване: да за-извеждамъ (»запролѣти ли, ще заивеждаме децата всѣки день«); сѫщото е и съ основата произвежда-: да запроизвеждамъ (»отъ утре ще запроизвеждаме изпититѣ«), — както и съ възпроизвежда-: да завъзпроизвеждамъ (»да почна да възпроизвеждамъ«). Перфективизуване става и при свързването на самостойната сложна основа съ пространствени префикси, когато сѫ съ сумарно значение: »да наизваждаме саксиитѣ на двора«; »да напроизвеждаме всичко, което ни е нуждно«.

Само че и тукъ трѣба да прибавимъ уговорката, която направихме за сумарно-пространственитѣ и темпоралнитѣ префикси на стр. 23 и 24), (като при това тукъ тя ще бѫде въ сила и за по-значителна часть отъ темпоралнитѣ префикси) — именно, че сложно-повторителна основа съ два или повече префикса, отъ които първиятъ е сумарно-пространственъ или темпораленъ, ще има двойно видово значение въ случаитѣ когато срещу дадената основа сѫществува съответна неповторителна; напр. сумарно-пространствената основа наизважда-, която спо-

---

рѣдко може да се свърже; ако опитаме, напр., да свържемъ съ темпор. до- основата прати-, съ цель да означимъ *само* завършекъ, то префиксътъ въ допратя се явява съ пространственото си значение. — Въ други случаи пъкъ той минава къмъ модално значение; напр. ако опитаме префикса по- да употрѣбимъ въ темпоралното му (детерминативно) значение за да намалимъ трайностьта на действието у перфективна основа, то вмѣсто намаление трайностьта получаваме понижение степеньта на силата у действието: да постана; да си- поземна; да посвѣтна; да пойда. А това значи, че отъ количество на време, префиксното значение минава къмъ степень на качество: трансформация на измѣренията.

менахме по-горе, освенъ въ посоченото перфективно значение, може да се схване и имперфективно — срещу н а и з в а д и-, — особено ако се изговори глаголътъ съ повторит. основа следъ този съ неповторителната; напр. »веднажъ му казаха да н а и з в а д и дрехитѣ вънъ, а той отъ тогазъ всѣки день ги н а и з в а ж д а«. Съ темпорални префикси тукъ ще имаме повече случаи на двойно видого значение отколкото при еднопрефикснитѣ сложни основи, защото темпоралнитѣ префикси изобщо рѣдко се свързватъ съ проста перфективна основа, а срещу повторителната проста основа, ако тя е с а м о с т о й н а, съответната неповторителна най-често бива перфективна (или несамостойна трайна); напр. срещу к у п у в а м ъ — к у п я е перф., срещу д а в а м ъ — д а м ъ е перф.; срещу н о с я — н е с а е несамостойна форма, срещу водя — в е д а е несамостойна; — а съ сложна перфективна темпор. префикси се свързватъ много по-често, поради което често ще имаме срещу дву-или повече-префиксната повтор. основа съотв. неповторителна; напр. срещу д о и з в е ж д а- — д о и з в е д е-; срещу д о н а и з в а ж д а- — д о н а и з в а д и-; срещу д о и з п р е н а с я- — д о и з п р е н е с е-, и т. н., — които неповтор. съответствия ще влияятъ имперфективно върху повторителнитѣ основи. Така щото д о и з в е ж д а м ъ напр. може да се схване перфективно въ значение: (и з в е д а + и з в е д а + и з в е д а) д о к р а й, — по правилото; но може и имперф. срещу д о и з в е д а: д о и з в е ж д а м ъ ... д о и з в е д а + д о и з в е д а + д о и з в е д а + ... — при който случай префиксътъ не излиза предъ скоби.

Д о и з х о д я, обаче, е чисто перфективна форма, защото темпоралното д о- свързваме съ чисто перфективна сложна основа и з х о д и- (а последната е перфективна, защото самостойната проста повторителна основа х о д и- е свързана съ сумарния префиксъ и з-: знаемъ, че основитѣ х о д и-, н о с и- и т. н. съ единично-пространств. префикси не се свързватъ днесъ — вижъ стр. 30). Понеже тукъ и двата префикса сѫ темпорални и сѫ свързани съ самостойна проста, то и двата излизатъ предъ скобитѣ; да не излѣзатъ немогатъ, защото липсва съответна неповт. основа (форма д о и з и д а н е сѫществува).

Отъ изложенитѣ правила става ясно, че темпоралнитѣ префикси оказватъ по-силно въздействие върху видовото значение

на глаголитѣ. И напълно естествено: самото видово значение се състои въ предѣлностьта или непредѣлностьта на времето на действието, а не въ мѣстото или посоката му[1]). Елементътъ пространство влияе върху видовото значение косвено — доколкото въ известни случаи мѣстото, съ което е свързано действието, се асоциира въ представата ни и съ нѣкой граниченъ моментъ на времето.

Всички правила за перфективизуването на сложнитѣ основи се свеждатъ къмъ единъ основенъ законъ: префиксътъ перфективизува основата тогава, когато — прѣко или косвено — отбелязва граниченъ моментъ отъ време действието ѝ. А гаранцията да се изпълни това условие лежи както въ префиксовото значение, тъй и въ значението (откъмъ кратность) на основата[2]) съ която

---

[1]) Любопитенъ е въ това отношение случая съ префиксуването на глаголитѣ въ литовския и латишкия езици, тъй както ни се представя то отъ Г. К. Уляновъ въ съчинението му »Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ«. Въ тия езици, когато префикситѣ пазятъ »реалнитѣ« (сир. пространственитѣ) си значения, сложнитѣ неповторителни основи носятъ видовото значение на простата основа отъ която сѫ получени. Напротивъ — изключително перфективно е значението на всички ония сложни неповторителни основи, въ които префикситѣ сѫ изгубили реалнитѣ си значения и, както се изразява Уляновъ, (Знач. гл. о-въ — часть II, стр. 31) сѫ останали като »чисто формални приставки« къмъ проститѣ основи, — или съ други думи, както го казвамъ азъ, сѫ напълно премѣстили значенията си изъ областьта на пространството въ областьта на времето.

[2]) Промѣната на видовото значение у сложнитѣ основи отъ имперфективно въ перфективно, следователно, ще се дължи въ много случаи не само на промѣната въ префиксното значение, а и на промѣната въ значението на простата основа. Последната, подъ влияние на различни фактори, може да изгуби своята повторителность, а това води къмъ перфективизуване на сложната основа. Съ това трѣбва да си обяснимъ перфективизуването на множество префиксувани повторит. глаголи, като напр. оправдая, увѣнчая- обладая-, възвещая-, отвещая-, разумѣя- и др., за които поменахме въ началото (стр. 3) и които нѣкога сѫ имали и имперфективно значение. — По сѫщия начинъ трѣбва да си обяснимъ и днешната перфективность на префиксуванитѣ (при всички видове префикси) глаголи возя и гоня: защото проститѣ имъ основи, които нѣкога сѫ били — както и разгледанитѣ петь: ходи-, носи- и т. н. — повторителни (съответни на везе- и гъне-), днесъ сѫ вече обикновени трайни, замѣстили изчезналитѣ везе- и гъне-. — По сѫщия начинъ трѣба да си обяснимъ и защо днесъ основата тича- която въ старобългарски образуваше съ префикситѣ само имперфективни сложни основи истиче-, протиче-, и т. н., днесъ образува ту имперфективни (»реката изтича«, »потича« и т. н.) ту перфективни (»да изтичамъ до нѣкого«, »да потичамъ малко«): защото нѣкога *тиче- е била несамостойна повторителна основа, чиито съчетания съ префикси сѫ били повторителни (съответни производни основи на перфективно-неповторителнитѣ и стече-, протече-

префиксътъ се свързва. Случаитѣ кога това условие е изпълнено и кога не, по възможность сѫ изброени въ правилата на стр. 32. Остава сега да се спремъ на ония случаи съ нѣкогашни имперфективни значения на сложнитѣ неповторителни основи означаващи действие, за които споменахме въ началото (стр. 3), като покори-, помоли-, съхрани- и др. — случаи, които се явяватъ като нарушение на точка I, а) отъ правилата. Нѣкогашното имперфективно значение на тия сложни основи трѣба да си обяснимъ съ следното: Преди найстаритѣ опазени паметници префикситѣ не сѫ имали днешната несамостойна роля на части отъ сложнитѣ глаголни основи, а сѫ били отдѣлни, самостойни предлози, които сѫ прибавяли къмъ сѫщностното значение на глаголната основа своето реално-пространствено значение, сир., опредѣляли сѫ отношението на действието къмъ дадено мѣсто (или предметъ) въ пространството. Не подлежи на съмнение, че първоначално съ предлози сѫ се свързвали глаголи, означаващи най-яркитѣ пространствени действия — движенията (а после по аналогия предлозитѣ сѫ добили употрѣба и за други случаи). Предлозитѣ, поставяйки действието въ отношение къмъ дадено мѣсто или предметъ, »сѫ опредѣляли различнитѣ посоки на признака, означаванъ отъ глаголната основа, по отношение къмъ обекта на този признакъ«[1]. Изпърво посоката, сир. отношението на действуващия субектъ или въздействувания обектъ синтактични, къмъ пространствения пунктъ за който загатва предлогътъ, е било силно подчертана, та освенъ това дето префиксътъ е сочелъ, че действието се върши натататъкъ, не въ друга посока, въ представата нищо друго той не е извиквалъ. — Представа за такова силно

и т. н.); а въ по-ново време несамостойната проста основа тича- се изхлупва изъ префикснитѣ си черупки като самостойна (новия глаголъ тичамъ) за да замѣсти, по общия семантиченъ законъ, остарѣлата и раздвоена по сѫщностно значение първична основа тече- за първичното ѝ, живо-двигателно значение »припкамъ«, »rennen«, следъ което тече- се специализува за вторичното си, послабо и по-вѫтрешно-двигателно значение »fliessen«, днешното тече (законъ за деградация на глаголната енергия). И понеже въ значението си на »rennen« основата тича- е вече неповторителна (защото, приемайки първичното сѫщностно значение на старата основа тече-, тя е приела и вида ѝ), то въ това си сѫщностно значение тя съ всички префикси образува перфективни сложни основи: да изтичамъ, да дотичамъ, и т. н.; напротивъ, въ специализуваното значение на »fliessen« тя си остава и днесъ несамостойна производно-повторителна основа, която съ всички видове префикси образува имперфективни сложни основи: реката протича, изтича и т. н.

[1]) Ульяновъ — Значенія глаг. основъ — 305.

(логически) значение на една дума може да ни даде днесъ следния случай: когато кажемъ »взехъ своята шапка«, и натъртимъ на думата »своята«, притежателното мѣстоиме до такава степень наблѣга на притежателството, че ние разбираме само едно: че моята собствена шапка съмъ взелъ, а не съмъ посегналъ на чужда; друго освенъ това не ни загатва изразътъ. Другъ е въпроса ако кажехъ: »взехъ шапката си«. Тогава този изразъ, освенъ съ предметната представа за действието, въ дадени случаи може да се асоциира и съ мисъльта, че азъ съмъ решилъ да си отида, та затуй съмъ си взелъ шапката (асоциация по причинность).

Такова дѣлене употрѣбата на силна (логически акцентувана) и слаба е раздѣлило мѣстоименнитѣ форми въ езика ни на силни (мене, на мене, моята, своята шапка) и слаби, които не могатъ да се употрѣбятъ сами (ме, ми, си; напр., »видѣ ме«, »каза ми«, »взе шапката си« и г. н.). Показателнитѣ мѣстоимения сѫ се раздѣлили на три степени, една отъ които — най-слабата — е членътъ: онзи човѣкъ, онзи човѣкъ, човѣкътъ.

И префиксътъ нѣкога, въ самостойната си предложна служба, трѣба да е раздвоилъ употрѣбата си на силна (логично акцентувана) и слаба (логично неакцентувана, съ логично ударение на глагола) [1]), и слабата форма трѣба да смѣтнемъ като начало на префиксиалното му (въ днешенъ смисълъ) значение. Въ тази тъкмо слаба употрѣба префиксътъ навѣрно е почналъ, изпърво само при нѣкои основи, а отсетне — при всички означаващи действие основи, да се асоциира, освенъ съ мѣстото, още и съ моменти отъ времето, свързани съ мѣстото. Това ще е било началото на перфективно значение у сложнитѣ основи. Трѣба да предполагаме, че и въ този случай пакъ е имало една преходна фаза на двойственость — сир. при едни и сѫщи основи, означаващи действие, въ едни случаи префиксътъ се е асоцииралъ косвено съ моменти отъ времето, въ други — не. Това е било въ онова време, когато »въ древнитѣ епохи на отдѣлнитѣ славянски езици съчетаването на глаголнитѣ основи съ приставки, пазещи реалнитѣ си значения, не е произвеждало необходимо промѣна на имперфективното зна-

---

[1]) И днесъ въ нѣкои езици намираме подобно раздвоение — дори съ отдѣлни форми за двет̀ѣ значения на префикситѣ. Напр. нѣмското únterhalten (»държа отдолу«) и unterhálten (»поддържамъ«).

чение у тѣзи основи въ перфективно. Такива сложни основи сѫ съединявали въ себе си изпърво двѣтѣ видови значения«. (Уляновъ — »Знач. глаг. о-въ« 153). Чакъ следъ това навѣрно сложнитѣ неповторителни основи сѫ се специализували за перфективнитѣ си значения, въ каквито ги намираме въ старитѣ паметници, съ отдѣлни останки отъ случаи съ запазена двойственость въ видовото значение, каквито представятъ поменатитѣ ст.-български неповторителни сложни основи.

Съ една речь, общиятъ законъ си остава въ сила: **имперфективни сѫ били сложнитѣ неповторителни основи, означаващи действие, до тогава, докато префиксътъ не се е асоцииралъ съ времето.** А точка 1 *а* отъ правилата не губи силата си, но само й се отрича правото на вѣчность; и като законъ »съ задна сила« налага й се предѣлна дата на валидностьта така: **пространственитѣ префикси сѫ почнали да перфективизуватъ сложнитѣ неповторителни основи, означаващи действие, въ състава на които влизатъ, оттогазъ, откогато означаваното отъ префикса мѣсто е почнало да се асоциира съ моменти отъ времето на действието.**

На край можемъ да завършимъ съ следното заключение: имаме едно забележително явление въ езиковата ни история — промѣна на видовитѣ значения у една голѣма категория форми — сложни глаголни основи. Процесътъ на това явление продължава, развива се и обхваща все по-широка областъ. Но едно отдѣлно явление, както вcѣкжде, тъй и въ езиковата областъ, не бива откѫснато и уединено: то представя звено въ веригата на причинноститѣ. Разглежданото отъ насъ явление съ глаголитѣ е сѫщо такова звено, което ние трѣбва да схващаме въ отношението му както къмъ причината, тъй и къмъ последицата му. Кой е причинниятъ факторъ въ случая? Това е пакъ езиково явление: промѣната на префиксовитѣ значения, разширяването имъ да обхващатъ освенъ първичнитѣ единично-пространствени, още и сумарно-пространственитѣ и темпоралнитѣ значения. А причинната предпоставка на този пъкъ мѣнежъ, двигателния факторъ, който разтѣга тия значения по този начинъ — това е основниятъ езикотворенъ факторъ: нуждата и стремежътъ на човѣка да изрази посредствомъ звукови

форми едни сравнително по-неясни съдържания на съзнанието си, за които отдѣлни форми не е създалъ; подъ натиска на тази нужда, и благодарение отъ една страна на асоцияцията по сродство, а отъ друга — на аналогията съ наречията и самостойнитѣ предлози, отъ които сѫ получени префикситѣ, човѣкъ пригажда последнитѣ да изразяватъ, освенъ първично-ироститѣ, единично-пространствени значения, още и по-сложнитѣ, сумарно-пространствени, а по-сетне — и темпоралнитѣ. По този начинъ значенията се движатъ, по общия семантиченъ законъ, отъ сравнително най-проститѣ и ясни съдържания на съзнанието — линейната посока къмъ пространственъ пунктъ, — къмъ по-сложни, по-неясни и по-мѫчно изразими: снопътъ линейни посоки къмъ съвокупностьта отъ множество пунктове, свързани вече въ пространствена цѣлостность отъ по-висше измѣрение: двуизмѣрна повърхнина, или триизмѣрна, обемна часть отъ пространството; — а по-сетне — и къмъ още по-сложнитѣ и по-неясни съдържания, отнасящи се вече къмъ областьта на времето — четвъртото измѣрение на обективнитѣ форми, въ които се проявява действието. Съ това разширяване значенията на префикситѣ, разширяватъ се значенията и на отдѣлнитѣ сложни основи, въ състава на които влизатъ префикситѣ. И днесъ вече единъ голѣмъ брой сложни повторителни основи иматъ разширено значение; у едни отъ тѣхъ е разширено само сѫщностното значение, — това сѫ онѣзи които сѫ съставени отъ несамостойна проста основа и префиксъ (напр. »забивамъ гвоздей« и »забива камбана«), — у други — и видовото — това сѫ онѣзи, които се състоятъ отъ самостойна основа и префиксъ (захвърлямъ »hinwerfen« и да захвърлямъ »zu werfen angefangen haben«).

Изобщо префикситѣ не само раздвояватъ, а и разтрояватъ, и разчетворяватъ значенията си. Напр. префиксътъ по- днесъ се употрѣбя въ следнитѣ значения: единично-пространствено: да понеса; сумарно-пространствено: да ги потроша; темпорално (детерминативно): да почакамъ: модално (деминутивно): да постана. — Но ние ги групираме въ две главни категории: пространствени и темпорални, като първитѣ подраздѣляме на единично-пространствени и сумарно-пространствени. Основно начало при този дѣлежъ ни е — перфективационната сила на префикситѣ, измѣрвана върху повторителнитѣ основи. Подраздѣляне на темпоралнитѣ не правимъ, тъй като

тамъ перфективационната сила при единично и сумарно-темпоралнитѣ е еднаква. — Върху модалнитѣ значения, които сѫ едва въ началото на своята поява, не се спираме особено.

Както при всички думи въ езика, дето става разширение на значението, тъй и тукъ ние се стремимъ да въведемъ за първичното значение нова форма, следъ което старата се специализува за вторичното си значение. Въ случая това е направено до днесъ за една часть отъ сложнитѣ повторителни основи, образувани отъ самостойни прости, — и само тази часть е напълно специализувала значенията си за свършенъ видъ. Това е при категорията прости основи у глаголитѣ означаващи най-живи, най-ярки въ представата ни, действия — пространственитѣ премѣствания: ходя, нося, водя, лазя, влача, гоня, возя, и др. Но и за останалитѣ ние се стремимъ да търсимъ нови форми за първичнитѣ имперфективни основи; тъй напр. при закупувамъ за първичното пространствено-имперфективно значение се предпочита отъ мнозинството формата закýпвамъ (»закупвамъ храни«), докато за темпорално-перфективното всѣки би употрѣбилъ старото »да закупýвамъ«.

И тъй, прѣката причина за развоя на видовото значение у казанитѣ основи е — развоятъ на префиксовитѣ значения. Последицата е отражението на този развой върху формитѣ. Въвеждатъ се нови форми за първичнитѣ простр.-имперфективни значения, които замѣстватъ старитѣ, а специализуванитѣ за новитѣ темпор.-перфективни значения стари основи представятъ вече една придобивка за езика. Освенъ това, срещу последнитѣ се образуватъ вече и съответни темпор.-имперфективни производни (повторителни отъ II степень) които сѫ втора придобивка.

Така напримѣръ, докато въ старобългарски отъ глагола ходя съ префикса до- имаме само префиксувания глаголъ доходити (= »ида«, »идвамъ«) [1], следъ раздвоението на видовото значение у тая форма ние намираме въ днешния езикъ три отдѣлни форми съ напълно разграничени отдѣлни значения: 1) дохаждамъ (или дохождамъ), възпроизвеждаща първичното простр.-имперфективно значение на старобългарската доходити. — 2) доходя = »довърша

[1] Втората сложна основа дохаждаѭ- е сѫщо пространствено-имперфективна, затова като прибавка къмъ първата тя не представя особена ценность.

ходенето си«. — 3) доходвамъ = »довършвамъ ходенето си«. Станало е, прочее, утрояване броя на формитѣ производими отъ казанитѣ префиксъ и глаголъ. Наистина, значенията на 2) и 3) форми сѫ могли да се изразятъ и на старо-български, но това е ставало съ дълги, описателни форми. Тъй напр. значението на днешната трисрична дума заходвамъ на старо-български се изразява съ две думи общо отъ седемь срички: начинаѭ ходити (тъй както се изразява то и на други езици: начинаю ходить, je commence aller, ich fange an zu gehen).

И тамъ дето пълната специализация, която довежда до утрояване броя на формитѣ, не е завършена, и старитѣ сложни повторит. основи сѫ още въ фазата на раздвоение въ значението си, все пакъ срещу темпор.-перфективното значение сѫ образувани вече съответни темпор.-имперфективни производни основи (повтор. отъ II степень), — тъй щото, и да нѣма утрояване на звуковитѣ форми, има, най-малкото, удвояване. Напр. следъ раздвояване значението при основата запада- (»културата запада« и »ще западатъ капки дъждъ«), се е образувала темпор.-имперфективната производна западва- (»западватъ капки дъждъ«).

Изобщо промѣната на видовитѣ значения, предизвикана отъ развоя на префиксовитѣ значения, е направила, щото всички сложни повторителни основи на -и- (влизащи въ категорията на днешното II спрежение), да се замѣнятъ за имперфективнитѣ си значения изцѣло съ нови основи, на -а- или -я-, влизащи вече въ категорията на днешното III спрежение, — следъ което вече сложна повторителна основа отъ несвършенъ видъ не срѣщаме въ езика ни отъ друго спрежение освенъ отъ III-о [1]). — Всички тия промѣни въ формитѣ представятъ явление, отъ което може да се види ясно връзката и взаимодействието между двѣтѣ еволюции на езика: вѫтрешната — на значенията, и външната — на формитѣ, — връзка, която изтъква изключителното значение на първата и посочва семантичния факторъ като основенъ факторъ въ общата езикова еволюция.

София. *Драгомиръ Матеевъ.*

[1]) На ст.-български сложни имперфективно-повторителни основи имахме и отъ тритѣ типа: I. — истиче-, нариче-; II — исходи-, износи; III — възима-, вънима-. Замѣната на *е*- то въ *а* при I примѣръ е станало по аналогия.

Der grammatische Wechsel *k/c*, *g/z* im Russischen.

Die nichtverbale Flexion des heutigen Grossrussisch ist im Vergleich zu den anderen slavischen Sprachen durch einen auffallenden Mangel an Alternationen gekennzeichnet, an denen sich disjunkte Konsonantenphoneme beteiligen. Während eine Sprache, wie das Čechische, eine ganze Reihe solcher Alternationen kennt (*víra - víře, voda - vodě, chata - chatě, ruka - ruce, noha - noze, střecha - střeše*; Nom. Pl. Mask. *bratr - bratři, had - hadi, kat - kati, žák - žáci, soudruh - soudruzi, hoch - hoši*), welche alle produktiv bleiben, bietet das Russische nur ganz ausnahmsweise ähnliche Erscheinungen. N. Trubetzkoy führt in seiner Arbeit über die Morphonologie der russischen Sprache (TCL V 2, 68) fünf Beispiele an: друг-друзья, сук-сучья, клок-клочья, ухо-уши, Бог (phonologisch box) -Бога. Es liesse sich noch крюк-крючья hinzufügen. Bei der nominalen Flexion ist lediglich die Alternation zwischen korrelativen Phonemen produktiv („harter" - „weicher" Konsonant).

Alle slavischen Sprachen erbten den ursprachlichen Wechsel von Guttural und *ć, ʒ́, ś* vor Endungen auf *-ě* und *-i*, die auf Diphtonge zurückgehen. Dieser Wechsel erschien im Dat. Lok. Sg. der *a*-Stämme und im Lok. Sg. Nom. und Lok. Pl. der *o*-Stämme. Das Altrussische hat diese Erscheinung teilweise bis ins XVI. Jahdt. bewahrt. Wenn sich auch schon im XI. Jhdt. Schreibungen finden, die von dieser Regel abweichen, z. B. in den Menäen vom J. 1096 рабу своему Дъмъкѣ, so sind sie nur ganz vereinzelt. Als Regel werden immer die Endungen auf -цѣ beibehalten. Und da beobachten wir im weiteren Verlaufe der Sprachentwicklung eine eigentümliche Erscheinung: gegen Ende des XIV. und zu Beginn des XV. Jhdt's hören Schreibungen auf -цѣ auf und werden durch -кѣ ersetzt (Соболевскій, Лекціи 138). Dabei bleibt aber der Wechsel г/з in den genannten Formen durchaus lebendig. In seinem vor allem durch den Reichtum des zusammengetragenen Materials ausgezeichneten Buche „*La langue russe au XVI*[e] *siècle*", Paris 1935, zeigt Boris Unbegaun die damalige Sachlage. Die Urkunden der grossrussischen Kanzleisprache bieten durchwegs -кѣ: внукѣ моей 1503, діаку Лукѣ, 1508, о рязанскомъ ясакѣ, 1515, в сундукѣ 1533. Die Formen auf -цѣ bleiben lediglich in traditionellen Formeln,

wie звать къ руцѣ, по сроцѣ „über den Termin hinaus", aus der handelstechnischen Sprache, im Adverbium на легцѣ, sowie in einer Reihe kirchenslavischer Ausdrücke: владыцѣ 1500, по Велицѣ дни 1500, 1502 so wie beim Wort человѣкъ: о томъ о своемъ человѣцѣ 1489. Im Dat. Lok. des Femininums kommt -цѣ nur beim Worte рѣка in Verbindung mit einer geographischen Eigennamen vor: на рѣцѣ на Плюсѣ 1498, на Римѣ рѣцѣ. In allen diesen Fällen handelt es sich um festgesetzte Formeln und um idiomatische Redewendungen. Die große Masse der Beispiele hat schon -кѣ. Umso überraschender ist es, daß der Wechsel г/з auch im XVI. Jhdt. noch durchaus produktiv ist. B. Unbegaun führt l. c. 240 folgende Belege an: на бумазѣ 1551, къ Болзѣ 1504, По дензѣ 1506, 1546, къ его телезѣ 1489, при друзѣ 1508, на Момай лузѣ 1517, въ острозѣ 1501, во многихъ торзѣхъ 1515. Gegen Mitte des XVI. Jhdt's werden die Formen mit г immer häufiger und scheinen, nach B. Unbegaun, gegen die Jahrhundertwende allgemein herrschend zu werden. Wie soll man nun diese Tatsache erklären, daß der Wechsel г/з noch im XVI. Jhdt. lebendig war, während der analoge Wechsel к/ц schon zu Beginn des XVI. Jhdt's beseitigt wurde?

Dazu werden wir folgende Überlegung anstellen: in den genannten Kasus treten an den Stamm Endungen heran, die die Weichheit des vorangehenden Konsonanten „fordern", oder mit anderen Worten, in diesen Kasus weist der Stammauslaut im Russischen immer weiche Konsonanten auf: *voda-vod'ě.* Wir wissen aber, daß die Erhärtung des ц im XIV. Jhdt. einsetzte (языцы im Kiever Psalter vom J. 1397) und zur gleichen Zeit schwinden die Formen auf -цѣ. Die Gutturale *k*, *g*, *x* waren aber bereits im XII. Jhdt. vor *i* weich geworden und konnten nunmehr auch vor einem anderen „erweichenden" Vokal, nämlich *ě* stehen. Daher wurde bei den auf *k* auslautenden Stämmen die Morphemunifizierung schon zur Zeit der Erhärtung des *c* vorgenommen. Bei *g*, das im grammatischen Wechsel mit *z* stand, lag die Sache anders. Das Phonem *z* konnte in den genannten Kasus erweicht sein (*dorożě*), so daß kein direkter Anlass zu seiner Beseitigung vorlag. Erst dann, als der grammatische Wechsel *g/z* als einziger im morphonologischen System des Russischen geblieben war, wurde auch hier die Morphemvereinheitlichung vollzogen.[1])

---

[1]) Bei den auf *-x* auslautenden Stämmen ging diese Vereinheitlichung etwas rascher als bei den Stämmen auf *-g*. Immerhin finden wir auch im XVI. Jhdt. im Lok. Pl. die Form -сѣхъ alleinherrschend (Unbegaun, l. c. 241). Interessant ist es, daß sich auch der Wechsel *g/z* gerade im Lokativ am längsten gehalten hat. Die einzige, in der heutigen russischen Volksprache erhaltene Form, ist во лузя́х, die zumeist in Volksliedern vorkommt.

Prag. *Alexander Issatschenko.*

Der slovenische fünffüßige Jambus.

Die landläufige Einteilung der einzelnen Versmaße in akzentuierende, silbenzählende und quantitierende hat sich als allzu simplistisch und schematisch erwiesen. Wie schon R. Jakobson in seinem grundlegenden Buch ,О чешском стихе' (Prag 1923, S. 46, Anm. 57) hervorgehoben hat, bleibt bei einer derartigen Einteilung die Einheit des Klassifikationsprinzips nicht gewahrt. Wohl die meisten europäischen Dichter des 19. Jh. bedienen sich eines silbenzahlenden Versmaßes, d. h. die stets gleichbleibende Zahl der Silben im Verse bildet eine ihrer Verskonstanten. Dabei sind aber die anderen Prinzipien, auf denen der Versbau in den einzelnen Sprachen beruht, höchst mannigfaltig und grundverschieden. Es wäre voreilig, diese Mannigfaltigkeit im Versbau einfach den verschiedenen sprachlichen Voraussetzungen zuzuschreiben. Denn nicht immer sind die metrischen Traditionen aus dem Geist der Sprache heraus gewachsen. Die konfuse Vorstellung, die man vom Versbau im Allgemeinen und von der Möglichkeit der Realisierung des einen oder des anderen Versbauprinzips mit den in der betreffenden Sprache zur Verfügung stehenden Mitteln hatte, führte mitunter zu einer Vergewaltigung der Dichtersprache. Andererseits verursachte die mechanische Übertragung der für eine Sprache geltenden metrischen Grundsätze auf fremden Boden eine gewisse Voreingenommenheit, die man ja bis heute bei der Beurteilung metrischer Fragen auch in zünftigen Kreisen beobachten kann. Das Problem einer wissenschaftlichen Analyse des Versbaues wurde eigentlich erst in den letzten Jahrzehnten in Angriff genommen. Man hatte unter anderen konsequent erkannt, wie bedeutsam das Problem der rhythmischen Tendenzen für die unvoreingenommene Beurteilung des Verses ist, und zu ihrer Erforschung die Statistik im weitesten Sinne verwendet. Es waren besonders russische Forscher, die das statistische Prinzip in ihren Untersuchungen anwandten. Heute besitzen wir einwandfreie Charakteristiken der meisten slavischen Versstrukturen. So rückt das Vorhandensein einschlägiger Arbeiten auf dem Gebiete der Verslehre des Russischen, Bulgarischen, Čechischen und Serbokroatischen auch die Analyse des slovenischen Verses in den wissenschaftlichen Interessenbereich.

Die Statistik bietet uns die Möglichkeit, metrische Konstanten festzustellen und jene Tendenzen aufzudecken, die in der untersuchten Dichtung herrschen. Sehr aufschlußreich kann auch der Vergleich der auf statistischem Wege gefundenen objektiven Tatsachen mit jener schöpferischen Absicht sein, die dem Autor bei der Abfassung der Gedichte vorschwebte. Diese Absicht können wir entweder aus programmatischen Erklärungen des Autors oder seiner Schule entnehmen, oder aber aus verschiedenen graphischen Mitteln, wie Zeilentrennung, Akzentuierung usw. erschließen. Unsere Fragestellung bei der folgenden Untersuchung wird also lauten: Welche sind die sprachlichen Voraussetzungen und inwieweit hat sie der Dichter ausgewertet?

II.

Wohl nach dem Vorbilde verschiedener čechischer Dichterschulen des 18. Jh., die unter einem starken Einflusse der klassischen Metrik standen, hat man sowohl bei den Slovenen, wie bei den Kroaten ein Versmaß einzuführen versucht, bei dem die ,,Hebungen" (temps marqués) durch Längen, die ,Senkungen' durch Kürzen dargestellt wurden[1]. Dabei wurde der diesen Sprachen fremde Begriff der Positionslänge eingeführt. Diese Schule fand aber nur wenige Anhänger. Vor allem war im Slovenischen das ,quantitierende' Prinzip nahezu undurchführbar, da das Slovenische ja keine unbetonten Längen kennt. Man ging in der Folgezeit also auf das sogenannte ,silbenzählende' und zugleich ,akzentuierende' Prinzip über: alle betonten (kurzen und langen) Silben wurden als ,Hebungen', alle unbetonten Silben als ,Senkungen' gerechnet. Dies lag zumindest in der Absicht der Dichter.

Zweck der vorliegenden Untersuchung ist es, anhand einer statistischen Analyse der Dichtung des bedeutendsten Vertreters der slovenischen Verskunst, France Ksaverij Prešern, den inneren Bau der slovenischen Metrik aufzuzeigen. Es sollen dabei entwicklungsgeschichtliche und literarhistorische Fragen außer Acht gelassen werden. Ebenso wird in diesem Zusammenhange weder die Frage des Reimes, noch der Assonanzen, noch anderer lautlicher Mittel und Kunstgriffe zur Sprache kommen. Wir werden lediglich festzustellen haben, welche von den im Slovenischen vorhandenen *prosodischen* Möglichkeiten in Prešerns Dichtung tatsächlich ausgewertet wurden.

Von den verschiedenen Versmaßen, deren sich Prešern bedient, nimmt der fünffüßige Jambus eine besonders wichtige Stellung ein: Prešerns beste und reifste Gedichte sind gerade in diesem Versmaß

[1]) Коршъ ,Стихотворенія Франца Перешірина', S. 19.

verfaßt. Von den bei Prešern vorhandenen 1426 Strophen mit fünffüßigem Jambus, wurden 1000 durchaus weibliche Strophen analysiert. Es sind dies die Gedichte ‚*Nova pisarja*' (I.), ‚*Perva ljubezen*' (II.), ‚*Slovo o mladosti*' (III.), ‚*Sonetje*' (IV.) und das Epos ‚*Kerst per Savici*' (V.). Als Quelle diente die Ausgabe der ‚*Gesammelten Werke*' 1929, wo auch die vom Autor selbst eingetragenen Betonungszeichen reproduziert sind[2]). Bevor wir uns aber mit den Ergebnissen unserer Untersuchung auseinandersetzen, wollen wir kurz auf die im Slovenischen herrschenden Betonungs- und Quantitätsverhältnisse eingehen.

Über den slovenischen Akzent sind recht verschiedene Meinungen geäußerst worden. Mit Brandt, Broch, Bubrich, Lehr-Spławinski, Ramovš, Tesnière, Vondrák und vielen anderen, halte ich das Slovenische (und zwar die Schriftsprache so wie die Gesammtheit seiner Dialekte) für eine Sprache, die musikalische Akzente besitzt. Solche Sprachen nennen wir ‚polytonisch'[3]). Die slovenische Polytonie unterscheidet sich von der serbokroatischen wesentlich dadurch, daß sie die musikalischen Tonverlautsunterschiede nur in langen Silben realisiert. Für die Unterscheidung der beiden Intonationen, der sog. ‚steigenden' und der sog. ‚fallenden', wird im Slovenischen neben dem chromatischen Steigen bzw. Fallen der Melodie auch das Schwellen bzw. Sinken der Stimmintensität in weit größerem Maße als im Serbokroatischen verwendet. In beiden Sprachen zerfallen aber die langen Silbenträger in zwei Moren, von denen jeweils eine durch Stimmhöhe und Druck markiert erscheint. Die kurzen Silbenträger können im Slovenischen phonetisch ebenfalls steigend oder fallend sein. Doch da alle betonten Kürzen in der letzten (oder einzigen) Silbe immer fallend, in nichtletzten Silben immer steigend sind, diese beiden Stellungen also einander ausschließen, hat die Unterscheidung der beiden Intonationen bei Kurzsilben keinen phonologischen Wert und kann folglich von einem phonetisch ungeschulten Slovenen nicht wahrgenommen werden. Nun kommen kurze betonte Silbenträger in nichtletzter Silbe nur in gewissen Fällen vor, nämlich dann, wenn sie durch *ə* vertreten sind. Aber auch dann ist die Akzentstelle schwankend: neben *stə̀bər* hört man auch *stəbə̀r*, neben *bə̀zəg* auch *bəzə̀g*, *čə̀bər* neben *čəbə̀r*. Im Oberkrainischen dringt die oxytone Betonung durch, sodaß sie auch bei Wörtern vom Typus *məglà*, *dəskà* herrschend wird. Wenn Štrekelj in seinen ‚*Jezikoslovni spisi*' S. 123 behauptet, das *ṛ* (bei Prešern, wie auch

[2]) ‚Dóktorja Francéta Prešérna ZBRANO DELO' v Ljubljani, MCMXXIX, Jugosl. knjigarna.

[3]) Vgl. Travaux du Cercle Linguistique de Prague IV, S. 317.

sonst vor der Schriftreform *er* geschrieben) sei eine Zusammensetzung zweier Laute *ə* + *r*, so hat er nur teilweise Recht. Allerdings klingt die silbische Liquida im Slovenischen wie *ər* oder sogar *ərə*, doch ist dies eine diphtongartige Verbindung und immer lang; (vgl. L. Tesnière's aufschlußreiche Arbeit über den slovenischen Akzent in der Révue des Etudes slaves IX, S. 97ff, insbesondere S. 107). Die Regel, daß kurzbetonte Silben in der slovenischen Schriftsprache nur am Wortende stehen dürfen, wird also nahezu ausnahmslos[4]). Die Betonungs*stelle* ist im Schriftslovenischen durch gewisse äußere Umstände bedingt: es wird immer der lange Silbenträger einer Worteinheit betont; fehlt ein solcher, dann ruht der Ton auf der letzten Silbe[5]). Die Akzentstelle ist also von der Quantität des Vokals abhängig und an sie gebunden. Man kann daher im Slovenischen nicht von einem ‚freien' Akzent sprechen.

Jedes selbständige Wort muß also im Slovenischen eine feststehende Betonungsstelle haben. Schwankungen finden sich nur selten: *vùnder* neben *vundèr*, *dókler* neben *doklèr*, *vóda* neben *vodà* (!) V 163. Zusammengesetzte oder zusammengeschriebene Wörter haben hingegen häufig zwei Akzente, d. h. ihre Zusammensetzung ist rein graphisch und widerspricht dem Geist der Sprache: *cvetéčo-líčne* IVb 10[6]), *Mokrócvetéče* IVi 14, *krátko-čásne* IVq 9; manchmal tragen solche Wörter aber auch nur einen Akzent: *kolikokrátov* IVj 9. Auch längere Fremdwörter haben manchmal zwei Akzente; vgl. *Kájtimára* V 1.

Das Slovenische kennt auch eine ganze Reihe enklitischer und proklitischer Wörter, die keinen eigenen Akzent haben. Hier, wie im Serbokroatischen, folgen die Enklitika der bekannten Regel von Wackernagel in der Weise, daß das enklitische Wort an das erste betonte Wort des Satzes herantritt[7]). Das Herantreten eines enklitischen Wortes an ein nichtenklitisches Wort mit kurzer Endbetonung bedingt die Dehnung des betonten Vokals: *nesì me* wird zu *nesîme*[8]). Hiermit ändert die Verschmelzung endbetonter Wörter mit einem Enklitikum nichts an der von uns oben aufgestellten Regel über das Vorkommen kurzbetonter

---

[4]) Bei Pr. kommt einmal das Wort *tèmna*, mit der Betonung auf der ersten Silbe (bei Pleteršnik *təmna*) vor. Daneben ist aber die Form *temnà* bei Pr. die regelmäßige. Die in Ljubljana belegte Form *dəxnte* ist nicht schriftsprachlich.

[5]) Vgl. R. Jakobson TCL IV, S. 173—174.

[6]) Die römischen Zahlen bezeichnen die Gedichte (siehe S. 47), die kleinen Buchstaben die einzelnen Sonette in alphabetischer Reihenfolge, die arabischen Ziffern den Vers.

[7]) Vgl. M. Murko ‚Enklitike v slovenščini' in ‚Matica slovenska' 1891, und R. Jakobson ‚Les enclitiques slaves' in ‚Atti del III Congresso internazionale dei linguisti', Firenze 1935, S. 386ff.

[8]) Vgl. Murko, l. c. S. 13, wo auch die übrige Literatur angegeben ist, sowie Broch ‚Slavische Phonetik' S. 277.

Silben nur am Wortende. Im Vers rücken die Enklitika möglichst nahe an den Versanfang heran. Daraus ergeben sich einige Eigentümlichkeiten: obwohl nämlich im fünffüßigen Jambus die erste Verssilbe (die sog. Anakruse) immer unbetont sein muß, können trotzdem Enklitika an ein Wort heranrücken, das in dieser ersten Silbe steht: Al *se* bojim per róvtarji, per kméti I 35; De *bi se* te med námi zamoríle I 119. Häufungen von drei und mehreren enklitischen Wörtern sind nicht selten: Erinje vse *so se ga* polastíle IVq 4. Da die Enklitika bzw. die Proklitika mit jenem Wort, an welches sie herantreten, *eine* Betonungseinheit bilden, werden sie nicht als besondere Wörter gezählt, außer wenn ihre Betonung von Autor angegeben ist: To, brátec! *mèd* učêne gré linguiste I 95, oder Duhóvnu rêče *mèd* beséde táke V 337.

III.

Der fünffüßige gereimte, weibliche Jambus Prešerns weist nun gewisse metrische Merkmale auf, die wir teils als Konstanten, teils als Tendenzen werten müssen; zu den Konstanten gehört die Zahl der Silben im Verse. Von 1000 Versen haben nur drei 12 statt 11 Silben. Die statistische Methode erlaubt es uns auch, festzustellen, inwieweit das Hebungs- und Senkungsschema tatsächlich verwirklicht wurde, d. h. inwieweit die durch das Versmaß gegebene rythmische Gliederung bei dem betreffenden Dichter zum Ausdruck gelangt. Wir werden also die gewonnenen Ergebnisse mit den Resultaten analoger Untersuchungen anderer slavischer Dichtungen vergleichen und so die Stellung des Slovenischen innerhalb der anderen slavischen Dichtungen bestimmen können.

Prešerns Jambus weist außer der oben genannten noch folgende metrische Konstanten auf:

1. Die zehnte Silbe des Verses ist immer betont[9]). Sie ist die letzte betonte Verssilbe. Damit stimmt das Slovenische mit dem Russischen und Bulgarischen überein, während es vom Čechischen abweicht[10]); der čechische fünffüßige Jambus kennt diese Konstante nicht.

---

[9]) Der Ausdruck ‚betont' bezeichnet hier, wie im Folgenden, sofern nicht anders vermerkt, nur solche Silben, die von P. selbst mit Akzentzeichen versehen wurden. P. unterscheidet keine Intonationen: lange Silben bezeichnet er gewöhnlich mit dem Akutzeichen ´, während das Zirkumflex ^ nur sporadisch über *o* und *e* vorkommt, um die offene Aussprache dieser Vokale anzudeuten. Kurze Vokale und die Verbindung *er* tragen bei P. den Gravis `.

[10]) Die Angaben über den russischen fünffüßigen Jambus sind der Arbeit Tomaševskij's ‚Пятистопный ямб Пушкина' (О стихе, 1929, 138 ff.) entnommen. Der bulgarische Jambus wurde von R. Jakobson untersucht, siehe ‚Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским', Сборникъ Милетичъ (1933), S. 108 ff. Die Angaben über die čechischen Verhältnisse wurden aus der zusammenfassenden Arbeit J. Mukařovský's ‚Český verš' in Československá vlastivěda, III, S. 376 ff. entnommen.

2. Die ungeraden Verssilben, denen nach dem Schema des Jambus keine Betonung zukommt, tragen niemals die phonologische Wortbetonung. Darunter verstehen wir im Slovenischen die Betonung mehrsilbiger Wörter. Einsilbige Wörter, sofern sie weder enklitisch noch proklitisch sind, müssen vom phonologischen Standpunkt aus als neutral hinsichtlich ihrer Betonung angesehen werden. Einsilbige Worteinheiten sind nämlich, falls sie allein stehen, selbstverständlich immer betont. Unter dem Gesichtswinkel der Wortphonologie ist aber diese Betonung irrelevant. Vom satzphonologischen Standpunkte aus kann ein einsilbiges Wort natürlich die Satzbetonung tragen, wie etwa im Verse

Tí gospodúj čez véro mísli, délo V 288,

wo das erste Wort die Satzbetonung trägt. Es gilt also kaum für das Slovenische die von R. Jakobson für den bulgarischen Jambus aufgestellte Regel, wonach die ungeraden Verssilben (die Senkungen) auch von solchen Einsilbigen nicht ausgefüllt werden dürfen, denen im gegebenen Kontext ein anderes Wort akzentologisch untergeordnet ist[11]). Die von verschiedenen Verstheoretikern aufgestellte These von der Rolle des Nebentones mag für germanische Sprachen, nicht aber für slavische Sprachen gelten. Im Slovenischen dürfen wir mit diesem Begriff jedenfalls nicht operieren. Die objektive Existenz eines „Nebentones", d. h. die mechanische Regelung des expiratorischen Druckes in mehrsilbigen Wörtern[12]) ist noch kein Beweis dafür, dass dieses Moment vom Autor wirklich mitbeachtet wurde und dass es schliesslich vom Lesenden oder Hörenden empfunden wird. Die ungeraden Verssilben können also nur von unbetonten Silben mehrsilbiger Wörter (Kar v Béthl*e*hem*u* áng*e*lj-cov h*o*sán*a* IVf 2), von enklitischen oder proklitischen Wörtern (Tak vèrze *se* Valjhún *na* nektrisjáne V 69), oder endlich von einsilbigen Wörtern ausgefüllt werden.

Nicht minder wichtig für die Charakteristik des slovenischen Verses ist auch das Aufzeigen der darin herrschenden Tendenzen. Die ungeraden Verssilben, die „Senkungen", tendieren auch zur phonologischen Unbetontheit. Dort, wo dieses Schema durchbrochen wird, haben wir es ausschliesslich mit einsilbigen Wörtern zu tun. Wir führen die einzelnen Verstypen an, wo einsilbige Wörter in ungerader Verssilbe stehen:

---

[11]) Vgl. o. c. S. 109. Anm. 1.

[12]) Nach den Angaben O. Broch wird die Endsilbe in solchen Wörtern, wie *prímeįo, slíšala* stärker betont, als die vorletzte Silbe. Das Verhältnis der drei Silben läßt sich durch die Zahlen 1 : 3 : 2 darstellen, wobei 1 die stärkste Silbe bezeichnet. Slav. Phon. 311—12.

1. Silbe: *Tjè* na osrédnik Bléskiga jezéra V 32;
3. ,, Okróg *vrát* stráča na pomóč zavpíje V 62;
5. ,, Spét úpanje *bó* v sèrci zelenélo IVs 10;
7. ,, Slovím, še tó kaj pél *bóm*, me podúče I 105;
9. ,, Iz njéga zvíra, vanjga se *spét* zlíje IVg 5.

Vergleichen wir nun den Prozentsatz der einsilbigen Wörter in den ungeraden Silben, des slovenischen fünffüssigen Jambus mit dem bulgarischen und mit dem russischen.

	1.	3.	5.	7.	9 Silbe
Prešern	44,6	6,0	7,5	5,9	3,5
Christov	13,9	1,0	2,8	1,0	1,0 [13])
Puškin	12,8	1,1	3,7	1,4	1,5 [14])

Man sieht also, daß sich der slovenische Jambus vom bulgarischen sowohl wie vom russischen durch einen hoheren Prozentsatz einsilbiger Worteinheiten (die Enklitika und Proklitika nicht mitgerechnet) unterscheidet. In der Anakruse steigt die Zahl der Einsilbigen ungewöhnlich, was sich aus dem Mangel an anapestischen und trochäischen Wörtern im Slovenischen erklärt, wovon noch später eingehend die Rede sein soll.

Die geraden, also iktischen Verssilben tendieren andererseits zur Betontheit. Es sind 79,2% aller geraden Verssilben betont. Die Verteilung der Betonung auf die einzelnen Verssilben ist nun folgende:

2.	4.	6.	8.	10. Silbe
83,8	77,1	57,9	59,4	100%

Vergleichen wir damit den Prozetsatz der Betonung auf den einzelnen iktischen Silben des bulgarischen und russischen Jambus, so erhalten wir folgendes Bild:

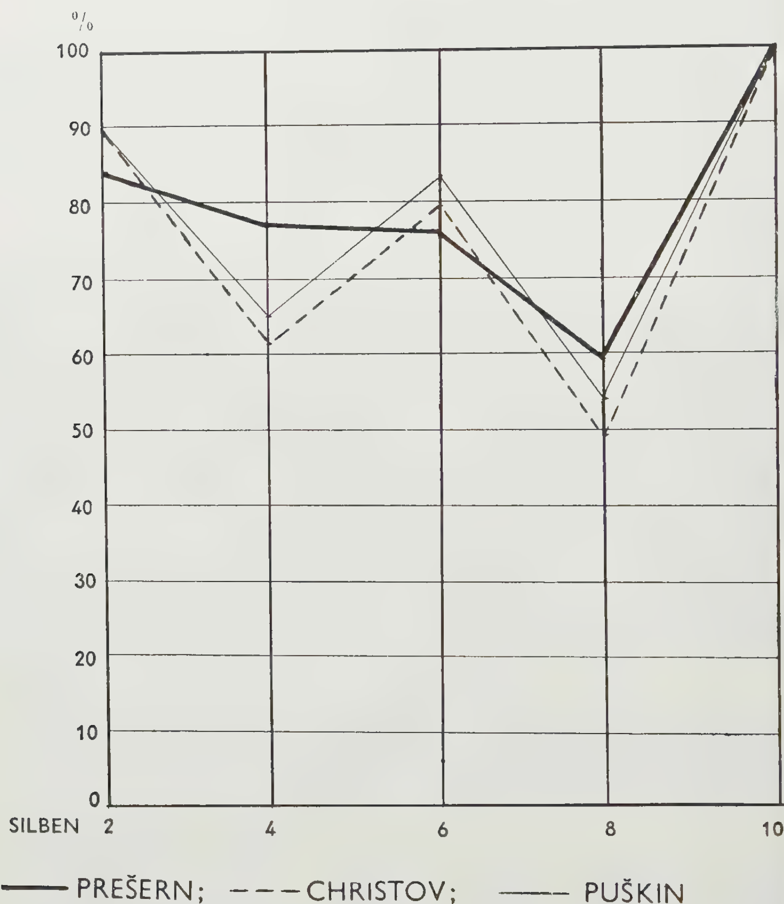
	2.	4.	6.	8.	10. Silbe
Christov	**89,5**	61,3	**79.0**	49,6	**100**%
Puškin	**89,0**	65,8	**83,2**	54,2	**100**%

Diese Zahlen werden durch das folgende Diagramm besser veranschaulicht. Auf der waagrechten Koordinate sind die einzelnen iktischen Verssilben, auf der senkrechten Koordinate die Prozente eingetragen. Verbindet man die einzelnen Punkte miteinander, so erhält man die für die Betonung charakteristische Kurve.

Man kann im bulgarischen und russischen Jambus eine ausgesprochene Unterscheidungstendenz starker und schwacher Ikten konstatie-

[13]) Jakobson, o. c. S. 109.
[14]) Tomaševskij, ‚О стихе', S. 190.

ren, wobei diese Verteilung wellenförmig verläuft. Vor einem Iktus mit maximal starker Betonung (die 10. Silbe) steht ein solcher mit maximal schwacher Betonung (8. Silbe); davor steht wiederum ein starker Iktus



(6. Silbe), der einem schwachen folgt. Bei Prešern fällt die Betonungskurve bis zur 8. Silbe, um dann wieder vor der 10. Silbe jäh anzusteigen.

Die im Slovenischen herrschenden Quantitätsverhältnisse der Vokale üben nur scheinbar auf den Versrhythmus keinen Einfluß aus. Jede betonte Silbe gilt als betont, gleichviel ob sie kurz oder lang ist. Die statistische Analyse ermöglicht es uns aber, diese oberflächliche Behauptung zu korrigieren: es zeigt sich nämlich, daß die Verteilung der kurzen Silbenträger im Verse einer gewissen Gesetzmäßigkeit unterworfen ist. Die Häufigkeit kurzbetonter Silbenträger ist der allgemeinen Häufig-

keit der Betonung in einem Iktus verkehrt proportional, oder, mit anderen Worten: je starker ein Iktus betont ist, desto geringer ist die Beteiligung kurzer Silben. Die 10. Silbe ist immer betont; es entfällt auf diesen Iktus keine einzige kurze Betonung; *die lange Vokalquantität der 10. Silbe ist also eine Verskonstante.* Die 8. Silbe ist der schwächste Iktus (59,1%), die Beteiligung kurzbetonter Silben in diesem Iktus ist mit 7,9% die großte. Der Besatz mit kurzbetonten Silben verteilt sich auf die übrigen Ikten wie folgt: 2. Silbe — 4,1%; 4. Silbe — 5,2%; 6. Silbe — 5,8%.

Diese Tatsache zeigt uns mit einiger Deutlichkeit, daß die Silbenquantität im slovenischen Versbau eine gewisse, wenn auch nicht manifeste Rolle spielt. Offenbar werden die kurzbetonten Silben als schwächer empfunden als die Langsilben. Daher ihr häufiges Vorkommen in deutlich als schwach empfundenen Ikten. Diese unsere Behauptung wird man durch folgende Überlegung stützen konnen: da alle Wörter mit Kurzbetonung den Akzent immer auf der letzten Silbe tragen, so ist in solchen Wortern die Akzentstelle irrelevant. Die Tatsache der Endbetonung ist in diesen Worteinheiten eine „Selbstverständlichkeit". Die Hervorhebung der letzten Silbe durch einen Druckakzent hat keine wortunterscheidende, sondern leidglich eine wortabgrenzende Funktion, wie wir es etwa im Čechischen sehen. Daher werden die kurzen Silben eines Wortes untereinander als gleich stark empfunden[15]), gleichgültig, ob sie betont oder unbetont sind. Hier haben wir ein typisches Beispiel dafür, daß eine phonologische Eigenart einer Sprache (in unserem Falle die Vokalquantität) als ein autonomes Element des Versbaues auftritt und das Hauptmoment der slovenischen Rhythmik (den Wechsel von betonten und unbetonten Vokalen) unterstützt.

IV.

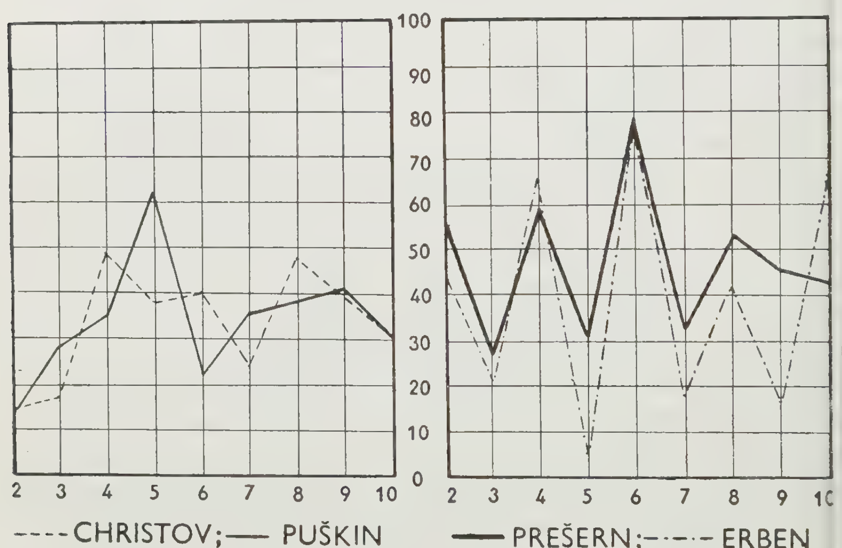
Für die richtige Einschätzung der metrischen Grundlagen des Slovenischen ist es wesentlich, den rhythmischen Wortschatz im Verse festzustellen. Wenden wir uns zunächst der Frage zu, wie sich die Worttrennungen im Verse verteilen. Die unten angeführten Zahlen drücken den Prozentsatz der Wortgrenzen vor der betreffenden Silbe aus. Zum Vergleich seien die Daten des Bulgarischen, Russischen und Čechischen mit angeführt:

---

[15]) Die ganze Geschichte der sog. slovenischen Vokalreduktion zeigt, daß sowohl kurzbetonte wie auch unbetonte Silben qualitativ die gleichen Veränderungen durchmachen. Vgl. F. Ramovš, AfslPh. XXXVII, S. 123 ff.

Wortgrenzen vor der	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10. Silbe
bei Prešern	**54,8**	27,5	**58,9**	31,8	**78,6**	33,1	**52,2**	46,0	43,8%
„ Erben	**43**	21	**65**	5	**78**	18	**42**	17	**66**%
„ Christov	14,0	17,2	48,5	38,3	39,7	24,7	47,0	39,0	31,9%
„ Puškin	12,8	27,7	34,8	62,0	22,6	35,8	37,4	41,2	31%

Wir übertragen diese Zahlen auf zwei Diagramme. Das linke Diagramm zeigt uns die unregelmäßige Verteilung der Wortgrenzen im bulgarischen und im russischen Jambus, während das rechte Diagramm uns das regelmäßige Auf und Ab der Wortgrenzen im



slovenischen und im čechischen Verse veranschaulicht. Dabei können wir feststellen, dass die Übereinstimmung des slovenischen Jambus Prešerns mit dem čechischen Erbens eine sehr auffallende ist. Beide Verse haben einen deutlichen Einschnitt vor der 6. Silbe.[16]) Auch fallen die Kurvengipfel in beiden Fällen vor die iktischen, d. h. betonungstragenden Silben. Diese Tatsache ist insofern von großer Bedeutung, als damit auch gleich die allgemeine rhythmische Gliederung des Slovenischen zutage tritt. Es herrscht hier offensichtlich die Tendenz zur Gliederung des Verses in zweisilbige Verselemente, von denen jedes trochäisch betont ist.

[16]) Bei anderen čechischen Dichtern ist dieser Einschnitt viel deutlicher ausgeprägt und tritt als eine Zäsur auf. Doch fällt die Zäsur im čechischen fünffüßigen Jambus immer vor die sechste Silbe. Vgl. J. Mukařovský, ibid. S. 421—23.

Weitgehende Übereinstimmungen der rhythmischen Gliederung des slovenischen fünffüßigen Jambus mit dem čechischen lassen auch gewisse Übereinstimmungen des rhythmischen Wortschatzes vermuten. Das Čechische mit seiner systematisch durchgeführten Anfangsbetonung unterscheidet sich allerdings prinzipiell vom Slovenischen, das den Akzent nicht nur in der ersten Silbe duldet. Um aber den rhythmischen Wortschatz Prešerns besser beurteilen zu konnen, vergleichen wir ihn mit dem Wortschatz der slovenischen Prosa. Zu diesem Zwecke haben wir einige Erzählungen Jos. Stritars auf die Verteilung der einzelnen akzentologischen Worttypen hin untersucht. Der Vergleich der beiden Statistiken ergiebt nun folgendes Bild:

Zahl der Silben einer Worteinheit	Betonte Silbe	Prosa	Prešern
1	1.	17,33	24,66
2	1.	33,00	31,33
2	2.	10,50	7,00
3	1.	10,16	5,16
3	2.	17,66	21,16
3	3.	1,50	1,16
4	1.	2,00	0,33
4	2.	4,16	2,66
4	3.	3,33	3,83
4	4.	0,20	0,75
5	1.	0,50	0,33
5	2.	0,16	0,33
5	3.	0,33	0,50
5	4.	0,16	0.33
5	5.	—	—

Prešerns Wortwahl ist also, im Vergleich zur Prosa, hinsichtlich der akzentologischen Worttypen keine künstliche. In großen Zügen stimmen Prosa und Dichtung überein. Wohl ist die Zahl einsilbiger Wörter bei Prešern größer als in der Prosa; doch ist eine Steigerung einsilbiger Wörter im Verse gegenüber der Prosa auch im Russischen und Bulgarischen normal.[17]) Die erhöhte Verwendung einsilbiger Wörter im Vers erklärt sich aus dem Bedarf nach handlichen Füllwörtern und scheint eine allgemeine Tendenz zu sein. Der häufigste akzentologische Worttypus des Slovenischen ist offensichtlich der zweisilbige mit dem Ton

[17]) Christovs männlicher fünffüßiger Jambus weist 20,05 % (bzw. 13,35 % der weibliche) einsilbiger Worteinheiten auf, gegenuber 11,44 % in der Prosa. Dasselbe Verhältnis drückt sich bei Puškin mit 14,49 % gegenüber 8,55 % aus. Vgl. dazu Jakobson ‚Болгарский пятистопный ямб . . .‘, S. 114.

auf der 1. Silbe (33,0% in der Prosa, bzw. 31,33% bei Prešern). Das Vorherrschen des trochäischen Worttypus im Slovenischen nähert also den slovenischen fünffüßigen Jambus dem čechischen.[18]) Offenbar spielt das phonologisch reelle (wenn auch im Redefluß nicht notwendig realisierte) Moment der Trennung zwischen den einzelnen Worteinheiten im slovenischen Vers keine unbedeutende Rolle. Wir können die durchschnittliche Wortlänge im Verse Prešerns mit 2,18 Silben bestimmen. Für unsere Untersuchung ist es aber ebensowichtig, den akzentologischen Wortschatz auch nach einem anderen Gesichtspunkt zu prüfen. Wir werden uns jetzt um die einzelnen Worttypen nicht kümmern und nur den Prozentsatz vortoniger bzw. nachtoniger Silben überhaupt feststellen. Dabei werden wir die bei Prešern festgestellten Daten einerseits mit denen der Prosa, andererseits mit den analogen Zahlen des Russischen vergleichen.

Zahl der vortonigen Silben	Slov. Prosa	Prešern	Prosa	Russ. (Puškin) Fünffüß. Jambus
0	63,16	61,50	32,67	30,01
1	32,50	31,16	41,27	54,31
2	5,16	5,55	20,82	9,73
3	0,16	0,50	4,54	5,83
Zahl der nachtonigen Silben				
0	29,33	33,16	37,45	47,56
1	54,16	56,66	40,61	42,73
2	14,66	8,33	18,38	8,93
3	2,16	0,66	3,28	0,69

Wir sehen erstens, daß einerseits der Vergleich der beiden slovenischen Kolonen ein im wesentlichen gleiches Bild ergibt, während andereseits die russische Prosa akzentologisch stark vom poetischen Wortschatz abweicht. Zweitens entnehmen wir unserer Tabelle den großen Unterschied, der zwischen den beiden Sprachen in akzentologischen Hinsicht besteht. Der Jambus erfordert im Versanfang eine erhebliche Zahl von Wörtern, die mit einer ungeraden Anzahl unbetonter Silben beginnen. Der Prozentsatz solcher Wörter in der slovenischen Prosa und bei Prešern hält sich die Waage (32,6% gegenüber 31,66%).

[18]) Štrekelj sagt in seinen außerordentlich feinen Beobachtungen über den Vers Prešerns, daß der Daktylus, Anapest oder Amphibrach im Slovenischen viel geeigneter ist, als der Jambus. Vgl. ‚Jezikoslovni spisi', S. 128. Štrekelj hat zwar richtig erkannt, daß der jambische Worttypus im Slovenischen seltener ist, als etwa der trochäische, doch kann man sich mit seiner Schlußfolgerung nicht einverstanden erklären. Haben doch die besten čechischen Dichter, trotz der konsequent durchgeführten Anfangsbetonung, in Jamben geschrieben.

Im Russischen ist das Vorkommen solcher einsilbiger Wörter im Vers gegenüber der Prosa bedeutend höher (45,81% für die Prosa, gegenüber 60,15 im fünffüßigen Jambus)[19]. Wir ersehen also daraus, daß der Wortschatz der russischen Prosa von dem des fünffüßigen Jambus wesentlich abweicht und dass also hier der Künstler in seiner Wortwahl gehemmt ist. Im Slovenischen hingegen kann der Dichter mit den bereits vorhandenen rythmischen Faktoren operieren, ohne sich in dieser Richtung einen Zwang aufzuerlegen.

V.

Wir haben somit die metrischen Faktoren des slovenischen Verses statistisch untersucht und haben gewisse Übereinstimmungen seiner Struktur mit dem Versbau anderer slavischer Sprachen nachgewiesen. Auffallend war vor allem die weitgehende Ähnlichkeit der Worttrennungskurve des slovenischen fünffüßigen Jambus mit der des čechischen. Diese Ähnlichkeit dürfen wir nicht mißdeuten. Die phonologische Grundlage des čechischen Versbaues besteht weder im Zählen betonter und unbetonter Silben, noch im Wechsel langer und kurzer Vokale. Die phonologische Grundlage des čechischen Verses ist vielmehr die Worttrennung. Der Vers wird durch das Vorhandensein, bzw. durch das Fehlen von Worttrennungen in metrische Segmente gegliedert. Erst in zweiter Linie erscheint die Betonung als ein außerphonologisches Moment am Versbau beteiligt. Der Vokalquantität kommt im čechischen Verse eine autonome, variierende Rolle zu (Якобсон, ‚О чешском стихе' S. 46). Alle drei Elemente, Worttrennung, Betonung und Vokalquantität sind auch am slovenischen Versbau beteiligt. Doch kommt im Slovenischen der Betonung dieselbe Rolle zu, wie im Russischen und Bulgarischen. Der slovenische Vers ist also, wie schon eingangs erwähnt wurde, auf der Aufeinanderfolge betonter und unbetonter Silben aufgebaut. Das Moment der Worttrennung ist im slovenischen fünffüßigen Jambus aber wesentlicher als im russischen und bulgarischen; auch die Vokalquantität, die in den beiden letztgenannten Sprachen keine phonologische Funktion besitzt, ist in der slovenischen Metrik, wenn auch nur in geringem Maße, mit ausgewertet. Die sogenannten „musikalischen" Akzente spielen in der slovenischen Metrik keine nachweisbare Rolle.

Wien. *A. V. Issatschenko.*

---

[19]) Jakobson, ibid. S. 115, wo auch die bulgarischen Verhältniszahlen angegeben sind, mit 40,16% in der Prosa gegenüber 49,58% im Jambus.

Недокладності в видаванні кирилівських пам'яток.

Критичний палеографічно-методологічний нарис.

Хоч кирилівська палеографія — наука й не така вже молода, проте можна ствердити, що на міцну наукову основу стала вона тільки за останні п'ятдесят літ. Якось сталося так, що власне в той час, коли кирилівська палеографія не стояла ще на потрібній науковій висоті, власне тоді видано в б. Росії надзвичайно багато найрізніших джерельних рукописних пам'яток. Але через те, що методологія видання рукописів не була ще тоді розроблена всестороннє, як того вимагають палеографія й дипломатика, усі ті видання дуже часто не витримують поважної наукової критики. На жаль, навіть і за останній час появляються такі видання пам'яток, яких ні в якім разі не можемо назвати зовсім задовольняючими.

Головна хиба багатьох кирилівських видань криється в тім, що їх видають для потреб самих тільки істориків, розуміючи ці потреби дуже вузько й забуваючи за потреби інших наук, напр. лінгвістики, палеографії, дипломатики і т. п. Та й саме докладне знання палеографії й дипломатики все ще позостається в нас тільки поміж невеликого кола фахівців, не посуваючись у гущу істориків. А через це все маємо видання, що часом навіть істориків задовольнити не можуть.

Для користи науки треба б було раз уже прийти до переконання, що витрачаючи час і кошти на видання, належить видавати справді так, щоб видання: 1. було якнайближче до оригіналу, і 2. в міру можности заміняло самий оригінал.

Як належить видавати грамоти, про це писав я докладно в своїй праці: »Cum trebuesc editate documentele moldovenești. Observații critice paleografo-diplomatice« (див. »Archiva revistă de istorie, filologie și cultură romanească«, Iași, 1931 р. т. XXXVIII, кн. 2—4 ст. 518—542, французьке резюме ст. 658—661). Тут вертаюся знову до тих самих питань, щоб іще раз показати й підкреслити, як справді потрібна нам певна науково-усталена методологія видавання кирилівських рукописів.

На цей раз аналізую працю відомого пок. проф. Івана Богдана: »Documentele lui Ştefan cel Mare«, два томи, Букурешти, 1913 р., грамоти 1457—1503 р. р., порівнюючи їх з оригіналами, які я бачив, або зо знімками їх у Богдановім же »Album paleografic« 1926 року (посмертне видання, редагував N. Jorga). Видавнича метода проф. І. Богдана все ставилась високо й викликала наслідування (див. методу видання М. Костакеску, в його »Documentele Moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare« 1931 р.). Дійсно, зазначене видання для істориків дає справді добрий матеріял, сама видавнича методологія Богдана значно ліпша від усіх попередніх у Румунії, але все ж таки лінгвіст не може користати з видань І. Богдана, бо з погляду лінгвістичного ці видання далекі від своїх оригіналів. Взагалі, проф. Богдан сталої методології видавання пам'яток не мав, і часто її міняв у своїх працях, увесь час шукаючи метод ліпших.

Користаючись працею І. Богдана, як підставою, вкажу тут на ті недостачі її, що не дають їй змоги стати джерелом і для лінгвістичних дослідів. Одночасно з тим розповідатиму, якою повинна бути методологія видання пам'яток і як їх слід взагалі видавати, щоб вони відповідали сьогоднішнім науковим вимогам. Цифри, що подаю їх по прикладах, указують на № змінка в „Album paleografic".

І. Зовнішня сторона тієї чи іншої пам'ятки, напр. форма літер, постійно цікавить палеографа, але він у більшості не може задовольнити свого інтересу, бо звичайно видавці замало описують свій пам'ятник, а при бракові в друкарні певних форм літер легко замінюють їх іншими. Поважні наукові інституції, а особливо академії наук, мусіли б нарешті відлити правдиві кирилівські форми, щоб дати змогу друкувати рукописи письмом уставним чи півуставним, бо ж та стара практика, що панує в нас тепер — усе друкувати новим церковно-слов'янським шрифтом (як це робить і Богдан), — практика така зовсім не витримує поважної наукової критики.

Графіка молдавських кирилівських грамот часто дуже цікава, але Богдан нічим не попильнував хоч трохи віддати її. Так, він скрізь друкує ωт, хоч ув оригіналах усе було ѿ, і нефаховий читач неправдиво думатиме, ніби в молдавських грамотах може й нема ѿ. Помилиться, бо це тільки так у виданні Богдана (і інших румунських видавців).

Далі. Оригінали, молдавські грамоти другої половини XV-го

віку, знають три форми ч: ѵ, ч і рідко ѵ; знають ш, 7, або т; поруч уживають оу, ү, ȣ і ѵ, — у Богдана для всього цього одне ч, т, оу і ȣ (бо ѵ він скріз друкує ȣ). В грамотах скрізь тільки щ, у Богдана скрізь найновіше російське щ. Круглого ѡ, такого частого в грамотах, у Богдана чомусь теж нема, — він друкує його неправильно все через ѡ. В кирилівських рукописах часто маємо початкове кругле, більше за інші літери широке с (в молдавських грамотах воно так само дуже часте, див. напр. Богданів »Album paleografic« 1926 р. №№ 51, 52, 58 і др.), але Богдан ніде його не зазначає.

Отож, видаючи пам'ятника, та ще в виданнях академій наук, мусимо пильнувати, щоб форма літер хоч до певного ступеня передавала правдиву форму оригіналу, цебто форму часу пам'ятника.

Поскільки ми не дбаємо про передачу форми літер оригіналу, вказує хоча б таке непорозуміння. Проф. В. Розов, рецензуючи мою працю: ,,Дві грамоті воєводи валаського Івана Мірчі Великого" 1932 р., пише (,,Slavia" XIII. ст. 484): ,,Выполнено оно (цебто моє видання цих грамот) чрезвычайно тщательно; могу отмѣтить лишь одну опечатку: ревеномѵ II. 8." Ніякої ,,опечатки" тут нема: я навмисне вжив форми ѵ на ч, щоб докладніш віддати форму оригіналу, а шановний рецензент цього не зрозумів і прийняв це за ,,опечатку"...

А що недотримання форми буков оригіналу може часом плутати й саму фонетику його, на це вказує розрізнення є і є. В старших рукописах частенько маємо послідовне розрізнення є і є (= je, континуант давнього ѥ), знають це й молдавські грамоти. Багато маємо таких пам'яток, що на початку слів або в середині по голосній усе послідовно пишуть є. Прикладів на це в Альбомі Богдана повно, напр. див. №№ 47, 51, 58, 60 і др., де є—є послідовно розрізняються, або див. іще такі форми, як є̂сть Album № 48, є̑ми 49, є̂го 50, великоє 51, произволениє 51, имає 54, є̂сми 58, є̂й 61, є̂моу 64 і тисячі т. п. форм, — а в виданні Богдановім скрізь бачимо тільки саме є, — є ніде нема, так ніби на той час це є кудись ізникло з молдавської письменности . . .

2. Історія надрядкових значків у кирилівськім письменстві вивчена в наш час іще надзвичайно слабенько, а тому ними при виданнях рукописів постійно нехтують. Дуже шкода, бо на тім, скажемо, лінгвістика сильно програє. Думаю, що

з часом, коли надрядкові значки будуть у нас проаналізовані глибше, коли стане більше відомим їх правдиве значення, вони вияснять не одну темну сторону старо-слов'янської фонетики; пор. значення значків ' ˆ і інших для зазначення палаталізації приголосних у пам'ятках XI віку, на що звернено належну увагу тільки в останній час.

Певна річ, друкувати пам'ятки з додержанням усіх надрядкових значків дуже трудно, а часом і просто неможливо, тому видавці вибирають собі найлегшу дорогу — зовсім їх опускають . . . На жаль, цією самою дорогою пішов і Ів. Богдан, видаючи молдавські грамоти. Покажу тут, що така дорога провадить тільки до плутанини.

а) В групі приголосних традиційний церковно-слов'янський правопис звичайно ставить ъ, ь або паєрик '. У молдавських грамотах маємо це дуже часто, напр. (з Альбому Богдана): **молдав'скои** 51. 58. 50. 57. 64, **писан'ное** 62, **в'сѣмъ** 59, **потвер'-**
ȣ х
жденіе 57, **к' сем** 57, **постел'ника** 57, **ник'то** 62, **монастир'ски** 62 і тисячі т. п. прикладів. У всіх цих випадках І. Богдан скрізь опустив паєрика, ніде його не зазначив. Цим наносить він велику й дошкульну шкоду лінгвістиці, бо не дає змоги обсервувати глибше збігу приголосних у мові пам'яток. Паєрик бо взагалі заміняв ъ чи ь і не був тільки примхою писаря.

б) На початковій голосній, а також на голосній по голосній у кирилівських рукописах звичайно ставиться придих тієї чи іншої форми. В молдавських грамотах придих у цих випадках звичайна річ. Для нас цікава та послідовність, із якою ставиться придиха по голосній. Прикладів на це повно в Альбомі Богдана, напр.: **Воѐ̂воды** 48, **бо̂ıарь** 48, **даѐ̂мь ѝ потвер-жаѐ̂мь** 48, **воѐ̂вода** 57, **своѐ̂мѵ** 61, **бо̂ıари** 61 і тисячі т. п. На жаль, Богдан у своїй двохтомовій праці скрізь повикидав придихи... А між тим придих на голосній по голосній може часом визначає йотацію голосною.

в) Знаки наголосів дають для лінгвіста надзвичайно багато цікавого матеріялу; на жаль тільки, у нас історія цих знаків досліджена мало й тому сильно втерлася шкідлива звичка ніяких знаків наголосу в пам'ятках взагалі не друкувати. Через це історичне вивчення наголосу стоїть у нас на такому неміцному ґрунті, бо дослідники звикли оперувати без доброго джерельного матеріялу.

Молдавські грамоти, хоч і не часто, проте мають деколи зазначення акцентів. Зібраний до купи акцентний матеріял із цих грамот дав би багато цікавого, а разом із цим виявив би й силу південно-слов'янського впливу в Молдавії. Але Богдан звичайно в своїм виданні скрізь старанно повикидав акцентові значки.

г) Кендема (знак із двох варій) часта в кирилівських рукописах, часта вона і в грамотах молдавських, напр. в Альбомі Богдана бачимо: два 48, то̏ 48. 62, кто̏ 64 і сотні т. п. Надзвичайно часто ставиться кендему над ы, а форма мы̏ стала традиційною в молдавських грамотах. Звичайно, Богдан кендеми ніде не зазначив у своїй праці з 1913 р.

А це незазначення кендеми допровадило І. Богдана до поважних непорозумінь. Справа в тім, що кендема ̏ , стоячи над голосною по голосній, часто визначає *и* чи *й*, особливо в прикметниках, напр. в Альбомі Богдана бачимо: добры̏ почато[к] 55, оу каждꙑ̏ потребны̏ часы̏ 55, оуси подан[д]ы̏ наши 55, до коломы̏ 55, више писаны стефа[н] 61, N[1] новогра[д]скы̏ 61, нѣмецскы 61, ѡрхенскы̏ 61, N[3] белогра[д]скы̏ 61, келїнскы̏ 61 і сотні т. п. Богдан кендему опустив і видрукував: добры початок, новоградскы, нѣмецскы і т. п. А це й уводить дослідника у велике баламутство, бо він зробить неправдивий висновок, ніби в молдавських грамотах у прикметниках відпадає кінцеве *й* чи *и*, тоді як в оригіналах цього зовсім нема . . .

Тільки кендему на взір лежачого винесеного *и* передав Богдан через и, напр.: наше[і] 60, ӥса[і]ѧ 60, вышеписа[н]ны[і] 59, никол[і]62 і т. п. він видрукував: нашеи, исаиѧ і т. п. У винесенім складі ди звичайно и зазначається через кендему або через ї, напр. воев[ди]о, що Богдан передає воеводї.

Про кендему докладно розповідаю в своїх працях: „Akzentzeichen in mittelbulgarischen Sprachdenkmälern" (див. „Zeitschrift f. sl. Philologie" 1932 р. т. IX ст. 398.) та в: „Вербська Євангелія" 1560 р. (див. „Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ", Софія, 1933 р. ст. 219—221).

3. Видавці рукописних кирилівських пам'яток віддавна вже звикли не звертати жодної уваги на винесені над слово літери. Винесене просто зноситься до рядка без жодного зазначення. Попильную тут докладніш показати, що такий спосіб

поступування з винесеними буквами зовсім ненауковий і часто веде дослідника до поважних непорозумінь.

Винесені літери — то дуже характерне й часте явище в кирилівськім письменстві. Було воно в тім, що кожна кінцева приголосна складу чи слова могла писатися над словом. Ця винесена літера могла означати палатальну чи непалатальну приголосну, але цієї природи її при винесенні ніколи вже не зазначалося, бо **ъ** чи **ь** по винесених літерах не ставляться. Ось через це, коли ми винесену літеру при передруках зносимо просто до рядка, повстає важливе питання: чи ми зносимо приголосну палатальну чи ні? Видавці-неспеціялісти звичайно такого питання собі й не ставлять, і просто переносять літеру до рядка як непалатальну, і ніколи ніякої палатальности її не зазначають. Цим власне вони випроваджують дослідника в великий блуд, бо він може думати, ніби в оригіналі справді палатальности не зазначено. Покажу це докладніш на прикладах із праці Івана Богдана.

а) Зносячи винесену літеру до рядка, мусимо обов'язково зазначати її, — дужками, іншим шрифтом чи т. п. способом. На жаль, ніколи цього Богдан не робить.

б) Треба постійно мати на увазі, що винесення — то спосіб скорчення напису слова, цебто, що писар, виносячи, пише тільки одну літеру, хоч мав би написати, пишучи без скорочення, кілька їх. Напр. писар звичайно пише **вєсь, аминь**, а при скороченні: **вє**^{с}, **ами**^{н}; цебто, передруковуючи зо внесенням винесенених буков до рядка, як **вєс, амин** (або ще **вєсъ, аминъ**!), робимо велику помилку.

Богдан, слідом за своїми попередниками, постійно винесену літеру просто зносить до рядка, ані трохи не турбуючись, що тим значно псується оригінал. Так, ув оригіналі (див. його »Album paleografic«) маємо: **ча**^{ст} 61, **є**^{ст} 62, **крѣпо**^{ст} 61, **пєча**^{т} 48. 56. 61, **коро**^{л} 53, **ами**^{н} 53, **на**^{н} 6. 58. 61, **су**^{т} 48. 63, **вє**^{с} 48, **дє**^{н} 62 і тисячі т. п., а Богдан це просто друкує: **част, єст, крѣпост, пєчат, король, амин, нан, сѹт, вєс, дєн** і т. п. Як прийме ці **част, пєчат, дєн** і т. п. дослідник палаталізації приголосних, коли тільки він не сильний у кирилівській палеографії і деталів винесення не знає? А між тим, коли тільки ці самі слова писар пише повно, то звичайно пише їх: **часть, єсть, пєчать** і т. п.

Або, скажемо, в оригіналах маємо: **соу[д]цѣ** 54, **го[н]ци** 54, **сло[д]боно** 52, **челѣ[д]ми** 49. 57, **доухове[н]ствомь** 55, **хоти[н]скыи** 61, **до[ч]ка** 61, **сл[ж]vбоу** 52, **и[л]ıаша** 52 і тисячі т. п., і все це Богдан друкує: **соудцѣ, гонци, слободно, челѣдми, доуховенствомь, хотинскыи, дочка, слѫжбѫ, Илıаша** і т. п., і вводить читача знову в блуд, бо без скорочення той же писар пише: **соудьцѣ, гоньци, слободьно, челѣдьми, ильıаша** і т. п., або: **вирънию** 52, **мерьзенки** 52, **мо[л]дав'скои** 48, **немецьского** 64 і т. п.

Під південно-слов'янським впливом у молдавських грамотах дуже часто ставиться в кінці слів **ь** замість **ъ**, напр.: **сель** 48, **храмь** 48, **даємь** 48, **потвержаємь** 48 і т. п., а Богдан форми **се[л]** 48 друкує просто **сел**, і читач не завжди зрозуміє, в чім тут власне справа, чому в Богдана по кінцевій приголосній так часто нема ніякого знака, ні **ь**, ні **ъ**. Скажемо, назву писаря **в[л]ѫпа[ш]** 48 Богдан друкує **Вѫлпаш**, тоді як сам писар, коли писав себе повно, все на кінці ставить **ь** чи **ъ**.

Старші видавці, зносячи кінцеву приголосну до рядка, звичайно ставили ще й **ъ** по ній, що з наукового погляду зовсім недопустиме. Часом уживає цього способу й Богдан; так, ув оригіналах маємо: **v басарабе[х]** 52, **хо[м]vv** 52, **петри[к]** 61, **всѣ[м]** 52, **ива[н]** 63, а Богдан це друкує: **ѫ Басарабехъ, хочѫмъ, Петрик(ъ), всѣмъ, Иванъ** і т. п.

в) Винесене над слово кінцеве *т* в дієсловах не вільно зносити просто без зазначення того, бо ж воно може бути й палатальним. Так, у молдавських грамотах часто маємо такі форми, як **слѫхають** 48, **стоѧть** 53, **оузрить** 53 і т. п. В оригіналах маємо: **слѫхае[т]** 48, **слѫхаю[т]** 48, **оуслиши[т]** 54, **да[ст]** 54, **стои[т]** 52, **робѧ[т]** 48 і т. п., а це все Богдан друкує: **слѫхает, слѫхают, оуслишит, даст, стоит, робѧт**, а дослідник палатальности приголосних на кінці цих слів хай ламає собі голову, чому в Богдана поруч стоять **оузрить** и **оуслышит** (т. II № 130).

Так само форма **чи[м]ни** (т. I № 6) може бути **чинимъ** і **чинимо**, а Богдан дає тільки **чиним**.

г) Давній правопис по *л* перед приголосною все ставить якийсь знак, — чи то **ь**, чи паєрик, напр. **вольно-вол'но**. Таке *л* у грамотах молдавських часто виноситься над слово, напр.:

воно 60, доброволно 52, стони 61, стоника 57, постеника 52, боше 50, бошее 48. 57. 62, бошую 52, поскомоу 53 і сотні т. п. Усі ці форми Богдан друкує: волно, столник, болше, полскомоу і т. п., а це псує оригінал, бо ж писар написав би йначе, коли б писав повно.

д) В молдавських грамотах, де український вплив надзвичайно сильний, дуже часто маємо східньо-слов'янське сполучення ірраціональних із плавними ъ, ь (або о є стоїть перед плавним), напр.: потвержаємь 48, потверднли 50, мерьзеүкү 52, торгꙋ 48 і сотні т. п. Але подібні форми часто пишуться з винесенням, напр.: срцемь 48, срца 56, црквн 49 і т. п., а Богдан це друкує суб'єктивно так: срьдцемь, срьдцемъ, срьдцем, црькви, або й сердца і т. п. А це все впроваджує лінгвіста таки в великий блуд ...

е) При винесеннях покрите *с* може визначати й *ст*, що в кирилівських рукописах дуже часте. Напр. у молдавських грамотах маємо: поченом 52, поченими 52, лимь 56[1.3] і т. п., що Богдан передає: почесномꙋ, почесними, лис[то]мь, а це не так, бо могло це бути й почестномꙋ, почестними, лист[о]мь. Дослідник, що казав би про зміну тут *стн* на *сн*, помилився б.

є) Кирилівське письменство часто знає й такі винесення, коли слово значно скорочується, цебто й деякі голосні не пишуться, напр. саша 52, соукѣ 52, поше 57, ротелен 58, крпо 49 і т. п., і Богдан зовсім добре друкує це так: Сак(ы)ша, Соуч(а)вѣ, поч(и)ее(н)ше, род(и)телен, кр[ѣ]пост і т. п. Справа тільки в тому, що дуже помилився б дослідник, коли б він повірив, ніби Богдан зазначив дужками ( ) чи [ ] те, чого в написанім слові нема і що він сам додав, — Богдан у переважній більшості цього не зазначає. Напр.: воево 61, ншем 57, пином 57, пов'ши 57, мдавскон 49 і сотні т. п. Богдан друкує просто: воевода, нашемꙋ, писаномꙋ, почившиχ, молдавскон і т. п., а цим знову пантеличить дослідника, який може повірити, ніби так і в оригіналі.

Часту форму в лѣ 49. 53. 63 Богдан все друкує в лѣто, — добавленого не зазначає. Чому в лто 61 він передає в лѣто, коли тут не рідка й форма в лато, напр. Album №54 (т. I № LX)?

Традиційне в грамотах пи с 47. 52 Богдан друкує то пис(а) т. I № V, то пис(алъ) т. II № 127.

Форми: вы ш 48, ни ж 48, ме ж 48, иде ж 51 Богдан зовсім добре передає: выш(е), ниж(е), меж(е), идеж(е), — дослідник знає, що кінцеві *е* добавив сам видавець. А коли так, то чому ж форми зани ж 50, коли ж 50. 54, тако ж 48, що ж 52 і т. п. Богдан передає: занѹж, колиж, також, щож? (пор. в оригіналі николиже 59)? Чому иде ж 49 він друкує идеже, не зазначаючи добавленого е?

Форма оригіналу боу д 48. 54, бѹ д 62. 50 друкується боуд, бѹд, чому не боуд(и), як чтѹ ч 48, иду ч 60 передається чтѹч(и), идѹч(и)?

Кирилівське письменство дуже часто закінчення прикметника -го пише так, що кінцеве о опускає зовсім, а г ставить над словом. В молдавських грамотах ці форми дуже часті: то г 49. 50. 53. 54, ино г 48. 62, немецко г 48, е г 60, наше г 48. 56 і т. п., — усе це Богдан друкує: того, иного, немецкого, его, нашего і т. п., — ніде не зазначаючи, що кінцевого о нема в оригіналі.

ж) Кирилівське письменство знає цікавий спосіб скорочення слів: із двох однакових голосних пишеться тільки одна, а приголосна, що між ними, виноситься над слово, напр.: до д хомь 85, ста к 49, пр д ч еною 61, възнеc еніе 57, лѡ г ѳета 56, лѡ г ѳетѹ 56. 58, ло г ѳетѹ 57 і т. п., що Богдан добре передає: доходомь, става, прадреченою, възнесеніе, лѡгѡѳета, лѡгѡѳетѹ, логоѳетѹ. Шкода тільки, що видавець не зазначає тут доданих буков, бо часом у нього знаходимо Добрѹл(ѹ), коли в оригіналі добр л 49.

Я навмисне трохи довше спинився над винесеними буквами. Думаю, що читач наочно переконався вже, що при виданні рукописних пам'яток мусимо обов'язково зазначати й винесені букви, бо йначе в дуже багатьох випадках, як то ми бачили, введемо дослідника в блуд, позбавивши його змоги робити глибші, скажемо фонетичні досліди.

4. В кирилівськім письменстві, як знаємо, святі назви (nomina sacra) все пишуться »под покритіем«, із титлою. Богдан у своїм виданні грамот молдавських скрізь ці слова подав повно,

але зовсім не позазначував, що він при тому додав. Так, в оригіналі маємо форми: гдрь 62, гпръ 48. 47, гдрь 56, гпрь 61, гдаръ 54 — усі їх Богдан передав одним господаръ. Форми: дше 62, снъ 61, сни 57, мца 6. 53. 54. 62, мчцн 6, бцн 64, члка 47, іу ха 57, гво 49. 57, гва 56. 62 і т. п., що Богдан просто розкриває: дѹше сынъ, сыни, мѣсѧца, мѹченици, богородици, человѣка, Ісѹ Христа, господство, господства і т. п., а це ж могли бути й зовсім інші форми, пор. напр.: сн 59, свѣтого, доуше, мисѧца і т. п.

Форму стго 62 Богдан друкує свѧтого, а стго 60 чомусь передає вже свѧтаго; до першої форми Богдан іще й замітку додає, що Hasdeu друкує цю форму як свѣтого. А в оригіналі тільки стго!

В оригіналі маємо чти, що Богдан передає чтн (т. II № 127 ст. 270) і поправляє Калужняцького, що видрукував це як чести; але титло в чти обов'язує передати повно цю форму бодай як чьти, а могло це бути й чьсти.

Додам іще, що в тогочаснім письменстві nomina sacra не рідко пишуться й без титли, а тому спосіб розкривати титли сильно плутає дослідника, бо він усе не знає, як же було в оригіналі.

5. Коли букви визначають цифри, то над ними непремінно пишуться титла, а перед і по них ставиться крапка, напр. Album дає: .ѕ ц о д 54, . в . села 56 і т. п. Богдан вибрав собі дивну, зовсім суб'єктивну методу: крапок він ніде не ставить, тител над датою (роком) так само не ставить, але чомусь ставить їх тільки над днями місяця. Звідки така мода пішла?

6. Молдавські грамоти часом дають цікавий матеріял для історії інтерпункції, пор. напр. Album № 48 (грамота 1458 р.) має вже добре поставлену перетинку. Богдан скрізь подає сучасну пунктуацію, хоч і не завше добре, пор. напр. грамоту № 127 в II томі праці.

Ще приклад. В грамоті 1468 р. (Album № 55[15]) маємо . и оу ч(ь)ти држати . . тут це речення, як і другі, взяте в крапки, що дуже добре відповідає текстові. Богдан же чомусь ставить перетинку по ч(ь)ти, а це зіпсуло текста. Про сам цей текст див. ще далі § 9.

7. Поділ слів Богдан робить часом усупереч оригіналові;

напр. оригінал має: дшє . гоубство 54, вишє . писаном 54, що видавець друкує д8шегоубство, вишеписанном8.

Займенника сѧ Богдан скрізь друкує окремо, напр. прил8чит сѧ, хоч оригінальне прилvчитсѧ 49 говорить проти того.

В праці знаходимо ѡт толѣ, до колѣ (т. І № 85), чи не ліпше б дати ѿтолѣ, доколѣ? Оригінальні нань 57, на 56 друкує на нь і нан. Форму: и семv 51 друкує: и к сем8 замість ик семv.

8. Кожний, хто працював над кирилівськими рукописами, добре знає, що писарі на кінці рядка вживають найрізніших способів, щоб, коли бракує місця, скоротити слово. Ось тому на кінці рядка прийняті писарські звичаї дуже часто не дотримуються. Це ж часто маємо і в грамотах. На жаль, Богдан не звернув на цю рису жодної уваги й ніде не зазначив кінця рядків (і не понумерував їх, що дуже утруднює користання, скажемо, при порівнянні з оригіналом).

9. Хто видавав рукописні пам'ятки, той добре знає, як трудно не зробити якоїсь помилки супроти оригіналу. Я перевірив лише декільки оригіналів (з фотографій в »Album«, головно №№ 47—69), з їхнім передруком у Богдана, і повинен ствердить, що сам текст скрізь передано надзвичайно докладно, що являється великою заслугою видавця.

Правда, деякі відступлення супроти оригіналу маємо майже в кожній виданій грамоті. Подам тут тільки дещо.

Оригінал:	*у Богдана:*
своє̂ю 50	своего
боудеть 62[12]	боудетъ
корѹ́ноѹ 53	Короуноу
воскv 49	воиск8
л[т]ѧ 54[4]	лѣт
ка[л]ждого 55[16]	каждого
влаик[л]8 61[8]	Блаик8л
оѹ васл[і]v 63	оу Баслоуи
сѣ стали 52	състали
v басарабо[х] 52[8]	8 Басарабехъ.

і т. п., — таких прикладів можна подати не мало, и вже вони самі показують, як дуже обережно треба поводитися з виданим матеріялом напр. фонетикові.

Часом ув оригіналі маємо трудне або неясне читання; в більшості Богдан виходить із того дуже добре, але й тут я міг би дещо вказати. Напр.:

Я читаю:	*У Богдана:*
дивкоу 54[7]	**дивккоу**
плавѣ 54[10]	**плавъ**
билици 54[13]	**билиц[и]**
ѡди на 60[10] (над рядком: н͡ ш͡)	**ѡдина слвга**
братїю 56[7]	**братїи**

В оригіналі три рази читаємо: **стои короуни полскои** (Album № 53), що Богдан т. II № 130 передруковує **свѧтои Короуни полскои**, а треба не **свѧтои**, а **свѣтлои**. Титул Польші був *свѣтла*, а не *свята!*

В Album № 51 читаємо **потвръдили**, що Богдан неправильно друкує **пот[в]ръдили**; в оригіналі лігатура *твр*.

В кирилівських півуставних або скорописних рукописах, особливо часто в грамотах, кінцеве в рядку *а* пишеться недбало, широко, на зразок грецької *α*. Те саме не рідко маємо і в грамотах молдавських; напр. Album paleografic № 51 грамота 1460 р. має власне таке *α* в кінці рядків 2, 5, 6 і останнього, де дано слова: **на**, **стефана**, **гоѧна** і **геѡргїа**. Богдан не зрозумів цього звичаю, і всі ці *α* помилково друкує (т. I № 22) за **8**: **н8**, **Стефан8**, **Гоѧн8**, **Геѡргї8**.

В грамоті 1468 р. (Album № 55[15]) маємо: **и оу ч ти држати**., при тім поміж **ч** і **т** витерто помилкове **и**, а тому це треба читати: **и оу чти држати**, як говорить і контекст, і подібні інші грамоти; Богдан же подає неточно: **и оуч[и]ти**.

В молдавських грамотах не рідко спотикаємо т. зв. хомонію, цебто читання **ъ** (чи **ь**) за *о*, що була занесена з церкви до канцелярій [1]). Так, напр., у грамоті 1462 р. (Album № 53) я читаю: **ѳеѡтисто**, **имаемо**, **слюбоуемо**, **заприсѧгаемо**; теж і в гра-

[1]) Про хомонію докладніше пишу в своїй статті: »Дві найстарші молдавські кирилівські грамоті«, див. »Slavia« т. XIII ст. 681—682.

моті 1468 р. (Album № 55): слюбоуемо, ѿлексадро (з надрядковим н), дидо, ймаемо, своимо, — у всіх цих випадках Богдан друкує на кінці цих слів не ѻ, як бачимо в оригіналі, але ь.

10. Знімки з молдавських грамот, Album paleografic 1926 р., посмертне видання праці Богданової, зроблені надзвичайно добре. Одна тільки є в них недостача, — на жаль, звичайна і в інших виданнях і яку майже неможливо оминути. Грамоти завсіди мають зломи чи складки, що від віків часом і протерлися. При фотографуванні ці зломи постійно виходять недобре, — або зовсім не до читання, або мало читкі, пор. № 58, 64 і др. Часом можна зарадити цьому лихові, добре розтягнувши грамоту перед фотографуванням. Напр. № 58 рядок 8 зліва вийшло: -скили, треба -скими, рядок 9: -ілатити, треба платити, — тут добре не розтягнено грамоти для фотографування. Грамоту 1472 р. № 60 при фотографуванні зле підклеєно.

В долученім до Альбому покажчику під №№ грамот подано відсилачі на ці грамоти в виданні Богдана; ці посилання не рідко не точні, напр. під № XLIX треба № VIII, № LIII — треба № CXXX, № LV — № CXXXV, № LVI — треба CXXXVI і т. п.

Кінчаючи свої критичні замітки, ще раз підкреслю, що сам текст Богдан друкує дуже добре. У цім відношенні його видання краще від усіх попередніх молдавських видань, за що історики постійно будуть вдячні видавцеві.

Але Богдан, як показав я вище, звичайно не передає оригіналу точно, а тому його видання не придатне для докладних лінгвістичних студій, бо оригіналу ніяк не замінить. Правда, це загальна риса значної більшости наших кирилівських видань, — для лінгвістичних студій вони не придатні. Думаю, що проти такого видавання рукописних матеріялів лінгвісти мусять піднести свій рішучий голос, вимагаючи найдокладнішого точного видання текстів.

Крім цього, видавати кирилівські тексти (чи бодай редагувати) може тільки глибокий знавець кирилівської палеографії та дипломатики, а не кожний, хто тільки вміє поверхово прочитати текста. Румунська славістика ще й тепер сильно грішить проти цього.

Варшава. *Іван Огієнко.*

Заметки о князе А. И. Одоевском.[1]

I.

Поэт-декабрист князь Александр Иванович Одоевский — явление совершенно исключительное в русской литературе. В самом деле, обычно творчество поэта становится уже достоянием той эпохи, того поколения, к которому данный поэт принадлежит; оно подвергается той или иной оценке современниками, оно находит пути влияния, оно вдвигается, как нечто целое, замкнутое и свершенное, в литературное наследие эпохи. Не так обстоит дело с творчеством кн. А. И. Одоевского. Мы знаем, что он был настоящим поэтом, любившим поэзию и высоко ставившим ее роль и значение в жизни: »я очень люблю поэзию и литературу, больше, чем все остальное в сфере искусств и человеческих знаний«[2], писал Одоевский отцу в средине тридцатых годов из Елани, Иркутской губернии, где он находился на поселении. Мы знаем, что кн. А. И. Одоевский был прекрасно образованным человеком, отлично знавшим мировую и отечественную литературу и вполне подготовленным теоретически для широкой и плодотворной литературной деятельности[3]. Мы знаем, наконец, что вдохновение посещало Одоевского часто, что сочинял он много[4] и что стихи его по большей части пользовались популярностью, признанием и успехом среди тех, кто слышал импровизации поэта или читал его стихи в рукописных списках. И вместе с тем понадобилось чуть ли не полстолетия, чтобы облик А. И.

---

[1]) Автор настоящей работы, прив.-доц. Борис Алексеевич Евреинов, скончался в Праге 29-го октября 1933 г. Ему уже не довелось дождаться авторской корректуры статьи, сданной им для напечатания еще при жизни. По просьбе Редакции корректуру статьи взял на себя А. Л. Бем. — *Ред.*

[2]) П. Н. Сакулин. А. И. Одоевский в неизданных письмах. Декабристы на каторге и в ссылке. Сборник. Москва. 1925. Стр. 131—132.

[3]) Доказательства: лекции по истории русской словесности, читанные Одоевским на память в »академии« Петровского завода и составленная им там же грамматика русского языка.

[4]) Сам А. И. Одоевский признавался в письме (неизданном) к кн. В. Ф. Одоевскому в 1824 году: »весьма много бумагу мараю«. Декабрист А. П. Беляев говорит в своих Воспоминаниях (Р. Ст. 1881, кн. 4) о »многих тысячах« стихотворений Одоевского.

Одоевского, как поэта, предстал перед нами в относительно ясном виде. «Наследие Одоевского, говорит И. А. Кубасов [1]), выходило на свет из под спуда медленно, по крохам; Одоевский-поэт не сразу предстал на суд не только современников, но и ближайшего к нему поколения, и не только первые, но и позднейшие исследователи его жизни и творчества принуждены были делать о нем суждения, располагая материалами не полными». Полнозвучная, прекрасная лира Одоевского звучала для немногих избранных. Память о ней, как о чистейшей музыке, осталась в ушах немногих слушателей. «В голосе его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться», вспоминал впоследствии Н. П. Огарев [2]). Эта лира, эта музыка не всколыхнула читающей массы, не оказала на нее никакого влияния.

Каковы причины этого странного на первый взгляд явления? Современники Одоевского, писавшие о нем [3]), в один голос утверждают, что он не любил записывать своих стихов и никогда не отдавал их в печать [4]). В такой формулировке это утверждение необходимо признать правильным, так как оно подтверждается как собственными заявлениями А. И. Одоевского, так и фактами его жизни. «Если я теперь когда-нибудь сочиняю их (т. е. стихи), стараюсь забыть: это для меня тем легче, что я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу», писал Одоевский отцу из Елани [5]). Но было бы неправильно, как это делает Н. П. Огарев, утверждать, что А. И. Одоевский никогда не записывал своих многочисленных стихов, ограничиваясь чтением их наизусть людям близким [6]). Такая категоричность излишня. Мы теперь имеем в руках доказательства того, что поэт Одоевский не только записывал свои стихотворения, но подчас подвергал их длительной, тщательной и систематической обработке. Прежде всего сошлюсь на свидетельство самого Одоевского. В письме к двоюродному брату кн. В. Ф. Одоевскому, относящемуся к 1824 году (письмо это неиздано, отрывки из него приводит Н. Котляревский в своей

---

[1]) Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. Петербург 1922. Стр. 22.

[2]) Н. Котляревский. Декабристы. Кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. Спб. 1907. Стр. 49—50.

[3]) Декабристы А. Е. Розен, А. П. Беляев и др.

[4]) А. И. Одоевский писал двоюродному брату кн. В. Ф. Одоевскому, что презирает »печатное бытие«.

[5]) П. Н. Сакулин, op. cit., стр. 156.

[6]) Н. Котляревский, op. cit., стр. 49—50.

книге «Декабристы», стр. 13), А. И. Одоевский пишет: «Стихи пишу и весьма много бумагу мараю... Люблю писать стихи, но не отдавать в печать». А дальше в том же письме А. И. Одоевский говорит о начале «двух поэм, которые лежат под столом, полуразодранные и полусоженные». Значит в жизни А. И. Одоевского были дни, были эпохи, когда он не только говорил вслух стихи, но и записывал их сам, усиленно «бумагу марал». Но категорическое заявление Огарева должно отпасть окончательно после появления в свет книги И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения», изданной Пушкинским домом при Российской Академии Наук в 1922 году. И. А. Кубасову удалось найти «некоторое количество стихотворений Одоевского в его собственноручной записи и черновых набросках». Это — две тетради, из коих одна принесена в дар Пушкинскому дому Б. Л. Модзалевским, а другая находилась среди бумаг известного общественного деятеля В. Е. Якушкина, внука декабриста, и ныне хранится в Рукописном отделении Российской Академии Наук. В тетрадке, принадлежащей Пушкинскому дому, имеется всего 18 стихотворений, записанных рукою автора, а в Якушкинской тетради — пять стихотворений, переписанных набело. «Найденные автографы, пишет И. А. Кубасов [1]), разрушают легенду о том, будто бы Одоевский вообще не любил писать или записывать своих стихов, а лишь импровизировал: подлинные рукописи подтверждают, что Одоевский не только писал и переписывал свои произведения, но порою и тщательно обрабатывал их, делая многочисленные поправки и внося варианты. Рукопись же поэмы «Василько» свидетельствует, что поэту она давалась не легко, и он положил на нее не мало упорного труда и не раз возвращался к написанным раньше строфам и переделывал их и вообще подвергал тщательной обработке». Значение обнаруженных Кубасовым автографов Одоевского очень велико. Но оно не может идти так далеко, как это хочется Кубасову, и окончательно разрушить «легенду о том, будто бы Одоевский вообще не любил писать или записывать своих стихов». Как правильно указал покойный ныне П. Н. Сакулин [2]), нелюбовь Одоевского к записыванию стихов вовсе не «легенда», это — факт. Нахождение авто-

[1]) Op. cit., стр. 7.
[2]) П. Н. Сакулин, op. cit.

графов Одоевского опровергает лишь категорическое заявление Огарева, что Одоевский никогда не записывал своих произведений. Другие современники и друзья Одоевского не выражались так решительно, как Огарев. А. Е. Розен[1]) осторожно говорил, что Одоевский вообще «избегал всяких писаний». А декабрист А. П. Беляев[2]) писал: «Он (А. И. Одоевский) был очень рассеян, беспечен, временем, до неистовства весел, временами сумрачно задумчив, и хотя конечно он не мог не сознавать своего дара, но был до того апатичен, что нужно было беспрестанно поджигать его, чтобы заставить писать. Большую часть его стихов мы с братом и с Петром Александровичем Мухановым решительно можем отнести к нашим усилиям и убеждениям». И это верно: А. И. Одоевский не любил писать и писал мало, часто весьма небрежно относясь к своему «бумагомаранию» — вспомним хотя бы о полуразорванных и полусожженных поэмах, валявшихся под столом. Исследователи жизни и творчества кн. А. И. Одоевского не принимали на веру категорического суждения Огарева, но они, естественно, не могли обойти многочисленных свидетельств современников Одоевского об его отношении к своей поэзии. И вот мы видим, что М. Н. Мазаев[3]) осторожно замечает: «Одоевский очень редко записывал свои стихотворения; дошедшие до нас почти все записаны его друзьями». Обнаружение автографов Одоевского ничуть не поколебало этой осторожной формулировки. Точно также и другой исследователь, Н. Котляревский[4]), говорит о том, что Одоевский «редко кому позволял» подслушать свои стихи; «почти все его стихотворения были записаны его друзьями, иногда по памяти». Несомненно, традиция, против которой восстает Кубасов, в основе своей правильна: А. И. Одоевский избегал письменности.

Естественно поставить вопрос: почему Одоевский не любил записывать своих стихов? Лично хорошо знавший его Н. П. Огарев решительно утверждает, что Одоевский не придавал своим стихам «никакого общего значения»[5]). Правильность этого

[1]) Полное собрание стихотворений Одоевского. Собрал А. Е. Розен. Спб. 1883, стр. 12.

[2]) Воспоминания. Р. Ст. 1881. Кн. 4, стр. 800.

[3]) Сочинения князя А. И. Одоевского. С биограф. очерком и примечаниями, составленными М. Н. Мазаевым. Приложение к журналу »Север« за июль 1893. Спб. 1893.

[4]) Op. cit., стр. 3.

[5]) »Полярная звезда«. 1861. VI. Стр. 338 и след.

утверждения Н. П. Огарева была уже неоднократно заподозрена исследователями жизни и творчества Одоевского. В самом деле, многочисленные строки А. И. Одоевского ясно свидетельствуют о том, какое высокое значение в жизни придавал он поэзии. Для него поэзия несет в себе «небес бессмертные цветы» и в «стройный звук» изливает «красу и стройность мира». Поэзия — Божий глагол, «и пеньем птиц и бурями воспетый». По его словам «поэт в свой тесный стих вдыхает жизнь и вечность, как сам Господь вдохнул в свой Божий свет — в конечный мир всю духа бесконечность». Вдохновение для Одоевского — высший дар, величайшая радость; это «огонь», «пламя», порыв». «Поэт говорит, из глубины горнил текут стихи — их плавит вдохновенье» . . . «Без вдохновения, пишет Одоевский отцу, чувства гибнут». В поэзии Одоевский ищет «утешения», источника «живой воды». Но влечение, порыв, вдохновение — одно, а результаты вдохновения, порыва и мысли, выраженные музыкой слова — другое. Одоевский был очень требователен к себе как к поэту. Ему все казалось, что он не сумел найти подходящих слов, не смог в надлежащей форме дать выход своему вдохновению, перелить огонь души «в чистый пламень». Как правильно отметил М. Н. Мазаев[1]), возвышенная натура поэта, «всегда парившая в отвлеченном мире фантазии», боялась «всякого соприкосновения с действительностью». Ощущение трагического несоответствия внутренней музыки души внешней музыке слов, повидимому, и препятствовало Одоевскому свободно и просто, с любовью и охотой садиться к столу и записывать свои стихи. Высокая миссия певца оказывалась не выполненной вследствие бессилия и несовершенства найденных слов, звуков и ритмов. Поэтическая мечта не претворялась в действительность.

Но как А. И. Одоевский ни избегал письменности, все же небольшое рукописное наследие он оставил. Я уже упоминал о двух недавно обнаруженных тетрадках его автографов. Кроме них сохранились показания и письма А. И. Одоевского в делах Следственной Комиссии о декабристах, два письма в делах III отделения собственной е. и. в. канцелярии, шесть писем к В. Ф. Одоевскому, опубликованных в Р. Старине за 1904 г., одно письмо из Иркутска, одно письмо к декабристу М. А. Назимову, написанное летом 1839 года на Кавказе, 28 писем

[1]) Op. cit., стр. XI.

к отцу из Сибири, напечатанные недавно Сакулиным, и некоторое (небольшое) количество неизданных писем, хранившихся в Публичной библиотеке в Петербурге, и частично использованных Н. А. Котляревским в его книге «Декабристы». Что касается печатного наследия А. И. Одоевского, то здесь прежде всего необходимо отметить факт твердо установленный: Одоевский сам не предпринимал никаких шагов к печатанию своих произведений. При этом все исследователи справедливо ссылаются на слова А. И. Одоевского, обращенные к двоюродному брату, В. Ф. Одоевскому: «я презираю печатное бытие». Но благодаря работе, проделанной И. А. Кубасовым, можно теперь считать несомненным, что при жизни Одоевского было напечатано не одно стихотворение его («Сан-Бернар»), как первоначально думали, а до десяти. В «Литературной газете» за 1830 г. напечатаны: «Элегия на смерть Грибоедова», «Узница Востока», «Пленник. Элегия», «Два Пастыря». В следующем году в том же издании помещены: «Последняя надежда», «Амур-Анакреон». Наконец, в том же 1831 году в альманахе «Северные цветы» напечатаны: «Тризна», «Луна» и «Бал». Общий фонд известных нам и напечатанных стихотворений Одоевского составляет 57 пьес, несомненно ему принадлежащих, и 6 пьес, лишь приписываемых ему (ниже я буду говорить о некоторых из них подробнее). Из 57 несомненно принадлежащих Одоевскому стихотворений 44 были изданы А. Е. Розеном в 1883 году под заглавием «Полное собрание стихотворений Одоевского» и впоследствии неоднократно переиздавалчсь, 11 пьес вновь обнаружены И. А. Кубасовым в упоминавшихся уже тетрадках.[1]) Одно стихотворение — Молитва русского крестьянина, — написанное по французски, ныне найдено Б. Николаевским[2]) и, наконец, «Колыбельная песня» напечатана в 1923 г. С. Любимовым.[3])

---

[1]) См. выше, стр. 3. Новое издание стихотворений и писем А. И. Одоевского, вышедшее в 1934 г. под ред. И. А. Кубасова и Д. Благого, естественно, не могло уже быть учтено в настоящей статье. Ср. *А. И. Одоевский*. Полное собрание стихотворений и писем. Подготовка текста, биографический очерк и комментарии *И. А. Кубасова*. Вступительная статья и редакция *Д. Д. Благого*. М., изд. »Академия«. 1934. — *А. Б.*

[2]) Затерянное стихотворение А. И. Одоевского. Сообщ. Николаевский »Декабристы и их время«. Труды Моск. и Ленин. секций по изучению декабристов и их времени. Том I. Изд. Политкаторжан. Москва. 1927.

[3]) Неизданное стихотворение кн. А. И. Одоевского, Колыбельная песня, врученная матери младенца Кондратия, баронессе Анне Васильевне Розен. Сообщил С. Любимов. »Литературная Мысль«. Альманах. Т. II. Изд. »Мысль«. Петр. 1923.

2.

Общий характер поэзии Одоевского, ее основные мотивы и тенденции бросаются в глаза сразу. В его поэзии доминирует богоустремленность вся поэзия Одоевского есть выражение глубокой, пламенной и преданной веры в высшее существо; душе Одоевского чужды сомнения, его свеча горит ровным пламенем, не мигая и не чадя. Высшее существо — Бог, благость которого неизреченна, оправдывает и освящает существование внешнего мира и конечной жизни, придавая ей особый глубокий смысл, высокую цену и духовную красоту. Жизнь, пронизанная и одухотворенная благостью Божией, освещенная тайной Искупления и Воскресения из мертвых, становится великим счастьем. Но жизнь, оправданная бытием Божиим, протекает и развивается во внешнем мире, видимом и осязаемом. Этот внешний мир является также проявлением Божественного начала и таит в себе элементы вечной божественной красоты. В этом внешнем мире может быть разлита печаль — и мы часто слышим скорбные ноты в его поэзии, — но никогда не позволял Одоевский пессимизму охватить душу. Его печаль всегда оставалась светлой. И даже тяжкие невзгоды его личной жизни, изгнание из привычной и милой ему внешней жизненной обстановки, скорбное одиночество в занесенной снегами Елани, отрыв от любимого отца, — все это, порой тяжко мучившее его, не могло все же до конца убить в Одоевском светлую веру в жизнь и в конечное торжество правды. Если правда не сможет восторжествовать здесь, на земле, то она обязательно будет праздновать победу в потустороннем мире, в реальность которого Одоевский твердо верил. И это торжество правды в будущей жизни вознаградит за все человеческие страдания, испытанные во время земного существования. Одоевский, по словам Н. П. Огарева [1]), «принадлежал к числу личностей христоподобных». Эта черта облика Одоевского сильно привлекала к нему Огарева, пробуждая в последнем интерес к религиозным вопросам. Огарев говорит [2]), что Одоевский был поэтом «христианской мысли, вне всякой церкви. Он в христианстве искал не церковного единства, как Чаадаев, а исключительно самоотречения, чувства преданности и забвения своей

¹) Op. cit. стр. 338.
²) Там же.

личности». И это верно: богоустремленность поэзии Одоевского была совершенно внеконфессиональна.

Больше всего Одоевский не любил «холодность», рыбью кровь. Сам он вечно бродил в «лавиринтѣ» чувствований и мыслей. Он реагировал на все, как натянутая струна. Но в этой чувствительности не было того, что Одоевский презрительно называет «общим пороком сентиментальности». Он вовсе не хочет быть причисленным к «Стерновой секте», он только не любит холодности и рассудочности. Чувствительность создавала почву для мечтаний, а мечта находила выражение и простор в поэзии. Выше я говорил о том высоком назначении, которое поэзия, в представлении Одоевского, имела в жизни. Мысли о поэзии, выражение пламенной любви к ней мы на каждом шагу встречаем в стихотворениях и письмах Одоевского. Действительно, поэзия была его подлинной стихией. Она держала в плену его пламенное сердце.

Среди основных мотивов поэзии Одоевского необходимо отметить его любовь к свободе и глубокий патриотизм. Вольнолюбимых стихов Одоевский написал много, при чем некоторые из них отмечаются возвышенной красотой. В книге И. А. Кубасова «Декабрист Одоевский и вновь найденные его стихотворения» напечатано прекрасное по форме и очень красивое по образам стихотворение «Неведомая Странница», в котором Новгородская вольность олицетворяется в Святой Софии, покровительнице Великого Новгорода. Любовь Одоевского к отечеству выражается, во-первых, в его пристрастии к русской старине: темы многих эпических и лирических произведений Одоевского взяты из древней и средневековой русской истории, при чем в поэме «Василько» поэт искусно сплетает два элемента древне-русской жизни — языческий и христианский. Далее, патриотизм Одоевского проявляется в глубокой вере в великое будущее России и в сознании ее необыкновенной силы и могущества. В этом отношении любопытен образ России в виде молодого богатыря со светлорусыми кудрями по плечам; богатырь идет вперед полный жизни и крепости, без щита и меча, и железной рукой твердо правит осью мира («Брак Грузии с Русским царством» — 1838). А в драматическом отрывке «Осада Смоленска» хор народа, в ответ на сообщение посадника о развенчании царя Василия Шуйского, говорит вдохновенно: «Василий развенчан, но Царь нам — Россия».

3.

Принято считать, что А. И. Одоевский был случайным декабристом [1]). Здесь кроется явное недоразумение. Если под декабристами понимать только тех, кто был активным членом Тайных Обществ и кто с оружием в руках вышел 14-го декабря 1825 года на Сенатскую площадь или участвовал в трагическом бое на юге России у Трилес, то кн. А. И. Одоевского, действительно, можно причислить к лицам, лишь случайно примкнувшим к движению. Одоевский не был политическим деятелем и не интересовался общественно-политическими и социальными вопросами. В Следственной Комиссии, в полном соответствии с действительностью, А. И. Одоевский говорил: «не только ни одного лоскутка бумаги не найдете, который мог бы служить против меня доказательством, но даже ни единой книги, относящейся до политики или новейшей филисофии. Я занимался словесностью, службою; жизнь моя цвела» . . . [2]) Конституция, республика, социальные реформы — все те вопросы, которые стояли в центре внимания Тайного Общества, составляя его идейную сущность, — отнюдь не захватили сознания кн. А. И. Одоевского [3]). Не увлекло его и самое революционное действие; на Сенатской площади он чувствовал себя скверно; сперва было с пистолетом в руках командовал взводом и кричал «ура» Константину, а потом несколько раз порывался уйти с площади. Воспоминания об осени 1825 года и о 14-ом декабря впоследствии тяжелым кошмаром давили на сознание Одоевского. Он писал отцу 12 октября 1835 года из Елани об этой эпохе, как о величайшем «заблуждении», «преступном», «непостижимом», «которое оторвало меня от всех моих проектов, занятий, путешествий и от всего будущего поэзии — от того, что моя душа единственно жаждала» [4]). Для Михаила Бестужева день 14-го декабря был днем «торжественным» и «святым» [5]). Одоевскому этот день представлялся черным, преступным, иско-

[1]) П. Н. Сакулин, op. cit., стр. 135.

[2]) Н. Котляревский, op. cit., стр. 14.

[3]) В своих показаниях Следственной Комиссии Одоевский говорил, что Тайное Общество намерено было »дать государству конституцию, которая была написана Рылеевым и Оболенским. Я о н у ю н е ч и т а л.« (Восстание декабристов. Материалы. Под ред. А. А. Покровского. Центрархив. Гиз. Москва. Том II. Стр. 244).

[4]) П. Н. Сакулин, op. cit., стр. 172—173.

[5]) Воспоминания М. А. Бестужева. Библиотека мемуаров. »Огни«. Петр. 1917, стр. 225.

веркавшим всю его жизнь, так красиво, пышно и богато расцветавшую. Разница в восприятии громадная.

И все же, несмотря на это, А. И. Одоевский был декабристом и декабристом не случайным. В самом деле, было бы ошибочным считать декабристами только тех, кто разрабатывал преобразовательные планы и активно действовал в Тайных Обществах и на площади. Понятие декабрист более широкое. Не нужно было быть обязательно активным революционером, чтобы участвовать в движении, которое получило наименование декабризма. По существу это было широкое умственное и общественное движение, которое после наполеоновских войн охватило передовые элементы русской образованной молодежи. К этому движению примыкали люди, вольнолюбивое настроение которых и поэтические мечты о красивой и «соблазнительной» свободе неудержимо искали выхода. В этом настроении подчас было много безотчетного, много молодой экзальтации. Характерны слова Одоевского на собрании у Рылеева перед 14-м декабря: «ах, как славно мы умрем!» И эта экзальтация не была только временным порывом, разбитым и уничтоженным Петропавловкой, «каторжными ямами» и поселением. Вольнолюбивое настроение Одоевского было прочным; оно вынесло все бури и тяготы следствия, суда и наказания, оно пережило период падения и помутнения рассудка в крепости и период тоскливого одиночества в Елани. В стихотворении (на французском языке) «Молитва русского крестьянина», которое Jean Marie Chopin[1]) относит к эпохе до 1825 года, ярко выражается отвращение Одоевского к крепостному праву и жалоба на тяжкое положение русского крестьянина. «Я орошал землю потом своим, говорится в этой пьесе, но ничто производимое землей не принадлежит рабу. А между тем наши господа считают нас по душам; они должны были бы считать только наши руки». Это вольнолюбивое настроение не поколебалось несмотря на то, что самое выступление 14-го декабря, с его выстрелами, насилием и кровью, Одоевский потом резко осуждал и считал даже преступным. Мечты о свободе уживались в Одоевском с врожденным монархизмом. Этот врожденный монархизм дик-

[1]) Француз Jean Marie Chopin вывез оригинал этого стихотворения заграницу и напечатал в 1843 году в двухнедельном парижском журнале »La Revue Indépendante«, в котором сотрудничал Ламменэ, Ламартин, Эдгар Кинэ и др. Стихотворение Одоевского помещено в тексте статьи Chopin'а »De la literature russe, considérée dans ses rapports avec la civilisation«.

говал ему такие стихи, как «На приезд в Сибирь наследника цесаревича» (1837) и «Послание к отцу» [1]) (1836). Но в то же время мы знаем, что Одоевский писал стихи совершенно в другом духе. Вот что, например, читаем в воспоминаниях декабриста Лорера [2]): «Александр Одоевский, славный наш поэт, прочитал стихи, посвященные Никите Муравьеву, как президенту Северного Общества. Он читал отлично и растрогал нас до слез. Дамы наши прислали ему венок». Другой декабрист Басаргин, вспоминая время совместного отбывания каторжных работ в Петровском заводе, писал [3]): «звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашей любовью к отечеству, нередко пелись хором, под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из наших товарищей-музыкантов». Следовательно, Одоевский был как бы признанным официальным певцом декабристов. Повидимому, именно к этой эпохе (1830—1833) относятся вновь открытые Н. А. Кубасовым вольнолюбивые стихотворения Одоевского. Предположение это подтверждают и воспоминания декабриста А. П. Беляева [4]), который, говоря о публичных чтениях в большой зале «академии» в Петровском Заводе, писал: «тут также были прочтены некоторые песни из поэмы «Василько» Одоевского и другие его стихотворения, из которых некоторые и напечатаны».

К этому же времени относится стихотворение, посвященное маленькому сыну декабриста бар. Розена, Кондратию. Эту пьесу [5]) стоит привести здесь не из-за каких нибудь литературных ее достоинств — таковыми она не обладает, — а в виду того, что она ярко выражает отношение Одоевского к памяти казненного Рылеева.

Когда же ты, младенец, возъюнеешь,
Окрепнешь телом и душой
И вступишь в мир и мыслию созреешь,
Блеснешь взмужавшей красотой, —
Тогда к тебе сойдет другой хранитель,
Твой соименный в небесах.
Сей сын земли был вечный небожитель.

---

[1]) Впрочем, верноподданнический тон стихотворения »Послание к отцу« может быть объяснен желанием Одоевского добиться смягчения своей участи.

[2]) »Русское Богатство«. 1904. VII. Стр. 78—79.

[3]) Н. Котляревский, op. cit., стр. 38.

[4]) »Русская Старина«. 1881. IV., стр. 822.

[5]) Вернее — конец ее, так как начало было напечатано в издании стихотворений Одоевского 1883 года на стр. 41—42.

Он сводит небо в чудных снах.
С любовью на тебя свой ясный взор он склонит
И на тебя дохнет, и в душу огнь заронит.
И очи с трепетом увидят, как в венец
Вкруг выи синий пламень вьется,
И вспомнишь ты земной его конец,
И грудь твоя невольно содрогнется.
Но он даруя цель земному бытию,
По верному пути стопы твои направит, —
Благословит на жизнь, а не на смерть свою,
И только жизнь в завет тебе оставит.

Эти 18 строк не были пропущены цензурой, за то что, по мнению цензора Лебедева, «декабрист Рылеев представляется ангелом-хранителем младенца и где советуется этому младенцу идти по его стопам» [1]).

Изложенное дает все основания, в соответствии с давно установившейся традицией, знаменитый ответ А. С. Пушкину «Струн вещих пламенные звуки» с полным правом приписать А. И. Одоевскому, так как это стихотворение могло совершенно естественно вылиться из общей вольнолюбивой настроенности поэта. Поэтому мне представляется неправильными и необоснованными те сомнения, которые были высказаны П. Н. Сакулиным [2]) относительно принадлежности этого прекрасного стихотворения Одоевскому. Несмотря на покаянные письма к отцу из Елени, несмотря на стихи полные преклонения перед величием царя, полные славословия ему, Одоевский в глубине души оставался «либералистом», свято хранившим вольнолюбивые заветы своей мечтательной и пылкой юности [3]). Именно этой сто-

[1]) См. заметку С. Любимова в »Литературной Мысли« т. II, 1923. Эта заметка грешит обычными в суждениях об Одоевском ошибками: 1) что Одоевский никогда не записывал своих стихов, 2) что при жизни Одоевского было напечатано лишь одно его стихотворение »Сан-Бернар«.

[2]) Op. cit., стр. 135.

[3]) В майской книжке »Былого« за 1906 год был напечатан стихотворный отрывок, содержащий несколько фантастическое описание Петербургского наводнения осенью 1824 года. По духу этот отрывок весьма вольнолюбив. Первоначально предполагалось ,что стихотворение это принадлежит Лермонтову (четыре строчки записаны были рукой Лермонтова; автограф хранился в бумагах последнего, принадлежавших Л. И. Арнольди). Но затем были высказаны сомнения и редактор академического издания стихотворений Лермонтова, Д. И. Абрамович, отнес этот отрывок в отдел »приписываемых Лермонтову стихотворений«. Ныне Н. О. Лернер (Стихи о наводнении. Сборник »100-летие восстания декабристов«. Изд. Об-ва Политкаторжан. Москва. 1928) высказывает предположение, что весь отрывок принадлежит не Лермонтову, а Одоевскому. Основанием этому предположению служат слова декабриста Завалишина (»Декабристы«. Русск. Вестник. 1884) будто Одоевский писал »дифирамбы на наводнение в 1824 г. в Петербурге, изъявляя сожаление, зачем оно не потопило все царское семейство, наделяя его при этом самыми язвительными эпитетами«.

роной своей натуры, горячей любовью к свободе, запечатленной тяжкими страданиями в крепости и в Сибири, привлек к себе Одоевский летом 1838 года на Кавказе молодого энтузиаста Н. П. Огарева. Для Огарева Одоевский был героем, пострадавшим за свободу и за правду, образцом и примером политического поведения, истинным и ярким представителем героического и несчастного поколения борцов за народную свободу. Повидимому это представление Огарева не было ни ошибочным ни случайным. Огарев правильно угадывал натуру Одоевского. В печати не раз уже приводился любопытный рассказ Н. Сатина, как осенью 1837 г. в Ставрополь привезли декабриста Нарышкина, Лорера, Розена, Лихарева и Одоевского. «Несмотря на двенадцать лет Сибири, пишет Н. Сатин [1]), все они сохранили много жизни, много либерализма. Но из всех веселостью, открытой физиономией и игривым умом отличался Алекс. Одоевский. Это был действительно «мой милый Саша», как его прозвал Лермонтов. Ему было 34 года, но он казался гораздо моложе, несмотря на то, что был лысый. Улыбка, несходившая почти с его губ, придавала лицу его этот вид юности . . . Велели подать шампанского и пошли разные либеральные тосты и разные рассказы о 14 декабря и обстоятельствах, сопровождавших его. Можете представить, как это волновало тогда наши еще юные сердца, и какими глазами смотрели мы на этих людей, из которых каждый казался нам героем или жертвой грубого деспотизма. Как нарочно, в эту самую ночь в Ставрополь должен был приехать государь . . . Около полуночи прискакал фельдъегерь и послышалось отдаленное «ура». Мы вышли на балкон; вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса. Действительно, в этой картине было что-то мрачное. «Господа, закричал А. И. (Одоевский), смотрите, ведь это похоже на похороны. Ах, если бы мы подоспели». И, выпивая залпом бокал, прокричал по латыни . . . . . . — Сумасшедший, сказали мы все, увлекая его в комнату, что вы делаете? ведь вас могут услыхать, и тогда беда. — У нас в России полиция еще не училась по-латыни, отвечал он, добродушно смеясь».

Этот красочный рассказ позволяет нам точнее рассмотреть истинный облик Одоевского в последний период его жизни и правильней оценить его покаянные слова в письмах к отцу

[1]) »Починъ«. Москва. 1895. Стр. 243—4.

из Елани и его «верноподданнические» стихотворения, написанные в сибирском одиночестве. Дух декабризма прочно, до конца жизни владел натурой Одоевского. Мечты юности превратились постепенно в основу всей духовной жизни поэта. И только в томительные дни казематного существования и в долгие зимы тоскливого одиночества в Елани дух Одоевского слабел, и тоска по жизни и по свободе подсказывала ему покаянные слова. Повидимому, Одоевский вообще тяжко выносил одиночество [1]). Н. А. Котляревский тоже считает [2]), что «ни от одного из этих гуманных убеждений, за которые пришлось пострадать, Одоевский не отрекся, и только о способе проведения этих убеждений в жизнь он теперь хранил молчание». Все это, мне кажется, позволяет нам отнести Одоевского к истинным, а не к случайным декабристам, но только дух декабризма проявлялся в нем не в форме политического действия, а в форме поэтического вдохновения.

4.

Необходимо подвергнуть особому рассмотрению вопрос о «Славянских Девах» Одоевского, стихотворении, неоднократно уже привлекавшем внимание историков-литературы, а в последнее время вызвавшем даже специальную работу, принадлежащую перу академика В. А. Францева [3]). Можно совершенно точно установить год написания этого стихотворения. Оно сочинено Одоевским осенью 1830 года в Петровском заводе. Дата эта устанавливается на основании Воспоминаний обычно очень точного М. А. Бестужева. «В торжественный, святой день 14 дек. 1829 или 30-го года — не могу припомнить, но только в каземате Петровского острога, пишет М. А. Бестужев [4]), я сидел в корридоре, куря трубку после нашего утреннего пития

---

[1]) Одиночное заключение в Петропавловке привело Одоевского к помутнению рассудка. Но как только, по окончании дела, условия заключения были облегчены и »государственным преступникам« позволено было общаться друг с другом, Одоевский ожил. Басаргин вспоминает, что, »будучи веселого, простосердечного характера«, Одоевский »оживлял нашу беседу и нередко мы проговаривали по целым ночам« (Н. Котляревский, op. cit., стр. 34).

[2]) Op. cit., стр. 86.

[3]) »Славянские девы« кн. А. И. Одоевского. Славянофильская идея декабристов. Прага чешская. 1923. В 80-х годах о »Славянских девах« Одоевского писал А. А. Кочубинский в книге »Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев«. Одесса. 1887—88.

[4]) Воспоминания, стр. 225—227.

чая. Ко мне зашел Тютчев[1]). — Ну что, mon cher, (это его обычное присловие), ты нас сегодня распотешишь, споешь нам „Славянские Девы“ после обеда, спросил я. — Кажется, спою, но как — это другое дело», таков был ответ Тютчева.

Разговор, воспроизведенный Бестужевым, не мог иметь место в 1829 году, так как декабристов перевели в Петровский Завод из Читы в августе 1830 года. Не мог этот разговор состояться и в 1831 году, так как во время польского восстания Одоевский вряд-ли мог написать такое спокойное по настроению и мечтательное по содержанию стихотворение как «Славянские девы». На польское восстание Одоевский откликнулся горячими, полными сочувствия полякам словами[2]). Следовательно, исполнение Тютчевым «Славянских дев» Одоевского могло состояться только во время торжественного празднования годовщины «святого», по словам Бестужева, дня 14-го декабря в 1830 году, т. е. в первый раз в каземате Петровского завода. Одоевский написал это стихотворение, очевидно, за некоторое время до 14-го декабря, так как лучшему музыканту среди декабристов, Ф. Ф. Вадковскому, надо было к юбилейному дню поспеть написать к «Славянским девам» музыку, а Тютчеву, лучшему певцу, надо было время, что бы вещь эту разучить. Как уже сказано мною выше — осень 1830 года, вот время написания Одоевским этого замечательного стихотворения.

Как могло родиться это стихотворение в душе поэта-декабриста? Почему остановился он на такой «славянофильской» теме? Чье влияние здесь сказалось? И. А. Кубасов[3]) отвечает на эти вопросы решительной ссылкой на влияние известного чешского поэта Я. Коллара, напечатавшего в 1824 году поэму «Slávy Dcera», в каковой поэме 20-ый сонет посвящен славянским девам. Но академик В. А. Францев в своей недавно вышедшей работе о «Славянских девах» Одоевского убедительно

---

[1]) Декабрист Алексей Иванович Тютчев, капитан Пензенского пех. полка, раньше, до 1820 года, служил в л. гв. Семеновском полку (старом), член Общества Соединенных Славян с 1825 года. По приговору Верх. Угол. Суда осужден в каторжные работы на 20 лет. Высоч. указом 22 августа повелено оставить его в каторжной работе 15 лет, а потом обратить на поселение.

[2]) Стихотворение »При известии о польской революции«, которое обычно лишь приписывается Одоевскому. Н. Котляревский высказывает сомнение в принадлежности этого стихотворения Одоевскому. Но В. А. Францев в цитированной выше работе (стр. 12) полагает, »что стихотворение это без колебаний можно считать произведением Одоевского«. Я всецело примыкаю к мнению В. А. Францева.

[3]) Op. cit., стр. 25, прим.

доказал, что влияние Коллара на Одоевского быть не могло, так как поэма чешского поэта в издании 1824 года (в каковое издание впервые вошел 20-ый сонет) появилась в Петербурге в единственном экземпляре (проф. Кеппена) в следующем, 1825 году и вряд ли могла быть известна молодому блестящему гвардейскому офицеру, далекому от ученых кругов столицы. Второе же издание «Дочери Славы» Коллара появилось только в 1832 году, т. е. уже после написания Одоевским «Славянских дев».

Очевидно, надо искать иных влияний. Академик В. А. Францев находит, что стихотворение Одоевского «Славянские девы» было поэтическим выражением «всеславянских культурно-поэтических идеалов», уже в ту пору находивших признание в известной части русского мыслящего общества (ссылка на некоторые масонские ложи на юге России и на Общество Соединенных Славян). По мнению В. А. Францева, Одоевский мечтал о «всеславянской миссии» России и «как некоторые из его современников упреждал в данном случае славянофилов» [1]). А. А. Кочубинский, о стихотворении Одоевского пишет так: «Какая могучая славянская струна звучала в его „Славянских девах“, в этих ранних наших грезах о всеславянстве, под егидой России» [2]). Оба исследователя склонны, повидимому, рассматривать это стихотворение Одоевского как выражение чувств, глубоко волновавших как самого автора, так и некоторые круги русского общества.

Стихотворение Одоевского «Славянские девы», несомненно глубоко славянофильское, и прав Н. А. Котляревский, когда говорит, что под ним охотно подписался бы любой из членов кружка Хомякова. Но необходимо учитывать, что это единственное из известных нам стихотворений Одоевского, в котором он выразил свои славянские чувства. Ни в письмах его и ни в одном другом его стихотворении мы не расслышим славянофильских ноток, не найдем «славянской темы». Стихотворение «Славянские девы» по теме стоит совершенно одиноко среди других произведений того же автора. Можно ли на основании одного стихотворения говорить о прочности славянофильских чувств его автора? Можно ли это стихотворение считать выражением подлинного настроения декабристов? Академик В. А.

[1]) Op. cit., стр. 6—7.

[2]) А. А. Кочубинский. Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса. 1887—88, стр. 257.

Францев как будто бы склонен это признать. Во всяком случае, он утверждает, что «в кругу горариццей по изгнанию» стихотворение Одоевского «Славянские девы» было популярно [1]). Но мы имеем свидетельство, совершенно по иному рисующее отношение декабристов к «Славянским девам».

М. А. Бестужев, продолжая рассказ о своем разговоре с певцом-декабристом Тютчевым утром 14-го декабря 1830 года в Петровском Заводе [2]), говорит: «Вот если б Одоевский (слова Тютчева. Б. Е.), вместо своих дев, да написал что-нибудь в русском духе — знаешь эдак — просто русскую песенку, где бы хоть слегка были упомянуты мы, черниговцы, когда мы шли с Муравьевым умереть за святую Русь, — ну тогда бы ты, mon cher, сказал русское спасибо Тютчеву . . . Понимая его очень хорошо, продолжает М. А. Бестужев, что Славянские девы, написанные Одоевским и положенные на музыку Вадковским — и стихотворение и музыка — обладают неоспоримыми достоинствами, я смутно предчувствовал, что Тютчев не произведет своим голосом того впечатления, какого ожидали от этой арии. Я взял карандаш и написал русскую песню на тему «Уж как пал туман на сине море» — песню, которую он пел невыразимо хорошо . . . Я не ошибся в своем предчувствии . . . Несмотря на экзальтированное настроение присутствовавших на обеде, который мы постоянно устраивали 14 декабря, когда по окончании его, вышел хор и запел гимн Славянских дев, — впечатления на слушателей было незаметно, хотя гимн был аранжирован превосходно . . . В последнем куплете, где речь относится прямо к России и где Вадковский неприметными оттенками гармонии переходит в чисто русский мир и заканчивает мотивом русской песни, — все присутствующие невольно встряхнулись, а особливо, когда послышался в этом куплете упоительно задушевный голос Тютчева».

Эта длинная выдержка из Воспоминаний М. А. Бестужева свидетельствует, что Одоевский своей песнею «Славянские девы» не попал в тон общего настроения декабристов. От Одоевского, повидимому, ожидали иных тем, иного вдохновения. Стихотворение «Славянские девы» не зажгло массу декабристов не потому, что оно было плохо; нет, внешние достоинства этой пьесы всеми единодушно признавались. Но в ней не было той внутренней

[1]) Op. cit., стр. 8.
[2]) Воспоминания, стр. 225—228.

убедительности для слушателей, которая только и может ввести их в состояние восторга и экстаза. Для массы декабристов выбор Одоевским «славянской» темы для застольного стихотворения в годовщину 14-го декабря был явлением в значительной степени случайным.

Правда, среди декабристов в Петровском Заводе были и члены Общества Соединенных Славян, славянофильские настроения которых были прочны. «Славяне» держались несколько особняком в среде прочих декабристов. И. Д. Якушкин в своих Записках [1]) пишет о них так: «Другой кружок, наиболее замечательный, состоял из Славян; они не собирались никогда все вместе, но, быв знакомы одни с другими еще прежде ареста, они и потом остались в близких отношениях между собою . . . Имея своего рода поверья, они не изъявляли почти никогда шаткости в своих мнениях и, приглядевшись к ним поближе можно было убедиться, что для каждого из них сказать и сделать было одно и то же, и что в решительную минуту ни один из них не попятился бы назад. Главное лицо в этом кружку был Петр Борисов». Разговоры с членами кружка «Славян» в Петровском заводе, несомненно, могли оказать влияние на Одоевского и навести его на мысль написать стихотворение на «славянскую» тему. Среди членов Общества Соединенных Славян были люди, нравственный облик и непреклонность убеждений которых могли импонировать поэтической натуре Одоевского. Влияние это отчасти подтверждает и Н. П. Огарев, писавший о времени казематной жизни Одоевского, очевидно, со слов самого поэта. «Что в нем отразилось направление славянства, пишет Огарев[2]), это свидетельствует песнь славянских дев, набросанная им в Сибири, случайно, вследствие разговоров и для музыки, и конечно принадлежащая к числу его неудачных, а не его настоящих, с ним похороненных стихотворений. Она важна для нас как памятник, как свидетельство того, как в этих людях глубоко лежали все зародыши народных стремлений; но и в этой песне выразились только заунывный напев русского сердца и тайная вера в общую племенную будущность, а о православии нет и помину».

В этих словах Огарева очень много верного. Во-первых, он подтверждает, что «Славянские девы» родились в душе Одоев-

---

[1]) Изд. »Соврем. Проблемы«. М. 1925. Стр. 133.
[2]) Н. Котляревский, op. cit., стр. 52—53.

ского не как результат длительных и прочных славянофильских чувств, а случайно, под влиянием разговоров со «славянами». Во-вторых, Огарев правильно указывает, что декабристы откликались на все народные стремления и чувства, что в их настроениях и мыслях можно найти зачатки всех крупных умственных течений, развившихся в России в последующие десятилетия. Для истории развития в русском обществе славянофильских чувств и настроений «Славянские девы» Одоевского имеют значение, но значение это, на мой взгляд, довольно ограниченное.

5.

Одоевский умел привлекать к себе сердца людей. Это утверждение мы найдем у многих мемуаристов. А. Е. Розен говорил что «сердце Одоевского было обильнейшим источником чистейшей любви; от того он всегда и везде сохранял дух бодрый, веселый и снисходительный к слабостям ближнего» [1]). Подметив эту черту в Одоевском, Н. А. Котляревский писал следуещее [2]): «Дружба, мы знаем, не изменяла ему ни разу во всю его жизнь. Он был любимцем своих товарищей, Вениамином в их семье и сколько счастливых минут эта дружба принесла ему.» Я не стану оспаривать этого прочно установившегося в суждениях об Одоевском мнения. Действительно, у Одоевского было много искренних друзей и поклонников. Вспомним хотя бы его двоюродного брата, кн. В. Ф. Одоевского. «Александр был эпохою в моей жизни, читаем мы в «Дневнике Студента» [3]). Ему я обязан лучшими минутами оной. — В его сообществе я находил то, что я везде искал и нигде не находил. Что может заменить ту минуту, когда сердце, свободное от всяких уз, совершенно раскрывается перед другим сердцем, как бы сливается с ним . . . Блаженное состояние». Такие мысли заносил в свой дневник молодой философ-любомудр, кн. В. Ф. Одоевский, в дневник, который собственно и предназначался «для того, чтобы Александр то, чего не будет у меня духу сказать ему, узнал тогда, когда пресечется нить тяжкой мне жизни». Автор «Дневника» желал, чтобы любимая девушка была похожа именно на Алек-

---

[1]) Полн. собр. стих. кн. А. И. Одоевского. Собрал А. Е. Розен. 1883, стр. 9.

[2]) Op. cit., стр. 96.

[3]) П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. Том I. Часть I-ая. М. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1913, стр. 95—96.

сандра. В дружбе кн. В. Ф. Одоевского с кузеном Александром далеко не все проходило гладко. Я не стану здесь излагать истории этих отношений, отлично описанной П. Н. Сакулиным.[1]) Скажу только, что в этих отношениях, несмотря на размолвки, на лицо все элементы возвышенной, бескорыстной дружбы.

Но вот какое характерное наблюдение мне хотелось бы здесь привести. С кем у А. И. Одоевского были наиболее тесные и близкие отношения? Перечислю его друзей: упомянутый уже кн. В. Ф. Одоевский, затем — А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев-Марлинский, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев; в позднейший период — Н. П. Огарев и М. Ю. Лермонтов. Все это — люди пера, литераторы, поэты, мыслители, люди, с которыми у А. И. Одоевского были общие вкусы, общие интересы, к которым он относился, как к товарищам и братьям по вдохновению. Близким другом Одоевского был также его старик-отец. Но вне круга перечисленных лиц мы не найдем никого, с кем у Одоевского были бы тесные, доверительные отношения. Любопытным является тот факт, что Одоевский совершенно не переписывался с товарищами по заключению. Мы не знаем ни одного его письма к друзьям-декабристам периода его одинокой жизни в Елани. Повидимому, ни он не стремится к ним, ни они не тянулись к нему. Даже в письмах к отцу (их сохранилось 28) из Елани мы не найдем ни одного упоминания о товарищах по заключению и ссылке. Они точно не существуют для Одоевского. До нас дошло только одно письмо его к декабристу М. А. Назимову, относящееся к лету 1839 года и написанное под влиянием известия о смерти отца. А между тем мы знаем, что многие декабристы находились в самой оживленной переписке между собой. Сохранились десятки писем И. И. Пущина, кн. Е. П. Оболенского, И. Д. Якушкина, Д. И. Завалишина, И. И. Горбачевского, кн. С. Г. Волконского и многих других декабристов. Эти письма ясно свидетельствуют о той потребности во взаимном общении, во взаимной поддержке, какая существовала между декабристами, рассеянными по широким просторам Восточной Сибири. Особенно ярко подтверждается эта духовная связь между товарищами по заключению на примере И. И. Горбачевского. Он единственный из декабристов после отбытия срока каторжных работ остался на «старом пепелище», в Петровском заводе. Ему тяжко было расставаться

[1]) Там же, стр. 95—96 и 300—304.

с этим местом, где, несмотря на трудные условия заключения, душа его бывала согрета живым общением с друзьями и единомышленниками. Летом 1861 года старик Горбачевский писал кн. Е. П. Оболенскому в Россию из Петровского Завода: «Если бы мы встретились и ночью, я бы кажется тебя узнал, так я помню всех и мне все кажется, что вы все там в России ничуть не переменились» . . .[1]) Горбачевский посетил старый, пришедший в ветхость каземат в Петровском заводе. «Долго я стоял, пишет он кн. Е. П. Оболенскому, в твоем номере и около твоего места, где стоял твой стол и твое кресло; многое я тут вспомнил; взял из стены гвоздик, на котором висел портрет твоей сестры, принес домой и его сохраняю» [2]). Правильно говорит о Горбачевском Б. Е. Сыроечковский во вступительной статье к Запискам и Письмам И. И. Горбачевского [3]): «мысль и сердце его отданы всецело старым друзьям по декабрьскому делу. С ними он «связан навсегда и душевно и мысленно», «у него нет родных других, кроме них». Но друзья — далеко, и единственное утешение, которое осталось ему в одинокой сибирской глуши, — переписка с ними. Он пишет им длинные, горячие письма, отправляя их до 17 в одну почту».

Настроение и чувства Горбачевского совершенно чужды Одоевскому. Ни с кем из товарищей по заточению не завязались у Одоевского отношения тесные и близкие [4]). Он сам ни кому не изливался, и не принимал ничьих дружеских излияний. Одоевский оставался совершенно вне тесного дружеского круга декабристов. В стихотворном наследии Одоевского мы находим только одну пьесу, в которой он дружески тепло говорит о своих товарищах по декабрьскому делу: это стихотворение «А. М. Янушкевичу» (приезжему из Кургана), написанное в 1836 году и начинающееся словами:

»Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил,
Ты знаешь их . . .«

Одоевский несомненно любил *семью* декабристов, создавшую атмосферу духовной общности; но в этой любимой семье не находилось у Одоевского *личных* друзей. К нему отно-

[1]) Записки и письма И. И. Горбачевского. Изд. »Совр. Проблемы«. М. 1925, стр. 261.
[2]) Там же, стр. 263.
[3]) Там же, Вступительная статья Б. Е. Сыроечковского, стр. 19.
[4]) Ближе других был ему, кажется, только бар. Розен.

сились по приятельски хорошо, его любили, всех заражал и привлекал его веселый, открытый нрав, его подкупающая жизнерадостность. Правильно говорит Н. А. Котляревский [1]), что «не нашлось ни одного человека, который сказал бы про него дурное слово». Но это приятельское расположение к Одоевскому было поверхностным и не переходило в ту глубокую дружбу, столько ярких примеров которой мы находим, знакомясь с жизнью декабристов после приговора. Причиной этому было не то, что Одоевского считали не достаточно «своим». В том, что он «свой», что он, «истинный декабрист», никто из товарищей его по декабрьскому делу, кажется, не сомневался [2]). Объяснение этого факта следует, очевидно, искать в личных свойствах Одоевского, в некоторых особенностях его симпатичной, привлекательной, но никогда до конца не раскрывавшейся натуры.

6.

Необходимо остановиться на отношениях Одоевского с Лермонтовым. Оба поэта познакомились летом 1838 года на Кавказе. Между ними сразу же установилась близость. Оригинальная поэтическая натура Одоевского привлекала к себе молодого Лермонтова. Но было бы ошибкой судить об истинных чувствах Лермонтова к Одоевскому по знаменитому стихотворению Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского» и пытаться, на основании этого стихотворения, воссоздать образ поэта-декабриста, каким себе рисовал его Лермонтов. Теперь, после работ А. Л. Бема [3]) и Б. Эйхенбаума [4]), необходимо с большой осторожностью пользоваться этим стихотворением для суждений об отношении Лермонтова к Одоевскому. Оба указанные исследователя подметили любопытный факт, что стихотворение Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского» представляет собой сложный сплав материала, уже использованного Лермонтовым раньше в других его пьесах; в этом стихотворении Лермонтов как-бы повторяет сам себя: 2-ая строфа почти дословно воспроизводит стихотворение «Он был рожден для счастья», написанное еще

[1]) Op. cit., стр. 59.

[2]) Кроме, пожалуй, Завалишина.

[3]) Самоповторения в творчестве Лермонтова. Историко-литературный сборник, посвященный Вс. И. Срезневскому. Ленинград. 1924, стр. 269 — 290.

[4]) Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Госиздат. Ленинград. 1924.

в 1832 году, а 3-ья, 4-ая и начало 5-ой строфы почти в точности соответствуют III, IV, CXXXVI и CXXXII строфам поэмы «Сашка», относящейся к 1836 году[1]). Преждевременная смерть друга-декабриста должна была сильно поразить и взволновать Лермонтова. Он откликается на эту смерть длинным стихотворением. «Тема конкретна, эмоционально конкретна, пишет А. Л. Бем[2]), конкретно и неповторяемо должно было бы быть и содержание». Но, вместо конкретности и неповторяемости содержания, в стихотворении «Памяти А. И. Одоевского» мы встречаем чуть ли не механическое соединение отрывков из других, гораздо ранее написанных пьес. А. Л. Бем объясняет этот любопытный факт «своеобразной слепотой Лермонтова к явлениям внешнего мира, его постоянной устремленностью внутрь себя, в мир своих личных переживаний[3]). В этих словах много верного. Но нас сейчас не Лермонтов интересует. Нам важно отметить, что восстанавливать подлинный облик А. И. Одоевского только на основании стихотворения Лермонтова, написанного на его смерть, — невозможно. Стихотворение это прекрасно по форме; в нем на первый взгляд много искреннего чувства, неподдельной скорби и душевного движения, но ближайшее рассмотрение этой пьесы вынуждает дать ей иную оценку. Все это необходимо иметь в виду при суждениях о тесной дружбе обоих поэтов[4]).

---

[1]) Б. Эйхенбаум в примечании к стр. 162 цитированной мною работы делает осторожное предположение, что указанные строфы »Сашки« могут относиться к А. И. Одоевскому, и тем самым поэма написана не ранее 1839 года. Но тут же он сам отмечает, что предположение это весьма мало вероятно, так как realia поэмы не сходятся с биографией Одоевского.

[2]) Op. cit., стр. 276—78.

[3]) Op. cit., стр. 278.

[4]) Вопрос о самозаимствованиях в творчестве художника — весьма интересный, сложный и, как мне кажется, недостаточно изученный. С самозаимствованиями мы встречаемся не только в литературе, но и в других видах художественного творчества. В 1863—4 гг. М. П. Мусоргский писал оставшуюся неоконченной оперу »Саламбо«. Некоторые части ее 10 лет спустя вошли в состав оперы »Борис Годунов« и других сочинений Мусоргского. Так, например, обращение Саламбо во II акте к богине Танита превратилось в речитатив умирающего Бориса; языческий молебный хор жриц к Таните и речитатив ливийца Мато, прислушивающегося к голосам хора из-за колоннад храма, полностью вошли в речитатив Дмитрия Самозванца, умоляющего Марину о любви в сцене у фонтана; последняя сцена III акта »Саламбо« послужила основой для сцены на Лысой горе, сочиненной в 1875 году для оперы »Сорочинская Ярмарка«. Как объяснить эти факты? Принижает ли такое самозаимствование результаты творческой работы художника? Дают ли эти факты нам право и основание заподозрить искренность

7.

«Песня Одоевского говорит Н. А. Котляревский [1]) той же высокой пробы, что и лирика» Пушкинской плеяды. «В ней поражает та же тщательная отделка стиха, редкое гармоническое сочетание формы с содержанием при отсутствии в этой форме излишне узорного или недосказанного». Это верно: мастерство Одоевского несомненно, хотя он сам и не признавал за собой этого достоинства. Вспомним хотя бы удивительные по красоте строки из стихотворения «Река Усьма», в которых гармонически поражает слух не навязанная, а естественно вылившаяся аллитерация:

Одета, как невеста, в блеск небес,
В объятья кинется, а там опять обманет
Склоненный к ней, в нее влюбленный лес.

И дальше:

И сладкий сон ее сияет небесами
Всей прелестью осенних ясных дней.

Или в стихотворении «Зачем ночная тишина» те строки, в которых поэт искусно и тонко употребленными повторениями и синонимами усиливает то впечатление ночного покоя, которое он хотел вызвать у слушателя:

Уже давно заснули небеса;
Как усыпительна их сонная краса
И дремлющих полей недвижимость ночная!
Спустился мирный сон, но сон не освежит
Тебя, страдалица младая.

Одоевский был человеком большой и утонченной культуры. «Нежнейший цветок, выращенный в оранжереях барской культуры», говорит о нем П. Н. Сакулин [2]). Одоевский был прекрасно подготовлен теоретически для профессии литератора; он отлично изучил иностранную литературу, а по истории русской словесности мог в «академии» Петровского Завода на память читать товарищам-декабристам полный курс от древнейших времен до 1825 года; там же в Петровском Заводе он составил грамматику русского языка, к сожалению до нас не дошедшую. Основательная, всесторонняя подготовка, большая начитан-

---

художника и внутреннюю ценность и цельность его переживаний? Насколько связаны результаты творческих усилий художника с его подлинными переживаниями? Я не берусь сейчас дать ответ на эти вопросы. Я решаюсь вновь выдвинуть их здесь, дабы обратить на них внимание тех, кто специально занимается изучением творческих процессов в душе художника.

[1]) Op. cit., стр. 4.

[2]) А. И. Одоевский в неизданных письмах. Декабристы на каторге и в ссылке. Сборник. М. 1925, стр. 124.

ность и острое эстетическое чутье облегчали Одоевскому возможность стать незаурядным и тонким критиком. К сожалению, мы знаем только две его критические статьи, из которых одна «Перечень из писем к издателям „Сына Отечества“ из Москвы» носит скорее информационный характер. Другая же — «О трагедии Венцеслав, сочинение Ротру, переделанной г. Жандром»— во многих отношениях примечательна. Мне кажется, что значение ее недостаточно оценено [1]). Между тем в ней мы находим несколько ярких и для той эпохи не вполне обычных мыслей. Прежде всего Одоевский в этой статье обрушивается на злоупотребления русскими авторами так называемым александрийским стихом в трагедиях, стихом «натянутым» и «надутым», по выражению Одоевского. Стих этот законен для французской трагедии, которая «редко согласна с природою, не только от слишком робкого наблюдения условий, сего неисчерпаемого источника кудрявых изречений, но также и от самой вещественной части их стихотворства». Русский стих, «звучный» и «мужественный» должен освободиться от оков александрийского стиха, когда «шесть тяжелых ямбов, по выражению Одоевского, тащатся друг за другом и бьют молотом в слух». Одоевский стоит за метр «смелый», «вольный» и «разнообразный».

Далее Одоевский проповедует раскрепощение поэзии от власти «заметных стихов, выражающих какую-либо отдельную, блестящую «от одной расстановки понятий» и «мнимо правоучительную» мысль. Дело не в этих отдельных блестящих мыслях, а в стройности целого. Страсти, служащие основой поэзии, не «выражаются общими правилами». «В быстром их течении . . . мысль за мыслью, чувство за чувством летят, теснятся в душе и исторгаются из уст или в одном всеобъемлющем слове или в пылких пиитических оборотах».

В заключение в разбираемой статье Одоевский высказывает одно общее положение, применимое к любой эпохе, но весьма часто забываемое даже в наше время излишне ревностными поклонниками старых литературных форм. «Полезны не только нововведения, пишет Одоевский, которым общие мнения благоприятствуют, но и самые опыты приносят истинную пользу, когда оные клонятся к избавлению от излишних уз, не касаясь законов природы и искусства».

[1]) Сочувственно об этой статье Одоевского отозвался только Б.Эйхенбаум в цитированной мною работе о Лермонтове.

8.

Приведу два мнения об Одоевском. «Ежели Одоевский и будет сколько-нибудь известен в литературе, так только разве по стихотворению Лермонтова, посвященному его памяти» [1]). И другое: «Если бы собраны были и явлены свету его многие тысячи стихов, то литература наша отвела бы ему место рядом с Пушкиным, Лермонтовым и другими первоклассными поэтами» [2]). Мнения, как видим, диаметрально противоположны. И оба, разумеется, неверны, хотя второе — в меньшей степени, чем первое. Одоевский был несомненно крупным и оригинальным поэтом, певцом Божией милостью, вдохновения которого производили огромное впечатление на тех немногих счастливцев, которым доводилось слышать его стихи. Мы с полным правом причисляем Одоевского к подлинным поэтам Пушкинской поры, той поры, когда, по выражению Ю. Верховского [3]), поэты« ищут друг друга, духом роднятся между собой», той поры, которая по справедливости может быть названа эпохой дружбы поэтов. Вспомним о том, кто были любимейшие и интимнейшие друзья Одоевского: кн. В. Ф. Одоевский, А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер, М. Ю. Лермонтов... Эпоха дружбы поэтов создавала тесное «пиитическое» единство между ними; но оно не было нивелирующим; оно сохраняло красочное многообразие. Яркая индивидуальная окрашенность поэзии Одоевского — лучшее тому доказательство.

† *Б. А. Евреинов.*

---

[1]) Из письма Е. А. Якушкина к жене из Сибири в 1855 году »Декабристы на поселении«. Из архива Якушкиных. Записи прошлого. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1926, стр. 58.

[2]) Декабрист А. П. Беляев. Воспоминания. Р. Ст. 1881. Кн. 4, стр. 800.

[3]) Поэты пушкинской поры. Сборник стихов. Под редакцией и с вступительной статьей Ю. Н. Верховского. М. Изд. М. и С. Сабашниковых, стр. 4. В этом сборнике, не приводя оснований и мотивов Ю. Верховский стихотворение Одоевского »Охлаждение« приписывает Э. И. Губеру.

Проблема „Идиота“ Достоевского.[1])

Каждый внимательный читатель, который хоть на время задумается над завязкой »Идиота« Достоевского, согласится, что во взаимоотношениях главных действующих лиц имеется нечто парадоксальное. С одной стороны, мы видим борьбу между кн. Мышкиным и Рогожиным за окончательное обладание Настасьей Филипповною. С другой, идет не менее решительная борьба между Аглаей и Настасьей Филипповной за Идиота. Легко заметить, что в обоих случаях есть посредствующее звено, это — отношение между кн. Мышкиным и Настасьей Филипповною, и что это отношение играет одну и ту же роль в обоих случаях. Отрицать это, значило бы обвинять Достоевского в небрежности. Есть особый тип непоследовательности, который некоторые критики использовали против писателя. Когда мы думаем о ходе мыслей автора и идеях, им воплощенных в романе »Идиот«, мы должны будем признать, что такого рода непоследовательность устраняет много препятствий на пути к полному пониманию романа.

Проф. Е. А. Ляцкий в своей студии »Две тени, два крыла«, посвященной »Идиоту« Достоевского, пишет: »Величайшей ошибкой, допускаемой некоторыми исследователями, служит утверждение, будто Мышин одновременно любит и Настасью Филипповну и Аглаю, будто в нем действует то же страстное начало, что и в Рогожине, что и в братьях Карамазовых« [2]). Между прочим и он критикует Н. А. Бердяева за то, что он эту ошибку делает в своей книге »Миросозерцание Достоевского«. В этом вопросе много данных на стороне проф. Ляцкого, в особенности же недвусмысленные слова самого кн. Мышкина: »Вы, может быть, не знаете, я ведь п о п р и р о ж д е н н о й б о л е з н и м о е й

[1]) Перевел с английского оригинала А. Л. Бем.

[2]) См. Научные Труды Русск. Народн. Университета в Праге, т. IV (1931), стр. 151. Статья была также напечатана в чешском сборнике „Dostojevski-sborník statí“, Praha, „Melantrich“, 1931 : „Dva stíny, dvě křídla“ (стр. 120—135). Прим. переводчика.

даже совсем женщин не знаю« (ч. I, гл. I). Конечно, это сказано совершенно ясно и, казалось бы, не оставляет места больше ни для каких вопросов. Если Идиот физически неспособен к браку, а он уверен в этом, то приходится удивляться, почему он на протяжении двух частей романа берет на себя обязательства то по отношению к Настасье Филипповне, то по отношению к Аглае, обязательства, которых он не может выполнить, и почему ему не приходит в голову, что подобного рода поведение не может быть оправдано ни с какой точки зрения. Совершенно непонятно оно особенно для человека столь исключительно доброго и жертвенного, каким является кн. Мышкин. Кроме того, Рогожину, который осведомлен об истинном положении дела, было-бы очень легко через своих приверженцев сообщить об этом генералу Епанчину, и такого рода сообщение должно было бы так сильно смутить генерала, что все события пошли-бы совсем иным путем. Этого, однако, не случилось. Мы должны признать слова кн. Мышкина за правду, но это, вероятно, не вся правда. Ни на одну из женщин Мышкин не производит впечатления бессилия, и неравнодушие и страстность, с которыми они обращают на него свои взоры, требуют также иного объяснения. И его не так трудно найти.

Необходимо отметить, что Мышкин говорит о своей слабости лично Рогожину. Здесь нам может оказать большую помощь прекрасное противопоставление Мышкина и Рогожина в статье проф. Е. А. Ляцкого: »Как это ни покажется странным, Рогожин и Мышкин — близнецы-антиподы. В Рогожине воплотилось злое, сатанинское начало, любви без конца и ненависти без меры. Его любовь — страстный, безумный недуг, далекий от сластолюбия иных героев Достоевского, требующий не наслаждения, но восторга перед жертвой, идущей к нему на заклание. Он накопил в своих жилах мучительскую кровь многих поколений и всю ее, до последней капли он отдаст за каждую минуту блаженства, за счастье стать палачом своей-же любви, на пороге почти осуществленной мечты. Но нет, Рогожин ошибся в расчете; не над телом любимой женщины он собирался торжествовать победу. Не затем терзался он муками разъяренного зверя, следившего за ускользавшей добычей. Не затем ненавидел Мышкина, своего названного брата, с которым поменялся крестами, не затем подглядывал и окружал сыщиками, чтобы запутать, заплести в интригу и каким-бы то ни было способом убрать

с дороги соперника. Не сияние внешней красоты и блеска хотел Рогожин внести, в лице Настасьи Филипповны, в безжизненные покои мрачного рогожинского дома. Его влекла к себе сатанинская победа над душой этой женщины, той душой, которая хотела быть свободной, переливаться всеми радугами женского своеволия и каприза, подобно змее, играющей своими извивами в лучах солнца. Эта душа, вольно или невольно, то открывала перед Рогожиным, светлея, свою прихотливую изменчивость, то вновь уходила в темную неизвестность. Рогожин стерег и считал мгновения этих отлетов, и тогда ему не только казалось, но он знал, он не сомневался, что в эти мгновения душа Настасьи Филипповны напряженно и властно звала к себе другого близнеца-антипода — Льва Мышкина«.[1]) В этом отрывке проф. Ляцкий превосходно выясняет сущность борьбы между Идиотом и Рогожиным за душу Настасьи Филипповны. Рогожин воплощает в себе злое, сатанинское начало; Мышкин — светлое, христианское. Один стремится соблазнить Настасью Филипповну, опираясь на ее низшие чувства, на худшие свойства ее природы. Другой старается вернуть ей ее высший и лучший облик. Едва-ли будет преувеличением сказать, что Рогожин соблазняет Настасью Филипповну плотью, кн. Мышкин — духом.

При этом нужно помнить, что Достоевского не интересовал внешний человек и его внешнее поведение, в отличие от Льва Толстого, когда он изображал напр. такие характеры, как характер Николая Ростова и Вронского. У Толстого мы видим и знаем каждый шаг человека, мы видим, как он ест и пьет, и воссоздаем себе его образ с окончательною наглядностью. Для Достоевского все это излишне и неважно. Он вводит нас прямо в душу человека, так что мы узнаем его ум, его сердце и его душевную сущность. Мы можем его узнать, будь он в раю или в аду, без того, чтобы знать черты его лица или цвет его волос. Мы знаем его, мы знаем Рогожина, но его внешние черты даны только по контрасту с Князем, а не сами по себе.

Итак, если Рогожин воплощает в себе сатанинское, злое начало, или лучше сказать плотское начало (потому что Рогожин может себе жизнь представить только в этом мире), то он, естественно, включает половой инстинкт в сферу своего проявления. Не нужно впадать в ересь манихейства или богомильства, чтобы признать, что в книге столь полярного распределе-

---

[1]) Упом. раб., стр. 146—147.

ния доброго и злого между двумя героями, начало плоти принадлежит Рогожину. Но это не плоть в проявлении, а плоть в теории. Поразительная сцена в доме Настасьи Филипповны, когда она отказывается выйти за Ганю, рисует нам картину неописуемой оргии и хаоса, но при всем желании в ней нельзя обнаружить ни одной неприличной подробности. Достоевского занимает распутство по его существу, в его философской постановке, а не отдельные подробности его. В этом его отличие от многих современных писателей, которые так вдаются в детали, что эффект, на который они расчитывают, пропадает.

Если п о л свойство Рогожина, который как бы олицетворяет плоть плоти, то кн. Мышкин воплощение духовности, дух духа, и поэтому в нем нет места для плоти. В небесах нет брака, и все там будут, как ангелы. Для человека, которому предназначено осуществить это идеальное состояние в нашем мире, пол ненужен. Он отпадает сам собою, и Мышкин может смело сказать об этом Рогожину в начале романа. Следует при этом отметить, что кн. Мышкин сам делает это признание Рогожину и что во всей первой части романа, в которой Мышкин и Рогожин отчетливо противопоставлены друг другу, мы не находим никаких или очень мало оснований, чтобы усомниться в его словах. Восторженное состояние при виде карточки Настасьи Филипповны, свидание с Аглаей, все это может быть объяснено совершенно так, как объясняет проф. Ляцкий в своей статье. Совершенно ясно, что в треугольнике Мышкин-Рогожин-Настасья Филипповна не может быть места для любви в обычном смысле этого слова, и мы, действительно, не находим ее там. Здесь идет борьба за душу, и борьба эта кончается единственно возможным способом: убийством несчастной жертвы, которая никак не может победить себя и стать на сторону или Рогожина или Мышкина.

С другой стороны, если допустить, что кн. Мышкину чужд элемент пола, то не очутимся-ли мы в трудном положении, когда перейдем к другому треугольнику: Мышкин-Аглая-Настасья Филипповна? Можно-ли эту борьбу, может быть еще более острую, подвести под ту-же категорию? Даже если остаться при прежнем понимании отношения между Настасьей Филипповной и кн. Мышкиным, то все же надо себя спросить, как-же обстоит дело с Аглаей? Чего она хочет от Князя? Почему она следует за ним? Почему Настасья Филипповна пишет ей и убеждает ее

выйти за Князя? Мы можем допустить, что это до времени тайна и для самого Мышкина, но у него не возникает никаких подозрений, что его бессилие может иметь что-либо общее с этим положением.

В этом втором треугольнике отношений мы оказываемся в другом поле любви, где имеют силу другие условия, где действуют иные законы. Конечно, Мышкин все еще идиот. Он, действительно, неспособен определить своего поведения с разумной точки зрения; однако, автор показывает нам его здесь не путем противопоставления души телу, но как человека, в основе поведения которого лежат по отношению к своим ближним благородные и честные мотивы.

Что касается Аглаи и Настасьи Филипповны, то они являются близнецами в той-же мере, что и Мышкин и Рогожин. Из этого сопоставления видно, до какой степени природа человека схожа даже в совершенно противоположных условиях. Они не могут разойтись, хотя и не хотят встречаться. Посмотрим на их внешнюю судьбу. Аглая-дочь богатого и видного генерала с большими возможностями. Она очень красива, и родители предчувствуют, что ее ждет необыкновенная судьба. Настасья, с другой стороны, дочь отставного офицера, оставившего ее сиротой. Она была обесчещена человеком, который взял ее к себе на воспитание; теперь она получает возможность заключить выгодную партию с подающим надежды молодым честолюбивым человеком, потому что Тоцкий и его группа готовы дать ей большое приданное, лишь-бы избавиться от нее. Обе женщины дьявольски горды и необузданы в своих чувствах. Они не знают никаких законов, кроме своих прихотливых желаний, и никто не наставлял и не указывал им на необходимость самоограничения.

Подобно тому, как Достоевский не упускает случая, чтобы не подчеркнуть связь между Мышкиным и Рогожиным, так он прибегает постоянно и к сопоставлению обеих героинь. Во время первого посещения кн. Мышкиным Епанчиных, генеральша Епанчина просит его дать характеристику Аглаи. Он замечает, что она очень красива — »почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое« (I, 7). Это, конечно, приводит всех в замешательство, что понятно, если принять во внимание отношения, которые существуют между Тоцким, генералом Епанчиным и Настасьей Филипповной. Если Ганя Иволгин женится на Настасье Филипповне, ему по имеющемуся плану — будет

дано 75.000 рубл. А Ганя в это время пишет письма Аглае, в надежде, что она отнесется благосклонно к нему и таким образом ему удается распутать свои отношения с Настасьей Филипповною. Исключая Рогожина, все мужчины, которые восхищаются Аглаей, связаны с Настасьей Филипповною и обратно.

Параллелизм между двумя женщинами, из которых одна сомнительного поведения, другая — безупречна — типичен для Достоевского. Мы видим его в »Преступлении и Наказании«, где Соня и Дуня обе готовы жертвовать собою для блага своих близких. Соня становится проституткой, чтобы материально поддержать свою озлобленную полусумасшедшую мачеху и ее малых детей. Дуня решает выйти замуж за Лужина, надеясь таким путем помочь и обеспечить будущее Раскольникову. Катерина Ивановна и Грушенька в »Братьях Карамазовых« составляют подобную же пару.

Перед нами две безумно гордых жен ины в борьбе за обладание Мышкиным. Он жертвует собою для Настасьи Филипповны, а она уезжает с Рогожиным. В Москве она оставляет его и, кажется, остается с князем. Однако, они не остаются вместе, и Мышкин пишет письмо Аглае. Обручение Князя с Аглаей было оглашено только для того, чтоб потом оказатъся отмененным. Потом Аглая с Князем идут к Настасье Филипповне, где их ждет Рогожин. Эта жуткая встреча кончается тем, что Аглая оставлена одна, а брак между Настасьей Филипповною и кн. Мышкиным становится вопросом решенным. Но на этом дело не кончается. Настасья Филипповна бежит из-под венца к Рогожину и здесь находит свою смерть. Аглая позже выходит замуж за авантюриста и становится католичкой.

Основной вопрос заключается в сущности чувства Мышкина к обеим женщинам. По мнению проф. Е. А. Ляцкого: »Мышкин для них существо особого рода, существо чисто нравственного порядка, в котором нет пола, нет ревности, но есть бесконечная нежность и понимание . . . Аглая ему нравится, он находит ее красивой, но это все, что влечет его к этой странной и гордой девушке. Вернее, ему только кажется, и то не всегда, что Аглая нравится ему красотой, ибо, увидав Настасью Филипповну, он тотчас же забывает об Аглае« [1]).

Н. А. Бердяев высказывает другую точку зрения: »Образ двойной любви особенно интересен в ‚Идиоте‘. Мышкин любит

[1]) Op. cit., стр. 151—152.

и Настасью Филипповну и Аглаю. Мышкин — чистый человек, в нем есть ангелическая природа. Он свободен от темной стихии сладострастья. Но и его любовь — больная, раздвоенная, безысходно-трагическая. И для него двоится предмет любви. И это двоение есть лишь столкновение двух начал в нем самом. Он бессилен соединиться и с Аглаей и с Настасьей Филипповной, он по природе своей не способен к браку, к брачной любви. Образ Аглаи пленяет его и он готов быть ее верным рыцарем. Но если другие герои Достоевского страдают от избытка сладострастия, то он страдает от его отсутствия. У него нет и здорового сладострастия. Его любовь бесплотна и бескровна. Но с тем большей силой выражается у него другой полюс любви и перед ним разверзается другая ее бездна. Он любит Настасью Филипповну жалостью, состраданием и сострадание его беспредельно . . . В сострадании своем он проявляет своеволие, он переходит границы дозволенного . . . В сострадании его нет целостности духа, он ослаблен раздвоением, так как он любит и Аглаю другою любовью . . . Природа Мышкина тоже дионисическая природа, но это своеобразный, тихий, христианский дионисизм . . . И быть может все несчастье Мышкина в том, что он слишком был подобен ангелу и недостаточно был человеком, не до конца человеком. Поэтому образ Мышкина стоит в стороне от тех образов Достоевского, в которых он изображает судьбу человека«[1]).

Если мы попытаемся оценить эти две точки зрения, то увидим, что их столкновение и несогласованность зависит от интерпретации, а не от существа фактов. Они согласны в том, что Аглая производит на Князя впечатление красотой, а что Настасья Филипповна притягивает его к себе жалостью. С одной стороны, это наступательная положительная красота Аглаи с присущими ей пороками, с другой стороны — пассивное отрицательное страдание с ему присущими добродетелями. Противоположность обнаруживается только при удивительном параллелизме между Аглаей и Настасьей Филипповной, что́ имеет место и в случае с Соней и Дуней в »Преступлении и Наказании«.

Нет нужды в дальнейшей диалектике, чтобы показать, что дело здесь идет о двух сильных страстях. Обе одинаково оправданы и перед Богом и перед человеком, и выбор между ними должен быть произведен только разумом. Но разумом Мышкин то и не обладает, ибо он идиот. Поэтому он не в состоянии

[1]) »Миросозерцание Достоевского«. Пр. 1923, стр. 120 сл.

сделать выбора между двумя равно притягательными силами. У него нет критерия, который помог-бы ему в окончательном решении и привел-бы его к женитьбе на одной из соперниц.

Можем-ли мы это назвать любовью? Имеем-ли мы здесь перед собою обыкновенный случай, когда мужчина любит одновременно или поочередно двух женщин по различным причинам или потому, что они жен ины разных типов? Мы не можем также сказать, как говорили о Рогожине и Мышкине, что один тип воплощает только духовное, а другой плотское начало. Нет, обе жен ины совершенно не лишены плотского начала. Обе остро восприимчивы к наслаждениям плоти, и мы не можем себе представить ни одной из них надолго удовлетворенной в браке, где муж не отвечал-бы своему назначению. Мы никогда не должны забывать, что обе женщины искали удовлетворения не в дружбе, а в браке. И если бы допустить, что они только догадывались о бессилии кн. Мышкина, уже это поставило-бы их в более смешное положение, чем это необходимо.

Можно сказать, что чувства любви к женщине не может быть, у существа, подобного Мышкину, физически бессильного. Критика может отрицать, что это есть любовь. Она может утверждать, что это скорее симпатия или восхи ение. Но говорить это, значит проходить мимо того факта, что отношения между Князем, Аглаей и Настасьей Филипповною совсем иного рода, чем отношение Князя к другим лицам романа. Трудно сказать, каким другим словом, кроме любви, можно-бы назвать это чувство, если бы только не вносило затруднения единственное замечание князя о своем бессилии.

Мы не должны предъявлять к манере описания Достоевского требований, которых он себе сам не ставил. Современная литература так приучила нас к описанию любви в ее физиологических проявлениях и человеческого поведения с ее внешней материалистической стороны, что мы склонны забывать, что Достоевский в своих произведениях идет совершенно иным путем. Его интересуют душевные проявления в минуты кризиса, напряжения. Как проявляется любовь гордой красивой жен цины? Как проявляется любовь женщины страдающей, испорченной? Что значит любовь мужчины с таким мягким сердцем, что он неспособен оскорбить или обидеть ни одного человека? Действительно, ни в одном из этих случаев нельзя получить ответа путем регистрации поцелуев, путем описания сменяющихся сцен

проявления страсти. Достоевского занимает нечто более глубокое, и поэтому он обходит все те подробности, которые непременно привели-бы другие авторы, и поэтому мы выносим впечатление, что Идиот чужд этой стороне человеческих проявлений.

Надо отметить еще одну сторону в этом вопросе, что проф. Е. А. Ляцкий в своей статье и делает. Он говорит: »При всей тонкости рисунка, при всей эфирности интуиции, Достоевский, изображая основной тон жизнеощущения своего героя, не раз сбивался, как-бы падал с высоты и грубо ударялся о землю. Так, он заставил Мышкина на вечере у Епанчиных, где его представили в качестве жениха Аглаи, взять на себя совершенно не идущую к нему роль. То была навязанная ему роль родовитого барина, готового поддерживать и защищать честь и славу высшего сословия в государстве. ‚Я боюсь за вас, за вас всех вместе, — обращался он невпопад к гостям Епанчиных, с насмешливой учтивостью внимавшим неожиданное красноречие, словно сорвавшегося с якоря, незадачливого жениха Аглаи: — Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу'. Здесь Достоевский положительно снижает роль Мышкина, выводя его за скобки своих высших религиозно-нравственных постижений. Он заставляет его произносить длинную, публицистическую тираду о социализме, якобы вышедшем из недр католичества, об иезуитах и атеистах. Даже коренная мысль Достоевского о том, что ‚кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет', чужда общему складу мышкинской натуры. Мышкин ощущает Бога, но не говорит о нем и во всяком случае не называет его всуе«. [1])

Но к этому надо заметить, что все страницы, где Князь превращается в светского человека, связаны с домом Епанчиных, Достоевский как-будто бы хотел представить в этой обстановке Князя тем, чем он действительно был, последним князем Мышкиным, и поэтому имеющим все права на появление в этом обществе. Но если в данном случае есть противоречие между образом и поведением Князя, то мы можем принять его и в отношениях Князя к обеим героиням романа.

В таком случае мы увидим, как учет одной непоследовательности может разъяснить самые сложные подробности дальнейшей истории. Князь Мышкин возвращается в Россию и оказывается между двумя женщинами, которые влекутся к нему по разным причинам. Так как им руководят только чувства, обе

[1]) Op. cit., стр. 154.

женщины в равной степени привлекательны, одинаково горды, одинаковы страстны, то он, лишенный разумного критерия для выбора, обречен на крушение. Здесь постановка темы обратна той, которую мы находим в »Преступлении и Наказании«, где разум принуждает Раскольникова настаивать на своем праве на преступление, и где его воскресение может произойти только тогда, когда он готов отдаться чувству любви и довериться своим непосредственным инстинктам, отказавшись следовать слепо за выводами разума. В »Идиоте« мы видим недоверие к чувству и симпатию к руководящей роли рассудка.

По иному противопоставлен Князь Рогожину. Он воплощает духовное начало против телесного, доброе против злого. Он аппелирует к высшим сторонам души Настасьи Филипповны, тогда как Рогожин возбуждает ее низшие инстинкты. В этом треугольнике Князь только тень высшего бытия, он воплощает в себе надежды и чаяния человечества, и, естественно, пол отпадает совершенно.

Так, если мы допустим, что слова Князя о »незнании женщин« имеют силу только в треугольнике Мышкин-Рогожин-Настасья, то мы легко поймем и объясним все столкновения во втором треугольнике: Князь-Аглая-Настасья Филипповна. Мы поймем записочки и встречи, столкновения и припадки ненависти и не будем вынуждены принять смешную мысль, что обе женщины ведут борьбу за обладание мужчиной, который неспособен удовлетворить их. Интерпретация Князя, как ангелоподобного существа, которое готово при таких условиях вступить в брак, представляется еще более недостойным по отношению к Достоевскому, чем первое предположение.

Обойти единственную трудность, связанную с известной фразой кн. Мышкина, можно только допущением, что в первой части романа Достоевским кое-что написано слишком поспешно. Зная в каких условиях ему приходилось писать, считаясь с его манерой »драматизации бреда« [1]), мы должны быть готовы к тому, чтобы встретиться с некоторыми неточностями, с некоторыми противоречиями в мелочах и, если интерпретация одного выражения разъясняет нам целое романа, мы должны прибегнуть к ней, исходя из понимания идеи всего произведения. В данном случае это тем более оправдано, что таким образом »Идиот« будет органически связан с другими произведениями Достоев-

---

[1]) См. *А. Бем* «Драматизация бреда» в сборн. »О Достоевском«, т. I.

ского, в которых он более или менее всегда соединял конфликт личный и философский. Допустив двойственное значение Мышкина в романе, с одной стороны, как противопоставление духовного начала — плотскому, с другой — как доказательство несостоятельности одного чувства, не поддержанного разумом, мы устраним многие противоречия и углубим понимание самого романа.

Prof. Clarence A. Manning.

Columbia University-New York.

Людовик Шпицнагель.

Эпизод из истории юности Ю. Словацкого.

То, что мы знали до сих пор о Люд. Шпицнагеле, как будто не давало возможности выделить рассмотрение его деятельности в качестве самостоятельной работы. Более широкие круги удовлетворялись теми сведениями о нем, которые получали из соответствующих глав монографий о Словацком или воспоминаний Одынца; специалисты же, писавшие о Словацком, в достаточной степени подробно рассмотрели вопрос о генезисе поэмы Словацкого «Godzina myśli» и о роли, которую в этом случае сыграл Шпицнагель — его близкий друг, — этот, по описанию поэта «голубоглазый юноша», вечно погруженный в свои «пламенные» мечтания. Известно, что Словацкий, в бытность свою в Вильне, разделил с ним не мало «горячих» мыслей и надежд. Стоит тут вспомнить об увлечении идеями Сведенборга; на это уже много раз обращалось внимание, хотя самый факт не подвергался более тщательной проверке. В связи с этим соблазнительно было рассмотреть вопрос и о первых восточных поэмах Словацкого, — насколько они могли возникнуть в связи с позднее так резко определившимися «восточными» симпатиями его друга. Этому вопросу, как и вообще петербургскому периоду жизни Шпицнагеля, до сих пор уделялось меньше внимания; между тем рассмотрение его может иметь значение как для разъяснения некоторых фактов из биографии Шпицнагеля, до сих пор либо совсем неизвестных, либо возбуждавших некоторое сомнение, так, в одинаковой мере, для правильного разрешения вопроса о самом характере «восточных» устремлений Шпицнагеля. Безусловно ведь большое принципиальное значение имеет вопрос о том, насколько эти «восточные» интересы Шпицнагеля были окрашены в романтические цвета и тем самым могли оказать прямое воздействие на первые поэмы Словацкого. И автор нынешней статьи разделял некоторые сомнения, касающиеся петербургского периода жизни Шпицнагеля (ср. его

рецензию на «Dzieła wszystkie» Словацкого, помещенную в Slavia за 1929 г.). В настоящее время, однако, благодаря использованию материалов, до сих пор не подвергавшихся такому детальному рассмотрению, ему удалось внести некоторую ясность в данный вопрос, и это послужило для него одним из дополнительных мотивов к выдвижению данной темы в качестве особой проблемы. Наконец, как бы ни были сильны «восточные» устремления Шпицнагеля, они, конечно, неотделимы от тех литературных течений и общественных движений, которые так буйно развивались среди виленской, преимущественно университетской, молодежи в 1815-24 г. г. Пересматривая, следовательно, небольшое оставшееся нам литературное наследство Шпицнагеля, было бы весьма интересно попытаться установить его роль в этой пестрой смеси ряда течений, какую представляла собою виленская умственная жизнь начала 20-х годов XIX века. Течения эти иногда, при явном противоречии друг другу, легко поддаются дифференциации, но в ряде случаев настолько тесно соприкасаются одно с другим, что лишь с большим трудом удается заметить характеризующие их отличия. Работы Белинского, Хмелевского и др., равно как и соответствующие главы в монографиях о Мицкевиче (Третяка и др.) помогают здесь в уяснении многих вопросов, но ряд проблем все еще остается до конца неясным, и может быть, видимо, разрешен лишь тогда, когда мы получим сводную монографию об истории польского так назыв. преромантизма, к чему чрезвычайно ценным введениемм служат некоторые труды проф. М. Шийковского.

В отношении Шпицнагеля речь должна итти не только об определении его отношения к общему национально-патриотическому движению, которым была охвачена польско-литовская молодежь того времени, но и в особенности — об его литературной физиономии, а именно, — насколько новые течения начинающегося романтизма, хотя бы в минимальной дозе, могли коснуться его творчества? — От разрешения этого вопроса зависит не только общий вопрос о литературном воздействии Шпицнагеля на Словацкого, — ибо трудно допустить более широкое воздействие при отсутствии одной хоть более или менее общей основы, — но также и неоднократно уже нами отмечавшаяся проблема «восточных» увлечений Шпицнагеля: совсем иным, как известно, должен был выступать Восток перед умственным взором идеологического представителя XVIII века

и литературного классика, с одной стороны, — и романтика, с другой. Кроме того, именно в это время впервые ставился вопрос о собственно научном изучении Востока, что в одинаковой степени находилось в противоречии и со старым дидактическим, по-преимуществу, ориентализмом, господствовавшим в XVIII веке, и с новыми «экзотическими» устремлениями романтиков. Сложность этой обстановки усугублялась еще и чисто внешними обстоятельствами: в бурную «переходную» эпоху Наполеоновских войн, на которую падает чрезвычайно краткая жизнь Шпицнагеля, не было недостатка в разных странах в людях, которые чувствовали острую неудовлетворенность всем существующим; их лучшие идеологические представители выступают в литературе в качестве героев «пожираемых мыслями», вечно стоящих над бездной, как бы инстинктивно ищущих в жизни ее трагических сторон. Это еще не романтики, однако несомненно — предвестники великой надвигающейся бури. Традиционная так назыв. неудовлетворенность жизнью, характеризующая позднейших романтиков 30-х годов, конечно, восходит к этого рода переживаниям, хотя сами они не всегда умели дать себе в этом ясный отчет.

Шпицнагелю не суждено было, правда, дать более или менее законченное в литературном отношении выражение мыслей и образов, его волновавших; для нас он остается «одним из многих» «второстепенных» литературных деятелей своего времени; однако, именно благодаря тому, что его литературные интересы не успели еще установиться, он в отдельных случаях сумел отчетливее и чище отразить некоторые детали литературного движения, известного под именем «преромантизма». С этой точки зрения получают новое освещение его традиционные «восточные» устремления, и делается также понятной необходимость пересмотра оставленного им литературного наследства. Зная, правда, общий психологический облик Шпицнагеля, как он рисуется по отзывам его друзей, учителей и по его собственным признаниям, можно сомневаться в том, чтобы литературное творчество было его настоящим призванием; неслучайно, например, тот же Словацкий изображает его человеком, обладающим глубокими мыслями, однако неспособным дать конкретное воплощение этому своему ценнейшему внутреннему содержанию. В «Godzinie myśli» Шпицнагель обращается к самому автору со следующими горестными словами:

„Szczęśliwy! twoje myśli świetniej w słowach płoną,
Niż gdy w sercu zamknięte — moje myśli gasną,
Słów nie cierpią — lecz nieraz w godzinie tajemnic,
Tłumnemi słowy w piersiach jak szatany wrzasną,
I wołają ażebym je wypuścił z ciemnic“.[1])

Очевидно (нам придется еще убедиться в этом в процессе дальнейшего изложения, Словацкий был чрезвычайно проницательным биографом своего друга), Словацкий здесь верно передает тот скрытый для глаза менее внимательного наблюдателя процесс, который происходил во внутреннем мире Шпицнагеля. Последний, действительно, не мог справиться с бурно развивавшейся работой своей мысли и воображения, и несомненно испытывал те «муки слова», о которых здесь говорится. Отсюда его мрачные предчувствия и печать трагизма на всем его облике; здесь же, повидимому, коренятся отчасти причины его пристрастия к таинственным сюжетам с печальной развязкой. Констатируя, таким образом, этот факт, что его настоящее призвание не было в области собственно поэзии, мы не можем удержаться от выражения хотя бы запоздалого сожаления о том, что окружавшие его люди с уже развившимся кругозором и, вообще, более опытные, не взяли на себя труд хотя бы в осторожной форме объяснить ему это. Наоборот, своими чрезмерными восхвалениями почти каждого его шага они поддерживали в нем убеждение об его «великом призвании», и этим лишь приблизили заранее тяготевшую над ним трагическую развязку.

Сказанным, полагаем, достаточно определяется необходимость выдвижения темы о Шпицнагеле в качестве самостоятельной проблемы; ближайшее ее рассмотрение позволит нам убедиться в том, что он весьма любопытен в качестве лица, очень ярко преломившего в своем небогатом творчестве некоторые существенные элементы преромантических течений и увлечений восточными сюжетами. То или иное разрешение этих вопросов не может, само собою разумеется, не отразиться и на вопросе о взаимоотношениях между Словацким и Шпицнагелем, коль скоро всякое изучение творчества последнего есть неизбежное дополнение к студиям этого первостепенного представителя не только польского романтизма.

Выше было уже отмечено, что состояние нынешней литера-

---

[1]) Juljusz Słowacki. Poemata, z przedmową Piotra Chmielowskiego, Warszawa 1898, стр. 18.

туры по интересующему нас вопросу отнюдь нельзя назвать благоприятным. Большинство писавших о Шпицнагеле касались его лишь попутно в соответствующих главах монографий о Словацком (Малэцкий, проф. Т. Грабовский, И. Третяк, проф. Ю. Клейнер), и потому не ставили даже своею целью производить в этом направлении самостоятельные разыскания. В особенности много о нем говорится в главах монографий и статьях (г. г. Хшановского, Жичинского), посвященных разбору «Godziny myśli», где, как известно, дана Словацким поэтическая биография его друга и рассказана история их знакомства. До сих пор, однако, не только отсутствуют, как выше было отмечено, самостоятельные работы о Шпицнагеле, но не дано также в соответствующих библиографических указателях точного перечня всего того, что было им написано, так что этого рода работу пришлось нам проводить самостоятельно, но, при значительных пробелах в этом отношении наших библиотек, мы отнюдь не решаемся выдавать ее за исчерпывающую. Иллюстрацией неустановленности даже чисто внешних сторон жизни Шпицнагеля может служить вопрос с хронологическими датами: одни считают, что он родился в 1806 году, другие полагают, что в 1807 г. (ниже будет сделана попытка дать объяснение этому расхождению); одни говорят, что он покончил с собою в 1826 г., другие, — что в 1827 г. (ниже и в этот вопрос будет внесена ясность на основе впервые нами используемого материала). Такая неопределенность заставляет вдумчивых исследователей соблюдать значительную осторожность в суждениях о нем; известный издатель сочинений Ю. Словацкого (юбилейное издание 1909 г.) проф. Б. Губрынович ограничивается в соответствующем примечании, касающемся Шпицнагеля, лишь констатированием общего характера фактов, касающихся последнего. Сообщает, что он опубликовал ряд вещей в виленских изданиях, что многое после него осталось в рукописи, наконец, прибавляет, что на Словацкого Шпицнагель «wywierał wpływ ogromny» [1]). Один из современников, Ходзько, утверждал, что очень многое из того, что написал Шпицнагель, осталось неопубликованным [2]). Мы, однако, позволим себе несколько усомниться в этом: в то время, при усиленном развитии периодиче-

---

[1]) Jul. Słowacki, Dzieła, we Lwowie, 1909, t. I, стр. 373.

[2]) Korbut G., Literatura Polska, wydanie drugie, t. III, стр. 518; Słowacki, Jul., Dzieła, op. cit. t. I.

ской печати в Вильне и при значительности литературных связей Шпицнагеля, ему, конечно, легко было опубликовать свои вещи, только бы он сам находил их достойными этого. Быть может, эти известия о «крупных» произведениях Шпицнагеля, оставшихся неопубликованными, следует отнести за счет тенденции возвеличить память «безвременно погибшего друга», — тенденции, которая, несомненно, руководила отчасти и Одынцем. Но самым типичным подтверждением неразъясненности большинства здесь затронутых вопросов может служить одно из немногих «популярных», рассчитанных на более широкие круги изданий, трактующих о Шпицнагеле, — это Энциклопедия Ольгебранда: здесь[1]) указан неправильный, как увидим ниже, год его смерти; далее, после перечисления (весьма неполного) оригинальных его произведений, добавляется упоминание об Александриде: «Poemat Nizama, tłumaczony z arabskiego, poprawiony i dopełniony przez Adelunga, wyszedł z druku 1821» [2]). Никакой, однако, не делается попытки разъяснить польскому читателю, — откуда же вдруг у нашего автора появился столь значительный интерес к восточным темам. А нужно сказать, что эти слова могли служить для многих польских читателей единственным источником для ознакомления с целым периодом деятельности Шпицнагеля. Никто после этого не заинтересовался ближе данным вопросом, хотя об ориентальных устремлениях его было, вообще говоря, хорошо известно. Ниже придется еще вернуться к этой теме; но и сейчас уже следует отметить, что в данной заметке имеется целый ряд тяжелых ошибок: прежде всего, данный перевод был сделан Шпицнагелем не с арабского, а с персидского (который он безусловно также изучал); далее, не Аделунг редактировал его перевод, а Шармуа, известный ученик французского востоковеда Сильвестра де Саси; к Аделунгу же, директору Института Восточных Языков при Петербургском Министерстве Иностранных Дел, относится лишь специально написанное Шпицнагелем посвящение перевода. Автор заметки, очевидно, не имел под руками означенного перевода, что-то слышал или читал об Аделунге в связи с этим переводом, но не дал себе труда или не имел возможности проверить и надлежащим образом согласовать эти неясные для него факты, Нужно, кроме того, отметить,

---

[1]) См. т. XIV, стр. 286 (Encyklopedja powszechna S. Olgebranda).
[2]) Ibid.

что представляется абсолютно невозможной и указанная здесь дата перевода — 1821 год; ведь известно, что лишь за год до известного наводнения (т. е. в 1823 году) Шпицнагель отправился для занятий восточными языками в Петербург; ясно при этом, что он мог приняться за подобного рода работу только после тщательной предварительной подготовки, на которую требовалось во всяком случае несколько лет. Следовательно, о 1821 г. в данном случае не могло быть даже и речи.

Наличие в заслуживающих, вообще говоря, полного доверия изданиях, каким безусловно является Энциклопедия Ольгебранда, столь путанных сведений о Шпицнагеле — должно служить также новым дополнительным мотивом, побуждающим к пересмотру данного вопроса.

Главным источником, которым до сих пор все пользовались, служили показания Одынца в его «Listach z podróży» (tom II, wydanie drugie, Warszawa, 1884) и «Wspomnieniach» (Odyniec, Antoni Edward, Wspomnienia z przeszłości opowiadane Deotymie, Warszawa 1884), хотя известно, что Одынец писал эти вещи много лет спустя и не раз ошибался в целом ряде случаев. Одынец был школьным товарищем Шпицнагеля; его охотно принимали в доме родителей последнего. Он неоднократно подчеркивает выдающиеся способности Людовика, но одновременно отмечает его полную непривычку к систематическому труду (что весьма характерно для подобного типа людей) [1]. Легкое усвоение иностранных языков досталось, видимо, Людовику от отца, немца по происхождению, однако уже полонизировавшегося, профессора медицины, владевшего целым рядом языков, в том числе турецким (что, надо полагать, не было безразличным для позднейших устремлений Людовика). В другом месте Одынец отмечает, что Шпицнагель принадлежал к такому типу людей, «из которых вырастают либо гении, либо авантюристы» [2]. «Najczęściej jednak, jak kwiat zbyt wysilony, giną przed wydaniem owocu»[3]. Одновременно он не забывает отметить буйное развитие воображения, которое причинило Людовику столько страданий . . . В литературном отношении Одынец, в согласии со Словацким, отмечает у него недостаток изобразительной силы и, видимо, в связи с этим указывает, что он не стремился к авторской

[1]) См. „Listy z podróży“, tom II., стр. 207.
[2]) Wspomnienia, стр. 61.
[3]) Ibid.

славе. Гораздо интереснее то, что, при всей расплывчатости своих суждений, Одынец не забыл однако подчеркнуть основного различия принципиального характера, которое существовало между «его» лагерем, с одной стороны, и Шпицнагелем, с другой. Это едва ли не самое ценное из всего, что имеется в показаниях Одынца; свидетельство это весьма нам пригодится для дальнейшего изложения. Указав на то, что именно с Ходзько он (Одынец) сошелся на почве новых симпатий, характеризуемых им как романтические, Одынец тут же добавляет, что подобного рода настроения пришлись Людовику совсем не по вкусу, и последний пытался даже резко бороться с ними [1]). Литературные симпатии Шпицнагеля, по свидетельству Одынца, как будто вполне укладывались в традиционные рамки: он зачитывался классическими эпопеями, и в отрочестве уже мог познакомиться со многими из них в оригинале [2]). В связи с такими наклонностями стоит, по свидетельству Одынца, и отношение его к некоторым «специальным» вопросам романтического быта, например, знаменитой теории «променистых», развивавшейся Заном. Оказывается, что и в этом случае Людовик совершенно не разделял увлечений своих друзей, — «jątrzył się owszem i oburzał na nas, że częściej o bohaterkach, niż bohaterach mówimy»[3]). Можно, конечно, сомневаться в том, насколько уже тогда (в начале 20-х годов) настроения Одынца и его друзей были подлинно романтическими; есть целый ряд данных, говорящих за то, что в этих настроениях много еще было такого, что теперь принято определять понятием «преромантизма»; в этом случае «пропасть», отделявшая Людовика от его друзей, не должна была быть столь громадной, как это стало казаться Одынцу на расстоянии времени. Нам во всяком случае надлежит теперь проверить, насколько это категорическое утверждение Одынца о «традиционных» литературных симпатиях Шпицнагеля: — «Wciąż heroicznemi marzeniami zajęty», — говорит о нем Одынец [4]), — соответствует другим имеющимся в нашем распоряжении фактам; иными словами, действительно ли то, что он писал, выдержано в «давней» и при том «строгой» традиции, и, в таком случае, все течения «преромантизма», получившие столь значительное отражение в тогдашних виленских журналах, — не оказали,

[1]) Wspomnienia, стр. 102.
[2]) См. „Listy z podróży, tom II., стр. 206.
[3]) „Wspomnienia", стр. 104.
[4]) „Wspomnienia", стр. 104.

однако, никакого воздействия на столь впечатлительного юношу, каким был Шпицнагель, по свидетельству самого же Одынца. Такое предположение представляется нам тем менее вероятным, что «преромантическое» течение было естественным мостом, соединявшим «старое» с «новым»; предполагать же скачок через «пропасть», без такого моста, конечно, нет возможности. А между тем именно таким скачком через пропасть было бы предположение о влиянии Шпицнагеля на Словацкого, без одновременного допущения наличия в его творчестве, по крайней мере, некоторых элементов «преромантизма». Факт влияния Шпицнагеля на Словацкого есть, конечно, не гипотеза; он бесспорен; однако, как согласовать его с вышеприведенным утверждением Одынца? — Ответ может быть получен только в результате просмотра литературного наследства, оставленного Шпицнагелем.

2.

Среди известных нам литературных произведений Шпицнагеля имеется опубликованное им в 1822 году в журнале «Tygodnik Wileński» стихотворение, в котором прямым образом содержатся его теоретические взгляды на задачи поэзии. Оно должно поэтому иметь первостепенное значение для разъяснения его позиции в отношении намечавшихся тогда литературных течений. Правда, стихотворение это относится к начальному периоду его чрезвычайно короткой литературной деятельности; однако, то, что Шпицнагель писал позднее, не вносит слишком большие коррективы в общие высказанные им здесь положения. Интересующий нас в данном случае его «Wiersz o poezji dydaktycznej» заслуживает, однако, сугубого внимания, не только в качестве вещи, наиболее полно характеризующей творчество самого Шпицнагеля; «Wiersz» этот может быть еще более интересен и важен для объяснения явлений и более широкого порядка: он представляет собою документ, свидетельствующий о тех глубоких и незаметных для глаза поверхностного наблюдателя изменениях, какие происходили в литературных симпатиях и устремлениях, к моменту выхода в свет первого тома стихов Мицкевича.

При скудости подобного «теоретического» материала, относящегося к той эпохе, тем более представляется непонятным то обстоятельство, что «Wiersz» этот до сих пор не был исполь-

зован исследователями, занимавшимися специально рассмотрением судеб так назыв. преромантических течений в Польше. Для них произведение это представляет собою несомненно источник первостепенного значения; между тем, наиболее потрудившийся в этой области проф. М. Шийковский ни разу не упоминает о нем в своих работах, хотя, как увидим ниже, к одной из его работ «Wiersz» этот имеет во всяком случае прямое, непосредственное отношение.

«Традиционные» симпатии Шпицнагеля, отмеченные Одынцем, выступают, правда, и в этом стихотворении; к «законодателю мод» — Буало — автор как-будто относится с безусловным преклонением:

„W dawnym gallów narodzie Boalo jest znany,
Prawodawcą Parnasu godzien bydź nazwany“.[1])

Можно было бы поэтому предполагать, что мы имеем здесь дело с воспроизведением «Sztuki Rymotwórczej» Дмоховского. Действительно, автор дает «характеристики» отдельных поэтических жанров, как то делали Буало и Дмоховский; по их же рецепту, уделяет практические советы писателю. Этому не следует удивляться: ведь «Sztuka Rymotwórcza» была, как известно, переиздана еще в 1826 году и имела даже тогда еще значительное число сторонников. Любопытнее то, что Шпицнагель значительно отступает от своего образца в характеристике преимуществ отдельных литературных жанров. Поклонник Тасса и Виргилия, он, разумеется, преклоняется перед эпической поэзией:

„Głos twój nieba dosięga, wiatry go roznoszą,
I pokoleniom dzieła bohatyrów głoszą[1]).“

Но уже в своих симпатиях к так назыв. описательной поэзии и чрезмерном восхвалении «музы» Делилля он несколько отклоняется от «чистоты» данной традиции; не следует, однако, удивляться тому, что пользовавшийся такой громкой славой во Франции эпохи первой Империи аббат Делилль нашел себе даровитых последователей среди двух поколений польских классиков. В его творчестве можно уже найти элементы, свидетельствующие о возможных отклонениях от старой традиции. Еще больше такое «отклонение» Шпицнагеля от господствовавшей тогда нормы сказалось в прославлении так назыв.

---

[1]) Tygodnik Wileński, 1822, № 12, стр. 276.
[1]) Ibid. стр. 273.

«дидактической» поэзии; по мысли автора, теперь несомненно должен был наступить новый этап в развитии дидактической поэзии; здесь речь шла не о примитивном дидактизме средневековья и не об осложненной балластом «учености» тенденциозности гуманистов; вопрос, видимо, ставился о создании нового поэтического рода, который должен был послужить довольно значительной реакцией в отношении предшествующей эпохи; параллельно такая реакция произошла уже раньше в области сентиментального и нравоучительного романа.

Развивая свою мысль, Шпицнагель говорит, что наличие дидактизма не должно однако снижать основных задач, которые ставит перед собою поэт:

„To tylko, co jest pięknym, przejmuje wzruszeniem,
Godne jest, by je głosić dydaktycznėm pieniem.“[1])

При помощи дидактического произведения поэт должен, по мысли автора, научить своего читателя быть счастливым; в рассмотрении же того, каким именно путем можно достигнуть такого «счастливого» состояния, — у Шпицнагеля сильнее всего сказываются отклонения от «традиционной» точки зрения [2]).

---

[1]) Ibid. стр. 278.

[2]) Нужно, однако, заметить, что в тех же виленских изданиях, в которых сотрудничал Шпицнагель, уже раньше высказывались мысли, свидетельствующие о значительном уклонении от »традиции«; так, в том же Tyg. Wilensk. за 1821 г., N 1, — был напечатан «List do M. H. (W guście Boala)» неизвестного автора, поставившего лишь дату: «W Krzemieńcu, dnia 20/VIII 1820«. Уже в первой части этого письма автор занимает несколько неопределенную позицию, когда утверждает, что

„Aby bydź sprawiedliwym, trzeba bydź surowym,
Trzeba się zgodzić z czuciem i z rozsądkiem zdrowym“.

Ibid. стр. 289.

В дальнейшем изложении у него элемент чувства выступает все более вперед, так что его мы можем считать также довольно заметным провозвестником »преромантической« реакции; он — большой сторонник »чувствительных« излияний сердца; любопытно при этом, что он трактует об элегиях, которые поэт должен создавать на могилах своих предков:

„Czy w poświęconej muzom i wdziękom tęsknocie,
Oddaje hold należny swoich przodków cnocie,
Albo też na ich grobach z płaczącemi treny,
Łączy tkliwe wspomnienie swojej Telimeny.“

Ibid. стр. 292.

Очевидно, среди читателей виленских журналов начала 20-х годов прошлого столетия не было недостатка в таких, которые могли восторгаться песнями Оссиана и »Ночами« Юнга, — Шпицнагель не прокладывал здесь нового пути, но он сумел дать более конкретное отражение этим несколько неопределенным стремлениям.

Дидактическая поэзия, — указывает наш автор, — должна прославлять удовольствия беспечной сельской жизни, когда девушки плетут венки после жатвы и спешат на хоровод; здесь мы без труда узнаем «подновление» старой идиллии (хотя автор не дает ее более подробной характеристики). Это не прежняя идиллия Шимоновича; это новый тип «селянки», представленный в Польше, например, Нарушевичем, а на Западе — Гесснером[1]).

Тип этот пробивал некоторую брешь в здании классицизма, примыкая к сентиментальным тенденциям Руссо. Еще больше «отклонений» можно заметить в рассуждениях Шпицнагеля на известную тему книги Соломона: «Vanitas vanitatum». В сущности, целое литературное течение взяло на себя тогда задачу развития подобного рода мыслей; в поэзии Грея, Юнга и Гервея мы находим наиболее яркое их отражение. Не всегда удается провести достаточно отчетливую грань, отделяющую это течение от манеры Оссиана; однако, несомненно, что у последнего было гораздо меньше элементов чисто «личных» переживаний. Эти последние служили в особенности исходным пунктом «ночных размышлений» Юнга, пользовавшихся в свое время такой громадной популярностью во всех европейских литературах. Современники не знали настоящей биографии Юнга (в которой и до сих пор остаются неразъясненные места) и представляли его себе человеком, совершенно не интересующимся делами «мира сего» и господствующими в нем страстями; в их воображении он выступал в качестве старца, созерцающего ночное звездное небо или блуждающего при свете луны среди могил; при этом он неизменно погружен в свои размышления, долженствующие опровергнуть скептика[2]). Такая точка зрения на Юнга, господствовавшая тогда на Западе, отразилась и в русском переводе «Ночей», которых уже третье (доступное мне) издание вышло в 1799 г.: «Плачъ Эдуарда Юнга, или ночныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, въ девяти нощахъ помѣщенныя; съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: 1) Страшный Судъ, 2) Торжество Вѣры надъ Любовью, творенія сего же знаменитаго писателя. Изданіе третіе. Часть I, Москва 1799. Часть вторая, Спб. 1812».

---

[1]) См. об этом работы Paul van Tieghem „Les idylles de Gessner et le rêve pastoral", Paris, 1930 г. и проф. М. Шийковского »Гесснеризм в Польше« (Rozprawy wydz. Filol. Akad. Um. tom LIII., 1914.)

[2]) См. Paul van Tieghem, Le préromantisme, études d'histoire littéraire européenne, Paris, 1930, стр. 21.

В интереснейших, прилагаемых к переводу примечаниях неизвестный их автор, рассказав популярные факты биографии Юнга — потерю им ряда близких людей, — добавляет затем в характерных для того времени тонах: «Три удара сіи, такъ скоро одинъ за другимъ послѣдовавшіе, наполнили сердце сего шестидесятилѣтняго старца чрезвычайною горестіею. Въ сіе то время возымѣлъ онъ отвращеніе отъ свѣта, и такъ сказать, еще живый низшелъ во гробъ друзей своихъ; въ единомъ токмо будущемъ искалъ онъ утѣшенія своего. Слезы его не были безплодны; кажется, что великій умъ сей ожидалъ токмо сихъ трехъ ударовъ, дабы шествовать во мрачное царство смерти и проникнуть даже до блаженныхъ селеній, къ которымъ смерть насъ провождаетъ. Сіе нещастіе было рожденіемъ сего сочиненія, которому не видимъ мы другаго подобнаго »[1]).

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 22. Нельзя не пожалеть о том, что »юнгизм« в русской литературе остается все еще не обследованным; сожаление это высказывалось неоднократно и в иностранной научной литературе. Между тем, даже спорадические экскурсы в эту область, которые нам приходилось делать лишь попутно, указывают на то, что распространение этой »моды« в русской литературе было едва ли не самым сильным в количественном и, отчасти, качественном отношении (по сравнению с другими славянскими литературами). Любопытно, например, констатировать, что автор упомянутого перевода выражает не только безграничное преклонение перед »гением английского стихотворца«; он, кроме того, пытается использовать »Ночи« Юнга для борьбы с рационалистическим скептицизмом, с различными »Вольтерьянскими идеями«. Говоря о Лоренцо, представляющим у Юнга тип такого скептика, русский автор добавляет: — »но одна ли Англія славится таковыми Лоренцами? — не видимъ ли мы и между нами Лоренцовъ, которые и сихъ еще гораздо гнуснѣе?« (Ibid. стр. 30). В то время, как в польской литературе »Ночи« Юнга были исключительно известны в далеко неточном французском переводе Le Tourneura (мы пользовались изданием, вышедшим в Париже: Oeuvres complettes d'Young, traduites de l'anglois par M. le Tourneur, à Paris, 1796, 2 тома — Проф. М. Шийковский в своей монографии »Edwarda Younga ,,Myśli nocne" w Polsce« (Rozprawy Wydziału Filol. Ak. Um., serja III., tom X., Kraków, 1917, стр. 33, — прямо говорит, что Летурнёр: jest nieomal wyłącznym dostawcą polskim i ,,ossjanizmu" i . . . . ,,youngizmu"), — указанный выше русский перевод был без сомнения сделан непосредственно с английского оригинала; об этом свидетельствуют отдельные встречающиеся там замечания; это же подтверждается сличением отдельных мест, которые иначе звучат у Le Tourneura, чем в английском и русском тексте; не имея возможности, по понятным причинам, подробнее развивать здесь эту мысль, ограничимся приведением одного хотя бы сличения, позволяющего в достаточной степени убедиться в том, что русский перевод непосредственно восходит к английскому тексту: »Ты, которая въ недавнемъ времени воспріимала образъ Ц и н т і и. О ты, которая въ полнощные часы сама оживотворять можешь. Скажи, для чего Ц и н т і я не можешь быть богинею, покровительствующею стихотворство? Ты воспріимала образъ ея, а она пріиметъ твои свойствы; сія премѣна усугубитъ божество ея« (op. cit. том I, стр. 87). В английском оригинале этому месту соответствуют следующие стихи:

Позднейшее исследование в значительной степени должно было рассеять эту легенду, создавшуюся вокруг личности Юнга; он оказался, в свете объективных фактов, человеком, весьма заботившимся о мирских, «суетных» интересах, прибегавшим часто к лести и неумеренным восхвалениям[1]). Но оставалось что-то другое, что импонировало читателю в его поэме, помимо его личности. Возобновляя как-будто весьма старый, восходящий к Ксенофану и Эмпедоклу, род философской поэмы, — Юнг однако сумел создать из него довольно оригинальный, почти новый жанр. Вместо обычной «регулярности» изложения, он умышленно давал свободное течение мыслям, которые его волновали. Это свободное течение мысли, это нарушение наскучившей тогда многим «правильности» пришлись в то время целому ряду лиц по вкусу[2]). Его «ночные» сюжеты настолько вошли в моду, что еще в «Nuits» Альфреда де Мюссэ некоторые видят отдаленное, правда, отражение влияния «Ночей» Юнга; о некоторых «лунных» декорациях у Шатобриана не

,,Thou, who didst lately borrou Cynthia's form,
And modestey forego thine own! O thou,
Who didst thyself, at midnight hours, inspire!
Say, why not Cynthia, patroness of song?
As thou her crescent, she thy character
Assumes; still more a goddess by the change"

(The complaint, or nights — thoughts on life, death. and immortality. London. MDCCXCIV, стр. 46),

Французский текст Летурнера в данном случае (обе эти цитаты взяты из третьей главы »Ночей«) особенно далеко отходит от оригинала, так что о сличении с ним не может быть речи; близость же русского текста к английскому в этой, например, третьей »Ночи«, откуда брались оба места, — разительна. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, можно констатировать, что поддержанное кругами, преимущественно масонскими, уже по крайней мере в 80-х годах XVIII века, — это влияние Юнга в России держалось еще и в 20-х—30-х годах XIX века, так что лишь Гоголь в »Мертвых Душах« сумел взглянуть на него, как на явление, вполне изжитое, опустившееся уже к тому времени в такие круги, которые отнюдь не задавали тон культурной и общественной жизни. »Почтмейстер, — говорит Гоголь в VIII главе первого тома »Мертвых Душ«, — вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы »Ночи« и »Ключ к таинствам натуры« Эккарстгаузена, из которых делал весьма длинные выписки; но какого рода они были, это никому неизвестно« (издание В. В. Каллаша, Сочинения и письма, том IV, стр. 224). На этом значительном протяжении времени, — от первых масонских типографий до »Мертвых Душ«, — »юнгизм« жил в России, как можно предполагать, довольно интенсивной жизнью, и потому заслуживает специального рассмотрения. Приносим здесь искреннюю благодарность акад. Н. К. Никольскому за сделанные ценные указания в области русской литературы XVIII века.

[1]) См. Paul van Tieghem, Le préromantisme, стр. 22.
[2]) см. Ibid. стр. 27.

приходится и распространяться, настолько зависимость их от Юнга считается установленным фактом.

Судьба «юнгизма» в польской литературе, как выше было отмечено, подробно рассмотрена в работе проф. М. Шийковского. Интересующая нас здесь в связи с разбираемым произведением Шпицнагеля теоретическая часть представлена была здесь выступлениями одного лишь Бродзинского, который, впрочем, далеко не был безусловным сторонником чистого «юнгизма», упрекал Юнга в недостатке «smaku i czucia» и считал действительно поэтическим лишь описание смерти и погребения Нарциссы в четвертой песне его «Ночей»[1]). Не то мы находим у Шпицнагеля, который относится к Юнгу с безусловным преклонением; у него Юнг, согласно с вышеприведенными восторженными отзывами о нем современников —

„Jak ptak grobowy unika od ludzi,
Cichość nocy przerywa i śmiertelnych budzi.“[2])

В дальнейшем у нашего польского автора выступает вся та характерная декорация «юнгизма», о которой говорено было выше в отношении разных европейских литератур, включая и русскую: тут типичное кладбище с приходской церковью и одновременно — свет бледного месяца, при котором

Snuje się on (Юнг) z latarnią podobny do mary,
Tam rozważa los człeka. Jego smutne pienia
Stawią w strasznych obrazach śmiertelnych cierpienia.[3])

И нет для него счастья в этом «суетном» мире, ибо оно только

„Na Józefata smutnej mieści się dolinie“[4])

Нельзя сомневаться в том, что в данном случае мы имеем дело с «юнгизмом», уже достигшим своего полного развития на польской почве, коль скоро встречаем в этом отрывке все те его характерные черты (идеологические и литературные), которые выше были уже отмечены у его русского старшего современника, также относившегося к Юнгу с безусловным преклонением. Непонятно поэтому, почему столь яркий представитель «юнгизма», каким был Шпицнагель, не нашел себе места в монографии проф. М. Шийковского, уделяющей внимание иногда таким явлениям, которые с трудом могут быть признаны входящими в данное литературное движение (например, некоторые

[1]) См. Rozprawy, t. LV, Kraków, 1917, стр. 60.
[2]) Tyg. Wil, Op. cit., стр. 275.
[3]) Ibid. стр. 276.
[4]) Ibid.

упоминаемые им представители литературы второй половины XVIII века или же отдельные стихотворения, помещавшиеся в виленских журналах за 1818 и 1819 г. г.).

Без труда можно подметить следы «юнгизма» и в таких самых ранних вещах Шпицнагеля, как отрывки эпической поэмы «Wiedeń wybawiony», несмотря на то, что общая установка сюжета здесь должна была быть вполне «традиционной». Самый выбор темы понятен для мечтателя, обегавшего, по словам Одынца, все Вильно в поисках португальской грамматики, которая нужна была ему единственно для того, чтобы иметь возможность читать в подлиннике «Лузиаду» Камоэнса. Однако, здесь не просто классический, «героический» сюжет; автор уже начинает, видимо (как вскоре это сделают выдающиеся романтики), сознавать ненормальность тех условий, в которых протекала тогда польская общественная жизнь; в нем пробуждается националист, мечтающий о «славных» временах победы над турками. «Восток» здесь пока для него не имеет еще самодовлеющего значения; будущему ориенталисту недоставало еще материала для настоящего использования «восточного» сюжета, как такового. Он пока идет в традиционных рамках, намеченных еще в соответствующей польской поэзии XVII в., которую К. Гурский подверг специальному рассмотрению [1]).

Имеются сведения о том, что Шпицнагель написал всю эту поэму, составившую 12 песен; он читал ее Боровскому, своему учителю, который был очень ею доволен; однако сам автор в припадке острой неудовлетворенности бросил ее в огонь. Судя по этим похвалам литературного «классика», каким был Боровский, можно предполагать, что и остальные, ныне неизвестные нам песни не содержали сколько-нибудь значительного уклонения от установленной «традиции». Опубликованный же отрывок не дает основания думать, чтобы поэма была чем-либо особенно выделявшимся среди подобного типа студенческих упражнений. Среди однако общего «серьезного», «героического» тона делаются особенно заметными некоторые элементы «юнгизма» — в описании «ночного колорита» и могилы:

,,Już księżyc świecił, niebo noc skryła oponą,
Gdy Daura nieszczęśliwa z głową pochyloną,
Łzy lejąc na swoje piersi, przez skryte manowce,
Przybywa drżącą nogą nad ojca grobowce.“[2])

[1]) ,,Król Jan III. w poezji polskiej“ см. Pisma K. Górskiego, Kraków, 1913.
[2]) Tygodnik Wileński 1820, tom X, стр. 186.

Не приходится возвращаться в связи с цитируемым отрывком к высказанному выше утверждению об условности всего «восточного» колорита в этом отрывке. Всего менее, конечно, проглядывающий здесь сентиментализм мог соответствовать турецким нравам XVII века.

Элементы «юнгизма» находим также в следующем хронологически стихотворении Шпицнагеля: «Dumania nocne Ateńczyka, w czasie, gdy Filip zagarnął Ateny». Фоном для этих размышлений служит опять «Noc ponura, noc straszna»[1]), а темой их «marność tego świata»; если эта последняя тема была типичной для всего «юнгизма», то в других отношениях данное стихотворение содержит некоторые новые черты, дающие возможность сопоставлять его с соответствующими течениями поэзии Оссиана, хотя об этом последнем Шпицнагель прямым образом не упоминает в своих вещах. Нет надобности подробнее распространяться о судьбах этого последнего течения в Польше, коль скоро они разобраны в исчерпывающей монографии проф. М. Шийковского [2]). Однако, любопытно отметить, что в разных литературах «оссианизм» часто, в особенности у второстепенных его последователей, сливался в некоторых пунктах с «юнгизмом», так что различение того и другого не всегда представляется делом достаточно легким. Во всяком случае, к Оссиану должен здесь восходить самый выбор темы, поскольку дело идет не о скорби по поводу потери близких, как у Юнга, а о «тенях предков», которые должны напомнить о славном прошлом «греческого» народа [3]). «Греческого» тут, по существу, ничего нет, как ничего почти не было «восточного» в вышеразобранной поэме об избавлении Вены. Однако, и в этом случае самый выбор темы не случаен, а, конечно, должен быть поставлен в связь с симпатиями «преромантизма» и раннего роман-

---

[1]) Tygodnik Wileński, tom X., стр. 156.

[2]) M. Szyjkowski, Ossjan w Polsce. (Rozprawy wydziału Fil. Ak. Um. t. LII, Kraków, 1912.)

[3]) Что поэзия Оссиана пользовалась еще успехом в Вильне начала 20-х годов, — об этом свидетельствуют, помимо прочего, хотя бы следующие стихи, напечатанные в том же Tygodniku Wileńsk. за 1821 г., в котором сотрудничал и Шпицнагель:

„A gdy na całą ziemię mgła wieczorna pada,
Samotny bard Morwenu, na tym wzgórku siada,
Gdzie leżą jego przodków nieskażone zwłoki
I wdzięcznem pieniem głosi ich rycerskie kroki.
Wśród mgły, która wilgocią ciemne gaje moczy,
Duch starego Fingala stawi się przed oczy.“

тизма в разных западно-европейских странах к начинавшейся тогда борьбе греков за свое национальное освобождение. Возвращаясь к мотивам, заимствованным здесь из Оссиана, следует подчеркнуть, что, в противоположность обычному колориту для Юнга, здесь —

„Ukrył się napół księżyc bladawy za chmurę,
Noc okropność rozlała na całą naturę.“[1])

И уже вполне выдержанной в духе Оссиана следует признать картину, рисующую нам «прохождение легких теней предков»:

„Widma jakieś wśród ciemnych cyprysów się suną,
Mogiły się bladawą przywdziewają łuną,
Znikomych tysiąc świateł i lekkich postaci,
Postrzega wzrok zbłąkany i znowu je traci“.[2])

Таким образом, мы видим в этих «Dumaniach» соединение некоторых тем Юнга с весьма характерными чертами поэзии Оссиана; причем, последние даже играют здесь преобладающую роль. К этому надо добавить, что элементы классицизма, столь сильные впрочем и у Юнга, не оказались, разумеется, вытравленными и здесь, о чем свидетельствует и самая манера изложения, и пользование мифологическими образами. Оригинальным следует признать самое (хотя очень неудовлетворительное еще) выдвижение «греческого» элемента, в котором без труда, разумеется, мы можем видеть отражение волновавших тогда виленских студентов мыслей о необходимости борьбы за свое (польское) национальное освобождение. Только на этом фоне делаются понятными призывы к мести, которые раздаются в данном стихотворении неоднократно:

„Przyjdzie ta straszna chwila gdy wśród majestatu,
Gromami straszny Jowisz ukaże się światu“.[3])

Что подобные настроения не только назревали в то время среди виленских студентов, но стали уже получать отражение в поэзии, — об этом свидетельствует хотя бы «Dumania nieszczęśliwego», помещенное в том же «Tygodn. Wil.» за 1822 г. № 1) за подписью «T. Bar . . . . . . cki[4]). В этом довольно слабом впрочем стихотворении, проникнутом наивным сентиментализмом, автор восклицает, обращаясь к луне:

„I twoja widzę dola równie opłakana,
I ciebie sroga przemoc uciska tyrana.[5])

---

[1]) Tyg. Wil., t. X, стр. 156.
[2]) Ibid. стр. 157.
[3]) Ibid.
[4]) См. стр. 15.
[5]) Ibid. стр. 14.

При всей наивности этого обращения, оно хорошо отражает то стремление к национальному освобождению, которое мы отметили уже у Шпицнагеля. Само собою разумеется, что и в том и в другом случае не могло не оказать своего значительного воздействия чтение незадолго перед тем вышедших «Śpiewów historycznych». Немцевича, главная цель которых, как известно, и заключалась в указании потомкам на славны деяния их предков.

В 1821—22 г. г. не находим в виленских изданиях ничего, опубликованного за подписью Шпицнагеля; а то, что он печатает в 1823—24 г. г., до и после своего отъезда из Вильно, свидетельствует о значительном изменении его литературных симпатий. Повидимому на это время падает его более значительный интерес к немецкой «балладической» поэзии; интерес этот должен был содействовать дальнейшему освобождению от «традиций» классицизма; как мы видели, насыщенность мотивами Юнга и Оссиана не препятствовала, однако, сохранению некоторых из этих элементов в его предшествующих вещах. Теперь Шпицнагель зачитывается балладами Бюргера (столь популярного в доме его отца писателя) и отчасти Гете. Одновременно вышедший в 1822 г. первый томик стихов Мицкевича не мог, разумеется, не оказать влияния на дальнейшее направление его творчества. Несомненно, что баллада выступает в качестве третьего, наряду с «юнгизмом» и «оссианизмом», составного элемента «преромантического» движения. Фантастика и фатальность приобретают тут еще более яркие очертания; с другой стороны, поэт имеет возможность продолжать свои мечтания о «далеком, туманном и славном прошлом»; за отступление от заветов этого прошлого он готов покарать своих героев, а сохранение такой верности представлялось ему достойным величайшего прославления. Новые литературные образцы помогли Шпицнагелю освободиться и с внешней стороны от традиционного 13-ти-сложного александрийского стиха, дали возможность заменить его более «вольным» размером с «чересполосной» рифмой. Такой первой «балладой», написанной Шпицнагелем, был «Mieczysław III», к которому автор присоединяет характерный подзаголовок: «легенда» [1]). Сюжет этой «легенды» Шпицнагель заимствовал, по его собственному указанию, из IV книги

---

[1]) Dzieje dobroczynności krajowej i zagranicznej z wiadomościami ku wydoskonaleniu jej służącemi, Rok 1823. Tom II, стр. 22—24.

Хроники Кадлубка, однако подверг его обработке в духе волновавших его тогда мыслей: Мечислав терпит наказание за то, что не остался верен таким вышеотмеченным «заветам» прошлого:

„Lecz narodowość, szczerość i prostota
Z biesiad królewskich zostały wygnane,
Obca tam mowa i twarze nieznane[1]).

Еще более прямое отношение к тогдашним настроениям имело упоминание о том, что

„Rusin w polskiej plądrował ziemicy.“[2])

Наряду однако с этими элементами, наличие которых следует признать характерным для всего мировоззрения Шпицнагеля, наблюдаем в рассматриваемой легенде некоторые приемы, связывающие ее с первым томом стихов Мицкевича. В частности, тут можно подметить отражение приемов, применявшихся Мицкевичем в так назыв. «серьезном» типе его баллад (хотя приемы эти, само собою разумеется, не были вполне оригинальны, но у Мицкевича проще всего их мог Шпицнагель позаимствовать). «Чудесное» появление, например, старца, у Шпицнагеля невольно напоминает нам о соответствующем месте из баллады «Tukaj». Сопоставление этих мест не оставляет сомнения в их близости: основная мысль «Tukaja» осталась, правда, чуждой Шпицнагелю, но в данном случае речь идет лишь о литературных приемах, а не о тождестве мысли. У Мицкевича картина появления старца представляется следующим образом:

„Wtem grom łamie szczyty dachu,
Zadrżały zamkowe ściany,
Jakowyś starzec nieznany
Wlatuje na środek gmachu“.[3])

И Шпицнагель подчеркивает прежде всего страх, который возбуждает в окружающих появление старца:

„Zbledli wszyscy, usta oniemiały;
Kiedy śród trwogi na zamek przybywa
Cetko w chrześciańskich cnotach osiwiały,
I tak się wobec przytomnych odzywa...“[4])

Это сходство отдельных мест должно было поддерживаться чтением Бюргера, который, как известно, оказал влияние и на Мицкевича, а также наличием у самого Мицкевича в этот пе-

---

[1]) Ibid. стр. 22.
[2]) Ibid. стр. 23.
[3]) Pisma Adama Mickiewicza, nowe wydanie zupełne, tom pierwszy. Lipsk, 1862, стр. 42.
[4]) Op. cit. стр. 23.

риод его творчества некоторых элементов «юнгизма». Последнее обстоятельство частично было уже отмечено проф. М. Шийковским в его монографии. К этому можно добавить, что и в цитированной выше балладе «Tukaj» элементы эти, хотя и спорадически, но были представлены; таков, например, характерный для «юнгизма» колорит лунной ночи:

„Idą — ciemno, deszczyk kropi,
A srebrzysta twarz miesiąca,
To grubawe mgły roztrąca,
To się znowu we mgle topi".[1])

Сюда же следует отнести частично здесь встречающуюся обстановку «могил». Все это должно было облегчить Шпицнагелю пользование приемами собственно балладической поэзии: он наглядно убеждался на данных примерах, что переход к ней от «юнгизма» вовсе не был так труден.

Последним произведением Шпицнагеля, напечатанным в виленских изданиях в бытность его уже в Петербурге, была «Zemsta Powieść»[2]). Здесь типичные для него мечтания о «величии» прошлого осложнились, видимо, переживаниями более интимного характера, начинавшими уже тогда приобретать трагический характер. Ко всему этому следует присоединить еще более глубокое, чем до сих пор, воздействие некоторых вещей Мицкевича. Новым для Шпицнагеля было наличие здесь в значительной доле элементов сентиментализма, так мало идущего к «традиционным» «героическим» сюжетам, которыми Шпицнагель так долго увлекался. Оказывается, что «слеза» орошает лицо его героя — Генриха, когда тот видит, что любимая им Алина отдает свою руку другому; в подобных же тонах выдержаны переживания самой Алины:

„Łezka w niebieskiej zabłysła źrenice,
I zimna bladość wstąpiła na lice".[3])

Подобного рода сентиментализм довольно заметно выступает у второстепенных виленских поэтов того времени. Так в одной «Dumie», автором которой был Seweryn Tyszkiewicz[4]), — героиня ее льет также обильные слезы, а окружающие леса эхом отвечают на ее стенания.

Другой более известный автор — Adam Rogalski, — в сти-

---

[1]) Op. cit.
[2]) Dziennik Wileński, tom I. Rok 1824, стр. 217—223.
[3]) Ibid. стр. 219.
[4]) см. Tygodnik Wilenski, 1822, I., стр. 208.

хотворении, озаглавленном «Westchnienie», в сходных тонах развивает типичные положения сентиментальной эротики:

„Kamień przywali me zwłoki nikczemne,
I darń porośnie na wyniosłej ziemi;
A z kim ci były pieszczoty przyjemne,
Tego mogiłę zroś łzami swojemi".[1])

Известно, что подобный сентиментализм проникал не только в первые баллады Мицкевича, но и в его «Dziady»; нет ничего удивительного поэтому в том, что и другие элементы «виленских» «Dziadów» оказали воздействие на это произведение Шпицнагеля. Такова прежде всего основная тема — переживания героя, связанные с тем, что любимая им девушка отдает свою руку другому.

Шпицнагель не смог еще внести в трактовку этой темы столько искренности, как то мы видим у Мицкевича. Его изложение продолжает развиваться в значительной степени в условных тонах, чему сильно содействовало то, что он поместил самое свое повествование в рамки далекого прошлого.

Преследуемый более или менее такими же переживаниями, как Густав Мицкевича, герой Шпицнагеля в такой же степени оказывается нечувствительным ко всяческим внешним лишениям; его защищает от них тот внутренний огонь, которым горит все его существо:

„Lecz kogo wnętrzne dręczą niepokoje,
Kto słodkich szczęścia marzeń pozbawiony,
Tajone żale w obce niesie strony,
Ten już nieczuły na śmiertelne znoje."[2])

Хорошо также известна история «пустынника» — Густава у Мицкевича, появляющегося перед ксендзом — своим учителем — в странном наряде; — он сильно озяб и весь промок —

„Jednak do nitki przemoczony wszystek,
Zbladłeś, przeziąbłeś strasznie, drżysz, jak listek—"

говорит ксендз, обращаясь к нему[3]). И у Шпицнагеля его Генрих укрывается в плохенькой хижине во время ночной непогоды:

„Noc była ciemna, a śnieg padał w nocy,
Wezbrany potok ze szczytu gór spływał,
W lichej się chatce pustelnik ukrywał,
Wiatry jesienne dęły od północy"[4])

Описание свадебного пира в начале повести, как и сцена прощания между Алиной и Генрихом, — представляют собою

[1]) Dziennik Wileński, Rok 1824, I., стр. 34.
[2]) Ibid, стр. 220.
[3]) Pisma, op. cit. tom trzeci, Lipsk, 1862, стр. 54.
[4]) Op. cit., стр. 219.

также несомненно довольно близкое подражание соответствующим сценам в «Dziadach». К этому следует добавить, что эротика «Dziadów» не заслонила собою целиком других элементов в творчестве Мицкевича, воздействие которых продолжает здесь ощущаться. При слабости построения «повести» «Zemsta», в которой поступки героев почти не мотивированы, и их характеры едва очерчены, неудивительно, что в одном произведении могло сочетаться воздействие элементов, иногда даже противоречивших один другому. Так, например, мы снова возвращаемся здесь к мотивам «Tukaja», когда автор дает описание печали и разочарования отца Генриха:

„Stał się odludny, milczący, posępny . . .
Ród ludzki, cnotę, wszystko znienawidział"[1])

У Мицкевича Tukaj еще дальше зашел в своем скептицизме (хотя и по другим совсем причинам, как известно:

„Święta wiaro, święte imię,
Święte nic! Cnoto, czczy dymie!"

— восклицает он [2]).

Наконец, в некоторых применяемых Шпицнагелем внешних приемах отчетливо видны еще следы влияния ранних баллад Мицкевича; например, в описании всадника Ратмора:

„Lecz cóż za jeździec na koniu się zbliża,
Groźne spojrzenie i twarz nasrożona,
Płaszcz mu złocisty okrywa ramiona,
A dzielny rumak pod jeźdźcem poryża?"[3])

Это вопросительное четверостишие своей манерой вполне напоминает, например, начало «Switezianki», где автор в виде вопроса также восклицает:

Jakiżto chłopiec piękny i młody,
Jakażto obok dziewica,
Brzegami sinej Świtezi wody
Idą przy świetle księżyca."[4])

Другой вопрос, что самая эта манера у Мицкевича, в значительной степени, восходит к балладам Гёте, с «Рыбаком» которого обычно сопоставляют «Свитезянку»; ср., например, следующие стихи Гёте:

Sie sang zu ihm, Sie sprach zu ihm:
Was lockst du meine Brut
Mit Menschenwitz und Menschenlist
Hinauf in Todesgluth?"[5])

---

[1]) Ibid. стр. 221.
[2]) Op. cit. t. I, стр. 41.
[3]) Op. cit., стр. 220.
[4]) Op. cit. t. I., стр. 14.
[5]) Goethes poetische und prosaische Werke, Stuttgart und Tübingen, 1836, Band I., стр. 33.

Однако, только что перед тем напечатанная в Dzienniku Wileńsk. «Свитезянка» скорее могла послужить образцом здесь для Шпицнагеля, чем баллады Гёте, тем более что и содержание их дальше отстоит от тем, интересующих Шпицнагеля, чем то, что дает Мицкевич.

В описании мрачного конца героя «Zemsty» — Генриха, который «долго пребывал в какой-то неизвестной стране» и, как говорят, — «разил немилосердно неверных в Палестине», — мы можем предполагать уже некоторые черты начинающегося в Польше байронизма, хотя и нет прямых свидетельств о том, чтобы Шпицнагель зачитывался в то время произведениями Байрона. Здесь как бы появляются первые проблески тех настроений, которые позднее получат такое блестящее развитие в «Валленроде».

Оставляя пока в стороне «восточные» увлечения Шпицнагеля в петербургскую эпоху его жизни, мы можем однако уже дать ответ на поставленный в конце главы вопрос о «традиционных» или «не традиционных» устремлениях нашего автора. Оказывается, что «традиционного» тут, к моменту его отъезда из Вильны, оставалось уже очень немного; вначале он довольно крепко держался еще старой формы и отчасти мифологических образов; однако, исключительная даровитость и впечатлительность помогли ему в короткий промежуток времени пройти все основные фазисы, характеризующие так назыв. «преромантизм». В цитированном уже выше исследовании французского ученого Paul van Tieghem'а весьма основательно и тонко подчеркивается сложный характер всего этого движения: «преромантизм», как все крупные литературные явления, — говорит он, — похож на чрезвычайно сложное живое кружево, из которого нельзя отделить ни одного узора, без того, чтобы не встретить другие узоры, теснейшим образом с ним связанные; их равным образом необходимо знать для того, чтобы понять роль этого общего узора» [1]). Действительно, Шпицнагель начал лишь с «частных» отклонений от «традиций», которыми характеризуется преимущественно «юнгизм», но постепенно от этих настроений, через посредство «лунных» и «могильных» сюжетов, перешел к гораздо более «широким» темам поэзии Оссиана; переход этот, как выше было отмечено, был вызван не только литературными влияниями и часто разительной близостью между отдельными

[1]) C . cit., стр. 173.

элементами «юнгизма» и «оссианизма». Причиной его послужило общее оживление «националистических» настроений, которое наблюдаем именно в эту эпоху. Только в такой связи делаются понятными слова поэта о «pętach niewoli» и его клятвы — отомстить «жестокому тирану». Не удовлетворившись позднее и таким «идейным» отклонением от традиции, автор потом начинает порывать даже с внешними последними ее признаками; он переходит к новому стихотворному размеру, меняет литературный жанр и приемы, которыми до сих пор пользовался; в этом случае ему служили образцом многочисленные «думы» и в особенности баллады, которые он мог тогда читать на польском и немецком языках; наконец, возможно также, что он кое-что воспринял от чтения поэм Байрона. За исключением «гесснеризма» [1]), следовательно, все основные этапы литературных движений; непосредственно предшествовавших романтизму, были пройдены Шпицнагелем. Можно поэтому, в результате нашего разбора виленских произведений Шпицнагеля, — с полной категоричностью утверждать, что Одынец был неправ, когда указывал на то, что его друг весь ушел в традицию; напротив, мы могли убедиться в том, что Шпицнагель произвел над собою громадную внутренную работу именно в целях преодоления этой традиции. Очевидно, утверждение Одынца о колоссальной ненависти Шпицнагеля ко всему «романтическому» касалось лишь каких-нибудь отдельных сторон этого движения, которые оставались еще тогда ему почему-нибудь недоступными. Из этого также делается ясным, что на Словацкого он мог оказать влияние не только своим «огненным» воображением и таинственными рассказами в духе идей Сведенборга [2]), как об этом вспоминает сам Словацкий. В чисто литературном отношении разобранные вещи Шпицнагеля представляли как раз удобную базу для развития дальнейших его вполне романтических симпатий. Укажем на характерные в этом

---

[1]) Если однако »гесснеризм« не нашел себе слишком прямого отражения в его стихах и »поэмах«, то во всяком случае теоретически Шпицнагель несомненно симпатизировал и этой отрасли »преромантизма«, коль скоро сочувственно отзывался об этого рода творчестве в своем цитированном выше рассуждении о дидактической поэзии. Об общей судьбе этого движения в Польше — см. в соответствующей монографии проф. М. Шийковского »Gessneryzm w Polsce, Kraków, 1914. (Rozprawy wydziału Filologicznego Akademji Umiejętnosci, tom LIII).

[2]) Впрочем, что касается до влияния идей Сведенборга на Шпицнагеля, то вопрос этот, как ниже будет отмечено, вообще нуждается в пересмотре.

отношении его «Dumania nocne Ateńczyka»; проникающая их «эллинская» идея могла отразиться в таких «греческих» сюжетах Словацкого, как «Lambro»; укажем далее на поэтизацию прошлого, что не могло не найти себе отражения в его ранних драмах. Наконец, в повстанческой лирике Словацкого мы вправе видеть некоторые отблески «националистических» устремлений Шпицнагеля, а в его первых, «байронических» вещах — отголоски тех настроений, которые мы отметили выше в повести Шпицнагеля «Zemsta». Ясно во всяком случае, что «преромантизм» Шпицнагеля давал чрезвычайно широкий простор для дальнейшего развития — и этим не мог не воспользоваться Словацкий.

3.

Интерес к «Востоку» в широком смысле этого слова нам удалось подметить у Шпицнагеля еще задолго до его отъезда в Петербург. Тут, конечно, сыграла свою роль «пылкость» его натуры, богатое развитие воображения, стремление уйти от будничной окружавшей его действительности в область экзотики. Еще может быть важнее подчеркнуть, что общий интерес к «ориентализму» в виленских кругах того времени был весьма значителен. Прежде всего, тут пытались продолжать старые, унаследованные от XVIII века традиции. Если для большинства польских литераторов, затрагивавших эти темы в XVI—XVII вв., «Восток» ограничивался преимущественно Турцией, с которой Польшу связывали прямые непосредственные интересы, то в XVIII веке, под влиянием наплыва переводной литературы, преимущественно стоявшей в той или иной связи с «Тысячью и одной Ночью» Галланда, — мы наблюдаем значительное расширение этого понятия: местом действия литературного произведения может служить и Персия, и Аравия, и Китай, хотя о реальности «восточного» колорита всех этих вещей, конечно, говорить трудно. Преобладали в них дидактизм и аллегория. Типичными и наиболее популярными образцами этого рода творчества были «восточные» повести Красицкого и Немцевича. Этот тип аллегорической и дидактической повести продолжал существовать ко времени первых выступлений Шпицнагеля и в виленских журналах; при чем в разработке его принимают участие как второстепенные, так и более заметные литераторы того времени. Так, известный член общества шубраг-

цев и редактор «Tygodn. Wil.», Игнатий Шидловский, опубликовал в 1822—1823 г. г. отрывки повести «Гяур» [1]).

Вполне в дидактическом стиле XVIII века выдержана повесть неизвестного автора «Biały i czarny» [2]). В другой повести, сюжет которой взят из китайской жизни [3]), неизвестный автор любопытным образом отражает тенденции рационалистического скептицизма XVIII века: герой повести Лиу хотел сначала пожертвовать подаренные ему деньги на содержание «japońskich kapłanôw», но затем, под влиянием картин людского горя, которые ему приходилось наблюдать, — он решил, что гораздо лучше потратить эти средства на спасение людей, чем «przyozdabiać świątynie, lub wygodzić japońskim kapłanom»[4]). Наряду с этой уже отживавшей традицией, возникал интерес к Востоку в других областях литературного творчества: так, член кружка филоматов Ян Верниковский пишет «Краткое известие о Гафизе» и переводит с персидского его стихотворение [5]). Его же перу принадлежит «Индийская легенда», пол загдавием «Pytania morskiego ducha» [6]). В том же томе «Dziennika Wil.», где была помещена «Zemsta» Шпицнагеля, — Одынец опубликовал свой перевод с английского одной «турецкой» элегии [7]). Наконец, популярная в то время струя «гесснеризма» не могла не получить также своего отражения и в области «восточных» сюжетов. Свидетельством в пользу этого служит, например, «Персидская идиллия», опубликованная в 1820 г. [8]), где «пастушеские излияния чувств» даны на мнимо ориентальном фоне. Примкнув столь тесно к основным течениям «преромантизма», Шпицнагель не мог пройти мимо этих увлечений, коль скоро он увидел, что «Восток» открывает богатые перспективы для дальнейшего развития всевозможных сторон этого движения. Однако, при серьезности его общих интересов, он отлично понимал, что всем этим увлечениям недоставало реальной базы; как мы знаем из воспоминаний Одынца, — с отроческих лет его влек к себе «фантастический» Восток, так красочно представленный

---

1) См. Dziennik Wileński, 1822, tom III., стр. 400 и 1823, tom I., стр. 51—63.
2) Tygodn. Wil., 1820, tom IX., стр. 65—75 и 104—115.
3) „Trzej bracia. Powieść chińska". Tygodnik Wileński, 1822, № 12, стр. 257—272.
4) См. Ibid. стр. 270.
5) См. „Biruta", II.
6) См. „Biruta", I.
7) Dziennik Wil., 1824, tom I., стр. 483—484.
8) См. Tygodn. Wil. 1820, tom IX., стр. 87—88.

в знаменитой поэме Тассо; «филарет» Николай Малиновский переиздает эту поэму со вступительной статьей в 1826 г.[1]).

Наклонности Шпицнагеля к «героическим» сюжетам могли быть также поддержаны такими вещами, как «Отрывок из индийской героической поэмы Рамаяна», переложенный в стихи Игн. Кулаковским на основе прозаического перевода, сделанного известным санскритологом В. Маевским.

В сущности уже переводы описаний различных путешествий на Восток, которые стали публиковаться в Польше с начала XVIII века, давали материал для более основательного знакомства с отдаленными странами Востока. Этого рода литература продолжала интенсивно жить и в виленских изданиях времен Шпицнагеля; она была довольно энергично поддержана соответствующим материалом русской литературы, которая как раз тогда стала усиленными темпами развиваться в этом направлении. Сравнительная близость Вильно к Петербургу и вхождение его в состав русского государства чрезвычайно облегчали эту задачу. Мы поэтому наблюдаем, что в виленских изданиях появляются такие статьи, как «О торговле русских мехами на Алеутских островах»[2]). Из русского журнала «Вестник Европы» виленские издания перепечатывают «Описание путешествия в Японию молодого Коцебу»; в своем «письме» автор этого произведения подчеркивает необычайную силу полученных им на Дальнем Востоке впечатлений[3]). Разумеется, попрежнему не было недостатка в переводах соответствующих «описаний» с разных западно-европейских языков, в особенности с французского[4]). Все это могло побудить Шпицнагеля к более основательному изучению данных проблем. Еще бо́льшее значение могло иметь то обстоятельство, что в виленских же изданиях выступал уже присяжный ориенталист — Иос. Сенковский[5]). Хотя он отказался занять предложенную ему ка-

---

[1]) „Goffreda albo Jeruzalem Wyzwolona T. Tassa w przekladzie P. Kochanowskiego — ze wstępem. Wilno, 1826.

[2]) Dziennik Wil. 1823, tom II., стр. 292—307 и 438—444. — Переводчиком был Леон Рогальский, посвятивший целое исследование королю Яну Собескому, поэму о котором, как мы видели, писал и Шпицнагель.

[3]) См. Tygodn. Wil. 1822, № 6, стр. 113.

[4]) Ср., например, „Opisanie wyspy Cejlonu“, Dziennik Wileński, 1824, tom III, стр. 133—151 и 432—448; или „Historja trzydziesto-czteroletniej niewoli w Afrycie Piotra Dumonta“. Tygodnik Wileński, 1821, № 3, стр. 49—57.

[5]) См. его »Dziennik podróży do Stambulu. Dziennik Wileński«, 1819, II, а также другие статьи и рецензии; еще годом раньше он издал отдельно в польском переводе с арабского »Bajki Lokmana«.

федру востоковедения в Виленском Университете, однако направление его умственных интересов и стремление по источникам, а не из вторых рук, изучать Восток, не могло остаться без влияния на младшее поколение виленских студентов. Мысль о необходимости иметь в Вильне самостоятельную кафедру востоковедения крепнет, несмотря на отказ Сенковского. Михаил Бобровский выступает в 1824 г. с историческим очерком, дающим понятие о развитии арабского языка и литературы [1]). Не ограничиваясь сообщением этих новых тогда для польского читателя сведений, — он подчеркивает «тысячи мотивов», которые должны побуждать европейца к изучению арабского языка. При этом он специально отмечает необыкновенную способность этого языка — передавать «возвышенность мыслей и напряжение чувства». Сходные мотивы должны были руководить Шпицнагелем, который именно с таким напряжением искал нового способа выражения своих мыслей.

Итак, развивая свой интерес к Востоку на почве общих течений «преромантизма», и желая прочнее обосновать эти свои стремления, Шпицнагель едет «do wielkiej na Północ stolicy», где поступает в Институт Восточных Языков. Стремясь истолковать этот его шаг в духе позднейших тенденций романтизма, Словацкий отмечает в нем лишь стремление к экзотике, в качестве исключительной причины такого поворота в его жизни:

,,Widzę słońcem ściemniałe beduinów twarze,
Widzę lasy palmowe, świadki dawnych czasów;
Myśl moja niewstrzymana w te krainy goni!
Chciałbym jak duch w kwiecistej roztopić się woni!
Chciałbym jak liść nieznany paść tam w głębi lasów".

Предшествующее изложение не дает, однако, возможности согласиться вполне с такой мотивировкой. «Восточные» интересы Шпицнагеля, при всей их интенсивности, входили в широкую область течений, предшествующих романтизму, и не представляли собою чистого типа экзотических увлечений. Нечего и распространяться о том, что научный базис, который Шпицнагель стремился подвести под эти свои увлечения, также противоречил «чистому» типу романтической экзотики.

Со времени поступления в Петербургский Институт Восточных Языков (1823 г.), Шпицнагель стал особенно старательно

[1]) Dziennik Wileński, 1824, I., стр. 1—33: ,,Literatura wschodnia, Krótki opis historyczny mowy i literatury arabskiej z dołączeniem pożytków, z jej znajomości wypływających. Czytał na literackiem posiedzieniu w Cesarskim Wileńskim Uniwersytecie, 15. Grudnia 1823.

заниматься арабским и персидским языком. Повидимому, эти занятия и оторвали его от собственно литературной деятельности, которая должна была теперь либо совсем прекратиться, либо развиваться уже в новом направлении. Как раз этот петербургский период его жизни всего менее освящен источниками, которые до сих пор привлекались [1]).

Между тем существует некролог Шпицнагеля, написанный его учителем проф. Шармуа, бросающий яркий свет не только на петербургский период его жизни, но отчасти и на предшествующее время [2]). Говоря о труде своего покойного ученика, Шармуа хочет тем самым «бросить несколько цветов на могилу молодого ориенталиста», подававшего блестящие надежды [3]). Этот некролог, писанный по свежему впечатлению и основанный несомненно на документальных данных, вносит прежде всего точность в хронологические даты, которая там, как выше было указано, отсутствовала. — Можно теперь считать установленным, что Шпицнагель родился 9 января 1807 г. (Возможно, что некоторые указывают на 1806 г. в качестве года его рождения, потому что пользуются старым стилем, согласно

[1]) Ценнейшими указаниями, разъясняющими некоторые стороны »восточных« интересов Шпицнагеля, автор обязан акад. И. Ю. Крачковскому и проф. А. А. Фрейману.

[2]) Некролог этот был напечатан в виде вступления к вышеупомянутому его переводу »Александриды«; ниже текст этого некролога будет приведен полностью, в виду его исключительного значения.

[3]) Франсуа Бернар Шармуа (Charmoy) — 1793—1869 — был одним из пионеров научного востоковедения в России, рекомендованным в Петербург его учителем, известным Сильвестром де-Саси (см. Савельев П. С. — о жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа, Спб. 1845). За время своего пребывания в России, он настолько усовершенствовался в знании восточных языков и, в особенности, — персидского, что считался тогда лучшим знатоком последнего в Европе (см. ibid. стр. 7). Он отличался большим трудолюбием и усидчивостью; особенно много Шармуа поработал над персидскими рукописями, которые издавал с большой тщательностью. В своих работах он не любил пускаться в широкие обобщения, а предпочитал ограничиваться тщательным анализом отдельных более мелких вопросов. Одна из его работ имеет отношение к польской истории и потому быть может свидетельствует о редком случае »обратного« влияния ученика на учителя. Это — отрывок из оттоманских летописей Наммы-Эфендия, — »заключающий в себе описание набега крымских татар на Польшу в 1653 году« (Ibid. стр. 9). Он был дважды напечатан, — по-русски — в Журнале Министерства Народного Просвещения, отд. II, стр. 1—23, и у Г. Гаммера в его »Истории Османского Государства«. Не будучи в состоянии импонировать своим слушателям широтой научных построений, Шармуа однако считался даровитым преподавателем, и особенно хорошо умел обращаться с начинающими. Отсюда понятно, что Шпицнагель действительно мог прекрасно овладеть персидским языком. Лучшего руководителя в этой области тогда нельзя было и найти.

которому время рождения Шпицнагеля падает на конец Декабря 1806 г.). Вопреки Одынцу, утверждающему, что Шпицнагель прибыл в Петербург лишь в год известного наводнения (1824)[1], — Шармуа, постоянно там с ним встречавшийся, — указывает точную дату этого прибытия — Июль 1823 г. Быть может эта неточность в показаниях Одынца объясняется тем, что Шпицнагель не был сразу же принят в Петербургский Институт Восточных Языков в качестве полноправного учащегося; окончательное его зачисление произошло лишь с 1 Октября 1824 г. Но в течение целого года до этого он посещал уже занятия в качестве любителя-вольнослушателя. Он продолжал еще кое-что посылать в это время в виленские журналы; но связь его с ними видимо ослабевала, так как его все сильнее поглощали новые интересы. Хотя Шармуа не указывает точно даты его смерти, — однако из ряда сообщаемых им подробностей видно, что самоубийство Шпицнагеля не могло последовать в 1826 году, как утверждали некоторые; оказывается, что назначение Шпицнагеля на пост драгомана русского консульства в Каире последовало в начале 1827 года. Так как, с другой стороны, мы знаем, что Шпицнагель успел получить лично известие об этом назначении и застрелился собственно уже находясь в пути к новому месту своей деятельности, то ясно, что смерть его могла последовать только в 1827 году, да и то не в самых начальных месяцах этого года[2]. Что ка-

[1]) „Podczas pamiętnej powodzi w Petersburgu w roku 1828, w kilka miesięcy po jego tam przybyciu“, говорит Одынец, ср. Małecki, Juljusz Słowacki, t. 3, стр. 254; Но о 1828 г. здесь вообще не может быть речи.

[2]) Трудно согласиться с попыткой объяснения факта самоубийства Шпицнагеля, которую делает г. Ст. Василевский (см. Słowo Polskie, Nr. 353 rok 1925, — статья под заглавием — »Dla czego się zastrzelił?« — Przypisek do „Godziny myśli“. — Он приводит помещенный в одном из тогдашних виленских изданий рассказ »назидательного« характера; здесь трактуется об одном »впечатлительном юноше«, покончившем с собою при ультра-романтических обстоятельствах. Г. Василевский не сомневается в том, что этим лицом был Шпицнагель; он считает поэтому данный рассказ новым источником для биографии последнего. Однако, ряд сообщаемых им фактов не совпадает с известной нам историей Шпицнагеля: никто его не отправлял в виде награды путешествовать; было ему в момент самоубийства не 18, а полных 20 лет. Наконец, самая серьезность переживаний Шпицнагеля, которую нам постоянно приходилось отмечать, не позволяет допустить возможности того, чтобы он покончил с собою таким мелодраматическим и архи-романтическим способом, как это происходит в приводимом г. Василевским рассказе. По всем этим соображениям, нам представляется, что статья г. Василевского не прибавляет чего-либо нового к биографии Шпицнагеля. За сообщение текста этой статьи выражаем искреннюю благодарность хранителю Ягеллонской библиотеки в Кракове г. др. А. Бару.

сается самого факта самоубийства, то о нем Шармуа предпочитает выражаться, по понятным причинам, неопределенно: „Une mort, aussi inattendue, que prematurée le ravit à l'amour de sa mère, et, avec lui, s'éteignirent nos plus belles espérances“.

Как видим, в отношении фактических данных некролог, написанный Шармуа, представляет собою куда более надежный источник, чем то, что сказал Одынец. Тем большее он имеет преимущество, когда говорит собственно о петербургском периоде жизни Шпицнагеля, свидетелем которого Одынец в общем не мог быть.

В согласии с другими источниками, Шармуа подчеркивает — «богатое и пылкое его воображение», которое рисовало уже перед умственным взором Шпицнагеля «ces majesteuses pyramides, monument inébranlabie des siecles les plus reculés». Но всего может быть любопытнее приводимое Шармуа описание экзамена, которому Шпицнагель подвергался в Институте Восточных Языков 6 Мая 1826 г. Оказывается, что уже тогда он достиг такой беглости во владении персидским языком, что сумел сочинить собственное произведение на данном языке. Главными стимулами, которые помогли ему преодолеть трудности, неизбежно встречающиеся в начале таких занятий, были, по свидетельству Шармуа, — «пылкое воображение, непреодолимая страсть к путешествиям» и «un goût décidé pour tout ce qui a rapportà l'orient». Несомненно, однако, что кроме этих мотивов, действовали тут и другие, полученные им по наследству от виленской эпохи его жизни. Во всяком случае, можно быть уверенным в том, что к моменту майского экзамена 1826 г. Шпицнагель был уже готов к самостоятельным работам в области избранной им специальности. Несомненно также и то, что написанный Шармуа некролог должен занять одно из первых мест в ряду немногих существующих источников о деятельности Шпицнагеля.

По понятным причинам, «восточные» интересы Шпицнагеля не могли получить значительного отражения в его литературном творчестве; он едва стал заканчивать подготовительные занятия — преодоление трудностей изучения столь отдаленных языков, — как его застигла смерть. Однако и то немногое, что он успел сделать в этой области, достаточно свидетельствует в пользу того, что общее направление его интересов и в этой работе сохраняло те же основные черты, которые нам удалось выше отметить на основе разбора других его произведений.

Неизвестно точно, когда именно Шпицнагель занялся переводом «Шанфария»; возможно, что работу эту он проделал еще в Вильне и, в таком случае, переводил он его не с арабского, как принято думать, а с французского; французский текст этой поэмы, изданный учителем Шармуа — Сильвестром де-Саси на основе рукописных материалов [1]) был очень популярен в разных литературах уже в первой четверти XIX века. В пользу предположения, что Шпицнагель воспользовался еще в Вильне французским текстом поэмы «Шанфарий» говорит странное и не случайное, конечно, совпадение некоторых подробностей из его Виленского периода жизни с тем, что мы находим в означенной поэме. Так, Шанфарий проявлял изумительную выносливость: „Pendant les jours brûlans de la canicule, où les vapeurs formées par l'ardeur du soleil sont en fusion, où les reptiles ne pouvant supporter sa violence, s'agitent sur le sable brûlant, j'ai exposé hardiment mon visage à tous ses feux, sans qu'aucun voile me couvrît, et n'ayant pour tout abri contre sa foureur, qu'une toile déchirée, et une longue chevelure.[2])

В известном переложении этой поэмы, сделанном по-польски Мицкевичем, соответствующее место передается так:

„Na stepach bez namiotu, w skwary bez pokrycia,
Jam wesół i bogaty, bo nie szczędzę życia".[3])

Невольно вспоминаются слова Одынца о том, как Шпицнагель ложился на крыше в самую жару и подставлял жгучим солнечным лучам тонкую изнеженную кожу своего лица [4]). Совпадение это тем более не могло быть случайным, что оно подчеркивается сходством в ряде других подробностей. Выше приводилось утверждение Одынца, который подчеркивал презрительное отношение Шпицнагеля к «романическим» темам его друзей, которые «więcej o bohaterkach, niż o bohaterach mówili»[5]; и эта подробность, оказывается, имеет литературное происхождение, т. е. могла быть заимствована из указанной поэмы. Нужно даже подчеркнуть, что в «Шанфарий» эта мысль развита до своих

[1]) Chrestomatie arabe ou extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers, à l'usage des élèves de l'école spéciale des langues orientales vivantes, par Silvestre de Sacy. Tome III., seconde partie de la traduction. A Paris, de l'Imprimerie impériale, MDCCCVI.

[2]) Ibid. стр. 9.

[3]) Pisma, op. cit. tom I., стр. 198.

[4]) См. Małecki A., Juljusz Słowacki, jego życie i dzieła, tom III., стр. 253.

[5]) Odyniec A. E., Wspomnienia, op. cit., стр. 104.

крайних пределов: «Je ne suis pas non plus du nombre de ces hommes pusillanimes et poltrons, qui ne s'éloignent jamais de la compagnie de leurs femmes, et delibèrent avec elles sur toutes leurs démarches». [1]) С еще большим презрением Шанфарий говорит ниже о людях — «qui passent tout leur temps à causer d'amourettes avec les femmes et que l'on voit à tous les moments du jour parfumés et fardés»[2]).

У Мицкевича это место передано так:

„Kto mię widział od rana do nocy śród gachów,
Brew malować, włos trefić w kąpieli zapachów“.[3])

Нужно сказать, что Мицкевич вообще гораздо ближе придерживается оригинала, чем Словацкий, который также «переложил» эту поэму польскими стихами.

Это сходство подробностей поддерживается и общими чертами мировоззрения — стремлением к перенесению «доселе неизведанных страданий», общей потерей вкуса к общению с людьми, — наконец, трагическим концом, который издавна представлялся неизбежным Шпицнагелю, как с неумолимостью выступает он и в поэме «Шанфарй». К сожалению, текст перевода, сделанного Шпицнагелем, не сохранился, но приведенные только что соображения и сопоставления, полагаем, в достаточной степени разъясняют мотивы, которые побудили его приняться за эту работу еще в Вильне. Было бы однако ошибкой думать, что поэма Словацкого «Szanfary» может нам помочь в деле восстановления недоступной нам рукописи Шпицнагеля. Как указывает проф. Ю. Клейнер [1]), — Словацкий тут преимущественно пользовался «Гяуром» Байрона, на «восточной» основе которого он развивал «собственное течение мечтаний». К этим словам следует только добавить, что направление мечтаний Словацкого в то время, когда он работал над данной вещью (было это уже год спустя после смерти Шпицнагеля — 1828 год, — так что о непосредственном его влиянии тут не могло быть и речи), — находилось в довольно сильном противоречии с тем, что мы находим в арабском и французском оригинале, и что, как мы имели основание предполагать, должно было столь сильно импонировать Шпицнагелю. Таким противоречием было

[1]) Op. cit., стр. 3.
[2]) Op. cit., стр. 4.
[3]) Pisma, op. cit., t. I. стр. 196.
[4]) Kleiner Juljusz, Juljusz Słowacki, t. I., Lwów, 1925, стр. 24.

выдвижение эротического элемента, полное отсутствие которого в самой поэме выше было нами подчеркнуто [1]).

Главной работой Шпицнагеля, произведенной им в петербургский период жизни, был незаконченный перевод поэмы персидского поэта Низамия «Александрида»; это собственно единственная из его работ в области востоковедения, которая была опубликована: «Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes: extrait de l'Alexandréide ou Iskendèr-Namé de Nizàmy, traduit, en grande partie, d'après l'édition de Calcutta, par Louis Spitznagel, ci-devant élève de l'Institut oriental attaché au Ministère des affaires étrangères».

На обороте помечено разрешение цензора О. Сенковского от 17 Декабря 1828 г. Работа эта, произведенная Шпицнагелем под руководством своего непосредственного учителя Шармуа, была им посвящена директору Института Восточных Языков — известному Аделунгу «comme un témoignage de sa reconnaissance et de son dévouement». Дата упомянутого посвящения — 9 Января 1827 г., — непререкаемо свидетельствует о том, что наш автор не мог покончить с собою в 1826 году. Самый же характер данной «дедикации» как будто указывает на то, что одно время Шпицнагель действительно мечтал о службе по русскому Ведомству Иностранных Дел. Стоило остановиться на этих подробностях, так как рассматриваемое издание давно стало библиографической редкостью. Насколько трудно его было достать уже в 70-х годах прошлого века даже специалисту, об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что оно осталось недоступным даже ориенталисту Бахеру, писавшему тогда специальную книгу о Низамии [2]).

Приступая к своей работе над переводом, Шпицнагель, как это отмечает Шармуа, руководствовался некоторыми «специальными» соображениями. В сущности, это были те же мысли, которые так сильно его захватили, когда он писал в Вильне свои «Dumania nocne Ateńczyka»: его воображению чрезвычайно

---

[1]) Ср., например, стихи Словацкого:

„Niegdyś jej promień w sercu się objawił,
Chwilę oświecił duszę moją ciemną,
Zagasł i jeszcze ciemnijszą zostawił

Не от Шпицнагеля, конечно, могли итти подобные мысли.

[2]) См. Bacher Wilhelm, Dr. Nizami's Leben und Werke und der zweite Theil des Nizamischen Aleksanderbuches. Mit persischen Texten als Anhang. Beiträge zur Geschichte der persischen Literatur und der Aleksandersage. Leipzig, 1871«. Неудивительно поэтому, что данная книга осталась ближе неизвестной автору статьи о Шпицнагеле в энциклопедии Ольгебранда. Мы пользовались экземпляром Азиатского Музея Академии Наук СССР.

импонировало то обстоятельство, что Александр в изображении Низамия боролся против России. Связав таким образом основную мысль этого произведения со своими «заветными» переживаниями, он не убоялся стоявших на его пути трудностей технического характера. Не все их ему удалось, правда, преодолеть: некоторые особенно трудные для перевода места персидского текста были им, по свидетельству Шармуа, совсем выпущены; в других случаях он неудачно передал то или иное выражение на французском языке. Однако, его учитель не считает эти промахи существенными и просит у читателя снисхождения «pour le premier essai d'un jeune orientaliste, qui aurait put un jour parcourir, avec honneur, la noble carrière à laquelle il s'était voué»[1]).

По нашей просьбе, специалист по персидскому языку, проф. А. А. Фрейман производил снова сличение отдельных мест французского и персидского текста. В общем ему удалось констатировать, что перевод сделан для своего времени вполне удачно; вышеотмеченные «промахи» Шпицнагеля были очевидно выправлены Шармуа, как он сам об этом говорит в предисловии.

Данное произведение Низамия (шейх Низамоддин Абу-Мохаммед Ильяс ибн-Юсоф, живший между 1141—1203) — возникло на склоне его лет, в 90-х годах XII века, когда он уже пользовался славой крупнейшего поэта своего времени. — «So allmächtig, — писал он сам о себе, — ist mein Redezauber, Dass Sie mich ,,des Jenseits Spiegel heißen»[2].)

«Александрида» Низамия составила часть его цикла стихотворных эпических произведений, известного под общим заглавием «Пятерицы»[3]). Произведение это, послужившее главной основой для его поэтической славы, должно было по своему заданию продолжить известную поэму Фирдуси. Оно, однако, далеко не было простой компиляцией. Сам автор с гордостью сознавал себя вполне оригинальным поэтом, когда писал о себе:

,,Was vor mir entstand an Dichterwerken,
Bot so viel des Neuen nicht, als ich bot".[4])

Нет сомнения в том, что с историко-литературной точки зрения «Александрида» Низамия была настоящей героической поэмой: об этом свидетельствует и специально им выбранный

---

[1]) Expedition, стр. 5.
[2]) Bacher, W. op. cit., стр. 31.
[3]) См. статью А. Крымского о Низамии в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона, т. 41. (первое издание).
[4]) Bacher, op. cit. стр. 54.

размер стиха и самая личность Александра — в качестве главного героя произведения. Понятно, что подобный сюжет должен был увлечь Шпицнагеля, восторгавшегося, как мы видели, еще в Вильне героическими поэмами Тасса и Камоэнса.

Недостаток соответствующего материала Низамий дополнял, создавая в своем воображении новые положения и события. К числу таких вымышленных эпизодов принадлежит и борьба Александра с русскими, которая, разумеется, обратила на себя также сугубое внимание Шпицнагеля. Последний должен был увлечься, однако, не только мастерским выполнением здесь тех или иных, хотя бы и очень существенных деталей, но также и чрезвычайно умелым соединением этих разрозненных деталей в одно гармоническое целое[1]). Поэтому справедливо замечает о нем исследователь: «Auch will er durchaus nicht als Compilator gelten; das Werk soll als eigenstes Erzeugniss seines Geistes betrachtet werden».[2]) Особенность взгляда Низамия на Александра заключалась в том, что последний у него выступает не только окруженный ореолом героя; Низамий наделяет его также высшим, с точки зрения правоверного мусульманина, даром — даром пророчества. Окруженный таким же ореолом, Александр выступает и во французском переводе Шпицнагеля. Но еще больше, чем этот героизм и утомительные для современного читателя описания поединков, — Шпицнагеля должна была здесь увлечь общая так назыв. «суфитская» идея, которой проникнута поэма Низамия.

Низамий не сумел сделать блестящей карьеры при дворе, как большинство его товарищей по перу. Чуждаясь людей, он прославлял преимущества одиночества и углубленного самосозерцания:

„Wer für Gold die Lichtgedanken hingiebt,

писал он, —

„Giebt für Steine leuchtende Rubine.
Diese Leute, die gelehrt sich dünken,
Stehn am tiefsten auf der eitlen Höhe.
Schmückt sie heut die goldverzierte Mütze,
Drückt sie morgen schon die Eisenkette“.[3])

В этом утверждении Низамия, что только «одиночество дает желанный покой», — можем без труда найти общие черты с поэмой «Шанфарий», которая уже раньше увлекала Шпицнагеля: ведь и там Шанфарий предпочитал общество животных — обществу людей.

---

[1]) См. Bacher W., Nizami's Leben, стр. VII.
[2]) Ibid. стр. 54.
[3]) Ibid. стр. 15.

В чисто литературном отношении, поэма Низамия должна была поддержать в Шпицнагеле его «преромантические» увлечения, хотя сама по себе и была так далека от литературных движений, волновавших Европу в XVIII—XIX веках. Насыщенная субъективными настроениями автора и его специфическими идеями, она одновременно импонировала яркими, красочными, свойственными только восточной поэзии характеристиками героев и описаниями природы. Среди этих последних описаний особенно выделялись «ночные» декорации, которые возобновляли в воображении нашего автора давние традиции «юнгизма»: «Une nuit sombre et ténébreuse, sortant, comme un dragon noir, du sein du poisson qui soutient la terre, se dirigea vers les régions qu'habite la lune: elle était tellement obscure qu'elle mit les voyageurs nocturnes hors d'état de voir la route qu'ils parcouraient, et couvrit entièrement l'astre de la nuit, comme la constellation du dragon»[1]). Такая же сила и яркость впечатлений видна в описании сражающихся героев, как и отрядов, которыми они командуют: «On voit sortir tout-à-coup des rangs de l'armée russe un lion Perthas couvert d'un bonnet de renard, qui s'avançait, sur les ailes du vent, comme une montagne mobile», и т. п.[2]). Подобные места шли совершенно в разрез с установившимся в произведениях эпохи вторичного классицизма способом передачи поэтом своих впечатлений. Принятие этих приемов для Шпицнагеля означало решительный разрыв с традицией «приглаженного стиля». Иными словами, «восточные» увлечения Шпицнагеля, хотя и не успели еще принять законченные формы, однако определили уже те же линии его развития, которые мы уже видели в его произведениях виленского периода. Как там «юнгизм», отчасти «оссианизм», помогают ему отходить от «установившейся» традиции, так ту же роль, хотя в иной обстановке, играют тут «Шанфарий» и «Александрида» Низамия.

Пересмотр уже привлекавшихся источников и привлечение впервые новых помогли нам, смеем думать, взглянуть с несколько иной точки зрения на литературную физиономию Шпицнагеля, чем это до сих пор делалось. В свете этого пересмотра нам пришлось отвергнуть свидетельство Одынца о «традиционных» установках нашего автора, ибо этому утверждению противоречило все направление его творчества, вполне входящего в рамки

[1]) Expédition op. cit. стр. 76.
[2]) Ibid. стр. 51.

«преромантизма». «Восточные» увлечения заняли тут особое место. То, что выше было о них сказано, не дает правда, основания для включения Шпицнагеля в число романтиков, стремящихся исключительно к экзотике. Однако, и здесь, путем основательного изучения подлежащего материала по источникам, он сделал невозможным уже прежнюю трактовку этих тем, которая была почти исключительно аллегорической и дидактической. И в этом случае он, следовательно, входил в область «преромантических» течений, расчищавших путь настоящему романтизму. Приняв это положение о полной связи Шпицнагеля с «преромантическими» течениями, мы вместе с тем объясняем и способ и возможность литературного воздействия его на Словацкого, ибо от «преромантизма» к романтизму часто был лишь один шаг. Получением этого вывода мы и ограничиваем пока свою задачу, ибо пересмотр на основе сделанных здесь выводов вопроса о влиянии Шпицнагеля на Словацкого должен послужить темой особого исследования; рамки же нашего изложения и без того слишком растянулись.

Мимоходом однако следует заметить, что, каковы бы ни были литературные источники поэмы «Gogzina myśli» — Бальзак, Коженёвский, или еще другие [1]), — следует однако вполне согласиться с мнением проф. Хшановского [2]), который подверг сомнению, — первый, сколько нам известно, — тезис о «сведенборгианизме» Шпицнагеля. Хотя Словацкий был, как мы видели, гораздо лучшим биографом Шпицнагеля, чем Одынец, однако он вполне мог «поэтически» отнести свои позднейшие увлечения — к более раннему времени — эпохе дружбы со Шпицнагелем. Во всяком случае, все пересмотренное литературное наследство Шпицнагеля не дает никакой возможности поддерживать серьезно тезис об его больших увлечениях «системой» Сведенборга. Только в более позднее время французские романтики, а вслед за ними и Словацкий смогли, по справедливому замечанию проф. Т. Грабовского[3]), найти много общих черт между учением Сведенборга и их собственными стремлениями.

[1]) См. Życzynski H. J., Słowackiego ,,Godzina myśli" (jej geneza i znaczenie w rozwoju twórczości) — Pamiętnik Literacki, Rocznik XXII.—XXIII., we Lwowie 1925—1926, стр. 244.

[2]) Цитирую на основе статьи г. Жичинского, так как мне недоступен тот номер журнала »Przegląd Humanistyczny«, в котором была напечатана данная работа.

[3]) Grabowski T., Juljusz Słowacki, jego żywot i dzieła na tle epoki. Wydanie drugie, poprawione i uzupełnione, Poznań, 1920, tom I., стр. 158.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Текст Некролога Шпицнагеля, написанного Ф. Ф. Шармуа.:

En revoyant le travail d'un de mes anciens élèves, je crois avoir semé quelques fleurs sur la tombe d'un jeune orientaliste, qu'une mort prématurée enleva, dans son cinquième lustre, au culte des muses orientales, dont il pouvait un jour devenir un des nourissons les plus distingués. Le lecteur ne me saura peut-être pas mauvais gré, si j'ose lui soumettre une esquisse rapide des études et des progrès de ce jeune philologue.

Louis Spitznagel, né à Vilna le 9 Janvier 1807, fit ses études classiques au gymnase et à l'université de cette ville, où son père occupait la chaire de Pharmacopée et de Matière médicale. Les attestations flatteuses qui lui furent délivrées par ses anciens professeurs, prouvent les succès qu'il obtint dans sa ville natale. Au mois de Juillet 1823, il vint à St. Pétersbourg, dans l'intention de postuler une place d'élève interne à l'institut oriental dépendant du Ministère des affaires étrangères, dont il fréquenta les cours, pendant un an, en qualité de surnuméraire, et où il fut définitivement admis le 1er Octobre 1824.

Une imagination ardente, une passion invincible pour les voyages et un goût décidé pour tout ce qui a rapport à l'Orient: tels sont les stimulants qui lui firent vaincre les premières difficultés, et qui le mirent à même de surmonter les obstacles que l'on rencontre dans ce genre d'étude parfois aride et décourageante dans le principe. Ses progrès furent par conséquent aussi rapides que distingués. Dans l'espace de trois ans, il se mit non seulement en état de traduire, à la première lecture et avec assez de facilité, les ouvrages en prose arabe qui pouvaient lui être présentés; mais il parvint encore à parler et à écrire le Persan avec assez de pureté et d'élégance; enfin il se distingua également dans l'étude de la langue turque. Lors de l'examen que subirent les élèves de l'institut oriental, le 6 Mai 1826, le jeune Spitznagel lut un discours persan de sa composition, qui prouvait, d'une manière irrécusable, les progrès qu'il avait faits dans cette langue. C'est à la suite de cet examen qu'il eut l'honneur d'être nommé Actuaire au Collége des affaires étrangères; et, au commencement de l'année 1827, Sa Majesteé L'Empereur daigna l'attacher, en qualité d'élève-drogman, au consulat général d'Alexandrie en Egypte.

Déjà son imagination vive et ardente offrait à ses yeux l'image de cette terre vraiment classique, qu'il paraissait destiné à parcourir; déjà il lui semblait contempler, avec délices, ces majestueuses pyramides, monument inébranlable des siècles les plus reculés... Mais, hélas! il ne put jamais admirer ces parages fertiles, que gouvernèrent les Pharaons, ni fouler aux pieds les rives fécondes du Nil, vers lesquelles tendaient tous ses voeux. Une mort aussi inattendue que prématurée le ravit à l'amour de sa mère; et, avec lui, s'éteignirent nos plus belles espérances.

Avant son départ de St. Pétersbourg, le jeune Spitznagel avait entrepris et dédié à notre digne et respectable chef, Son Excellence Monsieur d'Adelung, Directeur de l'institut oriental, la traduction d'une partie du poëme persan de Nizamy, intitulé Iskèndèr-nâmé ou Alexandréïde.

Ce passage, qui traite d'une expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes, captiva l'attention de notre jeune orientaliste, puisqu'il se rattachait, d'une manière fabuleuse, à la vérité, à l'histoire de sa patrie. Il ne se laissa pas rebuter par les obstacles qu'il pouvait rencontrer dans la traduction de cet ouvrage, dont le style parfois obscur et les métaphores outrées sont très-difficiles à rendre, avec élégance, dans une langue aussi précise que le français, qui n'était pas son idiôme maternel.

Cette version se ressentait d'ailleurs de la promptitude avec laquelle elle avait été terminée; car une centaine de vers, dont les difficultés ont arrêté le jeune traducteur, y étaient totalement omis; d'autres étaient mal rendus, et d'autres péchaient contre le génie de la langue française; enfin le dernier chant, qui traite de cette expédition, était entièrement passé sous silence.

Je me suis donc appliqué, d'après les désirs de S. E. M. d'Adelung, à revoir cette version avec soin, et à remplir les lacunes qui la déparaient. J'ai pensé, en outre, qu'il ne serait pas inutile pour les jeunes orientalistes qui débutent dans cette carrière parfois épineuse, que j'y joignisse, dans un second volume, des notes

philologiques, géographiques et historiques tendant à éclaircir les passages tant soit peut obscurs de l'original persan, ainsi que le commentaire de l'édition de Calcutta. J'y ai ajouté également les variantes de deux manuscrits appartenants à l'Académie Impériale des sciences et au Département Asiatique du Ministère des affaires étrangères, avec celle que présente le texte fort incorrect de ce passage de l'Iskèndèr-nâmé publié a Kazan, en 1826 et en 1828, par le professeur Erdmann.

Telle est la nature du travail que j'ai l'honneur de soumettre au lecteur: j'ose, en même temps, réclamer son indulgence pour le premier essai d'un jeune orientaliste, qui aurait put un jour parcourir, avec honneur, la noble carrière à laquelle il s'était voué.

В. Чернобаев.

Март 1932 г.

Когда писалась эта работа, автору ее еще не была известна статья г. Ч. Боболевского (Czesław Bobolewski „Ze spuścizny rękopiśmiennej Ludwika Władysława Spitznagla“; Alma Mater Vilnensis, Bibljoteka, zeszyt II, Wilno, 1932), приносящая некоторые новые материалы о Шпицнагеле и дающая их критическую оценку; автор этой статьи ограничивается, однако, лишь упоминанием о пребывании Шпицнагеля в России и его „Александриде“ (см. стр. 207, 217), чтó служило преимущественно предметом рассмотрения в нашей работе.

O lužickosrbské literární historii a kritice.

(Předneseno na II. mezinárodním sjezdu slovanských filologů ve Varšavě dne 25. září 1934[1]).

Počátky lužickosrbské literární historie musíme hledati v prvních pokusech o soupis lužických literárních prací, jež učinili osvícení badatelé XVIII. stol.: Mistr *Jiří Körner* ve své knížce *Philologisch-kritische Abhandlung von der Wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften*, vydané v Lipsku r. 1766 k půlstoletí tamního Lužického kazatelského spolku, a farář *Christian Knauthe*, vnuk českého exulanta ve Zhořelci, ve své důkladné knize *Derer Oberlausitzer Sorberwenden umständliche Kirchengeschichte* atd. ve Zhořelci r. 1767. Jsou to ovšem pouhé bibliografické záznamy, názvy knih, autorů, místa vydání a snad i počtu stran, nicméně mají svůj význam pro dějiny lužickosrbského písemnictví, poněvadž v nich jsou první spolehlivá data o lužických tiscích, dokonce i rukopisech od polovice XVI. stol. do své doby. Zejména Knauthe pojednal o knihách poměrně metodicky, sestavil je nejen chronologicky, nýbrž také podle obsahu, o každé knize nebo rukopise uměl něco povědéti: zřejmý důkaz, že všechny ty věci a tisky viděl.

Podobně lužičtí vydavatelé *Kurzer Entwurfu, einer Oberlausitzisch-wendischen Kirchenhistorie* v Budyšíně r. 1767 se spokojili s pouhým chronologickým zápisem známých, zejména náboženských lužických knih, nicméně také oni připojili tu a tam drobné poznámky, jež nesmí ani dnešní lužický nebo slovanský literární historik přehlédnouti.

Tyto tři knížky, zejména Knauthova, tvoří základ a východisko všech lužickosrbských literárně-historických statí v XIX. stol. Vedle nich najdeme sice ještě menší články a údaje v soudobém tisku, ale ty byly ztraceny v časopisech nebo příležitostných publikacích. Proto na Körnerovi, Entwurfu a Knauthovi budovali všichni domácí literární historikové, kteří se však neodvažovali charakteristik nebo rozborů

[1]) Přednáška vyvolala živý rozhovor, kterého se zúčastnili vedle československých slavistů zejména slavisté polští. Z rozhovoru vyšel *resoluční návrh na vydání příruční vědecké encyklopedie lužickosrbské*, předložený *H. Batowským, Jos. Pátou* a *W. Taszyckým* na závěrečném slavnostním zasedání v Krakově dne 29. září 1934 a přítomnými jednomyslně schválený.

zapsaných děl, nýbrž setrvávali při bibliografické metodě svých předchůdců, kterou ovšem co nejvíce zdokonalili. Tak zejména *K. A. Jenč* v důležité monografii *Stawizny serbskjeje ryčje a narodnosće* (Čas. Mać. Serb. 1849—54), v systematickém *přehledu dolnolužické literatury* (Čas. Mać. Serb. 1880); vyšlo také ve zvláštním otisku *Pismowstwo a spisowarjo delnjołužiskich Serbow.* Wot (1548) 1574—1880, Lipsko, nákladem Smoleřa a Pjecha 1881), jakož i v pravidelných přehledech hornolužické evangelické literatury, které podával v Čas. Mać. Serb. 1855, 1858, 1862, 1866, 1870, 1876 a 1881. Tyto evangelické literární soupisy dobře doplňoval *Handrij Dučman* svýmu bibliografickými a biografickými soupisy katolické literatury, jež vytiskl v Čas. Mać. Serb. 1867 a také v samostatné knize: *Pismowstwo katholskich Serbow,* v Budyšíně 1869. Nové doplňky vytiskl Dučman ještě v Čas. Mać. Serb. 1873, 1874 a 1889.

Romantické období přineslo sice známou knihu *Šafaříkovu: Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (Ofen 1826), ale tam bylo řečeno o lužickosrbské literatuře velmi málo. Šafaříkovi ve vzdáleném Novém Sadě chyběly téměř všechny pomůcky pro nejmenší slovanskou literaturu. Ale snad právě tou skrovností zapůsobila kniha Šafaříkova na mladé lužické romantiky, že chtěli jednak posíliti své snažení o rozvoj nevelikě domácí literatury — víme to na př. zejména o J. A. Smoleřovi pro Lužici Horní a básníku Mato Kósykovi pro Lužici Dolní — jednak se snažili podati podrobný soupis lužickosrbských literárních děl, jako to učinili zmínění Jenč a Dučman, mimo ně také *H. A. Krügař,* jehož nejdůkladnější a nejpečlivější bibliografie zůstala netištěna. Ale konečně také mladí lužičtí romantikové užili za vhodné podati zprávu o lužickém písemnictví. Učinil tak *J. P. Jórdan* v lipských Blätter für literarische Unterhaltung r. 1841 ve stati *Die neuen Bestrebungen der wendisch-serbischen Literatur in der Oberlausitz* — celkem chvatně a povrchně, za to mnohem pečlivěji *J. A. Smoleř* v Dubrovského Jutrzence ve Varšavě roku 1842 ve stati *Krátký přehled lužickosrbské literatury v Horní Lužici,* vytištěné rusky a polsky paralelně vedle sebe.

Smoleřova stať je první skutečnou literárně-historickou úvahou lužickou, prvním domácím pokusem o přehled dějin lužické literatury v nářečí horním, bohužel, jen do r. 1767. Je to solidní přehled informačního rázu, v němž mínil Smoleř podle vstupního rozdělení pokračovati ve dvou dalších statích: v obdobích 1767—1806, 1806—1839, ale — nepokračoval. Studium, zejména pak neúnavná činnost o vydání lužických národních písní, činnost organisační a jiná

jej úplně od toho odvedly. Za to se vydatně zúčastnil radami i osobní účastí při cestě ruského slavisty *I. I. Sreznevského* po Lužici v roce 1840. Vzešel z toho na svou dobu vyhovující *Istoričeskij očerk serbo-lužickoj literatury*, vytištěný Sreznevským r. 1844 v petrohradském Žurnále ministerstva nar. prosveščenija, část 43, odděl. II. květen, str. 26—66.

Práce Sreznevského vynikala poměrně kritickým přehledem látky, odbornou průpravou pro výklady o vztazích lužické srbštiny k jazyku církevněslovanskému, vynikala také novými daty, přímo na místě získanými. Sreznevskij na př. velmi uznale mluvil o krásných lužických kázáních, ale nezamlčel zhoubného vlivu německého jazyka na řeč lužických spisovatelů. Sreznevskij konal archivální studia v Budyšíně, ve Zhořelci, Žitavě a jinde, a mohl tedy podati na svou dobu dosti dobré charakteristiky literární činnosti Abrahama Frencla (nově důkladně osvětlené *A. Mukou*), mohl promluvit o předchůdcích lužického národního obrození, a konečně o samotné obrozenské literatuře, v níž už jasně znělo jméno básníka Handrije Zejlera a dostalo se ku podivu přesné charakteristiky učitelské dvojici: Smolerovi a Jórdanovi.

Práce Sreznevského, napsaná ruským jazykem a vytištěná ve vzdáleném Petrohradě, byla celkem málo známa Lužičanům. Proto ji nevyužili vydavatelé užitečné hornolužické příručky *Serbske Horne Łužicy*, vydané nákladem sotva založené Matice lužické v Budyšíně r. 1848, spokojujíce se jako Körner, Entwurf a Knauthe pouhou bibliografií. A článek *M. Hórnika* v Časopise Čes. Musea v Praze 1856 *Řeč a písemnictví Lužických Srbů* měl rovněž více ráz bibliografický nežli ideologický. Vyznačoval se sice dobrou znalostí látky a určitým stanoviskem kritickým, ale do hloubky nešel. Hórnik sám cítil nedostatek předběžných pramenných studií, rozboru dosavadních literárních děl, především rukopisných, cítil nedostatek kritických vydání textových a proto se sám pustil do monografického zpracování jednotlivých lužických děl a jejich autorů. Ač teolog měl jako žák soudobé pražské linguistické školy především zájem jazykový a napsal celou řadu dobrých úvah ze starší lužické literatury. Velmi důležité bylo, že se Hórnikovi podařilo získati zájem polského historika *W. Bogusławského*, který přijel v roce 1858 do Lužice, aby tu pracoval o starých vztazích polsko-lužických. Z Bogusławského *Rysu dziejów serbo-łużyckich* r. 1861 vyrostla za Hórnikovy účasti ona slavná *Historija serbskeho naroda* v Budyšíně r. 1884, která sama sebou je nejpoutavější, ač přestručnou literární historií lužickou. Skutečné dějiny lužické literatury napsal v té době ruský literární historik *A. N. Pypin* a zařadil je do svého *Obzoru*

istoriji slavjanskich literatur v Petrohradě r. 1865, zejména pak v úplném přepracování 2. dílu *Istorije slavjanskich literatur* v Petrohradě r. 1881.

Pypinovo pojednání o lužickosrbské literatuře z r. 1881 bylo hotovým objevem. To bylo dílo na výši soudobé vědy, založené na důkladné znalosti celé látky, na studiu pramenném a knižním až do své doby, v žádoucím rámci národních dějů, se zřetelem k slovanským stykům, s některými důležitými postřehy, z nich zejména stanovením dnes uznané skutečnosti, že lužickosrbská literatura obrozenská vznikla docela samostatně a z potřeby domácího ovzduší. Pypin po prvé začlenil lužickou literaturu metodicky do myšlenkového proudění evropského lidstva a postavil ji rovnocenně vedle ostatních literatur slovanských. Zasloužilý lužický buditel *J. A. Smoleř*, který dlel v době vydání druhého svazku knihy Pypinovy ve Varšavě, ihned si knihu vypůjčil od Perwolfa a nemeškal lužickou část Pypina-Spasowicze přeložiti. Mohl tak aspoň na samém sklonku svého života (zemřel r. 1884) podati svým krajanům obraz rodného písemnictví v obojí Lužici, obraz, o nějž se kdysi pokusil v době mladistvého rozletu. Smoleřův překlad Pypinovy stati vyšel v 19. roč. Łužičana r. 1881 s názvem *Stawizny łužiskoserbskeje literatury.* Smoleř neměl ve Varšavě potřebných pomůcek a proto svůj překlad doprovodil jen několika drobnými korekturami a doplňky údajů Pypinových.

Smoleřův překlad Pypina je podnes jediným přehledem lužickosrbského písemnictví, vytištěným lužickým jazykem. Nebylo v něm dosud pokračováno. Byly sice vytištěny drobné stati o jednotlivých obdobích lužickosrbského písemnictví, ale *celkový obraz lužickosrbského písemnictví z domácí dílny lužické je podnes dluhem lužickosrbské literární historie.*

Mnohem důkladněji se do lužického oddílu Pypinova zabral *J. B. Pjech*, lužický překladatel Pypina-Spasowicze do němčiny pro nakladatelství Brockhausovo v Lipsku, u něhož byl pro své jazykové a literární znalosti zaměstnán. Možno říci, že Pjech lužického Pypina velmi zdokonalil: 29 stran Pypinova originálu o lužické literatuře vyrostlo v úpravě Pjechově na 62 stran! A skutečně, vezmeme-li do rukou německou úpravu Pypinova lužického literárního oddílu, která vyšla také v samostatném otisku v Lipsku r. 1884 s nápisem: *Das serbisch-wendische Schrifttum in der Ober- u. Niederlausitz,* ihned je nám jasna zásluha úpravy Pjechovy. Pjech, zajímající se od mládí o rodnou literaturu, o níž několikráte psal, o níž podával občasné bibliografické zprávy do Łužičana, mohl tu dobře zužitkovati všechny své biblio- a bio-

grafické vědomosti lužické, které teprve učinily dílo Pypinovo poměrně důkladným a přesným obrazem lužické literatury obojího nářečí od nejstarší doby až po zmínku o Ćišinskeho Knize sonettow, která znamenala novou epochu v lužickosrbském písemnictví.

Pypinovy-Pjechovy dějiny lužickosrbské literatury jsou podnes jedinou úplnou příručkou lužickosrbského písemnictví, dávno již rozebranou. Z ní čerpali všichni domácí, slovanští i cizí čtenáři své poučení o literatuře nejmenšího slovanského národa, na ní budovali další domácí a slovanští literární historikové, mezi nimiž byli především příslušníci mladolužické generace v Lužici. Přes to však, že mladolužická generace věnovala značnou péči rozvoji rodné literatury, že básník Jakub Ćišinski napsal tři monografické úvahy o lužické literatuře a Arnošt Muka vytýčil zásady lužické literární historie ve svém programovém vyjádření po převzetí redakce Časopisu Maćicy Serbskeje r. 1894, str. 67-8, nedošlo k pokračování lužických literárních dějin. Lužičtí pracovníci, z nich zejména *Ota Wićaz* v Lužici Horní a *Bogumił Šwjela* v Lužici Dolní, musili nejdříve pokračovati v pramenných studiích Hórnikových, usilovali o kritická vydání lužických autorů, o přepisování a otiskování neznámých rukopisů, o jejich objasnění, jak to nověji vedle Wićaze činil *M. Nawka* a stejně úspěšně činí *M. Krječmar*. Bylo potřebí také pořiditi soustavnou bibliografii lužickosrbské literatury, což vykonal *J. Wjacsławk (Jatzwauk)* svou knihou *Wendische (Sorbische) Bibliographie* (Berlin 1929), přes všechnu obsažnost dosti ještě neúplnou (Srvn. zejména důkladnou kritiku *Wićazovu* ve Vasmerově Zeitschriftu für slav. Philologie VII. 1930, str. 515-28, recensi *W. Taszyckého* v Ruchu Słow. III. 1930, str. 202-05, jakož i *mou* recensi ve Slavii XIII. 1935-36, str. 545-547).

Nicméně o přehledný obraz lužickosrbské literatury usilovali slovanští přátelé Lužice: především český slávomil a redaktor *Adolf Černý* svým literárním oddílem v příručce *Lužice a lužičtí Srbové* v Praze 1911, jakož i monografií *Stawizny basnistwa łužiskich Serbow* v Čas. Mać. Serb. 1910 a také ve zvláštním otisku v Budyšíně 1910, uvázlou, bohužel, na prvním svazku hornolužickém, dále *Jan Máchal*, který podal v r. 1912 do pražského sborníku Slovanstvo krátký *nákres novodobé lužické literatury*, podrobněji propracované v jeho *Slovanských literaturách* I.—III. (Praha 1922—1929). Máchal mohl poměrně obsažně a úplně pojednat o lužické literatuře do vytčené doby slovanského realismu, rozhodně obsažněji, než mohl učiniti *Frank Wollman* v syntetickém obraze slovanských literatur *Slovesnost Slovanů* v Praze 1928.

Soudobé literatuře lužické věnoval pozornost *W. Taszycki* ve své

monografii *Życie umysłowe na Łużycach po wojnie* (1918—1923) v krakovském Przeglądu Współczesném 1923, vydané též samostatně v Krakově 1923 s názvem *Łużyczanie po wojnie*. O nákres lužickosrbského písemnictví soudobého pokusil jsem se ve své monografii *Z kulturního života lužických Srbů po světové válce* (Bratislava 1929), kterou jsem znova zpracovával a doplňoval jak pro *německý překlad J. Skaly* v Berlíně-Budyšíně 1930, pro *vlastní vydání hornolužické* v Budyšíně 1932 a nejnověji pro *francouzský překlad G. Chéresta Les Serbes de la Lusace* v publikacích Slovanského ústavu v Ženevě 1934. Svou drobnou knížkou chtěl jsem doplniti své výklady o lužickosrbské literatuře, zejména o lužických literárně-historických pracích, jež jsem podrobil kritickému rozboru v knize *Zawod do studija serbskeho pismowstwa* ve Wědomostnych rozprawách Maćicy serbskeje w Budyšíně r. 1929.

Bylo tedy od dob Pypina-Pjecha podáno dosti příspěvků pro poznání lužickosrbského písemnictví. Ovšem ti, kdož se spokojili pouze Pypinem, jako na př. *Alex. Brückner* ve svém *Zarysu dziejów literatur słowiańskich* ve Lvově 1929, musili podati obraz lužické literatury neúplný a nepostačující. Jim ušel umělecký rozvoj nejmenší slovanské literatury od epochy mladolužické a realistické po novou činnost po světové válce. Jim chybí celé půlstoletí novodobé lužické literatury.

*

Ačkoliv první novodobí lužičtí pracovníci při svých vlastních pracích *dbali určitých zásad kritických*, při posuzování děl cizích zachovávali poměrnou shovívavost. Byloť tomu v Lužici stejně jako u druhých menších slovanských národů: každý spisovatel byl vítán vřele na literární pole, byl vychvalován už jen proto, že vzal péro do ruky a psal opovrhovaným mateřským jazykem. Při posuzování často slabých anebo velmi slabých literárních pokusů nebyl prováděn přísný kritický rozbor, nýbrž byla jednoduše věc zapsána a uznale doporučena. V tom nastal obrat teprve s *příchodem mladolužické generace*, která měla ve svém štítu také zásady positivistického kriticismu, která pod vlivem ideového realismu chtěla viděti věci tak, jaké skutečně byly, která se nebála říci pravdu, dožadovala se prací dokonalejších a uměleckých, která také usilovala o pozdvižení vkusu domácích čtenářů.

Toto nové období lužické literární historie a zejména *kritiky* je nerozlučně spiato se jménem mladolužického bouřliváka *Jakuba Barta Ćišinského*, jenž v pražském prostředí poznal druhé slovanské literatury, jenž kriticky odhadl slabiny literatury rodné a pustil se v otevřený boj za vyššími ideály. Bylo to působení nejen hojné četby světových a slovanských klasiků, z nichž Ćišinski překládal: Petrarka,

Shakespeare, Mickiewicz a Vrchlický, nýbrž i působení soudobého evropského zápasu mezi Mladými a Starými, mezi rodiči a dětmi. Bart-Ćišinski ve svém pražském studentském orgáně Lipa Serbska II. 1877-78 v „Hłosech ze Serbow“ zaútočil především na nelužického ducha lužické spisovné mluvy, dožadoval se jejího zdokonalení po stránce syntaktické a stilistické, dožadoval se však také zdokonalení mluvy básnické. Lidové skladby Zejlerovy mu nevyhovovaly, cítil prázdnost lužického verše, nedokonalost formy, rytmu i rýmu, dožadoval se vzorné lužické poetiky. Vyneslo mu to boje se starými pány, jež vedl zkostnatělý již słovnikář Pful, hotovou literární revoluci v malé Lužici, ale Ćišinski vytrval a — zvítězil. Zvítězil hlavně tím, že vlastními skladbami dokázal pružnost a dokonalost lužického jazyka, dokázal také tvárnost lužického verše a formy, čímž povznesl lužický jazyk a lužickou literaturu básnickou na roveň druhým slovanským literaturám a na úroveň světovou.

Ćišinski velmi vážně a poctivě přemýšlel o povinnostech a úkolech opravdového národního spisovatele — básníka a umělce. A tyto povinnosti cítil především sám jako příslušník nejmenšího slovanského kmene, o němž ani slovanský svět mnoho nevěděl. On, rozený básník, skutečný genius malé Lužice, rozený bojovník a vůdce, těžce nesl prostřednost domácí básnické tvorby a umínil si ji pozdvihnouti na roveň tvorbě druhých slovanských národů. Rozpomínal se později na své vnitřní boje a vyjádřil je veršem ve sbírce Serbske zynki (1897) v *Prasenju:*

Studowach a pytach tójšto lět,
što sej prawa poesija žada,
w knihach přehladach sej wulki swět.
A ja namkach, za čimž pěsnjeŕ trada.
Nowe formy, mysle, zakonje
spytach do serbskeje rěče šćěpić —
hač nětk přestanje so klijić, lěpić
bjez ducha, po hołej šabłonje?

Těmito verši vyjádřil Ćišinski zároveň svou pokrokovost a modernost: bránil se jakékoliv šabloně, dožadoval se původnosti, dožadoval se tvorby umělecké, která by obstála před sebe přísnější kritikou a která by měla sama v sobě dosti autokritiky. Ćišinski šel svou samostatnou cestou, ač se nemohl ubrániti vlivům silnějších literatur slovanských, zejména polské a české.

Ćišinski věděl o významu kritiky a dožadoval se jí rovněž. Básnicky to řekl ve svém lužickém credu (*Moje serbske wuznaće*) v téže sbírce Serbske zynki. Žádal důtklivě, aby se lužická tvorba posuzovala kriticky — ne-li domácími kritiky, tedy kritiky cizími. Varoval před planými

domácími nekritickými chvalozpěvy, které se rozplynou v niveč a v hanbu pod spravedlivým ostřím cizí kritiky. Jen správnou kritikou se dílo zhodnotí a zdokonalí a dojde se k dobré tvorbě duchovní. A jen dobrou duchovní tvorbou mohou Lužičané ukázati svou sílu, schopnost a právo na své národní bytí!

Takové byly myšlenky Čišinského, s nimiž souhlasila jeho generace a jimiž se řídila. Tak *M. Andricki*, první lužický životopisec Čišinského, *M. Nawka, B. Šwela* a někteří jiní. Zásady, kterým Čišinski zůstal věren po celý život, a byl v nich neoblomný. Když se na př. rozvinula v r. 1907 polemika o jazykovou a formální stránku veršů Urbanových po kritice Nawkově o Urbanově znělkové knížce *Wokřewne wonješko* v Łužici 1907, str. 87, a Muka, tehdejší spoluredaktor Čišinského v Łužici sám zakolísal a z přátelství k Urbanovi vychválil jeho znělky v Serb. Nowinach 2. XI. 1907, nedal se tím Čišinski zmásti, nýbrž ujal se Nawky a shodně s ním v Łužici 1908, str. 16, neuznal sonet Urbanův za dokonalý. Vyvinula se z toho pak polemika se zbytečným nádechem náboženským, úmyslně vyhrocovaná se zřením k Urbanovi jako evangelíku a Čišinskému — katolíku . . .!

To byla stinná stránka lužické kritiky, že domácí spisovatelé se dožadovali všech ohledů vlasteneckých, národních i náboženských, proto raději ladili své posudky ve všeobecné věty, vadné stránky přecházeli, doprovázejíce je nanejvýše jemnými náznaky a prosbami. Takovou kritiku pěstoval a pěstuje také přední lužický literární historik a kritik *Ota Wićaz* ve svých posudcích v literární a kulturní hlídce „Łužice". Při tom však svými vlastními pracemi podal hodnotné příspěvky pro poznání lužickosrbského ducha, pro vývoj jeho kultury, pro poznání lužickosrbské literatury. Tak zejména monografiemi o lužické lidové poesii náboženské, souvisící s hnutím pietistickým, svými pracemi o počátcích lužické romantiky, svými studiemi Zejleřovskými, pramennými studiemi literárně-historickými a kulturně-historickými, mezi nimi zejména poměrně zdařenými monografiemi a básníku K. A. Fiedleřu a A. Mukovi.

V duchu nových kritických zásad bylo podáno značné množství i jiných dobrých prací literárně-historických, z nichž mimořádnou cenu má podnes kritické vydání Sebraných spisů buditelského básníka *Handrije Zejleřa*, jež ve čtyřech svazcích pořídil v l. 1883—91 *Arnošt Muka*, dále kritické vydání pražské korespondence *M. Andrického v l. 1886-95*, pořízené *M. Nawkou*, a jiné práce, jež uvádím ve svém *Zawodu do studija serb. pismowstwa* do r. 1929, novější ve svém luž. vydání *Z kulturneho žiwjenja łužiskich Serbow*, Budyšin 1932.

Tím ovšem není řečeno, že by bylo vykonáno všechno, co by mohlo dáti pevné a spolehlivé základy k vypracování již dávno žádoucích soustavných dějin lužickosrbské literatury na všestranné výši doby, na dobrých vědeckých základech, se zřetelem ke všem okolnostem národním i osobním, domácím a světovým, se všemi zřeteli filosoficko-psychologickými, eticko-estetickými a sociologickými. Bude nutno přihlédnouti ke zvláštním okolnostem geopolitickým, jak se tu po staletí vyvinuly, bude nutno přihlížeti nejen k prvkům slovanským, nýbrž i k vytrvalému a pronikavému vlivu německému. Jak se lužický duch tomuto vlivu bránil a jak se obrana projevovala v krásné literatuře. Při tom však bude nutno mnohé dílo odborné revidovati s hlediska slovanského. Chybí nám celá řada základních vědeckých a kritických prací o lužickém náboženském životě, o lužických církevních dějinách, pro něž nás dnes neuspokojují ani práce Knauthovy a jeho pokračovatelů, tím méně populární výklady *Neandrovy*, to jest *Jakuba Nowaka-Horjanského*, o katolické Lužici: *Wobrazy z cyrkwinskich stawiznow katolskich Serbow* (Budyšín 1921), anebo poněkud zkreslené výklady Rézbařkovy o reformaci v jeho monografii o Michalu Frenclovi (*K. Röseberg: Leben und Wirken von Michael Frenzel*, Drážďany 1930).

A stejně tak nám chybí základní monografie o významu pietismu pro Lužici, o lužickobratrském hnutí náboženském, o hnutí obrozenském na prahu XIX. stol., o významu nevolnictví v Lužici a jeho zrušení atd. Jsou to práce, bez nichž nemůžeme dosti dobře pochopiti domácí ovzduší v Lužici. Práce, mezi nimiž nesmějí chyběti monografie vzájemných slovanských vztahů k Lužici. Práce, které nám dají rámec dobový, náplň dobovou i ducha doby, potřebnou životnost a plastičnost, se všemi názory dobovými a vlivy.

A pro literaturu samotnou nemůžeme učiniti ani kroku, dokud nebude řádně osvětleno nejstarší období lužickosrbské literatury, ohlasy cyrilometodějské, kritické prozkoumání a souborné vydání lužických glos, nejstarších vět a listin, zápisů a přísah, jimiž se začal zabývati Hórnik, jehož práce nás dnes neuspokojují. Dosud není kriticky prozkoumána nejstarší náboženská literatura, zápasy mezi luteranismem a starším katolictvím, ba, ani není dosti osvětleno ovzduší přechodu z pohanství ke křesťanství v soudobých písemných památkách cizích a ohlasech domácích. Čekají nás vědecké edice nejstarších lužických textů, jaké nám dosud dali *R. Trautmann* vydáním Wolfenbüttelského žaltáře (1928) a *K. H. Meyer* vydáním Warichijova katechismu (1923). Máme sice *Smolerovu* edici veršů Młyńkových (1879), Sebrané spisy Zejleřovy (1883—1891), prvotiny Čišinského ve vydání Krječ-

marově (epos *Nawoženja* (1926) a *Basnje z młodych lět* (1931), ale chybí nám soubor *prvotin Hórnikových*, básní Bjedricha-*Wjeleměra*, sebrané spisy *Radyserbovy*, *Radlubinovy*, *Čěslovy*, díla *Wingeŕova* a *Andrického*, především však kritické vydání sebraných spisů největšího lužického básníka *Jakuba Barta-Ćišinského*. Nutné je také kritické vydání *lidové literatury prosaické*, jakož i nový kritický přetisk znamenité sbírky *Smoleŕovy* hornolužických a dolnolužických národních písní se všemi dalšími dodatky Mukovými, Kubovými, Černého a jiných.

Lužické literární historie a kritika je ještě mnoho povinna vydání korespondencí svých spisovatelů, pokud tyto korespondence byly a jsou známy, stejně jako vydání autobiografiií, z nichž dosud známe jen autobiografii J. A. Smoleŕa ve vydání *Ad. Černého* v Čas. Mać. Serb. 1917 (bez žádoucího komentáře), autobiografii Christiana Šẃely ve vydání syny *Bog. Šẃely* (Christian Šẃela, serbski casnikaŕ, Chotěbuz 1927, rovněž bez komentáře) a pouze jednu kapitolu ze zajímavé autobiografie dolnolužického básníka *Mato Kósyka* v Łužici 1928. Pokračování tisku Kósykovy autobiografie je nutné pro poznání jeho podivuhodných osudů životních. A podobně nutné je vydání Kósykovy korespondence, chystané B. Šẃelou v Sebraných spisech Kósykových v knihovně Dom a swět. Nutno je vydati důkladné monografie vůdčích lužických spisovatelů *H. Zejleŕa*, *J. A. Smoleŕa*, *M. Hórnika*, *H. A. Imiše*, *M. Kósyka*, *J. Ćišinského*, dokončit a zdokonaliti neúplnou *Šlecovu* monografii *J. P. Jórdanovi* v Čas. Mać. Serb. 1924 (ve zvláštním otisku v Budyšíně 1926) atd.

Namnoze nám chybějí podrobné analytické studie prací lužickosrbských spisovatelů, ideologické prozkoumání jejich tvorby a jejich vztahů k domácímu, slovanskému a světovému ovzduší, snad i takové práce mikrologicky srovnávací, jakou na př. vykonal *W. Taszycki* ve své studii Sienkiewicz w piśmiennictwie łużyckiem (Krakow 1931), anebo vzájemné vztahy slovanské, jak jsem na ně ukázal ve *svých* monografiích Josef Dobrovský a Lužice (1929), Jar. Vrchlický a Lužice (1927), Z dějin Slováků v Lužici (1931), Lužickosrbská pomněnka: o J. Nerudovi a Lužici v brněnském sborníčku Nerudovském 1933, H. Zejleŕ a jeho styky s Čechy a Slováky (1923), nejnověji o J. E. Dobruckém (1934) atd. Drobných dokladů a četných poukazů a poznámek najdeme jak v Časopise Mać. Serb., tak v revui Łužica, v lužických, německých i slovanských časopisech. Důležitým východiskem bude vždy — byť neúplná — uvedená již bibliografie *Wjacsławkova*, ale mimo ni také dobře poslouží dolnolužická bibliografie *Lehmannova* (1928), vypracovaná s pomocí *Šẃelovou*, jakož i *Volfův* katalog Lu-

žického oddělení v knihovně Národního Musea v Praze (1923), *Změskalův* katalog Hornikovy knihovny pražské (1931) a *téhož* Bibliografie československo-lužická (1935).

Program lužickosrbské literárně-historické a kritické činnosti je tedy dosti veliký. Přes nevelikost zachovaného slovanského území v dnešní Lužici, přes skromný rozsah lužickosrbské literatury, v níž se po Čišinském objevily v Horní Lužici pozoruhodné talenty v básnících Józ. Nowakovi, Janu Skalovi a Janu Lajnertovi; v Dolní Lužici po M. Kósykovi v básnířce Míně Witkojc, po prosaicích Wingeřovi a Radlubinovi umělečtější hodnoty v próze J. Lorence-Zaléského, M. Kubašec, R. Domašky, M. Nowaka a j., v dramatice nové rozlety ve hrách J. Słodeňka a J. Wjely-Kubšėana, je tu nedostatek literárně-historických a kritických prací, poněvadž je nedostatek pracovníků. Přísné kritické stanovisko vytrvale a nebojácně hájí básník essayista a publicista *Jan Skala*, ale poměry jsou stále tíživé a celkovou hospodářskou krisí nepřející podobným pracím. Kritickou činnost zejména brzdí obavy censurní, které na př. způsobily rušivé škrty v hornolužickém překladě *Masarykovy* Nové Evropy, pořízeném J. Wićazem v Budyšíně 1922, jakož i některé škrty v monografii *M. Krječmara o J. Bartu-Čišinském*, vydané ve Wědomostnych rozprawach Mac. Serb. v Budyšíně se značnými průtahy na podzim r. 1934 (na tit. listě je rok 1933).

Josef Páta.

О „Секулѣ Дракуловичѣ (Драгуловичѣ)“ югославянских народных пѣсен.

Один из популярных героев югославянскаго народнаго эпоса *Sekula* встрѣчается в нѣкоторых пѣснях с прозваніем »Drakulović«; так в пѣснях сборника Богишића мы находим »Sekule Drakuloviću«.[1]) Происхожденіе и значеніе этого загадочнаго прозванія (»отчества«) до сих пор не были выяснены. В своем изслѣдованіи о исторических лицах в народном эпосѣ T. Maretić, касаясь этого вопроса, говорит: »Ne zna se, zašto Sekuli Bogišićeve pjesme 18 i 21 daju prezime *Drakulović*, a pjesma 20. zove ga *Dragulović*...«[2]) В народном эпосѣ встрѣчаются положенія, анахронизмы, прозвища, появленіе которых далеко не всегда объяснимо; однако, нерѣдко изслѣдованіе такого момента (чаще всего в области исторической) дает возможность установить причины фактическія или психологическія, или-же случайныя совпаденія, опредѣленно объясняющія генезис такого явленія и его значеніе.

В частности, в данном случаѣ историческій экскурс в средину XV вѣка, т. е. в эпоху жизни и дѣятельности *Секулы*, позволяет отыскать причину появленія при »Sekula« этого прозванія »Drakuloviću«; здѣсь мы имѣем случай *перенесенія народными пѣвцами на одно лицо имен двух разных исторических лиц — современников*. Это является единственным возможным объясненіем, опредѣляющим вмѣстѣ с тѣм и тот смысл, который первоначально заключался в этом »prezime«: »*Drakuloviću*«.

Sekula народных пѣсен — Jan Székely, родственник Яна Гуніади, бывшій баном Славоніи, погиб в молодых, вѣроятно, лѣтах в несчастной битвѣ на Косовѣ в 1448 году. Вмѣстѣ с Гуніади и M. Szilágyi он был боевым соратником Владислава Варненчика в его борьбѣ с турками и одним из видных участников боя под Варной в 1444 году.

[1]) *В. Богишић*. Народне пјесме из старијех, највише приморских записа. Књ. прва 1878. Београд; пѣсни под №№ 18 и 21. В пѣснѣ под № 20 имѣем »Секуле Драгуловићу«.

[2]) *T. Maretić*. Naša narodna epika. 1909. Zagreb. Str. 165—166.

Как извѣстно, лично участвовать в походѣ под Варну должен был и знаменитый воитель, валашскій воевода Влад, извѣстный в хрониках с прозваніем *Dracula*, который в 1444 году и прибыл с войском в Болгарію для соединенія с королем Владиславом [1]). Малочисленность Владиславова войска и, как говорят хроники, зловѣщее предсказаніе нѣкой болгарки поколебали в Дракулѣ увѣренность в успѣхѣ; он отказался от дальнѣйшаго участія в походѣ и уговаривал короля отложить войну. Не успѣв в этом, он, однако, оставил Владиславу 4000 войска *под начальством своего сына* [2]). Этот *сын Дракулы* (сербо-хорв. *Drakulović*) участвовал в походѣ и в битвѣ под Варной, согласно Palatio, занимал на правом флангѣ королевскаго войска мѣсто, ближайшее к центру [3]) (на правом флангѣ стояли и хорваты бана Talovica). Таким образом, Дракулович был близким соратником Секулы и на полѣ под Варной, вѣроятно, стоял с ним рядом: »Nigrum vexillum Hungarorum« занимало сосѣднее с валахами мѣсто.

До нашего времени из цикла народных пѣсен о Варнѣ сохранилось (и то лишь в рукописях) всего три пѣсни, »исторических«-же, т. е. точно сохранивших историческіе факты, всего лишь одна [4]). В этих пѣснях, кромѣ короля Владислава, упоминаются еще имена лишь трех участников боя [5]), ставших затѣм героями народнаго эпоса. Однако, судя по указаніям старых авторов, надо полагать, что таких пѣсен было сложено в народѣ гораздо больше; вмѣстѣ с тѣм в них упоминалось и большее число участников битвы. Невозможно допустить, напр., чтобы хорватскими пѣвцами не был упомянут вождь хорватов в бою под Варной Franjo Talović. Наличіе в пѣснях имени »Дракуловића« и именно вмѣстѣ с Секулой, т. е. с соратником Дракуловича, говорит за то, что и сын Дракулы упоминался в пѣснях этого цикла. Многіе участники Варненскаго боя, первоначально попавшіе в пѣсню, были забыты послѣдующими пѣвцами, хранителями на-

---

1) *Pray.* Annales regni Hungar. Pars III., liber I, p. 25.

2) „Postquam itaque Wlad multiplicis avisamentis et consiliis Regem a prosecutione avertere nequamquam potuit, de quatuor milibus Valachorum, quibus et filium pro Duce et Capitaneo adiunxerat, pacati et reconciliati sibi Regis auxit exercitum“ (Dlugosz. Historiae Polonicae libri XII. Cracoviae. 1877. T. IV. p. 716). Тоже указывают Callimach, Bonfinius и др.

3) Monumenta medii aevi historica. XII. p. 464.

4) Rad Jugoslav. Akad. 1879. XLVII, стр. 93—98.

5) Jan Huniady („Sibinjanin Janko“, „Janko-vojvoda“), Michael Szilágyi („Mihajlo crni ban“, „Mihajo Svilojevič“) и Jan Székely („Sekula“).

родной пѣсни. И о Дракуловичѣ, как о таковом, пѣсни также забыли, но имя его сохранили, благодаря, вѣроятно, чисто случайному обстоятельству. Достаточно было, чтоб в пѣснѣ при перечисленіи Варненских вождей Дракулович шел слѣдом за Székely, напр.:

... Sekule bane, Drakuloviću ...

чтобы позднѣйшій пѣвец, которому сын Дракулы уже не говорил ничего и был непонятен, принял его имя за *prezime* *Секулы* и в пѣснѣ появился »Sekule Drakuloviću«.

»*Dragulović*« в пѣснѣ под № 20 сборника Богишића мог получиться путем искаженія, замѣны »К« чрез »G«, но вѣроятнѣе, что это была также первоначальная форма, существовавшая одновременно с формой »Drakulović«. Влад Drakula (1435—1446), сын Mircea [1]), избранный валашскими магнатами воеводой, был широко извѣстен на Балканах, как искусный полководец и борец против турок [2]). Он пользовался огромной популярностью и любовью у народа, который называл его »Dragu« (Dragul; рум. = дорогой, любимый); »Dragu« стало собственным именем Влада и перешло в хроники. Лишь послѣ 1438 года, когда началась острая вражда между Владом Дракулой и сторонниками казненнаго им Діонисія (Дана) III, и Влад проявил в этой враждѣ необычайную жестокость и мстительность, противники его прозвали его вмѣсто »Dragu« — »Dracu« (Dracul; рум. — дьявол); это прозвище также укрѣпилось за ним [3]). Таким образом сын Влада Дракулы, передавшій в пѣснях свое имя Секулѣ, у современников мог одинаково называться как »*Drakulović*«, так и »*Dragulović*«.

В упомянутом выше изслѣдованіи своем T. Maretić высказывает предположеніе о связи между пѣсней, гдѣ Секула именуется »Drakulović« и пѣснями, гдѣ он на Косовѣ превращается в змѣя и уносит султана [4]). Он считает возможным, что на эти пѣсни с мотивом превращенія Секулы оказало вліяніе prezime Drakulović, »koje je narodne pjevače podsjećalo na riječ *drakun* (t. j. zmaj, iz tal. dracone, lat. draco), koja je negda u našem jeziku bila posve obična«[5]). Однако, не зная происхожденія »Drakulovića« в пѣснѣ и не имѣя возможности установить, какая из этих двух пѣсней

[1]) N. Jorga. Histoire des Roumains. 1922. Bucurest. Tabl. I.
[2]) Dracula был популярен и за предѣлами Балкан.
[3]) L. Rogalski. Dzieje Księztw Naddunajskich T. I. Str. 71.
[4]) У Вука, II, №№ 85 и 86; Богишића, № 19; Петрановића, II, № 37.
[5]) T. Maretić. Naša narodna epika; 166.

сложена раньше. Maretić допускает возможность и обратнаго вліянія; он говорит: »Ali kad ne znamo, što je od ovoga dvoga starije, onda se može i obrnuto misliti, t. j. Drakulovićem (Dragulovićem) je prozvan Sekula zato, što se na Kosovu u zmiju (zmaja) pretvorio«[1]). Это послѣднее предположеніе проф. Maretića отпадает на основаніи приведеннаго выше изслѣдованія о историческом происхожденіи прозванія для Секулы »Draculović«. Но первая мысль Maretića не только рисует вполнѣ возможное положеніе, но и является единственным объясненіем, откуда мог взяться загадочный мотив о превращеніи Секулы на Косовѣ в *змѣя*. Именно народный пѣвец понял »Drakulovića« в смыслѣ »Zmajevića«, и это дало толчек творческой фантазіи слагателя пѣсни превратить Секулу в змѣя, нападающаго на султана на Косовѣ. А фоном для этой пѣсни могли послужить отзвуки битвы на Косовом полѣ в 1448 г., во время которой Секула с безразсудной отвагой ударил на султанских янычар, закрывавших позицію самаго султана, смял их, преслѣдовал и погиб геройской смертью во время этого преслѣдованія.

Сначала возникли пѣсни, гдѣ Székely стал называться »Sekule Drakuloviću«[2]), и это, вѣроятно, вскорѣ послѣ ноября 1444 года, а затѣм уже, послѣ 1448 года сложилась пѣсня о Секулѣ-змѣѣ.

Константин Висковатый.

[1]) Ibid.
[2]) Или „Draguloviću“.

Формули закінчення в українських народніх думах.[1])

Новіші досліди над мотивами й особливо над музичною й віршовою формою дум захитали тезу П. Житецького, будьто би думи були напів книжними творами; показується, що думи розвинули ту саму форму мелодичного речитатива, якою визначаються похоронні голосіння на всьому просторі українських земель: це форма нерівномірних віршів, що сполучуються свобідно у менші й більші групи — тиради, без повторювання якоїнебудь строфової схеми. Такій свобідній будові відповідають речитативні мелодії голосінь і дум, що пливуть дробленим ритмом співаної декламації й не укладаються в музичні такти. У звязку з цим стверджено, що думи старшої верстви вяжуться з голосіннями й піснями також цілим рядом мотивів і поетичних образів. [2]) Усе те показує над усякий сумнів, що українські народні думи є творами усної народньої словесности та що ніяк не можна виривати їх із того природного органічного звязку.

Сю тезу потверджують також досліди над поетичним стилем дум, що носить на собі усі признаки народньої поезії. В усній передачі довших епічних пісень імпровізація, як звісно, грає завсіди дуже важну ролю і через те вони підлягають безнастанним змінам, (як показують дослідники сербо-хорватського епоса, російських билин, фінських рун і т. п.); при свобідній, пливкій формі дум ся змінчивість виступає ще сильніше. Імпровізаційний стиль виробляє свою окрему техніку, якою народній епос дуже різниться від книжних складань; техніка усного віршування спирається головно на устійнених схемах оповідання, епічних повтореннях і традиційних формулах. Сі типові епічні формули і спільні місця (loci comunes) держаться найсильніше в усній традиції і найменше підлягають змінам; отже їх можна уважати за найдавніші частини епічних пісень і дум.

Особливе значіння мають у думах формули закінчення, по яким можна думові теми поділити на ось які групи:

I. гр. Думи про турецьку неволю, (се т. зв. невольницькі плачі), які зачислюються саме до найстарших, обєднує однакове

[1]) Обширна розвідка того ж автора п. з. »Формули закінчення в українських народніх думах у звязку з питанням про наверствування дум« появилася саме в »Записках Наук. Тов. ім. Шевченка« у Львові 1935, т. 155, ст. 29—67.

[2]) Філ. Колесса: Про генезу українських народ. дум. »Записки Наук. Тов. ім. Шевченка« 1921, т. 130—132.

закінчення, що звичайно сполучує два мотиви: а) проклін турецькій землі та б) молитву про визволення.

II. гр. Лицарські думи, що зображують смерть козака на полі битви, чи серед степу, кінчаться характеристичними для сеї групи мотивами: в) прославленням лицарської смерти козака та г) описом козацьких похоронів.

III. гр. Думи про щасливий поворот козацького війська із небезпечної виправи визначаються також окремою формулою закінчення з мотивами ґ) паювання добичі та д) похвали відважному й зручному ватажкові. Отсі три групи дум про боротьбу козаків із турками і татарами творять, як звісно, старшу верству козацького епоса, що сягає своїм початком першої половини XVI в.

IV. гр. Думи про Хмельниччину, звязані із козацько-польськими війнами 1648—57 р. і споріднені з ними, що виявляють признаки пізнішої верстви, відрізняються характеристичними, неподибуваними у старших думах, закінченнями з формулою е) прославлювання воєнних успіхів та є) побажання для козацького війська й його провідників.

Перечислені групи дум, як показують наглядно хочби тільки формули їх закінчення, вийшли очевидно з козацького середовища та були призначені для козацької авдиторії.

V. гр. Зовсім інший характер мають побутові думи, складані на заселеній Україні мандрівними старцями-співцями, по взірцям козацьких дум, але під сильним впливом церкви і старцівського псальмового репертуару; думи сеї групи мають свої окремі закінчення: нпр. ж) похвала батьківської — материної молитви (»Удова«) з) шукання за потіхою в церкві й молитві (»Сестра і брат«) — хоча сі закінчення не обєднують уже цілої групи.

Коли ж із занепадом козаччини співці козацьких дум кобзарі-бандуристи своїм суспільним положенням зрівнялися із жебрущими співцями побожних пісень, сліпцями — лірниками, і через те прийшло до значного наближення й частинного перемішання обох репертуарів (кобзарського й лірницького) — тоді козацьким думам нпр. »Про Олексія Поповича« прищеплено моралізаторські тенденції, а з ними подекуди й старцівські формули закінчення. Стрічаються в думах й інші приклади механічного приставлювання закінчення, що легко можна пізнати. Одначе в більшости випадків формули закінчення стоять у думах на свому місці, вяжуться органічно із їх змістом та дають дуже цінні вказівки на їх групування і наверствування. *Колесса Филарет.*

Четыре письма Льва Толстого.

В конце июня 1934 года скончался в Бадене (Baden b/Wien) Лев Владимирович Иславин, двоюродный брат Софьи Андреевны Берс жены Толстого (1). Иславин всю жизнь интересовался своим великим родственником, собирал о нём вырезки из газет, фотографии, состовлял его родословную и сам опубликовал целый ряд статей и переводов о Толстом (2).

После смерти Льва Вл. Иславина я получил в наследство собранные им материалы о Толстом и в том числе 4 письма Льва Николаевича, 3 письма адресованны Владимиру Александровичу Иславину и одно Любовь Александровне Берс, т. е. теще писателя.

Письма эти написаны весьма разборчиво и ясно. К сожалению, у двух писем обрезаны концы — очевидно только подписи или заключительные фразы с подписью, что видно, как и по содержанию, так и по внешнему облику этих писем.

Печатаю эти письма с »фотографической« точностью, т. е. сохраняя и орфографию и знаки препинания такими, какими они являются в подлинниках.

Письмо № 1.

2 Мая. (3)

Любезный другъ!

Пишу тебѣ о непріятной вещи. Тѣмъ болѣе непріятно, что давно мы не видались не переписывались и что мнѣ бы хотѣлось только пріятнымъ напоминать о себѣ. Ты догадываешься что дѣло о Костинькѣ (4). —

Дурнаго новаго ничего нѣтъ; но стараго дурнаго много. Живётъ онъ у насъ и очень милъ и добръ но положеніе его ужасно. Мы уезжаемъ въ Самару и куда онъ дѣнется не понимаю, съ своимъ со всѣхъ сторонъ долгами и въ изношенном до невозможнаго платьи. Надо что нибудь придумать. — Encore un dernier effort. Я знаю, что ты ужъ их дѣлалъ много. Мѣсто ему сыскать не невозможно, тѣмъ болѣе что онъ скроменъ теперь въ своихъ требованіяхъ, и я бы давно нашелъ ему мѣсто, если бы его бумаги и одежда были въ порядкѣ. Думаю его въ Тулѣ можно бы привести въ порядокъ; но онъ самъ никогда этого не сдѣлаетъ, а я не умѣю да и некогда. — По моему сдѣлайте вы родные ещё попытку. Поручить въ Тулѣ адвокату, выправить ему бумаги, обмундируйте его и найдите ему мѣсто рублей въ 500, 700 и тогда ужъ умойте руки. Онъ ничего не знаетъ что я пишу и пожалуиста не говори ему. Онъ очень и очень жалокъ и я не отчаиваюсь чтобы онъ могъ ещё устроиться такой жизнью, которая бы не тяготила его самаго. Главное ему надо мѣсто въ провинціи. (5) Напиши мнѣ пожалуиста что ты объ этомъ думаешь и пожалуиста не сердись на меня если тебѣ непріятно то что пишу. Я точно также какъ и ты (вѣроятно) не могу судить его, зна-

его всю жизнь и весь характеръ, а испытываю къ нему чувство досады недовольства имъ и главное сожалѣнія. И надо еще разъ попробовать. Поцѣлуи отъ меня руку твоей жены и передай поцѣлуи моей жены и обнимаю тебя. Твои старый и вѣрны(й) дру(гъ)

Л. Толстой.

Письмо № 2.

Любезный другъ Владимиръ!

Когда долго не видишь человѣка вѣрно забываешь его: такъ я вѣрно тебя забылъ: потому что я получивъ твое письмо прослезился такъ я былъ тронутъ этимъ письмомъ какъ будто я не ждалъ этого. — Костинька тоже былъ тронуть и твоя *малая толика* [1]), все таки развязала ему руки: а то бы я не знаю куда онъ дѣлся послѣ нашего отъѣзда. — Мы съ тобои ужъ пережили тѣ года, когда скажешь человѣкъ самъ виноватъ и успокоишься. Разумѣется Костинька самъ кругомъ виноватъ, а все таки ужасно жалко. Плановъ у него много, но я думаю, что онъ уѣдетъ къ брату Сергѣю. Но тамъ не прочно. Грустно мнѣ было узнать что твои дѣла стоятъ не твердо Повѣрь это мало есть людей которые бы такъ искренно желали тебѣ успѣха и счастья. — Мы послѣ завтра ѣдемъ въ Самару. Половина вещеи и людей уже уѣхали. Поцѣлуй за меня руку у твоей милыи жены и за Соню поцѣлуи и дѣтей. Какъ бы мнѣ ихъ хотѣлось посмотрѣть: Смерть Даши Кузминской, отозвалась въ насъ какъ потеря своего ребенка и напомнила живо возможность своей потери. Прощаи милыи другъ спасибо что ты помнишь и любишь меня.

Твой Л. Толстои.

Письмо № 3.

31. мая. (6)

Дорогой другъ Владимиръ!

Милый наш (7) Костинька (чѣмъ больше я его видѣлъ это послѣднее время, тѣмъ онъ мнѣ былъ милѣе и жаль) теперь въ Москвѣ въ Редакціи Московскихъ Вѣд. и Рус. Вѣсти. гдѣ Катковъ обѣщалъ мнѣ и ему — дать ему мѣсто Секретаря редакціи. Мѣсто это вѣрное и хорошее. Я помогъ ему какъ могъ выбраться изъ Тулы и сейчасъ посылаю ему *сикурсь* [2]), но положеніе его очень тяжело и надо немножко ещё понатужиться pour le mettre á flot. Если ты и Михаил Александрович (8), которому дружески жму руку, можете пустить себѣ еще немножко въ его пользу крови, то кровь эту пришлите или прямо ему въ Редакцію Моск. Вѣд. или ко мнѣ. Хотя мы и не переписываемся, я все про тебя знаю и все желаю отъ всей души тебѣ тихаго пристанища, которымъ ты такъ хорошо бы умѣлъ пользоваться«. (9)

На этом письме приписка чернилами (одинаково выцветшими, как чернила Толстого) и похожим почерком так, что даже возможно что приписка Толстого:

»Адресъ Костиньки въ Москвѣ: Страстной бульваръ, меблированныя комнаты Викторія (Victoria))«

---

[1]) Подчёркнуто Толстым.
[2]) Подчёркнуто Толстым.

Далее на первой странице карандашом, очевидно, кто-то из Иславиных приписал:

,,Voici une lettre de Толстой; lisez la et renvoyez nous la aussitôt car Wladimir doit encore la lire; je viens de la recevoir. J'écris aujourd'hui á Papa et je lui dis que vous allez le faire aussi";

и потом по-русски:

»Очень жалѣем, что хозяина дома не застали«

и, наконец, по-поводу письма, на том же письме опять таки карандашом французская приписка:

Il faut envoyez quelquechose. Etes-vous en état d'envoyez 25 r., j'ajouterais 75 r. Il faudrait envoyez ces 100 r. directement á K. J'ai été touché de toutes les cartes de visites qui j'ai trouvées sur ma table, et surtout de la carte de Léon, qui est arrivé de Paris pour me faire sa visite".

Письмо № 4.

Дорогая Любовь Александровна.

Пишу и съ тѣмъ чтобы хоть немного выразить вамъ ту благодарность и то пріятное чувство, которое возбудили во мнѣ вашъ пріемъ и тоже чтобы передать кое что Петѣ Именно: дѣла я взятыя съ собой пересмотрѣлъ и на дняхъ возвращу. Изъ этихъ дѣлъ особенно замѣчательны и мнѣ интересны дѣла о перечисленіяхъ изъ Русскихъ губерній въ Оренбургскую и Сибирскія. И такого рода дѣла отъ 15 до 25 годов (10) я очень прошу отбирать и мнѣ присылать. — Мѣсто о которомъ я хлопоталъ для Маникова теперь ему не нужно и потому когда оно освободится и мнѣ предложатъ я узнаю подробнѣе — гдѣ и сколько жалованья и вамъ напишу.

Въ Москвѣ я послалъ записку Соловьеву, чтобы онъ выслалъ вамъ на 1000 р. Вост. займа. Пожалуйста извѣстите недѣли черезъ двѣ получили ли, или нѣтъ Цѣлую Степу и Славочку и очень благодаренъ имъ за ихъ мнѣ помощь. Дай Богъ чтобы только экзамены Степы не пострадали отъ этого (11)«.

На обратной стороне этого письма рукою Л. В. Берс написано:

»Милый Петя

Сейчасъ получила я это письмо от Толстова посылаю тебѣ его прочесть. Сохрани его у себя до нашего свиданія. Л. Берсъ«

Кажется, в смысле историко-литературном это последнее письмо найболее интересное. Специалисты определят место этого письма по заслугам, во всяком случае оно имеет некоторое значение для выяснения занятий Толстого над темами, которые его интересовали и которые однако в творчестве его не проявились (эпоха декабристов).

Примечания.

1. Отец Льва Владимировича Иславина — Владимир Александрович, брат, Любви Александровны Берс матери Софии Андреевны. Как известно, дед, того же Льва Вл. Иславина, Александр Михайлович Исленев изображен Толстым в роли »папа« (Детство).

2. Например: „Tolstoy's Lettres to his cousin" The London Mercury Dek. 1926; »Предки Льва Толстого« Возрождение 10. дек. 1927; „Le comte Léon Tolstoi en Suisse" Journale de Geneve 7. окт. 1928; „Aufregende Barenjagd" Ein Erlebnis des Grafen Leo Tolstoj N. W. Journal 14. авг. 1928; „Der verfemte Tolstoj" Aus dem Russischen ubersetzt von L. J. N. W. Journal 5. июль 1929; „Leo Tolstojs Verlobung und Heirat" wie der Dreiunddreissigjahriger um Sophie v. Behrs warb. Unbekannte Briefe des Dichters. N. W. Journal 31. мая 1931.

3. 1877 год приписан карандашом, очевидно, неправильно. В 1877 г. Толстой в Самару не ездил, а как раз в этом году предпринял пешком путешествие вместе со Страховым в Оптину Пустынь. (Бирюков. II. стр. 260). Толстые же ездили в Самару в июне 1878 г., кажется, к этому времени и относятся письма Толстого. К этой эпохе, которую принято называть »кризисом« Толстого. Возможно, впрочем, что письма эти написаны в 1875, когда Толстые тоже ездили в Самарскую губернию. Таким образом, письма эти написаны или в 1875 или 1878, но во всяком случае не в 1877 г.

4. Костинька, о котором идет речь в этом и следующих двух письмах дядя Софьи Андреевны Толстой. О нем написал брошюру гр. С. А. Шереметьев: »Константин Александрович Иславин« Москва. Племянницы Конст. Ал. Иславина мне рассказывали, что он был всеми очень любимый человек, но один из тех людей, которые совсем не умеют обращаться с деньгами и которые совсем не умеют устраиваться. В конце концов С. А. Шереметьев его устроил в Москве где он и умер.

5. Эта фраза »Главное ему надо мѣсто въ провинціи« вставлена между строчками.

6. К этому письму приписали тоже »1877« год (см. прим. 3).

7. Слово »нашъ« вставлено.

8. Михаил Александрович Иславин — брат »Костиньки« и брат Владимир Александровича, к которому письма эти адресованы.

9. И к этому письму приписан »1877« год (см. прим. 3).

10. »отъ 15 до 25 годовъ« вставлено.

11. Год написания этого письма установить трудно. На письме нет то же никаких приписок. Есть только пометка красным карандашом »№ 12«, но это, кажется, пометка сделанная В. Л. Иславиным, у него было более четырех писем, и хранил он эти письма в большом порядке. Часть этих писем он напечатал (см. пр. 2.) Всеже, по содержанию, можно приблизительно, определить время написания этого письма. Известно, что в 1876 г. Толстой усердно занимается эпохой Никол. Павловича. В 1877 г. Толстой делает различные заметки »к следующему после »А. Кар.«« этой эпохой вообще занимается Толстой до 1879 г. (Бирюков т. II. стр. 266—269); так как содержание этого письма безусловно относится ко времени этих работ Толстого то и можно считать, что письмо это было написано между 1877 и 1879 гг.

(Вена.) *Георгий Докс.*

Когда жил Вещий Олег?

(К вопросу о подлинности Кембриджского еврейско-хазарского документа).

Академик П. К. Коковцов в 1932 г. в своей книге — »Еврейско-хазарская переписка в X веке« (Ленинград, 1932 г.) вновь возвращается к чрезвычайно важному вопросу о подлинности Кембриджского текста письма неизвестного Хазарского еврея X в. [1]). Этот документ, опубликованный Шехтером в 1912 г., сразу же привлек к себе внимание разных специалистов. Между прочим, специалистов по славянским древностям. Этот документ заинтересовал своим сообщением о войне хазарского хакана Иосифа против »царя Руссии Хальгу (Хельго)« и о судьбе этого последнего. В настоящее время акад. Коковцов, затрудняясь высказаться »вполне определенно касательно достоверности данных Кембриджского документа, в отношении подлинности« самого документа, склоняется в сторону отрицательного решения вопроса »со значительной долей вероятности« (стр. XXX—XXXII). Разбирая данные для суждения о степени достоверности фактических сведений Кембриджского документа, он, между прочим, отмечает, как важное в данном случае обстоятельство, »непонятный анахронизм, который допускает составитель документа в рассказе о хазаро-русско-византийских отношениях в X веке, делая »царя Руссии, Х-л-гу«, (правил, согласно Повести временных лет, с 879 по 912 г. н. э.), современником византийского императора Романа I Лекапина (919—944)« (стр. XXXII).

Вот по поводу этого »непонятного анахронизма« и следует высказаться специалистам по истории древней Руси. После работ акад. А. А. Шахматова (которых акад. Коковцов касается лишь вскользь во 2-м примечании на стр. XXXII), »непонятным анахронизмом« является сама попытка считать незыблемой хронологию »Повести временных лет« за конец IX — начало X в. Отсылая интересующихся к подробной аргументации этого положения в изысканиях акад. Шахматова, мы хотели бы лишь отметить, что вряд-ли могут быть когда-либо найдены такие документы, которые позволили бы хронологию »Повести временных лет« за указанные годы считать сколько нибудь достоверной . . . Откуда мог почерпнуть эти точные хронологические данные русский летописец 2-й половины XI в. о событиях, имевших место за 150—200 лет пред этим? Ведь нельзя же допустить, чтобы с начала X в. в Киеве велись регулярные летописные записи — хотя бы в самой примитивной форме, а иностранные сведения не подтверждают хронологии нашей »Повести временных лет« за это время. Нужно быть человеком глубоко верующим в незыблемость наших древнейших летописных дат, чтобы принимать иностранное сообщение о делах Руси за X век, как »непонятный анахронизм«, если это сообщение не согласуется точно хронологически с »Повестью временных лет«.

---

[1]) См. его предыдущую работу »Новый еврейский документ о хазарах« . . . — »Ж. М. Н. Пр.« 1913 г. и отд. отт.

Между тем сообщение Кембриджского документа само по себе имеет шансы за свою хронологическую достоверность, когда оно выставляет современниками таких двух властителей — византийского Романа Лекапина (919—944) и Хазарского Иосифа (приблизительно с средины 930 г.г. до средины 960 г.г.). Если современником их обоих называется »царь Руссии Хальгу«, то мы, значит, получаем некоторую точку опоры для установления нашей летописной хронологии эпохи I половины X в. Неточность в 20—30 лет — это ведь не так много для нашей летописи XI—XII в.в., которая в хронологии IX—X в.в. должна была блуждать в потемках, не имея ни старых записей, ни точных воспоминаний. Таким образом, Кембриджский документ не только не обнаруживает в данном случае »непонятного анахронизма«, но может быть использован, как база для определения и выяснения нашей летописной хронологии той эпохи.

Наконец, еще одно замечание. В конце концов мы не располагаем данными, которые обязательно требовали бы от нас отожествления летописного князя Олега с »царем Русии Хальгу«. Это лишь историческая гипотеза, весьма интересная и соблазнительная для выяснения темной истории Руси начала X в.

Но ведь та же летопись говорит, что, кроме известной Рюриковой династии (в значительной мере »скомбинированной«[1]) летописным сводчиком), на Руси в то время (IX—X в.в.) были и другие, совсем особые князья: каждое племя имело своего князя, вроде Мала Древлянского или Рогволода Полоцкого. Мог быть, конечно, и другой князь »Хальгу« или »Хельго«, сидевший вне Киева — в Тмуторокани, например, или на Дону, где в то время были славянские поселения, находившиеся близко от Хазар. И если что склоняет нас все-таки держаться гипотезы о тожестве Хальгу и летописного Олега, это именно — отмеченная и Шахматовым, и другими исследователями[2]) — неустойчивость самой летописной традиции об Олеге и в частности, принимаемые Шахматовым за данные древнего »Начального свода«, сообщения Новгородской I летописи о смерти Олега вне Киева — не то »в Ладоге«, не то »за морем«.

Отсюда лежит путь к возможности компромиссного согласования этих летописных данных с показаниями Кембриджского документа о смерти Хальгу в »Персии« или »Фракии«.

То или иное решение вопроса о Хальгу — Олеге, конечно, далеко еще не разрешает проблеммы подлинности Кембриджского документа в целом, но имеет свой определенный вес при учете положительных и отрицательных данных относительно этой проблемы. Но вообще нужно сказать, что попытка академика Коковцова ослабить ранее высказанное им мнение о »впечатлении хорошей осведомленности автора (Кембриджского) документа в Казарских делах в X веке«[3]), вряд-ли может быть признана вполне приемлемой, и весь вопрос в целом нуждается в дальнейших изысканиях и всестороннем обсуждении.

В. П.

---

[1]) См. у Шахматова в »Разысканиях о древн. русск. летоп. сводах«, СПГ., 1908.

[2]) Напр. Костомаровым, который считал Олега »личностью предания, а не истории«.

[3]) »Ж. М. Н. Пр.« 1913 г. и отд. отт., стр. 25.

Kritiky a referáty.

Zdisław Stieber: **Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich.** (Z 5-u mapami.) Bibljoteka Ludu słowiańskiego. Dział A. Nr. 1. Z zasiłku Funduszu kultury narodowej. — Kraków 1934, stran VII + 98. Cena 6 zł.

Stieber své výklady rozdělil do čtyř kapitol: v první podává přehled znaků společných celé lužickosrbské oblasti, v druhé pojednává o znacích odlišujících horní lužickou srbštinu od lužické srbštiny dolní, v třetí ukazuje na vzájemný poměr lužickosrbských isofon a v kapitole čtvrté probírá vzájemný poměr obou hlavních nářečí k sobě i k sousedním slovanským jazykům. Poznamenávám ihned, že jsou to věci v podstatě celkem známé, nicméně se Stieber pokusil tu a tam o nové výklady a nové klasifikace, odlišné od dosavadních výkladů Mukových a částečně také Wirtových, zdůrazňuje při tom ještě více než Rozwadowski a Taszycki příslušnost lužické srbštiny k jazykové oblasti lechické.

Zásadně je novou prací Stieberovou potvrzeno, že lužická srbština horní a lužická srbština dolní jsou dva samostatné slovanské jazyky. Stieberovy postřehy a výklady na str. 82 a n. jsou správné: jen tam, kde se obě tyto oblasti stýkají, mohou se obyvatelé Lužice vzájemně dorozuměti, v krajinách vzdálenějších, t. j. již výslovně hornolužických nebo dolnolužických, je toto dorozumění obtížnější a dále dokonce téměř nemožné. Přesvědčil jsem se o tom častokráte sám na studijních cestách po Lužici, když jsem byl přítomen setkání Dolnolužičanů z okolí Chotěbuze s Hornolužičany od Budyšína. Mohu tu znovu opakovati své tvrzení, že bylo neštěstím lužického písemnictví, vzniklo-li právě v nářečích od sebe nejvzdálenějších, budyšínském a chotěbuzském. Nářečí slepjanské, resp. slepjansko-mužakowské, které má v sobě prvky horní i dolní lužičtiny, bylo nejvhodnějším nářečím pro vytvoření jednotného spisovného jazyka lužickosrbského a jednotné lužickosrbské literatury.

Problematické zůstane ovšem dále rozdělení lužickosrbských nářečí. Muka na př. ve své srovnávací mluvnici lužickosrbské mluví o 20 nářečích. Stieber rozeznává vlastní nářečí dolnolužická, k nimž přičleňuje nářečí rogowské, v Kóšynce, slepjanské a mužakowské a vlastní nářečí hornolužická, k nimž přičleňuje nářečí košynsko-łutowské, sprejičanské a wochožanské. Je pochybné, zdali tato nová klasifikace zustane trvale platnou: odpor vzbudí zejména přičleňování slepjansko-mužakowského nářečí k dolní lužické srbštině. Bylo to zřejmo již z debaty o lužické srbštině, která se vyvinula po referátě Wirtově na druhém sjezdu slovanských filologů ve Varšavě v září 1934. Mladý lužický linguista jistě právem nesouhlasí se Stieberovou klasifikací, poněvadž v slepjanském

nářečí jsou také znaky čistě hornolužické. Wirt se spíše kloní k dělení Ščerbovu v jeho knize Vostočno-lužickoje narečije z r. 1915 a chtěl by mluvit o t. zv. třech jazykových krajích (Sprachlandschaft) lužickosrbských: o lužické srbštině horní, lužické srbštině dolní a lužické srbštině východní (nářečí slepjansko-mužakowské, bývalé žarowské), jak ostatně zásadně napsal již v svých výkladech „*Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas*". Textband 1. 1933, str. XI. a také v své recensi práce Stieberovy v Zeitschrift für slav. Philologie XII., 1935, str. 221—225. Nicméně ani klasifikaci Wirtovu nepokládám za definitivní: doklady z této oblasti musí býti všestranně přezkoušeny. Snad se přece vrátíme k Mukovu názoru o pohraničních nářečích (v histor. mluvnici str. 4—5) anebo budeme mluvit o nářečích přechodních.

Pokud jde o postup výkladu, podává Stieber vždycky obecnou jazykovou zásadu, kterou dokládá především doklady ze spisovné lužické srbštiny horní a dolní, dále doklady nářečními a konečně také doklady ze starých literárních památek. V první kapitole jedná o hláskových znacích společných celé lužickosrbské oblasti: uvádí jich celkem 22 a podrobněji probírá tři: 13. změnu *e v o, 12. rozvoj jerů a 20. *i* epenthetické. Jde o případy h.-luž. *ćoło*, d.-luž. *coło* za **celo*, *coply-šoply* za **teplý*; *sotra-sotša* za *sestra*; *zona* za *žena* atd.; o střídnice za praslov. jery a o projev měkčení v přecházejícím t. zv. epenth. *i*: na př. *seidži*, *zeimja* v obou nářečích a j. Stieber svědomitě shromáždil všechny odchylky a snažil se je také vyložit. Sestavil rovněž pečlivě všechny doklady ze starších literárních památek, z nichž se marně pídil po Mollerově dolnolužickém katechismu z r. 1574. Hledal jej v budysínské knihovně Matice lužické podle nejasného celkem záznamu Wjacsławkova v jeho Katalogu serb. wotdžela knihownje Maćicy serbskeje (v Budyšíně 1924, str. 49). Zde je totiž Mollerův Katechismus uveden jen poznámkou (přídavkem) ke kalendáři Mollerovu. Ale z prvního popisu Jenčova v Čas. Mać. Serb. 1858, str. 70—71, víme, že se zachoval jediný exemplář Mollerova Katechismu v Ponichově lužické knihovně v Budyšíně u lužického kostela. Bylo by třeba vysvětliti, kam se poděly knihy z této knihovny a zdali snad výtisk Ponichovský byl pozdějším výtiskem Matičním, dnes snad již ztraceným. Stieber použil opisu poloviny textu, jejž v době své lužické cesty pořídil W. Taszycki (z *kterého* exempláře a kde?).

V první kapitole podal Stieber značné množství dokladů pro znaky společné celé oblasti lužickosrbské. Tyto doklady jsou podány ve fonetické transkripci, jak ji známe z dialektologických prací polských. K str. 14 v odstavci 2. shora bych ke tvaru *kryje*, t. j. gen. sing. od subst. *krew*, d.-luž. *kšej* připojil běžnější tvar *kšwe*: *do kšwe zbiś*. Na str. 15 v odst. 3. shora by bylo třeba vysvětliti, zdali ve výraze *rjobua*, ‚žebra' je *u* za *l*? Totéž platí o výraze *žeuaćerjoju* v odst. 2. shora na str 16. Jde o doklady ze slepjanského nářečí, kde je *l* a nikoliv *ł*. Na str. 25 jistě musíme psáti bluňské výrazy *ze-isy*, *ze-mnu* dohromady: tvoří jediné slovo. Tamže v odst. 3. nutno psáti *uozeu*, nikoliv *uozeu*. Slepjanské nářečí nezná *ś* v konc. inf. Musíme tedy čísti na str. 26 v dokladech *zateptać*, nikoliv *zateptaś*.

V kapitole druhé, jednající o jevech, jimiž se liší horní a dolní lužič-

tina, uvádí Stieber těchto znaků celkem 15. Především jedná o rozvoji *r̥ a *l̥ v obojím nářečí s pozoruhodnými výklady, zajímavými právě novým materiálem, jenž vede k pokusům o rekonstrukci prastavu dolnolužického, z něhož by se daly vyvoditi všechny pozdější tvary *r̥ i *ŕ̥ jak v písemných památkách, tak v dnešních dialektech lužickosrbských. Zůstává zde ovšem ještě linguistům objasniti na př. tvary *stu̯orty*, *stu̯ortk* (píši podle Stiebera) ve všech dnešních dolnolužických nářečích i v západních památkách. Stieber tu předpokládá podobný proces jako v polštině: *r̥ po retnici > *ur*, a přešlo v dolnolužické srbštině v téže poloze v *ór*. Mukův tvar *kurcyś* ‚vrčeti' Stieber (str. 39) neslyšel. Při tom snad ušlo Stieberovi, že je v dolní luž. srbštině běžný tvar *kyrcaś:* podnes se v lidové písničce zpívá: *kólaska jemu kyrcachu.* Ve výkladech o stopách dávné kvantity v lužických jazycích (str. 43) potvrzuje Stieber úplně názory M. Rytarowské (O pochodzeniu samogłosek ścieśnionych *ó*, *é* w języku gornołużyckim, Slavia Occidentalis VI. 1927), pro dolní luž. srbštinu bude potřebí nových studií. Ve výkladech o hornoluž. *h* < *g* bychom mohli uvésti ještě více příkladů na dublety *h*—*w*: běžné je na př. v mluvě a dokonce i v písmě *pruwować* místo *pruhować*. Viz na př. v nejnovějším vydání hornoluž. Małych biblijskich stawiznow (Budyšín 1935) str. 29 v nadpise: Józef swojich bratrow *pruwowaše*. V Horní Lužici je běžný tvar *prów*, *próh* ‚práh', jak vidíme na 14. mapě Wirtových Beiträge zum sorb. (wend.) Sprachatlas, Kartenband, a na str. 6—7 svazku výkladového (Textband). Upozorňuji naopak na tvary hornolužické *hubja*, *hujbja*, *u̯ubi̯a* za pův. *łubja* ‚patro', kde je zase *h* za *w* (*ł)! Viz Wirtovu mapu 12. a příslušný výklad ve svazku textovém na str. 5. Zanikání *h* není u Stiebera docela přesně objasněno: *h* pravidelně zaniká ve spojení se souhláskou: *u̯ou̯a*, *u̯uboki*, *u̯upy* atd., *lad* (*hlad*, *po-hlad* atd.), *nać* (*hnać*), *nój* (*hnój*), *rimać* (*hrimać*) atd. Rovněž tak výslovnost *o* podléhá rozličným změnám podle posice (k str. 50): jinak zní v subst. *Róžant*, jinak v adj. *róženčanski*, jak je zřejmo z mé transkripce fonografických zápisů v Čas. pro mod. fil. v Praze XVII. 1931, str. 117 a n. K tvarům *hólc*—*holca* bych upozornil na české tvary *holec*—*holka:* rozlišení *ó* —*o* bych raději viděl ve snaze rozlišiti množné číslo: *hólcy*—*holcy*, t. j. holky —hoši. Při výkladech na str. 59 o tvarech žylowských v Dolní Lužici *'opata* atd. mimoděk se namanuje otázka, jak znějí v Žylowě spisovné tvary *włosy*, *włocyś* a podobné, kde *o* je po *u̯* < *ł* a je před hláskou *ne*retnou a *ne*hrdelnou. O stanovení doby vzniku *h* v Horní Lužici a *c* místo *č* v Lužici Dolní se autor nepokusil.

V zajímavých výkladech o lužickosrbském akcentě upozorňuji na běžnější tvar *do-šle*: Stieber na str. 67 uvádí *do šule* ‚do školy'. Stejně tak musíme přihlížeti k tvarům typu hornoluž. *pomhać* proti dolnoluž. *pomagaś*, důsledky akcentu, nebo tvary hornoluž. *poskhajće* místo *posłuchajće*, dolnoluž. *ńa-mgu* ‚nemohu', *ńa-mžo*, *ně-bdu* atpod.

V třetí kapitole o vzájemném poměru lužickosrbských isofon nedopatřením autor mluví na str. 80 o dialektě katolickém jako jiho-*východním* místo jiho*západním*. Naopak zase na téže stránce dole nutno mluvit o Tuřeji, Janšojcích a d. jako o jiho*východních* nářečích dolnolužických, nikoliv jiho*západních*. V určování zeměpisném je v knize

Stieberově částečný zmatek: nevím na př., proč hned v předmluvě na str. VI. při citátě z Mukovy gramatiky píše Stieber: „Zdaniem Muki „der östliche o. senftenberger Dialekt...", ačkoliv Muka ve své knize na str. 5 správně píše „der *westliche*...“!

Ve čtvrté kapitole zdůraznil Stieber zejména těsnou spojitost dolnolužického jazyka s jazykem polským. Některé české vlivy v horní luž. srbštině vykládá stykem dialektu prahornolužického s pračeským a to ještě před odloučením skupiny československé od lechické.

Stieber své výklady doprovodil pěti mapami, na nichž vyznačil své rozdělení nářeční i jednotlivá pásma (území) těch kterých hláskových jevů.

Celkem je nová kniha Stieberova pozoruhodné dílo, podnětné zejména tam, kde se autor pokouší o nové výklady a klasifikace. Není však dosti jasno, proč při svých výkladech nikde nepřihlíží k dosavadním výkladům dolnolužického dobrého filologa B. *Šwěly* v jeho pracích jak v Časopise Mać. Serb., tak v samostatně vydaných publikacích. Škoda také, že nedostal Stieber včas do rukou práce Wirtovy, stejně jako zajímavé Wirtovy zápisy v berlínské Lautbibliothek: *Slavische Texte*, bearbeitet unter der Leitung von Max Vasmer, celkem ve 4 číslech v l. 1932 a 1934, obsahující pozoruhodné texty z Horní i Dolní Lužice a to zejména texty nářečí, o němž jsou právě sporné anebo problematické názory. Čís. 1. podává dolnolužický text spisovný, čís. 2. má nářeční text z Hažowa na Chotěbuzsku, čís. 3. opět spisovnou horní luž. srbštinu a čís. 4. nářeční texty z Kósyny u Komorowa. Stieber také si nepovšiml mých transkripcí luž. zápisů fonografických, pořízených pro Českou akademii prof. Chlumským a Pernotem v Praze v září 1929, jež jsem uveřejnil v Čas. pro mod. fil. v Praze XVII. 1931.

Je docela přirozené, že Stieber při své znalosti polských nářečí přihlížel téměř výhradně ke shodám lužicko-polským, částečně lužicko-polabským a jen zřídka ke shodám lužicko-československým. Bude úkolem dalších lužických linguistických studií, aby se přihlíželo soumérně také ke shodám československým. Není to přece jen změna *g* v *h* v horní luž. srbštině, je zde také běžné *u* na počátku slov před *o* (*uoko, uokouo* atd.), dativní koncovka *-oj, -ej* z *-ovi, -evi* v obou jazycích, jsou zde i doklady přehlásky atpod. Nesmíme zapomenouti, že luž. srbština byla brzy — a to po první veliké německé kolonisaci ve XII. stol. — isolována a že se zde téměř konservovaly přerozmanité tvary, původně vlastní větší slovanské oblasti, snad celé oblasti západoslovanské. Vždyť se tu zachovaly dokonce také prastaré formy pádové a slovesné, které na slov. západě odumřely: *duál, imperfektum* a *aorist*! Musíme míti také na paměti, že se lužická srbština nestala nikdy jazykem úředním a že uvázla vlastně na prastarém stadiu vývojovém. K těmto všem a jiným otázkám bude museti přihlížeti každý, kdo se zabere do studia lužické srbštiny. Pro studia hláskoslovná nutné jsou zajisté výzkumy jen s moderní výzbrojí fonetického studia: dosud nám chybí přesné fonetické zápisy výslovnosti nejdůležitějších lužickosrbských hlásek *ě, ó* hornolužického i dolnolužického, které se ve výslovnosti od sebe zásadně liší, výslovnosti *w (u̯)* a *h* na začátku slova před samo-

hláskou a před souhláskou, výslovnost *l*, *y*, výslovnost skupiny *tř*, opět rozmanitou atd. Při některých jevech musíme nutně přihlížeti k celé slovanské oblasti: upozorňuji na př. na slovo *kóń*, které v Horní Lužici běžně vyslovují *koįń*, v Dolní Lužici však *kẙiń* (*köįń*), dokonce *kyiń*, které připomínají obdobné tvary také v jiných slovanských nářečích. Nejnověji na př. uvádí St. Mladenov ve své studii Към vokalizma na novobъlg. knižoven ezik atd. (Godišnik Sofijské university, Istoriko-filolog. fakultet XXX. 16, 1934, str. 41,6. řádek zdola) běžný tvar bulharských nářečí *kóįń*.

Kniha Stieberova svými methodickými a jasnými výklady je dobrým východiskem k dalším linguistickým studiím o lužickosrbském jazyce.

Na konec pronáším ještě přání, aby bylo již jednou dosaženo *jednotné fonetické transkripce*: jinaká je transkripce v uvedeném díle Ščerbově, jinak jsou transkribovány berlínské zápisy Wirtovy, jinak krakovské přepisy Stieberovy! Krakovská methoda je konečně nejpřirozenější, a souhlasí celkem s naší transkripcí pražskou v laboratoři prof. Chlumského. Celková jednotnost je však již dávno žádoucí. *Jos. Páta.*

Dr. Fr. Trávníček: **Úvod do české fonetiky.** S 8 obrázky v textu. Praha, nákl. Československé grafické Unie a. s. 1932, str. 122. Za 16 Kč.

Nemohu zde probírati kriticky celou látku Úvodu Trávníčkova, nýbrž se omezím jen na některé poznámky a hlavně se dotknu otázek, majících širší dosah pro slovanskou filologii. — Co do odborné *literatury*, nepoužil T. mého popisu v *Czech Phonetic Reader* (London 1925), kde jsem leccos formuloval jinak než v Novočeské výslovnosti z r. 1909 a zejména roztřídil české hlásky na hlásky samostatné (t. j. fonemy) a nesamostatné (kombinační). Seznam prací se v mé Nčes. výsl. nenalézá na místech, jež T. označuje (str. 12). — Trávníček jako já podává především popis výslovnosti *spisovné* a to hlásek nejen českých, jak stojí v nadpise jeho knihy i její II. kapitoly, nýbrž i *slovenských*, ba přihlíží i k nářečím, což je předností jeho příručky. Ovšem spisovnou řeč nevyslovujeme všichni absolutně stejně a normou tu nemusí být ve všem výslovnost *pražská*, jak by chtěli někteří, zvláště když od převratu se v Praze usadilo nové obyvatelstvo z celého našeho území jazykového (ba i z Vídně úředníci) a pak nám vyrůstá na vysokých školách v Brně inteligence, která třeba Prahou vůbec neprojde nebo se tam dostává pozdě, než aby podléhala jejímu vlivu. A tak je zcela pochopitelné, že poctivé *sebepozorování* dává různé odchylky v popisu artikulace týchž hlásek podle *rodové* neb *regionální* příslušnosti našich fonetiků, z nichž, nehledíme-li k prof. Zubatému, teprve nejmladší B. Hála jest rodilý Pražan.[1])

Toto *kolísání* se projevilo v oboru našich *samohlásek* nejpatrněji v popise *i*. Aniž kaceřuji ostatní charakteristiky, konstatuji při něm podle své výslovnosti čtverý stupeň kvality, t. j. přechod od širšího

[1]) Gebauer pocházel z Podkrkonoší jako Chlumský, Dolanský z Ml. Boleslavě, Kunstovný z jižních, já z východních Čech a Trávníček ze záp. Moravy.

k užšímu ve slabikách: di (*vždy, Diana*), -dī (*dým, Londýn*), -ďi[1]) (*div*), ďī (*dítě*). Při tom je to však *jediný fonem* a ne dva samostatné zvuky, jak má za to Chlumský (v obšírné, většinou odmítavé recensi Trávníčkova Úvodu, uveřejněné v LF 59, 1932, 297), neboť *kvalita* je tu jen jev *kombinační, závislý* nejen na kvantitě, nýbrž i na předcházející[2]) souhlásce (počítaje v to i „ráz": *inu!*), kterýžto vliv u ostatních samohlásek neexistuje (na př. ve slově *dědeček* jsou všecka *e* stejná). Samohl. *i* má dále *výjimečné* postavení i co do *kvantity*, neboť bývá jen polodlouhá, t. j. v postavení bezpřízvučném se snadno krátí (srv. *mluvím* : *padám*). Ostatně jest jednotnost české „soustavy" samohláskové porušena také tím, že dlouhé *ā* jest otevřenější než krátké *a*, kdežto při ostatních samohláskách je tomu obráceně, jak Chl. přiznává pro *e, i* (str. 295) a tak si sám odporuje, když mluví (str. 297) při *i* o „souhlase s celou soustavou".

Zánik původního *y* vysvětluje T. (str. 110) tím, že to byla jediná samohláska středopatrová. Pračeské *ŷ* bylo však jistě zadopatrové, jako je dosud ruské ы, neboť obě vzniklo z původního *ū*. Tato „anormální" (protože nezaokrouhlená) artikulace se pak posouvala dopředu a když se středopatrové dlouhé *ý* v Čechách a na záp. Moravě diftongovalo (t. j. časově rozložilo) v *ai̯*, bylo krátké *y* zcela osamoceno a splynulo s původním předopatrovým *i*, podobně jako u jižních Slovanů, kde nelze mluviti o nějakém vlivu němčiny, kterýžto výklad má Chlumský (str. 306) pro češtinu za „pravděpodobnější". Všeobecně bych tu rád zdůraznil, že právě *výslovnost* (t. j. artikulace) *podléhá nejméně vlivu cizí řeči*, protože ten se může uplatnit foneticky jen u zcela *dvojjazyčných jedinců* a takových bylo mezi prostými příslušníky národa vždy pramálo.[3]) Něco jiného je s přejímáním cizích slov, která však hned berou na sebe fonetickou, ba i morfologickou podobu rodného jazyka! Vlivem němčiny se kromě toho nedá vysvětlit paralelní zánik *y, ý* také na Slovensku!

V oboru *dvojhlásek* sdílí T. plně mé pojetí, že k nim patří také všecky kombinace s polohláskou *i̯* a to v mluvě novočeské jen sestupné (klesavé), v nářečích slovenských (i na Moravě) ještě i vzestupné (stoupavé). Chl. však (l. c. 295) neuznává dvojhlásky *ei̯* atp. a pokládá to za skupinu *e* — souhl. *j*. Přitom se pojednou místo „objektivních" experimentálních důkazů (str. 289) spokojuje tvrzením, že toto *j* zde *cítíme*, a toto *psychologické oceňování* prý rozhoduje! Týmž právem můžeme tedy oceňovati psané *ej* jako dvojhlásku, ale máme pro to i jiné důvody: jednak je to často[4]) výsledek *diftongace dlouhého ý* a tu při zcela obdobném vývoji *ú* > *ou* mluví Chl. (303) o dvojhlásce *ou̯*, která prý je dlouhá „v souhlase se svou *minulostí*"; mimo to v případě, jako je superlativ: *nejjasnější*, nemáme dvojité ani prodloužené *j*, nýbrž *-i̯j-* se od sebe odlišuje artikulačně tím, že při *-j-* na počátku slabiky druhé se přední plocha jazyka

---

[1]) Výslovnost širokou po *ď* (ale *ďi!*) znám, ale zní mi vulgárně.

[2]) Vlivu následující palatální souhlásky, o němž mluví T. str. 39, nepozoruji.

[3]) Poměrně mnoho je takových jedinců v Lužici, zvláště mužů většina, a proto slyšíme často lužickou srbštinu vyslovovanou s německými zvláštnostmi (aspirované *th*, čípkové *R* a j.).

[4]) I tam, kde *ei̯* nevzniklo z *ý* (dej, nejsem), artikuluje se zcela stejně.

znatelně vzepře ještě více k patru než byla při předcházejícím *i̯*, které je „povolenější". Konečně pro polosamohl. *i̯* svědčí její mizení v nářečích (*ei̯* > *é* morav.) a pak, že se po ní nikdy neslyší energická rekurse před pausou ve vých. Čechách tam, kde po souhláskách ražených i úžinových zaznívá (t. j. proti: *hned*, *vůz*, neexistuje *dej*!)[1]

Tím se dostáváme k *souhláskám*, především k *j*, které mám s Chl. (299) proti T. (47) za hlásku trvací[2]), jako jsou všecky úžinové; prodloužené *j* se vyskýtá na počátku slov při citové afekci (zlostné: *j̄-á ti dám!*). Ovšem jen v tomto případě se ozve šum, kdežto jinak není naše, a vůbec slovanské *j* souhl. třená[3]), nikdy neztrácí tón a snadno se mění v polosamohlásku (*jdu* — *nei̯du*). S tím právě souvisí vznik *hiátového j*, které T. správně vykládá (88 a 109), kdežto způsobem Chlumského (306) by se nedalo vysvětlit hiátové *j* v případech: *Mari-e*, *gymnasi-a* atp., kde nezaznívá *-j-* „na cestě k *i*", nýbrž *od i*; při tom je zase patrna vyšší poloha jazyka pro pro *j* než pro *i* nebo *i̯*. Zajímavé je též, že po pravopisném (etymologickém) *y* ve slovech domácích se hiátové *j* dosud neartikuluje (*vyorati*), kdežto ve slovech cizích ano (*hyena*), neboť ta byla přejata již s předopatrovým *i*.

Pro *m*, *n* reklamuje Chl. (292) explosi, ač v naší nynější výslovnosti familiární[4]) se před pausou jeho závěr vůbec nezruší (*mám*, *den*). Při koncovém *-ň* se musí však závěr zrušit, protože by se jinak dosti akusticky neodlišilo od *-n*. Souhlasu došel T. (34) u Chl. (295) s míněním, že všecky tyto tři nosové souhlásky jsou okamžité, kdežto já zůstávám při svém názoru, že jsou *trvací*, t. j. že je lze prodloužit, ač se to v našem jazyku málokdy vyskytne (na př. *zlomme* nebo na počátku při afekci: *m̄izero!*). Přitom zaznívá nasalisovaný hlas, protože vzduch volně uniká nosem, kdežto při podržení závěru hlásek ražených (*od tebe* = *ot-ebe*, emfatické *t-y!*) vzniká pausa, poněvadž právě to nejsou hlásky trvací.

Co do souhlásek *p*, *t*, *k* nevím opravdu, co vedlo Trávníčka (22), že se nepřidržel mého správného popisu stran uzavření štěrbiny hlasové při nich[5]). Ve slovech *dni*, *tni* je v mé artikulaci *ď*, *ň* jen palatalisované (t. j. přitom apikální), nikoli *ď*, *ň* plně palatální (t. j. měkké, jak praví Chl. 305, který by vlastně měl souhlasit s popisem T. str. 92, ač se tento nevyjadřuje přesně). Nicméně kromě této asimilované výslovnosti znám i výslovnost s tvrdým *d*, *t* a s ústní explosí v deklamaci básnické.

Vznik „rázu" chce Chl. (306) zase vysvětlovat vlivem německým, ale nehledě k tomu, co jsem výše namítl proti takové teorii, pocítilo

[1]) Tento spor o hodnocení téžeslabičného *ai̯—aj* se u nás táhne již od r. 1779, jak jsem ukázal v rozpravě „Dobrovský—fonetik" (v jubilejním sborníku z r. 1929 str. 89).

[2]) Mezi ně jsem ji zařadil i v Nč. výslovnosti, v tabulce na str. 145 i v záhlaví str. 94.

[3]) V Nč. výsl. jsem ještě užíval tohoto termínu místo „úžinové", což je výstižnější a lépe odpovídá termínu „závěrové".

[4]) V pěstěné výslovnosti řečnické a divadelní se ovšem má závěr zrušit, ale ani pak se nedá mluvit o explosi, jaká je při koncovém *-p*. Takovou násilnou výslovností, kdy se po koncovém *-m* ozval skoro slabičný hlas, vyznačoval se divadelní ředitel V. Budil v Plzni.

[5]) Viz Nč. výsl. 47 a 81 (Chl. se ani v replice str. 75 nezmiňuje, že jsem v té věc neměl pochybnosti již r. 1909)

takovýto „vliv“ stejně intensivně a nad to déle Brno, Olomouc a j. města moravská, přes to však je tam splývavá výslovnost (zejména předložek: *u͡okna*, *z͡okna* atp.) obvyklejší než v Praze. Hledati zde vliv cizího jazyka je zbytečné, máme i pro tento zjev jiných výkladů hned několik. Podle mého je to: *a*) energické začínání slabiky pod silnějším přízvukem, *b*) snaha po rušení hiatu (*vy'orat* m. lidového *vyvorat*, *ne'obracet* m. *nevobracet* atp. právě v Čechách), *c*) snaha naznačovati „šev“ složenin (*roz'utíkali se*, *černo'oký* atp.), *d*) vliv písma (týká se předložek a optické přestávky po nich, jež se reprodukuje odtržením akustickým: *na 'ulici* — srv. ještě, co řeknu o přízvuku takovýchto výrazů).

Trvám také na pojmu „*prodloužených*“ (nebo snad lépe „podržených“) souhlásek na rozdíl od „*zdvojených*“ přes námitky Chl. (305) proti příslušným partiím v Úvodu Tr. (93, 94). Jde přitom o různý „styl“ neb stupeň spisovné výslovnosti: skutečně zdvojená souhláska jest ortoepicky možná jen v pádech předložkových nebo ve slovech složených, na př.: *před - domem*, *odtud* = *ot-tud*, kde však stačí také jen „naznačení dvojitosti“ výslovnosti: *před̄omem*, *ot̄ud*, tedy typu italského: *freddo*, *atto*. „Dojem dvou souhlásek o společném závěru“ netvoří ani tak silná implose, jak by chtěl Chl. (305), jako ta okolnost, že takové *d̄*, *t̄* atp. patří oběma slabikám, t. j. činí již první slabiku krytou, což se uvolňuje lidovou výslovností: *pře | domem*, *vo | tut* atp. Tím se dostáváme k otázce *hranice slabik*, mezi nimiž je skupina souhlásková. T. se dotkl této věci záslužně na str. 75—76, ale věc potřebuje ještě podrobnějšího zkoumání. Uplatňuje se zde stále v naší výslovnosti stará tendence míti slabiky co možná *volné*, t. j. zakončené samohláskami, a překonávati skupiny souhláskové na počátku nové vlny rytmické. Výklady T. *o pobočných slabikách* (78—81) nezasluhují odbytí Chl. (301) jako „zastaralá přítěž“, protože se právě z těchto historicky „latentních“ slabik stávají plné[1]). Upozorňuji zde ještě na pečlivou výslovnost slova: *mdlý* — *mndlí*, kde přechodní *-n-* rozhodně tvoří vedlejší slabiku.

Souhlasím s T. (62) v přesvědčení, že náš jednomístný *přízvuk* slovný je domácího původu. Kromě všeobecné pochybnosti o cizím vlivu na výslovnost (srv. výklad o zániku *y*) mluví proti vlivu němčiny, ke kterému se tu opět Chl. (301) utíká, jednak totéž ustálení na většině území slovenského, jednak ta okolnost, že němčina má přece jiný, ne tak mechanický typ přízvuku. Tam je totiž přízvuk vázán hodně na slabiku kmenovou a většina předložek a předpon jest na počátku výrazu bezpřízvučná (srv. slova: *Gesicht*, *verlieren*, *mit mir*, *dabei* atp., kde není přízvuk na 1. slabice!). Rovněž proti paušálnímu popírání Chl. (301) potvrzuje T. (64) vliv školy a vlastně *písma*[2]) na porušování přízvuku *v pádech předložkových*. Každodenní zkušenost ve třídě ukazuje, že samostatné psaní předložek působí při čtení sugesci, že se přenáší přízvuk

[1]) Mimo ruské „polnoglasie“ (*teret*, *torot*) sem patří též jevy maďarské výslovnosti slovanských slov: *kráľ* = *király*, *krest* = *kereszt*, *sluga* = *szolga* atp. — Nedávno jsem slyšel na nádraží v O. vyvolávat „horké párky“: *hōriki pāriki*, t. j tak, že každé z těchto slov tvořilo daktyl, čehož si povšimli i jiní mimo mne.

[2]) Ve škole si totiž mluvnickým rozborem žáci po prvé uvědomují, že výrazy předložkové se skládají ze dvou slov (až na výjimky *naň*, *proň*!) a snaží se to pak naznačovati i ve výslovnosti, vidouce to psáno zvlášť.

s nich na slovo následující. I dospělí lidé, kteří v řeči přirozené vyslovují jen *prŏ pravdu*, při hlasitém čtení řeknou afektovaně: *pro prăvdu*!

Plná třetina Úvodu Trávníčkova je věnována výkladům *změn hláskových* (vlastně již od str. 79 do 111) a o tuto *aplikaci fonetických poznatků* na poli historickém šlo mu vlastně nejvíce. Tato část jeho knihy je také nejzdařilejší, znamenajíc pokrok od historického hláskosloví Gebauerova, po jakém jsem volal ve své Nčes. výsl. 16. Výklady Trávníčkovy obstojí většinou proti kritice Chlumského; tak co do změny *j* > *ň*, nejde ovšem o pouhé předržení nosovosti z pohodlnosti mluvidel (T. 87, 99), ale „jen zesílením" (Chl. 304) by přešlo *j* v *ď* (jak se stalo v inf. *ďit* m. *jít*[1]), ovšem též pod vlivem tvarů *du* atd.), po případě v *ľ* (sem patří slovenské *len* < *jen*). Teprve *nasalisací ď* povstane *ň* (*mi̯esto* > *mjesto* > *mňesto*). V případě *panna* > *padna* (T. 91) máme podle mého názoru *denasalisaci* prvého *n* za účelem diferenciace[2]) jeho od následujícího *n*. — Změnu *kt* > *cht* vykládá T. (97) správně, kdežto Chl. (305) ji zase zbytečně odvozuje z němčiny, neboť se vyskýtá i v ukrajinštině a ruštině; způsobila ji aspirovaná explose *kh* před raženým *t*[3]) — Na změnu *sk* > *šk* (T. 98) působila spíše vulgární záliba v *š*, podporovaná cizími slovy, začínajícími *šp*—, *št*—. Výklad Chl. (306) anticipací šumu následujícího *ř* by se mohl týkati jen slov *škvařiti*, stč. *škvřieti*, ale ne ostatních (*škvarek*, *škvrna*, *škubati* a j.). Pravdu má proti T. (111) Chl. (306) co do nahrazení retoretného *v* retozubným *v*. „Obtížnou a neobvyklou" ona původní artikulace nebyla v češtině vedle *u̯* v dvojhl. *ou*, ani ve slovenštině vedle dvojhl. *u̯o*, ale „malá zřetelnost jejího zvuku"[4]), jak jsem to vyložil již r. 1916 ve své monografii o *v*, kterou přece T. uvádí mezi svými prameny. Hájím zde jen proti Chl. svou prioritu tohoto výkladu[5]). *A. Frinta.*

Fr. Trávníček, **Historická mluvnice československá.** Úvod, hláskosloví a tvarosloví. (Vysokoškolské rukověti: Řada spisů duchovědných, sv. 2. Vyd. Melantrich, A. S.) V Praze, 1935, 8⁰, str. XIX+446.

Sté výročí Jungmannovy Historie liter. dalo před 10 lety vznik monumentálnímu Knihopisu Tobolkovu, sté výročí Jungmannova Slovníku dalo vznik velikému akademickému Příručnímu slovníku českému. Vedle akadem. slovníku pokusil se brněnský bohemista F. Trávníček o nové shrnutí celého jazykozpytu českého: lexikální a fraseologickou část shrnuje

[1]) Máme i doklady změny opačné: vl. jm. *Nechojdoma* vzniklo disimilační změnou závěru v úžinu z výrazu: *nechoď domů*.

[2]) Opačnou diferenciací povstalo asi *Anda* z *Anna*.

[3]) Docela obdobně jako v ruštině *chto* z *kto* atp. povstalo české nářeční *hdo* z *γdo* a toto z *gdo*.

[4]) Srv. lužickosrbskou výslovnost *to(w)ařstwo* atp.; proto jméno *Nowak* tam Němci transkribují *Noack* a místo *Wjacsławk* (= Václavek) píší *Jatzwauk*.

[5]) Při této příležitosti musím uvésti na pravou míru tvrzení Chlumského ve Slavii XIII, 1935, str. 455, jako bych považoval srbskocharvátské *v* za retoretné. Na příslušném místě mé rozpravy „Fonetická povaha a histor. vývoj souhl. *v* ve slovanštině" (Praha 1916, str. 39 dole a 40 nahoře) cituji jen podobné mínění Brochovo a Belićovo o „mizení retozubné artikulace", ale sám podávám jiná vlastní pozorování.

(spolu s Vášou) „Slovník jazyka českého pravopisný, kulturní a frazeologický", část fonetickou a mluvnickou jeho „Histor. mluvnice", jejíž první díl leží před námi.

Nové shrnutí látky mluvnické je též jinak jubilejní: loni připadlo padesáté výročí „Historické mluvnice" Gebauerovy. Neboť právě 1885 až 1886 vyšly první dvě ukázky „Stč. skloňování zájmenné" a „Stč. skloňování subst. kmene -o" (v Pojednáních král. č. Spol. nauk, VII, 1, č. 2 a 4), kde poprvé ohlášen jazykový rozbor Rukopisu a „za úkol dřívější" položeno „popsati jazyk staročeský na základě hojných pramenuv a památek jiných". Je tu ukázána potřeba „ohledati znovu předmět všecek", „především co nejvíce omeziti předsudné stanovení apriorní" „tím výše ceniti bezpečná svědectví dokladuv" „o výklad theoretický starejme se ovšem také, ale teprv, když věc je doklady . . zjištěna". Jak známo, po těch dvou následovaly další ukázky („km. -a" „km. -i;" 1892 v Listech filol. z hláskosloví ‚a' již jako ukázka „České mluvnice historické"), konečně pak r. 1894 „Historické mluvnice jazyka českého" díl I, Hláskosloví. Ale ovšem, jak vůbec známo, i v konečné úpravě „Historické" má lví podíl stará čeština, je hleděno k hojnosti dokladu, omezen výklad – tak jako v prvních „staročeských" ukázkách (později valnou většinou beze změny otištěných) bylo hleděno i k dnešním dialektům, měrou arci jen skrovnou.

Padesát let nové práce mluvnické změnilo doklady i výklady. Bylo to zvlášť patrno, když z pozůstalosti Mistrovy vydala Akademie péčí neúmorného Trávníčka k stému výročí Dobrovského IV. díl „Skladbu", jež v době Delbrucka a Zubatého byla vlastně již archaismem, ač její doklady, jako u skladby Miklosichovy, podržely stále svou cenu. Neboť tou dobou již po desítiletí vládla na středních školách skladba nová, moderní, založená na živém jazyce — skladba Ertlova.

V. Ertl totiž, po vzoru polské mluvnice Steina-Zawilińského, provedl před více než 20 lety již v 5. vydání školní mluvnice Gebauerovy onu základní úpravu mluvnice staročeské v novočeskou. On první podal v školní mluvnici základy fonetiky, první vyložil základy semasiologie, v duchu Zubatého přepracoval důkladně celou nauku o slově a nově zpracoval celou skladbu. Ve školní mluvnici mohl ovšem podati jen výsledky své práce — ale byl to úplný převrat, jemuž se na konec neubránilo ani nové vydání Příruční mluvnice Mistrovy (4., r. 1930) „přepracované" Trávníčkem. A toto „přepracování", jež zůstalo takřka v polovici cesty, přivedlo právě brněnského bohemistu k dnešní nové „Historické mluvnici československé."

Ale měl i tu dva bezprostřední předchůdce; cestu ukazoval slavista německé zdejší university *F. Liewehr* 1933 svou „Einführung in die hist. Grammatik der tschechischen Sprache" (vyšel jen první sešit, z hláskosloví podávající vokalismus — asi dvakrát rozsáhlejší nežli příslušná část Historické Trávníčkovy) a téhož roku vyšlý silný 3. svazek „Československé vlastivědy", kdež zejména článek *Hujerův* „Vývoj jazyka československého" a velmi poučné (*Havránkovy* a *Vážného*) přehledy československých dialektů byly dobrou průpravou pro nynější „Histor. československou".

Obšírná „Předmluva“ vykládá hlavně o poměru nového zpracování k monumentální práci Gebauerově. Asi jako Vondrák nebo Wilmanns budovali na dokladech Miklosichových nebo Grimmových, zrovna tak Trávníček spoléhá z největší části na doklady Mistrovy, neuvádí citátů a odkazuje k příslušným partiím I. a III. dílu Gebauerova. „Zato nářeční materiál je z největší části nový“ — naň klade Trávníček důraz hlavní a práce Gebauerova, založená na staré češtině, je podle něho vlastně zpracování jen jednoho dialektu, středočeského, ale Trávníčkovo zpracování je založeno na češtině nové. A i tu vyloučil ještě velikou část práce Gebauerovy: počíná dějiny našeho jazyka teprve dobou pračeskoslovenskou (asi 6.—9. stol. po Kr.), kdežto Gebauer, po něm Hujer i Liewehr, jako na př. Łoś nebo Ramovš, počíná dobou indoevropskou; tím asi 1800 stran Gebaurovy Historické je u Trávníčka zkráceno skoro na desítinu. Je to asi polovice dílu právě vyšlého; druhá polovice podává i v těchto částech zpracování nových kusů; Trávníček je v úvodě vypočítává: ‚ráz, ostatní hláskové a prothetické hlásky, přízvuk, kvantitu, afektivní změny hláskové, pobočné slabiky, palatalisaci souhlásek a postavení slovenštiny‘; k tomu třeba připočísti rozsáhlý úvod, důkladný zřetel k fonetice, široký výklad o pravopise atd. — a dále to, že i v částech u Gebauera zpracovaných je provedena nová soustava, vykládáno důsledněji a šíře. Poměrně nejméně nového je v tvarosloví, kde také nejméně měněno — a proto také nejvíce kráceno. Krácení ostatně doporučovala již sama forma příručky.

V předmluvě také autor vyložil, že velmi často i při stejné látce se od Gebauera odlišuje novými názory a výklady. Toto odlišení od programu Gebauerova, jak byl právě uveden, řadí Trávníčka k Zubatému, jenž, jak známo, formuloval program jinak (1901 ve Věstn. Akad. 509): „úkol jazykozpytu není vyplněn, *nedovede-li také vyložiti*, jak asi vznikly ony rozdíly“ — a jenž také klasickým výkladem známých již dávno dokladů pro ‚*ano* — *an*, *ana*..‘ podal vzorný příklad bohemistiky moderní. K tomuto stálému výkladu (Gebauer se spokojoval často pouhým konstatováním asi jako Miklosich) přistupuje také stálý zřetel k nejnovější literatuře předmětu, k níž u Gebauera bylo poměrně málo přihlíženo.

Obsah knihy jest zhruba tento:

Úvod poučuje o názvech ‚český, československý‘ atd., o jazykovém území a jeho změnách, o pramenech jazykových, o postavení čsl. v slovanštině a o dělení dialektickém. Část I., hláskosloví, vykládá napřed základní pojmy, pak o vokalismu a konsonantismu (vždy napřed o hláskách prasl., jejich střídnicích pračsl. a dalším vývoji čsl.); dále o hláskách v proudu řeči (při pausách, ve skupinách, assimilaci, hláskách prothetických a o palatalisaci); potom je výklad o změnách psychologických (— partie nová, s novým členěním, proto víc jen naznačující než vyčerpávající), o členění slabikovém atp., o přízvuku, intonaci a kvantitě (— partie rovněž téměř zcela nová — proti Gebauerovu zpracování — a dosti zevrubná). Část II., tvarosloví, se celkem drží pořádku v našich mluvnicích obvyklého, také při časování. Tím ovšem není řečeno (a platí to také pro jiné případy vůbec), že by Trávníček přejímal *jenom* doklady nebo výklady Gebauerovy; jest i tu všude samostatný — a že se rychle

vyvíjí, ukazuje pouhé srovnání textu v Historické s jeho opravami 1930 v Příruční.

Možno říci hned, že kniha, tak jak jest, svému účelu — jako příručka studijní — vyhovuje velmi dobře, snad až příliš dobře. Předpokládá zajisté u svých čtenářů málo, mnohem méně na př. než Gebauer nebo Liewehr. Srovnání s cizími jazyky, zejména starými, je téměř úplně vyloučeno — a ku podivu málo se dokládá i nejbližších a nejznámějších jazyků slovanských, jako na př. polštiny nebo ruštiny. Je to ústupek dnešní střední škole, ale snad nezcela vhodný.

Výběr látky jest rovněž přiměřený, výklad jasný. Mnoho k tomu přispělo, že Trávníček vykládá často podle svých starších hojných monografií — někdy dosud nevydaných. A ovšem také to, že jde cestou Gebauerem proraženou, třebas ještě ne zcela urovnanou. Hůře bude ovšem v díle II., kde kmenosloví Gebauer vůbec nenapsal a kde skladbu nebude vůbec moci Trávníček podobně sledovati, jako v tomto díle Tvarosloví.

Arci — kniha Trávníčkova je první pokus ve velikých rozměrech provedený — a je přirozeno, že někdy — snad více než třeba — přestřeluje nebo nedoceňuje mínění cizích. Trávníček se nemohl opříti ani o jediný rozbor jazyka některé autorské individuality; a jestliže — nevěře dosti dokladům psaným — spoléhá více na doklady dialektické, je tu myslím zase chyba jiná. Jazyk nářečí se mění příliš rychle; Trávníček sám to na některých místech přiznává — většinou mizejí odchylky pod vlivem jazyka spisovného nebo cizích sousedství; velmi nápadně to ukazují zprávy Blahoslavovy, srovnané s dnešním stavem. Ale i zápisy dobře školených odborníků mají své nedostatky: Jakubec v popisu nářečí libuneckého ukázal, jak na jediném místě žijí vedle sebe dva dialekty podle příslušenství k různým panstvím; kdo nezná historii místa, snadno smísí oba dialekty, slyší-li náhodou dvě osoby různého příslušenství. Doklady staré mají zase vady v nedostatečném pravopise; velmi jasně to ukazují zejména zápisy starých listin polských, jež někdy zdánlivě vypadají spíše česky než polsky; je tedy možno, že minuciosním pozorováním nalezneme ještě mnohem více hláskových jemností, nežli dosud nalezeno. Jsou řídké texty staré (ŽKl., Zl. Táb.), jež liší dvojí *ř* (ač toho Trávníček na str. 131 nepoznamenává); rovněž později liší dvojí *l* řídké texty tištěné (ale Trávníček na str. 131 pokládá matení dvojího *l* již počátkem XVI. stol. za dokončené), velmi dobře a se zajímavými zvláštnostmi na př. bible bratrské; také zajímavé věci ukazuje pravopis stč. Passionálu mus. (o němž Trávn. 37 se nezmínil). Ale tyto všechny zvláštnosti starých písařů třeba zkoumati individuálně, nelze prostě odmítati svědectví nepohodlná.

Tu někdy Trávníček nevěří těm, kteří se léta těmi texty zabývali. Tak na př. několikrát přímo popírá svědectví starých textů pro stč. *jě*, *ně* (t. j. *ňě*); šíře se pokusil o vyvrácení Gebauerových výkladů na str. 103 až 104. Jestliže liší rukopisy *giedem* od *geden* (atd.), je proti tomu každý odpor marný; odchylky v Passionále (řídké) nebo v Žalt. Wittb. jsou jenom zdánlivé. Gebauer dříve kladl mylně Passionál do doby kolem r. 1300; byl to starý omyl, ježto je v Pas. stč. legenda Karlova o sv. Václavu, sepsaná latinsky teprve po r. 1362. A v třetí čtvrtině XIV. stol.

právě již jotace *jè-je* klesala; třeba tedy zkoumati texty starší, Legendy, Alex. atd. — a tam odchylky jsou minimální. Také Žalt. Witt. je až z konce XIV. stol., též jeho odchylky nejsou překážkou. Máme-li správnou jotaci podnes v slabikách retných, třebas Slováku je tu cizí, vidíme-li ještě u Husa přesně v slabikách *cě*, *sě zě*, *řě*, vidíme-li od XIII. stol. jen *le-* (a *lie-* teprve od konce XV. stol., kdy ie = í), musíme se svědectví rkp. podříditi i při *jě-*, *ňě-*, *ďě-*, *ťě-*, *žě*,- *šě*...

Zrovna tak ovšem marně několikrát (obšírněji 83—84) autor bojuje proti dloužení po neslabič. předložkách, podnes dochované ve *vůbec*, *vůči*, *vůkol*, *zůstati*, *zůstaviti*. Vždyť přece je positivně doložena délka *k ápoštolóm*, *s óstrú* atd. — a kdo by namítal, že dokladů je málo, zapomíná, že vůbec v starších dobách bývala kvantita označována velmi zřídka. *Proč* se dloužilo, je snad sporné; ale není možno pochybovati, že se tu dloužilo.

Podobně na str. 323 vyložil, že *brva* je falsum v MVerb., že se v stč. nevyskytá, nýbrž teprve nově, podle toho falsa — ale dodává: „sotva se ujalo teprve vlivem této glosy, jak myslí Gebauer, nýbrž *je to patrně* slovo *staré*, *náhodou* v starém jazyce *nedoložené*, protože snad bylo na západě řídké“ — to vše proto, že dnes na Ostravsku je doloženo *obirv* a na Slovensku *obrv*(*a*). Jak jsou tato slova stará a odkud pocházejí, to patrně je věc již vedlejší.

Nejsou tyto příklady ojedinělé; důvěra v sílu dialektických zpráv je silnější než v doklady, lety pečlivě sbírané. Je to při prvním pokusu pochopitelné. Gebauer svou Historickou deset let zkoušel a jeho první ukázky prošly pak ohněm nově nalezeného pravidla jerového; v novém svazku Trávníček asi rovněž se svých nových výkladů sleví.

Nechci uváděti dalších neshod, aby se nezdálo, že velikou tu práci chci mistrovati. Jsou ovšem i takové příklady, kde Trávníček podává své nové výklady nikoli v odporu se staršími — a kde tedy spíše pochopíme nejistotu.

Na str. 120 při výkladu o vkladném *l* po retnicích uvádí také jména *Drhovle*, *Vidovle*, *Hostovlice* atd., vida v nich odvozeniny. Ale to je omyl: jsou to složeniny s kmenem stsl. *vъl-* (č. *oblý* m. *ob-vlý*), tedy *Drho-vle* a nejde tu o vkladné *l*.

Výklad o t. zv. epenthetickém *-n-* (str. 213—214) jest celkem správný, ale přece mylně pokládá *-n-* po *vy-* v stč. *vyníti*, *vynmu* atd. za tak analogické jako na př. dial. *přindu*. Již samo nč. *vyjdu*, *vyjímati* ukazuje, že *vyn-* je zde původní jako *sъn-*, *kъn-*, *vъn-*: není také jiných dokladů než *vyndu* — jako *vendu*, *vynímati* jako *snímati*; nč. *vyjdu* je pozdní zrovna tak jako *vejdu*. Rovněž není správné, že po všech předložkách se ujalo *-n-*: stč. zůstávalo *-j-* po předložce (arci nepůvodní) *protiv*, *miesto* atd., kde ovšem nč. máme též *proti němu*, *okolo něho* atd.

Někde vynechány některé podrobnosti, asi pro omezení místem; někde omezeny doklady. Na př. na str. 141 při *u-* před *v* uvedeno jen několik dokladů (neuvedeno na př. *úvod*, *uvedení* atd.) a doloženo: „*Někteří* užívají také předložky *u*, na př. *u vidění*, ale běžné je *v (ve)*“. To je jistě omyl; spisovný usus zná myslím jen ‘jsem jako *u vidění*, *u vyjevení*, *u vytržení*’ atd. a nečetl jsem ani neslyšel *ve vidění*, *ve vytržení* atd.: jsou to ovšem zbytky starého usu, ale přece zcela běžné.

Některé nepřesnosti vklouzly při rychlé formulaci do textu asi proti vuli autora. N. př. při výčtu pramenu str. X uvádí: „Hus P. — *Husova rukopisná Postila z r. 1448*,“ správně: Horčičkuv *rkp. mus. z r. 1414*, v němž *též opis Postily* Husovy; na str. 16 mezi dial. texty: „t. zv. *Mandevill* rovněž ze stol. XV.“, správně: *musejní opis* Mandevilly sign. 3 E 42; na str. 162 prý v *česky* (jako v *slezsky*, *vítezství*) je jeden krátký V — asi omylem tisku m. K., ale příklad sám je nevhodný, ježto *češsky* není doloženo, autor chtel asi položiti *vlasky* — *vlašsky*; na str. 181 při výkladě o zachovaném archaistickém *ot* je mylné tvrzení, že dialekticky se říká jen *otvírat*, — neslýchal jsem jinak než *vodvírat*; podobne omylem 185 stč. spojka *ez* vykládána z deiktické interjekce *e!* m. z relat. *jež* — srovn. *esli*; 187 lidové *viskati* prý přijalo *v* z *vyskati*, ač souvislost s *veš* se nabízí sama sebou; 192 výklad o 'mot savants', že dial. nepřibírají *v*, uvádí jen *otec*, *otčenaš*, *orodovati*, *oltár*; ale autor sám poznamenává, že obecne se říká *voltar*, zato nejsou uvedena jasná slova učená *osud* (*to je osud!*), *za onoho času*, *obr* — a mohlo ovšem býti dodáno, že dokud *otec* žilo, ještě v XVI. stol., znělo též *votec*; str. 331, že *-mecítma* se udrželo „v třebonské mluve rybárské“ — Nemcová připomíná toto počítání také na Hradecku — a patrně se drží na panstvích kdysi rožmberských v mluve rybníkárské; na str. 67, 367 pokládá se obecné *mí*, *tví* (N. pl. masc.) za stažené vedle spisovného *moji* — to však není zjev hláskový, nýbrž syntaktický, je to fem. (spisovné *mé*, *tvé*) jako vubec u adj. a adjektivalií: srovn. *hodny chlapci*, *ty kluci* atd. a lépe by se psalo *mý*, *tvý*; na str. 413 je prý *stč. ojedinelé lhu* a *nč. řídké*: ve skutečnosti koncem XV. stol. stč. *lži* (praes.) a *lžíce* (part.) zmeneno — jako v rušt. a polšt. — analogií podle *mohu* ve *lhu*, *lhouce* — to bylo pravidlem v češtine spisovné po všechny doby — a ani dnes žádná gramatika se neopovážila utvořiti „správné“ part. *lžíce*; nový vulgarismus (podle *mužu*, *peču*) dosadil teprve 1879 neorganicky do mluvy spisovne Gebauer jako *lžu*, *lžou*, neprávem; na str. 136 omylem se píše, že stč. *j* se psalo *zřídka* písmenem *j*: nikdy, neboť toto písmeno bylo jen na konci slov; na str. 105 je mylne jako odchylka uvedeno *veže*: je to tvar puvodní. Atd.

Někdy bývá autor ve svých tvrzeních — ale zřídka — velmi opatrný: na př. na str. 323 míní, že dnešní *ploutev* bylo p u v o d n ě a s i *ploutva* (přesněji *plútva*, *plýtva*), *kotev* p u v o d n ě a s i *kotva* atd. Doklady dovolují tu mluviti zřetelněji.

Jindy by byly doklady z ostatních jazyku, zejména při epenthesi, víc osvětlily čtenáři některé zjevy hláskové a ukázaly jejich chronologii: na př. ἀνήρ ἀνδρός, nombre-numerus atd., ale to bylo, jak řečeno, vyloučeno již plánem práce.

Opakuji: kniha Trávníčkova je práce dobrá, informuje přehledne o dnešním stavu naší mluvnice, má poctivou snahu vyložit jasne a úplne. Jistý neklid, obšírnost při nejistých výkladech, přílišná zaujatost pro nové dialekty a podceňování starých dokladů jsou při prvním pokuse pochopitelné a nezbytné. Nemáme ještě žádné monografie jazykozpytné, jež by ukazovala pomér jazyka individua k celé řeči, jako je na př. Bonnetovo Le latin du Grégoire de Tours 1890; je dost přirozeno, že se dává živé řeči přednost před mrtvou literou. Naše slovníky — i spe-

ciální a akademické k jednotlivým textům stč. — málo si všímají individuality jednotlivých autorů — je tedy těžko zachovat při oceňování jednotlivých zjevů jazykových přesný úsudek. A pro bezpečný výklad o vývoji české kvantity není faksimilovaného vydání Postily z r. 1414, jakož ani přesného rozboru jazyka nejstarších desk zemských z r. 1316—1325 atd. Methoda Zubatého musí státi na pevném podkladu dokladovém: Zubatý sám se sice mohl ve svém základním článku spokojiti staršími doklady, ale nespokojil; nepopíral jich, nýbrž právě vykládal a rozmnožil novými svými. Trávníček vykonal, co mohl v dnešních okolnostech, — a jistě také, jak mohl nejlépe. Vlastní a nejtěžší kus práce naň ještě čeká: tím větší bude jeho zásluha. *V. Flajšhans.*

Miloš Weingart, **První česko-církevněslovanská legenda o svatém Václavu.** Rozbor filologický. Zvláštní otisk ze Svatováclavského sborníku, v Praze 1934.

Recensi píši byv o ni požádán redakcí. Knihu, o niž běží a která je součástí Svatováclavského sborníku, má česká veřejnost více než půl roku v rukou, znají ji nejen naši historikové a filologové, znají ji nebo aspoň měli by ji znáti naši inteligenti vůbec. Ti, kdož ji čtli, učinili si jistě příznivý úsudek o knize sami.

Poněvadž se autor v řečené studii několikrát zmiňuje o jubilejním Sborníku staroslov. literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile, vydaném Českou akademií věd a umění, jehož redakce mi byla svěřena, považuji za vhodné zmíniti se několika slovy předem o této publikaci. Asi v půli června r. 1929 sešla se užší komise členů I. a III. třídy České akademie, která mi uložila, abych vydal staroslov. legendy o sv. Václavu. Někteří pp. členové byli tou dobou již na prázdninách, jiní se omluvili prací, a tak mi nezbylo, nežli dáti se do díla volky nevolky, třebasže ani slibované texty neměl jsem pohromadě. Přiznám se, že jsem tenkrát obětoval celé letní prázdniny na to, abych nepřišel, jak se říká po pohřbu s křížkem, a přes mnohé překážky se mi podařilo asi za čtyři měsíce sestaviti řečený Sborník, který potom mohla Akademie ještě před vánocemi v jubilejním roce rozesílati členům. Byla to poněkud práce kvapná, také jsem v úvodu připomenul, že pp. autoři odpovídají sami za své příspěvky, a dobře jsem cítil, že jen upravuji cestu budoucím. Položil-li jsem ruské texty l. Vostokovovu a t. zv. Minejní na první místo, byla v tom jen zdvořilostní poklona vůči prof. Serebrjanskému; podotýká-li prof. Weingart, že by nezasvěcený mohl býti tím uveden v omyl stran vážnosti textů hlaholských a obou řečených cyrilských, myslím, že z následujícího každý vyčetl, kterým textům jsem dával přednost.

Upřímně vyznávám, že jsem se potěšil, když jsem se poprvé dozvěděl, že prof. Weingart chystá filologický rozbor I. legendy o sv. Václavu, toužebně jsem očekával, co z ní všecko vyčte, a nezklamal jsem se.

V úvodní kapitole podává autor rozbor dosavádních názorů o této legendě. Mluví především o prof. Jagićovi, který dával přednost textu zv. rumjancovskému, jenž podle domnění Jagićova prý zůstane i nadále hlavním rukopisem, zaujímajícím místo první, jakožto bohatější nežli

texty hlaholské, a který není tak pokažený jako text minejní pozdějšími vsuvkami (Rus. Fil. Věst. 48, 95).

Potom probírá prof. Weingart jednotlivá mínění o legendě, jak je měnil prof. V. Vondrák; posledně vrátil se prof. Vondrák k věci ve spise O puvodu Kijevských listu a Pražských zlomku (v Praze 1904), kde se ustálil na tom, že legenda byla psána na charvátském území českým hlaholitou, který náležel ke kroužku kněži z Moravy vypuzených (str. 91—93).

Prof. J. Pekař v ČČH. 1903 s Jagicem si vážil textu Vostokovského, přijímaje bez námitek jeho údaje: hlaholský text měl za pouhý výtah. Ovšem že i Pekař uznává, že legenda byla psána v Čechách, brzy po smrti sv. Václava, a že je nejduležitějším pramenem životopisu sv. Václava, psaným některým z českých nebo moravských kněží, znalých písma slovanského. (Nejstarší kronika česká str. 38.)

Téměř současně s prof. Pekařem vydal prof. Fr. Pastrnek ve Věstníku k. č. Společnosti nauk (v Praze 1903) práci Slovanská legenda o sv. Václavu, v níž rozbírá větu za větou jak textu Vostokovského tak hlaholského (novljanského breviáře) a ukazuje, kde zachoval text hlaholský puvodní čtení proti Vostokovskému nebo i minejnímu. Podle prof. Weingarta dospel prof. Pastrnek v ocenení hlaholských textu nejdále, třebas že nepronesl úhrnný úsudek o jeho přednosti (l. c. 32). Prof. Pekař v ČČH. téhož roku v posudku práce Pastrnkovy (322—329) souhlasil sice s autorem stran porušeného textu Vostokovského, ne však v příčině textu hlaholských: Pekař by rád zachránil vážnost textu minejního, kdežto hlaholský text je mu pouhým výtahem. Tak i v pracích pozdějších 1906 a j.

Připomenu ješte jména prof. Novotného (České Dějiny I 1, v Praze 1912, str. 437) a dra Jana Slavíka (Sborník Miljukova). Novotný vycházel z porušeného textu Vostokovského (vyd. v Pramenech ď. č.), sám pak se držel zastaralého a mylného mínění stran postřižin. Slavík sice odmítá domněnku, jako by text hlaholský byl pouhým výtahem puvodního znění legendy svatováclavské, a připouští, že hlaholský text je blízký puvodnímu znění: zato však Vostokovský text je mu zkrácený text puvodní, pozdějšími vsuvkami rozšířený. Jinak přijímá Slavík chyby redakce ruské, které odsoudil již prof. Pastrnek a tak je u něho zmatek nad zmatek.

To bylo nutné předeslat, aby bylo videt, že Weingart měl příčinu, pro kterou se pustil znova do pečlivého rozboru textu. V kap. III podává rozbor textů charvátskohlaholských (l. c. str. 45—57). Přichází k závěru, že žádný z rukopisu char.-hlaholských není neporušený; nejlepší je text novljanský, který si zachoval většinu puvodní vazby i pořádek slov. Ovšem že i ten třeba leckdes opraviti podle ostatních, zejména tam, kde se text lublaňský a římský shodují. Římský text, ač je poměrně nejstarší, je nejméně věrný, často všelijak zkrácený a meněný. Hlaholské rukopisy pocházejí sice z jednoho pramene, ne však paralelně. Puvodní text byl tedy opsán dvakrát, z těchto opisů z jednoho pochází text novljanský, z druhého pak ostatní (lublaňský, římský a moskevský).

Pod č. 2. téže druhé kapitoly rozbírá autor texty minejní. Této práce se podjal jednak proto, že postřehl, že text, který podal prof. Sereb-

rjanský, takového rozboru opravdu potřeboval, jednak se zřetelem na Pekařovu domněnku o původnosti textu minejního. Výsledek rozboru prof. Weingarta je, že všecky rukopisy minejní redakce patří do jedné třídy a vyplynuly z jedné společné, neznámé předlohy. Tato předloha zachovala v některých bodech původní znění lépe než legenda Vostokovská, ale v podstatě jest jeho nejpozdnější úprava (l. c. 75).

Toto pokažení jeví se zejména v komolení českých osobních jmen, v záměně jména Avraama za Emerama a pod., s druhé strany jsou tu časté vsuvky a frasovité amplifikace, které si vysvětlíme ruským mnišským prostředím (l. c. 76).

Řečeným rozborem přišel prof. Weingart i k bližšímu poznání poměru předlohy minejní redakce k redakci Vostokovské; obě jsou na sebe nezávislé, neboť minejní je někde úplnější a původnímu čtení bližší než Vostokovská, tato pak nemá všech dodatků minejních. Tímto rozborem je podle prof. Weingarta odklizena domněnka, jakoby text minejní byl ohlasem původního znění staroslov. legendy svatováclavské (str. 78).

V kap. III zkoumá autor poměr I. svatováclavské legendy k ostatním církevněslov. textům o sv. Václavu a sv. Lidmile (79 násl.).

Především podává rozbor tří textů proložních (Prologu): stati na den přenesení ostatků sv. Václava, textu o umučení sv. Václava a legendy o sv. Lidmile. Prof. Weingart usoudil, že nejstarší a nejcennější je dosud podceňovaný text o Přenesení. Jediným pramenem této proložní stati byla I. svatováclavská legenda, ne text, z něhož přímo pošel text Vostokovský nýbrž první ruská redakce, psaná kyrilicí, nám nedochovaná (85).

Pramenem k proložní stati Umučení byla opět I. církevněslov. legenda o sv. Václavu, zejména její druhá polovice, opět ne v původním hlaholském znění, ale tak jak ji podávala první ruská redakce. Nebyl to pramen jediný. Autor tu postřehl ohlas církevněslov. legendy o sv. Lidmile, jak poznal již Serebrjanský; mimo to má i W. za jisté, že autor Umučení znal i II. legendu svatováclavskou (z jiných důvodů nežli Serebranskij), jakož i „Žitijnoje skazanie“ sv. Borise a Glěba, byť jen jako schema stylistická (88—89).

Legenda o sv. Lidmile (proložní) je výtah ze ztracené větší církevněslovanské legendy této světice. Po prof. Pekařovi a Serebrjanském připouští existenci této původní legendy nyní i prof. Weingart (89), třebas že podle něho původní širší legenda o sv. Lidmile, nyní ovšem ztracená, byla značně pozdější nežli I. legenda o sv. Václavu. Proložní stati Umučení a legenda o sv. Lidmile snad pocházejí od jednoho autora, který se jeví pozdějším nežli autor Přenesení (90).

V kap. IV. přikročil autor k rekonstrukci původního znění I. svatováclavské legendy (107 násl.) s latinským překladem a s textověkritickými a exegetickými poznámkami (124—138). V poznámkách s akribií probírá slůvko za slovem a připojuje jak po stránce jazykové tak věcné, cokoliv slouží k většímu objasnění původního textu. Ve dvou případech právem opravil i můj text akademického Sborníku, kde jsem při parataktickém spojení participia neprávem vypustil spojku и; pokud se týče věty 3. byl bych čekal stylisaci poněkud jinou. W. píše: немили neznamená nelaskaví, jak překládá Vajs, nýbrž „nemilosrdní“, jak přeložil

Pastrnek, a dokládá se ještě citátem z Havránka. Kdo tu větu bude číst, pomyslí si, Vajs nevěděl, co je мнлъ — немнлн; nedozví se totiž, že jsem v textu k tomu místu připsal poznámku, proč se od obvyklého smyslu uchyluji. Byl bych tudíž čekal poznámku, že autor přes muj výklad trvá na původním smyslu tohoto slova.

V následujících kapitolách V., VI. a VII. oceňuje autor význam vzácného textu I. slov. legendy svatováclavské. V kapitole V. nazývá jejího autora nejstarším českým dějepiscem. Prof. Weingart předem se omlouvá, že tím nijak nechce zmenšovati slávu Pekařova Kristiána; naopak zdůrazňuje, že ani odpor prof. Novotného proti thesím Pekařovým nemůže filologa přesvědčiti, ani projevy Slavíkovy proti jeho podrobným rozborům nemohou býti vážně kladeny (139). I Weingart pokládá pojetí prof. Pekaře za neotřesené (tamtéž). Přes to čestná pojmenování, která přikládal Pekař Kristiánovi a jeho literárnímu dílu, vyhrazuje Weingart neznámému autorovi I. církevněslovanské legendy svatováclavské, kterou klade časově hned za slovanský sakramentář, který byl předlohou Kyjevských listů (140). Samo adverbium нънѣ dvakrát svědčí, že autor psal brzy po přenesení ostatku světce, který se tu jmenuje jen „dobrým a spravedlivým mužem" (141); jeho líčení Václavova života, mládí, postřižin, zejména pak mučednické smrti a všeho toho, co po ní následovalo, svědčí, že snad sám toho byl očitým svedkem. Prof. Weingart psal zejména tuto pátou kapitolu nejen jako filolog, který vypočítává vzácné archaismy ať staroslověnské nebo bohemismy, ale s vroucností kterou o nem rozdmychávala láska k vlasti, když tyto řádky psal. Na str. 148 píše: „Naše legenda je první historický pramen, který výslovně jmenuje Prahu, jako sídlo knížete Václava za živa i po smrti." Smělé ale skvělé zároveň je srovnání autora I. legendy svatováclavské s Janem Křtitelem českého dejepisectva (151).

Kap. VI. První domácí pramen českých dějin (166 násl.) ukazuje, že naše svatováclavská legenda je podobně jako životopisy sv. Kostantina a Metoděje vzácným domácím pramenem historickým prvního řádu, a to jak pro prioritu písma hlaholského, tak pro existenci církevní slovanštiny v Čechách jakož i pro existenci slovanské liturgie u nás. Obsahem ovšem se legenda svatováclavská nevyrovná dílu Kristiánovu, je kratší; Kristián však stavěl na svých předchůdcích, mohl býti proto bohatější, a jak právem Weingart připomíná „jestliže někteří z těch, kdo pochybovali o jeho starobylosti, mohli se pozastavovati nad podivuhodnou historiografickou vyspelostí „první české kroniky", třeba nyní říci, že tato pochybnost je zbytečná; vždyť Kristián jen dále stavel na základech, které mu položil náš církevněslov. legendista" (172).

V kap. VII. označil Weingart I. legendu svatováclavskou jako „první původní dílo české literatury". Proti nedostatečnému ocenění církevneslovanské literatury jak v „Déjinách č. literatury" Jar. Vlčka i Jana Jakubce, zejména však proti A. Novákovi zdůrazňuje Weingart v této kapitole že „počátek naší slovesnosti a slovesné kultury není rok 1306, nýbrž rok 932". Počátky českého spisovného jazyka a českého písemnictví nebyly „pod panstvím latiny", nýbrž byly dříve „ve znamení slovanštiny českého typu". Tak prof. Weingart (177). Autor srovnává ča-

sově naši legendu s ostatními prvními literárními pracemi slovanskými, připomíná, že je více než sto let starší nežli slavná kronika Nestorova (z r. 1110). Nejen stářím ale i obsahem a pro její „hodnoty slovesné“, které tu autor potom rozebírá, zaujímá podle něho v nejstarší literatuře slovanské, ať původní nebo překladové, tato svatováclavská legenda „místo vynikající, ano zcela výjimečné“. Není tudíž divu, že prof. Weingart ve své řeči 5. března t. r. v slavnostním shromáždění Společnosti pro slovanský jazykozpyt k uctění presidenta T. G. Masaryka, — veřejně odmítl nepochopení a nedocenění staročeské literatury v čele s legendou svatováclavskou. V poslední kapitole VIII. jakoby dodatkem k předešlé připojuje a ukazuje slovní poklad legendy. Seznamem slov zakončuje autor plod svojí dvouleté práce.

Prof. Weingart nazval I. slov. legendu svatováclavskou metaforicky „českými pašijemi“ (178), ne bez důvodu. Tehdy snad netušil, že i okolo této jeho skvostné práce budou zaznívat pašijové hlasy. Nemám ve zvyku lichotit, ale myslím, že mohu vhodně svůj referát o ní zakončit připomenutím, že jako tyto české pašije sv. Václava končí slavným převezením jeho ostatků a poctou jeho hrobu, tak i dílo autorovo přes všecky nepříjemnosti s ním spojené zajistí prof. Weingartovi vděčnost nejen filologů a historiků ale i širší české veřejnosti. *Vajs*

Josef Cibulka: **Václavova rotunda svatého Víta.** Rozšířený zvláštní otisk ze Svatováclavského sborníku. V Praze 1933.

Na žádost redakce podávám zde zprávu i o tomto díle; předem však prohlašuji, že nechci a nemohu se pouštěti do recense spisu, který vší svou látkou zasahá a spadá do církevního umění stavitelského. Zde se chci dotknouti pouze stati, která zajímá i filology, především ovšem slovanské, totiž o významu slov v první česko-církevněslovanské legendě црькы възиде надъ н҃имь.

Svůj referát vlastně začínám tam, kde jsem skončil recensi spisu Weingartova o řečené legendě svatováclavské. Jak známo rozpředl se značný spor mezi filology o smyslu slov I. Slovanské legendy, kde se vypráví o zázracích, které se sběhly nad hrobem nebo lépe nad tělem zavražděného sv. Václava. Běží tu vlastně o jeden jediný zázrak, o němž se zmiňuje první slovanská legenda slovy: кръвь же ѥго по три дьни не рачи къ землѭ ити, k čemuž legendista dodává третии же дьнь, вьсѣмъ видѧщемъ, црькы възиде надъ н҃имь, ꙗко дивити сѧ вьсѣмъ (Weingart l. c. str. 123).

Místo samo црькы възиде надъ н҃имь v souvislosti s ostatními slovy ꙗко дивити сѧ вьсѣмъ = templum ascendit super eum, ita ut omnes mirarentur jasné není. Ruské texty mají цр҃кви, kteréž bylo podle rozboru Weingartova již v první ztracené předloze textů ruských; hlaholské čtou цр̇кви (N L) nebo цр҃квь. Podle Weingarta měl původní text nominativ црькы, takže smysl by byl: chrám vzešel nad ním. Prof. Vondrák vykládal цркви jako bezpředložkový lokál црькъви, kterýžto výklad odmítl prof. Pastrnek opíraje se o texty hlaholské. Starý výklad obnovil dr. Slavík a po něm prof. Havránek, ale podle Weingarta marně. Já jsem se sice také přidržel čtení hlaholského překládaje ono místo: chrám vzešel nad ním (Sborník 42), ale přiznávám se, že smysl těch slov mi zůstal záhadným; myslím že tak bylo všem.

Tu přichází velice vhod výklad, který podává spis prof. Cibulky, kde mluví (str. 154—155) o uložení ostatku sv. Václava. Výklad se opírá o Einharduv spis: Translatio et miracula Ss. Marcellini et Petri, MG. Ss. XV 245.

Einhard († 840), přítel a životopisec Karla Velikého, popsal uložení ostatku řečených svetcu takto: „Postridie vero sacra beatorum martyrum corpora novo loculo recondita, in absida basilicae locavimus et, sicut in Francia mos est, superposito ligneo culmine, linteis ac sericis palleis ornandi gratia conteximus. Adponentes altare ac duo vexilla dominicae passionis... locum illum divinis officiis celebrandis pro modulo paupertatis nostrae idoneum atque aptum facere curavimus".

Podle těchto slov by byl smysl řečené věty v staroslov. legendě svatováclavské ten, že již třetího dne po své mučednické smrti došel sv. Václav jakéhosi uctění a oslavení tím, že jeho hrob byl opatřen ozdobnou stříškou neboli ciboriovým baldachýnem. Prof. Cibulka (l. c.) dodává, že ten zvyk nebyl jen ve Fransku, ale také jinde. Ostatně sarkofagy světcu pokrývají se ozdobnými látkami dosud. Kdyby byl prof. Cibulka jedině touto kapitolou přispěl k objasnění řečeného záhadného místa v legendě svatováclavské, dosti by se nám filologum byl zavděčil. Bohužel, že se v citátech staroslov. legend vloudily časté omyly; autor ovšem není filolog, ale tak pěkná a pilná publikace, jako je tato práce prof. Cibulky, by si byla zasloužila, aby příslušná místa některý odborník přehlédl a opravil. *Vajs.*

Ríša veľkomoravská. Sborník vedeckých prác. Sostavil Dr. *Ján Stanislav.* 1933. Nakl. L. Mazáč v Praze. 532 str. in 8⁰.

Predmetem úvah v prítomném sborníku jsou události, které provázely zavádění křesťanství na území říše velkomoravské v devátém století. Je to na predním místě vysvecení kostela nitranského skrze salzburského arcibiskupa Adalrama († 836) a osobnost knížete Pribiny, na jehož majetku tato první historicky dosvedčená svatyne byla postavena. Pozornost budí již jméno vladaře. V latinském pramenu (Libellus z r. 871—873) píše se Priwina. Jelikož slovanský ráz jména je patrný, znělo buď Pribina (jak soudí M. Murko, 65—70), anebo spíše Pribina (od koř. by-: býti, jak etymologicky vysvetloval již Fr. Miklosich a nyní podrobněji oduvodňuje M. Weingart, 324). Pusobení jeho v dolní Pannoniji známe podrobně z naznačeného pramene (Lib.). Pečlivý rozbor těchto zpráv podává jednak M. Weingart (319—358), jednak Milko Kos (53—54). Pozoruhodný jest úsudek Weingartuv, že Pribina byl knížetem, který úplně přilnul k německo-latinskému směru, což mělo za následek, že jeho jméno asi úmyslně se nevyskytuje ve slovanských legendách (347).

Jinak ovšem pohlíží na činnost Pribinovu J. Škultéty (1—24). Co se týče povahy nitranské svatyně, vysvítá z dumyslného výkladu Jos. Cibulky (25—52), že to byl missijní dřevěný kostelík, vlastně jen oratorium (51), bez titulu, bez ustanoveného kněze, určené nejspíše pro tamější osadníky německé. Domněnka, že patronem kostelíka byl sv. Emmeram, oduvodňuje Otto Ritz (71—100). O chrámových stavbách

na hradě nitranském za středověku uvažuje Václav Mencl (265—274). V článku se zdůrazňuje, že kostelík Pribynův z r. 833 byl dřevěný, jenž nestál na místě dnešního biskupského chrámu, jelikož při vykopávkách, konaných r. 1930—1931, nenašla se ani nejmenší stopa v terénu a není tu ani hrobů, které by mohly pocházeti z devátého století. Další řada článků dotýká se říše velkomoravské a působení obou řeckých misionářů Konstantina a Metoděje. K pochopení této historické episody přispívá obšírný výňatek z velkého díla Fr. Dvorníka „Les légendes de Constantin et de Méthode vue de Byzance" (Praha, 1933) a to kapitol, jednajících o stycích velkomoravských s Byzancí (101—161) a dále o Metodějově diecési a boji o Illyricum (162—225.). Rázu všeobecně politického je též úvaha o „církvi a státu v boji o rozšíření křesťanství v IX. století", kterou napsal Ľud. Knappek (231—253). Doklad, že v listině pap. Jana VIII. k Metoději z r. 873 je již vyslovena doktrina o universalitě světské moci papežské, která pak na rozhraní XIII. a XIV. stol. byla jasně vyjádřena, podává Alex. Húščava (255—263). Historické styky mezi Velkou Moravou a Bulharskem, zvláště za vlády Borisovy (852—889), jsou předmětem rozpravy V. N. Zlatarského (275—288), týkající se hlavně zprávy legendy o Metodějově cestě do Cařihradu. Podobně uvažuje Fr. Hrušovský, v článku „Velká Morava a Polsko" (289—317), o místě téže legendy, jež se zmiňuje o panovníku „na Visle". Poučný je dále výklad o „církevní slovanštině u Rumunů" (355—368), v kterém Mihail Pop vyličuje platnost slovanského jazyka v církvi obou rumunských států od počátku až do nejnovějších dob. Stejně významná je úvaha o účasti slovanské v „obrácení Maďarů na víru křesťanskou", o níž svědčí značný počet slov, přejatých do maďarštiny. O nich pojednává Pavel Bujnák (369—409), snaže se dokázati, že tato slova byla Maďarům zprostředkována slovinským a slovenským jazykem (377). Silnou „ozvěnu Velké Moravy ve slovenské literatuře" (411—439) vyzdvihuje Štefan Krčméry, podávaje přehled básníku slovenských, kteří opěvovali velké postavy z dějin velkomoravských, počínaje Janem Hollým a konče nejmladšími básníky Nádašim (Jégé) a Ivanem Stodolou. „Poznámka k slovenským a jihoslovanským jazykovým stykům, kterou napsal Fr. Ramovš (441 až 452), řeší známou otázku o t. zv. jihoslovanských jevech ve střední slovanštině (rat- a -oję). Velmi poučný je dále článek M. Weingarta, který má za předmět „Pojem círk. slovanštiny a její význam pro Slovany, zvl. Čechy a Slováky" (453—471), jednající ve dvou kapitolách o českoslov. typu církevněslov. jazyka a písemnictví. Následuje popis lidového nářečí v okolí Nitry, který sestavil Václav Vážný (473—490), s připojenými ukázkami jednak z horního Ponitří (nář. střední), jednak ze středního Ponitří z osady Šarlužky-Kajsa (nář. západní). Na konec podává Jan Stanislav vylíčení „Dnešního stavu otázky českoslov. prvku v staroslov. památkách" (491—532), což se jeví jako doplněk výše uvedené rozpravy Weingartovy. Z tohoto krátkého přehledu je patrno, že sborník přináší řadu vážných vědeckých projevů, které zajímavě osvětlují první křesťanskou dobu a její činitele na půdě slovenské. *Fr. Pastrnek.*

Olav Rytter: **Slavisk målreising.** Upphavet til dei moderne slaviske literaturmåla (Vznik moderních slovanských jazyku literárních) Oslo, Det norske samlaget 1934. 120 str.

První slavistická kniha, psaná norským jazykem zemským (*landsmål*; jazykem říšským *riksmal* je norská dánština) vybrala si téma vděčné pro Nory, pro než tento spisovný jazyk, vzniklý zároveň a podobně s naší slovenštinou, byl po mnohá desitiletí předmětem urputných sporu literárních a konečne politických, které se končily zrovnoprávněním obou tvaru jazykových. S toho stanoviska srovnává osudy jazyku slovanských.

Referent, který není slavistou, nehodlá sledovat jeho postup, míní spíše, že spis odbornikum slovanským prinese nového málo nebo nic, a vynasnaží se pouze ukázat hlediska autorova. Pokusím se vyložit, co možná jeho vlastními slovy, co míní výrazem målreising: V norském vědomí znamená stvořit kulturní spisovný jazyk z norských nářečí, pěstovat tento jazyk ve všech literárních a praktických oborech a získat mu právo a místo ve všech odvetvích moderního života společenského. Ale odmyslíme-li si zvláštní norský význam slova a bereme je za pojem obecný, pak znamená pozdvižení kteréhokoli jazyka zespisovněním. Proto obsahuje to slovo všechna hnutí a všechnu práci, spojenou s povznesením nespisovného jazyka mluveného na spisovný. Takové hnutí shledáváme u všech národu, od té chvíle, co dosáhly jisté výše kulturní. Dříve nebo později vidíme, jak v jazykové jednotě více nebo méně dialekticky rozpoltěné nastává hnutí (målstrev), chtící vykrystalisovat společný jazyk spisovný. Tento jazyk muže míti ruzný puvod a ruzný osud u ruzných jednot jazykových, ale ty ruzné případy jeví tolik stejných hlavních rysu, že mužeme je nazvat společným jménem målreising. A mužeme to slovo definovat tak, že målreising je konečné utváření spisovného jazyka rostlého na jednom nebo několika nářečích té jednoty jazykové, a práce, aby tento spisovný jazyk stal se společným majetkem dotyčné jazykové jednoty.

To se ovšem nedeje všude stejným zpusobem; ruzné historické osudy, zeměpisné a etnografické poměry pusobí ruzné odchylky a zvláštní vývin v ruzných dějinách jazykových. Historii, která počíná prvním zápisem učiněným, zažije každý jazyk od nejstarsích, začínajících hieroglyfickými nebo klínovými nápisy, až k asijským jazykum, kterým teprv Sověty daly abecedu. Nejstarší tvar jazyka muže se ovšem zachovat ústní tradicí jako v hymnech védských nebo básních Homérových, ale teprve památky psané tvoří skutečnou tradici. Tou se jedno z nářečí vynese nad ostatní a ovládá širokou oblast. Jeden z dialektu italských, jeden z řeckých, jeden ze slovanských representují po mnoho staletí duševní život Evropy mimogermánské. Ale při tom roste rozdíl mezi jejich tvarem, zachovaným v písmě, a jazykem mluveným, který se stále mění, až konečně různá nářečí, v něž se rozpadl, jedno po druhém revolučním krokem se stanou literárními jazyky. A ta historie se pak opakuje: nové jazyky se stanou časem zase klasickými a zase nastane rozpor mezi řečí mluvenou a psanou, která ovšem (dodává referent) zpravidla nevede již k rozpad-

nutí, spisovný jazyk se mění, přizpusobuje se mluvenému, ale škola brzdí a jazyková jednota v nové době utvořená zůstává.

Postup, kterak z makedonského dialektu, mluveného v okolí soluňském, základu to jazyka stvořeného Metodem a Konstantinem, v posledních dvou stoletích se ustáluje řada spisovných jazyků jiho- a východoslovanských, sleduje autor řadou kapitol, z nichž první projednává základ, druhá srbsko-chorvatštinu, třetí bulharštinu, čtvrtá, neobšírnější, ruštinu, pátá ukrajinštinu a běloruštinu, kdežto slovinština uzavírá kruh jazyků západoslovanských, o nichž (polštině, češtině, slovenštině, lužičtině) jedná hlava šestá a k nimž patří svým osudem.

V první skupině snahy *sociální* podkopávají platnost jediného církevního, školního a kancelářského jazyka starobulharského, který v 18. a 19. století ustoupí jazykům národním, podporovaným filosofií osvícenskou, humanitou a konečně romantikou s jejím kultem lidovosti a puvodnosti. Rozličné ty vlivy sleduje Rytter pečlivě, zejména na jazyku ruském počínaje Petrem Velikým a prodlévaje zejména u Lomonosova. Doba tvoření těchto jazyku, po kterou Rytter sleduje jejich historie, spadá v století 1750 - 1850, před kterým se končívají dotyčné kapitoly Rytterovy.

Přes to, že tento målstrev se obrací proti jazyku příbuznému a nadnárodnímu, mísí se v tu snahu i motiv národní, který je hlavní silou v jazycích západoslovanských, bránících se proti jazykum cizím, které z politických příčin nabyly vlády nad nimi. Ale i zde zase pusobí motiv sociální, protože cizí jazyk si podmaní hlavně společensky a majetkově privilegovanou třídu, tak že konec koncu týž proud osvícenství, humanity a romantiky, zbožňující lidovost a puvodnost, nese všechny ty zjevy osmnáctého a devatenáctého století.

Při této zdurazněné jednotnosti a současnosti jakoby bezděčně a nenápadně vsunul Rytter na místo svého målreising cizí slovo renaissance. Skutečné západoslovanské jazyky — mimo jedinou slovenštinu — nedožijí se svého målreisingu v století 18. a 19., nýbrž v čtrnáctém až šestnáctém, a jejich målstrev v době nové chce tyto staré jazyky jen povznést na místo v státu, společnosti, vědě a písemnictví vubec, které kdysi zaujímaly, a zbavit je stop služebnosti, které jim vtiskla cizí vláda. Ten rozdíl se měl zduraznit, místo aby se jaksi zahlazoval pro větší umělecký účinek knihy.

Drasticky lze to ukázat na příkladě češtiny, jejíž osudy sleduje R. na str. 121—131 skutečně s láskou od nejstarší doby do r. 1918. Liší se od pravoslavně slovanských příkladu dokonale. Čteme o úpadku národa, o germanisaci, o obranách 18. století, o Dobrovském a Jungmannovi a t. d. ale jsou ty osudy národa také osudy jazyka? A je sledován, „až je úplně vyvinut"? V době temna vyšlo mnoho kázání svatojanských a ovšem většinou jazykově velmi chatrných, nicméně čtu ve svém Husitství II, 98 že jsou některá z nich, zejména kázání mýtského faráře Jana Libertína, tištěné r. 1730 v Rakovníce, jazykově podivuhodně čistá a mluvnicky správná. To by nebylo lze říci o ruském nebo srbském kázání z toho roku, leda že by bylo starobulharské, kdežto v Čechách spisovný jazyk byl patrně hotový. Byl sice později zněšvařen pohlovi-

nami (o nich nečteme nic), ale takovými škodami prochází každý jazyk spisovný, vzpomeňme si jen na alamodeněmčinu sedmnáctého století, plnou cizích slov a na reakci: řádění puristů. Analogie s utvářením spisovné ruštiny nebo srbštiny tu naprosto není a na skutečný målreising západoslovanských jazyků v knize nedošlo.

Budiž mi dovoleno připojit několik poznámek k stati o češtině. Že „Dobrovský považoval češtinu jen za předmět badání" je sporno, nevím, proč by byl pro jazyk jen filologovi důležitý složil slovník německo-český (Rytter praví omylem: česko-německý), který přece umožňuje, aby lidé německy myslící mohli se vyjádřit po česku. Věta, že „posledním hradem pro češtinu byla *obecná* škola, kde z praktických důvodů nebylo lze zařídit vyučování německé" platí nanejvýše o škole *triviální*, neboť jen tato ubohá škola vesnická byla ušetřena germanisace kvetoucí na školách městských a hlavních, ač i na ní byl ubíjen čas němčinou, uměl-li učitel nebo kaplan německy. Není také asi správné, že *všechna* slova Jungmannem stvořená zobecněla.

Opravu jiného druhu lze připojit k zakončení krátké stati *Sorbisk:* „První desítiletí po válce způsobila dosti značný rozkvět lužičtiny, ale nová správa Německa zahájila kruté pronásledování proti lužickým vůdcům národním a jejich kulturním ústavům". Osud Lužičanů patří, jak se zdá, naopak k vzácným kladům národně sociální vlády. Přizpůsobujíce se moudře novým směrnicím a jsouce nepochybně árijského původu, požívají prý nebývalé poměrné volnosti.

Zajímavé je zakončení stati o slovenštině. „Češi a Slováci si rozumějí bez nejmenších obtíží. Je mnohem menší rozdíl mezi oběma jazyky, než mezi norštinou a švédštinou (ovšem také mezi oběma státními jazyky Norska, dodávám). Budou proto moci žít vedle sebe bez nebezpečí pro československou státní a kulturní jednotu."

Přes námitky pronesené a snad i jiné, které by měl slavista o této prvotině nadaného a velice sympatického mladého Nora, jest uznati, že nadělil svým krajanům velmi poučnou a poutavě psanou knihu o předmětu jejich širším kruhům dosud velmi málo známém, o jazyku národů, z nichž s některými mají sousedské a hospodářské živé styky. O „målstridu", boji některých národů proti nadvládě jazyků cizích, slibuje řadu zvláštních prací a na ty lze se při osvědčených vědomostech autorových jen těšit.

Praha, březen 1935. *Arnošt Kraus.*

Труды Отдела древне-русской литературы I. Акад. Наук С.С.С.Р. Институт русской литературы 1934. Ленинград. Изд. Акад. Наук С.С.С.Р. Стр. 359+1.

Выпущенный Академіей С.С.С.Р. первый том трудов по древне-русской литературѣ является показательным для того оживленія интереса к этой области литературы, которое наблюдается в послѣдніе годы в наукѣ, как в Россіи, так и за границей. Появляющіяся в печати изслѣдованія по этому предмету частью служат дополненіями к сдѣланному уже ранѣе, частью разсматривают тѣ-же вопросы под новым углом зрѣнія, частью являются новыми изысканіями в той или иной области.

Изслѣдованія эти цѣнныя сами по себѣ, не связаны в тоже время какой нибудь общей системой или направленіем; это — отдѣльныя работы по самым разнообразным моментам древней литературы. В сущности такой-же характер носит и разсматриваемый том трудов Академіи СССР; сюда вошли изслѣдованія, касающіяся различных явленій литературы періода XIV—XVII в. в. Единственной внѣшней связью, объединяющей эти работы, является преимущественный выбор для большинства статей литературных тем, в которых так или иначе отражен соціальный момент. Интерес к области историко-литературной методологіи нашел свое отраженіе здѣсь в двух статьях о сравнительном методѣ. Наконец, в этом сборникѣ впервые изданы нѣкоторые памятники древней литературы.

Сборник открывается изслѣдованіем *В. Ф. Ржиги*: *»Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист«.* (Стр. 5—120). Максим Грек, занимающій виднѣйшее мѣсто в древней русской публицистикѣ, выступил с рядом обличеній тѣх язв, которыя разъѣдали современное ему русское общество; в его публицистической дѣятельности нашли отраженіе быт этого общества и его структура в своих главнѣйших проявленіях. Свое изслѣдованіе дѣятельности Максима Грека В. Ф. Ржига дѣлит на двѣ части. В первой разсматривается общественное зло в обличеніях Максима. Здѣсь на первом мѣстѣ стоит столь острый в то время вопрос о монастырях; затѣм слѣдуют обличенія бѣлаго духовенства, боярства, органов административно-судебной власти и, наконец, памфлет, направленный против власти верховной. Во второй части разобраны взгляды Максима Грека на власть и ея внутреннюю и внѣшнюю политику.

Ряд изслѣдователей указывал на общность мотивов в обличеніях монастырскаго быта у Вассіана Патрикѣева и Максима Грека. В. Ф. Ржига подвергает новому пересмотру и сравненію содержаніе произведеній обоих писателей. На основаніи этих изысканій автор указывает, что Максим Грек не только коснулся всѣх вопросов, затронутых Вассіаном, болѣе углубив их, но пошел дальше его, затронув новые моменты. Автор приводит ряд новых отрицательных черт монашеской жизни (гл. обр. высших іерархов церкви), впервые подмѣченных и обличенных Максимом. Этим новым пунктам Максима Грека В. Ф. Ржига ищет конкретных подтвержденій в других памятниках XVI в., литературных или исторических. Это стремленіе автора установить по памятникам факты, вызвавшіе выступленіе Максима, проходит чрез все его изслѣдованіе; т. обр., В. Ф. Ржига параллельно рисует ту подлинную русскую дѣйствительность XVI в., которую правдиво освѣщают обличенія Максима Грека, и дает свидѣтельство о вѣрной оріентаціи этого публициста в явленіях тогдашней жизни. Отрицательных сторон жизни монахов Максим коснулся широко; менѣе разносторонни его обличенія бѣлаго духовенства. В 1551 г. всѣ эти обличенія Максима Грека получили подтвержденіе в постановленіях Стоглаваго Собора. В. Ф. Ржига подробно останавливается на связи между обличеніями Максима и Стоглавом. На эту связь не раз указывали изслѣдователи; Иконников сопоставил обличенія Максима с постановленіями Стоглава. Тщательный

анализ матеріалов приводит В. Ф. Ржигу к заключенію, что правильнѣе сопоставить эти обличенія не прямо с »отвѣтами« Стоглава, а с отдѣльными пунктами того проекта реформ, который под названіем »первых царских вопросов« был предложен царем Собору. И здѣсь автор указывает, что нѣт основаній говорить о непосредственном вліяніи Максима на составленіе этих »вопросов«. Все дѣло было в общем вліяніи Максима Грека на общество. Его сочиненія подготовили настроеніе общества и сознание необходимости реформ церковной жизни, проникшее затѣм в правящие круги. Разрѣшенный автором в такой плоскости вопрос об отношении дѣятельности Максима к Стоглавому Собору (в общем настроенному против Максима) служит ярким доказательством значительности вліянія на современников публицистических выступленій Максима.

Обличенія Максимом Греком правящаго сословія стоят в тѣсной связи с его обличеніями злоупотребленіи судебно-административных властей. Здѣсь В. Ф. Ржига дает общій обзор древней русской обличительной литературы, как историческій фон для пониманія »Слова« Максима, являющагося первым по времени публицистическим выступленіем против неправосудія. Автор констатирует реальную содержательность »Слова« и к прежнему разбору его, сдѣланному Иконниковым, дает дополненія. Детальному разбору подвергает автор памфлет Максима, имѣющий в виду представителей верховной власти (»Слово пространнѣе излагающе«...) и в согласіи с Иконниковым приходит к заключенію, что »Слово« написано между 1533 и 1539 г. г. и изображает русскую дѣйствительность при Еленѣ Глинской; здѣсь опять В. Ф. Ржига приводит ряд фактов, установленных историческими данными и нашедших вѣрный до деталей отголосок в памфлетѣ Максима.

Вторую часть изслѣдованія В. Ф. Ржига посвящает характеристикѣ и разбору взглядов Максима Грека на царскую власть и ея политическія задачи. Идею царской власти Максим поставил на такую высоту, как никто из современников; тут-же он указал позиціи, которыя должны занимать по отношенію к царю власти духовныя, боярство, воинство. В вопросах внѣшней церковной политики Максим выступал против автокефальных стремленій русской церкви, считая такой акт самочинным. Если в этом вопросѣ можно до извѣстной степени предполагать національные мотивы Максима, то таковые уже ясно выступают в области его взглядов на внѣшнюю политику Москвы. Здѣсь В. Ф. Ржига рисует Максима, как горячаго патріота, мечтавшаго о освобожденіи и возрожденіи Византіи под властью московской династіи. Поэтому он настойчиво выступал против стремленій Москвы к союзу с султаном. В концѣ изслѣдованія В. Ф. Ржига дал общую сводку — résumé своей работы и приложил три до сего времени неизданных произведенія Максима Грека.

Часть работы В. Ф. Ржиги является повтореніем результатов изслѣдованій других авторов, но он дополняет эти итоги, частью дает новое освѣщеніе фактам, наконец, находит новые, еще не затронутые моменты в публицистической дѣятельности Максима. Все это дѣлает его работу цѣнной, как матеріал для исторіи русской публицистики. Осо-

бенно цѣнной стороной в этом трудѣ является отмѣченное выше стремленіе автора подтвердить конкретными фактами справедливость обличеній Максима.

Помѣщенный в концѣ статьи упрек редакціи в том, что автор »не выявил места Максима Грека в классовой борьбе«, не может быть принят. Если вообще можно говорить о каких либо зачаточных стадіях классов в то время (классом со складывающейся идеологіей можно в ту пору считать лишь высшее сословіе), то всеже отыскивать для Максима Грека какое-либо мѣсто в »классовой борьбѣ« — безнадежно. Выступая по соображеніям чистой морали против общественнаго зла, безотносительно от кого-бы оно не исходило, Максим Грек стоял внѣ всяких »общественных группировок«. Его выступленія против власть имущих в защиту обездоленной массы исходили из чувства христіанской морали, а не из »классовых соображеній«. Даже в самом жгучем вопросѣ о монастырях, который в итогѣ принял опредѣленную форму вопроса об взаимоотношеніях духовной іерархіи и свѣтской власти, Максим остался на позиціях первоначальной идеи очищенія монашества от злокачественных наростов. Характерно, что, обличая и бичуя общественное зло, Максим нигдѣ не рекомендует внѣшних мѣр воздѣйствія для его исправленія; он считает, что это исправленіе должно исходить из внутренних нравственных свойств человѣка. В своем трудѣ В. Ф. Ржига дает подробный обзор и разбор публицистическаго творчества Максима Грека; к недочетам этого труда нужно отнести отсутствіе в нем характеристики самого Максима, как публициста с яркой индивидуальностью. При наличіи этой характеристики, раскрывающей мотивы и побужденія, руководившіе выступленіями Максима, упомянутый упрек редакціи не нашел бы мѣста.

Во второй статьѣ сборника »*Следы стригольнической книжности*« (стр. 121—136) *А. Д. Сѣдельников* изслѣдует состав и характер литературы, бывшей в обиходѣ стригольников. Автор подвергает отрицательной критикѣ теоріи Успенскаго и Тихонравова о занесеніи стригольничества на Русь извнѣ (с юга и запада) и становится на высказанную Голубинским точку зрѣнія о туземном происхожденіи ереси. В поисках отправного пункта стригольничества, А. Д. Сѣдельников изслѣдуя движенія религіознаго характера на Руси в началѣ XIV в., обращает вниманіе на Тверь. Борьба с симоніей, легшая в основу стригольническаго движенія, была в эту пору острым предметом тверской полемики против митрополита Петра; цѣнным памятником этой полемики является посланіе Акиндина. И Тверь, »где происходил у местных книжников спор с митрополичьим святокупством«, А. Д. Сѣдельников считает началом пути зарожденія стригольнической мысли и дальше рисует такую картину. Опустошительное нашествіе татар на Тверь в 1327 г. заставило массу населенія бѣжать из тверского княжества в сторону Пскова и Новгорода; сюда-же из Твери эта эмиграція принесла отзвуки недавней полемики, память о еп. Андреѣ, а, возможно, и часть рукописей. Старая оппозиція против Москвы, княжеская вражда, тверская враждебность к митрополіи нашли отголосок в псковской церковной общинѣ; дѣятельность-же митроп. Өеогноста и Василія Калики вновь обострили

здѣсь среди масс вопрос о »мздѣ«. Так, полагает автор, сложились условія для выступленія діакона Карпа с товарищами. Это мнѣніе автора и нарисованная им картина — убѣдительны. Но, справедливо указывая на Тверь, как на подготовительную для стригольничества почву, автор не дает здѣсь хотя бы краткаго, в видѣ указаній, обзора и оцѣнки этих тверских событий, которыя вскорѣ оказались столь чреватыми по своим послѣдствіям. Дѣло заключалось не только в спорѣ тверских книжников. Вопрос о »мздѣ за поставленіе« был уже очень актуален на Руси задолго до описываемых тверских событій [1]), но никогда он не достигал такой остроты, как в это время в Твери. Важнѣйшими моментами здѣсь, вызвавшими широкую огласку, были присылка патріаршаго уполномоченнаго для разбора жалобы еп. Андрея и бурно протекшій собор в Переяславлѣ Залѣсском в 1310 (или 1311) г. Половинчатое рѣшеніе этого собора, оправдавшее митрополита [2]), но и не осудившее вмѣстѣ с тѣм его »клеветника« еп. Андрея, могло повести лишь к большему обостренію вопроса о грѣхѣ святокупства и к сознанію своей правоты у тверичан, выступивших против »мздовзиманія«. Низшее духовенство, интересы котораго прямо затрагивались вопросом о святокупствѣ, не могло не реагировать горячо на это дѣло протеста; чрез него вопрос этот легко проник в массы тверского населенія, а затѣм был унесен в Псков и Новгород путем, установленным А. Д. Сѣдельниковым. И именно потому, что он явился сюда еще во всей остротѣ своей, он оказался той дѣйственной почвой, на которой легко могло возникнуть стригольничество. Не нужно забывать, что уже в Твери ревнители протеста против святокупства дошли в своих положеніях до тѣх крайностей, которыя явились исходным и основным пунктом для идеи стригольничества; т. напр. Акиндин пишет: »возьмет хотя и мало что от поставленія, то уже епископ не епископ и пріобщающіеся от него с ним осудятся«.

Приняв за основное положеніе туземное происхожденіе стригольничества, А. Д. Сѣдельников ищет среди русской же письменности памятников стригольнической книжности. О том, что стригольники оперировали книжным матеріалом, не может быть сомнѣній, но прямых указаній на него нѣт. Упоминается о »книжном списаніи« Карпа, но до нас оно не дошло. Св. Стефан Пермскій в бытность свою в Новгородѣ написал против стригольников »Списаніе« (довольно слабое по убѣди-

[1]) Так, напр., в 1274 г. митроп. Кирилл III на соборѣ во Владимірѣ составил »Правило« — предписанія, направленныя против церковных злоупотребленій и моральнаго упадка духовенства и народа. Видное мѣсто в этом »Правилѣ« занимает первый пункт: »против симоніи и сребролюбія епископов и о поставленіи в низшія духовныя степени за плату« (Голуб.). Характерно, что из этого »Правила« в его позднѣйших списках переписчиками были выкинуты всѣ главы, касающіяся святокупства — явленіе, аналогичное с тѣм, которое устанавливает А. Д. Сѣдельников, изслѣдуя причины исчезновенія из позднѣйших редакцій сборников тѣх произведеній, которыя примыкали к стригольнической идеологіи.

[2]) О том, что эти обвиненія митр. Петра были очень тяжки, писал митрополиту сам патріарх. На соборѣ этом наряду с духовенством участвовали и свѣтскія лица.

тельности), в котором, упрекая их в фарисействѣ, говорит: »Изучисте словеса книжныя, яже сладка суть слышати хрестьяном«. Это важное показаніе свидѣтельствует, что стригольники пользовались книжностью, но что это не была какая-нибудь особая специфическая литература, расходящаяся с церковной догмой. Отсюда можно заранѣе предполагать, что книжность стригольников не выйдет из обычнаго книжнаго круга и скажется, гл. обр., в опредѣленном подборѣ произведеній, так или иначе примыкавших к идеологіи стригольников. В этом направленіи А. Д. Сѣдельников произвел обширное и детальное изысканіе среди памятников сѣверно — и среднерусской письменности и обнаружил существованіе литературы, входившей в обиход стригольников, именно такого состава. Анализ ряда »Поученій«, »Слов«, которыя по своему содержанію могли быть использованы стригольниками, приводит автора к заключенію, что это были оригинальныя русскія произведенія (лишь на основѣ переводнаго матеріала) происхожденія до татарскаго или ранняго татарскаго періода. Уже здѣсь изслѣдователь обнаружил не только слѣды недовольства духовенством, но и явныя попытки проповѣдничества от лица мірян, уходящія за XIV в.; всѣ эти произведенія не могли исходить с церковнаго амвона. Цѣнным является изслѣдованіе автором состава двух редакцій Измарагда. В старшем типѣ этого сборника ярко выступает подбор статей с характерными мотивами, отражающими идеологію стригольников; здѣсь обличенія по адресу духовенства, піэтет перед Евхаристіей примѣнительно к недостойным священнослужителям, мотивы права учительства мірян и т. д. Всѣ эти мотивы так тщательно выброшены или измѣнены в составѣ младшаго типа Измарагда, что не остается сомнѣнія в наличіи здѣсь продуманнаго тенденціознаго внесенія измѣненій; ясно обнаруживается стремленіе выкинуть из подбора старшаго списка всѣ слѣды враждебной стригольнической идеологіи. Сравненіе состава этих двух редакцій Измарагда и опредѣленіе измѣненій в этом составѣ было сдѣлано в 1893 г. В. А. Яковлевым. Заслугой А. Д. Сѣдельникова является обнаруженіе опредѣленной тенденціи этих измѣненій и указанія на близость старшаго типа к стригольнической идеологіи.

А. Д. Сѣдельников устанавливает, что старшій Измарагд — происхожденія не позже XIV в. Безусловно псковско-новгородскаго происхожденія автор считает сборник Софійскаго Новгородскаго собранія № 1262, тоже XIV в.; и в составѣ этого сборника обильно представлены элементы того, что составляет искомую автором стригольническую литературу, того, что могло служить матеріалом для стригольнической проповѣди. В этом сборникѣ автор подробно останавливается на разборѣ текстов »Слова о лживых учителях«, а, гл. обр., »Власфиміи«, переводнаго с греческаго трактата против святокупства. По поводу »Власфиміи« Пл. Соколов высказал (в 1913 г.) предположеніе, что ея главами пользовались тверскіе противники митроп. Петра, и что в связи с этой полемикой появился ея перевод. А. Д. Сѣдельников находит подтвержденіе этой мысли, указывая на созвучіе »Власфиміи« с другими статьями Соф. сборника; кромѣ того, здѣсь он видит и «историческую обстановку передвижения стригольнической идеологии в Псков и Нов-

город из Твери». Здѣсь слѣдует обратить вниманіе еще на один момент. Можно говорить, как это дѣлает А. Д. Сѣдельников, именно только *о слѣдах* стригольнической книжности и лишь по этим слѣдам устанавливать ея состав и характер. Обнаруженная автором тенденція тщательнаго уничтоженія всего, что было связано с идеологіей стригольников, повела, конечно, к исчезновенію соотвѣтствующих памятников; сохранившіяся произведенія с такими мотивами необычайно рѣдки. Если принять во вниманія очень возможное положеніе Пл. П. Соколова о происхожденіи перевода »Власфиміи«, то этот примѣр говорит за то, что стригольники, по крайней мѣрѣ на первых порах, не нуждались остро в списках нужнаго матеріала, вышедших непремѣнно из под их пера; видимо, недавняя тверская полемика уже приготовила отчасти для них нужный подбор матеріалов во всяком случаѣ по вопросу о грѣхѣ святокупства. Эта мысль находится в соотвѣтствіи с высказанным А. Д. Сѣдельниковым в началѣ его статьи предположеніем, что вмѣстѣ с тверской эмиграцей часть тверских рукописей могла попасть в Псков и Новгород.

Труд А. Д. Сѣдельникова бросает свѣт на почти незатронутый наукой момент из исторіи стригольничества.

Статья М. Н. Сперанскаго *»Эволюция русской повести в XVII веке«* (стр. 137—170) является цѣнным вкладом в исторію этой эволюціи, до сего времени так мало освѣщенную изслѣдованіями. Предметом статьи служит разбор двух малоизвѣстных повѣстей, относящихся к XVII в., т. е. к періоду, когда в русской жизни и литературѣ начался перелом в сторону Запада. Вниманіе изслѣдователей этого періода обычно было сосредоточено на передовой литературѣ, создававшейся преимущественно в верхних кругах русскаго общества. М. Н. Сперанскій обращается к литературным интересам и движенію в средних и низших классах грамотных людей, в средѣ которых этот сдвиг к Западу выразился неодинаково. В этой средѣ он намѣчает одну группу, которая, еще не оторвавшись от литературных интересов предшествовавшаго времени, но уже реагируя на новую струю в литературѣ, создает в XVII в. нѣчто своеобразное, иное, чѣм простое обращеніе к Западу; здѣсь появляются новыя черты, вырабатывается свое отношеніе к матеріалу, своя форма и стилистика, отличныя от остальных. Всѣ эти новыя особенности литературныя и психологическія автор устанавливает из анализа двух повѣстей, носящих одинаковое названіе: *»Слово о благочестивом царе Михаиле«*. При помощи сравнительнаго метода он опредѣляет источники, послужившіе для них матеріалом (хроника Георгія Амартола, русскій хронограф, библейскій разсказ о Валтасарѣ); затѣм тщательно слѣдит за ходом использованія и обработки этого матеріала, изслѣдует весь процесс творчества и дает картину свободнаго отношенія составителя повѣсти к ея источникам. Заимствуя не только общую канву, но и отдѣльные мотивы и эпизоды, этот составитель придает им тот или иной смысл, иныя комбинаціи по своему усмотрѣнію, переносит их из хроник в реальную обстановку, сохраняя лишь общую мысль. Отсюда автор дѣлает вывод: над составителем теперь уже не тяготѣет традиціонная и характерная для прежняго времени боязнь отступить от написаннаго

в книгѣ; в его сознаніи его собственное творчество уже имѣет право на выраженіе. В живую обработку темы составитель вносит еще свою наблюдательность и чувство окружающей дѣйствительности. Особенно в первой повѣсти М. Н. Сперанскій устанавливает много реально-бытовых черт чисто русских, даже московских; это позволяет ему предполагать, что повѣсть во всяком случаѣ сложена в центральной Руси. Такая мысль подтверждается изслѣдованіем автора композиціи и строенія повѣстей. Здѣсь онѣ полны элементами близкими к русскому устному, а не книжному творчеству. Уже начало повѣстей напоминает обычный зачин сказок; затѣм идут формулы повтореній, обычныя для сказок эпитеты и т. д. Изслѣдуя язык повѣстей, автор опредѣляет, что он по словарю и формам близок к произведеніям устной словесности и живой рѣчи. Как новую черту нарождающейся повѣсти, автор отмѣчает: составителем уже не руководит прежняя традиціонная нравоучительная или религіозная цѣль; его интересует прежде всего занимательность сюжета, цѣль его — эстетическая — т. е. пред нами произведеніе повѣствовательнаго жанра уже в том литературном смыслѣ, какой повѣсть пріобрѣтает в послѣдующій період литературы. Анализ міросозерцанія и литературных вкусов слоев тогдашняго общества приводит автора к выводу, что составитель этих повѣстей принадлежал к опредѣленной группѣ носителей и любителей литературы из средних, вѣроятно городских слоев московскаго грамотнаго общества. Автор указывает на сродство этих повѣстей с рядом других произведеній, создавшихся в этой-же средѣ в XVII векѣ.

Этот небольшой по объему труд дает ясную картину эволюціи в повѣствовательном творчествѣ указаннаго общественнаго слоя XVII в. Но значеніе этого труда не исчерпывается только историко-литературной стороной. Для каждаго изслѣдователя литературы он представляет высокую цѣнность, как методологическій образец анализа. К своему изслѣдованію М. Н. Сперанскій приложил тексты обѣих повѣстей; таким обр., здѣсь можно на текстах, идя за указаніями автора, прослѣдить шаг за шагом весь путь, по которому создавалась композиція повѣстей, и на матеріалѣ увидѣть складывающуюся поэтику новой русской повѣсти, історія которой протекает уже в XVIII вѣкѣ.

В статьѣ »*Праздник кабацких ярыжек*« (стр. 171—247) *В. П. Адріанова-Перетц* дает разбор сатиры второй половины XVII в., являющейся пародіей на церковную службу. В. П. Андріанова рисует тот исторически- бытовой фон, на котором создалась сатира; на основаніи текста она разрѣшается вопрос о том, из какой среды вышел ея автор, устанавливает в деталях ту церковную службу (вечерню), которую пародирует автор, и которая заканчивается пародіей на житіе мученика; параллельно приводит пародируемые церковные тексты, изслѣдует язык сатиры. На протяженіи всего этого весьма обстоятельнаго изслѣдованія красной нитью проходит стремленіе автора подчеркнуть идеологическое направленіе сатиры. В. П. Адріанова относит это произведеніе к разряду тѣх памятников, которые отразили в себѣ протест автора против современных соціально-экономических явленій и их оцѣнку в духѣ классовой идеологіи (171): »служба кабаку« представляет собой типич-

ный образец *политической* пародіи« (205). В этой сатирѣ В. П. Адріанова усматривает »критику целой системы спаиванія« (210). В сущности в этой плоскости она ведет свое изслѣдованіе, параллельно с формальным разбором.

Нарисовав подробную картину пьянства и кабацкаго дѣла на Руси по отзывам иностранцев и документам, В. П. Адріанова переходит к »идеологической установкѣ« автора (192—193). Этот вопрос она разрѣшает довольно примитивно. Выбрав из текста ряд отрицательных эпитетов, которыми автор пародіи обильно награждает кабак, В. П. Адріанова считает, что идеологическая установка этим опредѣлена (193); раз автору ненавистен кабак, то, слѣдовательно, он »несомнѣнно настроен оппозиціонно и радикально« (206), а его сатира есть протест против кабацкой монополіи, ведущей классы к обнищанію. Такая постановка сама по себѣ мало убѣдительна, а просмотр текста »Праздника« (приложеннаго в концѣ статьи) приводит к заключенію, что дѣло идет совершенно не о экономическом протестѣ, для обнаруженія котораго в текстѣ в сущности нѣт и данных. И не случайно поэтому В. П. Адріанова подкрѣпленія своей мысли ищет больше в исторических данных, чѣм в текстѣ сатиры. А этот текст ясно говорит, против кого было направлено остріе сатиры. Еще Викторов, описывая рукопись »Праздника«[1]) правильно указал, что сатира направлена *против пьяниц*. И это проходит красной нитью от начала до конца пародіи. Разбор В. П. Адріановой вопроса о том, кто был автор сатиры, не оставляет сомнѣнія, что это был спившійся представитель низшаго духовенства; он сам был одним из тѣх »питухов голянских«, которых сгубило изображенное им в пародіи *невоздержанное пьянство*. И в его сатирическом бичеваніи пьяниц собутыльников ясно звучит насмѣшка над самим собой, т. е. мы тут имѣем дѣло с картиной автобіографической; особенно выпукло это выступает в лирических отступленіях в пародіи, идущих от перваго лица. Конечно, автор, сознавая свое паденіе в кабакѣ, не мог питать добрых чувств к этому кабаку, от котораго он не в силах оторваться — это и сказалось в его эпитетах (»грѣху учитель«, »несытая утроба«, »от добра отводитель«, и т. д.). Но на этом его отношеніе к кабаку и заканчивается и нигдѣ не переходит в »критику государственной системы спаиванія«. Автор сатиры выступает не против употребленія вина, а против безудержнаго пьянства: »невинно бо есть нам вино, но проклято есть пьянство с неудержаніем. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель« (220). Такія мысли разбросаны по сатирѣ и являются ея лейт-мотивом. Отвѣтственность за нравственное паденіе и нищету автор прямо возлагает на самих пропоиц, »иже *от своего неразумия* страждущих«[2]): »воспоите песни нелепые пропоицам, яко *из добрыя воли* избраша себе убыток« (219); »*сам себе* душегубец и убийца являшеся« (220) и т. д. Характерно признаніе самого автора, почему он ненавидит кабак: »многими и великими язвами с похмелья уязвляемся в кабаке, вси есми страждем *от своего неистовства*; сего ради кленем тя а не можем лишитеся« (232). Автор опредѣленно подчеркивает свобод-

[1]) А. Викторов. Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева. 1881. Москва.
[2]) Курсив вездѣ наш.

ную волю пропоицы и вины с него не перекладывает на кабак: »злым делом, кабаче, сокровище бываеши, и нас приходящих к тебе обнажаеши, но силою никого не призываеши«... (233). Все это не позволяет согласиться с мнѣніем В. П. Адріановой, что автор, проявляя сочувствіе к пьяницѣ (194), »всю силу своего негодования обрушивает на кабак« (192). Изслѣдованіе таких мыслей автора, разсѣянных в его пародіи, дает болѣе правильное представленіе о идеологической установкѣ автора, чѣм оперированіе одними лишь эпитетами кабака. Противорѣчит теоріи В. П. Адріановой о протестѣ против государственной монополіи общій взгляд автора на питейные притоны независимо от их происхожденія: для него безразлично — частная ли это корчма или государственный кабак; отношеніе его к обоим одинаково.

С начала до конца автор описывает паденіе пьяницы. Запойная карьера его начинается задолго до кабака в средѣ, окружающей его отрочество: »исперва бо младыми отрочаты будучи неволею нудими бывают пити от родителей своих или от другов«... (217). С ужасающей конкретностью автор изображает затѣм »скаредное житие новых мучеников«. Таким обр., эта пародія является типичной *бытовой* сатирой, а не политической. Все вниманіе ея автора сосредочено на житіи этих пьяниц; а в концѣ сатиры, выпав из пародійнаго стиля, он ясно дает понять смысл своего произведенія, так говоря о пропоицах: »Аще бы такия беды бога ради терпели, воистину бы были новые мученики«... »Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда вспомянут родители своя и наказание их, и ничтоже им поможет« (243). О том, что вся сатира направлена именно и только против пьяниц, имѣется прямое свидѣтельство современника (предисл. к списку Рум. музея), который говорит о впечатлѣніи, производимом на кабацких пропоиц чтеніем сатиры: они бѣсятся и не могут ее слушать (245). Этот-же современник в своей припискѣ ясно указывает на цѣль »Праздника«, »которои обличает и гаждает пианиц да тем устрашает прочих« (245). В. П. Адріанова неудачно пытается обойти этот подводный, опасный для ея теоріи камень и тут впадает в противорѣчіе; с одной стороны она указывает, что »в этой безнадежно опустившейся среде« не могли »осознать этот соціальный момент сатиры« и »оцѣнить Кабацкий праздник, как критику целой системы спаивания» (210), а с другой — полагает, что автор, поднявшійся до такой критики этой системы »сам был из этих жалких питухов« (194).

Большим недочетом труда В. П. Адріановой является то обстоятельство, что она изслѣдовала сатиру совершенно изолированно от общаго *литературнаго* фона того времени и не затронула цѣлаго ряда произведеній литературных и народных, современных »Празднику« и идеологически тѣсно с ним связанных трактовкой того-же самаго мотива и тѣм-же самым направленіем [1]). Сопоставленіе »Праздника« с этими произведеніями дает цѣнный и исчерпывающій матеріал для пониманія той

[1]) Сюда относятся, напр., »Повѣсть о высокоумном Хмѣлю и худоумных пьяницах«, »Слово о лѣнивыхъ и сонливыхъ и упіянчивыхъ«, »Слово о пьянствѣ«, знаменитая »Повѣсть о Горѣ-Злочастіи« и др. Из народных произведеній к той же группѣ относятся: »О горюшкѣ и добромъ молодцѣ«, »О горюшкѣ сѣромъ и Упавѣ-молодцѣ« и др.

бытовой атмосферы, в которой слагалась эта сатира, и установки, против кого она была направлена. Внѣ связи с этой родственной ему литературой, »Праздник« изучать невозможно. Интересно, что здѣсь не только общи основные мотивы, но в »Праздникѣ« мы имѣем отдѣльныя мѣста и положенія, совершенно сходныя с таковыми-же в »Повѣсти о Горѣ-Злочастіи«, в народных пѣснях о молодцѣ-пьяницѣ; напр., мысль о том, что паденіе пропоицы есть результат неповиновенія родительскому наказанію; затѣм мотив о »дальней сторонушкѣ« и др. Вмѣсто этого естественнаго и необходимаго изслѣдовательскаго пріема — разсматривать данное провизеденіе в плоскости современных ему аналогичных произведеній, отразивших тоже бытовое явленіе, В. П. Адріанова останавливается здѣсь на политических сатирах-пародіях XX в. (стр. 212, 213), ничего общаго, кромѣ внѣшней формы пародіи с »Праздником« не имѣющих.

К изслѣдованію приложен текст »Праздника ярыжек«. Судя по отдѣльным цитатам этого текста, изданным ранѣе А. Викторовым, можно заключить, что В. П. Адріанова измѣнила здѣсь орѳографію подлинника: этот памятник XVII в. дан ею в т. наз. новом правописаніи.

Цѣнная в библіографическом отношеніи статья В. Ф. Покровской »*Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ*« (стр. 249—297) — по неизданному Тихонравовскому списку с варіантами по всѣм извѣстным спискам — дает подробный обзор изученія этой »Повѣсти«, приводит перечень и оцѣнку существующих изданий ея, а затѣм дает краткую характеристику отдѣльных ея списков. Параллельно В. Ф. Покровская намѣчает ряд вопросов, связанных с изученіем »Повѣсти«. К статьѣ приложены тексты »Повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ«: 1) Повѣсть по рукописи Н. С. Тихонравова и 2) текст Повѣсти по рукописи И. Е. Забѣлина. Тексты даны с сохраненіем орѳографіи подлинников.

В статьѣ »*Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма*« (стр. 299—326) М. А. Яковлев дает критику методов историко-литературнаго изслѣдованія. Плоскость, в которой автор проводит свою критику, он опредѣляет двумя положеніями: »чистой науки нет и никогда не было«... и »основная задача науки — классовая борьба за уничтожение эксплоатации и угнетения« (300). М. А. Яковлев выдвигает эти исходныя положенія свои, как »аксиому« (300), ибо так заявил Маркс в »Коммунистическом Манифесте« (300—301). Такую позицію должна занять, по мнѣнію автора и »литературоведческая наука«. Помѣстив затѣм цѣлый ряд цитат Маркса, Энгельса, Ленина и др. автор переходит »к вопросу о сравнительном методе *в практике* науки о русской литературе«. Разобрав ряд научных работ Тихонравова, Галахова, Пыпина, Веселовскаго, Кадлубовскаго, Жданова и др., М. А. Яковлев находит в них существенные недочеты, причину которых он видит в примѣненіи авторами сравнительнаго метода. Исходя из положеній марксизма-ленинизма, Яковлев считает, что сравнительный метод — по Ленинскому опредѣленію метод метафизическій — характерен своей статичностью и не может претендовать на научную цѣнность. Автор предлагает провѣрить этот метод »на процессе *классовой* борьбы и сделать *иные* выводы, которые буржуазные ученые сделать не могли« (316). В главнѣйшем критика М. А. Яковлева сводится к положенію,

что прежній сравнительный метод не удѣлял в изслѣдованіях должнаго вниманія и мѣста *соціальному моменту*, марксистскій-же метод литературовѣдѣнія (»проблема вліяній«) как раз уходит в эту нетронутую область и дѣлает ее важнѣйшим пунктом изслѣдованія; при этом автор снова приводит ряд *теоретических* положеній марксизма в пользу рекомендуемаго им метода.

Не будем здѣсь разбирать вопроса о научной цѣнности сравнительнаго метода — это значило-бы повторять то, что говорит об этом в своей статьѣ (слѣдующей) проф. Перетц. Укажем лишь, что М. А. Яковлев подвергает сомнѣнію эту цѣнность именно в *практическом* примѣненіи метода в изслѣдованіях. Дѣйствительно, касаясь критики этого метода у упомянутых »буржуазных ученых«, Яковлев приводит сначала их теоретическія соображенія, а затѣм показывает, как *эта теорія осуществлялась ими на практикѣ*, и какой далекой, по его мнѣнію, оказалась здѣсь теорія от практики. Перейдя затѣм к марксистскому методу литературовѣдѣнія, М. А. Яковлев, присовокупив массу цитат идеологов марксизма, осторожно останавливается лишь на этой области *чисто теоретических* соображеній, совершенно обходя вопрос (самый важный), как-же *на практикѣ* осуществляются эти отвлеченныя соображенія. Уже здѣсь положенія Яковлева теряют большую долю своей убѣдительности. Если-же вспомнить, что автор базирует свою теорію исключительно на теоретических положеніях соціально-экономической доктрины, которыя он пытается пересадить на почву литературовѣдѣнія, то слѣдует особенно осторожно отнестись к его соображеніям до провѣрки их на практической работѣ над матеріалом; до тѣх пор научнаго значенія онѣ имѣть не могут. При чтеніи статьи М. А. Яковлева невольно приходит на мысль одно положеніе из этого-же сборника (стр. 335): »Слепое доктринерство никогда не приводит к удачным плодотворным результатам, особенно тогда, когда оно препятствует реальной работе и заменяет ее подбором цитат на манер средневековых схоластов, правда из хороших книг, но механически усвоенных и не примененных к продуктивной работе над материалом«.

Соціальный момент, на который кладет центр тяжести марксизм, конечно, очень важен, но заслуга введенія его в сферу истор.-литературных изысканій не может быть приписана марксизму; еще в трудах А. Н. Веселовскаго, который марксистом не был, этот момент нашел самое широкое мѣсто, и тѣм болѣе широкое, что работа этого ученаго не была стѣснена доктринами, ставящими наукѣ чуждыя ей цѣли, как, напр., обязательное служеніе опредѣленному классу.

Небольшая, но содержательная статья В. Н. Перетца »К вопросу о сравнительном методе в литературоведении« (327—339) может служить образцовым методологическим руководством при истор.-литературных изысканіях. Она касается, гл. обр., вопроса, пригоден-ли и нужен-ли при современных условіях сравнительный метод для работы историка литературы и что он дает. Автор указывает, что заимствованіе есть явленіе неизбѣжное и закономѣрное, и считает, что для литературовѣда весь вопрос заключается здѣсь в опредѣленіи, как происходит это заимствованіе, по каким причинам, к чему ведет и для кого осу-

ществляется. Всѣ виды заимствованія могут быть обнаружены лишь при помощи сравнительнаго метода. Автор подчеркнул историческую заслугу тѣх ученых, которые обосновали и показали на практикѣ в своих трудах принципы этого метода; они произвели громадные сдвиги в пониманіи литературных памятников. Далѣе В. Н. Перетц точно опредѣляет сущность сравнительнаго метода, выработанную научной практикой; рядом указывает на конкретные случаи ошибок, возможных при неумѣлом или неосторожном пользованіи этим методом. Считая, что конечное обслѣдоване литературнаго матеріала со стороны соціологической необходимо, автор в итогѣ приходит к такому положенію: »Сравнительный метод в процессе работы литературоведа необходим, как метод подготовительный обработки литературного материала для последующего анализа его с социологической точки зрения. Не обследованный с точки зрения его происхождения памятник литературы . . . не может быть с достаточной уверенностью использован для дальнейших построений, как материал для истории литературы« (338). В. Н. Перетц предостерегает историка литературы от взгляда на сравнительный метод как на систему философских понятий идеалистических или матеріалистических; метод этот должен оставаться лишь рабочим пріемом для обнаруженія культурных и литературных связей.

Статья В. Н. Перетца по существу является научно обоснованным и исчерпывающим возраженем на теоретическія положенія М. А. Яковлева по вопросу о методах. Рѣзкое расхожденіе во взглядах этих двух ученых не ограничивается лишь областью методов. Отмѣтим здѣсь характерный случай. Касаясь извѣстнаго агиографическаго изслѣдованія проф. Кадлубовскаго [1]), В. Н. Перетц говорит, что »оно подрезало оффициальныя воззрения на жития и показало, что некоторые памятники этого рода суть лишь переделки на русский лад греческих *одноименных* святых. Можно себѣ представить каким ударом по клерикализму были такие исследования. »Pia fraus« была ими разрушена«... (336). По поводу »идеологического значения« той-же книги Кадлубовскаго М. А. Яковлев пишет: »автор является проводником оффициального клерикализма, как одного из основных элементов ведущей буржуазной идеологии« (313). Одновременно такія два мнѣнія существовать не могут. Для знающих труд Кадлубовскаго очевидно, что здѣсь акад. Перетц дал вѣрную и мѣткую оцѣнку значения этого труда; рядом оцѣнка М. А. Яковлева вызывает недоумѣніе: на основаніи чего он мог сдѣлать такой вывод?

Страницы 341—350 заняты очень подробным научным разбором В. Н. Перетца академическаго изданія »*Слова Даниила Заточника* по редакциям XII и XIII в. в.«, вышедшем в 1932 г.

Заканчивается сборник статьей *М. Н. Сперанскаго*: »*Критико-библиографическия заметки о новых трудах по истории древне-русской литературы*« (стр. 351—359). Рисуя современное состояніе этой области науки в Россіи и заграницей, автор отмѣчает особый интерес к древней и старинной русской литературѣ в Германіи, Чехословакіи и Франціи,

[1]) А. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древнерусской литер. житій святыхъ. 1902. Варшава.

что он ставит в связь с тѣм общим интересам, который проявляет Зап. Европа по отношенію к исторіи и культурѣ европейскаго Востока. Перечисляя изданія Академіи и заграничныя, М. Н. Сперанскій указывает, что всеже эта литература в изданіях занимает довольно скромное мѣсто. Переходя к обзору вышедших за послѣдніе годы научных работ, автор разбирает содержаніе I тома Трудов Съѣзда Славистов в Прагѣ, давая краткую характеристику помѣщенных там изслѣдованій по старой русской литературѣ. Болѣе подробно М. Н. Сперанскій останавливается на журналѣ »Slavia«. Указав, что »ближайшая наследница (как по плану, так и по выполнению его) Ягичева »Архива« пражская »Slavia« отводит значительное место русским сотрудникам и статьям, посвященным русской литературе«, автор переходит к перечню и критическому обзору работ по древнерусской литературѣ в томах IX и X этого журнала. Из других журналов М. Н. Сперанскій упоминает »Byzantino-slavica«, помѣстившую одну статью (В. М. Истрина), имѣющую отношеніе к исторіи древне-русской литературы, и »Revue des études Slaves«, гдѣ вышла статейка A. Mazon'а, касающаяся этой литературы. *Янина Висковатая.*

Venceslas Lednicki, (Professeur á l'Université de Cracovie). **Quelques aspects du nationalisme et du christianisme chez Tolstoï.** *Les variations tolstoïennes à l'égard de la Pologne.* Cracovie, 1935. 100 pp.

Проф. Ледницкій несомнѣнно оказал услугу французскому обществу, подарив ему свой красивый этюд о Толстом, знакомый ранѣе по польскому изданію 1929 года. Как ни странно, но французская литература гораздо бѣднѣе серьезными трудами о Толстом, чѣм большинство других европейских стран. Если доискиваться психологических объясненій можно предположить, что Толстой мыслитель чужд французскому esprit — в его мысли было слишком много суровости и прямоты. Писатель осторожный и чуткій, проф. Ледницкій провел свое изысканіе в тонѣ благородной объективности, какой недостает иным польским и французским критикам, трактующим русскія литературныя темы свысока или с извѣстной долей пренебреженія. Эти особенности, в связи с ясным, простым и в то же время как бы отзывчивым тоном, дѣлают книгу проф. Ледницкаго полезным и пріятным пріобрѣтеніем толстовской литературы.

Содержаніе книги вполнѣ удовлетворит читателя, хотя в ней разработана лишь одна тема — эволюція Толстого в связи с расширеніем и углубленіем его интересов к Польшѣ и всему польскому. Автор рѣшает свою задачу с двух точек зрѣнія — политической и психологической. Политическая точка зрѣнія сводится к характеристикѣ нѣскольких моментов русско-польских взаимоотношеній, когда Толстой сначала не выдѣлялся из ряда других людей своего круга, относившихся к полякам довольно невнимательно. Психологически автор развертывает перед читателем схему общих измѣненій в духовном мірѣ Толстого, постепенно отражавшихся на его пониманіи как польского вопроса вообще, так и польской личности в частности. Проф. Ледницкій внимательно прослѣживает различныя фазы в проявленіях Толстого, когда ему приходится отзываться о поляках или зарисовывать польскіе типы. В этой

характеристикѣ даже там, гдѣ Толстой выказывал себя предубѣжденным, Ледницкій не позволяет себѣ дешеваго удовольствія отомстить пренебрежительному подчас художнику безнаказанной расплатой. Дальнѣйшее поведеніе Толстого дает проф. Ледницкому полное удовлетвореніе. Толстой в своих отношеніях к полякам выходит побѣдителем прежних предубѣжденій и, преодолѣв прежде всего себя, подчиняет и свою художественную кисть этическому императиву: он не только объективен, но пытается слозно искупить свои старыя вины. Проф. Ледницкій выясняет затѣм тот глубочайшій поворот Толстого, какой проявился в его »Воскресеніи«, в эпоху, когда писатель не только сознал, но и увидѣл воочію сколько поляков пожертвовало собою за дѣло революціи. „Ces reflexes de sympathie pour les Polonais et leur cause ont été dans la litterature russe un fait rare et extrêmement precieux. Elle était lourde á monter, cette pierre de l'amitie russo-polonaise, mais Tolstoj la souleva en voulant combler ainsi une lacune gênante dans le bel edifice de son oeuvre" (p. 47).

Главная часть книги посвящена разбору толстовскаго »За что?«. Сдвиг в отношеніи к Польшѣ произошел не у одного Толстого. Лучшая часть русскаго общества рѣшительно заявила о своих общественных и личных симпатіях к полякам, наравнѣ с русскими людьми страдавшим от административнаго произвола и беззаконія. Тюрьмы были переполнены поляками и русскими, терпѣвшими за один и тот же идеал — освобожденіе от насилія и предреволюціонной смуты, в которой взяли верх грубые инстинкты подавленія всѣх гражданских свобод и національных притязаній не русских областей. С живым и теплым участіем вспоминает проф. Ледницкій всѣх дѣятелей русскаго освободительнаго движенія (в том числѣ и своего отца), которые властно требовали в Государственной Думѣ и печати предоставленія полякам всѣх прав страны, у которой незаконно были отняты необходимѣйшія гражданскія свободы. В этой перспективѣ произведеніе Толстого »За что?« является, по характеристикѣ проф. Ледницкаго, не публицистическим трактатом, но художественным помятником, ярко и мощно отразившим опредѣленный историческій момент. Симпатичной стороной разсужденій автора является то обстоятельство, что, выдѣляя Польшу, он не закрывает глаз на общія предпосылки толстовскаго міросозерцанія. С каким бы внутренним чувством ни относился Толстой к Польшѣ, он не отдѣлял ея судьбы от Финляндіи и от всѣх стран міра, свобода самоопредѣленія и права которых попиралась в угоду не народу, но правительству той или иной из сильных держав. »Il condamne avec énergie tous les gouvernements qui emploient la violence et la force" (p. 87).

Книга проф. Ледницкаго интересна не одним полякам. Она и русским дает много мелких наблюденій, которыя освѣщают любопытныя черты из исторіи творческаго развитія самого Толстого. Хорошо, что она была написана. *Евг. Ляцкій.*

Czeski polonista o polskiej powieści. *Dr. Karel Krejčí* „Polská literatura ve vírech revoluce. S předmluvou univ. prof. dra Marjana Szyjkowského". V Praze 1934, Orbis, 8⁰ s. 393.

Nie można powiedzieć, ażeby czeska naukowa polonistyka przedstawiała się okazale. Przeciwnie: jest skąpa i nikła.

Na tle porównawczem — to jest w ogólnej perspektywie zainteresowania się polską kulturą duchową — wyda się jeszcze bardziej nikła: kiedy się zważy, że to zainteresowanie trwa bez przerwy od początków XIX. wieku; że już pierwsze pokolenie czeskich „budzicieli" studjuje pilnie niektóre gałęzie polskiego piśmiennictwa; że J. P. Šafařík jest pierwszym wogóle cudzoziemcem, który daje całkowity (ale kompilacyjny i jeszcze bibljograficzny) szkic rozwoju polskiego piśmiennictwa; że Fr. Čelakovský musi zająć się przedewszystkiem tem piśmiennictwem na katedrze wrocławskiej; że J. P. Koubek od połowy zeszłego stulecia uczy tego piśmiennictwa w uniwersytecie Karola; że później w rzędzie lektorów polszczyzny znajdzie się zasłużony popularyzator, Adolf Černý; że samych przekładów z literatury polskiej zebrał Ed. Jelinek po rok 1882 przeszło tysiąc; i że wśród historyków czeskich znajdują się tacy specjaliści, jak prof. Bidlo, znawca polskiej reformacji.

Natomiast w naukowych badaniach polonistycznych — oczywiście przedewszystkiem porównawczych, czesko-polskich, otwierających olbrzymie, niemal nierprzejrzane pola starsze i nowe — panuje niemal zmrok, ledwo tu i ówdzie prześwietlony drobną iskrą „przyczynku". Czem się to tłumaczy?

Tłumaczenie jest bardzo proste: naukowe badanie zjawisk piśmienniczych jest w Czechach bardzo młode — stworzył je dopiero niedawno zmarły profesor universytetu Karola, Jaroslav Vlček; we własnej dziedzinie historji literatury czeskiej dopiero w ostatniej dobie dobiegł końca druk pierwszego naukowego ujęcia całości w pracy prof. Jakubca. Ale całe jeszcze dziedziny tej pracy leżą odłogiem. Brakuje elementarnych wstępnych studjów przygotowawczych: niema bibljografji, niema wydanych naukowo tekstów, czeka ogłoszenia wiele jeszcze tomów korespondencji, dokumentów, aktów archiwalnych.

I nic dziwnego: swoboda czeskiej nauki jest świeżej daty, warsztaty pracy zostały w pełni rozbudowane dopiero po odzyskaniu niepodległości a zaległości mogą być odrabiane w tempie coraz powolniejszem, w miarę jak rośnie i przedłuża się przesilenie finansowe.

Na dobrą sprawę wszystko, co napisano o polskiej literaturze aż pod koniec zeszłego stulecia, nosi charakter dyletancki. Dopiero przed 40 lety zaczynają się pojawiać przyczynki o znaczeniu trwałem: rozprawy dwóch czeskich historyków literatury, J. Máchala i J. Vlčka, zwracające uwagę na pierwszorzędny udział polskiej poezji Stanisława Augusta w formowaniu podstaw nowoczeskiej poezji — i tegoż Máchala również porównawcze studjum o Mickiewiczu.

Przez lat 40 jednak niewiele posunięto się na tej drodze — i bodaj że wystarczą palce u rąk, ażeby wyliczyć studja poważniejsze (szkic o Mickiewiczu L. K. Hofmana, Polivki o Mikołaju Reju, E. Masaka analiza twórczości Krasińskiego i Słowackiego „U bram wieczności", V. Brtnika paralela Vrchlický-Mickiewicz, aż do pracy J. Heidenreicha (1930), który nanowo podjął temat z przed lat 40-tu i wpływy Mickiewicza w Czechach postanowił w całości przestudjować, ale niestety tylko pierwszą, wstępną część zamierzonego planu wykonał i na inne pole badań (jugosłowiańskie) się przeniósł).

Jeszcze możnaby zacytować ten i ów drobiazg, który jednak nie zmieni postaci rzeczy — to jest konieczności stwierdzenia szczupłego i nikłego dotąd plonu czeskich badań polonistycznych.

Dopiero na tle tego stwierdzenia uwypukla się rzeczywista waga i znaczenie pracy dra Karola Krejčego, pierwszego naukowego wychowanka katedry polskiej w Pradze. Ta praca — możemy zgóry to powiedzieć — jest jak dotąd najpoważniejszym dorobkiem polonistyki nie Polaka w Czechosłowacji; a może i nietylko w Czechosłowacji.

Nie jest to debjut autorski. Krejčí ogłasza studja, szkice, recenzje i sprawozdania naukowe począwszy od 1926 roku. Pierwszą cenną, na archiwaljach opartą pracę drukuje w 1928 r. w „Słowiańskim Przeglądzie" („Pierwsze przesilenie w czeskiem słowianofilstwie"). Po raz pierwszy podejmuje badania wpływów listopadowego powstania na zbiorową psychikę czeską, dochodząc do stwierdzenia faktu, że najdawniejsze drgnięcie, wywołane ideą rewolucji, dokonało się w Czechach pod wpływem polskiej walki zbrojnej, czyli że w tej chwili rodzi się nieznany przedtem idyllicznej pracy czeskich „budzicieli" współczynnik *polityczny*, wzmacniany odtąd stałem falowaniem w tę stronę następnych, perjodycznych ruchów zbrojnych w Polsce.

Pracę tę Krejčí dopełnił i dokumentarnie raz na zawsze utwierdził, ogłaszając w trzy lata później obszerne studjum o „Polakach w Czechach w dobie powstania listopadowego i wielkiej emigracji" (8. stron 93.)

Zasadnicza oś tych prac: idea polskiej rewolucji — została przeniesiona i do pracy ostatniej, najobszerniejszej — ale osadzona na innej płaszczyźnie, a mianowicie na płaszczyźnie wyłącznie polskiej, w sferze zagadnień tylko artystycznych i w promieniu działania nowoczesności. Za główny i węzłowy punkt naukowej analizy obrał autor rewolucyjny rok 1905. Jako materjał rozważań ustalił produkcję powieściową, a mianowicie tę jej część, w której odbija się, w treści i we formie, idea rewolucji. Zarysowały się cztery zasadnicze tezy oraz w wyniku pracy cztery ich rozwiązania, a to: 1. Jaki był wewnętrzny, dynamiczny stosunek danej indywidualności twórczej do rewolucyjnego zwrotu w polskiej myśli zbiorowej? 2. Jak reagowali polscy twórcy na zewnętrzne wypadki politycznego życia? 3. Jakich formalnych środków używali dla wypowiedzi swojego stanowiska? 4. Jaka była artystyczna wartość owych pierwiastków, które wniosła do polskiej powieści idea rewolucji?

Nową jest zasadnicza koncepcja pracy i nowe są zwłaszcza tezy 3. i 4., zajmujące się strukturalną stroną dzieł literackich z punktu widzenia, który dotąd nigdy i nigdzie nie został w całości i konsekwentnie, bez domieszki tendencji politycznej, przeprowadzony.

Materjał ogarnął młody autor bardzo obfity, trzymając się przyjętej chronologji dwóch pokoleń literackich, t. j. pozytywistów i Młodej Polski oraz dwóch wyodrębnionych w osobne rozdziały indywidualności, Żeromskiego i Brzozowskiego. W rozdziale ostatnim (najsłabszym) zbiera autor i późniejsze pogłosy (aż do debjutu J. K. Bandrowskiego i Nałkowskiej włącznie), ażeby linję rozważań przedłużyć do wybuchu wielkiej wojny a zarazem wykazać, że idea rewolucji przetwarza się przed

tym wybuchem pod wpływem nawrotu do tradycji powstań w ideę własnego wojska (legjony).

Wewnątrz pracy znajdziemy wiele ustępów i nowych i świetnie przeprowadzonych, których by się nie powstydził najlepszy polonista „krajowego" chowu. Polska nauka musi wciągnąć do rubryki swojego „*habet*" takie ustępy jak: paralelę Sienkiewicza i Prusa (genealogiczny wywód postaci Połanieckiego i Wokulskiego), charakterystykę Weyssenhoffa, cały, znakomity rozdział o Żeromskim, wiele z uwag o Brzozowskim, wszystkie paralele, analogje i porównawsze zestawienia z literaturą rosyjską (Dostojevskij, Hercen, Gogol, Černyševskij) — oraz wiele innych drobniejszych uwag i spostrzeżeń.

Praca dra Krejčego należy niewątpliwie do najlepszych, jakie niepolskie pióro o polskich zjawiskach literackich na progu XX. wieku napisało. Wszystkie inne w czeskiej literaturze polonistycznej przewyższa szerokością zasięgu, obfitością pochłoniętego i przetrawionego materjału, sumiennością opanowania całej literatury przedmiotu, samodzielnością sądu, dokładnością i trafnością analizy. Posiada więc nietylko wartość relatywną, ale bezwzględną — i może być bezwzględnie, tylko ze stanowiska polskiej nauki oceniona, jako tej nauki rzeczywiste i rzetelne wzbogacenie.

Zarzut stawiamy na końcu. Dotyczy dysproporcji między tytułem a treścią: tytuł mówi o polskiej literaturze — treść zajmuje się tylko jej częścią powieściową z końca ubiegłego i początku bieżącego stulecia.

Lecz nie chodzi nam tylko o tę skazę formalną. Wyłączenie, dokonane w treści, sięga w głąb rzeczy. Wydziela mianowicie poza obręb rozważań poezje i dramat, chociaż i w tych działach niemniej przejawiły się „wiry rewolucji" — i to nieraz u tegosamego autora.

Takie oddarcie jest niewątpliwie sztuczne i szkodliwe. Trąci scholastyką. Wprowadza z powrotem już zarzucony podział na „gatunki" — i nie da się konsekwentnie utrzymać. Wszak sam autor wspomina, choć mimochodem, wiersze Tetmajera, Staffa i innych; mówi o dramatach Zapolskiej, Micińskieho (i niektórych) Żeromskiego. Wymienia zaledwo w nawiasie Wyspiańskiego — a czyż można mówić o rewolucji, jako ideji dla treści i formy artystycznej, nie wciągnąwszy, i to na pierwszy plan, poezji „czynu" twórcy „Wesela"?

Wiem o tem, że na rozmiary dzieła wpłynęły w silnym stopniu trudności finansowe jego ogłoszenia. Niemniej ze stanowiska krytyki rzeczowej muszę stwierdzić, że skutkiem sztucznego obcięcia tematu obraz, podany w pracy dra. Krejčego, nie może być zupełny, ani też we wszystkich swoich partjach jasny. Musi być także uważany tu i ówdzie za tymczasowy — dopóki nie nastąpią jego dopełnienia i ewentualne korekty przez organiczne wciągnięcie dwóch zostawionych na boku wielkich gałęzi współczesnej literatury polskiej: poezji i dramatu.

Uważamy to za najbliższe i najbardziej wskazane *pensum* dalszej pracy czeskiego polonisty. Metodycznie jest do niej znakomicie przygotowany.

Marjan Szyjkowski.

Marina Bersano Begey **„Zygmunt Miłkowski.** Contributo alla storia dei rapporti polono-slavi nel secolo XIX." Publicazioni dell „Instituto per l'Europa Orientale" Roma. Prima serie. XXVII. Nakl, Instituto per l'Europa Orientale Roma 1935. str. 147. 8⁰.

Nie doczekał się dotąd Z. Miłkowski — nie mówiąc już o monografji — szczegółowszego opracowania przynajmniej jednego odcinka swego bogatego i wielostronnego życia i dzieła, choć w tym roku mija właśnie 20 lat od jego śmierci. Najwięcej wiadomości o Jeżu, głównie biograficzno-bibliograficznych, możemy zaczerpnąć z książki W. Holewińskiego: Życie i sprawy T. T. Jeża, Lwów 1884. Uzupełnia tę pracę studjum historyczno literackie P. Chmielowskiego, który, ze współczesnych a i potomnych, najwięcej uwagi autorowi „Uskoków" poświęcał, umieszczone w zbiorze „Nasi powieściopisarze" I. Kraków 1887 (nieznanym autorce omawianej książki). Zarówno te dwie prace, jak i tembardziej broszura prof. M. Zdziechowskiego: „Zygmunt Miłkowski a idea słowiańska w Polsce" Piotrogród 1915, nie mogły oczywiście w żadnym razie wyczerpać zagadnienia. Wszak pisarz jeszcze żył do 1915 r. Ale i po wojnie ani dzieło literackie Jeża ani jego zainteresowania „słowiańskie" nie zajęły nikogo z badaczy.

Pani Marina Bersano Begey zajęła się stosunkiem Jeża do południowych Słowian, t. j. obok jego pracy narodowo-niepodległościowej, która zresztą spotykała się nieraz z jego akcją słowiańską, najważniejszym bodaj składnikiem życia i dzieła pisarza. Problem to interesujący i atrakcyjny i dojrzały widać do opracowania, skoro ostatnio słyszało się o kilku osobach, które równocześnie go opracowują (w tem między innymi: jeden Bułgar, jeden Serb i autor niniejszej recenzji).

Książkę podzielono na dwie części, które noszą tytuły: „L'agitatore" i „Lo scrittore". Podział, a ściślej biorąc jego dalsze rozwinięcie, wydaje nam się zbyt mechanicznym i on to spowodował szereg wad pracy.

Znającego temat musi odrazu uderzyć, dlaczego pierwsza część mająca omówić działalność „słowiańską" Jeża obejmuje 75 str., gdy druga analizuje powieści „słowiańskie" tylko na 50 str. Przecież Miłkowski piórem o wiele więcej dokonał w danym zakresie, niż czynem!

Istotnie też zawarła pierwsza część dużo więcej, niż nagłówek jej zapowiadał, a właściwemu tematowi rozprawy odpowiadają prawie wyłącznie rozdziały II. i V. By tę obszerną część pracy wypełnić, wciągnęła doń autorka sporo szczegółów, (dla fachowców często elementarnych) nie mających wiele wspólnego z głównym problemem: stosunku T. T. Jeża do Słowiańszczyzny. (Formułujemy to tak tylko przez niezwykłe rozciągnięcie pojęcia l'agitatore.) Boć tak tylko musimy sobie tłumaczyć nietyle tytuł (wogóle dziwny trochę), ile podtytuł, który dopiero precyzuje w naszym wypadku temat pracy. Rozwiewają zresztą wszelkie wątpliwości w tym względzie słowa na str. 7. (Avvertenza): „Ho limitato il mio saggio all' attività politica e letteraria di Jež riguardante i Balcani, perchè più originale e di più largo interesse."

Charakterystyka zupełnie skromnej działalności „słowiańskiej"

Jeża i jego kontaktów ze Słowianami — utonęła w zbyt obszernych ramach i wypadła blado i niewyraźnie. Przyjąwszy metodę opisową i zasadę chronologiczną — a więc idąc po linji najmniejszego oporu, nie wyodrębniła autorka poszczególnych zagadnień jak np. genezy „słowiańskich" zainteresowań i akcyj Jeża, charakteru jego „słowianofilstwa", roli tego prądu w jego życiu. Zadowoliła się konwencjonalnym przedstawieniem życiorysu pisarza, w którego ramach musiało się wszystko zmieścić. Ta też metoda sprawiła, że bez przekonywających racyj publicystykę „słowiańską" Jeża umieściła autorka w pierwszej części pracy a nie w drugiej jakby to z przyjętego podziału wynikało. Prawdopodobnie poszło to stąd, że w specjalny sposób chciano — czy też mimowoli wykorzystano te „słowiańskie" artykuły. Użyto ich mianowicie, prawie wyłącznie, do nakreślenia tła dla działalności pisarza, miast zebrać je w całość, scharakteryzować, poklasyfikować i spróbować ustalić ich wartości i znaczenie, choćby w stosunku do publicystyki polskiej, czy nawet słowiańskiej. Bardzo pobieżne omawianie tych artykułów, w rozdziale, poświęconym pobytowi pisarza w Belgradzie, ilustrowane tylko kilku, ad hoc wziętemi, przykładami, może niepoinformowanemu czytelnikowi sugierować błędne wnioski.

Pozatem w końcowym wykazie bibljograficznym, który chce podać całkowitą bibljografję zagadnienia, nietylko nie znajdujemy wszystkich artykułów o południowej Słowiańszczyźnie (między innemi brak: „Bratobójcza wojna" Prawda 1885, Warszawa, „Madziary a Kroaci" Studjum polityczne. Przegląd społeczny 1886, Lwów, „Obecny stan rzeczy na półwyspie Bałkańskim" Rola 1886, Warszawa i. t. d.), ale nie spotykamy ani jednego artykułu o innych Słowianach. Idzie tu o szereg artykułów umieszczonych w piśmie „Niepodległość" (Zurich) w latach 1867—1868. Bez dwóch artykułów Jeża o Czechach, tu umieszczonych, — niepodobna mówić o rekonstrukcji w całości jego „słowianofilstwa". Artykuły te są niepodpisane, ale autorstwo naszego pisarza nie ulega wątpliwości (w r. 1867 był redaktorem pisma, a rękopis artykułu „Czechja" (No 19, 1867r.) znalazłem w archiwum rapperswyllskiem. Zresztą styl Miłkowskiego wszędzie zdradzi!

Pierwsza tedy część objęła szeroko podmalowane tło, gdzie uwzględniono atmosferę duchową i nastroje nurtujące wśród Polaków, od powstania listopadowego, poprzez epokę emigracyjną aż do powstania 1863 r. włącznie. Omówiono też ogólnie (na podstawie badań prof. M. Handelsmana) politykę „słowiańską" ks. A Czartoryskiego na Wschodzie. — Na tem tle przewija się, w głównych rysach zaznaczony, istotnie niezwykły żywot pułkownika Miłkowskiego, wychowanego w atmosferze tradycyj wojskowych, demokratycznych a nadewszystko patrjotycznych. Uszedłszy z kraju w 1848 r., wziął Miłkowski udział w powstaniu węgierskiem, w czasie którego zetknął się poraz pierwszy se Słowianami południowymi w osobie adwokata, Serba, Sawy Simicza, w którego mieszkaniu, w Aradzie, przez miesiąc, przebywał. Tu, przez rozmowy i lekturę, rozpoczął okres studjów nad Słowianami szczególnie południowymi. Po upadku węgierskiego powstania, — staje Miłkowski po raz pierwszy na ziemi Słowian bałkańskich, w Serbji, (na krótko) a następnie w Bułgarji,

studjując w ciągu ośmiu miesięcy z autopsji, z niezwykłem zainteresowaniem, ludzi, ich mowę i obyczaj.

Pomijamy tu, szeroko przez autorkę opisywane, akcje polityczne i wojskowe Jeża, jak i jego osobiste przejścia na Zachodzie i Wschodzie Europy, co nic nie ma wspólnego z właściwym tematem. Zwracamy natomiast uwagę na dalsze kontakty naszego pisarza ze Słowianami. Tu niestety, z tej książki, niewiele się dowiemy, gdyż p. B. Begey zaabsorbowana niewątpliwie interesującemi kolejami życia Jeża wogóle, opuściła szereg, z ogólnego punktu widzenia błahych, ale dla naszego tematu cennych, szczegółów drugiego pobytu Jeża w Serbji i Bułgarji (1853—1854). Uzupełnienia musimy odłożyć oczywiście do innej okazji. Wreszcie w rozdziale V, ostatnim tej części pracy, opisano, tym razem szczegółowiej, dwuletni pobyt (1864—66) Miłkowskiego w Belgradzie, częściowo jako delegata powstańczego Rządu Narodowego. Tu Jeż studjuje już systematycznie w bibljotekach — dzieje południowej Słowiańszczyzny, z czego potem powstaną jego powieści „południowo-słowiańskie."

Ze szczegółów musimy wytknąć następujący. Na str. 76 uproszczono zagadnienie charakteru stosunku Jeża do południowych Słowian. Określono ów stosunek jako nawskroś idealistyczny, pozbawiony (inaczej, niż u przedstawicieli obu partyj emigracyjnych) elementu nacjonalistycznego, szczególnie jeśli idzie o zajęcie stanowiska wobec Turcji. — Otóż jest to sprawa skomplikowana, której od ręki, bez żadnych uzasadnień, niesposób rozwiązać. Trzeba zebrać i scharakteryzować wszystkie fazy stosunku Jeża do Węgrów, Turków i sprawy narodowej polskiej z jednej strony, a do południowych Słowian z drugiej strony. Nie można też przekreślać niewątpliwego idealizmu tych Polaków, którzy (patrz listy do Jeża!) szczerze i po bratersku o bałkańskich pobratymcach myśleli i czuli. W każdym zaś razie frazes o „zdradzie misji idealnej Polski wobec ludów słowiańskich — problemu nie rozwikła.

Wstępny, niezatytułowany rozdział części drugiej zawarł przedewszystkiem genezę powieści Jeża wogóle, albowiem cała jego twórczość, jak o tem sam zapewniał, wypłynęła z jednego słowa: ojczyzna. Pod szatą południowo-słowiańską tem snadniej było rodaków podtrzymywać i zagrzewać. Popchnęła wreszcie pisarza do tworzenia powieści „słowiańskich" szczególna skłonność i zamiłowanie do historji (wszystkie powieści omawiane są historyczne) oraz do bujności, barwności, kontrastowości, jakie reprezentował świat bałkański. Z porozrzucanych przez autorkę rozprawy, szczegółów genezy, po innych jeszcze rozdziałach, trzeba wspomnieć o źródłach powieści Jeża. Są one w większości znane, ponieważ autor zwykle w odsyłaczach je podaje. Są to materjały wyłącznie drukowane, monografje albo danych epok (rewolucja serbska, odrodzenie bułgarskie) albo zjawisk historycznych (uskocy). Niewiadome są tylko dzieła, na których się oparł pisarz w: „Hercogu słowiańskim" i obu powieściach chorwackich, a źrodło „Rotułowiczów" określił autor tylko ogólnie jako kronikę rodziny Rotułowiczów, skąd nawet i cytat podał. Nie dostrzegła p. Bersano-Begey uwag o źródłach „Narzeczonej harambaszy" i „W zaraniu" a tych, które zauważyła, nie zestawiła zupełnie z tekstami powieści.

W tymże rozdziale jak i w następnych znalazło się, dość przypadko-

wo, kilka sądów o słowianofilstwie Jeża. Na str. 93 wyliczając „idee podstawowe" powieści słowiańskich wymienia autorka i „lo slavismo", co, jak z dalszego tekstu wynika, znaczy właśnie: słowianofilstwo. Na str. zaś 116 czytamy: „Ma Jeż amava la stirpe slava, ammirava in essa la tenace volontà di vivere che corrispondeva, secondo la sua profonda convinzione, ad una nuova parola, ad un nuovo contributo che gli slavi eran destinati a portare alla storia dell' umanità. Per questo egli guardò alle prime loro lotte per la liberta con simpatia e con una visione storica profondamente penetrata dalla politica romantica che chiamava tutte le nazioni alla libertà".

Nasuwa się tu pytanie, dotąd naukowo nierozstrzygnięte (definicja prof. Weingarta i praktyka dr. Z. Klarnerówny, która i panslawizm do słowianofilstwa zaliczyła — nie mogą zadowolić), co nazywać słowianofilstwem. Pani Bersano-Begey konwencjonalnie używa tego słowa, na określenie nieoznaczonej bliżej sympatji do niektórych narodów słowiańskich. Zanim gdzieindziej szerzej będzie można tę sprawę omówić, spróbujemy tu naszkicować nasz pogląd. Słowianofilstwem nazwalibyśmy kompleks uczuciowo-intelektualny, o określonych, przynajmniej w głównych rysach, cechach, mogący, lecz nie muszący się ujawnić w sferze czynu. Za owe cechy uważalibyśmy: [1]) świadomość pokrewieństwa i jedności słowiańskiej, poczucie odrębności w stosunku do nie - Słowian,[2]) uczucie sympatji do wszystkich Słowian (wyjątki nieliczne mogłyby być dopuszczone, ale tylko uzasadnione na podstawie tych właśnie cech)[3]) wreszcie ściśle z tem związana jakaś koncepcja słowianofilska, filozoficzno-kulturologiczna czy polityczna, owiana duchem idealizmu społecznego i nosząca znamiona apriorycznej doktryny.

Rola badacza stosunku Jeża do Słowiańszczyzny polegałaby na tem, by wybrać wszystkie możliwe elementy słowiańskie z jego działalności i twórczości — i zestawić z taką, czy inną, definicją słowianofilstwa. Trzebaby tu szczególnie zwrócić uwagę na jego ogólnoludzki humanitaryzm i demokratyzm, jego „europejskość", stosunek do Rosji, Turcji i Węgier a szczególnie na rozróżnienie między serbofilstwem i bułgarofilstwem a słowianofilstwem. Naszem zdaniem taki a nie inny stosunek Jeża do Słowiańszczyzny, głównie południowej, spowodował los, który go dziwnym zbiegiem okoliczności na Bałkan zagnał. Inna rzecz, że choć do czasu przybycia do Serbji i Bułgarji nic bliżej o tych krajach i ludach nie słyszał, jednak warunki jego życia psychicznego dziwnie odpowiadały powstaniu „kompleksu" słowiańskiego. Dlatego w genezie jego „słowiańskich" uczuć i zainteresowań więcej trzeba zwrócić uwagę na samorodność ich powstania, aniżeli nawiązywać (jak to czyni autorka omawianej pracy na str. 94) do polskiej tradycji słowianofilskiej i słowianoznawczej, z której Jeż prawie nic nie wziął.

Nie w zakończeniu, lecz w rozdziale wstępnym (i fragmentarycznie w innych rozdziałach drugiej części) podano ocenę estetyczną powieści słowiańskich, która jest naogół trafna, ale potrzebuje uzasadnień.

Następne nienumerowane rozdziały i rozdział VII. objęły analizę powieści „słowiańskich", przyczem, jak czytamy w przypisach, nie

uwzględniono powieści: „Po ciemku", „Hercog słowiański" i „Zarnica" (jest powieścią „bułgarską" nie „serbską" jak podano) ponieważ wskutek dawnych wydań, są mało dostępne.

Rola krytyka jest wielce uproszczona, ponieważ „analizę" wypełniły prawie w zupełności, czasem dość obszerne, streszczenia. Zdaje nam się, że należało wyodrębnić poszczególne typy motywów, jak historyczne (zestawić je z „rzeczywistością dziejową"), etnograficzne, i ew. krajoznawcze językowe i różne i scharakteryzować je.

Ciekawe jest zestawienie ujemnej opinji Włochów Minucio Minuci'ego i N. P. Grego'a o uskokach, ze sympatją, jaką darzy tych nieszczęśliwych wygnańców Jeż. Zdanie autorki o tem, że Miłkowski idealizuje południowych Słowian, trzeba uzupełnić spostrzeżeniem, że jednak artykuły jego są zato zupełnie objektywne w stosunku do pobratymców.

Wywody autorki uzupełniłbym wiadomością, że „Asana" i „Narzeczoną harambaszy" przerobił Jeż na dramaty.

Zakończenie pracy jeszcze raz dowiodło, że stosunek Jeża do Słowiańszczyzny nie był ośrodkiem zainteresowania autorki. Niema tam ani jednej nawet wzmianki o głównym problemie dzieła, są tylko najogólniej naszkicowane losy Jeża aż do jego śmierci.

Rozprawa, jak widać, zajmuje się raczej zagadnieniami historyczno-kulturalnemi niż literackiemi. Jej treść i metoda stanowi przykład na pewien częsty objaw spotykany u jednostek, co fragmenty obcej kultury badają z myślą o czytelnikach rodakach przedewszystkiem. Praca taka waha się między charakterem informacyjno-opisowym a analityczno-badawczym, ze skłonnością ku pierwszemu.

Taką jest i omawiana praca, która przed innymi sięgnęła do nietkniętej jeszcze a ważnej puścizny wybitnego Polaka, która zebrała bardzo dużo cennych wiadomości i wiele trafnych poczyniła spostrzeżeń. Ale o wiele więcej przyniesie ona nie-ziomkowi pisarza, niż jego rodakom, co niejedno już znali i co jeszcze niektóre rzeczy w postawionem przez p. Marję Bersano-Begey zagadnieniu wyjaśnić sobie będą musieli.

Jerzy Bąbała.

Krofta Kamil dr. **Das Deutschtum in der tschechoslovakischen Geschichte.** (Prag 1934, malá 8°, Politische Bücherei, Bd. IX.) str. 137 + 9.

Profesor českých dejin a spolu ministr Čsl. státu uveřejňuje zde 2 přednášky, které mel loni na jaře před nemeckým obecenstvem, aby objasnil, jak se dívá nezaujatá československá veda na význam českého Němectva ve vývoji Čsl. státu v minulosti, a čeho tedy čeká od neho na tomto základě pro přítomnost a budoucnost. — Vychází od vývodu Palackého, že vzájemný pomer obou živlu, daný sousedstvím osudově předzjednaným, jest jednou ze hlavních složek naši historie, ale že nebyl — krom výjimek — trvalým nepřátelstvím, nýbrž stýkáním, potýkáním i protýkáním, někdy na újmu, ale jindy s dobrem pro Čechy a jejich stát; opravuje se tu ovšem ideální mínění Herderovo a po něm Palackého, o protivách obojí národní povahy i o světovém úkolu, jejž Slovanum připříkávali.

O době Samově nevíme, nežli že Slované své samostatnosti uhájili. Od časů však Karla Velikého země české jsou pokládány za část Říše a přizpůsobují se jejímu vlivu. Nezávislost Velké Moravy a liturgie slovanská ostaly dočasnou episodou, jejíhož zmaru za daných zeměpisných podmínek není právě proč příliš bolestně želeti. Právě přilnutí ke sféře západní, uplatnění v rámci Říše vzalo germánské expansivnosti vítr z plachet, aniž tím trpí čest a síla státu; naopak. Císaře jako světské rameno království božího na zemi uznávají za svou vrchnost všecky státy sousední; ani Čechové tedy neprovozují politiky jiné, ale za to požívají z venčí klidu ochrany i pomoci, a rostou u svém významu, až se stanou královstvím, jež v Říši rozhoduje; nepřátelství se objevuje pouze výjimkou, vždy jen z rozporu osobního mezi vladaři, nikoli z národního napjetí, a i tomu jest učiněn konec, když český král Karel IV. dosahuje koruny císařské. Tento rozvoj jest arci provázen i změnou ve vnitřní stnůji českého státu od XIII. věku; předtím v době románské sice také proniká sem živel německý, nejvíce duchovenstvem, jež podstatně přispívá svým přínosem k rozkvětu vzdělání, domorodý pak živel snadno pokrok chápe, si osvojuje a mocně sám poté stupňuje. Jenže cizinec zůstává zde pouze dočasným hostem. Avšak s dobou gotickou, z příčin politických převratů a hospodářských potřeb, se otvírají země české velikému proudu německé kolonisace, jež zde buduje města a množství nových vesnic, a nabývá tím u nás již vlastního trvalého domova i práva. S ní přichází osvobození selského lidu, vznik městského stavu, povznesení podnikatelství obchodního i výrobního, významná posila státní moci; vrstvy vyšší opět se opojují rytířskou kulturou západní, pronikající k nám v německém rouše poetickém. Proud tento zasáhá i Slovensko, a tu již zabarven českým prostředím. Vlastně tyto vrstvy na hraně XIV. věku u nás rozhodují a český živel jest v ponížení.

Nepřátelství však proti Němcům, které se tehdáž objevuje touto příčinou, zejm. u t. zv. Dalimila, nepučí ani tentokrát z kořene národního záští, nýbrž z politického a stavovského odporu vůči cizí dynastii a nemilým soupeřům v držení moci, a umírňuje se pod irenickou, ale silnou vládou Karlovou; právě jen splývání poměru jeho království s říšskými otvírá českému panovníku cestu k císařství. A zas hospodářský blahobyt a universalita jeho vlády obracejí hrozivé nebezpečenství germanisace právě v opak na prospěch český; kdežto síla německé tradice se vyčerpává, přímé vlivy románské nabývají mocné váhy a v této soutěži se probouzí i silné povědomí české. Jakkoli Němci ještě za Karla mají všude moc i vedení, přece český živel roste a nabývá neodolatelné síly; ba jeho prostředí strhuje i cizozemce, že se mu přizpůsobují, ano se dokonce i vzdávají svého puvodu. Dekret Kutnohorský r. 1409 předchází pouze rázem ději, který by byl nastal brzy potom sám sebou, a také husitství později dokonává jen rychleji vývoj předurčený. Ovšem se tím i ukončuje klidné soužití obou národu skoro na sto let — a proměňuje se v nenávist a záští.

A přece ani husitství není nijak ideově zaujato proti Němcům. Z jeho předchudců Waldhauser jest sám rodilý Němec; Jan Milíč se v pozdních letech učí německy, aby mohl kázati i pražským Němcům. Jejich směru aspoň v podstatě náleží i někteří němečtí mistři praž. university,

Mikuláš Magni z Javora, Matouš z Krakova, Albert Engelschalk. A také na samém levem křídle husitskem v Praze i na Táboře, stojí Němci, zejména Mikuláš z Drážďan. A jen prudký rozpor kališných Čech s církví a králem, v jejichžto službách potom zahraniční Němci chystají do Čech křížovými výpravami zkazu kacířstvu, zanécuje plameny plemenného nepřátelství. Niemene nelze potomní pohromy českého němectví zejména ve městech přičísti národnostnímu antagonismu, nýbrž pouze náboženskému; kde kalich zvítězil, musili jeho protivníci odejíti, a těmi ovšem byli němečtí patriciové, kteří až dosud si udrželi vládu i tam, kde lid byl již český většinou; mohl zde ještě Krofta vhod připomenouti, že v samém Starém městě pražském se Němci udrželi bez překážky i svou faru měli, pokud se arci přihlásili ke kalichu. Na Moravě, kam husitstvo proniklo až v pozdější, spíš už politické době, ztráty Němectva jsou mnohem skrovnější; na Slovensku hnutí přispělo domácímu lidu až teprve v půli století za boju svých vojenských bratrstev. V Lužici nenastalo změn, ve Slezsku leda také až později a jen na moravském pomezí.

Avšak ani v Čechách neztratili Němci ze svých práv ničeho krom dosavadního nadpráví v zemi, vyplynulého z královských privilegií, čehož by sotva byli dlouho uhájili, i kdyby nebývalo došlo k boji. Vrchu nabyl nyní živel i jazyk český v celé správě v Čechách, na Moravě a v horních Slezích; Němci však podrželi všude svá práva soukromá, aniž byli kde doma ohroženi po stránce jazykové; ve stycích s orgány státními se jen musili přizpůsobiti. Než i propast, kterou bouře otevřely mezi národy, časem se vyplňovala; ne všude v Němcích zapadaly myšlenky reformy husitské bez ohlasu; později se obnovily styky dynastické, politické, po nich pomalu i obchodní i kulturní. Isolace celková však trvá.

Což však naráz mění vystoupení Lutherovo a jeho reformace. České nauky aspoň z dálky a nepřímo působily na mistra wittenberského; sám vyznal, že bezděky byl husitou, prve než o nich zvěděl; Bratří byli mu vzory mravního řádu. Lutherovým učením urputná nenávist se mění v smíření a v obdiv. V Čechách vidí ve vystoupení německého apoštola řízení boží, zadostučinění božské pravdě, poznané Čechy nejdříve v Lutherovi nového vůdce, následníka Husova. A to poznání uchvátí, že vskutku jdou za ním, nejen ve vnějšku, opravdu shodném, ale i v nitru, aniž si uvědomují, jak zásadní je dělí rozdíly; Bratří, po kratičké době kolísání, se vskutku potom od Luthera odvracejí, ale jen proto, aby hledali tím užší posily v reformaci švýcarsko-francouzské. Podobojí však (krom nevelké skupinky „starokališníků") jsou potom mnohem bližší konfessi augsburské, nežli učení Husovu, třeba jsou přesvědčeni o jiném, a třeba opravdu nejsou pouhými lutherány, majíce své zvláštnosti, přísnější mravní praxi, snášelivější ochotu k dohodě, čehož se nenalézá u lutheránů, důraz na právo vlastního svědomí proti vůli vrchnosti, zejména po roztržce Flaccianů a Filippistů; pro tyto zvláštnosti ani v exilium čeští evangelíci neobstáli mezi Sasy, ač-li se nepodřídili jejich formulaci. — Českou konfessí r. 1575 a majestátem r. 1609 vyproštěni jsou tito „novoutrakvisté" z útisků a dosáhnou volnosti.

Rod Habsburský je sice původu německého a přináší s sebou i do Prahy něm. dvur a německé vnitřní úřadování, německé hospodářské

podnikání, báně, sklářství a j., ale v zemi se více cítí jeho římsko-španělské náboženství a politické tendence, proti nimž se hledí evangelíci posíliti. Ježto náboženské usmíření sbližuje oba národy, Čechy i Němce, v společný šik proti císaři a Římu, země české nyní se ochotně otvírají novému přílivu německých souvěrců. Není proč popírati velikého rozsahu této předbělohorské germanisace české půdy, ale není třeba jí přeceňovati; převaha v zemi je stále sebevědomě česká. Nelze přisuzovati tomuto lutherskému vlivu, že podvázal životní sílu českou, vždyť naopak vznítil i nové hnutí duchové mezi Slováky a sblížení jejich s Čechy. Tím méně lze směr tento viniti z porážky bělohorské.

Ovšem Bílá hora přináší vítězství románsko-hispanské sféře nad českým protestantstvím. Jenže porážka náboženská a politická má následkem i oslabení české národnosti. R. 1627 vyhlášena němčina za druhý zemský jazyk, jenž pak via facti nabývá vrchu a konečně absolutistickým nařízením r. 1774 výhradné platnosti. Úpadek sebevědomí přivíjí šlechtu ke dvoru a tím k národnímu přechýlení; konečně vylidnění a zchudnutí zemí nutí k nové kolonisaci, sice katolické, ale opět z Němec.

Osvícenství, ač se snaží lid všemožně povznésti, rovněž germanisuje, nikoli sice z motivu národnostního, ale z byrokratického, centralisujícího a unifikačního pohodlí; i svým jinak dobře myšleným merkantilismem pozdvihuje pouze hotovější vrstvy německé, čímž Čechové tratí.

Nicméně ve zlu jest i zárodek obratu. Právě tvrdost pobělohorských vítězů, nedovolující přemoženému lidu se vystěhovati za věrou, udržela početnou rovnováhu českou proti hrozícímu poněmčení země. A nová kultura barokní latinsko-románská obrozuje aspoň duchovou sílu zbylého vzdělanstva, a nahrazujíc upomínky na ztracený význam politický kultem českých světců a probouzením důvěry v spravedlnost boží, křísí po staletí bouře opět vřelý patriotismus; zatím jen zemský, potom i národní, jehož mocnou tradicí se přerozují i příslušníci němečtí, ano i cizozemci; v josefinské době dochází již i k uznání Husovu a ke vznešenému ocenění husitských idei. Tyto přeměny lze vyložiti tím, že ani barokní Německo nemělo s dostatek svého tvůrčího fondu a splývalo s humanistickou kulturou, jež se pak u nás přiklonila k obrozenému duchu české minulosti. Proto není paradoxem, že přímo z německých podnětů dochází k založení slavistiky (Oefele—Durych)i k ideální koncepci, co světu znamená Slovanstvo (Herder), v jejíchž službách Slováci Kollár, Šafařík, Moravan Palacký a j. skládají svá velkolepá díla poesie a vědy. Probuzením českého povědomí právě v čas předešlo se germanisačnímu nebezpečí; snahy vládní v tomto směru už nemohly ublížiti, nýbrž byly jen ostnem k úspěšné soutěži. Společný patriotismus udržuje svornou symbiosu obou národností až do r. 1848, kdy ji teprve zahraniční velkoněmecké idey učinily konec; teprve od těch dob nastává rozchod.

Utvořením Československého státu situace se mění, dávajíc možnost obnově přátelského soužití. Chceme zachovati svůj život i ráz, ale nemíníme nijak činiti úkor druhým. Lze jíti pospolu, když pospolu žíti musíme; netajíme si obtíží, avšak není nesnadno se navzájem ctíti i může vzejíti odtud i prospěch vzájemný.

Kroftovi se podařilo shrnouti rozsáhlou látku v hutný, jasný, objektivní přehled; že jest o některé věci spor, nezatajil sám. Ovšem není jeho přednáška statí v popředí historickou, nýbrž politickou, připravenou pro svůj účel. Přejeme si dojista všickni, aby tohoto svého významného účelu plně dosáhla.

*

Pokud se týká sporných otázek, lze přičiniti mimo referát jen několik poznámek. Historie, má-li dosti pramenu, může více méně bezpečně a objektivně vyložiti jen, jak se co stalo. Nic víc. To, čemu se říká pojetí dějin, jak chápati a vykládati zjištěná fakta v jejich souvislosti, úkol magistrae vitae, náleží už filosofii, a jsme si vědomi, že tu lze dojíti jen k jakýmsi, ať tak dím, metafysickým koncepcím z určitého citového hlediska, přes vše úsilí vždycky jen subjektivním. Vaticinatio ex eventu, ať má býti hojivým lékem, mostkem k dorozumění či pomuckou získávání. Kterak odpověděti na dotazy, čím se řídí ono hledisko? Co je hybnou silou dějinného vývoje? Mocnost nebeská, zákon, náhoda? Která idea jest vyšší, nábožensko-mravní, státní, národní, sociální? U nás tím těžší řešení, poněvadž se problémy víry, politiky, třídy, samy o sobě na výsost obtížné, kříží neúprosně — příčinou zeměpisné naší polohy — s úkolem národní sebezáchovy; jediným možným východiskem jest vzájemná ústupnost a dohoda; dojde-li ke konfliktu, padni vítězství, komu padni, jsou pro celek následky bolestny vždycky.

*

Krofta nemohl ještě užíti posledních prací Dvorníkových a Weingartových, které osvětlují dobu cyrillomethodějskou novým, odlišným poznáním, ukazujícím, že její význam pro nás byl daleko hlubší, mocnější a úspěšnější, nežli připouštělo dosud naše bádání.

Také nelze žádati jednotného nazírání na hnutí reformační a jeho poměr k nám. Není pochyby, že k rozporu došlo světovým vývojem, připravovaným staletími osudové neodvratnosti, i že by nic nebylo v tom změnilo, kdyby tu a tam byly osoby a jevy bývaly jiné. Ale sotva lze pochybovati o vlivu, který na náboženskomravní dění mělo cítění národnostní; asi by bylo nenastalo předčasného a na sto let isolovaného projevu našich reformních snah, nebýti našeho domácího národnostního kvasu; i Lutherovu vystoupení dodalo síly, že se mohl opříti o národ svůj proti cizímu Římu.

A přece jest nesmírný rozdíl mezi naším hnutím XV. věku a reformací XVI. stol. Husitství — toť stále ještě idea středověkého supranaturalismu a autority; nechce se odtrhnouti, naopak zachrániti církev před vznitřní zkázou a žíti s ní v jediné spasitelné jednotě; proto výtka kacířství jest mu smrtelnou urážkou, i dokazuje co nejhorlivěji, že kacířstvem není; a jak jen pomíjí první bouře, jest hotovo ke smíru, nakonec i za cenu nesmírných obětí. A hyne v rozkladu jen proto, že se nedovede vzdáti tohoto spojení. — Možná věru říci, že církev upadla v tragickou chybu, ana nechce porozuměti ani v Kostnici, ani po kompaktátech, co může znamenat pro ni toto nadpozemské nadšení a jeho probuzená úžasná síla. Za nepatrné ústupky byl by Řím získal horoucí vděk a pro sebe

všechen národ. Sotva by se potom bylo našlo mezi Čechy půdy kypré pro sémě Lutherovo.

Politicky myšleno, jest vskutku tragikou, že jsme byli bez vlastní viny donuceni z náboženských příčin se dostati v konflikt se sférou románskou, (v níž jsme měli a mohli míti vždy mocnou oporu v boji o existenci národní) a tak zatlačeni tím více ke sféře germánské, o čehož následky vždy bude spor.

Reformace XVI. století jest už dílo renaissance, přes všechen prvotní odpor proti „pohanství", racionalistické. Dítě tohoto světa. Poměr k bohu si upraví po svém, svou existenci si zakládá úmyslně mimo církev dosavadní. A stejně tak potom smýšlejí i čeští novoutrakvisté, třebas míní, že jdou jen za Husem (nejsouce si již vědomi, jak se liší od něho zásadně) a třeba se opravdu odchylují některými svými stránkami od vlastních lutheránů. Není dojista pochyby, že evangelium znamenalo pro české podobojí zadostučinění, vzpružení, posilu a že spojení s ním přineslo jim vnitřní i vnější prospěch, vázajíc protireformační tužby i Ferdinanda I., i r. 1575, i r. 1609. Ale již pověděno, že toto spojení usnadnilo novou rozsáhlou německou kolonisaci (právě tak arci přispívaly k ní i snahy katol. dvora) a že v konečném potom zápasu Čechů nezachránilo. Náčelník německých lutheránů, kurfiřt saský (arci z politických důvodů) spojí se s císařem na ubití českého, také náboženského odboje, a r. 1635 vydá dokonce svou víru ve Slezsku císaři v šanc; evangeličtí vítězi Švédové v mírovém jednání r. 1648 opouštějí pro hmotné výhody nelítostně české souvěrce. A jen tvrdost pobělohorských triumfátorů, nedovolujíc přemoženému lidu, aby se vystěhoval za svou věrou, zachraňuje českou půdu před vylidněním a tím zhoubnější germanisací. Věru jest potřebí položiti obzvláště hluboké a vroucí ocenění na náboženskou stránku dějin, aby rovnováha byla vyrovnána.

Snáz je tedy dějepisci uvésti prostě příběhy samy, nežli je obetkávati filosofickými výklady: jemnému srdci snad možno všecko pochopiti a přehověti; ale málokterému přísnému soudci se zdaří najíti cestu všem spravedlivou. *Dr. J. V. Šimák.*

Dr. Mikławš Krječmař: **Jakub Bart-Ćišinski.** Přinošk k jeho žiwjenju a dźěłu. Z 6 podobiznami, 2 wobrazomaj a 3 faksimilijemi. — Wědomostne rozprawy Maćicy serbskeje w Budyšinje čis. 2. Red. prof. Ota Wićaz. Z nakładom Maćicy serbkeje 1933, stran 192.

Kniha M. Krječmařa o Jakubu Bartu Ćišinském je první úplnou a samostatně vydanou monografií o největším lužickosrbském básníku. M. Andricki se sice již za života básníkova k jeho padesátce pokusil o celkovou charakteristiku jeho života a díla v Časopise Mać. Serb. 1906, stejně tak učinil Ad. Černý v předmluvě k Výboru básní J. Ćišinského ve Světové knihovně v Praze 1906, ale v obojím případě šlo jen o reliefní obraz lužického básníka. O podrobnější rozbor poesie Ćišinského pokusil se Ad. Černý v rámci svých statí o lužickosrbské poesii ve Slov. Přehledu, kde v r. 1906-07 vytiskl úvahu Jakub Ćišinski a nová doba hornolužické poesie. Tato stať byla spojena se starší úvahou Ad. Černého Sto let lužickosrbské poesie ve Slov. Přehledu III. 1900-01 a vyšla v hor-

noluzickem prekladě v Čas. Mac. Serb. 1910 a téhož roku také samostatně jako Stawizny basnistwa łužiskich Serbow v Budyšině. Od té doby však více o J. Bartu-Ćišinskem psáno nebylo. Teprve v roce 1926 jsem vydal ve své Lužickosrbské knihovničce Sborníček J. Ćišinského, v němž vyšlo několik nových statí o Ćišinském, zároveň nové překlady Jos. Pelíška a zejména první pokus o soustavnou bibliografii života a díla J. Ćišinského.

Jako jiní literární historikové, tak i M. Krječmař cítil nedostatek prací o Ćišinskem a cítil zároveň povinnost především lužické literární historie, aby se věnovala výzkumu života a díla J. Ćišinského. Krječmař se dal do svých studií v roce 1923, když se dověděl o bohaté korespondenci Ćišinskému v archivu Matice lužické v Budyšině. V řadě školských prázdnin (autor je profesorem na střední škole v Praze a lektorem luž. srbštiny na Karlově universitě) opsal všechnu tu korespondenci a chystal se k zpracování úplného obrazu života a díla velikého lužického genia. Od svého úmyslu však upustil, jakmile shledal, že mu nebudou podle běžných zásad o korespondenci přístupny listy Ćišinského, psané některým lužickým pracovníkům, především Arnoštu Mukovi. Jal se zpracovávati drobné úseky z životopisu Ćišinského, zabýval se jeho rukopisnou básnickou pozůstalostí a ze svých prací občas otiskoval drobné ukázky jak v Čas. Mać. Serb., tak v Lužickosrbském Věstníku a v jubilejních sbornících Ad. Černého 1921 a J. Ćišinského 1926. Velmi důležité byly kritické edice rukopisných prací J. Ćišinského, jež Krječmař pořídil pro lužickou knihovnu „Dom a swět". Bylo to vydání eposu Nawoženja (1926) a Basnje z młodych let (1931), k nimž později Krječmař připojil ještě nový kritický přetisk prosaické prvotiny Ćišinského Ryćeřkubleř v Lesídce Serb. Nowin v Budyšíně v prosinci 1934 a v lednu 1935. Konečně se přece Krječmař odhodlal k zpracování monografie o Ćišinském na základě aspoň přístupných listů i všeho rukopisného materiálu v pozůstalosti básníkově. Bylo to dílo sice jednostranné, nicméně důležité bohatstvím nových dat, průvodních dokladů o vzniku některých prací Ćišinského, ověření jeho životních osudů a básnické tvorby, výkladem o básníkových vztazích k přátelům a při tom také odstraněním některých mylných názorů a výkladů v dosavadní literatuře o Ćišinském.

Hotovou práci zadal Krječmař prof. A. Mukovi na podzim r. 1930, ale pro oční chorobu Mukovu pročtení se protáhlo do podzimu r. 1932. Brzy nato prof. Muka zemřel a redaktorem Wědomostných rozprav Matice lužické byl ustanoven prof. Ota Wićaz. Ukázalo se, že tištění knihy narazí na obtíže. Krječmař ve své monografii uvedl všechny názory Ćišinského i jeho projevy ať básnické nebo soukromé, které nebyly vždy v souladu s náboženskými předpisy (Ćišinski byl katolickým duchovním), uvedl také všechny jeho vztahy k slovanskému světu. Nový redaktor luž. Wědomostných rozprav se obával nesnází se zřetelem k složitým lužickým poměrům jak v Matici, tak k německé censuře. Teprve po četných korekturách bylo dílo schváleno pro tisk a do velkonoc r. 1933 bylo vytištěno devět archů. Ale po vypuknutí německé revoluce v téže době byl tisk díla zastaven a kniha Krječmařova byla teprve v červenci až v září r. 1934 dotištěna, to jest archy 8., 10. a 11. musily býti sázeny nové a do-

sazen byl také arch 12. s rejstříkem. Tak se dostala teprve před vánoci 1934 kniha ven, ale na titulním listě zůstalo chybné vročení z jara 1933, kdy již k dokončení tisku a vydání mnoho nechybělo.

Podávám osudy knihy Krječmařovy proto, poněvadž jsou zajímavé pro publikační poměry nejmenší slovanské vědecké literatury. Jen tak si můžeme vysvětliti částečné okleštění výkladů v knize a vynechání celé řady fakt, která by měla býti při jiné příležitosti vytištěna. Upozorňuji zvláště na vztahy básníkovy k české operní zpěvačce T. Sákové a zachovanou korespondenci, dosud neznámou.

Krječmař své výklady a doklady rozdělil do tří kapitol: v první podal básníkuv obraz doma a na studiích ve slovanské Praze, v druhé pojednal o působení básníkově doma a v Němcích, v třetí osvětlil život a dílo Ćišinského doma na odpočinku. Celkově jde o životní léta básníkova 1856 až 1909 počínaje vylíčením počátečních osudů básníkových v rodném Kukowě až po jeho předčasnou smrt v nedalekých Pančicích.

Kniha Krječmařova má ráz popisný. Spisovatel líčí osudy mladého Jakuba Barta, jeho první učení v rodném Kukowě, odkudž jej doprovází do Budyšína na známou děkanskou školu a přípravku, po níž lužičtí katoličtí jinoši se ubírali již obvyklou cestou na pražská studia. Také Jakub Bart přišel do staroslavného Lužického semináře na Malé Straně v Praze, navštěvoval německé malostranské gymnasium a bohosloveckou fakultu, při čemž byl nejenom výborným studentem, nýbrž také platným členem lužické studentské „Serbowky", u jejíž kolébky stál V. Hanka. Jakub Bart čerpal horlivě a dychtivě ze všech zdrojů vědomostí ve škole i mimo školu, seznamoval se s cizími, především slovanskými literaturami a kulturami. Tak brzy se pokoušel o vlastní literární tvorbu, kterou podložil dobrou znalostí rodné mluvy i slovanských jazyků, jimž se učil u prof. Martina Hattaly. J. Bart brzy horlil pro zdokonalení lužického jazyka a lužické literární tvorby a postavil se v čelo lužického studentstva pražského, s nímž založil nový časopis „Lipa serbska" a společně s A. Mukou, lipským filologem, dal podnět k organisaci všeho luž. studentstva a k pořádání luž. prázdninových sjezdů, t. zv. skhadźowanek, počínaje létem 1875.

Z klidných a věcných výkladů Krječmařových, stále podkládaných citacemi listů, zápisek a veršů básníkových, dovídáme se, jaké plány měl mladý lužický básník, jak se snažil uplatniti nové umělecké zásady ve skrovné domácí literatuře, jak se pokoušel ve všech odvětvích literární tvorby upozorňuje na sebe ukázkami z velkého eposu Nawoženja, románu Narodowc a wotrodźeńc a dokonce také dramatu Na Hrodźišću, jež vytiskl v Budyšíně r. 1880 u J. A. Smoleŕa ještě se svým rodovým jménem Jakub Bart. Neobešlo se to bez menší literární revoluce, kterou Bart musil vybojovat a také vítězně vybojoval se starou generací lužickou v čele s prof. K. Pfulem. To již se mladý básník v červenci r. 1881 rozloučil s Prahou, odbyl si vojenskou službu a po vysvěcení 1883 působil doma v Ralbicích a v Radwoŕu, ale pak již v cizině až do předčasného pensionování r. 1903.

Toto období je obsahem druhé kapitoly Krječmařovy knihy. Je to

období těžkých životních bojů básníkových, ale zároveň období plodné a vítězné činnosti literární. Devět básnických sbírek je výtěžkem tohoto pohnutého období, naplněného bojem s prostředím i s vlastním nitrem, devět sbírek, z nichž hned první *Kniha sonettow* v r. 1884, podepsaná novým jménem *J. Ćišinski*, jej učinila mistrem lužického slova a verše, povýšila lužickou poesii na výši slovanskou a světovou.

Obsahem třetí kapitoly je vylíčení života a díla básníkova na odpočinku doma, ve stejném neklidu vnitřním i zevnějším, období, jež nejvíce charakterisuje sbírka *Swětło z wyšiny*, období, jež charakterisuje také úsilí básníkovo o zlepšení domácího národního a kulturního života.

Všechny výklady Krječmařovy jsou doloženy spolehlivými a přesnými citáty, doplněny také vhodnými, částečně neznámými podobiznami, obrázky a facsimilemi. Mnohé se tu osvětluje, co až dosud bylo nejasné anebo nepřesné. Upozorňuji na př. na výklad o genesi jednotlivých básnických sbírek Ćišinského, na přesné ověření vzniku básníkových výkladů o lužické literatuře, které napsal do Ruska a na slovanský jih, na spolehlivé vypsání básníkových názorů přesně z jeho vlastních slov. Krječmař se úmyslně zřekl jakýchkoliv vlastních výkladů, estetických nebo psychologických a sociologických rozborů, ponechávaje to jiné příležitosti nebo jiné práci zvláštní. Jeho kniha je spolehlivým východiskem pro další monografie o Ćišinském, které jsou velmi žádoucí. Bylo by na př. velmi užitečné, kdyby byl podroben zevrubnému zkoumání jazyk Ćišinského, jeho výrazové prostředky, jako na př. učinil již *W. Bobek* ve své krátké studii *Motyw dumy u Barta-Ćišinského* ve Slavia Occidentalis, sv. 12. (sborník prof. dra K. Nitsche, Poznaň), kde si povšiml užívání slova *hordy* (hrdý, pyšný) atpod. u lužického básníka.

Krječmař založil své výklady na postupu chronologickém, čímž se stalo, že byly některé děje od sebe odtrženy, ač by bylo lépe pojednati o nich najednou: na př. výklady o sporech literárních s Pfulem. Velmi hojně je využito dosavadní literatury o Ćišinském: mohla býti také připojena ještě souborně. Pohřešuji tu důležitou poznámku *Ad. Černého* o sbírce Swětło z wyšiny ve Slov. Přehledu XVIII. 1926, str. 772, k výkladům o překladech z Ćišinského nutno ještě připojiti české překlady *Fr. Malého* v revui Meditace 1909, 826—31 a po různu jinde (srv. souborně v Malého Lužických vzpomínkách, Praha 1935,) a nejnověji překlady *Jos. Pelíška* ve *Zmeškalové* bibliofilském vydání *Lužičtí básníci* (Praha, Kolo luž. spisovatelů 1935, str. 37—69); tiskovou chybou je údaj v pozn. na str. 22.: Černého Stawizny basnistwa łuž. Serbow vyšly v Budyšíně 1910, nikoliv 1920. Zvláště zajímavé jsou drobné poznámky Krječmařovy o slovanských vztazích a vlivech u Ćišinského: ty by zasloužily především podrobného a soustavného zpracování. Jsou to zejména vlivy české a polské literatury, z níž také Ćišinski podal některé překladové ukázky. Celkem je kniha Krječmařova hodnotným příspěvkem k lužické literární historii a zároveň dobrým příspěvkem k dějinám slovanských literatur. Vyznačuje se pěkným a správným hornolužickým jazykem, jasným a čistým slohem.

Jos. Páta.

Des relations culturales italo-yougoslaves.

Antèro Meozzi, **Azione e diffusione della letteratura italiana in Europa** (Sec. XV—XVII), Pisa, Vallerini, 1932—X, p. 302, lit 20.

Mirko Deanović, **Les influences italiennes sur l'ancienne littérature yougoslave du Littoral Adriatique,** Paris, 1934, p. 23, extrait de la „Revue de littérature comparée", a. 1934.

Josip Torbarina, **Italian influence on the poets of the Ragusan Republic,** London, Williams Norgate Ltd., 1931, p. 243, 16 s. 6 d.

Bartolomeo Calvi, **Giosuè Carducci presso gli Slavi meridionali,** Torino, S. Lattes, 1933—XII, p. 237, lit. 15.

Dans les diverses manifestations et activités culturales, qui furent la suite naturelle du bouleversement de la vieille Europe après la dernière grande guerre, l'on peut mentionner aussi plusieurs études comparées sur les reciprocités spirituelles des nations, sur leurs relations culturales, sur leurs influences mutuelles dans le domaine artistique, linguistique etc. Ce genre d'études remontant au siècle passé, et même au XVIIIe siècle (cf. *P. Van Tieghen,* La littérature comparée, 1931; *J. Hergešić,* Poredbena ili komparativna književnost, 1932), soit sous une forme, soit sous une autre, soit avec une tendance, soit avec une autre, a eu des répercussions directes ou indirectes sur celles, qui concernent la littérature serbo-croate et particulièrement l'ancienne littérature slave de la Dalmatie. Ces études parurent lorsque, après la publication progressive de Stari Pisci Hrvatski (1869), il devint nécessaire et possible d'écrire toute une série d'essais sur les œuvres principales de la susdite littérature, sur leurs sources, leur valeur, leur signification, leur interprétation etc. De cette activité naquit dans le siècle passé la série de recherches, qui se rapportent aux travaux de *A. Pavić* («Rad», 32) de *F. Marković* («Vijenac», 1879), de *L. Zore* («Rad», 55) etc. Après la guerre ces écrits se multiplièrent sous différentes formes à partir des premières enquêtes yougoslaves de *P. Kolendić* (Palmotićeva Alčina, «Književni Jug», 1918), de *A. Petravić* (Dante u našoj književnosti, «Novo Doba», 1921), ou italiennes de *A. Cronia* (Dante nella letteratura croato-serba, 1921) sans compter les dernières publications de *G. Maver* (Leopardi presso i Croati e i Serbi, 1929), de *M. Deanović* (La fortuna di Apostolo Zeno nell' oltre Adriatico, 1932), de *M. Kombol* («Građa», XI, «Rad» 247) etc.

Néanmoins, malgré tous ces travaux, nous n'avons pas encore une synthèse complète, un aperçu général de ce que furent réellement les influences italiennes sur l'ancienne littérature slave de la Dalmatie. Ce qui a déjà écrit ne répond qu'incomplètement à l'état actuel des choses et aux exigences nouvelles de l'histoire littéraire. L'article que j'écris pour «L'Europa Orientale» (Riflessi italiani nella letteratura serbo-croata, Roma, 1924, IV, II, 93-117) est trop encombré de noms et d'exemples et manque d'exposés synthétiques; il est de plus incomplet et imparfait, surtout par la faute du rédacteur A. Palmieri qui, avec sa légèreté et sa hâte habituelles, l'a voulu pu-

blier arbitrairement. Le chapitre Talijanska književnost kod SHS. que *V. Vitezica* publia dans la »Narodna Enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka« de St. Stanojević (Zagreb, 1929, IV) est un simple abrégé de quelques notices communes et vieillies. Celui que *E. Lo Gatto* a consacré à la litterature serbo-croate dans son cycle de conférences tenues à Perugia (L'Italia nelle letterature slave — Studi di letterature slave, III, Roma, 1931), est une topographie à vol-d'oiseau, dont la perspective est peu heureuse en raison de la connaissance incomplète chez l'écrivain de son sujet et des sources sur lesquelles il s'appuie. La mention de *E. Damiani* dans son article Vlijanieto na italianskata literatura vrhu slavjanskitě («Italo-blgarsko spisanie za literatura...», Sofija, 1932, I, 1) n'est autre chose qu'une page vide de notes et d'idées, mais riche d'imperfections. Par conséquent nous ne possédons rien aujourd'hui de précis et de clair sur la véritable signification et sur la fonction exacte de l'ancienne littérature slave de la Dalmatie, pas même dans l'histoire générale de la litterature serbo-croate (voir *A. Cronia*, I principali apprezzamenti dell'antica letteratura slava di Ragusa, Roma, 1935). Ces lacunes et ces fautes sont d'autant plus étranges et tristes, que l'étude des origines et des influences de la littérature dalmate-ragusaine est une question facile et unilatérale. Il ne s'agit que de connaître la littérature italienne, la seule litterature italienne, et de voir comment elle a influé sur l'autre rivage adriatique. Bien plus compliquée serait, par exemple, l'étude de l'évolution et des origines du romantisme, du réalisme et du modernisme chez les Serbo-Croates, où les courants intellectuels, la pénétration et la pression slave-italienne-allemande se mêlent et se rencontrent dans un ensemble d'idées et de goûts, qui, jusqu'à présent, n'ont pas été clairement définis. La même observation se pourrait faire à propos d'autres littératures slaves (p. ex. la polonaise ou la tchécoslovaque) ou encore de chaque époque (baroque, romantisme etc.).

C'est pour cela que nous signalons avec plaisir quatre nouvelles publications de ce genre où alternent autant de questions de principes généraux que de sujets particuliers même personnels. Parmi ces œuvres nous voyons la place que l'ancienne littérature slave de la Dalmatie occupe dans l'histoire universelle de toutes les littératures européennes, grandes et petites, qui subirent l'influence de la culture italienne. Nous voyons encore de quelle manière et à quel point l'on peut circonscrire ce que celle-ci ressentit des influences étrangères. Nous voyons enfin à quels résultats particuliers et quelquefois nouveaux, nous conduit l'étude d'une époque ou même d'un seul auteur. Ainsi, entre une œuvre de synthèse et une autre d'analyse, le panorama général gagne en précision, en clarté et en amplitude. Et la personnalité aussi bien que la méthode de chaque auteur vient rompre et éviter ainsi la monotonie d'exposition que le genre de tels travaux revêt ou inspire souvent.

L'œuvre de *Antèro Meozzi* (Azione e diffusione della letteratura italiana in Europa — sec. XV—XVII) éclaire l'«action et la diffusion» de la littérature italienne en Europe aux XVe—XVIIe

siècles, c'est à dire l'action brillante de la Renaissance, car l'auteur a oublié ou négligé complètement l'importance et l'action même de la Contre-Reforme dès le XVIe siècle et plus encore au XVIIe siècle. Antèro Meozzi n'est pas un spécialiste, mais plutôt un souple historien, doublé d'un critique littéraire, quelque peu poète, qui s'occupa de préférence de questions de littérature italienne, parfois encore de littératures étrangères. Son œuvre est et veut être surtout une œuvre de vulgarisation et d'information. Pour cela en résumant dans quelques chapitres ce qui a déjà été écrit à propos de diverses littératures prises ensemble ou séparément, il nous donne un tableau général, où se trouve résumé ce qu'on savait déjà de chacune d'elles prises séparément. Son œuvre a le mérite ou l'honneur de présenter, pour la première fois en raccourci, dans un seul livre, ce qui était épars dans plusieurs, et d'avoir encadré, comme dans un seul miroir, autant de petits tableaux. Par contre il a le tort et le défaut d'avoir peu approfondi ses enquêtes et ainsi d'avoir établi un ensemble d'informations souvent imparfaites et peu exactes. De plus, si ces défauts ne sont pas trop sensibles, quand il s'agit de certaines littératures occidentales, en raison de la richesse du fond historique et littéraire sur lequel elles se sont développées, il en est tout autrement et d'une façon déplorable, dès que l'auteur se met a traiter des littératures slaves. En réalité on ne saurait parler de littératures slaves, car ici ne figurent que la polonaise et la serbo-croate. De même il est certain qu' à l'époque des XVe—XVIIe siècles, il aurait été difficile de parler de l'influence et de l'action italienne — non pas sur l'art mais sur les littératures bulgare, slovaque et même russe, mais d'autre part, il est également vrai qu'on n'aurait pas dû passer sous silence la littérature tchèque et même slovène. De plus les notices de Meozzi concernant ces littératures sont si pauvres et misérables qu'il aurait autant valu les supprimer. Pour rester strictement sur le terrain de la littérature serbo-croate, nous dirons à propos d'Italiens établis à l'étranger, c'est à dire en Yougoslavie, que l'auteur considère l' «Illyrie» et la «Bosnie» et se contente de rappeler Leonardo Montagna, lequel, ayant sejourné à Spalato entre 1457 et 1471 et entretenu des relations avec la «corte bosniaca», a pu y «propager et y laisser un lointain reflet de notre culture» (p. 69). Et c'est tout! Ici l'auteur, ayant considéré la Yougoslavie dans sa configuration politique et géographique d'aujourd'hui, aurait pu citer au moins des centaines d'Italiens qui s'y établirent et y laissèrent l'empreinte profonde de leur civilisation. Au XVIe siècle et pour la seule Raguse, combien d'exemples ne nous donne pas de ce fait le livre de *J. Torbarina*, dont nous parlerons ci dessous! De même et pour les mêmes raisons, à propos des Yougoslaves qui séjournèrent en Italie, l'auteur se contente de rappeler «Paolo di Ragusa e Francesco Laurana»! Pas une seule allusion à un de ces centaines de noms que déjà l'on peut trouver dans le vieux manuel de *S. Ljubić*, Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske! Enfin, à propos des «voies de diffusion», c'est à dire, selon lui, des traductions, il mentionne (p. 266) les influences italiennes de «Vetranic-Darsa, Gundolic, Palmotic»; il se souvient encore de deux mystères

de Marulić, d'un «Festspiel» de «Gjore Drzig» et de deux traductions de la «Gerusalemme Liberata» du Tasse, dont une aurait été écrite par «Ivan Gundulic» et une autre par «Domenico Slatoric». Ses sources furent une vieille bibliographie Tassesque de *Ferrazzi* et Geschichte des neueren Dramas de *Creizenach*! Il était impossible de traiter d'une façon plus pauvre la litterature serbo-croate et en général les litteratures slaves! Ces lacunes sont vraiment deplorables, d'autant que l'auteur pouvait consulter pour son travail des ouvrages italiens: ainsi, pour la litterature serbo-croate, l'article cité de *A. Cronia*; pour la littérature slovène un article de *B. Calvi*, Riflessi della cultura italiana tra gli Sloveni («Convivium», 1931); pour la littérature tchèque *J. B. Novak*, I rapporti culturali della Boemia e del popolo cecoslovacco coll'Italia nel passato (La Cecoslovacchia, 1925) et *J. Bukáček*, Le relazioni culturali ceco-italiane dalle origini all'epoca presente (Trieste, 1930); pour les autres littératures slaves *E. Lo Gatto*, L'Italia nelle letterature slave (Studi di letterature slave, III, 1931). Ainsi par la faute de Meozzi dans le tableau de l'action et de la diffusion de la littérature italienne en Europe, les littératures slaves, en face d'autres moins importantes, jouent le rôle de Cendrillon, ce qu'elles ne méritent pas. De cette manière fait assez triste figure tant la force d'expansion italienne que l'aptitude d'assimilation slave. Nous souhaitons donc que A. Meozzi dans son nouveau travail Il petrarchismo europeo, dont la première partie a paru (Pisa, 1931), soit plus heureux et mieux informé dans l'intérêt de toutes les littératures qu'il concerne.

Ce qui donc pourra intéresser davantage dans l'ouvrage de M. Meozzi, c'est sa Préface, où il parle en général d'influences, de reflexions d'actions culturales etc. L'auteur qui déjà a traité le même sujet dans un article sur I parallelismi letterari e la critica dei paralleli («La cultura» Roma, 1922), résume ici ses idées personnelles. Il commence, dans ce but, à indiquer le danger que l'historien, dans l'appréciation des échanges et des influences littéraires, ne soit sujet — comme dit G. B. Vico — à la «boria nazionale» et à exagérer l'importance de certains phénomènes (idée magnifique qui a déjà été illustrée par *A. Farinelli*, Gl'influssi letterari e l'insuperbire delle nazioni, «Mélanges-Baldensperger», 1930). De ces appréciations dérivent souvent plusieurs malentendus nuisibles. L'on exagère l'importance d'une initiative, ou on la voit là où elle n'existe pas; l'on attribue des primautés là où il ne s'agit que de phénomènes synchroniques; l'on voit des priorités dans des actions purement concomitantes; l'on donne du relief à des faits secondaires; l'on vante le rôle d'initiateurs chez eux qui ne sont que de simples initiés. Ensuite l'auteur parle de la nécessité non de tracer l'histoire de chacun des écrivains, mais de fixer la vive action qu'ils exercèrent sur les tendances, les goûts et la civilisation des peuples. Selon l'auteur les échanges intellectuels doivent être encadrés et appréciés, non d'après leur nombre, mais en raison de leur valeur propre, de leur qualité et des circonstances au milieu des quelles ils se développèrent. De même une question digne de considération est

l'étude des conséquences morales que les guerres, les invasions apportent habituellement à la civilisation tant des vainqueurs que des vaincus. Comme exemple remarquable de ce fait nous voyons tout le profit artistique et cultural que les Français et les Espagnols tirèrent de leurs diverses dominations en Italie. Autre exemple bien différent, mais également instructif, selon moi, c'est le long assujétissement de la Pologne sous le joug de la Russie, de l'Allemagne et de l'Autriche et ses contacts avec d'autres civilisations. Il est encore une considération de l'auteur qui retient notre attention et c'est celle-ci: l'action d'une influence littéraire sur une nation fut-elle utile ou nuisible? Supprima-t-elle ou, au contraire, vivifia-t-elle les propres énergies nationales du peuple? (Voir l'action de l'influence allemande ou francaise en Tchècoslovaquie!) Telles sont les idées essentielles développées dans la susdite préface. Elles n'ont pas épuisé certaiment tout le programme des études comparées, mais de quelque façon que ce soit, elles en ont touché une bonne partie. On pourrait, par exemple, mentionner encore l'importance des influences directes et indirectes, communes et particulières, leur synchronisme, l'activité de chaque personalité (Vrchlický en Tchècoslovaquie!) ou de chaque mouvement; les changements que les influences indirectes éprouvèrent (les influences italiennes en Tchècoslovaquie pendant le préromantisme et le romantisme à travers la littérature polonaise ou allemande! L'influence allemande en Pologne au moyen-âge à travers les relations tchècoslovaques!); la maturité des ambiances au sein desquelles les influences naquirent et agirent (la renaissance en Italie et en Pologne, Russie, Yougoslavie!); la différence qu'il y a entre l'effet esthétique et l'effet cultural que ces influences exercèrent (la littérature slave de la Dalmatie!); le succès ou la prédilection dont jouit chaque auteur ou chacune de ses œuvres au milieu de ce flux d'influences (Pétrarque chez les Croates! Pétrarque en Tchécoslovaquie comme poète lyrique et comme humaniste!) etc. Quant à la réalisation de ces principes, il nous en a donné l'exemple pratique dans la systématisation de son matériel littéraire. Il a éclairci auparavant les «contacts des hommes» et puis celui «des idées», c'est à dire il a éclairci la situation des Italiens à l'étranger et celle des étrangers en Italie; et puis il a suivi les diverses «voies de diffusion» de l'«italianisme».

Un autre exemple pratique qui concerne la seule et ancienne littérature slave de la Dalmatie, nous est donné par M. le professeur *Mirko Deanović* dans un article sur Les influences italiennes sur l'ancienne littérature yougoslave du Littoral Adriatique. Je crois que M. le professeur Deanović, avant d'aborder son sujet, aura probablement médité sur plusieurs de ces problèmes que nous mentionnâmes naguère. Mais la conclusion pratique à laquelle il nous amène avec son travail, n'est qu'un simple essai de «Grundriss» en miniature, où la recherche scientifique est remplacée par la synthèse et la sélection de plusieurs œuvres particulières dont sont extraites des informations propres à expliquer la naissance, l'évolution et le terme des influences italiennes, à définir leur valeur historique, littéraire, leur fécon-

dité et leur variété. Il nous donne donc un résumé presque exact et précis de ce qui, jusqu'à présent, a été écrit, avec documents à l'appui. L'action personnelle de l'auteur s'explique dans la délimitation de certains problèmes, dans l'acceptation d'interprétations meilleures, dans la distinction de questions principales et secondaires, dans la modération des jugements, dans le rôle de médiateur qu'il tient en face des critiques yougoslaves aujourd'hui en controverse (la critique esthétique et la critique historique!) et dans la disposition des matières. Mais dans son ensemble, l'article se présente comme un abrégé habituel que l'auteur revêt d'informations puisées chez d'autres et que parfois il atténue ou accentue un peu. Et si, à travers un tel panorama, l'auteur eut la possibilité de rassembler, d'ordonner et de documenter toute une série très-riche de notices d'auteurs et d'ouvrages, d'une manière claire, savante et équilibrée, malgré tout nous eussions préféré un autre ensemble de matières mises en œuvre, et M. le professeur Deanović nous l'aurait pu présenter avec sa belle doctrine et son bon goût. Nous sommes convaincus, par exemple, que si l'auteur avait mis de côté la vieille méthode du «Grundriss» à l'allemande et s'il avait adopté les nouveaux systèmes de l'École italienne et française, son travail eut été plus efficace et plus attrayant. De cette manière il aurait pu, avant tout, supprimer la vicieuse répartition du sujet par «genres» et en adoptant un ordre de direction chronologique et idéologique, il nous aurait donné la représentation exacte des phases et des aspects les plus significatifs. En outre il aurait pu consacrer une plus grande attention à la qualité et non à la quantité de chaque influence, aux idées et non aux hommes, à leur action esthétique d'un côté, culturale de l'autre, et non à la seule forme extérieure et au genre littéraire. En parlant de chaque influence il aurait pu appuyer sur l'action qu'elles exercèrent, ou n'exercèrent pas, sur les tendances, sur les goûts, sur la civilisation des nouvelles ambiances (étudiées auparavant à la lumière de ses relations avec l'Italie comme l'a fait J. Torbarina), et non sur la simple mymèse des écrivains. Et de cette action il aurait dû préciser quand elle fut ou ne fut pas transformée par l'esprit national (voir, par exemple, puisque l'auteur parle non de la Dalmatie, mais du Littoral Adriatique, la civilisation des Croates du Hrvatsko Primorje!) et quand et comment elle fut ou ne fut pas assimilée par l'individualité des écrivains. En procédant de cette manière, il aurait pu, par exemple, mettre en évidence non la série ou les différents groupes de pétrarquistes slaves, mais, d'un côté, les effets heureux du pétrarquisme sur l'élégance et la perfection formelle de l'ancienne poesie slave-dalmate, et, d'un autre côté, les effets délétères produits sur toute la littérature slave-dalmate par la glorification d'un monde galant, raffiné, courtisanesque, amoreux, qui était déjà du manièrisme et qui était sans aucun rapport avec la société littéraire (et sa maturité intellectuelle devait être aussi considérée) dans laquelle il était transplanté et à laquelle ensuite il inocula le conventionalisme et l'éclectisme, ces «virus» qui furent sa ruine. Et en parlant de pétrarquisme il aurait senti par suite la nécessité d'éclaircir nombre de doutes sur l'interprétation des

influences communes et particulières, sur les questions relatives aux traductions, aux réflexes etc. que les dernières publications de Torbarina et de Kombol ont fait naître. En continuant de la sorte il eût négligé quelques faits et facteurs secondaires, concentrant son attention sur les idées et les personnalités les plus saillantes et, en quelque sorte, le plus synthétiques, lesquelles se seraient ainsi présentées à son regard en pleine lumière et dans toute leur valeur comme sur une toile. Par exemple, pour ne parler que de la Contre-Réforme, que l'auteur a peu comprise et peu soignée, le seul Gundulić aurait suffi amplement. Une fois les idées et les personnalités remarquables fixées et commentées, l'auteur aurait pu rassembler autour d'elles comme ornement et documentation l'habituel ramassis d'accessoires. Cela étant nous eussions eu une belle exposition d'ouvrages, riches comme décor et pleines d'expression, au lieu d'une collection de monotones bas-reliefs et de mosaïques sans transparence. L'auteur aurait pu trouver, pour ce genre de travaux, quelque inspiration dans les œuvres de *A. Farinelli* (ses volumes sur Dante en Allemagne, en France, en Espagne), dans les deux livres de *C. Del Balzo*, L' Italia nella letteratura francese (1905), dans l'article de *G. Maver*, I contatti letterari della Polonia con le nazioni occidentali (1933), dans la susdite Préface de *A. Meozzi*, dans la monographie de *J. Torbarina* etc. Et, puisque nous parlons de bibliographie, nous croyons que même la conférence de *B. E. Vidos*, La forza di espansione della lingua italiana (Nijmegen-Utrecht, 1932), malgré ses défauts de direction et de documentation à propos des langues slaves, aurait pu lui inspirer un chapitre sur l'influence de la langue italienne dans l'ancienne littérature dalmate-slave (et la langue est un moyen et une expression d'art!), d'autant plus que l'auteur, d'après le titre de son travail, n'a pas limité ses recherches aux influences littéraires, mais a admis en général les influences italiennes; tel chapitre, dans le cercle de ses informations, aurait été sans doute plus intéressant et plus opportun que l'insertion des «bogomiles», qui n'ont rien à faire avec le sujet.

Mais, abstraction faite de la méthode et des principes littéraires de l'auteur, nous pouvons dire en toute sûreté que l'article de Deanović a été écrit avec cette habileté et cette préparation bibliographique que nous eûmes déjà l'occasion de noter et de louer ailleurs («Rivista di letterature slave», Roma, 1932, III-IV; «L'Europa Orientale», Roma, 1933, 5—6).

Il commence son article en constatant que les Slaves vinrent en Dalmatie à l'aube du VIIe siècle, poussés par le besoin d'atteindre une mer méridionale, ce qui n'est pas très exact. A la même époque, selon l'auteur, aurait commencé le phénomène de «symbiose» entre l'ancienne population romaine et les nouveaux venus, et dans cette nouvelle ambiance, rapporte le même auteur, les Slaves profitèrent de leurs rapports avec les Italiens pour édifier leur propre civilisation, ce qui s'accomplit grâce à une littérature en langue nationale. Par suite il commente et éclaircit cette littérature slave à l'aide et la lumière de ses sources italiennes, ne négligeant pas de toucher tout ce qui en constitue les princi-

paux mérites à commencer par ses origines qu'il fait remonter, pour le moins, a début du Xe siècle (?), lorsque, dans certaines régions, les Croates introduisirent des livres liturgiques rédigés en paleoslave et provenant des frères Cyrille et Methode. En étroite relation avec ces premiers ecrits et malgre la distance chronologique qui les sépare, il y a d'autres œuvres didactiques et morales ayant comme but l'édification des fidèles mais surtout du clerge. Celles-ci forment le patrimoine commun de toutes les litteratures chretiennes du moyen-âge et les Croates les ont perçues à travers les remaniements italiens, ou même à travers certaines creations originales italiennes dès la «Legenda aurea» jusqu'à «Fiore di virtù». Avec cette production toute religieuse l'auteur approche les mysteres ou «sacre rappresentazioni», que les Croates de la Dalmatie ont connus par l'influence de l'Italie seulement, affirme l'auteur n'admettant pas, avec raison, des influences allemandes. Pareillement se développa à l'ombre de l'Eglise, bien que condamnée par elle, la littérature apocryphe, comprise aussi par l'auteur dans la sphère des influences italiennes, mais encadrée un peu plus tard après avoir parle de la poesie populaire des Serbo-Croates, dont certains eléments semblent demontrer une prise de contact avec les chansons de gestes occidentaux. Après une petite remarque non nécessaire sur les «bogomiles» l'auteur achève son tableau du moyen-âge qui, dans son abrégé, reste la partie la plus belle de son travail, parce que les différents genres litteraires correspondent aux diverses tendances de la culture de l'époque considérée en un rapide aperçu synthétique. Mais seulement avec la Renaissance commence chez les Slaves de la Dalmatie leur vraie littérature (il ne s'agit plus de culture religieuse). C'est le milieu où les influences italiennes eurent occasion de s'imposer, plus vigoureuses que jamais. L'auteur les énumere presque toutes: humanisme, pétrarquisme, marinisme, Arcadia, «canti carnascialeschi», théâtre, épique etc. Il s'intéresse de plus, comme nous le dîmes, aux genres littéraires, mais il n'oublie pas les grandes personnalités et ne manque pas de souligner tout ce qui lui semble constituer la valeur originale de cette littérature, et pour cela en arrivant à la conclusion, il nous assure que cette littérature a même «de petits chefs d'œuvre» qui appartiennent «au patrimoine commun de la littérature mondiale». Toutes les notices qui l'auteur nous donne, chaque tableau, chaque genre, chaque écrivain — sauf quelque anacronysme provoqué par la répartition malheureuse des genres — se présentent à leur juste place, bien exposés et documentés surtout à l'aide des influences italiennes. Toutes ces influences sont si nombreuses et si fortes qu'elles ombragent et amoindrissent toute l'originalité et la valeur de cette littérature. Pour cette raison l'auteur chercha toujours à sauvegarder l'honneur de cette littérature, dont il met en évidence avec une habileté vraiment admirable tous les mérites en parlant de «goût propre», de «tempérament», de point de contact entre l'Occident et l'Orient, etc. Dans son rôle apologétique il est lié à des interprétations personnelles et hypothétiques, auxquelles nous ne souscrivons pas et que nous ne discutons pas ici, parce que nous les avons déjà contestées dans le IIIe volume

de «Atti e Memorie della Società dalmata di Storia Patria». De quelque façon que ce soit, l'article du prof. Deanović, nous le répétons volontiers, est un travail d'actualité et intéressant, spécialement pour les Yougoslaves qui y trouveront une apologie indirecte contre les tentatives de certains critiques, même Croates (Haler, Barac, Kombol etc.), qui ont commencé à déprécier l'importance de l'ancienne littérature Yougoslave de la Dalmatie — (pardon, j'avais oublié que l'auteur abhorre cette expression!) — du «Littoral Adriatique».

D'une méthode à une autre, d'un tableau général à un tableau particulier, à un seul siècle, à un seul genre, nous amène le livre de *Josip Torbarina*, Italian influence on the poets of the ragusan republic, dont le titre cependant a le tort de promettre plus que n'offre le livre. (Le défaut habituel de réclame commerciale qui malheureusement est passé dans la littérature!) Effectivement l'auteur ici, en évitant une chronologie détaillée et en préférant une vision retrospective des grandes étapes et des figures dominantes (c'est le contraire du système du prof. Deanović), comprend seulement quelques poètes slaves de Raguse, c'est à dire les lyriques du XVIe siècle, donc Menčetić et Držić en «entier», une «partie», et quelque fois une très petite partie (et cette autopsie n'est pas raisonable ni efficace!) de m. Držić, de Nalješković et d'autres. Et parmi les poètes susnommés il s'occupe préférablement des plus grands. Mais il les étudie bien, avec patience et prudence dans la comparaison des sources. Et pour les mieux prendre sur le vif, dans le milieu qui leur convient, il trace dans la première partie de son travail un tableau rétrospectif de l'ambiance littéraire qui fut celle de leur inspiration, et résume l'histoire des relations culturales entre Raguse et l'Italie au XVI- siècle. Mais au lieu de nous présenter un unique tableau, il partage sa description en divers tableaux qui se rapportent à chaque groupe de poètes. Et dans ces tableaux mêmes ne sont pas minitieusement présentées toutes les particularités, mais l'attention est spécialement concentrée sur les phénomènes principaux. De cette manière le premier tableau ou chapitre concernant la première époque du XVIe siècle, c'est-à-dire le groupe des poètes du „Zbornik“ de Ranjina (1507) est résumé dans l'activité superbe de Daniele Clario à Raguse et de là en Italie avec des Ragusains. Dans le seconde chapitre (c'est l'époque des poètes Držić et Nalješković) les relations italo-ragusaines sont résumées dans l'activité et les silhouettes de I. Najlešković et de I. Gundulić d'un côté et de l'autre dans celles de Brucioli, Aretino et Vettori. L'époque des années 1550 offre les poètes Ranjina, Bunić etc. et se concrète surtout dans la figure superbe de Beccadelli avec l'entourage de Manuzio, Amalteo, Speroni, Nascimbeni, Ranjina et Sorgo (Sorkočević). Dans le dernier chapitre surgissent les personnalités de Zlatarić, Zuzzeri (Zuzorić) et Francesco Serdonati.

Dans la première partie la situation littéraire à Raguse est examinée dans ses contacts avec l'Italie. Dans la seconde partie, l'auteur — ainsi que le dit *A. Gide* (Prétextes) — passe à «l'apologie de l'influence». Les premiers poètes qu'il considère sont les Dioscures ragusains Šiško Menčetić et Džore Držić. Ils imitèrent surtout l'œuvre de Serafino,

dont ils traduisirent quelques poésies. Ils imitèrent également quelqu'uns de ceux qui le suivirent ou de ses contemporains, telsque: Antonio Ricco, Baldassare Olimpo, Cristoforo l'Altissimo, Poliziano, Lorenzo de Medici, Pulci. Très-sensible a eté l'influence de Pétrarque (je dirais plutôt des pétrarquistes). Rares et insignifiantes sont les traces des poètes classiques, des troubadours et des poètes italiens du «dolce stil nuovo». Seulement quelques traces de la «Divina Commedia» sont à peine percetibles. L'auteur examine egalement la métrique de ces poètes et la juge fortement influencée par la métrique italienne. Il conclut en observant que, malgre cette teinte d'imitation, le «génie personnel» ne manque pas chez ces poètes specialement chez Držić qu'une injuste destinée a accouplé au froid et artificiel Menčetić. Ce chapitre d'environ cinquante pages est riche d'exemples comparatifs.

Tout au contraire est fort bref celui dédié à la lyrique de M. Držić et de Nalješković. Il est dit du premier qu'il est l'auteur d'un petit «canzoniere» pétrarquesque et il en est cité quelques passages. Du second même il est également remarqué qu'il est l'auteur d'un «canzoniere» semblable. A titre de supplément sont signalées encore les œuvres d'autres poètes non lyriques avec les sources italiennes auxquelles ils ont puisé, sources déjà connues précédemment.

Le chapitre le plus important et le plus remarquable est celui qui est consacré à Dinko Ranjina. Dans ce chapitre l'on s'applique principalement à recherchar les sources italiennes que nul n'avait aperçu jusqu'alors; ces sources sont: les «strambotti» de Serafino et de Tebaldeo et d'autres, les sonnets du Pétrarque, les «capitoli» du Bembo et autres. En outre, il est prouvé du reste que Ranjina, non seulement ne connaissait pas le grec et connaissait peu le latin, mais il est encore démontré que ses poésies, qui jusqu'à présent semblaient inspirées par les classiques grecs ou latins, sont de simples et artificielles imitations des poètes italiens du Cinquecento. Comme conséquence disparait tout à coup la théorie de ceux qui, sur la base des études précédentes de Maixner, Kasunović, Jagić, Vodnik etc., présentaient Ranjina comme un poète réformateur (de type classique!) de la lyrique ragusaine (je dis ici «ragusaine» non pas slave parce que R. a écrit aussi des vers italiens connus même en France) et Ranjina reste un de ces poètes impersonnels et «amorphes» qui caractérisent si bien toute l'ancienne littérature slave de Raguse. Ce coup de grâce à la gloire de Ranjina, que j'ai déjà prévu en 1931 au Congrès International des Pétrarquistes à Arezzo (voir mon article La fortuna del Petrarca fra gli Slavi meridionali dans «Annali della Cattedra Petrarchesca», Arezzo, 1932, IV, et les notes dans «L'Europa Orientale», Roma, 1933, I-II.) a été porté presque simultanément aussi par le prof. *M. Kombol* («Gragja», XI.) qui non seulement trouva dans la poésie de Ranjina de nouvelles sources italiennes, mais souligna encore plus son artificiosité, sa vacuité, sa grande impersonnalité.

Un autre et bref chapitre est l'esquisse de notices sur la lyrique des deux Mažibradić, de M. Bunić et de S. Bobaljević et l'indication de quelques uns de leurs contacts avec la poésie du Pétrarque et du Tasse.

Le dernier chapitre est entièrement consacré à D. Zlatarić. Ici on remarque la tradition littéraire slave qui, à cette époque là, s'était déjà formée à Raguse et qui laissait ses traces sur les nouvelles générations de poètes. Mais il s'agit de peu de chose. Bien supérieur reste encore Pétrarque et avec lui Bembo et l'Arioste. L'auteur remarque de plus dans Zlatarić une note de «classicisme» qui provient de sa «culture classique» et qui apparaît comme une tentative de réforme de la poésie ragusaine, ce qui n'est pas exact, parce que, comme l'a prouvé dernièrement *M. Kombol* («Rad» 247), il s'agit simplement d'une habileté plus grande à copier les modèles italiens et à manier la forme poétique. Du reste Zlatarić est un poète très médiocre, comme tous ses pairs, et s'il est capable de contrefaire, dans une seule poésie croate, plusieurs modèles italiens, il ne l'est même pas pour composer de simples vers d'occasion sans masquer son plagiat avec de naïfs idiotismes ragusains. Démasqué donc reste aussi D. Zlatarić! C'est le mérite de J. Torbarina et, encore plus, de M. Kombol qui, dans relativement peu de pages, ont acquis bien plus que *A. Vaillant* qui, dans deux grands et indigestes volumes (La langue de D. Zlatarić poète ragusain de la fin du XVIe siècle), a étudié la langue de ce poète sans en apercevoir le génie.

Comme conclusion de tout ce qu'il a découvert et révélé dans chaque chapitre, l'auteur ajoute à son travail une espèce d'épilogue, où, en cherchant à effacer l'impression mauvaise que pourrait nous laisser tout ce ramassis de sources italiennes traduites, imitées, contrefaites, remaniées etc., il crée une «apologia pro litteris ragusanis» et, au risque de se contredire lui-même dans la voie précédente, il s'efforce de rester «tutissimus in medio» parmi ceux qui exagèrent et ceux qui déprécient la valeur de l'ancienne littérature slave de Raguse. Il pense que les poètes ragusains ne sont pas les seuls à avoir subi l'influence de la littérature italienne en Europe (l'op. cit. de A. Meozzi lui donne raison, mais l'histoire du pétrarquisme lui donne tort!), il pense encore qu' à Raguse il y a eu, ce que A. Gide appelle des «influences communes» et non des «influences particulières» (mais ce n'est pas exact, parce que l'histoire de chaque poète ragusain est une preuve contraire) et il ne se gêne pas pour reconnaître à la poésie ragusaine une «individual physionomy», le mérite d'avoir «developed along new individual lines» de sorte que «the subsequent periodical influxes from Italy were only of an ephemeral nature».

Le travail de J. Torbarina, tant par la nouveauté de la méthode (parmi les slavistes yougoslaves), que par la nouveauté de plusieurs de ses conclusions, est une des plus intéressantes publications qui aient paru dans les derniers temps sur ce sujet. Ses résultats les plus remarquables dérivent de patientes et heureuses recherches d'archives (à Raguse, en Italie, à London) et de l'examen de nombreuses et peu connues sources italiennes. Dans l'étude des sources il ne s'est pas limité à l'examen des grands poètes italiens qui sont cités dans chaque manuel de littérature serbo-croate, mais il a voulu connaître également leurs imitateurs, les épigones, et ainsi il a trouvé de bons termes de comparaison. Grâce à ses belles investigations, nous voyons non seulement se multi-

plier les anneaux de la chaîne millénaire qui relie les deux rives de l'Adriatique, mais nous voyons encore s'enrichir le bagage littéraire des poètes ragusains qui, semble-t-il, se sont inspirés de beaucoup plus d'autres poètes italiens qu'on ne l'avait cru. Désormais les noms de Dante, Petrarca, Bembo, Tasso, Ariosto sont entourés dans la littérature ragusaine de toute une pléiade d'epigones et de satellites sans nombre. Et dans l'exposition des relations culturales italo-yougoslaves l'auteur évoque toute une série de noms à peine connus jusqu'alors. Mais ce n'est pas là uniquement un étalage de noms, l'auteur nous présentant par ailleurs un travail utile: ainsi il rapporte beaucoup de choses que nous ne connaissions pas ou que ceux qui les connaissaient (par exemple *Appendini* qui certainement a été pour notre auteur une source précieuse!) n'ont pas su utiliser convenablement. C'est pour cela que tout ce qu'il nous raconte de Davide Clario, de I. Nalješković (Nale!), de Brucioli, Aretino, I. Gundulić, Vettori, Nascimbeni, Serdonati et surtout de Beccadelli et de son pétrarquisme est fort intéressant.

Si on considère l'ensemble, la nouveauté et la difficulté du travail, il est naturel qu'on y pense trouver parfois des informations, même des conclusions susceptibles d'être contestées. Par exemple, en ce qui concerne la méthode, ici du reste excellente, il est facile d'observer que, dans chaque chapitre concernant les relations italo-ragusaines, l'auteur s'est un peu trop attaché à l'essentiel, en négligeant cette ornamentation ou décoration qui, tout en étant d'ordre secondaire, n'en reste pas moins, dans une certaine mesure, le soutien et la partie documentaire de l'ensemble. L'auteur lui-même, s'en est rendu compte, nous le croyons, pendant son travail, et dans le IIIe chapitre il nous offre un ensemble plus complet et moins sec. Mais, comme il est naturel, la partie la plus intéressante de son livre est celle où il fait l'examen des influences. Cette partie n'est pas seulement la plus digne d'intérêt, elle est aussi la plus difficile et la plus épineuse, notamment lorsque se présente la question du pétrarquisme. (Voir l'œuvre nouvelle de *A. Meozzi*, Il petrarchismo europeo.) L'auteur se trouve alors placé devant le danger de confondre des «lieux communs» avec des notes particulières, des passages de Pétrarque avec des remaniements de pétrarquistes, des pensées originales avec des idées arrêtées, des influences communes avec des influences particulières, des vers d'un poète avec ceux d'un autre etc. Le livre de *J. Vianey*, Le pétrarquisme en France au XVIe siècle (on parle aussi des poésies italiennes de D. Ranjina) ou la récente publication de *H. Hauvette*, Les poésies lyriques de Pétrarque (Paris, 1931) nous entretient de la difficulté de ces questions. *M. Brahmer*, Petrarkizm w poezji polskiej XVI. wieku (Krakow, 1927) nous parle du pétrarquisme dans une littérature slave. De cette difficulté nous convainct une fois de plus le même Dr. J. Torbarina. Voici des exemples bien significatifs! M. Torbarina a remarqué dans la poésie de D. Ranjina des influences ou traces d'influence de B. Tasse (selon l'ordre des poésies publiées dans le XVIIIe volume de Stari Pisci Hrvatski), de Pétrarque, B. Cappello, Galeazzo di Tarsia, Alamanni, Bembo, Tansillo, Serafino, Poliziano, Angelo di

Costanzo, Bartolomeo Cavassico, Giovanni della Casa, Olimpo da Sassoferrato, Tebaldeo, et M. Kombol (op. cit.) en a trouvé celles de Bembo, Petrarca, Ariosto, Serafino, Sassoferrato, Giovanni Guiduccioni (une traduction!), Marcantonio Magno, Poliziano, Tebaldeo, Giovanni Mazzarello, Sannazzaro (une traduction!), Fracastoro, Lorenzo de Medici, Boiardo, Lodovico Corfini, Cariteo, Pietro Gradinico, Giustiniani et autres. Mais plus intéressant encore est le fait que, dans toute cette masse de citations d'auteurs et d'œuvres italiennes, les deux chercheurs yougoslaves n'ont été jamais ou presque jamais d'accord. Celui-ci découvre un poète italien et celui-là un autre, et lorsque tous les deux parlent d'un même auteur, l'un cite une poésie et le second une autre. Une unique exception, si je ne me trompe, est la poésie n. 29 (de Stari Pisci) que tous les deux attribuent à Pétrarque. Mais typique reste le sort de ces poésies que l'un attribue à un auteur et l'autre à un autre. Par exemple la poésie n⁰ 201, selon M. Torbarina, a été inspirée par Bartol. Cavassico, et, selon le prof. Kombol, elle a toute la facture de Marcantonio Magno. Et voici la poésie n⁰ 293 qui selon l'un est de Sassoferrato et d'après l'autre de Pétrarque! Ce n'est pas tout! La poésie n⁰ 52 que M. Torbarina apparente à Serafino, selon Kombol n'est qu'une traduction de l'Arioste. Et M. Torbarina qui a examiné les poésies de Horace Mažibradić et a trouvé un trait d'union entre ces poésies et celles de Ranjina et de B. Tasso, ne s'est pas aperçu aussi bien que *P. Kolendić* («Prilozi za književnost...» XI) que deux de ces poésies ne sont que de simples versions de Pétrarque. Pareillement, dans l'œuvre de Menčetić et de Držić, il ne trouve pas que la poésie n⁰ 31 de p. 479 est une traduction de Serafino, comme l'avait déjà auparavant fait observer *P. Kreković* («Nastavni Vjesnik», XVI) que notre auteur a étrangement ignoré avec d'autres publications importantes (Rešetar, Jagić, Dujmušić, Cronia etc.). Tout cela nous démontre que, dans certains cas, il est bien difficile d'établir la «paternité» d'une poésie; et cela nous prouve encore que certains exemples donnés par M. Torbarina ne sont pas de nature à entraîner notre persuasion. L'on pourrait objecter par surcroit, à propos de Menčetić, que l'exemple de la page 94 n'est pas une note particulière de Serafino, mais un motif commun au pétrarquisme ou au même «Canzoniere» de Pétrarque. Aussi les essais des pages 99 et 100 tirés de Sassoferrato sont des lieux communs de la lyrique italienne du Quattrocento ou du Cinquecento, etc.! Nous ne voulons pas nous arrêter sur une critique minutieuse; renvoyons le lecteur désireux de ces détails à notre discussion dans les «Atti e Memorie della Società dalmata di storia patria" (v. III) et répétons encore une fois que l'œuvre de J. Torbarina est une œuvre bien faite, même dans le commentaire des influences, quoique l'écrivain n'ait pas la sensibilité esthétique du prof. M. Kombol.

C'est á un sujet encore plus particulier, à l'étude d'un auteur, que nous entraîne le livre Giosuè Carducci presso gli Slavi meridionali de *Bartolomeo Calvi*, jeune slaviste italien qui se spécialise dans la littérature slovène. Vraiment ici il ne s'agit plus de l'ancienne littérature slave de la Dalmatie (Carducci est un poète moderne), mais plutôt

de littérature serbo-croate ou slavo méridionale respectivement italienne en général. Néanmoins nous signalons ici ce livre avec les publications ci-contre, parce que Carducci eut le succès le plus grand chez les Croates et les Serbes de la Dalmatie, et parce que l'œuvre de M. Calvi nous ramène à la discussion d'idees et de systèmes que nous avons abordée auparavant. Son livre n'est qu'une mauvaise copie de la petite monographie de *G. Maver*, Leopardi presso i Croati e i Serbi, dont il a conservé toutes les qualites et tous les defauts. Nous sommes convaincus que personne ne voudra douter de l'importance que peut avoir dans l'etude des relations culturales entre les nations, l'examen de chaque auteur pris en particulier. De l'evidence de ceci la preuve la plus décisive nous est fournie par les superbes résultats obtenus dans les monographies de ce genre. Réfléchissez, je vous prie, aux ouvrages de Farinelli sur Dante, de Baldensperger sur Ossian, de Szyjkowski sur Mickiewicz, de Jensen sur Gundulic etc.! Naturellement ces travaux n'ayant qu'un champ limite et, par suite, une tâche rélativement facile, elles doivent embrasser toutes les manifestations, toutes les répercussions que l'action d'un auteur a eu dans son ambiance. Au contraire tant le livre de M. Calvi que son modele, se limitent surtout, et je dirais presque normalement, aux seules «traductions» et aux «études». Le prof. Maver a parlé déjà ailleurs de l'importance que, dans l'étude des relations culturales et même des mouvements litteraires, a la question des traductions (Lo studio delle traduzioni come mezzo d'indagine linguistica e letteraria dans «Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», Praha, 1929, II) et nous souscrivons des deux mains a presque tout ce qu'il dit. Le même professeur dans l'article cite I contatti letterari della Polonia etc., s'est tenu sur les gardes en face de «reminiscenze, echi e riflessi» qui pourraient être aussi «inesatti o inesistenti o privi di qualsiasi valore», pendant qu'il a souligné que les traductions sont «indizio sicuro di un contatto con un'altra letteratura» et «pongono sul suolo sicuro della documentazione» (p. 129). Aussi A. Meozzi (op. cit. 146) nous a assuré que de tous les facteurs de pénétration à l'étranger, les traductions sont «il piu efficace», que chaque littérature «nel periodo del suo sviluppo si è sveltita ed arricchita traducendo», que les traductions de l'italien ont été «la via regia per cui la nostra civiltà si diffuse e si impose». Sur toutes ces observations, exceptée la dernière, nous sommes parfaitement d'accord et nous croyons qu'elles sont hors de discussion. Mais, d'autre part, nous sommes sûrs que l'étude d'un auteur ou d'un mouvement, ou d'une époque, est imparfaite, au moins unilatérale si on ne prend pas en considération les influences qu'un auteur ou un mouvement ont exercées en différentes manières. Et nous admettons bien que les traductions soient la «via regia», le moyen le plus «sûr» et par conséquent le plus réel, le plus concret, donc le plus évident dans l'étude de certaines infiltrations littéraires, mais nous soulignons aussi l'importance de l'étude des influences proprement dites, même quand elles réprésentent des voies latérales, des chemins de traverse, des moyens moins sûrs, la spiritualisation de chaque fait matériel, la preuve la plus discutable et la moins

évidente de l'action qu'un auteur ou une œuvre ont exercée. Mais ce n'est pas tout. En considérant la facilité avec laquelle on peut résoudre la question des traductions, et d'un autre côté, en examinant les mille difficultés avec lesquelles il faut lutter dans l'appréciation de chaque influence littéraire, nous affirmons que l'étude des traductions peut être confiée à tout amateur et que celle des influences exige une longue préparation esthétique et littéraire. Enfin il y a des cas où la question des influences est essentielle. Mesurez, je vous en prie, l'appréciation des influences italiennes sur le romantisme slave à l'aide de seules traductions slaves! Mesurez l'expansion de la Renaissance italienne en Pologne sur la base des seules traductions polonaises! Et comme exemple plus adéquat à notre sujet, expliquez-moi l'influence italienne sur l'ancienne littérature slave de la Dalmatie à la lumière des seules traductions croates! Comment feriez-vous pour définir une époque (le XVI siècle), un mouvement (le pétrarquisme, l'Arcadia), un genre (la lyrique), un auteur (Zlatarić, Gundulić)? Mais prenons un exemple inverse. Considérez Pétrarque dans les rares essais de traduction et dites-moi, sans toucher les cas de son influence intellectuelle, esthétique, directe ou indirecte, quelle sera l'impression que vous aurez de son action sur les Croates? Et que dire de Dante et de son prestige dans cette ancienne littérature qui ne contient pas même un fragment de traduction de ses œuvres?! Et que dire du Tasse et de l'Arioste? Je laisse la réponse aux œuvres des Deanović, Torbarina et Kombol. La brochure du prof. Maver sur Leopardi chez les Croates et les Serbes nous fournit encore un exemple où nous admirons seulement une face du culte léopardien (dans les traductions) et nous ignorons son influence sur d'autres poètes qui ne l'ont pas traduit. Exemple analogue se tire de l'autre brochure du prof. *Maver*, Leopardi e Vrchlický, où, nullement en conformité avec son titre, il s'occupe seulement des traductions et des études et néglige la question se rapportant à d'autres influences léopardiennes. Ces dernières avec celles de Dante et Carducci forment une des notes les plus caractéristiques de la personnalité de Vrchlický considérée au point de vue de sa culture italienne. Enfin le livre de B. Calvi nous en donne une nouvelle confirmation. Il analyse minutieusement les plus insignifiantes traductions et touche la question des influences seulement (et on pourrait dire par force): à propos de Tresić qui fut aussi traducteur de Carducci, et sur lequel il a consulté l'article définitif de A. Petravić; et à propos du même Petravić qui lui a fourni tant d'informations personnelles. Pour les autres poètes il ne s'est pas fatigué et a laissé le champ libre à ses continuateurs ou à ses critiques... Il y aurait bien des choses à revoir, à partir de Vl. Nazor, dans l'œuvre duquel le prof. Dragutin Prohaska, qui n'est pas fin connaisseur en littérature italienne, a déjà indiqué quelques traces d'influence carduccienne dans son manuel Srbocharvatská literatura (Praha, 1928).

Dans ce travail de M. Calvi on peut trouver encore un autre défaut qui dérive de son modèle. C'est le tort de n'être pas rémonté à toutes les sources d'information, donc de n'avoir pas su fixer toute la vision carduccienne, au moins au point de vue des traductions. Ce défaut est

d'autant plus désagréable qu'il n'a pas donné la liste des sources consultées; de là l'embarras de ses continuateurs... Et l'œuvre de M. Calvi aura des continuateurs parcequ'elle est imparfaite. Déjà au seul aspect des traductions ou des essais qu'il nous donne, nous voyons qu'il a oublié, par exemple: «Klasično proljeće» de Dinko Sirovica («Narodni list», Zara, 1892, 22), «Aleksandrija» d'un anonyme («Srđ», Raguse, 1905, 341), «Miramar» de A. Wenzelides (ib. 1907, 665), «Ave Maria» (Chiesa di Polenta) de R. Katalinić-Jeretov («Mladost», III, 6), «Na brdu Mariju» de N. Milutinović (Likovi iz strane književnosti, Belgrade, 1930, connu aussi en Italie, cf. A. Cronia dans «Rivista di letterature slave», Roma, VI, 5) etc. Il a oublié en outre la traduction de «Nad grobom Fr. Petrarke» de Šp. J. Gerun («Srđ», 1907, VI), l'étude de W. Ljubibratić «Giosuè Carducci kao pjesnik» (ib. 1907, VI, 264 seq.), la note de I. Tag. sur «Giosuè Carducci: Le prose» («Lovor», 1905, I, IV), le chapitre sur Carducci de N. Milutinović (op. cit.), la poésie de Stj. Ilijić «U smrt G. Carducci-a» («Narodni List», 1907, 20), différentes notes de B. Lovrić (Iris), de J. Bersa (Pjesme), de A. Mitrović (Sa Vltave na Nišavu) etc. Est-ce donc peu de chose tous ces oublis dans un livre de 236 pages, qui traite seulement de traductions et d'essais critiques et où l'on trouve chaque traduction analysée vers par vers scolastiquement?

A notre avis, existe encore le défaut technique d'avoir éparpillé les traducteurs, année par année, c'est-à-dire dans l'ordre chronologique où parurent chacune de leurs traductions. L'auteur imite ici la marche de son modèle, mais le prof. Maver distribue les traductions selon l'ordre chronologique des traducteurs justement encadrés dans leur époque ou dans leur mouvement: lui au contraire s'arrète à considérer chaque essai de traduction selon l'année de publication et, de cette manière, il partage ou repousse les traducteurs en autant de chapitres inutiles et fragmentaires. Voir par exemple A. Petravić qui au moins à six reprises apparait dans ses chapitres! Mais, le plus fort, c'est que l'auteur à propos des Croates et des Serbes se conforme à cet ordre chronologique et, quand il en vient aux Slovènes et aux Bulgares, il emploie une disposition toute différente. Il est vrai, que, en ce qui concerne les Bulgares et les Slovènes, par défaut de matière il n'était pas possible d'employer le mode adopté pour les Croates. Mais il est également vrai que, dans une œuvre sérieuse, le changement de méthode dans ses diverses parties n'est pas acceptable, comme, du reste, il est aussi vrai que le système adopté pour les traductions slovènes ou bulgares aurait correspondu aussi bien, ou même mieux, pour les traductions croates ou serbes.

Mais le défaut fondamental dans l'œuvre de B. Calvi (contrairement au livre du prof. Maver qui connaissait bien la langue et la littérature serbo-croate, exception faite de quelques inexactitudes notées aussi dans «Prilozi za književnost...», XIII) c'est de n'avoir pas bien connu ni la littérature, ni la langue des traducteurs slaves respectifs. De là dérivent de fausses argumentations ou informations de caractère littéraire et des fautes banales dans l'interprétation du texte. En voici

quelques exemples. S'il est ou s'il peut être vrai que, de tous les Slaves méridionaux, les Croates s'occupèrent davantage de Carducci pour introduire chez eux un génie latin, pour enrichir et affiner la langue poétique et pour stimuler l'idée de l'indépendance politique, si tout cela est vrai, il n'est pas exact, au moins du point de vue statistique, que Carducci «fu ed è ancora il poeta italiano più studiato dall'aristocrazia intellettuale croata» (p. 15). Cette primauté de Carducci peut être contestée au moins par Dante et Leopardi, selon les monographies que nous connaissons (Cronia, Maver, Petravić). En outre, par des sondages comparatifs que j'ai faits personnellement çà et là dans les revues yougoslaves et dont je possède plusieurs centaines de notes, je suis à même d'affirmer que l'Arioste, Tasso, Manzoni, De Amicis et surtout D'Annunzio pourraient être de dangereux rivaux pour Carducci. M. Calvi ne connaissant pas l'ambiance où Carducci a été transplanté, en exagère l'importance. Pour la même raison, trouvant peu de traces de Carducci chez les Slovènes, il accuse la «troppa distanza dell' anima slovena dal pensiero del nostro poeta» (p. 171) et ignore évidemment l'esprit et même la situation culturale et politique d'autres Slaves (les Croates ou les Polonais!), dans la seconde moitié du XIX siècle et au commencement du XX siècle. De même il ne distingue pas la différence existant entre le réveil littéraire des Bulgares à l'époque de leur renaissance nationale et leur rénouveau d'activité culturale après la grande guerre, spécialement pour ce qui concerne leurs contacts avec la littérature italienne, et considère au même niveau l'œuvre de K. Veličkov et celle de Milko Ralčev. Comme exemples particuliers l'on peut signaler les cas, où il met Marko Car au dessus de Jakša Čedomil, où il nous assure que le jeune Bulgare Milko Ralčev (p. 208) «potrà certamente aspirare ad emulare il Vrchlický» (Voilà une droite flatterie! A moins que l'auteur n'ait pas su ce que signifie «Vrchlický»!), où il dit que Fortis présenta Kačić à l'Europe dans son «Viaggio in Dalmazia» (au lieu de «Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Osero»...), où il confond Mato avec Nikola Ostojić (p. 82), où il parle de Vatroslav Lisinski comme — et c'est enorme! — du «bel composanto di Zagabria» (p. 70), enfin où il croit naïvement que «il raguseo conte Orsato (sic) Pozza a un certo punto della sua vita, come Colombo in Ispagna (!), preferì chiamarsi stranamente Pucić» (p. 21) etc. etc.

Quant à la connaissance de la langue, nous y trouvons des exemples encore plus significatifs. Voici quelques observations sur les premières traductions de Marko Car. Il considère la forme gleda du vers gdje *sam* te jednoć, kraljice, gleda', comme un imparfait «gledah = guardavo» (p. 31) et ne comprenant pas la construction du parfait serbocroate, il regrette (!) que le traducteur ait employé l'imparfait au lieu du parfait. Ensuite il trouve la forme uzšušti qui correspond assez bien à l'italien sospiri (c'est-à-dire du «laurier»), et en le confondant avec la forme uzšuti, qui n'existe pas, il souligne l'«erreur» du traducteur qui emploie une forme qui signifie «tacera» (p. 33). En outre, il critique le sanjarije du traducteur pour le «fantasmi» du Carducci, il traduit «letteralmente» lebdeć par aggirandosi, snježno par candido

(p. 31), **da se brine o preko-grobnoj sudbini ljudskoj** par curarsi del giudizio popolare sull' oltretomba (p. 25) etc. A propos des premières traductions de A. Tresić, soit intentionellement, pour rapprocher davantage les deux poètes, soit avec une déplorable légèreté, il traduit «letteralmente» *hrli-corre, zrakom-venti, gledat-veggon, zapadat-cadere* (pp. 59, 64) etc. Ensuite il s'arrète à noter que *immane* du Carducci «è stato reso malamente» (p. 65) par *grdni* parce que, selon lui, *grdan* signifie seulement *deforme*. Incompréhensible est le passage où on lit *accarezza* — *na pošazku*. Mais il y a des observations encore plus singulières, celle, par exemple, à propos de Tresić qui «affetta talora *arcaismi*» (p. 63): *gladaju* pour *gledaju, koli* pour *koliko, vrtit* pour *vrtjet*, etc. Également il note certains «ardite *contrazioni*»: *gle'u* pour *gledaju, kim* pour *kojim*... Selon l'auteur sont «*forme* arcaiche» *rodjeno, biednog, odliećeš* et il les corrige en «forme recenti» *rodjenog, bijednog, odlijećeš* etc. Mais passons à un autre traducteur. Voici Vladimir Nazor. Ici de nouveau l'auteur insiste sur le malentendu *grd brutto*. Mais il y a quelque chose de plus „brutto» qui nous fait tomber les bras: c'est la phrase du Carducci oh talamo grande que Nazor traduit bien par *velji ležaju* et qui à M. Calvi semble une grande faute, parce que il croit que *velji ležaju* signifie i grandi giacciono (p. 158)!! N'insistons donc pas sur ces niaiseries! Les observations que l'auteur a faites sur les traductions slovènes sont meilleures parce que les sources sont rares et sa connaissance du slovène est plus sûre. Au contraire l'auteur, quand il se trouve en face des textes bulgares, éprouve mille embarras, en raison de sa connaissance imparfaite de cette langue. Dès lors, il réduit au minimum les citations bulgares et quand il lui arrive de s'en servir, il déforme misérablement cet idiome dans sa transcription en caractères latins. Il se laisse ici aller parfois à de telles naïvetés, que se révèle ainsi son ignorance philologique, comme l'a déjà constaté E. Damiani dans «L'Europa Orientale» (Roma, 1934 XIV, 1—2).

Du reste l'oeuvre de B. Calvi est un travail de grand volume et encore d'une plus grande patience. Il traite à part chaque détail sur Carducci, examine chaque traduction et analyse vers par vers, quelquefois même avec d'autres traductions. De cette manière il passe en revue, chez les Croates et les Serbes: Marko Car, Jakša Čedomil, Šrepel, Mato Ostojić, Tresić, Begović, Niko Ostojić, Z. Dragović, St. Buzolić, A. Petravić, Wenzelides, Sibe Miličić, B. Desnica, Nazor; chez les Slovènes: E. Lampe, Fr. Terseglav, Janko Samec, Josip Jurca; chez les Bulgares: Veličkov, A. Balabanov et A. Krastev (dont il fait le seul nome!), Milko Ralčev, Čilingirov, Nurigian. L'appréciation de chaque traduction s'étend sur plusieurs pages. Mais il est regrettable que ce travail ait été fait un peu trop sur le mode scolastique, à peu près comme une analyse grammaticale; et ainsi l'on regrette d'être obligé de parcourir beaucoup de pages avant de découvrir quelque chose d'intéressant. Il ne manque pas non plus ici d'observations singulières faites pour nous surprendre, par exemple, lorsqu'on lit que **tu sei schiavo mio** est «efficacemente rappresentata» (p. 49) par **evo sad ti lanca** (notez l'esthétique du rytme!) ou lorsque l'auteur découvre de la «génialité» dans un vers de Tresić qui traduit

e lascia aperto a mezzo il libro del romanziero du Carducci en ajoutant la phrase «geniale» *na stolu* (pag. 62)! Il est fâcheux de voir l'auteur se perdre dans une foule de petites observations et de comparaisons qui ne tendent à aucun conclusion et laissent dans l'ombre des faits et des notes importantes, si bien, que dans ce livre, un profane pourra difficilement faire la part de l'essentiel et du secondaire et, cela étant, se résoudre à en poursuivre la lecture jusqu'à la fin. L'on pourrait et l'on devrait faire en sorte d'épargner aux lecteurs tant de fatigues inutiles! En ce qui concerne le but envisagé par M. Calvi, le tableaux que le prof. Maver avait sagement tracés dans sa monographie sur Leopardi eut été une exemple bien suffisant; ou mieux encore, l'on aurait pu réduire l'oeuvre de M. Calvi à l'étude de chaque auteur et aux brèves considérations littéraires et esthétiques que le prof. M. Deanović a faites dans sa brochure sur La fortuna di apostolo Zeno nell'oltre Adriatico (Roma, 1932). Les monographies sur chaque auteur peuvent toujours être utiles si elles sont bien écrites. Mais les monographies comme celles de M. Calvi sont, autant vaut dire, inutiles, tout au moins dans le travail excessif qu'elles ont coûté. A M. Calvi peut s'adresser le même reproche à propos d'un travail pareil, Il canto V dell' Inferno nelle versioni slovene (1932). J'ai lieu de croire que si, au moment oú parut cette publication, quelqu' un avait relevé devant lui l'inutilité de ce genre de travaux, M. Calvi aurait mis tous ses soins à nous présenter quelque chose de plus intéressant. Répétons-le encore une fois: dans l'étude des sources et des influences littéraires, chaque apport, même le plus petit (ainsi en est-il de ceux du prof. Kolendić) est toujours utile, dès qu'il est de quelque mérite, mais il est superflu de donner à des thèmes limités une extension qui en défigure l'intérêt. C'est là notre conclusion tant à propos du livre de B. Calvi, qu'au sujet de tous ces ouvrages que nous eûmes l'occasion de citer ici. *Arturo Cronia.*

Vatikanski hrvatski molitvenik i Dubrovački psaltir, dva spomenika hrvatske proze 14 i 15 vijeka. Za štampu priredio i uvodom popratio Dr. Franjo Fancev. — Dodatak. Najstariji štampani hrvatski molitvenik. Za štampu priredio Dr. Ciro Giannelli. — Izdala Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb 1934. 8⁰ (CXV + 288 str. i 10 fototipskih reprodukcija).

To je XXXI. knjiga „Djelâ" Jugoslav. akademije, u kojoj je izdano nekoliko tekstova vrlo važnih u prvome redu za srpskohrvatsku historičku gramatiku i dijalektologiju. Prof. Fancev, koji se vrlo intenzivno i uspješno bavi i traganjem za starim književnim i jezičnim spomenicima iz srphrv. Primorja, izdao je ovdje dva vrlo važna spomenika — Vatikanski molitvenik i Dubrovački psaltir. Prvi ima natpis *Oficije blažene djeve Marije* i prijevod je poznatoga latinskoga molitvenika *Officium beatae Mariae virginis*, pisan je krajem XIV. ili početkom XV. vijeka, tako da on ide u najstarije latiničke (t. j. latinicom pisane) srphrv. tekstove, jer iz XIV. vijeka imamo još samo *Red i zakon* za primanje dominikanskih koludrica iz g. 1350 i *Šibensku molitvu*, koja je valjada pisana prije g. 1387 a iz kraja XIV. vijeka ili iz početka XV. je i *Korčulanski Lekcionar.*

Drugi je spomenik *Psaltijer priblagoga Davida kralja i proroka božijega*, a to je opet najstariji srphrv. psaltir, koji je pisan, kako sam F. priznaje (str. XXXVIII), tek prvih decenija XVI. vijeka, tako da se upravo može reći samo za njegovu maticu da je po svoj prilici iz XV. vijeka; sada je u zagrebačkoj Univerzitetskoj biblioteci. I Molitvenik i Psaltir dubrovačke su provenijencije, a bez sumnje i pisani su oboje od Dubrovčana; za Molitvenik Dr. Giannelli[1]) je pak konstatovao (str. XII) da ga je dubrovački arcibiskup Bernardin *Larizza* (g. 1640—1647) darovao kardinalu Franju Barberini, s čijom je bibliotekom prešao u Vatikansku. Nego uz tekst Molitvenika i Psaltira F. je dao varijante, odnosno dopune, iz dva mlagja rukopisa dubrovačke Franjevačke biblioteke: franjevački je Molitvenik iz kraja XVI. vijeka, ali je prijepis jednog vrlo starog teksta, koji se samo neznatno razlikovao od vatikanskoga (str. XC); i franjevački Psaltir pisan je potkraj XVI. vijeka, ali je on za ovo izdanje još važniji od franjev. Molitvenika, jer je njime F. mogao popuniti praznine što se nalaze u zagrebačkom Psaltiru. Na oba se pak franjevačka rukopisa još jasnije vidi da su ih pisali Dubrovčani. Za Molitvenik F. je od česti upotrijebio još jedan vatikanski rukopis iz prve polovice XVI. vijeka, koji je takogjer dubrovačkog porijekla, a od kojega je on napose štampao (na str. 106—109) samo početak i svršetak, a napokon je (na str. 109—114) napose iznio iz zagrebačkoga Psaltira fragmenat Mrtvačke službe (*Officium defunctorum*), koja je inače redovno sastavni dio Marijina molitvenika. Sve su to dakle dubrovački tekstovi pisani iz kraja XIV. do kraja XVI. vijeka; osim njih F. je uzeo u svoje izdanje iz jednog velikog Molitvenika pjesnika Marka Marulića Splječanina (g. 1450—1524) *Oficij blažene dive Marije* (str. 79—101) i *Psalme pokorne* (str. 102—105). K svemu tomu materijalu sabranom od F. pri kraju je (str. 251—288) Dr. Giannelli dao tekst jednog štampanog Marijina molitvenika što ga je on, može se reći, otkrio u Vatikanskoj biblioteci; knjiga je nažalost u početku krnja, ali po mišljenju vještakâ štampana je oko g. 1495, ali se, bar dosada, nije moglo po slovima konstatovati u kojemu mjestu ni u kojoj štampariji.

Taj bogati materijal nažalost nije bio sav sabran kada se je pristupilo njegovu sregjivanju pa izdavanju; F. je isprva namjeravao da izdaje samo vatikanski Molitvenik i zagrebački Psaltir; sve je ostalo kasnije nadošlo, pa je u izdanju smješteno kako se je bolje moglo. Inače za dubrovačku redakciju Molitvenika, koja je ovdje izdana po četiri izvora (Vat. iz XIV. v., Franjev. iz XVI. v., nepotpuni Vat. iz XVI. v. i štampani Vat.), mogao se je dati samo tekst najstarijega a pod njim varijante iz ostala tri; ili, ako bi izlazilo previše varijantâ pod jednim tekstom, mogao se je tekst štampati usporedo u dva stupca — s jedne strane Vat. stariji i Franj. a s druge Vat. mlagji i Vat. štampani. Svakako, ili ovako ili onako, bilo bi preglednije i zauzimalo bi manje prostora negoli ovako kad istu rečenicu

---

[1]) Dr. Ciro Giannelli skriptor je za grčke rukopise u Vatikanskoj biblioteci; grčka liturgjija dovela ga je do crkvenoslavenske, pa je njoj za ljubav sâm, a vrlo dobro, naučio crkvenoslavenski jezik, a ruske crkvene knjige natjerale su ga da nauči i ruski, kratak pak boravak u Zadru naveo ga je da nauči i srpskohrvatski, i to vrlo dobro; on je, kako se već vidi iz ovoga izdanja, dragocjena akvizicija za slavističke studije u Vatikanskoj biblioteci.

moraš tražiti na tri razna mjesta u knjizi. Nego tomu nije kriv redaktor jer je n. pr. on za Vat. štampani saznao tek kad je gotovo cijeli tekst bio već štampan.

Tekstovi iz XIV. i XV. vijeka izdani su originalnom grafikom i uopće što moguće vjernije originalu, i za tako (relativno) stare tekstove to je sigurno vrlo dobro; naprotiv tekstovi iz XVI. vijeka (varijante iz oba franjevačka rukopisa i iz Marulićeva molitvenika) okrenuti su na grafiku uvedenu za latinicu od Daničića, pa i to je, mislim, sasvim u redu. Ali tada se je slobodno to moglo učiniti i sa zagrebačkim psaltirom, koji je iz prvih decenija XVI. vijeka. Oba su izdavača vrlo savjesno i sasvim tačno izdali cijeli tekst, a u napomenama pri dnu strana dobro su ispravljali i tumačili pogreške maticâ a često, gdje je trebalo, isporegjivali su ga (naročito često je to činio F.) sa crkvenoslavenskim i latinskim prijevodom i s drugim našim tekstovima. Tekst je toliko kritički izdan da će mu se naći vrlo malo prigovora, osim onoga što sam F. prigovara sebi i štampariji na str. CIII—CXII. S praktične tipografske strane naprotiv ja jako prigovaram tomu što *sve* napomene što su smještene na jednoj istoj strani nisu dobile i *jednu* numeraciju. F. naime za svaki otsjek teksta što ima svoj natpis daje i svoju numeraciju, pa tako n. pr. na str. 20, imamo napomene 1—2 za prvu molitvu, pa opet 1—2 za drugu, onda 1 za pjesan, zatim 1—9 za psalam 119 i naposljetku 1—3 za psalam 120. Istina, F. u napomenama pred svakim brojem kaže i na koji se otsjek teksta odnosi, ali i pored toga sve te razne numeracije jako otežavaju traženje na koju se riječ teksta odnosi svaka napomena.

Nažalost F. je izdanju dodao svoj opširni uvod (str. I—CXV) — kažem nažalost, jer ga je ovako morao sakatiti i skraćivati, da ne bi prekoračio odregjeni broj tabakâ. A to je baš šteta, jer je taj uvod upravo vrlo temeljita rasprava o postanku i razvitku naše latiničke pismenosti koja se je razvila u našemu Primorju još prije prvih pjesnika iz kraja XV. vijeka i iz početka XVI. Bilo bi zato mnogo bolje da ga je napose izdao kao zasebnu ali čitavu publikaciju. Uvod se sastoji, poslije nekoliko pristupnih riječi, od dva dijela: „A. Bibliografija latiničkih spomenika hrvatske crkvene pismenosti 14 i 15 vijeka“ i „B. Odnos latiničkih tekstova hrvatske crkvene pismenosti prema istovrsnim tekstovima hrvatske glagoljske književnosti.“ Ta bibliografija (na str. IV.—XLV) vrlo je zgodna, jer tek sada po njoj znamo što je sačuvano, pa bilo već izdano ili ne, iz ovoga vremena, te se vidi da se zbilja za vrijeme prije prvih pjesnika može govoriti samo o „crkvenoj pismenosti“, kad se zbilja radi samo o crkvenim tekstovima i molitvama, i to isključivo u prozi.

O već opisanim i izdanim spomenicima F. dabome govori ukratko — podulje naprotiv o onima koji doslije nisu bili izdani i uopće su bili nepoznati ili slabo poznati; naročito je važan (na str. XC—XCV) opis molitvenika *Ortus anime*, t. j. *Hortus animae*, što ga je g. 1567 u Biogradu Dubrovčanin ćirilicom prepisao s latiničke čakavsko-kajkavske matice. Ali baš u pogledu manje poznatih spomenika sigurno su nemilosrdne „redaktorske nôžice“ krive što je za dva izmegju njih manje kazano negoli bi trebalo. To su mlagji Vat. molitvenik i Marulićev *Oficij*. Što F. kaže o prvome spomeniku (na str. XXVIII i XXIX) vrlo je malo, a nije ni

sasvim tačno, jer, kako Fancev o njemu govori, trebalo bi reći da je on doista krnj i u početku i pri kraju, ali da je po srijedi čitav, tako da bi u njemu imala biti, kao u starijemu Vat. molitveniku, cijela Marijina služba (osim početka), pa svi Psalmi pokorni i Mrtvačka služba (osim svršetka), dok uistinu, kako mi je javio Dr. Giannelli, taj je rukopis i u sredini sakat na dva mjesta, tako da u njemu ima samo Marijina i Mrtvačka služba, koje su s oba kraja krnje. Ništa pak (na str. CI—CII) F. ne govori o tome odakle ima Maruncev tekst: da se to zna, treba uzeti u ruke *Rad* Jugoslav. akademije, knj. 245, str. 12—13.

Samo se sobom razumije da je mnogo važniji drugi dio uvoda gdje F. govori o odnosu ovih srphrv. latiničkih spomenika prema odnosnim glagoljskim. On u tu svrhu ispituje vrlo savjesno najprije lekcionare (str. XLV—LIII), pa psaltire (str. LIII—LXXXIV) i najzad oficija, t. j. molitvenike (str. LXXXIV—CII), te isporegjujući, gotovo isključivo, komade Sv. Pisma što su u njima s odnosnim tekstom naših glagoljskih crkvenih knjiga, dolazi do zaključka da ni jedan od ovih latiničkih spomenika nije preveden s latinskoga nego da su svi postali tako da se je odnosni glagoljski, dakle crkvenoslavenski tekst malo pomalo okretao na narodni jezik i sve više ispravljao prema oficijalnom latinskom tekstu, tako da su naposljetku, poslije dugog niza prijepisà, ostali ovi naši spomenici u kojima je jezik gotovo čisto narodan (štokavsko-jekavski u dubrovačkim a čakavsko-ikavski u dalmatinskim), ali ipak i u tekstuaciji i u pojedinim jezičnim oblicima sačuvaše očevidne tragove i od crkvenoslavenskoga prijevoda s grčkoga teksta i od crkvenoslavenskoga jezika. Za tu svoju tvrdnju F. iznosi za svaki spomenik u kojemu ima komadà iz Sv. Pisma samo po nekoliko primjera od mnogih što bi mogao navesti, ali već su oni tako ubjedljivi da se može u principu pristati uza nj, iako će biti dobro da se pričeka dok on nagje priliku da još bolje potkrijepi tu svoju misao, koju u ovome uvodu (zbog nedovoljnog raspoloživog prostora) nije mogao razviti onako kako je mogao i kako je želio. Za one spomenike u kojima nema ništa iz Sv. Pisma (*Red i zakon*, *Šibenska molitva*), pa za one dijelove koji nisu uzeti iz Sv. Pisma (molitve, pjesme, rubrike u Molitvenicima) F. izrijekom toga ne kaže, ali nema sumnje da on i za sve to uzimlje da nije prevedeno iz latinskoga originala, nego da je i to ponarogjeno s glagoljskoga, uglavnome crkvenoslavenskoga prijevoda. I za to daje nam vrlo lijepu potvrdu rekao bih klasičan primjer što nam ga daje F. na str. XCVII—XCVIII gdje usporegjuje jednu kratku molitvu u Vat. molitveniku iz kraja XIV. vijeka i u „Poljičkom molitveniku" što ga je g. 1614 jedan poljički pop zapadnom ćirilicom prepisao s glagoljske matice ostavivši u njemu crkvenoslavenski jezik a okrenuvši samo fonetiku originala na čakavsko-ikavsku. Tu dakle imamo istu molitvu u vrlo starom dubrovačko-štokavskom i u vrlo mladom dalmatinsko-čakavskom spomeniku, pa opet, premda ne može biti nikakve sumnje da megju ta oba spomenika nema nikakve direktne veze, nalazimo u njima dvije crkvenoslavenske riječi — *risni* (*рѣсьныи*) i *užast* (*оужасть*) koje su iz glagoljskog Molitvenika svršile s jedne strane u Vatikanski molitvenik a s druge u Poljički.

Prema tome Fancevljevu dokazivanju o ovim spomenicima uopće

mislim da će trebati modificirati ono što je doslije kazano napose o lekcionarima (isp. str. XLV—XLVIII), naročito neće se moći održati mišljenje Maretićevo i moje da je naš lekcionar preveden na narodni jezik s latinskoga, iako sam ja mislio da je prevodilac mogao biti pop glagoljaš koji se je obazirao i na njemu dobro poznati crkveni tekst, možda samo po pamćenju. Ali ipak mislim da se F. slabo obazirao na jedno principijalno pitanje: je li dosta konstatovati da u nekom od ovih spomenika ima negdje neka crkvena riječ ili koja rečenica prema crkvenom (grčkom) tekstu, pa da se reče da je to siguran trag od starije glagoljske matice? I ja priznajem da će ponajviše tako i biti, ali ne mora tako biti uvijek! Moglo je naime biti da je izuzetno neko nešto prevodio direktno s latinskoga, ali ipak se, ma s kojega razloga, obazirao i na koji stariji latinički tekst, iz kojega je na taj način mogao koji takav trag od glagoljskoga teksta prijeći i u taj prijevod s latinskoga koji inače nije ni u kakvoj vezi ni s glagoljskim tekstom ni s njegovim ponarogjenim latiničkim redakcijama. Treba naposljetku da spomenem i to, da je F. za moju tvrdnju da su i stariji dubrovački pjesnici Vetranović i Dimitrović svoje parafraze nekih psalama udešavali prema srphrv. psaltiru a ne prema latinskom, iznio vrlo jakih dokaza; on je nadalje iznio i dobrih razloga za to da je isto tako postupao još i Gundulić, dok sam ja mislio da je on prevodio baš s latinskoga (str. LXXI—LXXV.).

Ovim sam riječima htio samo svratiti pažnju na ovo znamenito izdanje koje će i svojim tekstom i svojim bogatim uvodom dati povoda da se u detalju još intenzivnije proučava pitanje o najstarijoj srphrv. latiničkoj pismenosti što ga je prof. Fancev pokrenuo i uglavnome i uspješno riješio. *M. Rešetar.*

Д-р Драгољуб Павловић, **Стијепо Ђорђић (Ђурђевић) дубровачки песник XVII века** — Београд 1935; 8.ina, 69 str. i 1 genealoška tabla; 10 dinara (Zasebni otisak iz CLXIVe knjige Глaса Srpske kralj. akademije, str. 207—275.)

Autor je članka Dr. Dragoljub Pavlović, mladi docenat biogradskoga univerziteta i učenik prof. Pavla Popovića, od kojega je i baštinio ljubav za staru dubrovačku književnost, pa je već dao lijepu monografiju o biografu dubrov. isusovaca Gj. Bašiću (o kojoj je bilo govora u XI. knjizi *Slavie* na str. 366—368) i izdao g. 1933 u Zagrebu njegova *Elogia jesuitarum ragusinorum.* Sada se je P. opet pojavio još ljepšom studijom o jednom dubrov. pjesniku o kojem dosada nismo gotovo ništa znali i čije su pjesme tek u najnovije vrijeme svratile na sebe jaču pažnju. To je Stijepo Gjurgjević, za kojega treba prije svega utvrditi tačno ime i prezime: ne *Stjépo,* kako mnogi još pišu,[1]) nego *Stijepo;* a što se prezimena tiče sam P. pri-

[1]) I Belić (Правопис³ 34) i Boranić (*Pravopis* 6) uzimlju uprav kao pravilo da u hipokorističkim oblicima *ě* se ne produžuje u *ije* negou *jē*, i donose kao primjere *ђjéвa*, *ђjéшa*, *ђjéдo* a Boranić još *Stjépo* i *nedjéljak*, ne opazivši da su to same riječi iz Vukova rječnika koje pred *ě* imaju *d* ili *t*, koje je Vuk dakle izgovarao i redovno slušao izgovarati sa *đ* - *ć*: *đevojka*, *đever*, *đed*, *Šćepan*, pa su prema tim oblicima postali umanjeni *đédo*, *Šćépo* itd. Ali u Dubrovniku, gdje se još uvijek izgovara samo *Stj pān*, govori se *Stijèpo* (u vokativu često jasno sa dvosložnim *ije*: *Stȉjepo*); pa zato i Daničić ima (u rječniku Jugoslav. akademije) *Cvijèko* i tako je i u Dubrovniku) *Cvijèto* prema *Cvjetimir*.

znaje (str. 4, napom. 4) da ga je pravilnije zvati *Gjurgjević*, kako ga zovu rukopisi njegovih pjesama, pa nema nikakva razloga da na silu podržavamo oblik *Gjorgjić* kako se nije zvao ni on sam niti ga je ko drugi zvao.[1]) Svoj je članak P. razdijelio u dvije glave — „I. Život" (str. 3—41) i „II. Dela" (str. 41—69); veću polovicu svoga rada mogao je dakle posvetiti pjesnikovu životu, jer je, povodeći se i u tome za svojim učiteljem, marljivo kopao u Dubrovačkom arhivu, te tako iskopao mnogo vijesti o samom Gj-ću i o njegovim srodnicima. Tek sada znamo i kada se je pjesnik rodio i kada je umro i kako je živio, tako da sada o njemu znamo više negoli o Gunduliću, što zaista nije na čast dubrov. biografima i literarnim historičarima. Sada vidimo jasno pred sobom sliku ovoga nemirnog i plahog čovjeka koji je mlagje godine (ne znamo sigurno kako je školovan) prolazio u kavgama i procesima, po tamnicama i u prognanstvu, a zrelije godine u familijarnim i ekonomskim neprilikama. Zbog svoje goropadne naravi slabo je napredovao i u činovničkoj karijeri, koja je po pravilu svim dubrov. vlastelima bila svagdašnja zabava i zarada — dotjerao je do časti bana (kneževa zamjenika), ali nije nikada postao knezom republike. Najinteresantnija je pak epizoda njegova života politička afera u koju je bio upleten zbog svog starijeg brata Jakoba koji je bio emisar savojskoga i mantovanskog vojvode u nastojanju da se balkanski kršćani pobude protiv Turaka. On je bez sumnje pomogao bratu da pobjegne iz zatvora, pa je zato bio prognan na 4 godine, koje je proveo u Napulju i, čini se, djelomice u Španjolskoj (g. 1612—1616), pa je boravak u Napulju sigurno imao i uticaja na njegovo književno obrazovanje i književni rad. Glava o Gj-ćevu životu dakle sasvim je nova od početka do kraja, i za nju kritičar ne može nego da autoru iskreno zahvali što nam ju je dao. Ali ipak, da bude i nešto obligatnog prigovora, reći ću da mi se čini slabo osnovano dokazivanje (str. 34—36) da bi mogla biti osnovana vrlo romantična legenda o postanku Gj-ćeva *Derviša*, jer je upravo jedini P-ćev argumenat za to da je Gj-ć u 28. godini života, kada je on po legendi ispjevao *Derviša*, zbilja odležao nekoliko mjeseci u zatvoru, dok je, rekao bih, još jači argumenat protiv legende što se Gj-ć *nije* nikada vjerao s kćerju kojeg dubrov. kneza. Ja bih pak rad znao gdje je P. našao vijest da je Gj-ću i njegovoj braći nadimak bio *Jákovići*,[2]) i to po djedu Jakobu koji se je za njih brinuo kad im je otac prerano umro; ja samo vidim da je pjesnik Dživo Bunić o smrti Gj-ćevoj i sina mu ispjevao pjesmu u kojoj žali što „poginu u gradu nam mogúća — u ocu i sinu Jaković sva kuća" (str. 39) — smrću Gj-ćevom istražila se je naime ova grana Gjurgjevića.

I drugi dio P-ćeva članka donosi mnogo nova o pjesmama Gj-ćevim, megju kojima prvo mjesto zauzimlje njegova šaljiva pjesma *Derviš* — ljubavni izliv komičnog, u kršćanku nesrećno zaljubljenog muslimanskog

---

[1]) S prezimenima starih dubrov. vlasteoskih kuća velika je nevolja, jer se miješaju stari posvjedočeni oblici s novijim u naše doba izmišljenim. Tako i P. konzekventno *Rastiće* zove *Restiće* (jer su se latinski i talijanski zvali *Resti*), ali je sasvim netačno da se je g. 1758 jedan od njih pisao „Miho Gjona (naravski mjesto *Džona*) Restića" (str. 42, napom. 3) — on se je i u tome svome prijepisu pisao, kao uvijek, *Rastić*.

[2]) Mećem taj akcenat, jer je taj oblik postao sigurno od *Jáko* a ne od *Jakov*, mjesto čega se je u Dubrovniku uvijek govorilo *Jakob*.

derviša. O njoj je P. dao vrlo dobru analizu (str. 50—63), u kojoj jasno i sigurno ističe originalnosti ljepotu ove doslije ponajviše premalo cijenjene pjesme; naročito pak dokazuje njenu originalnost prema sličnim pjesmama u talijanskoj literaturi XV. i XVI. vijeka, iz kojih je Gj-ć mogao preuzeti samo motiv žalbe prostog zaljubljenog čovjeka, ali inače naš pjesnik taj motiv sasvim samostalno obragjuje. Napose se P. bavi i pitanjem kada je *Derviš* postao (str. 51—55), te misli, što i ja držim za sasvim tačno, da se zbog metra (osmeračka sekstina sa srokovima *ababcc*), koji je kakav je u Gundulićevim *Suzama sina razmetnogo*, gdje je sekstina „tek dobila svoj pravi značaj" (str. 54), mora uzeti da je *Derviš* postao poslije *Suza*, dakle poslije g. 1622, kada su *Suze* prvi put izdane; nije mi pak sasvim jasno zašto taj razgovor P. završava riječima: „Tako je verovatno, negde izmegju 1619 i 1630, postao Gjorgjićev *Derviš*" — prvu je godinu uzeo misleći da se je Gj-ć *možda* tek te godine vratio iz prognanstva (str. 26), pa da je *možda* poznavao *Suze* i par godina prije izdanja, *ako* ih je Gundulić par godina prije ispjevao; a na godinu 1630 mislio je valjada zato što bi se Gj-ć *možda* bojao da sastavlja *Derviša* poslije g. 1630 kada se je oženio. Sve je to, čini mi se, vrlo slabo osnovano, pa ja volim kazati da je *Derviš* ispjevan poslije g. 1622; a ne može se navoditi kao argumenat ni *kafa* koju derviš od tuge „veće ne srka"; kafa se nije počela u Evropi upotrebljavati tek sredinom XVII. vijeka (str. 53), jer je u Carigrad došla već g. 1534, pa su i Bošnjaci i Dubrovčani mnogo prije Gj-ća i njegova *Derviša* naučili da je piju.[1]) Ali, ma koliko se ima priznati tačnost P-ćeva suda o vrijednosti i značenju *Derviša*, u jednoj stvari čini mi se da ide predaleko, kada naime kaže da je Gj-ć s *Dervišem* „pravio obračun sa svojom književnom prošlošću i sa celom ranijom lirikom dubrovačkom" (str. 54) i da se taj spjev „može uzeti kao parodija celokupne petrarkističke lirike dubrovačke" (str. 60). To shvaćanje značenja *Derviša* osniva se dakle na „književnoj prošlosti" Gj-ćevoj, koja je, kako ćemo odmah vidjeti, vrlo nesigurna; biće zato bolje da se zadovoljimo onim što je o *Dervišu* kazao prof. P. Popović — da je on parodija šeste pjesme Čubranovićeve *Jegjupke*, gdje ljubavnik na sasvim petrarkistički način iskazuje svoju ljubav nesugjenoj i okrutnoj dragoj, pa kako je bez sumnje sam Čubranović izmislio „legendu" o postanku svoje pjesme, tako je po svoj prilici i naš Gj-ć učinio za svoga *Derviša*, i tako je nešto kasnije i Palmotić stvorio legendu kako je on šetajući diktovao svoju *Gomnaidu*.

P. je iznio (str. 62) i jednu pjesmicu od 2 sekstine i 1 kvartine koja je u rukopisima pred *Dervišem* a kojom pjesnik posvećuje svoj spjev svojoj dragoj; P. čak misli da bi ta draga mogla biti ona „kneževa kći" iz legende i „da se iza komične figure zaljubljenog derviša krije donekle sam pisac" (str. 63). P-ć nalazi da je ta pjesmica vrlo lijepa — ja naprotiv nalazim da je to banalni petrarkistički izliv u kojemu su glavna, upravo jedina sadržina „uzdasi ognjeni, suze grozne, pogled ljuveni, riječi žalosne, ognjeni plam, prelijepa, plačni glasi upisani suzami, gorušti plam koji prži, koji travi vjerna slugu"! Ja sam nabrojio sve te stereotipne izričaje,

[1]) P. se pozivlje na Britansku enciklopediju, ali Meyer-ov Leksikon kaže da je kafa stigla u Carigrad g. 1534, u Italiju preko Mletaka g. 1624, nešto kasnije u Francusku a u Englesku uistinu tek g. 1652.

jer se po njima sasvim jasno vidi da Gj-ć, kada je pisao *Derviša*, nije pravio obračun sa svojom književnom prošlosti niti parodiju cijele dubrovačke petrarkističke lirike XV. i XVI. vijeka, jer je, eto, kao posvetu šaljivomu *Dervišu* sastavio ozbiljnu pjesmu koja bi mogla pristajati kojemu god od starijih dubrv. pjesnika.

Manje zadovoljava što P. kaže o Gj-ćevu prijevodu „Psalama pokornih" (str. 63—69). Kako je poznato, njih je preveo i Gundulić prije g. 1621. i da ih sačuva od nagrgjivanja sa strane prepisivačâ, te godine i štampao. Za taj Gj-ćev prijevod P. misli da je stariji i da je bolji od G-ćeva. Za onu prvu tvrdnju P. iznosi kao jedini razlog da po pravilu pjesnici počinju s ljubavnim pjesmama, pa da tek s njih prelaze na pobožne i druge ozbiljnije predmete. I treba priznati da tako jest, pa može lako biti da je tako bilo i s Gj-ćem, ali ipak jedna me misao od toga odvraća: bi li se Gj-ć odvažio da, malo godina pošto je G-ć izdao svoj (kako i P. priznaje) vrlo dobar prijevod, opet to isto prevodi? Ja bih gotovo rekao da ne bi, pa zato mislim da je mnogo priličnije istini da je Gj-ć prvi prevodio, a da je G-ć, lako moguće i ne znajući za njegov prijevod u rukopisu, poslije njega opet prevodio i štampao. Ali ako je P-ćevo mišljenje tačno, onda je on dobro kazao da je Gj-ć valjada izradio svoj prijevod oko g. 1627, kada se je nalazio u vrlo teškim prilikama (str. 65). Ali ja mislim da P. svakako nije pogodio što uzimlje da ima neka veza megju oba prijevoda (po njegovu mišljenju neki uticaj G-ćeva na Gj-ćev). Što je u obojice pjesnika prijevod u osmeračkim kvartinama, to baš mnogo ne znači, kad se već u pogledu srokova ne slažu — u G-ća *abba* a u Gj-ća *abab*. Nikako pak nije Gj-ć trebao da tek od G-ća nauči na kraju svakog psalma dodavati (u jednoj kvartini) molitvicu „Slava Ocu" (*Gloria patri*) itd. — to je on mogao čuti nebrojeno puta u crkvi, pa i sam tako moliti, jer je to prastari običaj katoličke crkve da se poslije svakoga psalma izmoli „Slava Ocu", te zato Talijanci i kažu „Ogni salmo finisce in Gloria", kad hoće da reku da se nešto svršava uvijek na isti način. Zato i prijevodi psalama u svim literaturama obično imaju s kraja dodano „Slava Ocu", pa tako je i u Dimitrovića a kasnije i u Inj. Gjurgjevića. Inače kao dokaz te unutrašnje veze P. navodi još samo sličnost toga „Slava Ocu" u oba teksta i još 2 primjera, ali sve to može biti i puki slučaj, jer su oba pjesnika nastojala da vjerno prevode, pa se razumije samo sobom da su morali katkada uzimati u prijevodu i iste riječi, te su na pr. t i b i s o l i p e c c a v i obojica preveli sa t e b i s a m o m u s a m s a g r i j e š i o — da se dokaze uticanje jednoga na drugoga trebalo bi naći bar gdjekoje mjesto gdje su i G-ć i Gj-ć neobičnim riječima na neobičan način nešto preveli, ali toga sigurno nema, jer bi inače P. to iznio. Ali još se manje mogu složiti s P-ćem u pogledu ocjene jednog i drugog prijevoda. Dok se, koliko ja znam, dandanas uopće zahtijeva da prijevod bude što bliži i vjerniji originalu, P. nalazi da je Gj-ćev prijevod često bolji od G-ćeva, jer ima u njemu „više osjećajnosti i ličnog akcenta" (str. 68). Nego po ona 3 primjera kojim on potkrjepljuje tu svoju tvrdnju, vidi se da se ta veća osjećajnost i taj jači lični akcenat Gj-ćev ispoljava tako da on u svojemu prijevodu dodaje nešto čega nema u latinskom tekstu, pa zato nema ni u G-ćevu; n. pr. 9. stih 101. psalma G-ć je preveo sa 4 osmerca ne ispustivši ni dodavši ni jedne riječi, — Gj-ć je za isti stih trebao 8 osmeraca,

dakle je mnogo toga dodao čega u originalu nema, pa ipak P. nalazi da je on dao „mnogo uspeliji prevod“ (str. 67), dok uistinu G-ć je dao bolji prijevod a Gj-ć, možda ljepšu, parafrazu. Trebaće dakle da se potanje isporede oba prijevoda, jer primjeri što je naveo P. nikako ne dokazuju da je Gj-ć *prevodio* bolje od G-ća.

Najmanje je uspio onaj dio članka u kojemu P. govori o Gj-ćevim ljubavnim pjesmama (str. 42—50). Takih pjesama, koje su prilično sigurno njegove, imamo upravo samo dvije: već spomenutu posvetu *Derviša* i prijevod jednog soneta tal. pjesnika Marino, „oca“ tal. sejčenta, što ga je izdao prof. P. Kolendić u Popovićevim *Prilozima* VI, 281 a za koji i P. priznaje (str. 50) da nije „ni dovoljno veran ni uspeo“; ja pak dodajem da je i u njemu Gj-ć uspio da umetne nekoliko stereotipnih izričaja kojih u originalu nema — i hudu zimu, i slatke dunje, i milo cvitje i ures gizdavi, i slatki pogled. Osim toga u nekim rukopisima nalaze se pod njegovim imenom još 4 ljubavne pjesme, ali je nevolja da se 3 izmegju njih nalaze i u *Plandovanjima* Gj-ćeva vrsnika Dživa Bunića što ih je još g. 1849 izdao Medo Pucić. P-ć te pjesme lijepo analizuje, pak dokazuje da se može više vjerovati rukopisima koji govore da su Gj-ćeve negoli onima koji govore da su Bunićeve, te naslućuje da je Bunić, kao advokat Gj-ćeve sestre, poslije njegove smrti preuzeo s njegovim dokumentima i njegove pjesme, od kojih su neke zalutale megju Bunićeve.[1]) Možda je tako i bilo, ali to bi se imalo da malo bolje dokaže, pa bi u tu svrhu trebalo najprije proučiti u diplomatskom pogledu sve rukopise u kojima se nalaze te sporne pjesme, a zatim s pomoću nove literarnoestetske metode nastojati da se riješi pitanje njihova autorstva, a možda bi mogla što pomoći i „ranija metoda naših filologa da autorstvo spornih pesama rešavaju pomoću jezičkih, ortografskih i metričkih osobina“ (str. 44, napom. 3), iako se čini da P. nema mnogo pouzdanja u tu filološku metodu. Svakako, prije nego se presudi čije su te sporne pjesme, trebalo je da nam P. pokaže, bar tom novijom metodom, jesu li te ljubavne pjesme, naročito ona lijepa o ljubavniku dviju dragih, bliže Bunićevim pjesmama ili onim dvjema šablonskim Gj-ćevim, jer, naravski, ne mogu se isporegjivati s *Dervišem*.

Premda dakle ne zadovoljava kako je P. shvatio Gj-ćev prijevod psalama, a nepotpuno je što je kazao o njegovim ljubavnim pjesmama, njegov je članak vrlo solidan rad koji nam je otkrio život Gj-ćev i dao vrlo lijepu i osnovanu ocjenu njegova *Derviša*, tako da je njegova zasluga što se sada može reći: „I kao čovek i kao pesnik Gjorgjić će uvek biti jedan od najoriginalnijih pisaca u dubrovačkoj književnosti“. *M. Rešetar.*

Anton Barac, **Mirko Bogović.** Zagreb 1933. Rad Jugoslavenske Akademje, knjiga 245.

Die literarhistorische Bedeutung eines Schriftstellers deckt sich nicht immer mit dem künstlerischen Wert seiner Werke. Doch für die *Entwicklung* der Literatur sind nicht nur die Schöpfer eigener künstlerischer

[1]) Pri tome P. čini krivo Puciću govoreći (str. 43) da je on „star i ne mnogo kritičan“, — istina, Pucić je bio dosta nekritičan izdavač, ali g. 1849, kada je izdavao Bunićeve pjesme, nije bio star, jer mu je tada bilo tek 28 godina.

Konzeptionen von Bedeutung, sondern ebenso sehr auch die Pioniere, die Anreger, die Organisatoren des literarischen Lebens und der literarischen Strömungen. Vor allem diejenigen, die es verstanden, die wesentlichen Tendenzen und Probleme der Zeit zu erfassen, in sich und in ihrer Arbeit zu konzentrieren und sie zu lösen.

Diese meines Erachtens grundsätzlich richtige Behauptung, die wir in der obgenannten Barac-Studie S. 88 finden, gilt in ganz besonderem Maße für die jüngeren Literaturen kleiner Völker, bei denen erst in den letzten Jahrhunderten der Lebensraum, der Boden, die Aufnahmebereitschaft, die geistige Atmosphäre, kurzum die Existenzgrundlagen einer kontinuierlichen nationalen Literaturentwicklung geschaffen werden mußten, meist im schweren Kampfe gegen die Wirkungen starker fremder Hochkulturen und gegen die Indolenz in den eigenen Reihen. Dies beweist, wenn wir die slavischen Völker im Auge haben, augenfällig die Literaturentwicklung der Slovenen, Kroaten und Bulgaren. In der neuen kroatischen Literatur sind die stärksten derartigen Pioniere und Organisatoren Stanko Vraz, August Šenoa. Vraz spiegelt und verkörpert in seinem ganzen Schaffen, in dem dichterischen, kritischen und organisatorischen, die literarischen und nationalen Tendenzen der Illyrischen Bewegung. In Šenoa sind die Tendenzen der kroatischen Literatur der ausgehenden sechziger und siebziger Jahre konzentriert. Die dazwischen liegende Übergangsepoche der fünfziger und sechziger Jahre hat die kroatische literaturhistorische Forschung bisher ziemlich vernachlässigt. Eine Tatsache, die dadurch verständlich erscheint, daß diese Epoche weder in ihren national-politischen Erscheinungen ein erfreuliches Bild zeigt[1], noch in ihrer literarischen Produktion eine einzige starke Persönlichkeit hervorgebracht hat, die den Literarhistoriker besonders reizen würde. Trotz alledem verdient diese Übergangsepoche, auch wenn sie nur eine Epoche künstlerischer Mittelmäßigkeit und literarischer Experimente ist, diese Vernachlässigung durch die Forschung nicht. Denn in ihr dringen verschiedene Ideen in den Bereich der literarischen Schaffensaufgaben, vor allem aber wird das Bestreben sichtbar, der Literatur eine bestimmte Richtung in Hinsicht des Ausdrucks und in Hinsicht des Inhaltes zu geben. Der Illyrismus ist in erster Linie eine nationale und erst in zweiter Linie eine literarische Bewegung.[2])

Für den Illyrismus war die Literatur nur Mittel nationaler Propaganda und hatte keine selbständigen künstlerischen Tendenzen. Stanko Vraz war der erste, der den Versuch machte, die nationalen Werte von den künstlerischen zu trennen. Er wirft das Problem des Wertes und das Problem des Geistes in der Literatur auf. In den fünfziger und sechziger

---

[1]) Neues Licht auf die nationalpolitische Lage bei den Kroaten am Ende der sechziger und in den siebziger Jahren wirft die auf bisher unbenutztem Korrespondenzmaterial beruhende Studie des vor einigen Jahren verstorbenen jugoslavischen Historikers Milan *Prelog* über Miškatović und Perkovac In: Historiski Portreti i Članci. Beograd 1927, Seite 55—152.

[2]) Über den nationalpolitischen Charakter der Illyrischen Bewegung vergleiche die neue, auf neuem archivalischen Quellenmaterial beruhende Arbeit von *F. Šišić:* Biskup Štrosmajer i južnoslovenska misao. Srpska Književna Zadruga 162, S. 36—160.

Jahren wurde dieses, von dem Illyrismus gewissermaßen angedeutete Problem intensiver zur Diskussion gestellt und Versuche zur Lösung unternommen. Es werden die Versuche, die Vraz mit dem Literaturalmanach Kolo begonnen hatte, entsprechend den europäischen Literaturen, ein kritisches Literaturorgan zu schaffen, in der Zeitschrift Neven fortgesetzt. Es tauchten die ersten Versuche einer ästhetischen Analyse und ästhetischen Kritik auf (Veber, Macun). Es wurde die von Vraz aufgeworfene, für die ganze neuere kroatische Literatur bedeutungsvolle Frage, die traditionelle Volksdichtung als Grundlage der Kunstdichtung festzulegen. nach verschiedenen Seiten hin in der Praxis zu realisieren versucht. (Botić, Martić, Bogović u. a.)[3]).

In dieser Epoche wird eine originalkroatische Novellenkunst propagiert, mit dem Zwecke ein an heimischer Literatur interessiertes Lesepublikum zu schaffen (-. Bogović, Ivan Filipovć u. a.)[4])

Auch diese Versuche zeitigten keine hochwertigen künstlerischen Resultate, aber sie sind wichtige Dokumente des Suchens nach klaren und bestimmten literarischen Prinzipien. Erst in den siebziger Jahren konnte sich mit Franzo Marković,[5]) mit Šenoa,[6]) mit Armin Pavić die kroatische Literatur in einer bestimmten Richtung verfestigen. Der ganzen Epoche der fünfziger und sechziger Jahre fehlt eine zentrale Persönlichkeit. Alle Schriftsteller dieser Zeit sind Literaten mit guter Absicht, die von Zeit zu Zeit schriftstellerisch tätig sind, aber in der literarischen Produktion nicht ihre vollen Kräfte entwickeln. Die größte Ausdauer in der literarischen Betätigung zeigt unter allen Schriftstellern der Zeit M. Bogović. Er brachte in der Blütezeit des Illyrismus 1842—48, drei Bände Gedichte heraus, er entwickelte in den Jahren

[3]) Über die literarischen Realisierungsversuche auf dem Gebiete der Komödie vgl. die vorzügliche neue Monographie von *Krešimir Georgijević*, Novija hrvatska komedija od Ilirskog pokreta do kraja XIX. veka. Beograd 1934, vor allem S 14 ff.

[4]) Zur Entwicklungsgeschichte des kroatischen Lesepublikums gab uns *A. Barac* ein auch soziologisch und statistisch wohl fundiertes, in seinen Ergebnissen alles eher als erfreuliches Bild in dem vorzüglichen Aufsatz: Zapisi o književnoj kritici. In: Članci o književnosti. Zagreb 1935. Moderni hrvatski pisci. I. Kolo. 2. knjiga, S 85—128. Diese Studie ist auch aus methodischen Gründen besonders zu begrüßen, da sie zeigt, wie erst durch eine systematische, kritische Betrachtung der realen Lebensunterlagen der literarisch-künstlerischen Produktion ein klarer Einblick in die geistige Entwicklung eines Volkes oder eines Kulturraumes zu gewinnen ist. Eine Methode, wie sie der deutsche Anglist *L. Schücking* schon längst in seiner Studie zur Geschichte des englischen Romans und des englischen Dramas, wie auch in seiner methodologischen Schrift: Literarische Geschmacksbildung, München 1923, Philosophische Reihe 71, angewendet hat. Ich verweise noch auf das neueste systematische Werk in dieser Richtung von Alfred *Weber*: Kulturgeschichte als Kultursoziologie, Leiden 1935.

[5]) Vgl. über F. Marković die neue Studie von *A. Barac* in den vorhin zitierten Članci o književnosti, S 9—52, in der zum ersten Male die intime Persönlichkeit Marković', seine seelisch-geistige Grundstruktur, sein Verhältnis zum Zeitgeist, zum nationalen kroatischen und zum slavischen Problem aufgezeigt wird.

[6]) Die erste umfassende, wenn auch noch nicht das ganze Šenoa-Problem ergreifende Monographie gab uns *A. Barac* in der Studie: A. Šenoa, Zagreb 1926. Eine gründliche ästhetische Charakteristik und Würdigung Šenoas in der Geschichte des kroatischen Romans verdanken wir Ljubomir Maraković: Šenoina baština. Hrvatska Revija. 1932, S 6—8.

des Absolutismus die stärkste literarische Aktivität, als Dichter von Gedichten und Novellen, wie auch als Redakteur, als Kritiker, Übersetzer, als Sammler volkskundlichen Materials. Er brachte in den sechziger Jahren drei Dramen, einen Band Erzählungen und drei Bände Gedichte heraus. Sein letztes literarisches Auftreten fällt in das Jahr 1878. Dazu kommt noch die für die Beurteilung seiner Persönlichkeit wichtige publizistische Arbeit in verschiedenen Zeitungen und seine politisch und volkswirtschaftlich publizistische Tätigkeit: seine deutsch geschriebenen Broschüren „Zur politischen Lage in Kroatien", „Zur bosnischen Frage" usw. Zur publizistischen Tätigkeit Bogović' möchte ich mir gleich an dieser Stelle eine kritische Bewertung erlauben. Ich bin der Meinung, daß Barac dieses publizistische Material, vor allem die deutsch geschriebenen Broschüren zu wenig als Material für die Analyse und für die Erkenntnis der geistigen Persönlichkeit, der Weltanschauung Bogović' herangezogen hat. Barac stellt fest (S 158), daß Bogović seiner Weltanschauung nach in der Hauptsache ein Kind der vierziger Jahre sei, also entsprechend den Ideen des „Jungen Deutschland" für Demokratie, für Gerechtigkeit, konfessionelle Toleranz eingetreten sei und – wie Gutzkow und Heine – antijesuitisch eingestellt gewesen sei und den Jesuiten den Großteil der Übel in Europa zugeschrieben habe. Ferner, daß seine Naturphilosophie in Verbindung mit der deutschen Naturphilosophie der vierziger Jahre steht, ebenso wie seine utilitaristische Auffassung der Literatur. Das ist richtig. Daß aber die neuen naturwissenschaftlichen, evolutionistisch positivistischen Ideengänge und die damit sich ergebende neue Beurteilung von Welt, Leben und Entwicklung, die seit den fünfziger Jahren die europäische Geisteswelt immer mehr erfassen und durchdringen, in Bogović nicht spurlos vorübergingen, sondern seine Weltanschauung modifizierend beeinflußten, beweisen die grundsätzlichen Ausführungen über die Entwicklung des Weltlaufes der Völker und Staaten, die sich zu Beginn seiner deutsch geschriebenen Studie: „Zur bosnischen Frage Agram 1880 S 1 ff" finden, unter ausdrücklicher Berufung auf das naturwissenschaftliche Werk „Werden und Vergehen" von Carus Sterne[7]): Ausführungen, die eine geradezu darwinistische Einstellung bekunden.[8])

[7]) Carus Sterne, Deckname für Ernst Ludwig Krause (1839—1903), den bekannten naturwissenschaftlichen Schriftsteller und Popularisator darwinistischer Ideen, der zusammen mit Darwin und Haeckel die Monatsschrift Kosmos herausgab.

[8]) Das Eindringen der naturwissenschaftlichen Ideen auf das südslavische Geistesleben, ihre Umformung und ihre Auswirkung auf das soziale und literarische Leben harrt noch der systemathischen Erforschung. In letzter Zeit hat wertvolle Vorstudien in dieser Richtung Miloš *Savković* unternommen: Udeo prirodnih nauka u srpsko-hrvatskom realizmu. Srpski Književni Glasnik XXIV, S 581—92 XXV, S 266—77. Vgl. dazu die kritischen Bemerkungen in: Revue des Études Slaves VIII, S 305. Vgl. ferner von M. *Savković:* Zolin udeo u srpskohrvatskom realizmu, Srpski Književni Glasnik XXII, S 421—29, 492—98, ferner: Dode u srpskohrvatskoj književnosti. Srpski Književni Glasnik XXIII, S 429—42. Nebenbei bemerkt gab auch A. *Barac* einen reichhaltigen Zeitungsaufsatz über die Widerspiegelung sozialer Bewegungen im kroatischen Realismus: Odražaj socijalnih pokreta u književnosti hrvatskog realizma. Novosti 1932 br. 355. Für die Erkenntnis und geschichtliche Beurteilung dieser Frage auf südslavischem Boden ist die Tatsache von größter Wichtigkeit, daß diese neuen positivischen Ideen aus verschiedenen Quellen stammen, aus primären und aus sekundär modifizierten,

Doch kehren wir zur Darstellung des Barac zurück. Bogović ging durch vier literarische Generationen. Er war vor Šenoa der fruchtbarste kroatische Belletrist und Literat. Als Persönlichkeit ist er in erster Linie der Typus des öffentlichen Arbeiters. Die Literatur ist ihm allerdings eines der wichtigsten Arbeitsgebiete, aber sie ist ihm an sich nicht das Hauptziel, sondern nur eine Komponente in der Gesamtbemühung seines Lebens. Sein Leben fällt in eine der unruhigsten Epochen der kroatischen Geschichte, in eine Epoche vielfacher radikaler, politischer Wendungen und Wandlungen. Daher auch bei ihm wie bei den meisten Zeitgenossen eine Reihe von Wendungen und Wandlungen. In der Jugend begeisterter Illyrier und damit antimagyarisch, in den späteren Reifejahren magyarophiler Unionist; in seiner Jugend Verfasser deutscher Verse, später konsequenter Gegner des deutschen Geistes. Zwei Züge charakterisieren ihn als Mensch: Er ist Gegner jedes Kompromisses in den Ideen, Gegner jeder Halbheit und sein Auftreten ist getragen von einem heftigen, jähen, eigensinnigen Temperament. In seiner öffentlichen Tätigkeit zeigt er viel Sinn für verschiedene aktuelle Probleme, nicht nur für die literarischen und kulturellen, auch für die politischen und für die, von den Illyriern und während des ganzen 19. Jahrhunderts stark vernachlässigten sozialwirtschaftlichen Probleme. Ein Grundzug seiner Arbeitstätigkeit: Er strebt nach Universalität, sucht in den Kern der Probleme einzudringen und die einmal angefangene Arbeit zu vollenden. Er war ein Mensch, der durch all die Wandlungen viel erfahren und erlebt hat, dessen Lebensweg zwar keine einheitliche, klare, feste, gerade Linie zeigt, der sich aber durch die reiche Lebenserfahrung am Ende seines Lebens zu einer eigenen persönlichen Philosophie durchrang, zu einer Philosophie, die vor allem in seinen letzten aphoristischen literarischen Arbeiten zum Ausdruck kam, bei der fortschreitenden Vereinsamung einen misanthropischen, pessimistischen Unterton aufweist. Bei all dem unruhigen Wechsel in Beruf und Stellung war er dennoch ständig in Verbindung mit der Literatur, die er als sehr ernste Lebensbeschäftigung ansah und in der er über eine für die damalige Zeit seltene und weite Bildung verfügte. Seine Auffassung über Literatur und Wissenschaft ist niedergelegt in dem Satze (1852): Umjetnost i znanost jedine su jasne zvijezde, koje na tamnoj i kršnoj stazi našega života stalno svijetle — jer sve ostalo prolazno. Er betont die moralische, national erzieherische Aufgabe der Literatur. In seiner literarischen Karriere lassen sich drei scharf getrennte Etappen unterscheiden: Die Zeit des Illyrismus, die Zeit von 1848—60, die Zeit von 1860 bis zu seinem Tode. Dreimal wechselt Bogović die Art des Schrei-

aus drei bzw. vier Kulturgebieten: aus dem deutschen und zum geringeren Teile aus dem französischen (da die französische, englische wie auch die russische Literatur damals noch zum Großteil über deutsche Übersetzungen eindrang), dann aus dem italienischen und schließlich aus dem russischen (Svetozar Marković und Bulgaren). Ich selbst habe mein, aus den älteren südslavischen Zeitschriften zu diesem Fragenkomplex gesammeltes Material noch nicht in extenso publiziert, sondern nur die wesentlichen Ergebnisse in meinem Vortrage am ersten Slavistenkongreß dargelegt. Vgl. Josef *Matl:* Romantik und Realismus in den südslavischen Literaturen des 19. Jahrhunderts. Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů. Prag 1931, S 162—72.

bens, den Inhalt, die Art der Motive und die Richtung. In der ersten Phase ist er Verfasser von Liebesgedichten, mit den damals üblichen Motiven der Liebeslyrik, stark verbalistisch, mit einer von den ragusäisch-dalmatinischen Dichtern beeinflußten Phraseologie; doch zeigen sich schon vereinzelt realistische und reflexive Elemente. Mit den „Domorodni Glasi (1848) beginnt die neue Phase. Jetzt stellt er sein ganzes literarisches Talent in den Dienst der allgemeinen nationalen Interessen. Die Grundnote: Analyse der Menschen und der Verhaltnisse seiner Heimat, Propaganda der Eintracht und der Liebe zu Volk und Sprache. Ohne bedeutenden kunstlerischen Wert bilden diese Gedichte doch ein wichtiges kultur-historisches Dokument der Ziele und Ideen des ausgehenden Illyrismus. Ebenso war es ihm in seiner redaktionellen Tätigkeit nicht nur darum zu tun, ein literarisches Organ zu schaffen, die literarischen Kräfte zu organisieren und ein literarisches Publikum zu schaffen, sondern gleichzeitig auch darum, eine Front der nationalen Selbsterhaltung und des nationalen Widerstandes gegen die fortschreitende Germanisierung zu bilden. Es war ein schwerer Kampf mit dem unentwickelten und indifferenten Milieu und mit den materiellen Schwierigkeiten. Als Redakteur des Kolo Matice Hrvatske machte er — zehn Jahre vor dem ersten wissenschaftlichen Organ in Kroatien, dem Književnik — den Versuch, die Grundlagen einer nationalen Wissenschaft aufzubauen. In den fünfziger Jahren entstand der Großteil seiner belletristischen Arbeiten, seine drei Dramen, seine historischen Novellen. Auch in seinen Dramen steht die nationale, propagatorische Tendenz im Vordergrunde. Sie bilden bei allen ästhetischen Mangeln (Schwarz-Weißtechnik) ein wichtiges Dokument der damaligen Stimmungen, Gefuhle, der politischnationalen und sozialen Problematik. Die nach seinem Tode von M. Šrepel herausgegebenen „Posmrtne Pjesme" bieten nichts charakteristisch Neues.

Auf die Frage, welche Forderungen Bogović an das literarische Werk stellte und was er von seiner eigenen literarischen Arbeit hielt, wäre folgendes zu sagen:

Da Bogović die literarische Arbeit in erster Linie als Mittel der nationalen Erweckung und Erziehung ansah, konnte er schon im Prinzip nicht literarischer Maximalist im Sinne der Forderung nach reiner höchster Kunst sein. Seine Ziele sind daher zum Großteil bescheiden. Er ist auch mit kleinen Erfolgen zufrieden. Seine theoretischen Anschauungen stimmen mit der literarischen Praxis überein. Sein Grundprinzip in der Literatur lautet: Man soll in jeder Zeit nach besten Kräften das tun, was die Bedürfnisse der Zeit von einem fordern. — Bogović im Urteil der zeitgenössischen Kritik und im literarisch historischen Urteil: Über das Publikum und die Kritik hatte sich Bogović zu Lebzeiten nicht zu beklagen. Die Aufnahme im Publikum und die Kritik waren ihm günstig. Schon seine ersten Kritiker betonten, daß sich Bogović, vor allem in der Lyrik nach der Volkspoesie richte. Anderseits wiesen sie — vor allem die führenden Kritiker der Zeit: Marković, Šrepel — auf die Schillerische pathetische Diktion und die Shakespearesche Komposition und Szenentechnik in seinen Dramen hin. Dieses Urteil über Bogović erhielt sich in der Literaturgeschichte bis auf den heutigen Tag. Bogović gilt auch

heute noch als der größte kroatische Dichter der fünfziger und sechziger Jahre und als einer der bedeutendsten unter den älteren kroatischen Dichtern. In all den bisherigen Beurteilungen stand das literarhistorische Kriterium, also die Frage, welche Bedeutung sein literarisches Werk in den Verhältnissen hatte, unter denen er lebte, im Vordergrunde. Geht man mit rein ästhetischen Kriterien an sein Werk heran, so muß gesagt werden, daß ein Großteil seiner Anschauungen über Literatur von künstlerischer Literatur im eigentlichen Sinne des Wortes weit entfernt ist. Daher stand schon sein Zeitgenosse Ljudevit Vukotinović gegen ihn auf und betont das moderne — künstlerisch einzig mögliche — Prinzip der künstlerischen Individualität und der Freiheit des Schaffens, ein Prinzip, das auch Barac ausdrücklich als richtig anerkennt (S. 127). Auf Grund der biographischen Taten, der persönlichen Äußerungen und der literarischen Arbeiten läßt sich folgendes Bild der inneren Persönlichkeit Bogović geben: Ein Mensch, arbeitsam, jäh, schroff, leidenschaftlich, ein Mensch, der die Klarheit liebt und Kompromisse haßt, ein Mensch, der sich nach reicher Lebenserfahrung immer mehr in sich zurückzieht, gallig und giftig wird, Menschen und Gesellschaft verachtet, an das Schöne und Gute nicht mehr glaubt. Nun entsteht die Frage, wie weit trägt sein vielfältiges Schaffen die Merkmale seiner Persönlichkeit, wie weit ist sein literarisches Werk Ausdruck seiner Persönlichkeit? Seine Lyrik ist unpersönsich, ohne eigentliches schöpferisches Feuer und ohne echt lyrisches Erlebnis, entstand mehr aus Freude am Schreiben, als aus tiefem inneren Erleben. Diese Schreibfreude führt auch dazu, daß seine Philosophie kein einheitliches Gepräge trägt. Auch seine Novellen — Bogović wurde einst als Begründer der kroatischen Novelle erklärt — sind nicht, ebensowenig wie die Novellen seiner Zeitgenossen Vukotinović, Kukuljević u. a., aus innerem, schöpferischem Muß, sondern aus den Bedürfnissen der damaligen kroatischen Literatur entstanden. Ihre nationale und historische Bedeutung in der Zeit des nationalen, romantischen Historizismus, der Hebung des nationalen Selbstbewußtseins durch Aufdeckung der nationalen Vergangenheit im Wege der novellistischen und dramatischen Literatur, stehen in keinem Verhältnisse zum künstlerischen Wert. Es fehlt die Belebung des Materials und der Menschen, es fehlt das Kolorit, die psychologische Vertiefung. Liebesintrigen, Mädchenraub, Blutrache, tödliche Feindschaft, Heroismus, sind das ständige Inventar dieser kroatischen Anfangsbelletristik. Bei Bogović ebenso wie bei seinen Zeitgenossen. Daher wirken sie bei aller Theatralität der Spannungen blaß. Die aus dem historischen Material konstruierte Fabel wirkt nicht lebendig, warm, organisch. Ähnlich verhält es sich mit seinen Dramen, obwohl Bogović seiner Lebensauffassung und der Art seines Reagierens auf das Leben nach dramatisch disponiert war. Daß Bogović einen wirklichen dramatischen Instinkt in sich hatte, beweist die Auswahl seines Materials für seine drei Dramen, wie auch das von ihm erdachte Gerüst der Handlung. Aber er bleibt auch im Drama in erster Linie ein Kulturarbeiter, ein Mensch des Intellekts. Daher kommt es bei aller Buntheit der Gestalten und der Verschiedenheit der aufgeworfenen Probleme zu keinem starken Eindrucke. Es fehlt die persönliche Lebendigkeit von Organismen. Seine Gestalten

sind nicht volle und selbständige Menschen, die im künstlerischen Werke ihr eigenes Leben führen und zu führen haben, sondern nur Träger einer gesellschaftlichen oder politischen Mission. Er trägt nur soviele Gestalten in seine Dramen, als er Interpreten für die einzelnen Ideen und Typen braucht. Er bleibt im Wesen doch ein literarischer Dilletant. Besonders stark fällt die Rhetorik in seinen Dramen in die Augen. Bogović hat keine Phantasie. Die Fabel in seinen Novellen ist mager, entweder ein historisches Geschehnis oder eine vulgäre Intrige. Seine Dramen haben fast keinen Inhalt und keine bestimmte Handlung, nur eine Menge von Szenen um ein historisches Material, voll von langen Monologen und Dialogen.

Das Stilproblem: In der Literatur des kroatischen Illyrismus geht es um Kampf und Ausgleich zweier Stiltraditionen, der Stiltradition der ragusäischen Dichtung mit der der Volksdichtung. In diesem Kampfe trägt schließlich die Stiltradition der Volksdichtung den Sieg davon. Der einzige Dichter des Illyrismus, dem es gelang die Elemente des ragusäischen Stiles mit dem Geiste der Volksdichtung harmonisch zu vereinen, war Mažuranić. (Übrigens finden wir ein ähnliches Ringen zweier Stilelemente, der westeuropäisch klassisch-romantischen und der nationalen volkstümlichen auch in der slovenischen Literatur, in der auch schließlich mit Levstik die volkstümliche Stiltradition als Siegerin hervorging; auch bei den Serben siegte mit Branko Radičević die Stiltradition der Volksdichtung über die pseudoklassizistische, bei den Bulgaren rang sich mit Christo Botev und Penčo Slavejkov die volkstümliche Tradition durch.) Bogović war künstlerisch nicht stark genug, um sich seinen eigenen Stil zu schaffen. Ebenso wie er zunächst unter dem Einfluß der ragusäischen Dichter ihre Phraseologie bis zur Imitation nachahmte, ebenso später die Phraseologie der Volksdichtung, soweit, daß sich bei ihm Verse finden, die Wort für Wort aus dem Volksliede übernommen sind. Daneben finden sich Einflüsse von Stilelementen aus Mažuranić und Njegoš. Das Interessante dabei ist, daß die deutsch geschriebenen politischen Broschüren des Dichters in einem klaren, lebendigen und ausgeprägten Stil geschrieben sind. Es ist besonders zu begrüßen, daß Barac das Stilproblem in der neueren kroatischen Literatur aufwirft, wie er es auch schon seinerzeit in seiner Charakteristik der Lyrik des Harambašić und des Ljubo Wiesner getan hat.[9])

Denn das Problem des Stiles ist bisher in der kroatischen Literaturwissenschaft fast vollständig vernachlässigt worden. Wenigstens wurde und wird den Stilfragen nicht in dem Maße das Augenmerk zugewendet, wie es in der neueren germanistischen (Walzel, Ermatinger u. a.), in der romanischen (Spitzer), auch in der tschechischen (O. Fischer, J. Mukařovský) und russischen Slavistik der Fall ist.[10])

Wie notwendig wäre vor allem eine Untersuchung der Stilelemente in der kroatischen, serbischen, der slovenischen und bulgarischen realisti-

---

[9]) Vgl. Ljubo Wiesner. Antologija. Naši pjesnici X; August Harambašić Antologija. Naši pjesnici XII.

[10]) Vgl. V. Žirmunskij: Formprobleme in der russischen Literaturwissenschaft. Zeitschrift für slavische Philologie I. S 117 ff.

schen Erzählungsliteratur der siebziger, achtziger und neunziger Jahre. In der kroatischen Literaturwissenschaft sehen wir in der letzten Zeit wertvolle Anfänge, zunächst auf dem Gebiete der Lyrik. Aber auch auf dem Gebiete der Novellistik in den anlässlich der Jahresfeier des Illyrismus herausgegebenen, vorzüglich redigierten Anthologien: *Sto godina hrvatske književnosti. I—V. Zagreb 1934—1935*, vor allem in den ästhetischen, literar-historischen Einleitungen von M. Kombol und Lj. Maraković. Zu erwähnen wäre in diesem Zusammenhang auch der vorzügliche Essay des Dichters M. Krleža über Krajnčević in der Hrvatska Revija 1931. In der slovenischen Literaturwissenschaft sind die wertvollen Anfänge in dieser Richtung, die wir J. Prijatelj verdanken, anscheinend ins Stocken geraten. August Žigon hat in seiner von modernen Gesichtspunkten getragenen Prešeren-Monographie 1925 das Stilproblem wieder in den Vordergrund gestellt. Unter der jungen slovenischen Generation scheint Anton Ocvirk, nach seiner Levstik-Arbeit (Levstikov Zbornik 1933) und nach seinem europäischen Buch „Razgovori“ zu schließen, das nötige Rüstzeug für geistes- und stilgeschichtliche Untersuchungen sich angeeignet zu haben.

Bogović' Verhältnis zu den Literaturen der europäischen Völker: Bogović hat sehr viele fremde Schriftsteller gelesen und wir finden in seinen Werken viele Spuren aus fremden Literaturen. Wie weit eigentlich Abhängigkeiten und Einflüsse vorliegen wurde bisher nicht im Detail untersucht. Die bisherigen Literarhistoriker überschätzen offensichtlich den Einfluß von Béranger und Herwegh, denn es wirkte damals die ganze *politisch-geistige Atmosphäre* der Literatur des „Jungen Deutschland“ und des liberalen demokratischen „Jungen Europa“ auf die kroatischen Dichter der vierziger Jahre. Ebenso kann man nicht von einem einseitigen Einfluß Walter Scotts auf die Novelle Bogović' sprechen, sondern es wirkte auch hier der ganze Geist der damaligen europäischen Erzählungsliteratur. (Da ja auch die starken Einflüsse Walter Scotts in der slovenischen Literatur bekannt sind und andrerseits Walter Scott in die deutsch-österreichische Literatur, in den österreichischen Kulturraum äußerst tief eindrang, auch die ungarische Literatur stark beeinflußte, so bleibt noch die Frage offen, ob nicht diese ganzen Einflüsse im Mittlerwege über deutsch-österreichische Literaturströmungen laufen, ebenso wie auch einige Jahrzehnte später ein Großteil der russischen und nördlichen Literatureinflüsse über die deutsche Übersetzungsliteratur zu den Slovenen und Kroaten gedrungen ist. Reklam-Bibliothek!) Ich weise auch auf die persönlichen Äußerungen führender slovenischer Dichter in dem Buche Obiski hin. Etwas anders steht es mit der Frage der Abhängigkeit Bogović' von Shakespeare. Bogović hat nicht nur die Technik Shakespeares imitiert, sondern auch die seelischen Prozesse seiner Helden nach Shakespeares gebaut (Stjepan-Macbeth!). Auch die Parallele mit Schiller ist nicht so eindeutig. Doch ist die Gestalt des Matija Gubec in den Hauptzügen nach der Gestalt Wilhelm Tells gezeichnet. Ferner sind zahlreiche Gedankengänge aus Don Carlos übernommen. Die Vorbilder für seine Novellen sind noch nicht erforscht. Im allgemeinen steht die Tatsache fest, daß Bogović hinsichtlich seiner fremden Vorbilder ausgesprochener

Eklektiker war, daß er es nicht verstanden hat, die Elemente, die er aus fremden Schriftstellern übernahm, zu assimilieren.

In welchem Verhältnisse steht Bogović und seine Zeitgenossen zur europäischen Literatur und den literarisch geistigen Bewegungen der Zeit?

Die ganze neue kroatische Literatur bis zu den achtziger Jahren reiht man gewöhnlich unter den Begriff der Romantik, obwohl in dieser Literatur Erscheinungen vorhanden sind, die man nicht als romantische bezeichnen kann. (Meines Erachtens ist die ganze literarisch-geistige Epoche von Beginn der nationalen kulturellen Wiedergeburt bis zu den siebziger Jahren nur mit dem gemeinsamen Sammel- und Charakterisierungsbegriff des „romantisch - klassizistischen Idealismus" zusammenzufassen und zwar mit den Entwicklungsetappen: naiver Idealismus, kritischer Idealismus, realistischer Idealismus. Diesem Sammelbegriffe widersprechen nicht die im Verhältnis zu den westeuropäischen Literaturen der gleichen Zeit hier so charakteristischen und aus dem unentwickelten Kulturniveau sich ergebenden ausgeprägten tendenziös-utilitaristischen Elemente. Überhaupt darf man in den Begriff Romantik bei den einzelnen slavischen Völkern nicht die gleichen Vorstellungen hineintragen, wie wir sie von Westeuropa her kennen, da die „Romantik" jedes einzelnen Slavenstammes ganz individuelle Züge aufweist. Vgl. zur Charakteristik der südslavischen Romantik das in meiner vorhin zitierten Studie „*Romantik und Realismus in den südslavischen Literaturen des 19. Jahrhunderts*" Gesagte. Zu dem Problem des Romantismus bei den Slaven vgl. noch meine Studie „*Die Bedeutung der deutschen Romantik für das nationale Erwachen der Slaven*". In: Deutsche Hefte für Volksforschung, 4. Jahrgang 1934 S 20—40. Vgl. noch J. Matl „*Die klassisch romantische Epoche des deutschen Idealismus und die nationalkulturelle Renaissance der Slaven.*" (Recueil des communications II Congrès International des Slavistes 1934 S 120 ff). Das kroatische Geistesleben des 19. Jahrhunderts entwickelte sich in Verbindung und unter dem Einfluß der geistigen Strömungen Westeuropas. Daher sind die wichtigsten Erscheinungen darin auch Ausdruck der spezifisch kroatischen Verhältnisse. Daher haben alle diese Erscheinungen hier eine gewisse Modifikation erlebt, einige haben überhaupt keinen Widerhall gefunden.

„Mi u kulturnom životu nijesmo ni u jednom periodu uspjeli da stvorimo potpuno cjelovitu i gustu atmosferu, koja bi svakome djelu, koje je u njoj nastalo, dala odredjen i jasan pečat." Ich schließe mich dieser grundsätzlichen, wichtigen Feststellung Barac' vollständig an. Dem, was man als Romantik, Realismus, Naturalismus usw. bezeichnet, fehlen hier verschiedene, wichtige Attribute. Man hat hier Schriftsteller mit naturalistischer Technik, die in ihrer Seele Romantiker sind (zB. Kumičić), anderseits Schriftsteller mit der Technik der Romantiker, deren Weltanschauung realistisch ist (A. Kovačić). Als Bogović literarisch zu arbeiten begann, entwickelte sich das kroatische nationale Leben in romantischer Blickrichtung, doch in der Literatur selbst wurde ein Kampf geführt zwischen dem Einflusse der ragusäischen Literatur, dem Klassizismus und der Volksdichtung. Die ästhetischen Äußerungen in den fünfziger Jahren beweisen, daß viele Äußerungen nicht ein Produkt der

organischen Entwicklung der kroatischen Literatur waren, sondern ein Produkt der Tatsache, daß die einen Schriftsteller in Verbindung mit den gleichzeitigen Strömungen in Europa waren, die andern nicht. Auch Bogović ist in vieler Hinsicht nur ein Repräsentant seiner Zeit. Er ist kein Romantiker und auch kein Realist in vollem Sinne, denn seine Einstellung zur Literatur ist nicht einheitlich. (Ich glaube man käme dem Charakteristischen der Bogovićschen Persönlichkeit, wenn man sie schon klassifizieren will, näher, indem man sie nach den weniger starren, dem heutigen Stand der psychologischen Forschung mehr entsprechenden Einleitungsprinzipien eines Spranger oder eines Jung fassen würde.) Als Mensch war Bogović in keiner Weise ein romantisch disponierter Träumer, sondern der Typus des Kämpfers. Daher kommt auch seine Persönlichkeit am meisten in den satirischen Strelice zum Ausdrück. Daher hätte ihm Satire und Komödie sicherlich besser entsprochen als die pathetische Tragödie. Bogović ist keine ausgesprochene Schöpfernatur, kein Pionier, der durch seine eigenen literarischen Produkte oder durch seine Ideen neue Gesichtspunkte, neue Wege eröffnet hat, aber er ist ein repräsentativer Literat, in dem sich alle Mängel und alle Anstrengungen einer Literatur spiegeln, die ihren richtigen Weg noch nicht erkannt hat. Wichtig ist der Umstand, daß der kroatische Schriftsteller jener Zeit (ganz ähnlich war es bei den anderen südslavischen Stämmen) weder in der eigenen Literatur noch in der heimatlichen Kritik das nationale Korrektiv für sein Schaffen hatte, daher meist im Dilettantismus stecken blieb. Dichter, die eine starke künstlerische Potenz verkörpern wie Mažuranić, Preradović befreiten sich aus diesem Dilettantismus. Bei Bogović fallen ferner die zahlreichen Ähnlichkeiten mit anderen heimischen und fremden Schriftstellern im Stile und in der Fabel auf. Doch auch in dieser Hinsicht ist er ein Kind der Zeit, einer Zeit, in der es als heroische Tat und nationales Verdienst angesehen wurde, wenn jemand überhaupt kroatisch literarisch arbeitete, in der man auf Inspiration keinen Wert legte und Motive und Material nahm, wo man sie fand. Das Gleiche haben wir bei Jurković, Nemčić, Grgo Martić. Es ist wenig Originales in der ganzen kroatischen Literatur der fünfziger und sechziger Jahre. Eine genauere motiv- und stoffgeschichtliche Erforschung der neuen kroatischen Literatur wird erst zeigen, wie viel auch die Dichter der folgenden realistischen Zeit, wie Kumičić u. a. entlehnt haben. (Für die dalmatinisch-ragusäische Literaturepoche hat ja die Forschung der letzten Jahrzehnte vor allem durch Deanović, Kolendić eine gründliche Revision des bisher für Original Geglaubten durchgeführt).*)

Es war eine heroische Leistung, daß Bogović zu einer Zeit, als ein eigenes nationalpolitisches Leben fast unmöglich gemacht worden war und die Literatur, vor allem die Bellestristik, das einzige Forum für die Verbreitung nationaler Gesinnung geblieben war, in einer Zeit, in der die im Illyrismus aufgekeimten literarischen Kräfte zu verdorren schienen, für die Literatur lebte, sich an die Aufgabe machte, einen neuen literarischen Kader und ein literarisches Publikum zu schaffen. Seine Dramen

[11]) Vgl. *J. Matl: Die serbokroatische Literaturwissenschaft.* Zeitschrift für slavische Philologie IX. S 407 ff.

bedeuten bei allen ihren Mängeln einen Fortschritt gegenüber denen von Demeter, Kukuljević, Špor, Kiseljak, vor allem auch hinsichtlich ihrer Aktualität und ihrer Wirkung. In der Novelle übertrafen ihn unter den Zeitgenossen nur Janko Jurković, Veber Tkalčević und Luka Botić. Dragojla Jarnevićeva ist in ihrem künstlerischen Empfinden zweifellos stärker als Bogović, aber vollständig hilflos in der Technik der Novelle. Die übrigen Novellisten der Zeit, die Repräsentanten der „Türken- und Hajdukennovellen", veranschaulichen ebenso wie Bogović das literarische Durchschnittsniveau der Zeit. Welcher ist nun der faktische Beitrag, den die kroatische Literatur Bogović verdankt? Dauernden künstlerischen Wert besitzen seine Werke nicht, ebensowenig wie der größte Teil der kroatischen Literatur seiner Zeit, denn auch alle seine literarischen Zeitgenossen sind – mit etwaiger Ausnahme von Botić – literarische Dilettanten, die die literarische Tätigkeit als patriotische Beschäftigung ansahen mit dem Ziele, dem kroatischen Publikum eine Lektüre in der Muttersprache zu geben und damit das nationale Bewußtsein zu erhalten.[10])

Die Literaturbilanz dieser ganzen Literatur ist hinsichtlich ihres künstlerischen Wertes negativ. Doch nicht ihre literaturhistorische Bedeutung. Denn die Aufgabe und Leistung der kroatischen Literaten der fünfziger und sechziger Jahre bestand darin, die im Illyrismus erweckte Begeisterung für die nationale Literatur zu erhalten und die Auffassung von der Literatur nach Möglichkeit zu vertiefen. Diese Aufgabe und Leistung haben sie in schwerer Zeit auch erfüllt. Die kroatische Prosa dieser Epoche weist einen großen Fortschritt gegenüber der des Illyrismus auf. Als Ende der sechziger Jahre eine neue Literaturgeneration auftrat, die sich den Kampf gegen den Dilettantismus in Literatur und Wissenschaft zum Ziele gesetzt hatte, zogen sich die alten Schriftsteller langsam zurück. Aber die Resultate ihrer Arbeit gingen, wenn auch unsichtbar, als wesentlicher Teil in dem Organismus der kroatischen Literatur ein. Šenoa, Korajac, Tomić, Palmović usw. sind ohne Bogović und seine Zeitgenossen nicht denkbar. Bogović war ein Hüter der kroatischen Kulturwerte, ein Kämpfer gegen die Apathie des Publikums und der Schriftsteller, ein Schriftsteller, der seine Aufmerksamkeit und seine Tätigkeit allen Zweigen des Lebens zuwendete, die irgendwie eine Verbindung mit der Literatur aufweisen. Wenn er auch keine großen literarischen Werke schuf, er bereitete den Schöpfern großen Stiles den Weg. Sein Sichzurückziehen von der Literatur bedeutet die Grenze zweier Epochen in der kroatischen Literatur: das Ende des literarischen Dilettantismus und den Anfang ernsten künstlerischen Schaffens. Soweit Barac.

Das bisherige Referat hat nicht nur die Ergebnisse, zu denen Barac kommt, ihrem wesentlichen sachlichen Teil nach — mit ergänzenden und kritischen Bemerkungen — aufgezeigt, sondern auch die methodischen Wege, die Barac gegangen ist, in wieweit er die literarisch-geistige Persönlichkeit, ihr Werk in Gestalt und Gehalt, ihr Verhältnis zur Zeit, ihre Stellung in der Zeit und in dem Gesamtprozeß der neueren kroatischen

[12]) Einen ähnlichen Entwicklungszustand finden wir auch bei den Slovenen in der Zeit der Abrechnung der Mladoslovenci mit den Staroslovenci .Vgl. I. *Prijatelj:* Istorija najnovije slovenačke Književnosti. Letopis Matice Srpske 1907.

Literatur ins Auge gefaßt, untersucht und zur Darstellung gebracht hat. Die reichen und vielseitigen Ergebnisse, Ergebnisse die auch für den Gesamtprozeß der neueren kroatischen Literatur von Wichtigkeit sind, scheinen mir auch die eingehende Würdigung dieser Studien zu rechtfertigen, denn sie gehört — bei dem Mangel an gründlichen, allseitigen methodisch zeitgemäßen Monographien zur kroatischen Literatur — zu den besten und vorbildlichsten Leistungen der kroatischen Literaturwissenschaft der letzten Jahrzehnte. Nebenbei bemerkt enthält die Studie auch eine Reihe von Bemerkungen, die die persönlichen, grundsätzlichen Anschauungen Barac' über Grundfragen des künstlerischen Schaffens und der literaturwissenschaftlichen Problematik charakterisieren: So über das dichterische Schaffen S. 127, 134, 135, 155; über die literarischen Gattungen Lyrik, Epik, Dramatik S. 133; über die Novelle S. 133; über das Drama S. 134; über die Bewertung des Dichters S. 134, 164; über den künstlerischen Stil S 143, 150; über literarische Strömungen S. 156; über den Wert der historischen Persönlichkeit S 160. Diese Studie von Barac bringt ferner einen neuerlichen Beweis, daß sich die kroatische Literaturwissenschaft in einem Stadium des großen Reinemachens hinsichtlich ihrer literaturhistorischen Urteile und Wertungen, im Stadium eines großen Revisionsprozesses befindet. Ebenso wie durch die quellenkritischen und stoffgeschichtlichen Untersuchungen von M. Deanović, P. Kolendić u. a. die bisherigen Urteile über die Originalität einzelner Werke der dalmatinisch-ragusäischen Literatur einer Revision zugeführt wurden, wie durch Murkos Arbeit über die Reformation und Gegenreformation im geistigen Leben der Südslaven, vor allem die Gegenreformationsepoche in ein neues Licht gerückt und in den Gesamtprozeß der literarischgeistigen Entwicklung neu eingebaut wurde, wie durch die Arbeiten von Fancev die Bedeutung der alten kroatischen geistlichen Spiele sowie der Jesuitenliteratur neu erkannt wurde, wie durch die Arbeiten von Vl. Dukat und Fancev die kajkavische Literatur der bisherigen Nichtbeachtung entzogen wurde, ebenso wie A. Haler durch seine Untersuchung der spezifisch ästhetischen Elemente der Erlebnis-, Stil- und Kompositionselemente des Gundulić'schen Osman, der Preradović'schen Lyrik (Srpski Književni Glasnik XXIV) — wenn auch unter viel Protest — sehr gründlich mit den herkömmlichen Bewertungsurteilen aufräumte, indem er nicht national-patriotische, sondern europäische. vor allem Croceanische ästhetische Kriterien ins Treffen führte; wenn in jüngster Zeit Fancev in seinen Veröffentlichungen zur Geschichte des Preporod in den Gradja der Jugoslavischen Akademie die heimischen Grundlagen und Wurzeln der nationalkulturellen Wiedergeburt in den Vordergrund und die von außen kommenden Anregungen in den Hintergrund zu schieben versucht; wenn die neuen Anthologien der anläßlich der Jahrhundertfeier des Preporod herausgegebenen Serie: *Sto godina hrvatske književnosti* (1830—1930) nicht nur in den Einleitungen (Slavko Ježić, Mihovil Kombol, Ljubomir Maraković), sondern vor allem auch in der Auswahl selbst, eine klar zu Tage tretende Steigerung des Qualitätscharakters und das bewußte Abgehen von dem traditionellen Auswahl- und Bewertungsverfahren deutlich machen, so sind das alles Anzeichen.

Symptome des erwähnten Revisionsbestrebens, gleichzeitig Anzeichen eines vertieften wissenschaftlichen und literarischen Kritizismus. Ich möchte mir am Schlusse nur erlauben ein Bedenken vorzubringen, ein Bedenken, das auf langjährige Erfahrung, auf langjährige Beschäftigung mit der südslavischen literar- und kulturgeschichtlichen Problematik und der diesbezüglichen Forschung zurückgeht:

Bei voller Anerkennung der reichen Ergebnisse der fleißigen Einzelforschung sehe ich doch die Gefahr einer gewissen Verprovinzialisierung — auf diese Gefahr hat ja auch schon 1918 Altmeister Jagić hingewiesen —, ferner die Gefahr einer gewissen methodischen Rückständigkeit. Die serbokroatische literaturwissenschaftliche Forschung, vor allem die akademische — von der bulgarischen und slovenischen will ich in diesem Zusammenhang nicht näher sprechen — ist methodisch im allgemeinen in dem Zustand von ungefähr 1900 stecken geblieben: Die neuen geistes- und stilgeschichtlichen Forschungsmethoden, die sowohl in der Germanistik (Dilthey und seine Schule), wie auch in der Romanistik in Mittel- und Westeuropa so hervorragende Leistungen hervorgebracht haben und neue Wege des literarwissenschaftlichen Schauens eröffneten, sind auf südslavischem Boden weitaus nicht in dem Maße akzeptiert und angewendet worden, wie es auf tschechoslovakischem, polnischem, ukrainischem und russischem wissenschaftlichen Boden der Fall ist. Hier eröffnen sich meines Erachtens noch neue Aufgaben, Wege und Ziele, neue Wege, die zu einer vertieften Einsicht in den Gesamtverlauf der geistigen und künstlerischen Entwicklung der südslavischen Stämme, ihrer Eigenart und Stellung im Rahmen der gesamteuropäischen literarischgeistigen Entwicklung führen werden. *Josef Matl, Graz.*

C. Baudouin de Courtenay Ehrenkreutz: **Ze studjów nad obrzędami weselnemi ludu polskiego.** Cz. I. Forma dramatyczna obrzędowości weselnej. Wilno. 1929. Nakładem Tow. Przyjaciół Nauk w Wilnie. 8⁰. 155.

Окрема студія, присвячена драматичній формі польського весільного обряду — се, на скільки нам відомо, перша спроба в сьому напрямку, яка заслуговує пильної уваги також через те, що позволяє глянути з нової точки на цілий комплекс проблемів, звязаних із досліджуванням весільної обрядности. Ця обрядність являється витвором суспільної культури і заразом результатом артистичної творчости цілого ряду поколінь; польське весілля зберігає й досі ф о р м у м у з и ч н о ї д р а м и, що виявляє виразні наверствування та різні відміни, в залежності від різних етнографічних районів. Драматичні елементи весільного обряду стали наростати вже в тій добі, коли почала оформлюватися інституція подружжя, т. є. коли громада почала надавати свою санкцію деяким звязкам межи мужчиною і жінкою в протиставленні до інших звязків, тільки толерованих або й осуджуваних громадою. Ця санкція мусіла виявлятися в ознаках зовнішньої експресії. Натомість для агамічних звязків, хоч би й терпіла їх громада, не було потрібне таке потвердження, висловлюване в формі обрядової дії. Сконстатування цього факту вважає авторка дуже важним для самої ме-

тоди дослідів над розвитком суспільних інституцій, вказуючи на ось який конкретний приклад: В матеріялах, зібраних Роубою в селі Лахва на Поліссі (Rouba: Łachwa i jej mieszkańcy, Wisła IX. 762) згадується, що там звичайно жонаті сини з своїми жінками мешкають спільно в одній батьківській хаті, і що така тіснота впливає розкладовим способом на моральність родини; буває таке, що брати добровільно обмінюються на якийсь час своїми жінками, або, коли батько повдовіє, умовляються з ним, щоби не женився вдруге, відступаючи йому за це свої жінки. Загал селян не осуджує такої поведінки, уважаючи її радше ознакою згоди в родині.

На основі цих помічень робить І. Адамус у розвідці »Uwagi o pierwotnem małżeństwie polskiem i słowiańskiem« (Lwów 1927) далеко йдучі висновки, а саме: що згадані звичаї Поліщуків є пережитком групового подружжя, та що така форма подружжя існувала на українських землях уже в передхристіянській добі.

Отже по думці Еренкрайцової треба потягнути виразну границю межи співжиттям агамічним і подружнім, межи толерованими відхиленнями від норми, що не довели до оформлення в обряді, і скристалізованими формами суспільного життя, його надбудовою, що вбирає життєві прояви у схеми, витворені суспільною культурою. Ці обрядові схеми є найкращим критерієм для відрізнення одних від одних. Міродайним доказом на існування даної інституції серед якоїсь суспільности треба вважати передусім сліди традиційних форм, у яких вона виявлялася. Де таких форм не було, або де вони не збереглися до наших часів, там нема достаточної основи до інтерпретування фактів, зачерпнутих із життєвої дійсности (як нпр. прояви групового співжиття у Поліщуків), як пережитків якоїсь давньої інституції, якоїсь форми суспільної. (Тут годиться завважити, що Ф. Вовк спираючись на ширшій основі, а саме на порівняному дослідженні укр. весільної обрядности, приходить до ось якого висновку: »Щодо групового шлюбу, то звичаї та пісні, що супроводять весілля на Україні, дають дуже виразні та численні його сліди«. (»Шлюбний ритуал та обряди на Україні« Студії з укр. етнографії та антропології. Прага с. 324, переклад з французького: »Rites et usages nuptiaux en Ukraine«. L'Anthropologie II. 1891. III. 1892 Париж).

Польська весільна драма складається з цілого ряду символічних дій, що ілюструють її обрядовий зміст. Цю драму відграють члени весільної дружини, стилізуючи свої ролі по традиційним схемам. Серед них визначаються дві групи: а) режисери і заразом головні дієві особи, старости, свахи, дружби, дружки і т. ін. — це неначе сценічне усоблення громади, що дає свою апробату шлюбному актові; вони виявляють найбільшу активність, промовляють і співають за себе і в імені інших осіб та пускають у рух ціле видовище; б) друга група — це герої дня: молодий, молода й їхня рідня; вони відграють подію власного життя; та інсценізація цієї події в весільному обряді творить неначе театр у театрі, видовище, що відбувається в іншій площині, як решта обрядової дії, через що акція роздвоюється. Ролі осіб цієї другої групи пантомімічні, пасивні, обмежені до сповнювання при-

казів по традиційному шабльону: це неначе кукли, порушувані режисерами.

У структурі польської весільної драми, особливо на терені східньої Польщі, дуже важну ролю виконує х о р, подібно, як і в традиційних обрядових іграх різних народів (напр. у старогрецьких Діонісіях). [1]) Хор виступає в імені громади, як збірної одиниці, що своєю участю в обряді санкціонує інсценізовану подію — подружній звязок. В старших взірцях польського весілля являються дві дружини, молодого й молодої, отже два хори, як репрезентанти двох родів, що входять з собою в стосунок споріднення: це замітне особливо на східніх окраїнах польської етнографічної території. Та в хоровому угрупуванні весільної дружини (головно жінок —свах і дівчат) виявляється також суперництво старших, себто господарів і господинь та молоді, причім побідниками виходять старші, що приймають до свого круга новоженців і підносять їх на становище самостійних господарів; ця риса виступає виразніше в західніх околицях Польщі, ніж у східніх. Взагалі ж у хорові пісні більше вкладається змісту інсценізованого обрядом, ніж у саму гру дієвих осіб. У функціях, які хор сповняє в весільній драмі, можна відрізнити елемент е п і ч н и й, — коли хор заповідає, супроводить і пояснює всі важніші моменти; д р а м а т и ч н и й елемент — коли хор співає від імени дієвих осіб (молодого, молодої, батька, матери), або коли два хори ведуть співаний діялог; хор сповняє р е ж и с е р с ь к у ф у н к ц і ю, коли в піснях дає доручення й приказн, які мають виковати дієві особи, або апробує довершені події; і н т е р м е д і й н у ф у н к ц і ю, коли в перервах межи головними актами весільної драми співає пісні »застольні«, еротичні, балядові, танкові, що не вяжуться безпосередньо з розвитком драматичної акції. Первісне провідне значіння хору найкраще збережено на східніх землях Польщі; на західніх хор сходить уже на другий плян, хорові пісні заступають режисери сольовими або ораціями й діялогами. В тому звязку авторка відмічає до речі вплив драматичних інтермедій на польську весільну обрядність (86).

Отже весільний обряд є драмою, хоч інсценізованою в дійсному житті; вона творить замкнену в собі цілість, відмежовану від ходу реального життя спеціяльними ф о р м а м и д р а м а т и ч н о ї е к с п р е с і ї, **щ о п е р е н о с я т ь у ч а с н и к і в в е с і л л я п о з а с ф е р у** д і й с н о с т и у о б с я г ш т у к и й у я в и. По народнім віруванням навіть померші родителі новоженців являються, хоч невидимо, на весіллі, до них звертається і за них відповідає хор. [2]) Серед учасників весілля треба відрізнити звичайних або принагідних гостей від членів весільної дружини, що приймають на себе умовлені ролі: від них вимагається знання традиційних формул, промов, пісень, цілого весільного церемоніялу, а навіть деякого акторського таланту. Члени весіль-

---

[1]) Те саме говорить Ф. В о в к про ролю хору в українському весіллі (op. cit. 230, 320), підчеркуючи релігійний характер весільного обряду. Порівн. М. Г р у ш е в с ь к и й: Історія укр. літератури I, 249, 251.

[2]) Авторка признає, що в укр. весільному обряді багато виразніше зазначується взивання померших родителів до благословлення новоженців.

ної дружини, навіть молодий і молода та іхні родителі, хоч відграють свої власні ролі, то вже стилізують їх по традиційним схемам, відповідно до весільного церемоніялу, неначе би вдягали маску, що до певної міри заслонює їхне індивідуальне обличе.

Констатування театралізації дійсного життя в весільному обряді веде авторку до важних висновків: Етнографічний матеріял, зібраний в описах весілля, використовувано досі головно як джерело для потвердження деяких соціологічних теорій або історичних гіпотез, а поодинокі дії весільної драми, відірвані від цілости, інтерпретовано як відгомони матріяхату, поривання або купівлі жінок; натомість не звертало́ся уваги на те, що такі сцени не конче мусіли корінитися у старій місцевій традиції, що вони могли подекуди явитися наслідком переймлення, як різні мандрівні мотиви, та що в такому випадку їх значіння в структурі весільного обряду могло б бути другорядне, інсценізаційне. [1])

Новіші досліди, особливо французьких етнологів із школи Durkheim'а протиставлять форму обрядів їх внутрішньому змістові; показується, що перехрещування й наверствування у змісті обрядів ішли іншими дорогами, як переміни форм, у яких вони виливаються. Отже споріднення культур не обмежується групами споріднених мов і дуже часто сягає понад мовні межі.[2]) Спільні словянам признаки весільного обряду подибуються й у інших народів індоевропейських і фінських. На весільні обряди Поляків та інших словянських народів треба глядіти, як на витвір рільничого життя, під впливом якого складається у різномовних народів подібний світогляд, подібна обрядова символіка, усюди зрозуміла для рільників (в тому звязку авторка вказує на обрядове значіння хліба-весільного короваю).

Обговорена праця Еренкрайцової є тільки першою частиною її студій над польською весільною обрядністю. Тим поясняється, що авторка здержується від роблення якихнебудь висновків що до генези, наверствування й хронологічної схеми весільних обрядів; сказати б точніше — авторка розглядає їх уже в тій стадії, коли вони дорогою довговікового розвитку зрослися в складний організм весільної драми, коли давніші форми подружжя — групові, комунальні шлюби, завоювання, умичка, купівля жінки — стали вже тільки споминами та перейшли в обряд, приймаючи подекуди релігійний характер; бо ж умовлювання подружжя двома родами, чи апробата громади на подружжя, — висловлювана в цілому ряді весільних церемоній, — це вже завершення у довговіковому розвитку родинного й громадського життя.

Розглядаючи теперішню готову вже форму весілля на основі поль-

---

[1]) Тут завважимо, що вже й дослідники укр. весільного обряду, як Ф. Вовк, акад. М. Грушевський, клали вагу на відрізнювання обрядової симуляції від реального підкладу та на вплітання до весільного церемоніялу також випадкових рисів, що прийшли з зовні. Вовк: op. cit. c. 216. М. Грушевський: Історія укр. літерат. І. 425.

[2]) Це одна з провідних думок нової праці К. Мошинського «Kultura ludowa Słowian« Вид. Польс. Акад. Наук Краків, 1929 I. c. IV.

ського етнографічного матеріялу авторка не дошукується його звязків із обрядністю сусідніх народів, ані чужих впливів, хоч було б інтересно дослідити, чи старші риси польської весільної обрядности, збережені головно на східніх окраїнах польської етнографічної території, не переймлено по части від сусідньої української людности, як на се вказують пісенні паралелі и у к р а ї н і з м и густо розсіяні в мові польських весільних пісень,[1]) а також с п о р і д н е н н я м е л о д і й[2]) із **Люблинщини й східнього Мазовша.**

З другої сторони можна вказати й на полські весільні пісні новішого походження, поширені на укр. етнографічній території (нпр. »Геп сядан, сядан, кохане моє«, Етн. Зб. XI. 183). Та розглянення цих взаємних впливів, таксамо як вказання елементів весільної обрядности, спільних індоевропейським та іншим народам, вимагає окремих студій, розяснення цілого комплексу питань, звязаних із досліджуванням весільних обрядів на широкому порівняному підкладі, а це виходить поза рямці, означені заголовком студії Е-вої. На ці питання авторка наткнеться певно у дальших частинах своїх студій над польськими весільними обрядами, у яких годі буде обмежитися виключно тільки до польського етнографічного матеріялу: це тим більше, що весільні обряди й пісні східніх словян, особливо ж українців, збереглися багато живіше й у повнішій формі, ніж польські, і не можна б без них обійтися, коли б ішла річ про реконструкцію драматичної форми старословянського весілля та ролю в ньому поодиноких дієвих осіб і груп, нпр. старостів, матери и брата молодої, парубоцької й дівоцької громади і т. ін. З одним тільки ми не могли б погодитися: Авторка вважає правносуспільну процедуру шлюбного акту основою весільної драми, її зрубом, признаючи релігійному елементові тільки другорядне значіння (141). Тимчасом не дасться заперечити, що наростання драматичних елементів у старословянському весільному обряді стояло в тісному звязку також із передхристіянськими віруваннями та культами; на се вказує між іншим значіння вогню, води, хліба, райського дерева та відгомони магічного світогляду й соняшного культу в укр. весільних обрядах і піснях; благословлення, кругові обходи коло стола й діжі, розділювання короваю та інші драматичні сцени із релігійним характером творять чи не головний зміст весільного обряду. З часом навіть акти звичаєвого права стають актами культу, як це влучно підмічає **Ф. Вовк (op. cit. 322, 324, 329).**

В усякім разі праця Е-вої, присвячена проблемам форми, має

---

[1])

	Порівн:
Oj spuści ze mnie, Boże,	Гей спусти ж мене, мій милий Боже,
Ciemnoju chmaru do ziemicy	дрібним дощом на землю (2)
Drobnym descykiem do świetlicy,	ясним сонцьом до хати,
Oj niech ja nahledusie	Та ней я сі придив'ю
Swemu dziecięciu na posadzie,	гей свому дитяти.
Cy horoso zarządzono.	Ци красно оно вбране,
(Ст. 65 Kolberg: Mazowsze V. 166.	На посаг посаджене?
	(Ів. Колесса: Етн. Зб. XI. 172. ч. 20)

[2]) Kolberg, Mazowsze III, № 116. Lud XVI. (Lubelskie) № 169 — це мелодії перейняті очевидно з українського весільного »ладкання«.

ширше значіння, вносить чимало нового й цінного в дослiджування словянської весільної обрядности і ставить на чергу аналогічний дослід українського весілля, яке з соціологічного й літературного становища знайшло вже освітлення в цілому ряді праць Ф. Вовка, М. Грушевського, Сумцова, Потебні, В. Охримовича, Ящуржинського й ін.

В тому звязку треба би звернути увагу також на обговорення віршової й музичної форми польських та українських весільних пісень, що під тим оглядом виявляють багато спільного з весільними піснями інших словян, та моглиб кинути деяке світло на питання своєрідности чи запозичування й міграції пісенних мотивів. *Філарет Колесса.*

K otázce „Polaznika".

Práci „Полазник" у южных славян, мадьяр, словаков, поляков и украинцев, kterou jsem otiskl v Ludu Słowiańském, (III, B. 107—114, 212—273), zakončil jsem řadou shrnujících závěrů. „Při zkoumání obyčeje ‚polaznik' můžeme přesně konstatovati, že tento obyčej náleží celé skupině slovanských národů, které jej prožívaly a z části i nyní prožívají společně. Příznačné je za druhé, že tento obyčej, prožívaný skupinou, zahrnující několik slovanských kmenů, zůstal cizí jiným slovanským kmenům, ba dokonce některým částem kmene, u jehož druhých částí se vyskytuje. S tím se neustále budeme setkávati i při studiu jiných sociálních, speciálně národopisných jevů u Slovanů. A konečně je charakteristické, že obyčej, uchovávaje si slovanský název, proniká i k neslovanským národům, v našem případě k Maďarům. S obdobnými jevy se také nejednou setkáme při studiu jiných sociálních skutků, společných rozličným skupinám slovanských národů." Otázka „polazníka" souvisí tedy s rozmanitými problémy spojitosti mezi jižními Slovany a Slovany západními, a také mezi Slovany západními a východními. Doufám, že v slovanské národopisné literatuře dojde k diskusi o tomto souboru otázek, k diskusi, která buď potvrdí anebo opraví mé vývody. Referát o mé práci, uveřejněný drem J. Húskem v časopise „Prúdy" (XX., 1936, str. 113—115), není s to, aby přispěl k vyjasnění otázek, neboť recensent divně pojal svůj úkol: vytýká mi, že v mé práci chybí to, co je tam ve skutečnosti uvedeno, a připisuje mi tvrzení, která tam nejsou, ba ani nemohla býti. Aby referát neuváděl čtenáře v omyl, ukáži z něho několik příznačných chyb takového druhu.

Podle J. Húska jsem uvedl z Podkarpatské Rusi jen „jeden príklad z Domanincov". Ve skutečnosti uvádím z Podkarpatské Rusi kromě příkladu z Domaninc materiál z pěti vsí (Prislop, Novoselica, V. Bystryj, Nižnij Sinevir', Loz'anskyj). Vedle toho uvádím z řady vesnic z Podkarp. Rusi data negativního rázu, (kde tohoto zvyku „не было і не є"). Probírám materiál, který jsem sám sebral na Podkarpatské Rusi s odkazy na jednotlivé vsi na str. 242—245, 254—256, 265—266. Referent si tedy nemohl nevšimnout těchto údajů. Húsek mluví o záznamech, „které (autor) si zapísal (ako sám hovorí) najčastejšie vo vlaku od našich východoslovenských a podkarpatoruských sedliakov". Ani tato věta nesouhlasí se skutečností: *nikde* to netvrdím a *nikdy* také jsem nic nezapisoval ve vlaku ani od východoslovenských, ani od karpatoruských sedláků. Referent

přenesl na muj materiál z východního Slovenska a Podkarpatské Rusi poznámku, kterou z vědecké akribie doprovázím *jeden* svuj stručný záznam ze *středního* Slovenska:

„Эти беглые заметки были сделаны мною отчасти в вагоне, где я разговаривал с проезжавшими крестьянами, отчасти на одной из станций, где я вступил в разговор с одним стариком. Привожу эти заметки, как материал, требующий проверки на месте. Стр. 218.

Ostatní muj materiál o zvyku zvaném „polazník", přesně lokalisovaný, sebraný v 19 vesnicích a zaujímající 7 stránek mé práce však názorně svědčí, jak je vzdáleno skutečnosti tvrzení J. Húska, že jsem zapisoval „nejčastejšie vo vlaku".

Ani údaje o ukolu mé práce v podání referentově se nesrovnávají s pravdou. Píše, že jsem si omezil téma na synchronický popis, ale přitom tendenčně vynechává druhou polovinu mé programové věty:

а также определить генетическую связь этого обряда у южных славян с таковым у славян восточных (украинцев) и западных (словаков и поляков), а также у мадьяр. Стр. 114.

O něco dále prohlašuje Húsek, že „Bogatyrev však nesplnil hlavný svôj úkol, aby totiž vyložil, ako tento zvyk súvisí s kultom predkov, aký bol na pr. u Rimanov i Slovanov, spojený so zimným slunovratom (Vianocami)"; podává totiž docela novou formulaci mého „hlavního úkolu", která nesouhlasí ani se skutečným tematem mé práce, ani s tím, jak jej sám H. výše po svém upravil.

Podle referenta v otázce rozšíření „polazníka" za západní hranici středoslovenských „jugoslavismu" „nevedia si s tým úkazom rady, proste Bogatyrev poznamenal, že až tam ten zvyk prenikol." Ve skutečnosti však na str. 217 vykládám, že obyčej „polazník" pravděpodobně byl přijat osadníky snadněji, než dialektické znaky, a dále své tvrzení, že síla expanse obyčeje „polazník" byla větší, než u oněch znaku dialektických, dovozuji tím, že „polazník" se rozšířil nejen na západ, nýbrž i na sever a na severovýchod, a k otázce se vracím ještě na str. 220. Chybné je tvrzení dra J. Húska, že jsem se mohl v Jungmannově slovníku poučit „čo znamená: polazovati, polazen, polazník!" Bohužel sám referent nenahlédl pozorně do tohoto slovníku, není tam totiž ani slova „polazen" ani slova „polazník". U sloves „polaziti — polazovati" Jungmann uvádí jejich obvyklý význam: „jíti váhavě, plaziti se, schleichen, kriechen, gehen", a z tohoto významu, rovněž tak jako z ukrajinštiny a polštiny, je těžké odvoditi význam „polaziti" ve smyslu „navštíviti", který toto slovo má v našem lidovém obyčeji (o tom viz str. 267 mé práce). Co se týče významu „polazuji" („děti polazují o Nový rok a vánocích po domech vinšujíce") souvisícího s naším lidovým zvykem a převzatého Jungmannem ze slovníku Palkovičova, uvádím tentýž význam z nejrozličnějších slovenských pramenu (nechávaje stranou doklady polské, ukrajinské, maďarské): na str. 214 (Hanuš, Šujanský), 218 (Dobšinský, Božena Němcová), 216 (Chotek — Vršatský), 218 (Húsek, Bogatyrev, několik pramenu), 241 (Bogatyrev). Jak si vysvětlit po tom všem větu Dra J. Húska, že v Jungmannově slovníku „sa mohol poučiť", když sám mnohokrát uvádím toto slovo právě v tom významu, který je u Jungmanna; Slovník Jung-

mannův (resp. Palkovičův) jen ještě jednou potvrzuje, že tento obyčej je slovenský, a nikoliv moravský anebo český.

K větě o tom, že jsem „sa mohol poučiť“ v Jungmannově slovníku, H. dodává: „Je to chodiť po lazoch?“ Nelze pochopit, koho se tato otázka týká; já ani nemyslím, ani nikde netvrdím, že polazovati = „chodiť po lazoch“; já jen píši:

„Считаю нужным отметить, что по указанию знатоков Словакии около всех сел, в которых существует обряд „полазник“, имеются lazy. Существование в этих местах термина „lazy“ могло содействовать сохранению слов polaznik, polazuvat, т. к. давало населению этих сел возможность семасиологизировать эти слова“. Стр. 221.

Referent si tedy zde plete dva tak evidentně rozdílné linguistické pojmy jako *původní význam* a *lidová etymologie*.

H. neprávem mi vytýká, že jsem neprostudoval množství národopisných prací, ale neuvádí bohužel ani jednoho dokladu, který jsem vynechal; a jen o doklady, souvisící s „polazníkem“ šlo v mé práci.

Námitka, že jsem „z maďarskej literatúry vypísal iba tri doklady“ je bezpodstatná. Právě to, že se v maďarské národopisné literatuře našly jen tři doklady o obyčeji se jménem „palázolni“, „palázulás“, a to, že všechny tyto příklady se vyskytují na cestě od jižních Slovanů do středního Slovenska, v krajích obývaných pomaďarštěnými Slovany, není náhodné. Vytýkaje mi, že jsem uvedl jen tři doklady, recensent sám bohužel jiných dokladů s termíny „palázolni“, „palázulás“ z jiných oblastí Maďarska neuvádí.

Nepodařená je i lekce z ruštiny, kterou mi udílí H.: obyčej „polaznik“ se prý nesmí označovati jako „obrad“. Zapomíná, že významová oblast ruského slova обряд se nekryje, jak to často v obdobných případech bývá, se sloven. „obrad“ (a čes. „obřad“). Ani se znalostí polštiny referent nepochodil. Redakce Ludu Słowiańskiego označila mou práci jako „wartościowy przyczynek“ (*cenný* příspěvek), H. však nesprávně překládá „zaujímavý príspevok“ a ze svého chybného překladu dělá závěry.

Po takových nepřesnostech a chybách, z nichž jsem uvedl jen několik charakteristických dokladů, nezbývá z referátu nic, než zjištění, že jsem nepoznal v tvaru „potaznik“ v cenné práci L. Niederla-K. Chotka tiskovou chybu, nýbrž považoval jej za místní překrouceninu, a že má „terminologia našich obcí ze Slovenska a Podk. Rusi nie je uradna, ale podľa Petrova“, jako by zesnulý učenec nebyl nejvýznačnějším znalcem toponomastiky těchto zemí a jako by jeho práce nebyla vydána vedoucím vědeckým ústavem ČSR., Českou akademií.

Uvedl jsem fakta, zříkám se obecných závěrů; přenechávám čtenáři, aby si sám utvořil mínění o kritických způsobech Jana Húska.

P. Bogatyrev.

F. Antoni Ossendowski. **Polesie.** [1934]. Poznań. Wydawnictwo Polskie (R. Wegner). Str. 206+2.

»В срединѣ Европы в 20-ом вѣкѣ — такой удивительный экзотическій край! Ученые изслѣдователи и стремящіеся познать нашу планету путешественники проникли почти всюду... всюду проник бѣлый человѣк, все изслѣдовал и подробно описал. И удивительная вещь —

в его собственной землѣ остался край малоизвѣстный, во многих отношеніях загадочный, малодоступный и в большей своей части почти незаселенный! Это — Полѣсье«. Так начинает свою замѣчательную книгу о Полѣсском краѣ польскій писатель и путешественник проф. Ф. А. Оссендовскій.

Полѣсье, пишет он, в глубинѣ своих лѣсов и болот осталось до наших дней неизвѣданным краем, хотя о нем упоминает уже Геродот, чертит его карту Птоломей, а по лѣтописи Нестора полѣсскіе славяне уже в XI в. выступают на историческую арену, участвуя в борьбѣ между собою русских князей. В том-же XI в. уже идет борьба за полѣсскій Брест, который в итогѣ борьбы остается за Польшей. В дальнѣйшей борьбѣ с русскими князьями потомки Кейстута и Ольгерда окончательно вытѣсняют отсюда русских; Брест присоединяется к Литвѣ, а затѣм дѣлается крупным центром, гдѣ собираются сеймы и совершается ряд исторических событій. Отсюда уже при первых Ягеллонах идут в глубь края с проповѣдью и просвѣщеніем монахи католических орденов. Наряду с Брестом выростает Пинск, который с XIV в. дѣлается столицей удѣльнаго княжества Гедиминовичей. В эти и послѣдующіе вѣка в Полѣсьѣ скрещивались вліянія Новгорода, Кіева, Москвы, Литвы и Польши, оставляя здѣсь свои слѣды всюду вплоть до языка и этническаго состава: полѣшук является особым типом в жилах котораго течет праславянская кровь с примѣсью сарматской, литовской и др. Вѣками на Полѣсьѣ гремѣли отзвуки борьбы сосѣдних князей; сюда врывались с оружіем татары, казаки, шведы. Памятью о давних битвах остались среди болот курганы »побоища«, а в душѣ полѣшуков старинное недовѣріе и враждебное отношеніе к чуждым пришельцам. Полѣшук замкнулся в себя среди своих непроходимых лѣсов и болот, и душа его осталась такой же неизвѣданной, как и малодоступныя дебри его края.

В послѣднее время Полѣсье все больше привлекает к себѣ интерес и вниманіе польскаго общества. Появился ряд научных трудов о Полѣсьѣ: W. Mondalski. Polesie, 1927 (общій обзор края); K. Moszyński Polesie Wschodnie, 1928 (этнограф. труд) и др. В литературѣ описанія Полѣсья встрѣчаются, начиная с В. Сырокомли. Прекрасные описанія и пейзажи края дает в своей повѣсти »Puszcza« J. Weyssenhoff; рисуют Полѣсье J. Ejsmond в своих разсказах и M. Rodziewicz в повѣсти. Отвѣчая современному интересу, описанію польскаго Полѣсья посвящает свой новый труд проф. Оссендовскій.

Дав общій обзор Полѣсья и историческій очерк его прошлаго и отмѣтив, какое эхо оставило это прошлое на населеніи, автор переходит к описанію края, его природы, жизни и быта его двухмилліоннаго населенія в разныя времена года: зима, когда полѣсскія воды, замерзнув, открывают дороги полѣшукам, затерянным среди непроходимых болот; весенній разлив вод, когда затопляются лѣса, и сообщеніе возможно лишь при помощи лодок и плотов; лѣто в Полѣсьѣ, в этих польских джунглях, сырых, покрытых буйной растительностью и одѣтых неподвижными туманами . . . Эти прекрасныя описанія не являются лишь замкнутыми в себѣ описаніями природы края. Здѣсь мастерски прове-

ден план дать общій связный образ Полѣсья и его жизни — и в этом лежит особая прелесть и цѣнность книги. Житель полѣсской глуши, сын природы, всецѣло зависит от природы и перемѣн в ней. И на фонѣ этих смѣняющихся живых картин природы автор рисует жизнь полѣшука, такого же угрюмаго, как его край. Пред читателем тут раскрывается примитивный быт полѣсскаго люда в его родной стихіи, с его вѣчной мозольной работой в неустанной борьбѣ за существованіе, борьбѣ такими-же примитивными средствами. Полѣшук — охотник, знающій каждую тропу среди топких родных болот и безпощадно истребляющій звѣриное и птичье богатство своей земли; полѣшук-рыбак, столь-же безразсудно губящій населеніе своих вод; полѣшук земледѣлец, идущій с примитивными орудіями на свою скупую пашню или с косой отыскивающій мѣста, гдѣ бы можно было вырвать у болот траву-корм для его убогаго скота; полѣшук-пасѣчник с языческими прадѣдовскими обрядами начинающій свою работу весной . . . Вот картина полѣсской деревни, хутора, хаты полѣшука; его пашня на мѣстѣ выжженнаго и выкорчеваннаго лѣса, его скот, его ремесла, домашняя утварь. Все это живо и ярко проходит пред глазами читателя. Книга не ограничивается описаніем внѣшних сторон Полѣсья и его люда. Автор сумѣл заглянуть в темную душу этого люда и рисует его характер, психологію, его удивительные инстинкты, его вѣрованія и обычаи, сохраненные от прадѣдовских времен. Душа такого полѣшука также мало тронута культурой, как и глухія мѣста его края. До наших дней в Полѣсьѣ сохранились остатки языческих обрядов и вѣрованій, в какой-то странной смѣси уживающихся с христіанством, воспринятым здѣсь тоже своеобразно. Вѣра в лѣших, русалок; знахари, эти остатки праславянских волхвов; чары, заговоры, языческія понятія о грѣхѣ — все это продолжает жить среди полѣсских лѣсов и болот.

Таково Полѣсье, гдѣ почти на всем лежит особая печать своеобразія, свидѣтельствующая о сохраненіи людом традицій ушедших вѣков, когда здѣсь чтили Дажбога.

Касаясь культурной работы над краем от давних времен, автор говорит о роли тѣх польско-литовских колонистов, которые двинулись в Полѣсье при первых Ягеллонах и тут осѣли. За ними сюда пришли могущественные роды Радзивиллов, Сангушек и др. Здѣсь в центрах ими строились крѣпости, костелы, закладывались фабрики, проводились каналы. На Полѣсьѣ сохранилась старинная связь с Польшей, и особенно это сказалось в годы борьбы Польши за вольность. Из ердца полѣсских болот вышел Костюшко; Полѣсье дало диктатора Траугута.

В дни воскресенія Польши маршал Пилсудскій оцѣнил значеніе Полѣсья для обороны границ и благосостоянія страны. Польша удержала за собой бассейн Припети и начала здѣсь широкую и планомѣрную культурную работу, которую полѣшуки уже успѣли понять и оцѣнить. Проф. Оссендовскій приводит данныя уже сдѣланнаго в этом направленіи за послѣдніе годы правительством для забытаго и заброшеннаго до сего времени края.

Среди произведеній, посвященных Полѣсью, книга проф. Оссендов-

скаго должна занять особое мѣсто. Спеціальные научные труды о Полѣсьѣ не могут разсчитывать на широкое распространеніе среди читающей публики; в повѣсти-же или новеллѣ этнографическая правда часто должна уступать мѣсто литературным требованиям произведенія. »Polesie« проф. Оссендовскаго свободно от того и другого. В нем сочетались наблюдательность путешественника и изслѣдованіе ученаго с повѣствовательным талантом писателя. Здѣсь создан правдивый, широкій и пластичный образ польскаго Полѣсья — его люд и край, исторія, этнографія, географія, геологія, флора и фауна края; и все это дано в формѣ увлекательнаго живого разсказа, столь характернаго для творчества маститаго польскаго писателя. Живость впечатлѣнія еще увеличивают многочисленныя прекрасныя иллюстраціи, которыми полна книга. Все это дѣлает труд проф. Оссендовскаго одинаково цѣнным как для спеціалиста краевѣда, так и для рядовых читателей, интересующихся невѣдомым краем. *K. Wi-ty.*

Prof. Dr. E. Hoffmann-Krayer: **Individuelle Triebkräfte im Volksleben.** (Доповідь виголошена на II. Інтернаціональному Конгресі Людового Мистецтва в Антверпені 1930). Відб. з »Schweiz. Archiv für Volkskunde« XXX, 1930, № 4, 169—182.

Навязуючи до праць Ганса Навмана (Naumann) »Primitive Gemeinschaftskultur« 1921 і »Grundzuge der deutschen Volkskunde« 1922, автор піддає критичному розглядові його тези, а саме:[1]) що систематизація етнографічних обєктів вимагає в кожнім окремім випадку вирішення основного питання, чи це продукт нижчої, примітивної культури, з признаками колективної творчости, чи продукт вищої культури, перейнятий народньою масою і так сказати б, звульгаризований (gesunkenes Kulturgut); що нижчу культуру знаменує позбавлена індивідуалізму спільнота (individualismuslose Gemeinschaft), а вищу — індивідуалізм та диференціяція. По думці Г. К. неможливо докладніше відмежувати »нижчу« культуру від »вищої« отже й культуру народніх низів від культури освіченої верстви. Критерій індивідуалізму чи його недостачі — тут непридатний. Бо ж джерелом усякої творчости є індивідуальний замисл і почин, однаково, чи на верхах, чи в низах народньої маси. В обох верствах є сильніші й слабші індивіди, є творці й наслідувачі. Правда, у вищій верстві індивідуальна творчість сильніше виявляється, вона й більше здиференціонована; але й у нижчій верстві подибуються творчі індивідуальності, що грають провідну ролю серед свого окруження, тим більше, що народня маса лекше підлягає впливам асиміляції, освічені ж круги виявляють більшу самостійність та ставляться з більшим критицизмом до традиції. Одначе тут і там група привласнює собі нове культурне надбання через асиміляцію, яка у нижчій верстві буває несвідома, у вищій свідома. Отже принципи асиміляції в обох верствах однакові, а різниці виявляються тільки в ступні розвитку й інтенсивности (kein prinzipieller Unterschied, sondernein gradueller).

[1]) Порівн. Філ. Колесса: »Українська народня пісня в найновішій фазі свого розвитку«.

Свою теорію асиміляції ілюструє Г.-К. конкретними прикладами, які бере головно з обсягу міської етнографії (städtische Volkskunde), показуючи, яку велику ролю грає індивідуальний почин нпр. у поширенні серед міської людности печива якоїсь особливої кружковатої форми, конфетті, деяких частин одягу, керамічних виробів, товариських забав, діточих ігр.

Переходячи до народніх пісень та оповідань літературного походження автор зазначує, що народні співці й оповідачі зуміли пристосувати індивідуальний твір до свого світогляду й смаку, що й серед народніх мас являються також творчі сили, поэтичні таланти, які потягають за собою наслідувачів, отже помічається вплив сильніших індивідуальностей на окруження.

Все те показує, як тяжко підібрати відповідну дефініцію для поняття »народ« у розумінні народньої маси, та відмежувати т. зв. »народню« творчість, що входить в обсяг етнографії, від продуктів вищої культури. Ми зазначили вже вище, що Г.-К. перевірює свої тези головно на прикладах з обсягу міської етнографії, які менше можуть переконувати, коли йде бесіда про анонімну людову творчість, плекану головно широкими селянськими масами. На жаль західньо-европейські вчені за малими виїмками не познакомлені з етнографією словянських народів, зокрема ж з українською. Українські пісенні новотвори [1]), керамічні вироби Ол. Бахмінського з Косова, Петра Кошака в Пістиня [1]), різьби Шкрибляків із Аворова і Марка Мегеденюка з Річки [2]) на Гуцульщині, взірці орнаменту на вишивках, писанках і килимах, що розходяться з різних сільських осередків, доморослі сільські архітекти, що ставлять стилеві деревляні церкви — усе те приклади на потвердження тези Г.-К., які не легко знайти в етнографії західньо-европейських народів. Вони показують наглядно, що в розвитку різних ділянок українського народнього мистецва, поезії й музики, дуже визначну участь беруть талановиті одиниці, які вибиваються серед сірої, навіть неграмотної селянської маси. Це ті сильніші індивдуальності, здатні до того, щоби не тільки репродукувати, але й оригінально творити, орудуючи засобами традиційного стилю.

Філарет Колесса.

---

[1]) В. Шухевич: Гуцульщина II, 259—272. — T. Seweryn: Pokucka majolika ludowa. Kraków 1929.

[2]) В Шухевич: Ibid. 292—317.

Zprávy.

Дръ Стефанъ Младеновъ: **Речникъ на чуждитѣ думи въ българския езикъ.** Съ обяснения за произхода и състава имъ. — София, Книгоизд. Хемусъ 1932, stran VII + 604 + III. Kapesní formát, cena 80 leva (váz.).

История на българския езикъ. Библиотека «Литературни разбори». София, Книгоизд. Факелъ, 1935, stran 135, m. 8°. Cena 25 leva.

Cizojazyčný slovník Mladenova není slovníkem pouhých cizích slov s příslušným slovem bulharským. Je zde mnohem více. Mladenov ke každému cizímu slovu připojil nejen výklad významový a případné dobré slovo domácí, nýbrž uvedl také, z kterého cizího jazyka bylo slovo přejato a toto cizí slovo také většinou cituje v původním znění. Na př. *abdal* ‚hlupec': turecké slovo z arab. *budal*; odkaz k slovu *budala*, které je téhož tur.-arab. původu. Nebo: *abdikacija* ‚otričane, otkaz'; *abdikiram* ‚otkazvam se, otričam se ot prestol': lat. *ab-dico* s vlivem něm. inf. *-ieren*. Takovým způsobem podává nejen dobré a správné slovo domácí, nýbrž také poučení o cizím slovu. Slova, která lze dobře nahraditi slovem domácím, opatřuje vykřičníkem, slova zbytečná označuje dvěma vykřičníky. Všechny doklady jsou podány jasným tiskem, vlastní heslo tučně, takže hledání v slovníku je snadné a rychlé. Poněvadž Mladenov do svého slovníku zařadil veliké množství běžných obratů cizích: *ab ovo, a vista, ad hominem, ad usum, alea jacta est, Amicus Plato, Veni, vidi, vici!* atd. s příslušnými překlady a výklady, možno jeho slovník pokládati zároveň za první slovník okřídlených slov v Bulharsku. Tisk slovníku je spolehlivý a přesný. Mladenov uvedl svou práci stručným výkladem o významu studií etymologických, zejména o velikém kulturně-historickém poučení, jehož se nám dostává ze studia cizích slov; v jazyce bulharském je zřetelně viděti dvojí vrstvu přejatých turanských slov — prastarou a novější, rovněž tak dvojí vrstvu přejatých slov z řečtiny atpod.

Druhá knížka „Dějiny bulharského jazyka" podává v krátkém, ale hutném výtahu domácí čtenářské obci výzkumy prof. Mladenova, shrnuté do jeho soustavných německých dějin bulh. jazyka r. 1929. V osmnácti kapitolách se bulharský čtenář poučuje o předhistorii svého rodného jazyka v souboru ostatních jazyků na světě, o jeho zevnějších a vnitřních dějinách, o cizích vlivech v bulh. jazyce, zbytcích prabulharského jazyka v jazyku „slověnském", zvaném bulharským, o jazykových vztazích řecko-bulharských, o vztazích k jazyku albánskému, rumunskému atd., se stálým srovnávacím aparátem a s bohatými doklady, jež snadno a přesvědčivě na spolehlivých příkladech osvětlují výklady autorovy. Tu je také pojednáno o domácích pramenech pro poznání dějin bulharského jazyka, o jazyce starobulharském (církevněslovanském) jako jazyce bohoslužebném v Bulharsku a ostatních Slovanů (jednotlivé redakce), o hláskových proměnách v bulharštině, o přízvuku, podány jsou hlavní poznámky z kmenosloví, tvarosloví, skladby i slovníku. V závěrečných kapitolách je pojednáno o cizích vlivech na bulh. národní jazyk, zejména o vlivu ruském. Autor se snažil ve svém přehledném obraze říci o bulh. jazyce co nejvíce a s hlediska nejnovějších jazykových výzkumů. Pro bibliografii odkázal ovšem do své německé knihy a také do Conevovu Istorija na bъlgarskij ezik, jejíž 1. sv. vyšel r. 1919 a 2. sv. r. 1934 péčí Mladenova. — Také bulharská Istorija se vyznačuje správnou, pěknou a jasnou mluvou jako všechny ostatní práce prof. Mladenova. Tisk cizích dokladů je proveden pečlivě (jen na str. 17. české slovo *cizí* musí míti v druhé slabice dlouhé *í*, podobně na téže stránce slovo *kníže* s dlouhým *í*). K závěru jen malou poznámku: Není dosti jasné, proč není jednotnosti v užívání příd. jména určitého v těchto případech: Rečnik na čužditě dumi na *bъlgarskija* ezik — v druhé knížce: Istorija na *bъlgarskijat* ezik —

a ve vydání Conevovy historie: na *bъlgarskij* ezik. Pokud čtu bulharské texty, nalézám obyčejně ve spojení předložkovém tvar na *na bъlgarskija* — a tak ve všech vedlejších pádech jedn. čísla, kdežto tvar *bъlgarskijat* se obyčejně vyskýtá pouze v samostatném postavení v nom. sg. Tvar *bъlgarskij* bude asi původní tvar prof. Coneva, jejž Mladenov pietně ponechal i pro další svazky životního díla svého učitele. *Jos. P.*

Мариана Ев. Дабева: **Речникъ на българскитѣ синоними.** 1930—1934, София, Автора. 8⁰, 718-III-(III) стр. Цена 200·— лева.

Mariana Ev. Dabeva, sofijská středoškolská profesorka, pracovala dlouho o slovníku synonym v bulharském jazyce. Výsledek své práce počala vydávati r. 1930 vlastním nákladem. Její skrovné úspory nedovolovaly jí ročně vydávati víc než jeden sešit a tak teprve po pěti letech usilovné práce mohla ukončiti své 718tistránkové dílo. Bez tohoto jejího vzácného idealismu bylo by se vydání díla v dohledné době těžko uskutečnilo.

V její knize jsou sebrána synonyma, jichž se především užívá v literárním jazyce a jsou zároveň podepřena hojnými příklady, čerpanými z bulharské literatury, jak krásné a lidové, tak i odborné vědecké (národohospodářské). Synonyma, pro něž autorka dosud nenalezla dokladů v literatuře, nejsou do slovníku pojata a vyjdou dodatečně ve zvláštním svazku jako doplněk slovníku. V slovníku samotném je 670 pojmových skupin, obsahujících 1900 různých synonym. Již pouhá tato čísla mluví dostatečně o značném významu díla a svědčí na druhé straně o bohatosti a rozmanitosti výrazové samotného jazyka bulharského. Záleží nyní na bulharských spisovatelích, aby z tohoto díla čerpali, co by jim přispělo k větší jasnosti a přesnosti rodného jazyka, a aby se snažili vymýtiti ze svého stylu cizí slova, pro něž autorka nalezla vhodnou náhradu. Pevným vodítkem pro čtenáře je stručná a výstižná definice vhodné skupiny, jež, třebas je subjektivní, u autorky pramení ze zdravého jazykového cítění.

V závěru pamatovala autorka i na 24stránkový dvousloupcový index slov, který usnadňuje používání slovníku, jakož i připojila seznam zkratek excerpované krásné literatury. Velká většina dobrých bulharských spisovatelů je zde zastoupena, u některých byla by se měla autorka déle pozdržeti. Jsou to zejména Nikolaj Rajnov, Anton T. Strašimirov, dále Angel Karalijčev, Čavdar Mutafov, Konstantin Sp. Gàlàbov, jakož i škola t. zv. symbolistů, kteří byli sdruženi kolem zaniklého již časopisu Hyperionu (1922—1931) a jejichž vůdcem byl Teodor V. Trajanov; u toho lze obzvláště nalézti dostatek vhodných příkladů.

V doslovu autorka děkuje profesoru jazykozpytu na sofijské universitě Dr Stefanu Mladenovu, redaktoru puristického časopisu Rodna reč, za hojnou výpomoc a četné rady; jeho spolupráce zvyšuje ovšem cenu slovníku. Autorka dále upozorňuje, že pomýšlí na nové, rozšířené a opravené vydání. Přejeme jí, aby neveliký náklad (600 výtisků) prvního vydání byl záhy rozebrán; kniha si toho skutečně zasluhuje. *G. N. Bakardžiev.*

Димитъръ Ивановъ: **Гевгелийскиятъ говоръ.** Македонски наученъ институтъ. София 1932, stran V + 132. Cena 60 leva.

Nářečí gevgelijské nebylo dosud odborně popsáno, ačkoliv se vyznačuje některými zajímavými jazykovými znaky, jež zaslouží pozornosti spolu s makedonskými dialekty dolnovardarskými na Kukušsku a Enidževardarsku. Ivanov zná dobře gevgelijské nářečí prakticky jako gevgelijský rodák. Při zpracovávání materialií přihlíží zejména k nářečí kukušskému, které se odlišuje od nářečí gevgelijského některými fonetickými zvláštnostmi, vlastními východním nářečím bulharským. Ivanov ve své práci podává především národopisný a kulturně-historický obraz Gevgelijska, potom charakteristiku místního nářečí s příslušnou literaturou předmětu, dále popis nářečí obsahující rozbor hláskosloví s hlavními jevy tvaroslovnými a s několika poznámkami ze skladby, konečně připojuje nářeční texty, písně, pohádky a i ukázky denního hovoru se slovníkem cizích a málo užívaných slov. Připojené dvě mapky vhodně umožňují orientaci čtenářovu.

Pokud jde o popis kraje a národopisné zvláštnosti, omezil se Ivanov na dosavadní díla o tomto kraji, z nichž většinou cituje potřebné charakteristiky půdy, osídlení, popis kroje a obydlí (v obojím případě s terminologií jednotlivých sou-

částí), místních zvyků, obyčejů a pověr, celkem popsaných N. Račevem v Maked. Pregledu, roč. II.—IV. V předběžných poznámkách k jazykovému popisu gevgelijského nářečí shromáždil Ivanov všechnu literaturu, v níž jsou nějaké jazykové doklady počínaje Sborníkem V. Kačanovského r. 1880 až po nejnovější materiály v Maked. Pregledu. V hláskosloví upozorňuje zejména na redukci samohlásek *a, o, e* v nepřízvučné slabice; na př. výrazy majka, sestra se členem znějí *májkata*, *sestrъta*, od *mama* dokonce *mъmta*. Nepřízvučné *o* uprostřed slova zní jako *u* nebo *ъ*, *e* dokonce mizí: *mere* — *mer'*, rovněž tak mizí *i*: *dur'* (*duri*) na konci slov stejně jako *e, u*: *tuk'* (*tuku*), *kъd'* (*kъde*) atd. Samohláska *a* je obyčejně redukována v ъ: *jъde*, *torъm* i *ugrъm*: *e* (původní nebo sekundární z ѧ) se redukuje na začátku slova: *ilen*, *irgen*, *idin*, *izlib*, *izearki* atd. Nepřízvučné *e* rovněž se redukuje v ъ nebo ь: obvykle na pr. praefix *pre* a *pri* se jeví jako *prъ* (někdy dokonce jako *pъr*): *prъkažъvum*, *prъkъsъvum* a pod. Uprostřed slova před přízvučnou slabikou se *e* (= ѣ, ь, ѧ) redukuje ve většině případů v *i*: *zilén, pičéno, nivésta, lignál, pičálba* atd. Po dokladech záměny jerů pojednává Ivanov o záměně nosovek: nasalisace úplně vymizela, za ѫ je většinou ъ a za ѧ — *e*. Staré skupiny **tj*, **dj* jeví se jednak jako *k'*, *g'*, jednak jako *št*, *žd*. U sloves běžné jsou staré aoristy a imperfekta. Pozoruhodné jsou také poznámky o přízvuku v gevgelijském nářečí: doklady, jež shromáždil Ivanov vhodně doplňují starší poznámky B. *Coneva* ve Sborn. za nar. umotvorenija XIX. (*Къмъ историята на бълг. езикъ*), str. 25. *Jos. P.*

G. Šwjela, **Serbske praeposicyje.** Po hugronach z ludowych hust hobdźěłane a zestajane. Wotsiše z Casopisa Mačicy Serbskeje 1933—1934. Ze swójim nakładom. W Budysyne 1934 (vyšlo však teprve 1935). Stran 84, cena 1·25 RM.

Bog. Šwjela pořídil velmi užitečný a cenný soupis dolnolužických předložek v řadě větných vazeb, citátů, průpovědí a přísloví, jak si je zapsal v době svého mnohaletého působení mezi dolnolužickým lidem v Chotěbuzi v l. 1903—08, v Děšně od roku 1913, ale také všude jinde, kamkoliv přišel. Nashromážděné doklady uspořádal tak, že nejdříve uvádí předložku ve vlastní její funkci předložkové, na druhém místě ve funkci předpony a to u sloves, podstatných jmen a příslovcí. O jednotlivých předložkách jedná v abecedním jejich pořadu: *do, hob, ho* (*wo*), *hu, k, ku, na, nad, po, pod, pśe, pśez, pśi, roz, wót, z, za*; přitom jsou podle Mukova Dolnolužického slovníku připojeny u každé předložky také tvary staroslověnské, hornolužické, polabské, polské a české. Příklady užívání předložek jsou podávány dolnolužicky s německým překladem. Připojen také soupis adverbií ve funkci předložek. Pozoruhodné jsou složeniny slovesné se dvěma i více praefixy, kde ovšem němčina musí často užívati opisu několika slovy: *dodońasć* ‚den Rest (des Pachtgeldes) bringen'; *dopśedaś* ‚den Rest verkaufen'; *dopśidaś* ‚den Rest hingeben' atd.; *hupśigrańaś* ‚wiederholt und gründlich versprechen'; *stej se narozgrańałej* ‚haben sich viel erzählt'; *ja pójdu dohuwoteyńaś* ‚půjdu otevříti také ostatní dveře' (kostelník tak řekl, když se začali věřící shromažďovati v kostele). Jsou složeniny se čtyřmi praefixy: *zhuhopowedowane* ‚všechno bylo vypověděno' (o posledních přáních umírající ženy).

Šwjelova práce o dolnolužických předložkách má nejenom cenu pro dolnolužickou mluvnici a pro dolnolužický slovník, nýbrž také určitou hodnotu lidovědnou: v četných lidových průpovědech a příslovích jsou také dobré doklady lidové filosofie, zároveň drobné příspěvky pro lidovou psychologii a sociologii. Četné doklady přijdou jistě vhod jak pracovníkům in lusaticis, tak slavistům všem.

Jos. Páta.

Др. Сима Тројановић

2. II. 1862 — 21. XI. 1935

21 новембра 1935 г. преминуо је у Београду Др. Сима Тројановић, професор Философског факултета у Скопљу, дописни члан Српске краљ. академије у Београду и Словенског института у Прагу и члан Етнографског друштва у Бечу

Др. Сима Тројановић је рођен 2. II. 1862 г. у Шапцу, где му се доселио отац из Битоља. Мати му је била пореклом из Срема. Школовао се најпре у Србији, где је свршио основну школу и шест разреда гимна-

зије, затим на страни. У Берну је завршио матуру, а универзитетско образовање је добио у Цириху, Вирцбургу и Хајделбергу. У Хајделбергу је 1885 г. положио докторат из биолошке групе са антропологијом. По свршеном школовању вратио се у отаџбину у којој је радио скоро пуних педесет година. Трojановићев педесетогодишњи рад би се могао поделити: 1) на његов рад као гимназиског наставника; 2) на његов рад у Етнографском музеју у Београду и 3) на његов рад као универзитетског професора.

Од 1886 до 1899 г. Трojановић је као суплент, затим као професор и директор служио у неколико гимназија предратне Србије. Али и као гимназиски наставник он се бавио проучавањем народног живота и обичаја и у овоме међувремену је дао доста радова из области етнолошке и сродних наука. Међу тим његовим радовима да поменемо: »Преисториске старине Рудничког округа« (Старинар IX, за 1892); Упуство за скупљање етнолошких и археолошких ствари« (издање Министарства спољних послова, 1893); »Старинска српска јела и пића« (Етнографски зборник Српске краљ. академије II, 1896); »Шаровање у Црној Гори« (Дело 10, за 1896); »Српске старине« (Искра за 1898); »Лапот и проклетије у Срба« (Искра за 1898); »Altertümliche Speisen und Getränkenbereitung bei den Serben« (*Archiv für Antropologie,* Berlin, 1900); »Die Trepanation bei den Serben« (*Correspondenzblatt der deutschen Antrop. Gesellschaft,* München, 1900) и Букумире (Караџић за 1900 г.).

Како се деведесетих година прошлога века у Београду помишљало на одвајање етнографских збирки из Народног музеја и на оснивање самосталног Етнографског музеја, било је потребно имати и једно упућено лице које би преузело вођење овога Музеја. А пошто се Трojановић бавио етнолошким проучавањима, одобрено му је двогодишње одсуство које је провео на страни. Две године је Трojановић провео и то по један семестар у Прагу и Бечу а два у Минхену радећи на тамошњим универзитетима и у музејима.

По повратку из иностранства, почетком фебруара 1901 г., Трojановић је одређен најпре за помоћника чувара Народног музеја а одмах затим за вршиоца дужности управника новооснованог Етнографског музеја у Београду. Од ове године настаје други период његова рада, који траје до 1921 год. Улазећи у ову тако важну и значајну научно-просветну установу, Трojановић је као њен шеф на себе примио тешку дужност пуну одговорности. Пред њим је било отворено широко поље рада: да прикупи тако богат и тако разноврстан етнографски материјал са потребним научним подацима, да тај материјал среди и припреми тако, да он буде у будућности ризница за научна проучавања и »огледало« народне културе, а за публику интересантан и поучан. Трojановић је на овоме послу радио више година, обишао је не само све крајеве предратне Србије, него и многе пределе данашње Југославије. Етнографски музеј је за то време прикупио велики број предмета, тако да су његове збирке крајем 1914 имале око 10.000 предмета. За наука је била срећна околност што је почетком 19 века обраћена нарочита пажња на прикупљање предмета за Етнографски музеј у Београду, од којих су многи врло ретки. Заслуга за ово припада и д-ру Трojановићу.

У међувремену од 1901 до 1914 приређено је неколико међународних изложби на страни, на којима је учествовао и београдски Етнографски музеј. Др. Трojановић је са својим помоћницима учествовао са збиркама Етнографског музеја на изложбама :у Петрограду (1902 г.), у Лијежу (1905 г.), у Букурешту (1906 г.), у Лондону (1907 г.), у Прагу (1910 г.) и у Турину (1911 г.).

Трojановић је као музејски радник обратио пажњу на многа етнолошка питања и о њима писао. Од његових радова из_ овога времена да поменено: »Стари словенски погреб« (Српски књижевни гласник за 1901 г.); »Крв и умир код Срба и Арнаута« (Коло за 1901 г.); »Музички инструменти београдског Етнографског музеја« (Светлост

за 1901); »Негдашња привреда и путеви у српским земљама, поглавито на Копаонику« (Коло за 1902 г.); »Цигани« (Срп. књижев. гласник за 1902 г.); »Божић« (Срп. књижев. гласник за 1905); »Symbolický válečný tanec u Černohorců« (*Národopisný Věstník českoslov.* I. Praha, 1906); »Тур и зубар у српским земљама« (издање Академије наука у Петрограду, 1906); »Eine Ahnung von dem Befruchtungsvorgange bei dem serbischen Volke« (*Globus*, 1908); »Српски народ« (Босанска вила за 1908), »Die Megalithe in Serbien mit Bezug auf einige Kulturverhältnisse der Balkanhalbinsel« (*Mitt. der Antrop. Gesellschaft*, Wien, 1909); »Наше кирџије« (Етнографски зборник Срп. крал. академије XIII, 1909); »Житне јаме у Срба« (издање Академије наука у Петрограду 1910); »Главни српски жртвени обичаји« (Етнографски зборник Срп. крал. академије XVII, 1911); »Задатак Етнографског музеја (Просветни гласник за 1911 г.); »Маске у нашега народа« (Булићев зборник, 1921) и »Музеји Југославије« (*Jugoslovenska njiva* за 1921).

После светског рата су у Југославији отворени нови факултети па се указала потреба за научним радницима за поједине катедре. За професора Етнологије на Философском факултету у Скопљу изабран је Др. Сима Тројановић. Добијајући нов положај, он напушта Етнографски музеј у коме је провео двадесет година, и 1921 одлази у Скопље, где је остао до 1924 г. када је по својој молби стављен у пензију. У Скопљу је Тројановић поред наставничке дужности неко време био и декан факултета. Путовао је по Јужној Србији ради етнолошких проучавања и употпуњавања својих бележака раније записаних.

Као професор Универзитета а доцније и пензионер, од 1921 до 1935 г., Тројановић је дао ове главније радове: »Један обичај трагом до Индије« (Споменица педесетогодишњице професорског рада Симе Лозанића. Београд, 1922); »Шарољање код Срба« — нови подаци (Јужна Србија за 1922); »Народно памћење« (Јужна Србија за 1923); »Сретачка Жупа и њена изумрла ношња« (Зборник радова посвећен Јовану Цвијићу . . . Београд, 1924); »Тајни језици« (Јужнословенски филолог за 1925/26); »Мијачко племе« (*Etnolog* за 1926); »Тур и зубар« (Гласник Географског друштва у Београду за 1926 г.); »Главна обележја српског народа« (Гласник Етнографског музеја у Београду за 1926 г.); »Неки проблеми о српском народу« (Гласник Етнографског музеја у Београду за 1927 г.); »Ватра у животу и обичајима српског народа« (Етнографски зборник Срп. крал. академије XLV, 1930); »Загледање или углед« и »Змије и друге немани водене по народним причама« (Етнографски зборник Српске крал. академије L, 1934) и »Психофизичко изражавање српског народа поглавито без речи« (Етнографски зборник Срп. крал. академије LII, 1935). *Бор. М. Дробњаковић.*

Výstava bulharské knihy byla usporádána v Národním museu v Praze ve dnech 17. II.—25. III. 1934. Podnět k výstavě byl dán pražskou Československo-bulharskou vzájemností, uskutečněn hlavně péčí Slovanského ústavu v Praze, který poskytl výstavě odbornou pomoc i první pomoc hmotnou. K nim se připojila Hospodářská jednota pro slovanský východ v Praze. Potřebný knižní materiál dodala především knihovna Národního Musea v Praze, kterýž ochotně doplnily ostatní knihovny pražské: Slovanská ministerstva zahraničních věcí, Ústřední hlavního města Prahy, Ústřední slovanská zemědělská, Veřejná a universitní. Některé novinky dodalo ředitelství tiskové služby v Sofii prostřednictvím pražského bulharského vyslanectví. Výstavní výbor byl složen ze zástupců zúčastněných korporací a knihoven. Předsedou byl řed. musejní knihovny dr. Jos. Volf, jednatelem G. N. Bakърdžiev, úředník Slovanské knihovny. Plán výstavy a katalog vypracoval člen výboru prof. Jos. Páta, vedle prof. Jiřího Horáka a řed. Jos. Volfa delegát Slovanského ústavu.

Účelem výstavy bylo ukázati v dobrém výběru knižní produkci bulharskou od nejstarší doby až po samu výstavu. Šlo o předvedení

vývoje bulharské literatury, nejstarší to slovanské literatury, a tím také bulharské kultury ve veliké názorné zkratce. Nešlo o vyložení všech bulharských knih literatury krásné a odborné, knih a časopisů, nýbrž o symbolickou charakteristiku ve vkusném a jasném přehledu. Proto byly vyloženy práce jen významných spisovatelů, jejich nejlepších děl, zároveň s literaturou o nich, s portrety a autografy. Tak bylo nejstarší období cyrilometodějské (staroslověnské, starobulharské) charakterisováno nejstaršími hlaholskými texty se zvláštním zřetelem k československé půdě. Přiloženy byly hlavní spisy o tomto období, jakož i práce, založené na studiu tohoto období. Nové myšlenkové proudy doloženy hlavní literaturou bogomilskou. Období středobulharské představeno patriarchem Evtimijem a jeho školou. Vyloženy hlavní texty středobulharské, při čemž zvláště výrazně pusobily doklady z musejní rukopisné pozůstalosti Šafaříkovy a mimo ně vydání vzácného bulharského překladu Manasseovy kroniky s důležitými soudobými přípisky a s cennými puvodními bulharskými illuminacemi pro cara Ivana Alexandra. Po pádu bulharské stolice se rozprchli bulharští pracovníci do sousedních i vzdálenějších zemí. Bulharská literatura té doby byla většinou náboženská. Počátkem 16. stol. se objevily v cizině první bulharské tisky. Vyložen byl apokryfický sborník Abagar z r. 1641. Předzvěst nové doby byla charakterisována Paisijovou Slavěnobolgarskou Istorií z r. 1762. Je to počátek bulharského národního obrození, jehož vývoj a rozvoj byl doložen rostoucí literaturou lidovou, časopisy a školskými pomuckami až po prvního skutečného novobulharského básníka P. R. Slavejkova. Toto oddělení bylo názorně doplněno nejlepšími doklady literatury revoluční.

Vlastní novobulharská literatura až po předchůdce moderny byla charakterisována klasiky: Chr. Botjovem, Iv. Vazovem, Konst. Veličkovem, St. P. Michajlovským, M. Georgievem a Al. Konstantinovem. Moderna byla doložena P. P. Slavejkovem, P. Javorovem a P. J. Todorovem. K nim přiřaděn významný kritik této družiny, zároveň zakladatel bulharské literární kritiky K. Krstev. Za nimi následovali členové této slavné družiny: K. Christov, Elin- Pelin, A. Strašimirov, G. P. Stamatov, J. Jovkov, G. Rajčev, N. Rajnov, a konečně vlastní modernisté: N. Liliev, T. Trajanov, D. Nemirov, N. V. Rakitin, D. Debeljanov a jiní současní spisovatelé: Angel Karalijčev, El. Bagrjana, K. Petkanov, Vlad. Poljanov, K. Konstantinov, A. Kamenova, F. Popova-Mutafova, Dora Gabe až po nejmladší talentovanou poetku Janu Jazovou. K nim připojeny literární revue a časopisy s hlavními kritiky, zejména prof. B. Penevem. Zvláštní oddělení věnováno nové dětské literatuře, která překvapila svou početností i originální výpravou knižní.

Po těchto třech velikých oddílech, z nichž novobulharský byl nejobsáhlejší, následovaly doklady bulharské literatury vědecké všech oborů s hlavními představiteli a spisy, se zvláštní péčí o bulharský národopis, o bulharskou literaturu vlastivědnou, jakož o bulharskou knihovědu vůbec. Tím také mohly býti doloženy ukázky bulharského umění ilustračního a bulharského umění vubec, jež bylo představeno také ukázkami samostatnými v nástavcích vitrin.

Samostatné oddělení tvořily doklady slovanských ohlasu v Bulharsku, zejména československá účast při obnově bulharského státu, dále doklady československého zájmu o Bulharsko, vypravené péčí řed. dra J. Thona, výběr bulharských časopisu, a konečně samostatné oddělení bulharské literatury zemědělsko-národohospodářské. V čele výstavy byla mapa dnešního Bulharska se státními barvami a s vlajkou; pod nimi ve vitrinách byly vyloženy základní knihy o Bulharsku: od Konst. Jirečka, L. Niederla, V. N. Zlatarského a j.

Celkově byl obraz vývoje bulharské literatury názorný, poutavý a poučný. Dosvědčily to četné projevy československého a bulharského tisku, z něhož zejména podrobný článek Chr. Gandeva v sofijském Miru ze dne 28. února 1934. O organisaci výstavy a jejím slavnostním otevření pojednal Jos. Volf v pražském časopise Československo-bulharská vzájemnost I. 1934, č. 1, str. 7—8, o významu výstavy tamže Jos. Páta, str. 9—10. O bulharské dětské literatuře se s nadšením a uznáním rozepsal Miloslav Novotný v odborném článku „Bulharská dětská kniha“ v pražské revui „Typografia“ 1934, č. 11—12.

Vedle Katalogu, v němž pisatel Jos. Páta v úvodě načrtl osudy bulharské knihy a československé vztahy k této knize, vydána byla zvláště *Bibliografie československo-bulharská*, pořízená z podnětu a za vedení J. Thona. Vznikla při

shledávání dokladů pro oddělení čs. zájmu o bulharskou literaturu a kulturu, o Bulharsko vůbec. Tato bibliografie vyšla jako 16. číslo Spisů knihovny hlav. města Prahy nákladem obce pražské o 41 str. V první části bibliografie je abecední soupis českých a slovenských překladů, ať knižně nebo jen časopisecky vytištěných (od excerpování denního tisku upuštěno), v druhé části je chronologický soupis knih, článků a statí, jednající o Bulharsku, pokud jsou jejich autoři Čechoslováci. Také zde bylo upuštěno od excerpování denních listů. Knižní publikace byly podle možnosti zaznamenávány všechny, časopisů bylo vyexcerpováno 47. Původně se pomýšlelo na bibliografický soupis všech čs. prací v jakýchkoliv jazycích a částečně také některé doklady, zejména ve starším období, jsou v Bibliografii uvedeny. Ale pro krátkost času musilo býti od toho upuštěno. Nedopatřením však zůstal v předmluvě Thonově výrok o soupise všech prací — „i když nejsou psány česky nebo slovensky", — čímž se stalo, že vypracování bibliografie tomuto výroku neodpovídá. Tento passus musíme v předmluvě Thonově škrtnouti. Jinak je Bibliografie velmi zajímavým dokladem čs. zájmu o Bulharsko, především o jeho literaturu: vidíme zde jasně, co kdy bylo překládáno a jak celkem bylo dosud málo překládáno. Podobně zajímavý je chronologický obraz zájmu, počínaje rokem 1667 až po samu výstavu 1934. Tento soupis je téměř školsky poučný, jak tento zájem rostl, v kterém období a čeho se zejména týkal. Jistě se věci jen prospěje, bude-li tento záslužný soupis doplněn také cizojazyčnými knihami čs. autorů o Bulharsku, kterých je značné množství, bude-li pořízena bibliografie ze všech čs. časopisů, a konečně bude-li k tomu pořízena také soustavná bibliografie literárních prací Čechoslováků, usazených a působících v Bulharsku od r. 1878 až po dobu dnešní.

V závěru své zprávy mohu poznamenati, že výstava bulharské knihy se těšila značné pozornosti československých, slovanských a cizích návštěvníků. Tento zájem byl soustavně živen zprávami denního tisku, hromadnými návštěvami s příslušným odborným doprovodem, jakož i občasnými přednáškami o Bulharsku, jeho literatuře a kultuře. Výstavou se skutečně šťastně upozornilo na nejjižnější slovanskou literaturu, která je prvním slovem v dějinách slovanských literatur. Zároveň vyvoláno přání, aby ve výstavách slovanské knihy bylo podobně metodickým a přísně vědeckým způsobem pokračováno. Odtud vzešel podnět k uspořádání výstavy jihoslovanské knihy (srbsko-chorvatsko-slovinské), jehož uskutečnění se opět ujal Slovanský ústav v Praze. Není o tom pochyby, že podobné výstavy slovanské knihy by mohly býti s úspěchem pořádány také v ostatních slovanských zemích. Přispělo by se jimi podstatně a všestranně k zvýšení znalosti slovanských literatur, stejně jako k zvýšení vědeckých studií slavistických. *Jos. P.*

Literárně historická společnost Československá byla založena v Praze r. 1935 s cílem „pečovati o rozvoj literárního dějepisu československého i slovanského v nejširším rozsahu srovnávacím a v úzké souvislosti s vědami příbuznými". (§ 2 stanov.) Společnost chce soustřediti všechny československé literárně historické pracovníky, sledovati literárně dějepisné problémy doma i za hranicemi debatními večery, přednáškami a zájezdy a ve spolupráci s jinými příbuznými organisacemi pečovati o prohloubení literární kultury i v širší veřejnosti. Pomýšlí se na vydávání časopisu i jinou činnost publikační, zřízení knihovny atp.

Ustavující valná hromada Společnosti se konala 27. února 1935 v zasedací síni knihovny hl. města Prahy a byli na ní zvoleni tito funkcionáři: předsedou univ. prof. dr. Albert *Pražák*, místopředsedou univ. prof. dr. Jiří *Horák*, jednatelem doc. dr. Karel *Krejčí*, pokladníkem doc. dr. Julius *Heidenreich*, zapisovatelem doc. dr. Antonín *Grund*.

Prvním veřejným vystoupením Společnosti bylo slavnostní shromáždění k uctění 85. narozenin pana presidenta T. G. *Masaryka*, pořádané spolu se Společností pro slovanský jazykozpyt v Praze dne 5. března 1935 v zasedací síni Staroměstské radnice.

Jedním z prvních úkolů, který si nová Společnost stanovila, je soustavná práce na kritické literárně historické bibliografii. Pojednala o této otázce na

debatním večeru po úvodním referátu dra Ant. *Grunda* a zvolila odbornou komisi mladších pracovníků, která by ihned přistoupila k práci. Byla získána součinnost a podpora III. třídy České akademie věd a umění a zvláštní odborné síly již pracují na excerpování všech periodických časopisů i nejdůležitějších denních listů. Tato bibliografie, která prozatím počíná r. 1935, bude vycházeti v bibliograf. publikacích České akademie. Postupem času přistoupí Společnost i k doplnění bibliograf. mezer pro dobu starší.

Jádrem vnitřní činnosti spolkové jsou pravidelně pořádané debatní večery o důležitých otázkách literární vědy. Dosud byly konány diskuse s těmito úvodními přednáškami: I. *M. Weingart:* Metodický ráz lit. historické vědy čsl. II. *A. Grund:* Organisace bibliografické práce. III. *Arne Novák:* Periodisace v literatuře zvláště novočeské. IV. *A. Pražák:* Jednotnost československé literatury. V. *V. Jirát:* K psychologii podvrhů. VI. *K. Krejčí:* Teorie literatury na jubilejním sjezdu I. Krasického ve Lvově. VII. *M. Weingart:* Literatura doby předrománské a románské. VIII. *J. B. Čapek:* Literatura a filosofie. IX. *F. X. Šalda:* Literatura českého baroku. X. *V. Bitnar:* Otázky literárně vědného studia českého baroku. XI. *O. Donath:* Židovství v české literatuře. XII. *H. Cysarz:* Das deutsche literarische Barock und das historische Periodenprinzip (Bericht vom Internationalen Literarhistorischen Kongres in Amsterdam). XIII. *V. Tichý:* Vrchlického překlady z P. B. Shelleye. XIV. *A. Pražák:* Nové vydání Laichterovy Literatury české XIX. stol. XV. *K. Bittner:* Čechisch-deutsche Beziehungen im Zeitalter der Gotik. XVI. *V. Jirák:* Biedermaier. XVII. *K. Polák:* Problém literárních vlivů. XVIII. *A. L. Bém:* Faust v tvorbě F. M. Dostojevského atd.

Ve svých přednáškách všímá si společnost zvlášť problému periodisace; přednášky o této otázce budou později spojeny v jednotný cyklus a publikovány. Prozatímní program cyklu je: Doba románská a gotická (*M. Weingart*); Renaissance (*K. Krejčí*); Barok (*F. X. Šalda*); Rokoko (*A. Grund*); Literatura lidová (*Jiří Horák*); Klasicismus (*Arne Novák*); Preromantismus (*M. Szyjkowski*); Biedermaier (*V. Jirát*), Romantismus (*J. Mukařovský*); Realismus (*J. Heidenreich*); Symbolismus a dekadence (*J. B. Čapek*) atd.

V r. 1936 snažila se Společnost přispěti k důstojné oslavě stého výročí vydání „Máje" a smrti *Karla Hynka Máchy*. Společnost dala iniciativu k tomu, aby se těmto oslavám postavila v čelo Rada hl. města Prahy a dala jim tak ráz celonárodní. K Máchovu jubileu vydá Sploečnost spolu s Pražským linguistickým kroužkem vědecký sborník, jehož redakcí byl za L. h. sp. pověřen univ. prof. dr. *Arne Novák*, za P. l. k. univ. prof. dr. *J. Mukařovský*. Společnost spolupracuje i na oslavách jiných významných literárních jubileí, jako výročí vydání Kollárovy rozpravy o slovanské vzájemnosti, Štúrovy národní manifestace na Děvíně, vydání Třanovského Cithary sanctorum a na jubilejních oslavách Puškinových.

Již od svého vzniku, k němuž dal podnět II. sjezd slovanských filologů ve Varšavě, chystá se Společnost plánovitě připraviti a sorganisovati vědeckou účast československou na III. sjezdu slov. filologů, který bude pořádán r. 1939 v Bělehradě, Záhřebě a Lublani. K tomuto sjezdu hodlá Společnost připraviti vědecký sborník, věnovaný stykům československo-jihoslovanským.

Společnost pracovala prozatím jen v Praze. Pracuje se však na založení odboček ve všech důležitějších kulturních střediscích republiky, zvláště v Brně, Bratislavě, Turč. Sv. Martině, Mor. Ostravě, Olomouci, Plzni, Trnavě a j. Společnost bude pečovat o častější a pravidelnější vzájemné styky literárních badatelů pražských a mimopražských, zájezdy a společnými debatními večery bude se snažiti o prohloubení a pevnější organisaci literárně vědecké práce na celém území republiky a zvláštními večery bude seznamovati pražskou veřejnost s kulturním životem jednotlivých oblastí.

Společnost hodlá také navázati styky s vědeckým světem zahraničním. Zástupce Společnosti se účastnil literárně historického sjezdu na paměť jubilea J. Krasického, pořádaného v červnu t. r. ve Lvově a jednání tohoto sjezdu, zejména jeho sekce metodické, byla ve Společnosti věnována zvláštní diskuse. Podobně si Společnost povšimla i výsledků jednání literárně vědeckého sjezdu, pořádaného v září 1935 v Amsterodamě, přednáškou H. Cysarze. Společnosti slíbili přednášky někteří vynikající literární odborníci zahraniční. *K. Krejčí.*

Заметки о книгах по русской литературе.[1])

Сборники.

25. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. (Академия Наук СССР. Институт Русской Литературы). Лен., изд. Акад. Наук СССР. 1934. Стр. 594 и 1 л. с портр. Ред. издания *В. Н. Перетц.*

В. П. Адрианова-Перетц. К истории русской пословицы (стр. 59—65). Автор сообщает данные о сборнике пословиц конца XVII — нач. XVIII в. бывш. Петровской галлереи (ныне Рук. отд. Библ. Ак. Н. СССР.) Сборник содержит 1175 пословиц, из которых 447 дают сравнительно с ранее изданными сборниками П. Симони новые тексты. Статья дает также примеры употребления пословиц в литературных памятниках XVII—XVIII в. в. — *С. А. Богославский.* Песенные традиции в России XVIII—XIX веков (стр. 143—151). Автор ставит своей задачей »проследить на основании 22 рукописных сборников песен XVIII в. (Моск. Ист. Муз.) и ряда печатных и рукописных сборников песен XIX в. наиболее заметные песенные традиции«, пытаясь т. о. обнаружить »господствующие элементы литературно-музыкальных песенных стилей, тематики и круга песен у различных общественных групп«. — *Н. П. Колпакова-Карзубова.* Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега (стр. 233—241). Отражения рыбного промысла в Терском фольклоре. Автор приводит примеры из репертуара колыбельных »баек«, игорных песен, частушек, загадок, поговорок, легенд, заговоров. — *А. И. Никифоров.* Мотив, функция, стиль и классовый рефлекс в сказке (стр. 287—293). Автор берет сказачный мотив »заключительного брака« героя и героини и пытается учесть в нем »классовый рефлекс«. — *А. М. Астахова.* Былинная традиция на современном Севере (стр. 401—412). Автор ставит своею задачею вскрытие современного состояния былевой традиции на Севере на основании повторных обследований былинного репертуара в последние годы и пытается суммировать данные по составу современного былинного репертуара. — *А. Б. Никольская.* К вопросу о »словесном портрете« в древнерусской литературе (стр. 191—200). Приемы изображения внешности в др. русских литературных памятниках, как один из вопросов истории литературного стиля. — *А. В. Арциховский.* Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи (стр. 117—125). Автор использовал в исторических целях последний том исторического лицевого свода, изготовленного во вт. пол. XVI в. для Ивана IV, описывающий события 1535—1567 г. г. (собр. б. Син. б. № 962, ныне в Ист. м.). — *М. Н. Сперанский.* Забелинский отрывок хронографа с Малалой (стр. 75—81). Автор привлекает к исследованию славянского текста хроники Малалы рукопись Забелина № 436 (ныне в Ист. М.), заключающую в себе отрывки текста, восходящие к хронике Малалы. — *Д. В. Айналов.* Замечания к тексту Слова о полку Игореве (стр. 175—189). Содержит след. главки: 1) »Злат стол«, 2) »Жемчужная душа« и »злато ожерелье«, 3) »Тмутороканский болван«, 4) »Смагу людем мычучи в пламяне розѣ«, 5) »Мысленное древо«. — *В. В. Аренот.* К вопросу о »мечах харалужных« Слова о полку Игореве (стр. 335—342). Автор берет под сомнение восточное происхождение слова »харалуг«. — *В. Ф. Ржига.* «Мысленное древо» в Слове о полку Игореве (стр. 103—112). Для объяснения спорного места автор привлекает поэзию древних скальдов, что дает ему основание высказаться за толкование этого места, как образа: растекаться мыслию по древу поэзии. — *Н. Н. Зарубин.* К вопросу о первом издании (1800 г.) Сло-

[1]) См. »Slavia«, т. XIII, в. I, стр. 244—254.

в а о п о л к у И г о р е в е (стр. 523—527). Автор дает описание экземпляра »Ироической пѣсни« 1800 г. из библ. А. Ф. Бычкова (ныне рук. отд. Гос. Публ. б. под шифр. АѲБ. 4474) с отклонениями в сравнении с обычным печатным текстом этого издания и приходит к выводу, что этот экземпляр представляет собою первоначальный вид издания Мусина-Пушкина. — *Д. И. Абрамович.* И з н а б л ю д е н и й н а д т е к с т о м »С л о в а Д а н и и л а З а т о ч н и к а« (стр. 135—141). — *Н. К. Гудзий.* К к а к о й с о ц и а л ь н о й с р е д е п р и н а д л е ж а л Д а н и и л З а т о ч н и к? (стр. 477—485). Автор примыкает к взгляду, что Даниил Заточник был боярским холопом. — *Н. В. Геппенер.* К и с т о р и и п е р е в о д а п о в е с т и о Т р о е Г в и д о д е К о л у м н а (стр. 351—360). — *Г. П. Бельченко.* К в о п р о с у о с о с т а в е и с т о р и ч е с к о й п о в е с т и о в з я т и и Ц а р ь г р а д а (стр. 507—513). — *М. П. Алексеев.* »Р у с с к и й я з ы к« у н е м е ц к о г о п о э т а XIV в е к а (стр. 557—570). Следы знакомства с славянским языком у поэта Освальда фон Волькенштейна (1377—1445). К вопросу о германо-славянских связях в древности. — *В. Н. Перетц.* В и р ш е в о й Д о м о с т р о й в с п и с к е н а ч а л а XVIII с т о л е т и я (стр. 17—28). »Наказание от нѣкоего отца к сыну своему« нач. XVIII в. в рук. Моск. Ист. М. № 3578. — *С. Н. Чернов.* З а м е т к и о с л е д с т в и и п о д е л у М а к с и м а Г р е к а (стр. 465—474). Сравнительный анализ отрывков следственного дела Максима Грека 1525 г. в их печатном издании 1836 г. и заключения о поведении Максима Грека во время следствия на основании дошедших данных. — *А. Д. Седельников.* Д в е з а м е т к и п о э п о х е И в а н а Г р о з н о г о (стр. 165—173). 1. Арабская книга в царской казне. К вопросу о библиотеке Ивана Грозного. 2. Из комментария к »Беседе Валаамской«. Автор склонен приурочить написание этого памятника ко времени непосредственно предшествовавшему опричине, т. е. примерно до 1565 г. Исходя из такой датировки, автор далее выясняет полемический характер памятника. — *И. П. Еремин.* Н е и з в е с т н ы й п а м я т н и к у к р а и н с к о й п у б л и ц и с т и к и к о н ц а XVI в е к а (стр. 83—92). »Оборона згоды з латинским костелом и вѣрою, Рыму служачею«, упоминаемая в послании Ивана Вышинского к епископам-ренегатам, и вопрос об ее авторстве. По мнению И. П. Еремина »мы имеем дело с каким то, неизвестным нам до сих пор памятником униатской литературы, не дошедшим до нас в полном виде«. Возможным автором »Обороны« мог быть епископ Ипатий Потей, а время написания может быть отнесено к 1597 г. — *С. А. Аннинский.* П р е б ы в а н и е в Л и в о р н о ц а р с к о г о п о с о л ь с т в а в 1656 г. (Впечатления иностранца) (стр. 201—211). Заметка о пребывании в Ливорно московского посольства И. И. Чемоданова и А. Постникова 1656—57 г. г., сохранившаяся в рукописном итальянском сборнике XVIII в. Приведен полностью текст заметки. — *А. И. Белецкий.* П о в е с т в о в а т е л ь н ы й э л е м е н т в »В е р т о г р а д е» С и м е о н а П о л о ц к о г о (стр. 325—334). — *В. М. Жирмунский.* »Р о с с и й с к и й В е р т е р« (стр. 547—556). Повесть М. В. Сушкова »Российский Вертер«, написанная в 1792 г. и изданная в 1801 г. — *К. К. Истомин.* П а р о д и й н а я к о м е д и я М. И. В е р е в к и н а »И м я н и н н и к и« (страница из начальной истории дворянского стиля) (стр. 267—273). Автор видит в комедии М. И. Веревкина »Имянинники« (1774 г.) памятник »среднедворянского стиля« в русской комедии. Во второй части статьи дан анализ сюжета, композиции и стиля комедии Веревкина. — *С. А. Щеглова.* К и с т о р и и д р а м ы XVIII в е к а о г р а ф е Ф а р с о н е (стр. 127—134). »Комедия о графе Фарсоне« является, повидимому, оригинальным произведением 20—30-х г. г. XVIII в. и поэтому представляет особенный интерес для исследователя. Автор дает анализ существующих списков, принимает время ее написания между 1732—1738 г. г. и считает ее автором »военного человека незнатного, но дворянского происхождения«. — *Н. П. Кистяковская.* «П л а ч ь л а в р с к и х м о н а х о в». Антимонашеская сатира 1786 г.

(стр. 315—323). Автор дает сведения о существующих списках сатиры и анализ ее содержания. — *И. Ю. Крачковский.* Русский перевод Корана в рукописи XVIII века (стр. 219—226). Перевод Корана с французского текста Андрэ Дю Риера (André du Ryer), сделанный неизвестным автором XVIII в., сохранившийся в рукописи Олонецкого собрания Ак. Н., описанной В. И. Срезневским (см. № 164). — *А. И. Малеин.* Ювенал в русской литературе (стр. 227—232). Отражения Ювенала в творчестве Кантемира и Пушкина; переводы Д. Д. Минаева, В. И. Модестова, Фета, А. В. Адольфа. — *Е. Г. Кислицына.* Поэт декабрист А. П. Барятинский (По неизданным материалам) (стр. 423—432). Данные о французской поэме кн. А. П. Барятинского, сохранившейся в черновом виде в бумагах Барятинского. Поэма носит следы атеистического мировоззрения автора. — *Н. К. Козмин.* Письмо неизвестного к Леве-Веймару. Из франко-русских отношений тридцатых годов прошлого века (стр. 487—488). Автор устанавливает, что французское письмо, опубликованное в книге И. А. Шляпкина »Из неизданных бумаг А. С. Пушкина«, как письмо неизвестного к Леве-Веймару (Fr.-A. Loëve Weimars) принадлежит перу писателя Жюль Жанена (J. Janin) и относится к 1836 г. — *Л. Н. Перетц.* Два украинских корреспондента В. А. Жуковского (стр. 93—101). Письмо М. А. Максимовича от 29 ноября 1840 года с просьбой о присылке стихотворения для 2-й книжки альманаха «Киевлянин» и письмо Н. А. Маркевича от 26 янв. 1836 г. в связи с изданием «Большого исторического, мифологического, статистического словаря Российской Империи». — *Ю. Г. Оксман.* К истории библиотеки Пушкина (стр. 443—447). Опубликованы данные о счете магазина А. Ф. Смирдина на книги, купленные Пушкиным в 1834 г. Заметка о письме неизвестной (гр. Е. К. Воронцовой) от 26 дек. 1833 г. к Пушкину из Одессы. — *И. И. Соболев.* Пистолеты последнего поединка Пушкина (стр. 515—516). — *А. И. Некрасов.* К вопросу о литературных источниках »Кавказского Пленника« Пушкина (стр. 153—163). Автор сопоставляет »Кавказского Пленника« Пушкина с произведением Ксавье де Местра (X. de Maistre) »Les prisonniers du Causase«, напечатанным в 1815 г. — *М. Н. Розанов.* Итальянский колорит в »Анджело« Пушкина (стр. 377—389). Автор видит в »Анджело« Пушкина »искусную стилизацию новеллы во вкусе Боккаччьо« с перенесением действия в Италию времен Возрождения. — *Д. П. Якубович.* Трагедия В. Скотта »Дом Аспенов« и пушкинский романс о Рыцаре Бедном (стр. 449—458). Автор вновь пересматривает загадочный вопрос о внесении в русский перевод трагедии В. Скотта »Дом Аспенов«, сделанный И. В. Селивановым, романса Пушкина о Бѣдном Рыцаре к нотам Н. О. Дюра. Романс, по мнению автора, внесен на место песни Рюдигера по внешнему сходству, согласно тогдашним приемам замены песен знакомыми русскими текстами. Не исключает автор возможности влияния трагедии В. Скотта на »Сцены из рыцарских времен« Пушкина. — *И. Н. Розанов.* Две повести в стихах о московском студенте (Отголоски »Сашки« Полежаева и »Евгения Онегина«) (стр. 391—400). Стихотворные повести: »Студент« Ф. Соловьева, вышедшая отдельным изданием в 1830 г. и »Былое« Михаила Стаховича, 1858 г., на которых отразилось влияние «Евгения Онегина« Пушкина и »Сашки« Полежаева. — *Б. М. Эйхенбаум.* К тексту »Измаила-Бея« Лермонтова (стр. 475—476). Приведена строфа поэмы Лермонтова, им исключенная в окончательной редакции. — *С. В. Шувалов.* По какому тексту следует печатать Лермонтовского »Демона«? (стр. 243—251). Окончательным текстом Лермонтовского »Демона« автор считает текст, легший в основание т. н. 1-го Карлсруйского издания 1856 г. Включение в текст »диалога о Боге«, допущенное последним изданием п. р. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, автор считает ошибочным. — *В. В. Данилов.* Следы творче-

ства Н. В. Гоголя в очерке П. П. Свиньина »Полтава« (стр. 39—44). Автор высказывает предположение, что в очерке П. П. Свиньина имеются следы соотрудничества Гоголя. Путевой очерк »Полтава« был напечатан в № 118 »Отечественных Записок«, издававшихся Свиньиным. — *Василий Гиппиус.* К изучении поэмы »Кому на Руси жить хорошо« (стр. 295—304). Поставлен вопрос о взаимном расположении частей поэмы и о реконструкции ненаписанных частей и прежде всего — развязки. — *В. Ф. Боцяновский.* Островский и Мельников-Печерский (стр. 67—74). Автор видит влияние пьес А. Н. Островского на творчество П. И. Мельникова-Печерского. — *Б. В. Варнеке.* Материалы А. Н. Островского для »Воспитанницы« (стр. 253—258). Связь пьесы «Воспитанница» с анонимным рассказом »Кое-что из жизни господина Арфанова«, напечатанного в журн. »Москвитянин«, 1851, № 9—10, стр. 54—98. — *Н. П. Кашин.* К истории текста хроники А. Н. Островского »Козьма Захарьич Минин-Сухорук« (стр. 579—590). Автор считает, что т. н. вторая редакция пьесы потеряла »в строгости и стильности письма« по сравнению с первою. — *М. К. Клеман.* »Записки Охотника« и французская публицистика 1854 года (стр. 305—314). Использование французской публицистической критикой «Записок Охотника» И. С. Тургенева во французском переводе Шарьера (Ernest Charrière), как свидетельства разложения русского правительства и господствующих слоев общества в связи с войною 1854—1855 г. г. — *Н. П. Жинкин.* А. К. Толстой и Г. Гейне (стр. 433—441). Следы влияния «Предисловия к французскому изданию» VI-го тома сочинений («Préface à l'édition française», Meyer's Ausgabe, S. 576) на »Балладу с тенденцией (»Порой веселой мая...«), 1870 г. — *Л. А. Федоров.* К истории творчества Фета (стр. 573—578). Влияние Мюссе (A. de Musset) на творчество Фета. — *В. Н. Кораблев.* Лев Толстой и славянство (стр. 413—421). Интересы Л. Н. Толстого к славянству. Опубликованы письма Д. П. Маковицкого к ак. В. И. Ламанскому от 27 окт. 1894 г. из Липт. Ружомберка и от 27 авг. 1909 г. из Ясной Поляны по вопросу о книгах по истории зап. славян для Л. Н. Толстого и письмо И. А. Бодуэна де Куртенэ к ак. А. А. Шахматову с просьбой о книгах по истории польского восстания 1831 г. для работы Толстого над романом из этого периода (ср. рассказ »За что«). — *Н. К. Пиксанов.* В. Г. Короленко и народничество (По поводу одного неизданного письма) (стр. 529—533). Опубликовано письмо В. Г. Короленко 1888 г. к редактору-издателю газеты »Волжский Вестник« проф. Н. П. Загоскину. К вопросу об отношении Короленко к Н. Н. Златовратскому. — *Б. В. Нейман.* Из наблюдений над языком и стилем персонажей пьесы Горького »На дне«. Анализ языка трех персонажей пьесы »На дне« — Насти, Костылева и Луки. — *А. Г. Фомин.* Рабочий класс в русской литературе до Октябрьской революции (стр. 497—506). Обзор произведений и перечень авторов, писавших о рабочих до Октярбьской революции. — *М. К. Азадовский.* Рукописные журналы в Восточной Сибири в первой половине XIX века (стр. 275—286). Сводка данных о восточносибирской рукописной литературе журнального типа за перв. пол. XIX в. — *Г. А. Гуковский.* Заметка о »Московских Ведомостях« в первые годы их существования (стр. 535—540). О роли А. А. Барсова в редактировании »Московских Ведомостей«. — *Р. М. Тонкова.* Декабрист А. О. Корнилович и Н. А. Полевой (стр. 361—364). Письмо А. О. Корниловича к Н. А. Полевому от 20 дек. 1832 г. К истории русской журналистики. — *П. Н. Берков.* Первая история русской литературы на португальском языке (стр. 213—218). Об очерках по истории русской литературы П. Л. Вакселя, вышедших отд. изданием в 1868 г. — *С. Д. Балухатый.* К пересмотру принципов литературной библиографии (Тезисы доклада) (стр.

459—463). — *Н. П. Попов.* О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки (стр. 29—38). Автор считает »основоположником патриаршего собрания древнерусских письменных останков« митр. Макария, рукописный фонд которого является первоначальным зерном, из которого выросла Патриаршая библиотека. Пергаменный фонд библиотеки составился в послемакарьевскую эпоху, гл. обр. при патр. Никоне и Иоакиме, во вт. пол. XVII в. — *П. Н. Берков.* Аннотированный список научных трудов академика А. С. Орлова (стр. 7—15). — *А. С. Емельянов.* Об одном крепостном хозяйстве в нечерноземной полосе (Двадцатые годы XIX века) (стр. 365—371). »Журнал сельца Кузнецова« Клинск. у. Моск. г., представляющий собою записи кн. Н. С. Меншикова за время с 1822 по 1829 г.

26. Ирои-комическая поэма. Редакция и примечания *Б. Томашевского.* Вступительная статья *В. А. Десницкого* (— Библиотека поэта под редакцией *М. Горького.* Редакционная коллегия: *М. Горький, И. А. Груздев, Б. Л. Пастернак, В. М. Саянов, А. П. Селивановский, Н. С. Тихонов, Ю. Н. Тынянов*). Лен., Издательство Писателей в Ленинграде. 1933. 776 стр. С иллюстр. в тексте.

Настоящий сборник объединяет главнейшие произведения, относящиеся к жанру т. н. »комической поэмы« втор. пол. XVIII и нач. XIX в. (1763—1814). Материал разбит на три группы по жанровым подразделениям: 1) ирои-комические поэмы (1763—1771), 2) перелицованные поэмы 1790-х г. г. и 3) комические поэмы 1811—1814 г. В первый отдел вошли произведения *В. И. Майкова* »Игрок ломбера« и »Елисей, или раздраженный Вакх« и *М. Д. Чулкова* »Стихи на качели«, »Стихи на семик« и »Плачевное падение стихотворцев«; во второй отдел »Поэзия на изнанку« вошли *Н. П. Осипова* »Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку«, *А. Котельницкого* »Окончание Енейды«, *Ивана Наумова* »Ясон, похититель златого руна, во вкусе нового Енея . . .« и *Е. Люценко* »Похищение Прозерпины« и, наконец, комическая поэма нач. XIX в. представлена »Опасным соседом« *В. Л. Пушкина* и »Расхищенными шубами« *А. А. Шаховского.* Сборнику предпослана руководящая статья *В. Десницкого* «О задачах изучения русской литетуры XVIII века« (стр. 9—73), которая рассматривает »ирои-комическую поэму«, как »третьесословную« литературу XVIII в. »Отталкиваясь от эстетических канонов высокой дворянской поэзии, третьесословная ирои-комическая поэма XVIII в. не столько вливается в общий поток литературы дворянского ,классицизма', сколько воспринимается в борьбе с ней как ей противопоставленная, как формирующая элементы какого-то нового классового стиля« (стр. 60). Очень полезными являются вводные статьи Редактора, предпосланные каждому отделу, дающие представление об основных жанрах »комической поэмы« и небольшие статьи биографического характера, предпосланные произведениям отдельных писателей, вошедшим в сборник. Так мы здесь находим статьи: »Ирои-комическая поэма« (стр. 77—87), «Поэзия наизнанку« (стр. 241—260) и »Комическая поэма в начале XIX века« (стр. 629—634), а также биографические статейки: »В. И. Майков« (стр. 91—98), »М. Д. Чулков» (стр. 181—193), »Н. П. Осипов« (стр. 263—266), »Александр Котельницкий« (стр. 467—468), »Иван Наумов — автор ,Ясона' (стр. 539—542), »Е. Люценко« (стр. 567—573), »В. Л. Пушкин« (стр. 639—645), »А. А. Шаховской« (стр. 657—668). Историко-литературные примечания и комментарий к текстам дан в конце книги (стр. 703—754). Для облегчения пользования текстами имеется также »Словарь к ирои-комическим поэмам« (стр. 755—774). Сборник представляет собою ценное пособие по изучению жанра комической поэмы XVIII—XIX в.

27. Литературное наследство. М., Журнально-газетное объединение. 1933 [1]).

Кн. 9—10 (1933). Посвящена XVIII веку. Главная работа по редактированию настоящей книжки принадлежит *Г. А. Гуковскому* при близком участии *И. Л. Андроникова.* Книжка содержит большое число хорошо подобранных иллюстраций к текстам. Несколько статей имеют значение для общих вопросов по изучению русской литературы XVIII века. Здесь прежде всего должна быть выделена статья *Д. Мирского* «О некоторых вопросах изучения литературы XVIII века« (стр. 501—509), напечатанная в порядке дискуссионном. Автор в своей оценке русской литературы XVIII века, который он исторически рассматривает, как век »крепостнического хозяйства« без каких бы то ни было элементов буржуазного прогресса«, стоит на точке зрения близкой Белинскому. »Дворянская литература XVIII века, говорит он, подражательна и бессодержательна, т. е. дает мало адэкватное и скудное выражение идеологии и психологии своего класса. Главный интерес, который ей можно приписать, интерес теоретический . . ., поскольку она бросает свет на проблемы международного воздействия. Затем она представляет известный формальный интерес — с точки зрения эволюции литературного языка стихотворных форм. Помимо этого дворянская литература в основном представляет мало ценности и мало интересна, и исследование ее должно быть подчинено историческим интересам, выяснения социальных взаимоотношений крепостнического общества» (стр. 508—509). Исключение из »дворянской« литературы XVIII в. автор делает для Ломоносова и Державина. Задачей марксистской литературы должно быть «исчерпывающее изучение . . . литературы крестьянской и плебейской с установкой на построение цельной и полной идеологической истории эксплуатируемых классов крепостной России . . . Рядом с этим . . . задача полного изучения русской демократической мысли в ее ранне-буржуазных истоках: Радищева и его окружения. Наконец, изучение и оценка отдельных вершин дворянской поэзии в связи с общей задачей критического освоения достижений добуржуазного искусства эксплоататорских классов«. — В резком противоречии с этими теоретическими взглядами стоят статьи: *И. Сергиевский.* »По поводу статьи Д. Мирского« (стр. 510—512) и *Г. Гуковский* »За изучение XVIII века« (стр. 294—326). Последняя статья дает исторический обзор изучения русской литературы XVIII века и высказывается за необходимость преодолеть »пренебрежение« к литературе XVIII в. и сделать ее равноправной, отнестись к ней »как к искусству, т. е. как к факту и фактору социального творчества«. Особенно ценно в статье Г. Гуковского критическое рассмотрение работ по литературе XVIII в. последнего времени. — Критическую оценку изданий поэтов XVIII века представляет также статейка в отд. хроники: »XVIII век« в »Библиотеке поэта« (стр. 512—516). Статья носит информационный характер и знакомит с планом издания «Библиотеки поэта» п. р. М. Горького, издаваемого Издательством писателей в Ленинграде. — О задачах изучения литературы XVIII в. говорит также вводная статья »*От Редакции*« (стр. 1—4). Остальной материал представляет собою исследования фактического характера по вопросам литературы XVIII в. — *Г. Гуковский* и *В. Орлов.* Подпольная поэзия 1770—1800 г. г. (стр. 5—98). Статья содержит целый ряд новых и малоизвестных публикаций «подпольной поэзии» конца XVIII в., между прочим здесь опубликованы: стихотворение Г. Р. Державина »Быль в-очью совершается« (1796 г.?), относящееся к А. М. Грибовскому, «Стихи, носившиеся в народе на случай смерти Потемкина« неизвестного автора, записанные А. Т. Болотовым, »Ответ к сочинителю ‚Гласа невинности' »А. И. Клушина, »Сатирическая песня на исправников« (нач. сл. »Вдруг под вечер

[1]) Обзор содержания кн. I—VIII см. »Slavia«, XX/3—4, стр. 626—631.

сани зашумели . . .»), стих. »Секретарь« (нач. сл. »Было некогда в полку . . .«), сатира на высшее духовенство: »Старинная пословица, кто о чем думает . . .«), ода »Древность« (нач. сл. »Древность, ты, которой мирна мышца . . .«, конца XVIII в.), стихотворение на насильственную смерть Павла I: «Разговор в царстве мертвых, носившийся в народе 1801 года», »Послание от Дольского к Кутайсову« (нач. сл. »Пришло нам время расставаться«), направленное против приближенного Павла I, графа П. И. Кутайсова, стихотворение на кн. Г. П. Гагарина (нач. сл. »Так-то делают вельможи . . .«), два стихотворения на кн. П. В. Лопухина: 1) »Граматическая надпись к портрету министра юстиции Лопухина« и 2) стих. »Здравствуй князь, о князь светлейший . . .«, стихи кн. П. В. Мещерского »На прибытие в Курск Малоросс. ген.-губ. кн. А. Б. Куракина . . .« (1806 г.), басня »Странники« (нач. сл. »Златова века дни в России миновали . . .«), басня Ден. Давыдова »Орлица, турухтан и тетерев«, отрывки из »Сновидения« (1794 г.), стих. »Увы« (нач. сл. »Что мир с неправдой подружился . . .«), сатира против М. М. Сперанского (нач. сл. »Велики чудеса Сперанский нам явил . . .«). — *В. Ржига.* Крестьянские повести XVIII века (стр. 99—105). Опубликованы две »крестьянские« повести XVIII в.: 1) Повесть Пахринской деревни Камкина« и 2) »Сказание о деревне Киселихе« (по ркп. Гос. Ист. Муз. собр. Забелина № 536). Ср. статью автора »Первые начатки крестьянской литературы« в журн. »Земля Советская«. 1931. № 7. — *С. Елеонский.* «Хождение попа Саввы« — неизданная антиклерикальная сатира XVIII в. (стр. 106—111). Памятник опубликован впервые по ркп. собр. Забелина № 536 Гос. Ист. М. — *Г. Гуковский.* Солдатские стихи XVIII века (стр. 112—152). Публикуются след. тексты: »Солдатская челобитная« (нач. сл. »Вседержителю Боже наш . . .« (по ркп. к. XVIII в. Лен. П. Б. XVII — 183, т. I), »Горестное сказание« (нач. сл. »Минувшее и настоящее истязание . . .«) из рук. сб. к. XVIII в. Инст. Русск. Лит., арх. Русской Старины, стихотворение гренадера Измайловск. полка Ивана Макарова »Солдатская жизнь« по ркп. Гос. Публ. б. из собр. «Магазин А. Т. Болотова», ч. II. — Из неизданного литературного наследия Болотова. Публикация *И. Морозова* и *А. Кучерова* (стр. 153—221). В приложении к ст. »Болотов-публицист« *И. Морозов* публикует несколько отрывков публицистических статей А. Т. Болотова, а именно: 1) »65-й год моей жизни...« (1802 г.), 2) »Современник или записки для потомства«, 3) «Опыт нравоучительным сочинениям», 4) »Рассуждение о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда . . .« *А. Кучеров* в прил. к ст. »Болотов-литературный критик« сообщает сборник небольших статей Болотова о переводной и русской прозе вт. пол. XVIII в. под загл. »Мысли о романах«, найденный в арх. Русск. Старины, хран. в ИРЛИ. Статья датирована 1791 г. — »Как хочешь назови«. Неизданная комедия Чулкова (стр. 223—242). Пьеса Мих. Д. Чулкова печатается впервые по »актерскому« списку 1783 г. Моск. Рос. Публ. театра. — Ранняя комедия Д. И. Фонвизина. Первая редакция »Недоросля«. Публикация *Г. Коровина* (стр. 243—263). Сообщается текст трех первых действий ранней редакции »Недоросля« Д. И. Фонвизина по ркп. ИРЛИ, из собр. П. Я. Дашкова. — Неизданные стихи Н. А. Львова. Публикация *З. Артамоновой* (стр. 264—286). Сообщается ряд неизданных стихов Н. А. Львова из рук. сборн. Гос. П. б. (бум. Державина). — »Рассуждение о российском стихотворстве«. Неизвестная статья М. М. Хераскова. Публикация *П. Беркова* (стр. 287—294). Перевод с французского яз. предисловия к переводу поэмы Хераскова «Чесменский бой» под заглавием «Discours sur la poésie russe» в кн. «Le combat de Tzesme» par Mr. Cheraskoff (1772 г.) — Литературное наследство М. В. Ломоносова. Обзор *С. Чернова* (стр. 326—339) — Литературное наследство А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Обзор *Я. Барскова* (стр. 340—358). — Новые издания Радищева

(стр. 516). Заметка о подготовляющемся Издательством »Общество политкаторжан« собрании сочинений Радищева и издании »Путешествия из С.-Петербурга в Москву« издательством »Академия«. — *И. Троцкий.* Из истории Сибирской ссылки А. Н. Радищева (стр. 441—452). Опубликованы выдержки из переписки об облегчении участи Радищева между гр. А. Р. Воронцовым и Иркутским ген.-губернатором И. А. Пилем (1790—1794) и из писем Иркутск. губернатора Л. Нагеля. — Издание писем Новикова (стр. 516—517). Заметка о подготовляемом издательством »Академия« издании »Писем Н. И. Новикова.« — Литературное наследство Я. Б. Княжнина. Обзор *М. Габель* (стр. 359—368). Сообщены, между прочим, более подробные сведения о трагедии Княжнина «Ольга». — Литературное наследство Г. Р. Державина. Обзор *Г. Гуковского* (стр. 369—396). Обзор содержит ряд новых материалов, как принадлежащих Державину, так и с ним косвенно связанных. Между другими, письмо Державина к А. С. Шишкову от 13 янв. 1814 г. и ряд стихотворных текстов Державина. — *П. Берков.* У истоков дворянской литературы XVIII века. Поэт Михаил Собакин (стр. 421—432). О жизни и творчестве поэта XVIII в. Мих. Г. Собакина (1720—1773), автора поэмы »Совет добродетелей«, изданной в 1738 г. — Пугачевщина в дворянской литературе XVIII века. Сообщение *С. Елеонского* и *Г. Александрова* (стр. 433—440). I. »Точь в точь« М. Веревкина (стр. 433—438). *С. Елеонский* рассматривает комедию М. Веревкина »Точь в точь« (напис. 1774, напеч. 1785), как результат литературных занятий и наблюдений автора над историей Пугачевского восстания. II. *Г. Александров.* »Стихи на злодея Пугачева« (стр. 438—440). Сообщаются »Стихи на злодея Пугачева« неизвестного автора XVIII в., извлеченные из рукописного сборника конца XVIII в. собр. Инст. Русск. Лит., арх. Русск. Старины. — *М. Бабенчиков.* Портрет Е. Пугачева в Государственном Историческом Музее (стр. 499—500). Сообщаются сведения о подлинном портрете Пугачева 1773 г. из собр. Н. Ермолова. С воспроизведением портрета. — *Н. Чулков.* Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII в. (стр. 453—470). Сведения о мало известном писателе к. XVIII в. на основании дела »Тайной экспедиции« 1793 г. (разр. VII б. Гос. Арх., ныне особ. отд. Центр. Ист. Арх.). — Собрание сочинений Ивана Пнина (стр. 517—518). Заметка об новом издании сочинений И. П. Пнина (1773—1805), предпринятом Обществом Политкаторжан. — Архив Воронцовых. Обзор *И. Троцкого* (стр. 397—420). Данные о весьма ценном для истории XVIII в. архиве гр. Воронцовых. — Письма гравера М. И. Махаева. Сообщение *М. Ильина* (стр. 471—498). Сообщены выдержки из писем художника-гравера М. И. Махаева (1716—1770) к помещику Н. И. Титинину (1727—1773). — Венесуэлец в Екатерининской России (стр. 519—521). О русских впечатлениях известного деятеля за освобождение Испанской Америки Франсиско Миранда на основании его дневника (см. II т. издания: Archiv del General Miranda Viajes, diarios Editorial sur America, Carakas. 1929. Фр. Миранда был в России в 1786—1787 г. г. Дневник Фр. Миранды содержит интересные подробности о русской придворной жизни времени Имп. Екатерины.

28. Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Под редакцией *Влад. Бонч-Бруевича* и *А. В. Луначарского.* М.-Л., »Academia«. II—IV. 1933—1934. [1]).

Кн. II. (1933). Первая часть книги посвящена Гете и содержит следующие статьи и материалы: К столетию смерти Вольфганга Гете (стр. 7—9). Редакционная статья. — *В. Гете.* Новые авто-

[1]) Обзор кн. 1-й »Звеньев« см. »Slavia«, т. XII, 623—626.

графы. Комментирии *А. Г. Габричевского* и *Н. О. Лернера* (стр. 11—18). Автографы Гете из собрания Ленинградской Публичной библиотеки: Стих.: »Ich weiß, daß mir nichts angehört« из альбома В. А. Жуковского с датой: 18 марта 1826 г.(?), надпись В. К. Кюхельбекеру на отд. изд. »Maskenzug 1818«, письмо супругам Гердер от 21 сент. 1818 г., письмо Каролине Гердер от 3 дек. 1784 г. и посвящение диаконице Егоровой на экземпляре книги »Германн и Доротея« 1814 г. — *Л. Каменев.* Гете и мы (стр. 19—40). Статья устанавливает официальную точку зрения на Гете. — *Гл. Глебов.* Пушкин и Гете (стр. 41—64). Статья состоит из двух самостоятельных глав. 1-я посвящена «Фаустовской теме» в творчестве Пушкина, 2-я »Пушкин о Гете« — дает сводку высказываний Пушкина о Гете и его творчестве. Подробнее см. в моей статье »Фауст в творчестве Пушкина« (»Slavia«, XIII, стр. 398). — *А. Л. Вайнберг.* Перо Гете у Пушкина (стр. 67—71). Автор устанавливает, ссылаясь на письмо Марии Шимановской от 29-го июня 1828 г., что 1) Гете, действительно, переслал Пушкину перо и что 2) перо Гете было передано через В. А. Жуковского. На письмо М. Шимановской к канцлеру Мюллеру от 16/28 июня 1828 г. из Петербурга, как основной довод в пользу факта пересылки Гете пера Пушкину, указал уже *Артур Лютер* в примечаниях к 1-му тому изд. »Puschkins Werke«, herausg. v. Arthur Luther, Leipzig, стр. 349. — *Иосиф Эйгес.* Перевод М. Ю. Лермонтова из »Вертера« Гете (стр. 72—74). Автор доказывает, что стих. Лермонтова »Завещание. Из Гете« (нач. сл. »Есть место — близ тропы густой...«, 1831 г.) является вольным переводом в стихах отрывка просьбы Вертера в его предсмертном письме к Лотте из ром. »Страдания молодого Вертера». — *Л. Крестова.* Портрет Гете под пером молодого Герцена (Источники »Германского путешественника«) (стр. 75—96). — *Н. Г. Чернышевский.* Примечания к переводу »Фауста«, С вводной заметкой *Н. Чернышевской-Быстровой* (стр. 97—117). Приведены примечания Н. Г. Чернышевского к переводу »Фауста« А. Струговщикова, предназначенные к помещению в »Современнике« 1856 г., где в X-й кн. за этот год (одновременно с рассказом И. С. Тургенева «Фауст») был помещен перевод А. Струговщикова. По неизвестным причинам примечания Чернышевского напечатаны не были. Примечания печатаются по корректуре, сохранившейся в Доме-музее Чернышевского (инв. № 1902) и автографу Чернышевского (там же, № 1695). — *М. Чистякова.* Толстой и Гете. (стр. 118—129). Ценная сводка высказываний Л. Толстого о Гете.

Вторая часть сборника содержит разнообразные историко-литературные материалы. Приводим их краткое содержание в том порядке, как они помещены в сборнике:

Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм (1825—1827) (стр. 131—199). Статья богата фактическими материалами, рисующими настроения русского общества в годы, непосредственно следующие за декабрьским восстанием. К статье приложена ценная библиография. — А. С. Пушкин. Три письма к неизвестной. Пояснительная статья и комментарии *Т. Зенгер* (стр. 201—221). С автогр. на отд. листах. По существу, печатаемые тексты не являются новостью. Два первых текста были опубликованы уже Якушкиным в »Описании рукописей Пушкина, хранящихся в Румянцевском музее« (Русск. Ст. 1884, № 8, стр. 327 и № 11, стр. 369). Они имеют уже свою литературную историю и вызвали острое обвинение Ефремовым Анненкова, считавшего, что второй текст является письмом Пушкина к Гончаровой, относящимся к марту 1830 г. Якушкин считал эти тексты не письмами, а набросками для повести. Т. Зенгер дает более полное чтение черновиков Пушкина и высказывается в пользу того, что оба текста являются письмами Пушкина к неизвестной и датирует их февралем 1830 г. Однако, и после соображений Т. Зенгер загадка этих текстов (из тетр. № 2382 и 2373) остается неразрешенной. Их искусственный тон дает основания считать мнение Якушкина весьма вероятным. Доказать лич-

ный характер французских черновиков, обращенных к лицу, названному Элеонорой, Т. Зенгер не удалось. Автор высказывает предположение, что и письмо Пушкина из тетради № 2366 к неизвестной даме (см. Письма п. р. Модзалевского, т. I, № 47) относится все к тому же адресату. По мнению автора, оно написано Пушкиным в Одессе в 1823 г., а не в Кишиневе в 1822 г., как обычно предполагается. Работа Т. Зенгер, хотя и не дает ответа на вопросы, связанные с загадочными текстами Пушкина, все же привлекает к ним внимание и приближает м. б. их разгадку, давая более точный и полный текст их. — *Н. Ашукин.* Новые автографы Пушкина (стр. 221—225). Об автографах Пушкина, бывших на выставке »Пушкин и его эпоха« в Праге в 1832 г. (см. мою заметку о каталоге выставки в журн. »Slavia«, XII, стр. 610—611). — *Д. Якубович.* Неизвестная запись Пушкина (стр. 225—231). Приводится выписка Пушкина из английской книги »о дворянстве« (нач. сл. »It is a reverend thing. . .«), найденная Б. Л. Модзалевским при разборке библиотеки Пушкина, но им не использованная. Д. Якубович устанавливает, что выписка сделана из сочинения Фр. Бэкона: »Essays or Counsels Civil a Moral« (гл. XIV — »О дворянстве«). — *В. Срезневский.* Встреча с Пушкиным (24—26 октября 1831 г.) (стр. 231—235). Запись о встрече с Пушкиным в «книжной лавке» А. Ф. Смирдина И. В. Росковшенка в письме к И. И. Срезневскому, 22—27 окт. 1831 г. Запись дает описание внешности поэта. — *Н. Ашукин.* Пушкин перед картиной Брюллова (Из бумаг А. С. Андреева) (стр. 235—241). Заметка о встрече с Пушкиным, извлеченная из записных тетрадей А. С. Андреева, преподавателя Училища Правоведения в Петербурге. Запись сделана в 1840 г., а событие относится к 1827 г. В записи имеется отзыв Пушкина о картине К. Брюллова «Итальянское утро». — *Л. Б. Модзалевский.* Новые материалы об изданиях Пушкина (1831—1837) (стр. 241—253). Дополнение к работе Н. Синявского и М. Цявловского »Пушкин в печати« (1914 г.). Автор в своем дополнении использовал новые данные, ставшие известными после выхода упомянутого труда. Существенным является указание на издание »Романов и повестей« Пушкина 1837 г., начавшее осуществляться при жизни поэта, но не появившееся в печати. — *Георгий Чулков.* »Стихотворения, присланные из Германии« (К вопросу об отношении Пушкина к Тютчеву) (стр. 255—267). Автор оспаривает тезис о »враждебности« Пушкина к Тютчеву, выдвинутый Ю. Тыняновым в его книге »Архаисты и новаторы« (Лен. 1929, стр. 330—363). — *К. Пигарев.* Новооткрытые тексты Тютчева (стр. 267—284). Материалы к полному собранию сочинений Тютчева. Известный интерес представляет комментарий к новым текстам. — *Н. В. Гоголь.* Письмо к П. Я. Убри. Комментарии *Н. Лернера* (стр. 284—286). Неизвестное письмо Гоголя к П. Я. Убри, русскому дипломатическому представителю во Франкфурте, с датой: Марта 8. Неаполь (1847 г.) — *В. Вересаев.* К биографии Гоголя. Заметки (стр. 286—293). I. Предки Гоголя и его настоящая фамилия. Автор высказывает предположение, что »по отцу Гоголь-писатель вовсе не происходил от старинного украинского панства, а был происхождения духовного, дворянство же и фамилию ‚Гоголь' впервые получил его дед, попович Афанасий Демьянович, сделавший себе карьеру женитьбой на дочери бунчукового товарища Лизогуба . . .« (стр. 290—291). II. Сын девочки-подростка или взрослой женщины? Автор устанавливает, что брак родителей Гоголя имел место в 1805 г., а следовательно матери его было 18 лет в год его рождения. — *К. Чуковский.* Некрасов, Николай I и Асенкова (стр. 295—301). Отрывок из драмы Некрасова, извлеченный из черновых тетрадей, относящихся к 1854—1855 г. Сюжет взят из жизни артистки В. Н. Асенковой. — М. В. Буташевич-Петрашевский. Письма из ссылки. Вступительная статья и комментарии *С. Щегловой* (стр. 302—345). Напечатаны двенадцать писем Буташевича-

Петрашевского к родным из Сибири, извлеченные из архива »Русской Старины«, находящегося в Ак. Н. СССР. Письма охватывают время 1856—1864 г. г. — Н. П. Огарев. Забытые статьи. Сообщил и комментировал *Н. Мендельсон* (стр. 346—362). Автор извлек из »Московских Ведомостей« 1847 г. две статьи публицистического характера, принадлежащие перу Н. Огарева: 1) »Замечания на статью, помещенную в № 98 »Московских Ведомостей«, под заглавием: »Опыт Статистического распределения Российской империи« (»Моск. Вед.« № 116 от 27 сент.) и 2. Замечание на замечание г. Чихачева, помещенное в № 59 »Земледельческой Газеты« 1847 г. . . .«) »Моск. Вед.« № 122 от 11 окт. и Спб. Вед. № 227 от 5 окт.). — А. И. Герцен. Неопубликованные письма (стр. 363—385). Содержит: 1) письмо М. Н. Похвисневу 6 апр. 1840 г. (с отзывами о Чаадаеве, Хомякове, Бакунине и др.), 2) Ф. Боденштедту 28 июня 1859 г., 3) одиннадцать писем Ш.-Э. Хоецкому (Chojecki, псевд. Шарль-Эдмон) за период 1861—1867 г. г. (из собр. б. Пушкинск. Дома). 4) письмо А. И. Скребицкому от 23 апр. 1866 г. В приложении даны по черновым автографам тексты двух писем А. И. Скребицкого к Герцену 1866 г. А. Скребицкий-автор четырехтомного сборника »Крестьянское дело в царствовании Императора Александра II« (1868 г.) — *М. Слепцова.* Штурманы грядущей бури (Из воспоминаний) (стр. 386—464). Отрывки из воспоминаний М. Н. Слепцовой, жены писателя и участника движения 60-х г. г., А. А. Слепцова. — И. С. Тургенев. Письмо к декабристу С. Г. Волконскому. Сообщила и комментировала *О. И. Попова* (стр. 465—468). Письмо относится к концу 1860 — нач. 1861. — *Н. Бродский.* Фет — редактор Тургенева (стр. 469—479). Вывод статьи: »переписку Тургенева с Фетом необходимо издать . . . заново, освободив ее от массы ошибок, пропусков, путаницы и той специфической окраски, какую упорно наводил на письма Тургенева их редактор А. А. Фет (в »Моих воспоминаниях« 1890 г.)«. — *Д. Кузьмин.* Материалы для характеристики »раскола в нигилистах« в 60-х годах (стр. 480—489). К истории публицистики 60-х г. г. Материалы для биографии »шестидесятника« Н. Д. Ножина. Его письма к Н. С. Курочкину (1865 г.) и др. материалы. — *А. Ф. Кони.* Воспоминания о деле Веры Засулич (стр. 490—571). Две главы из выходящих отдельным изданием воспоминаний А. Ф. Кони, написанных в 1904 г. — *Н. Гудзий.* Как писалась и печаталась »Крейцорова соната« Толстого (стр. 572—602). — *Л. Н.* Толстой. Ненапечатанные отрывки из »Крейцоровой сонаты« (стр. 603—617). Опубликовано три отрывка. — *Игорь Ильинский* и *С. Толстой.* Квартет »Ключ« в романе »Война и Мир« (стр. 618—628). Автор на основании своих личных воспоминаний дает версию »Ключа«, несколько более полную по сравнению с известной в доме Толстых (»С тобой вдвоем сколь счастлив я . . .«). Легенда связывает »Ключ« с именем Моцарта. С. Л. Толстой дает запись »Ключа« для трех голосов с напева И. В. Ильинского и прибавляет свои замечания к истории этого мотива. — *М. Чистякова.* Кропоткин и франко-русская дипломатия (стр. 629—657). Дипломатическая переписка по делу П. Кропоткина, в связи с его арестом в 1882 г. в Лионе. — А. И. Левитов. Четыре неопубликованных письма. Со статьей *Г. В. Прохорова* (стр. 658—673). Опубликованы письма писателя А. И. Левитова: 1) к П. В. Засодимскому от 24 марта 1874 г., 2) к неизвестному (Н. А. Лейкину?) со стихами Левитова »Бесцельные кадансы« (нач. сл. »Многолюдных улиц избегая . . .«) и 3) два письма к А. Н. Пыпину 1864 и 1865 г. В первом письме содержится перечень напечатанных работ Левитова.

Кн. III—IV (1934). *П. Любомиров.* Автобиографическая повесть А. Н. Радищева (стр. 5—20). Повесть »Филарет милостивый« и ее автобиографическое значение. — *О. Попова.* История жизни М. Н. Волконской (стр. 21—128). Новое освещение жизни и лич-

ности М. Н. Раевской-Волконской на основании данных архива Волконских (хранящегося в Инт. Русск. Лит.). Касается главным образом Сибирского периода жизни. Статья большой ценности. — *Павел Попов.* Новый архив А. С. Пушкина (стр. 129—146). Архив хозяйственных и семейных бумаг Пушкина. Краткое описание Архива, приобретенного у наследников Пушкина Гос. Арх. Фондом СССР. Среди четырех автографов Пушкина, представляющих собою разного рода записи поэта, значение имеет роспись произведений и сборников стихотворений Пушкина с подсчетом листов. На основании данных архива установлено имя по мужу »крестьянской любви« Пушкина — О. М. Калашниковой, по мужу Ключаревой. — *Д. Якубович.* »Мария Шонинг« как этап историко-социального романа Пушкина (стр. 146—167). Автору удалось установить непосредственный источник отрывков повести Пушкина, известных под заглавием «Мария Шонинг». Это изложение процесса Марии Шонинг и Анны Гарлин, казненных по обвинению в детоубийстве в Нюренберге в 1787 г., помещенное во II-м томе издания »Causes célèbres étrangères pabliées en France... par une société de jurisconsultes et de gens de lettres.« Paris. 1827. Автор ставит это произведение Пушкина в связь с »Дубровским« и »Капитанской Дочкой«, написанными в одно время с незаконченной повестью. — *Л. Б. Модзалевский.* Исчезнувшая рукопись Пушкина (стр. 167—172). О судьбе рукописи »Пир во время чумы«. Ср. заметку Д. Соколова в газ. »Раннее Утро« от 21 янв. 1910 г. № 16. — *М. Боровкова-Майкова.* Нина Воронская (стр. 172—175). Приводится свидетельство кн. П. А. Вяземского в пользу того, что Пушкин под Ниной Воронской в »Евгении Онегине« представил графиню Елену Михайловну Завадовскую, рожд. Влодек. — *В. Вересаев.* О Нине Воронской (стр. 175—179). Полемика с предшествующей статьей. Прототипом Нины Воронской »сей Клеопатры Невы« является, по мнению автора, А. Ф. Закревская. — *М. Боровкова-Майкова.* Из писем П. А. Вяземского к жене от 1830 г. (стр. 179—187). Новые сведения о предполагавшейся женитьбе Пушкина. — *Е. Казанович.* К источникам »Египетских Ночей« (стр. 187—204). Связь образа Импровизатора из »Египетских Ночей« с импровизатором Максом Лангеншварцом, выступавшим в Петербурге в 1832 г. Ср. заметку Ф. А. Витберга в »Сев. Вестн.« 1895, X, стр. 316—317. — *Леонард Реттель.* Александр Пушкин. Историко-литературная справка. Вступительная заметка, перевод с польского и примечания *С. Басова-Верхоянцева* (стр. 204—214). Перевод статьи поляка-эмигранта Л. Реттеля о Пушкине в V томе полн. собр. сочинений Мицкевича, изданного в Париже в 1880 г. Статья Л. Реттеля являлась »предисловием« к переводу на польский язык с французского некролога Ад. Мицкевича »Александр Пушкин«, первоначально напечатанного в »Le Globe«, 25 мая 1837 г. — *М. Боровкова-Майкова.* Мицкевич в письмах П. А. Вяземского к жене (стр. 215—221). Выписки из писем кн. Вяземского к жене за 1827—28 г. г. Установлены даты некоторых свиданий Мицкевича и Пушкина в 1828 г. — *Т. Зенгер.* Пушкин у Трубецких (стр. 221—231). Воспроизведен рисунок »бала у Трубецких 24 ноября 1834 г.«, на котором имеется изображение Пушкина. Рисунок сделан Натальей Львовной Боде и извлечен из альбома, принадлежавшего бар. Н. Ф. Боде, рожд. Колычевой (ныне в театр. муз. А. А. Бахрушина). — *Вальтер Скотт.* Три письма. Публикация и пояснения *Д. П. Якубовича* (стр. 233—244). Автографы писем, хранящихся в Ленинградских книгохранилищах. Из них для русских отношений Вальтер Скотта представляет интерес письмо кн. М. А. Голицыной от 5 ноября 1826 г. — *К. Пигарев.* Что переводил Тютчев. (К вопросу о творчестве Тютчева-переводчика) (стр. 245—262). Автор ставит себе задачу установить связь тютчевских переводов с его поэтическим творчеством. Главным образом указывается на близость к собственным настроениям Тютчева его переводов из Гейне и Гете. — *О. Пигарева.* Из семейной жизни Ф. И. Тютчева 1832—1838.

(По неизданным материалам) (стр. 262—288). На основе главным образом писем жены Тютчева, Э. Ф. Петерсон, рожд. графини Ботмер к Николая Ивановичу Тютчеву, Ив. Ник. Тютчеву и Ек. Л. Тютчевой за период 1832—1838 г. (из Арх. Мурановского музея им. Ф. И. Тютчева). Приведены в выдержках также некоторые письма Тютчева к родителям. — О. Бальзак. Неопубликованные письма. Публикация и комментарии *С. Н. Куликова* (стр. 288—324). Два письма Он. Бальзака к главноуправляющему III Отд. и шефу жандармов графу А. Ф. Орлову, 1848 г., в связи с его поездкой в Россию, и интересное письмо вдовы Бальзака, Эвелины Бальзак, урожд. Ржевуской к гр. А. Ф. Орлову, 1851 г. — *С. Дурилин.* Гоголь и Аксаковы (С тремя неизданными записками Гоголя) (стр. 325—364). Напечатаны впервые с подлинников, хранящихся в Абрамцевском музее-усадьбе им. С. Т. Аксакова три записки Гоголя: 1) записка б. д. и им. (зима 1848—49 г. г. С. Т. Аксакову?), 2) записка на имя К. С. Аксакова б. д. (нач. 1850 г.), 3) записка О. С. Аксаковой, б. д. (1849—1852). — П. Я. Чаадаев. Неопубликованная статья. С предисловием и комментариями *Д. Шаховского* (стр. 365—390). Опубликован по копии русский перевод франц. статьи М. И. Жихарева под заглавием »L'Univers« 15 января 1854 г. Автор считает, что статья написана Чаадаевым и дает ее анализ. Статья хранится в Инст. Р. Лит. Ак. Н. среди бумаг Чаадаева, переданных редакции »Вестн. Евр.« М. И. Жихаревым. — А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Письма к П. В. Анненкову. Публикация и предислов. *В. Ф. Покровской.* Под ред. и с прим. *Н. Мендельсона* (стр. 391—425). Приведены и комментированы письма (15) А. И. Герцена и Н. П. Огарева к П. В. Анненкову за время 1858—1864 г. г. (из арх. Л. Н. Майкова, хран. в Инст. Русск. Лит. А. Н.). — *Г. Дурье.* Питейные бунты 1859 года и П. П. Линьков-Кочкин (стр. 426—469). По архивным материалам III Отделения. — *А. Малеин.* »Изобличитель« — рукописный журнал студентов Московского университета (1859 г.) (стр. 471—483). К истории Московского университета. — *М. А. Антонович.* Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове. Со вступительной статьей и примечаниями *В. Евгеньева-Максимова* (стр. 485—519). Приведен полный текст воспоминаний М. Антоновича о Добролюбове, напечатанных с большими цензурными купюрами впервые в »Журнале для всех«, 1902 г., № 2. — Н. А. Добролюбов. Неопубликованные письма. Переписка с И. И. Срезневским (С вступительной статьей и примечаниями *В. И. Срезневского*) (стр. 520—551). Переписка относится к 1856—1857 г. г. — Письма Н. А. Добролюбова к Д. Ф. Щеглову. С вступительной заметкой *Г. Прохорова* (стр. 551—554). Два неизвестных письма 1856 г. — *Н. Чернышевская.* Невеста Н. А. Добролюбова (стр. 554—563). Об А. С. Васильевой, сестре О. С. Чернышевской, урожд. Васильевой. — Н. Г. Чернышевский I. Стихотворения Кольцова. С вступительной статьей *А. Скафтымова* (стр. 565—576). Воспроизведена статья Чернышевского о Кольцове, напечатанная в № 5 »Современника« за 1856 г. Принадлежность статьи Чернышевскому доказана наличием автографа, хранящегося в Саратовском музее им. Чернышевского. — II. Переписка с Д. А. Милютиным. Сообщ. и расшифровала *Н. М. Чернышевская* (стр. 577—582). Переписка по делу об оскорблении, нанесенном Чернышевскому, 1856 г. — III. Переписка с Н. В. Успенским. Сообщила *Н. М. Чернышевская* (стр. 583—587). Переписка 1862 г. в связи с конфликтом между Н. В. Успенским и Н. А. Некрасовым. См. ст. К. И. Чуковского »Под литературным бойкотом« (Николай Успенский и Некрасов) в журн. »Звезда«, 1929, № 11. — IV. *С. Штрайх.* Героиня романа »Что делать?« в ее письмах (стр. 588—616). Письма М. А. Боковой-Сеченовой (урожд. Обручевой) к В. О. Ковалевскому 1872—1876 г. — *Г. Е.* Благосветлов. Вопросы нашего времени. Предисловие *Г. Прохорова* (стр.

617—635). Ненапечатанная статья 1860 г., предназначавшаяся для »Русского Слова« примыкает по теме к ст. Благосветлова »Надежды Италии« (»Русск. Слово«, май 1860 г.). — *В. Евгеньев-Максимов.* К вопросу о революцоинных связях и знакомствах Н. А. Некрасова в 70-е годы (стр. 636—672). Сводка фактов, устанавливающих общение Некрасова с рядом лиц, связанных с революционным движением 70-х г. г. — И. С. Тургенев. Письма к Н. Н. Рашет (1862—1872 г. г.) Предисловие и примечания *Н. Лернера* (стр. 673—724). Крупный вклад в эпистолярное наследие И. С. Тургенева. Всего приведено 47 писем Тугренева к Н. Н. Рашет, урожд. Антроповой за период 1862—1874 г. г. Письма имеют также значение для биографии К. К. Случевского. — Три письма рабочих-семидесятников к Г. В. Плеханову. Вступительная заметка и примечания *Е. Винер* (стр. 725—738). Письма А. Г. Городничего и Н. И. Павликова (1917 г.). — М. Е. Салтыков-Щедрин. Дополнительное письмо к тетеньке. С вступительной статье *Василия Гиппиуса* »Неосуществленный сатирический цикл Салтыкова-Щедрина: ,Дополнительные письма к тетеньке'« (стр. 739—756). Незаконченный фельетон 1882 г. Отрывки были напечатаны В. П. Кранихфельдом в 1914 г. (»Утро России«, 6 янв.). Р. В. Иванов-Разумник связал фельетон с »Посланием к пошехонцам« (см. »Неизданный Шедрин«). Печатается по рук. Инст. Лит. Ак. Н. — Лев Толстой. Что я? С пояснительными примечаниями *Н. Гусева* (стр. 757—762). Начало первой редакции »Исповеди«. — *Н. Гудзий.* История печатания »Воскресения« Толстого (стр. 762—797). — Лев Толстой. Неопубликованные варианты к «Воскресению«. Сообщил *Н. Гудзий* (стр. 798—824). Восемь вариантов романа »Воскресение«. Со снимками с автографов. — *А. Дерман.* Работа В. Г. Короленко над »Историей моего современника« (стр. 825—852). — *В. Я. Адарюков.* Указатель гравированных и литографированных портретов В. И. Ленина (стр. 853—878). С добавлением «Кратких сведений о В. Я. Адарюкове» (ум. 1932 г.), составленных *А. Сидоровым* (стр. 877—878). — Письмо Н. А. Полевого к В. П. Боткину. Сообщ. *Н. Мендельсон* (стр. 879—884). Письмо от 20 марта 1838 г. Важно для характеристики отношений Полевого к Белинскому. — Записка В. А. Обручева из крепости (стр. 884). Записка к М. А. и П. И. Боковым, 1862 г. — Три письма П. И. Бокова (стр. 887—894). Письма Э. Ф. Обручевой и ее дочери, М. А. Сеченовой-Боковой. — Н. С. Лесков. На смерть М. Н. Каткова. С послесловием и прим. *А. Н. Лескова* (стр. 894—902). Ненапечатанная статья Н. С. Лескова. (1887 г.). — *К. Н. Буковский.* Воспоминания о Н. Г. Чернышевском (стр. 902—907). — Письма Е. К. Барановской к М. В. Авдееву. Вступительная заметка и комментарии *В. Сушицкого* (стр. 907—920). Письма 1861—1862 г. г. М. В. Авдееву, автору романа »Меж двух огней«.

29. *Н. Пиксанов.* О классиках. Сборник статей. М., изд. Моск. Товарищества Писателей. 1933 г. 416 стр.

Собрание статьей автора, для настоящего издания вновь пересмотренных и часто значительно дополненных. Открывается сборник статьей о Пушкине »На пути к гибели. Пушкин сто лет назад. 1830—1930« (стр. 9—42), носящий юбилейный характер. Статья ничего существенного в изучение Пушкина не вносит. Самой ценной работой сборника является статья »Украинские повести Гоголя« (стр. 43—148). Автор подчеркивает тесную связь »украинских повестей« Гоголя с остальным его творчеством и отводит им значительное место в литературной деятельности Гоголя. Он рассматривает Гоголя, как представителя »украинской школы« русской литературы. Интерес Гоголя к украинским темам был обусловлен тем, что Гоголь,

попав в Петербург, столкнулся там с оживленным интересом к Украине и встретил ряд земляков, работающих на русской почве. Этим объясняется то, что в течение 14 лет (1829—1842) Гоголь разрабатывает украинский материал как в художественных произведениях, так и в своих статьях. Касаясь спорного вопроса о социальной принадлежности Гоголя, автор склонен, вслед за В. А. Десницким, считать Гоголя представителем »среднепоместного украинского дворянства«. Отсюда объясняется автором »крепостнический налет« в его изображении крестьянской среды, его симпатии к »казацкой старшине«, обнаруживающиеся в »Страшной Мести« и »Тарасе Бульбе«, его отрицательное изображение мелкопоместной дворянской среды. Гоголь остался и в своем дальнейшем творчестве верен своей классовой идеологии. »Об этом — по мнению автора — выразительно говорит поэма »Мертвые Души« и »Переписка с друзьями«. В статье »Тургенев и революционные семидесятники« (стр. 149—178) автор определяет отношение Тургенева к революционерам, исходя из его позиции либерала, потерявшего веру в активность русского либерализма. В статье »Сказки Салтыкова« (стр. 179—202) автор устанавливает связь сказок Салтыкова с сатирическими сказками Э. Лабулэ, вскрывает элементы народной сказочной стилистики, но считает, что по существу »Салтыковская сказка органически выросла из его таланта, и ее связь с народным сказочным жанром весьма условна. Форма сказок Щедрина определяется прежде всего социально-политическими тенденциями Салтыкова. Статья »Разум и сердце Чернышевского« (стр. 203—230) представляет собою психологическую характеристику писателя-революционера и мыслителя. Чисто биографический интерес представляет очерк »В. Г. Короленко и Якутская ссылка« (стр. 231—270). Статья »Романтический герой в творчестве Чехова (Образ конокрада Мерика)« (стр. 271—292) устанавливает связь между следующими произведениями Чехова: »Неизданной пьесой« (1880—81), »Осенью« (1883), »На большой дороге« (пьеса 1884), »Степью« (1888) и рассказом »Воры« (1890). Общность эту автор усматривает в наличии во всех этих произведениях »романтического героя«. Наконец, две последние статьи сборника: »Горький учится« (стр. 293—338) и »Горький учит« (стр. 339—396) представляют собою обстоятельно разработанный материал для будущего биографа писателя. Следует еще отметить очень полезные »Примечания и приложения« (стр. 396—411), в которых читатель найдет ценные библиографические указания, а временами и весьма существенные дополнения к статьям сборника. В частности отметим »Хронологию украинских повестей Гоголя« (стр. 403—405) и »Хронологию сказок« Салтыкова-Щедрина (стр. 406—408).

30. **Z piśmiennictva rosyjskiego i ukraińskiego** (= Prace Polskiego Towarzystwa dla badań Europy Wschodniej i Bliskiego Wschodu pod redakcią Dra Wacława Lednickiego. V). Kraków. 1934. 8 ненум., 162 и 60 стр.

Вся II-я часть сборника »Из русской и украинской литературы«, вышедшего под редакцией проф. *В. Ледницкого*, посвящена Достоевскому, в связи с его недавним юбилеем. Эта часть содержит следующие статьи: *Branko Lazarević*. Dostojewski. Fragment w pięćdziesiątą rocznicę śmierci pisarza (стр. 1—22). Это перевод на польский язык юбилейной статьи о Достоевском известного югославянского писателя Бранко Лазаревича (см. Српск. Кн. Гл. 1931, т. XXXII, кн. 5). Очерк представляет общую характеристику творчества Достоевского. — *Jerzy Stempowski*. Polacy w powieściach Dostojewskiego (стр. 25—46). Статья — доклад Юр. Стемповского представляет собою весьма ценную попытку дать истолкование отношению Достоевского к полякам, как оно сказалось в его творчестве. Впервые сделана попытка связать изображение поляков в творчестве Достоевского с его общим мировоззрением. Поляков Достоевский знал только по каторге. Когда он их изображал в своем твор-

честве, то исходил из своих наблюдений и своих настроений, сложившихся именно там. Но поляки на каторге резко отличались от остальных обитателей »Мертвого Дома«. Они и в каторге сохраняли убеждение в своей правоте и не считали себя »преступниками«. Вера в свою правоту и сознание своего превосходства над остальным населением »Мертвого Дома« выключали группу поляков-каторжников из общей концепции Достоевского, которая требовала »страдания«, как необходимого момента оправдания и возможности воскресения к новой жизни. Для поляков каторга была страданием за идею, ничего общего не имеющим с тем »страданием«, которое очищало от преступления по представлению Достоевского. В этом видит Стемповский более глубокую, »метафизическую« причину отталкивания Достоевского от поляков, представление о характере которых у него сложилось на каторге. Очень существенно также положение автора, что поляки в изображении Достоевского вовсе не реалистические типы, а »художественные конструкции«, отличающиеся, по сравнению с другими героями его произведений, схематичностью. »Маска« поляка в творчестве Достоевского несет определенную функцию, функцию унижения »гордыни«, наивной веры в свою правоту и превосходство. Статья Юр. Стемповского представляется нам наиболее интересной из всего, что на эту тему написано до сих пор. — *Nikolaj Arsenijew.* Istota twórczości Dostojewskiego (стр. 49—58). Три проблемы творчества Достоевского: отношение России к Европе, двойственность русской души и борьба в ней зла с добром и проблема зла в свете (»теодицея«).

В ч. I-й имеются две статьи *В. Ф. Ходасевича* о современной русской литературе: »Literatura a władza w Rosji Sowieckiej« (стр. 3—32) и »Współczesna literatura rosyjska (Literatura na wygnaniu)« (стр. 131—143). Последняя статья говорит о положении русской литературы в эмиграции.

10. III. 1935. *А. Бем.*

Z běloruských bibliografií. Podobně jako oficiální sovětská bibliografie ruská vychází nyní i *Letapis druku* belaruskaj SSR v Mensku péčí a nákladem Státní knihovny a Bibliografického ústavu BSSR V. I. Lenina. Podává zajímavý obraz knižního ruchu na území běloruské republiky. V roce 1933 vyšla tato bibliografie ve dvou půlletních svazcích, které vnější úpravou i vnitřním rozdělením materiálu se neliší od bibliografie velkoruské. Rozděluje totiž celý materiál v 21 oddíl, v každém oddílu řadí autory abecedně a ke všem podrobným záznamum o knize udává skoro všude i výši nákladu, cenu a třídník podle desetinné soustavy. Ve zvláštní oddíly řadí pak knihy psané jazykem židovským, ruským, polským a litevským. K celému ročníku jsou přidány tři rejstříky: předně heslový podle látky, dále seznam recensí o jednotlivých knihách v časopisech běloruských a konečně jsou připojeny statistické tabulky o knižní produkci. Tyto tabulky jsou obzvláště zajímavé a duležité. Jest konečně dnes známo, že podivuhodně a slibně se rozvíjející literární statistika jako vědní odvětví, do nedávna ještě zanedbávané a přezírané, dává netušené možnosti jiným vědám pro utřídění materiálu (sociologii, studiu kulturní politiky, studiu pronikání knihy, národohospodářského významu tisku a pod.) a v Rusku stojí dnes nejvýše. Hlavně proto, že zde jsou dány nejlepší možnosti rozvoje. Nikde zákon o povinných výtiscích není tak dokonale propracován jako tam. Duvodem toho ovšem jest, že stát v prvé řadě jest nakladatelem, takže to, co na Západě jest obchodním tajemstvím (výše nákladu), v SSSR nehraje úlohy.

Tyto tabulky dávají nám možnost velmi rychle se orientovati o početnosti, jakosti i druhu běloruské knihy a vyvozovati řadu dusledků. Tak na př. z celkového počtu vydaných knih 1264 vyšlo v běloruském jazyku 1100, v ruském 76, židovském 31, polském 40, litevském 17. Další oddíly tabulek vykazují počet překladu, nových vydání, počet tiskových archů, a celkový náklad. Dovídáme se tak, že nové puvodní tvorby běloruské jest asi 56 % (618 knih), že průměrný rozsah nepřesahuje pět archu, že celkový náklad všech běloruských tisku jest 9.367.030 v ceně 7,821.200 rb. Tabulka místopisná ukazuje, že téměř celý vydavatelský ruch se soustřeďuje v Minsku (přes 96 %). Tabulky podle obsahu dělí celé písemnictví na 18 skupin. Z nich početné jsou se vztahem k socialismu, sociální politice (spolu

s dějinami 264 jednotek) národnímu hospodářství, technice a pedagogice. Zvláštní místo zaujímá literatura o kolchozech (200) a vojenská (87). Poměrně vysoký počet knih z oboru přírodních věd (161) lze vysvětliti vysokým počtem učebnic všeho druhu. V celkovém počtu skupina krásného písemnictví, která nás nejvíce zajímá, jest poměrně slabá (109 jednotek), z nich pak v běloruštině pouze 85. A ještě z tohoto čísla jsou pouze 52 knihy původní. Jazykovědě jest posvěcena 31 kniha (zase mnoho učebnic), literární vědě 15. Když si pak povšimneme celkového obrazu roční běloruské produkce, pak shledáme, že sleduje v prvé řadě cíle výchovné (ať již vydáváním učebnic a velmi populárních příruček, nebo publikací ve smyslu státního režimu), že nelze ještě mluviti o běloruském písemnictví v pravém slova smyslu, poněvadž není ještě dostatečných předpokladů pro toto písemnictví, a to jednak ještě pro značný analfabetism, dále pro poměrně nízkou úroveň širokých čtenářských vrstev a konečně nepříliš dlouhou dobou, kdy běloruský jazyk se může volně vyvíjeti. Odpověď na otázku, zda v budoucnosti bude vytvořeno silné a hodnotné běloruské písemnictví, statistika knižní produkce nemůže ovšem dáti odpověď. Dává však materiál nezbytný k badání této otázky. A to jest význam řádných bibliografií, pokud možná úplných, s údaji pokud možná nejdokonalejšími a nejpřesnějšími. Po této stránce by bylo dobré, kdyby statistické tabulky byly rozmnoženy jednak o rubriky, podávající přehled publikací podle rozsahu tiskových archů a dále aby byly rozšířeny přesněji knihy podle svého určení na učebnice, vydání populární, t. zv. dokumenty života, knihy čistě dětské, a knihy v pravém slova smyslu.

Doplňkem knižní produkce na území běloruském jest „*Peryjadyčny druk BSSR u 1933-34*". (Minsk, náklad Státní bibl., 1934. 54 str.). V r. 1933 vycházelo časopisů 293, což jest proti předešlému roku o 84 více. Rozvoj periodického tisku jest velmi značný a to i po stránce národnostní, uvědomíme-li si, že v r. 1918 ani jediný z časopisů na běloruském území nevycházel v běloruském jazyku, v r. 1932 již 160 listů a v r. 1933 již 241. Tato čísla se týkají novin. Kromě toho vycházelo ještě 23 revuí (z nich 1 židovská a 1 běloruská). Náklad u revuí jest 703.283 jednotek, u novin 91, 332.680. Zatím co však revue se soustřeďují výhradně jen v Minsku, u novin jest tomu jinak: v Minsku vychází jich pouze 48. Z toho lze usuzovati, že úkolem periodického tisku (z kterého jest 15 deníků) jest v prvé řadě šířiti základy vzdělanosti, propagovati státní ideje a připravovati široké vrstvy k dalším kulturním úkolům. Obraz periodického tisku běloruského ještě ostřeji potvrzuje uzávěrky z přehledu produkce knižní. Lze však o něm říci, že jest ještě důležitější pomůckou pro každého, kdo se zabývá běloruskou otázkou.

Praktickou pomůckou a současně pokusem zhodnotiti knižní běloruskou literaturu jest „*Krytyka — biblijagrafičny zbornik.*" Pod redakcyjaj S. Prauda. Mensk, Dzjavz. bibl. 1934. str. 61-[III]. Kritické ocenění řídí se úředními zásadami z r. 1931 a jejím účelem je propagace „bolševické knihy" a marxisticko-leninovského světového názoru. Zachycuje běloruskou literární produkci za 1. čtvrtletí r. 1933 ve třech odděleních. V prvním jsou zprávy o knize, o jejím obsahu, o tendenci a úmyslech autorových a pod., v druhém jsou recense a v třetím výběr kritického materiálu z různých časopisů a pramenů. *J. Bečka.*

Otton Laskowski. **Jan III Sobieski.** Lwów. 1933. Str. XVIII + 341 + 10 ilustr.

Среди трудов о Янѣ Собѣском, вышедших ко дню 250-лѣтія вѣнской побѣды и разсчитанных на широкое распространеніе, особаго вниманія заслуживает труд польскаго военнаго историка, одного из крупнѣйших современных знатоков той эпохи, майора О. Laskowskiego. Автор, извѣстный рядом своих военноисторических работ, представитель новѣйших методов исторической науки, подверг критическому пересмотру исторические матеріалы и глубже изслѣдовал ряд моментов эпохи Собѣскаго, его дѣятельность, ея условія и результаты. И в его книгѣ эти моменты являются в новом освѣщеніи, а на его фонѣ в иной оцѣнкѣ выступает дѣятельность великаго короля, гл. обр., как политика. Установилось мнѣніе, что Ян III был плохим политиком и позволил сдѣлать себя игрушкой политики иностранных дворов. О качествѣ политики короля обычно судили по ея отрицательным итогам. M. Laskowski подробно останавливается на политических планах и актах Яна III,

изслѣдует ситуацію, из которой выростали эти планы, разбирает их историческую необходимость в единствѣ политическаго стремленія короля и устанавливает причины их неудач. В его трудѣ с исторической ясностью Собѣскій выступает, как крупный разумный политик, стремящійся ликвидировать внутреннее зло анархіи, избавить страну от внѣшних угроз и вывести ее на европейскую арену, политик, отдающій себѣ отчет в каждой политической ситуаціи и умѣющій использовать ее; его политическіе планы часто геніальны по своему замыслу и возможности осуществленія. Но наряду с этим все время дѣйствуют силы, перечеркивающія всю работу короля. Автор указывает цѣлый ряд факторов, внутренних и внѣшних, ставших королю на пути и приведших его планы к крушенію. С ними Собѣскій должен был вести борьбу, еще болѣе напряженную, чѣм на полях сраженій, но менѣе счастливую. Не в качествѣ самой политики короля, а в этих враждебных силах, которыя он не смог одолѣть, лежит причина неудач его политических планов.

Много мѣста удѣляет автор подробному обзору боевых операцій Яна III и разбору их с точки зрѣнія военнаго специалиста.

Новый труд польскаго историка, широко охватывающій тему, основанный на тщательном изслѣдованіи матеріалов и разсматривающій под новым углом зрѣнія ряд фактов, представляет интерес для каждаго изслѣдователя подробностей эпохи Яна III. В то же время автор свой научный труд облек в форму, доступную для широкой читающей публики. С живо написанных страниц книги пред читателем встает яркій образ короля Яна — полководца, политика и человѣка, всю жизнь ведшаго упорный бой во имя блага отчизны. Знаніе автором эпохи отразилось и на языкѣ его книги, далеком от сухого научнаго изложенія; красочный, стилизованный в духѣ XVII вѣка этот язык является крупным внѣшним достоинством книги. Книга м. Laskowskiego представляет рѣдко удачный опыт популяризаціи научных знаній без выхода из рамок строгой научности. *K. Wi-ty.*

Časopis Maćicy Serbskeje LXXVI—LXXXVII. Budyšin 1923—1934. Nákladem Matice lužickosrbské.

V druhém ročníku Slavie 1923 na str. 175—177 jsem podal zprávu Lusatica v posledním desetiletí. Uvedl jsem tam kromě samostatně vydaných publikací hlavně stati, vytištěné v lužickém Matičním časopise. Doplňuji tuto zprávu nyní aspoň upozorněním na hlavní pojednání, úvahy a stati, které v Časopise Mać. Serb. vyšly od r. 1923 do r. 1934 a to stejným pořadem jako ve Slavii 1923.

Lužické archeologii byly věnovány dva příspěvky *J. Křižanka: Wo serbskim prawěku* (roč. LXXVIII. 1925, str. 95—119); *Někotre starožitnosće Wotrowskeje wokoliny* (LXXXII. 1929, 45—47). Do první stati o luž. pravěku je zahrnuto také Mukovo pojednání o vývoji evropských národů s hlediska slovanského autochtonismu. Křižankovy stati archeologické jsou jediné úvahy tohoto oboru z lužického pera; ačkoliv nejsou psány vědecky školeným odborníkem, přece mají svůj význam v rámci slovanské archeologie, jak poznamenal *J. Neustupný* v Památkách archeologických v Praze XXXV. 1927, sv. 1-2.

Jazykovědné příspěvky jsou rázu lexikálního, mimo to se dotýkají určitých otázek gramatických, zároveň podávají rozmanité příspěvky pro poznání lužické srbštiny v obou hlavních nářečích i dialektech. Jsou to především dodatky k Rězakovu Německo-hornolužickému slovníku, jež vytiskl *M. Nawka: Dodawk k Rězakowemu słownikej* (LXXIX. 1926, 13—36). Lexikální povahu mají také příspěvky *Mukovy: Wudma za serbske wjesne mjena* (LXXVI. 1923, 200—204; týká se obojí Lužice). *Wo serbskich swójbnych a wosobinskich mjenach* (LXXVII. 1924, 125—138: o vzniku, tvorbě a významu luž. vlastních a osobních jmen s přídavkem o lidové etymologii ve vlastních jmenech); *Župy a stróžišća, rěki a rěčki w starem serbskem kraju* (LXXIII. 1925, str. 64—78); *Něšto wo serbskich swójbnych mjenach* (LXXXI. 1928, 57—59); *Rěčespytne drobnostki wo swójbnych a městnostnych mjenach* (LXXXII. 1929, 47—55); dále příspěvky *Šwelovy: Rěčne spomnjeńki z Wochoz* (LXXIX. 1926, 3—12); — možno

sem také zařaditi výklady *Jana Krawce: Les a štomy w serb. městnostnych a ležownostnych mjenach* (LXXX. 1927, 68—74) a *O. Wićaze: Njeznate žórło serbskich rostlinskich mjen ze 16. lětstotka* (jde o latinskou knihu *L. Thurneissera* Historia sive Descriptio plantarum omnium atd. z r. 1578, která vyšla současně v německém jazyku a podává také dolnolužické rostlinné názvy vedle názvů polských a českých — LXXXVII. 1934, 17—27). Možno sem také ještě přiřaditi *J. Symanka* pokus o výklad luž. rodinných jmen: *Swójbne mjena* (LXXXII. 1929, 31—45); a místopisné a rodopisné výklady *A. Herrmanna: Mjeno wsow Hucina a Splosk* (LXXXI. 1928, 3—9); — *Hornjoserbskej wsy Cyžecy a Kubšicy* (LXXXII. 1929, 3—7); — *Přinošk k stawiznam Mukec swójby* (o prof. A. Mukovi, LXXXIII. 1930, 103—112; zároveň příspěvek literárně historický); — *Hućinscy* (LXXXIV. 1931, 62—64); — dále *M. Krala: Serbske słowa z Knuthowych (lěpje Knauthowych) cyrkwinskich stawiznow Serbow* (LXXXIII. 1930, 61—66).

Drobnými příspěvky k lužickosrbské mluvnici jsou stati: *Mukova: Wo činitosći serb. słowjesa* (LXXIX. 1926, 30—43); — *M. Krjećmar: K Libšowej składbje* (LXXXI. 1928, 87—96); *Ke składbje serb. participija praes.* (LXXXV. 1932, 56—58); — *Jos. Páta: K. G. Anton wo hornjołužiskich dialektach l. 1797* (LXXXI. 1928, 77—87). Poslední dvě stati spadají částečně také do lužickosrbské literární historie. Cennými příspěvky k lužické syntaxi jsou výklady *Šwelowy: Serbske praepositiony*, podávající abecedním pořádkem podrobný soupis lužických předložek v samostatném užívání i ve formě předpon. Jsou to zároveň doklady pro lužický slovník a hojnými doklady přísloví a průpovědí také pro lužickou lidovědu. (LXXXVI. 1933, 20—45; LXXXVII. 1934, 3—16, 83—104; vyšlo také ve zvl. otisku v Budyšíně 1934 [vlastně 1935]).

Z literárně-historických příspěvků vyšlo v Časopise několik velmi důležitých prací, založených na nových archivních výzkumech. Především, bohužel, nedokončená studie *H. Šlecy: Dr. Jan Pětr Jórdan* (LXXII. 1924, 3—91; LXXVIII. 1925, 3—63), která vyšla také v samostatné knize s potřebnými korekturami a rejstříky v Budyšíně 1926. Dále velmi důležité články, studie a příspěvky *Oty Wićaze: Z pomjatnikow Jakubec swójby* (LXXVII. 1924, 92—110); — *Njećišćane pěsnje H. Zejlerja* (LXXIX. 1926, 43—52); — *Lipsk jako ródnišćo serbskeje romantiki* (LXXXIV. 1931, 3—30, 67—75; LXXXV. 1932, 3—53); — *Hišće njećišćana pěseń J. Raka* (LXXXVI. 1933, 61—64); — *Listowanje H. Imiša z M. Domašku* (LXXXVII. 1934, 28—43, 105—113); — *Hronowana rěč Jana Kiliana w Serbinje* (LXXXVII. 1934, 51—58); — dále vyšly příspěvky *Jos. Páty: Wo studiju serb. pismowstwa w prěnjej połojcy XIX. lětstotka* (LXXVII. 1924, 111—124); — *Ze stawiznow pražskeje Serbowki* (LXXX. 1927, 47—54); — *Wo započatkach delnjołužiskeje Maćicy* (LXXXIV. 1931, 42—52); — *Drobny přinošk k žiwjenjopisej H. Zejlerja* (LXXXIV. 1931, 52—55); — *Korla August Jenč* (LXXXI. 1928, 97—104); — *M. Krjećmař: Ćišinskeho abrahamowiny 1906* (LXXX. 1927, 55—68); — *Jurij Libš* (LXXXII. 1929, 15—31); — *Jakub Bart Ćišinski a Južnosłowjenjo* (LXXXIII. 1930, 56—61); — patří sem také *M. Smoleřa: Dopomnjeńki ze žiwjenja J. E. Smolerja* (LXXXIV. 1931, 59—61), jakož i *J. Delana* úvaha: *Měrćin Bałcař* (LXXXI. 1928, 9—27).

Pro staré období lužickosrbského písemnictví mají význam příspěvky: *Šwelow Póspyt lěpšego pšełožka ev. Mark. 10, 13—16* (LXXX. 1927, 46); — *Dubjanska serbska pšisega* (LXXXV. 1932, 69—70); — *J. Křižan: Serbow prócowanje wo serbsku bibliju* (LXXXI. 1928, 67—77).

Nestejnoměrné ceny jsou nekrology v jednotlivých ročnících. Upozorňuji aspoň na nekrolog spisovatele a redaktora *Kito Šwjely* (LXXVI. 1923, 204—205); — *J. Libš* (LXXX. 1927, 113—116); — *J. Pilk* (LXXIX. 1926, 73—79, se značnými omyly); — *A. Muka* (LXXXVI. 1933, 3—13, 65—79 s bibliografickými dodatky k monografii o Mukovi).

Z bibliografických příspěvků vyšly hlavně práce *J. Wjacsławka: Katalog serbskeho wotdźěla knihownje Maćicy serbskeje* (LXXVI. 1923, 55—199; vyšlo také ve zvláštním otisku v Budyšíně 1924); — *Přehlad spisow a nastawkow za serbsku bibliografiju z lět 1925-26* (LXXX. 1927, 95—113); — *Alfabetiski přehlad spisow a nastawkow za serbsku bibliografiju z lět 1929—1931 a dodawki z prjedawšich lět* (LXXXIV. 1931, 99—128); — *Alfabetiski přehlad spisow za serb. bibliografiju z lět 1931—1934 a dodawki z prjedawšich lět* (LXXXVII. 1934, 114—140).

Ukázkami z dolnolužické krásné literatury je *Wěńašk basni našych dolnoserbskich pěsnaŕow a pěsnaŕkow* (Kósyk, Rocha, Domaškojc, Witkojc, Serb-Chejnicański: LXXX. 1927, 3—40).

Drobnými příspěvky dějepisnými a vlastivědnými jsou úvahy a stati: *Mukuv* populární příspěvek *Milska abo kraj Milčanow, swjata zemja našich prawótcow* (LXXXII. 1929, 55—62); *M. Kral: Wobydleństwo Njeswačidlskeho knježstwa w č. 1637—1706* (LXXX. 1927, 74—95; LXXXI. 1928, 21—46); — *R. Domaška o Ticinovi a jeho knize o Róžantě* (LXXXIV. 1932, 76—83); — *J. Handrik: Stawizny serb. seminara w Prazy* (LXXXIII. 1930, 3—22).

K lužickosrbské lidovědě se vztahují články *Krawcovy* z oboru národní poesie: *Monografija k narodnej pěsni Za Kamjeńcom za górami* (LXXVIII. 1925, 79—94); — *Stawaj mi, stawaj, pohončo!* (LXXIX. 1926, 52—70) a *Handrij Zejleŕ a jeho hłosy* (LXXXVI. 1933, 50—60); — *L. Kuba: Poměr serb. ludoweje drasty k drasće druhich Słowjanow* (LXXXIV. 1931, 94—99); — *J. Lorenc-Zalěski: Dokładna ludowědna statistika Slepjanskeje wosady z l. 1926* (LXXXIII. 1930, 22—25); — *Přinoški k ludowědźe Slejanskeje wokoliny* (LXXXIV. 1931, 56—58); — *O. Wićaz: Zběrka zaprajenjow* (LXXXVII. 1934, 59—62). Možno sem také připojiti úvahu malíře *M. Nowaka* o úkolech luž. umění: *Nadawki serbskeho wuměłstwa* (LXXXI. 1928, 59—61).

Jiné obory vědní jsou zastoupeny pouze přírodovědeckými úvahami *B. Šěcy: Škódnicy našich lěsow* (LXXX. 1927, 40—46); — *Mnišča čwila* (LXXXI. 1928, 46—57) a jinými, které mají také částečně význam pro lužický slovník.

Konečně mohu ještě uvésti referát o I. sjezdu slov. filologů v Praze, jejž napsal účastník sjezdu a zástupce Matice lužické filolog *J. Kral* do roč. LXXXIII. 1930, 25—28.

V závěr poznamenávám, že také ostatní lužické časopisy, zejména denní *Serbske nowiny*, týdenní *Katolski posoł* a měsíčníky *Łužica, Serbski student* s pražským *Lužickosrbským věstníkem* přinášejí pravidelně drobné příspěvky k lužické filologii v celém rozsahu. *Jos. P.*

Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесетгодишнината му отъ рождението му (1863—1933). София 1933. Издание на Македонския наученъ институтъ. Stran 687. Cena 500 leva.

Miletičův jubilejní sborník, vydaný k životní sedmdesátce vynikajícího bulharského slavisty sofijským Makedonským vědeckým ústavem péčí *St. Romanského*, je úctyhodným svazkem příspěvků ze všech oborů slovanské filologie v nejširším rozsahu. Je tu celkem 65 statí s příspěvky ve všech slovanských a hlavních evropských jazycích.

Pořadatel sborníku — prof. St. Romanski — v předmluvě krátce charakterisoval život a dílo prof. *Ljub. Miletiče*, jeho zásluhy o rozvoj bulharské novodobé vědy a kultury, především ovšem slavistiky. Vzpomněl vrozeného nadání jubilantova, jeho ranných cest po Bulharsku s otcem učitelem, jeho studijních let v Sofii a pak zejména za hranicemi v Záhřebě, v Praze a ve Vídni, jeho styků se znamenitým českým filologem Janem Gebauerem, jeho styků s L. Geitlerem a zejména s Frant. Miklosichem, kteří všichni měli na jeho slavistické počátky zásadní vliv. A později opět styky s V. Jagićem ovlivňovaly bulharského badatele v jeho výzkumných pracích o bulharském jazyku, bulharských nářečích, starých památkách, o starší bulharské literatuře a kultuře, kdy se již Miletič ubíral samostatnými cestami badatelskými ať to bylo v jazykovědě, v literatuře nebo v lidovědě. Všude jubilant podával nejen práce vlastní, nýbrž jako universitní učitel vychovával zdatný vědecký dorost domácí a působil organisačně ve prospěch zdárného rozvoje domácí vědy jak na universitě, tak ve vědeckých korporacích, za katedrou i ve společnosti. Své práce spojoval vždy komparačně s ostatním slovanským světem. Nejlepším dokladem dosavadní životní práce je podrobný a pečlivý soupis literárních prací Miletičových, které *Romanski* sestavil za léta 1884—1933, na str. IX.—XXX. — celkem 386 čísel samostatně nebo revuálně a časopisecky vytištěných prací, studií, monografií, článků, úvah, kritik a kritických zpráv.

Příspěvky žáků, přátel a ctitelů Miletičových jsou sestaveny látkově. Jsou to příspěvky vypracováním různotvárné: některé zpracovávají podané thema podrobně, jiné jsou jen pouhým úryvkem z větší práce, jiné konečně jen drobnou

příležitostnou poznámkou. Nejdříve jsou rozpravy z oboru staroslověnského (starobulharského). Je to pojednání *Tomsonovo* o epent. *l'* ve staré bulharštině (o mizení tohoto *l'* ve staré bulharštině a pak ve slov. jazycích vůbec), *Mikkolova* etym. poznámka o starobulh. imper. tvarech *dižďь, jažďь, věždь, vižďь*, *Słonského* úvaha o funkcích slovesné předpony *za-* v staré bulharštině, *Vajsovo* odmítavé stanovisko Žegvićových výkladů o Jeronymské tradici v hlah. písmě, *Vaillantův* pokus o nový výklad st. bulh. dubleta *štuždь, tuždь*, *Seliščevova* podrobná rozprava o dialektologickém významu makedonské toponymiky, výklad o skupinách *šč, ždž* a *št, žd* v bulh. jazyce z pera *Cv. Todorova*, dialektologické poznámky o stopách starého ѫ v nářečí osady Kalapot na Zъchnensku od *K. Mirčeva*, drobné příspěvky staro- i novobulharské od *T. Lehra-Spławińského* (*pьci : peką, rьci : reką*; dial. *džel'azo, džuma*; part. *došl, zašl, otšel* atpod.), dále výklady *Grunenthalovy* o slov. perfektu, *Szoberovy* o bulh. slovosledu se zřetelem k psychologii případu (na rozdíl od výkladů Bernekerových, jež se opíraly o jakýsi mechanický tradicionalismus). Szober přednášel o tomto thematě na I. sjezdu slov. filologů v Praze a propracoval jej ve sborníku Miletičově bohatými citacemi a doklady. Drobným lexikálním příspěvkem je poznámka *L. Beaulieuxe* o nakládání s cizími slovy v moderní bulharštině, *L. Tesnière* vykládá slovo *Caribrod* jako *Cari(gradski)brod*: „le gué (de la route) (de la ville) des Tsars", to jest tedy *brod města carova*, obdobně s pojmenováním *Carigrad* „la ville des Tsars", město carovo — výraz tedy vznikl elipticky. Částečným rozborem jazyka a slovníku bulh. sborníku z r. 1348 se zabývá *Ljapunov*: v podstatě to jsou většinou výklady rázu hláskoslovného. *Jakobson* podal zajímavou konfrontaci bulharského pětistopého jambu s ruským: proti Puškinovi postavil na př. verš Kirila Christova. Došel k závěru, že bulharský verš „vazovské tradice" nehledě ke genetické spojitosti s ruským veršem a nehledě k jednotnosti prosodických korrelací v obou jazycích má vedle pádných shod také zřejmé odchylky od ruského verše: tyto odchylky byly způsobeny značným rozdílem bulharského a ruského rytmického slovníku. Otázkou slov. odvozenin z albánštiny ve slovním pokladu jihoslovanském se zabývá *N. Jokl*. K týmž studiím náleží také *Melichův* výklad o maď. výrazu *vizsla* v srb. *vižao* a v ostatních slov. jazycích, pokud je doložen.

V dalších příspěvcích podává *Ramovš* krátkou charakteristiku slovinského nářečí na Dolenjsku, *Vasmer* se pokouší po Lessiakovi a Ramovšovi o nový výklad slovinského místního jména *Kazaza-Koséze*: vidí zde jméno již dávno ztraceného germánského kmene *Kasing*. *Pogorelov* přispěl úvahou o užívání gram. členu v nářečí Kijevské Rusi v období domongolském, *Černyšev* jedná o prodloužení hlásek *t* a *d* v ruštině, *Bielli* o užívání nom. fem. na *-a* při infinitivu v ruštině, *Ohienko* podal obsažný popis a rozbor Verbského evangelia z r. 1560, *Nitsch* znova kriticky přehlédl polské čechismy a upozorňuje na dva doklady, dosud neznámé: výraz *słodycz*, dulcedo' a dubleta zájmenná *moja — ma, moje — me, mojego — mego* atd., které lze vyložiti jen z vlivu českého. Nitsch osvětluje to svým duvtipným a logickým způsobem, při čemž konstatuje, že také tyto doklady dva potvrzují známý již fakt, že čechismy v polském jazyce měly ráz výhradně literární. *Vlaszyn* se pokusil o výklad vzniku formace: *pierwiastek*, *Taszycki* napsal krátkou poznámku o staropol. tvaru *cyrki*, *Ossowski* podal několik poznámek k běloruské dialektologii, *Trávníček* jedná o čes. tvarech *tobě, sobě — tebě, sebě*, *Trubeckoj* se zabývá vývojem hrdelnic ve slov. jazycích, *Hujer* podává zajímavý příspěvek ze slovníku východoevropských pastevců o kravách se jména dne, kterého se vylíhly: čes. *neděla, stiedula* atd., polské *niedziocha* atd. *Lekov* jedná o konc. *-ov* v gen. pl. ve slov. jazycích, konečně *Małecki* uvažuje o možnostech chronologisace znaků v přechodných nářečích.

Linguistické příspěvky zabraly téměř polovinu celého sborníku. Příspěvky literárně-historické jsou celkem skrovné: *Trifonov* jedná o Konstantinu Filosofu (Sv. Kirilu) v jeho funkci carského posla k Saracénům a Chazarům, *Popruženko* píše o Kozmu Presviteru a novgorodských ereticích XV. stol., *Glubokovskij* se zabývá otázkou slovanské bible, *Speranskij* probírá zajímavý anonymní jihoslovanský náboženský text XVI.—XVII. stol. se zřetelem k literatuře „otázek-odpovědí". *N. v. Wijk* píše o původu staroslov. Egyptského Pateriku s pevným stanovením, že text nevyšel ani z okruhu pomocníků Kyrila a Metoděje, ani ze školy Klimentovy: nová badání jsou ještě nutná. *Mazon* podává příspěvek k dílu

Nikolaje Katranova, *Nikov* k životopisu G. S. Rakovského s cennými doklady ze státního vídeňského archivu o stycích tohoto bulharského revolucionáře se srbskými agenty, *Wł. Bobek* se pokusil o charakteristiku symbolického významu hlavních postav v Krvavé písni P. Slavejkova.

Rozmanitými příspěvky k slovanské filologii a k vzájemným vztahům slovanským mezi sebou i s cizími národy jsou příspěvky *Croniův*, *Savojův*, *Niederlova* úvaha o Starém Městě, osadě moravské z doby říše velkomoravské, *Iljinského* poznámka o Judě-Jidášovi a j.

Do oblasti lidovědné spadají příspěvky *Bogatyreva* o pohádce a knize, *Gesemanna* k prozkoumání bulharské lidové epiky, *Pátova* stať o pohádce o bulh. pohostinství v Lužici, jakož i *Czekanowského* příspěvek k problému antropologické struktury Bulharska.

Pozoruhodné jsou také stati: *Bémova* o osobních jménech u Dostojevského, *Pražákova* o Hviezdoslavových dramatických zlomcích, *Deržavinova* o albánské immigraci b. Ruska a USSR, *Sněgarova* o starém trnovském církevním kodexu s poznámkou *Paševa* o zajímavém dokumentu z doby bulh. bojů za církevní nezávislost, *Aleksieva* úvaha o závěti Dobrudžana Chadži Matěje, *Markovy* materiály k dějinám kolonisace Podkarpatské Rusi, *Mjakotinovy* výklady o životě ukrajinského selského lidu v XVIII. stol., monografie *Vinogradova* o prvním ruském pracovníku in bulgaricis Konst. Kalajdovičovi.

Příspěvky *Jord. Ivanova* o bulh. jménech v Čividalském evangeliu, *Goševa* o mnišském chrabrém „bojování“ a černoryzci Chrabrovi, *Sakъzova* bibliografickými poznámkami o Makedonii v italských archivech a *Romanského* výkladem jmen Vidin a Silistra je sborník uzavřen. Je patrno, že pozdní dodavatelé příspěvků poněkud porušili sestavu obsahovou: jinak bychom viděli některé poslední příspěvky na místech jiných. Rejstřík jmenný a slovný vhodně zakončuje bohatý sborník.

Jako všechny podobné sborníky, tak i Miletičův jubilejní sborník je souborem ohromného množství dat, fakt, myšlenek a názorů, které jsou celkem neúměrného a různotvárného charakteru. Snad by bylo lépe dožadovati se od přispěvatelů statí k určitým problémům bulharské filologie anebo aspoň úměrněji dbáti vlastních témat bulharských. Poněkud je nejasné, proč jsou bulharští slavisté a filologové celkem neúplně zastoupeni ve sborníku muže, jenž stál u kolébky dnešní bulharské vědy, zejména slavistiky, a jenž ji vedl po celá desítiletí a dosud vede jako předseda Bulharské akademie nauk. *Jos. P.*

Г. А. Ильинский, *Опыт систематической кирило-мефодьевской библиографии.* Под редакцией и с дополнениями *М. Г. Попруженка* и *Ст. М. Романского.* — Българска академия на наукитѣ. София 1934, stran XLIII + 303, cena 200 leva, 10 švýc. franků. V komisi Otto Harrassowitze, Lipsko. —

М. Попруженко и Ст. Романски, *Библиографски прегледъ на славянскитѣ кирилски източници за живота и дейностьта на Кирила и Методия.* Издава Бълг. академия на наукитѣ. Комисия за издаване източницитѣ за живота и дейностьта на Кирила и Методия. София 1935, stran 68, cena 30 leva.

Užitečný a cenný *Pokus o systematickou cyrilo-metodějskou bibliografii* náleží asi k záslužným pracím ruského slavisty *G. A. Iljinského*; poslední korektury provedl hlavní spolupracovník a upravovatel bibliografie sofijský profesor *St. Romanski* za účasti prof. *M. G. Popruženka.* Po dosavadních záslužných pracích tohoto druhu, jež vykonali Č. Zíbrt, Fr. Pastrnek, Iv. Ohienko a jiní, vyznačuje se práce Iljinského snahou o nejjasnější rozdělení a nejúplnější sepsání. Bibliografie Iljinského podává ve dvou dílech 3385 bibliografických záznamů, které jsou všude doprovázeny příslušnými záznamy recensí tak, že bibliografie podává jistě čísel počet trojnásobný. První díl sepisuje literaturu vědeckou se zřetelem k dějinám Cyrila a Metoděje, k jejich kulturně-osvětové činnosti a k dějinám cyrilo-metodějské kultury vůbec, druhý díl podává bibliografii literatury populárně-vědecké, církevně-kazatelské a církevně-politické.

Příručka Iljinského s doplňky Romanského a Popruženka bude jistě vděčně přijata všemi, kdo se zabývají cyrilo-metodějskými otázkami s kteréhokoliv hle-

diska. Nacházíme zde skutečně doklady četných příspěvků v četných jazycích a to, nejen samostatně vydaných, nýbrž také revuálních, částečně i časopiseckých. Žádoucí úplnosti není ovšem možno dosáhnouti při thematě tak základním a známém jako je otázka cyrilo-metodějská, nebude nikdy snad dosaženo naprosté úplnosti. Dovoluji si na př. k pramenným bibliografickým pracím o jednotlivých autorech doplniti také svou monografii: *O staroslověnských a středobulharských pracích prof. J. Polívky* v Čas. pro mod. fil. 1919, str. 229—243, k náčrtům středobulharské literatury svůj podrobný úvod v edici *Sofijského evangeliáře* ve spisech Čes. akademie v Praze 1915. Pěknou charakteristiku ohlasu cyrilo-metodějských v Lužici podali *Łusčanski-Hórnik* ve známé Historiji serb. naroda v Budyšině 1884, o Velehradě psal hornoluž. Katolski Posoł 1901 a 1907, str. 258 a n., str. 289 a n., spolek Sv. Cyrila a Metoděje byl založen v Budyšině r. 1862 a Katolski Posoł měl v záhlaví obraz obou slov. věrozvěstů atd. Z básnických ohlasů lužicko-srbských jest uvedena báseň hornolužická od *J. Ćěsinského:* Grande munus v Knize sonettow, Budyšin 1884 (nikoliv 1880), ale opomenuta zůstala krásná báseň dolnolužická od *M. Kosyka:* Dopomńese na swěteju Cyrila a Metodyja v Čas. Mać. Serb. 1885, přetištěno v 88 Kosykových ve vyd. Šwelově (Zmeškalova knihovna Dom a swět XIV, Budyšin 1929), 124. Možno tedy zaznamenati aspoň jeden vzácný doklad básnický ze skromné dolnolužické literatury. K povšechným obrazům života a díla slovanských prvoučitelů patří také důležitá monografie *W. Taszyckého* Apostołowie Słowian sw. Cyryl i Metody, vydaná v cyklu Słowianie ve Lvově 1933, str. 29, ve školských příručkách Bibljoteki szkoły powszechnej. Knížka Taszyckého je sice prací populární, ale při tom přináší několik nových myšlenek do jednotlivých otázek cyrilometodějské literatury.

Mnohojazyčné citáty v bibliografii jsou podávány celkem správně, což vyžadovalo v latince mimořádné pečlivosti korektora. Nicméně — jako vždy — nejhůře se svými čárkami a kličkami pochodily citáty z jazyka českého a slovenského. Kniha sama je potěšitelným projevem vědecké slovanské spolupráce, v tomto případě rusko-bulharské.

Druhá bibliografie Popruženkova a Romanského vzešla právě z poznání, že je potřebí nových kritických vydání pramenů pro poznání života a díla obou slov. prvoučitelů, jež by byly novým a základním východiskem pro všechny cyrilo-metodějské studie další. IV. mezinárodní byzantologický sjezd v Sofii v září 1934 uspíšil takovou práci návrhem podobného soupisu, jejž předložili prof. *M. Weingart* a prof. *V. Pogorelov*. Byla hned ustavena zvláštní komise pro vydávání pramenů pro život a dílo Cyrila a Metoděje, o které referoval Romanski na II. mezinárodním slavistickém kongrese ve Varšavě. V závěrečné krakovské schůzi dne 30. září 1934 byla také celá akce schválena, při čemž byli sofijští členové komise doplněni ještě dalšími členy. V komisi jsou: Fr. Dvorník, J. Kurz, V. Pogorělov, J. Vajs, M. Weingart; — J. Ivanov, M. Popruženko, St. Romanski, A. Teodorov-Balan, J. Trifonov; — St. Ivšić; — St. Słoński, I. Święcicki a Iv. Ohienko. Prvním životním projevem této komise je podrobný *Bibliografický přehled slovanských cyrilských pramenů pro život a dílo Cyrila a Metoděje*, jejž sestavili *Popruženko* a *Romanski* a vytiskli jako rukopis se zvláštním oběžníkem, v němž se dožadují kritické revise uvedených dat. Druhým bodem činnosti bude vydání bibliografie pro ostatní texty — hlaholské, řecké a latinské, načež bude moci býti přikročeno teprve k vlastním kritickým vědeckým vydáním hlavních cyrilometodějských pramenů. První svazek Popruženka-Romanského přináší v první části bibliografii knih a studií s vysvětlivkami zkratek, v druhé části přehled známých cyrilských textů a jejich vydání.

Jos. Páta.

Проф. Ст. Романски: **Правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ** съ посочване изговора и ударението на думитѣ. София, книгоиздателство «Казанлъшка долина». 1933. Str. XIX + 627. Cena?

Pravopisným slovníkem prof. St. Romanského dostává se nám konečně důležité příručky bulharského literárního jazyka, tím vítanější, že jednotlivá slova jsou opatřena přízvukem a správnou výslovností. V podstatě je to propracovaný a doplněný Pravopisný slovník Bulharské akademie nauk z r. 1923 (4. vyd. 1931), v jehož komisi prof. Romanski také zasedal. V bulharském pravopise vládne stále jakýsi chaos, zaviněný několika reformními směry (úsilí o odstranění jerů,

o odstranění jusu, o psaní fonetické), zaviněný také tím, že starý tvrdý jer ъ ve výslovnosti se časem úplně vyrovnal starému jusu ѫ, dále nepřesnostmi ve psaní starého jať ѣ, které se v některých případech po celém území bulh. jazyka vyslovuje jako *e*, ale jinak dělí bulharský jazyk ve dvě nářečí: východní s výslovností *ja* v přízvukované slabice, tedy ve slovích jednoslabičných a v dvouslabičných před slabikou tvrdou, v nepřízvukované slabice jako *e*, západní, kde se ѣ vyslovuje vždy jako *e*. Nářečí východní je spisovné. Prof. Romanski sestavil tedy přesně všechna slova bulharská a označil jejich správné psaní, přízvukování a tedy i vyslovování. Snažil se podati normalisaci nejen ve psaní jeru, jusu a jať, nýbrž i ve všech sporných případech jiných. Do svého slovníku zařadil také značné množství literárních slov cizích, jejichž přízvuk také označil a většinou v závorce uvedl vhodná a dobrá slova domácí. Jeho pravopisný slovník je tedy částečně také slovníkem cizích slov, tedy brusičským, jaký obsažněji vypracoval a vytiskl prof. St. Mladenov. Romanski v předmluvě krátce vytkl zásady, jimiž se řídil při zpracování svého slovníku. Je z nich zřejmo, že zachovává zásady Bulharské akademie nauk, to jest že usiluje o vžití pravopisu celkem již tradičního. Potvrzuje to dobrými krátkými výklady pravopisnými v předmluvě, v nichž všeobecně pojednává o psaní ѣ, jerů ъь, jusu ѫ a několika případů jiných. Ze všech výkladů prof. Romanského i ze samotného slovníku je zřejmo, že bulharský pravopis dnešní je výslednicí psaní etymologického, fonetického i tradičního. Jery jsou tedy dále zachovány. Ještě více je zřejmé úsilí o vyčištění jazyka a zbavení všech *-ismů*, ať jsou původu jakéhokoli (tedy *làk*ъ*tь* místo *làk*a*tь*, *mòrt*ъ*v* m. *mrъt*a*v*, *gr*ѫ*mko* m. *gr*ò*mko* atd.) Jsou-li to slova mezinárodní, usiluje Romanski aspoň o jejich správnou formu (na př. *aktualen* nikoliv *aktjuelen*, *audiencija*, nik. *audencija*, *komin*, nik. *kumin* atd). Ve slovích cizích, pokud jde o slovesa, snaží se Romanski zavésti domácnější koncovku *-ùvam* místo *-ìram*: na př. *kvalifikùvam* místo *kvalificìram*, ale ne dosti důsledně, neboť u něho čteme *korigìram*, *dezertìram*. Prof. L. Beaulieux ve své nové Grammaire de la langue bulgare (Paris 1933) v § 231 má doklady *broširùvam* (Romanski: *brošìram*), *asimilùvam* (Romanski: *asimilìram*), *emajlirùvam* (R.: *emajlìram*) atpod., ale oba mají shodně: *telegrafìram*, *abonìram*, *agitìram* atd. Jsou ještě jiné nedůslednosti, způsobené zvykem: na př. u psaní jerů při son. *r l*, kde se v jednoslabičných slovích při *r* píše sice *vrъch*, *grъb*, *plъch*, *prъv*, silou výslovnosti *cъrkva* místo *crъkva*, *dъlg* m. *dlъg* atd. Vedle *izbav*è*nie* čteme *objavl*è*nie* (nověji *objàva*), *prest*ѫ*pl*è*nie* aj. Uspořádání slovníku je celkem přehledné: základní slovo je vytištěno tučně (heslo), ostatní tvary jsou k tomu připojeny. Všude je přízvuk označen přesně a pokud jsem mohl ověřiti, spolehlivě. Výslovnost přízvučného ѣ je vždy v závorce přesně vyznačena. U sloves jsou uvedeny nejen tvary 1. a 2. os. jedn. č. přít., nýbrž i 1. os. jedn. č. impf. a aor., jakož i příčestí a podst. jméno slovesné. Celkem je tu na 12.000 hesel a přes 60.000 tvarů. Tedy slovník dosti obsažný, jenž přijde vhod jak všem bulharským spisovatelům, tak všem pracovníkům o bulharštině. Tím spíše, že výkladový slovník N. Gerova je dnes již poněkud nepřístupný a částečně i zastaralý a nový výkladový slovník Bъlgarski tъlkoven rěčnik, začatý v tisku 1927 členy Bulh. akademie nauk St. Argirovem, St. Mladenovem, A. Teodorovem-Balanem a zesnulým již B. Conevem vychází tempem velmi pomalým. A zajímavý slovníček bulh. synonym Rěčnik na bъlgarskitě sinonimi, sestavený M. E. Dabevou a vydávaný od r. 1930, částečně také výkladový, nemá přízvuků. Jos. P.

Годишникъ на Софийския университетъ I. *Историко-филологически факултетъ* XXX. 1933—1934. — Annuaire atd. София 1934. Cena 500 leva.

Třicátý svazek Godišniku Historicko-filologické fakulty sofijské university obsahuje 17 příspěvků od asistentů, lektorů, docentů a profesorů sofijské university. Příspěvky jsou rozmanitého obsahu a jsou částečně pokračováním studií z ročenek předcházejících let.

Ze slavistických příspěvků důležité pro archeologii jsou dvě stati *V. Beševlieva:* historický přehled dosavadních vydání prvobulharských nápisů, čís. Ročenky 5, stran 12, a K otázce výkladů nápisů u Madarského konnika č. 10, str. 1—28. V prvním příspěvku podal Beševliev kritický přehled edicí t. zv. protobulharských nápisů: shledáváme se tu se všemi známými pracovníky o Bulharsku, počínaje zejména důležitými poznámkami Hiľferdinga v jeho Sebraných spisech

r. 1868, K. Jirečka v jeho Geschichte der Bulgaren 1876, F. Kanitze Donau-Bulgarien 1879 a tak dále až po dnešní dobu. V druhém polemickém příspěvku hájí Beševliev svou starší kritiku Fecherových výkladů maďarských nápisů, kterou vytiskl jednak v Izv. Istor. D. XI-XII. 1931-32, jednak v Byzant.-Neugriechische Jahrbücher IX, proti nové kritice Fecherově a bulh. archeologů Kacarova a Dečeva ve sborníku „Madara" v Sofii 1934. Beševliev podrobně probírá všechny kritiky a setrvává na svém zamítavém stanovisku k výkladům Fecherovým.

Monografie *Iv. Batakliева* o krajinném rozdělení Bulharska (č. 13, str. 43) je v podstatě studie zeměpisná, nicméně má také význam pro bulharskou lidovědu stejně jako zajímavá studie *G. St. Gunčeva* o bulharských lidových chatrčích, stavěných částečně v zemi, t. zv. zemljankách (č. 14, str. 76.). Gunčev probral velmi podrobně všechny zprávy o starých „územních" chatrčích (Erdgrubenwohnungen) v Bulharsku, popsal takové chatrče a doprovodil své popisy kresbami a fotografickými snímky, snažil se podati zeměpisný a statistický obraz těchto obydlí, přihlížel také k psychologii a sociologii případu (proč vznikaly takové příbytky, ukryté částečně v zemi, a byly to nejen chatrče, nýbrž i školy, kostely, krčmy a chany, sklepy, lednice, jámy atp.) Gunčev přesvědčivě vykládá, že prvotními budovateli podzemních příbytků v podunajském Bulharsku byli staří Thrakové, kteří zůstali nedotčeni římskou kulturou a po nichž ty chaty přejali také Bulhaři. Turecká vrchnost se mnoho nestarala o sociální poměry poddaných v zemi a tak chaty setrvávaly dále. Gunčev se pokusil o rekonstrukci původní chaty, pojednal o jejím rozšíření, povšiml si také zpráv o podobných zemljankách v sousedním Srbsku a Rumunsku, podle možnosti si opatřil staré obrazy celých podzemních (nebo přízemních) obydlí, jak je našel v Kanitzově Donau Bulgarien, pro Srěmsko v Brownovi r. 1669, a konečně také v kresbě Mrkvičkově z osady Vълčedъrma na Lomsku. Gunčev se snažil ukázati na přímou souvislost bulharských „územnic" s příbytky starých Thráků a Ilyrů a ukázal zároveň na nutnost dalších srovnávacích studií v tomto oboru jak v oblasti rumunské, kde takových chat je velmi mnoho a jsou částečně prostudovány, tak v Jugoslavii, kde úhrnných studií dosud není. Jistě že potom po našem soudu dojde ke srovnávacím studiím širšího rámce a obsahu evropského a konečně světového. Gunčev sám shromáždil neobyčejné množství literatury předmětu, v níž nacházíme již poměrně dosti zpráv o slovanských přízemních příbytcích. Jsou tu uvedeny také *Niederlovy* Slovanské starožitnosti, ze starších prací *Jirečkovy*, *Dobruského* i *Škorpilovy*, pro jihoslovanskou oblast také *Murkova* studie z dějin prostonárodního obydlí u Jihoslovanů z r. 1905. Slovanské jazykozpytce by mohly zajímati bulharské názvy pro tyto přízemní stavby: vedle cizích výrazů *burdéj*, *bordéj*, *burdél'*, *bordél'*, které jsou známy u všech těch příbytků chat a jsou v přímé souvislosti s rumunským odpovědným názvem *bordéțŭ*, jsou zde také názvy domácí: na Lomsku užívají starobylého názvu кжща ýземъ vedle ýземка, ýземница, na Belo Slatinsku пръстеница, прѣстена кжща na Nikopolsku říkají *землянка*. Na některých místech se užívá názvu контóрѣ pro jednodušší (cikánské) chaty. Starobylý je název antický trogloditna (кжща).

Bulharské linguistiky se dotýkají dva příspěvky *St. Mladenova:* Několik jazykozpytných otázek v pracích prof. Iv. A. Georgova o rozvoji dětské mluvy (č. 15, str. 35) a K vokalismu bulh. spisovného jazyka se zřetelem k rýmům u největších bulharských básníků (čís. 16, str. 42). Prof. St. Mladenov, ve svých posledních pracích o bulharském jazyku, zejména v důkladné německé knize Geschichte der bulg. Sprache r. 1929, ukázal neobyčejný rozsah svých jazykových bulharských studií. Těchto vědomostí využívá nejen jako spolupracovník všech těch, kteří se zabývají bulharským jazykem (srvn. na př. jeho účast při *Beaulieuxové* Grammaire de la langue bulgare, Paříž 1933 a j.), nýbrž také jako pietní vydavatel *Conevovy* Istorije na bъlgarski ezik (2. svazek v Sofii 1934 v Univ. bibliotéce č. 134). Z těchto důkladných znalostí vzešla také podrobná kritika Mladenova 1. svazku Bulharské mluvnice od *Al. Teodorova-Balana*, kterou vytiskl ve Spisech Bulh. akademie nauk XLVIII. 1934, zvl. otisk 98 stran. Podobně kritického rázu jsou poznámky prof. Mladenova k studiím *Georgova* o vývoji dětské mluvy bulharské: jsou to vlastně první studie toho druhu v bulharské vědecké literatuře, jimž Mladenov ve svých obsažných výkladech dává zajímavý jazykovědný komentář nejen v rámci bulharského jazyka, nýbrž v rámci srovnávacího jazykozpytu vůbec. Druhý příspěvek je výňatkem z chystaných *Dějin současného bulharského literárního jazyka.* Po

vstupních výkladech o bulharském jazyku, spisovném zvláště, kteréžto výklady jsou programového rázu, podává Mladenov obecnou charakteristiku současného bulharského vokalismu, v němž význačnou roli hraje častý zvuk temné hlásky ъ, psané také ь, ж, jímž se celkově odlišuje bulharský současný jazyk téměř od všech ostatních slovanských jazyků a také od většiny jazyků evropských. Vedle zvuku ъ vyznačuje se bulharský jazyk také redukcí nepřízvukovaných samohlásek. Mladenov probírá jednotlivé samohlásky *a*, *e*, nepřízvukované *e* (starobulh. є, ь, ѧ, ѣ), jedná o „druhé redukci" nepřízv. *e*, o samohlásce *o*, při čemž přihlíží k praktice bulharských poetů se zřetelem k tomto hláskám: jak na př. podává slovo жътва, -рь, -рка Botjov, Jovkov, Michajlovski, uvádí zajímavé veršové doklady rýmování slabik s hláskami *e* – *i* typu: дале*че* — не пре*чи* u Vazova, u Michajlovského, Kirila Christova (. . godi*ni* — poči*ne*), Penčo Slavejkova atd., rovněž tak veršové doklady rýmů *o* — *u* typu: го*ло* — до*лу* u P. R. Slavejkova, Vazova, Trajanova atd.

Cenným příspěvkem k dějinám bulharské literatury jsou nové příspěvky prof. *M. Arnaudova* k životu a dílu *P. K. Javorova* (čís. 11, stran 123). Arnaudov se vypravil přímo do rodného Čirpanu básníkova, seznámil se s členy rodiny, od nichž se mu dostalo ústních i písemných zpráv, prohlédl znova celou pozůstalost předčasně zkoseného bulharského genia, s nímž byl poután upřímným přátelstvím osobním, a mohl tak podati k dvacátému výročí tragické smrti P. K. Javorova řadu nových pramenných dokladů, důležitých pro soustavnou monografii o básníkovi. Ve 30 oddílech pojednává Arnaudov: o Čirpanu bývalém a dnešním, o rodině Javorova (praděd byl Arab!), o rodinném prostředí, o studiu, činnosti Javorova-telegrafisty, prvních literárních pokusech, pobytu sofijském a účasti v makedonském díle, neblahé zamilování do Lory, první sebevražedné pokusy, dobrovolná smrt Lořina a sebevražda básníkova. Všechno to je nyní osvětleno dokumentárními doklady osobními i listinnými, osvětleno je také řadou dopisů Javorova, jež psal v mládí i později svým milým domů i přátelům ze Slivnu, ze Sofie a z Paříže. Připojeny jsou také poznámky o pracích Javorova, zejména pozoruhodná kritika Iv. D. Šišmanova o sbírce „Подиръ сѣнкитѣ на облацитѣ", dále myšlenky básníkovy o francouzském a bulharském divadle, jeho pařížský deník atd. Arnaudov jistě podstatně přispěl k pochopení ducha a duše nešťastného autora „Hajduckých zpěvů," jenž zaujímá vynikající místo v moderní bulharské literatuře. Javorov je stále živ ve svých pracích, které po souborném vydání v roce 1924 vyšly v novém vydání za redakce *Vlad. Vasileva*, který také předeslal novému vydání essayistickou předmluvu s charakteristikou P. K. Javorova. Postřehy Vlad. Vasileva jsou nyní dobře podloženy staršími i novými studiemi o Javorovu, zejména studiemi prof. Arnaudova. Upozorňuji zde na vhodnou charakteristiku ducha a tvorby tohoto básníka, kterou zakončil Vasilev svůj úvod: „Javorov je duch revoluční, jenž zahynul před vlastními barikádami." A upozorňuji také na drobnou monografii plovdivského bibliotékáře *Vičo Ivanova* o *P. K. Javorova* (1935), k níž úvodní slovo napsal *M. Arnaudov*. Nejdůležitějším příspěvkem pro duševní svět básníkův k jubilejnímu 20-výročí úmrtí je korespondence Javorova k Loře: *Lora do Javorov* ve vydání *G. Najdenové*. Nových studií a vydání prací Javorova nyní přibývá.

Konečně v sofijské universitní ročence vytiskl V. *Mjakotin* novou ukázku ze svých studií o ukrajinském selském lidu na levém břehu Dněpra v 2. pol. XVII. stol., (čís. 3. str. 55.) týkajících se vztahů selského lidu ke kozáctvu, — a prof. *Boris Jocov* ukázku ze svých studií o kulturních a literárních vztazích česko-bulharských. Je to úvaha o bratřích Miladinových v Čechách (čís. 17, str. 82), o které podávám posudek zvláštní.

Celkem je sofijská universitní ročenka dobrým dokladem vědecké činnosti jediné bulharské university. Téměř všechny příspěvky jsou doprovázeny cizojazyčným překladem nadpisu obyčejně německým, částečně také francouzským a anglickým, některé příspěvky mají cizojazyčné resumace, opět většinou německé. Tisk ročenky je, pokud jsem mohl kontrolovati, správný, zato je dosti tiskových chyb v citátech latinkou.

Jos. P.

Вел. Йордановъ: **История на Народната библиотека въ София.** По случай 50 годишнина й — 1879-1929. — София, Държавна печатница 1930. Stran VIII + 360, lex. Cena 250 leva. —

Годишникъ на Народната библиотека въ София за 1926—1928 година. — София, Държавна печатница 1930. Stran VIII + 284. lex. Cena 250 leva.

Библиографически бюлетинъ за депозиранитѣ книги въ Софийската Народна библиотека презъ годинитѣ 1909, 1910 и 1911. Годишници XIII—XV. — Bulletin bibliographique des livres déposés à la Bibliothèque Nationale de Sofia en 1909, 1910 et 1911. XIII—XV. — София, Държавна печатница 1930. Stran XII + 352. Cena 250 leva.

Български книгописъ за 1930 г. Годишнина XXXIV. Томъ I — Книги. — Издава Народната библиотека въ София. — Bulletin bibliographique des livres déposés à la Bibliothèque Nationale de Bulgarie à Sofia pendent 1930. Année XXXIV. Vol. I — er. Livres. — София, Държавна печатница 1931. Stran XVIII + 528. Cena 350 leva.

Dne 5. června r. 1929 vzpomněl bulharský kulturní svět 50. výročí založení Národní knihovny v Sofii. K tomuto výročí připravil ředitel Národní knihovny Veliko Jordanov zajímavé dílo, které vyšlo v Sofii r. 1930 s názvem «История на Народната библиотека въ София».

Kniha Vel. Jordanova není shrnutím a opakováním známých dat. Autor pečlivě prohledl nejen všechny dosavadní tištěné práce z dějin Národní knihovny sofijské, nýbrž prozkoumal také všechny přístupné, t. j. zachované doklady listinné v knihovním a ministerském archivu školském, pročetl soudobé zprávy novinářské a citoval potřebné zprávy z Jirečkova deníku, přístupného nyní v bulharském vydání St. Argirova v prvním svazku 1930 (Конст. Иречек. Български дневникъ 1878—1884. Превелъ отъ чешкия ръкописъ Ст. Аргировъ. Томъ I. Sofia). Jordanovu se tak podařilo podati přesnější obraz vzniku a vývoje sofijské Národní knihovny, doplniti některá neznámá data a opraviti mimo to také některé chybné údaje dosavadní.

Vel. Jordanov celou svou látku rozdělil na šest oddílů, v nichž jasně a poutavě vylíčil, jak vznikla dnešní Národní knihovna ze sofijské veřejné knihovny, založené hned po osvobození bulharském v roce 1878, jak se nová knihovna vyvíjela, kdo ji spravoval a jak kdo přispěl prvními knižními dary a jak byla knihovna postupně zvětšována, než se stala tou všeobecně prospěšnou kulturní institucí, jakou je dnes. Výkladům svým předeslal Jordanov krátký výklad kulturně-historický, osvětlující poměry bulharské po vypovědění Osvobozovací vojny až po první dny svobody, kdy o zemi bulharskou pečoval předčasně zesnulý ruský kníže Vladimír Alexandrovič Čerkaskij a kdy se také Bulhaři sami opět ujali vlády svých věcí. Jordanov šťastně zachytil tehdejší bulharskou touhu po vzdělání a po šíření vzdělání do nejširších vrstev lidových. Sotva že jen poněkud byly vyřízeny věci nové správy a administrativy, hned bylo uvažováno o nutnosti zakládání škol a kulturních ústavů, mezi nimi především knihovny. O nutnosti knihovny v sofijské stolici po prvé se zmínil starý sofijský učitel M. K. Borotinov při oslavě Cara Osvoboditele v Sofii 4. dubna 1878. Jeho myšlenka byla přijata přítomnými bulharskými a ruskými hodnostáři s velikým porozuměním a nadšením, poněvadž na ni myslili i jiní tehdejší veřejní a kulturní pracovníci. První sofijský gubernátor Petr Vladimírovič Alabin a vicegubernátor Marin Drinov, známý historik a přítel Konst. Jirečka, slíbili veškeru pomoc při zřízení knihoven. A tehdejší policejní správce sofijský Alexandr Karlovič Paul učinil hned slovo skutkem tím, že daroval svou 228-svazkovou knihovnu jako základ nové Veřejné knihovny sofijské. Došly i jiné knižní dary, čímž již sama sebou se knihovna vytvořila a ve svých skromných počátcích byla péčí P. Vlad. Alabina otevřena v září r. 1878. Pro tyto první počátky sofijské Publičné (Veřejné) knihovny není dokladu. Jen současník Iv. B. Šumkov v knize svých vzpomínek Патриотически и насърдчителни разкази (1907) dosvědčil vznik knihovny, ale jeho vzpomínky nejsou úplně přesné, jak Jordanov dokládá. P. Vlad. Alabin po návratu do Petrohradu poslal do Sofie pět beden ruské původní i přeložené literatury, kterýmžto darem teprve dán základ k větší knihovně. Tato knihovna však nemohla záviseti na darech anebo občasných příspěvcích, nýbrž potřebovala určité soustavy, pravidelného doplňování a odborného vedení. To bylo jasno zejména M. Drinovu, prvnímu předsedovi knihovní komise, jenž učinil v té příčině dne 20. května 1879 zvláštní podání k bulharské vládě, jímž žádal o převzetí Veřejné sofijské knihovny do správy státní, o uvolnění určité sumy peněžní pro knihovní úředníky

a pro nákup knih. Tomuto podání bylo vyhověno a sofijská soukromá Publična biblioteka byla 5. června 1879 přeměněna ve státní Národní knihovnu. Prvním správcem nové knihovny byl ustanoven plevenský rodák Georgi Jakovlev Kirkov, muž značného vzdělání, velikých znalostí jazykových, úspěšně činný jako kartograf. Kirkov se ujal sofijské Národní knihovny s neobyčejnou energií a získal si velikých zásluh o číselné obohacení knižních přírůstků. Psal na všechny strany, především do Ruska, o knižní dary. V Rusku došlo jeho volání živého ohlasu. Jordanov podle zachovaných dokladů dospěl k přesvědčení, že se všech stran velikého Ruska se hrnuly knihy, jako by vytvoření bulharské Národní knihovny v Sofii bylo nejdůležitější soudobou událostí (str. 35—6). O knižní dary obětavě a vytrvale pečoval bývalý prof. charkovské university Ivan Vasiljevič Platonov, který sám daroval celou svou vědeckou knihovnu o dvou tisících svazcích a mimo to se dožadoval knižních darů pro Bulharsko u všech svých ruských přátel, učených společností, universit atd. Tyto dary byly soustřeďovány do Oděsy, odkudž je ochotně do vlasti dopravovali tamější Bulhaři. Zde byly také knihy většinou vázány do běžných tehdy vazeb, poněvadž Sofie neměla ještě odborných knihařů. Prof. Platonov při svých osmdesáti letech velmi pečlivě dbal o dopravu knih, ostře sledoval jejich dodání a stařecky se horšil, když nebyly na místě včas, jak on myslil, anebo když se mu nedostávalo okamžitého potvrzení o přijetí knih (str. 38). Platonov měl první veliké zásluhy o obohacení sofijské Národní knihovny, čehož mu Bulhaři vděčně vzpomínají podnes. A vedle Rusů sami Bulhaři se předháněli v knižních darech. Docházely i knihy a časopisy z jiných zemí, kam Kirkov dopsal. Vedle ruských a bulharských darů převedeny byly do Národní knihovny též některé samostatné bulharské knihovny, na př. knihovna po spisovateli Ljubenu Karavelovu (byly v ní také 4 české knihy!, str. 54), knihovna Literárního spolku v Braile (známé Knižovno družestvo, založené v Braile r. 1869, které bylo po osvobození přeneseno do Sofie a zde v roce 1912 proměněno v Bulharskou akademii nauk), knihovna Chosrefa Paši, knihovna sofijského mecenáše Iv. N. Denkoglu a j. Také cařihradská knihovna Venelinova měla přijíti do Sofie. Byla dopravena do Plovdiva a tu již uvázla jako součást plovdivské Národní knihovny. Kirkov totiž prohlásil, že Venelinovy knihy v podstatě asi již v sofijské knihovně jsou.

Kirkov usiloval také o navázání styků se západními Slovany. Touto svou hybností a dopisováním ve všech tehdejších hlavních jazycích (psal rusky, česky, srbochorvátsky, francouzsky, německy a anglicky), usilováním o zvětšení počtu knih, živě připomíná našeho prvního musejního knihovníka V. Hanku. Na všechny strany ohlašoval zřízení sofijské Národní knihovny a dožadoval se pro ni knih. Psal pražskému knihkupectví Grégr a Datel, objednával některé české knihy a časopisy (Národní Listy), dožadoval se snížených cen a současně žádal, aby se mu dopisovalo česky: Slované mají si mezi sebou psáti každý na svém rodném jazyku, to je více sblíží a lépe se poznají (str. 58). Jihoslovanskou akademii nauk žádal rovněž o spisy a některé zprávy knižní (adresu Obzoru), žádal také Srbské učené Družtvo a Zadužbinu v Bělehradě, při čemž projevil lítost nad tím, že jižní Slované z rozličných politických příčin nepěstovali těsnějších přátelských styků, že se neznali; po svržení tureckého jařma že mohou se sblížit a pěstovat větší styky, neboť síla Slovanů je v jejich solidárnosti... (str. 59). Jak časová jsou podnes slova Kirkovova!

Kirkov pečoval o rozmnožení knižního bohatství svěřené knihovny, ale jinak knihovědě a knihovnictví nerozuměl. Vypracoval sice podle vzoru petrohradské Veřejné knihovny první řád sofijské Národní knihovny, ale to nestačilo. Knihovna nepracovala dobře, poněvadž neměla odborného vedení. Nedostatek ten ihned postřehl Konstantin Jireček, který dlel od konce října 1879 v Sofii jako hlavní tajemník ministerstva národní osvěty a Kirkova v polovici roku 1880 přemístil do jiné služby. Poněvadž nebylo schopných lidí, musil se Jireček ujmouti knihovny sám. Provedl s pomocí českého profesora J. Brožky a bulharského ochotníka D. K. Popova revisi celé knižní zásoby, všechny knihy přehlédl a přerovnal do skříní (četné knihy mus l teprve vydělávati z beden) a to podle jednotlivých odborů, jichž učinil dvacetdva (celkem 3942 děl o 8789 svazcích).

Řed. Vel. Jordanov podrobně popisuje organisační knihovní činnost Jirečkovu. Připojil k tomu v poznámkách krátký životopis Jirečkův, citoval ze soudobých novin, s jakou radostí byl Jireček v Bulharsku přijat, a jak opravdu vzorně odborně a s láskou se svých prací v Bulharsku ujal ať v hodnosti min. tajemníka nebo samot-

ného ministra a konečně výhradně v úřadě ředitele Národní knihovny. Jsou to data dosud málo známá a tedy pro životopis Konst. Jirečka a pro jeho bulharské období velmi cenná. Jordanov cituje podrobně Jirečkovy listy ministerstvu, cituje jeho zprávy o knihovnické práci, o jeho rozvážných a hodnotných objednávkách vědeckých a jiných knih ze světových knihkupectví a nakladatelství, čímž učiněna rovnováha ve východním rázu knihovny období Kirkovova: Konst. Jireček doplnil novou knihovnu všestranně nejcennějšími publikacemi západoevropskými a přiblížil tak Bulharům neznámý západní svět. Teprve Konst. Jireček dal sofijské Národní knihovně onu hodnotu a význam, jakož i pracovní schopnost a výkonnost, které ji postavily v čelo kulturních ústavů bulharských. Vel. Jordanov podrobně vypisuje, které knihy a publikace Jireček objednával, odkud je objednával, jak při tom přihlížel i k domácí knižní produkci, přijímaje pro knihovnu a vděčně kvituje každý sebe menší dar (str. 64—78). Kapitoly o Jirečkovi jsou z nejzajímavějších stránek dějin Jordanových. Jordanov při tom vyložil, jak bylo postaráno o vnitřní organisaci knihovny, jaké byly první předpisy, zákonem schválené. Konst. Jireček byl od 1. května 1881 ministrem osvěty a knihovnu spravoval spisovatel P. R. Slavejkov. Po složení ministerského úřadu přijal Jireček 1. ledna 1884 vedení Národní knihovny jako úředně stanovený ředitel, v kterémžto úřadě setrval až do konce srpna 1884. Ve svém úřadě pracoval Jireček svědomitě a úspěšně. Jordanov svoje podrobné poznámky o Jirečkových pracích pro Bulharsko vyvrcholil (na str. 98 dole) slovy, že „oddaněji, upřímněji, odborněji, úspěšněji a autoritativněji nemohl myslit ani tvořit pro Bulharsko žádný rozený Bulhar“ a proto «образъ на Иречека вѣчно ще сияе надъ българския хоризонтъ». Výklady Vel. Jordanova o Konst. Jirečkovi by měly býti doslovně přeloženy do češtiny. Znamenitě komentují Jirečkův deník i cennou bulharskou korespondenci Jirečkovu s Marinem Drinovem, kterou v publikacích sofijské Národní knihovny v Godišniku na rok 1923 vytiskl Vlad. Sís.

Stejně tak dokumentární a zajímavé jsou výklady V. Jordanova o vedení knihovny Vasilem D. Stojanovem, českým odchovancem, jenž knihovnu spravoval skoro deset let: od 1. září 1884 až do 1. dubna 1894. V. D. Stojanov všemožně se staral o to, aby byla Národní knihovna přemístěna z nevhodných místností ve Veliké džamiji do místností lepších a sušších, zároveň bezpečnějších. To se mu podařilo 1. května 1885, kdy byla knihovna přestěhována do Carského musea blízko carského paláce v Carihradské ulici. Ale ani to Stojanovu, který se opravdu horlivě staral o zdokonalení knihovny, nestačilo, a on se dále domáhal samostatné budovy pro cenné knižní poklady Národní knihovny, která stále vzrůstala povinnými i dobrovolnými výtisky, nákupy, obohacena mimo to četnými starými bulharskými a orientálskými rukopisy, bulharskými starotisky i cennými soudobými publikacemi světovými. Ale toho se již Stojanov nedomohl. Nedomohli se toho ani jeho nástupci. Stojanov docílil jen nového přesídlení do budovy D. M. Jablanského na rohu ulice 6. septemvrij a Vъlkovičovy, které bylo provedeno 1. února 1894. V této budově úřadovali tři nástupci Stojanova: D. Marinov, P. M. Karolev a L. Milarov. Teprve za Al. Kozarova v roce 1900 dostala se sofijská Národní knihovna do vlastní budovy v ulici Rakovského (byv. Graždanski klub), v níž je podnes..

Přesídlením Národní knihovny do vlastního domu dostala se knihovna do nového období svého života. Jordanov naznačil to také novým oddílem — druhým (str. 175—200), v němž podal dějiny knihovny za správcování zmíněného Kozarova, D. Panajotova, Vlad. Šišmanova a Stojana Zajimova. V oddíle třetím (201—224) načrtl vnitřní zařízení knihovny, jak se stalo za ředitelování spisovatele Penčo Slavejkova a dra Nikoly Bobčeva, kdy byl vydán zvláštní zákon o Národní knihovně. V oddíle čtvrtém (225—282) charakterisoval období ředitelů Al. Zlatanova, dra M. Tichova, Stilijana Čilingirova a St. Stanimirova jako období dokonalejšího zřízení a úsilí o soustavnou knihovnickou práci. V oddíle pátém (283—315) za vedení Božana Angelova v l. 1923—28 a konečně za vlastní správy od 1. listopadu 1928 pojednává Jordanov o zařízení knihovny, jejím vedení a normální činnosti. V oddíle šestém (315—349) jsou podána všeobecná statistická data o personálu knihovny, o knihách, jakož i některé jiné zajímavé zprávy o knihovní radě, o spisech Národní knihovny, statistický přehled návštěvníků, čtených knih atd. Podle toho měla sofijská Národní knihovna v r. 1929 bez duplikátů a časopisů celkem 82.467 děl o 97.122 svazcích knih bulharských i cizích (str. 331).

Cizích knih bylo 49.205 o 62.649 svazcích. Pro nás zajímavý je počet slovanských knih (str. 332—333): nejpočetnější jsou ovšem bulharské (33.262 o 34.473 sv.), pak ruské (13.672 o 16.378 sv.), pak jsou knihy srbské (1624—1880), české (895—1372), chorvátské (298—407), polské (297—424), slovinské (20—20) a konečně také jedna knížka lužickosrbská. Tato čísla jsou dosti výmluvná. Je z nich zřejmo, že bulharská Národní knihovna dosud přece jen malý zřetel obrací k severozápadním Slovanum, že její návštěvníci a čtenáři mohou býti po té stránce jen v malé míře uspokojeni. Obraz veliké polské literatury nemuže tu být úplný, ani slovinská literatura není tak chudobná a dokonce není možno, aby nejmenší sice, ale přece dosti vyspělá lužickosrbská literatura byla představena jediným svazečkem! Zde by měla býti sofijská Národní knihovna doplněna, tím spíše, že ani Universitní knihovna sofijská nebude asi in slavicis úplná! Ledaže snad v poslední době díky živějším stykům studijním se obohatila některými slovanskými publikacemi knihovna universitního semináře slovanského.

Jordanovy dějiny Národní knihovny jsou cenným příspěvkem k dějinám bulharské kultury. Autor doplnil své výklady přehlednými statistikami, řadou obrázků jednotlivých ředitelu knihovny a budov knihovny, a konečně ukazatelem jmenným. Zmínil se ve svých výkladech o všech duležitých událostech v životě knihovny, o činnosti jejích správcu a úředníku, o stycích s jinými podobnými ústavy, o pořizování katalogu a vydávání tištěných Opisu starých rukopisů (B. Conevem) a starých tisku (V. Pogorělovem), o spisovatelské pracovní povinnosti v knihovně v r. 1923, o účasti knihovny na mezinárodním sjezdu knihovnickém v Praze r. 1926 (knihovnu zastupoval známý bulharský pracovník o vzájemnosti bulharsko-československé Christo Borina, v té době tiskový tajemník při bulharském vyslanectví v Praze) atd. Kromě drobnějších tiskových chyb nenalezl jsem v knize větších omylů. Nedopatřením je na str. 55 ve třetím odstavci citován chybný rok 1876 pro založení Bulharského literárního spolku v Braile. Na str. 26 v poznámce dole ve druhém odstavci je správný letopočet 1869. K výkladu o V. D. Stojanovu nutno doplniti nové pramenné poznámky prof. V. Franceva ze studie o česko-bulharských literárních stycích, vytištěné v sofijském sborníku Bulharsko-československé vzájemnosti (viz můj ref. ve Slavii, X., str. 415; stať sama je také citována v Bulharském knihopise sofijské Národní knihovny, o němž dále píši, pod čís. 1101). Upozorňuji konečně na úvodní slova Jordanova, v nichž pisatel zduražňuje dva zásadní úkoly dnešní Národní knihovny sofijské: 1. větší zpřístupnění knižního bohatství Národní knihovny širší čtenářské obci, a 2. postavení nové moderní budovy se všemi technickými vymoženostmi, nutnými pro klidný a úspěšný chod knihovny. V závěr poznamenávám ještě, že Vel. Jordanov napsal o vzniku sofijské Národní knihovny také stať do nové pražské revue Slovanská knihověda I. 1—2, str. 21—30: Какъ е възникнала българската Народна библиотека въ София.

Dobrým doplňkem Dějin Jordanových je Godišnik (Ročenka) Národní knihovny sofijské za l. 1926—1928. Účelem jeho je seznámit i širší obecenstvo s vnitřním životem knihovny. V dřívějších dobách nevycházel Godišnik pravidelně. Ze soupisu publikací knihovny vidíme, že vyšly dosud Godišniky jen za l. 1896 až 1898 (jednotlivě za každý rok), za l. 1912—13 (v jednom svazku), 1914 a po dlouhé přestávce v dusledku světové války teprve zase v r. 1923 a za l. 1924 až 1925 (v jednom svazku). Od r. 1923, t. j. od vedení B. Angelova usiluje knihovna o pravidelné vydávání ročenek, což se děje z dùvodu finančních (úsporných) opožděně. Uvedený Godišnik za l. 1926—28 vyšel teprve v r. 1930. Skládá se ze dvou dílu: úředního a neúředního. V úředním podává hlavní knihovník R. Rajčev zprávu o stavu knihovny. Především o nedostačující již budově. Veškeré úsilí dosavadní správy o novou moderní budovu se rozbíjí o nedostatek prostředku. A nové budovy je svrchovaně potřebí. Dnešní budova naprosto nevyhovuje. Místnosti jsou přeplněny, čímž se znesnadňuje úřadování i studování v knihovně, nehledě k tomu, že bezpečnostní opatření jsou velmi chatrná a pojištění skoro žádné. Kdyby požár zničil starobylé cenné rukopisy a tisky, kdyby živelní pohromy zničily veliké knižní bohatství hlavní bulharské veřejné a studijní knihovny, nebudou tyto ztráty ničím uhrazeny, poněvadž není dostatečných pojistek. Úsilí o nástavbu selhalo. Konečně ochotou Slovanského dobročinného spolku byla v r. 1928 pronajata polovina druhého poschodí budovy Slovanského spolku naproti knihovně (polovina dolní byla

pronajata již v r. 1915), čímž bylo umožněno uvolnění několika místností pro lepší umístění knih a pro odborné studium. Důležita je zpráva o revisi knihovny ve srovnání se základním katalogem, jakož i revise lístkového katalogu pro knihovnu a čítárnu; bylo přesněji provedeno rozdělení knih a jich zaznamenání, doplněny lístky, provedena kontrola duplikátů, zjištěny ztráty knih, takže bylo možno stanoviti přesné číslo knižního bohatství, počet rukopisů a starotisků. Ke zprávě knih. Rajčeva je připojen přehled knihovního personálu v uvedených letech, stav peněz, vztahy k cizím vědeckým ústavům (dary a výměna publikací s celým světem, také slovanským, v citátech latinkou, bohužel, s četnými tiskovými chybami, které text úplně zatemňují, na př. v polských citátech na str. 37 a v českých citátech na str. 45—46, u přírůstků chorvatských na str. 47). Konečně podána statistika knihovní v l. 1926—28 podle jednotlivých oddílů: rukopisy a staré tisky, bulharské oddělení, cizí tisk, orientálské oddělení, archivní oddělení a museum Ivana Vazova, s označením, kdy byly bulharské knihy a časopisy vytištěny tak, jak je to hlášeno v samostatných bibliografických soupisech, dříve Bibliografických bulletinech, od r. 1928 zvaných Българскі книгопис. Podle těchto statistik činilo bohatství sofijské Národní knihovny dne 31. prosince 1928: 1. Bulharská a cizojazyčná díla 87.778 svazků, 2. duplikáty bulh. knih 42.596 sv., 3. duplikáty cizích knih 3.710 sv., 4. periodika 31.480 sv., 5. orientálské knihy a rukopisy (bez archivalií) 4.020 sv. a 6. staroslovanské rukopisy 1.129, úhrnem 170.713 svazků. Zajímavá je také statistika podle čtených knih (nejvíce se čtou knihy bulharské, ruské a francouzské) a čtenářů podle povolání (nejvíce ovšem studenti).

V neúřední části Godišniku byly vytištěny dva příspěvky k bulharským dějinám: Описание Болгарии в 60-х годах прошлого века (str. 183—195) od A. M. Seliščeva, na základě statistiky, kterou v evropském Turecku v r. 1867—68 vypracoval člen ruské expedice poručík Skalon. Skalon přihlížel všude pečlivě k národnosti obyvatelstva popisovaných krajů a přesně odlišoval obyvatelstvo srbské od bulharského. Po té stránce mají tedy jeho zápisy určitou hodnotu pro stanovení národnosti obyvatelů v krajích, které po pádu moci turecké byly rozděleny do nových států.

Druhý příspěvek (str. 197—284) se týká Dobrudže: Добруджа въ миналото. Je rovněž na základě pramenného studia, podle starých tureckých úředních zápisů. Sestavil jej V. Todorov Chindalov, autor monografie o národních hnutích a povstáních bulharských před osvobozením (Народни движения и въстания отъ предосвободителната епоха, Sofie 1929), rovněž na základě úředních tureckých listin. V přítomné monografii podal autor statistická data o počtu obyvatelstva, stavební a majetku, poplatcích a daních a t. pod., celkem ve 12 krajích podle stavu z r. 1873. V druhé kapitole připojil autor slovníček tureckých místních jmen v Dobrudži s potřebným výkladem.

Obě monografie, jak Seliščeva, tak Todorova Chindalova, přinášejí cenné doklady pro osídlení bývalých krajů evropského Turecka, z nichž většina patří dnes bulharskému státu, některé části pak Rumunsku a Jugoslavii.

Mimo Godišnik vydala sofijská Národní knihovna nově dva svazky knihopisné. Především bibliografický bulletin došlých knih v letech 1909, 1910 a 1911. Tím byla konečně zaplněna mezera chybějících soupisů, zadržených balkánskými vojnami a světovou válkou. V jednom svazku podány XIII.—XV. ročník soupisu, a to stejnou soustavou, jakou byly tehdy podávány knižní přírůstky, to jest abecedním pořadem, za každý rok zvláště s obvyklými statistickými tabulkami.

Další Bulharský knihopis za rok 1930 v prvním svazku obsahuje soupis knih již podle nové metody, stále zdokonalované drem P. N. Oreškovem, hlavním knihovníkem a správcem bulharského oddělení sofijské Národní knihovny. V novém Knihopise jsou nejen vypisováni autoři samostatně vydaných prací, ale i větších prací revuálních, v ukazateli jmenném jsou uvedeni jak autoři, tak překladatelé, redaktoři a pořadatelé, bibliografie je rozdělena přehledně podle jednotlivých oddílů, řadění je uděláno nově, nikoli podle dosavadních běžných pruských instrukcí mechanických (první podstatné jméno v nadpise), nýbrž podle knihovnických metod anglo-amerických, v nichž se přihlíží k duchu a smyslu díla. Je jisto, že pořizování takového soupisu vyžaduje lidí dobře připravených, tedy odborníků, aby správné členění opravdu provedli. Tím se podstatně usnadňuje hledání v knihovně a užívání soupisu, který je vlastně hned jakýmsi příručním katalogem. Nutno ovšem rozepiso-

vání děl a jich řadění prováděti velmi pečlivě, aby každá kniha byla na svém místě, kde bychom ji hledali. Učinil jsem zkoušku s novým soupisem a musím říci, že umístění není všude přesné. Na př. stať B. Dejkové o Janu Nerudovi (čís. Soupisu 1304, str. 100) rozhodně nepatří do umění, nýbrž do literatury, anebo jak bych já nejraději ještě rozlišoval — do literární historie. Stejně tak do literární historie patří stať Ljuby Kasărové o El. Krásnohorské (čís. 1346, str. 103); rovněž tak do literární historie (a nikoliv do historie všeobecné) patří monografie B. Jocova o Dobrovském a bulharském obrození (čís. 4592, str. 360), tam také patří Kasărové stať o rodině Masarykově (čís. 4604, str. 361) atd. Starobulharskou příručku Mladenova-Atanasova-Vasileva (čís. 2392, str. 185) bych také uvedl v oddíle jazykovědném. Sporná je věc, mají-li býti pohádky řaděny do školských vzdělávacích příruček anebo všeobecně do krásné literatury, kam spíše patří, nejsou-li ovšem přímo pro školy připraveny.

Novinkou soupisu za rok 1930 je statistika knih podle váhy a velikosti (normalisovaný formát). V přehledech statistických je dbáno rozdílu mezi knihami původními a přeloženými. Knižní přírůstek činil 2450 děl, z nich 2263 bulh. (z toho 333 překlady) a 187 cizích (zde mají převahu tisky německé, francouzské a italské).

Celkově možno přijmouti nový sofijský soupis s povděkem. Je přehledný a sám sebou poučný. Vidíme z něho jasně, jaké obory se v Bulharsku těšily v r. 1930 největší pozornosti, jaká byla produkce literární původní i překladová. Psychologicky na př. není bez významu, že v překladové literatuře největší přízni se těší literatura německá (90), po ní teprve literatura ruská (81), pak francouzská (65), anglická (59) a italská (13). O slovanské literatury se v Bulharsku v roce 1930 neprojevil valný zájem. Z celé polské literatury vyšlo jen nové (3.) vydání Przybyszewského románu Homo sapiens (překlad byl pořízen z ruského překladu, nikoliv z polského originálu! viz čís. 906, str. 71), z jiných slovanských literatur docela nic. Z české literatury je tu vedle Argirova překladu Jirečkova Deníku jenom drobný překlad Masarykovy úvahy o mravnosti a alkoholismu (Етика и алкохолизъмъ), přeložené do abstinentního sofijského kalendáříku na rok 1931 s portretem Masarykovým. Nelze věřiti, že by v Bulharsku byla znalost slovanských jazyků tak nepatrná, že by nebylo možno překládati mimo ruštinu z jiných slovanských jazyků, nebo že by se o slovanských literaturách, vyjímaje ruskou, tak žalostně málo vědělo!

Jos. Páta.

Т. Герасимовъ, **Указатель** къмъ Известия на Българското археологическо дружество т. I—VII. 1910—1920 година и къмъ Известия на Българския археологически ниститутъ, т. I—VII, 1921—1933 година. — Index général atd. София 1934, stran IV+66. Cena neudána.

Konservátor sofijského Národního musea *T. Gerasimov* svým *Ukazatelem* usnadňuje rychlé užívání dvou hlavních bulharských archeologických edicí: *Zpráv Bulharského archeologického spolku* (I—VII. 1910—1920) a *Zpráv Bulharského archeologického ústavu*, které dosud vycházejí a které od I. roč. 1921 nastoupily místo Zpráv Bulh. arch. spolku. Podle toho se také Ukazatel dělí ve dvě části: v první jsou rejstříky ze Zpráv archeologického spolku, v druhé ze Zpráv archeologického ústavu. Každá část pak má čtyři oddělení: 1. Udání obsahu podle svazků (Zprávy archeol. spolku I—VII. 1910—1920; — Zprávy archeolog. ústavu I—VII. 1921—1933). — 2. Obsah podle autorů v abecedním pořadu. — 3. Rejstříky jmenné a věcné. — 4. Rejstříky epigrafické. A tu jsou především nápisy řecké, pak latinské a konečně slovanské, u všech s abecedními rejstříky nalezišť a soupisem jmen a věcí.

Ukazatel T. Gerasimova přijde jistě vhod všem archeologům jak bulharským, tak slovanským a cizím, kteří se zajímají o bohatou a dosud jen částečně prozkoumanou oblast balkánskou. Zejména pro etnografy a epigrafiky jsou jasné a věcné rejstříky velmi důležité. Zároveň jsou svědectvím vědecké činnosti bulharské v oblasti archeologie, v níž nejčastěji se podle Gerasimova Ukazatele objevují jména *B. Filova, Jord. Ivanova, G. I. Kacarova, P. Mutafčieva, N. A. Muškova P. Popova, Iv. Velkova, Iv. Mijaleva, N. A. Mušmova, K. Škorpila* a j. *Jos. P.*

Spisy redakci zaslané.

Actes du IVe congrès international des etudes byzantines. Publié sous la rédaction de Bogdan D. Filov, secrétaire general du congrès. Sofija 1935, str. 432.

Actes du IVe congrès international des etudes byzantines, II. Bulletin de l'Institut archéologique bulgare, X. Sofia 1936, str. 320.

Анастасијевић Д., Је ли Св. Сава крунисао Првовенчаног? Из светосавског двоброја »Богословља«, год X, св. 2—3. Београд 1935, str. 211—312.

Анастасијевић Д. Свети Сава је умро 1236 год. Из »Богословља« Год. XI, св. 3. Београд 1936. str. 237—75.

Archivum Philologicum, V. Commentationes ordinis philologorum Universitatis Vitauti Magni. Kaunas 1935, str. 240.

Барагура Володимир М-р. Суть і завдання літературної критики. Відбитка з »Нашої Культури« 1935 р. кн. 7. Варшава 1935, str. 15.

Baratz Leon, Tolstoi et les Juifs. (Extrait de „l'Univers Israélite" du 6 Décembre 1935.) Str. 1.

Báthory Etienne, roi de Pologne, prince de Transylvanie. Académie des sciences hongroises-Académie polonaise des sciences et des lettres. Cracovie 1935, Imprimerie de l'Université des Jagellons, str. IV + 591.

Bém A. Dr. En face de la mort. „Le dernier jour d'un condamné" de Victor Hugo et „L'Idiot" de Dostoievski. Extrait des Melanges P. M. Haškovec. Brno 1936. Str. 45—64.

Bem A. L. Проблема вины в художественном творчествѣ Достоевского. Отд. Отт. из сборника »Жизнь и Смерть«, т. II. Прага 1936. str. 25.

Бем А. Л., У истоков творчества Достоевского. Сборник статей, III. Петрополис-Прага 1936, str. 214.

Beneš Edouard, Deux conférences sur T. G. Masaryk. Extrait de la „Bibliothèque Internationale de Philosophie", II. Prague 1936, str. 24.

Безушко Володимир, Віл'ем Шекспір — республіканець? Записки Наукового товариства імени Шевченка, CLIII, вип. III. У Львові 1934, str. 163.

Bibliografický katalog Československé republiky za r. 1934. Národní a universitní knihovna. Praha 1935, str. 711.

Бицилли П., К вопросу о характерѣ русскаго языкового и литературнаго развитія в новое время. Отдѣленъ отпечатъкъ Годишн. на Софийския университетъ, XXXII, 4. София 1936, str. 46.

Битъ и езикъ на тракийскитѣ и Малоазийскитѣ Българи. Часть I. Битъ (Съ 420 образа и 2 карти въ текста и 6 таблици вънъ отъ текста) отъ Хр. Вакарелски. str. 494. София 1935. — Часть II. Езикъ отъ Ст. Младеновъ и Хр. Кодовъ. Издава Тракийскиятъ наученъ институтъ.

Bittner Konrad Dr., Deutsche und Tschechen. Zur Geistesgeschichte des böhmischen Raumes. I. Von den Anfängen zur hussitischen Kircheerneuerung. Brünn-Prag-Leipzig-Wien 1936. R. M. Rohrer, str. XVI + 239.

Bogičević Jovan Dr., Lehrbuch der serbokroatischen Sprache. Geca Kon, Beograd 1936, str. 197.

Broch Olaf, Rhythm in the Spoken Norwegian Language. Reprinted from the Phonological Society's Transactions, 1935, pp. 80—112.

Bukáček J., Vrchlického básně „S Danteovým ‚Novým životem'" a „Druhý dešť". Extrait des Melanges P. M. Haškovec. Brno 1936. Str. 65—75.

Bulletin de l'Académie des Lettres, 1. Académie Royale Serbe, Beograd 1935.

Cajola Margherita, Eugenio A. Boratynskij. Una pagina di storia della poesia russa. (R. Università di Padova. Pubblicazioni dell',,Istituto di filologia slava", II.) Roma MCMXXXV—XIII, Istituto per l'Europa Orientale, str. VII + 180.

Coleman A. P., Brief Survey of Ukrainian Literature. Ukrainian University Society. New Jork 1936. Str. 23.

Coleman Arthur Prudden, Recent trends in education in the United States Str. 17.
Coleman A. P., Slavonic studies in the United States. (Reprinted from vol. 1. No. 1. (August 1935.) Baltic Countries, published by the Baltic Institut Toruń, Poland.) Str. 4.
Commentationes Horatianae. Cracoviae Sumptibus Ministerii Instructionis Publicae atque Academiae Polonae Litterarum et Scientiarum. 1935. Str. 209.
Commentationes humanarum litterarum, VI; VIII, Nr. 2—4. Societas Scientiarum Fennica. Helsingfors 1935, str. 365; 1936, str. 17 + 250 + 45.
Cronia Arturo, Saggi di letteratura bulgara antica. Inquadramento storico e versioni. (Pubblicazioni dell' „Istituto per l'Europa Orientale", prima serie, XXIX.) Roma MCMXXXVI—XIV, Istituto per l'Europa Orientale, str. 128.
Čapek Karel, Molčanje s T. G. Masarykom. Prevedel Oton Berkopec. Ponatis iz Ljubljanskega Zvona, 1936. Str. 12.
Čečetka J. Pedagogika a adlerovská individuálna psychologia. V Bratislavě 1936. Spisy filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě. XXII. Str. 151.
Čermelj L., Dr. Life-and-death struggle of a national minority. (The Jugoslavs in Italy.) Ljubljana 1936. Jugoslav Union of League of Nations Societies. Str. 259.
Deanović Mirko, Talijani i hrvatski preporoditelji. Posebni otisak iz „Hrvatske revije", Zagreb MCMXXXV, broj 12, str. 3-15.
Dobrovský Josef, Dějiny české řeči a literatury. Vyd. B. Jedlička. Král. česká společnost nauk. Spisy a projevy J. Dobrovského, VII. Praha 1936, str. 508.
Dobrovský Josef, Náhvr soustavy rostlinné. Vyd. M. B. Volf. Spisy a projevy Josefa Dobrovského XVIII. Král. česká společnost nauk. Praha 1936, str. 117.
Dolenc Metod, Pravna zgodovina za slovensko ozemlje. Akademska biblioteka, 2. Ljubljana 1935, str. 559.
Doroshenko D., Taras Shevchenko bard of Ukraine. United Ukrainian Organizations of the United States. New York 1936, str. 59.
Doroszewski Witold, Przymiotniki złożone w języku polskim i ich pisownia. Odbitka z Poradnika językowego 1935/6, č. 3—4. Warszawa, str. 10.
Doroszewski Witold, Z zagadnień fonetyki ogólnej. Odbitka ze Sprawozdań z posiedzeń Towarzystwa naukowego warszawskiego, XXVII (1934), 1. Warszawa 1936, str. 38—71.
Dvořák Stanislav, Rod F. M. Pelcla, českého buditele. Rychnov nad Kněžnou 1934, str. 116.
Falkowski J., Pasznycki B., Na pograniczu łemkowsko-bojkowskiem. Towarzystwo ludoznawcze, Lwów 1935, str. 128.
Galinec Franjo, Marko Marulić kao teološki uzor i književni izvor u nauci isusovaca XVI. i XVII. stoljeća. „Vrela i prinosi", sv. 5. Sarajevo 1935, str. 80—92.
Galinec Franjo, Prilozi za motiv „Nesretna i gonjena djevojka". „Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena", XXX, sv. 2. Zagreb 1936, str. 16.
Gąsiorowski S. J. Le Problème de la classification ergologique et la relation de l'art à la culture matérielle. Cracovie 1936. Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres. Str. 65.
Годишњица Николе Чупића. 78. Издање Чупићеве Задужбине. Београд 1936, str. 46—58.
Годишникъ на Софийския Университетъ. I. Историко-филологически факултетъ. София 1934, XXX (1933/4). III. Юридически факултетъ. София 1935, XXX (1934/5). I. Историко-филологически факултетъ. София 1935, XXXI (1934/5).
Goetz Karl Leopold, Volkslied und Volksleben der Kroaten und Serben. Erster Band: Die Liebe. Slavica. Beiträge zum Studium der Sprache, Literatur, Kultur, Volks- und Altertumskunde der Slaven. XII. Heidelberg 1936. C. Winters Universitätsbuchhandlung, str. XII + 226 + 16.
Гоголь Н. В., I, II. Академия наук СССР, Москва-Ленинград 1936, str. 500, 627.
Goodmann Th. Alexander Blok, eine Studie zur neueren russischen Literaturgeschichte. Dis. phil. Königsberg 1936. Str. IV + 103.

М. Горький, Материалы и исследования II. Под ред. С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого. Академия наук СССР. Ленинград 1936, str. 484.

Havranek B. Romansky typ perfekta ‚factum habeo' a *casus sum, *casum habeo' v makedonskych dialektech. Extrait des Melanges P. M. Haškovec. Brno 1936. Str. 147—155.

Hermelin Ellen. Über den Gebrauch der Präsens-Partizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen. Inauguraldissertation. Uppsala 1935, Almqvist & Wiksells boktryckeri, str. XIV + 154.

Hruschewskyj. Michael, prof., sein Leben und sein Wirken. Beiträge zur Ukrainekunde. Herausgegeben vom Ukrainischen wissenschaftlichen Institut, III. Heft. Berlin 1935.

Chadwick Munro a. Chadwick Kershaw, The Growth of literature. Volume II (I. Russian oral literature; II. Jugoslav oral poetry; III. Early Indian literature; IV. Early Hebrew literature.) Cambridge; At the University press 1936. Str. XVII + 783.

Christov Kiril, Vybor z basní a prosy. Knihovna Československo-bulharské vzájemnosti, sv. 2. Praha 1935, str. 130.

Изъ Тракийского народно изкуство (Рѣзба, Шевици, Тъкани). Тракийски Наученъ Институтъ. София 1935, str. 4 + tab. VI.

Jakowenko B., La bibliographie de T. G. Masaryk. Bibliothèque Internationale de Philosophie I. Prague 1935, str. 91 + VIII.

Jastrebova-Ragozina N., Къ вопросу о »формальномъ« методѣ въ литературовѣдѣнии. Extrait des Melanges P. M. Haškovec. Brno 1936. Str. 204–222.

Яворский Ю. А., Из карпаторусской книжной старины. Отчет об археографической поездке в Подкарпатскую Русь летом 1931 года. Carpatica. V Praze 1936. Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze, str. 27.

Яворскій Ю. А., Сиганская пѣсня о Руснакахъ. Отдѣльный оттискъ изъ »Научнаго сборника въ память Е. И. Сабова«. Ужгородъ 1935, str. 7.

Jaworczak Aleksander, Wieś Dąbrówki. Nakł. Wydziału Powiatowego w Łańcucie. Lwów 1936, str. 160.

Йоцовъ Борисъ, Български страдания и борби за свобода въ славянската поезия. Годишникъ на Софийския университетъ, XXXI, 12. София 1935, str. 186.

Jurčić Vl., Kako su umirali hrvatski književnici i umjetnici. 1846—1936. Zagreb 1936. Naklada autorova. Str. 139.

Kalda Fr., Praeteritopraesentia v němčině a nizozemštině a vývoj jejich konjugačního systému. V Bratislavě 1936. Str. 27.

Књига о Балкану, I. Балкански институт, Београд 1936, str. 448.

Колесса Філарет, Формули закінчення в українських народніх думах у звязку з питанням про наверствування дум. Записки Науков. Товар. ім. Шевченка, CLV, str. 67.

Kos Milko, Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani 11. Historični odsek 3. Ljubljana 1936, str. 157.

Ksiązka polska w ZSRR w r. 1933. Bibljoteka panstwowa i Instytut bibljograficzny BSRR im. Wł. I. Lenina. Mińsk 1934, str. 51.

Kuba Ludvík, Cesty za slovanskou písní 1885—1929. Slovanský ústav, Praha 1935, str. 392. Prameny k dějinám vzájemných styku slovanských, IV.

Kuba Ludvík, Čtení o Dalmacii. Cesty a studie z roku 1890—1912. Družstevní práce. Praha 1936, str. 231.

Kuryłowicz J., Études indoeuropéennes. I. Kraków 1935. Pol. Ak. Um.-Prace komisji językowej. Nr. 21. Str. 293.

Лев Василь Д-р, Український переклад хроніки Мартина Бельського. (Праці Українського наукового інституту, Том XXIX, серія фільольоґічна, книга 4) Варшава 1935, str. 69.

Ljackij Evgenij, Praktická učebnice jazyka ruského. Praktické učebnice slovanských jazyků, II. Vesmír, Praha 1936, str. 310.

Лотоцький Олександер проф., Автокефалія, I. Праці Українського наукового інституту, XVI. Warszawa 1935, str. 200.

Máchal Jan, O symbolismu v polské a ruské literatuře. Práce Slovanského ústavu, XVI. Praha 1935, str. 224.

Malecki M., ΜΕΘΟΔΟΙ ΓΛΩΣΣΟΓΕΩΓΡΑΦΙΑΣ ΑΝΑΤΥΠΩΣΙΣ ΕΚ ΤΟΥ ΜΔ'ΤΟΜΟΥ ΤΗΣ ΑΘΗΝΑΣ. ΑΘΗΝΗΣΙΝ 1933. Str. 11.

Marek A., Sebrané básně. — Vyd. Jan Jakubec. Česká akademie věd a umění, Praha 1935, str. 195. Novočeská knihovna, XI.

Materjały prehistoryczne. Tom I. Kraków 1934. Nakł. Pol. Ak. Um. Str. 179 + tab. XXII.

Matl J., Die Bedeutung der Universität Graz für die kulturelle Entwicklung des europäischen Südostens. Festgabe — der 350 Jahrfeier der Grazer Universität, 1936, str. 187—226.

Matl Jos. О питању компаративног проучавања народне поезије балканских Словена односно балканских народа. Прилози III. св. 1. Београд 1936. Str. 17—26.

Matl Jos., Ragusa (Dubrovnik) in der deutschen Literatur. Zeitschrift f. deutsche Geistesgeschichte 1936. Str. 82—99.

Matl Jos., Die serbokroatische Literaturwissenschaft 1914—1929. Teil 7. Die nationalkulturelle Wiedergeburt im 19. Jahrh.: Der Illyrismus bei den Kroaten. Zeitschrift für slavische Philologie. Separatabdruck. Leipzig 1936. Str. 129—149.

Mazon A., Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du sud. Paris 1936. Bibliothèque d'études balkaniques V. Str. VII + 462, tab. VI.

Melanges, dédiés à la mémoire de Prokop M. Haškovec par ses amis et ses élèves. Pořádali Ant. Šesták a Ant. Dokoupil. Vydal kroužek brněnských romanistů při Jednotě českých filologů, odbočka v Brně. 1936. Str. 411.

Mémoires de la Société Néo-philologique de Helsingfors. XI. (V. Kiparsky: Fremdes im Baltendeutsch; E. Öhmann, Simon Roths Fremdwörterbuch.) Helsinki 1936. Str. 370.

Mesesnel Francè, Die Ausgrabung einer altchristlichen Basilika in Suvodol bei Bitojl. Extrait des Actes du IVe Congrès international des études byzantines. Sofia 1936 str. 185—194.

Mioni Ada, Il „Boris Godunov" di Alessandro Puškin. Studio storico-critico. (R. Università di Padova. Pubblicazioni dell'„Istituto di filologia slava", I.) Roma MCMXXXV—XIII, Istituto per l'Europa Orientale, str. VIII + 171.

Murko Mathias, Les études slaves en Tchécoslovaquie. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, XVI. Paris 1935, str. 141.

Niemojewska-Gruszczyńska Z., Walka szatana z Bogiem w polskim dramacie romantycznym. Nakł. Pol. Akad. Um. Kraków 1935. Str. 188.

Новак Виктор Д-р, Натко Нодило. Родољуб-Научник-Проповедник слободне мисли. (Прештампано из »Летописа Матице Српске«.) Нови Сад, 1935, Јовановић и Богданов, podobizna + str. 198.

Огієнко І., проф. Д-р. Наука про рідномовні обов'язки. Рідномовний катехизис для вчителів, робітників пера, духовенства, адвокатів, учнів і широкого громадянства. »Бібліотека рідної мови«. 7. Друк. ОО. Василіям у Жовкві 1936. Str. 72.

Огієнко Іван Проф. Д-р., Складня української мови. Частина перша: Вступ до складні. (»Бібліотека Рідної мови«, 1933, ч. 5, 1935.) У Жовкві 1935, друкарна ОО. Василіян, str. 195.

Огієнко Іван Проф. Д-р, Старослов'янська мова в вищій школі. Відбитка з »Нашої Культури« 1936 р., кн. 4 (13). Львів 1936, str. 13.

Огієнко Іван Проф. Д-р., Сучасна українська літературна мова. Нариси з складні сучасної української літературної мови. (Науково-популярний тримісячник »Бібліотека Рідної мови«, 1933, ч. 6, 1935.) У Жовкві 1935, друкарня ОО. Василіян str. 67.

Огієнко Іван проф., Д-р Іл. Свєнціцкий. Опис рукописів. І: Кириличні пергаміни XII—XV вв. (Збірки національного Музею у Львові.) Львів 1933. 30+22, 20+36 таблиць. »Записки ЧСВВ«. VI 405—409, str. 7.

Огієнко Іван Проф. Д-р, Творімо українську культуру всіма силами нації; »Наша Культура« 1935 р. кн. 6. Варшава, str. 337—344.

Пушкин и Куницын.

Между профессорами, которых слушал Пушкин в Лицее, видное место должно быть отведено Александру Петровичу Куницыну. Будучи одним из самых молодых преподавателей Лицея (он родился в 1783 году) и хорошо зная, поэтому, умственные интересы и склонности лицейской молодежи, Куницын обладал и нужными средствами, чтобы заинтересовать и увлечь своих слушателей. По окончании Педагогического Института проведя несколько лет за-границей, он прекрасно был знаком с положением в науке философско-правовых и политико-экономических вопросов, которым были посвящены его лекции, и обладал в достаточной степени даром слова. Товарищ Пушкина М. А. Корф, вообще не склонный идеализировать ни своих сверстников, ни преподавателей, признает, что Куницын отличался даровитостью, говорил складно, имел живое воображение [1]). Директор Лицея Е. Энгельгардт отозвался о Куницыне более определенно: »Куницын умел учить и добру учил« [2]).

Неудивительно, поэтому, что лекции Куницына привлекли Пушкина. По отзыву Пущина, »Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына« [3]). Он серьезно заинтересовался философскими и государственными науками, которые Куницын преподавал. В 1816 году Пушкин по всем предметам Куницына оказал успехи, отмеченные баллом 4, а в выпускном свидетельстве сказано, что по философским предметам (логика, философия права, естественное право) он обнаружил познания хорошие, по государственной экономии и финансам даже весьма хорошие [4]). Очевидно, Пушкин основательно усвоил лекции Куницына и многому от него научился. Отношения к Куницыну не прекратились у Пушкина и после Лицея. К сожалению, мы

---

[1]) *Я. Грот.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-ое. 1899, стр. 228.

[2]) *Д. Кобеко.* Имп. Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1911, стр. 158.

[3]) *Л. Майков.* Пушкин. 1899 стр. 61.

[4]) *И. Шляпкин.* К биографии Пушкина. 1899 стр. 25.

не знаем, много ли раз и при каких обстоятельствах они встречались, и не ограничилось ли дело только тем случаем, о котором читаем в записках Пущина, — когда Пушкин встретил Куницына у Н. Тургенева на собрании по вопросу об издании политического журнала [1]). Во всяком случае, эти отношения — если они были — оставили в душе поэта гораздо меньше следов, чем лекции Куницына, о которых он много лет после окончания Лицея продолжал сохранять благодарную память. По крайней мере, в отвергнутой строфе стихотворения на лицейскую годовщину 1825 года он вспоминает только о Куницыне — профессоре философии права:

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, — онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена! [2])

Все это, вместе взятое, позволяет сделать предположение, что Куницын должен был оставить более или менее заметный след в политических воззрениях Пушкина и, скорее всего, в произведениях первых годов после Лицея. Так и думают обыкновенно. Одним из наиболее ранних произведений Пушкина, которое, можно сказать, насыщено политическими идеями, является, бесспорно, ода Вольность. О ней и было высказано мнение, что она построена на теории общественного договора, которую Н. Тургенев и Куницын »вывезли из Геттингена«; что в ней вообще проповедуются »геттингенские« принципы Куницына и Н. Тургенева, заимствованные у Руссо и Канта; и что законность, как основная идея Пушкина, есть поэтическое претворение идей Куницына о законных правах человека, которых не может »нарушать никакое большинство« [3]). Верна-ли эта мысль? Можно-ли, в самом деле, утверждать, что курс, который читал Куницын, был основан на принципах геттингенской школы, и что эти самые принципы Пушкин воспринял от Куницына? И, прежде всего, что́ это за принципы геттингенской школы?

В корне неверно утверждение, будто Куницын »вывез« из Геттингена теорию общественного договора. Это неверно в нескольких отношениях. Геттингенская школа юристов, главными представителями которой были Иоанн Пюттер (1725—1805) и

---

[1]) *Майков*, стр. 72.
[2]) *Сочинения*, изд. Акад. Н. т. IV прим. стр. 194.
[3]) *А. Слонимский*. Пушкин и декабрьское движение. Брокг. и Ефр. II, 513—514.

Г. Гуго (1764—1844), относилась отрицательно к учению о естественном праве, а, следовательно, и к теории общественного договора, которая составляла обычно один из пунктов этого учения. Отвергая мысль о произвольном установлении права путем договора и одностороннего приказа государственной власти, геттингенцы высказывались за непроизвольное развитие права и государства на подобие того, как развиваются язык, общественные нравы и т. п. С другой стороны, геттингенская школа отвергала возможность законодательства, годного для всех времен и народов, каким выставляло себя естественное право; она признавала различные системы права, одинаково необходимые при различных условиях. Прямым выводом отсюда был и с т о р и ч е с к и й взгляд на право и требование исторического его изучения [1]). Это, собственно, — научная или методологическая программа геттингенской школы. В области же политических идей характерным для нее был к о н с е р в а т и в н ы й дух, боязнь всяких перемен, преклонение пред существующим — просто потому, что оно существует. Геттингенская школа не разделяла либерализма естественно-правовой теории и высказывалась определенно против революционных стремлений эпохи. Она относилась к государству с доверием и допускала ограничение свободы личности не только в интересах безопасности и охраны прав, как теория естественного права, но и для общего блага. С ее точки зрения, не могло быть речи о каких-нибудь правах личности в отношении к государственной власти.

Таковы, в нескольких словах, принципы геттингенской школы. Что бы они были »заимствованы« ее основателями у Руссо и Канта, этого никак нельзя утверждать. С Руссо у этой школы не было ничего общего, а влияние Канта было не очень значительно [2]).

Из доступных нам сочинений Куницына эти темы полнее всего развиты в его сочинении »Право естественное« I—II СПБ. 1818-20, которое, по всем видимостям, представляет сокращение его курса, читанного в Лицее под тем-же названием [3]). Если вчи-

---

[1]) *Hugo.* Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts. 3 изд. 1809 §§ 130, 369, 370; Lehrbuch der juristischen Encyclopädie 4 изд. 1811 § 21, 22, 48.

[2]) *П. Новгородцев.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М. 1896 стр. 25—52.

[3]) О других сочинениях Куницына см. И. Я. Селезнев, Ист. очерк Имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея, за первое его пятидесятилетие с 1811—1861 гг. СПБ. 1861.

таться внимательно в книгу Куницына и сравнить ее с указанными принципами геттингенской школы, то придешь к выводу, что Куницыну новые теории остались совершенно неизвестны. У него — теория естественного права, в ее чистом виде, почти без всяких уклонений. Уже самое заглавие книги показывает, в какую сторону направляются симпатии автора. Естественное право есть для него »право всем народам общее« (§ 15), и право положительное может быть оправдано только в том случае, когда оно согласно с »общими началами права«, т. е. с тем-же естественным правом (§ 388). Государство, по учению Куницына, возникло из договора свободных и равных друг другу людей, при чем этот традиционный и характерный пункт естественноправовой теории он излагает в духе католических учений XVI века, к его времени совершенно устаревших: он говорит не вообще о договоре, как Руссо или Кант, но различает договор соединения (pactum unionis) и договор подданства (pactum subiectionis), как два последовательных акта[1]). В этих договорах Куницын видит не только философскую идею для объяснения правовых отношений внутри государства, как мы это находим, напр. у Канта; для него это — непреложный факт. Иными словами, он утверждает, что все государства возникли в действительности этим путем — путем сознательного и произвольного действия, — и следовательно, об историческом развитии форм социальной жизни, признание которого столь характерно для геттингенской школы, нечего говорить. Поэтому-то в книге Куницына так резко бросается в глаза отсутствие исторического взгляда на предмет. Это — в области научной. Что касается политических взглядов, то здесь Куницын не столь резко расходится с геттингенской школой. Заметны у него некоторые колебания. Как и геттингенцы, он высказывается против революции (§§ 469, 470, 477), но в тоже время он признает, что гражданское повиновение имеет свои пределы, и что никто не обязан повиноваться государственной власти, если она так устроена, »что от оной необходимо проистекает нарушение прав«, если она »под видом общей воли хочет исполнить свою частную волю«, или если она требует действий, которые несогласны с договором подданства (§§ 389, 424, 426, 437, 438, 469). Об общем благе, как цели государства, Куницын говорит только в виде намека (§ 435), но гораздо больше можно привести таких мест, где он, совершенно

[1]) Право естественное, II стр. 23, 55—60 и 63—68.

в духе либерализма естественно-правовой теории, эту цель видит только в безопасности и в охране свободы; решительно отвергает он и учение о raison d'état (§§ 117, 322, 365, 405, 414 470). Во всем этом гораздо больше виден поклонник Руссо и его volonté générale, чем последователь геттингенской школы.

Следовательно, если в оде Пушкина можно находить отголоски тех учений, которые родственны геттингенской школе, то их никак нельзя ставить на счет влияния Куницына. Такие отголоски у Пушкина, может быть, и есть. Но, все равно, — будем-ли мы их считать геттингенскими или нет, важно одно: в коренных политико-философских вопросах, в том, что составляет характерную черту идеологии, развиваемой в оде Вольность, Пушкин и Куницын занимают противоположные позиции. Между ними нет почти ничего общего. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим главнейшие из политико-философских проблем, затрагиваемых в оде, и мы увидим, что Пушкин и Куницын решают их совершенно различно.

1. Свобода. Куницын ставит вопрос совершенно в духе естественно-правовой школы. Свобода существует от природы и составляет содержание той части прирожденных прав, которую человек приносит с собой в государство (§§ 81, 83, 87, 413, 427, 432).

У Пушкина:

Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ вѣрной стражей трона
Народовъ вольность и покой (ст. 93—96).

Т. е. свобода основывается на законе (ср. ст. 25—28). Для всякого, знакомого с историей политических идей, должно быть ясно, что это различие не случайно, а характеризует основные типы в понимании свободы и назначения человека, которые можно подметить уже в древности.

2. Проблема власти. Куницын утверждает, что »верховная власть может быть передана только по согласию всех членов общества« (§ 363). У Пушкина основанием власти является не договор, а закон:

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа (ст. 37—38).

Этой формулой, которую мы едва-ли встретим еще у какого-нибудь поэта, Пушкин ставит себя между либерализмом естествен-

но-правовой школы и натурализмом реакционного направления [1]).

3. Право сопротивления. Выше были отмечены у Куницына некоторые колебания по этому вопросу, но право сопротивления власти он, во всяком случае, признавал. У Пушкина нет никаких колебаний:

Главой развѣнчанной приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная сѣкира. (Ст. 51—54).

Таже мысль сквозит в стихах, посвященных убийству Павла I:

О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары!
Падутъ безславные удары —
Погибъ увѣнчанный злодѣй! (Ст. 85—88).

Казнь Людовика XVI является в глазах Пушкина преступлением и вероломством, следовательно — отнюдь не таким действием, на которое у кого-нибудь было право. Павлу I он не сочувствует и называет его »увенчанным злодеем«, но в то же время в убийстве его он видит зверский и бесславный поступок [2]).

4. Законность. Нельзя, разумеется, ожидать, что Куницын выскажется где-нибудь в своей книге против законности, но он говорит о ней очень мало, она занимает в его политическом миросозерцании второстепенное место. У Пушкина же, в его оде, это — главная мысль. Идея закона проникает насквозь всю оду. Все политические проблемы, в ней затрагиваемые, разрешаются на основе этой идеи. Обстоятельно и с некоторым вниманием Куницын говорит о законности в подчиненном управлении и суде (§§ 385—389). По отношению же к верховной власти он говорит только то, что она должна действовать законными средствами (§§ 413, 416), при чем эту мысль он высказывает как-бы мимоходом, не придавая ей никакой рельефности. Ограничение верховной власти, по его взгляду, составляют, во 1-х, прирожденные права граждан и общества, во 2-х, естественная справедливость и в 3-х, договор (§§ 271, 474). Очень может быть, что под естественною справедливостью Куницын

[1]) Подробнее в статье автора: Природа и закон в политических воззрениях Пушкина. Slavia. 1925, IV, 1.

[2]) Слонимский (назв. соч. стр. 514) объясняет это отношение Пушкина к убийству Павла I, как отголосок идеи о законных правах человека.

разумел приблизительно тоже самое, что Пушкин под именем закона. Но некоторое различие между обоими терминами все-таки остается, и для нас, когда мы отыскиваем следы возможного идейного воздействия на Пушкина со стороны его профессора, слова, которыми пользуются тот и другой, имеют большую важность. А что в изложении Куницына не только слово »закон« не получило широкого употребления, но и идея закона не имела того значения, как у Пушкина, видно хотя бы из того, как они оба относятся к деспотическому правлению. По взгляду Куницына, деспотия отличается от монархии тем, что нарушает прирожденные и »производные« права граждан (§ 495). Между тем Пушкин видит ее сущность в пренебрежении к закону:

> Тираны міра! трепещите!
> . . . .
> Увы! куда ни брошу взоръ,
> Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
> Законовъ гибельный позоръ (ст. 14—19).

Чего-нибудь, что соответствовало бы, по своей мысли, великолепным стихам Пушкина:

> Лишь тамъ надъ царскою главой
> Народовъ не легло страданье,
> Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
> Законовъ мощно сочетанье (ст. 25—28),

в книге Куницына мы напрасно стали бы искать.

Чтобы быть совершенно точным, следует, может быть, указать на идею р а в е н с т в а, которая в оде Пушкина выражена очень ярко:

> Гражданъ надъ равными главами
> Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ (ст. 31—32),

и которой в книге Куницына отведено тоже довольно видное место: он говорит о ней в нескольких параграфах, и везде старается подчеркнуть ту мысль, что »по договору соединения все люди равны«, и что поэтому »законы должны быть всеобщие, т.е. всех граждан равно обязывающие« (§§ 341, 377, 451). Но у Пушкина в приведенных стихах заметен все-же некоторый особый оттенок мысли: в то время, как Куницын говорит вообще о равенстве перед законом, для Пушкина вопрос идет о равенстве перед уголовным судом, об одинаковом наказании за одинаковые преступления. Это, конечно, не одно и тоже.

Таким образом, ни одну из крупных идей, которые развиваются в оде Вольность, мы не можем поставить на счет тех

политических теорий, с которыми Пушкин мог познакомиться на лекциях Куницына. Политическая программа, которую можно бы было извлечь из книги Куницына, не совпадает с той, которую мы встречаем в оде. Точки зрения того и другого в корне различны; взгляды и аргументация у каждого свои.

Но, несмотря на это, можно думать, что лекции Куницына не пропали для Пушкина, и если он не воспринял от Куницына готовых идей и теорий, которые ему оставалось бы только переложить в стихи, то он получил от него нечто более важное и ценное, а именно энтузиазм к свободе, интерес к политико-философским проблемам и умение разбираться в различных направлениях политико-философской мысли. Это умение Пушкин проявил в оде в поразительной для своего возраста степени, а что касается свободы, то она на всю жизнь осталась для него одною из главных проблем, и ода Вольность — только первый опыт ее уяснения. Все это можно смело отнести на счет Куницына. Видно, что Пушкин, действительно, »охотно занимался в его классе«. Он оправдал свои отметки и уже в зрелых годах, вспоминая Куницына, имел полное право сказать:

онъ воспиталъ нашъ пламень (к свободе)
Поставленъ имъ краеугольный камень (политико-философского образования),
Имъ чистая лампада возжена (лампада научной мысли).

В своих лицейских слушателях он воспитал пламень к свободе; он заложил в них краеугольный камень политико-философского образования; им возжена в их душе лампада научной мысли.

В. Вальденберг.

Комическое в произведениях Пушкина.

I. КОМИЧЕСКОЕ В ЖИЗНИ ПУШКИНА.

Мне доктор запретил унылость
(А. С. Пушкин »Домик в Коломне«.)

§ 1. Смех Пушкина. Пушкин, подобно Канту, ценил в юности смех, как полезную для здоровья физиологическую функцию. Достоевский обратил внимание на глубокую корреляцию между характером человека и его манерой смеяться. В виду этого обстоятельства нам интересно было бы уяснить себе, какова была преобладающая манера смеяться у Пушкина. Конечно, всякий человек в разных житейских положениях может смеяться различно, может быть смех веселый, глупый, горький, язвительный, сдержанный, задушевный, злобный и т. д., но все же имеется известная доминирующая манера смеяться у каждого

человека. В этом отношении весьма поучительно сравнить Лермонтова и Пушкина. Конечно, Лермонтов мог смеяться весело, добродушно, заразительно, по детски, но такой смех не был для него характерным, не был у него преобладающим. Наоборот, презрительная улыбка, едкая, ядовитая усмешка, горький смех были чаще ему свойственны, — демоничность была в его натуре более ярко выражена, хотя наряду с нею был и »другой Лермонтов«, — автор »Ангела« и »Я, Матерь Божия«, но этот другой Лермонтов был все же на втором плане. Лермонтов семи лет умел уже »прикрикнуть на непослушного лакея«. »Приняв гордый вид, умел с презреньем улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу«. Впоследствии он так же терзал сердце Юшковой с язвительной усмешкой (см. П. Е. Щеголев »Книга о Лермонтове«).

Лица, знавшие Пушкина, единогласно свидетельствуют, что преобладающим у него был смех веселый, громкий, звонкий, детский, ребяческий, заливающийся, заразительный, прелестный, — он смеялся от души, покатывался со смеху, с легким визгом и т. п. »Сколько теней восстает около меня — пишет гр. Блудова, — и роится в моей памяти. Вот и Пушкин со своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, со своим постоянным фейерверком блистательных остроумных слов и добродушных шуток, а потом растерзанный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых светских умников, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души«. (Русский Архив, 1889 г., I, стр. 82).

Проявления юмора у Пушкина замечаются очень рано и столь изобильно, что пересказ их мог бы составить целую книгу. Замечательно, что даже в едкой насмешке Пушкин обыкновенно ценил не случайный личный момент уязвления, или оскорбления кого-нибудь, а остроумие и меткость ее по существу. Он и чужую удачную остроту или смешное наблюдение сопровождал неизменно восклицанием »очень хорошо«.

Из сказанного вовсе не вытекает, чтобы Пушкину не была свойственна и едкая насмешка. »В разговоре его – пишет В. Эртель, — была большая наклонность к насмешке, которая часто стано-

вилась язвительной. Она отражалась во всех чертах лица его. и думаю, что он способен возвыситься до той истинно поэтической иронии, которая подъемлется над ограниченной жизнью смертных, и которой мы столько удивлялись в Шекспире«. (См. Вересаев, »Пушкин в жизни«, 5-е изд., т. I, стр. 78). Но и в едкой насмешке Пушкина не было ничего демонического (Гейневский адский хохот, полный муки), хотя и у Пушкина был свой демон, и его злой смех находит себе редкие, но яркие проявления, в его творчестве, как мы увидим ниже.

§ 2. Юмор и насмешка Пушкина. Его собственная находчивость в остротах была уже в маленьком ребенке поразительна. Когда однажды И. И. Дмитриев (который был рябой) сказал, глядя на Пушкина, смуглого мальчика с пышными вьющимися волосами, М. М. Макарову: »Посмотрите, ведь это настоящий арапчик« — дитя рассмеялось, обратилось к ним и проговорило очень скоро и смело: »По крайней мере отличусь тем и не буду рябчик«. Дмитриев однажды заметил в присутствии Пушкина, что в русском языке попадаются странные выражения, например, московский английский клуб. Пушкин, смеясь, заметил, что бывают выражения еще более странные, — например, »Императорское Человеколюбивое Общество«. Сидя у Смирдина на юбилейном обеде против цензора Семенова, около которого справа и слева сидели знаменитые своею грязною репутацией Греч и Булгарин, Пушкин шепнул Семенову: »Ты, Семенов, сегодня словно Христос на Голгофе«. Гоголь рассказал с обычным юмором Пушкину, что посетил новую квартиру Гнедича, недавно перекрашенную. Гнедич с необыкновенной гордостью указал Гоголю на голубую краску и заметил: »Это, брат, не простая краска, — это — голубец«. Пушкин хохотал и, когда потом хотел что-нибудь похвалить, говорил — »это — голубец«.

В »Дневнике« И. М. Снегирева (Р. Архив, 1903, III, стр. 182) сообщается следующее: В СПБ. театре один сенатор, любовник актрисы Асенковой, апплодировал ей, тогда как она плохо играла. Пушкин, стоявший близ него, свистал. Сенатор, не узнав его, сказал: »Мальчишка, дурак«. Пушкин отвечал: »Ошибся, старик! Что я не мальчишка, доказательство — жена моя, которая здесь сидит в ложе, что я не дурак — я Пушкин, а что я не даю тебе пощечины, то для того, чтобы Асенкова не подумала, что я ей апплодирую«.

Пушкин очень не любил императора Александра I. Однажды в парке в Царском Селе сорвался с цепи медведь. Пушкин сказал: «один человек нашелся . . . да и то медведь«.

Остроумие и юмор не покидали Пушкина даже в самые критические минуты его жизни. Когда он ехал со своим секундантом Данзасом на дуэль, то »по дороге им попались едущие в карете четверней граф И. М. Борх с женой; увидя их, Пушкин сказал Данзасу: »Вот две образцовые семьи« и, заметя, что Данзас не вдруг понял это, он прибавил: »Ведь, жена живет с кучером, а муж — с форейтором«.

§ 3. Pratical jokes. У Пушкина была наклонность проделывать с окружающими шутки, ставившие их в комическое положение. В 1821 году он раз проделал у генерала Инзова следующую practical joke, как говорят англичане: »Попугая в стоявшей на балконе клетке Пушкин выучил одному бранному молдаванскому слову. В день Пасхи 1821 года Преосвященный Димитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Преосвященный вышел на балкон. За ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом и подойдя к клетке, гость что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом и хохоча. »Когда Инзов проводил Преосвященного, то со свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал: »Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это — твои уроки«.

У П. В. Нащокина, в именины Петра и Павла, Пушкин лег грудью на подоконник и, повернув голову направо, сразу заметил крикуна, и, повернув голову к нам, стоявшим у окна, сказал: »Тот рыжий, должно быть, именинник!« Повернув голову направо, он закричал: »Эй, Петр!« — »Что, барин?« — »С ангелом«. — »Спасибо, господин«. — »Павел! — в такой куче и Павел найдется!« — »Павел ушел«. — »Куда? зачем?« — »В кабак — вино все вышло. Да постой, барин, скажи, почем ты меня знаешь?« — »Я и старушку матушку твою знаю«. — »Ой«. — »А батька-то помер!« (очень вероятно у такого лысого). »Давно, царство ему небесное«. Братцы, выпьемте за покойного родителя«. В это время входит во двор мужик со штофом водки. Пушкин, увидав его раньше, закричал: »Павел! С ангелом! Да неси скорее!« Павел, влезая на камни, не сводит глаз с человека, назвавшего его по имени, другие, ему объясняя, пьют; а рыжий не отстает от словоохотливого барина: »Так стало и деревню нашу знаешь?« —

»Ещебы не знать! Ведь она близ реки?« — какая же деревня без реки!« »Так, у самой реки!« — »А ваша-то изба, почитай, крайняя?« — »Третья от края.« »А чудной ты, барин. Уж поясни, сделай милость, не святым же духом всю подноготную знаешь?« — »Очень просто, мы с вашим барином уток стреляли, вдруг грязь, дождь, мы и зашли в избу к твоей старухе«. — »Так, теперь смекаю«. — »А вот, мать жаловалась на тебя — мало денег посылаешь!« — »Грешен, грешен! Да вот все на проклятое-то выходит«. (См. Н. И. Куликов: »Пушкин и Нащокин«. Р. Старина, 1881, № 8, стр. 604—605).

В данном случае мы наблюдаем у Пушкина применение к окружающим людям так называемого художественного эксперимента, приема, к которому часто прибегают художники, — подобные приемы мы наблюдаем у Ибсена, С. Аксакова, В. Ф. Комиссаржевской, Л. да Винчи, А. И. Иванова и многих других. Художник умышленно, но тайно, вызывает у окружающих высказывания и проявления чувств, дающие для его художественной восприимчивости занимательный, а порой и ценный материал. (См. мою статью »О перевоплощаемости в художественном творчестве«. I-я статья в книге »Художественное творчество«, 1923, Петроград.).

§ 4. Чувство комического и чувство трагического у Пушкина. Пушкину были свойственны внезапные, резкие переходы от веселья к печали, от смеха к слезам, от тонкого чувства юмора к живому чувству трагизма человеческого существования. В этом отношении характерно то восклицание, которое вырвалось у Пушкина, когда Гоголь прочел ему несколько глав »Мертвых Душ«.

»Когда я начал читать Пушкину первые главы из »Мертвых Душ« в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении, — он же был охотник до смеха, — начал понемногу становиться все сумрачнее и сумрачнее, и, наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: »Боже, как грустна наша Россия!« Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка«. (Избранные места из переписки с друзьями, XVIII гл.).

Нужно удивляться подобному суждению Гоголя, который более чем кто-либо чувствовал диалектическую связь между эстетическими категориями возвышенного и низменного, трагическо-

го и комического. Пушкин именно сумел схватить другую сторону — altra meta, скрывающуюся за смехотворными, а порой и чудовищными образами — тот элегический пафос, который давал Гоголю право назвать »Мертвые Души« поэмою. Недаром и Бальзак, создавая »Comédie humaine«, и Гоголь, творя »Мертвые Души«, — оба думали о Данте. Пушкин, благодаря своей эмоциональной подвижности, способствовавшей быстрому переходу от чувства комического к чувству трагического, живо учуял сквозь видимый миру смех те невидимые слезы, о которых говорил по поводу своего творчества сам Гоголь.

II. ТЕХНИКА КОМИЧЕСКОГО У ПУШКИНА.

§ 5. Комическое, как иррациональное в мышлении. Мы последовательно рассмотрим различные формы комического, встречающиеся в произведениях Пушкина. Преждевсего, остановим внимание на комическом в способе мышления, в речи.

Нас смешит иррациональное в мышлении и в речи, хотя бы для говорящего здесь было лишь contradictio apparens, а не contradictio realis, т. е. кажущееся, а не действительное противоречие. Это наблюдается: 1) в том случае, когда различное трактуется, как тождественное. Это мы наблюдаем в забавном разговоре Адриана (»Гробовщик«) с сапожником Шульцем. На вопрос Адриана, как идет торговля, Шульц говорит: ». . . пожаловаться не могу. Хотя, конечно, мой товар не то, что ваш — живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет«. — »Сущая правда, заметил Адриан, однакож если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он босой, а нищий мертвец и даром берет себе гроб«. Когда молодой Гринев приехал в Оренбург (»Капитанская дочка«), он представился немцу-генералу, товарищу по школе его отца. Генерал читает письмо отца Гринева и доходит до следующего места«: . . . к Вам моего повесу . . . держать в ежовых рукавицах«. Генерал обратился к молодому Гриневу: »Это, должно быть, русский поговорок? Что такое »держать в ешовых рукавицах?« — »Это значит, — отвечал я (Гринев) ему с видом как можно более невинным, обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли — держать в ежовых рукавицах«. — »Гм, понимаю,... и не давать ему воли, — нет, видно, ешовы рукавицы значит не то«. 2) Другой случай, когда тожественное при-

нимается за различное. На этом построен комизм фабулы »Барышня-Крестьянка«. В »Скупом Рыцаре« еврей-ростовщик предлагает Альберу достать у знакомого старика такую усыпляющую жидкость, от которой человек засыпает и безболезненно умирает. »Твой старичек торгует ядом«. — »Да, *и* ядом«.

3) Комическая классификация. — Старичек (в »Кап. Дочке«) генерал делит тактику на три класса: оборонительная, наступательная и подкупательная.

4) Смешным образчиком non sequitur является стихотворение: »Глухой глухова звал к суду судьи глухого, глухой сказал: »моя им сведена корова«. — »Помилуй, — возопил ему глухой в ответ, — сей пустошью владел еще покойный дед«. — Судья решил: »почто итти вам брат на брата? Ни тот и ни другой, а девка виновата«. Жена коменданта крепости, узнавши, что Прохоров и Устинья подрались в бане из за шайки горячей воды, говорит мужу: »разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи«. (»Капитанская дочка«).

5) Отрицательные сужденья, играющие de facto роль утвердительных суждений. Маша, героиня повести »Дубровский«, поручает своему брату, мальчику Саше, незаметно положить в дупло одного дерева кольцо, предназначенное для Дубровского. Кольцо это хочет перехватить другой мальчик, присланный Дубровским. Между мальчиками, Сашей и Митькой, произошла драка, их розиял садовник и обоих привели к Троекурову, отцу Саши. Отец потребовал от сына объяснения, по поводу дупла с кольцом. Саша смешался: »Да меня Марья Кирилловна, да то кольцо . . .« Отец требует дальнейших объяснений, грозит розгами: »Ей Богу, папенька, . . . мне Марья Кирилловна ничего не приказывала, папенька«.

6) Quaternio terminorum. В начале »Сцен из рыцарских времен« Фриц говорит своему отцу: »Помилуй, батюшка, за что ты на меня сердишься, я, кажется, ничего не делаю (т. е. ничего дурного). »Отец: »Ничего не делаю! Вот то-то и худо, что ничего не делаешь, ты ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь«.

Пушкин опередил Толстого в остроумной характеристике того, что второй называл дамской логикой. Взбалмошная и своенравная старуха (»Пиковая дама«) упрекает Лизу за то, что та не успела переодеться, не дав ей к тому ни минуты времени,

бранит ее за то, что она переоделась и, узнавши, что погода, которую она называет ветреной наперекор фактам, тихая, откладывает поездку и снова бранит Лизу за то, что она переоделась. Наряду с изображением комических сторон начинающегося старческого слабоумия графини, Пушкин мастерски описывает начало безумия Германа в виде idée fixe, вытесняющей все в его сознании, так что смена представлений в его мышлении приводит к забавным причудливым ассоциациям. Его, например, спрашивают, который час, а он отвечает: »без пяти минут семерка«.

Наконец, смешение образов сна с действительностью. На таком смешении построено высококомическое окончание рассказа »Гробовщик«.

§ 6. Комическое в речи. Теперь обратимся к комическому в речи. Сюда относится прежде всего все, что делает речь мертвенною, автоматическою, шаблонною. 1) Таковы мертвые слова, которыми нередко уснащают речь не только безграмотные простолюдины, но и образованные и интеллигентные люди, в роде сударь мой, мать моя, батюшка мой, слышь-ты. Один молодой человек »каждые пять минут повторяет с упоением: »Quand j'étais à Florence«, о другом говорится: »весь ум его почерпнут из »Liaisons dangereuses«. 2) Далее, комический эффект создают безграмотность и дурное произношение иностранцев. Вот как изображает лицеист Пушкин речь учителя: »Мольшать!: Я все видал! Мольшать! Я гуфернер. Мольшать! ты все соврал . . . Пошалуюсь тепер!«. 3) Источником смешного эффекта может быть народная этимология, когда, например, слово touchez понимается, как »тушить«. Пуркуа ву туше? — говорит французу-Дубровскому потушившему свечку, Антон Пафнутьич. 4) Бедность содержания и автоматизм речи: герой »Истории села Горюхина« говорит про свою кормилицу, что разговоры ее состояли из 15 анекдотов, весьма для меня любопытных, но рассказываемых всегда одинаково, так что она сделалась для меня другим новейшим письмовником, в котором я знал, на какой странице какую найду строчку«. 5) В »Капитанской дочке« Пушкин дает весьма забавный своей загадочной иносказательностью образчик языка разбойников: вот как разговаривает хозяин корчмы со спутником Гринева, оказавшимся впоследствии Пугачевым: »Хозяин: Отколе Бог принес? — Пугачев: В огороде летал, коноплю клевал, швырнула бабуш-

ка полушку, да мимо. Ну, а что наши? — Хозяин: Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит, поп в гостях, черти на погосте. Пугачев: Молчи, дядя, будет дождик, будут и грибки, а будут грибки, будет и кузов. А теперь заложим топор за спину — лесничий ходит«. Пушкин предоставляет проницательности и остроумию читателя расшифровать этот разбойничий арго. Речь Варлаама (»Борис Годунов«) и шутихи Екимовны (»Арап Петра Великого«) изобилует забавными прибаутками. Виноградов в книге »Язык Пушкина« показывает, как обогатил Пушкин литературную речь простонародными элементами — несомненно, это послужило к созданию многих комических эффектов. Барышня, переодетая крестьянкой (»Барышня-крестьянка«), подделывается под крестьянскую речь и порой сбивается с тона.

§ 7. Комическое в движении. Пушкин мастер передавать движения и умеет использовать их комичность и в поэзии, и в карикатуре, — как известно, он был отличный рисовальщик, — вот как описано трусливое бегство Фарлафа от Рогдая:

»Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал,
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Пригнувши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
. . . .
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил.
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов«.

Стихотворение »Гусар« представляет собою чудо мастерства в смысле использования эффектов быстрого движения, причем здесь применен тот комический эффект, который Бергсон называет лавиною — в печку влетают сначала ведьма, потом ухват, потом лохань, потом кот и, наконец, сам гусар:

»И с печки слез — и вижу: склянка.
Понюхал — кисло. Что за дрянь?
Плеснул я на пол — что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба — в печь. Я вижу: худо!
Гляжу — под лавкой дремлет кот.
И на него я брызнул склянкой.
Как фыркнет он — я: брысь — и вот
И он туда же за лоханкой.
Я ну кропить во все углы,
Сплеча, во что уж ни попало,
И все — горшки, скамьи, столы,
Марш-марш — все в печку поскакало.
Кой черт — подумал я: теперь
И мы попробуем, — и духом
Всю склянку выпил — верь, не верь,
Но кверху вдруг взвился я пухом.
Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда — не помню и не знаю,
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей! — и на земь упадаю«.

Такой же кумулятивный эффект, лавину смешных событий мы находим в »Капитанской дочке«: Палашка и Акулька каются, что их обольстил проклятый француз . . . Батюшка тот-

час же потребовал ракалью-француза; доложили, что мусье дает урок. Батюшка вошел в комнату, Бопре спал сном невинности. Батюшка вошел в то самое время, когда я прилаживал мочальный хвост к мысу Доброй Надежды; батюшка дернул меня раза три за ухо, разбудил Бопре очень неосторожно. Бопре хотел привстать, но не мог — он был мертвецки пьян. Семь бед — один ответ, батюшка за ворот приподнял его с кровати и вытолкал из дверей, и в тот же день прогнал со двора«. (О моторном элементе в фантазии Пушкина см. статью проф. Бицилли: (Р. Мысль, 1923, VI).

Кант в »Критике способности суждения«, обсуждая вопрос об условиях максимального эстетического эффекта при восприятии величественных зданий, например, пирамид, замечает, что такой эффект достигается тогда, когда пирамида находится не слишком близко и не слишком далеко. Находясь вблизи от пирамиды, мы не можем охватить ее взором, как целое (аппрегенсия), а находясь слишком далеко, мы будем неясно различать составные части и детали пирамиды (компрегенсия). Есть такое определенное расстояние, на котором мы имеем возможность сочетать вместе максимальную аппрегенсию и максимальную компрегенсию. Тот же принцип применим и к восприятию движения. »Кинематографические« сцены со многими смешными деталями у Пушкина запечатлеваются ярко в эстетическом восприятии потому, что Пушкин дает такое количество сменяющих друг друга образов, которое не слишком велико и потому может быть легко охвачено в единстве аппрегенсии, и в то же время достаточно велико и разнообразно, чтобы их кумуляция явила максимум компрегенсии, и чтобы завершающий комический эффект достался с наименьшей затратой сил. В »Графе Нулине«, в сцене, в которой граф крадется в спальню хозяйки дома, комический эффект еще усиливается метким сравнением графа с крадущимся за мышью котом:

... »И тотчас, на плечи накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на все готовый.
Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки,
Украдкой медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап,
И вдруг беднягу цап-царап«.

В подобных кинематографических сценах у Пушкина проявляется »сила ума, располагающая частями в

отношении к целому«, составляющая по Пушкину, важный элемент в приеме творчества.

§ 8. Комическое положений. Оно наблюдается у Пушкина в двоякой форме: 1) Сюжетной, когда все произведение целиком в процессе развертывания сюжета ведет к завершению в виде финальной комической ситуации. Так построены »Граф Нулин«, »Домик в Коломне«, »Гусар«, »Барышня-крестьянка« и »Гробовщик«. 2) Комизм частичных ситуаций, какой мы наблюдаем в »Борисе Годунове« — сцена в корчме, в »Капитанской дочке«, — сцена с учителем-французом и другие, сцена Лепорелло со статуей в »Каменном Госте«, сцена свата с девушками в »Русалке«. В основу комического эффекта Пушкин часто кладет указанное выше ошибочное отожествление различного или ошибочное различение тожественного: Варлаам отожествляется с Гришкой, офицер с Маврой, кума с ведьмой, наоборот, барышня отличается от крестьянки. Подобными приемами Пушкин часто пользуется и не с комическими целями. Так, например, Дон-Жуан является Донне-Анне под именем Диего, Гришка под видом Самозванца, также раздвоение в »Эльге«, в »Метели«.

Можно поставить вопрос, почему у Пушкина в построении ситуаций замечается наклонность к такому раздвоению? Я полагаю, что в данном случае играет роль не погоня за благодарным внешним эффектом, за тем, что древние называли в трагедиях открытием, внушающим в драме »ужас и жалость, а в комедии — смех, но полиперсонализм духовной натуры Пушкина, его наклонность и гениальное уменье перевоплощаться в разные личности, быть эхом различных духовных индивидуальностей, с одной стороны, что, как мы увидим, проявляется так ярко в его наклонности к разнообразным пародиям и литературным мистификациям, с другой же стороны, и именно это надо иметь в виду в данном случае, его наклонность вскрывать в той же личности двойника, нередко наделенного противочувствиями. Ведь барышня должна вести себя иначе, чем крестьянка, чтобы не быть узнанной, притворяться неграмотной, простоватой и т. д. Точно так же Самозванец в сцене с Мариной и в сцене с бродягами Варлаамом и Мисаилом являет нам глубоко различные и даже отчасти противоположные духовные черты.

Но, кроме того, указанное ошибочное отожествление разных лиц и ошибочное различение тожественного лица в виде двух индивидуумов в качестве источника комических ситуаций имеет за собою традицию, которая стара, как сама литература. Уже указывалось, например, что главный момент сцены в корчме — чтение примет Гришки Отрепьева — навеян подобной же сценой в »Сороке-Воровке« Россини, которую Пушкин слышал в 1822 году (см. об этом мою »Эстетику Пушкина«). Равным образом, проникновение в дом офицера и сближение его с Парашей, напоминает проникновение Дон-Жуана (Байрона) в гарем в качестве »Пленницы«. Штерн в книге »Пушкин и романтизм« указывает, что есть аналогия в ситуациях »Каменного Гостя« и »Гробовщика«. Дон-Жуан приглашает явиться к Донне-Анне Командора, и Командор является. Адриан приглашает к себе в гости своих покойников — и они к нему являются. Но, разумеется, возможно и постоянно встречается сходство комических ситуаций там, где не замечается никакого влияния. Так, например, у Пушкина есть эпизодическая фигура женевца-гувернера, которого, говорит герой рассказа, я уверил, что »Анна Петровна в него влюблена. Надо было видеть целомудренное выражение лица его с некоторой примесью лукавого кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столом, говоря: экий обжора!« Сцена эта невольно напоминает ту ситуацию, когда Мальволио в »Двенадцатой Ночи« Шекспира в присутствии графини ведет себя так, что зрители подмечают у него аналогичную игру чувств на глупом и самодовольном лице, и он подвергается осмеянию.

У Пушкина имеется яркий комизм положения в стихотворении »Череп« (1827), образующем смену комических образов и картин; эти картины составляют ряд якобы вызванных видом черепа воспоминаний. Череп является исходным пунктом и заключительным звеном в цепи ассоциаций. Стихотворение это написано не без влияния сцены могильщика с черепом Йорика в »Гамлете« Шекспира. Череп вызывает у Пушкина образ барона Дельвига, якобы предка его друга поэта. За сжатой и яркой характеристикой (»сквозь эту кость не проходил луч животворный Аполлона«) образ барона сменяется образом его потомка — поэта (»с главою, миртами венчанной, в очках и с лирой золотой«). Затем следует история останков барона, погребенного в Риге в фамильном склепе:

»Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет«.

В Ригу приехал студент

»С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах«

для занятия анатомией. Ему понадобился скелет. Подкупивши церковного кистера, он уговаривает его украсть скелет из фамильной усыпальницы, и когда кистер исполняет его желанье, студент из баронских костей составляет скелет. Об этом проведали, кистера прогнали, а студент должен был бежать из Риги, причем, не имея возможности взять с собой скелет, он раздарил его по частям своим друзьям. Среди них оказался приятель Пушкина В. которому достался череп — он в черепе этом держал табак. Пушкин дарит череп Дельвигу:

»Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу«.

Стихотворение заканчивается замечанием о черепе:

»Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой«.

Череп поставлен в этом стихотворении в центр апперципирующей массы поэта, как »Цветок« и »Чернильница« в соответствующих стихотворениях.

§ 9. Комические характеры. Всегда лаконичный в описании наружности своих героев, Пушкин в этом отношении остается верным себе и при создании комических характеров. Обыкновенно при подобном описании он схватывает доминанту характера, то, что есть характерного именно в данном индивидууме. В этом отношении он в своем лаконизме прямо противоположен многословию Бальзака, который описанию наружности кузена Понса посвящает 210 строк. »Прикащик стоял, заложив руки за спину и выдвинув ногу вперед.« »Человек в картузе расставил ноги хером и подбоченившись фертом, стоит перед

крестьянином«. »Когда я вхожу в гостиную графини, я вижу эти неподвижные мумии, напоминающие мне египетские кладбища«. Так же »Кишиневские дамы« (1821):

»Как египетские боги,
Дамы преют и молчат«.

Так же наружность Варлаама: »Росту он среднего, лоб имеет плешивый, борода седая, брюхо толстое«. Вот характеристика кухарки, которую привела наниматься Параша:

»За нею следом робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая«.

У Пушкина есть серия комических фигур иностранных гувернеров и гувернанток, — Аббе, Трике, Бопре, о котором речь была выше, старая англичанка мисс Джексон, которая, выходила к гостям, »набеленная, затянутая, с потупленными глазами и маленьким книксом«. Среди художественной галлереи слуг в русской литературе (Евсеич у С. Аксакова, Петрушка у Гоголя, Смердяков у Достоевского, Захар у Гончарова), образ Савельича в »Капитанской дочке« замечателен тем, что в его изображении с рядом комических черт сочетается порыв высокого героизма, готовность пожертвовать собою, лишь бы »дитя« было спасено. Сцена казни, полная трагизма, заключает в себе комический момент, когда Савельич, спасает своим вмешательством жизнь Гриневу, когда Пугачев протянул руку, которую прощенный Гринев должен был поцеловать — Савельич говорит Гриневу: »Не упрямься, что тебе стоит, плюнь да поцелуй у злод . . . (тьфу!) поцелуй у него ручку! »Это обращение напоминает обращение к еврею Альбера в »Скупом рыцаре«: »проклятый жид, почтенный Соломон«.

Комические фигуры военных у Пушкина очерчены очень живо: Дмитрий Ларин, — Господний раб и бригадир, как значится на его памятнике, и старый генерал немец в »Капитанской дочке«. гусар и многие другие. У Пушкина имеется еще множество эпизодических фигур, отмеченных мимоходом какой-нибудь характерной комической чертой (особенно в »Онегине«). Но наибольшего внимания заслуживают подробно разработанные характеры Варлаама, Мельника, Пугачева, Лепорелло. Пушкин — мастер подмечать в человеческом характере многогранность, сложность, способность совмещать в себе на первый взгляд несовместимые

свойства — противочувствия. Эта особенная проницательность Пушкина, дающая ему возможность рисовать характеры по шекспировски с беззаботностью жизни, давала ему возможность создавать и глубоко трагические, и высококомические эффекты, причем трагическое и комическое не только сочеталось вместе в том же произведении, но и в том же лице. Это особенно бросается в глаза в разработке типа Мельника и Пугачева.

Мельник в »Русалке« с одной стороны, отец, любящий свою дочь, и притом так крепко, что гибель ее сводит его с ума. С другой стороны, он жаден к деньгам и является по отношению к любимой дочери при ее сближении с князем несомненным сводником. Таков цинизм, с которым мельник иезуитски советует дочери:

»Порою исподволь, обиняком,
О свадьбе заговаривать — а пуще
Беречь свою девическую честь,
Бесценное сокровище« . . .

Он упрекает дочь:

»Вы рады
Исполнить даром прихоти его,
Готовы целый день висеть на шее
У милого дружка; а милый друг,
Глядь — и пропал«.

Комизм этого монолога является отнюдь не образчиком юмора, но скорее жуткого гротеска. Фигура Пугачева в той своей стороне, где он в своем окружении комичен, порой проникнута юмором, порой является причудливым гротеском. »Император Всероссийский Петр III« читает наставление двум своим главнейшим адъютантам — Белобородову (беглому капралу) и Хлопуше (беглому каторжнику с рваными ноздрями), которые вздорят между собою. »Император« говорит таким слогом: »Господа енаралы, полно вам ссориться. Не беда, еслибы и все оренбургские собаки дрыгали ногами на одной перекладине; беда, если наши кобели между собой перегрызутся«. В пушкинском Пугачеве причудливо и естественно сплетаются черты величайшей жестокости и вероломства с проблесками лукавого добродушия, чувства справедливости и человеческой признательности. Комическое и ужасное здесь проявляются вместе с величайшим правдоподобием.

Комическая фигура монаха Варлаама чрезвычайно рельефна. Это человек, потерявший себя — инок честной, собирающий

по людям »милостыню христианскую на монастырь«, он в действительности является простым бродягою и горьким пьяницей. он и Мисаил, как ушли из монастыря, так ни о чем и не думают. Это комическое противоречие между идеальной миссией и реальным беспутством смутно чувствуется и самим Варлаамом, как чудовищное противочувствие. Вот почему, как метко замечает Шаляпин[1]), ему, потерявщему себя человеку, так тягостно замечание Григория — »Пей, да про себя разумей, отец Варлаам«, и он с пьяным недоумением восклицает: »Да что мне про себя разуметь?«

Создавая образ Лепорелло, Пушкин имел перед собою реминисценции длинной литературной традиции от Тирсо да Молина и Мольера до аббата Да Понте, составителя либретто моцартовского »Дон-Жуана«. У Да Понте Лепорелло проявляет по отношению к хозяину преданность и в то же время он ненавидит его. Этот мотив Пушкин разработывает заново, но в столь тонко художественной форме (І-я картина), что образ получает совершенно законченное оформление. В разговоре с монахом Лепорелло говорит о Дон-Гуане и пользуется случаем от души выругать барина в его же присутствии. Монах говорит о Дон-Гуане:

»Его здесь нет, он в ссылке, далеко«, а Лепорелло замечает:

— »И слава Богу!«

Чем дальше, тем лучше.
Всех бы их, развратников,
В один мешок, да в воду!«

чем выводит из себя Дон-Жуана, который, сбившись с тона, обрывает его:

»Что, что ты врешь? — а Лепорелло тихонько замечает:

— »Молчите, я нарочно«.

Пушкин был великим мастером фантастического гротеска (»Утопленник«, покойники в »Гробовщике«). Он умел достигать того комического и в то же время жуткого психологически правдивого впечатления, которое отличает фантастику великих мастеров в искусстве от произвола и неубедительной искусственности фантастики поэтов, которые проявляют в пользовании ею лишь произвол своего беспорядочного, но совершенно бессильного воображения. Пушкин и в фантастические образы умеет внести черты художественного реализма с таким искусством, что гротеск оказывается художественно впечатляющим:

[1]) »Маска и душа«, стр. 15—17, 1932 г.

»Из за туч луна катится . . .
Что же? Голый перед ним.
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим.
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились« . . .

А вот описание Наины:

»И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой . . .
. . . .
Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось, по несчастью:
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупив взор.
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор« . . .

Наина объяснялась Финну в любви:

»И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами,
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками« . . .

Мы увидим ниже, что у Пушкина фантастический гротеск изредка принимает демонические формы.

§ 10. Наивность и юмор. Пушкин в зрелые годы сохранял способность »ребячески забавляться с ребенком«, пишет кн. Павел Вяземский. »Мать моя запрещала мне даже прикасаться к картам, опасаясь в будущем развития наследственной страсти к игре. Пушкин во время моей болезни научил меня играть в дурачки, употребив для этого визитные карточки, посылавшиеся в 1827 году (Вяземскому — семь лет). Тузы, короли, дамы и валеты козырные определялись Пушкиным, значение остальных не было определено, и эта-то неопределенность и составляла всю потеху. Завязывались споры, чья визитная карточка бьет ходы противника. Мои настойчивые споры и усилья в пользу попавших в мои руки козырей потешали Пушкина, как ребенка«. Черта детскости в весельи давала возможность Пушкину искренно вдохновляться детски наивной фантастикой и детски непосредственным юмором и вскусстве. Кант замечает в »Критике способности суждения«, что наивничанье у поэта ведет лишь к жеманству, но уметь быть подлинно наивным в искусстве — редкий великий дар.

В пяти гениальных сказках Пушкина чисто народная фантастика искусно сплетается с очаровательными блестками юмора — сцена с Комаром в »Царе Салтане«, финалы сказок о »Золотой

рыбке«, »Золотом Петушке« и »Попе и работнике его Балде«. Талантливый либретист опер Римского-Корсакова, В. И. Бельский, в союзе с музыкальным гением Римского сумели превратить две из сказок Пушкина в очаровательные сценические представления. Либретист с необыкновенным искусством сумел угадать, вскрыть и полностью развить в духе Пушкина и народной поэзии все то, что таилось в сюжетах Пушкина в виде лишь намеков. В огромном всемирном успехе этих веселых сказок-опер, конечно, наряду с заслугами композитора и либретиста сыграл крупную роль и гений Пушкина. То обстоятельство, что эти сказки можно было без всякого насилия над сюжетом превратить в полные жизни музыкальные народные комедии, уже доказывает, как много в них имелось внутреннего движения, и как они в то же время цельны. Сам Пушкин по поводу жалоб князя Одоевского на трудность сочинения фантастических сказок заметил: »Зачем же он сочиняет их? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их нетрудно«. (Вересаев: »Пушкин в жизни« 5-е изд., 1932 г., ч. II, стр. 101).

§ 11. Теории комического Канта, Шопенгауэра и Бергсона. Кант утверждал, что тайна комического заключается в том аффективном потрясении, которое мы испытываем, когда внезапное большое ожидание чего-то значительного разрешается пустяками. У Пушкина имеются примеры подобных комических эффектов. Например:

»На критиков я еду, не свищу,
Как древний богатырь, а как наеду . . .
Что ж? Поклонюсь и приглашу к обеду«.

Вот другой пример, подходящий для иллюстрации комического эффекта по принципу гора родила мышь. Юный составитель »Истории села Горюхина« рассказывает о себе. Увлекшись литературой, он стал писать поэму, потом трагедию »Рюрик«. »Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу, но и баллада мне как-то не давалась. Наконец, вдохновение озарило меня. Я начал и благополучно кончил надпись к портрету Рюрика«.

Шопенгауэр в комическом выдвигал на первый план интеллектуальный момент: всякий комический эффект может быть выражен в виде силлогизма, в котором известное понятие употреблено в большей посылке в известном смысле, в меньшей же ему придан незаметно другой смысл, отсюда в выводе неожи-

данно получается смехотворная глупость. Эта форма комизма, как мы видели, особенно часто встречается у Пушкина. Бергсон выдвигает волевую теорию смешного. Все, что лишает человека свободы воли, приближает человека к машине, к автомату, мертвенность, рутинность речи, рутинность жестов, рутинность душевного склада, все, что делает его рабом привычки, может дать материал для комических эффектов. Таких эффектов у Пушкина много.

В графе Нулине встречается сочетание всех тех условий комического, о которых говорили и Кант, и Шопенгауэр, и Бергсон: пощечина, данная »Тарквинию« »Лукрецией«, внезапно завершающая патетическую сцену объяснения в любви, глупый муж, с которым незаметно и весьма искусно обращается, как с куклою, обманывая его, героиня-супруга, и, наконец, вопиющее противоречие между смехом помещика Лидина и заключительной сентенцией Пушкина. Муж, которому жена рассказала о поступке Нулина, вовсе не смеялся:

»Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос, что, если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.
Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво«.

Вот еще пример тройного комического эффекта.

В »Египетских ночах« на великосветском вечере, когда речь зашла о том, может ли в наше время найтись женщина, способная предложить такую же цену своей любви, как Клеопатра, в разговор вмешалась графиня К.: »Молодая графиня К.. кругленькая дурнушка, постаралась придать важное выражение своему носу, похожему на луковицу, воткнутую в репу, и сказала: — Есть и теперь женщины, которые ценят себя подороже, — Муж ее, польский граф, женившийся по расчету, (говорят, ошибочному), потупил глаза и выпил свою чашку чая«. В этой сцене сочетаются три комических эффекта, — комическое описание наружности глупой графини, двусмысленность и упоминание о внезапно обманутых великих ожиданиях графа, расчитывавшего на богатое приданое.

III. ЭПИГРАММА, САТИРА, ПАРОДИЯ И ФИКТИВНОЕ АВТОРСТВО.

§ 12. Эпиграмма в древнем смысле слова была просто кратким стихотворением (напр., двустишием), но не заключала в себе непременно ни юмора, ни насмешки. Она приобрела свой сатирический оттенок во французской литературе в XVIII веке. В эпиграмме, как и в сатире, сведение личных счетов поэта с известным лицом, как таковым, представляет элемент внеэстетический, — эстетически значительным и непреходящим в хорошей эпиграмме или сатире представляется то, что направлено на осмеяние типических или типически-индивидуальных черт, поскольку в них проявляется то, что имеет общий интерес с литературной точки зрения. Это надо иметь в виду и при изучении лучших эпиграмм и сатирических стихотворений Пушкина, — его возмущает, например, в Булгарине подлость и бездарность литератора и общественного деятеля — самый факт существования некоего дрянного индивидуума с художественной точки зрения не интересен.

На личное оскорбление Пушкин ответил бы вызовом на дуэль, а не эпиграммой. Поэтому, когда Пушкин пишет »Куда не достанет меч законов, туда достанет бич сатиры«, когда он заявляет, что почитает мщение одною из первых христианских добродетелей, то он говорит о мщении литературном, а не личном сведении счетов:

»Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага,
Приятно зреть, как он упрямо,
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится,
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: »Это — я«. (Онегин, гл. VI, строфа XXXIII).

Враги мои, покамест я ни слова,
И, кажется, мой быстро гнев угас,
Но из виду не упускаю вас,
И выберу когда-нибудь любова.
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный,
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей«. (Вяземскому, 25 мая 1825).

Пушкин говорит о блаженстве того, кто, возвысившись над партийной литературной борьбой, может равно осмеивать все борющиеся партии за их односторонность:

»Блажен, кто издали глядит на всех
И, рот зажав, смеется то над теми,
То над другими: верх земных утех
Из за угла смеяться надо всеми«.

Но Пушкин сознавал, что литературная насмешка не есть личная злобная ругань, но, как мы бы сказали, она, наоборот, есть сублимация злобы и претворение ее в литературное негодование: »Facit indignatio versum«. Он пишет:

. . . блажен, кто крепко словом правит,
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змею«.

(»Домик в Коломне« XII).

В эпиграммах Пушкина только то сохранило художественную ценность, в чем не отражается преходящих, личных, мелочных чувств. Многое в эпиграммах и сатирах Пушкина приобрело характер как бы литературных поговорок, применимых к самым различным моментам истории литературы:

»Я по ушам узнал его в минуту,
Он по когтям узнал меня как раз«.
»В получении оплеухи
Расписался мой дурак«.
»Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки«.
»Ох, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, но это уж не ново«.
»Суди, дружок, не выше сапога«.
»Ты мне душу предлагаешь —
На кой мне черт душа твоя?«

В »Собрании насекомых« схвачена доминанта в характере каждого лица.

Стала поговоркой фраза из »Разговора книгопродавца с поэтом«:

Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать.

§ 13. Слово сатира, понимаемое в широком смысле слова — произведение литературы, заключающее в себе элемент негодования и обличения.

В таком смысле мы говорим о сатире Салтыкова-Щедрина »Губернские очерки«. У Пушкина во многих произведениях встречается сатирический элемент, но сатир в собственном смысле слова у него немного. Видеть в »Евгении Онегине« сатиру было бы недоразумением. В »Онегине« нет и признаков того, что Пушкин называет сатирической палицей. В письме к Бестужеву он пишет: »Ты говоришь о сатире англичанина и срав-

ниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же. Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? О ней и помину нет в »Евгении Онегине«. У меня затрещала бы набережная, еслибы коснулся сатиры«. Наклонность к сатире, как лирическому стихотворению, у Пушкина проявляется уже в 1815 году в стихотворении »К Лицинию«:

»Воспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом.
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу«.

Однако, сатир в собственном смысле слова у Пушкина немного — »О Муза пламенной сатиры«, два »Послания к цензору«, и др. В послании к В. (сочинителю »Сатиры на игроков«) Пушкин остроумно осмеивает жалкую недейственность плохой сатиры:

« . . . некто мой сосед
В томленьях благородной жажды
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял молча карты, стасовал,
Дал снять, — и нравственный писатель,
Увы, — всю ночь понтировал«.

Пушкину преимущественно был свойствен юмор, а не сатира, но и сатирический элемент в нем достигал порой большой силы.

Наряду с сатирами и эпиграммами (последних у Пушкина свыше шестидесяти), у Пушкина имеются стихотворения в эпиграмматическом или сатирическом духе. В таком же роде три детские сказки: »Маленький Лжец«, »Исправленный забияка« и »Ветреный мальчик«. В лжеце — Павлуше нужно видеть П. П. Свиньина, в забияке Ванюше — Н. И. Надеждина, а в ветреном Алеше — Н. И. Полевого. В quasi почтительной параллели заслуг Греча и Булгарина оба они осмеиваются. Забавен неоконченный и неотделанный воображаемый разговор императора Александра I с Пушкиным. Предметом Пушкинской насмешки являются цари, правительство, духовенство, литераторы, журнальные критики и особы прекрасного пола.

§ 14. Пародия. В юности для Пушкина подражание стилям других писателей и пародирование их, как позднее для Достоевского, было средством к преодолению их влияния на него и к развитию изумительного дара перевоплощаемости и остроты критической мысли. В первом

подражании Данте (»И дале мы пошли, и страх объял меня«) он пародийно ужасное превращает в комическое. Очень забавна маленькая пародия на Жуковского, смешившая и самого Жуковского, именно на его белые стихи:

»Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: »что, если это проза,
Да и дурная?«

В »Пиковой даме« Пушкин тонко пародирует проповедь которую произнес священник при отпевании графини: »Славный проповедник произнес надгробное слово. В простых и трогательных выражениях представил он мирное успение праведницы, которой долгие годы были тихим умилительным приготовлением к христианской кончине. »Ангел смерти, сказал оратор, обрел ее бодрствующей в помышлениях благих и ожидании жениха полунощного«.

Одною из наиболее замечательных пародий Пушкина является »Летопись села Горюхина«. В ней Пушкин забавно высмеивает глупость, педантизм и напыщенность исторических повествователей, и в то же время сатирический и ярко бытовой элемент летописи делает из нее некоторое предварение Некрасовской поэмы »Кому на Руси жить хорошо«.

Описывая источники, послужившие материалом составителю »Летописи« (от него ведется рассказ), он указывает народные предания, дает географическое описание окружающей Горюхино местности и между прочим сообщает о непроходимом болоте, »где произрастает одна лишь клюква, где раздается однообразное квакание лягушек, и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса. NB. Сие болото прозывается Бесовским. Рассказывают, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалече от сего уединенного места. Она сделалась беременна и никак не могла объяснить удовлетворительно сего случая. Глас народа обвинил болотного беса, но сия сказка недостойна внимания историка, и после Нибура непростительно было бы тому верить«. »Язык горюхинский есть отрасль языка славянского, но »также разнится от него, как и русский«. »Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх портов, что есть отличительный признак их славянского происхождения«. Среди грамотеев Горюхина историк отмечает земского Терентия, жившего около 1757 года. »Сей необыкновенный человек, умевший писать

не только правой, но и левой рукой. прославился в околотке составлением всякого рода писем, челобитьев, партикулярных пашпортов и т. п. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости в то время, как приучался писать правой ногой, так как почерк его обеих рук был уже достаточно известен«... Село Горюхино, бывшее когда-то богатым, постепенно разоряется помещиками, его владельцами. В трагикомической форме описывается разгром села одним из наследников и его полное обнищание. Управлением стал заведывать посланный барином прикащик, для которого было аксиомой положение: »Чем мужик богаче, тем избалованнее, чем беднее, тем смирнее«. История села Горюхина смехотворная и злая пародия на крепостное право.

§ 15. Фиктивное авторство. У Пушкина была склонность скрывать свое авторство, прибегая к мистификации, когда он приписывает свое произведение (»Скупого рыцаря« несуществующему англичанину Ченстону), или вести повествование не от своего имени, а от имени Белкина или Гринева, причем все повествование преломляется через сознание фиктивного рассказчика. Эта маскировка обставлена некоторыми комическими подробностями. Литературный прием Пушкина напоминает в данном случае Гоголя.

Пушкин-Белкин Повести Белкина (1831 г.)	Гоголь — Рудый Панько Вечера на хуторе. (1829 г.)
»Кроме повестей, о которых в письме Вашем упомянуть изволили, Иван Петрович (Белкин) оставил много рукописей, которые частию находятся у меня, частию употреблены его ключницей на разные домашние потребы. Таким образом прошлою зимою все окна во флигеле заклеены были первою частию романа, которого он не кончил«.	»Старуха моя, с которой я уж лет тридцать живу, грамоте не умеет: нечего греха таить. Вот замечаю, что она пирожки печет на какой-то бумаге. Пирожки она, любезный читатель, удивительно хорошо печет. Лучших пирожков вы нигде не будете есть. Посмотрел как-то на сподку пирожка, — смотрю — писаная глава, как будто сердце у меня знало. Прихожу к столику — тетрадки и половины нет«.

IV. КОМИЧЕСКОЕ У ПУШКИНА В СВЕТЕ ОБЩЕГО ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.

§ 16. Смех примирительный и смех негодующий. Конечно, почти у каждого поэта можно найти в его творчестве проявления и добродушного веселого или грустного

юмора и злого сарказма, но несомненно у поэтов, склонных к метафизическому оптимизму, будет преобладать юмор, а у поэтов с наклоном к метафизическому пессимизму будет преобладать злой сарказм, именно в силу пессимизма негодования (Entrüstungs-Pessimismus), который может принять космическую форму. Метафизический оптимист приемлет этот мир, он готов примириться с мировым злом, со страданиями человечества, с житейскою пошлостью, — все темные стороны жизни он освещает мягким светом всепрощающего юмора. Таков юмор Диккенса, Доде, Перес Гальдоса, Неруды, Гончарова, Островского. Наоборот, злой сарказм метафизического пессимиста может расшириться до мирового размера. Один писатель XVIII века говорит, что мир человеческий похож не то на клоаку, не то на тюрьму, не то на сумасшедший дом, не то на базар. Но этого мало. Метафизический пессимизм принимает нередко демоническую форму. Поэт с таким мировоззрением склонен думать, что в мире зло торжествует над добром, что сатана побеждает Бога, мало того, что сам Бог заслуживает осмеяния. Такой метафизический пессимизм мы находим у Лермонтова с его демоном, с его саркастическим обращением к Богу: »устрой лишь так, чтобы Тебя отныне не долго я еще благодарил«, таков Байрон с его Каином, смело обличающим в несправедливости самого Бога, таков Гейне с его »адским хохотом, полным муки«, Вольтер с его »Кандидом«, с осмеянием Библии.

Наконец, встречаются поэты, которых невозможно отнести ни к первой, ни ко второй группе. В их отношении к вопросу о смысле, о ценности жизни они мелиористы — они приемлют этот мир, верят в прогресс человечества, в победу добра над злом, но в то же время они остро сознают грандиозность Мирового Зла, трудность преодоления его и в горькие минуты жизни они порой склонны сомневаться во всеобъемлющей силе добра, склонны, если не признавать торжество злого начала, то по крайней мере склонны к демонической насмешке над несовершенством земного бытия. Я уже писал в моей работе »Эстетика Пушкина«, что Пушкин по природе своей — мелиорист. Он поэт »солнечный«, жизнерадостный, его холерический темперамент окрашен светло, и в то же время он обладает способностью необычайно быстро переходить от светлых настроений к самым мрачным. Психологически он большею частью

оптимист, но порой и глубокий пессимист. »Дар напрасный«, »Три ключа« с необычайной силой выражают точку зрения метафизического пессимизма, т. е. отрицательную оценку мира. В полном соответствии с таким совмещением противоположных настроений Пушкин является всего более гениальным юмористом, благословляющим мир, но и демоническое, темное, проявление »духа отрицания, духа сомнения« находит, хотя и очень редко, себе у него выражение в иронии и сарказме космического масштаба.

§ 17. Недобрый смех у героев Пушкина. Смех необходимо связан с комическим. Может быть добрый смех, являющийся лишь выражением радостного веселого состояния души. Точно так же может быть злой смех, не связанный вовсе с чувством комического. (Например, адская усмешка Швабрина). Самому Пушкину злой смех в жизни был мало свойствен, в самой основе его натуры лежала добрая воля, но он, как художник, был способен, артистически перевоплощаясь в злых героев, и к убийственной насмешке, и к злобной иронии, и жуткому гротеску. В приведенных мной примерах недоброго смеха героев Пушкина имеется налицо несомненное чувство комизма с точки зрения смеющегося лица, но мы не можем разделять это чувство в тех случаях, когда оно нарушает границы комического, для нас приемлемые с эстетической точки зрения, например, когда бесчеловечность, глупость смеющихся и цинизм и грубость насмешки превращают в наших глазах данное зрелище осмеяния в трагическое. Так, например, сцена поругания Ииуса (Ев. от Матфея, гл. 27, ст. 28—30), являлась комическим зрелищем для тех, кто над ним смеялся и надругался, а нам она представляется только глубоко трагической, и смех озверелой толпы до последней степени отталкивающим. (Художник Крамской задумал изобразить эту страшную сцену в большой картине »Смех«, которая осталась неоконченной.) В приведенных нами примерах везде имеются несомненные элементы иронии, насмешки, сарказма или жуткого гротеска. В какой мере эти элементы комизма приемлемы для нас субъективно, как образцы эстетически комического — это другой вопрос — думаю, в большинстве случаев неприемлемы, но они занимают известное место в сфере комического творчества Пушкина, и не могут быть обойдены молчанием.

У Пушкина имеется целый ряд типов, которые смеются злоб-

но-торжествующим смехом, усмехаются ядовито, смеются цинически, кощунственно, дерзко, или прославляют мировое зло. Вспомним, как смеются Алеко, Сильвио, старая злая графиня, Дон-Жуан, Сальери, Вальсингам.

В »Цыганах« (1824) Алеко готов погубить даже спящего врага со свирепым смехом:

»... Когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея,
Я в волны моря не бледнея,
И беззащитного б толкнул,
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул«.

»В наружности Сильвио было что-то дьявольское. Мрачная бледность, сверкающие глаза, густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола«. Когда граф выстрелил в Сильвио и не попал, прострелил картину, в комнату вбежала испуганная жена графа, граф пытался успокоить ее, сказав, что это шуточная игра в дуэль. Графиня обратилась к грозному Сильвио: »Правда ли, что вы оба шутите?« — »Он всегда шутит, графиня, однажды он шутя дал мне пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал по мне промах. Теперь и мне пришла охота пошутить«. С этим словом Сильвио хотел в графа прицелиться, но графиня упала к его ногам и Сильвио, унизив графа, ушел, прекратив дуэль и всадив в картину пулю в пулю. Когда мрачный Герман, (с профилем Наполеона и душой Мефистофеля, с сильным, страстным и огненным воображением и в то же время расчетливый, умеренный и трудолюбивый) по совершении убийства графини, присутствуя на ее отпевании, после земного поклона поднялся на ступеньку катафалка и наклонился, то »в эту минуту показалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищурившись одним глазом«. В то время, когда Моцарт »угощает« Сальери жалкой музыкальной пародией на »Свадьбу Фигаро« — игрой слепого нищего и добродушно хохочет над карикатурным исполнением своей вдохновенной мелодии, Сальери, собираясь отравить Моцарта, говорит:

»Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь«.

И добавляет с цинической усмешкой:

»Так улетай же — чем скорей, тем лучше«.

В »Сценах из Фауста« все речи Мефистофеля проникнуты циническим сарказмом, и Фауст под их влиянием в отчаянии проникается духом всеразрушенья. Он, глядя на горизонт, спрашивает: — »Что там белеет? говори«. Мефистофель отвечает: —

»Корабль испанский трехмачтовый
Пристать в Голландию готовый.
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочка злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст:

Все утопить. [1])

Дон-Гуан, получивши от Донны-Анны приглашенье на свидание, издевается над статуей командора и приглашает ее притти к Донне-Анне и встать у двери на часах. [2])

Вальсингам в »Пире во время чумы« восславляет царство чумы:

»Хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье,
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может, — полное Чумы«.

---

[1]) См. статью проф. С. В. Завадского: »Пушкин«. Зодчие русской культуры«. Любопытно, что Пушкин в той пьесе, в которую должны были войти »Сцены из рыцарских времен«, имел в виду противопоставить этому Фаусту-разрушителю Фауста-творца и благодетеля человечества. Пьеса должна была закончиться торжеством разума и добра над средневековым мраком — победой изобретателя пороха Шварца над врагами духовной свободы и победой Фауста над невежеством — он должен был прилететь на хвосте дьявола и принести с собою imprimerie une autre artillerie, как говорится во французской программе.

[2]) По словам Вульфа, Пушкин иногда в обращении с женщинами пользовался в разговорах »методой Мефистофеля«. Его Дон-Жуан не только широко пользуется этой методой — погубленная им жертва не тревожит его совести, и он, взгрустнув при воспоминании об Инесе, убитой ревнивым мужем, сейчас же переходит в веселое настроение и вполне одобряет циническое замечание Лепорелло:

»Что-ж? Вслед за ней другие были.
Д. Гуан: — Правда.
Лепорелло: А живы будем, будут и другие.
Дон-Гуан: И то.

И, когда Дон-Гуан выражает намеренье немедленно явиться к Лауре, Лепорелло замечает: — Ну, развеселились мы. Недолго нас покойницы тревожат«.

Вероятно, и при написании »Гаврилиады« в юности, где цинически высмеивается »чистейшей прелести чистейший образец, Пушкин руководился »методой Мефистофеля«.

Священник тщетно пытается остановить их кощунственный смех и веселье:

»...Ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают.
Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей смертной ямы —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают,
И в тьму кромешную тащат со смехом«.

Наконец, у Пушкина есть достойная Дантевского ада картина бесовских развлечений в аду, сопровождаемых садическим смехом:

»Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной,
И бесы тешились проклятою игрой.
До свода адского касалася вершинной
Гора стеклянная, как Арарат, остра
И разлегалася над темною равниной.
И бесы, раскалив, как жар, чугун ядра
Пустили вниз его смердящими когтями,
Ядро запрыгало, и гладкая гора,
Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами:
Схватили под руку жену с ее сестрой
И заголили их, и вниз пихнули с криком,
И обе, сидючи, пустились вниз стрелой,
Порыв отчаянья я внял в их вопле диком.
Стекло их резало, впивалось в тело им,
А бесы прыгали в веселии великом.
Я издали глядел — смущением томим.

В натуре Пушкина была, с одной стороны, наличность высокой духовной гармонии, которую он проявлял в художественном творчестве, высоком уме, благородстве характера, способности к самопожертвованию, щедрости, верности в дружбе, глубине некоторых сердечных привязанностей, и в то же время в его натуре кипел хаос страстей, который не всегда поддавался преодолению усилиями воли. Этот духовный хаос нашел себе художественное отражение в образах Германа с его страстью к азартной игре, Дон-Жуана с его кощунственным дерзанием, Вальсингама с его безумными вызовами смерти.

§ 18. Жуткий гротеск у Пушкина. Смертен или бессмертен дух человека? Эта метафизическая проблема глубоко занимала Пушкина всю жизнь. Он не принадлежал к таким художникам-мыслителям, как Достоевский, для которого жизнь теряла всякий нравственный смысл, если нет личного бессмертия, ни к таким мыслителям, как Африкан Александрович Шпир, ко-

торый в самом желании личного бессмертия видел проявление личного эгоизма человека; в зрелые годы жизни он смотрел на идею бессмертия скептически и старался примириться со смертию дорогих ему людей, утешаясь тем, что молодое поколение придет на смену старому и будет продолжать его дело. 22 июля 1831 года Пушкин пишет И. А. Плетневу: »Опять хандришь. Эй, смотри, хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди, — умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата, мы встретим еще новых знакомцев, — дочь у тебя будет расти, выростет невестой; мы будем старые хрычи, наши жены — старые хрычовки, а дети будут славные, молодые, веселые ребята, мальчики станут повесничать, а девчонки — сантиментальничать, а нам и любо«. Однако, не всегда это примирительное настроение одушевляло Пушкина. Так, по свидетельству Фр. Тица (см. Вересаев: »Пушкин в жизни«, 5-е издание, II-й т. стр. 103), один знакомый во время вечерней прогулки сказал Пушкину: »Там вечерняя заря, пространство малое ночи, а там уже заря утренняя, — смерть, мрак гроба и пробуждение к прекраснейшему дню«. Пушкин улыбнулся: »Оставьте это, мой милый. Когда мне было 22 года, знал я такие возвышенные мгновенья, н о в н и х н и ч е г о н е т д е й с т в и т е л ь н о г о. Утренняя заря! Пробуждение! Мечты, только одни мечты!« Пушкин был очень печален во время этой прогулки. В ряде стихотворений Пушкин выражает страстное желание видеть дорогих ему умерших лиц. (»Заклинание«, »Для берегов отчизны дальной«). К желанию бессмертия его побуждают не личные, а альтруистические мотивы. Он не негодует на Бога в своей поэзии, не обращает к нему сарказмов по поводу бессмысленной жестокости судьбы, но однажды, в одном письме к князю П. А. Вяземскому он у п о д о б л я е т м и р о п р а в и т е л я о б е з ь я н е: »Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее. Представь себе ее о г р о м н о й о б е з ь я н о й, к о т о р о й д а н а в о л я. К т о п о с а д и т ее н а ц е п ь — н е т ы и н е я, н и к т о! Делать нечего, так и говорить нечего«. (А. С. Пушкин, письма, т. II, 1826—1830 гг., изд. 1827 г., стр. 11), кн. П. А. Вяземский только что потерял 3-хлетнего сына. Из пяти детей он потерял четырех — это была смерть четвертого ребенка.

. . . Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Н а с м е ш к а р о к а н а д з е м л е й«.

такие мысли приходят в голову Евгению по поводу предчувствия бессмысленно случайной гибели Параши и ее матери во время наводнения (см. »Медный Всадник«). В »Анджело« мнимый монах (Дук) доказывает Клавдию, что

»Смерть и бытие равны одна другому,
Что здесь и там одна бессмертная душа,
И что земная жизнь не стоит и гроша«.

Пушкин никогда не разделял подобных взглядов, — он писал »я жить хочу«, »я жизнь люблю«, и лишь в редкие горькие минуты его посещали сомнения.

§ 19. Эволюция форм комизма у Пушкина. В заключение следует отметить, что в творчестве Пушкина совершается некоторая эволюция самых форм комического. Эта эволюция заключается не в том, что одни формы комического заменяются другими, но, главным образом, в том, что самое чувство комического утончается и углубляется. В первый период Пушкинского творчества, примерно до 1825 года, наряду с остроумием эпиграмм и сатир замечается преобладание комизма положений и движений. Это мы видим, например, в »Монахе« (1814 г.), в »Русалке« (1819), в описании бегства Фарлафа в »Руслане« и т. д. Комизм положений — комизм более внешнего характера, он нас смешит, но в общем не производит столь глубокого впечатления, как комизм внутренний, комизм характеров. Сам Пушкин в юности ценил смехотворные эффекты, как таковые, не углубляясь в их психологическое обоснование. Он пишет Бестужеву-Рюмину в июне 1823 года: »Тебе, кажется, более нравится »Благовещение«, однако же »Елисей« смешнее, полезнее для здоровья«. Первым ярким образчиком разработанного комического характера представляется тип Варлаама в »Борисе« (1825). За ним на протяжении последних 12 лет Пушкин создает целую галлерею комических персонажей, не пренебрегая, однако, комизмом положений и движений. Таковы: Лепорелло, Савельич, Евстигнеевна, комендант и его жена, тюремщик в »Сценах из рыцарских времен«, трагикомическая фигура Мельника, гротескный образ Пугачева — то ужасный, то добродушно-комический, и т. д. Недобрый смех героев Пушкина тоже впервые появляется в свирепом смехе Алеко и в цинических речах Мефистофеля в »Сцене из Фауста« (1825). За Мефистофелем следуют Сальери, Сильвио, старая графиня в »Пиковой даме«, Вальсингам и другие. Пушкинский гротеск в письме к Вяземско-

му относится, как мы видели, к 1827 году. Но демонический смех у Пушкина в сфере комического занимает все же хотя и важное, (отображая в творчестве пессимистическую сторону Пушкинского мировоззрения), но второстепенное место, по сравнению со светлым юмором, примиряющим нас с невзгодами жизни. Этот юмор в сказках Пушкина (1830—1834) достигает поразительной наивности и непосредственности. В »Сказках« тридцатых годов с их простотой, сжатостью и задушевностью проявляется высокая мудрость Пушкина, который, подобно Шекспиру в »Цимбелине«, »Зимней Сказке« и »Буре«, находит в народной фантастике радостное забвение от ужасов земного существования. В этом отношении истинный психологический мотив к созданию этих сказок очень метко выражает либретист оперы »Царь Салтан«, Бельский, который трактует Царевну Лебедь, как творческую фантазию поэта, влагая в ее уста следующие слова:

»Для земных чудес
Я сошла с небес
И живу украдкой
В милых мне сердцах.
В песне горе сладко,
В сказке мил и страх«.

Юмор Пушкинских сказок благополучно справляется со всеми житейскими невзгодами при помощи творческой фантазии. К этому юмору вполне применимы слова, сказанныя Гегелем по поводу аристофановского юмора: »Смеющееся блаженство олимпийских богов, их беспечальное спокойствие, вселившееся в людей, справляется со всем«. (См. Куно Фишер: История новой философии, т.VIII-й, Гегель, 1903 г., стр. 215-я).

И. И. Лапшин.

„Медный всадник“ Пушкина.

Подъем интереса к Пушкину, связанный с столетним юбилеем его смерти, немало содействовал опубликованию множества новых документов, касающихся его личности и творчества. Между тем, погоня за неизданными материалами, порой имеющими довольно отдаленное отношение к поэзии, несколько отвлекла исследователей от критического истолкования произведений великого поэта, этой главной задачи изучения Пушкина. Среди произведений Пушкина »Медный всадник« привлекал наибольшее внимание критики. Однако, и эта поэма вызывает еще до сих пор большие разногласия. [1])

Белинский, который раньше других по достоинству оценил поэму Пушкина, видел ее главный смысл в столкновении »личности« и »общества«, в этой излюбленной теме романтиков. Другие усматривали в герое Пушкина, Евгении, воплощение европейского индивидуализма, в Медном всаднике — образ азиатского деспотизма, либо, наоборот, считали Евгения олицетворением христианского смирения, а Петра — воплощением языческой героики.

В недавнее время были замечены некоторые совпадения между сюжетом поэмы Пушкина и декабрьским восстанием 1825 г.; это породило среди исследователей Пушкина целую теорию, согласно которой »Медный всадник« будто бы представляет собой сознательно зашифрованное поэтом изображение событий 1825 г. »Безумец Евгений« — это олицетворение русского родовитого дворянства, которое неудачно пыталось поднять мятеж против самодержавия и заслужило уже у современников название »жертвы мысли безрассудной« (Тютчев). Памятник Петра работы Фальконета, Медный всадник — это олицетворение русского самодержавия, которое усмирило восставшее дворянство на той самой Двор-

[1]) Настоящая статья представляет собой сокращенное изложение главных выводов исследования о »Медном всаднике«, которое я закончил в 1935 г. и в ближайшие годы надеюсь опубликовать. В ней особенному сокращению подвергнуты наблюдения над стилем и языком замечательной поэмы Пушкина.

цовой площади, по которой Евгений, испуганный Медным всадником, пустился в постыдное бегство. Косвенное подтверждение этому толкованию видели в том, что еще современник Пушкина, Печорин, в одном шуточном стихотворении уподоблял восстание декабристов наводнению, которое годом раньше повергло столицу в великий ужас. Объяснение этого »иносказания« искали в том, что за повествованием о наводнении 1824 г. Пушкин желал скрыть от бдительной цензуры изображение событий 1825 г.

Исследователи Пушкина долгое время предполагали, что поэт пользовался приемом шифрованной речи и в своих публицистических статьях и, в частности, сурово осуждал Радищева лишь для того, чтобы иметь возможность напомнить об этом забытом вольнодумце в самый разгар николаевской реакции. Однако, это толкование статьи Пушкина о Радищеве было подвергнуто серьезной критике. Сам поэт в черновике одного письма (1832) восстает против того, чтобы везде искали у него »allusions«. Но самое главное, аллегорическому пониманию »Медного всадника« противоречит поэтический характер создания Пушкина.

Гете неоднократно возвращался к различию между *аллегорией* и *символом*, как двумя формами поэтического мышления. »Die Allegorie verwandelt eine Erscheinung in einen Begriff, den Begriff in ein Bild, doch so, dass der Begriff im Bilde immer noch begrenzt und vollständig zu halten und zu haben und an demselben auszusprechen sei. Die Symbolik verwandelt die Erscheinung in Idee, die Idee in ein Bild und so, dass die Idee im Bild immer unendlich wirksam und unerreichbar bleibt und selbst in allen Sprachen ausgesprochen doch unaussprechlich bliebe«.

Среди произведений Пушкина »Медный всадник« дальше других стоит от аллегоризма с его холодным рассудочным расчетом и условной подменой конкретного явления понятием, а понятия — образом. Пушкину удалось увидать в петербургском наводнении и в несчастной судьбе бедного чиновника значительное событие и раскрыть в нем сложный круг представлений, далеко выходящих за пределы описанных происшествий. В этом отношении вполне естественно, что в поэме Пушкина отразились переживания поэта, связанные и с событиями декабрьского восстания, а также с рядом более широких проблем русской и мировой истории и в частности романтической темой индивида в его отношении к обществу, природе и судьбе. Однако, сторонники »мифа о декабристах«, искавшие только исторических прообразов

фабулы »Медного всадника«, обыкновенно забывают, что в этом произведении лирической поэзии и образы и поэтическая речь играют далеко не вспомогательную роль таинственного шифра, скрывающего истинные намерения поэта. Сила »Медного всадника« заключается в том, что его образы и язык, с их недомолвками и намеками, его переменчивый ритм, синтаксис и строфика придают ту »бесконечную действенность« идеям поэмы, которую Гете считал существенным признаком поэзии символов. Эта зыбкая сеть едва осознаваемых ассоциаций, обволакивает всю поэму Пушкина и порождает в читателе то лирическое волнение, которое составляет удел подлинной поэзии и невыразимо средствами исторической прозы. Этим объясняется, что в своем произведении Пушкин достигает вершин *символизма* в гетевском понимании этого слова, оставаясь верным *реалистическим основам* своего искусства, которые снискали ему особенную любовь и популярность среди народов Советского союза.

»Медный всадник« был создан Пушкиным осенью 1833 г., но задуман он был, вероятно, еще несколько раньше. Поэма выросла из тех политических настроений поэта, которые типичны для начала 30-х годов. Их лейт-мотивом было тщетное искание *примирения* с правительством, стремление, которое нашло себе выражение и в ряде поэтических произведений Пушкина. К их числу принадлежит »Полтава«, воспевающая славное прошлое русского самодержавия, и стансы, обращенные к императору Николаю. О своем желании »договориться« с правительством Пушкин признается в своих письмах уже вскоре за неудачей, постигшей освободительное движение декабристов, к которым одно время он был довольно близок. Следы этих настроений ясно сказались и в замысле »Медного всадника« с его нотками готовности прославления дела основателя русского самодержавия, Петра, и идеей возмездия за грех всякому, кто даже в мыслях своих решится поднять дерзкий бунт против государственной власти.

У нас нет оснований сомневаться в искренности намерений Пушкина и подобно некоторым критикам возводить против великого русского поэта обвинение в »сервилизме«. Однако, из этих исканий примирения не вытекает еще, что Пушкин в 30-х годах решительно отрекся от своих юношеских идеалов. Нужно внимательно вслушаться в то, как он говорит о возможности своего примирения, и мы заметим, что эти мотивы тесно связаны у него с раздумьями о судьбах русской истории и неизменно вы-

растают из желания осмыслить ход исторического процесса. Вот почему примирение так и не стало законченной программой Пушкина, но навсегда сохранило значение всего лишь одного из полюсов извилистого пути исканий, мучительных противоречий, среди которых протекало все последнее десятилетие жизни поэта. Мотив *осмысления,* исторического оправдания русской государственности насквозь пронизывает и поэму »Медный всадник«. Само собою разумеется, что это чисто поэтическое создание нельзя рассматривать как политическое profession de foi поэта. Оно гораздо яснее вылилось в записках, письмах и статьях Пушкина. »Медный всадник« частично соткан из полуосознанных переживаний и чувств поэта, но они были спутниками той напряженной работы мысли, которая протекала в сознании Пушкина в эти годы. Этим, вероятно, и объясняется, почему Николай I, милостиво встретивший »Полтаву« и даже »Бориса Годунова«, проявил такую нетерпимость к »Медному всаднику«, несмотря на апологетические нотки поэмы и прославление его »великого пращура«. Судя по рукописному экземпляру поэмы, хранящемуся в Ленинской библиотеке в Москве, цензорский карандаш монарха прошелся преимущественно по тем строкам поэмы, которые казались недостаточно почтительными по отношению к императору Петру (и потому после смерти Пушкина были старательно сглажены В. Жуковским). Однако, пожалуй, в этом случае Николай проявил больше прозорливости, чем обыкновенно. Он угадал в контрастности возвеличивающих и снижающих эпитетов и метафор поэмы следы тех колебаний Пушкина, той внутренней борьбы доводов pro и contra, которая всегда готова была обратить благонамеренность поэта в свою противоположность и заставить звучать поэму, не как апофеоз самодержавия, а как оправдание восставшей личности. Пушкин, конечно, никогда не пытался наделить своего героя автобиографическими чертами, хотя историки давно заметили общность их социального прошлого. Но глубокое сочувствие поэта к »бедному Евгению« имело более прочную основу, чем простое человеколюбие. Поэта сближала с ним его склонность к *историческому образу мыслей*. Его, видимо, подкупало, что бунт этого маленького человека был не слепым и неосознанным актом возмущения, но вырос из желания осмыслить, понять исторические корни своего несчастья. Об этом красноречиво повествует замечательная сцена на Дворцовой площади, где Евгений »полон ужасных дум« узнает в Медном всаднике истин-

ного виновника своего личного несчастья и обращает к нему слова полные дерзкой угрозы.

Эта противоречивость устремлений Пушкина, кстати сказать стоящая в разительном контрасте с той »солнечной ясностью«, которую принято считать характерной чертой его гения, сказалась и в историческом сложении поэмы, в ее литературном генезисе. До сих пор остается крайне спорной связь »Медного всадника« с более ранней поэмой, которую поэт выделил в виде самостоятельного фрагмента — »Родословная моего героя«. Несмотря на общность картины петербургского осеннего вечера, открывающей действие, у нас нет достаточных оснований утверждать, что герой этой поэмы, Езерский, должен был претерпеть судьбу бедного Евгения. К тому же »романтическая ирония«, видимо царившая в »Родословной«, резко отличается от того проникновенного, интимного тона, который победил в »Медном всаднике«. Сильнейшим импульсом к созданию поэмы было, конечно, чтение отрывков из »Дедов« Мицкевича, с которыми Пушкин познакомился незадолго до того, летом 1833 г. Мицкевич навеял Пушкину основные мотивы его поэмы: образ наводнения, как бунтующей стихии, образ Фальконетова Петра, как символ русского самодержавия, образ Петербурга, как создания русского абсолютизма, образ людей, пытающихся истолковать значение монумента и, наконец, образ дерзкого безумца, обращающегося с мятежной угрозой к самодержавию. Различие между Пушкиным и Мицкевичем не ограничивается только различием их политических убеждений и национальных симпатий, которые были прекрасно раскрыты М. Третьяком. Романтической гиперболизации, мрачному демонизму и »недоумевающему тону« поэмы Мицкевича Пушкин противополагает мировосприятие, стремящееся усмотреть во всем свершающемся внутренний смысл и закономерность. На смелое бунтарство своего польского собрата Пушкин отвечает духом кроткой покорности, граничащей с настоящим смирением.

В поисках своего поэтического ключа Пушкин, возможно, заимствовал кое-что из одного источника, значение которого до сих пор не было оценено по достоинству. Он сам ссылается в предисловии на описание наводнения 1824 г. некоего Берха, как на свой главный источник. Между тем Берх в своей книге целиком воспроизводит описание наводнения Фаддея Булгарина, опубликованное еще в 1824 г., и поэтому ссылку на Берха нужно понимать всего только как уловку Пушкина, не желавшего

упоминать знаменитого журналиста-доносчика и своего злейшего личного врага. Между тем Пушкин взял у Булгарина не только ряд фактических данных; самый повествовательный тон, освещение событий 1824 г., в частности — забот правительства о бедных во время наводнения и после него, восходят к Булгарину. Но приторная чувствительность и угодливый тон сотрудника николаевской полиции претворены были Пушкиным в тон сдержанной сердечности и искренности.

Вокруг этих заимствований Пушкина группируется еще множество других цитат из русских и иностранных авторов: Альгаротти, Барбье, Батюшкова, Вяземского, Ломоносова и др. Однако, эти цитаты и заимствования ничуть не нарушают единства поэмы. Они только окутывают каждый ее образ роем воспоминаний и ассоциаций и повышают смысловую насыщенность и глубину символов поэмы.

Все критики, писавшие о »Медном всаднике«, усматривают в нем изображение *двух* противоборствующих начал, которым каждый из них давал свое истолкование. Однако, в основе »Медного всадника« лежит значительно более сложная *многоступенчатая система образов.* В ее состав входят следующие действующие лица: 1. Петр с его »спутниками«: Александром, Медным всадником и Петербургом, 2. Стихия, которую некоторые критики тщетно пытались отожествить с образом народа, 3. Народ, 4. Евгений, 5. Поэт, который, не выступая открыто, неизменно присутствует в качестве одного из действующих лиц. Эта система задумана в согласии с чисто феодальным представлением порядка. Ее вершину увенчивает образ владыки-государя, по одну сторону от него находится побежденная им стихия, по другую — безличная масса подданных, из числа которых выделяется только поэт, своей хвалой творению государя выражающий всеобщие верноподданнические чувства. Однако, по замыслу поэта, равновесие этой системы оказывается призрачным и непрочным. Угадав веления судьбы, Петр побеждает стихию и закладывает свой город, основу своего всемогущества; однако стихия поднимает свой бунт против его создания и всем своим гневом опрокидывается на ничем неповинные массы покорного народа. Но самое примечательное, что этот бунт стихии, сметающий пассивные элементы, как стремительный смерч, увлекает с собой отколовшегося от массы индивида, Евгения, который, порвав с покорствующей массой народа, решается поднять мятеж против самодержавия. Пушкин замеча-

тельно тонко и правдиво отметил и дал почувствовать, что именно зрелище взбунтовавшейся стихии пробудило мысли в тихом и скромном чиновнике, и что эти мысли в конце концов привели его самого к восстанию:

Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался . . .

Правда, мы знаем, что этих »ужасных дум« было все же недостаточно; несчастный Евгений оказался жертвой своего собственного болезненного воображения. Однако, восприятие всей социальной пирамиды в ее историческом становлении, в неудержимости ее движения придает »Медному всаднику« глубокий социальный смысл. Мы ясно чувствуем, что стихийное волнение не ограничивается одной личностью Евгения, но захватывает в свою орбиту и поэта, который постоянно сбивается с тона приподнятой похвальной оды на тон дружеского сочувствия к несчастному. В этом непостоянстве, неустойчивости всей системы образов поэмы содержится скрытый намек на то, что в какой-то далекой перспективе бунт, поднятый мятежной личностью против монарха, сможет завершиться ее победой. Правда, это предчувствие нигде не декларировано Пушкиным; но самый ход событий, железная логика развития, правдиво раскрытая в поэме, и в частности противопоставление могучего основателя абсолютизма, Петра, безвольному и бесславному его преемнику, Александру, — все это делает вероятным и внутренне правдоподобным новое соотношение сил в историческом будущем.

Эти мотивы приобретают в поэме Пушкина исключительную силу воздействия потому, что они проходят через все его художественное мышление и насквозь пронизывают поэтическую структуру повествования. Пушкин и в других своих произведениях извлекает из родной речи исключительные богатства смысловых, эмоциональных оттенков. В »Медном всаднике« он достигает особенно высокого мастерства стиховой оркестровки, ритмики и эвфоники; он наполняет каждую строфу замечательным богатством смысловых оттенков и придает каждому слову глубину настоящего символа. Мы остановимся здесь только на системе *параллельных противоставлений*, при помощи которой Пушкин приобщает каждый из своих образов к более широкому кругу символов, и рассмотрим развитие *лирического лейт-мотива*, как выражения личного отношения поэта к событиям его повести.

Поэма открывается картиной, которая сразу ставит читателя лицом к лицу с главными действующими лицами поэмы: Петр — это прообраз Медного всадника, река — это еще непобежденная Нева, »бедный челн« — отдаленная параллель к »бедному безумцу«, Евгению. Эта первая картина отличается большой четкостью своих очертаний, но она так многозначительна, что позволяет догадаться, что из этого раздумья Петра должно родиться великое волнение, все действие поэмы. Однако, в последней редакции »Медного всадника« Петр так и не назван по имени, и потому этот образ как бы выходит за свои границы. Мы, конечно, догадываемся, что здесь подразумевается никто иной, как основатель Петербурга. Но своей характеристикой поэт порождает ряд смежных ассоциаций, и в частности сближает образ Петра с образом Наполеона, о котором Пушкин в других стихах говорит почти теми же словами. Фон, на котором вырисовывается могучий силуэт императора, передан синекдохами; »волны«, »челн«, »чухонец« — все это лишь представители определенного разряда вещей, не обладающие той же полнотой реальности как личность Петра. Таинственная значительность этого виденья ясно чувствуется благодаря двум »переносам«, обрывающим строку: »и вдаль глядел«, и в конце отрывка: »кругом шумел«. Эти внутренние рифмы порождают известное смысловое созвучие: шум леса начинает казаться нам вещим предзнаменованием, в котором Петр словно угадывает то, что ему »суждено природой«.

Следующий отрывок раскрывает раздумья и замыслы Петра, или говоря прозаически, задачи его экспансии, фортификации и коммерции. Третий развертывает перед нашими глазами береговую панораму — воплощение величественных замыслов создателя Петербурга. Все приобретает здесь бо́льшую конкретность, синекдохи заменяются именами собственными (вместо река — Нева; вместо флаги — корабли). Созидательная сила градостроительства Петра находит себе выражение в антропоморфизации, в уподоблении города »молодой царице« и кораблей людской »толпе«. Это скрытое движение как бы возникающего на наших глазах города ясно сказалось в метафоричности глаголов. В ритмическом строении этого отрывка замечается чередование многоударных и стяженных строк, которое свидетельствует о наростании лирического волнения, подготовляющего следующий отрывок: »Люблю тебя, Петра творенье«.

Отрывок этот славится, как замечательно яркое изображение

Петербурга, его восхваление, противопоставленное Пушкиным уничижающей критике Мицкевича. Отрывок этот поражает на первый взгляд пестротой своих картин и образов; однако, всматриваясь внимательно в эти строки, мы обнаруживаем, что через них проходит одна сквозная лирическая тема и что, несмотря на кажущуюся бессвязность, образы следуют друг за другом в известной последовательности, наполовину осознанной самим поэтом, но неизменно выражающей противоречивость и колебание его чувств. Поэт начинает с той же парадной стороны города, которая прославляется и в предыдущем отрывке: с гранитной набережной Невы; но уже прозрачный »чугунный узор оград« толкает его мысль к »прозрачному сумраку« белых ночей; в свою очередь белые »задумчивые ночи« влекут за собой рой интимных воспоминаний, и таким путем незаметно и нечаянно от официального Петербурга он переходит к автобиографическому образу поэта, погруженного в свои мысли среди »пустынных улиц« заснувшего города (своеобразной отдаленной параллели к Петру среди »пустынных волн«). Окрыленное воображение поэта все дальше и дальше увлекает его прочь от Петербурга как столицы империи: ему припоминается быстрая езда на санках, девичьи румяные лица, веселый шум балов и, наконец, лицейский образ »холостой пирушки«. Но едва достигнув этого предела, поэт резким жестом как бы обрывает свою нить ассоциаций и снова возвращается к официальному Петербургу: к парадам на Марсовом поле и салютам в торжественные дни. И этот скачок от »пирушки холостой«, невольно ассоциируемой с шумными собраниями тайных обществ, к »твердыне« города — Петропавловской крепости, символу победившего самодержавия, ясно рисует внутренние колебания поэта, скрытую борьбу, пронизывающую лирическое развитие темы. В этом скрытом подпочвенном развитии темы особенно замечательно, что в конце всего отрывка из победных радостных салютов вырываются тревожные сигналы, возвещающие наступление весенней путины, — настоящее лирическое предчувствие наводнения и грядущего ликования бунтующей стихии.

Эта двойственность переживаний поэта пронизывает и последние два отрывка вступления. Окрыленный своей хвалою поэт повышает голос и слогом »высокого штиля« Ломоносова заклинает стихию подчиниться воле великого создателя города. Однако, не будучи в состоянии удержаться на этих высоких нотах, его голос нежданно срывается. Строка »Была печальная пора« начи-

нает совершенно новый повествовательный строй, полный трогательного сочувствия. Мы наглядно видим, как поэт собирает вокруг себя друзей и обращается к ним с повестью о горестной судьбе своего героя. Напыщенные славянизмы сменяются подобием »смиренной прозы«. Из-под маски верноподданного государя, одописца XVIII в. выглядывает искаженное мукой сострадания лицо поэта, связанного интимной близостью с бедными и несчастными людьми.

Все эти колебания чувств, скачки мыслей и оттенки образов поэмы едва уловимы и с трудом выразимы в четких определениях, но мы полагаем, что именно эта неуловимость, зыбкость очертаний придает такую поэтическую силу и лирическую глубину вступлению к »Медному всаднику«.

Первая часть поэмы открывается повествованием о судьбе Евгения. Однако, пристально всматриваясь в начальные отрывки, мы замечаем в них черты своеобразного параллелизма между образом Евгения и Петра. Как и вступление, первая часть начинается с картины природы в ее контрастном сопоставлении с фигурой героя. Только Петр высится в виде исполинского силуэта, царящего над береговым пейзажем у его ног. Образ Евгения возникает в конце описания осеннего ненастного вечера, как ничтожная составная часть обширной картины природы. Поэтическая фигура умолчания (»он«) в обозначении Петра была выражением тайного почтения. Полуфиктивное имя Евгений (»Мы будем нашего героя звать этим именем«) и замечанье, что он не помнит своей родни, скрывает некоторое пренебрежение к нему автора. »Наш герой« также звучит легкой иронией. Вся первая часть свидетельствует о полуироническом отношении поэта к Евгению, который только с развитием событий пробуждает к себе более глубокое сочувствие.

Второй отрывок вступления передавал мысли Петра, его великие думы, планы его строительства. Второй отрывок первой части точно так же передает мысли и раздумья Евгения; только по контрасту к ясным, логическим думам Петра мечтания Евгения сводятся к суетным заботам о мещанском счастьи маленького человека, к мыслям о разлуке с возлюбленной (и первоначально о планах женитьбы). Только в особой музыкальности последних строк, передающих заунывное завыванье ветра, можно угадать как бы полуосознанное предчувствие наступающей бури. Но поэт усыпляет погруженного в свои мелочные заботы героя,

и тоном более приподнятым и аффектированным начинает повествование о следующем дне; и снова, как в конце вступления, спокойное повествование перебивается словно нечаянно вырвавшимся восклицанием »Ужасный день!«

Раздумье Петра завершается во вступлении картиной города, выросшего через сто лет и отмеченного в своем внешнем облике печатью внутренних, скрытых сил, породивших его. Мечты Евгения сменяются картиной, которую являет собою город в момент, когда взбунтовавшаяся стихия готова смести создание Петра. Динамизм панорамы города вступления был порожден волей Петра; движение водной стихии поднимается наперекор мечтам и раздумьям Евгения. В остальном параллелизм двух картин не подлежит сомнению. Поэт любуется этими эффектными зрелищами, почти не высказывая своего личного отношения, которое пробуждается во вступлении только начиная со строки »Люблю тебя, Петра творенье«, а в описании наводнения в тот момент, когда блистательная красота »разъяренных вод« становится несчастием »бледной нищеты« и ожидающего »казни« народа.

Я опускаю последующие отрывки, в которых Пушкину удается тончайшими оттенками поэтической речи передать образ покорствующего народа и наследника Петра »покойного царя« — новый намеренный параллелизм, контрастно оттеняющий величие повелителя стихии, Петра. Я хочу остановиться только на том, как весь этот неизменно проводимый параллелизм загорается новым смысловым оттенком в последнем отрывке первой части. Вся ситуация задумана как резко очерченный зрительный образ: с одной стороны — силуэт скачущего всадника, с другой стороны, полукомическое его подобие, Евгений, взобравшийся на каменного льва. Герои еще не вступили в открытую борьбу, но Пушкин извлекает из их противоставления картину огромной поэтической силы. На фоне внешнего сходства их ситуаций особенно ясен их внутренний контраст: естественная поза Петра и вынужденная поза »прикованного« ко льву несчастного Евгения, аллегорическая четкость монумента Фальконета и пародия на аллегорию в образе отпрыска древнего рода, припавшего к аристократической эмблеме, сторожевому льву. Нужно сопоставить строки об Евгении с соответствующими строками о Петре, чтобы заметить, что даже самая синтаксическая структура периодов с многочисленными обстоятельственными сло-

вами, ретардирующими троекратными рифмами и подлежащими, отнесенными к самому концу фразы, задумана в расчете создать контрастную параллель между гротескной фигурой несчастного и величественными, как бы выплывающими из тумана очертаниями Медного всадника.

Было уже сказано, что внутренние колебания поэта проходят через все развитие повествования. Поэт начинает как верноподданный великого основателя Петербурга и нового периода русской истории, почти что в тоне хвалебной оды XVIII в., и только в самом конце вступления его голос срывается с высоких тонов. В процессе своего повествования поэт все более переходит на сторону »бедного Евгения« и так сживается с ним, что, несмотря ни на какие доводы рассудка, чувствует к нему непреодолимую привязанность и самое искреннее расположение. Эти колебания поэта с особой силой и убедительностью воплощены в рассказе о том, как Евгений после наводнения отправляется на поиски домика своей невесты Параши и бедной вдовы, ее матери. Весь второй отрывок второй части начинается с контрастного чередования приподнятого стиля и прозаически точного повествования. С одной стороны читатель переносится в настоящее время неприкрашенной прозы: »Евгений смотрит: видит лодку«... »и перевозчик беззаботный его за гривенник... везет«. С другой стороны сцена переправы, как романтически-приподнятая марина, слегка отодвигается в даль прошедшего времени: »И долго с бурными волнами боролся опытный гребец«. Но вот наконец Евгений достигает берега. »Сцена узнавания« развивается крайне замедленным темпом, она занимает едва ли не в четыре раза больше места, чем сцена переправы. Объясняется это тем, что в Евгении преобладают переживания над волевым, действенным началом. Полное раскрытие этих переживаний должно вызвать сострадание читателя. Примечательно самое построение строк:

Несчастный
Знакомой улицей бежит.

Прилагательное »несчастный« служит здесь субъектом предложения, но благодаря »переносу« слово »несчастный« звучит как невольный вскрик поэта, совершенно как несколько выше »Ужасный день!« Но подавляя этот вздох, поэт торопится описать пеструю картину разрушений, мелькающую перед глазами Евгения, замедляет темп лишь к концу отрывка и как бы в знак за-

медления шагов героя переходит к настоящему времени и повторяющимся синтаксическим формам:

И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом . . .

В конце концов поэтическая фигура »гипостазис«, т. е. перенесение действия в настоящее время, как средство повышения иллюзии вчувствования, завершается отождествлением поэта с героем, почти полным слиянием их голосов. Восклицание »Что ж это?« может быть понято и как ремарка писателя и как слова героя. Вслед за этим поэт снова отстраняется от него, снова начинает наблюдать его со стороны: »Он остановился, пошел назад и воротился«. Затем поэт делает новую попытку проникнуть в переживания героя. Прошедшее время сменяется настоящим и повторяющимися глаголами: »глядит . . . идет . . . еще глядит . . .« Мысли Евгения становятся ясней и прозрачней, мы угадываем его недоумение, слышим как он громко толкует сам с собой. »Вот место, где их дом стоит, вот ива. Были здесь ворота« — все эти реплики произносят как бы в унисон и Евгений и поэт. Но тут происходит решительный перелом, и рассеивает иллюзию их взаимного понимания. Снова, и на этот раз уже окончательно, образ несчастного отодвигается в прошедшее время:

И вдруг ударя в лоб рукою
Захохотал . . .

Эти две строки, и особенно выделенный переносом и необычным у Пушкина ритмическим ударением глагол, разбивают весь строй повествования, все логическое течение мыслей несчастного. Оказывается, что поэт и не догадывался, какая глубокая внутренняя борьба происходила в сознании Евгения. Безумный взрыв хохота, вместо ожидаемой »естественной реакции«, слез и печальных возгласов, во всем своем ужасе чего-то непоправимого показывает, что поэт не в состоянии уже дальше следовать за своим героем. Он все еще испытывает к нему сочувствие, которое тонко оттеняет неизменный эпитет »бедный«, но он уже неспособен вчувствоваться; он видит Евгения со стороны как чудака и потому сообщает о нем глаголом совершенного вида »захохотал«. Отсюда естественно мысли поэта обращаются к предметам посторонним, к картине пострадавшего города, к заботам правительства и к угодливому одописцу, в лице которого он в сущности выставляет на смех приподнятый тон, царивший во вступлении к поэме.

И все-таки, несмотря на это, поэт не перестает испытывать неизменную близость к своему герою и чувствует себя порою его настоящим единомышленником. Это особенно сказывается в сцене на площади, когда перед лицом Медного всадника безумство несчастного Евгения едва не становится ясновидением, и поэт снова присоединяет свой голос к словам своего героя. Изучая знаменитое обращение к Петру, исследователи много спорили о том, какую историческую концепцию хотел выразить Пушкин в образе вздыбившегося над бездной коня. Между тем это обращение не содержит ни одного утверждения и все построено на вопрошаниях; его истинный смысл в утверждении права личности на историческое осмысление и оценку дел государя. Эти вопрошания поэта приобретают всю свою поэтическую силу особенно потому, что они развивают мысли несчастного безумца, который ценою своих нечеловеческих испытаний приобрел себе право судить дело Петра. Но в сущности и это слияние голоса Евгения и поэта непродолжительно и непрочно. Поэт-мыслитель ограничивается постановкой вопросов. Радость чистого познания недоступна Евгению. Ужасные воспоминания слишком живо затрагивают его, слишком нарушают его равновесие, чтобы он мог своевременно остановиться. Отсюда вытекает неизбежный переход от *исторического познания* к *мифотворчеству*. Евгений воспринимает бронзовый монумент как наивный анимист и становится жертвой собственного воображения. Правда, это не исключает возможности единоборства. Эта борьба поэтически выражена в чередовании возвышающих и снижающих эпитетов и обозначений, которыми поэт характеризует Евгения и Медного всадника. В обозначении памятника »кумиром« сквозит некоторое отвращение, и этому соответствует, что Евгений назван »безумцем бедным«, а взоры его — »дикими«, но называя лицо Петра »лик державца полумира«, поэт, однако, сразу поднимает его величие. Правда, тут же, описывая гнев Евгения, Пушкин пользуется приподнятой фразеологией XVIII в. »глаза подернулись туманом« и по контрасту снова снижает Петра, обозначая его »истуканом«. Однако, в конце концов, победа остается за ним. Евгений, в своем бессилии маленького человека, »злобно задрожал« (подобно »злобным бунтующим волнам«), тогда как Петр, с его »возгоревшим гневом« лицом »грозного царя«, вознесен поэтом на недосягаемую высоту. В этой сцене читатель остается посторонним наблюдателем: поэтому он *сначала* видит, как Евгений пустился бежать и только *затем*

узнает причину этого бегства. Лишь в процессе бегства и преследования виденье безумца приобретает более ощутимый характер: сначала говорится »показалось«, затем »как будто слышит« и, наконец, Медный всадник действительно »несется« за Евгением. Сила воздействия этих строк достигается не только звукописью, которую справедливо сравнивали с Державиным, но и замечательно тонкой сменой времени, то переносящего нас в самое действие, то отодвигающего его в некоторую перспективу.

»Медный всадник« завершается темой примирения и покорности. Это сближает образ Евгения с незадолго до того законченным »Рыцарем бедным«. Отсюда вытекает, что эпилог поэмы подобен заключительным строкам ряда лирических стихотворений Пушкина. Образ маленького острова среди спокойной глади вод, место вечного успокоения Евгения, задуман, как настоящий многогранный по значению символ. Может быть, в нем сказалось смутное воспоминание о том острове Голодае, на котором были погребены казненные декабристы. Но в пределах поэмы образ места вечного успокоения Евгения среди идиллически мирной водной стихии контрастно соответствует первой картине с Петром на берегу широкой и быстрой реки. Недаром здесь вновь появляется тот же персонаж бедный рыбак, гений этих мест. Без этого заключения, без этого чернеющего как куст домика, своеобразного надгробия Евгения, его история казалась бы незавершенной. Концовка »Медного всадника« в этом отношении несколько напоминает конец »Цыган«, пустую телегу среди безлюдного простора полей.

М. Алпатов.

Пушкин и „Идеалы“ Шиллера.

В пушкинской литературѣ признано, что Пушкин в Ленском дал типичный образ поэта-элегика, каких было много в концѣ XVIII и в началѣ XIX вѣка«.[1]) С. Савченко установил и подробно разработал связь предсмертной элегіи Ленскаго с французской элегіей [2]).

Однако в эпоху Пушкина в русской лирикѣ существовало и другое элегическое теченіе, шедшее из Германіи.

Уже современники упрекали Жуковскаго в том, что он »первый у нас стал подражать новѣйшим нѣмцам, преимущественно Шиллеру« [3]) и что благодаря ему к музам русских поэтов пристала »нѣмецкая хандра«, »у всѣх уныніем одѣлося чело, душа увянула, а сердце отцвѣло« [4]). И сам Пушкин, представляя нам Ленскаго »с душою прямо геттингенской«, подчеркнул в нем нѣмецкое поэтическое вліяніе: »Под небом Шиллера и Гете их поэтическим огнем душа воспламенилась в нем« (гл. II, строфа X) [5]). Наканунѣ дуэли, перед тѣм как написать свою предсмертную элегію, Ленскій ищет вдохновенія у любимаго поэта: »При свѣчкѣ Шиллера открыл« (VI, xx).

Слѣдовательно, необходимо поискать и вліянія Шиллера на Ленскаго. Не найдем-ли мы у самого автора и болѣе подробных указаній: какого-либо намека на то, какія именно произведенія Шиллера отразились на его героѣ? По нашему мнѣнію, такой намек нам дѣйствительно дан. Вдохновившись »поэтическим огнем« Шиллера, Ленскій »в лирическом жару« всю ночь писал свою элегію:

---

[1]) См. Бродский: »Комментарий к Евгению Онегину«, Москва, 1932, стр. 71, 141—142, 143.

[2]) См. С. Савченко: »Элегия Ленского и французская элегия« в сборникѣ: «Пушкин в мировой литературе», Госизд., 1926 г.

[3]) Кюхельбекер »О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, в послѣднее десятилѣтіе« в Мнемозинѣ (1824—1825 г.).

[4]) Боратынскій в стихотвореніи Богдановичу. Обѣ цитаты беру у Тынянова »Архаисты и Пушкин« в сборникѣ: »Пушкин в мировой литературе«, стр. 275, 393.

[5]) См. соч. Пушкина, изд. Поливанова, 1901 г., т. IV.

И, наконец, перед зарею
Склонясь усталой головою,
На модном словѣ и д е а л
Тихонько Ленскій задремал (VI, xxiii).

Слово »идеал« Пушкин недаром напечатал разрядкой. Очевидно, он хотѣл обратить на него вниманіе читателя. Оно и дает нам ключ. Это »модное слово« часто встрѣчается в лирикѣ Шиллера [1]), а его извѣстная элегія »Die Ideale« была так популярна у нас в началѣ XIX вѣка, что вызвала цѣлый ряд переводов и подражаній, а в одном из подражаній Жуковскаго (»Отрывок« 1806 г.) находим и самое слово: »идеал святый«.

»Идеалы« Шиллера могли послужить исходным пунктом для импровизаціи Ленскаго, так как начинаются тѣм же мотивом, что и его элегія: прощаньем с золотым временем жизни—юностью, а в переводах Жуковскаго находим даже тѣ же слова с повторным вопросом »куда?«, как и у Ленскаго. Ср. »О счастье *дней* моих! *Куда, куда* стремишься?« (Отрывок, 1806 г.), »О *дней* моих *весна златая* . . . *Куда* полет свой устремила?« (Мечты) [2]).

Конечно, нельзя отрицать, что этот мотив — сожалѣніе о веснѣ жизни — и даже самая форма, в которую оно облечено, общи у Шиллера с французской элегіей, ср., напримѣр, начало элегіи Жильбера в переводѣ Милонова:

»О *дней* моих *весна! Куда* сокрылась ты?« [3]).

При том, другой мотив — предчувствіе близкой смерти — дѣлает элегію Ленскаго ближе к французской элегіи, чѣм к Шиллеру. Но зато вліяніе »Идеалов« сказалось в ближайших же к ней строфах так ярко, как будто и сам Пушкин, перед тѣм как разсказать о смерти Ленскаго, искал вдохновенія у Шиллера и его русских подражателей [4]). Он оплакивает гибель Ленскаго и с ним его идеальных стремленій (VI, xxxvi), свои собствен-

[1]) Ср. »Die Ideale«, »Das Ideal und das Leben«, »Das weibliche Ideal«, »Die idealische Freiheit«.

[2]) См. Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, под редакціей А. С. Архангельскаго, Спб., 1902 г.

[3]) См. Сатиры, посланія и другія мѣлкія стихотворенія Михайла Милонова, члена С. Петербургскаго вольнаго общества словесности, наукъ и художествъ, Спб., 1819 г., стр. 105.

[4]) Шиллер у Пушкина в это время дѣйствительно был под рукой. Шестая глава (дуэль и смерть Ленскаго) написана, по указанію самого Пушкина, в Михайловском в 1826 году, а Плетнев, высылая ему заказанныя им книги, писал ему 21 января 1826 г.: »За письма de Junius заплатил 40 руб., театр de Schiller 40 руб., да его мелкія стихотворенія особо 3 руб.« (Цитирую по В. Розову »Пушкин и Гете«, Кіев, 1908 г., стр. 45, который ссылается на Сочиненія и переписку Плетнева, III, 333).

ныя былыя мечты (VI, xLiv), прощается сам со своей юностью и ободряет себя к дальнѣйшей жизни (VI, xLv, xLvi), подобно тому как это дѣлает в »Идеалах« Шиллер. Всѣ эти строфы, начиная от слов: »Увял! Гдѣ жаркое волненье«, явно носят печать этого стихотворенія Шиллера.

Но еще важнѣе для нас, что и характеристика Ленскаго и его поэзіи во II-ой главѣ (строфы VIII—IX, а также варіанты к VIII-ой строфѣ) дана по »Идеалам«. Впрочем, Пушкин, как увидим ниже, пользовался не столько оригиналом, сколько русскими подражаніями Жуковскаго и Милонова. Понятно, почему? Пушкину нужно было в лицѣ Ленскаго представить образчик именно русских »элегических затѣй«. Кромѣ того, в Ленском »много личных черт молодого Пушкина«, как справедливо указывает Бродскій [1]), а было время, когда он и сам ревностно подражал »Идеалам«, которые теперь пародировал в романѣ. Между тѣм эти его юношескія стихотворенія и »Кавказскій плѣнник« показывают, что »Идеалы« были ему тогда знакомы именно в переводах и подражаніях Жуковскаго и Милонова.

Перейдем к этим подражаніям. »Идеалы« были у нас в эпоху Пушкина очень популярны [2]). Среди них в отношеніи к Пушкину для нас важны стихотворенія В. Жуковскаго: »Мечты« (1812 г.) и »Отрывок« (1806 г.) и М. Милонова: »К юности« (1812 г.) [3]) и »Спутники жизни« [4]). Отдѣльные мотивы из »Идеалов«, отразившіеся у Пушкина, находим еще в посланіи Жуковскаго

---

[1]) См. »Комментарий«, 71. Ср. еще у М. Л. Гофмана: »С образом Ленскаго в Пушкинѣ так неразрывно-тѣсно связалось воспоминаніе о своей ранней юности и грустных настроеніях той поры, что как только он говорит о Ленском — так тотчас вспоминает не только тон, но и отдѣльные образы и выраженія своих юношеских элегій«, см. »Пушкин, психологія творчества«, Париж, 1928, стр. 137—140.

[2]) См. М. Милонов »К юности, подражаніе Шиллеровым »Идеалам«, впервые в С.П.Б. Вѣстникѣ, 1812 г., I; вошло в собраніе его сочиненій 1819 г.; И. Шапочников »Мечтанія, перевод из Шиллера«, см. Чтенія в Бесѣдѣ любителей русскаго слова«, 1812 г.; В. Жуковскій »Мечты«, впервые в Вѣстникѣ Европы, 1813 г., LXX; В. А. А...д...ов »Идеалы, подражаніе Шиллеру«, см. Сѣверная Лира, 1827 г.; И. Петров «Идеалы», 1833 г.

Кромѣ того, »Спутники жизни« Милонова сжато передают содержаніе Шиллеровой элегіи, »Отрывок« Жуковскаго представляет незаконченное подражаніе ей, его посланія »К Филалету« (1808—9 г.) и »Тургеневу« (1813 г.) до извѣстной степени подражают ей, посланіе »К Батюшкову« изображает идеал поэта примѣнительно к ней. Отдаленное вліяніе ея находим в стихотвореніях Батюшкова: »Мечта« (1817 г.) и »Воспоминанія« (1815 г.).

[3]) Op. cit., 35.

[4]) Ib., 114.

»К Батюшкову« (1812 г.) и в стихотвореніи Милонова »К сестрѣ моей«[1]). Посмотрим теперь, как они передают оригинал.

Шиллер свою элегію называет »стихотворной жалобой« и »криком природы«[2]). Это жалоба на постепенное увяданіе человѣка, на угасаніе его творческой фантазіи, на исчезновеніе вмѣстѣ с юностью его возвышенных стремленій, идеалов, которые, как веселыя солнца, освѣщали его молодость, на обманчивость всѣх надежд (строфы 1—2).

»Идеалы« изображают жизненный путь человѣка. Поэт вспоминает золотое время своей жизни, молодость, когда все казалось ему прекрасным, божественным, когда он, подобно Пигмаліону, оживившему нѣкогда холодный мрамор, одушевлял своим молодым порывом поэта бездушную природу, когда колесницу его жизни сопровождали еще его лучезарные спутники (3—7). Но постепенно эти свѣтлые спутники: любовь, слава, счастье, истина покидают его на полдорогѣ жизни и лишь луч надежды едва мерцает над его пустынной тропой (8—9). Вѣрными до гроба остаются только дружба и духовный труд, в которых поэт и ищет утѣшенія (10—11).

»Мечты« Жуковского представляют очень близкій перевод элегіи Шиллера. В них, как и в нѣмецком подлинникѣ, 11 строф по 8 строк в каждой. Его »Отрывок« не законченное вольное подражаніе »Идеалам«. Его содержаніе соотвѣтствует первым 4-м строфам Шиллера. В его посланіях »К Филалету« и »Тургеневу« имѣем лишь ряд общих с «Идеалами« мотивов. Стихотвореніе Милонова »К юности« является довольно свободным подражаніем Шиллеру. В нем всего 8 строф по 10 строк каждая, а не 11 по 8 строк, как в оригиналѣ. Три строфы он совсѣм выпустил, именно, тѣ, в которых поэт сравнивает себя с Пигмаліоном (строфы 3, 4, 5 у Шиллера)[3]). В остальных Милонов при-

---

1) Ib., 81.

2) На упреки в растянутости поэт отвѣчал, что »Идеалы« »стихотворная жалоба«, а »жалоба по природѣ своей многословна и всегда нѣчто вялое«. Конец же вял, потому что он хотѣл разстаться с читателем с этим чувством спокойной покорности (изд. соч. Шиллера Брокгауза и Эфрона, I, 376). Ср. у Пушкина отзыв о предсмертной элегии Ленскаго: »Так он писал т е м н о и в я л о« (VI, XXIII. Послѣднія слова напечатаны Пушкиным разрядкой).

3) У Жуковскаго же образ Пигмаліона сохранен не только в «Мечтах», но и в »Отрывкѣ«, и Пушкин в своих произведеніях всякій раз, как упоминает о Пигмаліонѣ, перефразирует именно перевод Жуковскаго, ср. »Кавказскій Плѣнник«, отрывок »Воспоминаньем упоенный« (1819 г.), стихотвореніе »Кн. Г-ой, при посылкѣ ей оды »Вольность«, »Евгеній Онѣгин« (начало IV-ой главы).

близительно придерживается плана »Идеаловъ«, но внесъ и нѣкоторыя измѣненія, сказавшіяся впослѣдствіи въ творчествѣ Пушкина [1]). Еще дальше отошло отъ оригинала другое подражаніе Милонова: »Спутники жизни«. Оно представляетъ упрощеніе, своего рода стихотворный конспектъ »Идеаловъ«. Начинается оно, такъ сказать, съ 6-ой строфы Шиллера. Заключаетъ 8 строфъ (опять-таки безъ Пигмаліона). Въ строфѣ на этотъ разъ по 8 строкъ, какъ и у Шиллера. Въ концѣ стихотворенія находимъ важное для насъ отступленіе отъ Шиллера. Потерявъ на жизненномъ пути всѣхъ милыхъ спутниковъ: радость, славу, любовь, красоту и даже дружбу, поэтъ закаляетъ себя терпѣньемъ и одиночествомъ, между тѣмъ какъ Шиллеръ ищетъ утѣшенія въ дружбѣ и трудѣ. Введеніе терпѣнья, какъ послѣдняго ресурса, мы встрѣтимъ и у Пушкина [2]). Стихотвореніе Милонова »Къ сестрѣ моей« имѣетъ общими съ »Идеалами« лишь отдѣльные мотивы.

Слово Ideale Жуковскій и Милоновъ перевели какъ »мечты«, »мечтанія«[3]). Они называютъ ихъ »спутниками« [4]), »вождями« [5]), »призраками« [6]). Эту условную поэтическую терминологію »Идеаловъ« въ ихъ русской передачѣ встрѣтимъ не разъ и въ раннихъ стихотвореніяхъ Пушкина, и въ »Кавказскомъ плѣнникѣ«, и на страницахъ »Евгенія Онѣгина« (ср. VI, XXXVI, XLIV, также II, XXXIX, путешествіе Онѣгина, стихъ 193).

Оплакивая гибель своихъ идеальныхъ стремленій, наши переводчики подробно перечисляютъ ихъ. У Жуковскаго въ стихотвореніи »Мечты« это — мечты, надежда, лучъ-путеводитель, »вѣра къ твореньямъ пламенной мечты«, любовь, счастье, слава, истина (строфы 1, 2, 7), въ »Отрывкѣ« опять мечты, надежды, лучъ, идеалъ святый, творенія фантазіи, стремленія къ блаженству, вѣра земному совершенству; у Милонова — замыслы, мечты, дары

[1]) См. ниже.

[2]) См. Посвященіе «Кавказскаго плѣнника» Н. Н. Раевскому и стихотвореніе »Предчувствіе« (1828 г.).

[3]) Ср. у Жуковскаго уже переводъ заглавія — «Мечты». Милоновъ переводитъ слово Ideale какъ »Мечты игривы« (см. »Къ юности«). Выраженіе Шиллера: »Die Ideale sind zerronnen« (строфа 2) переведено Жуковскимъ »сокрылись сладкія души моей мечты« (»Отрывокъ«), а Милоновымъ »мечты сокрылися отрадны« (»Къ сестрѣ моей«)«.

[4]) Ср. у Милонова »Спутники жизни«, у Шиллера Begleitung (строфа 7), Begleiter (строфа 8), Geleite (строфа 10).

[5]) Ср. у Жуковскаго »вожди отстали быстроноги« (»Мечты«), у Милонова »вождь жестокій« (»Спутники жизни«).

[6]) Ср. »Погибли призраки волшебныхъ заблужденій« (Жук. »Отрывокъ«, ср. и »Мечты«, строфы 2 и 7); »Такъ призраки сіи мгновенны сокрылись отъ моихъ очей« (Мил. »Къ юности«, см. и »Спутники жизни«, строфа 1).

фантазіи, стремленій сердца жар и пр. (»К юности«, строфы I, 6).

Комплекс этих выраженій мы встрѣтим и в юношеских подражаніях Шиллеру Пушкина, и на страницах »Евгенія Онѣгина«, относящихся к Ленскому (см. гл. II, vi).

Что касается внѣшней формы »Идеалов«, важно отмѣтить слѣдующее. Шиллер начинает свое стихотвореніе вопросительным оборотом с обращеніем к юности: »So willst du treulos von mir scheiden?« (строфа 1), но об исчезновеніи идеалов говорит в положительной формѣ, утверждая факт:

Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt;
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunkne Herz geschwellt
и т. д. (строфа 2).

Жуковскій же и Милонов и эту строфу перевели в вопросительной же формѣ, с повторяющимся вопросом: »гдѣ?«, »гдѣ?«, которым начинается каждое новое предложеніе: [1])

Ср. »Гдѣ луч, которым озарялся
Путь юноши среди весенних пылких дней?
Гдѣ идеал святый, которым я плѣнялся?...
Гдѣ вы?« (Жук. »Отрывок«).
»О, гдѣ ты, луч путеводитель
Веселых юношеских дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?« (Жук. »Мечты«, строфа 2).
»Гдѣ вы, забавы лѣт счастливых,
Безпечность, радость и покой?
Гдѣ замыслы, мечты игривы,
Дары фантазіи благой?« (Мил. »К юности«).

Этот риторическій пріем — повторный вопрос — придал этой строфѣ в русском переводѣ больше паѳоса. Его повторяет вездѣ и Пушкин: и тогда, когда подражает »Идеалам« в своих ранних стихотвореніях [2]), и тогда, когда пародирует их в »Евгеніи Онѣгинѣ« [3]).

Далѣе, Жуковскій в »Отрывкѣ« в обращеніи к счастью повторяет нарѣчіе »ужель«; см. »Ужель не возвратишься? Ужель навѣк?« И это повтореніе мы также встрѣтим в подражаніях Пушкина.

---

[1]) В смыслѣ »звукописи« это повторяющееся »гдѣ« прекрасно соотвѣтствует повторному »Die« в каждой новой строкѣ второй строфы у Шиллера.

[2]) См. ниже »Посланіе к князю А. М. Горчакову« (1816 г.), »Дельвигу« (1817 г.), »Мнѣ вас не жаль« (1820 г.), »Ты прав, мой друг« (1821 г.).

[3]) Ср., напр., гл. VI, xxxvi, »Увял, гдѣ жаркое волненье« и т. д.

»Идеалы« изображают жизнь человѣка, поэта, в видѣ пути. Сперва веселый, потом мрачный (ср. auf den finstern Weg 9-ой строфы), он постепенно приводит к могилѣ (ср. zum finstern Haus в 10-ой строфѣ). Поэтому у Шиллера и его подражателей находим слова »путь«, »дорога« (ср. Weg, строфы 8, 9), »тропа« (ср. Pfad, строфа 2), »стезя« (ср. Steg, строфа 9); послѣдняя имѣет при себѣ эпитеты: »грубая«, »суровая« (ср. auf dem rauhen Steg, строфа 9). Ср. у Жуковскаго »путь юноши« (»Отрывок«), »путем жизни«, »стезею младости«, »с полудороги«, »тропой« (»Мечты«, строфы 6, 7, 8, 9), у Милонова »путь«, »стезя« (»Спутники жизни«, строфы 1, 6, 8), »тропой колючей«, »путь краткій к гробу протеку« (»К юности«, строфы 3, 8). Послѣдняя фраза повторяется у Пушкина в »Посланіи к князю А. М. Горчакову«.

Исчезающіе идеалы становятся добычей грубой дѣйствительности, которая их вытѣсняет: ср. der rauhen Wirklichkeit zum Raube 2-ой строфы. Жуковскій перевел это выраженіе »существенностью злою« (»Отрывок«) и »истиной унылой« (»Мечты«). Милонов же замѣнил »дѣйствительность« »опытом«:

»И *Опыт* весть меня явился
Тропой колючей, в тьмѣ густой« (»К юности«, строфа 3).
»Там *Опыт* показал ей *строгій*
Злодѣйства страшныя дороги« (ib., строфа 4).
»Мечты сокрылися отрадны,
Их грозный *опыт* отогнал« (»К сестрѣ моей«).

Опыт с тождественным эпитетом встрѣтим у Пушкина в посланіи »К Шишкову«. Правда, еще Карамзин перевел Wirklichkeit Шиллера »опытом« в своем »Посланіи к Дмитріеву«. [1]) Эту же замѣну послѣ Карамзина и Милонова найдем также у Жуковскаго [2]) и Батюшкова [3]), но для нас важно, что Пушкин

[1]) В нем ясно видно подражаніе »Идеалам«, см.

»Надежды и мечты златыя,
Как птички быстро улетят,
И тѣни хладныя, густыя
Над нами солнце затемнят«

ср. у Шиллера
»Des Zweifels finstre Wetter zogen
Sich um der Wahrheit Sonnenbild«

На мѣсто »красной весны« с ея «мечтами» является »опыт«:
»Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лѣт«.

[2]) »Тургеневу«: »Но опыт вдруг накинул покрывало
На нашу даль — и там один лишь мрак«.

[3]) См. »Воспоминанія« (1815 г.):
»Я чувствую, мой дар в поэзіи погас,
И муза пламенник небесный потушила;
Печальна Опытность открыла
Пустыню новую для глаз«.
»Мечта« (1817 г.): »Увы!« но с юностью исчезнут и мечтанья«, на мѣсто их »тусклый Опытность свѣтильник зажигает«.

в своих подражаніях употребляет слово опыт с эпитетами, близкими к Милоновским, а иногда и с тождественным с ними: ср. »строгій опыт« [1]).

Спутники Шиллера покидают поэта на пути. Он говорит о каждом из них в отдѣльности, но кратко. Любви посвящено двѣ строки:

»Ach, allzuschnell, nach kurzem Lenze
Entfloh die schöne Liebeszeit!« (строфа 9).

Жуковскій в своем переводѣ так же краток:

»И быстро с быстрою весною
Прелестный цвѣт любви увял« (»Мечты«, строфа 9).

Но Милонов распространил сожалѣнія о любви на цѣлую строфу (5-ую), т. е. на цѣлых 10 строк [2]); отголоски этих жалоб встрѣтим впослѣдствіи у Пушкина [3]).

В окончаніе »Идеалов« Милонов внес особенный оттѣнок. Шиллер, покинутый идеалами, ищет утѣшенія в дружбѣ и трудѣ. Его »Beschaftigung« (строфа 11) Жуковскій перевел как »труд неутомимый«, Шапочников как »упражненье драгоцѣнно« [4]). Конечно, Шиллер имѣл в виду труд творчества. Милонов и подчеркнул, что рѣчь идет о поэтическом вдохновеніи: »О наслажденья чистых муз, восторг ваш« (»К юности«). И у Пушкина выраженіе: »А ты, младое вдохновенье« (»Евгеній Онѣгин«, VI, XLVI) появилось вмѣсто сухого Шиллерова труда не без вліянія Милонова. Обычно в своих подражаніях Шиллеру он комбинирует оба перевода: и Жуковскаго и Милонова, ставя рядом и »труд« и »вдохновенье« [5]): напр., »Я знал и труд и вдохновенье«. Ближе всего *Beschäftigung* Шиллера передает выраженіе: »И ты, живой и постоянный, хоть малый труд« (Ев. Он., VIII. L).

Кромѣ того, Милонов внес в свое заключеніе бодрую ноту вмѣсто той »покорности«, о которой говорил Шиллер в своей

---

[1]) См. »К Шишкову» и «Ты прав, мой друг«.

[2]) Между прочим отмѣтим, что начало 5-ой строфы у Милонова:

»С улыбкой ты меня манила,
Любовь, *мечта* прелестных дней!«

как бы намекает на первую редакцію »Идеалов« Шиллера (1795 г.), ср.

Der Liebe süssen *Traum* entführte
Ach.! allzuschnell der Hore Flug.«

Schillers Gedichte erläutert und auf ihre Veranlassungen, Quellen und Vorbilder zurückgeführt nebst Variantensammlung von Heinrich Viehoff. 7 Auüage. II Bd., стр. 63. Stuttgart, 1895.

[3]) См. »Посланіе к князю А. М. Горчакову« и »Ты прав, мой друг«.

[4]) См. Соч. Шиллера, изд. Брокгауза и Ефрона, 377.

[5]) См. »К Дельвигу« (1817 г.), »Ты прав, мой друг« (1821 г.), характеристику Ленскаго в варіантах к VIII строфѣ II-ой главы, изд. Поливанова, 1901 г., т. IV, стр. 195; Евг. Онѣг. VI, XLVI.

защитѣ элегіи. Поэтому у него нѣт в концѣ ея той вялости, за которую обвиняли Шиллера его друзья. Эту бодрую ноту подхватил и Пушкин, заключая VI-ую главу своего романа, отмѣченную вліяніем »Идеалов« Шиллера (см. строфу XLV).

Еще мелочь. Оплакивая угасаніе генія (строфы 1, 2 у Шиллера), Жуковскій употребляет выраженія: »*творенія* фантазіи моей« (»Отрывок«) и »*творенья* пламенной мечты« (»Мечты«). У Милонова вмѣсто »творенья« стоит »дары«: »дары фантазіи благой« (»К юности«). С »дарами« мы встрѣтимся и в подражаніях Пушкина.

Перейдем теперь к отраженію »Идеалов« в произведеніях Пушкина. Начнем с лицейских стихотвореній.

Уже в его элегическом »Посланіи к князю А. М. Горчакову« (1816 г.) [1]) мотивы французской элегіи [2]) переплетаются с мотивами »Идеалов«. Так прежде всего узнаем здѣсь вопросительную форму их русских подражаній в обращеніи к юности, с неизбѣжным »гдѣ«:

»*Гдѣ вы*, лѣта безпечности недавной?
С *надеждами*, во цвѣтѣ юных лѣт,
Мой милый друг, мы входим в новый свѣт« [3]).

Напомним, что и »надежды« включены Жуковским в число идеалов [4]). Но вообще »Посланіе« стоит ближе к Милоновскому подражанію. Ср. стихи 5-ый: »*Гдѣ вы, лѣта безпечности* недавной? и 16—18-ый:

Ты сотворен для сладостной свободы,
Для *радости*, для славы, для *забав*.
Они пришли, твои златые годы« [5])

с 2-ой строфой »К юности«: »*Гдѣ вы, забавы лѣт* счастливых, *безпечность, радость* и покой?« Как видим, и форма, и содержаніе, и настроеніе, и словарь тождественны. Подобно Шиллеру, он здѣсь изображает свою жизнь в видѣ пути.

Далѣе, в числѣ идеалов у Шиллера находилось и счастье: »Das Glück mit seinem goldnen Kranz« (строфа 7). Милонов под

---

[1]) Изд. под редак. Морозова, 1887 г., I, 130.

[2]) Вліяніе предсмертной элегіи Жильбера видят в концѣ посланія, гдѣ автор сравнивает себя с гостем, покидающим жизненный пир.

[3]) Курсив наш.

[4]) См. »Мечты«, строфа 2-ая, и »Отрывок«.

[5]) »Твои златые годы« соотвѣтствуют выраженію Шиллера: »Meines Lebens goldne Zeit« (строфа 1).

вліяніем неоклассических реминисценцій замѣнил его »Фортуной, льстящею наградой«. Фортуна появилась и у Пушкина:

Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указан путь, и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна«.

И »путь«, и »стезя« проникли сюда, конечно, из русских подражаній »Идеалам«. Иногда Пушкин говорит прямо словами Милонова:

Смотря на *путь*, оставленный навѣк,
На *краткій путь*, усыпанный цвѣтами,
Которым я так весело *протек*«.

Ср. »*Путь краткій* к гробу *протеку*« (Мил., »К юности«, строфа 8).

Далѣе жалобы на обманувшую любовь Пушкин распространил, как и Милонов:

»Я *слезы* лью, я трачу *вѣк напрасно*,
Мучительным *желаніем* горя«,
»Я знал *любовь*, но я не знал надежды:
Страдал *один*, в безмолвіи любил«.

Ср. у Милонова:

»*Пора любви* проходит *тщетно*,
Желанье гаснет непримѣтно,
И *одинокая* тоска
То ложе горькими *слезами*
Кропит, что для тебя цвѣтами
Моя украсила рука« (»К юности«, строфа 5).

Повторенія же:

»*Ужель* моя пройдет пустынно младость?...
Ужель умру, не вѣдая, что радость?«

возвращают нас снова к Жуковскому и его обращенію к молодости:

»*Ужель не возвратишься?*
Ужель навѣк?« (»Отрывок«).

Впослѣдствіи Пушкин пародировал это мѣсто в »Евгеніи Онѣгинѣ«:

»*Мечты, мечты*, гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная к ней риѳма, м л а д о с т ь?
Ужель и вправду, наконец,
Увял, увял ея вѣнец?
Ужель и впрямь, и в самом дѣлѣ,
Без элегических затѣй,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселѣ)?
И ей *ужель возврата нѣт?*
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣт?« (VI, XLIV).

В связи с »Идеалами« стоит и примиряющее заключеніе »Посланія«:

»И в жизни сей мнѣ будет в утѣшенье
Мой скромный дар и счастіе друзей«,

соотвѣтствующее 10-ой и 11-ой строфам Шиллера.

В стихотвореніи »К А. А. Шишкову«, того же 1816 года [1]), в словах:

»Недолго снились мнѣ *мечтанья муз* и *славы*,
И *строгим опытом* невольно пробужден,
Уснув меж роз, на тернах я проснулся«

снова отозвался перевод Милонова, у котораго на смѣну мечтам, в том числѣ фантазіи и славѣ, является »строгій Опыт« с его »колючею тропой« (»К юности«, строфы 3 и 4). Притом и Милонов исчезновеніе мечтаній юности изобразил как пробужденіе от сладкаго сна:

»Как сна мечтаніе пріятно
Летит с зарею от очей« (ibidem, строфа 1).

Переходим к элегіи »Опять я ваш, о юные друзья!« (1816 г.) [2]). Строки:

»Уж я не тот . . . Невидимой *стезей*
Ушла пора веселости *безпечной*.
Ушла *навѣк*, и жизни скоротечной
Луч утренній блѣднѣет надо мной;«
»Улыбку, смѣх, и рѣзвость, и *покой*,
Я все забыл«.

представляют варіаціи на тему Шиллеровой жалобы, в которых слышится знакомый уже нам язык Жуковскаго и Милонова, ср. »*Безпечность*, радость и *покой*« (»К юности«), »Ужель *навѣк*?« »Гдѣ *луч*, которым озарялся путь юноши среди весенних, пылких дней?« (»Отрывок«). Слова:

»Минувших дней погаснули мечтанья
. . . .
Умчались вы, дни радости моей!«

имѣют в виду тѣ же идеалы, гибель которых оплакивает Шиллер. Заключительным аккордом элегіи является также обращеніе к дружбѣ, но, впрочем, в другом духѣ, чѣм у Шиллера:

»О дружество, предай меня забвенью!«

Вспомним, что у Милонова и дружба попадает в число тѣх идеалов, которые оказались пустыми призраками.

---

1) Изд. Морозова, I, 154.
2) Ib., I, 148—149.

В посланіи »Дельвигу« (1817 г.)[1]) опять встрѣчаем мотив »Идеалов« — жалобу на угасаніе поэтическаго творчества, притом в знакомой уже нам формѣ:

»Но *гдѣ* же *вы*, минуты упоенья,
Неизъяснимый *сердца жар*,
Одушевленный *труд* и слезы вдохновенья?
Как дым исчез мой легкій *дар*«.

В обработкѣ его замѣтно вліяніе как Жуковскаго, ср. »труд неутомимый« (»Мечты«), так и Милонова:

»*Гдѣ* замыслы, мечты игривы,
Дары фантазіи благой?«
»Стремленій *сердца жар* потух« (»К юности«, строфы 2 и 6).

Этот мотив почти в тѣх же выраженіях Пушкин повторил затѣм в элегіи: »Мнѣ вас не жаль, года весны моей« (1820 г. [2]). Поэту не жаль измѣнивших любви, друзей, забав. »Но, восклицает он,

гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младых *надежд*, сердечной тишины?
(*Гдѣ* прежній *жар* и) нѣга *вдохновенья?*
Придите вновь, года моей весны«.

И в стихотвореніи »Ты прав, мой друг,« (1821 г.)[3]) встрѣчаем, особенно в 4-ой строфѣ, ту же жалобу на гибель мечтаній юности и охлажденіе вдохновенія:

»И свѣт, и жизнь, и дружбу, и любовь
В их наготѣ я нынѣ вижу —
Но все прошло, остыла в сердцѣ кровь,
И мрачный *опыт* ненавижу«.

В черновом варіантѣ стоит: »*Прошли мечты*, остыла в сердцѣ кровь, угрюмый *опыт* ненавижу«.

Это противоположеніе мрачнаго (угрюмаго) опыта мечтам снова приводит нас к Милонову, ср. »К юности«, (строфы 3, 4) и »К сестрѣ моей«.

О разочарованіи в любви Пушкин первоначально говорил словами Милонова, которому »*Любовь мечта прелестных* дней« не открыла »небесной *красоты* своей« (см. »К юности«, строфа 5), ср. у него в черновых:

»Я знал *любовь прелестною мечтой*«,
вар. (»*прелестную мечту*«), »*и красоту*« [4]).

---

[1]) Соч. под ред. Морозова т. I, 167.
[2]) Соч. Пушкина, академ. изд. II. 205.
[3]) Ак. изд., III, 60.
[4]) Ак. изд., III, прим., стр. 103,

Сходство с Милоновым чувствуется и в началѣ стихотворенія, ср. »*Дары* природы благосклонной« с Милоновским »*Дары* фантазіи благой« (»К юности«, строфа 2), а »*безпечных* муз (вар. *безпечности*) удѣл« с его же »*безпечность*, радость и покой« (там же).

Слабѣе вліяніе Жуковскаго. Стоявшая в черновикѣ строка: »*Моей весны златые* годы« перефразирует восклицаніе Жуковскаго: »О дней *моих весна златая*«, а »*труд* и вдохновенье«, которые »знал« поэт, имѣют в виду тот же »труд неутомимый«, о котором говорит Жуковскій.

Совсѣм по иному использовал Пушкин тот же трафарет в стихотвореніи: »Война« (1821 г.) [1]). Здѣсь его пугает мысль, что с его смертью погибнут и всѣ идеальныя стремленія его юности:

»И все умрет со мной: *надежды* юных дней,
Священный *сердца жар*, к высокому *стремленье*,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь«.

Это опять слова Милонова, ср. у него

»*Стремленій сердца жар* потух.
Лишь благ протекших *вспоминанье*
Живит мой изнуренный дух« и др. (»К юности«) [2]).

Эти свои стихи Пушкин впослѣдствіи перефразировал, оплакивая смерть Ленскаго, см. гл. VI, XXXVI.

Стихотворенія своей юности, в которых отразились наши русифицированные »Идеалы«, равно как и самые переводы их Жуковскаго и Милонова, Пушкин впослѣдствіи пародировал в своем романѣ.

Со смертью Ленскаго »во цвѣтѣ радостных *надежд*« он оплакивает гибель идеальных стремленій, надежд и мечтаній молодого шиллеріанца. Он пародирует Шиллерову жалобу в знакомой уже нам формѣ и в знакомых же выраженіях:

»Увял! *Гдѣ жаркое* волненье,
Гдѣ благородное *стремленье*
И чувств, и мыслей молодых,
Высоких, нѣжных, удалых?

---

[1]) Ак. изд., III, 49.

[2]) Ср., впрочем, и у Жуковскаго »Батюшкову«: »К прекрасному стремленье«.

Гдѣ бурныя *любви желанья,*
И жажда знаній и *труда,*
И страх *порока* и стыда,
И вы, завѣтныя *мечтанья,*
Вы, *призрак* жизни неземной,
Вы, сны поэзіи *святой«* (VI, XXXVI).

Каждая строка здѣсь нам уже понятна и знакома. Остается пояснить лишь »страх порока и стыда«. Тут снова вліяніе Милонова, у котораго поэта, покинутаго мечтами, пугает »порока лик« (»К юности«, строфа 4), а у Жуковскаго »музы« — »друзья стыдливых« (»К Батюшкову«, 1812 г.).

В Ленском Пушкин хоронил свою собственную молодость с ея идеалами. Поэтому сѣтованія о Ленском естественно вызвали в душѣ его сожалѣніе и о самом себѣ, о собственной юности, о разрушеніи своих мечтаній и надежд:

»Мечты, мечты! *Гдѣ* ваша *сладость?*
Гдѣ вѣчная к ней риѳма, младость?
Ужель и вправду, наконец,
Увял, увял ея вѣнец? [1])
Ужель и впрямь, и в самом дѣлѣ,
Без элегических затѣй,
Весна моих *промчалась дней*
(Что я шутя твердил доселѣ)?
И ей *ужель возврата нѣт?*
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣт?« (VI, XLIV).

Здѣсь он пародирует главным образом Жуковскаго, ср. у того »сладкія мечты«, повторное »ужель« в »Отрывкѣ«, »тебѣ *возврата нѣт*« в »Мечтах«, но намекает так же и на свои юношескія упражненія в элегическом жанрѣ: »без элегических затѣй«, »что я шутя твердил доселѣ« [2]).

И в слѣдующих строфах Пушкин продолжает тему »Идеалов«. В строфѣ XLV-ой, прощаясь с юностью, он, слѣдуя Шиллеру, перечисляет и все, что она ему дала, но не жалуется, как нѣмецкій поэт и его подражатели, а благодарит:

»Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья« и т. д.

Любопытно, что здѣсь он ближе стоит к нѣмецкому оригиналу,

---

[1]) Это мѣсто ближе напоминает другое стихотворѣніе Шиллера: »Der Jüngling am Bache«, гдѣ юноша в подобных выраженіях оплакивает свою юность: »Und so bleichet meine Jügend, wie die Kränze schnell verblühn«. Стихотвореніе это также переведено Жуковским, см. »Жалоба«, 1811 г.

[2]) Кромѣ разобранных выше стихотвореній, см. и »Пробужденіе«, 1816 г.: *«мечты, мечты! гдѣ* ваша сладость?

гдѣ так же имѣем противоположеніе радостей и страданій: »Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden« (строфа 1), чѣм Жуковскій, у котораго находим только: »С мечтами, радостью, тоской«. Не имѣя под руками французскаго перевода Шиллера, бывшаго у Пушкина, не можем рѣшить, взял ли он эту черту из нѣмецкаго текста непосредственно или нашел ее у французскаго переводчика.

Вліяніе Милонова сказывается в обращеніи к юности:

»Но так и быть, простимся дружно,
О юность легкая *моя!*«

которое, если не содержаніем, то формой напоминает обращеніе Милонова:

»Ты утекаешь невозвратно,
О время *юности моей*« (»К юности«).

Далѣе, простившись с юностью, Пушкин ищет радости в поэтическом творчествѣ:

»А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье«, и т. д. (VI, XLVI).

Этот горячій призыв напоминает такое же энергичное обращеніе к Музам Милонова, который вялый конец Шиллеровских »Идеалов« с их сухим Beschäftigung согрѣл своим поэтическим »восторгом« и вмѣсто унылой примиренности Шиллера внес бодрую ноту:

»О наслажденья чистых Муз!
Восторг ваш, непорочность, силу,
Вливайте в грудь мою унылу,
Гоните [1]) горесть и тоску
Прелестных ваших струн игрою,
Да с *бодрой* я еще *душою*
Путь краткій к гробу протеку« (»К юности«, строфа 8).

Эту бодрую заключительную ноту, которая болѣе соотвѣтствовала его жизнерадостности, Пушкин повторил за Милоновым в концѣ VI-ой главы:

»Довольно! С *ясною душою*
Пускаюсь нынѣ в новый *путь*
От жизни прошлой отдохнуть« (VI, XLV) [2]).

---

[1]) Неясное и спорное мѣсто в Пушкинском стихотвореніи »Мечтатель« (1815 г.): »Гоните (гони) мрачную печаль«, с обращеніем к *музѣ* и *мечтанію*, по нашему мнѣнію, является реминисценціей из Милонова.

[2]) В черновых: »Туда, гдѣ (должно) можно отдохнуть«, изд. Поливанова, IV, 249.

Таким образом в концѣ VI-ой главы »Евгенія Онѣгина« Пушкин развил почти всю тему »Идеалов« по порядку: 1. гибель идеалов с юностью (строфа XXXVI), 2. побѣда суровой дѣйствительности: »Другія хладныя мечты, другія *строгія* [1]) заботы« (XLIII), 3. прощаніе с юностью и ея дарами (XLV), 4. примиреніе с жизнью, утѣшеніе в творчествѣ (XLVI).

Хотя элегію Ленскаго и описаніе его могилы Пушкин написал во французском элегическом стилѣ, но сам Ленскій создан им не по французскому образцу. »Не вам чета был строгій Ленскій«, обращается поэт к фривольным французским элегикам и их подражателям, противоставляя им своего героя [2]). Напротив он неоднократно подчеркивает его связь с нѣмецкой поэтической и интеллектуальной традиціей. В Германіи почерпнул Ленскій и свои идеи, и настроенія, и манеру держаться, и даже наружность:

»Он из Германіи туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Дух пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плеч« (II, vi).

Того же происхожденія и его собственная поэзія:

»Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем« (II, ix).

Поэтому и характеристика Ленскаго во II-ой главѣ романа дана Пушкиным в приподнятом стилѣ нѣмецкой поэзіи. Готовый уже образ такого поэта с чистой душой и возвышенной музой, созданный по нѣмецкому образцу, в частности по »Идеалам«, Пушкин нашел у Жуковскаго в его элегическом посланіи »К Батюшкову« (1812 г.). Связь же стихотворенія Жуковскаго с »Идеалами« Шиллера вскрывается легко [3]). Переходим прямо к сравненію идеальнаго поэта у Жуковскаго с Ленским.

[1]) Вспомним »строгій Опыт« Милонова (см. »К юности«) и стих. самого Пушкина: »К А. А. Шишкову«.

[2]) Соч. Пушкина, ред. Морозова, III, 264, черновыя к IX-ой строфѣ II-ой главы.

[3]) Поэта Жуковскаго, как и Шиллера в »Идеалах«, одушевляют тѣ же мечты, призраки, высокія стремленія и чувства, обоготвореніе природы, труд и поэзія. Поэт Жуковскаго »лишь то *боготворит*, что благо, *что прекрасно«* (I, 101), ср. Шиллера, который оплакивает, »*Was* einst *so schön, so göttlich war«*. Когда жизнь разбивает мечты поэта и любовь, он ищет утѣшенья в поэзіи, при чем его обращеніе к музѣ, своему »путеводителю«: »О, добрый геній мой, послѣдних благ спаситель« (I, 102) вполнѣ соотвѣтствует послѣдней строфѣ »Идеалов«.

Оба отличаются младенческой невинностью. Первый, »призраками богатый, безпечностью *дитя*« [1]), сіял »в душѣ спокойной *младенца* чистоту с величіем свободы« [2]). О втором мы узнаем, что »пѣснь его была ясна, как сон *младенца*« (II, x). Первый одушевляется славой, которая »*чужда порока*« [3]), второй также знает »страх порока и стыда« (VI, xxxvi). Поэзія перваго так чиста, что »и дочери стыдливой заботливая мать гармоніи игривой сама велит внимать« [4]), но и »стихи« Ленскаго, »конечно, мать велѣла б дочери читать« (II, ix, черновой варіант)[5]). Обоих характеризует простота. У перваго »чувство в *простотѣ*, как тихій день сіяет«, второй »в пѣснях гордо сохранил« »прелесть важной *простоты*« (II, ix). Обоих »воспламеняет« слава и стремленіе ко благу. Жуковскій твердит, что »*слава*« »в могущей красотѣ . . . себя являет« лишь »душам спокойным« поэтов, »в них *воспламенив* к великому порыв, к прекрасному *стремленье, ко благу* страстный *жар*« [6]). Но и в Ленском так же »душа *воспламенилась*« (II, ix). И он знал »*жаркое* волненье» и »благородное *стремленье*« (VI, xxxvi). »*Ко благу* чистая любовь, и *славы* сладкое мученье в нем рано волновали кровь« (II, ix). Поэтому и муза поэта должна быть возвышена. »И мы *не посрамим* поэтов достоянья«, обращается Жуковскій к Батюшкову: »О друг! Служенье муз должно быть их достойно« [7]). Таков именно Ленскій: »Муз возвышенных искусства, счастливец, он *не постыдил*; он в пѣснях гордо сохранил всегда возвышенныя чувства« (II, ix). Любовь поэта, по Жуковскому, должна быть столь же чиста, как и его муза. »Отвергни *сладострастья* погибельны мечты«, убѣждает он Батюшкова: »и не восторгов — *счастья* в *прямой* ищи любви« [8]). Совершенно по этому рецепту Ленскій, »поклонник истиннаго *счастья*, не славил сѣти *сладострастья*« (II, ix, чер. вар.). Милая, по Жуковскому, »*одна*« во всей вселенной; ея присутствіе он чувствует

[1]) Соч. Жук., I, 100.
[2]) Ib., 103.
[3]) Ib., 100.
[4]) Ib., 101—102.
[5]) Хотя в примѣчаніи к этой строфѣ Пушкин ссылается на Пирона, первоисточник этого изреченія, но предыдущія заимствованія у Жуковскаго показывают, что для него непосредственным источником было посланіе »К Батюшкову«, Соч. Жук., I, 100.
[6]) Ib.
[7]) Ib., 102.
[8]) Ib., 103.

всегда повсюду: любовь »*один* вездѣ являет душѣ твоей *предмет*«[1]). Совершенно так же и влюбленный Ленскій видѣл всюду »*один предмет, одно* желанье«, свою Ольгу (II, xx, черн. вар.)[2]). Наконец, оба поэта умѣют чередовать поэтическій труд с отдыхом. Первый знает »животворящій труд, веселіе досуга«[3]). Второй »вѣдал труд и вдохновенье и освѣжительный покой« (II, vii, черн. вар.).

Остается привести еще чисто стилистическія совпаденія между посланіем Жуковскаго и характеристикой Ленскаго. »*Душа* моя *согрѣта* вліяньем горних сил, и вся ничтожность *свѣта* в глазах моих, как сон«, увѣряет Жуковскій[4]). »От хладнаго разврата *свѣта* еще увянуть не успѣв, его *душа* была *согрѣта* привѣтом друга, лаской дѣв« (II, vii), сообщает Пушкин о Ленском. »Мой друг, да не сквернится твой непорочный *жар*: любовь есть *неба дар*«, говорит Жуковскій[5]). А Ленскій вѣрил, »что жизнь их лучшій *неба дар*, и мыслей неподкупный *жар*...« (II, viii, черн. вар.)[6]).

Таким образом родственная связь Ленскаго с возвышенным поэтом-идеалистом Жуковскаго, а при его посредствѣ и с Шиллером и его »Идеалами«, несомнѣнна. В особенности ярко выступает она, если привлечь и черновые, впослѣдствіи отброшенные поэтом варіанты. Вѣроятно, они именно потому и были исключены Пушкиным, что слишком явно напоминали хорошо всему литературному міру извѣстное произведеніе Жуковскаго. В окончательной редакціи стиль был поэтому нѣсколько измѣнен, но в основном содержаніи характеристика элегическаго поэта в духѣ Шиллера осталась та же.

Пушкин не раз еще намекает на страницах своего романа на наши русскія подражанія »Идеалам«. Совеременники легче, чѣм мы, понимали эти намеки. »То, что нынѣ нами переживается как общее элегическое мѣсто, во времена Пушкина звучало как направленная литературная цитація, как сознательное и явное обнаженіе литературнаго фона произведенія«[7]),

---

[1]) Соч. Жук., I, 104.
[2]) Соч. Пушкина, изд. Поливанова, 1901, IV, 199.
[3]) Соч. Жук., I., 102.
[4]) Ib., 99.
[5]) Соч. Жуковскаго, I, 103.
[6]) Соч. Пушкина, изд. Поливанова.
[7]) См. Томашевскій: »Пушкин — читатель французских поэтов«, »Пушкинист«, IV, Петроград, 1922, стр. 224.

Поэтому, когда Пушкин говорит:

»Для *призраков* закрыл я вѣжды;
Но отдаленныя *надежды*
Тревожат сердце иногда« (II, XXXIX);[1]),

то современники совершенно опредѣленно понимали, о каких призраках идет рѣчь: это — мечты юности, идеалы, свѣтлая свита спутников жизни Шиллера. Иногда Пушкин даже и удареніе в словѣ призрак, в силу вольной или невольной ассоціаціи, ставит по Жуковскому:

»Кто чувствовал, того тревожит
Призрáк невозвратимых дней« (I, XLVI).

Ср. у Жуковскаго: »*призрáков* прежних красоты« (»Мечты«) и »*призрáками* богатый« (»К Батюшкову«).

Ясный намек на »Идеалы« имѣется в черновых варіантах »Путешествія Онѣгина«. В извѣстной тирадѣ: »В ту пору (молодости) мнѣ казались нужны пустыни, волн края жемчужны« и т. д. на мѣстѣ стиха: »И гордой дѣвы идеал« первоначально стояло: »И между ими *идеалы*«.[2]) Эти *идеалы молодости*, конечно, восходят к Шиллеру. Далѣе Пушкин переходит к терминологіи русских переводчиков Шиллера: »Смирились вы, *моей весны* высокопарныя *мечтанья*«. »Мечтанья« же первоначально стояло вмѣсто »тревоги« и во фразѣ: »мир вам, тревогип рошлых лѣт«[3]).

Есть еще один яркій слѣд вліянія »Идеалов« в романѣ Пушкина. Это образ Пигмаліона, обнимающаго холодный мрамор, в началѣ IV-ой главы (2 строфа). Он встрѣчается уже в раннем творчествѣ Пушкина и тѣсно связан в его памяти с именем Шиллера, как видно из черновика его письма к Гнѣдичу по поводу »Кавказскаго Плѣнника«[4]).

Дѣйствительно, Шиллер в »Идеалах« сравнивает себя, пламеннаго поэта, с Пигмаліоном, а равнодушную природу, которую он оживляет своим поэтическим порывом, — с холодным мрамором[5]). Жуковскій сохранил этот образ в обоих переводах

---

[1]) Ср. у Милонова:
»Так *призраки* сіи мгновенны
Сокрылись от моих очей«.
[2]) Соч. Пуш., изд. Поливанова, IV, 284—285.
[3]) Ib., первоначальный варіант: »Мир вам, *мечтанья* прежних лѣт«.
[4]) См. ниже.
[5]) Строфы 3 и 4; см. и стих. »Der Triumph der Liebe«.

»Идеалов« (»Отрывок« и »Мечты«), и у Пушкина сильно чувствуется вліяніе именно перевода Жуковскаго.

Приводим текст Жуковскаго:

»Как нѣкогда Пигмаліон,
С надеждой и тоской объемля хладный камень,
Мечтая слышать в нем любви унылый стон,
Стремился передать весь жар, весь страстный пламень,
Всю жизнь своей души в созданіе рѣзца,
Так я, воспитанник свободы,
С любовью, с радостным волненіем пѣвца,
Дышал в объятіях *природы*
И мнил бездушную согрѣть, одушевить!
Она подвиглась, воспылала!
Безмолвная могла со мною говорить,
И *пламенным* моим лобзаньям отвѣчала« (»Отрывок«).

и

»Как древле рук своих созданье
Боготворил Пигмаліон —
И *мрамор* внял любви стенанье,
И мертвый был одушевлен —
Так *пламенно объята* мною
Природа хладная была;
И полная моей душою,
Она подвиглась, *ожила*«,
И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла язык« (»Мечты«) [1].

Элегія Пушкина: »Воспоминаньем упоенный« (первоначально »К Кагульскому памятнику«), 1819 г., осталась недосказанной и не разгаданной. Но к кому бы ни относилось это стихотвореніе [2], ясно, что Пушкин изобразил в нем себя, поэта, в роли *пламеннаго* [3]) Пигмаліона, обнимающаго бездушный мрамор, оживляемый его воспоминаніем. При этом в строках:

»*С* благоговѣньем и *тоской*
Объемлю грозный *мрамор* твой,
Воспоминаньем *оживленный*«,

ощущается язык Жуковскаго. Ср. »*С* надеждой *и тоской объемля* хладный камень« (»Отрывок«) и »*Мрамор* внял любви стенанье«, »Она подвиглась, *ожила*« (»Мечты«).

Еще замѣтнѣе вліяніе Жуковскаго в стихотвореніи: »Кн. Г-ой, посылая ей оду »Вольность« (1817 г.) [4]. В началѣ его находятся стихи:

[1]) Курсивом печатаю выраженія, которыя повторяет Пушкин.
[2]) Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 81—83.
[3]) См. »меня воспламеняют нынѣ«, изд. Ак. Н., II, 31.
[4]) Изд. Ак. Н., II, прим., 113, 496.

»Простой *воспитанник природы,*
Так я, бывало *воспѣвал*
Мечту прекрасную *Свободы*
И ею сладостно *дышал*«,

которые представляют перефразировку строк Жуковскаго:

»*Так я, воспитанник свободы,*
С любовью, с радостным волненiем *пѣвца,*
Дышал в объятiях *природы*« (»Отрывок«).

Подобное же перенесенiе пламенных чувств поэта с природы на свободу видим позднѣе и в »Кавказском Плѣнникѣ«. Герой поэмы выступает в роли Пигмалiона. »Отступник свѣта, *друг природы,* он так же »с вѣрой, *пламенной* мольбою« обнимал »гордый идол« »свободы« [1]). Но в роли Пигмалiона выступает не только плѣнник, а и черкешенка. На это имѣется указанiе самого автора, который тѣсно связал сюжет поэмы с »былью« о Пигмалiонѣ. »Прелестная быль о *Пигмалiонѣ, обнимающем холодный мрамор* (плѣнила *нѣкогда*), нравилась *пламенному* воображенiю Руссо (и Шиллера)« [2]), писал он Гнѣдичу по поводу сюжета »Кавказскаго Плѣнника« [3]). Конечно, он имѣл в виду аналогiю, хотя и отдаленную, между жаркой любовью черкешенки к охлажденному плѣннику [4]) и пламенной страстью Пигмалiона к статуѣ [5]).

Имя Шиллера в связи с »Кавказским Плѣнником« Пушкин упомянул неспроста. Можно сказать, что в этой поэмѣ Шиллер боролся с Байроном. Пушкин писал, что в своем героѣ он »хотѣл изобразить это равнодушiе к жизни и к ея наслажденiям, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19 вѣка« [6]). Образы подобнаго охлажденiя дал Пушкину не только Байрон, но и Шиллер в своих »Идеалах«. »Идеалы« тоже оплакивают охлажденiе души к наслажденiям и радостям жизни. Милонов в »Спутниках жизни« (подражанiе »Идеалам«) совершенно опредѣленно жалуется:

»*Блага мiра* мнѣ безцѣнны,
Наслажденье мнѣ отдай!« [7])

---

[1]) Изд. Ак. Н., II, 231—232.

[2]) Обращаю вниманiе на отраженiе здѣсь языка Жуковскаго: »Холодный мрамор«, »пламенный« »так нѣкогда Пигмалiон«, »объемля« и т. д.

[3]) Переписка под ред. Саитова, I, 42.

[4]) Ср. »Как тяжко мертвыми устами живым лобзаньям отвѣчать«, или он »для нѣжных чувств окаменѣл«, изд. Ак. Н., II, 245.

[5]) См. Вл. Розов »Пушкин и Гете«, Кiев, 1908 г., стр. 91.

[6]) Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 485.

[7]) Соч., 1819 г.

Ср. и жалобы плѣнника на то, что он »отвык от *наслажденья«* [1]).

Кромѣ того, сам Пушкин успѣх »Кавказскаго Плѣнника« приписывал впослѣдствiи »нѣкоторым *элегическим* и описательным стихам« его [2]). Эти элегическiя мѣста представляют большей частью жалобы на тему о погибших иллюзiях в духѣ и стилѣ русских подражателей »Идеалам« — Милонова и Жуковскаго.

Так строки, гдѣ плѣнник изображен в видѣ Пигмалiона, обнимающаго идол свободы, сопровождаются элегическими сѣтованiями на его охлажденiе к жизни, на гибель возвышенных чувств и мечтанiй.

»И вы, послѣднiя *мечтанья,*
И вы *сокрылись* от него«.

Ср. у Жуковскаго: »*Сокрылись* сладкiя души моей *мечты«* (»Отрывок«) и у Милонова: »*Мечты сокрылися* отрадны« (»К сестрѣ«)[3]).

В черновых варiантах имѣем и другiя точки соприкосновенiя с Милоновым: »(*Исчезли*) (*милыя*) *мечтанья*« [4]). Ср. у того: »*исчезло все,* что прежде льстило« (»К юности«).

В воспоминанiях плѣнника о юности (см. В Россiю дальнiй путь ведет, в страну, гдѣ *пламенную* [5]) младость« и пр.) слышится то же сожалѣнiе о погибших иллюзiях молодости:

»Страну . . ., гдѣ первую познал он *радость,*
Гдѣ много милаго любил,
Гдѣ *обнял* грозное *страданье,*
Гдѣ *бурной жизнью* погубил
Надежду, радость и *желанье*
И лучших дней воспоминанье
В увядшем *сердцѣ* заключил«.
»В сердцах *друзей* нашед измѣну,
В мечтах *любви* безумный *сон«* [6]).

Ср. у Милонова:

»В обманах, скорби и *страданьи*
Стремленiй *сердца* жар потух,
Лишь благ прошекших вспоминанье
Живит мой изнуренной дух«.
»*Желанье* гаснет непримѣтно« (»К юности«).

---

[1]) Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 430, см. черновые варiанты к 2-ой части поэмы.
[2]) Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 486. Курсив наш.
[3]) Соч., 1819 г.
[4]) Изд. Ак. Н., II, прим. 399.
[5]) Эпитеты »пламенный«, »бурный« обычны у русских подражателей »Идеалам«, ср. выше у Жуковскаго.
[6]) Изд. Ак. Н., II, 231. Здѣсь у Пушкина поэтическая мода совпала с дѣйствительностью.

В »Спутниках жизни« Милонов жалуется, что »*жизни бурной* [1]) сред теченья« он »много встрѣтил« »в пути« спутников: »встрѣтил *Радость«, Дружбу, Любовь* с *Красотой* и пр., но всѣ они обманули его. Между прочим *любовь* оказалась »*сон* минуты« [2]).

Как видим, в приведенных отрывках общи и основная мысль, и настроенiе, и ряд выраженiй. Герой Пушкина даже утѣшает обманутое *сердце* подобно Милонову *воспоминанiем*.

В исчезнувших иллюзiях плѣнник, как и Шиллер, видит »печальной истин(ы)ѣ замѣну« [3]), повторяя довольно необычный синтаксическiй оборот Жуковскаго (»Мечты«). Эта борьба у Пушкина между ы и ѣ в словѣ истина яснѣе всего доказывает, что в его памяти вертѣлся именно приведенный стих Жуковскаго: »Добыча истинѣ унылой«.

Повѣствованiе о жизни плѣнника в горах также перемѣжается элегическими излiянiями. Ср. »Не вдруг увянет наша младость« и пр., »но *вы,* живыя впечатлѣнья (вар. *мечтанья* сердца *молодыя*), не прилетаете *вы* вновь« [4]). В черновых борьба с поэтической волной, идущей от Шиллера видна очень ясно. Пушкин здѣсь говорит: »*прелестное мечтанье*« и »*волшебное мечтанье*«, ср. у Милонова »*мечта прелестных* дней« (»К юности«) и у Жуковскаго »призраки *волшебных* заблужденiй« (»Отрывок«). Рядом с »мечтаньями« у Пушкина первоначально стоял их перечень, знакомый уже нам из русских переводов »Идеалов«: »Но *вы* живыя впечатлѣнья, (восторги), надежды, (чистая) робкая любовь, восторги, слезы упоенья« [5]). Вмѣсто »сон любви забытой« в черновой находим »призрак забытый« [6]), причем призрак имѣет ударенiе на а, как у Жуковскаго. Улетая мечтанья оставляют по себѣ, как у Милонова (»К юности«), только воспоминанiе: ср., »(оставя) . . . (воспоминанье) желанье« [7]).

Объясненiе с черкешенкой также прерывается знакомой уже нам элегической жалобой:

»Несчастный друг, зачѣм не прежде
Явилась ты моим очам.
В тѣ дни, как вѣрил я *надеждѣ*
И упоительным *мечтам!*

[1]) Ср. еще в элегiи Ленскаго: »Разсвѣт печальный *жизни бурной*«.
[2]) Соч., 114.
[3]) Изд. Ак. Н., II, прим., 397.
[4]) Изд. Ак. Н., II, 235, и прим., 410.
[5]) Ib., прим., 411.
[6]) Ib., прим., 452.
[7]) Ib., прим., 410.

Но поздно: умер я для *счастья*,
Надежды призрак улетѣл« и т. д. [1]).

Всѣ эти мечты, призраки, надежды извѣстны нам из переводов Жуковскаго и Милонова. Еще яснѣе связь с ними в черновых варіантах этого объясненія:

»Слетѣли с изумленных вѣжд —
(*Исчезли*), (как *мечты*), (*призраки*) (*пустыя*) [2]).
С тѣх (пор) *исчезли дни златые*
(Не знаю) С тѣх [3]) не вѣдаю *надежд* . . . « [4])

В прощальных словах черкешенки опять слышится перепѣв жалоб Милонова:

»Я знала все, я знала *радость*,
Но все прошло, пропал и *слѣд*« [5]).

Ср. у Милонова:

»Я . . . встрѣтил *Радость* — и мгновенья
Не успѣл я с ней пройти;
Оглянулся: прочь от взора!
Не оставив и *слѣда*« [6]).

Кромѣ того, слова черкешенки: *»Ужель навѣк* погибла радость?« отражают скорбный упрек Жуковскаго улетѣвшему счастью: »Ужель навѣк?« (»Отрывок«).

В »Идеалах« Шиллера на смѣну любви и прочих возвышенных иллюзій выступает в роли утѣшительницы дружба. Эта дружеская опора и у Шиллера, и у Милонова символизируется образом руки: ср. »Der Freundschaft leise, zarte Hand . . . du, die ich frühe sucht' und fand« (»Die Ideale«, строфа 10-ая), »Лишь ты ко мнѣ *простерла руку*« (»К юности«), *»Дай мнѣ руку«* (»Спутники жизни«) [7]).

У Пушкина в роли утѣшительницы плѣнника послѣ претерпѣнных им разочарованій является черкешенка. Может быть,

---

[1]) Изд. Ак. Н., II, 425.

[2]) Ср. у Милонова: »Так *призраки* сіи мгновенны сокрылись от моих очей« (»К юности«).

[3]) Пропущено слово »пор«.

[4]) Позднѣе Пушкин почти повторил эти стихи в »Евгеніи Онѣгинѣ«:

Для *призраков* закрыл я *вѣжды*,
Но отдаленныя *надежды*
Тревожат сердце иногда«.

[5]) Изд. Ак. Н., II, 251.

[6]) Соч., 114, »Спутники жизни«.

[7]) Курсивом обозначаю выраженія, повторенныя впослѣдствіи Пушкиным. Впервые этот образ встрѣчаем у него уже в 1817 г.: »Мнѣ дружба руку подала«, Стансы, изд. Мороз., I, 168.

поэтому стихи Милонова, обращенные к дружбѣ, у Пушкина прочно связались с образом черкешенки. Открыв ей свое сердце и отказавшись от ея любви, плѣнник говорит ей: »Прости . . . *дай руку*«. Что эта фраза не случайна, а упорно доминировала среди других мыслей и образов, видно из того, что она в черновых повторяется семь раз в этом видѣ и два в формѣ: »подай мнѣ руку« [1]). В свою очередь и черкешенка, освободив плѣнника, обращается к нему со словами: »*Дай руку мнѣ* . . . в послѣднiй раз«. Далѣе узнаем о плѣнникѣ:

»К черкешенкѣ *простер* он *руки*,
Воскресшим сердцем к ней летѣл,
И долгiй поцѣлуй *разлуки*
Союз любви запечатлѣл«.

Затѣм »рука с рукой« они »сошли ко брегу в тишинѣ« [2]). Ср. у Милонова:

»Усладить ея (любви) *разлуку*
Дружба манит в свѣтлый храм:
В путь-дорогу! *Дай мнѣ руку*,
Что ни будет — пополам.«
»Вот *рука* и посох дан« (»Спутники жизни«).

Милоновская риѳма »руку« — »разлуку«, хотя и не понадобилась там Пушкину, все-же осталась у него между строк в стихах 97—99 второй главы »Кавказскаго Плѣнника«:

»Прости . . . *дай руку* — на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалит хладная *разлука*«.

А Милоновское »усладить« дало рефлекс в черновом варiантѣ к стиху 95 той же главы. Разсказав черкешенкѣ о своих страданiях, вызванных не раздѣленной любовью, плѣнник продолжает: »Их раздѣлить не можешь ты«, но в первоначальном набноскѣ стояло: »их *усладить*« [3]). И сама черкешенка предлагает герою поэмы: »я *услаждала* б жребiй твой« [4]).

Таким образом в поэмѣ Пушкина в характеристикѣ плѣнника и в переживанiях чернешенки отразились почти всѣ жа-

---

[1]) Изд. Ак. Н., II, прим., стр. 430—433.

[2]) Изд. Ак. Н., II, 251.

[3]) Ib., II, прим. 431. В окончательной редакцiи таким образом побѣдило собственное выраженiе Шиллера, ср. Du..., Der Freundschaft leise, zarte Hand, Des Lebens Bürden liebend *theilest*«.

[4]) Милонов нерѣдко употребляет в примѣненiи к утѣшенiям дружбы этот глагол. Ср. »Лишь ты ко мнѣ простерла руку, мнѣ *услаждаешь* скорбь и муку«, »Какую радость иль мученье не *усладишь* собою ты?« (»К юности«).

лобы Шиллера: на измѣнившія мечты, любовь, дружбу, радость. Остается еще слава. Но Пушкин говорит и о славѣ при том так, что реминисценція из Милонова не может оспариваться:

»Но русской равнодушно *зрѣл*
Сіи кровавыя забавы.
Любил он прежде игры *славы*
(вар. Не раз под *знаменами славы*) [1])
И *жаждой* гибели горѣл« [2]).

Ср. у Милонова:

»*Зрю* зовет богиня *славы*«, но
»*Жаждой* вѣчною *томимой* [3])
Я бѣжал ея *знамен*« (»Спутники жизни«).

Так постепенно в текстѣ поэмы и его варіантах вскрывается язык русских подражаній »Идеалам«, и рядом с Байроном выступает тѣнь Шиллера, конечно, в первоначальных набросках болѣе ясно, чѣм в окончательной редакціи. Очень интересно наблюдать борьбу этих двух вліяній в процессѣ созданія »Кавказскаго Плѣнника«.

Тема дружбы разработывается Пушкиным в посвященіи к этой поэмѣ: »Н. Н. Раевскому«:

»Но сердце *укрѣпив* свободой и *терпѣньем*,
Я ждал безпечно лучших дней,
И счастіе моих *друзей*
Мнѣ было *сладким* утѣшеньем« [4]).

Так и Шиллер и его подражатели находили утѣшеніе в дружбѣ а Милонов, кромѣ того, укрѣплял себя и терпѣніем — черта чисто русская, перенятая у него и Пушкиным, ср. у Милонова:

»Кто преткнется, *о Терпѣнье!*
Укрѣпясь твоим жезлом?« (»Спутники жизни«).

И о *сладости* дружбы тот же Милонов говорит не раз: »*усладить* ея разлуку дружба манит в свѣтлый храм« (»Спутники жизни«), »О дружба, сердца *услажденье*« (»К юности«). Но Пушкин в духѣ своих новых идеалов добавил свободу, которой нѣт ни у Шиллера, ни у его русских подражателей [5]).

От Шиллера же может итти у Пушкина и образ бури,

---

[1]) Изд. Ак. Н., прим., 458.
[2]) Ib., II, 240.
[3]) Ср. »Пророк« Пушкина: »Духовной *жаждою томим*«, изд. Мороз. II, 2.
[4]) Ib., II, 225.
[5]) Если не считать выраженія Жуковскаго: »Такь я, воспитанник свободы«, гдѣ слово »свобода« однако не имѣет политическаго значенія, в каком его употребляет Пушкин.

утишаемой дружбою. »Und du, обращается Шиллер к труду: die gern sich mit ihr (= Freundschaft) gattet, Wie sie (= Freundschaft), der Seele Sturm beschwört. Как видим, рѣчь идет об успокоеніи душевных бурь. Пушкин сообразно с обстоятельствами своей жизни говорит о бурях внѣшняго характера, намекая на грозу, которая постигла его со стороны правительства. Этот образ имѣем уже в эпилогѣ к »Руслану и Людмилѣ«:

»И между тѣм *грозы* незримой,
Сбиралась туча надо мной.
Я погибал . . . Святой *хранитель*
Первоначальных, *бурных* дней,
О *дружба, нѣжный* утѣшитель
Болѣзненной души моей! [1])
Ты умолила *непогоду*«.

Однако далѣе говорится: *»ты сердцу возвратила мир«*. В стилѣ отрывка больше всего ощущается вліяніе Жуковскаго, хотя у послѣдняго, согласно с его характером, исчез всякій слѣд Шиллеровской бури, ср.

»*Ты*, уз житейских облегчитель,
В *душевном* меракѣ милый свѣт,
Ты, дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній с юных лѣт«.

Немного далѣе дружба выступает и как *»души хранитель«* (»Мечты«).

В посвященіи »Кавказскаго Плѣнника« дружба уже выступает в роли утишителя внутренних бурь души, как и у Шиллера:

»Когда я погибал безвинный, безотрадный,
И шопот клеветы внимал со всѣх сторон,
Когда кинжал измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили —
Я при тебѣ еще спокойство находил,
Я сердцем отдыхал: друг друга мы любили.
И бури надо мной свирѣпость утомили:
Я в мирной пристани богов благословил«,

пишет Пушкин, обращаясь к Н. Н. Раевскому.

Стихотвореніе »Предчувствіе« (1828 г.) тайной психологической нитью связано с этим бурным періодом юности Пушкина. Быть может, новыя преслѣдованія, вызванныя стихотвореніем

[1]) Ср. у Шиллера *»Der Freundschaft* leise, *zarte* Hand« и *»Du, die du alle Wunden heilest.«*

»Андрей Шенье«, вызвали в его памяти первое испытанное им гоненіе и связанное с ним ободряющее значеніе дружбы, и он возвращается к языку того времени (Эпилога к »Руслану и Людмилѣ« и Посвященія »Кавказскаго Плѣнника«) [1]).

При этом в первой половинѣ стихотворенія, говорящей о новых угрозах рока, мы узнаем язык 7-ой строфы элегіи Милонова »К юности«, которая перечисляет, от каких бѣд охраняет дружба:

»Снова *тучи* надо мною
Собралися в тишинѣ,
Рок завистливый *бѣдою*
Угрожает снова мнѣ . . .
Сохраню-ль к *судьбѣ* презрѣнье?
Понесу-ль навстрѣчу ей
Непреклонность и *терпѣнье*
Гордой *юности* моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно *бури* жду« [2]).

Ср. у Милонова »К юности«:

»О дружба . . . какія в мірѣ сем *бѣды*,
Какую горесть, иль мученье
Не усладишь собою ты? . . .
Что *рок* бы нам ни присудил,
С тобой и слабый бодр творится,
Судеб гоненья не страшится:
Твой щит их стрѣлы притупил.«

А в »Спутниках жизни« находим выраженіе »*жизни бурной* средь теченья« и указаніе на спасительную роль *терпѣнья*.

Во второй половинѣ стихотворенія, гдѣ Пушкин обращается за поддержкой к дружбѣ, чувствуется язык второй строфы Милоновских »Спутников жизни« и прощальнаго разговора черкешенки с плѣнником:

Но предчувствуя *разлуку*,
Неизбѣжный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, *руку*
Я спѣшу в послѣдній раз.

Любопытно, что стихотвореніе Пушкина написано тѣм же размѣром, что и »Спутники жизни«, а это у него часто является доказательством заимствованія.

---

[1]) На это указал уже Гофман: »Пушкин. Психологія творчества«, Париж, 1928 г., стр. 129. Мы указываем ниже и на связь стихотворенія с »Кавказским Плѣнником«.

[2]) Изд. Морозова, 1887 г., II, 39.

Итак, вот выводы, к которым мы приходим. Вопреки господствующему мнѣнію Пушкин уже в своем раннем творчествѣ вдохновлялся не только французской и англійской поэзіей, но и нѣмецкой, в лицѣ Шиллера.

Знакомство его с Шиллером началось, конечно, еще в лицеѣ. Его товарищи: Дельвиг и Кюхельбекер старались передать ему свое увлеченіе нѣмецкой поэзіей и служили ему, в особенности послѣдній, ея пламенными комментаторами [1]).

Из стихотвореній Шиллера наиболѣе замѣтный слѣд в поэзіи Пушкина оставили »Идеалы«, пользовавшіеся большой извѣстностью у нас. Подражанія им Пушкина показывают вліяніе переводов и передѣлок Жуковскаго и Милонова.

Это чувствуется не только в лирикѣ Пушкина, но и в поэмѣ »Кавказскій плѣнник«. Здѣсь тонкій лед байронизма тает в элегической струѣ, идущей от Шиллера.

Пушкин и сам признал это свое былое увлеченіе »Идеалами« в строфах »Евгенія Онѣгина«. Он пародирует здѣсь свои раннія упражненія в Шиллеровском духѣ и окружает своего младшаго брата Ленскаго атмосферой своего самаго любимаго стихотворенія из лирики Шиллера. В концѣ VI-ой главы он развивает всю тему »Идеалов« по порядку, а послѣднюю главу романа завершает послѣдним аккордом элегіи Шиллера — благодарностью труду-утѣшителю:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой вѣрный *идеал*,
И ты, живой и *постоянный*
Хоть *малый труд*. Я с вами знал
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в *бурях* свѣта,
Бесѣду сладкую *друзей*.

З. Розова.

---

[1]) См. »Дельвиг«, 1831 г. (Соч. Пушкина, ред. Морозова, V, 159: »Клопштока, Шиллера и Гете прочел он (т. е. Дельвиг) с одним из своих товарищей живым лексиконом и вдохновенным комментаріем«. Ср. и Розов »Пушкин и Гете«, стр. 45—49.

Блудная дочь.

(Пушкин и Достоевский).

Простите нам наше счастье и пройдите мимо.

Ф. Достоевский.

Сказ о блудной дочери, история девушки, покинувшей «отчий дом» для любимого, но не забывшей (и в счастьи и в несчастьи) своих родных и вновь возвращающейся к ним (или еще живым, или, от горя и тоски по ней, уже успевшим умереть) — литературный мотив такой на все тоны перепетый, в тысячах вариаций на все лады переигранный, что говорить о заимствовании его одним писателем у другого, казалось бы, совершенно не приходится. Да и в самом быту это случай столь частый и обычный, что нет вообще ни необходимости, ни даже возможности, приписывать повествование писателя на эту тему происхождению литературному: чаще всего это непосредственное отражение самой живой жизни. И если тем не менее мы все же намереваемся сопоставить два произведения двух русских гениев («Станционный смотритель» Пушкина и «Униженные и оскорбленные» Достоевского), и именно отсюда, из этого общего указанного сюжета исходя, то мы на это решаемся только потому, что в этих двух повествованиях мы находим такие особенности, которые, с одной стороны, отделяют их от всех других вариаций на ту-же тему, с другой — выявляют несомненное родство обоих, больше того — влияние и зависимость одного от другого. При этом, учитывая почти универсальную общность схемы анализируемого сюжета, показательным для нас должна явиться не она сама (схема), не конструктивный ее скелет, а та живая плоть, которой эта схема обросла, не фабула, не развитие действия, даже не узловые моменты-перепетии, а весь комплекс признаков, вся совокупность аксессуаров, сопровождающих действие. Главное здесь именно во второстепенном, характерны — детали и подробности. К ним мы непосредственно и перейдем.

В «Станционном смотрителе» описывается уход Дуни из родительского дома:

День был воскресный, Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довезть ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении . . . «Чего же ты боишься?» сказал ей отец: «ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

А вот, как подобный «уход» дан в «Униженных и оскорбленных»:

Раздался густой звук колокола, призывающего к вечерне. Она вся вздрогнула, старушка перекрестилась.

— Ты к вечерне собиралась, Наташа, а вот уж и благовестят, — сказала она. — Сходи, Наташенька, сходи помолись, благо близко . . .

— Я . . . может быть . . . не пойду сегодня, — проговорила Наташа медленно и тихо, почти шопотом. Я . . . не здорова, — прибавила она и побледнела, как полотно.

— Лучше бы пойти, Наташа, ведь ты хотела давеча . . .

— Ну да, сходи; а к тому же и пройдешься, — прибавил старик... Мне показалось, что горькая усмешка промелькнула на губах Наташи . . . Все движения ее были как будто бессознательны, — точно она не понимала, что делала . . .

— Прощайте, — чуть слышно проговорила она. (32).[1])

В обоих случаях, как мы видим, роль «ложного адреса» играет церковь, в которую одна яко-бы собиралась к обедне, другая — к вечерне. В обоих случаях героини, хотя уже и принявшие решение, в последнюю минуту испытывают некоторое колебание и даже готовы отступить, но как бы подталкиваются самими, ничего не подозревающими, простодушными родными. При этом здесь следует отметить, что то, что у Пушкина, со свойственной ему литературной манерой, выражено крайне сжато, почти скупо, в одной коротенькой фразе («Дуня стояла в недоумении»), у Достоевского развернуто в целую главу. [2]) Достоевский сгущает и раскрывает пушкинский намек, живописует в целую картину то душевное состояние, на котором Пушкин едва остановился, даже не остановился, а проскользнул в один момент. Ниже мы увидим, что это интенсифицирование Достоевским намеков Пушкина характерно не только для данного эпизода, но и для всего его повествования . . .

Уход Дуни был таким сильным ударом для ее отца, что он заболел. Но как только он несколько оправился, он поспешил за ней в Петербург. Там ему было суждено испытать новый удар, уже не

[1]) Цифры в скобках — обозначение страниц по III тому «Полн. собр. сочинений Достоевского» Гиз. 1926—1929.

[2]) Ч. I, гл. VII. Мы из этой главы привели только отрывок.

только по сердцу, но и по чести. Когда он явился к гусару, тот ему указал на невозможность возврата к нему дочери и сунув ему что-то за рукав отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице. Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пятидесяти рублевых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его — слезы негодования. Он сжал бумажки в комок, бросил его наземь, притоптал каблуком и пошел.[1])

И в той же самой форме претерпевает оскорбление и отец Наташи, хотя и не непосредственно от «обольстителя», но от его отца, князя Валковского:

. . . Ихменев виделся утром с чиновником, хлопотавшим по его делу. Чиновник объявил ему, что видел князя, и что князь, хоть и оставляет Ихменевку за собой, но *вследствие некоторых семейных обстоятельств* решается вознаградить старика и выдать ему десять тысяч. От чиновника старик прямо прибежал ко мне, ужасно расстроенный; глаза его сверкали бешенством. (249).

Вслед за этим Ихменев шлет князю письмо с вызывом на дуэль. Вызова его князь, разумеется, не принимает и отвечает ему новым оскорблением. Ихменев бросается в дом графа, где находится князь, но на лестнице, будучи остановлен, он имеет столкновение с графским швейцаром, и Ихменева препровождают на три дня в часть. (250).

Хотя бедный станционный смотритель, стоящий на социальной лестнице почти . . . под лестницей и не совсем чета захудалому, все-же дворянину, Ихменеву, однако при реальном соотношении сил, перед князем Валковским и богачем Минским станционный смотритель и бедный управляющий сравнены. Князь угроз Ихменева столь же мало опасается, сколь и Минский, который говорит отцу Дуни: «Что ты за мной всюду крадешься, как разбойник? Или хочешь меня зарезать? Пошел вон», и сильной рукой схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу».

Так «лестницей» оканчиваются скитания обоих оскорбленных отцов, обоим остаются «размышления у парадного подъезда» . . .

Примечательно при этом, что и письму Ихменева к князю мы имеем некоторое соответствие в повести Пушкина, именно в той записке, под предлогом которой смотритель пробирается на квартиру к Дуне, останавливаемый горничной, как Ихме-

---

[1]) Этот эпизод со смятыми, полученными, как компенсация за обиду, ассигнациями использован Достоевским в сцене со Снегиревым в «Бр. Карамазовых» (кн. IV, гл. VIII). Ср. также анализ этой сцены в разговоре Алеши с Лизой (ibid. кн. V, гл. I).

нев швейцаром. Так мнимая записка в Пушкинской повести превращается в реальное письмо в романе Достоевского. Здесь мы снова сталкиваемся с двумя литературными манерами: то, что у Пушкина находится как бы в семени, in statu nascendi, у Достоевского, если можно так выразиться, дано in statu crescendi, семя произрастает в дерево, подчас даже целый лес...

Но на вызове Ихменевым князя на дуэль следует остановиться еще и с другой стороны. Дело в том, что еще и до получения от князя оскорбления (деньги за бесчестие дочери), Ихменев мысль о дуэли уже лелеял, и именно тогда зародилась у него эта мысль, когда он узнал, что Алеша предполагает на Наташе жениться. Казалось бы тут-то отцу и радоваться: и бесчестие с дочери снято, и выходит она за любимого (любимого не дочерью только, а и им, Ихменевым, самим), и княгиней становится. Чего бы лучше, но именно этого Ихменев и не хочет:

> Ввязаться в дело прямо я не могу, а косвенно дуэлью могу. Если меня убьют или прольют мою кровь, неужели она перешагнет через барьер, а может быть, через мой труп и пойдет с сыном моего убийцы к венцу? . . . Да и, наконец, если пойдет на дуэль, так князья-то наши и сами свадьбы не захотят. Одним словом, я не хочу этого брака и употреблю все усилия, чтоб его не было. (135).

Почему же он этого брака, который был бы счастьем для его дочери, настолько сильно не хочет, что готов употребить все усилия, чтоб его расстроить? Ответ на это находим в самом романе, ответ, который на первый взгляд может показаться очень парадоксальным, но в сущности психологически глубоко верен:

> Он окончательно бы проклял Наташу и вырвал ее из своего сердца навеки, еслиб узнал про возможность этого брака . . . Он ждал дочь всеми желаниями своего сердца, но он ждал ее одну, раскаявшуюся, вырвавшую из своего сердца даже воспоминание о своем Алеше. Это было единственным условием прощения, хотя и не высказанным, но, глядя на него, понятным и несомненным. (56).

Что это значит? А то, что Ихменев, как и всякий любящий отец, конечно желает полного счастия своей дочери, но это вообще, ну а в частности, при данной ситуации, он предпочел бы ее . . . несчастье. Или, выражаясь точнее, он и желал бы ей счастья, но он этого счастья ей бы не простил . . . Достоевский, со свойственным ему беспощадным реализмом и головокружительной глубиной анализа парадоксального человеческого сердца, вскрывает, что есть пределы и для, казалось бы, безмерной родительской любви. П р о с т и т ь, будучи самому к тому же еще несчастным, счастье другого — нет, на это, оказывается, и родной отец не всегда способен. Недаром князь

Мышкин на вопрос Ипполита, как ему умереть всего добродетельней, отвечает: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье» («Идиот» ч. IV гл. V). Идея такая своеобразная, такая для Достоевского характерная. Но, что-же оказывается? Когда мы внимательно вчитываемся в повесть Пушкина, то убеждаемся, что уж и там эта идея не только нашла свое четкое выражение, но больше того, является центральной осью, на которой вращается все колесо «происшествий». Правда, эта идея не выражена в словах (как у Достоевского), но зато, что не менее убедительно, она выражена в действии, в самом развитии и в необычной, мы бы сказали, необычайной развязке повести. Что там собственно происходит? Дуня ушла от отца. Отец ее убежден в неизбежности несчастия дочери и отправляется за ней ее вернуть и простить. Но вот, вопреки всем его ожиданиям, оказывается, и в этом убедился он собственными глазами, дочь его живет в полном счастьи «в атласе и бархате», Минский увез ее вовсе не для того, чтобы «натешиться» и бросить. И что это счастье не минутное, явствует из чистосердечных слов, сказанных Минским смотрителю:

Виноват перед тобой и рад просить у тебя прощения, но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит: она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось.

Что Минский слово свое сдержал и Дуни не «бросил», видно и из заключительной сцены, где описан приезд ее к родной «станции»: «ехала она в карете в шесть лошадей с тремя маленькими барчатами с кормилицей и с черной моськой». Из этой же сцены явствует, что Дуня отца отнюдь не забыла; рассказ ее сопровождавшего о том, как придя на могилу отца, «она легла и лежала долго», при всей своей скупости, пожалуй, именно из-за этой скупости (опять мастерская манера Пушкина действовать гомеопатическими дозами), не оставляет никакого сомнения в глубине чувства Дуни к отцу. Но отчего же это чувство не выявилось прежде, отчего она не вернулась к отцу раньше? Но она, должны мы ответить, не вернулась и потом. И если бы даже смотритель предусмотрительно не умер, все равно примирение его с этой счастливой, любимой и любящей женщиной, состояться не могло. Больше того, это очевидное счастье, которое явилось наградой за то, что она пошла не по заветам отцов, было бы новой обидой отцу. Чтобы такое начало (бегство из родительского дома с первым проезжающим) имело та-

кой неожиданный конец (подлинное счастье), это опрокидывает не только все логические, но даже и этические представления старого станционного смотрителя, представления, которые нашли себе полное выражение в тех лубочных картинках, которые висели в его каморке и с описанием которых Пушкин так дальнометно предваряет всю повесть. [1])

Что это за картинки?

Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой, яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша в рубище и в треугольной шляпе пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец, представлено возвращение его к отцу: добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает ему навстречу; блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи.

Вот эти то картинки с соответствующими «приличными стихами» так запечатлелись в душе смотрителя, стали таким каноном его, выражаясь высоким стилем, и этики и эстетики, что всякая на этот сюжет иная, этим противоречащая, картина для него не только неприличие, но и почти святотатство. Эти картинки символизируют не только его быт, но и самое бытие. Станционный смотритель, умственный горизонт которого простирается не на много дальше его физического (от картинок на стене его обители до церкви на краю его деревни), он весь движущийся (и все мимо, мимо его!) мир видит со своей неподвижной станции и в эти тесные рамки своей жизни и своих «картин» хочет втиснуть и жизнь молодой, буйно рвущейся к простору, Дуни. Напрасные усилия! Отправляясь за Дуней в Петербург, он мечтает: «Приведу я домой заблудшую овечку» (вот они немецко-евангельские реминисценции о добром пастыре и заблудшей овечке) и вдруг оказывается, что Дуня совсем не овечка, что она «отвыкла от прежнего своего состояния», что не от чего и не от кого ее «спасать». Смотритель не может примириться с мыслью, что в перспективе Дуни теперь открылись совсем иные картины и что, быть может, она от того и ушла из отчей станции, что ей не вмоготу, наконец, стали эти вечно-станционные, станционарные картины... — Зачем тебе ее? гово-

---

[1]) Об этих »картинках« см. также у М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина».

рит смотрителю Минский: она меня любит. И будет счастлива. — Как, покинуть отца для обольстителя и не только не чувствовать при этом раскаяния, но еще быть счастливой — да ведь это полное светопреставление: во всех, им до сих пор виденных, картинах, нет ничего подобного. Да, и там грешат, но согрешившие непременно несчастны и каются, а здесь никакого раскаяния, никакого несчастия. Да, и там прощают, но несчастного можно и простить, а можно ли простить счастливого? Это бы ведь и значило бы по слову Достоевского (и об этом, собственно, Минский смотрителя и просит): «Простите нам наше счастье и пройдите мимо». Нет, это невозможно: есть предел и любви отцовской . . .

Так картинки, висящие в каморке героя, не только «украшают его обитель», но и самую повесть, дают ей рельеф и не только художественную, но и идейную перспективу. Узор как бы нашит на узор, и там где штрихи совпадают, они друг друга усиливают, а где расходятся, там они друг друга оттеняют. Вся история о блудной русской дочери дана на фоне блудного немецкого сына. И опять примечательное совпадение. Этот двойной узор, взаимопереплетенность историй русской и иностранной, мы имеем и в «Униженных и оскорбленных». Роман Достоевского не случайно начинается с описания встреченного автором «старика и собаки», производящими впечатление, что они «как-нибудь выкарабкались из какой-нибудь страницы Гофмана, иллюстрированного Гаварни и разгуливают по белу свету в виде ходячих афишек к изданью». (7).

В дальнейшем выясняется, что у этого старика такая же беда, как у Ихменева: дочь его убежала из дому со своим обольстителем. Он ее всю жизнь не прощал, а когда, наконец, пошел простить, то уже застал мертвой.[1]) Обе эти истории (с дочерью старика Смита и дочерью Ихменева) на протяжении всего романа друг с другом переплетаются, а к концу и сливаются в один повествовательный поток не только формально, благодаря тому, что внучка Смита, Нелли, перемещается в дом Ихменева, но и сюжетно-конструктивно, так как обольстителем дочери Смита оказывается князь Валковский, тот самый, чей сын-Алеша — обольститель дочери Ихменева, Наташи. Что вся история с дочерью Смита имеет функцию подчеркнуть и даже некоторым образом двигать главную историю, — это

[1]) См. ч. II гл. XI.

сильно подчеркнуто во всем романе, а в одном месте автор прямо нам об этом говорит:

Нелли! Вся надежда теперь на тебя! Есть один отец: ты его видела и знаешь; он проклял свою дочь и вчера приходил просить тебя к себе вместо дочери. Теперь ее, Наташу, оставил тот, которого она любила и для которого ушла от отца. Он сын того князя . . . Расскажи им, Нелли, все так, как ты мне рассказывала . . . Расскажи тут же и про дедушку. Расскажи, как он не хотел прощать твою мать, и как она тебя посылала к нему в свой предсмертный час, чтоб он пришел к ней простить ее, и как он не пошел . . . Все, все расскажи! И как расскажешь все это, то старик почувствует все это в своем сердце. Он ведь знает, что сегодня ее бросил Алеша, и она осталась униженная и поруганная, одна без помощи и без защиты, на поругание своему врагу . . . Нелли, спаси Наташу! (261—262).

Нелли так и поступает и, приведенная к Ихменевым, рассказывает им историю своей несчастной матери. Мы не можем привести здесь всего ее рассказа (он занимает целых две главы[1]), но все его подробности, а в особенности реплики стариков Ихменевых подчеркивают, что рассказ этот имеет определенную функцию — дать историю о русской «блудной дочери», контрастирующую немецкой.

Там «немецким картинкам» пушкинской повести соответствуют в композиции романа Достоевского история иностранки, матери Нелли. И как «немецкие картинки» у Пушкина являются не только художественным аксессуаром, а и выражают самую идею повести, так и у Достоевского история матери Нелли не вставной лишь эпизод, а основной стержень романа с той же основной идеей. Что это именно так, свидетельствует и сам автор: выслушав рассказ Нелли, сообщает он, «я вздрогнул. Завязка целого романа мелькнула в моем воображении» (138).

Кстати, мы все время говорим о повести Пушкина и романе Достоевского. Будем точнее, и тогда нам вскроется еще одно самое поразительное совпадение, совпадение, которое должно нас убедить окончательно, что проводимое нами сближение обоих произведений не только вероятно, но и достоверно, что за подлинность этого сам автор расписывается своим именем...

Как известно, пушкинский «Станционный смотритель» дан автором не непосредственно, а как одна из «повестей Белкина», Белкина Ивана Петровича. И вот тот же самый прием применен и Достоевским в его «Униженных и оскорбленных»: здесь повесть тоже рассказывается им не от себя, а от . . . Ивана Петровича. И что это совпадение имен и отчеств не слу-

[1]) Ч. IV гл. VII и VIII.

чайно, подтверждается и дополнительными сообщениями, которые делают о своих Иванах Петровичах и Пушкин и Достоевский. Так об Иване Петровиче Пушкина мы знаем, что он умер молодым и «оставил множество рукописей . . . частью уничтоженных его ключницей на разные домашние потребы. Таким образом прошлою зимою

все окна ее флигеля заклеены были первою частью романа, которого он не кончил.

И совершенно такая же участь уготовлена Ивану Петровичу у Достоевского и тому роману, который после него останется.

Год назад . . . я сидел за большим романом; но дело, все таки, кончилось тем, что я засел теперь вот в больнице и, кажется, скоро умру (14).

А о записках, которые он в больнице ведет, он думает:

. . . наследство фельдшеру; хоть окна облепит моими записками, когда будет зимние рамы вставлять (ibid.).

Так и сквозь эти окна бросают свет на предсмертные «романы» обоих Иванов Петровичей. Эти «записки» умирающего автора и есть наш роман «Униженные и оскорбленные»[1]), которые в первом издании (в журнале «Время» за 1861 г.) имели еще и название: «Из записок неудавшегося литератора», название которое вполне бы соответствовало и рукописям Белкина. И в отношении старика Ихменева к занятиям Ивана Петровича литературой, как к чему-то сомнительному и не совсем приличному (23), мы имеем подобие в таком же отношении старика соседа и друга Белкина, который, присылая о нем сведения, просит, чтоб его имя не было при этом упомянуто, ибо «хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступить полагаю излишним и в мои годы весьма неприличным». Да и вообще весь тон повествования «Униженных и оскорбленных» явно выдает голос «неудавшегося литератора» смиреннейшего Ивана Петровича Белкина . . .

Сопоставляя таким образом все сказанное, мы можем резюмировать, что и основными своими линиями: сюжетом (сказ

---

[1]) Напомним, что пушкинским псевдонимом «Белкин» еще при жизни Пушкина воспользовался О. И. Сенковский для нескольких своих повестей. Так в 1835 году, в майской книжке «Библиотеки для чтения» Сенковский напечатал «Петерянную для света повесть» с подписью «А. Белкин», и Пушкин по этому поводу писал П. А. Плетневу: «Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется, из-за угла и тихонько, например, в «Московском Наблюдателе») объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на себя грехов своего омонима» (письмо А. С. Пушкина от октября 1835 года).

о «блудной дочери»), композицией (двупланная архитектоника — один сюжет обрамляющий другой, по схеме двух концентрических кругов), основной идеей (русское разрешение проблемы, противоставленное разрешению «немецкому»), тождеством авторских имен («Иван Петрович») и целым рядом деталей и характерных подробностей («побег» героинь из дому под предлогом отправления в церковь, подталкивание на этот уход в последний момент самими родителями, одинаковая форма безчестия, претерпеваемая родителями, ранняя смерть обоих «авторов» и одинаковая участь оставленных ими «записок»[1]), — оба произведения, нами анализируемые, представляют близость исключительную и заставляют констатировать, что уже в своем первом «большом романе» Достоевский хоть окончательно еще и не скинул с себя «шинели» Гоголя («все мы вышли из «Шинели»), все же в значительной степени от гоголевского влияния, столь сильного в его первых произведениях, эмансипировался. И этой эмансипации способствовало то, что он вступил в могучее притяжение другого гения, единственного, который мог тогда в сознании Достоевского с Гоголем успешно соперничать — Пушкина. Это значение Пушкина в нейтрализации в творчестве Достоевского влияния Гоголя все еще недостаточно оценено, а между тем именно ему мы обязаны, что Достоевский нашел и вышел на свой собственный (не Гоголя и не Пушкина) путь и стал тем, кем он стал . . .

Наш анализ, собственно, окончен. Больше утверждать по данной проблеме мы ничего не имеем. Но уж не в форме утверждения, а только предположения мы позволим себе в заключение выдвинуть еще один вопрос о фамилии героя (собственно двух героев: отца и сына) «Униженных и оскорбленных» — Валковского. Не проливает-ли пушкинская повесть «Станционный смотритель» свет и на этот пункт? Напомним еще раз (мы уже это место приводили), что когда Дуня колебалась, сесть ли ей в кибитку с гусаром, отец ее сам подтолкнул своими словами:

> Чего же ты боишься? Его высокоблагородие не *волк*, и тебя не съест[2].

Позже, когда смотритель отправляется за Дуней в Петербург с мыслью вернуть «свою заблудшую овечку», он, очевидно,

[1]) Быть может, реминисценцией повести Белкина «Гробовщик» является и то, что Нелли с матерью живут на одной квартире в соседстве с гробовщиком (стр. 100 и след.).

[2]) Курсив везде, где он не оговорен, наш.

переменил свое мнение и полагает, что «его высокоблагородие» именно волк. И не этому ли «высокоблагородию волку» в повести Пушкина соответствует в романе Достоевского сиятельный волк, князь Валковский? Примечательно, что в рукописях Достоевского мы имеем и Волковский. Когда-то Михайловский в своей известной статье «Жестокий талант» выдвинул положение, что «никто в русской литературе не анализировал ощущений волка, пожирающего овцу, с такою тщательностью и любовью, как Достоевский . . . он рылся в самой глубокой глубине волчьей души»[1], а характеризуя Валковского снова подчеркнул «волчьи инстинкты»[2] героев Достоевского. Можно не согласиться с Михайловским, когда он чуть не всех героев Достоевского и самого творца их готов принять за каких-то волчьих оборотней[3] (это он, конечно, с испугу за своих «овечек»), но по отношению к Валковскому он, действительно, прав: Ва(о)лковский — подлинно волк-овский. Такое осмысление имени у Достоевского случай не изолированный, это один из очень существенных и характерных приемов в системе его поэтики[4] и даже на протяжении нашего очерка мы уж с ним столкнулись при анализе имени Ивана Петровича. Пристальное изучение Достоевского устанавливает с несомненностью, что наименования его героев никогда не случайны, что для Достоевского имя — знамя, nomen — omen.

М. С. Альтман.

---

[1]) Сочин. Н. К. Михайловского. СПБ. 1906 т. V, стр. 6.

[2]) ibid. стр. 53.

[3]) » . . . Это целый питомник волков разнообразных пород . . . изучение волка представляет для Достоевского нечто самодовлеющее«. Н. К. Михайловский, ibid. стр. 7. Ср. также стр. 9, 10, 25.

[4]) В специальной, готовящейся нами к печати, работе: »Семантика собственных имен у Достоевского« это положение наше подтверждается на всем протяжении творчества Достоевского, при этом «осмысленными» оказываются не только фамилии героев, но подчас и самые их имена.

Пушкинские переводы сербохорватских народных песен.

Введение.

Сербохорватские народные песни переводились в конце 18 и в начале 19 ст. почти на все главнейшие европейские языки. На них обратили внимание величайшие поэты и писатели эпохи романтизма, как Гете, Мицкевич, Пушкин, Челаковский, Мериме, Нодье и др. Имеется целый ряд исследований о путях, которыми эти песни вошли в литературы европейских народов. Подробнее всего исследовано их проникновение в немецкую, польскую и французскую литературы, но имеется ряд статей и исследований, в которых показывается, как сербохорватская народная песня проникла в литературы английскую, чешскую, украинскую и итальянскую. Менее всего известно, поскольку ими интересовались русские, переводя их на русский язык. Пополнить хотя бы в некоторой степени этот пробел является задачей работы »Сербохорватская народная песня в русской литературе«, которую мы надеемся в ближайшем времени напечатать в другом месте. Здесь мы ограничимся только Пушкинскими переводами трех песен с сербохорватского языка, оставляя в стороне переводы из »Гузлы« Мериме. О причинах, возбудивших у Пушкина интерес к сербам и к их народным песням, мы напечатаем в одном из ближайших номеров этого же журнала особую статью.

*

Интерес Пушкина к сербскому народу и к его народным песням обнаруживается в стихотворении »Дочери Карагеоргия«, в отрывке »Осердился Георгий Петрович« [1]) и в цикле »Песни западных славян«. Первоначально этот цикл состоял только из 16 песен, позже Анненков нашел в бумагах Пушкина перевод первых 13 стихов, а впоследствии Шляпкин перевод дальнейших 13 стихов песни »Что белеет на горе зеленой (Жалостна песна племените Асан-агинице), которая была включена в цикл как 17-ая.

[1]) См. А. С. Пушкин, т. II, 1931, стр. 261.

Как известно, Пушкин перевел свободно, не придерживаясь строго подлинника 11 песен этого цикла из известной подделки Проспера Мериме »La Guzla ou choix de poésies illyriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine«. Strassbourg 1827, 3 песни непосредственно с сербохорватского а 3 песни составил самостоятельно. Относительно одной из последних (Яныш Королевич) существует, правда, еще до сих пор надежда найти все же ее источник[2], но скорее нужно думать, что и эта песня принадлежит к самостоятельным произведениям Пушкина, подобно двум остальным (»Песня о Георгие Черном« и »Воевода Милош«), о принадлежности которых Пушкину нет никакого сомнения. Пушкин написал две последние песни под влиянием книжного материала (»Жизнь и подвиги Милана Обреновича«), а также под влиянием сообщений сербских эмигрантов, с которыми он встречался в Кишеневе[3]) точно также как и стихотворение »Дочери Карагеоргия« и набросок »Осердился Георгий Петрович«.

В огромной литературе о Пушкине и его произведениях не имеется однако ни одной более или менее обстоятельной работы, в которой бы подробнее рассматривался интерес Пушкина к сербскому народу и сербской народной песни. На »Песнях западных славян«, являющихся результатом этого интереса Пушкина, впервые остановился вышеупомянутый П. В. Анненков в своей работе »Материалы для биографии А. С. Пушкина« (1855, С. П. Б.) Высказанные здесь взгляды автора являются главным источником и руководством для всех последующих исследователей. В связи с празднованием столетия рождения Пушкина, когда многих стал занимать вопрос об отношении Пушкина к славянам, появился целый ряд исследований и статей, касающихся и этого вопроса. Но в подробное исследование отношения Пушкина к славянам и в частности к сербам никто не углублялся. Ограничимся указанием на главнейшие из работ: П. Кулаковский, Славянские мотивы в творчестве Пушкина, Варшава 1899; П. Лавров, Пушкин и Славяне. Сборн. Пушкинские дни в Одессе, стр. 123–150, 1900 (по болгарски: Български прегледъ, г. VI, 1900, стр. 158–179); А. И. Степович, Пушкин и Славяне, Киев, 1900; И. Шрепел, Puškin i hrvatska književnost, Загреб, 1899. Мало нового мы находим и в статье А. Сиротинина: Пушкин и славяне, Истор. Вестн. 1909, кн. 2, стр. 590–611. Все, что

[2]) См. V. Francev: Domněle česká píseň v překladě Puškinově. Český Lid, 25, str. 9—12.

[3]) См. Трубицын: Два сербских юнака в изображении Пушкина. Пушкин и его современники. Вып. XXVIII, 1917, стр. 29—55.

было написано о »Песнях западных славян« до 1909 года, собрал А. Яцимирский в издании: Пушкин, под ред. Венгерова, Т. III, СПБ, 1909. Весьма интересные выводы о генезисе и стихе »Песен западных славян« мы находим в книге Б. Томашевского »О стихе«, Петроград, 1929. Ряд статей С. Штейна: »Пушкин и српство«, Време, 23 мая 1931; »Пушкинове словенске студиjе«, Русск. Архив, XIV—XV, 1931, стр. 94—104, неполный список книг Пушкинской библиотеки, касающихся Славянства, составленный на основании каталога Модзалевского »Библиотека Пушкина«, СПБ, 1910, »Пушкин, Мериме и »Песме западних Словена«, Русск. Архив, XVI—XVII, 1932, стр. 96—112, касаются главным образом переводов из »Guzly«, но многие из взглядов Штейна не выдерживают научной критики.

I.

Прежде чем приступить к подробному разбору упомянутых трех переводов Пушкина с сербохорватского языка, »Соловей«, »Сестра и братья« и »Что белеет на горе зеленой«, мы должны установить, с каких оригиналов Пушкин переводил. Небезинтересно привести мнения и заключения выдающихся пушкинистов по этому вопросу. Морозов говорит по этому поводу следующее: »Заинтересовавшись славянской народной поэзией по книжке Мериме, Пушкин, однако же, не ограничился одним только этим сборником и обратился к изучению сербских песен в подлиннике, по изданию Вука Караджича: »Мала простонародньа србска песнарица« (Вена, 1814). Из этого сборника наш поэт познакомился с стихотворным размером сербских народных былин и перевел две песни: »Брат и сестра«(!) и »Соловей« целиком, а третью — об Асан агинице — только начал переводить«.[1]) Известно, что Пушкин уже во время своего пребывания в Кишиневе записывал себе сербские народные песни[2]) и интересовался ими. Следовательно, утверждение Морозова, будто бы Пушкин стал интересоваться сербскими песнями только под влиянием книги Мериме, неосновательно. В особенности неправильно утверждение Морозова, что Пушкин переводил упомянутые песни из песенника Караджича 1814 г. Это утверждение Морозова свидетельствует о том, что *он вообще не имел в руках этого первого издания сборника песен* и что, следовательно, не мог сравнить переводов Пушкина

[1]) Сочинения и письма А. С. Пушкина. Т. II. СПБ, 1903, стр. 573.
[2]) Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Русск. Арх., IV (1866), Москва, столб. 1261.

с сербскими подлинниками. Песня »Бог ником дужан не остаје«, которую Пушкин перевел под заглавием »Сестра и братья«, в первом издании сборника Вука Караджича не имеется и была напечатана только в издании народных сербских песен Караджича 1824 г., так что Пушкин мог ее перевести только из этого издания сборника.

Также вторую песню: »Соловей«, которая находится и в первом и во втором издании сербских народных песен Караджича, перевел Пушкин *из второго издания*, где она находится под заглавием »Три највеће туге«. Это подтверждает сербское четверостишие песни, которое Пушкин списал собственноручно с сербского подлинника. В первом издании начало этой песни напечатано в следующем виде:

»Славуй птица мала
Сваком покой дала,
А мени юнаку
Три туге задала:
Прва ми є туга
На срдашцу моме,
Што ме ни є майка
Оженила млада«.

Во втором издании сборника эта строфа из восьми строк напечатана в виде четверостишия:

»Славуј птица мала сваком покој дала,
А мени јунаку три туге задала:
Прва ми је туга на срдашцу моме,
Што ме није мајка оженила млада«.

У Пушкина мы имеем именно это четверостишие, только с незначительными отступлениями:

Славуј птица мала с в а к о м ъ покој дала
А мени јунаку три туге задала
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што ме н и ј е мајка оженила млада«. [1])

Как видно из формы стиха а равно из графики (в первом издании -й, во втором издании и у Пушкина -ј; в первом издании -*е*, во втором издании и у Пушкина -је), Пушкин списал эти стихи из второго издания. В пользу утверждения, что Пушкин перевел песню »Соловей« из второго издания, говорит еще и то, что именно это второе издание сборника сербских народных песен Караджича имелось в библиотеке Пушкина, между тем как первого издания в ней не было. [2])

[1]) А. К. Виноградов: Мериме в письмах к Соболевскому. Москва, 1928, стр. 238.
[2]) Б. Л. Модзалевский: Библиотека А. С. Пушкина. СПБ, 1910.

Рукопись Пушкинского перевода песни »Соловей«, а именно стихи 14—23 и 1—4 и список начальных стихов сербской песни »Три највеће туге« впервые опубликовал В. Е. Якушкин в Русской Старине (XLVIII, 1884, сентябрь, стр. 648-9); но Якушкин напечатал списанные Пушкиным сербские стихи с некоторыми изменениями:

»Славiј птица мала с в а к о м ъ покој дала.
А мене јунаку туге је задала
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што ме н и ј е мајка оженила млада«.

Это четверостишие, а также неполный перевод песни опубликовал Якушкин с рукописей Пушкина, находящихся в Румянцевском музее №2375, на листе 18/2 и 35/1, следовательно, он имел перед собой ту же самую рукопись, факсимиле которой напечатал Виноградов. Таким образом Якушкин не совсем точно воспроизвел рукопись. В рукописи Пушкина слово »Славуј« написано не совсем отчетливо, так что его можно читать: славој, славiј или славуј, но Якушкин без всякого примечания напечатал »Славiј«, хотя точки над соответствующей буквой не имеется. Далее, в конце первого и четвертого стиха у Пушкина нет точки, у Якушкина имеется. Еще более значительныя изменения обнаруживаются во втором стихе:

у Пушкина: »А мени јунаку три туге задала«,
у Якушкина: »А мене јунаку туге је задала«.

Таким образом сравнение Пушкинской рукописи с воспроизведением ее Якушкиным свидетельствует о том, что Якушкин обращался с рукописным текстом довольно небрежно.

Также и упомянутый выше П. О. Морозов опубликовал это сербское четверостишие с изменениями:

»Славiј птица мала сваком покој дала,
А мене јунаку туге је задала:
Прва ми је туга на срдашцу моме,
Што мене је мајка оженила млада«.

Уже сразу видно, что Морозов не имел в руках рукописи Пушкина, а удовлетворился тем, что напечатал Якушкин. Кроме того, Морозов сам внес новые изменения: в первом стихе пропустил в слове »свакомъ« твердый знак а в конце стиха поставил запятую, в конце второго стиха поставил двоеточие, в конце третьего опять запятую, а в четвертом стихе изменяет текст, так что получается другой смысл. Вместо »што ме није« у Пушкина и Якушкина, Морозов напечатал »што мене је«, вследствие чего отрицательное

предложение получает смысл предложения утвердительного. Интересно отметить, что у Пушкина отрицание »није« подчеркнуто а у Якушкина напечатано в разбивку. Кто подчеркнул в рукописи это слово — Пушкин ли или кто-нибудь другой — из факсимиле установить трудно. Следует упомянуть, что Морозов вообще любил по своему усмотрению изменять текст Пушкина, как это особенно показывает отрывок »Что белеет на горе зеленой«, который он своевольно в значительной степени изменил.[1])

Сравнение факсимиле рукописи Пушкина в издании Виноградова со стихами, опубликованными Якушкиным и Морозовым, было необходимым и важным для самогоПушкинского перевода песни »Три највеће туге«. Между переводом Пушкина и подлинником сербской песни есть основное различие в содержании. Сербский стих: »Што ме није мајка оженила млада« Пушкин перевел: »рано молодца женили«. Таким образом отрицательное предложение — что меня молодым, т. е. рано не женили, Пушкин заменил предложением положительным — что рано женили. Этот загадочный факт пытались об'яснить Кулаковский[2]), Яцимирский[3]) и др., при чем ссылались на Пушкинское сербское четверостишие в том виде, как его опубликовал Морозов. На основании этого текста Пушкина в редакции Морозова они пришли к заключению, что Пушкин плохо прочитал и списал начальные стихи упомянутой сербской песни. По их мнению, Пушкина ввел в заблуждение печатный текст этой песни в сборнике Караджича в первом издании 1814 г., т. е. до реформы сербского правописания. В указанном сборнике этот стих напечатан в следующем виде:

»Што ме ни є майка
Оженила млада«.

Можно было бы допустить, что не знающий сербского языка мог бы плохо понять этот стих, т. е. вместо »ме није« мог бы написать »мене је«. Но о Пушкине этого нельзя сказать. Факсимиле, изданное Виноградовым, ясно свидетельствует о том, что Пушкин правильно списал соответствующие стихи, а именно из второго издания сборника Караджича 1824 г. и что, следовательно, причину этого существенного изменения смысла следует искать в чем-то другом.

---

[1]) Ср. текст этого отрывка в издании Морозова с текстом опубликованным И. А. Шляпкиным: Из неизд. бум. Пушк., стр. 32—33.
[2]) Славянские мотивы, стр. 7—8.
[3]) Пушкин, т. III, стр. 394.

В русской народной поэзии мы часто встречаемся с жалобами молодца и в особенности красной девицы на раннюю женитбу, возможно, что и в данном случае Пушкин хотел приблизится к народной песни. Может быть также, можно было бы найти об'яснение этому факту в настроении Пушкина в то время, когда он переводил сербскую песню, т. е. во всяком случае незадолго до 1833 г., вскоре после брака с Наталией Гончаровой. Если, с одной стороны, Пушкин тосковал по спокойной семейной жизни до брака, то с другой стороны — вскоре после брака почувствовал всю его тяжесть. Раньше свободный и беззаботный, жил он только для себя, для своей поэзии и своих друзей, теперь должен был заботиться о жене и семье и силы, которые он раньше отдавал творчеству, должен был тратить на повседневные хлопоты, на добывание денег. Можно себе представить, как тяжело было у него на душе, когда он писал П. В. Нащокину 23 февраля 1833 г.: »Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде; все это требует денег, деньги достаются мнс через труды, а труды требуют уединения« [1]).

В таком расположении духа Пушкин читал и переводил песню »Три највеће туге«. Обыкновенная, простая народная песня, полная горя молодого человека, могла быть отражением и душевного состояния Пушкина, но нуждалась в некотором изменении. Пушкин не печалился о том, что его рано не женили, но скорее о том, что он рано женился. Соловей ночью свободно поет песни, как ему сердце говорит, в то время как он, составляя свои песни, должен был думать о деньгах, а не о любимой женщине, как раньше. Отсюда и это изменение третьей печали: »Красивую девушку разлучили со мною злые люди«. Когда Пушкин женился, пришел конец его любовным ухаживаниям, любовным похождениям его молодости. Пушкин вложил в эту песню столько тепла, столько типически пушкинского темперамента, как ни в один другой перевод. В немногих стихотворениях, написанных в это время, можно почувствовать настроение Пушкина *в такой степени, как из этого перевода сербской песни*. С изменениями Пушкина песня ничего не потеряла, напротив, стала еще более совершенной. Более понятно, когда юноша печалится о том, что его слишком рано женили, чем о том, что его рано не женили. Также

[1]) Ср. Сочинения А. С. Пушкина, 4-ое изд. Ф. Павленкова, т. X, Спб, стр. 150.

и третья »туга«: »што се моја драга на ме расрдила« более понятна и логична при этом изменении: рассердилась потому, что юноша не на ней женился, а на другой. У Пушкина было слишком глубокое чувство и понимание народной песни, чтобы он мог не заметить эту непоследовательность.

Также и при переводе отрывка »Что белеет на горе зеленой« Пушкин *пользовался не первым изданием сборника Караджича 1814 г.* — во втором издании сборника 1824 г. песни »Ассан агиница« не имеется —, *а описанием путешествия по Далмации Фортиса, изданным во французском переводе в Берне в 1778 г.*, которое находилось в его библиотеке. Доказательства этому утверждению приведем ниже при разборе Пушкинского перевода этой песни.

Для того чтоб оценить Пушкина как переводчика, необходимо сравнить его переводы с сербскими подлинниками.

II.

Соловей.

Пушкинский перевод этой песни совершенно вольный, так что правильнее было бы назвать его »перепевом« или »парафразой«. »Несмотря на то, что переводная, говорит П. Шейн[1]), она вся передана таким чисто-русским песенным складом, что легко можно принять ее за оригинально-русскую«. Стих сербской песни в первом издании сборника Караджича, как выше было упомянуто, шестистопный (шестислоговый); во втором издании Караджич соединил два стиха в один, так что один стих состоит из 12 слогов. Стих Пушкинского перевода имеет 8 слогов и является, как и стих сербского подлинника хореическим. [2])

Как было выше указано, Пушкин изменил название сербской песни »Три највеће туге« — три большие печали — в название »Соловей«. Заглавие песни в сборнике Караджича более соответствует содержанию песни, чем заглавие, придуманное Пушкиным. Это подтверждается и примечанием Караджича во втором издании его сборника, где он говорит, что имеются варианты песни, в которых вместо двух первых стихов поют:

Мрак на земљу паде, сваком покој даде,
А мени јунаку три туге зададе.

---

[1]) »Народная песня и Пушкин«. Ежемесячные сочинения. Лит. журнал Г. Ясинского. СПБ, 1900, стр. 104. В этой статье автор касается только элементов русской народной песни в поэзии Пушкина. »Песен западных славян« он подробно не исследует.

[2]) О стихе переводов Пушкина из сербохорватского см. С. Томашевский: »О стихе«, стр. 63—76.

Таким образом о соловье здесь совсем не упоминается. Пушкин так озаглавил свое стихотворение очевидно потому, что народная песня очень любит эту птицу. Сербская народная песня называет соловья »птица мала«. Пушкин к этому прибавил очевидно только ради размера »лесная« (в первоначальном черновике »ночная«, что повидимому отвечало бы варианту, приводимому Караджичем в примечании, »мрак на земљу паде«). Слово »јунак« правильно передано Пушкиным »молодец«. Пушкин не употребил здесь выражения »юноша«, т. е. близкого к первоначальному значению старославянского »юн«, »юнота«, »юнак« — Jűngling [1], как немецкая переводчица *сербской песни* Тальви, передавшая сербское »јунак« немецким »Jűngling« [2]. »Молодец« употребляется только в народной песне и народных сказаниях и имеет то же самое значение, что и сербское »јунак« в этой песне [3]. Это свидетельствует о том, что Пушкин при переводе сербской народной песни использовал свое глубокое знание народной поэзии. Он часто не пользовался при своих переводах литературным языком, а старался приблизиться к народному языку. Слово »туга« Пушкин передал не совсем точно выражением »забота«. Хотя значение обоих слов довольно близко, но сербскому »туга« скорее отвечало бы русское »печаль« или »кручина«. [4] Первые два стиха сербской песни Пушкин перевел шестистишием так свободно, что между его переводом и подлинником сходства довольно мало.

О дальнейших двух стихах было сказано выше. Отметим только, что Пушкин в некоторой степени упростил растянутые обороты сербского подлинника.

6-ой стих »Што мој вранац коњиц пода мном не игра« Пушкин передал довольно точно, хотя и стремился к более краткому изложению: »Воронъ конь мой притомился«.

Третья печаль в сербской песне »Што се моја драга на ме расрдила« у Пушкина немного изменена: »Красну девицу со мною разлучили злые люди«. Таким образом Пушкин пошел немного дальше сербской народной песни: здесь милая только рассердилась, у Пушкина — красную девицу разлучили злые люди с молодцем. Это находится повидимому в связи с выше упомянутым изменением: »рано молодца женили« и этим разлучили его со своей

[1]) F. Miklosich, Etymologisches Wörterb. der slav. Spr., 1886, стр. 106.
[2]) Talvj, Volkslieder der Serben. I. 1825, Halle, str. 61.
[3]) Даль, Толк. словарь. Т. II (1912), 889.
[4]) Даль, ibidem, Т. I, 522—523. Кручина часто встречается в русской народной песне.

»драгой«, которая у Пушкина в духе русской народной песне называется »красной девице«й.

Стих 9-ый Пушкин перевел дословно, повторяя только ради размера слово »поле«.

Следующий, 10-ый стих, где описывается ширина и длина могилы, Пушкин пропустил. Повидимому он казался ему мало поэтичным и скорее годящимся для эпоса, чем для лирической песни. Кроме того, этот стих, часто встречающийся в сербской народной песне, не отвечает духу русской народной песни, в которой подобные стихи не имеются.

Слово »ружа« в 11-ом стихе Пушкин перевел: »алы цветики цветочки«, т. е. вполне в духе русской народной песни; »алый« является в русской народной песне вообще постоянным эпитетом цветов, также как для воды эпитет »ключевая«, встречающийся в следующем стихе нашей песни.

Стих »Које младо прође, нек се ружом кити« Пушкин передал поэтичнее и ближе к народному выражению:

»Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки«.

Последний стих сербской песни: »Које л'старо прође, нека жеђу гаси« Пушкин опять изменил:

»Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут«.

(В черновике:

»Пройдет мимо божий старец,
Тот воды себе зачерпнет«).

При чтении перевода Пушкина мы не ощущаем, чтобы он стремился к дословному переводу сербской песни. Его перевод чувствуется не как перевод, а как оригинальное творчество, при чем подыскиваемые им выражения (»Красна девица«, »алы цветики цветочки«, »чиста вода ключевая« и др.) приближают его перевод к русской народной поэзии.

Эту же самую сербскую песню перевела между прочими также немецкая переводчица Тальви в своем сборнике »»Volkslieder der Serben«, I. Lief., Halle, 1825. Этот сборник Пушкин имел в своей библиотеке, и это обстоятельство могло бы дать повод к мнению, что Пушкин при своем переводе этой песни пользовался немецким переводом Тальви, переводившей также из второго издания сборника Караджича. [1]) Мы считаем поэтому необходимым

[1]) См. Т. I. стр. X.

подчеркнуть, что перевод Пушкина не имеет ничего об щего с переводом Тальви. При сравнении обоих переводов сразу обнаруживается их большое различие. Тальви усердно старается как можно более дословно перевести сербскую песню и иногда довольно удачно слагает шестистопные стихи, но они лишены того поэтического вдохновения, каким дышат стихи Пушкина. Так, например, Пушкин, как выше указано, выбросил стих, в котором описывается могила, между тем как Тальви строго придерживается подлинника:

Grabt, ach, grabt ein Grab mir
Auf dem weiten Felde!
Breit sey's zween Lanzen!
Lang sey es vier Lanzen!

III.

Сестра и братья.

Перейдем теперь к переводу второй сербской песни »Сестра и братья« и сравним его с подлинником в сборнике Караджича, напечатанным под заглавием »Бог ником дужан не остаје«. Как видим, также и здесь Пушкин заменил заглавие сербской песни другим, при чем более удачно, чем в третьей песне. В сербском заглавии выражен взгляд простого народа, что Бог наказывает всякого за его преступления, уже на этом свете, взгляд, являющийся главным мотивом этой песни. Пушкин предпочел более вольное заглавие или потому, что его духу не отвечало церковно-религиозное наставление, бьющее в глаза в сербском заглавии песни, или потому, что он хотел ее освободить от тесных рамок. Некоторые исследователи [1]) полагают, что это свое заглавие Пушкин заимствовал из другой песни, напечатанной в сборнике Караджича непосредственно перед рассматриваемой нами песней. Это об'яснение однако кажется нам маловероятным и необоснованным. Скорее следует думать, что Пушкин изменил заглавие под влиянием содержания песни, в которой главными действующими лицами являются сестра и ее братья. Эта песня принадлежит к самым ценным в художественном отношении песням сербской народной поэзии и поэтому неудивительно, что Пушкин именно ее избрал для своего перевода. Повидимому, это поэтическое совершенство песни было причиной того, что он более придерживался подлинника, чем это было при переводе предыдущей песни. Он сохранил в общем и размер подлинника с незначительными от-

[1]) Наприм. А. Яцимирский, op. cit. стр. 395.

ступлениями. Укажем на заметные различия между переводом и подлинником.

»Два бора«, любимые деревья сербских народных песен, Пушкин заменил выражением »два дубочка« в 1-ом стихе, »два дуба« в 3-ем, т. е. сербский »бор« заменил »дубом«, деревом, часто встречающимся в русской народной поэзии. 4-ый стих подлинника Пушкин пропустил. В этом случае он мог это сделать потому, что из последующих стихов (7) видно, что »танковръа јела« — это — Елица.

В 8-ом стихе оборот »врло миловала« Пушкин перевел более поэтично: »любили всем сердцем«.

Стих 9-ый »Сваку су јој милост доносила« Пушкин перевел под влиянием подлинника »всякую ей оказывали милость«. Стих на сербском языке обозначает, что братья приносили сестре подарки (Liebesgaben). В русском языке оборот »оказывать милость« чаще всего употребляется по отношению к преступникам в значении оказывать прощение или снисхождение, а потом только в значении »сделать кому-нибудь что-нибудь приятное, хорошее, оказать почет«. Что Пушкин перевел этот стих таким образом не потому, что не понимал значения оборота »милост доносити«, видно из того, что, во-первых, в следующий стих включил глагол »подарить« — »напоследок ей нож подарили« (в подлиннике »ноже оковане«), а, во-вторых, в стихах 24. и 29. оборот »милост доносити« перевел »дарить подарки«. Тот же самый оборот повторяется, как увидим ниже, еще два раза.

Стихи 11—12

»Кад то вид'ла млада Павловица,
Завидила својој заовици«.

Пушкин перевел красиво и вольно:

»Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно«

и таким образом избежал мало поэтичных, часто повторяющихся оборотов сербской народной поэзии: »Кад то чуо«, »кад то видла«, »кад га удре«, и др.

В 14-ом стихе Пушкин сохранил под влиянием сербского подлинника выражение »люба Радулова«, что по сербски обозначает »жена Радула«[1]), между тем как в русском языке »люба«

---

[1]) См. Караџић: Српски рјечник. 1852. стр. 338. Љуба, die Gattin, conjux.

в значении »жена«, »супруга« не употребляется. Так же поступил Пушкин и в следующем, 15-ом стихе, где он сохранил сербский оборот »по Богу сестрица«, до некоторой степени мало обычный в русском языке.

Влияние подлинника сербской песни обнаруживается также в передаче стиха »да омразим брата и сестрицу« — »чтоб сестра омерзела братьям«. По-сербски »омразити« значит »рассорить« (verfeinden, entzweien)[1], по-русски »омерзѣть« — сделаться противным. Фонетическая близость обоих выражений была поводом для Пушкина к употреблению слова »омерзеть«.

Стихи 24—25

»Кад то зачу млада Павловица
Она оде коњма на ливаду«,

Пушкин соединил в один стих:

»Вот пошла Павлиха к водопою«

Пушкин опять старался избежать приемов изложения сербской народной песни, т. е. растянутости, характерной для эпической поэзии, и весь 24-ый стих выразил коротким »вот«, при чем по существу не отклонился от подлинника и не испортил его. Интересно, что Пушкин заменил сербскую »ливаду« — »водопоем«. Очевидно, под влиянием соображения, что на пастбище бывают колодези, где поят лошадей. При водопое Павлиха могла скорее найти коня и привести в исполнение свой умысел.

Стих 27-ой »Па говори (Павловица) своме господару« Пушкин сохранил — »И сказала своему господину«. Словом »господар« выражено отношение сербской жены к своему мужу. Странно, что Пушкин здесь придерживался подлинника, так как в русском языке является необычным, чтобы о муже говорилось, как о господине жены.

Стих 28-ой — »На зло Павле сеју миловао« Пушкин перевел — »Сам себе на зло сестру ты любишь«. По-русски »на зло« обыкновенно обозначает »умышленно«. Ближе к сербскому подлиннику было бы »на горе«. Очевидно Пушкин употребил выражение »на зло«, всецело отвечающее значению сербского »на зло«, под влиянием сербского подлинника.

Оборот »убола је коња« (ст. 26) в одном случае Пушкин перевел »зарезала коня«, в другом случае (ст. 30) »извела коня«, очевидно, чтобы избежать повторения.

[1]) См. Караџић: Српски рјечник. 1852. стр. 459.

Стих 33-ий — »Сестрица се брату кунијаше« Пушкин изменил — »Сестра брату с плачем отвечает«, а слово »клясться« употребил в следующем стихе, где его в сербском подлиннике нет.

В русских народных песнях и в русском языке вообще эпитетами сокола являются »серый« или чаще »ясный«. Пушкин употребляет оборот сербской песни »сивый сокол« (ст. 36).

Стихи 54—56

»Кад у јутру јутро освануло,
Она трчи своме господару,
Кукајући и лице грдећи«

Пушкин удачно соединил в два стиха:

»Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая«.

Эпический стих — »кад у јутру јутро освануло« Пушкин передал коротко: »рано утром«, не отклоняясь от смысла подлинника. Поступил так же, как и несколько раньше (ст. 51), где он сербский стих »Она оде вече по вечери« (— она идет вечером после ужина) перевел »по вечеру поздно«. При этом из его перевода »по вечери« — »по вечеру« можно заключить, что он понял сербское слово »вечера« (женск. рода — ужин), как »вечер« (мужск. рода — вечер). Выражение »господар« передал здесь Пушкин словом »муж«, а не словом »господин«, как раньше. Это не случайно. Здесь говорится о ребенке и поэтому Павлиха обращается к своему мужу, как к отцу ребенка, а не как к своему господину. Таким образом мы видим, что Пушкин не побоялся менять одно и тоже выражение подлинника, когда ему это казалось более подходящим для более верной передачи смысла сербской песни.

Также в ст. 59-ом »заклала *ти* чедо у колевци« имеются у Пушкина отступления от подлинника: »заколола она *у нас* ребенка«. Где лежит ребенок, теперь не имеет значения, главное то, что ребенок принадлежит *им*. Таким образом Пушкин усилил напряженность действия.

Ст. 61-ый »Извади јој ноже од појаса« Пушкин перевел:

»Осмотри ты нож ее злаченый«.

Ему, повидимому, казалось необычным, чтобы женщина носила нож за поясом, в то время как для сербской песни это вполне естественно, так как сербы всегда носили ножи за поясом.

Ст. 62-ой: »Скочи Павле канда се помами« Пушкин изменил: »Вскочил Павел, как услышал это«. Странно, что Пушкин не сле-

довал здесь народной песне и не перевел точно оборота подлинника »канда се помами (— как бы сошел с ума), которым песня выразила силу впечатления, произведенного на Павла сообщением об убийстве его ребенка его любимой сестрой.

Стихи 66—67

»Павле узе злаћене ножеве,
Па и вади из сребрни кора«

Пушкин соединил в один »Из ножен вынул его Павел«. Опять пример краткости выражения, характерной черты Пушкина.

»Поље широко« (ст. 79) Пушкин передал словами »чистое поле«, т. е. обычным выражением русской народной поэзии. В сербской песне говорится, что там, куда упала капля крови Елицы, »расте смиље и босиље (ст. 88). Пушкин перевел, как и в предыдущей песне »Соловей«, эти в сербской народной песне часто встречающиеся цветы оборотом, обычным в русской народной поэзии: »алые цветочки«.

Ст. 95—96:

У трави се љуте змије легу
Очи пију, у траву се крију«.

Пушкин перевел:

»В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи«

»Луте змије се легу« Пушкин перевел »лютый змей гнездится«; очевидно, он думал, что »се легу« обозначает — »лежать« или »ложиться«, вм. »рождаться«. Следует отметить, что в ст. 96-ом Пушкин сохранил леонинскую рифму сербской песни; это, повидимому, и было причиной того, что он в отношении содержания отклонился от подлинника.

Ст. 101-ый »Не би ли ме црква опростила« (т. е. простила Павлихе ее грех) Пушкин перевел: »У той церкви авось исцелюся«. Павел не знал о преступлении своей жены, а также ему не было известно, почему Бог наказал ее. Павлиха не хотела ему этого сказать. В народной песне употреблено неправильно выражение »опростити«, так как Павлиха могла бы таким образом выдать себя. Муж потребовал бы об'яснения, и она принуждена была бы открыть свое преступление. Пушкин повидимому заметил эту нелогичность народной песни и поэтому заменил выражение »опростити«, т. е. »простить«, словом »исцелить«.

В стихе 103-ем »Поведе је заовиној цркви« (т. е. Павел жену) Пушкин заменил выражение »заовиној« словом »сестриной« впол-

не правильно, так как Елица является сестрой Павла. В ст. 100 это выражение было правильно употреблено — »води мене заовиној цркви«, так как там говорила Павлиха, которой Елица приходилась »золовкой«. Под влиянием этого стиха и было употреблено то же самое выражение в ст. 103; народная песня любит повторять одни и те же стихи и выражения.

Ст. 114-ый — »Нек ме живу коњи растргају« Пушкин пропустил.

»Чедо« (ст. 74) Пушкин перевел в первый раз, когда еще не было известно, мальчик ли или девочка, словом »ребенок«, в ст. 125, где сербская песня говорит »мушко чедо«, он употребил выражение »маленький мальчик«.

Небезынтересно сравнить и этот перевод Пушкина с переводом той же песни Тальви (Volkslieder, кн. II., Die Schwägerinnen [1]), которая и здесь придерживалась очень строго сербского текста и не проявила особенного поэтического дарования. Для характеристики приведем несколько мест из переводов Пушкина и Тальви.

Стих »Кад у јутру јутро освануло« Тальви переводит: »Aber als der Morgen Morgens anbrach«, Пушкин же передает коротко: »Рано утром«.

Ст.

»Ђе је од ње капља крви пала,
Онђе расте смиље и босиље;
Ђе је она сама собом пала,
Онђе се је црква саградила«.

Тальви:

„Wo ein Tropfen fiel von ihrem Blute,
Da ersprossen Smiljen und Basiljen,
Aber wo sie selber fiel, die Todte,
Da erstand urplötzlich eine Kirche.“

Пушкин:

»Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки,
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась«.

Как мы видели, Пушкин пропускал стихи такого рода, как: »Кад то зачу млада Павловица«, »кад то виђе млада Павловица«, »кад то зачу Павле господару« и т. п., так как чувствовал, что эти повторения ослабляют художественное действие на читателей. Тальви же переводила дословно и строго придерживалась

---

[1]) Интересно отметить, что и Тальви подобно Пушкину не сохранила заглавия подлинника.

оригинала, так что и внешне ее перевод длиннее перевода Пушкина (128 стихов против 119).

Что Пушкин перевел и эту песню так удачно, помогло ему его глубокое знание русской народной поэзии. Также и здесь он пользуется где только может оборотами русской народной поэзии (два дубочка — два бора, чистое поле, алые цветочки и т. п.). Но при этом он всегда обращал внимание на то, чтобы от этого не пострадал оригинал. Где только он чувствовал красоту оборотов подлинника, он предпочитал сохранить их и в своем переводе, хотя они и не всегда отвечали духу русского языка.

IV.

»Что белеет на горе зеленой«.

До сих пор было распространено мнение (Анненков [1]), Кулаковский [2]), Яцимирский [3]), Шляпкин [4]), Цявловский [5]), Кравцов[6]) и др.), что Пушкин перевел эту песню из сборника Караджича »Мала простонародња славено сербска песнарица« (1814 г.). Между тем это мнение неправильно, как это станет видно из дальнейшего нашего обоснования. Мы постараемся показать, что Пушкин перевел эту песню из »Voyage en Dalmatie« Фортиса (T. I., Berne, 1778). где имеется подлинный текст этой песни с французским переводом. Это наше утверждение подтверждается между прочим и тем, что у Пушкина было вышеупомянутое французское издание путешествия Фортиса, и что он им пользовался, как это видно из бумажных вкладок между страницами находившегося в его библиотеке экземпляра. [7]) Сборника Караджича 1814 г. у Пушкина не было, у него имелось только второе издание этого сборника, в котором эта песня отсутствует. Кроме как этим, так сказать, внешним обстоятельством, наше утверждение поддерживается также некоторыми местами перевода Пушкина, согласующимися с хорватским и французским текстом у Фортиса, но ничуть не с текстом в сборнике Караджича. Пушкин пользовался как хорватским текстом песни, так и французским переводом, напечатан-

---

[1]) Op. cit., стр. 371.
[2]) Op. cit., стр. 10.
[3]) Op. cit. стр. 396.
[4]) Op. cit., стр. 34. Шляпкин даже говорит, что на этот счет не может быть никакого сомнения.
[5]) Путеводитель по Пушкину, 1931, стр. 275.
[6]) Сербский эпос, 1933, стр. 188.
[7]) Ср. Модзалевский, о. с., н-р 925.

ным у Фортиса рядом. Приведем некоторые из этих сходств и совпадений.

Ст. 2-ой »Снег ли то, али лебеди бели« звучал первоначально в черновике »снега ли то«, впоследствии Пушкин зачеркнул »снега« и надписал »снег«. [1]) У Караджича ед. число — »ил е сниегъ«, у Фортиса множ. число — »al-su snjezi«, во франц. переводе »sont ce des neiges«. Множественное число, употребленное под влиянием сербохорватского [2]) и французского текстов, Пушкин заменил единственным числом, так как это более отвечало духу русского языка.

В ст. 7-ом »Он лежит в нем весь люто изранен« после слова »он« в черновике зачеркнуто »страдает лютою...«, из чего видно, что Пушкин хотел продолжать »ранoю«. У Караджича этот стих звучит: »Ђи он лежи од љутие рана«, у Фортиса же »On bolu-je u ranami gliutimi«. Таким образом Пушкин держался первоначально Фортиса, но потом изменил первую редакцию стиха.

В ст. 6-ом »А шатер Аги Асан-Аги« Пушкин пишет подобно Фортису Ага с большой буквы, а не с малой, как Караджич.

Также в ст. 8-ом мы находим сходство между Пушкиным и Фортисом. У Фортиса этот стих гласит: »Oblaziga mater, i sestriza«, у Пушкина — »Посетили его сестра и матерь«. Караджич изменил »mater« в »мати«. В черновике Пушкин написал первоначально »мать«, т. е. форму, более обычную в русском языке, но затем зачеркнул это и надписал »матерь«, т. е. так, как у Фортиса, что впрочем и более годилось ему по метрическим соображениям. Наиболее веским доказательством того, что Пушкин переводил из Фортиса и что при переводе пользовался также и французским переводом, служит ст. 22-ой — »А приехал брат твой Пинтор«. У Фортиса этот стих гласит: »daixa Pintorovich Bexe«, у Караджича »уяк Пинторовић Беже«. Более вероятно, что дети обращались к своей матери не со словами: »к нам идет твой брат«, а со словами: »к нам идет дядя«. Трудно допустить, чтобы Пушкин сам мог сделать такую погрешность. Что он ее сделал, об'ясняется единственно тем, что он был введен в заблуждение неправиль-

---

[1]) Ср. Шляпкин, о. с., 32.

[2]) Текст Асанагиницы напечатан был у Фортиса латинским шрифтом по хорватски и самая песнь возникла на хорватской территории. Но так как языки хорватский и сербский представляют собою два названия одного и того же языка, то мы будем употреблять название сербохорватский, как это между прочим делает и проф. Мурко (см. Goethův sborník).

ным французским переводом этого стиха у Фортиса: »c'est ton frére le Beg Pintorovich«. Пушкин не знал значения редко встречающегося слова »daixa« — дядя и поэтому следовал французскому переводу.

Пушкин перевел, как известно, 26 первых стихов Асан Агиницы. Его перевод, являющийся в сравнении с другими переводами этой песни, как увидим ниже, весьма удачным, не может однако считаться совершенным произведением. Это только опыт, набросок, которого он не отделал, как следует. Нам неизвестно, почему Пушкин не продолжал своего перевода, и какое обстоятельство ему было в этом помехой. Пушкин своего перевода сам и не напечатал. Первые тринадцать стихов были опубликованы П. В. Анненковым в »Материалах для биографии Пушкина« (СПБ, 1855). Значительно позже издал все 26 стихов перевода И. Шляпкин в книге »Из неизданных бумаг А. С. Пушкина«, СПБ, 1903, стр. 32. При сравнении стихов, опубликованных Анненковым и Шляпкиным, мы наблюдаем некоторые, правда, незначительные различия. В конце 1-го стиха у Анненкова имеется вопросительный знак, которого нет у Шляпкина. В конце 2-го стиха у Анненкова двоеточие, у Шляпкина вопросительный знак. 3-ий стих у Анненкова гласит: »Былъ бы снѣъ — он давно бъ растаялъ«, у Шляпкина: »Былъ бы снегъ — онъ бы растаялъ«. В конце 4-го стиха у Анненкова двоеточие, у Шляпкина три точки.

7-ой стих у Анненкова: »Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ«, у Шляпкина »Онъ лежитъ въ немъ весь люто израненъ«.

В 8-ом стихе читаем у Шляпкина: »матерь«, вместо »мать« у Анненкова, в 9-ом у Шляпкина: »его люба не можетъ«, у Анненкова: »его люба не пришла«, в 11-ом у Шляпкина: »приказалъ онъ своей вѣрной любѣ«, у Анненкова: »приказалъ онъ своей вѣрной женѣ«, в 12-ом у Шляпкина: »не жди«, у Анненкова: »ты не жди«.

В 13-ом стихе Анненков поставил после слова »домъ« тире, а в конце стиха три точки, Шляпкин же поставил после слова »домъ« запятую, а в конце стиха точку.

Некоторые из этих чтений Анненкова встречаются в черновике Пушкина, но в нем они зачеркнуты и заменены иными выражениями. Происхождение других различий у Анненкова неизвестно, повидимому это его самовольныя изменения.

Анненков нашел изданные им стихи в наследии Пушкина, которое предоставила в его распоряжение Н. Н. Ланская, бывшая жена поэта, для нового издания сочинений Пушкина по до

говору с Иваном В. Анненковым в 1851 г. [1]). П. В. Анненков не использовал однако всего наследия Пушкина, кое-что осталось неизданным и неиспользованным, так что в книге Шляпкина мы находим много нового и прежде неизвестного. Странно, однако, почему Анненков не опубликовал всех 26 стихов Пушкинского перевода сербохорватской песни, тем более, что все они находились, как свидетельствует Шляпкин, на одном и том же листе. Между тем Анненков на 380 стр. своей книги говорит: »Затем приводим отрывок Пушкина (17-ю сербскую песню), превосходно сохраняющий дух подлинника и заставляющий сожалеть невольно о том, что он не имеет продолжения«.

Также и эту наиболее известную из сербохорватских народных песен Пушкин перевел на русский язык с большой легкостью; ему не нужно было мучиться и »потеть«, как иным переводчикам (Востокову, Бродзинскому, Тальви и др. Уже раньше мы видели, как глубоко чувствовал Пушкин красоту и своеобразие сербохорватской народной песни.

»Labutove« (лебеди) подлинника (ст. 2) Пушкин снабдил эпитетом »белы«. Ст. 9-ый: »A gliubovza od stida ne mogla« Пушкин перевел еще более поэтично: »Его люба не может, застыдилась«. Как и в предшествующей песне, Пушкин сохранил здесь выражение »Gliubovza« — люба в значении »жена«, хотя в этом смысле в русском языке слово »люба« не встречается. Поэтому повидимому и заменил Анненков выражение »люба« словом »жена«. Пушкин, конечно, знал значение сербохорватского слова »люба«, что явствует из ст. 14 (»мужнины речи«).

Стихи 14—15:

„Kad Kaduna rjeci razumjela,
Josc — je jadna u toi misli stala“

Пушкин перевел немного вольнее:

»Как услышала мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна«.

Интересно, что Пушкин сохранил турецкое слово »кадуна«, встречающееся только в сербохорватском подлиннике. Все остальные переводчики его не сохранили (у Востокова — »жена«, у Мериме — »la dame«, у Гете — »die Frau«, у Тальви — »die edle Frau«). Нет сомнения, что Пушкин переводил эту песню, как было уже раньше отмечено, с сербохорватского подлинника. Употреб-

[1]) См. Шляпкин, op. cit. V—VI.

ление Пушкиным слова »кадуна« является неопровержимым доказательством верности нашего утверждения. Это слово Пушкин снабдил примечанием: »кадуна по сербски супруга, дама, особенно о туркине«.

Ст. 16-ый: »Jека stade kogna oko dvora« звучит у Пушкина естественнее и драматичнее: »Она слышит — на дворе бьют кони«.

Также ст. 18-ый: »Da vrat lomi kule niz penxere« Пушкин перевел вольнее: »Хочет броситься бедная в окошко« повидимому под влиянием французского перевода: »en se jetant par les fenêtres«.

Немного строгое обращение Асан-агиницы к брату: »Da! moi brate...« (ст. 25) Пушкин выразил нежнее: »Братец милый...«

Если мы сравним перевод Пушкина этой песни с переводами других, то мы должны признать, что он переводил совершенно самостоятельно. Ему были повидимому известны переводы Востокова, Мериме и, вероятно, также и Тальви и Нодье, но он ими не пользовался. Мнения русских ученых относительно этого вопроса очень расходятся, но большинство из них пытается доказать зависимость Пушкинского перевода от переводов Востокова и Мериме. Так, например, Яцимирский обосновывает свое утверждение о зависимости Пушкинского перевода от Мериме сравнением двух мест. Пушкин сохранил выражение подлинника »gora« (гора). Яцимирский, следуя Анненкову, утверждает, что Пушкин употребил выражение »гора« под влиянием перевода Мериме: »sur ces collines verdoyantes«. »U dvoru bjelomu« Пушкин перевел: »в моем белом доме«. Яцимирский полагает, что Пушкин употребил этот оборот под влиянием переводов Мериме: »dans ma maison blanche« и Востокова: »в доме моем«.

Приведенные примеры не могут однако служить обоснованием высказанного утверждения. Уже раньше мы видели, что Пушкин часто и очень охотно сохраняет слова подлинника, тождественные с русским языком, иногда даже тогда, когда их смысл в русском языке не отвечает их значению в сербском языке. Здесь сохранил Пушкин слово »gora« подлинника потому, что его значение в русском языке тождественно и не обозначает только »der Wald« или »возвышенное место, покрытое лесом«, как это утверждает Анненков[1]). »Gora« может быть и совершенно голой, без всякого леса, и вполне естественно, что Пушкин здесь сохранил выражение подлинника. Менее обоснована замена этого слова в других переводах: »у рощи« у Востокова, »sur la

[1]) Op. c. стр. 379.

plaine« у Нодье, »am Walde« у Гете. Также и второе замечание Яцимирского — относительно перевода »в моем белом доме« не выдерживает критики. Зачем об'яснять здесь перевод Пушкина влиянием французского перевода, когда Пушкин перевел дословно подлинник, звучащий почти тождественно с русским переводом?

Коснувшись взглядов Яцимирского, считаем необходимым по этому случаю указать и на некоторые, довольно значительные неточности, встречающиеся в его исследовании, которое должно было представлять как бы итог всего того, что до тогдашнего времени было написано о »Песнях западных славян«. При этом мы ограничимся только приведением одного места из его выше указанной работы. »И дело заключается не в красотах оригинала (Асанагиницы) — говорит Яцимирский —, а в том, что подлинником для Пушкина служил не столько перевод Мериме, сколько перевод — сочинение такого чуткого артиста по части сербской эпики и лирики, каким был Вук Караджич, *который необыкновенно умело, артистично, тонко, не без проникновенности перевел с итальянского перевода на сербский язык, угадав и размеры, выражения и общий дух утраченного или же пока записанного сербского оригинала, которым воспользовался итальянский аббат-турист XVIII века. Свой перевод Караджич внес в венское издание сербских песен 1814 года.* (*»Мала простонародна Славяно-Сербска песмарица«*, стр. 163), *нисколько не скрыв источника, и перепечатав ее в издании 1824 года с оговоркой — надеждой когда-нибудь услышать подлинник от краинца или далматинца* (*Предисловие*, стр. XVI)«.

Приведенное место свидетельствует о том, что Яцимирский вообще не знал »Viaggio in Dalmatia« Фортиса, ни в итальянском подлиннике, ни во французском и немецком переводах, а равно и и второго издания сборника сербских народных песен Караджича 1823-4 года. Зачем было нужно Караджичу переводить Асанагиницу с итальянского, когда параллельно с итальянским переводом у Фортиса был напечатан хорватский подлинник? Караджич взял хорватский подлинник от Фортиса, перепечатал его кириллицей и внес только некоторые изменения[1]). Выше приведенное мнение Яцимирский мог высказать только потому, что не знал, что у Фортиса Асан-агиница напечатана и в хорватском подлин-

[1]) Миклошич утверждает (Über Goethes Klaggesang, стр. 8), что Караджич текст Фортиса »сербизировал« (serbisiert), т. е. последовательно употребил формы южного иекавского наречия и провел некоторые морфологические и лексические изменения.

нике и в итальянском переводе. Впрочем, как известно, Караджич и не знал итальянского языка настолько, чтобы мог переводить с итальянского на хорватский. В виду сказанного поражают замечания Яцимирского о »необыкновенно умелом, артистичном, тонком« переводе Караджича с итальянского [1]).

Яцимирскому повидимому не был известен и сборник Караджича 1814 г., так как, желая указать точное заглавие сборника, он называет его: »Мала просто-народна Славяно-Сербска песмарица«, между тем как точное заглавие книги звучит: »Мала просто-народња Славено-сербска Песнарица«. Кроме того, песня »Асан-агиница« не находится на стр. 163 этого сборника, как указывает Яцимирский, а на стр. 113—116. Повидимому Яцимирский списал это заглавие у Востокова, который приводит его также неточно. Что Яцимирский не знал сборника Караджича 1824 г., видно из того, что в этом издании »Асан-агиница« совсем не имеется. Если бы Яцимирский этот сборник видел, то не мог бы утверждать, что в нем находится »Асан-агиница«. [2])

*

На основании нашего разбора рассмотренных нами трех переводов Пушкина мы должны охарактеризовать и оценить Пушкина, как переводчика сербохорватских народных песен, следующим образом:

Из переводов Пушкина видно, что они написаны поэтом с глубоким художественным чувством, тонким чутьем и пониманием вообще народной поэзии. Лучшие места народных песен, в которых проявляется своеобразная красота народной души, хотя иногда и не вполне выраженная вследствие недостаточного умения составителей народной песни, приобрели у Пушкина еще большую красоту. Такие места—как бы не вполне расцветшие цветы. Слишком малой творческой силой обладал народный поэт, чтобы довести их до полного расцвета. И только благо-

[1]) В III. т. госуд. изд. народных песен Караджича (1894 г.) на стр. 513 напечатаны слова Караджича:» Из путовања Фортисова *ја сам је* (Асанагиницу) *1814 године преписао нашијем* (сербским-кирилским, пом. аут.) *словима* и онда овдје наштампао... послије је више за то *нијесам штампао*, што сам све очекивао, не ћу ли је у народу гдје од кога чути«. Как известно, Вук Караджич напечатал эту песню опять в 3. изд. народных песен 1846 г.

[2]) Ошибки Яцимирского повторяются и у других исследователей Пушкина. Так, например, М. Цявловский в своей статье »Песни западных славян« (А. С. Пушкин, Т. VI. Путеводитель по Пушкину. Москва 1931, стр. 274—275) говорит о Асан-агинице: »На сербский язык песню перевел Вук-Караджич, включивши ее в свое собрание«.

даря гению Пушкина мы получили возможность почувствовать вполне их красоту.

Пушкин обнаружил необыкновенно тонкое чутье в отношении родственного славянского языка. Красивые места сербохорватской народной песни часто теряют в переводе на иностранный язык свою красочность. Лучше всего мы это видели на переводах Тальви. Пушкин всегда умел понять смысл сербо-хорватских слов, смысл того, что народный поэт хотел высказать. Правда, также и в его переводе встречаются слова, не вполне отвечающие подлиннику, но нельзя утверждать, что они были бы во вред произведениям народной поэзии. Есть только одно исключение в переводе отрывка »песни о Асан-агинице« (вм. отец — муж твой, вм. дядя — брат твой). Но мы должны подчеркнуть, что »Асан-агиница« не может считаться совершенным и законченным произведением, это только набросок. Поэтому мы и не можем оценивать перевод этого отрывка тем же срособом, как и переводы первых двух песен, законченных и опубликованных Пушкиным. Пушкин в большинстве случаев сохранял размер сербских песен, но не подчинялся ему рабски. Он изменял его в тех случаях, когда сохранение размера подлинника оказывалось мало способствующим проявлению художественной красоты песни.

При сравнении перевода Пушкина с переводами других переводчиков мы должны признать, что в художественном отношении его перевод принадлежит к лучшим из них. Другие переводчики подходили к сербским песням, как к »интересному« творчеству народа, обыкновенно смотрели на них глазами этнографа, а поэтому и стремились к возможно более точной и дословной передаче подлинника. Пушкин же, хотя он всегда имел в виду, что переводит народные песни, и несмотря на то, что его, как романтика, привлекал »couleur local«, смотрел все же на них в первую очередь, как на искусство, и при переводе обращал внимание прежде всего на художественную сторону и только во вторую очередь на этнографию.

Когда в 1779 г. немецкий гений Гете поместил свое подражание »Klaggesang..« в собрание своих сочинений, эта »морлацкая« баллада сделалась достоянием всемирной литературы[1]). Отрывок Пушкинского перевода этой песни, найденный между его бумагами, свидетельствует, что полный и законченный перевод рус-

[1]) Murko: Domovina Asanaginice. Goethův sborník, 1932, str. 153.

ского гения — хотя и на 50 лет позднее — имел бы для познания сербской народной песни русским народом такое же значение.

Сохранившиеся 26 стихов перевода, незаконченного и неотделанного, возбуждают у нас сожаление, что обстоятельства помешали Пушкину закончить начатую работу, и позволяют нам высказать убеждение, что перевод русского-славянского гения затмил бы собою все остальные. *Др. О. Беркопец.*

Двѣ замѣтки.

I. К вопросу об источникѣ пѣсни „Яныш-Королевич".

Пушкин проявлял живѣйшій интерес к народной поэзіи не только русской, но и других славянских народов. Извѣстно, с каким увлеченіем он изучал сербскія пѣсни, сам записывал их от сербских воевод в Кишиневѣ, перевел двѣ пѣсни из собранія Вука Караджича 1824 г., воспѣл подвиги Георгія Черного и возстаніе Милоша, повидимому, по тѣм разсказам, которые слышал из уст близких участников возстаній и вообще по мотивам сербских пѣсен [1]. Но, несмотря на непосредственное знакомство с сербской пѣсней, он поддался мистификаціям Проспера Мериме (La Guzla 1827), и т. н. »Пѣсни западных Славян« представляют стихотворную обработку прозаических разсказов Мериме (11 из 29). В сущности только одна из этих пѣсен Пушкина принадлежит западным Славянам — это »Яныш-королевич«, как полагают, заимствованная поэтом из чешской народной поэзіи. Пушкин неясно говорит о ней в примѣчаніи: »Пѣсня о Янышѣ-королевичѣ в подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевел первую и то не всю«. Эти указанія поэта однако весьма цѣнны: он перевел какую-то очень длинную пѣсню, раздѣленную в подлинникѣ на три части, очевидно пѣсню не народную, а какую-то литературную обработку ея.

[1]) В послѣднее время Н. Кривцов в книгѣ »Сербскій эпос« (Москва, 1933, стр. 187) высказывает мнѣніе, что пѣсни о Милошѣ и Георгіи Черном, а также и Яныш-Королевич — »видимо простыя подражанія, чрезвычайно далекія от эпических пѣсен«. Далѣе (на стр. 188) он повторяет свое мнѣніе: »Видимо — это подражанія, матеріал для которых дали общія представленія Пушкина об исторіи, бытѣ и пѣснях сербов. Вызваны они были тѣм интересом к балканским славянам, который столь характерен для Россіи начала XIX в.« Не касаемся оцѣнки двух пѣсен Пушкина, созданных на темы из сербской исторіи и с удивительной проницательностью передавших характер сербскаго эпоса, но то, что́ сказано о них, никак не может быть отнесено к »Янышу«, так как здѣсь нѣт ничего балканскаго, и тема »Яныша« относится к совершенно иной области. Невѣрна и широкая фраза о »давно извѣстных книжных первоисточниках Пѣсен зап. Славян« Ю. Г. Оксмана, К исторіи библіотеки Пушкина. Инст. русской лит. Акад. наук. Сборник статей, посвященных акад. А. С. Орлову, стр. 443.

Чешская народная поэзія не знает эпических пѣсен; подобнаго сюжета в существующих собраніях народных пѣсен не находим, поэтому высказывалось предложеніе, что такого подлинника вовсе и не было, как не было подлинников »Скупого рыцаря« и других мнимо-переводных произведеній Пушкина, что здѣсь мы имѣем дѣло с мистификаціей поэта. По мнѣнію новѣйшаго комментатора, и самое примѣчаніе к пѣснѣ слѣдует разсматривать, как нерѣдкій вообще у Пушкина пріем маскировки автобіографическаго произведенія при помощи ссылки на не существующій подлинник (Вл. Ходасевич, Русалка. Предположенія и факты. Современныя Записки, XX, Париж, 1924, стр. 302). И »Яныш« и »Русалка« имѣют будто бы опредѣленно автобіографическій характер; к ним изслѣдователь относит и стихотвореніе »Как счастлив я«. Поэт один из моментов своей личной, глубоко-интимной жизни отобразил первоначально в лирической формѣ, потом в эпической пѣснѣ, яко бы переведенной с какого-то чужого языка, принимаемой обычно за чешское народное сказаніе, и наконец, в драматической формѣ — в »Русалкѣ«. Почему Пушкин включил эту мистификацію в число »Пѣсен Западных Славян«, на этот вопрос отвѣта не дано.

Относительно драмы акад. И. Н. Жданов доказал, что она возникла под вліяніем русской передѣлки оперы К. Ф. Генслера »Das Donauweibchen«, приспособленной для русской сцены в 1803 г. Н. С. Краснопольским, под названіем »Днѣпровская русалка«. Пушкин знал »Днѣпровскую русалку«, и связь его творенія с этой оперой не подлежит сомнѣнію. Новѣйшій изслѣдователь вопроса о генезисѣ »Русалки« (Вл. Ходасевич) полагает, что всѣ три отмѣченныя выше произведенія Пушкина вообще возникли под вліяніем названной передѣлки Краснопольскаго.

Сюжетное родство »Янышa« и »Русалки« очевидно, но по времени созданія оба произведенія раздѣлены нѣкоторым промежутком: »Русалка« возникла в ту болдинскую осень 1830 г., которая отмѣчена чрезвычайно высоким подъемом творческих сил поэта (первая сцена ея закончена была в апрѣлѣ 1832 г.); »Яныш« вошел в »Пѣсни западных Славян« 1833 г. Если источник »Русалки« опредѣлен с точностью и убѣдительностью, то этого никак нельзя сказать о происхожденіи »Янышa«. Пушкин, без всякаго сомнѣнія, использовал какую-то литературную обработку близкаго к »Русалкѣ« сюжета и создал эпическую пѣсню, включив ее в »Пѣсни зап. Славян«, взатыя из сборника Мериме и сочиненныя

самостоятельно. Книжный характер »Яныша« не подлежит сомнѣнію, — народной чешской пѣсни подобнаго содержанія Пушкин не мог имѣть, ибо ея нѣт и не было ни в подлинном видѣ, ни в переводѣ. Внимательное изученіе »Яныша« открывает в нѣкоторой степени тѣ элементы, из которых он создался. В нем наряду с именем чешской королевны (вм. княжны) Любуши, приведенном здѣсь в необычной для чешскаго языка формѣ: Любуся, упоминается еще только одно чешское имя — названіе рѣки Моравы (впрочем, извѣстное и на славянском югѣ, у сербов и болгар). Имена королевича (Яныш) и его возлюбленной, молодой красавицы Елицы уже не звучат по-чешски: Яныш можно сопоставить с словенским Janoš (Janošik) или мадьярским Janos, но Елица есть опредѣленно имя сербское, югославянское (Jela, Jelica). Первое Пушкин гдѣ-то вычитал и точно воспроизвел, измѣнив только суффикс; имя Елица он мог слышать в Кишиневѣ из уст сербов-бѣженцев, оно знакомо было ему и по сербской пѣснѣ »Сестра и братья« (Бог никому дужан не остаје), переведенной им из собранія Вука Караджича. В группу пѣсен опредѣленнаго происхожденія он вносит одну, яко бы чешскую по темѣ, переведенную им с какого-то подлинника, очевидно, не только не чешскаго, но и не славянскаго. Пушкин отнес своего »Яныша Королевича« к числу тѣх же »пѣсен западных Славян«, к которым принадлежали и переводы из сборника Мериме, и из собранія Вука Караджича, и собственныя двѣ пѣсни на темы сербской новой исторіи. Каковы бы ни были намѣренія поэта при созданіи »Яныша«, в своем замыслѣ он не был самостоятельным творцом сюжета. Литературныя обработки тем о русалках, водяницах, ундинах, влюблявшихся в молодых людей и губивших их, или обратно — о дѣвушках, обольщенных мужчинами и утопившихся с горя, были обильно распространены на Западѣ, и можно без натяжки допустить, что Пушкин в каком-нибудь из иностранных журналов, сборников или альманахов, вѣроятнѣе всего — в изданіях французских, познакомился с произведеніем неизвѣстнаго нам автора эпохи до 1830 года. В послѣднее время изслѣдованіями А. А. Ахматовой и М. К. Азадовскаго опредѣлены с большою точностью источники нѣкоторых сказок Пушкина. »Золотой пѣтушок«, как безспорно доказала Ахматова, оказался передѣлкой англійской сказки Вашингтона Ирвинга (из книги »The Alhambra«, London 1832), извѣстной Пушкину в французском переводѣ »Le contes d'Alhambra« (есть в библ.

поэта), а »Царь Салтан« явился плодом знакомства поэта не только с русскими, но и с чужими сказками. Он был знаком с сказками Гриммов в французском переводѣ (См. А. А. Ахматова, Послѣдняя сказка Пушкина. Звезда, 1933, № 1; М. К. Азадовскій, Источники сказок Пушкина. Пушкин. Временник Пушкинской комиссіи, I. 1936).

Этот путь обращенія к западно-европейским матеріалам приведет, надо полагать, и к разрѣшенію загадки об источникѣ мнимо-чешскаго преданія о Янышѣ — Любушѣ. Пушкин не знал чешскаго языка, не мог поэтому читать это преданіе в подлинникѣ, если бы таковой и существовал; нѣмецкій язык ему был мало извѣстен, и он предпочитал книгу французскую, — к ней он обращается в двух отмѣченных выше случаях. О литературных обработках темы о Любушѣ в нѣмецкой литературѣ весьма подробныя свѣдѣнія собрал проф. A. Kraus в трудѣ »Stará historie česká v německé lit.«, Praha, 1902. В пѣснѣ Пушкина есть правда имя Любуши (в своеобразной передачѣ: Любуся), но нѣт ничего из сюжета о чешской княжнѣ Любушѣ и ея легендарной роли. И. Н. Жданов обратил вниманіе на нѣкоторыя народныя преданія о водяных женщинах, записанныя в Чехіи (напр., два из сб. S. V. Grohmanna, Sagen aus Böhmen), и высказал при этом мысль, что одно из подобных преданій могло быть обработано Пушкиным в пѣснѣ »Яныш Королевич«. Однако среди них нѣт параллели к »Янышу«. Остается отвѣтить на вопрос, гдѣ он его встрѣтил, в какой литературной обработкѣ? Усилія изслѣдователя будут направлены не к славянским или нѣмецким источникам, литературным обработкам, а вѣрнѣе всего к французским. В французских Archives littéraires de l'Europe, t. I, 1804, p. 258—268; II, p. 95—108, помѣщены были, на примѣр, переводы двух русских сказок (contes russes) из собранія Чулкова: О Василіи Богуслаевичѣ (Basile, fils de Boguslas) и О Чурилѣ Пленковичѣ (Tschourilo Plenkowitz). Поиски в такого рода изданіях может быть приведут к тому очень длинному »подлиннику«, который был использован Пушкиным.

Много лѣт спустя послѣ того, как на петербургской сценѣ была поставлена »Das Donauweibchen« Генслера сюжет »Русалки« заинтересовал извѣстнаго автора русскаго гимна А. Ѳ. Львова (1798—1870). Лѣтом 1844 года он вмѣстѣ с польским композитором и петербургским капельмейстером В. Кажинским (W. Każyński, 1812—1870) был в Прагѣ, познакомился здѣсь с Ганкою

и вступил с ним из Маріенбада, при посредствѣ Кажинскаго, в переписку, просил его прислать старыя чешскія пѣсни, военныя, торженственныя, пиршественныя, а также памятники чешской музыки и пѣнія. Как свидѣтельствует письмо Кажинскаго (от 9 августа), Ганка исполнил эту просьбу. Львов готовил, по сообщенію Кажинскаго, оперу »Ундину«, почерпнул матеріал для ея »исполненнаго поэзіи« либретто из чешской исторіи, при чем дѣйствіе развивается отчасти на чешской почвѣ в концѣ XIII ст. Фантастическая опера готовилась спеціально для Праги, и русскій текст предполагалось перевести на чешскій язык. Кажинскій говорит о »легкой возможности« перевести либретто, очевидно, при содѣйствіи чехов. »Ундина« была поставлена на русской сценѣ в 1847 г. О болѣе близком участіи Ганки в замыслѣ Львова мы ничего сказать не можем, но можно допустить его литературную помощь. Кто мог внушить Львову идею написать оперу на такую оригинальную тему? Откуда у него могли быть, когда он приступал к сочиненію либретто, хотя бы скромныя познанія о чешской жизни, да еще XIII вѣка? Ганка подарил Львову через Кажинскаго какія-то чешскія книги, а Львов оставил Ганкѣ на память автограф гимна »Боже, царя храни«, в сафьяновом переплетѣ. Это доказательства сношеній русскаго композитора и его чешскаго информатора о чешских матеріях. Во всяком случаѣ, этот факт заслуживает вниманія. Тема »Русалки« и »Яныша« при содѣйствіи чешскаго ученаго и поэта получала новую обработку.

II. О нѣкоторых русских эпиграммах у чехов и у поляков.

Эпиграммы, как остроты и вообще всякія bons mots, легко странствуют из одной страны и литературы ея народа в другую. Перенесеніе их из одной славянской области в другую облегчается близостью славянских языков, иногда полною тождественностью понятій и остроумных изреченій в этих языках. Знакомство с русскою литературою чешских писателей в половинѣ XIX в. привело их и к русской эпиграммѣ, в эту эпоху особенно обильной и разнообразной, отражающей борьбу литературных теченій, поучительных в этом отношеніи для писателей, творивших новую жизнь славянскую, и интересной как выраженіе моральных принципов русских писателей.

Из чешских писателей первой половины XIX ст. особенную

извѣстность в эпиграмматической области пріобрѣли два поэта— Фр. Л. Челаковскій, большой поклонник новой русской поэзіи и народнаго творчества, и Карл Гавличек Боровскій, имѣвшій счастливый случай познакомиться с произведеніями новой русской литературы во время полуторагодового пребыванія в Москвѣ, в 1842—1843 г. г.

Челаковскій, как свидѣтельствует историк чешской литературы (см. J. Jakubec, Čelakovský a Havlíček, Obzor liter. a umĕl., 1900, 1901; его же Dějiny liter. české, II, 568), принял теорію эпиграммы от Лессинга и Гердера и оставил весьма значительное количество опытов в этом родѣ произведеній. Из русской литературы он переводил эпиграммы И. И. Дмитріева (Na Barýna psavšího báseň o člověku, Hrobní nápis spisovateli), далѣе — перевел четыре его басни, из-за которых у него возникли какія-то недоразумѣнія с цензурой, запретившей басню »Срѣлка« (Rafička), с увлеченіем читал вообще стихотворенія Дмитріева (одно из них: »К Волгѣ«, он цитирует по-русски в письмѣ к другу), наконец перевел шесть надписей и эпиграмм Карамзина, А. Измайлова (*Ἀεὶ τῷ Ἰλίῳ κακά*), Дельвига.

Касаясь эпиграмм Челаковскаго, слѣдует отмѣтить, что в числѣ их имѣется одна, озаглавленная: »Kdo více k politování« и являющаяся точным переводом нѣмецкой эпиграммы Гауга: »Wer ist mehr zu beklagen« (Epigramme und vermischte Gedichte von Johann Chr. Friedrich Haug, I Theil. Wien und Prag, 1807, S. 195). Она совершенно совпадает с извѣстной эпиграммой Дмитріева: »Я разорился от воров«, обыкновенно принимаемой за оригинальное произведеніе русскаго поэта и вошедшей даже в учебники русской литературы. Как образец эпиграммы, она была напечатана в статьѣ Н. Остолопова. Из словаря древнія и новыя поэзіи (в Трудах Общ. Любит. Росс. слов. при Имп. Моск. унив., ч. IX, 1817, стр. 67), без указанія однако на ея зависимость от нѣмецкаго оригинала. Изданіе это, равно как и собраніе сочиненій Дмитріева имѣются в библіотекѣ Чешскаго Музея, из собранія В. Ганки, были доступны Челаковскому, который перевел эту эпиграмму с нѣмецкаго оригинала. Его перевод для нас интересен тѣм, что приводит к источнику эпиграммы Дмитріева.

Челаковскій в 1837 г. в Часописи Чешскаго Музея (XI, sv. II) напечатал собраніе (50) эпиграмм, п. з.: »Padesátka z mé tobolky«, конфискованное цензурой и только в новѣйшее время полностью перепечатанное. Здѣсь мы встрѣчаем впервые указа-

ніе на знакомство поэта с распространенной среди русских читателей шуткой-игрой именем популярнаго в Россіи Вальтер-Скотта. Вяземскій еще в 1819 г. в письмѣ к А. И. Тургеневу в сердцах обозвал Жуковскаго: »Настоящій Вальтер-скот!« В новѣйшем сборникѣ »Эпиграмма и сатира« (1935) примѣров эпиграмм с именем Вальтер-Скотта найдем довольно много. Челаковскій приводит в своем сборникѣ, как »истинное происшествіе«, очевидно, воспроизводя в переводѣ русскій анекдот, слѣдующую шутку: »Мнѣніе русскаго цензора. Какой-то писатель в Москвѣ перевел роман Кенильворт и представил его в цензуру. Цензор, не знавшій до сих пор ни имени Вальтер-Скотта, недоумѣвал по поводу заглавія и на рукописи сдѣлал приблизительно такое заключеніе:

„Mysl překladatelova blahorodna
Zajisté jest vší cti a chvály hodna:
Však myslím, ačtě byla bludna jeho věra,
Skotem že předce zvati nesluší Voltaira“.

Переводчик тут же объяснил чешскому читателю, что русское скот значит то же, что и чешское skot или dobytek, hovado.

Неправильно приписываемая Пушкину эпиграмма на Булгарина: »Всѣ говорят он Вальтер-Скотт« и другія эпиграммы на этого писателя, противника поэта, были несомнѣнно рано извѣстны чехам, прежде всего, по перепискѣ пражских ученых с русскими (Погодиным, Бодянским), ибо не всѣ эпиграммы Пушкина были в то время напечатаны. Близкій друг Погодина Шафарик из личных бесѣд с ним, в дни неоднократнаго пребыванія Погодина в Прагѣ, и из писем его мог знать отзывы его о Булгаринѣ в той формѣ, как его характеризовали эпиграммы. В одном из писем к Погодину (20 іюля 1840) Шафарик прямо называет Булгарина Фигляриным, повторяя это названіе, очевидно, из эпиграммы Пушкина. Шафарик имѣл непріятность из-за отзыва о книгѣ Булгарина (»Россія«) в Čas. Česk. Mus., 1837, недобросовѣстно использованнаго автором (собственно присвоившим себѣ чужой труд), и назвал его за эту безтактность Raboulist'ом. О Булгаринѣ он составил себѣ представленіе и по извѣстной книгѣ Кенига и замѣчаніям на нее Мельгунова (Literarische Bilder aus Russland, 1837).

Историки чешской литературы до сих пор мало отмѣтили слѣдов знакомства с музой Пушкина, с его эпиграммами и сати-

рическими стихотвореніями у второго эпиграмматиста Карла Гавличка Боровскаго. Молодой чешскій студент в письмах из Москвы рѣзко и легкомысленно отверг всю русскую литературу той замѣчательной эпохи, с которою он мог ознакомиться основательнѣе, и назвал всѣх русских писателей, вмѣстѣ с Пушкиным, imitatorum pecus. Его сатирическому дарованію наиболѣе был близок Гоголь, и ему посвятил Гавличек особенное вниманіе. О Пушкинѣ он нигдѣ не высказался и не оцѣнил его.

Только недавно проф. Фр. Таборскій, в краткой параллели »Puškin und Havlíček« (Prager Presse, 7 Febr. 1937), сдѣлал попытку установить нѣкоторые моменты вліянія Пушкина на творчество Гавличка. Молодой чешскій гость Москвы вывез оттуда (1844) обильную сатирическую жатву: 86 оригинальных эпиграмм, которыя вмѣстѣ с 11 написанными затѣм на родинѣ, в Нѣмецком Бродѣ, по формѣ, духу, манерѣ выраженія и силѣ его изобличают русскую школу и указывают прежде всего на вліяніе Пушкина, хотя по сравненію с эпиграммами русскими онѣ иногда нѣсколько мягче и больше проникнуты юмором. Из эпиграмм Пушкина он перевел полностью, очевидно, по памяти: »В Академіи Наук засѣдает князь Дундук«; она не могла быть извѣстна ему в печати и сохранилась в рукописи Гавличка (V H 39, в собраніи Чешскаго Націон. Музея), под данным ей переводчиком заглавіем: »Učený epigram«. Гавличек передал ее со всею рѣзкостью оригинала. Он знал также и смѣлыя, распространявшіяся в рукописях стихотворенія Пушкина. Под вліяніем сатирической рождественской пѣсенки (Noël) Гавличек, как полагает Таборскій, создал сатирическіе стишки »Stadion jako chůva« (Стадіон, как няня), в коих австрійскій министр убаюкивает чешскаго льва, как у Пушкина мать утѣшает горько плачущаго младенца. Сходство темы и формы обоих стихотвореній весьма близки. В юношеском фрагментѣ »Бова« Пушкина чешскій изслѣдователь склонен видѣть образец для извѣстной политической сатиры Гавличка »Крещеніе св. Владимира« (Křest sv. Vladimíra). Это сопоставленіе однако менѣе убѣдительно и потребует еще болѣе тщательнаго анализа. Вообще, по убѣжденію Таборскаго чешская литература обязана Пушкину той смѣлой творческой силой, которая наполнила сатирическій дух Гавличка, способствовала росту и укрѣпленію его.

Сатирическій элемент интересовал Гавличка и в комедіи »Горе от ума«. Он читал ее в Москвѣ, и самое названіе комедіи дало

ему повод распространить мысль автора в видѣ самостоятельной эпиграммы:

„Všichni blázni, milý synu!
ti se snadně obživí;
kdo má rozum, ten má vinu
a za ni trpěti musí“.

Варіант ея:

„Kdo je hloupý, milý synu,
ten se snadno obživí:
ty máš rozum, za tu vinu
každý trpěti musí“.

Как дальнѣйшее видоизмѣненіе эпиграммы, можно разсматривать »Versus memoriales« (Chceš li v strachu, v nepokoji žít).

Не останавливаясь на позднѣйших переводах эпиграмм Пушкина (Сватоплука Чеха 1873, Ел. Красногорской, І. Юнга; в послѣднее время — Яна Ржиги 1936, П. Кржички 1936), отмѣтим только передѣлку І. Махаром извѣстной эпиграммы: »Полугерой, полуневѣжда . . .« (на гр. Воронцова), как показатель популярности ея в чешском кругу читателей. Чешскій поэт использовал ее для того, чтобы свести счеты со своими литературными противниками из среды католическаго духовенства (Českým světem, str. 94):

„Půl Sahuly a Jukla půl,
půl Kavana a hlupce půl,
půl padoucha — všakť naděje,
že na celého vyspěje“.

Острая эпиграмма Пушкина нашла отголосок и в польской литературѣ. С цѣлью заклеймить одного из отщепенцев польской революціи 1831 г. Мицкевич нашел у Пушкина образец для эпиграммы (относимой к 1832—1834 г.):

Na Jana Czyńskiego

Wpół jest Żydem, wpół Polakiem,
Wpół Jakubinem, wpół żakiem,
Wpół cywilným, wpół żołdakiem,
Lecz zato całym łajdakiem“.

Таковы нѣкоторые слѣды вліянія русских эпиграмм в литература турѣчехов и поляков. Разысканія в этом направленіи слѣдует продолжить.

В. А. Францев.

A. S. Puškin u lužických Srbů.

Veliký ruský básník byl dobře znám lužickým vzdělancům, zejména těm, kteří se zajímali o slovanský svět a kteří přicházeli do styku se slovanskými pracovníky. Byl to především lužický buditel Jan Arnošt Smoleř, který přišel na podzim roku 1836 na universitní studia do Vratislavě a tu se brzy stal členem pracovité slovanské omladiny, která se nadšeně připravovala na své životní i národní povolání v jednotlivých slovanských krajích. A mladý Smoleř měl zvláštní příležitost seznamovati se s literaturami slovanskými, poněvadž byl v živém styku se svým universitním učitelem Fr. Lad. Čelakovským a zároveň byl domácím vychovatelem a knihovníkem v rodině jiného vynikajícího Čecha, vratislavského profesora J. Ev. Purkyně.

V podnětném a všestranně výchovném slovanském prostředí vratislavském poznával Lužičan Smoleř nejenom slovanské jazyky, jimž se poměrně dobře naučil teoreticky i prakticky — a to aspoň češtině, polštině a ruštině, nýbrž poznával také slovanské literatury a její vedoucí představitele. A své vědomosti mladý Smoleř rád svěřoval svým krajanům o prázdninovém pobytu ve vlasti i vždycky později. Máme o tom důležité svědectví od vrstevníka Smoleřova, oblíbeného lidového spisovatele Jana Radyserba-Wjely, jenž po letech si ještě vzpomínal na prázdninové besedy s mladým Smoleřem. V črtě ,,*Naš sławny wótčinc Jan E. Smoleŕ w Hućinje w korčmje*" (Łužica 1900, 69—71) vzpomněl, jak jim Smoleř v hućinské hospodě o prázdninách vyprávěl o slovanském světě: ,,Smoleř nětk při nami sedźo nam wotewri nic jenož serbski, ale též cyłički słowjanski swět. Nam zwonjachu do wuchow mjena Šafařík, Kollár, Mickiewicz, Puškin a druhe. . . ."[1]).

A to byla tehdy skutečně slavná slovanská jména: Šafařík, Kollár, Mickiewicz, vedle nichž nemohl chyběti první novodobý ruský geniální poeta Alexander Sergějevič Puškin. Smoleř jistě ve Vratislavi slyšel o Puškinově slávě a jeho tragickém skonu na počátku roku 1837, jistě se také seznámil s jeho básnickým dílem. O něm také dal první zprávy svým krajanům jak v přátelských besedách, tak v občasných

[1]) Jos. Páta, Zawod do studija serbskeho pismowstwa, Budyšín 1929, str. 149.

poznámkách v budyšínské Tydźenské nowině, pozdějších Tydźenskich a od r. 1854 Serbskich nowinách.

Když v roce 1860 začal Michal Hórnik vydávati první beletristický měsíčník „Łužičan", zavedl v něm pravidelnou slovanskou hlídku kulturně-literární jako „Słowjanski rozhlad" a zde podle možnosti z přijatých slovanských časopisu a zpráv, nebo konečně z přístupných slovanských pramenu upozorňoval na všechny projevy slovanského ducha, jež mohly lužické čtenáře zajímat. A v této slovanské hlídce nacházíme také občasné zprávy o Puškinovi. Tak v ročníku VIII. 1867, str. 64, zaznamenal Hórnik, že v Praze dávali v Národním divadle Glinkovu operu „Ruslan a Ludmila", k jejímuž řízení přijel dokonce Glinkuv žák Balakirev z Petrohradu. Tamže v ročníku XII. 1871, 53—59, vyšel dosti obsažný článek o Puškinovi, jejž podle ruských pramenu zpracoval pražský student Frant. Mérćink, veliký milovník ruské řeči a literatury, jenž později pusobil v Rusku na střední škole. Byla to vlastně přednáška, kterou připravil Mérćink pro studentské členy pražské „Serbowky" v Lužickém semináři, jak je také zapsáno v „Kwětkách" Serbowky za rok 1870—71[2]). V tomto článku podal Mérćink nejpodstatnější vědomosti o Puškinovi, jak jsou nyní obecně známy, ovšem bez jakéhokoliv samostatného posuzování. Nicméně byl článek, původně přednáška, upraven tak, aby nejen poučil o životě a díle velikého ruského básníka, nýbrž zapusobil také nabádavě na mladé lužické duchy, pokoušející se o první pokusy v mateřské řeči v důvěrném prostředí pražské Serbowky.

Ve slovanské hlídce Łužičana XIV. 1873, 80, zaznamenal Hórnik zprávu o chystaném místním pomníku Puškinové v Moskvě: výbor pro postavení pomníku dostal 15 modelů od ruských umělců a na dobrovolných darech se na pomník sešlo na 80.000 rublů. A v dalším ročníku XV. 1875, 64, zaznamenal Hórnik, že byla založena nová levná „*Russkaja biblioteka*", jejímž prvním svazkem byl Puškin, svazek po jednom rublu ve prospěch hladovějících v samarské gubernii.

Takovým způsobem se dovídali lužičtí vzdělanci o ruském geniovi, ale nebylo dobrých domácích překladatelů, kteří by byli přiblížili živé slovo Puškinovo přímo lužické čtenářské obci. Až dosud byl uveřejněn jediný lužický překlad z Puškinovy tvorby. Je to ona překrásná veršovaná pohádka Puškinova o zlaté rybce (*Skazka o rybakě i rybkě*), kterou vytiskl hornolužický překladatel, kryjící se značkou *M. B.* (t. j. Mikuláš Bjedrich-Radlubin), v Łužici XV. 1896, str. 93 a n.

Překladatel doprovodil svůj překlad krátkou, ale výraznou po-

[2]) M. Šewčik, Stawizny (Serbowki), Budyšín 1905, str. 54.

známkou o Puškinovi a jeho díle, o jeho geniálnosti a známosti v celém vzdělaném světě. Pohádku o zlaté rybce přeložil, aby aspoň poněkud seznámil lužického čtenáře s básnickou tvorbou Puškinovou. Chtěl zároveň doložiti, jak se dovedl Puškin přiblížiti duši lidu a jak je proto stále miláčkem celého ruského národa.

Hornolužický překladatel nadepsal svůj překlad „*Złota ryba*". Ačkoliv přeložil obsahově věrně, přece jen učinil některé změny. Především zaměnil Puškinův osmi- až jedenáctislabičný verš trochejským veršem osmislabičným, jen tu a tam sedmislabičným. Puškin tedy začal svou pohádku těmito verši:

Жилъ старикъ со своею старухой
у самого синяго моря;
они жили въ ветхой землянкѣ
ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
старуха пряла свою пряжу.
На порогѣ сидитъ его старуха,
а предъ нею разбитое корыто [1]).

A lužický překladatel začal a veršoval takto:

Na brjozy toh' synoh' morja
stary muž ze starej žonu
žiwił so we khudej khěžcy
třiceć lět, traš hišće dlěje.
Ze syću muž łojił ryby,
žona přadła běłe dźěło.

Pouhým srovnáním lužického překladu s ruským originálem vyjdou na jevo odchylky překladu. Z nich zřejmě pochybené je nahrazení ruských pohádkových *33 let* lužickým výrazem „*třicet let, snad ještě déle*".

Proč lužický překladatel vynechal dva ruské verše o stařeně na prahu a rozbitých neckách, je těžko se dohadovat. Vynechal i dále ještě po jednom verši. Tam, kde se stařík poděsil, že chce stařena býti carevnou:

Испугался старикъ, взмолился —

a v závěru, kde po smělé žádosti o stařenině vládě nad mořem rybka ani nepromluvila:

Ничего не сказала рибка —.

Ale hned další dva ruské verše v počátku pohádky, shora citované, rozšířil lužický překladatel na tři. Za Puškinův originál:

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
пришелъ неводъ съ одной тиной...

---

[1]) Полное собранiе сочиненiй А. С. Пушкина. Книгоизд. »Слово« III. 1921, str. 474 a n.

přeložil:

Něhdy muž šoł ryby łójić,
sćahnył syć do synoh' morja,
wušła syć ze samym błótom...

Zvláštní je, že lužický překladatel *carevnu* Puškinovy pohádky učinil *královnou* (*kralova*, *kralowna*), ačkoliv lužický jazyk zná dobře výraz *carica*, *carstwo*, *carski* a podobná, a to z jihoslovanské národní poesie v lužických překladech již od r. 1863[1]). Upozorňuji dále také, jak lužický překladatel přeložil ruský výraz на крыльцѣ. Stařec se vrátil a s překvapením vidí nádherný palác:

Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
на крыльцѣ стоитъ его старуха
въ дорогой собольей душегрейкѣ.

V „Łužici" na str. 94 čteme:

Što to widźi, swětły hrodźik!
Na pawlači žona jeho
w sobolowej rjanej drasće...

K obratu *na pawlači* udělal překladatel poznámku: *pawlača* = balkon, gallerija. Jde o dřevěnou verandu (kryt) u vchodu. Výraz pawlača mohl býti přejat z českého jazyka. Pokud je mně známo, nebylo ho dosud v lužické literatuře jinde užito a nezná ho ani jediný z hornolužických slovníků — ani Pful, ani Kral, ani Rězak. U Rězaka nacházíme výraz *wustup* (*k*). Víme-li, že Puškinovu báseň přeložil Mikuláš Bjedrich, který studoval v letech 1873—1883 v Praze, snadno najdeme český překlad, jenž mohl posloužiti překladateli lužickému[2]). Veršovanou pohádku Puškinovu přeložil Jos. Jireček s názvem *Pohádka o zlaté rybce*. Tento překlad byl brzy vřaděn do českých čítanek pro střední školy. Mám v rukou 4. vyd. Čítanky pro první třídu nižších gymnasií v Praze z r. 1867. Zde je na stránce 171 a další také Puškinova Pohádka o zlaté rybce v překladu. J. Jirečka. Tento překlad byl jistě dobře znám Bjedrichovi. A odtud měl také Bjedrich svou *pavlač* a *královnu* místo *carevny*. Neboť Jireček překládal:

Což to vidí? Velký zámek!
Na pavlači žena jeho...

A dále vždy jen *královna:*

Žena chce býti královnou...
Dobře, staneť se královnou atd.

Zajímavé je také, jak opsal lužický překladatel ruské dvořanstvo u carevny stařeny. Puškin vypráví:

---

[1]) Jos. Páta, Lužické stati, Praha 1937, str. 229—230.
[2]) Šewčik, Stawizny, str. 59.

...видитъ свою старуху:
за столомъ сидитъ она царицей,
служатъ ей бояре да дворяне...

A v lužickém překladě čteme:

— w hrodźe sedźi stara žona
za blidom kaž kralowna;
posłužeja panikojo...

Překladatel užil místo ruských dvořanů a bojarů jediného doma v národních písních dobře známého výrazu pro dvorského člověka, pro pána: *panik*. Zřejmý to archaismus ze staré doby, kdy v Lužici byl tento výraz znám od českých pánů. Najdeme jej v Pfulovi i v Kralovi.

* * *

Sté výročí narození Puškinova r. 1899 vyvolalo v Lužici také živý ohlas. Tehdejší spoluredaktor beletristického měsíčníku „Łužica", znamenitý publicista a překladatel ze slovanských literatur Mikuláš Andricki s neskrývanou úctou a podivem vypsal v „Łužici" XVIII. 1899, 57—58, jak velkolepě bylo puškinské výročí v Petrohradě a po celém Rusku oslaveno. Snad to bylo po prvé v ruských dějinách, kdy se dostalo takového uznání nějakému muži, v tomto případě básníkovi: všechny vědecké, literární a kulturní korporace, všechna města, celá církev, všechen lid i celé oficiální Rusko s carem v čele v hluboké oddanosti se skláněli před velikým geniem. K samotné slavnosti, která byla zároveň velikou slavností slovanského ducha, byli pozváni ostatní Slované, mezi nimi i malá Lužice v osobě prof. dra A. Muky, jakož i redakce Serb. nowin a „Łužice". Andricki se podrobně rozepsal o slavnostním shromáždění Akademie nauk v Petrohradě, o velikých oslavách v divadlech, v úřadech, ve školách i v armádě. Všichni školáci dostali po výtisku Puškinových prací, jejich vysvědčení byla vyzdobena portretem básníkovým. M. Andricki jako dobrý Slovan poznamenal také, že i ruští Poláci svorně oslavovali Puškina spolu. Byla to podle něho krásná odpověď na ruskou účast na polských oslavách Ad. Mickiewicze v prosinci r. 1898. Mickiewicz a Puškin byli dobrými přáteli. Andricki pronesl zbožné přání, aby takové upřímné a trvalé přátelství poutalo oba slovanské národy. Pokládal by to za nejlepší ovoce puškinského jubilea: po Varšavě příměří — po Petrohradě mír... A Andricki zakončil upřímnými slovy: My Serbja najlěpje Puškina wosławimy, hdyž jeho wuknjemy znać.

A podařilo se získati také dobrou původní studii o Puškinovi. Napsal ji a v témže ročníku „Łužice" vytiskl budyšínský odborný učitel Adolf Sommer, veliký milovník ruského jazyka a písemnictví, jenž ovládal dobře ruský jazyk a byl jeho tlumočníkem u budyšínského

hejtmanství. Sommer navštívil v roce 1898 Rusko a cestu svou začal popisovati téhož roku 1899 v „Łužici“.

Ad. Sommer se poctivě seznámil s životem a dílem A. S. Puškina a popsal je tak spolehlivě, že ještě dnes je dobrou lužickou statí o největším lužickém básníku. Ve své obsažné úvaze „*Aleksander Sergějewič Puškin*“ (Łužica, 1899, str. 50 a n.) podal Sommer poměrně dobrý obraz života a díla ruského poety, snažil se vylíčiti, z jakých rodových základů a z jakého prostředí dílo Puškinovo vyrůstalo, jak byl Puškin odchován francouzskou literaturou a v jejím duchu tvořil, ale jak neobyčejně brzy se v domácím ruském ovzduší těchto vlivů zbavil, jak bezprostředně pronikl až k duši ruského lidu a jak se dovedl nejčistěji rusky ve své tvůrčí tvorbě vyjádřiti. Lužický pisatel se snažil přiblížiti svým čtenářům také hlavní díla Puškinova podáním jejich obsahu a povšechnou charakteristikou, částečně aspoň skrovnou citací Puškinových slov. Sommer upozornil také na Puškinovy vztahy k Byronovi. Ale použil toho zároveň k doložení, že nebylo radno vstoupnout ani málo do šlépějí Byronových. Všichni ti, kteří tak učinili, předčasně a tragicky umírali: Michal Lermontov, Adam Mickiewicz, Juliusz Słowacki, Alfréd de Musset, Čech Karel Hynek Mácha . . . A také Puškin.

Andricki doplnil dobrou a poutavou stať Sommerovu překladem několika charakteristických vět o Puškinovi z kritiky Bělinského: *W. G. Bělinskij wo A. S. Puškinu* (Łužica 1899, 74). Pro Andrického samého je příznačné, že přeložil z Bělinského zejména charakteristiku o básnickém jazyku Puškinově.

Musíme litovati, že největší lužický básník — Jakub Bart Čišinski nepřekládal z ruštiny. Marně jej k tomu vybízeli jeho přátelé, z Čechů na př. Ad. Černý ve Slov. přehledu 1900, 481; Čišinski se nejvíce zamiloval do sousedních literatur české a polské a v době, když překládal z těchto literatur drobné ukázky, nebyl spokojen s ruskou modernou a ruské literatuře nevěnoval už žádoucí pozornosti[6]).

Celkem je puškinská bilance u lužických Srbů poměrně malá. Nicméně ani on nezůstal stranou lužického duchovního života a ve stati Sommerově se mu dostalo správného a jasného zhodnocení, jímž také v lužické literatuře se projevuje Puškin jako největší ruský básník. Když lužičtí učitelé po převratu hledali hodnotné překladové doklady do dětského měsíčníku „*Raj*“, vzpomněli si také na Puškinovu pohádku o zlaté rybce. Učitel Martin Kral ji upravil v pěkné horno-

[6]) M. Krječmář, Z náhledů Čišinského na modernu. Sborníček J. Čišinského. Uspoř. Jos. Páta, Praha 1926, str. 37 a n. Nově Krječmař v knize Jakub Bart-Čišinski, Budyšín 1933, str. 182—183.

lužické próze do ročníku 1924, vánoční číslo (hodownik), str. 12—13: *Złota rybka.* Puškina vzpomněly také budyšínské Serbske nowiny při 100. výročí smrti dne 12. února 1937 v čísle 36, kde je vytištěn básníkův portret z říšské Scherlovy obrazové služby. V číslech 43. a 44. Serb. nowin ze dne 20. a 22. února 1937 vyšel překlad Puškinovy črty o prodavači rakví: *Předawař kašćow* od *Jiřího Henčla.*

Významným ohlasem 100. výročí smrti bude chystaný svazek Puškinovy prózy (Bělkinovy povídky) v knihovně „Dom a swět".

Jos. Páta

Kritiky a referáty.

Historia literatury polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych. Seria trzecia: 1925—1930. Część trzecia.)

V.

Opracowania ogólne, ciąg dalszy: badania nad obcymi wpływami i nad motywami.

Badania nad obcymi wpływami na literaturę polską posunęły się w omawianym sześcioleciu o dosyć znaczny krok.

Wilhelm FALLEK ogłosił *Szkice i studia o wpływie Biblii na literaturę polską.* Jest to odbitka z *Rocznika I Gimnazjum Męskiego Tow. Żyd. Szkół Średnich w Łodzi* za rok 1929/30. Wartość nadają tej pracy nie „szkice", tylko „studia", wykazujące wpływ *Starego Testamentu* na *Psalmodię* Kochowskiego, na *Księgi* Mickiewicza, na *Anhellego* i *Lillę Wenedę* Słowackiego oraz na *Daniela, Akropolis* i *Sędziów* Wyspiańskiego. Kilka uwag krytycznych nad tymi sumiennymi badaniami dorzucił J. Birkenmajer w *Ruchu Literackim* VI, 282.

Cały szereg przyczynków do historii poczytności autorów starożytnych w Polsce, tudzież do ich przekładów i wpływów na literaturę, zawierają w sobie wstępy do różnych tomików serii drugiej *Biblioteki Narodowej*, która, mówiąc nawiasem, zaczęła wychodzić na nowo (por. *Slavia XI*, 633). Na szczególną uwagę zasługuje tutaj przede wszystkim studium T. SINKI (w tomie 17) o wpływie *Iliady* w przekładzie Dmochowskiego na poezję polską; B. GUBRYNOWICZ w *Eos*, *XXXII*, ogłosił nieznaną *współczesną* krytykę tego przekładu, napisaną przez G. SYGIERTA. Since zawdzięczamy także wstępy do przekładu *Odyssei* (Siemieńskiego), t. 21, i *Eneidy* (Karyłowskiego), t. 29. W ramach wstępu St. Witkowskiego do *Prometeusza* Eschylosa znajduje się piękny „szkic" J. KLEINERA o prometeizmie w poezji Słowackiego. Sprawy wpływu tragików na poezję polską dotknął także St. Witkowski w swym znakomitym dziele dwutomowym *Tragedia grecka* (Lwów 1930); mówiąc nawiasem, przeoczył autor ten fakt niewątpliwy, że w genezie *Mnicha* Korzeniowskiego odegrał ważną rolę *Edyp w Kolonie* (ob. Chrzanowski. *Z epoki romantyzmu*, Kraków 1918); nie wspomniał także o wpływie tragedyj Eurypidesa na *Lillę Wenedę*, do czego się sam Słowacki przyznał. — Ciekawego odkrycia dokonał Z. HAJKOWSKI, stwierdzając (w *Pamiętniku Literackim* XXVIII, 439), że ogłoszony w *Pamiętniku Sandomierskim* r. 1830 poemat p. t. *Cnota rycerska* to utwór nie oryginalny, tylko przekład trzech elegij Tyrteusza i jednej — Kallinosa. — Zwięzłe wiadomości o Demostenesie w Polsce (o jego wpływach na wymowę, o wydaniach jego mów i o roz-

prawach o nim) podał Jerzy Kowalski w przedmowie do jego *Wyboru mów* (*Bibl. Narodowa* t. 15); na bliższą uwagę zasługiwałaby znamienna dla upodobań literackich w Polsce na początku XIX wieku rozprawa St. Potockiego p. t. *Porównanie Demostenesa z Cyceronem* (w tomie pierwszym dzieła *O wymowie i stylu*, Warszawa 1815).

Jeszcze w latach 1913 i 1914 ukazały się w czasopiśmie *Eos* dwie cenne rozprawy Tad. Eustachiewicza: *Seneka w Polsce* (w tomie XIX) i *Seneki „Dobrodziejstwa“ w przeróbce Górnickiego* (w tomie XX), lecz uwzględnił w nich autor tylko średniowiecze i renesans. Otóż ciąg dalszy tych badań stanowi rozprawa tegoż autora: *Dzieje sentencyj Seneki w porenesansowej literaturze polskiej* (w *Pam. Liter.* XXII i XXIII, 373—391). Teraz dopiero mamy pojęcie, jak ogromny wpływ wywarł Seneka na literaturę polską nietylko XVII i XVIII, ale jeszcze i XIX wieku (Kraszewski, Sienkiewicz, Orzeszkowa!!). Wartość tych trzech rozpraw jest tem większa, że wpływ Seneki na literaturę polską uwydatnił autor na tle jego wpływu na literaturę powszechną. — W tym samym (podwójnym) tomie *Pam. Liter.* (str. 221—240) znajduje się praca St. Pilcha: *Tacyt w twórczości trzech wieszczów.* Zagadnienie to, które tylko przygodnie poruszył już Kleiner w swej książce o Krasińskim i Sinko w *Hellenizmie Słowackiego*, rozpatrzył szczegółowo dopiero Pilch i wykazał na podstawie długiego szeregu tekstów z pism Mickiewicza, Słowackiego i Krasińskiego, że wszyscy trzej niejedną swoją myśl o przeszłości, albo nawet niejeden swój pomysł zawdzięczają Tacytowi. I czy mogło być inaczej? Czy mogli ci trzej romantycy, mający serca i patrzący w serca, nie pokochać historyka, który tak głęboko wnikał w dusze ludzi i narodów i dla którego historia była wyjaśnieniem teraźniejszości przez przeszłość? Echa tego poglądu Tacyta słychać, jeśli się nie mylimy, już w wierszu Mickiewicza *Do Lelewela* — w slowach, że „teraźniejszość upada przed ... majestatem“ geniuszów i że „stworzenia, które kiedyś wyda przyszłość mętna, niosą kolor ich blasku, lub ich razów piętna“. Że, jak to stwierdza Pilch, w charakterystyce Iwana Groźnego (w *Prelekcjach paryskich* Mickiewicza) i w charakterystyce Popiela (w *Królu Duchu* Słowackiego) są refleksy lektury Tacyta, to nie ulega najmniejszej wątpliwości: zarówno Iwan, jak Popiel, to — w swoim okrucieństwie — *incredibilium cupitor*, jak tacytowski Neron.

Znajomość i wpływy Plauta w Polsce zbadał G. Przychocki w ostatnim rozdziale swej obszernej monografii *Plautus* (Kraków 1925). Okazuje się, że znano go u nas nie dopiero w XVI, ale już w XV wieku; stosunek komedii Cieklińskiego *Potrójny* (1597) do oryginału (*Trinummus*) teraz dopiero (w lat blisko trzydzieści po ogłoszeniu polskiego tekstu przez J. Czubka) doczekał się w tej monografii szczegółowego wyjaśnienia, podobnie jak wpływ Plauta na komedię szkolną jezuitów (zwłaszcza Bohomolca) i na komedie Fredry; nie zapomniał autor i o nowoczesnych polskich przekładach Plauta.

Nierównie większy wpływ od Plauta wywarł na poezję polską Wirgiliusz, którego, wbrew wiekowej tradycji, uczeni nasi, a za nimi nieuczeni nazywają za Niemcami Wergiliuszem, — inaczej niż Włosi i Francuzi, co nie przeszkadza im odczuwać piękna jego poezji nierównie

mocniej i subtelniej od Niemców. Dla uczczenia dwutysięcznej rocznicy urodzin Wirgiliusza ukazał się cały szereg nie tylko artykułów i rozpraw, ale i osobnych wydawnictw, żeby wymienić tylko trzy księgi zbiorowe: *Commentationes Vergilianae* (Kraków 1930), *Księga Wergiliuszowa* (Wilno 1930) i tom XXXIII czasopisma *Eos* (Lwów 1930). Otóż niektórymi pracami pożywi się nie tylko starożytnik, ale i historyk literatury polskiej, ich autorowie bowiem nie zapomnieli o kulcie Wirgiliusza w Polsce, zwłaszcza T. Sinko (*Nasz przyjaciel Maro*, Kraków 1930), St. Łempicki (*Vergilius a Polska* w *Kwartalniku klasycznym*, tom V), St. Pilch (*De Polonorum Aeneide* w *Eos* XXXIII, — o poemacie Jana Skórskiego *Lechus*), J. Birkenmajer (*Les traductions polonaises de Virgile*, tamże), T. Karyłowskiego (*Wpływ „Eneidy" na „Pana Tadeusza"* w *Przeglądzie Powszechnym*, 1925). Szczegółową sprawę z tej literatury jubileuszowej zdał R. Skulski w *Pamiętniku Literackim* XXVIII, 475—482. Dużo wcześniej jeszcze (tamże XXV, 439—441) wykazał J. Birkenmajer, że echa księgi IV *Eneidy* (słynnej księgi miłości) dźwięczą (po raz pierwszy w poezji polskiej) w przerobionej z Boccacia noweli wierszowanej *Amores Ismondae et Guiscardi* (którą ogłosił J. Krzyżanowski w *Pracach Filologicznych* XII). Trzeba jeszcze dodać, że nie tylko *Eneida*, ale także *Georgiki* i *Eklogi* odegrały nie małą rolę w historii poezji polskiej.

Co do *Georgik*, to ich księgę czwartą w przeróbce Gabriela Świrskiego z Romanowa (koniec w. XVI) p. t. *Pasiecznik* wydał z rękopisu (w *Pracach Filologicznych* XI, r. 1927) St. Seliga, któremu także zawdzięczamy gruntowne studium o tej przeróbce (w *Pam. Lit.* XXIV, 350—359); okazało się, że jest to *swobodna parafraza*. Co do *Eklog*, to dzięki jednej z nich, mianowicie czwartej, Wirgiliusz, jak trafnie powiedziano, stoi „u kolebki polskiej poezji mesjanicznej" (Pigoń — w *Księdze Wergiliuszowej* i odb.), albowiem echa tej eklogi dźwięczą wyraźnie w *Wieszczbie* z roku 1763; co do jej autorstwa niema żadnego poważnego powodu nie wierzyć tradycji, która je przypisała księdzu Markowi-Karmelicie. (Polemikę w sprawie *Wieszczby* zwiedli z sobą Pigoń i Konopczyński w *Myśli Narodowej* r. 1931, nr. 47, 50 i 55). — *Remedia amoris* Owidiusza w przekładzie polskim Malchra Kurzelowczyka (z ostatnich lat XVI wieku) ogłosił drukiem R. Skulski w *Pam. Lit.* XXII i XXIII; uzupełnienia ob. R. Kotula, tamże, XXIV. — Skulskiemu zawdzięczamy także piękne studium *Mit o Piramie i Tyzbie w literaturze polskiej* (tamże XXI); autor rozpatrzył tu szczegółowo popularny już w Polsce średniowiecznej poemat Tideryka *Carmen de Piramo et Thysbe* oraz późniejsze utwory polskie (Andrzeja Dębowskiego, Jana Smolika i Andrzeja Kitnowskiego), których głównym źródłem są *Metamorfozy* Owidiusza, — oraz bezimienny poemat z początku XIX wieku *Piram i Tisbe*. Wniosek, płynący z badań Skulskiego, jest taki, że w Polsce opowieść Owidiusza dostarczała treści (inaczej niż zagranicą) jedynie poetom drugo- i trzeciorzędnym.

Bardzo cenny jest króciutki szkic Jerzego Kowalskiego o św. Augustynie w Polsce, we *Wstępie* do przekładu *Wyznań* (*Bibl. Narodowa* t. 45); do tego, co autor mówi o Mickiewiczu, warto dodać, że w pierw-

szych latach swego pobytu w Paryżu nosił się Mickiewicz z myślą przekładu *Wyznań*.

W krótkim, ale pełnym treści studium *Dante and Polish Romanticism* (w *Slavonic Rewiew* r. 1929, nr. 22) uwydatniła p. Zofia SZMYDTOWA bądź zbieżności, bądź zależności, zachodzące pomiędzy *Boską Komedią* i *La Vita Nuova* a niektórymi utworami romantyków polskich: Mickiewicza, Słowackiego, Krasińskiego, Norwida i Lenartowicza. Źródło psychologiczne tych zbieżności i zależności wyjaśniła autorka w tych słowach: „There were several excellent reasons why the fascination of Dante should not be lost upon Polish Romanticism. To exiles he appealed as an exile, to patriots as a patriot; hearts inclined to mysticism acclaimed in him the visionary; minds steeped in the Catholic traditions felt his attraction as the great Catholic poet. The exaltation of Woman, by Dante, had its counterpart in the Romantic cult of love". — W roku 1930 ogłosił drukiem Stanisław ŁEMPICKI dwa swoje odczyty, wygłoszone we Lwowie: *Dante i kultura włoska w Polsce;* w pierwszym odczycie (*Dante a Polska*) mamy rzut oka na recepcję Dantego w Polsce, poczynając od wzmianek o nim Pawła Włodkowica i Długosza aż do przedmowy Artura Górskiego do własnego przekładu *Nowego Życia*, pisanej w chwili wybuchu wojny światowej. Rozległa wiedza łączy się zarówno w tym odczycie, jak i w drugim (p. t. *Węzły kulturalne włosko-polskie*), z niepospolitym talentem pisarskim i z tak rzadką u naszych uczonych świadomą troską o piękno wysłowienia. Do tego, co autor mówi o przekładach polskich Dantego, warto dodać, że jest jeden jeszcze staranny przekład *Boskiej Komedii* (dotychczas nie ogłoszony drukiem) pióra p. Teresy Świderskiej.

Pogłosy Dekameronu w powieści polskiej XVI i XVII wieku omówił szczegółowo Julian KRZYŻANOWSKI (w księdze zbiorowej, wydanej pod redakcją Stanisława ŁEMPICKIEGO: *Szymon Szymonowicz i jego czasy*, Zamość 1929). Ogólny rezultat badań jest ten, że miłośnikami Boccacia byli u nas przeważnie pisarze podrzędni, że jego recepcja, chociaż „stanowi pokaźną pozycję w dziejach naszego ubogiego piśmiennictwa nowelistycznego, nie wydala dzieł wielkich"; nie są nimi nawet te trzy utwory, które autor słusznie z szarej masy wyróżnia — ani bezimienne *Facecje polskie* XVI wieku, ani *Antypasty* Hieronima Morsztyna, ani bezimienny przekład *Ismondy* Beroalda. (Tutaj wtrąćmy, że w r. 1930 ukazał się w Warszawie *Dekameron* w przekładzie z komentarzami i z posłowiem Edwarda Boyé'go; przekład jest wierny, ale tu i owdzie niezbyt fortunnie archaizowany).

Wszystkie powyżej wymienione studia, dotyczące wpływów obcych, są tylko drobnymi przyczynkami w porównaniu z obszerną i w całym znaczeniu tego wyrazu klasyczną monografią Mieczysława Brahmera: *Petrarkizm w poezji polskiej XVI wieku* (*Prace historyczno-literackie* nr. 27, Kraków 1927). Dotychczasowi badacze nie zwracali uwagi na to, że ten lub inny pomysł w poezji naszej XVI wieku może być owocem wpływu nie bezpośrednio samego Petrarki, tylko stworzonej przez niego i jego licznych naśladowców mody literackiej. Ten błąd metodyczny dawnych badań sprostował Brahmer, wyzyskując swoją rozległą znajo-

mość nie tylko włoskiej, ale wogóle romańskiej poezji renesansowej. Z wielką zaś erudycją w tej dziedzinie umiał autor połączyć doskonałą metodę naukową, umiejętną charakterystykę zjawisk poetyckich i subtelne odczuwanie ich piękna; dlatego to charakterystyka poezji miłosnej Kochanowskiego, Szarzyńskiego i Anonima-protestanta, (którym jest, jak to już dzisiaj dzięki badanom St. Kota wiadomo, Erazm Otwinowski) wypadła wprost świetnie. Z drobniejszych szczegółów ten jeden przynajmniej zaznaczyć trzeba, że autor stwierdził ślady petrarkizmu nawet w *Trenach* Kochanowskiego. Lecz książka Brahmera daje dużo więcej, niż obiecuje tytuł: oto w „zakończeniu", oprócz znakomitej syntezy petrarkizmu polskiego XVI wieku, jest rzut oka na późniejszą poezję erotyczną w Polsce: barokową XVII wieku, sentymentalną XVIII i romantyczną XIX, aż do Mickiewicza włącznie. Bez przesady powiedzieć można, że studium Brahmera jest arcydziełem „komparatystyki" historyczno-literackiej.

Wracamy do przyczynków. Do nie opracowanego jeszcze wpływu Machiavela na literaturę polską dodał kilka szczegółów Roman POLLAK w artykule *Z dziejow Machiavela w Polsce* (*Ruch Literacki*, rok I, nr. 9), uwydatniając ślady tego wpływu w literaturze rokoszu Zebrzydowskiego i wykazując, że dzieło Krzysztofa Piekarskiego *Cnoty cel nie ów, do którego zmierza Machiavel* powstało pod wpływem przekładu łacińskiego dzieła jezuity hiszpańskiego Ribadeneïry, który (pomimo że jezuita, wyznający zasadę „cel uświęca środki") zwalczał *intelletto adulto* wielkiego myśliciela politycznego. (O gruntowną rozprawę o Piekarskim dawno już, ale jak dotychczas, bezskutecznie woła Brückner, ob. *Pamiętnik Literacki* XII, 93).

Z poetów niemieckich największy wpływ na literaturę polską wywarł oczywiście Schiller i Goethe. Zagadnieniem tym zajmuje się nauka polska od dawna, jak o tym świadczą nadewszystko dwie bardzo cenne monografie: Mariana SZYJKOWSKIEGO *Schiller w Polsce* (Kraków 1915) i Konstantego WOJCIECHOWSKIEGO *Werter w Polsce* (Lwów 1904); wydanie drugie, starannie poprawione i uzupełnione przez Zygmunta SZWEYKOWSKIEGO wyszło tamże 1925. (Badania Wojciechowskiego streścił Zygmunt ZAGÓRSKI w przedmowie do *Cierpień młodego Wertera*, przekład Fr. Mirandoli, *Biblioteka Narodowa*, seria II, nr. 22); tamże (nr. 51), w przedmowie do *Hermana i Doroty* w przekładzie Jenikego omówił krótko przekłady i wpływy tego poematu. Obecnie pracuje nad wpływami Goethego w Polsce p. Zofia CIECHANOWSKA, która ogłosiła w *Przeglądzie Powszechnym* (1925, nr. 495) pracę *Echa „Wertera" w Polsce*, a w *Pamiętniku Literackim* XXV, r. 1928 — *Kazimierz Brodziński jako pierwszy tłumacz Goethego w Polsce;* obydwie, jak wogóle wszystkie badania p. Ciechanowskiej, są owocem gruntownych badań nad preromantyzmem i romantyzmem polskim; (por. tejże autorki *Die Anfänge der Goethe-Kenntniss in Polen* w czasopiśmie *Germanoslavica*, rocznik pierwszy).

Rolę, jaką w polskiej literaturze politycznej końca XVIII wieku odegrała *Umowa społeczna* Rousseau'a, scharakteryzował Maciej STARZEWSKI w przedmowie do wydania przekładu tego dzieła (*Biblioteka*

Narodowa, Seria II, nr. 44); okazało się, że chociaż Rousseau nie miał żadnego wiernego ucznia wśród naszych pisarzów obozu reformy, to „natchnął ich jednak swym republikanizmem, demokratyzmem, kultem prawości" i że „echa jego myśli można się dosłuchać raczej w ich politycznych programach, niż w ich filozoficznych poglądach".

O wpływach literatury angielskiej ukazało się w latach, o których mowa, kilka studiów. Ryszard GANSZYNIEC wykazał (w *Pamiętniku Literackim* XXV) wpływ epigramatystów angielsko-łacińskich, zwłaszcza Owena (1560—1622), na epigramatystów polskich XVII wieku (bezimiennych i Gawińskiego). Stanisław HELSZTYŃSKI omówił *Polskie przekłady Miltona i Pope'a* (tamże); bardzo słuszny jest sąd, że Przybylski w swoim przekładzie *Raju utraconego* (1791), pomimo dziwactw językowych, bynajmniej nie zasłużył sobie na te drwiny, jakich mu nieszczędzono, że przekład jego trafia naogół dobrze w ton oryginału, że natomiast przekład Bartkiewicza (1902) jest pozbawiony poezji; co do Pope'a, to autor znacznie uzupełnił dawniejsze poszukiwania Dadleza, który ograniczył się tylko do XVIII wieku (ob. *Slavia* VI, 792); pomiędzy innymi uwzględnił autor przekład *Mesjasza, eklogi świętej*, dokonany przez Woronicza, a nieznany dawniejszym badaczom jego twórczości. (Rezultaty swoich badań ogłosił Helsztyński także po angielsku: o Pope'ie w *The Slavonic Review* VII, nr. 19., o Miltonie — w *Studies in Philology* XXVI, nr. 2, o wpływie różnych poetów i powieściopisarzy angielskich w rozprawie *English Literature in XVIIIth Century Poland* (*The Slavonic Review* 1927, VI.)

Na wyczerpujące studium o wpływie tego pisarza angielskiego, który obok Szekspira i Byrona najsilniej na literaturze polskiej zaważył, to jest Walter-Scotta, nauka nasza jeszcze się nie zdobyła; kilka wskazówek, dotyczących wpływu jego romansów, dał Andrzej TRETIAK w przedmowie do przetłumaczonego przez p. Teresę ŚWIDERSKA *Waverleya* (*Bibl. Narod.*, seria II. nr. 56).

Rzetelną wartość posiada rozprawa Wiktora Hahna *Henryk Ibsen w Polsce* (Lublin 1929, odbitka z *Pamiętnika Lubelskiego*); uwzględnił tu autor zarówno sądy o Ibsenie i przekłady jego dramatów, jak ich przedstawienia sceniczne w Polsce i wpływ na polską twórczość dramatyczną (nadewszystko Przybyszewskiego).

Wpływ nierównie mniejszy od literatury francuskiej, włoskiej, niemieckiej, angielskiej i norweskiej wywarła na polską literatura hiszpańska. Tej sprawie poświęcił krótki szkic St. WINDAKIEWICZ (*Literatura hiszpańska u romantyków, w Przeglądzie Współczesnym* 1928, nr. 73), poświęcony głównie wpływowi *Don Kiszota* na twórczość Fredry i Mickiewicza, a *Księcia Niezłomnego* — na twórczość Słowackiego. Autor przeoczył gruntowną rozprawę Matkowskiego *Cervantes w Polsce* (*Pamiętnik Literacki* 1918, przedruk w *Studiach literackich*, Kraków 1923), gdzie wykazano, jak wielki wpływ wywarł Cervantes już na *Dziady* młodzieńcze, a nie dopiero na postać Hrabiego w *Panu Tadeuszu*.

Najmniej uwagi poświęcano dotychczas wpływom rosyjskim na literaturę polską, które były w ostatniej ćwierci XIX wieku i na początku XX wcale mocne, jak np. wpływ Dostojewskiego na twórczość

Żeromskiego; (wykazał to szczegółowo Aleksy Ryło w pracy, nieogłoszonej jeszcze drukiem). *Wpływy „Słowa o pułku Igora" w poezji polskiej* stwierdził Henryk Ułaszyn (*Pamiętnik Literacki* XXII i XXIII) mianowicie w poezji Bielawskiego, Zaleskiego, Siemieńskiego i Tuwima (któremu zawdzięczamy bardzo piękny przekład *Słowa* w *Bibliotece Narodowej*, seria II, nr. 50 z przedmową Brücknera).

Do studiów o wpływach obcych na literaturę polską można także zaliczyć monografię Juliana Krzyżanowskiego *Romans pseudohistoryczny w Polsce wieku XVI* (*Prace historyczno-literackie*, nr. 25, Kraków 1926), a to dlatego, że się ten rodzaj literacki w Polsce XVI wieku zasilał prawie wyłącznie literaturą obcą (głównie średniowieczną łacińską). Autor zanalizował gruntownie przekłady i przeróbki polskie romansów o Aleksandrze Wielkim (*Historia de preliis*) i o Troi (*De excidio Trojae* Daresa i *Ephemeris belli Trojani* Diktysa), a nie poprzestając na tym, wykazał ślady wpływu tych romansów na współczesną i późniejszą literaturę polską; zbadał na nowo stosunek *Żywotów filozofów* Marcina Bielskiego do dzieła Gwaltera Burleya i Mikulasza Konacza i scharakteryzował ich pierwiastek romansowy; z kolei omówił *Historyją spraw Atyle, króla węgierskiego* arcybiskupa strzygońskiego Mikolaja Olaja w przekładzie Cypriana Bazylika, jej przekład ruski i jej pogłosy w kronice Stryjkowskiego; wreszcie zbadał jedyny romans oryginalny XVI wieku i nierównie bardziej historyczny od poprzednich — *Historyją prawdziwą o przygodzie żałosnej książęcia finlandzkiego Jana*, napisaną może przez Kromera, romans, którego treść stanowią dzieje tragiczne małżeństwa Katarzyny Jagiellonki. Nie dosyć na tym: w rozdziale wstępnym omówił autor krytycznie dotychczasowe badania nad romansem staropolskim, opracował jego klasyfikację, scharakteryzował jego rodzaje, wreszcie nakreślił program dalszych nad nimi studiów. Dodajmy, że znaczną część tego programu sam Krzyżanowski wykonał w monografii, ogarniającej już całość *Romansu polskiego wieku XVI*; lecz szczegółowa wiadomość o tym niepospolitej wartości dziele przekraczałaby granice chronologiczne niniejszej części tych przeglądów (ukazało się bowiem dopiero w roku 1934 w wydawnictwach Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Lublinie).

Obchód siedemsetnej rocznicy śmierci św. Franciszka z Asyżu (1226) wywołał, jak w całym cywilizowanym świecie, tak i w Polsce cały szereg prac popularnych i naukowych. Dwie z nich należą do nauki historii literatury. Bronisław Gładysz (*Św. Franciszek z Asyżu w hagiografii polskiej*, *Przegląd Teologiczny* 1926, rok VII) omawia żywoty, napisane przez Jana z Komorowa i Skargę, prace kapucynów: Prokopa (1863) i Honorata (1901), monografię Porębowicza (1900), *Kwiatki* w przekładzie Staffa, przekład polski dzieła Joergensona (1912) i dzieło Euzebiusza Statecznego (1912), które jest, zdaniem Gładysza, „szczytem twórczości w polskiej literaturze franciszkańskiej" (bardzo ubogiej, dodajmy od siebie, jak cała wogóle nasza hagiografia). Z drugiej pracy (Franciszka Bielaka — *Motywy franciszkańskie w literaturze polskiej*, w *Przegl. Współcz.* 1927, nr. 64, przedruk w księdze zbiorowej *Św. Fr. z As., zbiór odczytów z przedmową Chestertona*, Kraków 1928) okazuje się jasno, że dopiero w epoce neoromantyzmu odczuto u nas piękno poezji życia św.

Franciszka i jego *Kwiatków* (Witkiewicz, Staff, Miciński, Kasprowicz, Zegadłowicz). Do tego, co autor mówi o epoce oświecenia, można dodać, że taki np. Trembecki (w wierszu *Do przyjaciela na dzień ś. F.*) drwił sobie z „płomienia“ jego „mistycznych ogniów“, a na pytanie: „Jakież z cnót jego ludzkość miała zyski?“ daje głupią odpowiedź „Żadnych, bo do nich nic go nie wiązało“ (!). W ustępie zaś o epoce romantyzmu, który, jak to słusznie stwierdza Bielak, „obojętnie przeszedł obok postaci św. Franciszka“, należało wspomnieć, że kult Odyńca dla jego postaci przemówił nie tylko w wierszu do ziemi włoskiej, ale także w trzech legendach *Z życia F. z As.: Wilk, Turkawki, Jaskółki.*

Do badań nad różnymi motywami w literaturze polskiej należą także dwa studia Juliana KRZYŻANOWSKIEGO, ogłoszone w roczniku V *Ruchu Literackiego: Romans Jana z Tęczyna w wersji Kochanowskiego* (znane już poezji rzymskiej motywy: ogień miłości, łzy smutku i skargi sentymentalne zawiedzionej i opuszczonej kochanki) i *Dookoła Norwidowej paraboli o zamarzłem słowie* (motyw zamarzania słów w powietrzu, także znany już w starożytności, w średniowieczu zamarzły, w czasach nowszych odmarzły, czego w Polsce dowodzą: *Mięsopust albo Tragico-Comedia, Klechdy* Woycickiego i *Znów Legenda* Norwida; dodajmy, że nie tak to jeszcze dawne czasy, kiedy na Podlasiu opowiadano sobie na polowaniach (zasilając się Münchhausenem?), jak to w zimie głosy trąbek myśliwskich, strzały i szczekania psów zamarzają w lasach, a na wiosnę odmarzają straszliwą wrzawą. (Drugie z wymienionych studiów, uzupełnione, wcielił Krzyżanowski do swej wydanej świeżo świetnej książki: *Paralele, studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru*, Warszawa 1935).

Dużo pracy włożyła p. Hanna MORTKOWICZÓWNA w swoje studium *Podanie o Wandzie, dzieje wątku literackiego*, Warszawa 1927 (*Studia z zakresu hist. lit. pol.*, nr. 7). W części pierwszej, poświęconej charakterowi i genezie podania, referuje autorka dotychczasowe poglądy na tę sprawę i twierdzi gołosłownie, że najnowsze badania (BRÜCKNERA w jego *Mitologii polskiej* i Kaz. Feliksa KUMANIECKIEGO w *Pam. Liter.* XXII—XXXIII) są „nieprzekonywujące“. Co do Brücknera, to Balzer bez żadnych zastrzeżeń akceptował jego pogląd, wypowiedziany jeszcze w *Archiv für slav. Phil.*, r. 1901, tom XXIII, że pierwotne podanie o Wandzie jest płodem fantazji Kadłubka, która, chociaż się mocno zasilała Justynem, zdobyła się jednak na własny wynalazek, wysnuwając z nazwy rzeki Vandalus imię Vanda, jak z Krakowa wykoncypowała sobie Kraka. (Ob. pośmiertne dzieło dwutomowe Balzera *Studium o Kadłubku*, Lwów 1934, I, 115). Nie wiedziała autorka, że (jak to przypomniał nie kto inny, tylko znowu Brückner) już Grzegorz z Sanoka żartował sobie z Wandy Kadłubka (ob. Callimachus, *Vita et mores Gregorii Sanocei*, cap. XVII: nescio, quam *sibi soli cognitam* Vandam reginam etc.). Co do studium Kumanieckiego, który wykazał szczegółowo źródła starożytne podania (Justyn, Owidiusz, Wirgiliusz, później — Liwiusz), to na str. 42 autorka dała się przekonać, ale na str. 130 znowu wydała wyrok, iż to „hypoteza ryzykowna, nie dowiedziona przez autora“ (!!). Ale mniejsza o to. Wartość studium p. Mortkowiczówny polega nie na

pierwszej, tylko na dwóch dalszych jego częściach; szkoda jednak, że część druga (pierwiastki tradycyjnej części podania o Wandzie) nie jest trzecią, a trzecia (historia podania od Kadłubka do Wyspiańskiego) drugą: czytelnik, znając już historię narastania baśni, łatwiejby sobie unaocznił jej pierwiastki. Tak czy inaczej, obydwie te części świadczą o badawczej sumienności autorki. W dodanym na końcu długim spisie zużytkowanych źródeł i opracowań to i owo autorka przeoczyła, np. mowę Ostroroga do papieża Pawła II, oraz przedmowę do *Gadek* Andrzeja Glabera, w której jest taka interpretacja: „... Była u Polaków jedna królewna Węda..., której imienia iż łacinnicy inaczej nie mogli wypisać, przeto jedni *Venda*, drudzy *Vanda* pisali; ta, acz była panna młoda i bardzo cudna, tak iż cudnością swą wiele paniąt znakomitych ku sobie przyciągała, jako węda ryby, stądże też imiona Wędy dostała"; przeoczyła także autorka wzmianki o Wandzie w *Interregnum* Głuchowskiego, w *De rege novo* Ciesielskiego i w innych jeszcze *Pismach politycznych z czasów pierwszego bezkrólewia* (wydanych przez Czubka, Kraków 1906, str. 10, 344, 360, 398); nie uwzględniła ani *Wykładu bogiń słowieńskich* Marcina Paszkowskiego (ob. *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego*, wyd. Czubek, Kraków 1910, I, 337), ani utworu Gaszyńskiego *Dzień 8 września 1831 roku w Krakowie* (ob. o tym St. PIGOŃ, *Przeoczona formacja poetycka Wandy* w *Głosie Narodu* 1930, nr. 344), ani wzmianki w *Godach życia* Dygasińskiego, ani *Wandy* Bartusówny. W spisie opracowań brak (bardzo zresztą lichej) rozprawki Ad. Stodora *Postać Wandy w dramacie 19 i 20 wieku* (Stanisławów 1910) i studium Michała Magiery *Stosunek Zach. Wernera do literatury polskiej z uwzględnieniem „Wandy" Wężyka* (Wadowice 1902).

Na tym miejscu wtrąćmy, że w r. 1926 ogłosił uczony biblista i mediewista francuski, delegowany przez rząd francuski profesor Uniwersytetu Jagiellońskiego P. DAVID studium *Essai sur les légendes épiques de Pologne* (Grenoble 1926). Treść wypełniają badania nad legendami o Walcerzu z Tyńca i o pierwszych Piastach (zarówno bajecznych, jak historycznych), legendą węgiersko-polską oraz legendą o Bolesławie III. Doszukując się źródeł tych legend, autor stwierdza, że podłożem ich były nie epopeje francuskie w mowie pospolitej *(lingua vulgaris)*, ale jedynie klasztorne tradycje łacińskie. Ocenić wartości naukowej tych badań niżej podpisany nie podejmuje się; stwierdza tylko z przykrością, że historycy polscy, rzecz dziwna, nie zainteresowali się nimi: milczy o nich nawet Balzer we wspomnianym studium o Kadłubku.

Dla uczczenia dziewięćsetnej rocznicy koronacji i śmierci Bolesława Chrobrego wydano zbiorową (ale niewielką) księgę p. t. *Bolesław Chrobry* (Warszawa 1925), a w niej studium Wilhelma BRUCHNALSKIEGO *Bolesław Chrobry a poezja polska;* rozpatrzywszy poświęcone wielkiemu królowi utwory poetyckie (i powieściowe) od Gallusa do ostatnich czasów, autor dochodzi do wniosku, że „poza silnym odezwaniem się Goszczyńskiego, poza spiżowymi słowami Żeromskiego, poza bohaterskim pieniem Siemieńskiego, poza potęgą *Dziewiątej fali* Małaczewskiego i poza kilku cudnymi strofami *Króla-Ducha*, wszystko inne nie dosięga nawet poziomu piedestału, na którym Chrobrego postawiła pamięć-historia".

W zwięzłym, a pełnym treści, doskonale przemyślanym studium *Samuel Zborowski jako motyw literacki* (*Pam. Lit.* XXVII), Stan ZABIEROWSKI, po przeglądzie źródeł historycznych, rozpatruje cały szereg utworów XIX wieku (prawie wyłącznie dramatów i powieści) od petersburskiej improwizacji Mickiewicza aż do dramatu Goetla i umiejętnie wyprowadza ogólne wnioski, dotyczące sposobu ujęcia motywu przez poszczególnych twórców zależnie od ich indywidualności.

Znakomite studium Bogdana SUCHODOLSKIEGO *Kult przeszłości wśród szlachty polskiej XVI wieku* (tamże XXIV) ma charakter nie tyle historyczno-literacki, ile psychologiczno-socjologiczny; posiada jednak dużą wartość także dla historyka literatury, wyjaśnia mu bowiem nie tylko środowisko kulturalne i socjalne, tłumaczące nam rozwój kultu przeszłości, który silne piętno wycisnął na literaturze XVI wieku, ale także indywidualne czynniki psychologiczne tego kultu. Jest to praca w całym znaczeniu tego wyrazu wyjątkowa w naszej nauce.

Szkic Kazimierza KOSIŃSKIEGO *Drogi religijne w literaturze polskiej* (Warszawa 1930) nie wyczerpuje przedmiotu, a co gorsza, jest bardzo powierzchowny zarówno w uogólnianiach (str. 47), jak w wyjaśnianiu czynników religijności staropolskiej; o wniknięciu w głąb przeżyć religijnych nie ma nawet mowy.

Prawdziwą natomiast wartość posiada studium Konstantego WOJCIECHOWSKIEGO *Miłość w poezji polskiej*, wydane ze skryptów uniwersyteckich w lat trzy po śmierci autora — w zbiorze jego pism p. t. *Przewrót w umysłowości i literaturze polskiej po roku 1863* (Lwów 1928). Rzecz to pisana niezmiernie jasno i popularnie, jak wszystkie wogóle prace Wojciechowskiego, na podstawie gruntownie zbadanego materiału źródłowego. Zamiarem autora było wyjaśnić, „jakim ewolucjom ulegało w Polsce pojęcie miłości i jakim ewolucjom podlegał wyraz zewnętrzny tych uczuć", i z tego zadania wywiązał się autor doskonale, uwzględniając w swym wykładzie nie tylko poezję, ale ubocznie także pamiętniki i powieści i przytaczając w tekście obfite wypisy; (mówiąc o liryce miłosnej Karpińskiego, Wojciechowski jakimś dziwnym trafem pominął jego najpiękniejszy erotyk: *Tęskność do Justyny na wiosnę*). Szkoda, że to piękne studium urywa się na Mickiewiczu i Malczewskim.

Stan badań nad przyrodą w literaturze polskiej przedstawił treściwie (bibliograficznie) Miecz. PISZCZKOWSKI w *Ruchu Literackim* III, 139—142.

Zupełnie odrębne stanowisko zajmuje w naszych badaniach literackich niezmiernie ciekawe studium doktora medycyny St. TRZEBIŃSKIEGO *Psychoza i nerwica w beletrystyce polskiej* (*Archiwum historii i filozofii medycyny oraz historii nauk przyrodniczych*, Tom III, Poznań 1925).

Poczytując za prototyp postaci literackich, obarczonych psychozą, Ofelię Szekspira, autor rozpatruje nasamprzód ze stanowiska lekarskiego postacie pochodne: Aldonę i Ksenię Słowackiego, Ksenię i *Króla Zamczyska* Goszczyńskiego, Gustawa i Karusię Mickiewicza, Żonę z *Nieboskiej Komedii* Krasińskiego. Dalszy poczet dotkniętych psychozą stanowią: niektóre postacie Sztyrmera, Aneta z *Jasełek* Kraszewskiego, nie-

szczęsny poeta, śpiewający *Melodje z domu obłąkanych* Kondratowicza, starzec w jednej z *Ramot* Wilkońskiego (padający ofiarą lichwiarza), jeden z dwóch bohaterów (Spitznagel) w *Godzinie myśli* Słowackiego, Leon ze *Snu srebrnego Salomei*, wariaci w *Nieboskiej Komedii* i w *Kordianie;* dalej *Zawisza Czarny* Słowackiego („nerwica bojowa"), *Książę* Nałkowskiej, *Mąż szalony* Kaczkowskiego, *Danusia* w *Krzyżakach* Sienkiewicza; „dziki juhas" Tetmajera (*Na skalnym Podhalu*) oraz jego *Sfinks;* Młoda w *Klątwie* Wyspiańskiego; stary Adler w *Powracającej fali* Prusa i Zośka w jego *Placówce* i jego *Lokator poddasza;* Sewer Stamierowski w powieści *Ona* Rodziewiczówny; Teklunia w *Pamiętnikach włóczęgi* Jaxy Bykowskiego; pan Jacek w *Chłopach* Reymonta; paralityk w *Bez dogmatu* Sienkiewicza i w *Zmierzchu* Krzywoszewskiego; stary maniak w *Pałacu i ruderze* Prusa i stary żyd Cymes w jego *Na pograniczu;* nie zapomniał także autor o *Przedpieklu* Zapolskiej, ani o *Synagodze Szatana* Przybyszewskiego. Dalej — histeria, paranoja, chwilowe obłąkanie, hipnoza, stany przejściowe: Lykon w *Faraonie* Prusa, Kornelia Metella Krasińskiego, Rafał i Ewa Żeromskiego, *Próchno* Berenta, Falk w *Homo Sapiens* Przybyszewskiego i jego *Synowie ziemi*. Obłąkanie wogóle: *W wieku nerwowym* Leo Belmonta (z Blumentalów) — rozbiór szczegółowy; „obłąkanie demonologiczne": Orcio Krasińskiego, Eolion Słowackiego; jest i *Wampir* Reymonta i *Uroda życia* Żeromskiego; są ciekawe uwagi o stanie psychologicznym Konrada z trzeciej części *Dziadów*. Wniosek, że w psychologii niejednej z wymienionych postaci poetyckich i powieściowych są szczegóły ze stanowiska nauki lekarskiej nieprawdziwe, nie ma oczywiście wpływu na ich wartość literacką. Szkoda, że kiedy Trzebiński pisał swoje studium, nie było jeszcze *Zazdrości i medycyny* Choromańskiego; miałby autor obfite żniwo do swoich rozważań. Z rzeczy pominiętych możnaby niejedno przytoczyć, np. *Improwizację warjata* Edmunda Wasilewskiego, *Pójdźmy za nim* Sienkiewicza (Antea!); a i Wasyla z *Ogniem i Mieczem* należałoby uwzględnić, jeśli się uwzględniło *Męża Szalonego*, który kto wie czy nie jest prototypem literackim Wasyla (jak Anuncjata — Oleńki). Ale to drobiazgi, nie przeszkadzające do szczerego podziwu dla oczytania autora-lekarza w poezji i w beletrystyce. Czy jednak w uznawaniu różnorodnych objawów psychicznych za chorobliwe nie okazał się autor zbyt hojnym (jak zbyt hojnym był Max Nordau w swej tak bardzo swego czasu głośnej książce *Entartung*)? Czy np. postępowanie Anety z Jurasiem nie da się wytłumaczyć poprostu jej kokieterią, wygórowaną żądzą konkiety i zmysłowością? A przecie nie są to objawy chorobliwe.

Nie będzie zapewne zbyt wielkim wykroczeniem przeciwko logice, jeżeli się do badań nad motywami literackimi zaliczy niektóre ustępy, a nawet całe rozdziały książki Michała Janika *Dzieje Polaków na Syberii* (Kraków 1928), te mianowicie, w których autor mówi o pamiętnikach Sybiraków, i rozdział ostatni, poświęcony utworom poezji i powieści, których akcja odbywa się na Syberii. Obszerne to dzieło (472 stronice), oparte na długoletnich badaniach autora wydanej jeszcze w roku 1907 *Polskiej literatury syberyjskiej*, wzbogaca całym szeregiem odkryć rękopiśmiennych historię pamiętnikarstwa polskiego od *Przypadków* Józefa

Załuskiego, *Pamięci dzieł polskich* Chojeckiego i pamiętników Kopcia (które wprowadził do historii literatury Mickiewicz w *Prelekcjach paryskich*) aż do ostatnich czasów. Kilka uzupełnień podał Kazimierz Czachowski w swej recenzji (*Przegląd Miesięczny* 1928, str. 156—159). Stanisłav Wędkiewicz w artykule *Na marginesie książki p. Janika „Dzieje Polaków na Syberii"* (*Przegląd Współczesny* 1928, nr. 76, str. 348—352) przypomina, że Alfred de Vigny zamierzał pisać poemat o Sybirakach polskich, że fragmenty tego pomysłu zużytkował w utworze *Wanda, histoire russe*, i że Amiel, jak o tym świadczy nowe wydanie jego *Journal intime* (1923), znał artykuł Juliana Klaczki o przełożonych na język francuski pamiętnikach Rufina Piotrowskiego i nakreślił z tego powodu kilka gorących słów o martyrologii polskiej i o okrucieństwie rosyjskim.

Na zakończenie tego rozdziału wymienić jeszcze warto szkic Tadeusza Grabowskiego *Literatura gdańska i o Gdańsku* (od wieków średnich do ostatnich czasów w księdze zbiorowej pod redakcją Stanisława Kutrzeby p. t. *Gdańsk, przeszłość i terazniejszość*, Katowice 1927), oraz szkic p. Wandy Dobrowolskiej *Śląsk i Ślązacy w powieści polskiej* (Kraszewski, Kossak-Szczucka, Żeromski, Gruszecki, Morcinek) w siódmym roczniku czasopisma *Zaranie Śląskie*. *Ign. Chrzanowski.*

Dr. Konrad Bittner: **Deutsche und Tschechen.** Zur Geistesgeschichte des böhmischen Raumes. I. Von den Anfängen zur hussitischen Kirchenerneuerung. R. M. Rohrer, Brno 1936, str. XVI + 239.

Pro vědecký výzkum vztahů mezi kulturami slovanskými a germánskými je dnes běžný název „germanoslavistika". Není tomu však tak dávno, co byl vynalezen pro disciplinu teprve se ustavující. Vžil se tak rychle a nová disciplina si dobyla vědeckého i společenského uznání především zásluhou docenta pražské německé university K. Bittnera, který v důležitém článku „Methodologisches zur vergleichenden germanisch - slavischen Literaturwissenschaft" (Germanoslavica III, 1 sl.) položil novému odvětví srovnávací literární vědy teoretické základy, stal se prvním jeho universitním představitelem a horlivou činností v redakci čtvrtletníku Germanoslavica pomohl vytvořiti z něho nejvýznačnější středisko pro badání na tomto poli. Jako vědec věnoval se Bittner výlučně svému oboru, a počínajíc prvotinami Beiträge zur Geschichte des Volksschauspieles vom Doktor Faust 1922 a Die Faustsage im russischen Schrifttum 1925, pokračujíc habilitační prací „Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen" (1929), rozsáhlým pojednáním Slavica bei G. W. v. Leibniz (Germanoslavica I, 1932) a končíc přítomnou knihou poskytl germanoslavistice řadu významných knih, z nichž poslední má důsažnost nejširší a plným právem smí od nás požadovat kritickou pozornost, jaká přísluší jen základním dílům dějepisným.

Podle prvního svazku můžeme dosti dobře vypozorovat, jaké cíle si celé dílo vytklo, jaké otázky zabírá do svého zorného pole, jakým způsobem se s nimi chce vědecky vypořádati a jaká je konečně autorova filosofie dějin „českého prostoru".

V názoru na podstatu a úkol literárního dějepisu se přiklání Bittner

k oněm vědcům, již nevidí v literatuře autonomní strukturu, nýbrž toliko část národní kultury. Jazyková otázka, společenské poměry, písemnictví, politické styky a rozvoj nebo úpadek jedné i druhé národnosti — to jsou faktory, jejichž souhrn a souhra jim teprve poskytuje dostatečně názorný a vědecky uspokojivý obraz vývoje. Proto musí Bittner začít své výklady již dobou předliterární, kdy jen názvy místní nás poučují o stavu a vztahu obou národností, proto i v dalších kapitolách musí se zabývat zjevy, nesouvisícími bezprostředně s literaturou, jako kolonisací a vývojem měst, založením university nebo duchovým prouděním na sklonku předhusitského období. Tím se mu nejen rozrostla látka, nýbrž se vyskytla i řada nových metodických potíží, jež musil autor zmoci. Výhrady, které tu máme, uvedeme později, předem však musíme přiznat, že tento pohled historika, spojujícího dění literární s děním kulturním a politickým těsněji, než bývá zvykem v literárních dějepisech, přinesl nové osvětlení leckterého zjevu a že autor zvládl pozoruhodně (pokud mohu posouditi) obsáhlou literaturu předmětu a projevil jak schopnost kritického úsudku, který při vší obezřelosti dovede rozhodnout mezi spornými výklady, tak spisovatelskou obratnost, která z drobných a začasté nesouvislých faktů umí vytvořit ucelený a přehledný obraz. Objektivnosti mu nelze upříti, ač je samozřejmo, že raději přijímá názory německých vědců a přidává se k mínění Němcům příznivějšímu. Není to nikterak na újmu vědeckosti ani zajímavosti knihy: jednak se poučíme, jak se na věci dívá druhá strana, jednak se tím vyzvedne leckterý detail, který naše syntetické dějepisy přecházejí, a leckterý objev německých vědců, který nebývá u nás dostatečně oceněn. A konečně, ač ne nejméně, mají taková místa tu nesmírnou vědeckou zásluhu, že vydrażďují (či správněji: měla by vydráždit českou stranu) k tvůrčímu nesouhlasu.

Abych posoudil partie historické, k tomu nemám kompetence [1]), obrátím se tedy hned k obrazu, jaký Bittner podává o českém a německém literárním vývoji.

Při věcné bohatosti spisu musíme se omezit i tu na několik poznámek vížících se sice k Bittnerovým výkladům, ale vlastně nepolemisujících s jeho názory, nýbrž snažících se spíše je doplniti s jiného stanoviska. Počneme autorovým výkladem vývojových linií obou národností. Jsou prý k sobě v poměru nepřímo úměrném: čím více vzkvétá jedna, tím hlouběji klesá druhá národnost, zenit jedné je zároveň nadirem druhé. Vrcholnými dobami jsou pro *Čechy* 10. stol. a doba kolem 1420, pro *Němce* 1. stol., pak doba kolem 1300 a 1780 — na rozhraní 11. a 12. stol., pak kolem 1330, 1500, 1848 máme jakési vyrovnání sil. Bittner tu zřejmě předpokládá souběžnost politického rozkvětu s kulturním, nebo přesněji: zanáší na svůj diagram až výslednici z obou pohybů, jež dosti často jsou různosměrné. Kdybychom ponechali v diagramu kulturní a politický vývoj jako dvě samostatné linie, dostali bychom věru obraz mnohem složitější. Uvažme, že r. 1420 znamená v pojetí Bittnerové vrchol úpad-

[1]) Upozornil bych jen, že Schwarzův výklad Úslavy z Amsulahwa (str. 19) je značně otřesen Šimákovým důkazem (ČMF XI, 88), že název se vyskytá teprv od 18. st.; věříme-li však již v pradávný původ jména, pak by bylo třeba připomenout i výklad Svitavského (ČMF X, 193 sl.).

ku, což s hlediska politického není nijak na štíru se skutečností, třebas sám Bittner odmítá zkreslující černý obraz stavu českých Němců v husitské době. Ale pro písemnictví se obraz zjasňuje, to dvě desítiletí před tím vydává svůj nejspanilejší plod, Ackermanna aus Böhmen. Nic se nemůže co do literární i kulturní hodnoty s ním rovnat v 17. a 18. stol., kdy politický význam Němectva u nás vzrůstá. A stejně tak v době, kdy linie jejich významu se snižuje, mají takového Stiftra a v době ještě většího úpadku Rilkeho, ba dokonce kolem 1914 se českoněmecké písemnictví stává vůdčím, neboť z Prahy vychází jeden proud expresionismu. V době baroka máme nesporný rozkvět výtvarnictví, ale společenská vrstva, jež jej umožňuje, nemá v sobě nic specificky německého. [2]) Německý sedlák a drobný měšťák měl z toho ze všeho právě tak málo jako český. Dále je tu ještě jedna okolnost, které Bittnerův diagram (nikoli jeho výklady v knize samé!) není práv: vedle doby, kdy se u nás jeden národ vzmáhal na úkor druhého, byly i doby, kdy prospěch jednoho byl i ziskem druhého, kdy národnostní uvědomení obou se nekřížilo, nýbrž šlo vedle sebe nebo těsně za sebou — A. Kraus s české a J. Pfitzner s německé strany na tento fakt pěkně poukázali. A sám Bittner přináší další nadmíru zajímavý doklad, byť jím samým pronášený jen hypoteticky: dvorské básnictví středověké.

U tohoto období se musíme pozdržet. Bittner se ptá: ,,War es vielleicht die damals bis zu voller Beherrschung durchgebildete deutsche Dichtersprache, die der Geburt, dem Wachsen, Werden und Reifen der tschechischen dichterischen Sprache Pate gestanden hat?" (str. 61) a později ještě určitěji formuluje: ,,Das tschechische Schrifttum hat sich bereits durch die ständige Schulung am deutschen Muster seine Sprache zu einem beweglichen und gefügigen Instrument umgeschaffen" (str. 71). Nuže, poděkujme Bittnerovi, že upozornil s důrazem na problém, dosud opomíjený, a že ukazuje bohemistice nové úkoly, když žádá výzkum vztahu středověké literární češtiny k německé básnické řeči po stránce lexikální, fraseologické a syntaktické; toto vše je nutno vykonat, abychom mohli o věci pronést určitější soud. Než ať již výsledky tohoto badání budou jakékoliv, předem můžeme prohlásit, že hypotésa o ztracených starších památkách, která Bittnerovi nestačí nebo nepřipadá věrohodnou, nebude jimi vyvrácena; spíše bude jimi doplněna. Neboť od kulturně vyspělejšího národa přejímá jiný vedle konkrétních jazykových nebo básnických prvků jen ideál slohové dokonalosti, nikoli slohovou dokonalost samu. Písemnictví se musilo nejprve samo přičinit a pak teprv mu cizí vzor požehnal. Poitalský Goethe si vzal za vzor Racinovu dikci a opravdu svého vzoru při nejmenším dosáhl — proč se to však nepodařilo německým napodobitelům francouzského klasicismu v první polovici 18. stol.? A jaký rozdíl je na př. mezi Goethovou Ifigenií a Macháčkovým překladem! Když tedy vidíme, jak málo kolem 1800 pomohl pouhý obdiv a žárlivá snaha vyrovnat se pokročilejší literatuře sousedů, stáváme se skeptickými k myšlence, že řeč

[2]) K tomu *E. Lemberg*, Wege und Wandlungen des Nationalbewußtseins 4193 zejm. str. 139.

dvorských básníků prospěla více češtině středověké. Ostatně Bittner sám karakterisuje správně jejich úlohu jako „kmotrovskou": otázka po rodičích dítěte zůstává nedotčena. Nyní ještě něco o vztahu české a německé dvorské poesie. Podle Bittnera „die tschechische hofisch-ritterliche Dichtung des 14. Jahrhunderts ist die unmittelbare und lückenlose Fortsetzung der deutschen hofisch-ritterlichen Dichtung des 13. Jahrhunderts nach Gehalt und Gestalt, nach Inhalt und Form" (str. 66). V německé poesii 13. stol. však máme aspoň dvě duchově odlišná období: na počátku stojí trias epických klasiků (i Hartmann sem snad náleží svým Iweinem), od třetího desítiletí kvete tvorba epigonů (Rudolfa von Ems, pak Konrada von Würzburg) a ještě v posledním desítiletí se hlásí nová generace. Mezi prvním a druhým obdobím zjišťujeme pak duchový přelom, jehož, aspoň v té zřetelnosti, není mezi obdobím druhým a literaturou 14. stol. Epigoni znamenají namnoze rozklad ideálů, hlásaných klasiky, jsou vlastně progony „podzimu středověku". Vzhledem k tomu, že klasikové, s výjimkou jediného Gottfrieda, u nás nepůsobili, můžeme obměnit Bittnerovu větu v ten smysl, že česká literatura 14. stol. je vrstevnicí a učelivou družkou německé literatury 14. století (a jejích předchůdců), a jen pokud je tato pokračováním minulého století, je i ona jeho následovnicí. Je ve všem všudy vyslovenou představitelkou kultury „pozdního středověku". Toto období evropských duchových dějin nejlépe karakterisoval *E. Keyser* v článku, který zvlášť pro bohemisty je velmi hoden čtení.[3]) Omezil je asi tak polovicí 13. stol. a rokem 1555 a rozeznává v něm tři úseky. První, až do r. 1400, je doba zralé gotiky, v literatuře doba „epigonů", druhé, až do r. 1500, nazývá „raným podzimem středověku", třetí, od r. 1517 do 1550, tvoří již přechod k novověku, nebo — jak se nám zdá správnější — pozdní podzim středověku.[4]) Hlavní znaky „pozdního středověku" jsou podle Keysera: demokratičnost, kapitalistické hospodářství, nacionalismus a separatistické snahy. Vedoucím stavem je tu měšťanstvo, rytířské ideály jsou v opovržení; smýšlení nabývá rázu materialistického, suše věcného, střízlivého, racionalistického, čemuž v literatuře odpovídá úpadek poetické fantasie, realismus a didaktičnost. A co je nejdůležitější: jednotnost, harmonické vyrovnání protichůdných směrů, jež vyznačuje vrcholný středověk, ustupuje duchové chaotičnosti, rozpolcenosti, takže můžeme v antitetičnosti vidět hlavní rys tohoto období. Protikladnost je všude, v duševním životě (střídání nevázaného veselí a hlubokého smutku, vedle poživačného materialismu a radosti ze života stojí pesimismus, útěk před světem, hrůza ze smrti, vědomí pomíjejícnosti), v teologickém učení i v umělecké technice. Naši trecentističtí básníci svou střízlivostí, projevující se m. j. v krácení předloh, svým moralismem, zřetelným na př. v Alexandreidě,

---

[3]) Erich *Keyser*, Das Wesen des Späten Mittelalters. (Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 9, 1931, str. 363 sl.).

[4]) Název „podzim středověku" pro určité formy záalpského života v 14. *a* 15. st. razil Holanďan *J. Huizinga*, jehož kniha (v něm. překl. „Herbst des Mittelalters") byla vědeckou sensací. Míní ovšem Burgundsko a Francii této doby, ale prosté srovnání s životem ve střední Evropě ukáže obecnou platnost jeho lokálně omezených konstatování.

svou zálibou v historických látkách (Dalimilova kronika má obdoby ve veršovaných kronikách německých té doby), ve sporech a veršovaných procesech, v satirickém líčení společnosti jsou, jak vidět, příznačnými představiteli tohoto ducha. A právě vypjatý aristokratismus některých památek činí z nich díla měšťanského období — odpor k roture vzniká přece až tehdy, kdy šlechta se cítí mohutnějícím stavem měšťanským zatlačována do pozadí.

Ale i čistě literárně je české písemnictví 14. stol. druhem soudobého německého. Tehdejší básníci jistě hleděli navazovat na nejmodernější směry a díla cizí, „opoždění" by mohlo být jen nevědomé, z neznalosti. Protože však styky s německým sousedem byly u nás v době, kdy máme společné panovníky, velmi čilé, můžeme nedostatečnou informovanost klidně vyloučit. Také rychlé přejímání německých volksbuchů a jiných skladeb (z pozdější doby upozorňuji jen na téměř současný překlad Erasmovy Chvály bláznovství) ukazuje na pohotovost českých zpracovatelů, když běželo o nějaký německý nebo latinský šlágr. A tu jsme myslím u zjevu, na který se u nás při srovnávání české literatury s cizími rádo zapomíná. Naše představy o významu jednotlivých děl staré doby se silně liší od názorů současníků. Naše jsou utvářeny literárními historiky a kritiky, kteří zdůrazňují především díla, posunující vývojovou linii o kus dále — pro díla konservativní, konvenční nebo zpátečnická zbývá jim jen několik řádek, zmiňují-li se o nich vůbec. Ale současný český překladatel sáhl po dílech úspěšných, a těmi ovšem málokdy jsou díla průkopnická — kterých ostatně ve 14. stol. v Německu téměř nebylo — nýbrž díla průměrná, pohybující se ve vyježděných kolejích. Že při tom sáhli i po dílech starších, ale stále u německého obecenstva oblíbených, je samozřejmé. Když tedy chceme porovnávat českou literaturu se současnou cizí, musíme nejprve začít tím, čemu *S. Singer* chce říkat „Literaturkunde", totiž „die möglichst photographisch treue Aufnahme der innerhalb eines bestimmten Zeitraumes wirksamen Literatur", k níž náleží kromě novinek i nová vydání, přetisky klasiků, překlady.[5]) Takovou Literaturkunde potřebujeme i pro výklad vývojového zařadění Alexandreidy. Na první pohled by tu šlo o důkladné zpoždění proti cizině: Gualterův epos je z 12. st., německá báseň Lamprechtova, o níž se v lit. dějepise obyčejně mluví, je ještě o něco starší. Ale nezapomínejme, že obliba příběhu trvala a za života našeho básníka se ještě zvyšovala: kromě ztracených skladeb Biterolfa a Bertholda von Herbolzheim (kolem 1210) máme tu básně Rudolfa von Ems (po 1230), Ulricha von Eschenbach, ve 14. st. pak vzniká dílo Seifridovo (1352), Wernigerodský rkp. t. zv. „Velkého Alexandra", a ještě v 15. st. se objeví prózy mistra Babilotha a Joh. Hartlieba. A ani na Lamprechta, jejž rychlý vývoj dvorské epiky učinil zastaralým, se nezapomíná: z poč. 15. st.(!) máme t. zv. Basilejský rkp.[6]) Toto vše nám tuším dává opráv-

---

[5]) *Samuel Singer*, Altertum und Mittelalter (v knize Germanisch-romanisches Mittelalter, Curych 1935), zvl. str. 45 sl.

[6]) Tyto údaje podle *Gustav Ehrismann*, Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters, zvláště podle závěrečného svazku druhého dílu, vyšlého v Mnichově 1935.

není, abychom tvrdili, že český básník sáhl po látce současné, která, vulgárně řečeno, měla ještě budoucnost. (Že ji zpracoval v současném duchu, jsme řekli již svrchu.)

A stejně by taková Literaturkunde pozměnila běžný soud o díle Ctibora Tovačovského. Formu jeho „Hádání" nazývá Bittner „veraltet" (str. 207) a co do literární hodnoty spisu souhlasí s nepříznivou kritikou Palackého. Nehodláme ovšem proti tomu snad dokazovat, že tu máme co činiti s uměleckým arcidílem, ale chceme prokázat, že tu klasicistický vkus a u některých novějších badatelů nadšení pro renesanci zle zahrály objektivnímu vědeckému poznání. Neboť zastaralé je dílo zemského hejtmana moravského jen tehdy, soudíme-li, že se slušelo a patřilo, aby bylo naplněno duchem humanistickým, kterým jsou jiná díla (naše nebo cizí) v té době již napojena. A umělecky nevyhovující je tehdy, měříme-li je na takových dílech, při čemž mlčky předpokládáme, že normy klasicistické estetiky jsou závaznými normami všeho uměleckého tvoření. O tomto není třeba se zde šířit — první si však žádá několik slov. Jak je tomu s renesancí a humanismem v zaalpských zemích za 15. st.? Němci již uznávají: „Wir haben keine Renaissance im Sinne der sogenannten Wiedergeburt, die das ganze Volk durchdrungen hätte; der Humanismus... blieb auf gelehrte Kreise beschränkt und hatte keinen Einfluß auf die Nationalpoesie."[7]) Co to však znamená jiného, než že v národní literatuře německé vládne stále pozdně středověká tradice? Pan Ctibor, píše svou polemiku, se sice čerta staral o estetiku, literární směry a podobné léčky antikristovy, ale podíval-li se přece jen trochu za hranice, musil se utvrdit v přesvědčení, že píše, ne-li moderně, tedy aspoň tak, jak je jinde zvykem psát. Promysleme si jen tyto údaje: Processus Belial je z r. 1382 a německý, velmi rozšířený překlad je z poč. XV. st., z r. 1449 máme jednu z četných německých skladeb o „Der Minne Gericht", z r. 1453 pak máme epos Hermanna von Sachsenheim (který je, pravda, v té době již velmi starý pán) „Die Morin", kde básník je pohnán černoškou Brinhildou před soud paní Venuše a jejího manžela krále Tannhäusra.[8]) A nepochybuji, že i ve francouzské literatuře by se našlo dost dokladů. Forma procesu byla zkrátka oblíbená, protože vyhovovala určitým sklonům pozdního středověku. A ten měl v zaalpských zemích tuhý život. Z běžných lit. dějepisů se sice o tom mnoho nedovíme, ale i Lanson musil přiznat, že tvorba „velkých retoriků" a jejich podobenců byla oficiální literaturou 15. st. A v Německu, tu můžeme dokonce mluvit o renesanci, ale renesanci rytířského středověku, jejímž nejznámějším zástupcem je „poslední rytíř" Maxmilian a jejímž nejobjemnějším produktem je Ulricha Füetrera svod dobrodružných románů Buch der Abenteuer (kolem 1490). Nenašli bychom i k tomu období v českém písemnictví? Vskutku, Jakubec, jemuž jeho nepodplatný smysl pro reální fakta nedovolil opominouti ani to, co zdánlivé kazilo dějinnou koncepci, podotýká: „Od druhé polovice XV. stol. se u nás hlásí opět k životu smysl pro zábavnou literaturu a pro umění, před tím nábo-

[7]) *Ehrismann*, závěreč. sv. na str. 448.

[8]) *Ehrismann*, závěr. sv., str. 40, prohlašuje procesuální alegorii za „eine Gattung, welche später, im 14., 15. Jh., mehrfach vorkommt."

ženským zápalem a válkami tlumený... Uvedeme-li si na mysl dochované rukopisy z druhé polovice XV. st., přesvědčujeme se, že se opisují pilně starší skladby, jako Dalimil, Kronika Trojanská... romantická vypravování o Apolloniovi a Alexandru Velikém, o Tandariáši, o Tristramovi, o Štilfridovi a Bruncvíkovi, povídky duchovní o Adamovi a Evě..." (I, 606). Přenechejme slovo zase prostým údajům: Sborník Baworowského je z r. 1472, nejstarší rkp. Gesta Romanorum je z r. 1443, rkp. Tristrama je z 2. pol. 15. st., jiný z r. 1483, Pinvičkova činnost spadá mezi léta 1459—1461, jiný opisovač staročeských skladeb, Oldřich Kříž žije mezi 1405—1504. Ale vlastně ani války husitské netlumily příliš tuto zálibu: Solfernus a Belial je v rkp. z doby před 1436, univ. rkp. Štilfrida je z 1. pol. 15. st., nejstarší rkp. povídky o Alexandrovi je z r. 1433, Strahovský rkp. Kroniky Trojanské je z r. 1437. Středověký vkus tedy, smíme shrnout, vítězně přetrval bouře husitské, do jisté míry se sice obrodil a čerpal z nových zdrojů, ale v jádře zůstal nezměněn a stmeluje tak předhusitské a pohusitské období v organickou duchovou jednotu.

Tohoto exkursu jsme potřebovali i pro posudek Bittnerovy karakteristiky patnáctého st., již tu citujeme doslova: 1. Das Schrifttum wird voll und ganz der gegenkirchlichen Bewegung dienstbar. 2. Es grenzt sich gegen das literarische Schaffen der Nachbarvölker ab und stellt sich völlig auf sich selbst. 3. Es bricht vollends mit den tschechischen lit. Überlieferungen des 14. Jahrhunderts und baut vollständig neu auf. 4. Aus der Abgrenzung auf die gegenkirchliche Bewegung, aus der Abschließung gegen alles fremde literarische Geschehen, aus dem Bruch mit der eigenen tschechischen Vergangenheit ergibt sich die fortschreitende Verarmung und das schließliche Verdorren dieses Schrifttums. 5. Auch die Sprache wird aus den Tiefen des Volkstums der Volkssprache von Hus neugestaltet..."

Je v tom ve všem mnoho pravdy, zejména bod 5. obsahuje pěkně formulovaný poznatek, k němuž by bylo možno jako obdobu uvést čin Lutherův, daný obdobnou situací. Máme-li své námitky proti ostatním bodům, činíme tak spíše, že nesouhlasíme s přílišnou pregnancí těchto tvrzení, než že je pokládáme za věcně nesprávné. Tak na př. se nám zdá, že bod 4. vychází z klasicistické estetiky, nikoli z názorů doby samé. Ta jistě shledávala své písemnictví dobrým a bohatým, a kvantitativně měla docela pravdu. Nelze ovšem popříti, že středověké písemnictví u nás stejně jako v cizině jaksi odumírá — pomalu, velmi pomalu — ale proto, že vyčerpalo všechny své možnosti. Pomoc přišla české literatuře z venčí, ale nikoli z Německa, jehož literatura na tom byla konec konců stejně, nýbrž z antiky. Humanismus obrodil vysílené literatury, ovšem v různých zemích nestejnou měrou a s nestejným pro ně ziskem. Ostatně nesmíme zapomenout, že i v husitské poesii se projevuje jistá vůle k novému[9]). Bod 3. zřejmě nadsazuje, jak vyplývá z uvedeného citátu z Jakubce. K bodu 2. je třeba podotknout, že od pol. 15. st. se k nám dostávají novinky německého písemnictví, ony zmíněné již volksbuchy; Kry-

[9]) O tom znamenitě pojednal *R. Jakobson* v čl., otištěném v „Slově a slovesnosti" II, 1 sl.

zelda je z r. 1459, Brizelda asi stejně tak. Bod 1. je správný pro husitské písemnictví v úzkém slova smyslu. Ale vedle něho žilo, snad podzemním životem, spíše však docela zjevně, ono písemnictví starší, které bylo čteno, opisováno a po válkách rozmnožováno novými podobnými díly.

Obraz, jaký si Bittner učinil o písemnictví 15. st. musil nezbytně vésti k názoru že „Hus war vor allem und in erster Linie Geistlicher, Prediger, Priester, er war aber kein Dichter oder Künstler (str. 188), jako prý vůbec „mit bewußtem oder unbewußtem Kunstschaffen hat das hussitische und nachhussitische Schrifttum nichts gemeinsam" (str. 189). Zde opět ublížil Bittner prukaznosti svých postřehu upřílišněnou pointovaností formulace. Hus dojista byl na prvním místě knězem a chtěl lidi polepšovat, nikoli bavit. Byl teolog, kazatel, moralista, všechno, co chcete, jen ne literát. Ale jeho náboženský cíl se nejen dobře snášel s uměleckým projevem, nýbrž přímo vyžadoval značnou dávku básnického nadání. Nechávám stranou jeho zásluhy o kostelní zpěv a všímám si jen jeho prosaických spisu. Proč by měly náležet větším právem do náboženského dějepisu než do literárního? (Bittner, str. 189.) Jejich obsah je věroučný nebo mravoučný, ale stejně a ještě u větší míře je tomu tak u Calvinovy Christianae religionis institutio a přece neváhal Lanson jejímu francouzskému vzdělání venovati ve svých Dějinách šest stránek se zvláštní kapitolou Le style et l'éloquence de Calvin. A stylistické práci Sv. Františka Saleského, jehož dílo není více beletristické, věnoval F. Vincent 1923 celou knížku. A při tom mají v té době Francouzi dostatek spisovatelu v moderním slova smyslu — není to tedy z nouze ctnost. Máme být úzkostlivejší právě my, kdož neoplýváme v Husově době slušnými spisovateli (o básnících nemluvě) — a právě u autora, o jehož výsostném umění slova nemuže být sporu? Již úryvek, který Bittner cituje, přesvědčuje o Husově „unbewußtes", ale také — což můžeme prokázat z prakse středověkých kazatelu — „bewußtes" Künstlertum: jaký se v něm ukazuje smysl pro rytmus a kadenci věty, jak jemný cit pro volbu výrazu vhodného nejen po obsahové, nýbrž i melodické stránce! A nevím, zda bychom našli v tehdejší i starší české poesii tak účinné využití refrénu s jakým se setkáváme v Husově Dcerce. Ale i kdyby nebylo této uvědomělé práce slohové, již to, že Husovy spisy „bieten... ein sattes und lebenswahres Bild seiner Zeit" (str. 193) musíme hodnotit jako cosi umělecky kladného.

Tím jsme se octli časově u konce prvního svazku. Přejme autorovi, aby v zájmu vědy mohl brzy dokončit druhý a snad i další ještě díl a aby tak toto záslužné, cenné a zajímavé dílo nezustalo fragmentem. Čeká ho hodně a namáhavé práce, zejména ve stol. 17., jehož hustým pralesem se bude musit sám prosekávat, a v době obrození, kde bude třeba velké obezíravosti a opatrnosti, aby byl práv všem složitým a mnohoznačným zjevům kulturního i politického života. (Neboť čím blíže do přítomnosti, tím více pozornosti si bude žádat politický vývoj, má-li být zachován prvotní plán autorův.) Jistě však budou další díly nejméně tak podnětné jako první. A říci o vědecké knize, že je podnětná, je snad největší poklona, již je jí možno učinit. Po této stránce lze již přítomnému svazku vzdát největší pochvalu. Právě tím, že snesl vše, co o předmětě víme,

ukázal, co vše o něm ještě nevíme, v čem bude třeba pilně pracovat, abychom opravdu věděli, „jak to bylo".

Vraťme se zase k Alexandreidě, kde, jak správně říká Bittner, jsou znamenité mezery v našem vědění (str. 65), a to větší, než jsme si ochotni přiznat, a jinde, než je obyčejně hledáme. Poměr k předlohám není ještě dostatečně prozkoumán, abychom mohli pronést definitivní soud o básníkově látkové původnosti. Bude však pravděpodobně menší, než se nám zdá, neboť středověký epik nechtíval přinést něco nového. Tak mohu již nyní opravit mínění Jakubcovo, že „symbolické posílky, Dariova s uzlem máku, Alexandrova s uzlem pepře . . . jsou asi z hlavy básníkovy" (Dějiny I, 93). Nalézají se již u Ulricha v. Eschenbach v. 1931 sl. Také obsah trojveršových průpovídek bude asi dost tradiční. Tady bude ovšem třeba probrat bohatou didaktickou literaturu středověkou, různé ty sentence, z nichž by nejbohatší žeň snad slibovala látkově blízká korespondence Alexandra s Aristotelem, t. zv. Secreta secretorum, jejichž nejdůležitější německé zpracování ze 14. st. se jmenuje Aristotilis Heimlichkeit. Tvůrčí vynalézavost projevoval středověký básník hlavně ve formě. Mohl ji sice uplatnit plně jen v lyrice, kdežto epická forma byla u velmi vysoké míře standardisována, ale ani tu neopomíjel zablesknouti se nějakou novotou, kde mohl. Kdyby tedy forma trojverší byla majetkem českého básníka, tu by byla jeho samostatnost podle středověkých názorů značná, ať se již v ději držel pramenu sebe otročtěji. Leč zdá se však, že i po této stránce sledoval určitou tradici německého dvorského eposu. Tradici dost vzácnou a nevykazující žádných vynikajících děl, kromě toho končící se, pokud mohu zjistit, v posledních letech 13. st., ale zato mající tím neb oním způsobem styk s Čechami. Na jejím počátku stojí velmi oblíbený Wigalois Wirnta von Grafenberg z prv. desítiletí 13. st., kdež konec odstavců je zdůrazněn trojveršími. Tento básník, mající vliv na Ulricha von Eschenbach, byl v tom napodoben Heinrichem von dem Türlin v Krone (druhé desítiletí 13. st.). A není bez významu ani podobná varianta tohoto technického nápadu, 31řádkové oddíly, skládající se ze 14 dvojic a závěrečné trojice, v níž napsal svého Willehalma Ulrich von dem Türlin, protože i tu je souvislost s Čechami: báseň je věnována Přemyslu Otokarovi II. (Vznikla mezi 1261 až 1269.) Ulrich sám této formy nepoužívá. Český básník však mohl dobře jedno z uvedených děl znáti a spojením ulrichovské látky s wirntovskou formou chtít prokázat jakousi dovednost aspoň kombinační. Tím ovšem jeho styky s německou literaturou se stávají rozmanitějšími — a lákavějšími pro badatele.[9]) Tuto poznámku jsem přičlenil k recensi Bittnerovy knihy, nemoha se věcí prozatím podrobněji obírati, na důkaz potřeby nového a důkladnějšího průzkumu staročeského písemnictví.

V. Jirát.

---

[9]) Srv. nyní velmi zajímavé zjištění *V. Janoucha* (K pramenům Alexandreidy staročeské, LF 63, 1936, str. 273), které rozmnožuje básníkovy prameny, snad i o Konrada von Würzburg, a rozhodně souvislosti s dílem Ulrichovým.

Zprávy.

Т. Боровъ: **Българска книга.** София, придворца печатница 1935, str. 31. 8°. Cena 20 leva.

Drobna knížečka bulharského bibliografa *T. Borova* „Bulharska kniha" vznikla ze dvou časopiseckých statí ke dni bulharské knihy 28. dubna 1935. Její autor se již plných patnáct let zabývá dějinami a osudy bulharské knihy, napsal řadu drobných i větších statí o bulharské knize a v roce 1930 učinil dokonce pokus o vydávání dobré revue *Bъlgarska kniga*. Ale tato opravdu hodnotná revue zanikla po pěti svazečcích.

V přítomném spisku píše Borov o bulharské knize s hlediska knihopisné statistiky, ač doplňuje své zevnější podatky také zajímavými výklady ideologickými. A všecky své poznámky podává věcně, kriticky, částečně negativně a pesimisticky. Začíná tedy běžným výkladem o první bulharské knize — cyrilometodějské, ale hned poznamenává, že dnešní bulharská kniha není v souvislosti se starou církevní knihou, nýbrž s Istorií Paisijovou z pol. XVIII. století. Skutečnou bulharskou knihu po prvé vytiskl biskup Sofronij Vračanski ve svém „Nedělníku" r. 1806 v Rimniku (Valachie), tedy před 130 lety. Borov pak podle svých statistických příruček (jež cituje na konci knížky) vypočítává, že teprve osm let po Sofronijovi r. 1814 vyšly další dvě bulh. knihy, 1816 — jedna kniha, 1817 — 2 knihy, do otevření gabrovské střední školy 1835 sotva 25 tištěných knih. A do osvobození vyšlo na 1650 bulh. knih, tištěných většinou v cizině, zejména v Budíně, ve Vídni, Bělehradě a v Bukurešti, a to v cizích tiskárnách. Jen ponenáhlu vznikají bulh. tiskárny v Soluni (1838), v Cařihradě (1843), v Samokově (1846), v Ruse (1864) a v Odrině (1865), jinak se bulharští spisovatelé uchylovali za hranice, částečně až do Prahy i do Lipska, Paříže, do Ruska, Anglie a jedna kniha byla dokonce vytištěna v Novém Yorku. Borov krátce připomíná, s jakými obtížemi byly do bulh. osvobození tištěny bulh. knihy (autor byl zároveň nakladatelem i šiřitelem své knihy, nebylo jednotného anebo úpravného spisovného jazyka) a s vděčnou úctou vypočítává bulh. spisovatele až do osvobození. Bulharské čítárny (čitalište) od r. 1856 nejvíce se zasloužily o rozšíření bulharské knihy před osvobozením. Byly to většinou knihy náboženské a cvičebnice, menší měrou knihy zábavné, většinou všechno překlady nebo kompilace ze srbštiny a řečtiny, po Krymské vojně převážnou měrou z ruštiny.

Docela jinak se začala vyvíjeti bulh. kniha po osvobození. Byla svoboda tisku, vyrostlo mnoho tiskáren, z nichž se knihy hrnuly lavinou: od prvního tisku Sofronijova za sto let jich bylo vytištěno na 16.000 a do roku 1935 okrouhle na 68.000. Průměrně připadala v r. 1925 v Bulharsku jedna kniha na 1900 duší, kdežto na př. v Německu na 2000 duší, v Norvéžsku na 2120 atd. (jediné v Dánsku jedna kniha na 967 duší; data vzal Borov z lipského Handbuchu der Bibliographie od G. Schneidra, 4. vyd. 1930). Bulharské knihy vycházely stejným počtem v Sofii jako na venkově, s počátku spíše venku než v Sofii, ale časem s vývojem poměrů a soustředěním všeho života v Sofii znenáhla Sofie předstihla všechny venkovské tiskárny a za nynější hospodářské krise tiskařský ruch přesídlil hodně do Sofie (v r. 1930 vyšlo na př. v Sofii 1733 knih, na venkově — 706, v r. 1931 v Sofii — 1657, na venkově — 565). Změnil se i ráz obsahový: většinou jsou to knihy původní, méně překladové. Z překladů je na prvém místě německá literatura (!), potom francouzská, anglická a pak teprve ruská, která před osvobozením byla první. Je to zajisté charakteristické pro duchovní směry v bulharském národě. Změnil se i poměr obsahový: bývalá církevní kniha ustoupila do pozadí. V čele je světská kniha a na jejím prvním místě sociologie v nejširším slova smyslu, na místě druhém literatura zábavná a vzdělávací (zde především cvičebnice). Nejsou to velké svazky: průměr asi 4—5 archů v nákladu asi 2300 výtisků, formátu malého (většinou 8° a 16°), úpravy nevalné (jen Hemus a Čipev dbají o vkusnou knihu, a to hlavně dětskou), rozpětí cenové je asi 18—33 leva. Poměry knižní nejsou dobré: cena je vypočítána nízko, ale papír a tisk je bídný, autorské honoráře skromné, někdy žádné, účast knihkupectví malá, což všechno brzdí vývoj bulh. knihy a Borov soudí, že by se mělo pečovat o zmenšení dnešní bulh. knižní produkce, zato zvýšiti jakost knihy zlepšením poměrů vydavatelských a nakladatelských. Borov celkem soudí velmi skepticky o významu knihy v dnešním Bulharsku: jeho volání po autoritativní

kritice je jistě oprávněné, ale jeho mínění o nechuti k dnešní bulh. knize a zbytečnosti dnešní bulh. knihy je, myslím, přehnané. *Jos. P.*

Jakowenko B. **Zweiter Beitrag zur Geschichte des Hegelianismus in Russland.** Internationale Bibliothek für Philosophie, I, 5—7, Prag 1935 (92 стр.).

Jakowenko B. **Aus der Geschichte der russischen Philosophie.** M. N. Katkov und W. P. Botkin als Hegelianer. Ruch Filosofický, září 1935, Praha.

Книга Б. Яковенко содержит в себе исследование о »Гегеле и начале славянофильства« от 1839 до 1849 г. В ней рассмотрено отношение к гегельянству Шевырева, И. И. Давыдова, Погодина, В. Ф. Одоевского, Бурачка, Куника, Стурдзы, Самарина, И. В. Киреевского, Хомякова и К. С. Аксакова. Как и обширное исследование Д. Чижевского »Hegel in Russland«, помещенное в изданном под его редакцией сборнике »Hegel bei den Slawen«, Яковенко дает в своей книге и в статье сведения не только из области истории философии, но также и духовной культуры вообще. Так, уже в первой главе о Шевыреве изложены факты, обрисовывающие страстность русского общества в отношении религиозных проблем и всего того, что затрогивает или только кажется затрогивающим свободу мысли и совести. Обширные цитаты из трудов К. Аксакова и Самарина, из статей Каткова и писем Боткина показывают наглядно, как глубоко вжилось русское общество сороковых годов в философию Гегеля, применяя к решению различных проблем и самые общие категории его »Логики« (напр. категории общего, частного и единичного в диссертации Аксакова о Ломоносове) и более конкретные учения его, напр. о народе, государстве, нации. Следует пожелать, чтобы Б. Яковенко мог довести свое исследование гегельянства в России вплоть до нашего времени. Тогда мы будем иметь в его работе полезное дополнение к труду Д. Чижевского.

Н. Лосский.

Spisy redakci zaslané.

Огієнко Іван, Загублена українська грамота половини XV віку.— Михайло Возняк, З української лірики XVII віку. — Кирило Студинський, Псевдо-посланіе Маркіяна Шашкевича. Записки Наукового товариства імени Шевченка, CLIII, вип. IV. У Львові 1935, str. 233.

Omelčenková Marie, Mé dojmy z Jugoslavie. Slovanská žena, Praha 1935, str. 94.

Општи каталог књига. Геца Кон А. Д., Београд 1935, str. 500.

Padesát let univ. prof. Jos. Páty, českého slavisty a slovanského pracovníka. Usp. Vl. Zmeškal. V Praze 1936. Nákladem Společnosti přátel Lužice. Str. 69.

Pasternak Boris, Lyrika. Přeložil Josef Hora. Doslov napsal Alfréd Bém. Poesie svazek 15. V Praze 1935, Melantrich, str. 105.

Páta J., Lužická otázka. Otisk z „Naší doby", XLIII, Praha 1936.

Pavićević Mićun M., Etiologičke priče iz Crne Gore. Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena, knj. XXX, sv. 2. Zagreb 1936, str. 146—180.

Pavićević Mićun M., Kad se skine laža sa istine. Samobor 1933, tiskara S. Šeka, str. CXXXIII.

Павловић Др. О школским приликама у Дубровнику XVII века. Прилози XV (1935), св. 1—2.

Pelikán Josef Dr., Balbínovy pomůcky a prameny. Práce vědeckých ústavů, XLI. Filosof. fakulta univ. Karlovy. Praha 1936, str. 82.

Петровъ А. Л. Бодянское Учительное Евангеліе. Изъ черновыхъ матеріаловъ † А. Л. П. изд. Ю. А. Яворскій. Věstník Královské české společnosti nauk. Třída pro filosofii, historii a filologii. Ročník 1935. Č. II. Praha 1936, str. 16.

Piskorski Sebastjan, Żywot Barlaama i Jozafata. Zabytki piśmiennictwa polskiego VI, nakł. Towarzystwa naukowego. Lwów 1935, str. 322.

Prace historyczno-literackie. Księga zbiorowa ku czci Ignacego Chrzanowskiego. Prace z historji literatury polskiej. Nr. 1. Kraków 1936. Kasa im. Mianowskiego, str. 646.

Приходько Віктор, Повстання українського державного університету в Кам'янці на Поділлі. Відбитка з »Нашої Культури« 1935 р. Варшава 1935, str. 60.

Prijatelj Ivan, Duševni profili slovenskih preporoditeljev. Ljubljana 1935, str. 170.

Příruční slovník německo-český. — Red. J. Janko, P. Eisner, H. Siebenschein, O. Fischer, J. Haller. Státní nakladatelství, Praha 1936, s. 1. n.

Puškin Alexander Sergějevič, Jevgenij Oněgin. Přel. J. Najman. Topič, Praha 1935, str. 93.

Rapports présentés aux Congrès Internationaux de Philosophie par W. M. Kozlowski. Bibliothèque Internationale de Philosophie, I. 11—12. Prague 1935.

Revue des revues littéraires et scientifiques hongroises de l'année 1934. Editée par l'Association nationale des societes et des institutions scientifiques de Hongrie. Supplement à la Revue des etudes hongroises 1935, str. 282.

Ročenka Slovanského ústavu. Svazek VIII. Za rok 1935. Vydává presidium Ústavu redakcí jednatelů Th. Saturníka a Al. Štanglera. V Praze 1936, str. 191.

Романски Ст., Янъ Ровадовски. Лѣтопись на Българската академия на наукитѣ XVIII. София 1936, str. 50—64.

Романски Ст., Въстанически начинания на капитанъ Георги Мамарчовъ Буюклиу. Отпеч. изъ »Сборникъ по случай на стогодишнината на завѣрата отъ 1835 г.« София 1935, str. 38—64.

Руська правда. Українська академія наук, Київ 1935, str. 191.

Ružičić G., Srbochorvatština pro Čechy. Dvacetčtyři hodiny. 1936. Nákl. Čsl. grafické Unie a. s. v Praze. Str. 226.

Salvini Luigi, La letteratura bulgara della liberazione alla prima guerra balcanica (1878—1912). (Pubblicazioni dell',,Istituto per l' Europa Orientale", prima serie, XXX.) Roma MCMXXXVI—XIV. Istituto per l'Europa Orientale, str. 203.

Savoj Leone, Saggio di una biografia del Fon-Vizin. (Pubblicazioni dell' ,,Istituto per l'Europa Orientale", prima serie, XXVIII.) Roma MCMXXXV—XIII, Istituto per l'Europe Orientale, str. 94.

Schaeder Hildegard, Geschichte und Legende im Werk der Slavenmissionare Konstantin und Method. Historische Zeitschrift, 152 Bd., str. 230—255.

Slavík Jan, Maxim Gorkij a ruská revoluce. Zvl. otisk ze ,,Slovanského Přehledu". Praha 1936. Str. 11.

Славянски календарь за високосната 1936 година. Годишнина двадесеть и шеста. Издава Славянското дружество въ България, str. 118.

Slovenski pravopis. Izd. Znanstveno društvo, Ljubljana 1935, str. 299.

Sremac Stevan, Pop Cyryl i pop Spirydjon. Bibljoteka jugosłowiańska. Warszawa 1936, str. 425.

Stanislav Ján, Pôvod východoslovenských nárečí. Otisk z ,,Bratislavy" IX (1935) 1—2, str. 51—89.

Stanoyévitch St., Histoire de Jougoslavie. Bureau central de presse, Belgrade 1936, str. 135.

Стефановић Свет. Д-р., Како се на науци не сме радити. Прештампано из часописа »Живот и рад«. Београд 1935.

Stieber Zdz., Izoglosy gwarowe na obszarze dawnych województw Łęczyckiego i Sieradzkiego. Z 8 mapami. Kraków 1933. Nakł. Pol. Ak. Um. — Monografje polskich cech gwarowych. Nr. 6. Str. 53.

Strzelecki Lad., De Naeviano belli Punici carmine quaestiones selectae. Nakł. Pol. Ak. Um. Kraków 1935. Str. 40.

Студинський К. Проф. Д-р, Павло Йосип Шафарик і українці. До історії українсько-чеських зв'язків. Відбитка з »Нашої Культури« 1935 р., кн. 7. Варшава 1935, str. 14.

Szyjkowski Marjan, Dramat v Polsce. Otisk z Encyklopedie Polské Akademie, str. 280—496.

Szyjkowski Marjan, Mickiewicz jedzie do Pragi. Pamiętnik literacki XXXII, z. 3—4. Lwów 1935, str. 442—480.

Шишковъ Ст. Н. Българо-Мохамеданитѣ. (Помаци). Историко-земеписенъ и народоученъ прегледъ съ образи. Пловдивъ 1936 г. str. 118.

Švob Držislav, Novac tesalskog sevastokratora Stefana Gavrilopula Melisina pripisivan dosada srpskom kralju Stefanu Radoslavu. Zagreb 1935, str. 8.

Тершаковецъ Михайло, Нові Kopitariana. Відбитка з Записок Наукового Товариства ім. Шевченка т. 155. У Львові 1935, str. 70—105.

Ukraine in Diagrammen und Karten. Gesellschaft der Freunde des ukrainischen wissenschaftlichen Institutes, Berlin 1936, str. 19.

Urbańczyk St., Wyparcie staropolskiego względnego ‚jen, jenże' przez pierwotne pytajne ‚który'. Nakł. Pol. Ak. Um. Kraków 1935. Str. 27.

Ustawy Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich. Lwów 1935. Zakł. Nar. im. Ossolińskich. Str. 144.

Вакарелски Хр. Стари земедѣлски сѣчива (Тиположки и етнографски бележки) Отпечатъкъ отъ Годишникъ на Народния музей, кн. VI (1932—1934) София 1936. Str. 425—433.

Вакарелски Хр., Въпросникъ-упжтване за събиране етнографски материали. II и III. Духовна и обществена култура. Приложение къмъ »Известия на Народния етнографски музей въ София«, додина XII. София 1935, str. 91.

Вакарелски Хр., Забулване невѣстата. Известия на Българското географско дружество — Кн. III, 1935. Отпечатъкъ. Печатница »Култура«. София 1936, str. 97—113.

Василевъ Ст. П., Езикътъ на Пенча Славейковъ. Отпечатъкъ отъ сп. »Училищенъ прегледъ«, год. XXXIV (1935), кн. 9. София, str. 23.

Влаховић Митар С., Гусле и јуначке песме у источној Србији. Прештампано из »Гласника Етнографског музеја у Београду«, књ. X. Београд 1935.

Vojnović Ivo, Stare grzechy. Oponiadanie z Lapadu. Ze wstępem o autorze przez dr. Józefa Gołąbka z portretem autora. Przekład Marji Znatowicz-Szczepańskiej. Bibljoteka jugosłowiańska. Warszawa 1936, str. 173.

Volf Josef a Volf Miloš B., Příspěvky k životu a dílu Jos. Dobrovského. Řada II. (Archiv pro bádání o životě a díle Josefa Dobrovského, 4. svazek.) V Praze 1935, nákladem Komise pro vydávání spisů Josefa Dobrovského při Královské české společnosti nauk, str. 86.

Weingart Miloš, K výkladu česko-církevněslovanských legend o svatém Václavu. Dodatkem k své práci „První česko-církevněslovanská legenda o sv. Václavu" (v Praze 1934). Zvláštní otisk z Časopisu Matice Moravské, roč. 60. V Brně 1936. Tiskem Polygrafie, str. 229—243.

Wisłocki Wł. Tad., Tajne druki zakładu Ossolińskich. W stulecie procesu o zdradę stanu. Lwów 1935. Nakł. Tow. Przyjaciół Ossol. Str. 80.

Wollman Frank, Věda o slovesnosti, její vývoj a poměr k sousedním vědám. Otisk ze „Slova a slovesnosti", I. ročník. Praha 1935, str. 12.

Wulff K., Sang hyang Kamahāyānan Mantrānaya. Ansprache bei der Weihe buddhistischer Mönche aus dem Altjavanischen übersetzt und sprachlich erläutert von K. W. (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Hist.-fil. Meddelelser. XXI, 4.) København, 1935. Levin & Munksgaard, str. 72.

Зеленин Д. К., Идеология сибирского шаманства. Известия Акад. наук СССР. Ленинград 1935, str. 709—748.

Zwitter Fr., Prebivalstvo na Slovenskem od XVIII. stoletja do današnjih dni. Razprave Znavstvenega društva v Ljubljani 14. 1936. Str. 112.

Živković S. dr., Uvod u opću lingvistiku. Zagreb 1935, str. 167.

Животко Аркадій, Українське питання в поглядах російської суспільної думки. Вітбитка з »Нашої Культури« 1935—1936 р. р. Str. 21.

Několik slov o významu A. Meilleta pro současnou jazykovědu.

Vědecké dílo nedávno zemřelého patriarchy francouzské linguistiky A. Meilleta stojí svým celkovým zaměřením methodickým na přechodu mezi starším atomistickým a mechanicko-kausálním chápáním a vysvětlováním jazykových jevu a dnešní linguistikou zaujímající důsledné stanovisko strukturální a teleologické; spojuje hodnotné výsledky směru mladogramatického s methodickou obrodou školy ženevské a připravuje cestu jazykozpytné škole pražské. Blíží se tím dílu znamenitého slovanského linguisty, Poláka Jana Baudouina de Courtenay, i když jeho významu pro vlastní bádání funkčně a strukturálně linguistické nedosahuje. Ozřejmíme si to na několika zásadních příkladech.

Jak v pracích speciálních, tak i v úvahách obecného rázu náleží hlavní zájem Meilletuv diachronické stránce jazyka. V tom byl synem své doby, zaměřené v kulturních a sociálních vědách jednostranně historicky, přeceňující zřetel genetický, vývojový, a podceňující a zanedbávající zkoumání sociálních a kulturních jevů v jejich vztazích synchronických. Tak jako mladogramatikové byli především, nebo jen a jen historiky jazyka, zůstává i pro Meilleta předním úkolem jazykozpytcovým vysvětlovat *puvod a vývoj* daných jevů jazykových. Někteří jej proto také řadí k vrcholným zjevům školy mladogramatické, a nemají ani tak zcela nepravdu, myslí-li při tom na Meilletovo vytrvalé úsilí po kritickém odlišení těch pracovních způsobů i výsledků mladogramatického směru, jejichž vědecká cena je nepopiratelná, od jeho omylů a pozdějších výstřelků jeho epigonů. Mezi jazykovědnými otázkami, jimiž se Meillet blíže zabýval, je vskutku málo takových, při nichž nevychází a netěží z toho, jak si je formulovali a řešili mladogramatikové. Ale stejně tak nalezneme v jeho díle málo příkladů na zcela trpné stanovisko k této formulaci a k tomuto řešení.

Tak hned ve věci pravidelnosti hláskového vývoje jazyků setrvává Meillet na methodickém požadavku bezvýjimečnosti *hláskoslovných zákonů*, jejž do jazykovědy přinesli mladogramatikové, a obrací se znovu a znovu proti stále se opakujícím námitkám z řad jejich odpůrců, na př. H. Schuchardta, O. Jespersena, K. Voßlera, E. Lercha,

J. Gilliérona, G. Bertoniho, J. v. Ginnekena, Ed. Hermanna a j. Činí tak právem; námitky vznášené proti oné bezvýjimečnosti zakládají se velkou většinou právě na jejím mladogramatickém chápání a formulování a na nesprávném pojetí výjimky z vědeckého zákona vůbec[1]). Meillet vyšel z formulace mladogramatické, avšak neulpěl na ní: kdežto v ústech mladogramatiků nabývaly hláskoslovné zákony tvářnosti zákonů, vládnoucích v oblasti mechanické přírody a založených na principu mechanické kausality, vložil Meillet do hláskoslovných zákonů určující pojem hláskově vývojové *tendence*, chápaje hláskový vývoj jazyků — a stejně vývoj jazyků po všech ostatních stránkách — jako projev nadindividuálních činitelů, působících nezávisle na jedincích jazykové společnosti, vývojových činitelů buď obecného rázu, t. j. neomezených co do času i prostoru, anebo omezených časově i místně a projevujících se tedy jen v určitém vývojovém období určitého jazyka. V tom je důležitý pokrok proti staršímu nazírání jak mladogramatiků, tak i jejich protivníků nestrukturalistů; Meilletovo učení, že hláskově vývojové změny jazyků se neprovádějí zevšeobecňováním individuálních odchylek od dosavadní normy, nýbrž že jsou v svém jádru obecné, zachvacujíce kolektivně samu hláskovou soustavu jazyků, je už zcela blízko dnešní strukturální formulaci hláskoslovných zákonů ve smyslu jak diachronickém, tak i synchronickém, a jazykovědných zákonů vůbec — zákony ty jsou totiž právě záležitostí jazyka ve smyslu nadindividuálního systému znakových hodnot, nikoli jeho nekonečně početných realisací v individuální mluvě, kterou sice na jedné straně charakterisuje úsilí po zachování normy dané příslušným jazykovým systémem, ale která na druhé straně této normy nikdy plně nezachovává. Meillet sám vysvětluje dlouholeté spory o bezvýjimečnost hláskoslovného zákona mezi mladogramatiky a jejich staršími odpůrci jako nedorozumění, vzniklé z toho, že se nedbalo Saussurova podstatného rozlišení mezi ,,sociální" a ,,individuální" stránkou lidské řeči, t. j. mezi strukturou jazyka a mluvou jeho příslušníků: ,,Les partisans de la constance des lois phonétiques envisagent la langue, et leurs adversaires la parole. Ils ne parlent pas de la même chose" [2]). Proto byli podle Meilleta mladogramatikové na správné cestě, když vycházeli při zkoumání a posuzování hláskově vývojové zákonitosti z jazyka

[1]) Viz o tom podrobněji v mém posudku spisu Ed. Hermanna Lautgesetz und Analogie (Göttingen 1931) v tomto časopise XII (1933-4), str. 491 n., nebo v mé knize Studie z oblasti onomatopoje (Praha, 1934), str. 102 n.

[2]) V posudku Goidánichových Alterazioni fonetiche del linguaggio e le loro cause — Delle leggi fonetiche (Bologna 1925) v Bull. Soc. Lingu. de Paris XXIX, 2 (1929), str. 16.

literárních textů, kde se jazyková norma obráží zřetelněji a ryzeji než v jazyce lidovém; Meillet upozorňuje přímo na nebezpečí, k němuž po té stránce může vésti studium drobných jevu nářečních na isolovaných slovech a tvarech, jak je provádějí zejména zeměpisci jazyka. Nejzřetelnějším projevem a dukazem toho, že zásah vývojových tendencí do jazykové skutečnosti je řádu nadindividuálního, jsou mu rozmanité konvergence ve vývoji jazyku historicky příbuzných i nepříbuzných. A vskutku zjev konvergentního vývoje — jehož význam v dějinách jazyku vubec zjišťují náležitě teprve dnešní strukturalisté, ale dobře rozpoznával již Meillet — dá se velmi těžko slučovat s předpokladem individuálních počátků každé jednotlivé změny jazykové. Od stanoviska strukturální linguistiky liší se Meilletovo pojetí hláskového vývoje a hláskoslovného zákona diachronického tím, že popřává jen výjimečně místa čistě linguistické interpretaci výsledků působení jednotlivých vývojových tendencí, tedy jejich výzkumu a výkladu s hlediska hláskového systému jazyka nebo i několika jazyků, o něž v daném případě jde, a myslí velkou většinou na jejich výklad mimolinguistický: u tendencí, ovládajících hláskový vývoj jazyků bez omezení časového i prostorového, na obecné podmínky fonetické, zakládající se zas na obecných podmínkách jednak fysiologických jednak psychologických, a u oněch speciálních tendencí, projevujících se jen ve zvláštním vývoji jednotlivých jazyků, na podmínky sociální, dané společenskou strukturou a společenským vývojem příslušného celku ethnického. Nutno však zdůraznit, že theoreticky si Meillet na některých místech zas uvědomuje správně, že toto zkoumání není již pravým úkolem linguistu, kteří prostě vycházejí z předpokladu oněch nadindividuálních tendencí, způsobujících přetváření jazyků v čase po všech jejich stránkách — a speciálně ovšem zákonitou pravidelnost jejich vývoje hláskového —, jako z daného faktu, ležícího jinak mimo oblast čistě linguistickou. A neméně je si Meillet vědom toho, jak důležitou úlohu mohou mít v jazykovém vývoji podmínky a činitelé povahy čistě linguistické a jak se jazykové změny navzájem podmiňují: „Des conditions de nature proprement linguistique jouent un grand rôle: en matière de langue plus encore que pour la plupart des autres faits sociaux, un changement, même peu important en lui-même, peut avoir des conséquences graves, et un petit fait peut suffir à déterminer une orientation nouvelle[1]."

[1]) Les langues dans L'Europe nouvelle (Paris 1918), str. 113. — Podobně na př. Les dialectes indo-européens (Paris [2] 1922), str. 4; Caractéres généraux des langues germaniques (Paris[2] 1922), str. 18.

Meilletovo pojetí jazykového vývoje se liší i jinak příznivě od pojetí jak mladogramatiků, tak i mnoha odpůrců mladogramatictví. Proti zjednodušujícímu názoru starší jazykovědy, že zásah jazykové *výpůjčky* a jazykového *mísení* do vývoje jazyků je zjev více nebo méně výjimečný a tedy celkem podřadného významu proti vývoji „autonomnímu", staví Meillet radikální thesi opačnou, že totiž výpůjčka a mísení jsou v životě jazyků v jistém smyslu právě zjevem normálním, „et dont l'importance dans le développement linguistique éclate chaque jour davantage"[1]), kdežto autonomní vývoj skoro vždy pouhá fikce. To je stanovisko shodné v zásadě se stanoviskem dnešních strukturalistů; liší se však od něho v samém pojetí jazykového mísení a tím i v důsledcích, jež z něho vyvozují strukturalisté stran genetické příbuznosti jazyků; o tom se zmíním hned v další souvislosti. Podle Meilleta jsou dějiny jazyků v jistém smyslu řetěz stále se střídajících diferenciací a unifikací, t. j. jazykový vývoj, směřující „autonomně" k rozrůzňování nářečnímu ve smyslu jak geografickém, tak i sociálním, je ustavičně přerušován snahou po opětném obnovení zanikající jednoty. Tato ustavičná unifikace jazyků má svůj původ ve vůli jejich příslušníků, tvořit národní a jazykovou jednotu přes rozmanité rozdíly nářeční i postupné změny vývojové — tedy jednotu, kterou charakterisuje, abychom užili slov Meilletových, „la continuité du sentiment de l'unité linguistique"[2]); a uskutečňuje se toto stálé — ovšem ne vždy stejně silné — sjednocovací úsilí mísením jednotlivých nářečí po je všech stránkách, tedy ustavičným vzájemným prolínáním nejen prvků lexikálních, nýbrž i systému hláskoslovného a tvaroslovného. Tímto jediným skutečným jazykovým mísením, které je následek snahy příslušníků jisté skupiny nářečí po vyšším celku ethnickém i jazykovém, vytváří se neustále umělý typ obecného jazyka národního, jejž v té funkci přejímají příslušníci nářečí, aby se ovšem zas nazpět rozrůzňoval v nářečí nová; a tak do nekonečna. Unifikace jazyků umožňuje vlastně jakoukoli práci jazykozpytců; bez ní stáli by tu bezmocni v nekonečné tříšti ustavičně se rozrůzňujících a navzájem se mísících nářečí.

Ve věci *jazykové příbuznosti* náleží hlavní zájem Meilletův — zase ve shodě s mladogramatickým směrem — problému příbuznosti *genetické*, a s mladogramatiky jej sbližuje i základní pojetí této příbuznosti. Ale k provedení jejího důkazu staví přísnější požadavky methodické.

---

[1]) L'état actuel des études de linguistique générale (Chartres 1906), str. 13.
[2]) Le probleme de la parenté des langues, Scientia XV, 1914, str. 408, Linguistique historique et linguistique générale (Paris [2] 1926), str. 81.

Dokazovat tu lze jen na podkladě srovnávání systémů hláskoslovných a tvaroslovných, t. j. důkaz genetické příbuznosti jazyku je podán zjištěním takových shod nebo podobností mezi nimi, které se dají vyložit uspokojivě vyvozením hláskoslovného a tvaroslovného systému těch jazyků z hláskoslovného a tvaroslovného systému jejich společného prajazyka. Shody a podobnosti v prvcích lexikálních, jež v jazyce netvoří soustavy v tom smyslu jako hlásky a tvary, mohou sice onu příbuznost naznačovat nebo provedený důkaz o ní potvrzovat, samy však nic nedokazují; nelze totiž nikdy vylučovat možnost, že shody a podobnosti lexikální vznikly přejímáním příslušných výrazů z jazyka do jazyka, takže tam, kde jsou mezi jazyky jen tyto shody a podobnosti, je důkaz genetické příbuznosti nemožný. Přejímání a míšení lexikálních prvku je ve všech jazycích světa velmi časté, kdežto přejímání prvků fonických a morfologických je mezi jazyky ve smyslu jazyků národních — na rozdíl od nářečí téhož jazyka — jen zcela výjimečné, a tedy opravdové míšení jazyků nemožné. Tato okolnost vlastně umožňuje jakýkoli důkaz genetické příbuznosti vůbec; proto je tento důkaz možný jen tehdy, jde-li o jazyky ve smyslu jazyků národních, a je vyloučen — ovšem že často také zbytečný —, jde-li o pouhá nářečí (zeměpisná nebo sociální). Zvlášť důležitým měřítkem nosnosti důkazu o genetické příbuznosti jazyků je počet shod a podobností právě v nepravidelnostech a zvláštnostech morfologických; proto je důkaz ten tím snazší, čím bohatší, složitější a anomálnější morfologii mají srovnávané jazyky, kdežto u jazyků s morfologií příliš chudou nebo příliš pravidelnou je velmi obtížný, ne-li nemožný. Připomeneme-li si Meilletovo obecné pojetí jazykového vývoje, že v průběhu dějin jazyků se stále střídají a do sebe zasahují jazyk ve smyslu obecného jazyka národního a tedy schopného k důkazu genetické příbuznosti, a rozmanitá nářečí k tomu důkazu neschopná, uvědomíme si, jak pronikavě viděl Meillet problematiku této příbuznosti vůbec; ovšem tím, že vymezil nářečí jako vlastní oblast jazykového míšení, obhájil si možnost důkazu genetické příbuznosti jazyků proti badatelům, kteří v míšení — zase příliš neurčitě pojatém — vidí jeho největší překážku a stávají se tak skeptiky v otázce genetické příbuznosti jazyků vůbec.

Mladogramatické východisko nalézáme u Meilleta dále v otázce *rekonstrukce prajazyků.* Uznává zásadní význam tohoto rekonstruování pro jazykovědu, ale dává mu novou, rigorosnější náplň. Předně neztotožňuje pojem prajazyka se souhrnem prajazykových rekonstrukcí vyvozených z jednotlivých shod a podobností jazyků geneticky příbuzných; prajazyk sám je v svém celku zpravidla nepoznatelný a

projevuje se často jen velmi nedokonale ve zjistitelných korespondencích hláskoslovných, morfologických a lexikálních mezi jazyky určité skupiny genetické. Všechny dosud předpokládané prajazyky náleží podle Meilleta k umělému typu jazyka obecného, charakterisujícího národní jednotu svých příslušníků, a obrážejí nezřídka také určitý typ civilisační. Rozdíl mezi tímto skutečným prajazykem a pouhou soustavou dosažitelných na tu dobu rekonstrukcí prajazykových ukazuje Meillet dobře konfrontací takové soustavy s prajazykem samým v těch vzácných a pro srovnávací jazykozpyt příznivých případech, kdy je prajazyk dosvědčen historicky: tak na příklad od soustavy pra-románských rekonstrukcí je k latině, která je prajazykem románských jazyků, po všech stránkách hodně daleko, a kdyby se nám náhodou latina nebyla uchovala, měli bychom o ní podle těchto rekonstrukcí obraz velmi neúplný a skreslený. S možností, ano pravděpodobností obdobných poměrů musíme počítat ve všech případech ostatních, tedy na př. s rozdíly mezi skutečnou praslovanštinou, historicky nedochovanou, a soustavou dosažitelných rekonstrukcí praslovanských. Účel rekonstruování prajazyků je zjistit, co je v jazycích geneticky příbuzných pokračováním původnějšího stavu společného a co výsledkem teprve pozdějšího, již samostatného vývoje jednotlivých těch jazyků; je to tedy pouhá — ač nevyhnutelná — pomůcka pro historika jazyka, nikoli cíl. Zjišťování původnějšího stavu společného a pozdějšího vývoje samostatného je možné i v samých prajazycích, jestliže jsou zase geneticky příbuzné — na př. v praslovanštině, v pragermánštině, prakeltštině, praitaličtině atd. jakožto prajazycích vzniklých z jednoho prajazyka indoevropského — ovšem v těsných a čím dále do minulosti, tím těsnějších mezích, daných příslušnými soustavami dosažitelných rekonstrukcí. Odtud Meilletův odpor proti vysvětlování indoevropského prajazyka etymologisováním rekonstruovaných suffixů praindoevropských, analysí rekonstruovaných kořenů slovních atd., jak se s tím setkáváme na př. ve spisech Hirtových; neboť o genetických vztazích indoevropštiny k ostatním kmenům jazykovým nelze dosud říci nic určitého, takže na př. společný prajazyk indoevropsko-semitsko-hámitský je podle dnešního stavu bádání pouhá možnost, v jejímž dokazování se dosavadní srovnávací jazykozpyt nedostal přes první, v celku málo přesvědčivé pokusy [1]). A ovšem tím větší je odpor Meilletův k jakýmkoli pokusům obecně glottogonickým.

---

[1]) Zvlášť příznačné je zamítavé stanovisko Meilletovo k dosavadním výkladům vokalického střídání (ablautu) v jazycích indoevropských jako jevu hláskoslovného, jež zabírají tak význačné místo v komparatistice právě mladogramatického směru

v starších dobách jazykozpytu tak oblíbeným, jako vědecky a priori neplodným.

Dále je si tu Meillet vědom mnohem úzkostlivěji než mlattogramatikové nebezpečí spojeného s rekonstruováním předhistorického — a také mezihistorického — stavu a vývoje jazyků, že se jím totiž skutečnost, přímo nepoznatelná, může skreslovat promítáním jevů časově různých do jediného časového průřezu; zřetel *chronologický*, u prajazykových rekonstrukcí od mladogramatiků zanedbávaný — jak to ukazuje sám Brugmannuv Grundriß a zvláště Hirtova Indogerm. Grammatik —, je Meilletovi právem jedním z nejdůležitějších zřetelů při všem, co se týká prajazyků. A s tímto zřetelem souvisí dvě další these Meilletovy. Předně ta, že *rozchod prajazyku* rozrůzněných již předtím dialekticky — v samostatné jazyky mladší prováděl se zpravidla postupně, takže tyto mladší jazyky představují na prahu historické doby nestejně vyvinuté fáze svého prajazyka, tak jak si jej v jisté nářeční podobě odnášely do nových sídel postupně, t. j. v různých dobách za sebou se pohybujících vlny příslušného, prozatím poměrně ještě jednotného kmene národního. Jen touto kombinací předpokladu dialektického rozrůznění prajazyka a předpokladu postupného rozchodu ethnického celku, jenž jím mluvil — při čemž oblasti okrajové udržely starobylejší ráz jazyka než oblasti vnitřní —, lze si podle Meilleta uspokojivě vysvětlit zjev, že některé indoevropské jazyky jsou mezi sebou vázány řadou jistých nápadných a starobylých shod a zároveň rozlišeny řadou neméně nápadných a starobylých rozdílů [1]). A these druhá týká se *paralelního vývoje* jazyků geneticky příbuzných po rozchodu ze společného prajazyka: všechny korespondence mezi jazyky dané skupiny genetické nemusí být dědictvím prajazykovým, některé z nich mohly vzniknout teprve dalším, již samostatným vývojem jednotlivých těch jazyků, vývojem usměrňovaným jistými totožnými tendencemi, podmíněnými jednak jednou a touž strukturou jejich společného prajazyka, jednak shodnými okolnostmi mimojazykovými. Z toho plyne, že shody nebo podobnosti v jistém jazykovém faktu mezi příbuznými jazyky nemusí samy o sobě ukazovat na původní totožnost,

---

a jež hledají svorně původ tohoto zjevu v starých poměrech přízvukových. Pro Meilleta neexistuje prostě indoevropský ablaut jakožto problém historického hláskosloví, nýbrž je mu — ve shodě s dnešními strukturalisty — daným faktem morfologickým, stejně jako vokalické střídání v jazycích semitských.

[1]) K tomuto pojetí se vypracovali zásadně již před časem profesor srovnávacího jazykozpytu na pražské universitě A. Ludwig a jeho žák J. Zubatý, jak upozornil nedávno B. Havránek v čl. Sur la formation des langues indo-européennes par les colonisations successives (Charisteria Guilelmo Mathesio etc., Praha 1932, str. 14 n.).

na prajazykový původ toho faktu.[1]) V této možnosti dvojí interpretace shod a podobností mezi jazyky téže genetické skupiny, k níž starší komparatisté náležitě nepřihlíželi, vidí Meillet právem jednu z hlavních nesnází a mezí theorie prajazyků a srovnávacího jazykozpytu vůbec[2]); ale postřehl také, že na druhé straně může sloužit vývojový paralelismus jazyků jako nepřímé potvrzení jejich původní genetické jednoty — vyplývá totiž právě často také ze strukturálních vlastností příslušného prajazyka.

Od mladogramatického způsobu pracovního odlišil se Meillet zřetelně i na poli *etymologického bádání*, jemuž — stejně jako mladogramatikové a na rozdíl od dnešních strukturalistů — zasvětil velkou část svého životního díla. Přirozeným následkem isolovaného pojímání a posuzování jednotlivých hláskových a slovotvorných jevů u etymo-

---

[1]) Názorným, historicky kontrolovatelným příkladem takového paralelního vývoje je druhotné rozšíření slovesné koncovky *m*-ové v 1. osobě sing. praes. v jednotlivých jazycích slovanských od několika málo starobylých sloves s uchovanou flexí konsonantickou (praslov. *damь* atd.) k slovesným typům ostatním, na př. čes. *znám, dělám, prosím*, sloven. také *nesiem, píšem*, srbochorv. *znam* n. *znadem, hvalim, nesem*, pol. *znam, kocham* atd. Rozšířenost tohoto zakončení v dnešní slovanštině vzbuzuje na první pohled dojem, jako by šlo o tvar již praslovanský, t. j. že koncovka *-mь*, náležitá od původu jen u sloves jako *damь, jesmь*, zdomácněla u sloves ostatních už v praslovanštině vedle koncovky *-ǫ*, na kterou ukazují historické tvary jako čes. *nesu*, rus. *dělaju* atd. O klamnosti toho dojmu přesvědčí nás první pohled do minulosti slovanských jazyků: tak proti novočes. *dělám, prosím* je staročes. *dělaju, prošu*, jež souhlasí s rus. *dělaju, prošu*, proti sloven. *nesiem*, jihoslov. *nesem* stojí čes. *nesu*, pol. *niosę*, rus. *nesu*, círk.-slov. *nesǫ* atd., dosvědčené od nejstarších jazykových památek — krátce, čím starší dobu máme před sebou, tím řidčeji se setkáváme s *m*-ovým zakončením v 1. osobě sing. praes. sloves mimo konsonantická slovesa typu *damь*, takže pro praslovanštinu je pravděpodobné, rekonstruovat jedině tvar *-ǫ;* rozšíření *m*-ové přípony nastalo tedy až později, v každém slovanském jazyce zvlášť. Tímto paralelním vývojem projevila se společná tendence slovanštiny vyjadřovat 1. osobu sing. praes. jednotným zakončením, oprávněným původně jen u několika málo sloves, zato však sloves odedávna velmi často užívaných; tendence ta neprorazila arci všude, a tam, kde působila, nebyl její účinek vždy stejně silný. Obdobný zjev pozorujeme v jazycích arijských: v indičtině je v 1. osobě sing. praes. indic. obecně koncovka *-mi*, totožná se slov. *-mь* a náležející od původu jen slovesům athematickým, tedy na př. *bhárāmi* (proti řec. *φέρω*, lat. *fero*, got. *baíra*) stejně jako *dádāmi* (= řec. *δίδωμι*), podobně v mladších textech avestských (*barāmi*) a v nápisech staroperských (*dārajāmij* ‚mám, vlastním' = staroind. *dhārájāmi* ‚držím'); ale v gáthových textech avesty nalézáme ještě pravidelně koncovku *-ā*, na př. *spasjā* (= lat. *specio*) proti staroind. *páśjāmi* — zakončení na *-mi* u thematických sloves avestských ujalo se tedy zřejmě teprve průběhem samostatného vývoje tohoto jazyka, a je tedy také u thematických sloves staroperských a staroindických sotva dědictvím arijského prajazyka. Jistě pak nelze vyvozovat z těchto arijských faktů a podobných faktů v indoevropských jazycích ostatních — t. j. z uvedených výše faktů slovanských a dále z tvarů 1. osoby sing. praes. jako staroir. *berim* nebo armen. *berem* —, že koncovka *-mi* u thematických sloves je zjev již praindoevropský. — Jiný příklad na paralelní vývoj slovanských jazyků po stránce hláskoslovné poskytuje vývoj praslovanských hlásek jerových v pozdější slovanštině. Atd.

[2]) Note sur une difficulté générale de la grammaire comparée (Paris 1900).

logů orientovaných mladogramaticky bylo to, že vysvětlovali původ slov s lehkostí stále neomezenější podle pravidel vykonstruovaných jen z několika málo nebo i zcela ojedinělých případů. Přese všechnu snahu mladogramatiků o aplikaci těch pravidel co možná exaktní stávala se etymologie — vlivem právě onoho mladogramatického atomismu — oborem stále hypothetičtějším, vědecky méně závazným a od ostatních linguistů přezíraným. Meillet vynaložil mnoho úsilí v boji za prosazení těch kriterií, bez nichž je dnes vážná práce etymologická sotva myslitelná. Při výkladu slov nesmí jít o pouhou možnost, byť sebe vtipněji předváděnou, nýbrž o jistý stupeň nutnosti závěru, stupeň tím vyšší, čím většímu počtu fonických a morfologických prvků etymologisovaného slova dostává se podaným výkladem osvětlení historického, čím toto osvětlení je lépe fundováno vzhledem k celkové hláskoslovné a slovotvorné struktuře jiných slov toho jazyka a čím méně mlhavý je vztah mezi významovou stránkou srovnávaného materiálu; k tomuto poslednímu měřítku náleží také methodický požadavek pro Meilleta zvlášť charakteristický, aby etymologie počítala vždy také se sférou užívání jednotlivých slov. Meillet zdůrazňuje po té stránce dvě hlavní vrstvy lexikální: slovník mluvy společenských tříd vyšších, mluvy aristokratické, pro nějž je příznačná abstraktní povaha významu slov a jejich poměrná stálost co do významu i formy, a slovník vrstev nižších, slovník lidový, vyznačující se nápadnou proměnlivostí a po stránce formální jistými charakteristickými zvláštnostmi hláskovými i slovotvornými, které jsou v příslušných jazycích pociťovány a používány jako prostředky k tvoření *výrazů expresivních;* tak na př. v indoevropštině prozrazuje se lidová vrstva lexikální formálně kořenným vokalismem *a*-ovým, geminací souhlásek, aspirací neznělých oklusiv, sklonem k celkové variabilitě hláskové, rozmanitými reduplikacemi kořenné slabiky, v slovanštině a baltštině „neorganickou" palatalisací a nasalisací v kořeni[1]), atd. Meillet tu připravuje přerod stanoviska mladogramatiků, kteří byli pro jazykové hodnoty tohoto druhu příznačně nevšímaví — spatřujíce v tom, čemu se říká výrazy expresivní, hláskově symbolické, onomatopoické, interjekční, pouhé isolované případy, stojící jaksi mimo skutečný jazyk —, k dnešnímu posuzování významu, jejž má ve struktuře a vývoji všech jazyků tato oblast jejich lexika: jde totiž o celé kategorie semantemické, tvořící stejně jako kategorie semantémů s významem citově indiferentním podstatné složky semantemické struktury, ovšem v různých jazycích různé a prů-

[1]) O této expresivní palatalisaci a nasalisaci viz podrobněji u Machka, Studie o tvoření výrazů expresivních (Praha 1930).

během jejich vývoje proměnlivé, kategorie se zvláštními vlastnostmi fonickými i morfologickými s hlediska jak synchronického, tak i diachronického. Dobře cítí Meillet také již důležitost *lidové etymologie* pro etymologii vědeckou; radí počítat stále — zejména v lidovém slovníku — s možností, že lidová etymologie zasáhla do hláskové nebo významové historie jednotlivých slov, a uvědomuje si, že i když je možno vysvětlit formu a význam daného slova z prostředků domácích, není nikdy vyloučen případ, že jde o druhotné sblížení výpůjčky z cizího jazyka s jistou skupinou domácích slov cestou lidové etymologie. Také zde zprostředkuje Meillet mezi stanoviskem mladogramatiků, kteří viděli v lidové etymologii pouhé výjimečné zásahy jednotlivců do vývoje některých isolovaných slov, a mezi stanoviskem dnešního jazykozpytu, který tu konstatuje jeden z podstatných rysů jazykového systému a zároveň jednu z obecných tendencí jazykového vývoje: jednotlivá slova každého jazyka tíhnou ustavičně k jistým slovním základům a tím se v jazykovém povědomí vytvářejí etymologické skupiny, kryjící se ovšem jen zčásti se skutečnou historickou sounáležitostí těch slov, skupiny více nebo méně odlišné co do obsahu i zřetelnosti, různé také podle jednotlivých dialektů, zejména sociálních, a přeskupované průběhem času — a toto ustavičné a měnlivé etymologisování v jazykovém povědomí mluvícího kolektiva je význačným činitelem v historii jednotlivých slov, umožňujíc vzájemné působení uvnitř každé takové lidově etymologické skupiny po stránce formální i významové.

To, co jsme dosud uvedli, prozrazuje již zřetelně obecný rys, odlišující Meilleta celkově od jazykozpytců mladogramatického směru: úsilí po chápání a výkladu jazykových jevů opravdu *systematickém*. Mladogramatikové usilovali také o systém[1]), ale řídili se při tom kriterii povrchními a dosahovali proto soustav hodnoty jen praktické. Byly to pouhé vnější sumace jazykových prvků a procesů bez nutného zřetele k podstatným vztahům mezi nimi; poznat tyto vztahy zabraňovala mladogramatikům jejich nechuť k synchronickému zkoumání jazyka. Meillet náleží k badatelům, kteří si uvědomili nutnost, aby v dosavadních pokusech o vědecké usoustavnění jazykové skutečnosti byla mechanická sumace nahrazena systémem, založeným právě na oněch podstatných vztazích, totiž na vztazích, v nichž se projevuje vlastní povaha jazykového prvku jako hodnoty znakové, a aby se vycházelo z takového systému při posuzování a vysvětlování daného stavu nebo vývoje jazyků jak v celku, tak i v jednotlivostech. Od této obecné these,

[1]) K dobru jim to přiřkl sám Meillet na ženevském sjezdu (Actes du IIe Congrès international des linguistes, Paris 1933, str. 127).

jež je methodickým základem dnešní strukturální linguistiky, nepostoupil Meillet ke konkretnímu a soustavnému zkoumání podstatných, t. j. strukturálních vztahů mezi fonickými, morfologickými a j. prvky jednotlivých jazyků a jazyka vůbec; na to byly jeho vědecké zájmy příliš extensivní. Avšak jeho výborný jazykozpytný instinkt umožnil mu tušit nejeden z hlavních výsledků dosavadního zkoumání, jak je provádí zejména linguistická škola pražská. Od samého počátku století zdůrazňuje opětovně, že v jazyce nic není isolovaného: jeho prvky fonické i morfologické tvoří pevnou a uzavřenou stavbu, v níž místo a funkce každého z nich je podmíněna a určována místem a funkcí všech ostatních. V nástupní přednášce na Collège de France r. 1906 — tedy právě před třiceti lety — pronesl tato slova: ,,Une langue constitue un système complexe de moyens d'expression, système où tout se tient et où une innovation individuelle ne peut que difficilement trouver place si . . . elle n'est pas exactement adaptée à ce système, c'est-à-dire si elle n'est pas en harmonie avec les règles générales de la langue."[1]) A na jiném místě této přednášky, v přehledu dosavadního bádání o dějinách a vývoji jazyků, praví: ,,Les changements linguistiques ne prennent leur sens que si l'on considère tout l'ensemble du développement dont ils font partie; un même changement a une signification absolument différente suivant le procès dont il relève, et il n'est jamais légitime d'essayer d'expliquer un détail en dehors de la considération du système général de la langue où il apparaît."[2]) Ve sborníku o methodách jednotlivých věd, vyšlém v Paříži před čtvrt stoletím, razí cestu methodickému východisku dnešní fonologie, že totiž v oblasti hláskosloví je linguistovo pravé pole působnosti výzkum jen těch fonických prvků, jež v daném jazyce mají ,,une valeur significative."[3]) Meillet je si již velmi dobře vědom toho, že veškeré jazykové hodnoty záležejí v oposici strukturálních prvků; v knize o jazycích nové Evropy[4]) napsal doslova: ,,Tout dans le langage n'est qu'opposition: les sons, les formes grammaticales, les mots ne prennent leur valeur qu'en opposant les uns aux autres," a v souhlase s tím jsou výroky jako na př. v knize o obecných rysech germánštiny[5]): ,,Les éléments du système phonétique indo-européen ont changé de valeur [totiž v pragermánštině] par le fait qu'ils ont pris place dans un ensemble nouveau. Une *r* ou une *l* du germanique continue des phonèmes de l'indo-euro-

[1]) L'état actuel, str. 27.
[2]) Tamtéž str. 19.
[3]) De la méthode dans les sciences, II (Paris 1912), v odst. Linguistique.
[4]) Les langues de l'Europe nouvelle, str. 152.
[5]) Caractéres généraux des langues germaniques, str. 90 n.

péen; mais ces liquides ont pris un autre caractère parce qu'elles ont cessé d'alterner avec les formes vocaliques r̥, l̥.“ Příznačné pro pochopení zásadního rozdílu mezi hlediskem fonologů a fonetiků při zkoumání zvukové stránky jazyka je to, co napsal Meillet v stati o indoevropském původu řeckých meter[1]) o kvantitě: „En matière de langue, ce qui importe, ce ne sont pas les quantités absolues, ce sont les oppositions. Il y a syllabe longue là où le sujet parlant sent une longue, et brève là où il sent une brève. Il ne s'agit pas ici de physique, mais d'une action à exercer sur des auditeurs.“ Uvědomuje si rovněž, že jednotlivé změny při vývoji jazyků mají nejen různou povahu, nýbrž i různý dosah strukturální. Vyslovuje nutnost, aby každý synchronický průřez jazykem byl posuzován jako celek sám o sobě, bez diachronických reminiscencí: „L'une des plus grosses fautes qui aient été commises souvent a été de projeter dans une période le sentiment linguistique que pouvaient avoir les sujets parlants à une époque antérieure.“[2]) Na komparatistech žádá, aby upustili od srovnávání isolovaných jednotlivostí a stavěli proti sobě celé příslušné systémy, neboť jen touto konfrontací celých systémů lze náležitě vysvětlit přechod jazykového stavu v starším vývojovém období ve stav období mladších;[3]) a jazykovým zeměpiscům adresuje pochybnosti o pravém linguistickém užitku jejich dosavadní methody, zaměřené jednostranně na isolovaná fakta nářeční, bez zřetele k místu těch fakt v příslušném nářečním systému: „Pareil émiettement ruinerait toute linguistique historique. La géographie linguistique a eu le mérite de mettre en pleine évidence la singularité de l'histoire de chaque mot, de chaque forme. Mais cette singularité a sa place dans des ensembles systématiques, et qui envisagerait les faits isolés sans se les représenter dans ces ensembles risquerait de commettre des erreurs pires encore que le linguiste qui envisage exclusivement des ensembles et n'étudie pas avec une critique assez sûre chacun des faits particuliers dont sont faits ces ensembles.“[4]) Z těchto několika ukázek — jsou kromě jedné vybrány ze statí a knih, vyšlých před vznikem Pražského linguistického kroužku (1926) — vysvítá již s dostatek Meilletovo postavení v linguistice posledních desítiletí: náleží k průkopníkům strukturálního myšlení v oblasti jazykovědy a tím k předchůdcům funkční a strukturální linguistiky, tak

---

[1]) Les origines indo-européennes des mètres grecs (Paris 1923), str. 9.

[2]) Bull. Soc. Lingu. de Paris XXX, 3 (1929), str. 159.

[3]) La méthode comparative en linguistique historique (Oslo 1925), str. 12 n.: „Il ne faut pas rapprocher un fait de détail d'un autre fait de détail, mais un système linguistique d'un autre système.“ Podobně na str. 29.

[4]) La méthode comparative en liguistique historique, str. 70 n.

jak je programem pražské školy a která jako budoucí etapa jazykozpytného snažení tanula zajisté Meilletovi na mysli, když v své nástupní přednášce na Francouzské koleji — dvacet let před založením Pražského linguistického kroužku — pronášel větu: „La nouvelle linguistique générale . . . apporte un renouvellement complet des méthodes et des idées: aux faits historiques particuliers, elle superpose une doctrine d'ensemble, un système."[1]) Meillet, žák a pokračovatel slavného francouzského komparatisty Michela Breala, nevěří v žádnou skutečnou krisi komparatistiky, o které se v poslední době tolik mluvilo a dosud mluví — „c'est une crise de croissance, et de trop rapide croissance"[2]) — a rozpoznává dobře, že se pociťuje právě tam, kde nové možnosti methodické narážejí na neporozumění nebo odpor konservativních badatelů, tak zvláště v Německu. Vlivem Ferdinanda de Saussure, k němuž se Meillet hlásí do svého kmetství hrdě jako k svému druhému hlavnímu učiteli, a jazykozpytné školy ženevské vůbec dostalo se také srovnávacímu jazykozpytu nového obsahu: srovnávání zaměřeného strukturálně, a to jak ve smyslu synchronickém, tak i diachronickém, vztahujícího se na jazyky geneticky příbuzné i nepříbuzné, a plynoucích z toho problémů dalších (jazykové svazy, moderní typologie jazyků).

Prakticky projevuje se strukturální smysl Meilletův nejvíce zálibou v markantním načrtávání celkového rázu a vývoje jednotlivých indoevropských jazyků hrubými a výstižnými rysy podle zásady „les lignes générales importent plus que le détail."[3]) Zvlášť důležité místo má v Meilletově díle zkoumání obecných tendencí, jimiž se během času přetvářejí jazyky jako celky, a vývojové změny zajímají ho tím více, čím více jazyků zasahují a čím úplněji mění příslušný systém. Tak na př. v oblasti mluvnických tvarů vedle analogie, jež působí hlavně v jednotlivostech a jíž věnovali příznačný zájem — kromě svých hláskoslovných zákonů — právě mladogramatikové, ukázal Meillet na důležitost tendence po gramatikalisaci slov, t. j. vývoje autonomních výrazů v akcesorní prvky morfologické, jenž přetváří zpravidla celý tvaroslovný systém; nebo se zabývá obecně vývojovým zjevem, že tendence po zjednodušení flexe — v níž vidí odraz stále abstraktnějšího myšlení a pokročilejší civilisace — jde v řadě jazyků ruku v ruce s tendencí po zjednodušení kategorie mluvnického rodu; anebo řeší zjev, že tendence po redukci flexe je obecně mnohem silnější u jmen než

---

[1]) L'état actuel, str. 25.
[2]) Bull. Soc. Lingu. XXXI, 3 (1931), str. 15.
[3]) Caractères généraux des langues germaniques, str. 10.

u sloves — vysvětluje to z různé povahy těchto druhů slovních —, atd. Ale neméně charakteristický je po té stránce Meilletův zájem o jazykovou přítomnost a náležité oceňování poznatků plynoucích z výzkumu jazyků dnešních pro jazykovou historii[1]) a linguistiku vůbec; konečně se projevil strukturální instinkt Meilletův pochopením a přízní, jež měl stařešina francouzské linguistiky od počátku pro mladou školu pražskou.[2])

Jiným význačným rysem Meilletova vědeckého myšlení — který ostatně v jistém smyslu souvisí s jeho úsilím o strukturální a semiologické chápání jazykových jevů — jest jeho silný sklon *sociologický*. Sklonem tím vysvětlíme si důležitost, kterou přikládá Meillet v linguistice zvláště problému sociálních podmínek jazykového dění. Jsa vyzbrojen obdivuhodnou erudicí obecně historickou a schopen velkorysé koncepce dění kulturního i sociálního, dovede se vmýšlet hluboko v souvislosti a vztahy mezi dějinami národů a jejich jazyků, jak se zvlášť nápadně projevují časovou shodou mezi velkými převraty sociálními a civilisačními a velkými změnami v jazyce příslušných společenských celků; a jako vede Meilleta jeho sociologické zaměření k tomu, aby „měnlivý prvek jazykového vývoje" — jak se vyjadřuje — hledal především ve vývoji společenské struktury, tak vede jej i ve směru synchronickém k postavení odvážného problému, „à quelle structure sociale répond une structure linguistique donnée".[3]) To, jak pronikavě zasáhl sociologický smysl Meilletův do jeho jazykové theorie, je zřejmé i z jeho celkového pojetí jazykového vývoje a jazykové příbuznosti, jak o tom byla řeč výše, a projevuje se v Meilletově díle ovšem i jinak, na př. v jeho zájmu o otázky jazykové kultury a politiky, o otázky jazyků spisovných a učených, o otázky mezinárodního jazyka umělého, anebo zase v jeho úsilí o rekonstrukci praindoevropských představ náboženských na podkladě dosavadních výsledků srovnávacího jazykozpytu. Zřetel k jazyku jako jevu eminentně sociálnímu stupňoval se u Meilleta až na újmu náležitého zařazení výzkumu veškeré jazykové skutečnosti v koncernu jednotlivých věd: linguistiku neváhal prohlašovat za součást sociologie.[1]) Na jiných místech však zase uznává, že linguistika — zejména linguistika v užším smyslu toho

---

[1]) L'état actuel, str. 11.: „L'observation des faits actuels est encore plus capable d'expliquer le passé que l'étude du passé d'expliquer le présent."

[2]) O tom svědčí jak jeho projevy vížící se k programovým vystoupením této školy na mezinárodních sjezdech linguistických, tak i jeho posudky o pracích z této školy vyšlých.

[3]) L'état actuel, str. 29 n.

slova — má svůj samostatný obor problémů, jež lze řešit jen samostatnými, jí vlastními prostředky a cestami.

V časopise, věnovaném slavistice, nelze na konci této stati, přesahující rámec slavistický, nezdůraznit, jak významný podíl má ve vědeckém odkazu Meilletově studium *jazyků slovanských*, od drobných příspěvků, jako zejména etymologických výkladů jednotlivých slov, až po souhrnné dílo srovnávací, ani nepřipomenout zájem, s nímž sledoval Meillet jazykově politické a kulturní věci slovanského světa.

Praha *J. M. Kořínek.*

---

[1]) Les méthodes de la linguistique, Revue du Mois 1910, č. 56.

Zur slavischen und baltischen Grammatik.

1. Zu den slavischen Adversativpartikeln.

In seinem umfangreichen Werke ,,Greek particles" (Oxford, Clarendon Press, 1934) handelt J. D. Denniston auf S. 28 ff. auch ausführlich über griech. *οὐ μὴν ἀλλά; οὐ μέντοι ἀλλά; οὐ γὰρ ἀλλά.* Wie er mit Recht bemerkt, ist die Auffassung, daß vor der Adversativpartikel das Verbum des vorhergehenden Satzes ausgefallen ist, mechanisch. Ich glaube vielmehr, daß man der Bedeutung der Verbindungen am besten durch die Wiedergabe ,,nein sondern" gerecht wird (vgl. auch Denniston a. O. ,,but nothing happens or happened or will or shall happen other than —"). Man hat sich zwischen *οὐ μήν, οὐ μέντοι, οὐ γάρ* einerseits, *ἀλλά* andererseits eine — etwa durch eine abweisende Handbewegung ausgefüllte — Pause zu denken (ähnlich ist *οὐ μή* ,,schwerlich" aufzufassen; s. noch IF 43, 299 ff. über andere verwandte Fälle verschiedener idg. Sprachen). *οὐ μέν* (*μέντοι, γὰρ*) *ἀλλά* fungierten daher anfänglich als einleitende Partikeln von Vorstellungen, die zu voraufgehenden negierten Sätzen einen Kontrast bildeten, wurden aber allmählich verallgemeinert und ohne Rücksicht auf den Zusammenhang mit einem verstärkten *ἀλλά* ,,indessen" gleichwertig.

Auch andere idg. Sprachen zeigen bei scharfen Gegensätzen vergleichbare Ausdrucksweisen. Sieht man von dtsch. *nein* (*sondern*) ab, so findet sich dergleichen auch im Litauischen. Duonelaitis sagt in seinen Gedichten 5, 5 ff.: *bet girdėkit, ne pirkt, ak ne, jis vogti iššoko, ir ne toli tuojaus pas upę ožką užsėpjo; ale dar ne ožka, bet dar ožkatė ji buvo* ,,aber hört, nicht zu kaufen, ach nein, vielmehr zu stehlen sprang er (der Fleischer) heraus, und nicht weit davon stieß er unmittelbar am Flusse auf eine Ziege; aber es war ja noch keine Ziege, sondern noch ein Zicklein"; 9, 548 ff.: *ir šulnų dešrų lietuviškai padarytų | dar, kad turim tikt, nei šiaip nei taip nenugrisom; | ne, nenugrisom dar, bet vis daugiaus užsigeidžiam* ,,die prächtigen, in litauischer Weise bereiteten Würste sind uns, wenn wir sie nur haben, in keiner Weise zuwider geworden; nein, sie sind uns nicht nur noch nicht zuwider geworden, sondern wir verlangen immer noch mehr".

In einer Erzählung bei WOLTER, Литовская хрестоматія 228, 39 liest man:

tikrai pamislijo, kad jis atsigulsiąs salia savo Rožės: bet ne: Rožė tą naktį viena išmiegojo ir atsikėlė labai pikta „er dachte in der Tat, daß er sich neben seine Rose legen werde; aber nein: Rose schlief diese Nacht sich allein aus und stand sehr erbost auf".

Aus dem Altlit. zitiere ich etwa Bretke Post. 1, 336 *nei išgąstingą kokį žodį kalbėsiu: ne, bet žinokis* „ich werde kein schreckliches Wort aussprechen: nein, sondern sei dir bewußt!"; 2, 234 *turim saugotisi, idant švento Jono dieną ne taip svenstumbim kaip raganos alba popiežnikai: ne, bet švento Jono dieną turim sęsti, idant mokintumbimes, kokį stebuklą Dievas padarė;* vgl. noch 2, 524.

Ebenso heißt es z. B. im Oberserbischen (J. PATA Lužickosrbská čítanka, Praha 1920, Nr. 112, S. 143):

ach, nětko mje wón pytnje a khetře so zaso wróći. Ně: město toho zaryča wón ze slebrojasnym, ale mócnym, hłubokim hłosom „ach, jetzt wird er (der Hirsch) meiner gewahr, und schnell dreht er sich wieder um! Aber nein, stattdessen brüllt er mit silberklarer, aber mächtiger, tiefer Stimme".

Vgl. auch (ibd. Nr. 110, S. 137):

njedźelu rano abo dopołdnja pak njedźělaju, pak ležo njespja prajo, zo dyrbja so tola tež jónu za tydźeń wuspać. Ně, bohudźakowano! tak daloko hišće pola Serbow njeje. Dźerža kruće do Boha a do bóžskich wěcow „am Sonntag Morgen oder Vormittag arbeitet man entweder nicht, oder, wenn man liegt, schlaft man nicht, indem man sagt, man müsse sich doch auch einmal in der Woche ausschlafen. Aber nein: Gottseidank ist es noch nicht soweit bei den Serben. Sie halten fest an Gott und den göttlichen Dingen".

Ganz genau aber entspricht dem *οὐ γὰρ ἀλλά* abg. *nebonŭ*, aruss. небоно „*καὶ γάρ, ἐπειδή*", das aus der Negation + *bo* „denn" + *nŭ* „aber, sondern" besteht. Schon MIKLOSICH Vgl. Gramm. d. slav. Spr. IV 183 hat *οὐ γὰρ ἀλλά* und *nebonŭ* syntaktisch gleich bewertet. Im Vergleich zu seiner Ansicht stellt die VON PERSSON IF 2, 206 ff., 224 (s. auch E. HERMANN GGN 1919, 226) einen Rückschritt dar.

Sehr instruktiv sind etwa Stellen wie:

abg. Cod. Suprasl. 347, 10 *děěši otĭrinǫ ljudi svoję gospodĭ? Ne bǫdi; nebonŭ i azŭ Izdrailitěninŭ jesmŭ* = *μὴ ἀπώσατο ὁ θεὸς τὸν λαὸν αὐτοῦ; μὴ γένοιτο· καὶ γὰρ ἐγὼ Ἰσραηλίτης εἰμί* (epist. ad Roman. 11, 1); aruss. Изборник von 1073 (s. SREZNEVSKIJ Матер. 2, 355) ничтоже но есть женѣ зълѣ прѣдати мужа своего на съмрьть;

небонъ и правьдьнаго Иова своя жена на съмрьть прѣдаяше „nichts bedeutet es ja für ein böses Weib, seinen Mann dem Tode preiszugeben; überantwortete ja doch auch den gerechten Hiob seine Frau dem Tode".

An beiden Stellen geht dem *nebonъ* ein negierter Satz voraus. Daher kann man noch sehr gut die Bedeutung „nein, vielmehr" u. dgl. zu Grunde legen. Gewiß ist *nebonъ* mehr begründend als adversativ. Aber es leuchtet ein, daß sich hinter negiertem Vordersatze die adversative und kausale Nuance nahe berühren. Auch schwanken dtsch. *doch*, lit. *gi*, *be* usw. zwischen beiden Bedeutungen (s. PERSSON IF 2, 206, E. HERMANN Lit. Stud. 318 ff. 324 ff. 338). Bei dem žemaitischen Schriftsteller Daukantas kommt einerseits *nes* „denn" im Sinne „aber", andererseits *bet* „aber" als „denn" vor (VERF. KZ 60, 237 ff., AUGSTKALNS Stud. balt. 4, 65 ff.). Sowohl die von mir als die von AUGSTKALNS angeführten Belege veranschaulichen die oft sehr nahe Verwandtschaft der adversativen und der kausalen Bedeutung.

Vor Imperativen sind sowohl griech. *ἀλλά* als lit. *gi* als dtsch. *doch* einem folgenden „darum,deshalb" gleichwertig (DENNISTON Greek particles 13 ff., E. HERMANN Lit. Stud. 318 ff.).

Auch der Kombination *ἀλλὰ γάρ* „aber ja", „for really" (DENNISTON a. O. 31) bieten slavische Sprachen ganz Analoges; vgl. poln. *siarczysty żołnierz. Ale bo to i mój lud podróżny* „ein hitziger Soldat; aber so sind ja meine Reisegefährten" (Sienkiewicz, Ogniem i mieczem 243). Poln. *ależ bo* heißt „aber bedenke doch; aber sieh doch!"

Im Čechischen kommen bloßes *neb*(*o*) oder, verstärkt durch den partikelhaft gewordenen enklit. Dat. sg. des Pron. der 2. Pers. *t*(*i*) = griech. *τοι*, *neboť* in der Funktion des kausalen *denn* vor (vgl. GEBAUER, Historická mluvnice jazyka českého 4, 49. 698 ff.). Ein Satz wie der aus Joh. Hus zitierte *s bláznem neběř rady; nebo nebude moci zatajiti slova* „berate dich nicht mit einem Schalk; denn er wird das Wort nicht geheimhalten können" zeigt in seinem ersten Gliede Negation; also könnte man an sich die den zweiten Teil beginnende Partikel noch durch „nein,denn" übersetzen.

Andererseits kann man zum Verständnis von Beispielen wie ačech. *bděte; neb neviete dne ani hodiny* „wachet, denn ihr kennt nicht Tag und Stunde"; *a to pro to učinichu; neb od svého pána přikázanie mějiechu* „aber sie taten dies deshalb; sie hatten nämlich von ihrem Herren den Befehl dazu" gelangen, wenn man hier *neb*(*o*) den ursprünglichen Sinn von *nonne*? zuschreibt. Indem der fragende Ton mehr und mehr verblaßte, erhielt *neb*(*o*) die Bedeutung „denn".

Bekanntlich kommt in vielen idg. Sprachen das Erwachsen von koordinierenden Konjunktionen aus der Frageform vor, wobei meist noch Gliederungsverschiebung des oft ehemals einen Satz für sich bildenden interrogativen Elements eingetreten ist. WACKERNAGEL, Verm. Beitr. z. griech. Sprachk. 21 ff. hat auf diese Erscheinung in größerem Zusammenhange die Aufmerksamkeit gelenkt (s. auch meine Nachträge Baltoslav. 69 ff.; KZ 51, 245 ff.). Ich erwähne etwa franz. *car* „denn" aus lat. *quare?* „weshalb?"; lat. *quin* „sogar" aus „wie so denn nicht?"; engl. *why?* „warum?" = „freilich"; ebenso russ. что же; как же; отчего же; poln. *a jakże;* lit. *o kaip; kodėl?* Lat. *quid?*, ai. (*atha*) *kim?* können „ferner" heißen, ai. *kim punar*, poln. *cóż* (*dopiero*), serb. *kämo li* „um wieviel mehr"; „erst recht". Etwas Verwandtes ist es, wenn poln. *kiedy to* „wann denn" vor punktuellem Präsens den Ausrufcharakter fast einbüßt[1]) und mit aussagendem *wtedy dopiero* „gerade dann, dann erst" synonym wird (s. auch KOSCHMIEDER, Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie, Wilno 1934, 208 ff.; zum Aspekt s. lit. Analoga bei SENN Stud. balt. 3, 89 ff.). Griech. *οὐκοῦν* „also" liegt wieder die Bedeutung „nonne?" zu Grunde (DENNISTON Greek particles 430 ff., 434 ff.). ENDZELIN IMM 1927, 2, 122 faßt lit. *nes(a)*; *nės(a)*„ denn" als negierte Form der 3. Sg. der Kopula **est* (cf. slav. *je* neben *jestĭ*) auf. Dann würde diese lit. Kausalpartikel ursprünglich eine Frage sein, auf die man eine bestätigende Antwort erwartet, also einem franz. *n'est-ce pas?* entsprechen.

Natürlich ist es denkbar, daß čech. *neb(o)* „denn" hinter positivem Satze bloß eine analogische Erweiterung der Verwendung nach negativem Satze, Verboten usw. darstellt, da das Wuchern von einigen Mustern aus, nachdem der eigentliche Sinn in Vergessenheit geraten ist, nichts Ungewöhnliches darstellt.

Auch čech. *než* „aber, doch, sondern", serb. *nȅgo* dass. (GEBAUER a. O. 48, MARETIĆ Gram. i stil. ² 461, § 494 *c*) können zuerst in Gegensätzen zu negativen Aussagen, zu Verboten usw. aufgenommen sein; vgl. etwa čech. *není nám život krátký; než my jej krátký děláme* „wir haben kein kurzes Leben; nein (= sondern) wir machen es kurz"; serb. *kad bi trgovac svagda dobivao, ne bi se zvao trgovac, nego dobivalac* „wenn ein Kaufmann immer gewinnen würde, hieße er nicht Kaufmann, nein (= sondern) Profitler."

Genau an *οὐ μὴν ἀλλά; οὐ μέντοι ἀλλά* erinnert die čech. Ver-

[1]) Zur Verflüchtigung des exklamativen Sinnes s. auch ähnliche Beispiele bei BRUGMANN Synt. des einf. Satzes im Idg. 194 ff., OTRĘBSKI Przyczynki słow.-lit. 2 (Wilno 1935), 12 ff., SPECHT KZ 62, 227 ff.

bindung *než ale*. Doch wird sie eher entstanden sein, als *než* schon vollständig Adversativpartikel geworden und man sich seiner Entstehung nicht mehr bewußt war. Wir haben es daher in *než ale* wohl mit der Aneinanderreihung zweier synonymer Konjunktionen des Gegensatzes zu tun wie in lit. *ale bet* (außer in Garliava, s. E. HERMANN, Lit. Stud. 335, noch bei Daukantas Märch. in Lietuvių tauta 4, 3, 32); *o betgi* usw. (s. auch IF 46, 213). Auf jeden Fall wird čech. *než ale* ganz frei und ohne Rücksicht auf die Umgebung verwendet; vgl. Němcová, Babička 169 ,,*Dobře tak děláte,*'' *přisvědčila kněžna.* ,,*Než ale musí tu být na blízku přece jen zlý lid*'' ,,ihr handelt gut so,'' stimmte die Fürstin zu. ,,Aber es muß doch hier böse Menschen in der Nähe geben''; 228 ,,*Pánbuh s námi, nahoře je zle, poslali věštbu,*'' *pravila babička, zblednouc. Než ale přece Vorše domlouvala, aby se nebála* ,,Gott mit uns, oben ist es schlimm, man hat uns warnen lassen,'' sagte die Großmutter erbleichend. Trotzdem aber redete sie der Ursula zu, sich nicht zu fürchten.''

In diesen Zusammenhang gehört auch čech. *ne* — *nýbrž* (*nébrž*) ,,nicht — sondern''; *nejen* — *nýbrž i* ,,non solum — sed etiam''. Ich glaube nicht, daß in dem ersten Gliede von *nýbrž*, *nébrž* die alte Adversativpartikel *nŭ* ,,aber, sondern'' steckt, was lautlich möglich wäre, und wie denn auch BERNEKER Etym. Wb. 1, 110 die Zusammenrückung auffaßt, sondern sehe auch hierin die Negation *ne*, die mit dem Komparativ von *brzo* ,,bald, schnell, früh'' verwachsen ist. Also heißt *nýbrž*, *nébrž* ,,non, (sed) potius''.

Dadurch, daß serb. *nègo* ganz mit *nò* synonym geworden ist, kommt es auch in der an dieses angeglichenen Form *nògo* vor, was aufs neue bestätigt, daß sein Ursprung völlig in Vergessenheit geraten war.

Čech. *než* und serb. *nègo* = ,,als'' nach Komparativen und komparativischen Ausdrücken beruhen ihrerseits auf der Grundbedeutung ,,aber nicht''. Wie ENDZELIN, Lett. Gr. 353 mit Anm. 2 und ich IF 28, 236 ff.; 43, 295 ff. (wo auch die weiteren Forscher genannt sind, die sich mit der Frage beschäftigt haben) auseinandersetzen, kommt dieser Bedeutungswandel allenthalben auf idg. Gebiete vor.

Serb. *nègo* findet sich auch im Sinne ,,außer, nisi'' nach Negationen; daher *doveo sam tri iljade vojske, a ne vodim nego pet stotina* ,,ich führte 3000 Soldaten herbei; aber jetzt führe ich nur noch 500'' (s. MARETIĆ 463, 467).

Auch abg. *nŭ*, serb. *nò* können so verwendet werden; daher: abg. Cod. Suprasl. 47, 16 ff. *vojevoda Magnŭ ničĭsože radi potšta sę na sije starěĭšinĭstvo priti, nŭ i na pagubą krĭstijanomŭ* = ZslPh

11, 316, 17 ff. *ὁ ἡγεμὼν Μάγνος δι' οὐδὲν ἄλλο ἐσπούδασεν εἰς τὴν ἀρχὴν ταύτην ἐλθεῖν ἢ εἰς τὴν τῶν Χριστιανῶν ἀναίρεσιν*, 47, 19 *prěbystŭ vŭ Sorobě vĭsi ničisože inogo radi, nu ubiti svętaago Nisiją* = a. O. 316, 20 *ἐπέμενεν ἐν τῇ Σορόβῳ δι' οὐδὲν ἄλλο ἢ ἐπὶ τῷ φονεῦσαι τὸν ἅγιον Νίσιον*, 48, 19 *inomu nikomuže ne lepo jestŭ, nŭ dobrotě tvojeji i čudŭnamu sědinamŭ* = a. O. 317, 12 *οὐκ ἄλλῳ τινὶ πρέπουσα ἢ τῇ περικαλλεῖ σου καὶ θαυμαστῇ πολιᾷ* (also beruht abg. *dobrotě* auf einem Mißverständnisse);

serb. (MARETIĆ 467) *učini kletvu, da se ne će oženiti drugom no carevom đevojkom* „er leistete den Schwur, sich mit keiner anderen zu verheiraten als mit der Königstochter".

Auch aruss. нъ, но steht oft hinter negativen Sätzen und Satzgliedern sowie, was auf dasselbe hinausläuft, hinter rhetorischen Fragen im Sinne „ausgenommen, als" (s. SREZNEVSKIJ Матер. 2, 478).

Daß auch griech. *ἀλλά* öfters als „außer, ausgenommen" in gleichem Zusammenhange erscheint, zeigt DENNISTON (Greek particles 3; daher Θ 312 *οὔ τί μοι αἴτιος ἄλλος, ἀλλὰ τοκῆε δύω*, Soph. Oed. rex 1332 *ἔπαισε δ' αὐτόχειρ νιν οὔτις, ἀλλ' ἐγὼ τλάμων* usw.

Wenn DENNISTON zum Vergleiche engl. Redeweisen wie *no one but you* heranzieht, so ist diese scheinbare Parallele unglücklich gewählt. Engl. *but* „aber" ist nämlich aus ae. *būtan* = afries. *būta*, niederl. *buiten*, ahd. *biūzan* „außer, ohne" entstanden, weist daher die umgekehrte Bedeutungsentwicklung wie griech. *ἀλλά*, abg. *nŭ*, serb. *nȍ* etc. auf.

Auch serb. *nȍ* kann dann ohne Rücksicht darauf, ob der vorhergehende Satz oder das voraufgehende Satzglied positiv oder negiert sind, geradezu dem lat. *quam* nach Komparativen und komparativischen Ausdrücken entsprechen, was teilweise sicherlich durch den äußeren Anklang an das derselben Verwendungsweise fähige *nȅ(go)* erleichtert wurde (vgl. o. über *nȍgo* = *nȅgo* „aber, sondern"); daher *bolje se pošteno skriti no sramotno prikazati* „besser, sich ehrsam im Hintergrunde zu halten als in schändlicher Weise hervorzutreten".

Schwierig ist die Erklärung der Bedeutung „oder" von čech. *nebo*, „entweder — oder" von čech. *nebo — nebo*. Ich glaube, wir müssen bei der Deutung der Disjunktion von der ebenfalls „aut — aut" heißenden Verbindung *buď — nebo* ausgehen: *buď po dobrém nebo po zlém* könnte ehemals besagt haben „möge es im Guten sein; denn nicht im Bösen (möge es sein)". Von da ist der Weg zu alternativem „entweder im Guten oder im Bösen" nicht weit. Da neben *buď — nebo* auch *buď — buď* „sive — sive" angängig ist, stellte sich nunmehr als weitere Möglichkeit in diesem Sinne auch *nebo — nebo* ein, indem das zweite

Glied von *buď* — *nebo* doppelt gesetzt wurde. Von da aus entstand schließlich einfaches *nebo* „aut".

Das Herauswachsen von *nebo* „oder" aus gedoppeltem *nebo* — *nebo* ist vergleichbar mit griech. *οὔτε* für *οὔτε* — *οὔτε* (DENNISTON Greek particles 511). *οὔτε* findet sich so nicht nur bei Voraufgehen von *οὐ*, wo man für jenes eher *οὐδέ* erwarten sollte (vgl. Pindar Pyth. 3, 30 *κλέπτει τέ νιν οὐ θεὸς οὐ βροτὸς ἔργοις οὔτε βουλαῖς*), sondern auch ohne dieses; daher Pindar Pyth. 10, 29 *ναυσὶ δ' οὔτε πεζὸς ἰών*, Äschyl. Agam. 532 *Πάρις γὰρ οὔτε συντελὴς πόλις | ἐξεύχεται τὸ δρᾶμα τοῦ πάθους πλέον* usw.

DENNISTON erinnert zu dem letzteren Gebrauche an engl. *Helen nor yet Saint Philip's daughters were alike thee* (Shakespeare); italien. *in Faenza ni in Forli gli era rimaso amico* (für *nè* — *nè*).

Hinzuzufügen ist, daß nicht nur mhd. *noch* genau so für *weder* — *noch* auch ohne Negation im Satze vorkommt (BRUGMANN IF 24, 161)[1]), sondern daß das Gleiche auch für ačech. *ni* gilt. Zwar die Anreihung von *(a)ni* an einen negativen Satz oder ein negiertes Satzglied kommt neben *(a)ni* — *(a)ni* „neque — neque" in den meisten slavischen Sprachen vor (MIKLOSICH IV 183 ff., VONDRÁK II² 340, 346). Ich zitiere etwa:

abg. Matth. 6, 25; Luc. 12, 22 *ne pьcěte sę dušeją vašeją, čto ěste li čto pijete, ni tělomŭ vašimŭ vŭ čto oblěčete sę* = *μὴ μεριμνᾶτε τῇ ψυχῇ ὑμῶν, τί φάγητε ἢ τί πίητε, μηδὲ τῷ σώματι ὑμῶν, τί ἐνδύσησθε*, Matth. 10, 9 *ne sŭtęžite zlata ni sŭrebra ni mědi pri poěsěchŭ vašichŭ* = *μὴ κτήσησθε χρυσὸν μηδὲ ἄργυρον μηδὲ χαλκὸν εἰς τὰς ζώνας ὑμῶν*, apoln. (ŁOŚ, Gram. jęz. polsk. 359) *nie kazał zabić, ani go sam zabił* „er verbot, ihn zu töten, und brachte ihn auch selbst nicht um"; neupoln. *nie byłem w Wiedniu ani w Paryżu; ojca niema w domu ani siostry* (mit Folgen des einfachen *nie* z. B. Sienkiewicz, Quo vadis 127 *oklasków ni wieńców nam nie zbraknie* „es wird uns nicht an Beifallsklatschen und nicht an Kränzen fehlen"); ačech. Alexandr. M. 73 *neprziestaw we dne ny w noczy* „nicht aufhörend bei Tage und nicht bei Nacht" u. v. a.

Aber genau dem pindar. *ναυσὶ δ' οὔτε πεζὸς ἰών* usw. entsprechen aus dem Altčechischen Fälle wie:

Alexandr. St. V. 597 *czlowyek dyety ny domu spomene* „man wird sich (weder) der Kinder noch des Hauses erinnern", wofür heute nur

---

[1]) Psychologisch ähnlich sind die KZ 42, 129 ff. von mir nachgewiesenen griech. Beispiele, wo in der Bedeutung „der eine — der andere" nur das zweite Korrelat durch ein besonderes Wort ausgedrückt wird.

gesagt werden kann *člověk nevzpomene ani dětí ani domu* (s. GEBAUER AslPh. 8, 186, GEBAUER, Histor. mluvn. 4, 656); ibd. Neuh. 377 *gense zobie ny nam odpochzine* „der (weder) sich noch uns Ruhe gönnt".

Dem o. aus Alexandr. M. 73 zitierten *neprziestaw we dne ny w noczy* steht ibd. Neuh. 324 gegenüber *dne ny noczi prziezlanucze*.

Daß die Bedeutungsentwicklung der Partikeln oft verschlungene Pfade einschlagt und nicht selten eine in bestimmten Fällen berechtigte Nebenbedeutung weitere Kreise erobert und analogisch auch da herrschend wird, wo sie ursprünglich nicht am Platze war, läßt sich oft genug konstatieren. So weist M. LEUMANN Donum Natal. Schrijnen 646 ff. nach, daß das griech. *ἠ(=)έ, ἤ* „oder", das mit ai. *vā*, lat. *-ve* dass. urverwandt ist, zu dem Sinne „als" nach Komparativen u. dgl. vom Fragesatze aus gelangt ist, wo ein solcher Bedeutungsübergang besonders leicht möglich ist. E. HERMANN Lit. Stud. 390 ff. schildert anschaulich, wie lit. *net* von „ohne daß" über „außer wenn" zur Entsprechung von „bis", „so daß", endlich „sogar" geworden ist. Ursprünglich war also *net* als Ergänzung negativer Sätze üblich; allmählich fand es auch bei positiven regierenden Sätzen Verwendung. Den Schlußstein der Entwicklung bildet sein Herabsinken zu einer bloßen Verstärkungspartikel.

2. Infigierungen im Baltischen und Slavischen.

Daß in den idg. Sprachen die Infigierung eine viel größere Rolle spielt, als gemeinhin angenommen wird, haben BECHTEL Herm. 55, 99, Histor. Personennm. d. Griech. 60, SPECHT KZ 61, 142 ff. für das Griechische, RENOU Studia Indoiranica (Ehrengb. W. Geiger, Leipzig 1931), 164 ff. für das Altindische nachgewiesen. Besonders kommt infigiertes *-k-*, das gern in der Deminution Verwendung findet, in Betracht. Hierher gehören griech. Kosenamen wie *Ἀλεξ-άκ-ων, Δειν-άκ-ων, Ἀπελλ-άκ-ων, Ἀντίλ-ακ-ος* neben *Ἀντίλος* usw. (s. noch FRISK Göteb. vetensk. handl. 4, 4, 65 ff.).

Auch griech. Verba können zur Erzielung eines verkleinernden und verächtlichen Sinnes *-κα-, -κο-* usw. einfügen; vielfach sind es Scherzbildungen. Hier sind zu nennen *ἀσπακάζομαι = ἀσπάζομαι* Hesych, der es ausdrücklich als Scherzbildung charakterisiert, so daß es wahrscheinlich von einem Komiker geschaffen worden ist (s. III 571, fr. 953 K.); *μυττικάζειν* (überl. *μυττηκάζειν*)· *στένειν* neben *μυττίξασα· στενάξασα; σμοκορδοῦν· τὸ σχηματίζεσθαι τὰς γυναῖκας* neben *σμορδοῦν· συνουσιάζειν; σμόρδωνες· ὑποκοριστικῶς ἀπὸ τῶν μορίων, ὡς πόσθωνες* bei Hesych. Die letzteren stellt SPECHT KZ 62, 215 wegen

der Nachbarschaft der Begriffe *συνουσία* und *δυσοσμία* zu lit. *smirdė́ti*, lett. *smir̃dêt*, abg. *smrьděti* „riechen, stinken"[1]). Spechts Annahme wird, wie ich ergänzend bemerke, bestätigt durch das von *σκόροδον* „Knoblauch" abgeleitete oder daran angeglichene und von Hesych ebenfalls durch *συνουσιάζειν* gedeutete *σκοροδοῦν*.

Im Altindischen betrachtet Renou a. O. 165 mit Recht ved. *mr̥dayā́ku-* „Erbarmen übend, gnädig, beglückend" als auf einem zufällig unbelegten, aber durch Parallelen gesicherten **mr̥ḍayu-* beruhend (cf. *mr̥ḍáti, mr̥ḍáyati* „ist gnädig, verzeiht, verschont", *amr̥ḍayá-* „unbarmherzig"). Überzeugend scheint mir auch Renous Zurückführung des vedischen Gen. Du. *yuvā́ku* (Wackernagel Ai. Gr. III 465) auf eine Dualbasis **yuvau*, in die das *k* infigiert ist. Genau so stellen *asmā́ka-*, *yuṣmā́ka-* (Wackernagel a. O. 441, 468 ff.) infigierende Erweiterungen der Pluralgrundlagen *asma-*, *yuṣma-* dar (über die Gen. Plur. der Personalpronom. *asmā́kam*, *yuṣmā́kam*, wo der Nom. Acc. Neutr. der possessiven Adj. erstarrt ist, s. jetzt Vaillant RESl 15, 7 ff.).

Specht KZ 61, 144 meint, daß die von Aufrecht ZDM 34, 175 ff. ans Licht gezogenen *pacataki* „er kocht in erbärmlicher Weise, in geringem Maße", *addaki* „iß doch!", *ehaki* „komm doch!" als späte Entwicklungen anders zu beurteilen sind (vgl. Solmsen KZ 35, 467, der mit Transposition aus *pacatika*, *addhika*, *ehika* rechnet, die die von ihm a. O. behandelte Partikel *-ka* enthalten würden). Aber die junge Bezeugung dieser Formen spricht an sich nicht gegen ihre Einreihung in den obigen Zusammenhang. Wie im Griech., so scheint auch im Indischen das *-k-* Infix vorwiegend volkssprachlich gewesen zu sein. Seine Produktivität im deminutiv-despektierlichen Sinne erklärt seine Verwendung bei Scherz- und Augenblicksschöpfungen. Der Typus selbst ist dagegen alt (s. auch Renou a. O. 164).

Wenden wir uns zum Baltischen, so weist Otrębski Narzecze twereckie 1 (Wilno 1934), 168 ff. nach, daß im ostlitauischen Dialekte von Tverečius in Übereinstimmung mit der Vorschrift von Kleins Grammatica Lituanica von 1653 (Bezzenberger, Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 109, BB. 5, 98², 99²) und mit den Verhältnissen bei dem alten ostlitauischen Schriftsteller und Lexikographen Sirvydas (Specht,

---

[1]) Lit. *smir̃das* „Bube, schändlicher Knecht, Bösewicht, Schalk", in Quellen des 14. Jahrh. noch „Bauer, Untertan" (Būga KS. 1, 167 ff.), lett. *smirds* (ebenfalls in letzterer Bedeutung) sind wegen des Schleiftons der Wurzelsilbe, und da das lit. Wort nach Schema 2 die Flexionsbetonung gestaltet, nicht wie das auf der Wurzelsilbe gestoßen intonierte Verbum mit aruss. смьрдъ „Bauer, Untertan" urverwandt, sondern daraus entlehnt (s. W. Schulze KZ. 52, 153 = KlSchr. 629, Būga a. O. und KZ 51, 111, Ztschr. f. sl. Phil. 1, 43, Skardžius Slav. Lehnw. im Altlit. 202).

Szyrwidausgb. 32) die bekanntlich etymologisch den lettischen Komparativen auf *-āks*[1]) entsprechenden deminutivischen Adj. auf *-ákas* und *-ákus* so verteilt sind, daß *-ákas* bei Zugrundeliegen von einfachen Adj. auf *-as* (und *-is*), *-ákus* dagegen in Ableitung von denjenigen auf *-us* gewählt wird; doch kommt in letzterem Falle daneben auch *-ákas* vor. Nur bei den Adverbien ist die Unterscheidung streng geregelt: daher *mažáka*, aber *sunkáku*. Für die Adj. sei der Gegensatz veranschaulicht durch *aukštákas*, *ćvirtákas* (= *tvirtókas*), *dżidákas*, *ilgákas*, *ysákas* (cf. *ýsas* „kurz" = lett. *îss* und s. noch Otrębski 1, 36, 164, 192, 260, 306 ff. 426); aber *platákus*, *sprungákus* (*sprugus*, westaukštait. *sprangùs* schwer zu verschlucken, würgend, erstickend"), *statákus* (*statùs* „steil")[2]), *sunkákus* usw.

In den etwas westlicher gelegenen ostlitauischen Dialekten R. 5, R. 4, R. 3 ist *-ókas* ohne Rücksicht auf das zu Grunde liegende Adj. verallgemeinert. *-okus* wird andererseits dort nicht auf Adj. auf *-us* beschränkt; daher heißt es neben *paauga gárókos* (fem.) R. 3, S. 86, 17 sogar *ǵarókūs waikãze* S. 88, 34.

Mit Recht bemerkt Bezzenberger, daß die in manchen lit. Dialekten sich nach dem die Basis bildenden Adj. richtende Verteilung von *-ókas* und *-ókus* beweise, daß lit. *-ok-*, lett. *-āk-* eigentlich als Infixe angesehen werden müssen. Man kann aus dem Lettischen die Komparativadverbia auf *-âku* neben Positiven auf *-u* wie *aûgstâku* „höher" neben *aûgstu* „hoch" vergleichen (Endzelin Lett. Gr. 354 und zur Bildung der *-u-* Adv. 471 ff.).

Sommer ASGW 1914, 142 ff. 212 ff. führt Beispiele von subst. Deminutiven mit verschiedenen Formantien an, wo die Endungen mit denen der Grundwörter übereinstimmen. Hier kann auch verwiesen werden auf *žmogẽlius*, *-aus* (an Stelle des gewöhnlichen *žmogẽlis*) bei Jurkschat Lit. März. 55, 120 (Dial. von Galbrasten) und in der žemaitischen Mundart Žr. (Bez. Raseiniai), S. 301, 6, 10, 12, 15, 19 (s. Specht Lit. Mundart. 2, 474). Gewiß besteht auch sonst im Litauischen Schwanken zwischen einzelnen Formen der *-(i)jŏ-* und *-ju-*Deklination (s. zuletzt KZ 61, 270 ff., mit Literatur); aber bei *žmogẽlius* hat sicherlich das Grundwort *žmogùs* die Flexionsweise mitbestimmt; vgl. Ähn-

[1]) Endzelin Lett. Gr. 264 ff. 352 ff. Über komparativischen oder sich dem Komparativ nähernden Sinn von *-okas* (*-ákas*) in ostlitauischen Mundarten s. Specht Lit. Mundart. 2, 47. 111. 184. 238, Verf. Baltoslav. 26. Während *s'anokai* „schon länger" R. 4, S. 55, 18 an *senaĩ* angeknüpft ist, gehört die Parallelform *s'aniŏkai* S. 67, 26 zu dem Adverb *seniaĩ* (s. über dies KZ 57, 174 ff. IF 49, 153; wie ich jetzt auch Nagmantats Gimtoji kalba 1935, 41).

[2]) Übrigens entspricht dem *atstùs* „fern" in Tverečius ein *atastùs* mit vollerer Präfixform. Darauf weist das Adv. *atašćeĩ* (Otrębski 1, 425).

liches bei Sirvydas (Specht Szyrwidausgb. 28). Das Adv. *pamaži*, *pamažu* „allmählich" kann die Demin. *pamažėli* und *pamažėliù* erzeugen.

In den hochlettischen Mundarten von Erlaa, Ogershof und Katriņa tritt gleichfalls in den von *-u*-Subst. ausgegangenen Deminutiven wenigstens im Loc. sg. die *-u*-Flexion auf; daher *tìrdziņuô: tìrgus* „Markt"; *vidiņuô: vidus* „Mitte, Inneres" (M. Ozoliņa FBR 14, 125).

Otrębski, Przyczynki słowiańsko-litewskie 2 (Wilno 1935), 56 ff. rechnet mit der Möglichkeit eines Einschubs eines *-t*-Formans zwischen die beiden Komponenten des Langdiphthongs der idg. Wz. *dhēi-* „saugen, säugen" (cf. ai. *dháyati*, *dhā́tave*, hom. *θήσατο*, abg. *dojiti* usw.[1]) in aksl. *dětĭ* „Kinder", ebenso eines *-l*-Infixes in umbr. *feliuf* „lactentes". Andererseits weisen nach Otrębski russ. детва, детвора *-t*-Infix, ai. *dhārú-*, griech. *θῆλυς* *-l*-Infix innerhalb des Langdiphthongs des parallelen *dhēu-* auf.[2])

In einigen slavischen Sprachen spielen deminutive Verba auf *-kati* eine gewisse Rolle, die meist zu solchen auf *-ati* hinzugebildet worden sind (Miklosich 2, 470 ff.; vgl. ferner Maretić Gram. i stil. hrv. ili srpsk. jez.[2] 345 ff. für das Serbokroatische, Mladenov Gesch. d. bulg. Sprache 212 für das Bulgarische, Machek LF 61, 1934, 133 ff. für das östliche Mährische und für das Slovakische).

Auch derartige Verba sind oftmals bloße Augenblicksschöpfungen; doch werden sie nicht selten in der Sprache fest und können mitunter unter Verdrängung der primären Verba ihren verkleinernden Sinn ganz abstreifen. So ersetzt nach Machek 134 bei manchen slovakischen Autoren *hladkať* gänzlich das zu Grunde liegende *hladiť*.

Besonders produktiv ist der Typus der Verba auf *-kať* im östlichen Mährischen und im Slovakischen. In dem letzteren können die Verba des in Rede stehenden Typus fast von jeder Verbalklasse aus, wie Machek zeigt, immer wieder neugebildet werden; daher *chrapkať: chrápať; čupkať: čupieť; sadkať: sadnúť; proskať: prosiť*.

Wenn auch der imperfektive Aspekt bei derartigen Verben auf *-kať* überwiegt, so kommt doch auch gelegentlich bei ihnen der perfek-

---

[1]) Über lit. *dienì* „trächtig", das ebenfalls zu dieser Wurzel gehört und formantisch mit av. *daēnu-* „Weibchen, das eben geworfen hat", ai. *dhenú-* „milchende Kuh, Mutterkuh" verglichen werden kann, s. Specht KZ. 62, 235 ff.

[2]) Otrębski a. O. 56 und Z badań nad infiksem nosowym w językach indoeuropejskich (Kraków 1929), 10 glaubt auch, mit lit. *sótus* (*sotùs*) „satt", preuß. *sātuinei* „sättigst", lat. *satur* „satt" usw. gegenüber abg. *sytŭ* in der Weise fertig zu werden, daß er eine Wurzel *sōu-*, *sau-*, *sū-* ansetzt, in die das *t* der baltischen Ausdrücke und des lat. Worts infigiert sei. Mir scheint dies zumal wegen lat. *sat*(*is*), got. *saths*, *sotha* (Dat.), *gasothjan*, griech. *ἄδην* usw., die zur Annahme einer Wurzel auf einfachen langen Vokal zwingen, trotz Otrębskis Parallelen sehr fraglich, und ich möchte abg. *sytŭ* mit Būga KS. 1, 243 hiervon ganz trennen.

tive vor. Namentlich ist dies der Fall, wenn das zu Grunde liegende Verbum diesen Aspekt aufweist, oder wenn sich der Typus *-kať* verselbständigt hat.

Machek bringt diese Verba richtig mit den mit *-k*-Formans ausgestatteten deminutiven Nomina in Zusammenhang und verweist 136 auch auf das im Slovakischen zu *domov* (= čech. *domů*) ,,nach Hause"[1]) hinzugetretene *domkov*, einen besonders schönen Beleg der *-k*-Infigierung.

Ich gebe noch einige slovenische, serbo-kroatische, bulgarische, russische, sorbische Beispiele des Deminutivtypus *-kati:*

a) sloven. *dȓžkati: držáti* ,,halten"; *glêdkati: glédati* ,,schauen"; *stôpkati* ,,leise auftreten": *stópati* ,,treten, schreiten"; *sêdkati: sedéti* ,,sitzen"; *zîbkati* ,,sanft wiegen": *zíbati* ,,wiegen" (cf. *zîbka* als Deminutiv von *zíba* ,,Wiege");

b) serb. *lȇškati: lèžati* ,,liegen"; *gȕrkati: gúrati* ,,stoßen"; *kȕckati: kȕcati* ,,klopfen"; *štȉpkati: štípati* ,,kneifen"; *lòmkati: lòmiti* ,,brechen";

c) bulg. глeдкам: глeдам ,,sehe, schaue"; тропкам: тропам, тропнах ,,klopfe, poche, stampfe"; тръчкам: тръча (тръчах) ,,eile, laufe, stürze"; крѣскам: креща ,,schreie laut, schelte"; мушкам, Aor. мушнах: муша, мушиx ,,steche, stoße"; люшкам: Aor. люшнах ,,schaukele, wiege, schwanke, taumele" u. a. m.

d) russ. поздоровкаться: поздороваться ,,sich begrüßen" (Dal′ 3,595); ныркать: нырять ,,untertauchen, verschwinden" (vgl. zu ныркать auch нырком ,,tauchend").;

e) osorb. *kiwkać, kiwknyć, kiwkować* ,,wackeln, schwanken, kippen": *kiwać, kiwnyć, kiwować* ,,wackeln, bewegen, winken, nicken"; *směwkać so, směwkować so, směwknyć so* ,,hold lächeln": *směwać so, směwować so, smjeć so* ,,lachen" (cf. zu den *-k*-Formen *směwk* ,,Lachen").

In serb. *šakàtati* = *šakama biti*, ,,mit den flachen Händen schlagen": *šákati se* ,,sich mit der flachen Hand packen; rixari palmis"; *skakùtati*, Demin. von *skákati* ,,springen"; *srkùtati: sŕkati* ,,schlürfen"; *puckètati* = *puckati bićem* ,,mit der Peitsche klatschen": *pȕcati* (*pȕckati*) ,,bersten, springen, krachen, klatschen" erscheint *-tati* für *-kati*. Hieran ist wohl das voraufgehende *k* schuld, das dissimilatorisch gewirkt hat.

Daher erinnert der Gegensatz dieser Bildungen zu *čepùkati* (*čépati* ,,umherstapfen"); *kùcukati* (= *kȕckati, kȕcati* ,,klopfen"); *rosúkati* (*ròsiti* ,,betauen") an die von van Wijk Arch. phil. 4, 58, 62 ff. auf-

[1]) Über slav. *domovi, dolovi* (russ. домой, долой) s. jetzt die scharfsinnigen Darlegungen Otrębskis Przyczynki słowiańsko-litewskie 2, 50 ff., die mich jedoch nicht völlig überzeugen.

gehellten baltischen *-st-*, *-št-* Praesentia, die nach ihm an die Stelle von solchen auf *-sk-*, *-šk-* zunächst bei gutturalhaltigen Wurzeln getreten und von da aus weitergewuchert sind (anders freilich jetzt ENDZELIN Mél. Pedersen 428 ff.).

In griech. *ἰωτακίζειν*, *λα(μ)βδακίζειν* (wonach *ῥωτακίζειν*, *μυτακίζειν*) gegenüber *σιγματίζειν* ersetzt umgekehrt *-κίζειν* wegen des voraufgehenden *τ* älteres *-τίζειν* (DEBRUNNER Griech. Wortbildungslehre 138)[1]).

Dagegen ähnelt bis zu einem gewissen Grade dem Typus von serb. *šakàtati* usw. der russ. Bachname *Tetkiš*, falls diesen VASMER SBAW 1935, 551 ff. richtig auf *Ketkiš* zurückführt und mit der tscheremissischen Adlerbezeichnung *kutkəš* identifiziert. Hier hat außerdem noch das die erste Silbe schließende *t* assimilatorische Wirkung auf den Anlaut ausgeübt.

Einer Assimilation (an das *t* der ersten Silbe) verdankt sein Formans wohl auch das serb. *štipùtati* = *štipati* (*štȉpkati*) „kneifen" (s. MARETIĆ Gram. i stil.[2] 347).

3. Ostlit. *peȓlaukei* (Tverečius), preuß. *Perlauken* = lat. *peregre*, čech. *přespolí (přespolní)*, osorb. *přezpolny*.

Mit lat. *peregre* „in der, die, aus der Fremde", das SKUTSCH KlSchr. 169 ff. richtig mit *ager* „Acker, Feld" in Verbindung gebracht hat, und das er seiner hypostatischen Bildung nach würdigt, vergleicht sich semasiologisch und syntaktisch genau das ostlitauische *peȓlaukei* dass. (*laũkas* „Feld") in Tverečius; vgl. *nutekė́jā peȓlaukei*, von OTRĘBSKI durch *wyszła zamąż do sąsiednej wsi* wiedergegeben.

In der Bildung ähnelt *peȓlaukei* sehr dem alit. *pagrašei* „groschenweise" bei Willent und Bretkun (BEZZENBERGER, Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 245, Verf. Baltoslav. 5). Die von OTRĘBSKI Narzecze twereckie 1, 277 aufgezählten Adverbia *paskatikì*, *pakapeikì*, *parublì* „heller-, kopeken-, rubelweise" dagegen sind an *artì*, *tolì*, *ankstì*, *pamažì* (neben *artiẽ*, *toliẽ*, *ankstiẽ* usw.) anzuknüpfen (s. BŪGA Izv. 17, 1, 18, TiŽ. 1, 433, SPECHT Lit. Mundart. 2, 94 ff., IF Anz. 42, 51, SKARDŽIUS Daukšos akcentologija, Kaunas 1935, 135).

Syntaktisch entspricht *peȓlaukei* vor allem dem zwar eine andere, jedoch parallele Adverbialendung aufweisenden *peȓkeliui* „przez drogę" (OTRĘBSKI a. O. 420).

---

[1]) Andere Beispiele für *t—t* zu *t—k* usw. aus verschiedenen idg. Sprachen s. bei VERF. KZ 50, 209 ff., BENVENISTE Orig. de la form. des noms 30.

Wie lat. *peregrinus* zu *peregre*, so verhält sich zu *peřlaukei* das von RYTERIS und SEREISKIS belegte *perlaukiečiai* „Einwohner der Umgegend", wozu noch der preußische Ortsname *Perlauken* (GERULLIS Apreuß. Ortsn. 120, 245) sich gesellt.

Schon W. SCHULZE KlSchr. 203[3] hat weiter auf čech. *přespolí* „Raum hinter dem Felde, Flurscheide", dann „Fremde, Ausland" die Aufmerksamkeit gelenkt, von dem das Adj. *přespolní* „übers Feld, auswärtig, fremd, ausländisch" abgeleitet ist.

Auch im Obersorbischen bedeutet *přezpólny* „weit über die Dorffluren hinaus, fremd, auswärtig": daher *hólcy cuzy z daloka přezpólni* „fremde Burschen, von weit her übers Feld gekommene".

Kiel.

Ernst Fraenkel.

Die slavischen Adjektive *libъ* und *liběvъ*.

In den etymologischen Wörterbüchern von Berneker und Trautmann (S. 716, bezw. 154) wird das ksl. Adjektiv *liběvъ, libivъ, libavъ* ,mager', altčech. *liběvý, libivý, libový* ,ds.', russ. dial. *libívyj, libivój, lebívyj* ,schwach' mit den litauischen Adjektiven *láibas* ,schlank', *líebas* ,mager'[1]) und ags. as. *lēf* ,schwach' verknüpft. Diese Etymologie halte ich für richtig; sie wird um so wahrscheinlicher, wenn wir auch den kürzern, von den beiden Lexikographen übersehenen Stamm **libo-* berücksichtigen, der im Pomoranischen vorliegt (Ramułt, *Słownik jęz. pomorskiego czyli kaszubskiego* 90: *leby* ,delikatny, wątły, wiotki; wybujały, gibki'; *lebœsc* ,wątłość, giętkość, wybujałość, delikatność; Lorentz, *Slovinz. Wtb.* 549 f.: *làbɸ* adv. ,biegsam', *làbɸść* ,Biegsamkeit, Schwäche') und mit lit. *líebas*, ags. as. *lēf* (mit $\bar{e}^2$) identisch sein kann (idg. **lĕ̄ibho-*). Auf pomoranischem Gebiete mußten infolge des Zusammenfalles von slav. *i* und *u* (s. Lorentz, *Gesch. d. pomor. Sprache* 53) slav. **libъ* und **l'ubъ* eine gleiche Aussprache bekommen; Ramułt und Lorentz betrachten offenbar *leby* bezw. *lăbɸ* ,dünn, biegsam, schwach' als identisch mit den gleich lautenden Wörtern für ,lieb, angenehm'; die oben angeführten Adjektive *liběvъ* usw., mit *li-*, nötigen uns aber, zwei Stämme verschiedener Herkunft zu unterscheiden.

Wie sind nun die Stämme auf *-ěvo-, -ivo-, -avo-, -ovo-* aufzufassen? Man wird kaum annehmen dürfen, daß all diese Formen gleich alt sind. Für die Beurteilung dieses Problems sind die ältest überlieferten Formen, die kirchenslavischen, am wichtigsten. Ich führe das mir zugängliche Material an. Nach Miklosich, *Lexicon palaeosl.-gr.-lat.* 336 kommt das Adj. *libavъ, -ivъ, -ěvъ* an einigen Stellen von Gen. XLI vor, wo von den magern Kühen im Traume Pharaos die Rede ist[2]), weiter in der durch „Pat." bezeichneten Paterikhandschrift Nr. XLII aus Wien und in dem Pat. Mih., welche die von Method herrührende

[1]) In der jetzigen Schriftsprache bedeutet nach Niedermann-Senn-Brender II, 2 bezw. 31 *láibas* ,schlank, schmächtig, hager, dünn', auch (von der Stimme) ,fein, zart, hell, hoch', *líebas*' hoch und dünnbeinig' (von einem Pferde).

[2]) Miklosich erwähnt auch eine Stelle Exodus 41,3; anstatt Ex. ist aber Gen. zu lesen.

Übersetzung der Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος enthält[3]; das Zeitwort *liběvati*, bezw. *liběvěti* kennt Miklosich aus dem Pat. Mih. und aus einer Handschrift des Klosters Krka, welche ebenfalls die Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος enthält; die Stelle aus dem Wiener Kodex XLII habe ich nicht aufgesucht; das hätte sehr viel Zeit gekostet, weil Miklosich das Blatt nicht mitteilt, wo das Wort vorliegt; auch ist dieser Text bisher nicht herausgegeben. Diese von Jacimirskij, *Описаніе южнославянскихъ и русскихъ рукописей заграничныхъ библіотекъ* I, 154 ff. beschriebene Handschrift enthält den von Jerjomin untersuchten sogen. Сводный Патерик; derselbe ist uns in sehr vielen Handschriften überliefert, zu der Stelle, wo in Wien XLII *liběvъ* vorliegt, könnte man also eine große Anzahl Varianten sammeln, ich bezweifle jedoch, ob sich dadurch das Bild, welches wir aus Genesis XLI und der Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος gewinnen, wesentlich ändern würde. Nehmen wir zuerst die Ἀ. ἁ. β.! Pat. Mih., Bl. 61, 22—61v., 2 steht das folgende Apophthegma: **Глаше авва данилъ · ꙗко елико тѣло сильно есть · толико дша либава есть · и елико тѣло либѣваеть · толико дша силнѣеть ·.·** — Ich kann dazu die Varianten zweier anderer Codices mitteilen: das Paterikon der Bibl. Nat. in Paris (fonds slave 10) hat das Wort *liběvъ* (*-avъ*) durch *slabъ* ersetzt: **слаба ѥ͡с** bezw. **слабо ѥ͡с** (Bl. 100, 3 f.); die Handschrift des Klosters Krka schreibt an beiden Stellen **либѣвѣеть** (137v., 22, 23). Die Form mit **ѣ** kommt also in den beiden Codices, Mih. und Krka, vor, diejenige mit **а** nur in einer; das legt den Gedanken nahe, daß *liběvъ, -ěvěti* auf den Urtext zurückgehen, was, wie wir unten sehen werden, auch von wissenschaftlichem Standpunkte wahrscheinlich ist; das Zeitwort *liběvati* erklärt sich ganz einfach daraus, daß der mittelbulgarische Schreiber weder *liběvъ* noch das denominative Verbum *liběvěti* aus der Umgangssprache kannte (wohl auch nicht aus der Literatur), während *liběvati* ihm eine begreifliche Bildung schien, indem er es als ein imperfektives Deverbativum zu einem Zeitwort auf *-ěti* auffaßte. Aus der Genesis-Überlieferung ergibt sich wesentlich dasselbe. Aus dem reichhaltigen Material, welches Michajlov in seiner Ausgabe[4]) mitteilt, ergibt sich, daß an allen fünf Stellen, wo das Adjektiv vorliegt (Gen. XLI, 3, 4, 19, 20, 27), die Handschrift Undolskijs, welche der Herausgeber wegen ihres konservativen Charakters als Texthandschrift wählte, *ě*-Vokalismus hat (**либѣвъı, -ъıѧ, -ъıх**), während

[3]) S. meinen Aufsatz *O Pateryku, przełumaczonym przez Metodego*, Prace filol. XVII, 63 ff.

[4]) А. Михайловъ, *Книга Бытія Пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ*. Варшава 1900—1908.

in den Noten Varianten mit *i* mitgeteilt werden (лнбивы usw., sogar любивы), sämtlich aus russischen Handschriften. Die offenbar jüngere Bildung auf *-iv(ъ)* besteht noch in russischen Dialekten (s. o.) [5], und auch die Nebenform mit *l'u-* ist bis jetzt bewahrt geblieben: DAL' verzeichnet II[3], 734 für das Gouvernement Smolensk *любáвый* 'отдѣленный отъ жиру, нежирный, о мясѣ' und das weißrussische Wörterbuch von NOSOVIČ kennt für das Adj. *любóвый* die Bedeutung 'нежирный, говоря о говядинѣ' (S. 275). In diesem Zusammenhang möchte ich noch auf *lubowe* (und *libowe*) *mięso* ‚mięso średniej tłustości' hinweisen, welches nach einer mündlichen Mitteilung an KARŁOWICZ (*Słownik gwar polskich* III, 48) in der polnischen Sprache Litauens (Lida, Wilejka, Nowogródek) vorkommt; der Gedanke kommt auf, ob es nicht ein Weißrussismus ist. Was das von KARŁOWICZ nach Pobłockis Wörterbuch mitgeteilte kaš. *lubawy* ‚chudy' (*mięso lubawe* ‚chude, flakowate') anbetrifft, so ist dieses wohl gerade so wie *lũby* (das. 50) als eine verfehlte orthographische Polonisierung des kašubischen *lebawy* (*leby*) aufzufassen, welches RAMUŁT 90 mit den aus der Bedeutung ‚schwach' entwickelten Bedeutungen ‚powolny, ociężały' verzeichnet (bei LORENTZ das slovinzische Adverb *lå̃bavjä* ‚langsam, träge'). Allerdings wird auch hier fürs Sprachbewußtsein Assoziation mit *leb-* < *l'ub-* stattgefunden haben, dieselbe war aber kaum älter als der lautliche Zusammenfall von *lib-* und *l'ub-*. Auf jeden Fall ist der Vokalismus *l'ub-* dort, wo er bei der Sippe von *libo-* ‚mager' vorkommt, ebensogut als sekundär zu betrachten, wie der Stammesauslaut *-ivo-*, *-avo-*, *-ovo-*; die älteste Form war *liběvъ*.

Diese aus der ksl. Textüberlieferung sich ergebende urslavische Form ist auch von linguistischem Standpunkte als die älteste zu betrachten. Während *-avъ*, *-ivъ*, *-ovъ* sehr häufige und sehr verbreitete Formantia sind (s. VONDRÁK, *Vgl. Gramm.* I[2], 519 ff.; MEILLET, *Etudes* 365 ff., *Le slave commun*[2] 369f.), kommt ein Suffix *-ěvъ* kaum vor; wir könnten also, wenn *libivъ* oder *libavъ* oder *libovъ* die älteste Form wäre, die Form *liběvъ* nicht verstehen: man sieht nicht, nach welcher Analogie sie hätte aufkommen können. Anderseits erklären sich, wenn wir von *liběvъ* ausgehen, die Formen auf *-avъ*, *-ivъ*, *-ovъ* ohne jede Schwierigkeit durch die Annahme, daß das sehr seltene *-ěvъ* durch die häufigern Formantia *-avъ*, *-ivъ*, *-ovъ* ersetzt worden ist. Es fragt sich nun weiter: ist für *liběvъ* eine plausible Deutung möglich? Ich glaube

---

[5]) Gouvern. Olonec (nach KULIKOVSKIJ, zitiert von DAL' II, 647). *Libovatyj* ‚schwach, kränklich' kommt nach DAL' im Gouv. Novgorod vor, mit der Bedeutung ‚nicht schön, unansehnlich' in den Gouv. Pskov und Tver'.

ja. Zu **libъ* ‚dünn, mager, schwach' kann ein Zeitwort *liběti* ‚dünn usw. werden' gebildet worden sein, ebenso wie zu *slabъ, starъ, cělъ* usw. *slabeti, starěti, cěleti* usw. gebildet wurden; diese Zeitwortklasse war ja eine produktive Kategorie. Und dann kann wieder zu **liběti* ein Adj. *liběvъ* gebildet sein, ebenso gut wie etwa zu *veličati veličavъ* und zu *l ubiti chrъsto-l ubivъ* (Euch.) und zu *posobiti posobivъ* (Jo. Ex.) gehoren: besonders mache ich auf *sъnicavъ* ‚περίεργος' (Tim. I, 5, 13) aufmerksam, welches zu *sъnicati* < **sъ-nikē-ti* gehört; dieser *ē*-Infinitiv wird vom Präsens *sъnicą, sъnicisi* vorausgesetzt. Daß *liběvъ* auf eine solche Weise und nicht durch eine andere, uns unbekannte Entwicklung entstanden ist, laßt sich nicht stricte beweisen; auf jeden Fall aber scheint mir die hier gegebene Deutung sehr gut möglich. Es ist klar, daß nach dem Untergang des Adj. **libъ* — welches ja nur in einem kleinen Winkel des slavischen Sprachgebietes bewahrt blieb — das Zeitwort *libeti* ebenfalls leicht schwinden konnte; und dann konnte man zum Adj. *liběvъ* ein neues Denominativum *liběvěti* bilden.

Das Wort *libevъ* bezw. seine durch Umbildung entstandenen Nebenformen sind in vielen slavischen Sprachen bis auf heute bewahrt geblieben, hauptsächlich in der Bedeutung ‚fleischig, ohne Fett'; s. Berneker I, 716. Auf bulgarischem Boden ist es offenbar nicht nachgewiesen worden. Weil es nun im Kirchenslavischen ein seltenes, auf einige Texte beschränktes Wort ist, — weil einer dieser Texte, die *Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος*, auch sonst Pannonomoravismen enthält (s. *Prace filolog.* XVII, 68 f.), — weil im Altčechischen *liběvý (-ivý, -ový)* ‚mager' ein ziemlich häufiges Wort ist, das oft, wie in den ksl. Belegen, vom menschlichen und tierischen Korper gebraucht wird (s. Gebauer, *Slovník staročeský* II, 248), möchte ich ksl. *liběvъ* für einen Pannonomoravismus halten. Wenn das richtig ist, so würde dieses Wort eine gewisse Bedeutung haben für die Geschichte der Bibelübersetzung; denn es kommt in einem solchen Teile der Genesis-Übersetzung vor, der nicht in den Parimijnik aufgenommen war, dessen Heimat und Entstehungszeit also nicht feststehen. Wenn auch in diesen Teilen von Genesis Pannonomoravismen vorkommen, so legen dieselben den Gedanken an einen ähnlichen Methodianischen Text, wie Jevsejev für das Buch Daniel angenommen hat, nahe. Diese Frage, auf welche ich jetzt nicht eingehe, verdient eine erneute Untersuchung.[6]).

Es gibt ein ziemlich seltenes mährisches Wort, welches sowohl

---

[6]) Literatur über den Gegenstand führe ich in meiner *Geschichte d. aksl. Spr.* I, 8 an.

lautlich wie semantisch an *liběvъ* (*-avъ*) usw. erinnert, und zwar *lebavý*. In der Zeitschrift *Naše Řeč* XV, 206 f.; XVI, 62 f. ist einiges über dieses Adjektiv zu finden. An der zuerst genannten Stelle beantwortet die Redaktion eine Frage von V. TILLE mit einem Hinweis auf DOBROVSKÝ, JUNGMANN, KOTT und BARTOŠ, an der zweiten wird neues, von Lesern der Zeitschrift mitgeteiltes Material angeführt. Für *lebavý* werden folgende Bedeutungen angegeben: ‚kahl' (*lebavá hlava*); ‚abgetragen, schäbig, fadenscheinig, verschossen'; ‚dünnhaarig; der seine Farbe verloren hat' (von Hunden und Katern); ‚wenig gefüllt' (von Blumen; vgl. auch *łebavina* ‚Brachfeld, wo hie und da ein Strauch wächst'); ‚nicht gut ‚minderwertig' (vom Getreide); ‚klein, schwach, verkümmert' (von einem Knaben). Wenn man diese Bedeutungen liest, könnte die Vermutung aufkommen, daß *lebavý* einfach eine verstümmelte Form von *libavý* sei, welches wir oben als Nebenform von ksl. *liběvъ* usw. anführten. Solche Verstümmelungen sind ja bei Wörtern mit einem starken Gefühlston nichts seltenes; sie werden durch Assoziationen hervorgerufen, die dem Sprachforscher oft entgehen; das ist ja auch der Fall bei dem mährischen *vylefaný*, einer Nebenform von *vylebaný* ‚abgetragen, schäbig, verschossen'. Die Bedeutungen würden sich sämtlich aus ‚mager, dünn' erklären lassen; bei ‚klein, verkümmert' und ‚dünnhaarig', ‚wenig gefüllt', ‚nicht gut' (vom Getreide) ist das ohne Weiteres klar, und zu ‚kahl' und ‚abgetragen, verschossen' bildet ‚dünnhaarig' eine Brücke. Trotzdem wäre diese Deutung nicht richtig; gegen sie spricht das harte *ł*, welches BARTOŠ, *Dial. slovník moravský* 178 f. für ostmähr. *łebavý*, *łebovatý* ‚kahl'; ‚dünn' (vom Getreide; ‚jsou v něm holá místa'); ‚verschossen', *łebavět* ‚die Haare verlieren, kahl werden; verschießen', *łebavina* ‚Krankheit der Schafe, durch welche die Wolle dünner wird; Brachfeld, wo hie und da ein Strauch wächst' angibt. Das *ł* dieser Wörter nötigt uns, dieselben zu č. *leb* ‚Schädel' zu stellen, wozu auch valach. *łebaňa* ‚großer Kopf' (bei BARTOŠ) und die *NŘ*. XVI, 62 angeführten spöttischen Bezeichnungen des Kopfes *leben* und *lebeňa* (auch bei BARTOŠ) gehören. Nun fehlt aber bei BARTOŠ die Bedeutung ‚klein, schwach, verkümmert' (von einem Knaben), wozu noch das *NŘ*. XVI, 62 verzeichnete Substantiv *lebáň*, eine wohl etwas geringschätzige Bezeichnung eines unerwachsenen Jünglings, gehört; vgl. auch slk. *lebina*, ein Schimpfwort für ein Kind bis ans zehnte Jahr, bei KÁLAL, *Slovenský slovník* 301. Obgleich ich nicht leugne, daß die Bedeutung ‚klein, schwach' aus ‚kahl' erklärt werden kann, halte ich es für sehr gut möglich, daß in *lebavý* ‚klein, schwach, verkümmert' eine Umbildung von *libavý* vorliegt. Aus dem Material

in *NŘ*. ergibt sich nicht, ob das *l* hart oder weich ist. Sollte es hart sein, so möchte ich eine Art Kontamination von *lebavý* ‚kahl' (‚dünnhaarig, verschossen') und *libavý* ‚mager, schwach' annehmen, wobei die Bedeutung des zweiten Wortes auf die Form mit *le-* übergegangen wäre oder, was auf dasselbe hinauskommt, *lebavý* durch *libavý* semasiologisch beeinflußt wäre. *Lebavý* ‚schwach, klein' wird dann bei *lebáň* ‚Kahlkopf' die zweite Bedeutung ‚kleiner Junge' hervorgerufen haben, und auch slk. *lebina* wurde wohl durch ein Adj. *lebavý* (*-ivý*?) ‚dünn, schwach, klein' hervorgerufen oder beeinflußt.

Leiden. *N. van Wijk.*

La traduction vieux-slave de l'évangile de Marc, ch. XIII, v. 19.

Le Codex Marianus nous présente la version suivante de Marc XIII, 19: бѫдѫтъ бо дъне ти скръбьни. ѣко не бъıстъ такова отъ начѧла зъданию. Le sens de ces mots n'est pas tout à fait clair. On cherche en vain, dans la première partie de la phrase, le substantif auquel le pronom такова se rapporte. Dans le Zographensis, on trouve тако au lieu de такова: бѫдѫтъ бо дьнье ти скръбьни. ѣко не бъıстъ тако отъ начѧла зъданию. Ceci se comprend beaucoup mieux; pourtant le Zographensis ne nous a pas conservé une version plus ancienne que celle du Marianus, car le texte grec a *τοιαύτη*. Il faut supposer que le copiste qui a écrit le Zographensis, ou un de ses prédécesseurs, a éprouvé vis-à-vis du texte slave la même gêne qu'éprouve le lecteur moderne, et qu'il a essayé de le corriger, en remplaçant такова par тако. Le Nikoljski, qui, en général, a un caractère archaïque, s'accorde avec le Marianus: боудоуть бо ти дьние скрьбни, ѣкоже не бысть такова wть начела зданию; il ne semble donc pas douteux que le pronom такова remonte à la période la plus ancienne du tétraévangile slave.

Pour bien comprendre la version qui nous a été transmise par le Marianus et le Nikolskij, il faut que nous consultions le texte grec. Le voici: *ἔσονται γὰρ αἱ ἡμέραι ἐκεῖναι θλῖψις, οἵα οὐ γέγονε τοιαύτη ἀπ' ἀρχῆς κτίσεως*. En comparant les deux textes, on comprend tout de suite que le pronom такова renvoie à un substantif, sans doute скръбь, par lequel les premiers traducteurs ont rendu *θλῖψις*, et qui, un peu après, fut remplacé par l'adjectif скръбьни. Cette substitution n'a rien de surprenant, car, en effet, au point de vue de la syntaxe, on s'attendrait plutôt à un adjectif qu'à un substantif. Ce qui est plus étonnant, c'est que, par une certaine négligence, on a laissé intact le mot такова, qui fut recopié par quelques générations de copistes, et qui nous donne la clef pour la reconstruction de la traduction primitive. Il y a, d'ailleurs, un manuscrit serbe qui a conservé la version ancienne; c'est le fameux manuscrit de Hval, qui, en général, a un caractère très archaïque; or

au lieu de скрьбьни, on trouve ici les mots скрьбь велиѣ; voir Daničić, *Starine* III, p. 86, et Voskresenskij, Евангелiе отъ Марка (Серг. Посадъ 1894), p. 336. Je ne sais pas si l'adjectif велиѣ remonte aussi à l'époque de Cyrille et de Méthode, mais, sans aucun doute, le substantif скрьбь se trouvait déjà dans la traduction de ceux-ci[1]). Je ne comprends pas pourquoi le professeur Vajs n'a pas profité du manuscrit de Hval pour la reconstruction de Marc XIII, 19 (*Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze*, Prague 1927, p. 105; *Evangelium sv. Marka, text rekonstruovaný*, Prague 1935, p. 59), tandis que dans le verset 20 du même chapitre il a emprunté à ce même manuscrit les formes тѣхъ et ты, qui ne se trouvent dans aucun des manuscrits vieux-bulgares.

On pourrait encore se poser la question de savoir si la forme ѣко, qui correspond dans notre texte au pronom grec *οἵα*, remonte à la traduction de Cyrille et de Méthode. Ne s'attendrait-on pas plutôt à ѣка? Comp. ака dans le manuscrit Б[4] de Voskresenskij et ꙗкова dans le groupe Г. Toutefois, comme tous les manuscrits de la catégorie Ꙗ s'accordent à écrire ѣко, ꙗко, la conjecture ѣка ne me paraît pas plausible.

N. van Wijk.

---

[1]) Le groupe Б de Voskresenskij a le mot печаль (Б5 п. велика), dû à un remaniement d'après un texte grec. Le groupe Г présente une version remarquable: ...скорбь · ꙗкова не бы(с) . такова...

Една любопитна глаголна форма въ българския езикъ.

(Свищовското *ети* »ѥстъ«)

Интересната новобългарска говорна форма *ети,* която преди години се е употрѣбявала въ Свищовския говоръ вмѣсто или покрай общобългарската глаголна форма *е,* привлѣче въ послѣдното десетилѣтие вниманието на нѣколцина наши и чужди учени. Прѣвъ съобщи за нея проф. Л. Милетичъ въ съчинението си »Членътъ въ българския и руския езикъ« СбНУ. XVIII, 62, но нейниятъ произходъ му бѣ тогава неясенъ. Едва въ своето издание »Свищовски дамаскинъ. Новобългарски паметникъ отъ XVIII вѣкъ« (Бълг. старини кн. VII. София 1923 г., издава Бълг. акад. на наукитѣ), уважаваниятъ нашъ ученъ се спира отново на формата *ети* и, като отхвърля всѣко прямо развитие на *ети* отъ старобълг. **ѥстъ**, предлага следното тълкуване: свищовската форма *ети* се е развила чрезъ контаминация отъ общобълг. форма *е* и една предполагаема форма *ести.* Тази предполагаема форма *ести,* споредъ нашия ученъ, крие въ себе си старобълг. **ѥстъ**. което, употрѣбявано покрай *е* само въ емфатиченъ говоръ, подъ логическо ударение, е получило въ последствие показателната частичка *е,* та се е явилъ гласежъ *есте,* който ще даде естествено въ Свищовския говоръ *ести.* За да допустне по-раншно сѫществуване на една форма *ести,* проф. Милетичъ намира основание въ две нѣща: първо, че въ сърбохърватски имаме подобна форма *jécте* [1]), покрай *jест, jе* и второ, »че *ети* е въ генетична връзка съ старобълг. форма **ѥстъ**«[2]). Но самиятъ създатель на тая остроумна хипотеза е намиралъ своето тълкуване за не съвсемъ убедително, та завършва тъй: »може би ще се намѣри и друго по-обосновано тълкуване на тая всѣкакъ твърде характеристична за свищовския говоръ форма« (стр. 41).

[1]) Въ случая би могло да се излѣзе и отъ ром. *este* »*е*«, чиято заемка въ придунавския Свищовски говоръ не е невъзможна.

[2]) Сѫщото се подържа и въ „Една българска Александрия отъ 1810 год." Бълг. старини, кн. XIII (1936), 37.

Предложеното отъ проф. Милетичъ тълкуване на свищов. *ети* намѣри първия си противникъ въ лицето на проф. Ст. Младеновъ. Последниятъ, въ своята рецензия върху Свищовския дамаскинъ, печатана въ сп. Slavia IV (1925) 138—142, противно на проф. Милетичъ, който отхвърля всѣко прямо развитие на *ети* отъ **ѥстъ**, защото нему бѣше необяснимо »изчезването на *с* отъ инакъ търпимата въ цѣлия български езикъ съгласна група *ст*«, изхожда сѫщо тъй отъ предполагаемата форма *ести* и обяснява изчезването на *с* по този начинъ: »А въ сѫщность цѣлата история съ изчезването на *с* въ неударената сричка изглежда да има прекрасна успоредица въ рус. *нѣтъ* срещу *естъ, есть!* И въ руската форма *нѣтъ* имаме, значи, »изчезване на *с* отъ инакъ търпимата съгласна група *ст*«. И ако въ руски — продължава проф. Младеновъ —, дето все още има следи отъ *естъ*[1]), е могло да изчезне *с* въ *нѣтъ*, то колко повече е могло да стане това въ български, дето речи нѣма вече ни следа отъ пълната глаголна форма *естъ*!«[2]) (стр. 140). Този опитъ за обяснение на формата *ети* отъ страна на проф. Младеновъ трѣбва да се смѣта като крайно несполучливъ, защото днесъ никой не мисли да извежда рус. *нѣтъ* прямо отъ едно по-старо **нѣстъ** следъ редукция на съгласната *с*, както това е сторилъ нашиятъ ученъ, а се приема, че рус. *нѣтъ*, въ съгласие съ старобългарски и нѣкои днешни български говори[3]), се е явило отъ старинската форма **нѣ**, къмъ която по-късно се е прибавила частичката *-ту*, дало общорус. *нѣту*, а въ последствие — *нѣтъ*[4]).

Ив. Лековъ пъкъ, вземайки поводъ отъ дадената отъ самия проф. Милетичъ възможность за друго обяснение, предложи въ статийката си »Българското диал. *ети* »**ѥстъ**« (Бълг. прегледъ II (1933), 1, 116—7) свое тълкуване на нашата форма. Споредъ Лекова »формата *ети* ще да е, може би, съединение въ обърнатъ редъ на dativus ethicus encl. за 2. л. отъ личното мѣстоимение и глагола *съмъ* въ 3. л. ед. ч. сег. вр. — *ти е*« (стр.

---

[1]) Още *ѣсть*.

[2]) Формата **ѥстъ** обаче е запазена въ Костурско, Корчанско и Дебърско; срв. дори Н. Геровъ, Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. ч. II, 12.

[3]) Срв. Vondrák, Altkirchenslavische Gr.[2] 490; Цоневъ, История I, 206; St. Mladenov, Geschichte d. bul. Spr. 256; N. van Wijk, Geschichte d. altkirchensl. Spr. I, 214; Л. Милетичъ, Нови влахобълг. грамоти СбНУ. XIII, 3—153; Miletič, Das Ostbulgarische, 79, 162; M. Małecki, Dwie gwary macedońskie, 1—88 (passim); Тракийски сборникъ V_2 18, 19, 22, 26; $ib._1$, 19.

[4]) Vondrák, Vergl. sl. Gr.[2] II, 114.

116). Успоредни явления за своето тълкуване той намира въ старочес. *jesti* < *jest-ti*; *sút* < *sút-ti*, новочес. *nať* < *na-ti*, *toliť*, *naliť*, а възможно и въ старосръбски (15—17 в.)[1]): *imat*, *vržet*, за които не се съгласява съ други учени, че *t* въ случая идва отъ частичката *ti*, респ. *te* (стр. 116-7). Лековъ споменува и за кайкавската сърбохърватска форма *neti*, »която доста подхожда за сравнение съ свищовското *ети*«, но той не може да се застжпи »за еднаквия произходъ на тия две форми, понеже въ словенски и кайкавски сжществуватъ още съединения като *kajti*, *kakti* и др., до като въ Свищовския говоръ *ти* се срѣща единствено при 3. л. ед. ч. на спомагателния глаголъ *съмъ*« (стр. 117). И за Лекова не може да сжществува връзка между рус. *нѣтъ* < **нѣстъ** и едно предполагаемо развитие **ѥстъ** > **ѥти** > *ети* въ български езикъ.

За да свърже нашата форма съ съответнитѣ старочески, респ. срѣдносръбски, а да отрече всѣкаква връзка съ кайкавското *neti*, Лековъ е мислилъ навѣрно ,че нашето говорно *нети*, редуващо се съ *нето*, *нити*, *нито*, е съчетание отъ отрицателната частичка *не* и личното мѣстоимение *ти*. Отъ друга страна и изтъкнатиятъ отъ него на особено примѣръ: *каквóто éти пúсано* 183 (298), даденъ въ тази непълна форма (срв. Свищ. дам., стр. 43), доста подмамва да си го мислимъ, че идва отъ едно: *каквото ти е писано* следъ метатеза на *ти е* въ *е ти*. А точно въ трудността на подобна метатеза въ български лежи и неубедителността на предложеното отъ Лекова тълкуване. Защото, като изключимъ единствения случай съ метатеза на мѣстоимението *ти*, който намираме въ Свищовския дамаскинъ: *да ти бáде каквото си искалъ*; *ако ли ма не вúдишъ, да не баде ти* 304 (638), несравнено по-чести сж: *мъскъ́та, дéто ти нѣ é съгрѣшúла?* 85 (33), *защó тї é мóйто úме, то е чю́дно* 203 (351), *а азь ви щь кáза* 200 (344), *че без мýжеска пóхоть са сте родúле?* 109 (115), *които са сте днес' събрáли* 173 (275). Действително, ние имаме днесъ говорно, ако и рѣдко, случаи като: *да не е ти казвали нещо!* и подобни, които идватъ отъ изрази като: *да не си ми продумал!* — но, както се вижда, това е възможно само въ отречени изрази, а ще видимъ по-долу, че нашата форма *ети* избѣгва именно отрицание.

Тази статийка на Ив. Лековъ биде рецензирана отъ Д. К р ъ н ж а л а (D. Crânjală) въ яшкото списание Arĥiva XL (1933), 3—4, 188-9. Рецензентътъ, като нарича опита на Леко-

[1]) По-право срѣдносръбски.

ва за тълкуване на формата *ети* »добре построена хипотеза« (frumos ipoteza), прави отъ своя страна сѫщо така опитъ за ново тълкуване. Той предлага въ случая да се изхожда отъ широкораспространения въ емфатично говорене изразъ **ето ти**, като мисли, че формата *ети* се е явила, следъ като »станала редукция (хаплология) на показателното мѣстоимение **то** (отъ **ето**) подъ измамното впечатление, какво то [**то**] се било повтаряло въ **ти**« (s'a făcut reducerea (haplologie) demonstrativului **то** (din **ето**) sub impresia falșă că el s'ar repeta in **ти**?). Затова Д. Крънжала е наклоненъ да вѣрва, какво **ети** е смѣсена форма — книжовна (Eu inclin să cred că **ети** e o formă hibridă — intelectuală). — Не може да се отрече, че предложеното тълкуване е доста остроумно, но неговиятъ авторъ не е държалъ ни най-малко смѣтка за случаитѣ, при които срѣщаме формата *ети* вм. *е*. Дори и да знаеше, че днесъ говорно се срѣща: *éти éти ти éто ти рáбота!*, то този изразъ по смисълъ не отговаря никакъ на: *(това) é рáбота*, нито *ети* е равно на *е*.

Несъгласенъ съ тълкуванията на проф. Милетичъ и на Ив. Лековъ, К. Мирчевъ подхваща сѫщия въпросъ въ статията си »За нѣкои отъ формитѣ на новобългарския помощенъ глаголъ »съмъ«(Годишникъ на Софийския университетъ. XXXII. 7. 2—17). Мирчевъ съ право смѣта, »че е изобщо излишно да се предполага, че въ Свищовския говор е сѫществувала форма *ести*, която чрезъ контаминация съ *е* би дала поводъ да възникне *ети*, тъй като последното се поражда по напълно самостоятеленъ пѫть« (стр. 8), ако и да имаме костурската форма *ести* или дебърската *естит*, които сѫ се явили, въ пълно съгласие съ съответнитѣ говорни тенденции, отъ старобълг. **ѥстъ**, запазено днесъ пакъ въ Костурско (Шапкаревъ IV, 315, А. Кузовъ, Костурскиятъ говоръ. Известия на слав. семинаръ. IV, 115), и общото окончание на глаголитѣ отъ *е*- и *и*-спрежение за 3. л. ед. ч. сег. вр. —*и*, респ. -*ит*. Този »самостоятеленъ пѫть« — споредъ Мирева — »е композиция отъ послешни самостоятелни частици *е* -*ти* (стр. 8), затова той не може да се съгласи съ Ив. Лековъ, че въ втората часть на *ети* имаме етиченъ дателенъ. Мирчевъ мисли, че въ редуването на частицата -*то* (*нито, нето*) съ частицата -*ти* (*нити, нети*) могълъ да види »най-силно доказателство въ подкрепа на твърдението, че последната не е нѣкаква дателна форма, а е отъ типа на обикновенитѣ енклитични частици, тъй като при образуването на горнитѣ отрицателни форми сѫ действували

еднакви психоложки подбуди. Въ случая нѣма никаква прѣчка тя да се постави въ свръзка съ старобълг. **ти** »*καί*« (стр. 9). Тази своя мисъль той подкрепя съ примѣри изъ Свищовския дамаскинъ, въ нѣкои отъ които *нети* действително отговоря на *и не*, но отъ това не следва, че се доказва: щомъ *нети* е равно въ нѣкои случаи на *и не*, то eo ipso *ети* е равно винаги на *и е*, за което напраздно ще търси примѣри изъ цѣлия дамаскинъ.

Следъ този прегледъ на досегашнитѣ опити да се разтълкува произхода на свищовската форма *ети*, азъ смѣтамъ, преди да дамъ своето тълкуване, за нуждно да изтъкна нѣколко обстоятелства, при наличностьта на които тя само може да се яви.

Първиятъ фактъ, който трѣбва да отбележа, и който се изтъкна още на времето отъ проф. Милетичъ, е, че формата *ети* носи винаги ударение. При преглеждане на Свищов. дамаскинъ се оказа, че отъ всички 147 случая, гдето се явява *ети* вм. *е*, само въ петь случая нашата форма стои безъ ударение: *кькь ети слънцето свѣт'ливо* 77 (7); *щото́ ети в'пльтúла бога сло́ва* 181 (294); *амú що́ ети то́зы пра́здник' наш?* 197 (333); *де́ту дне́сь ѧти* 268 (529); *де́то ѧти на небеса* ib. Вижда се, че отъ приведенитѣ примѣри само първиятъ и последниятъ се явяватъ »неоправдано« съ *ети* безъ ударение, защото при другитѣ три *ети* логически не може да се яви подъ ударение. А само тѣзи два случая, за които е сигурно, че сѫ пропуски, не сѫ въ състояние да отрекатъ задължителностьта на изтъкнатия фактъ. Вториятъ фактъ, който е доста характеристиченъ, и на който най-много се гради нашето тълкуване, е, че формата *ети* не търпи отрицание: *сега́ нѣ е време́* 95 (63); *то́й нѣ е христїе́нинъ* 104 (99); *ко́йто нѣ е досто́йнь* 116 (133); *нї е́ мно́гу нѣщо* 129 (170); *да нѣ е́ простéнь* 143 (208); *оти нї е възможно* 165 (257). Това проличава особено ясно въ онѣзи сложни изречения, гдето въ предходното изречение имаме спомагателенъ глаголъ, и той се отрича, а въ второто изречение, което се противопоставя на първото (adversia), спомагателниятъ глаголъ не се отрича: *тугúзи му ре́чи: от пѣрвата жена́ царева де́то е́ти че́дуто нї е от царатокь, амú е́ти от похоте́нїе* 156 (240); *о́ти нѣ е́ ра́бота и ско́посъ за то́зи свѣтъ, амú за чловѣческото спасе́нїе та́йнство е́ти* 173 (275); *на ту́й да не е́ богъ крúвъ, защо́ на добро́ богъ е́ти де́то го да́ва* 175 (279), а особено: *нїе́ на́ши, амú е́ти на преблáгаго бога* 162 (251). И тукъ се натъкваме на изключения, но отъ всичкитѣ надъ сто случая, гдето спомагат. глаголъ *е* се отрича, само въ два намираме *не ети: защо́ ни е́ти за скрѣбь де́нь,*

ами́ по-много за ра́дость и весе́лїе 197 (334); *дѐто не ѫти нишьщо* 267 (528). Тѣзи два случая, обаче, могатъ да търпятъ и друго обяснение. При първия примѣръ може да имаме случайно сближаване съ изрази като: *да я благодари́м', ко́лкото нї е́ти си́лата* 182 (295), а при втория азъ смѣтамъ, че преписвачътъ се е подвелъ по двetѣ непосрѣдствено предхождащи изречения: *не́ ли́ ѫти душа́та ви по-мно́го от ястиѫто, не ли е́ти снагата ви по-мно́го от о́рехите ви?*, та е схваналъ *не* отъ *не ли* (нали) като отрицание. Третото, което ще трѣбва сѫщо така да се изтъкне, е, че отъ нѣколкото десетки примѣра, гдето имаме минало неопредѣлено време, само въ шесть формата *ети* се явява вм. *е*: *чи е́ти побѣгнала* 158 (244); *щото́ ети в'пльти́ла* 181 (294); *ка́кь е́ти ста́нало ту́й* 182 (295); *дѐто е́ти напа́днало на на́съ* 258 (501); *който е́ти па́даль* 232 (434); *и как' е́ти куртули́саль* 258 (501), а седмиятъ е особено поучителенъ, тъй като тукъ *ети* не замѣства *е*, а се явява покрай него: *дѐто сь й е́ти от не́я без' сѣме роди́ль* 191 (318). Причината за това явяване на два спомагателни глагола въ едно и сѫщо изречение лежи въ редукцията на гласната *е* въ *и* (*й*), което *й* е схванато като съставка на *сь*, та повторно се е почувствувала нужда отъ спомаг. глаг. форма. Този примѣръ е поучителенъ за насъ отъ две страни: формата *ети* е новообразувание; по времето, когато е преписванъ Свищовскиятъ дамаскинъ, нейната употрѣба е започнала да се разширява, и това разширение е почнало отъ минало неопредѣлено време, подпомогнато въ случая отъ описателната страдателна форма.

Изтъкнатитѣ три обстоятелства, при които се явява свищовското *ети*, ни насочватъ да търсимъ за неговото обяснение такава форма, която да стои винаги подъ ударение и да се явява като отречена форма на положителната *ети*. Като такава форма азъ считамъ съюза *нети*, който, редувайки се съ *нити*, се срѣща много често въ Свищов. дамаскинъ.

По-горе, като разглеждахъ статията на К. Мирчевъ, азъ казахъ, че има случаи, когато *нети* (*нити*) замѣства *и не*. Съ такова значение намираме *нети* въ: *та че́ ако́ вѣровашь, нить́і* [*и не*] *ка́жешь, че живо́тать чловѣческїы ны е́ в' повеле́нїе божїе, ты нѣ си́ христїа́нка* 122 (151); *оти їо́ще не́маши до тогис' коливо́, ала́ нити́* [*а и не*] *гу помену́ваха* 134 (187); *попи́та богъ и Ева, ала́ нети́ тїѧ* [и *тя не*] *ре́чи, че й сългрѣши́ла, ами́ ме́тна кри́вдата на змїа́та* 174 (277). Въ Свищов. дамаскинъ, обаче, намираме и случаи, когато *нети* = *не*: *ала́ нети́ па́кь* [*ала пакъ не*]

ищеши да ни убичашь ты нас 229 (525); *оти единъ пьт' се причеща-ваме та че нети* [*не*] *тугис е чисто* 269 (534), или — *и ради туй нети* [*не*] *нія можемъ отговори за туй място* 305 (641). Отъ друга страна знаемъ, че въ нашия езикъ има случаи, когато спомаг. глаголна форма *е* се изпуска покрай съюза *нети*: *нети да спиш, нети да седиш!* Това сжщото намираме и въ нашия дамаскинъ: *ала нити чловѣкь нити бѣсь щото е най-зло* 122 (151); *а духъ светы нетіи рожденъ, нетіи нерожденъ* 81 (21). При втория примѣръ не бива непремѣнно да считаме, че *нетіи* отразява точно източнобълг. изговоръ на *нети е*, защото на друго мѣсто въ дамаскина имаме писане *нетый*, безъ да може и въ случая да се мисли за присжтствие на глагол. форма *е*: *не можимь нетый да са покаймь нетый да постимь нетый да стори(мь) бдѣніе* 267 (527). Тукъ ще трѣбва да допустнемъ, че имаме работа и съ начинъ на писане, при все че азъ смѣтамъ, какво въ Свищовския говоръ именно тази редукция на *е* въ *и* покрай *нети*, а следъ това стѣгане на двете *и*, ще да е увеличило значително броя на случаитѣ съ *нети* вм. *нети е*. А че въ нѣкои изрази *нети* се е схващало като форма съ глаголенъ оттенъкъ, за това ни говорятъ следнитѣ примѣри: *едно ети, оти има едни чловѣци, дето неты ученіе неты слово божіе неты друго нѣщо* [*искатъ, щатъ*] *да чюять, ами туко намислѣть доброто* 191 (319); *третіото съставленіе человѣческо ети, когы нѣкой человѣкь неты* [*не ще*] *от другигу или да чюй или да стори каквоту множина и до днешны день* 192 (323). Като вземемъ сега подъ внимание онѣзи случаи, гдето *нети* отговаряше на *не*, то *нети* отъ примѣра: *нети да спиш, нети да седиш!* е могло да бжде схванато и като: *не е да спиш, не е да седиш!*, както и може още да се изрази, тъй като двата израза по смисълъ се посрѣщатъ.

Въ Свищовския дамаскинъ има явни следи отъ днешния говоренъ гласежъ на отрицателната частичка *не* при особени случаи като *н'а*, който гласежъ ни е познатъ именно отъ североизточнитѣ наши говори[1]), къмъ които спада и Свищовскиятъ говоръ: *ала нѣ чи нема по шороки рѣчи* 81 (23); *и нѣ туко толкозы, ами и от кое плѣме е была Анна* 121 (147); *А премудрость. Каже нѣ долня и щото са потѣпкува, ами одушевленна* 125 (159—160); *а пустыня Египеть казувам нѣ от чловѣцити, от благодать божіа*

[1]) Изговоръ *н'а* намираме още въ: Бургаско, Пирдопско, Солунско, Сѣрско, Ксантийско, Гюмурджинско, Кешанско, Малгарско, Бунархисарско и Визенско.

87 (40); *да лï е престáналъ потóпътъ или нѣ* 102 (95); *време́ за причещéнïе éти, а тý нѣ трь'жество* 269 (533). Явно е, че въ последнитѣ четири примѣра *нѣ* отговаря на старобълг. **нѣ(стъ)**, запазено презъ цѣлото историческо развитие на нашия езикъ. Днесъ то се изразява съ *не е*, който начинъ намираме сѫщо така и въ нашия дамаскинъ: *алá нѣ е божïа волѧ* 85 (35); *мъскъ́та дéто ти нѣ é съгрѣшúла?* 85 (33); *кóйто нѣ е достóйнь* 116 (133) и даже редуцирано: *óнзы ны é Христовь* ib. Ето сега, между това говорно *нѣ* (= не е) и *нети* (= не е) се създава отношение: *както на отречената форма нѣ* (изговаряна *н'à* и *нè*) *отговаря положителната е, така се е създала положителна форма ети, която да отговаря на отречената нети, тъй като за говорителя отрицанието при нѣ се е изразявало съ съгласната н*. Това развитие е било възможно главно въ конструкции като днешната: *не е за . . ., а е за . . .*, по която въ Свищовския говоръ се създава: *нети за . . ., а ети за . . .*, като въ последствие *нети* отъ първото предложение [*нети за . . . .*], подъ влияние на успоредно употрѣбяваното *не е за . . .*, отстѫпя на *не е*; въ такъвъ моментъ ще да се е намиралъ нашиятъ говоръ, когато е преписванъ Свищовскиятъ дамаскинъ.

Най-подиръ ще трѣбва да се обясни, защо двѣтѣ форми *нетú* и *éти* не се посрѣщатъ по мѣсто на ударението. Две възможности се предлагатъ: ударението въ *нети* да е вторично, както е въ *отú* 173 (276), *векы́* 207 (363), *пачé* 215 (388), което е трудно да се приеме, защо формата *нетú* ,колкото се отнася до мѣстото на ударението, е издържана въ цѣлия дамаскинъ; ударението въ *éти* да е вторично, за въ полза на което говорятъ примѣритѣ: *когú етú стодéно* 188 (312); *такъвзий чловѣкъ етú* 258 (502) и *дéто ѧтú рáботъ по-почетéна* 267 (528), премѣстило се отъ гласната *и* върху гласната *е* подъ влияние на онѣзи случаи, гдето успоредната и по-честа глаголна форма *е* е стояла подъ логическо ударение; последното ми се вижда сигурно.

София *Цв. Тодоровъ*

Das unbetonte ukrainische *e* kein selbständiges Phonem?

In seinem Versuch der Charakteristik der Laute der ukrainischen Schriftsprache (Sproba zvukovoji charakterystyky l'iteraturnoji ukrajinśkoji movy, „Naukovi zapysky charkivśkoji Naukovo-dosl'idčoji katedry movoznavstva", Nr. 2, 1919) versucht Prof. Syńavśkyj „das ganze System der Phoneme der ukrainischen Schriftsprache zu geben", wobei er die Anzahl der ukrainischen Phoneme auf 102 (90 konsonantische und 12 vokalische) berechnet (S. 27). Er stützt sich hiebei auf seine Aussprache, die er als die ostukrainische Realisation der ukrainischen Phoneme bezeichnet (S. 5: er betrachtet sich nämlich als einen typischen Repräsentanten der neuukrainischen Mundarten — aus Taurien gebürtig, lebte er 18 Jahre in Zaporožža und über 15 Jahre in Charkiv).

Auf die Arbeit Syńavśkyjs erschien eine sehr gründliche und genaue Rezension in der Form eines besondern Artikels der bekannten ukrainischen Kyjiwer Linguistin, Fr. Olena Kurylo u. d. T. „Zum Begriff des Phonems" (Do pońatt'a »fonema«, „Zbirnyk sekciji hramatyky ukrajinśkoji movy", vydanńa Naukovo-dosl'idčoho instytutu movoznavstva pry Vseukrajinśkij Akademiji Nauk, kn. I, Kyjiv, 1930 — erschienen, wie es auf der S. 2 des Titelblattes heißt, im Jahre 1932, S. 217—234). Die Verfasserin beweist, daß Syńavśkyj sich nicht genau vorstellt, was ein Phonem sei; er vermenge oft den Begriff „Phonem" mit „Laut"; phonetische Lautpositionen verwechsle er auch mit selbständigen Phonemen — infolge dessen wurden unter seine Phoneme viele ukrainische Laute aufgenommen, die im Ukrainischen nicht als selbständige Phoneme gelten können, vgl. „weiche" Labiale, z. B. *ćvach* Nagel, *śvit* Welt, *b'uro* Bureau — „weich" infolge ihrer Position; ebenso Gutturale S. 27, z. B., Fremdwörter *ќure*, *H'ugo*, nebenbei bemerkt — Laute, die ein Ukrainer unmöglich realisieren kann; Doppellaute, wo dieselben im Bewußtsein eines Ukrainers als verdoppelte, nicht als lange Laute auftreten — z. B. *viddaty*, oder in zwei verschiedenen Wörtern, Aus- und Anlaut, z. B. *jak kozak*, *čornym morem* — wie sie Syńavśkyj, sich auf seine Aussprache stützend,

charakterisiert (vgl. S. 20, 27). KURYLO setzt daher die Anzahl der ukrainischen Phoneme auf 55 herab, darunter 11 vokalische und 44 konsonantische (S. 229—230).

Den Gedankengang der ganzen Analyse KURYLOS wollen wir hier weiter nicht verfolgen. Wir beschränken uns nur auf ein Problem, das beide ukrainischen Linguisten entwickeln, nämlich, ob das unbetonte *e* und *y* im Ukrainischen besondere Phoneme sind oder nicht, weil SYNAVŚKYJ, was das *e* anbelangt, schwankt, KURYLO aber dem unbetonten *e* die Bedeutung eines besonderen Phonems überhaupt abspricht (S. 229).

SYNAVŚKYJ behauptet (wörtliche Übersetzung, § 5, S. 11): „Ein sehr schwankender (chystkyj) Laut ist das unbetonte *y*, es kann daher nur bedingungsweise Phonem genannt werden, denn es ist tatsächlich nur eine Schattierung (vidtynok) bald des Phonems *ý* (betontes *ý*), bald des Phonems *é*, also ein Mittelding zwischen diesen letzten Lauten, bald dem einen von ihnen, bald dem anderen näher.“

„Was das besondere Phonem *e* (das unbetonte *e*) betrifft, so kann hier dasselbe behauptet werden, was über *y* gesagt wurde, wiewohl eigentlich das unbetonte *e* ein noch weniger selbständiger Laut ist, als das unbetonte *y*. Wenn man überhaupt sagen dürfte, daß das unbetonte *e* und das unbetonte orthographische (warum gerade das orthographische?) *y* sich einander nähern, daß dieselben schon keine selbständigen Phoneme sind, und nur Schattierungen des betonten *e* und des betonten *y* — so werden diese Schattierungen öfters sich dem betonten *y*, als dem betonten *e* nähern“ (S. 11—12, § 6). Und weiter geht schon die Besprechung der Realisation (Aussprache) der unbetonten *e* und *y* im Ukrainischen, wobei SYNAVŚKYJ denjenigen Typus als eine Norm dieser Realisation anerkennt, der sich bei Ševčenko abspiegelt, und zwar: vor einer Silbe mit dem betonten *é* werden die unbetonten *e* und *y* auf dieselbe Weise (odnakovo), nah dem geschlossenen *e* (*ẹ*), ausgesprochen, also wie ein e^y; vor einer Silbe mit betontem *ý* auch auf dieselbe Weise, und zwar nahe dem betonten *ý*, also als y^e: *be*^{y}*ré* ‚er nimmt‘, *ple*^{y}*té* ‚er flicht‘ . . ., *by*^{e}*rý* ‚nimm‘, *ply*^{e}*tý* ‚flicht‘; im offenen Auslaute werden in gewissen grammatischen Kategorien, unter dem Einflusse der Endungen mit betonten *ý* und *é*, die unbetonten *y* und *e* auch wie ye und e^y ausgesprochen, z. B. *hóry*^{e} ‚Berge‘, *do chály*^{e} ‚ins Haus‘ — Beispiele für e^y fehlen — vergl. *knyžký* ‚Bücher‘, *do vodý* ‚ins Wasser‘: in anderen Positionen nähert sich das unbetonte *e* dem unbetonten *y* und wird wie ye ausgesprochen.“ (S. 12, § 6)

In den letzten Zeilen sieht man schon SYNAVŚKYJS persönliche

Auffassung eines Phonems, welches er hier mit seiner Realisation, mit der Aussprache verwechselt, wobei er verschiedene Positionen dieser Phoneme berücksichtigt, d. h., das phonetische Element hervorhebt und es mit dem phonologischen vermengt. Und trotzdem kann man aus den angeführten Worten nicht genau entnehmen, ob Synjavškyj das unbetonte *e* und *y* als selbständige Phoneme betrachtet (vgl. noch die äußerst ungeschickte Stilisierung: ,,wenn man überhaupt sagen dürfte..., wenn dieselben keine selbständige Phoneme sind usw.), wiewohl beim Aufzählen der vokalischen Phoneme auf S. 24 diese Laute (das unbet. *e* und *y*) doch als selbständige Phoneme auftreten, ebenso wie auf Seite 22. Die Unklarheit ist nur die Folge von Synjavškyjs Charakteristik dieser Phoneme, der Verwechslung von ,,Phonem" mit ,,Laut", der Existenz eines Phonems in unserem Bewußtsein und der Realisation desselben...

Dies hat auch Kurylo ganz richtig hervorgehoben. Aus dem von Synjavškyj Gesagten gehe hervor, ,,im Schriftukrainischen bestehe überhaupt kein vollkommenes System der Phoneme: es bestünden Phoneme und Zwischenelemente zwischen denselben, welche keinem bestimmten Phonem angehörten und sich bald einem, bald wieder einem anderen mehr näherten..."; eine solche Auffassung ,,vernichte den ganzen Wert des Bestandes der Phoneme in einer gegebenen Sprache als System und im Zusammenhange damit den wissenschaftlichen Wert eines Phonems"; eine ,,solche Auffassung des Phonems sei rein persönlich", ,,die Nicht-Differenzierung des Begriffes ,Laut' und ,Phonem' führte dazu, daß die vorbetonten Laute in den Worten *pleté, pletý* — nicht Laute eines Phonems sind, sondern eine im ersten Worte dem betonten *é*, im zweiten dem *ý* nähere Variante." (S. 225.)

So weit ist alles verständlich, und wir sind mit Kurylo einig. Weiter aber verfällt sie selbst in den Fehler Synjavškyjs. Wir wollen auf die verschiedenen Definitionen des Phonem-Begriffs überhaupt nicht eingehen; wir können uns mit der Definition Kurylos hier begnügen. Sie versteht nämlich darunter ,,den kleinsten (najkorotšyj) Sprachausschnitt (vidtynok movy), der sozial differenziert wird (socijal'no rozrizńuvanyj), den Lauttypus, der im Kollektivbewußtsein der Mitglieder einer gewissen Sprachgruppe existiert, der fähig ist, die Bedeutung der Wörter zu differenzieren" (S. 229); sie stellt also für das Wesen eines Phonems zwei Bedingungen auf: *a*) das Bewußtsein, daß ein gewisses Phonem bei jemandem existiert, ungeachtet dessen, wie es von ihm realisiert wird; *b*) die Fähigkeit, zur Unterscheidung der Bedeutung von

Wörtern zu dienen. Indessen sehen wir, daß Kurylo, was das unbetonte *e* und *y* betrifft, diese Position verläßt. „Bei der Bestimmung eines Phonems“, lesen wir bei ihr, „als einer Erscheinung des sozialen Lebens, muß man von den Tatsachen im Sprachkollektivum ausgehen. Wo das unbetonte *e* und *y* durch einen Laut reflektiert werden (ich verstehe darunter: realisiert werden), welcher je nach der phonetischen Umgebung und bei einzelnen Individuen anders sein kann, ohne eine Differenzierung in die Bedeutung der Wörter zu bringen, dort sind sie in einem Phonem vereinigt (objednani), in éin Phonem zusammengeflossen. Der gegenwärtigen ukrainischen Schriftsprache liegen diejenigen ukrainischen Mundarten zu Grunde, bei denen die unbetonten etymologischen *e* und *y* in éinen Lauttypus zusammenflossen, in ein *y* — es ist éin Phonem, das eine weite lautliche Charakteristik hat, vom engen *e* bis zum nicht breiten *y*“ (S. 225). Es sind also beide unbetonten Laute einmal gesonderte Phoneme, wenn sie in die Bedeutung der Wörter eine Differenzierung bringen, das andere Mal — nicht, wenn sie je nach ihrer phonetischen Umgebung in ihrer Realisation bei den einzelnen Sprechenden zusammenfallen können. Es liegt auf der Hand, daß die Bestimmung Kurylos hier ganz persönlich ist und gar nicht phonologisch, denn wenn ein Lauttypus als Phonem gilt, so bleibt er ein Phonem immer, ungeachtet der phonetischen Umgebung, wie wir es bei Kurylo bei den „weichen“ Labialen (S. 223) sahen, die im Ukrainischen keine selbständigen Phoneme sind, ungeachtet ihres Vorkommens in der Realisation. Es ist eigentümlich, das unbetonte *y* hat bei Kurylo die Bedeutung eines selbständigen Phonems (S. 229), was das unbetonte *e* anlangt, so heißt es, daß „das Schriftukrainische es als ein besonderes Phonem nicht kennt“ (S. 230). Kurylo berechnet die Anzahl der ukrainischen vokalischen Phoneme auf 11: *a, á; o, ó; u, ú; y, ý; i, í; é*. Derselbe methodologische Fehler, wie bei Synavškyj: die phonetische Umgebung, die Realisation des unbetonten *e* war die Grundlage dafür, das unbetonte *e* nicht als selbständiges Phonem anzuerkennen.

Betrachten wir die Tatsachen der ukrainischen Schriftsprache, ob das unbetonte *e* fähig ist, eine Differenzierung in die Bedeutung des Wortes zu bringen, und ob es in unserem Sprachbewußtsein als ein besonderer Lauttypus auftritt.

1. Das unbetonte *e* vor einer betonten Silbe:

mené mich; *myné* (perf.) er meidet, geht vorbei [vgl. *i mené ne myné* bei Ševčenko: auch mich lässt er (der Tod) nicht außer acht]

hrebý scharre (Imper. v. *hrebtý*);	*hrybý* Pilze (Nom. plur. v. *hryb*)
klený verfluche (Imper. v. *kl'astý*); Ahorne (Nom. plur.)	*klyný* Keile (Nom. plur. v. *klyn*)
melý sie fegten (v. *mestý*); mahle (Imper. v. *molóty*)	*mylý* seife ein (Imper. v. *mylýty*)
velý sie führten (*vestý*)	*vylý* sie wanden (*výty*)
plelý sie flochten (*plestý*)	*plylý* sie schwammen (*plystý*)
krešý schlage Funken heraus (Imper. v. *kresáty*)	*kryšý* zerbröckle (Imper. v. *kryšýty*)
ležý liege (Imper. v. *ležáty*)	*lyžý* lecke (Imper. v. *lyzáty*)
slezýty weinen	*slyzýty* sickern
selýty ansiedeln	*sylýty* fädeln
vysel'áty zur Auswanderung zwingen	*vysyl'áty* ausfädeln usw.

2. Das unbetonte *e* nach einer betonten Silbe:

a) allgemeine Beispiele:

bráte o Bruder! (Voc. sg. v. *brat*)	*bráty* nehmen (Infinitiv)
póle Feld (Nom. sg.)	*póly* Schöße (Nom. plur. v. *polá*)
hóre Elend (Nom. sg.)	*hóry* Berge (Nom. plur. v. *horá*)
dóle o Schicksal! (Voc. sg. v. *dól'a*)	*dóly* Täler (Nom. plur. v. *dil*)
nedúhe (z. B. sérce) krankes (Herz)	*nedúhy* Krankheiten (Nom. plur. v. *nedúha*)
hrúbe (z. B. dérevo) dicker (Baum)	*hrúby* Öfen (Nom. plur. v. *hrúba*)
kóse (z. B. óko) schielendes (Auge)	*kósy* Zöpfe; Sensen (Nom. plur. v. *kosá*)
mýle (z. B. lýčko) liebes (Gesicht)	*mýly* sie wuschen (Praeter. 3. Pers. pl. v. *mýty*)
zjíde er fährt herunter (3. Pers. sg. *zjíchaty*)	*zjídy* Überbleibsel vom Viehfutter (Nom. plur.)
nájde[1]) er findet (*najtý*)	*nájdy* Findlinge (Nom. plur. v. *nájda*)
nájme[1]) er dingt (*nańáty*)	*nájmy* Dienststellen (Plur. tant.)
prýjme[1]) er empfängt (*pryńáty*)	*prýjmy* Adoption (Plur. tantum)

---

[1]) Diese Formen kommen auch oft oxytoniert vor: *najdé, najmé, pryjmé* — was auch für das Bewußtsein der Sprechenden von großer Wichtigkeit ist: in diesem Falle gilt bestimmt das *e* als ein Phonem; sollte es, wenn das *e* nicht betont ist, kein Phonem mehr sein?

výmely sie fegten aus (*výmesty*)	*výmyly* sie scheuerten (*výmyty*)
výselyty zur Emigration zwingen	*výsylyty* ausfädeln usw.

b) Beispiele mit einer syntaktischen oder morphologischen Funktion:

Voc. sg. *kvíte* (Blume!)	Nom. plur. *kvíty* (kvit)
„ „ *suśíde* (Nachbar!)	„ „ *suśídy* (suśíd)
„ „ *lycemíre* (Heuchler!)	„ „ *lycemíry* (lycemír)
„ „ *rumúne* (Rumäne!)	„ „ *rumúny* (rumún)
„ „ *naróde* (o Volk!)	„ „ *naródy* (nárid)... usw.

Verba mit *-nu-* Suffix:

3. Pers. sg. praes.: *kýsne*	Imperat. 2. Pers. sg.: *kýsny* gähren (*kýsnuty*)
kópne	„ *kópny* mit dem Fuß stoßen (*kópnuty*)
pýsne	„ *pýsny* mucksen (*pýsnuty*)
mókne	„ *mókny* feucht werden, der Nässe ausgetzt werden (*móknuty*)
sóchne	„ *sóchny* trocknen (*sóchnuty*) usw.

Part. praet. pass. neutr.: *býte*	Infin.: *býty* schlagen
čúte	„ *čúty* hören
zabúte	„ *zabúty* vergessen
šýte	„ *šýty* nähen
žáte	„ *žáty* mähen
dérte	„ *dérty* zupfen[2])

Nirgends empfinden wir hier eine Dephonologisation, die Differenz zwischen dem unbetonten *e* und *y* in diesen Funktionen ist in unserem Bewußtsein wach[1]). Dasselbe gilt für

vonó várte es ist wert, neben *voný várty* sie sind wert (Überbleibsel der nominalen Adjektivform.)

*

[1]) Auch mundartlich wird die Differenzierung der Funktion in solchen westukrainischen Formen empfunden:
Neutr.: *na póle* ins Feld (acc. sg.) — *na póly* im Felde (loc. sg.),
na mísce auf die Stelle (acc. sg.) — *na míscy* auf der Stelle...
in der Schriftsprache: *na póli, na mísći.*
Femin.: *néne* o Mütterchen (voc. sg.) — *nény* (dat. sing.),
dóle Schicksal (voc. sg.) — *dóly* (dat. sing.) — in der Schriftsprache: *néńi, dóli*...

Daraus folgt klar: das unbetonte *e* ist im Ukrainischen, in der ukrainischen Schriftsprache, ein besonderes Phonem, ohne Rücksicht darauf, daß es vielfach nah dem unbetonten *y* realisiert wird. In den Behauptungen Kurylos liegt eben der Fehler darin, daß sie hier das Phonem mit dem realisierten Laut — verwechselt. Sonst ist es unverständlich, warum sie das unbetonte *e* aus dem System der ukrainischen Phoneme ausschaltet, das unbetonte *o* aber z. B. als besonderes selbständiges Phonem beläßt, wiewohl es oft, je nach der phonetischen Umgebung, nahe dem *u* realisiert wird und in manchen Formen vollständig mit *u* zusammenfiel, vgl. *daróvanyj*, aber *daruváty*, *daruváv* (schenken), neben — *sýluvaty*, *sýluvanyj* (zwingen), vgl. *párubok* (Junge, Bauernsohn), neben *robóta* (Arbeit), *jábluko* (Apfel), *jábluńa* (Apfelbaum), in den westuhr. Dialekten — *jábloko*, *jáblońa*?

Das Kriterium ist doch dasselbe! Unsere Erwägungen führen zu einem klaren Schluß: das unbetonte *e* ist ein besonderes Phonem, wie sonst jeder unbetonte Vokal im Ukrainischen.

Řevnice bei Prag, 23. I, 1933. *Vasyľ Simovyč.*

Из диалектологических наблюдений.

Предлагаемые наблюдения касаются соотношений, имеющихся в некоторых говорах русского языка, между характером произношения в этих говорах отдельных фонационных единств (слогов и слоговых комплексов) и фонетическими изменениями. Рассматриваемые явления до сих пор еще недостаточно изучены, и потому наблюдения имеют некоторое значение не только для фонетики русского языка, но и для общей фонетики.

Наблюдения производились автором летом текущего года во время диалектологической экспедиции, организованной Московской Диалектографической Комиссией [1]. Местом обследования экспедиции было село Ванилово Московской области, отличавшееся в прежнее время, сравнительно с окружающими селениями, бо́льшей консервативностью своего языка.[2] Вместе с Ваниловым был обследован также и язык некоторых окружающих его селений (Левычено, Соболево, Губино).

Обследованная местность расположена в северо-восточной части б. Бронницкого уезда. Население местности в прежнее время, помимо сельского хозяйства, занималось кустарным промыслом-ткачеством; в настоящее время большинство населения, не оставляя также и сельского хозяйства, работает на имеющейся в Ванилове ткацкой фабрике; наиболее передовая часть населения организована в колхозы.

Для лингвистических наблюдений обследованная местность интересна тем, что в ней можно наблюдать сплетения разных языковых систем: с одной стороны, сама местность лежит в черте так называемых средне-великорусских говоров, т. е. говоров, соединяющих в себе черты северно-великорусской и южно-велико-

---

[1]) «Московская Диалектографическая Комиссия» представляет переименование прежней Московской Диалектологической Комиссии. — Пользуюсь случаем выразить свою признательность руководителю Комиссии и начальнику экспедиции проф. Н. М. Каринскому, а также ученому секретарю Комиссии и секретарю экспедиции Е. А. Комшиловой.

[2]) *Н. М. Каринский*, «О говорах восточной половины Бронницкого уезда», ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 1, стр. 368.

русской языковых систем; с другой стороны, уже в нескольких верстах к северу от данной местности начинаются сплошные северно-великорусские говоры. К этому еще присоединяется то влияние городского языка, какое было и раньше в местностях, расположенных сравнительно недалеко от крупных городских центров, и которое в настоящее время усилилось повсеместно в деревнях Союза в связи с индустриализацией сельского хозяйства.

Вследствие такого языкового разнообразия особенности отдельных языковых систем выступают при наблюдении явственнее, так как, наблюдая, можно непосредственно сравнивать разные системы, а не только улавливать особенности какой-либо одной, как это бывает при наблюдении однородной системы.

Уже первые дни наблюдений показали, что в языке населения данной местности можно различать четыре говора. По акустическому восприятию общего склада речи каждого из них и их фонетическим особенностям говоры эти получили при первоначальных наблюдениях технические обозначения: 1. окающий «слоговой» говор, 2. акающий «слоговой», 3. окающий «звуковой» и 4. акающий «фразный». Как технические термины эти обозначения остаются и здесь [1]).

I.

По отношению к основным чертам вокализма и консонантизма русских говоров вообще указанные говоры имеют такие особенности:

окающий «слоговой» говор —

редуцированных звуков на месте неударяемых гласных в системе говора нет, но в отдельных положениях (см. ниже) они встречаются;

---

[1]) Так как характер наблюдений зависит, помимо прочего, также и от метода их, и недостатки последнего сказываются на первых, то для возможности объективного суждения о собранном мною материале не лишними будут, как мне кажется, некоторые замечания относительно отдельных приемов моих наблюдений: первое время я не выбирала объектов для наблюдений, но усиленно прислушивалась к речи разных групп населения, и только тогда, когда ухо, освоившись, стало ясно воспринимать, помимо общего склада речи, также и различные оттенки произношения, и уже наметились указанные группы говоров, я остановилась на отдельных лицах, выбирая тех из них, в речи которых отдельные особенности были более четко выражены; запись я обыкновенно производила или тогда, когда была сторонним наблюдателем беседы, или тогда, когда собеседник, говоря со мной, увлекался и начинал рассказывать сам.

неударяемое *о* не совпало с *а*; слухом оно воспринимается как более четкое *о* московского говора, при желании воспроизвести его более точно приходится несколько напрягать губы, можно поэтому думать, что при образовании его губы принимают несколько более деятельное участие, нежели при образовании *о* в московском говоре; во 2-м предударном слоге вместо такого *о* часто встречается или закрытое *о* (*о*ᵘ) или *u*: guvor′ú, goᵘr′uný, vutpuskú (= в отпуску), tuporam′i, uzorn′ík и т. п.; иногда в этом же слоге вместо *о* (или *о*ᵘ, *u*) встречается редуцированный звук (ъ), при чем в большинстве примеров, записанных с этим звуком, следующий слог начинается с сонорного звука: pъłučat′, gъłovám′i, pъm′inútno, tъrgovát′[1]) и т. п.;

ударяемое и неударяемое *а* после мягких согласных произносится обычно как более среднее *а* (*а*), но иногда на месте его встречается и *е*: pl′em′én′ica, sv′ešén′ik, m′ís′ec (и у того же лица: m′ís′äc);

ударяемое *е* (= прежним *е*, *ѣ*, *ь*) перед следующим мягким слогом произносится более закрыто (*е*ⁱ), часто даже как *i*: na mist′e, gor′il′i, vr′im′a, и у того же лица: gor′eⁱl′i, vr′eⁱm′a; перед следующим твердым такое *е* произносится или как в литературном языке, т. е. как *о*, или как *е*: nevdom′ék, *icię*;

неударяемое *е* (= *е*, *ѣ*, *ь*), если произносится как *е*, то воспринимается как ударяемое *е* московского говора в словах, неимеющих логического ударения, но в 1-м предударном слоге на месте такого *е* часто встречается *о*: *iovó*, počomú, а иногда и *а*: n′aznáiu, d′ałóf-to; во 2-м предударном слоге на месте неударяемого *е* встречается *е* более закрытое, а иногда и *i*: nu, b*i*st′eb′á d′eło obo*i*d′oca, и у того же лица: potom i b′*e*spám′at′i;

из особенностей консонантизма: взрывное *g* (но hospot′ и пр.); твердое *t* в окончании 3 л. глаголов; у лиц старшего возраста часто *с* вместо *č* или звук средний между ними; у них же, а также у лиц среднего возраста довольно часто несколько свистящее («дзекающее») произношение мягких *d* и *t*.

акающий «слоговой» говор —

как и предыдущий говор, не имеет в своей системе редуцированных звуков на месте неударяемых гласных, но во 2-м предударном слоге эти звуки встречаются, при чем, как и в первом

[1]) Слово tъrgovat′ встречалось часто и именно с редуцированным звуком; раздел между первым и вторым слогами приходится здесь между *r* и *g*.

говоре, они обычнее в тех случаях, где следующий слог начинается с сонорного; встречается в этом же слоге и *и* на месте *о*: mugaryč, ubyčáịu и т. п.; вообще же неударные *а* и *о* совпали в звуке *а*;

неударяемое и ударяемое *а* после мягких согласных произносится обыкновенно как среднее *а*, но в отдельных словах на месте такого *а*, как и в первом говоре, встречается и *е*: razv′ežu, pl′em′en′ík;

ударяемое *е* (= прежним *е*, *ѣ*, *ь*) произносится обычно как *е* перед следующим мягким слогом; перед следующим твердым слогом оно произносится или как *о* или как *е*: idzét; обычно *е* (не *о*) в слове ịeịé;

неударяемое *е* (= *е*, *ѣ*, *ь*) произносится, как и в первом говоре, различно, в зависимости от положения слога; во 2-м предударном оно произносится более закрыто, иногда как *i*; в 1-м предударном на месте его встречается часто *о*: sama tr′oťá, f s′or′ótkax (= в средине), но встречается также и *а*; особенно часто встречается *а* в словах, часто употребляемых в речи: ịaịbógu (и у того же лица ịäịbogu), tap′er′, rab′áta (ru′ab′áta), r′ab′ónok;

особенности консонантизма те же, что и в первом говоре, но у лиц старшего возраста встречается, кроме того, шепелеватое произношение *с* и *з*, *ш* и *ж*; свистящее произношение мягких *d* и *t* в этом говоре распространено больше, нежели в первом;

акающий «звуковой» говор —

редуцированные звуки на месте неударяемых гласных встречаются довольно часто; чаще всего они встречаются во 2-м предударном слоге, реже в других слогах;

неударяемые *а* и *о* совпали или в звуке *а* или в редуцированном звуке (ъ), при чем последний не зависит (как, напр., при известных типах аканья) от качества последующего слога;

ударяемое *а* после мягких согласных произносится обычно как среднее *а*; так же произносится и такое же неударяемое *а*, но иногда на месте этого последнего встречается *е*: gl′ed′ím, ugr′ez′i;

ударяемое *е* (= прежним *е*, *ѣ*, *ь*) всегда произносится как *е*; в произношении неударяемого *е* имеется разнообразие не только в языке отдельных лиц, но и в языке одного и того же лица: m′äšk′i и у него же: m′ešk′i; у другого: m′ešk′i и m′išk′i; особенно разнообразно произношение слов, часто встречающихся в речи: č′ivo, č′evo, č′avo; t′ip′er′, t′ep′er′, t′ap′er′ и т. п.;

из особенностей консонантизма: взрывное *g*; твердое *t* в окончании 3 л. глаголов; смешения *č* и *c* нет; нет и шепелеватых звуков;

акающий «фразный» говор —

редуцированные звуки на месте неударяемых гласных представляют общее явление; встречаются они во всех слогах, в том числе и в первом предударном;

неударные *a* и *o* совпали или в звуке *a* или в редуцированном звуке, при чем последний, встречаясь как общее правило во 2-м предударном слоге и в заударных слогах, встречается также в зависимости от значения слова во фразе и в 1-м предударном слоге;

ударяемое и неударяемое *a* после мягких согласных произносится или как *a*, или как *e*, или как *i*: gl'än'ka, gl'ed'i, gl'ižu;

ударяемое *e* (= прежним *e*, *ѣ*, *ь*) всегда произносится как *e*; неударяемое *e* обычно произносится как *i*;

особенности консонантизма те же, что и в предыдущем говоре.

2.

При наблюдении над общим складом речи каждого из рассматриваемых говоров слухом улавливаются явственнее всего различия в произношении слогов, общей интонации речи и ее ритме [1]).

Первые два говора (окающий «слоговой» и акающий «слоговой») отличаются выделением в речи слогов. Слоги в обоих говорах произносятся очень отчетливо, особенно отчетливо произносится первый предударный слог. Этот же слог выделяется, по сравнению с другими слогами, и своею долготою. Начальные слоги речи произносятся иногда с бо́льшей силой. В конце речи, особенно при кратком диалоге, гласный звук конечного слога иногда удлиняется. Различие между высокими и низкими звуками не очень большое, но оно ясно слышится, так как более высокие звуки произносятся и более длинно. Итонация в целом

---

[1]) В сущности понятие «интонация речи» должно заключать в себе помимо движений силы, продолжительности и высоты звуков, также и повторяемость (чередование) каких-то фонационных элементов речи, т. е. то, что́ определяет ритм, но при наблюдениях ритм у меня выделился и именно тем, что при сравнении одна речь воспринималась как ритмичная, а драгая как неритмичная.

представляет не скользящую линию, а ломаную. При нескольких фразах, сказанных подряд, или при рассказывании легко улавливается ритм речи: речь кажется «мерной», при чем периоды ритма небольшие; при отдельных ответах, кратких диалогах речь кажется отрывистой, а иногда даже «рубленой».

Местными жителями общий склад речи обоих говоров характеризуется как речь «крепкая, резкая». Один из местных жителей, сравнивая прежнюю речь с современной, замечает: «раньше *чище* говорили», и на вопрос, остались ли еще говорящие по старинному, отвечает: «остались еще, которые так *крепко* уж выговаривают».[1])

Эти общие акустические впечатления получают при дальнейшем вслушивании в отдельные особенности речи каждого из говоров и свое объяснение и свои поправки. Так, более внимательное вслушивание показывает, что та отчетливость речи обоих говоров, которая первоначально воспринимается как «слоговая», относится не столько к отдельным слогам, сколько к слоговым комплексам, объединенным предударным или ударным слогом слова (или слова с его прислонками, или группой отдельных слов, объединенных общим звучением фразы [2]). Именно, ударный слог слова объединяется со своим последующим слогом, а предударный со своим предыдущим (т. е. со 2-м предударным), и разделы слогов, находящихся внутри этих комплексов, меньше разделов слогов, объединяющих комплексы. Раздел, воспринимаемый как самый большой, приходится между ударным и предударным слогами. Следовательно, в слове типа ubraḃátyvať имеется как бы три степени разделов между слогами: ub-$_{3}$ra-$_{1}$ḃa-$_{3}$ty-$_{2}$vať [3]), вследствие чего слово получается как бы состоящее из трех комплексов: ubra-ḃáty-vať. Эти различия в разделах, между прочим, очень заметны при сравнении слогов, имеющих в разных положениях соседние гласные. Так, напр., в poi̯éd′em poi̯é ясно воспринимается как два слога — po-i̯e, а в poi̯ed′ím poi̯e можно принять и за один слог с более длинной второй частью.

[1]) Между прочим, возраст лиц, на которых указал в данном случае говорящий, и которые все оказались представителями акающего «слогового» говора, простирался от 74 до 103 лет.

[2]) Эти группы отдельных слов не следует отожествлять с речевыми тактами, хотя они и могут совпадать с этими последними. Речевой такт может и не иметь смыслового значения (см. Sievers, Grundzüge[5], § 620 и сл.), указанные же группы всегда имеют смысловое значение, т. е. всегда объединяют слова.

[3]) 1 обозначает самый заметный раздел, а 3 — самый слабый.

Соответственно с ударными и предударными слогами получаются комплексы и в других типах слов: xo-lódna, tabu-nóm, ro-bóta-ła.

В двусложных словах различия в разделах можно уловить, сравнивая произношение слов с разным ударением: nogá, но nógu. В первом слове раздел между слогами будет значительно больше.

Самое произношение отдельных слогов в отношении силы, длительности и высоты также неодинаково. Предударный слог выделяется среди других слогов своей силой и длительностью. Следующим за ним по силе идет ударный. Более слабыми являются 2-й предударный и заударный.

Неодинаковы и самые различия в силе между слогами: между предударным и ударным меньше различия в силе, чем между, допустим, ударным и 2-м предударным или заударным.

По длительности ударный слог по сравнению с предударным кажется более коротким, если, конечно, не принимать во внимание тех случаев, где имеется удлинение ударного слога вследствие особой интонации фразы. В каком-нибудь dal'ooko! ударный слог растягивается благодаря интонации фразы, но как общее правило ударный слог по сравнению с предударным воспринимается как более короткий. Даже в таких словах, как v'ezłá, где ударный слог отличается бо́льшей сонорностью сравнительно с предударным, даже и в этих случаях предударный слог воспринимается как более длительный.

Возможно, что в действительности предударный слог и не длиннее ударного, но воспринимается как более длительный благодаря высоте и особому движению своего тона. Именно, по высоте предударный слог выше ударного, и самое движение его тона является восходящим, а ударный слог — ниже по высоте, и движение тона нисходящее. Вот эти различия в высоте тона и характере его движения и создают быть может впечатление большей длительности предударного слога.

Вообще же предударный слог настолько выделяется в слове, что при первых наблюдениях, когда ухо еще недостаточно освоилось, этот слог принимался иногда как слог, носящий ударение слова: xorošá voda было воспринято как xoróša voda с побочным ударением на последнем слоге.

Различие между слогами особенно заметно при сравнении слогов разных по положению, но одинаковых по составу звуков

или одинаково имеющих в своем составе сонорный *r* или *l*. В каком-нибудь Sałamónof (род. притягательный от *Соломон*) *a* первого слога значительно короче *a* второго слога, равно как *o* последнего слога короче *o* предпоследнего; очень явственно было также различие в слогах *ła* и *ło* в словах močáła и mołokó сказанных вместе в одной фразе: слог *ła* был явственно короче слога *ło*.

Для других слогов — 3-х предударных, 2-х и 3-х заударных, не удалось более или менее ясно установить характер их произношения: таких слов встречалось немного, и им не было уделено своевременно достаточного внимания. В имеющихся примерах единообразия нет. В таких словах, как robótała, rozrúšeno, последние слоги были произнесены с бо́льшей силой, нежели предшествующие им слоги *še* и *ta*; сильнее своего предшествующего и последний слог в слове ná połden′, но в слове, напр., kumand′iróvočny, последний слог, который является, как и в первых примерах, 2-м заударным, был произнесен с меньшей силой, чем предшествующий ему слог *vo*. В слове výgor′eło наиболее сильным слогом после ударного является слог *ło*, а наиболее заметный раздел между слогами приходится между *go* и *re*.

Возможно, что эти различия в силе конечных заударных слогов следует объяснить неодинаковой морфологической значимостью отдельных окончаний: окончание прошедшего времени быть может более значимо, чем окончание прилагательных. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют сделать каких-либо выводов относительно характера произношения конечных 2-х и 3-х заударных слогов.

Для 3-х предударных слогов имеются такие примеры, как ubyknov′éno, ubrazováť, kumand′iróvočny, zaguvor′iłáś. В них 3-й предударный сходится по своему произношению с обычным в этих говорах произношением 2-го предударного. Следует только заметить, что предударный слог в этих случаях был произнесен еще с бо́льшей силой, нежели обыкновенно, особенно он сильно выделялся в двух последних словах: раздел между предударным и ударным слогами воспринимался почти как небольшая пауза: kumand′ī|róvočny.

В словах, имеющих ударение на начальном слоге слова, ударение этого слога по сравнению с ударением ударяемого неначального слога других слов кажется более сильным. Возможно, что это различие относительное: нет более сильного слога (преду-

дарного), и потому ударный слог выделяется больше. Но возможно, что это ударение произносится, действительно, с большей силой, чем ударение неначального слога. Движение тона в этом ударении воспринимается как одинаковое с ударением не на начальном слоге, т. е. как нисходящее.

Следовательно, движение тона в словах с ударением на начальном слоге является нисходящим, что́ схематически можно представить так: vódy, а в словах с ударением не на начальном слоге это движение будет восходяще — нисходящее: vodý.

Общий же рисунок интонации отдельных слов в рассматриваемых говорах можно было бы схематически представит так:

do-l′éi̯ | do-l′éi̯ || č′ái̯n′ik sxo-d′i do-l′éi̯;
vo-da xo-łódna || tol′ko o-na ne-fkusna || a tak | xoro-šá vo-da;
ne-bóznat′ ka-k′ii̯e ka-ne pa-tyščy ru-bl′ei̯:
on Jaška pa-i̯éxał | pa-i̯éxał | a tot f kaba-cok′ | a-łošat′ uve-l′é (= увели) || fs′e-vo vot-što.

В третьем говоре (акающий «звуковой» говор) нет такого выделения слогов, как в первых двух говорах. В нем больше заметно выделение отдельных звуков, сосредоточивающих в себе интонацию слов и предложений. Интонация, как целое, представляется скользящей волнистой линией. Вариаций в повышении и понижении отдельных звуков больше, чем в первых говорах. Ритм речи отчетливо не улавливается (точнее, *я* его не улавливала). При рассказывании он скорее «чувствуется», чем слышится, и размеры его непостоянны, но сама речь кажется несколько напевной.

Наблюдение над выделяемыми звуками показывает, что звуки выделяются вследствие того, что произносятся по сравнению с другими звуками более растянуто и с различными модуляциями в отношении высоты. По отношению к ударению слова в них устойчивости нет: выделяются гласные или ударяемого слога или предударного или заударного: dv′ẽst′e, pãžyt′, čáinãi̯? Выделение того или другого звука встречается не в каждом слове, и первоначально кажется даже хаотичным, произвольным. Более тщательный анализ показывает, что звуки выделяются в словах, имеющих в речи логическое ударение, следовательно, выделение звуков имеет чисто смысловое значение — выделить то или другое слово в речи:

tam v′ãzka | azd′es′a xorãšo;
tãm fspåxal′i;
d′ẽš-ty byłá eta vr′em′a?
a tõt matrõs | zdv′enacaъtaъva goda ievõ ne było;
i bỹl′i nãgraždeny fs′e naši iedak′i || ĩm′el′i my dvacať p′ať łъšad′ei;
i xarãšo byl′i nagražony pr′emn′ãm′i (= премиями; последние две фразы принадлежат одному лицу).

Различие в интонации между данным говором и двумя предыдущими сказывается и в интонации часто употребляемого отдельными представителями каждого из говоров выражении *ato*, означающем утвердительный ответ в форме вопросе (означает приблизительно *а то разве нет*?). В первых двух говорах интонация этого выражения постоянна и представляет типичную интонацию предударного и ударного слогов: ato. В рассматриваемом говоре интонация этого выражения непостоянна и разнообразна: ãto, atõ, ãto и др.

Четвертый говор (акающий «фразный») отличается от предыдущих говоров тем, что ударение в нем экспираторное по преимуществу. В слове выделяется главным образом ударяемый слог. Отдельное слово не имеет своей интонации, а подчиняется общей интонации фразы. Сама интонация имеет более ровный, более однообразный характер. От обычного русского «городского» говора этот говор отличается некоторой утрировкой отдельных черт первого: во 2-м предударном слоге гласные иногда совсем выпадают, выпадают они иногда и в первом предударном, особенно в тех случаях, когда слово не имеет логического ударения:

nvot v našim korpus′ie *pr′amo* xaost (= хаос; выделенное слово является логически ударяемым);
i fs′e xъt′át *výrъbotať*;
vzmut-*vot* i ni razb′ir′oš;
pъtъmuštъ *vr′em′a* ъdaxnuť

3.

Интонационные различия рассматриваемых говоров в связи с их фонетическими различиями заставляют несколько по иному подойти к фонетическим изменениям вообще. Очевидно, фонетические изменения того или другого говора должны быть так или иначе связаны с общей интонационной системой данного говора

и, следовательно, должны рассматриваться в связи с этой системой.

В рассматриваемых говорах эта связь кажется особенно ясной в первых двух говорах. Имеющиеся в обоих говорах звуковые изменения 2-х предударных слогов — переход *o* в *u* или в ъ, а *e* в *i*, представляют по существу явления одного порядка, именно: уменьшение сонорности данного слога. И сама собою напрашивается мысль поставить эти изменения в связь с произношением в этих говорах данных слогов: вследствие того, что 1-й предударный слог произносится с большей полновесностью, 2-й предударный теряет свою полновесность и становится менее звучным — *o* переходит в менее звучное *u* или, при бо́льшей сонорности 1-го предударного (при наличии в нем сонорного согласного), в еще менее звучный ъ, а *e* переходит в e^{i} или в *i*.

Напрашивается на сопоставление с характером интонации предударного слога и другое фонетическое изменение этих говоров: произношение предударного *e* или как *o* или как *a*: s'ołó и s'ałó. Здесь пред нами явление, противоположное первому: увеличение сонорности слога в связи с его бо́льшим весом в общей системе интонации.[1])

При таком понимании указанных фонетических изменений, изменения эти перестают быть разрозненными одиночными фактами языка и входят как органическое целое в общую систему языка.

Связь этих изменений с характером интонации соответствующих слогов очень заметна в тех случаях, где имеются одинаковые слова в разных положениях относительно логического ударения фразы: vot nam *č'ovo* nada и у него же: *vot* at čevó, или: dá c'evo *iél'i* — tam u nas kałacy, tam jaicy; или у другого лица, произносящего как общее правило неударное *e* как *e* или *o* в 1-м предударном, у него находим: Máša | viť t'ib'a *hospoť* žal'iit, где t'ib'a было произнесено вскользь, а hospoť с сильным подчеркиванием.

Несомненно, должны быть известные соотношения и между характером интонации ударного и заударного слогов и фонетическими изменениями в этих слогах. Возможно, напр., что имеющееся в отдельных русских говорах стяжение заударных гласных (оно имеется и в обоих рассматриваемых говорах) должно

---

[1]) Относительно различий в сонорности гласных *o* и *e* см. интересные ответы О. Вольфа, приводимые Есперсеном в его фонетике (Lehrbuch[1], стр. 191).

быть поставлено в связь именно с характером интонации ударного и заударных слогов. Но собранный материал, давая право хотя бы отчасти подойти к разрешению вопросов, связанных с предударными слогами, не дает, к сожалению, такого же права для вопросов заударных слогов, и потому приходится ограничиться только постановкой этих вопросов.

Следует еще указать, что по характеру своей интонации оба говора не стоят одинокими среди других русских говоров. Такую же интонацию отмечают исследователи в окающих и акающих говорах других мест. Так, Д. К. Зелинин, описывая один из говоров б. Уфимской губ., отмечает: «Произношение слога, находящегося непосредственно перед ударением, сильно отличается от произношения прочих слогов слова. В музыкальном отношении предударный слог звучит выше прочих слогов; особенно это повышение резко в словах, на которые падает логическое ударение в речи» [1]). В этом же говоре находим и такие черты обоих говоров как произношение *о* или *а* вместо предударного *е*: «звук *е*, находящийся непосредственно перед твердым ударяемым слогом, произносится как *ё* (jo), причем это *ё* несколько приближается к звуку *я*» [2]).

Такую же интонацию отмечает и Р. И. Аванесов при описании окающего же говора Владимирской губ.: «Как общую манеру говорения местного населения, нужно отметить манеру удлинять предударный слог, повышать при этом несколько тон и произносить его со значительной силой экспирации». В этом же говоре находим такие черты обоих рассматриваемых говоров, как *о* или *а* вместо предударного *е*, а также *и* или *ъ* вместо 2-го предударного *о*. В примерах, приводимых автором, *ъ* имеется в подавляющем большинстве случаев в словах с сонорным согласным в следующем слоге [3]).

Для акающего говора такую же интонацию отмечает такой тонкий наблюдатель, как О. Брок: «Старинный, более медленный образ речи напротив соединяется с своеобразной интонацией, о которой нужно сказать, что она особенно характеризует говор. Где ударение падает на первый слог слова, его можно определить как высокотонное и нисходящее; ...А где ударение падает

[1]) *Д. К. Зеленин*, «Усень-Ивановский говор». ИОРЯС, т. X (1905), кн. 2, стр. 94.

[2]) Там же, стр. 97.

[3]) *Р. И. Аванесов*, Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка, вып. 9, Ленинград, 1927, стр. 67 и след.

не на первый слог, типичная форма интонации такая, что слог *перед* ударением имеет высокий тон, между тем как ударяемый выговаривается на значительный интервал ниже... Это тоническое отношение между слогом перед ударяемым и самим ударяемым наблюдается и там, где первый содержит т. н. «иррациональную» всегда краткую гласную «ъ»... Высокий тон, в котором выговаривается слог перед ударяемым, конечно, сильно выдвигает этот слог насчет прочих неударяемых. А это впечатление усиливается тем, что слог перед ударяемым отличается в большинстве случаев от прочих неударяемых еще и долготою. Его долгота приближается к долготе следующего ударяемого слога, может пожалуй и уравниваться с последней». И в примечании: «И экспирационная сила увеличивается притом и приближается, повидимому, к таковой же ударяемого слога...»[1])

Правда, говор, описываемый О. Броком, принадлежит к говорам с диссимилятивным аканьем и, следовательно, отличается от рассматриваемого акающего говора, но это не ослабляет сделанных выводов, а только ставит новый вопрос: о связи типа аканья с характером интонации.

Характерные различия, имеющиеся в рассматриваемых говорах между 1-м и 2-м предударными слогами, находим среди акающих говоров, между прочим, в рязанских говорах, описанных Е. Будде: «...всякое *е*, стоящее непосредственно *перед* ударяемым слогом... произносится как *я* или как *а* в положении после передне-небных (шипящих) *ж* и *ш*». «Как общее правило для рязанского наречия существует то, что всякое *е* в третьем слоге *перед* ударяемым слогом звучит как *и*...: висяло́, ни тяряй, ни квяли...» [2]). Рассматриваемые отдельно эти фонетические изменения ничего в сущности не дают для понимания данного говора как общей системы, но если их сопоставить с такими же изменениями рассматриваемых говоров и поставить в связь с интонацией этих последних, то они становятся понятными именно как часть общей системы.

[1]) *О. Брок*, Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии Наук за 1902 г., СПб, 1903, стр. 33—34 и сл.

[2]) *Е. Будде*, К диалектологии великорусского наречия, Варшава, 1892, стр. 9 и 11. — Между, прочим среди рязанских же говоров автор отмечает говоры, употребляющие выражение *а то*, имеющееся в рассматриваемых говорах: «характерно для говора здешней местности и то, что ответной утвердительной частицей служит постоянно слово *атŏ̆*!... В селе Шостье в таком значении употребляется *всегда* слово *áтă*!» (Отчет о командировке в Рязанскую губ., Ученые Записки Казанск. Университета, 1895, кн. I, стр. 225).

Вот эта возможность понять отдельные факты языка ка часть целого и привлекает в тех соотношениях между фонетиче скими изменениями и произношением, какие устанавливаютс для рассматриваемых говоров.

Другого рода вопросы возникают при сравнении интонаци всех 4-х говоров. Ведь интонации эти можно не только проти вопоставлять одну другой для лучшего выяснения каждой и них или какой-либо одной из них, как это сделано здесь, н можно и сопоставлять их для выяснения их связи между собою Общий характер каждой из них позволяет поставить их в после довательный ряд: интонация слогов (образовавшаяся, повиди мому, из интонации слога) — интонация слова — интонаци предложения, но рассмотрение этих вопросов выходит из рамо настоящей заметки.

Москва, декабрь 1932 г. *М. Корнеева-Петрулан.*

Синтаксис „Слова о полку Игореве“.

Каждую синтаксическую работу приходится начинать с утверждения, что синтаксис — самая неразработанная область языковедения. Она не выходит из периода накопления материала. Да и материал этот часто оказывается ни на что не пригодным, т. к. не выяснен вопрос о содержании, цели и границах синтаксиса. Я, впрочем, далек от мысли поднимать здесь эти вопросы. Я буду стараться не выходить из пределов поставленной себе задачи — изучить синтаксис »Слова о полку Игореве«.

Чтобы понять хоть что-нибудь в синтаксисе »Слова« необходима перспектива. Этой перспективы нет: не изучен синтаксис ни той эпохи, к которой относится Слово, ни предшествующей, ни последующей. Пришлось бы или отказаться от поставленной себе задачи или создать перспективу, хотя бы и далекую от какой-нибудь полноты. Я становлюсь на второй путь, зная всё его несовершенство. Другого выхода нет, т. к. иначе пришлось бы довольствоваться механическим перечислением фактов и ждать, что они когда-нибудь зачем-нибудь пригодятся.

Для создания перспективы я могу сопоставлять данные, добытые из »Слова«, с синтаксисом языка русских классиков (см. мой »Синтаксис русского языка«, М. 1930 г.), как языка литературного, искусственного, и с синтаксисом языка крестьян села Дорофеева, Московской обл. Орехово-Зуевского района (наблюдения произведены в августе 1929 г.), как языка разговорного, безыскусственного.

К сожалению, реже, чем хотелось бы, приходится делать сопоставления с синтаксисом языка летописей, т. к. единственная работа на эту тему (Е. С. Истрина, Синтаксические явления синодального списка 1 Новгородской летописи) сделана совершенно иным методом.

Все эти сопоставления дают мне основание для некоторых выводов относительно синтаксиса »Слова«.

СТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Количественный состав предложения.

§ 1. Предложение может состоять из одного слова, из соединения двух или нескольких слов и из соединения двух или нескольких словосочетаний.

Количественный состав предложения зависит от той цели, для которой предложение употребляется, от того, кто именно высказывает предложение, и при каких обстоятельствах это делается.

В разговорной речи, когда говорящие обмениваются вопросами и ответами, чаще всего употребляются однословные предложения. В зависимости от разговаривающих и от темы их разговора предложения могут быть проще и сложнее. Можно выставить такое положение: чем проще, безыскуственнее речь, тем меньше количественный состав предложения. Разговорный язык всегда проще языка письменного, литературного.

§ 2. Если сравнить количественный состав предложения в »Слове« с таковым же в речи крестьян села Дорофеева (сокр. Дор.) и у классиков (сокр. класс.), то найдем следующие соотношения:

	Дор.	Класс.	»Слово«.
1. Из 1 слова	8%	1,5%	0,6%
2. Из соединения слов	79% (от 2 до 5 слов)	42% (от 2 до 20 слов)	44,2% (от 2 до 18 слов)
3. Из соединения словосочетаний	13% (от 2 до 4 сл-соч.)	56,5% (от 2 до 10 сл-соч.)	55,2% (от 2 до 9 сл-соч.)

Как видим, однословные предложения чаще всего встречаются в речи крестьян села Дорофеева. Это понятно: записывалась разговорная речь, естественный диалог, в котором вопросы и ответы, состоящие из одного слова, не редкость.

Гораздо меньше таких предложений в языке классиков, но и у них встречается воспроизведение естественного диалога и неизбежные там однословные предложения. Вот, напр., такой диалог из Лермонтова:

— »Новый хозяин здесь живет?

— Нет.

— Где-же?

— А чорт его знает!

— Ты уж давно здесь дворником?

— Давно.

— А есть в этом доме жильцы?

— Есть«. (Лугин. Отрывок из начатой повести.)

В »Слове« только одно предложение состоит из одного слова: это — »Аминь«, стоящее в самом конце »Слова«, как заключение его. В этом нельзя не видеть влияние религиозной литературы, если только считать, что такое заключение принадлежит оригиналу »Слова«, а не позднейшее прибавление. Это предложение — не в прямой речи, хотя в »Слове« прямой речи много, есть и монологи и диалоги. В прямой речи, однако, нет ни одного предложения из одного слова. Монологи — обыкновенно целые речи. Ср., напр., обращение Всеволода к Игорю: »Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! . . .« или »злато слово, съ слезами смѣшено« Святослава, или плач Ярославны. Довольно пространны и диалоги, напр.: »Донецъ рече: »Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русьской земли веселія«. Игорь рече: »О Доньче! немало ти величія, лелѣявъшу князя на вълнахъ . . .« или разговор Гзака с Кончаком.

Таким образом, прямая речь в »Слове« носит черты большой искусственности.

§ 3. Предложения из соединения слов могут содержать в »Слове« от 2 до 18 слов, т. е. почти так же, как у классиков (от 2 до 20). В речи крестьян села Дорофеева такие предложения содержат не больше 5 слов. Приведу несколько примеров из »Слова« на наиболее длинные предложения, состоящие из соединения слов:

»Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы«.

»Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русьскую, за раны Игоревы буего Святославличя!«

»Съ зарания въ пятъкъ потъпташа поганыя пълкы Половецкыя и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты«.

Предложения, состоящие из 2 и до 5 слов, довольно редки; вот несколько примеров:

»Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече зале тѣло!«

»Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону ве ликаго!«

Чаще всего предложение в »Слове« состоит из соединения словосочетаний. Таких случаев больше половины (55,2%), ка в языке классиков (56,5%). Соединяется от 2 до 9 словосочетаний Опять сходно с языком классиков, где соединяется от 2 до 1 сл.-сочетаний. Приведу примеры на наиболее сложные случаи:

»Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ част врани граяхуть, трупiа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь гово ряхуть, хотять полетѣти на уедiе«.

»А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ грубами повити подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копiя въскръмлени: пути им вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у них напряжени, тули отво рени, сабли изъострени; сами скачють, акы сѣрыи влъци въ по лѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы«.

Таким образом, количественный состав предложения свиде тельствует о большой сложности языка »Слова«.

Интонация.

§ 4. Вопроса об интонации придется коснуться только слег ка ввиду его трудности и неразработанности. По отношению интонации в »Слове« — специальные трудности, поскольку при шлось бы восстанавливать интонацию давно отзвучавшего худо жественного произведения. Можно остановиться здесь только н самых элементарных случаях — на повествовательной, вопроси тельной и восклицательной интонации.

Если обратить внимание на соотношение между интонацие и количественным составом предложения, то окажется, что коли чественный состав повествовательных предложений всегда боль ше, чем таковой же вопросительных и восклицательных.

Это понятно. Вопросы и восклицания, употребляются в ра говорной речи и сопровождаются эмоциональным тоном. Он естественно кратки по своему составу. В искусственной оратор ской речи реторические вопросы и восклицания могут быть длинными.

Такого именно характера вопросы в »Слове«. Это — вопр сы, на которые автор или не ждет ответов или сам же отвечает Вот несколько примеров:

»Не лѣпо-ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пльку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?«

Таким реторическим вопросом начинается »Слово«. Ответа на него не следует, да в этом нет и нужды. Вот еще пример такого же вопроса:

»Кая раны дорога, братіе, забыву чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая?«

Вот такие же вопросы в слове Святослава:

»Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли злаченыи шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранени саблями калеными на полѣ незнаемѣ?«

Много таких вопросов в плаче Ярославны:

»О вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лѣлѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?«

Такого же реторического характера и восклицательные предложения в »Слове«:

»О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекотал, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля и горы!«

»О руская земле! уже за шеломянем еси!«

»Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю!«

»Яръ-туре Всеволодѣ! Стаиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными!«

Необходимо отметить большое количество восклицательных предложений в »Слове«. Их там процентов 26. У классиков их не больше 10%. Это излюбленный прием автора »Слова«. Этим достигается большая эмоциональная насыщенность. Спокойного повествования нет. Оно постоянно прерывается реторическими восклицаниями и вопросами, что создает приподнятость слога.

Соединения словосочетаний.

§ 5. Есть три способа соединения словосочетаний в предложении:

1) непосредственное присоединение словосочетаний (без союзов),

2) присоединение посредством союзов и

3) присоединение посредством относительных слов.

Первый способ — самый простой. Интонация показывает, что словосочетания объединены, входят в состав одного предложения, но отношения между словосочетаниями не выражены. Они угадываются из контекста. Однако этот простой способ может быть усложнен. Это зависит от количества соединяемых словосочетаний и от разнообразия отношений, в которых они находятся. Вот классический пример усложнения этого способа у Лермонтова:

»Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло — никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их — меня ставили ниже: я сделался завистлив«.

Здесь несколько объединяемых в предложении словосочетаний находятся в различных отношениях.

Второй способ (посредством союзов) уже не только соединяет словосочетания, но выражает отношения, в которых они находятся, хотя эти отношения бывают и многообразны.

Третий способ (посредством относительных слов) представляет из себя усложнения вносными пояснениями и замечаниями к отдельным словам другого словосочетания. Этот способ и наиболее сложный и наиболее поздний по возникновению. Он предполагает очень развитую синтаксическую систему.

§ 6. В »Слове« есть все эти три способа. Для перспективы сравним их употребительность с другими данными:

	Дор.	Класс.	»Слово«
1. Без союзов	61%	46%	63,5%
2. С союзами	34%	46%	34%
3. Сотн. словами	5%	8%	2,5%

Сопоставление обнаруживает большую близость между языком »Слова« и языком говора села »Дорофеева« в этом отношении

Однако эта близость — мнимая. Мы уже видели, что предложения, состоящие из соединения словосочетаний, преобладают (55,2%) в »Слове« и составляют незначительное меньшинство (13%) в говоре села Дорофеева, а также — в первом соединяется в предложении от 2 до 9 словосочетаний, а во втором всего от 2 до 4 словосочетаний. Это уже говорит о большом различии.

Чем же объяснить всё же сходство в употребительности отдельных способов соединения словосочетаний? Думаю, что в говоре села Дорофеева преобладание бессоюзного соединения словосочетаний объясняется простотой, несложностью употребляемых там конструкций, а в »Слове« — эпохой, в которой вообще, повидимому, господствовал первый способ.

Вот пример из говора села Дорофеева:

»Глаза не видют, руки не роботают«.

»День промучилась, ночью решилась«.

»Мать померла рождеством, отца взяли великим постом«.

»Я не могу ничево: во мне все силы пали«. Сложнее этих нет.

В »Слове« наряду с очень простыми случаями, как, напр.: »Страны ради, гради весели«, и т. под., есть много более сложных:

»Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ: Игорь ждетъ мила брата Всеволода«.

Здесь хотя и соединено всего три словосочетания, но они находятся в различных отношениях между собою.

»О, Днепре Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: взлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на морѣ рано«.

Такой сложности случаев в говоре села Дорофеева не встречалось. Здесь соединено пять словосочетаний, находящихся в различных отношениях; последнее присоединено посредством союза *»а«*.

§ 7. Функции этого способа соединения словосочетаний не менее разнообразны, чем в языке классиков (См. мой »Очерк синтаксиса русского языка« М.-П. 1923 г., стр. 103 сл.).

Чаще всего таким способом соединяются словосочетания, выражающие одновременно происходящие события (37%).

»(Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць); подобію влъци грозу въсрожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты«.

»Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ«.

»Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкамъ скратишась«.

Нередко в начале таких словосочетаний повторяется одно и то же слово, что подчеркивает ритмичность строения предложения в »Слове«:

» . . . ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго«.

»Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи . . .«

»Уже снесеся хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже връжеса дивь на землю«.

Таким же способом присоединяется прямая речь. По употребительности эта функция занимает второе место ($17^0/_0$):

» . . . И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти!«

»Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати«.

Несколько раз повторяется эта конструкция в одинаковом виде в плаче Ярославны:

»Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? . . .«

То же в разговоре Гзака с Кончаком:

»Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича расстрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами«.

В следующих предложениях вместо »молвит« — »рече«.

Обычно без союзов присоединяются слова — воззвания. Третья по употребительности функция ($13^0/_0$):

» . . . чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче!«

»О руская землѣ! уже за шеломянемъ еси«.

»Великий княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти?«

Такими воззвациями обильно пересыпано все »Слово«, что

стоит в связи с большими количеством восклицательных предложений (см. выше).

Без союзов, далее, присоединяется словосочетание, служащее для пояснения другого словосочетания (8%):

»А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени . . .«

»Нъ се зло: княже ми непособіе«.

»Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ рано кычеть . . .«

Словосочетания, выражающие противоположение одно другому, также присоединяются без союзов (8%):

»Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому . . .«

»Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ«.

Это так называемые отрицательные сравнения. Вот пример иного характера:

»Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ руской земли«.

Таковы функции соединений словосочетаний в »Слове«. Упомяну еще два случая, где словосочетания находятся в причинном соотношении:

»Темно бо бѣ въ 3 день: два солнце помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста«.

»На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо . . .«

§ 8. Нередко в »Слове« с словосочетаниями соединяется отдельное слово. В большинстве случаев это — слова-воззвания, реже — слово, вводящее прямую речь:

»Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше . . .«

»О Бояне! соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скаче, славію, по мыслену древу . . .«

»И рече ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю . . .«

»И ркоша бояре князю: уже, княже, туга умъ полонила . . .«

»Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго Кощея за землю рускую, за раны Игоревы буего Святославлича.

Слово, вводящее прямую речь:

»Хощу бо, р е ч е, копіе преломити конець поля Половецкаго съ вами русици . . .«

»Не тако ли, р е ч е, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростренa к устью . . .«

§ 9. Соединение словосочетаний посредством союзов представляет в »Слове« треть (34%) всех случаев соединений словосочетаний, как и в языке крестьян села Дорофеева (34%). У классиков таких случаве почти половина (46%).

Самым употребительным союзом в »Слове« оказывается союз *»а«* (почти половина всех случаев). За ним следуют в порядке употребительности — *»бо«, »но«, »и«, »же«, »сице«, »аже«, »коли«, »ни«, »тогда«, »хоть«*(?).

Интересно с этим сопоставить преобладание союза *»а«*, хотя и не такое большое, в языке крестьян села Дорофеева, тогда как у классиков на первом месте союз *»и«*. Более детальное исследование должно вскрыть причины этого совпадения.

Словосочетания, соединенные союзом *»а«*, обыкновенно противопоставляются одно другому:

»Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, *а* мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди«.

»Дѣти бѣсови кликом поля прегородиша, *а* храбріи Русици преградиша чрълеными щиты«.

»Нъ уже, Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, *а* древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; *а* Игорева храбраго плъку не крѣсити«.

Обыкновенно соединяются так два словосочетания. Нет »нанизывания«, которое отмечает Е. С. Истрина как характерное явление синодального списка 1 Новгородской летописи, как, напр.; »*а* ѥсте послушали половьчь, *а* послы наша ѥсте избили, *а* идете противу нас« (Истрина, Синтаксические явления синодальн. списка 1 Новгородской летописи. И. О. Р. Я. и С. Р. А. Н. 1921 г. т. XXVI, стр. 232). В »Слове« один пример напоминает подобное употребление:

»*А* князи сами на себе крамолу коваху; *а* поганіи сами побѣдами нарищуще на рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора«.

Нередко союз *»а«* стоит в начале предложения, которое таким образом противополагается предшествующему. Благодаря этому границы между предложениями делаются менее резкими, и отдельные издатели различно делят »Слово« на предложения. Напр.:

»*А* всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону«. Так у Потебни, Шамбинаго и Кельтуялы; у Малиновского и Орлова перед »*а*« две точки.

»*А* мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени . . .«

Так у всех, кроме Малиновского, у которого перед »а« точка с запятою.

Однако во многих случаях согласны все издания, напр.:

»*А* половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому . . .«

»*А* мы уже дружина жадни веселія«.

Иногда союз »*а*« употребляется так же, как союз »*и*«, соединяя словосочетания, выражающие одновременные события, напр.:

»Ничить трава жалощами, *и* древо съ тугою къ земли преклонилось«. Ср. совершенно сходное с этим предложение:

»Уныша цвѣты жалобою, *и* древо съ тугою къ земли прѣклонилось«.

Таким образом, функции соединений словосочетаний посредством союза »*а*« более широки, чем у классиков и в языке села Дорофеева, где они обозначают только противоположение.

§ 10. Наоборот, очень мало употребляется в »Слове« соединение словосочетаний посредством союза »*и*«, и функции этого способа не широки: чаще всего это — одновременность событий, напр.:

»Спала князю умь похоти, *и* жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго«.

»За нимъ кликну Карна, *и* Жля поскочи по руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ«.

В одном случае выражается временная последовательность событий:

» . . . а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ яко вихръ выторже: *и* падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославли«.

Встречается союз »и« и в начале предложения:

»*И* рече Игорь къ дружинѣ своей . . .« (У Малиновского перед »и« запятая).

»*И* ркоша бояре князю: уже княже туга умь полонила . . .«

»*И* рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красныя дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ половецкомъ«.

§ 11. Приведу примеры на соединения словосочетаний посредством других союзов в порядке их употребительности:

»бо« (причина):

»Что ми шумить, что ми звенить давечя (далече) рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль *бо* ему мила брата Всеволода«.

»Ярославе и вси внуце Всеславли уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени; уже *бо* выскочисте изъ дѣдней славы«.

»Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ: сего *бо* нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ розьно ся имъ хоботы пашутъ . . .«

Как видно из примеров, союз »бо« всегда занимает второе положение и является энклитикой. Так же часто этот союз употребляется в начале предложения, и, следовательно, не служит для соединения словосочетаний. Вот несколько примеров:

»Уже *бо*, братіе, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла«.

»Темно *бо* бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста . . .«

»Се *бо* Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю . . .«

»Ты *бо* можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти«.

»нъ« (противоположение).

»Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, *нъ* своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху«.

»Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, *нъ* часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче . . .«

»Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, *нъ* часто бѣды страдаше«.

И этот союз нередко употребляется в начале предложения:

»*Нъ* рѣкосте мужаимѣся сами, переднюю славу сами пахитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ«.

»*Нъ* се зло: княже ми непособіе«.

»*Нъ* уже княже Игорю утръпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони . . .«

»же« (противоположение).

»Тоже звонъ слыша давный великий Ярославь сынъ Всеволожь: а Владиміръ по всея утра уши закладаше въ Черни-

гові; Бориса *же* Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя«.

»Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода; единъ *же* изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе«.

»Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мглѣ, утрѣ *же* воззни стрикусы, оттвори врата Нову-града, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ«.

Союз »*же*«, как и »*бо*«, занимают энклитическое положение. Как и другие союзы, он может употребляться не для соединения словосочетаний, а в начале предложения:

»Почнем *же*, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря . . .«

»Единъ *же* Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія . . .«

»аще«.

В двухъ случаях союзу »аще« в первомъ словосочетании соотвествует »то« — во втором. Первое обозначает условие, второе — следствие:

»Боянъ бо вѣщий, *аще* кому хотяше пѣснь творити, *то* растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы«.

»И рече Гзакъ къ Кончакови: *аще* его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, *то* почнутъ наю птицы бити въ полѣ Половецкомъ«.

Второй случай, как видим более сложного строения. В третьем случае во втором словосочетании не »то«, а »нъ«. Первое словосочетание противополагается другому и более сильно, чем при »а«, »же« и даже »нъ«, когда оно одно:

»*Аще* и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, *нъ* часто бѣды страдаша«.

В Новгородской летописи Истрина отмечает только случаи, подобные первым двум; о случаях, подобных третьему, не упоминает. Там во втором словосочетании »то« (»тъ«) чаще не бывает, напр.:

»*аще* хощете послушати мене, благая земная снѣсте, *аще* ли не хощете . . . ороужие вы поясть«.

»Из всех приведенных примеров, — замечает Е. С. Истрина, — только пример II, 5 является в основном русском тексте;

остальные принадлежат религиозным рассуждениям . . .« Это вполне соответствует источнику, из которого заимствовано »аще«, т. е. церковно-славянскому языку, откуда оно проникло и в »Слово«.

»*аже*«.

Употребление этого союза параллельно употреблению союза »аще«, кроме третьего случая. Во втором словосочетании один раз встречаем »то«, один раз »а«, а один раз ни того ни другого. Надо заметить, что »аже« наряду с »аще« употребляется в разговоре Гзака с Кончаком. Вот примеры, где этот союз встречается:

»*Аже* бы ты былъ, *то* была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ«.

»Млъвитъ Гзакъ Кончакови: *аже* соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича расстрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: *аже* соколъ къ гнѣзду летитъ, *а* вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею«.

В Новгородской летописи в »предложениях, не имеющих церковной окраски«, встречаются союзы »аже« и »оже« (Истрина, 225). Второго в »Слове« нет. Вот примеры из Новгородской летописи:

»*аже* выбежать къ вамъ, *а* биите ихъ оттолѣ«.

»*оже* бъ казнь свою възложилъ на Онтония, *а* вы сочите та-
ж̃
коваго моу«.

»*коли*« (условие).

»*Коли* соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду«.

»*Коли* Игорь соколомъ полетѣ, *тогда* Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу . . .«

»*ни*«.

» . . . *ни* нама будетъ сокольца, *ни* нама красны дѣвице . . .«

»*тогда*«.

Один пример на этот союз встречался выше (см. »коли«). Вот другой пример:

»Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ; *тогда* пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй . . .«

»*хоть*«.

Пример на этот союз очень сомнительный:

»*Хоть* и тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зло ти, тѣлу, кромѣ головы!«

Многие понимают иначе:

»Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля. Ольгова коганя *хоти*: »Тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы. — Руской земли безъ Игоря«.

В таком случае »хоти« не союз, а значит »возлюбленная, жена«.

§ 12. Соединение словосочетаний посредством относительных слов очень редко в »Слове« (2.5%). Это всего 4 примера. В трех случаях — заимствованное из церковно-славянского языка »иже«, в одном исконно русское »который«:

»Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, *который* дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, *иже* зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю«.

»Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, *иже* истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънися ратного духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю половѣцькую за землю руськую«.

»Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, *иже* погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша«.

И в Новгородской летописи церковно-славянское »иже« встречается значительно чаще, чем русское »который«. (См. Истрина, стр. 226 сл.). Повидимому, этот сложный способ соединения словосочетаний, мало употребительный в живой русской речи, заимствуется, при надобности, из церковно-славянского языка.

Итак, автор слова чаще всего при соединении словосочетаний пользуется бессоюзием, которое берет из живой речи, но употребляет его в довольно многообразных функциях, вероятно, значительно сложнее, чем в современной ему живой речи его класса. Из других способов чаще употребляется соединение словосочетаний посредством союзов, очень редко — посредством относительных слов. В обоих случаях есть церковнославянские элементы: »бо«, »аще«, »иже«.

Соединения слов.

§ 13. Способы соединения слов в »Слове« отличаются более синтетическим характером, чем таковые же в языке русских клас-

сиков (в языке крестьян села Дорофеева соотношения почти те же, что и в языке классиков). Другими словами:

В большей степени, чем у классиков отношения между словами выражены формами слов — 76,5% (у класс. — 69%); Наоборот, в меньшей степени, чем у классиков, отношения выражены несамостоятельными словами — 23,5% (у класс. — 31%).

Чаще всего отношения выражаются формой падежа — 31,5%; значительно уступают в употребительности предложные конструкции — 18%. У классиков падежные (25%) и предложные (23%) конструкции употребительны почти одинаково. На втором месте по употребительности в »Слове« — конструкции, в которых отношения выражаются формой рода — 27%; у классиков это наиболее употребительный способ из синтетических — 38%. Реже отношения выражаются формой лица — 18%; у классиков этот способ еще менее употребителен — 6%, т. к. форм лица сохранилось небольшое количество главным образом в настоящем (буд.) времени. В прошедшем времени у классиков употребляется исключительно родовая форма — старое причастие на *-л*; тогда как эти случаи в »Слове« — редки (2%): там еще сохранилась в прошедших временах форма лица.

Из аналитических конструкций преобладают предложные (18%); за ними следуют конструкции с союзами (4,5%); на последнем месте — конструкции с несамостоятельными (»вспомогательными«) глагогами (1%).

Очень редко (8%) отношения между словами остаются невыраженными. У классиков таких случаев больше (11%). Сюда относятся: конструкции с наречиями (наиболее употребительны — 39%), с неопределенной формой (28%), с деепричастиями (21%) и бессоюзное соединение слов (12%). Конструкции с наречиями у классиков значительно употребительнее (54%); наоборот, конструкции с деепричастиями менее употребительны (11%); приблизительно такая же употребительность конструкций с неопределенной формой (22%) и бессоюзного соединения слов (13%). Все эти различия легко объясняются тем, что в языке классиков форм словоизменения сохранилось значительно меньше: отсюда — большое количество конструкций с наречиями, которые в большинстве случаев представляют окаменелые формы словоизменения, чаще всего окаменелые падежи.

Обзор всех конструкций я начну с синтетических — с конструкций с личным глаголом, с родовыми и с падежными слова-

ми; затем перейду к аналитическим — предложным конструкциям, конструкциям с союзами и с »вспомогательными« глаголами; закончу конструкциями, в которых отношения между словами не выражены.

Конструкции с личным глаголом.

§ 14. В этой конструкции именительный падеж большею частью стоит на первом месте, личный глагол — на втором (68%):

»*Игорь ждетъ* мила брата Всеволода«.

»*Гзакъ бѣжитъ* сѣрымъ влъкомъ; *Кончакъ* ему слѣдъ *правитъ* къ Дону великому«.

»Темно бо бѣ въ 3 день: два *солнца помѣркоста*, оба багряная *стлъпа погасоста*, и съ нимъ молодая *мѣсяца*, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся *поволокоста*.

»Се бо Готскія красныя *дѣвы въспѣша* на брезѣ синему морю«.

Большее преобладание этого порядка слов находим у классиков (85%), еще большее — в говоре села Дорофеева (95%). Не этапы-ли это по пути к полному господству этого порядка слов, как это уже произошло во французском и английском языках?

Другой порядок слов (Личн. глагол — Именительный падеж) встречается в определенных категориях случаев:

1) Если данная конструкция вводит прямую речь:

»*Млъвитъ Гзакъ* Кончакови: . . .«

»*Рече Кончакъ* ко *Гзе*: . . .«

2) После слов, связанных с личным глаголом:

»Тоже звонъ *слыша* давный великий *Ярославь* сынъ Всеволожь . . .«

» . . . ту пиръ *докончаша* храбріи *Русичи*: . . .«

»О! далече *зайде соколъ*, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити«.

Подобные же случаи встречаются у классиков (См. »Очерк синтаксиса русского языка«). Повидимому стабилизация этого порядка слов — явление очень древнее.

Есть и такие случаи в »Слове«, которые объясняются художественным замыслом автора. Сюда относится хиастическое расположение слов: если в предшествующем словосочетании именительный падеж предшествует личному глаголу, то в следующем, наоборот, личный глагол предшествует именительному падежу. Вот пример, где такое чередование повторяется несколько раз:

»*Комони ржуть* за Сулою;
Звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубять въ Новѣградѣ;
стоять стязи въ Путивлѣ;
Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

Другой пример:

»*Дѣвици поютъ* на Дунаи,
вьются голоси чресъ море до Кіева«.

Хиастическим расположением слов достигается разнообразие. Есть в »Слове«, наоборот, нанизывание одинакового порядка слов, что подчеркивает ритмичность строения предложения:

»То было въ ты рати и въ ты плъкы;
а сицей рати не слышано:
съ зараніа до вечера,
съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя;
гримлютъ сабли о шеломы;
трещатъ копіа харалужныя,
въ полѣ незнаемѣ
среди земли Половецкыи«.

Вот еще подобный пример:

»Уже *снесеся хула* на хвалу;
уже *тресну нужда* на волю;
уже *връжеса дивь* на землю«.

Такие же нанизывания есть и при первом порядке слов, напр.:

»*Игорь спитъ*,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслію поля *меритъ*
отъ великаго Дону
до малаго Донца«.

§ 15. Естественно, что соединяемые слова непосредственно следуют одно за другим. Чем проще, безыскусственнее речь, тем это встречается чаще. Так, напр., в говоре села Дорофеева обыкновенно за именительным падежом непосредственно следует личный глагол (контактное положение):

»Бадья текот«.

»Лошадя-то болеют«.

»Я не могу ничево«.

»Мы погляим«.

Если эти слова разделяются, то не больше, чем одним или двумя словами (дистантное положение):

»*Жена* хлеб *пекот*«.

»Вся *молодежь* дома *сидит*«.

»*Мордва* почище нас *живут*«.

У классиков дистантное положение встречается почти так же часто, как контактное, при чем между соединяемыми словами может быть вставлено довольно большое количество слов, напр:

»*Шутки* поверхностного наблюдателя *не могут* уничтожить их существенных достоинств«. (Пушк.).

»*Я* вам проценты еще за месяц *внесу*, потерпите«. (Дост.).

»Ей ужасно странно, что *я*, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, *не стараюсь* познакомиться с нею«. (Лерм.).

Почти такое же положение в »Слове«. При первом порядке слов между именительным падежом и личным глаголом может быть от одного до 11 слов; при втором — от одного до трех. Приведу примеры:

»Се *вѣтри*, Стрибожи внуци, *вѣютъ* съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, *рѣкы* мутно *текуть; пороси* поля *прикрываютъ*. . .«

» . . . а *князи* сами на себе крамолу *коваху;* а *поганіи* сами побѣдами нарищуще на рускую землю *емляху* дань по бѣлѣ отъ двора«.

»*Боянъ* же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй *пущаше*, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны *въскладаше; они* же сами княземъ славу *рокотаху*«.

»Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшнего Игоря, *иже* истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, *наведе* своя храбрыя плъкы на землю половецкую за землю рускую«.

И в этом отношении язык »Слова« ближе к искусственной литературной речи.

§ 16. Конструкция с личным глаголом обыкновенно служит для выражения действий живых существ, их состояний, переживаний, их отношений к окружающим и отношения окружающих

к ним. Именительный падеж обыкновенно обозначает такое живое существо, а личный глагол — действия, состояния, отношения. Так у классиков (см. »Очерк синтаксиса русского языка«), так в говоре села Дорофеева, так и в »Слове«. Там в большинстве случаев ($63^0/_0$) именительный пад. обозначает живые существа, а глаголы — действие (чаще) и состояние (реже):

»*Игорь ѣдетъ* по Боричеву . . .«

»*Комони ржутъ* за Сулою . . .«

»И *рече* ему буй турѣ *Всеволодъ* . . .«

»*Игорь ждетъ* мила брата Всеволода«.

»*Ярославна* рано *плачетъ* въ Путивлѣ . . .«

Часто олицетворяются в »Слове« неживые существа. Им приписываются действия и состояния, присущие живым:

»*Донецъ рече*: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а руской земли веселія«.

» . . . *крычатъ тѣлѣгы* полунощы, рци лебеди ростужени«.

»*Ничитъ трава* жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось«.

Если речь идет о неживых предметах, то указывается положение, в котором они находятся:

» . . . *стоятъ стязи* въ Путивлѣ . . .«

»Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо *лежатъ* поганыя *головы* Половецкыя . . .«

Именительный падеж может выражать и состояния:

» . . . *тоска разліяся* по руской земли, *печаль* жирна *течетъ* средь земли руской . . .«

» . . . уныша бо градомъ забралы, а *веселіе поничe*«.

§ 17. Очень часто личный глагол употребляется без именительного падежа ($40^0/_0$). Чаще всего это эллипсис, легко восстановимый из контекста:

»Съ заранія въ пяткъ *потопташа* поганыя плъкы половецкыя; и рассутясь стрѣлами по полю, *помчаша* красныя дѣвкы половецкыя . . .«

Почти всегда пропускаются местоимения 1 и 2 лица. Случаи, где они сохраняются на перечет:

»*Ты* бо можеши Волгу веслы раскропити . . .«

»*Ты* бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы«.

»*Вы* бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю рускую, на жизнь Всеславлю«.

»Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а *вѣ* соколца опутаевѣ красною дивицею«.

Случаев с пропуском местоимений гораздо больше:

»*Хощу* бо, *рече*, копіе приломити конець поля половецкаго съ вами Русици, *хощу* главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону«.

»Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко *сѣдиши* на своемъ златокованнѣмъ столѣ. . . . Грозы твоя по землямъ текутъ; *отворяеши* Кіеву врата; *стрѣляеши* съ отня злата стола Салтани за землями«.

В повелительном наклонении это всегда:

»*Почнемъ* же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря . . .«

» . . . А *всядемъ*, братіе, на свои бръзыя комони, да *позримъ* синего Дону«.

» . . . *сѣдлай*, брате, свои бръзыи комони . . .«

»*Загородите* полю ворота своими острыми стрѣлами за землю рускую, за раны Игоревы буего Святославлича«.

Есть случаи, когда именительного падежа нет, но нельзя предполагать эллипсиса, т. к. лицо неопределенно (ср. русск. говорят, фр. on parle, нем. man sagt):

»На Немизѣ снопы *стелютъ* головами, *молотятъ* чепи харалужными, на тоцѣ животъ *кладутъ*, *вѣютъ* душу отъ тѣла«.

Есть и безличные обороты:

»Не *бысть* ту брата, Брячяслава, ни другаго — Всеволода..«

Конструкция с родовыми словами.

§ 18. Эти конструкции можно подразделить на глагольные и неглагольные. Из глагольных прежде всего надо остановиться на конструкциях с причастиями на *-л*, так как они тесно связаны с конструкциями с личным глаголом.

Конструкций с причастиями на *-л* очень немного (всего 2%) всех соединений слов). Это причастие употребляется обыкновенно без несамостоятельного глагола. Случаев употребления его с несамостоятельным (»вспомогательным«) глаголом так мало, что я их перечислю все:

»О Днепре словутицю! ты *пробилъ еси* каменныя горы сквозь землю половецкую. Ты *лелѣялъ еси* на себѣ Святославли посады до плъку Кобякова . . .«

»О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано *еста начала* половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати«.

»Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которою; ту *бяше успилъ* отецъ ихъ Святославъ грозный великій кіевскый грозою; *бяшеть притрепеталъ* своими сильными плъкы и харалужными мечи . . .«

Сюда можно присоединить еще примеры условного наклонения, где несамостоятельный глагол почти уже становится подвижным суффиксом:

»О Бояне, соловію стараго времени! *абы* ты сіа плъкы *ущекоталъ* . . .«

»Аже *бы* ты *былъ*, то *была бы* чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ«.

» . . . възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а *быхъ неслала* къ нему слезъ на море рано«.

Во всех остальных случаях несамостоятельного глагола нет, и причастие на *-л* употребляется параллельно с личным глаголом. Почти всюду оно употребляется наряду с аористом [1]) безо всякого различия в значении:

»*Спала* князю умь похоти, и жалость ему знаменіе з а с т у п и, искусити Дону великаго«.

»Долго ночь мрькнетъ; заря свѣтъ запала(?) мгла поля *покрыла;* щекотъ славій у с п е, говоръ галичь у б у д и с я«.

»*Встала* обида въ силахъ Дажьбожа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню, *въсплескала* лебедиными крилы на синѣмъ мори, у Дону плещучи, у б у д и жирня времена«.

»У н ы ш а цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли *прѣклонилося*«.

Таков же в этой конструкции и порядок слов, как в конструкции с личным глаголом: на первом месте — именительный падеж, на втором — причастие на *-л*; реже — обратный. Обратный встречается в рассказе, напр.:

»*Были вѣчи* Трояни, *минула лѣта* Ярославля; *были плъки* Ольговы, Ольга Святославличя«.

Параллельны и функции: предмет и его действие или состояние, при чем очень часто олицетворения:

»*Встала обида* въ силахъ Дажьбожа внука . . .«

» . . . уже княже *туга* умь *полонила* . . .«

[1]) Аористы отмечаю разрядкой.

Таким образом конструкция с причастием на *-л* выступает в »Слове« как соперница с конструкциями, где прошедшее время выражено личными формами глагола. Она употребляется реже их, но уже различия в значении нет. Это иная, более поздняя стадия развития этой конструкции по сравнению с той, которая отразилась в »Синодальном списке I новгородской летописи« (См. Истрина, Синтаксич. явл. § 22). В современном русском языке процесс вытеснения этой конструкцией других закончился, и она одна употребляется для выражения прошедшего времени.

§ 19. Из других глагольных родовых слов в этой конструкции чаще встречаются — страдательные причастия. Случаев с действительными причастиями только три:

»Игорь рече, о Доньче! не мало ти величія, *лелѣявшу* князя на влънахъ, *стлавшу* ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, *одѣвавшу* его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу . . .«

Во всех этих случаях причастия прошедшего времени, обозначающие действия, предшествующия моменту, к которому относится речь Игоря.

Страдательные причастия в большинстве случаев без несамостоятельных (»вспомогательных«) глаголов. Таким образом, сочетания их с именительным падежом выражают явления, относящиеся к моменту речи (т. наз. предикативное значение). Сочетания этих причастий с несамостоятельными глаголами редки в »Слове«:

»Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло; не *было* оно обидѣ *порождено* ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый половчине!«

»Чрьна земля подъ копыты, костьми *была посѣяна,* а кровію *польяна;* тугою взыдоша по руской земли«.

»Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ *бяхуть посѣяни*: посѣяни костьми рускихъ сыновъ«.

Сочетания съ этими несамостоятельными глаголами обозначают, что явления относятся к прошедшему времени.

В конструкциях с страдательными причастиями именительный падеж предшествует причастию:

»Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя *воя прикрыты* . . .«

»А мои ти *Куряни* свѣдоми къмети, подъ трубами *повити,* подъ шеломы *възлелѣяны,* конець копія *въскръмлени, пути* имъ

вѣдоми, яругы имъ *знаеми, луци* у нихъ *напряжени, тули отворени, сабли изъострени,* сами скачютъ акы сѣрыи влъци, ищучи себе чти, а князю славѣ«.

В одном только случае причастие на первом месте:

»Камо, туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя; *поскепаны* саблями калеными *шеломы* Оварьскыя отъ тебе, яръ туре Всеволоде!«

§ 20. Конструкции с неглагольными родовыми словами подразделяются на две группы — 1) с полными окончаниями и 2) с краткими окончаниями. Между обеими группами есть различие в порядке слов. В первой группе родовое слово обыкновенно стоит на первом месте (77%), напр.:

»Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, *сѣрымъ вълкомъ* по земли, *шизымъ орломъ* подъ облакы«.

Значительно реже (23%) родовое слово в этой группе стоит на втором месте, напр.:

» . . . путь кажетъ изъ *земли половецкой* на *землю рускую*«.

В группе с краткими окончаниями, наоборот, чаще родовое слово стоит на втором месте (55%), напр.:

»Были *вѣчи Трояни,* минула *лѣта Ярославля;* были *плъци Олговы,* Олга Святъславлича«.

Несколько реже родовое слово стоит на первом месте (45%), напр.:

»Игорь ждетъ *мила брата* Всеволода«.

Другое отличие состоит в том, что сочетания с родовыми словами (с краткими окончаниями) могуть выражать отношение к моменту речи. Таких примеров в »Слове« очень мало:

» . . . сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти *готови,...*«

»Кая *рана дорога,* братіе . . .« (если это место так надо понимать).

В одном случае есть несамостоятельный глагол:

»Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ *тепло* и *красно еси* . . .«

В других отношениях между обеими группами различия нет. Функции их параллельны.

§ 21. Чаще всего эти конструкции выражают качество предмета (или явления).

Интересно отметить, что в этой функции в обеих группах родовое слово обычно предшествует падежному; обратные случаи

редки. Приведу примеры на обе группы (1. и 2.) с обоими порядками слов (а. и б.):

1. а. » . . . а всядемъ, братіе, на свои *бръзыя комони,* да позримъ *синего Дону*«.

» . . . соловіи *веселыми пѣсьми* свѣтъ повѣдаютъ«.

б. »Не буря соколы занесе чрезъ *поля широкая;* галици стады бѣжать къ *дону великому* . . .«

» . . . одинъ братъ, одинъ *свѣтъ свѣтлый* ты, Игорю! оба есвѣ Святъславлича«.

2. а. »Не бысть ту брата, Брячяслава, ни другаго — Всеволода; единъ же изрони *жемчюжну душу* изъ *храбра тѣла* чресъ *злато ожереліе*«.

» . . . убуди *жирня времена*«.

б. » . . . се бо два сокола слѣтѣста съ отня *стола злата* . . .«

» . . . *печаль жирна* тече средь земли рускои . . .«

На втором месте, по употребительности, стоит функция — принадлежность предмета (или явления). Здесь есть различие между обеими группами в порядке слов: в группе с полными окончаниями оба порядка слов представлены одинаково, в группе с краткими окончаниями в два раза чаще родовое слово стоит на втором месте. Примеры приведу по тем же четырем рубрикам:

1. а. »Тогда по *руской земли* рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици *свою рѣчь* говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе«.

б. »Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь *крѣпостію своею,* и поостри *сердца своего* мужествомъ, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на *землю половецкую* за *землю рускую*«.

2. а » . . . *Игорева* храбраго *плъку* не крѣсити«.

» . . . стрѣляеши съ *отня* злата *стола* Салтани за землями«.

б. »Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о *плъку Игоревѣ,* Игоря Святославича!«

»Были *вѣчи Трояни,* минула *лѣта Ярославля;* были *плъци Олговы,* Ольга Святъславлича«.

Другие функции встречаются значительно реже, чем первые две. Перечислю их в порядке убывания.

Количество предметов (родовое слово всегда перед падежным):

»И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: *одинъ братъ, одинъ свѣтъ* свѣтлый ты, Игорю . . .«

»Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою *вся* своя *воя* прикрыты . . .«

»Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими: тѣми тресну земля, и *многы страны* — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша . . .«

Указание на предмет или явление:

»Начати же ся *тъй пѣсни* по былиномъ *сего времени*, а не по замышленію Бояню«.

»То было въ *ты рати* и въ *ты плъкы;* а *сицей рати* не слышано . . .«

»Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь течетъ *онымъ* грознымъ *Полочаномъ,* подъ кликомъ поганыхъ«.

Порядок слов всегда такой, кроме одного случая:

»Почнемъ же, братіе, *повѣсть сію* отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря . . ..

Порядок предметов или явлений:

»О! стонати руской земли, помянувше *пръвую годину* и *пръвыхъ князей*«.

»*Другаго дни* велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ...«

»На *седьмомъ вѣцѣ* Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу«.

Порядок слов только такой.

Отношение ко времени:

»Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ *стараго Владимера* до *нынѣшняго* Игоря . . .«

»Тоже звонъ слыша *давный* великый *Ярославъ,* сынъ Всеволожь . . .«

»Нъ рѣкосте: мужаимѣ ся сами, *преднюю славу* сами похытимъ, а *заднюю* си сами подѣлимъ«.

Порядок слов всегда такой.

Отношение к месту (обыкновенно родовое слово на втором месте):

»Тъй клюками подпръ ся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата *стола Кіевскаго.*

В одном случае родовое слово на первом месте:

» . . . дивъ кличеть връху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, *Тьмутороканьскый блъванъ*«.

Обзор фактов показывает, что та дифференциация между

конструкциями с полными и краткими родовыми словами, которая некогда существовала в том виде, как она сохранилась в старо-славянском языке: полные родовые слова употреблялись в соединении с падежными, выражавшими уже упомянутые или известные предметы или явления, краткие — в других случаях. Этого различия в »Слове« нет: обе конструкции употребляются в этом отношении одинаково. Однако, уже намечается другая дифференциация: употребление конструкций с краткими родовыми словами по отношению к моменту речи (т. наз. предикативное значение), при чем родовое слово обычно следует за падежным, — тогда как конструкции с полными родовыми словами этого отношения не выражают (т. наз. аттрибутивное значение), и родовые слова обыкновенно предшествуют падежным.

Этот процесс в современном русском языке закончился и уже назревает новая стадия: конструкции с полными родовыми словами начинают выражать отношение к моменту речи, что особенно сказывается в языке крестьян.

Вот примеры из говора села Дорофеева:

»Сыновья женатые«.

»Стройка хорошая«.

»Мы привышные«.

»Оне одинокие«.

Полные родовые слова употребляются там и с несамостоятельными глаголами:

»Он десять лет *был больной«.*

Падежные конструкции

§ 22. Как было видно из предыдущего (§ 13), падежные конструкции — наиболее употребительные в »Слове« из синтетических. Менее употребительны падежные конструкции в языке классиков (25%). Там они в значительной степени были вытеснены предложными конструкциями. Совсем не осталось конструкций с местным падежом без предлога, которых, впрочем, и в »Слове« немного (1%). Различна употребительность отдельных падежных конструкций. В »Слове« — на первом месте конструкции с винительным падежом (30,6%), на втором — с дательным (20%), на третьем — с творительным (19%), на четвертом — с родительным (17%), на последнем — с местным (1%). У классиков на второе место выдвигаются конструкции с родительным падежом (34,5%)

благодаря некоторым функциям его, ставшим особенно актуаль-ными, совсем нет конструкций с местным пад.; в остальном по-рядок употребительности тот же. Есть различия и в порядке слов: В »Слове« глагол в падежных конструкциях почти так же часто стоит на первом месте, как и на втором (отношение — 60%—40%), а в конструкциях с винительным падежом даже чаще на втором месте (46%—54%). В языке классиков глагол значитель-но чаще стоит на первом месте (отношение — 75%—25%), и так в конструкциях со всеми падежами, не исключая винительного, где такое положение глагола особенно часто (отношение — 80% — 20%). Т. образом, в языке классиков несомненная тенденция вы-двигать глагол на первое место. Опять процесс стабилизации по-рядка слов, почти незаметный в »Слове«.

§ 23. *Конструкции с винительным падежом.*

Винительный падеж в этой конструкции чаще предшествует глаголу (54%), чем следует за ним (46%). В этом порядке слов, может быть, можно видеть отражение более старой эпохи, когда винительный падеж преимущественно стоял перед глаголом. Со-впадение винительного падежа с именительным создавало труд-ности для понимания при таком порядке слов, и вот винитель-ный падеж все чаще начинает следовать за глаголом. В »Слове« таких случаев почти половина. В языке классиков их уже 80%, при чем перед глаголом находятся гл. обр. винительные падежи падежных слов с местоименным значением, напр., »А где *его* по-хоронили?« (Пушк.).

Таким образом, конструкции с именительным падежом и личным глаголом (§ 14) и конструкции с винительным падежом все больше и больше начинают отличаться по порядку слов; но и у классиков он не достиг еще такой стабилизации, как, напр., во французском и английском языках.

Наиболее употребительная функция этой конструкции (80%) — действие и предмет (в самом широком значении), на который оно направляется:

»Хощу бо, рече, *копіе приломити* конець поля Половецка-го съ вами русици, хощу *главу* свою *приложити*, а любо испити шеломомь Дону«.

»На Немизѣ *снопы стелютъ* головами, молотять чепи хара-лужными, на тоцѣ *животъ кладуть, вѣютъ душу* отъ тѣла«.

»Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и *видѣ* отъ него тьмою вся своя *воя* прикрыты . . .«

»Тоже *звонъ слыша* давный великый Ярославь сынъ Всеволожь . . .«

Может обозначать эта конструкция также — действие и место или время:

»Хощу бо, рече, копіе *приломити конець* поля половецкого . . .«

»*Бишася день, бишася другый* . . .«

»А Святославъ мутенъ сонъ *видѣ* въ Кіевѣ на горахъ *си ночь* . . .«

§ 24. *Конструкции с родительным падежом* можно подразделить на 1) *глагольные* (глагол и родительный падеж) и 2) *неглагольные* (падежное слово и родительный падеж). Вторые более употребительны, чем первые.

В первых глагол чаще стоит на первом месте (63%). То же, несколько чаще, у классиков (71%).

Из функций этой конструкции наиболее употребительная — родительный падеж при отрицательном глаголе (действие не касается предмета, предмет или явление не воспринимается, не существует):

» . . . а Игорева храбраго *плъку не крѣсити*«.

»То было въ ты рати и въ ты плъкы; а сицей *рати не слышано*«.

»А уже *не вижду власти* сильнаго, и богатаго и многовоя брата моего Ярослава . . .«

»*Не бысть* ту *брата* Брячяслава, ни другаго Всеволода . . .«

Следующая по употребительности функция — желание чего-нибудь, стремление к чему-нибудь:

» . . . сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, *ищучи* себѣ *чти*, а князю *славѣ*«.

» . . . се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, *поискати града* Тьмутороканя . . .«

Далее — действие и предмет, подвергающийся ему не в полном объеме:

» . . . а любо *испити* шеломомь *Дону*«.

»Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отня злата *стола поблюсти?*«

Реже всего — явление и место или время его осуществления:

» . . . изъ Кыева *дорискаше* до Куръ *Тмутороканя* . . .«

»*Другаго дни* велми рано кровавыя зори свѣтъ *повѣдають*«...

»Бишася день, бишася другый, *третьяго дни* къ полуднію *падоша* стязи Игоревы«.

§ 25. В неглагольных конструкциях с родительным падежом чаще родительный падеж стоит на втором месте (63%). То же, в большей степени, у классиков (75%).

Эта конструкция обозначает принадлежность предмета, признака или явления (больше половины всех случаев):

»Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о *пълку* Игоревѣ, *Игоря* Святъславлича!«

Интересно отметить, что в этом примере принадлежность выражена два раза разными способами: один раз — родовым словом (»Игоревѣ«), другой — родительным падежом (»Игоря«). Это не единичный случай в »Слове«.

»Ты, буй Рюриче и Давыде! не *ваю* ли злачеными *шеломы* по крови плаваша? не *ваю* ли храбрая *дружина* рыкаютъ, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?«

»Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни: посѣяни *костьми* рускихъ *сыновъ*«.

»Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя *его раны* на жестоцѣмъ *его тѣлѣ*«.

Интересно отметить, что родительный падеж, стоящий на первом месте, — родительный падежных слов с местоименным значением (ваю, его). Ср. то же явление у классиков.

Другая функция — количество предметов:

»Боянъ же, братіе, не *10 сокаловъ* на *стадо лебедѣй* пущаше, нъ своя вѣщія пръсты на живая струны въскладаше; они же сами славу рокотаху«.

Приведу примеры на редкие случаи конструкций родительного падежа с другими неглагольными словами:

»А мы уже, дружина, *жадни веселіа*!«

»*Мало* ли ти бяшетъ *горъ* подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?«

§ 26. *Конструкции с дательным падежом* главным образом — глагольные, при чем глагол несколько чаще на первом месте (55%). У классиков это значительно чаще (71%). Если дательный падеж перед глаголом, то он — падежное слово с местоименным значением, напр.:

»Солнце *ему* тъмою путь *заступаше;* нощь стонущи *ему* грозою птичь *убуди* . . .«

Редко это слова с неместоименным значением, напр.:

» . . . они же сами *князем* славу *рокотаху*«. Ср. такое же явление в языке классиков. (»Синт. русск. яз.« § 37).

Чаще всего эта конструкция обозначает действие и предмет, которого оно касается, по отношению к которому оно производится (процентов 60), напр.:

» . . . который дотечаше, та преди пѣснь *пояше* старому *Ярославу*, храброму *Мстиславу*, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному *Романови* Святъславличю.

»Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи *себѣ* чти, а *князю* славѣ«.

»*Млъвитъ* Гзакъ *Кончакови* . . .«

Все остальные функции встречаются значительно реже. Перечислю их в порядке употребительности.

Предмет и действие, которое он производит, или состояние, в котором он находится (действие и состояние выражаются неопределенной формой):

»О! *стонати* руской *земли*, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей«.

»Великый княже Всеволоде! не мыслію *ти прилетѣти* издалеча, отня злата стола поблюсти?«

»Жены рускія въсплакашась аркучи: уже *намъ* своихъ милыхъ ладъ ни мыслію *смыслити*, ни думою *сдумати*, а злата и сребра ни мало того *потрепати*«.

»Князю *Игорю не быть* . . .«

Причина какого-н. явления (все примеры в плаче Ярославны, с вопросительными словами):

»О вѣтрѣ, вѣтрило! *чему*, господине, насильно *вѣеши*? *Чему мычеши* хиновскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?«

»*Чему*, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?«

Действие и его цель:

»Дремлеть въ полѣ Олгово храброе гнѣздо, далече залѣтѣло; не было оно *обидѣ порождено* ни соколу, ни кречету, ти тебѣ чръный воронъ, поганый половчине!«

» . . . и полетѣ соколомъ подъ мьглами, *избивая* гуси и лебеди *завтроку* и *обѣду* и *ужинѣ*«.

Приведу примеры на конструкции дательного падежа с неглагольными словами.

С падежными словами:

» . . . уныша бо *градомъ забралы*, а веселіе пониче«.

»...подъ *сѣнію* зелену *дереву*...«

»*Туга* и *тоска сыну* Глѣбову«.

»*Княземъ слава* а *дружинѣ*«.

С родовыми словами:

»На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣ-вицю *себѣ любу*«.

С наречиями:

»Не *лѣпо* ли *ны* бяшетъ, братие, начати старыми словесы....

»*Мало* ли *ти* бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи ко-рабли на синѣ морѣ?«

§ 27. *Конструкции с творительным падежом* все глагольные. Глагол несколько чаще на первом месте (54%); у классиков — 79%.

Наиболее употребительная функция — действие и спосо[б] его совершения (прецентов 25):

»Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици *стад[ы] бѣжать* къ Дону великому«.

»...орли *клектомъ* на кости звѣри *зовутъ*...«

»...быти грому великому, *итти* дождю *стрѣлами* съ Дон[у] великаго...«

»...дятлове *тектомъ* путь къ рѣцѣ *кажутъ*, соловіи весе-лыми *пѣсьми* свѣтъ *повѣдаютъ*«.

»Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а в[ѣ] соколца *опутаевѣ* красною *дивицею*«.

Почти так же употребительна другая функция — действи[е] и орудие (или средство), при помощи которого оно совершаетс[я] процентов 20):

»...а любо *испити шеломомь* Дону«.

»...*орьтмами* и *япончинцами* и *кожухы* начашя мосты *мо-стити* по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми *узорочь[ями]* половецкыми«.

»Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, *прыщеши* на во[и] *стрѣлами*, *гремлеши* о шеломы *мечи* харалужными«.

Третья по употребительности функция — сравнение (про-центов 18):

»Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то расте-кашется мыслію (*мысію*?) по древу, сѣрымъ *вълкомъ* по земл[и], шизымъ *орломъ* подъ облакы«.

Чтение »мысію« (белкою) делает сопоставление с волком [и] орлом более понятным. В таком случае все творительные падеж[и]

употреблены в одной функции — выражают сравнение. Такие сравнения автор »Слова« очень любит.

»*Скочи* отъ нихъ лютымъ *звѣремъ* въ плъночи, изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мглѣ, утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, *скочи влъкомъ* до Немиги съ Дудутокъ«.

» . . . *полечу*, рече, *зегзицею* по Дунаеви . . .«

» . . . а Игорь князь *поскочи горностаемъ* къ тростію и бѣлымъ *гоголемъ* на воду; въвръжеся на бръзъ комонь и *скочи* съ него босымъ *влъкомъ*, и потече къ лугу Донца, и *полетѣ соколомъ* подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтраку, и обѣду, и ужинѣ«.

Другие функции — редки.

Причина явления:

»А *въстона* бо, братіе, Киевъ *тугою*, а Черниговъ *напастьми* . . .«

Место действия:

»А половци неготовами *дорогами побѣгоша* къ Дону Великому . . .«

§ 28. *Конструкции с местным падежом* очень редки в »Слове«. Они обозначают явление и место или время его осуществления:

» . . . дивъ *кличетъ връху* дерева . . .«

»Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, *обѣсися* синѣ *мглѣ*(?), *утрѣ*(?) же *вонзи* стрикусы, оттвори врата Нову-граду . . .«

»*Прысну* море *полунощи* . . .«

»*Погасоша вечеру* зари(?).

Некоторые из этих случаев, как видим, сомнительны.

Чаще, повидимому, употребляются конструкции с местным падежом в летописях: »Формы местн. без предлога обычны для обозначения места; параллельно употребляются местн. с предлогами »*въ, на*«; местн. без предлога встречается обычно лишь при названиях городов, при которых употребляется предлог »*въ*«; при именах нарицательных местн. всегда с предлогом, исключая пример последней строки списка: »и положиша і оу стои Софьи притворѣ« 337, 19 (Истрина, цит. соч., § 29, стр. 164).

В »Слове« предложные конструкции с местн. падежом сделали еще большие завоевания.

§ 29. *Конструкции двух падежных слов в одинаковых падежах* употребляются для обозначения имен предметов:

»*Князю Игорю* не быть . . .«

» . . . и падеся Кобякъ въ *градѣ Кіевѣ* . . .«

Собственное имя может стоять и перед нарицательным:

»Ту *Игорь князь* высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево . . .«

»Ярославна рано плачеть *Путивлю городу* на забороле . . .«

Предлог иногда повторяется и перед нарицательным и перед собственным именем:

»*На* рѣцѣ *на Каялѣ* тьма свѣтъ покрыла . . .«

Так же присоединяются к имени собственному эпитеты:

»И рече ему *буй Туръ Всеволодъ* . . .«

»О *Бояне, соловію* стараго времени!«

Сюда же надо отнести патронимику:

»Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, *Игоря Святъславлича*!«

»Тогда при *Олзѣ Гориславличи* сѣяшется и растяшеть усобицами . . .«

§ 30. Необходимо отметить в падежных конструкциях большое количество дистантных положений (ср. § 15), что свидетельствует об искусственности языка »Слова«. Таких положений в »Слове« больше 50%; т. обр., они встречаются чаще даже, чем в языке классиков. Приведу примеры на разные падежные конструкции:

»*Чрьпахуть* ми синее *вино* съ трудомъ смѣшено; *сыпахуть* ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый *женчюгь* на лоно и нѣгуютъ мя . . .«

»Кая рана дорога, братіе, забывъ чти, и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя *хоти*, красныя Глѣбовны, *свычая* и *обычая*?!«

»*Чему*, господине, мое веселіе по ковылію *развѣя*?«

»*Подперъ* горы Угорскыи своими желѣзными *плъки* . . .«

»*Загородите* полю ворота своими острыми *стрѣлами* за землю рускую, за раны Игоревы буего Святославлича«.

Предложные конструкции.

§ 31. Вполне понятно, что предложные конструкции в »Слове« значительно менее употребительны (18%), чем падежные (31,5%): синтетические конструкции там вообще преобладают (§ 13). Предложные конструкции уже соперничают с падежными,

некоторые из них они уже почти вытеснили (конструкции с местным падежом), иногда одна и та же функция выражается то падежной то предложной конструкцией (Ср. »*Мльвитъ* Гзакъ *Кончакови* . . .« и »*Рече* Кончакъ *ко* Гзѣ . . .«), но все же преобладают еще падежные, и функции предложных конструкций отличаются еще очень конкретным характером — в большинстве случаев они обозначают отношение к месту или ко времени. В языке русских классиков предложные конструкции уже почти сравнялись по употребительности с падежными (см. § 13), и функции их часто отличаются отвлеченным характером, но и там они не получили такого преобладания, как, напр., во французском или английском языках.

По употребительности предложные конструкции в Слове располагаются так: с винительным падежом (26%), с местным пад. (24%), с родительным (19%), с дательным (18%), с творительным (13%). У классиков на втором месте по употребительности — предложные конструкции с родительным пад., а на последнем — с дательным падежом. Первые значительно развились и по количеству предлогов и по широте функций, вторые остались с теми же двумя предлогами (»к« и »по«) и почти не расширили своих функций (См. »Синтаксис русск. яз.« §§ 68—93).

§ 32. *Предложные конструкции с винительным падежом.*

В порядке употребительности эти конструкции располагаются так: с предлогами *»на«, »в«, »за«, »о«, »чрезъ«, »по«, »про«, »подъ«, »сквозѣ«*. На последние четыре — только по одному примеру.

Самые употребительные конструкции с предлогом »на« обозначают главным образом действие и его направление:

»Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобiцѣ: тогда *пущашеть* 10 соколовъ *на стадо* лебедѣй . . . Боянъ же, братiе, не 10 соколовъ *на стадо* лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщiа пръсты *на* живая *струны въскладаше*; они же сами княземъ славу рокотаху«.

»А Игорь князь *поскочи* горнастаемъ къ тростiю и бѣлымъ гоголемъ *на воду; въвръжеся на* бръзъ *комонь* и скочи с него . . .«

Изредка эта конструкция обозначает действие и его цель:

»Донъ ти, княже, кличетъ и *зоветъ* князи *на побѣду*. Ольговичи храбрыи князи *доспѣли на брань*«.

Конструкции с предлогом »в« тоже обозначает действие и его направление (внутрь, а не на поверхность, как конструкции с предлогом »на«):

»Тогда *въступи* Игорь князь *въ* златъ *стремень* . . .« (несколько раз).

Нередко она обозначает явление и время его осуществления:

»Съ заранія *въ пятокъ потопташа* поганыя плъкы половецкыя . . .«

»Всеславъ Князь людемъ судяше, а самъ *въ ночь* влъкомъ *рыскаше* . . .«

Конструкции с предлогом »*за*« обозначают действие и цель, ради которой оно производится:

» . . . *наведе* своя храбрыя плъкы на землю половецкую *за землю* рускую«.

»Вступиша, Господина, въ златъ стремень *за обиду* сего времени, *за землю* рускую, *за раны* Игоревы, буего Святъславлича!«

Конструкции с предлогом »*о*« обозначают действие и предмет, которого оно касается (в собственном или несобственном значении):

» . . . *гримлютъ* сабли *о шеломы* . . .«

»На седьмомъ вѣцѣ Трояни *върже* Всеславъ жребій *о дѣвицю* себѣ любу«.

Конструкции с предлогом »*чрезъ*« — действие и его направление (поверх чего-нибудь или внутри чего-нибудь):

» . . . *меча* бремены *чрезъ облаки* . . .«

»*Вьются* голоси *чрезъ море* до Кіева«.

» . . . единъ же *изрони* жемчужну душу изъ храбра тѣла *чресъ* злато *ожереліе*«.

Вот примеры на конструкции, встречающиеся по одному разу:

» . . . а Владиміръ *по вся утра* уши *закладаше* въ Черниговѣ . . .«

» . . . и начяша князи *про малое* се великое *млъвити* . . .«

» . . . — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя *подклониша подъ* тыи *мечи* харалужныи«.

» . . . о Днепре словутицю! ты *пробилъ* еси каменныя горы *сквозѣ землю* половецкую«.

§ 33. *Предложные конструкции с родительным падежом.*

По употребительности конструкции располагаются так: с предлогами »*отъ*«, »*съ*«, »*до*«, »*у*«, »*изъ*«, »*безъ*«, »*кромѣ*«, »*среди*«.

Конструкция с предлогом »отъ« обозначает отправный пункт движения:

»Половци *идутъ отъ Дона*, и *отъ моря*, и *отъ всѣхъ странъ*«.

Она обозначает также лицо действующее при страдательном причастии:

» . . . *поскепаны* саблями калеными шеломы Оварьскыя *отъ тебе*, яръ туре Всеволоде«.

»Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ *отъ него* тьмою вся своя воя *прикрыты . . .*«

Обыкновенно это глагольные конструкции, но изредка и неглагольные. В слове есть один пример на эту конструкцию с падежным словом:

»Которою бо бѣше *насиліе отъ земли* Половецкыи«.

Конструкция с предлогом »съ« обозначает, как и предшествующая, движение и его отправный пункт (с поверхности чего-н.):

» . . . се бо два сокола *слѣтѣста съ* отня *стола* злата.

» . . . *итти* дождю стрѣлами *съ Дону* великого . . .«

Почти так же часто эта конструкция обозначает отправный момент в совершении действия:

»*Съ зарания* въ пятокъ *потопташа* поганыя плъкы половецкыя . . .«

»А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ си ночь: »*Съ вечера одѣвахуть* мя, рече, чрьною паполамою на кровати тисовѣ . . .«

Конструкции с предлогом »*до*« обозначают действие и конечный пункт его распространения:

» . . . *скочи* влъкомъ *до Немиги . . .*«

» . . . Игорь мыслію поля *мѣритъ* отъ великаго Дону *до* малаго *Донца*«.

»*Вьются* голоси чрезъ море *до Кіева*«.

Она обозначает также действие и конечный момент его совершения (в противоположность конструкции с предлогом »съ«, а иногда »отъ«):

» . . . съ заранія *до вечера*, съ вечера *до свѣта летятъ* стрѣлы каленыя . . .«

»*Почнемъ* же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера *до* нынѣшняго *Игоря . . .*«

Конструкции с предлогом »*у*« обозначают явление и место, вблизи которого оно осуществляется:

» . . . сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, *осѣдлани у Курьска* на переди . . .«

»...ту ся копіемъ *приламати,* ту ся саблямъ *потручяти* о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, *у Дону* великаго«.

Она обозначает также принадлежность:

»...луци *у нихъ напряжени...*«

»*Суть* бо *у ваю* желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими«.

Конструкции с предлогом »*из*« обозначают движение и его отправный пункт (изнутри, в отличие от конструкций с предлогами »*от*« и »*с*«):

»*Скочи* отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, *изъ Бѣлаграда...*«

»...*изъ Кыева дорискаше* до куръ Тмутороканя...«

»...единъ же *изрони* жемчюжну душу *изъ* храбра *тѣла...*«

Конструкция с предлогом »*безъ*« обозначают отсутствие чего-нибудь:

»Тіи бо *бесъ щитовъ* съ засапожникы кликомъ плъкы *побѣждають,* звонячи въ прадѣднюю славу«.

»...уже *дьскы безъ кнѣса* въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ«.

С таким же значением употребляются конструкция с предлогом »кромѣ«:

»*Тяжко* ти головѣ *кромѣ плечю, зло* ти тѣлу *кромѣ головы,* — руской земли безъ Игоря«.

Конструкция с предлогом »*среди*« обозначает действие и место, в центре которого оно происходит:

»...*трещатъ* копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ *среди земли* половецкыи«.

»...печаль жирна *тече средь земли* рускыи...«

§ 34. *Предложные конструкции с дательным падежом.*

Это только две конструкции с предлогами »*по*« и »*к*«, почти одинаковые по употребительности.

Конструкции с предлогом »*по*« почти все глагольные чаще всего обозначают действие и место, по поверхности которого оно распространяется:

»Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то *растекашется* мысію(?) *по древу,* сѣрымъ вълкомъ *по земли,* шызымъ орломъ подъ облакы«.

»Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и *поѣха по* чистому *полю*«.

»...*по* руской *земли прострошася* половци, аки пардуже гнѣздо...«

Редко эта конструкция обозначает действие и способ его совершения:

» . . . *начати* же ся тъй пѣсни *по былинамь* сего времени, а не *по замышленію* Бояню«.

В одном случае она обозначает действие и предмет, по отношению к которому оно совершается:

»*Плачется* мати Ростиславля *по уноши князи Ростиславѣ*«.

С падежными словами эта конструкция обозначает количество чего-нибудь (цену):

»Аже бы ты былъ, то была бы *чага по ногате*, а *кощей по резанѣ*«.

» . . . емляху *дань по бѣлѣ* отъ двора«.

Конструкции с предлогом »*к*« все глагольные и обозначают действие и его направление:

»А половци неготовами дорогами *побѣгоша къ Дону* великому . . .«

»Ничить трава жалощами, а древо с тугою *къ земли преклонилось*«.

»Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ *къ гнѣзду летитъ*, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами«.

Эта конструкция, как и конструкция с дательным падежом, обозначает действие и предмет, по отношению к которому оно производится:

» . . . и *рече* Игорь *къ дружинѣ* своей . . .«

»*Рече* Кончакъ *ко* Гзѣ . . .«

В одном случае она обозначает действие и момент времени, до которого оно произошло:

» . . . третьяго дня *къ полуднію падоша* стязи Игоревы«.

§ 35. *Предложные конструкции с творительным падежом.*

По употребительности они располагаются так: конструкции с предлогами »*с*«, »*под*«, »*за*«, »*предъ*«, »*между*«.

Конструкции с предлогом »*с*« обозначают главным образом действие и предмет, совместно с которым оно совершается:

»*Хощу* бо, рече, копіе *приломити* конець поля половецкаго *съ вами*, Русици . . .«

»На слѣду Игоревѣ *ѣздитъ* Гзакъ *съ Кончакомъ*«.

Она обозначает также действие и сопровождающее его обстоятельство:

» . . . а древо *съ тугою* къ земли *преклонилось*«.

»...а поганіи съ всѣхъ странъ *прихождаху съ побѣдами* на землю рускую«.

В одном случае — действие и орудие, при помощи которого оно совершается:

»Тіи бесъ щитовь *съ засапожники* кликомъ плъкы *побѣждаютъ...*«

Конструкции с предлогом »*под*« обозначают явление и место, где оно осуществляется:

»...*летая* умомъ *подъ облакы...*«

»...а мои ти Куряни свѣдоми къметы, *подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны...*«

»*Суть* бо у ваю желѣзныи папорзи *подъ шеломы* латинскими«.

Конструкции с предлогом »*за*« обозначают явление и место, позади которого оно осуществляется:

»Комони *ржуть за Сулою...*«

»О руская земле! уже *за шеломенемъ еси*«.

»Овлуръ *свисну за рѣкою*; велитъ князю разумѣти«.

Конструкции с предлогом »*предъ*« обозначают явление или место, впереди которого оно осуществляется, или время, до которого оно осуществляется:

»...иже *зарѣза* Редедю *предъ пълкы* Касожьскыми...«

»Что ми *шумить*, что ми *звенить* давечя рано *предъ зорями*«.

Только один пример на конструкцию с предлогом »между«:

»Съ тоя же Каялы Святопълкъ *полелѣя* отца своего *междю* Угорьскими *иноходьцы* ко святѣй Софіи къ Кіеву«.

§ 36. *Предложные конструкции с местным падежом.*

Одинаково употребительны конструкции с предлогами »*въ*« и »*на*«, по одному примеру на конструкции с предлогами »*о*« и »*при*«.

Конструкции с предлогом »*в*« обозначают главным образом явление и место, где (внутри) оно осуществляется:

»Комони ржуть за Сулою; *звенить* слава *въ Кыевѣ;* трубы *трубятъ въ Новѣградѣ; стоять* стязи *въ Путивлѣ...*«

»Ярославна рано *плачетъ въ Путивлѣ* на забралѣ...«

В двух случаях эта конструкция обозначает явление и время его осуществления:

»*Скочи* отъ нихъ лютымъ звѣремъ *въ плъночи...*«

»Комонь *въ полуночи* Овлуръ *свисну* за рѣкою...«

Конструкции с предлогом »*на*« обозначают главным образом явление и место (поверхность), где оно осуществляется:

»Ту ся брата *разлучиста на брезѣ* быстрой Каялы«.

»Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, высоко *сидиши на* своемъ златокованнѣмъ *столѣ*«.

»Солнце свѣтится *на небесѣ*, Игорь князь въ руской землѣ. Дѣвици *поютъ на Дунаи*«.

В одном случае эта конструкция обозначает явление и время, когда оно осуществляется:

»*На седьмомъ вѣцѣ* Трояни *връже* Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу«.

Вот два примера на конструкции с предлогами »*о*« и »*при*«:

»Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ *повѣстій о пълку* Игоревѣ, Игоря Святъславича!«

»Тогда *при Олзѣ* Гориславичи *сѣяшется* и *растяшеть* усобицами . . .«

Конструкции с вспомогательными глаголами.

§ 37. Это — наименее употребительные из аналитических конструкций в »Слове« (см. § 13). Они употребляются параллельно с конструкциями причастий на *-л* (см. § 18) и страдательных причастий (см. § 19). Там приведены и все примеры.

На конструкции с другими разрядами слов только два примера:

»И рече ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, *оба есвѣ Святъславлича* . . .«

»Того стараго Владиміра *не льзѣ бѣ пригвоздити* къ горамъ Кіевскимъ . . .«

Если сравнить по отношению к этой конструкции »Слово« с классиками, то последние понесли двойную утрату: 1) вспомогательный глагол настоящего времени совсем перестал употребляться, осталось прошедшее время — »был« и будущее — »буду«; 2) совсем перестал употребляться вспомогательный глагол с причастием на *-л*, кроме условного наклонения, где »*бы*« понимается уже как подвижной суффикс. Роль конструкций с вспомогательным глаголом стала совсем иная, значительно видоизменилась.

Конструкции с союзами.

§ 38. По употребительности эти конструкции располагаются так: с союзами — *»и«*, *»а«*, *»акы«* (*»яко«*), *»ни«*, *»да«*, *»нежe«*, *»рци«*. На последние три — только по одному примеру.

Конструкции с союзом »и« употребляются для соединения слов, находящихся в одинаковых отношениях к какому-нибудь одному слову; это — перечисление или предметов или самых разнообразных признаков:

»А уже не вижду власти сильнаго *и* богатого *и* многовоя брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ могуты, *и* съ Татраны, *и* съ Шельбиры, *и* съ Топчакы, *и* съ Ревугы, *и* съ Олбѣры«.

»Вежи ся половецкіи подвизашася; а Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію *и* бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, *и* скочи съ него босымъ влъкомъ, *и* потече къ лугу Донца, *и* полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси *и* лебеди завтраку, *и* обѣду, *и* ужинѣ«.

При отрицании в таких случаях употребляется союз *»ни«*:

»Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далече залетѣло; не было оно обидѣ порождено *ни* соколу, *ни* кречету, *ни* тебѣ, чрьный воронъ, поганый половчине«.

»Жены рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ *ни* мыслію смыслити, *ни* думою сдумати, *ни* очима съглядати, а злата и сребра *ни* мало того потрепати«.

Довольно часто такие перечисления делаются в »Слове« и без союзов:

»Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскыми: тѣми тресну земля, и многы страны — *Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела* и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи«.

»Игорь рече: »О Доньче! не мало ти величія, *лелѣявшу* князя на влънахъ, *стлавшу* ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, *одѣвавшу* его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену дереву; стрежаше его *гоголемъ* на водѣ, *чайцами* на струяхъ, *чрьнядьми* на ветрѣхъ«.

Конструкции с союзом *»а«* обозначают обыкновенно противоположение:

»Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, *а* не по замышленію Бояню«.

»Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, *а* князю славы«.

Иногда эти конструкции выражают не противоположение, а выполняют ту же функцию, что и конструкции с союзом »*и*«.

»Княземъ слава *а* дружинѣ«. (Слава князю *и* дружине).

Конструкции с союзом *акы* (яко) выражают сравнение:

» . . . сами *скачють акы* сѣрыи *влъци* въ полѣ . . .«

» . . . по руской земли *прострошася* половци, *аки* пардуже *гнѣздо* . . .«

»Высоко плаваеши на дѣло въ буести, *яко соколъ* на вѣтрехъ *ширяяся* . . .«

В таком же значении употребляется — »рци«: » . . . *крычать* тѣлѣгы полунощи, *рци* лебеди роспужены«.

При сравнительной степени употребляется союз »неже«:

» . . . *луце* жъ бы потяту быти, *неже полонену быти* . . .«

Один пример на конструкцию с союзом »да«.:

» . . . а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, *да* позримъ синего Дону«.

Эту конструкцию понимают разно: некоторые передают ее союзом »и«, некоторые — »чтобы« (чтобы увидеть). Оба толкования возможны. Которое правильнее, решить трудно.

Конструкции, в которых отношения межоу словами остаются не выраженными.

§ 39. Таких конструкций в »Слове« очень немного, всего 8% (см. § 13). Из них самые употребительные — конструкции с наречиями. Они почти все глагольные, и наречие обыкновенно предшествует глаголу (ср. подобное же явление в языке классиков).

Функции этой конструкции — следующие:

1. Явление и место, где оно осуществляется:

»О! *далече зайде* соколъ, птиць бья къ морю . . .«

»Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, *высоко сидиши* на своемъ златокованнѣмъ столѣ«.

»Не *бысть ту* брата Брячяслава ни другаго Всеволода. . .«

2. Явление и время его осуществления:

»Ярославна *рано плачетъ* въ Путивлѣ на зобралѣ . . .«

»*Длъго* ночь мрькнетъ . . .«

»*Тогда* Великий Святъславъ *изрони* злато слово, съ слезами смѣшено . . .«

3. Действие и способ его совершения:

»Нъ *нечестно одолѣсте*: *нечестно* бо кровь поганую *проліясте*«.

». . . о вѣтрѣ вѣтрило! чему, господине, *насильно вѣеши*?«

»Тогда по руской земли *рѣтко* ратаеви кикахуть; нъ *часто* врани *граяхуть*, трупіа себѣ дѣляче . . .«

4. Усиление, подчеркивание какого-нибудь явления:

»*Уже снесеся* хула на хвалу; *уже тресну* нужда на волю; *уже връжеся* дивь на землю«.

»Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію *ползоша только*, дятлове тектомъ путь къ рѣкѣ кажуть . . .«

Редки примеры на неглагольные конструкции:

»А мы *уже* дружина *жадни* веселія«.

»Другаго дни *велми рано* кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ...«

§ 40. Конструкции с неопределенной формой.

Чаще всего они — глагольные, неглагольные редки. Почти также употребительна неопределенная форма вне связи с другими словами, самостоятельно.

В глагольных конструкциях неопределенная форма стоит на втором месте. Она употребляется при глаголах, обозначающих желание, изъявление воли, возможность. Это — аналитическая конструкция для выражения того, что обыкновенно (синтетически) выражается формой наклонения:

»*Хощу* бо, рече, копіе *приломити* конець поля половецкаго съ вами, русици, *хощу* главу свою *приложити* . . .«

»Овлуръ свисну за рѣкою; *велитъ* князю *разумѣти*«.

»Ты бо *можеши* Волгу веслы *раскропити*, а Донъ шеломы *выльяти*«.

Эта конструкция обозначает также возникновение какого-нибудь явления, что чаще выражается (синтетически) формой вида:

». . . и *начяша* князи про малое се великое *млъвити* . . .«

». . . о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста *начала* половецкую землю мечи *цвѣлити*, а себѣ славы *искати*«.

Приведу примеры на неглагольные конструкции:

»*Не лѣпо* ли ны бяшетъ, братіе, *начяти* старыми словесы трудныхъ повѣстій о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!«

». . . а *любо испити* шеломомь Дону«.

»Спала князю умъ похоти, и *жалость* ему знаменіе заступи *искусити* Дону великаго . . .«

Самостоятельное употребление неопределенной формы возникало, вероятно, благодаря эллипсису, хотя не всегда. Чаще всего неопределенная форма соединяется с дательным падежом, обозначающим предмет, действующий или находящийся в каком-нибудь состоянии:

». . . *быти* грому великому, *итти* дождю стрѣлами съ Дону великаго . . .«

»О! *стонати* руской земли . . .«

»Князю Игорю *не быть* . . .«

Однако такого дательного падежа может и не быть:

». . . а Игорева храбраго плъку *не кръсити*«.

§ 41. *Конструкции с деепричастиями.*

За немногими исключениями деепричастия — настоящего времени, и конструкция обозначает явление, одновременное с другим явлением, выраженным другим глаголом. Когда деепричастия прошедшего времени, конструкция обозначает временную последовательность: деепричастие обозначает предшествующее явление. Приведу примеры:

»О, Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, *скача*, славію, по мыслену древу, *летая* умомъ подъ облакы, *свивая* славы оба полы сего времени, *рища* въ тропу Трояню чресъ поля на горы«.

». . . сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, *ищучи* себѣ чти, а князю славѣ«.

»Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на зобралѣ, *аркучи*...«

». . . *наплънивъся* ратнаго духа, наведе храбрыя плъкы на землю половѣцькую за землю руськую«.

О бессоюзном соединении слов см. § 38.

Заключение.

§ 42. Даже беглое сравнение с синтаксисом летописи (см. §§ 9, 18 и нек. др.) показывает, что синтаксис »Слова« отличается от синтаксиса летописи. В некоторых отношениях они представляют разные стадии развития. Кроме того, оба отражают язык разной среды — летопись — духовной, »Слово« — великокняжеской, к тому же более близкой к разговорной речи.

С другой стороны, сравнение с синтаксисом языка русских классиков и с синтаксисом языка крестьян Дорофеева показывает, что синтаксис »Слова« — носит на себе черты большой

искусственности. Это синтаксис — литературного языка, имеющего за собою довольно длительную историю, которая еще не исследована. Особенно ясно об этом свидетельствует сложность строения предложения.

Синтаксис »Слова« обнаруживает синтетической характер. Об этом свидетельствует ряд явлений: 1) Большое количество случаев, в которых отношения между словами выражены (92%), в противоположность незначительному количеству тех, в которых отношения между словами не выражены (8%); 2) Большое преобладание синтетических конструкций над аналитическими (первых 76,5%, вторых — 23,5%). 3) С падежными конструкциями уже конкурируют предложные, но первые значительно преобладают (31,5% против 18%). 4) Почти нет еще стабилизации порядка слов.

Исследование синтаксиса других древних памятников должно уточнить все эти выводы. Кончаю свое небольшое исследование призывом к таким же исследованиям.

Москва. *М. Петерсон.*

Kritiky a referáty.

Dr. Hans Holm Bielfeldt: **Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen.** Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, herausgegeben von *Max Vasmer.* Kommissionsverlag Otto Harrassowitz, Lipsko. 1933, stran XXXVIII + 309. Cena 15 RM.

Jádrem práce Bielfeldtovy je abecední seznam hornolužických slov přejatých z němčiny (str. 87—297). V seznamu tom konstatuje u každého výrazu, jak je rozšířen, udává jeho německý pramen a připomíná také, pokud se výraz ten vyskytuje také v jiných jazycích slovanských, zejména nejbližších, v dolní lužičtině, češtině a polštině. Této hlavní části své práce předeslal Bielfeldt dvě kapitoly úvodní: v první (str. XX — až XXVIII) pojednává o německých a jiných cizích živlech v hornolužickém slovníku, v druhé (str. 1—86) podává hláskoslovný rozbor hornolužických slov přejatých z němčiny. V první kapitole se krátce zmiňuje o češtině jako zprostředkovatelce některých výpůjček v horní lužické srbštině, při čemž ukazuje na to, že se mohly i některé jiné výrazy cizí, na př. latinské, francouzské a italské, dostati do horní lužičtiny prostředím českým (*bašta, ymbra* „cimbuří",*moruša, rima* „rýma" a j.). Bielfeldt se pokouší také o určení časových vrstev německých výpůjček v horní lužické srbštině, ovšem také o určení, z které oblasti dialektické tato slova do horní lužičtiny proniklá pocházejí: jsou většinou z východní střední němčiny. Dolní lužická srbština přejímala některá slova z dolní němčiny a ta pak mohla proniknouti také do lužické srbštiny horní. Nejmladší výpůjčky jsou ze spisovného jazyka německého. Přejímána byla také jména vlastní, osobní i místní, kterých ovšem zpravidla v seznamu neuvádí. Neuvádí v něm také mezinárodních, obecné v Evropě rozšířených slov, jako na př. *abejcej* „abeceda", *arija, cytara, khrónika, terasa* atd. Bielfeldt naznačuje také v této úvodní stati, kterým významovým oblastem náleží hornoluž. z němčiny přejaté výrazy a kterým slovním druhům: nejvíce je mezi nimi substantiv, méně sloves a celkem málo adverbií, adjektiv a jiných slovních druhů.

V druhé kapitole obírá se autor podrobně hláskovou stránkou přejatých slov: ukazuje, kterým hláskám německým odpovídají hlásky hornolužické a vyvozuje ze znění slov hornolužických, co z toho po případě plyne pro přejetí příslušného slova.

Krátká zmínka o českém vlivu na hornolužický poklad slovní nevystihuje ovšem podstatu věci. Píše-li Bielfeldt na str. XXII. o tom, že mohly české výrazy býti přejímány v době dávného zeměpisného styku Čech s Lužicí, ale že zřetelnější jsou výpůjčky z češtiny až z doby

pozdější, vznikající z kulturních styků mezi Lužicí a Čechami, zejména v době novější vlivem „častých cest lužických spolků do Prahy a pravidelné návštěvy lužických akademiků na českých universitách, zejména po r. 1918"[1]), tu zapomíná, že nebylo jen zeměpisného styku obou území, nýbrž že bylo přímé spojení státní počínaje jedenáctým stoletím až do Pražského míru r. 1635.

A nebyly jenom státní vztahy, které jistě také musily zůstaviti určité, dosud neprozkoumané ohlasy v lužickém pokladu slovním, byly přímé styky kulturní: nejenom tedy používání českých (a polských!) textů, o nichž se Bielfeldt zmiňuje pouze u jediného Michala Frencela, a to na základě Řezbářkovy lipské disertace „Leben und Wirken von Mich. Frentzel (Drážďany 1930), ale byly také hojné vlivy zejména u syna Michalova Mistra Abrahama Frencela v jeho čtyřsvazkovém díle De originibus linguae sorabicae, vytištěném v letech 1693—1696 (mělo býti celkem deset svazků!). Abraham Frencel sice založil své dílo na omylném srovnávání luž. srbštiny s hebrejštinou, chaldejštinou a syrštinou, nicméně dbal stálého srovnávání se sousedními slovanskými jazyky českým a polským, citoval přístupné mu slovanské prameny, při čemž také naznačoval úplnou podobnost některých výrazů, které byly jistě z těchto jazyků přejaty. Upozornil na to po prvé již K. A. Mosak-Kłosopólski v Jórdanově Jutničce 1842, str. 29 a novějí podrobně A. Muka ve svých Frencelianech v Čas. Mać. Serb. 1881, str. 69 a n., v kapitole II.: Abraham Frencel jako serbski rěčnicaŕ.

Víme dále, že v l. 1678—1679 v Praze studoval Jakub X. Ticin (1656—1693), rodem z pruského, tehdy ještě saského Kulowa (něm. Wittichenau), který tu vstoupil do řádu jesuitského a později také v Praze působil. Tento Ticin vytiskl v pražské jesuitské universitní tiskárně r. 1679 svou hornolužickou mluvnici Principia linguae wendicae, kterou založil na českém pravopise a na stálém zření k českému jazyku.

V šlépějích Ticinových šel jiný Kulowčan Jurij Hawštyn (Augustin) Swětlik (1650—1729), který vystudoval rovněž v Čechách na gymnasiu krumlovském a theologii v konviktě olomouckém, kde dosáhl hodnosti mistrovské a po nějaký čas působil v Čechách, než dostal místo v Lužici v Budyšíně, později v Radwoŕu a konečně zase v Budyšíně jako canonicus residens, „procurator Capituli" a senior kapitulního sboru svatopetrského. Swětlik rovněž překládal evangelia a celé Písmo svaté do horní lužické srbštiny, jistě že také znal ze svých studií v Čechách české texty, ale na rozdíl od M. Frencela položil důraz na latinskou vulgatu a snažil se překládati přímo z latiny do své mateřštiny. Při tom se ovšem nevyhýbal běžným tehdy výpůjčkám z německého jazyka, ačkoliv se snažil užívati dobrých slov domácích. Upozornil na to nově Ben. Šołta ve své lipské disertaci „Prěni hornjoserbski přełožk biblije" (Budyšín 1921). Swětlik na př. užil slova *cejch* jako Frencel, ale užíval také slova *znamo*; — za *thesaurus* má slovo *šoc* (Frencel *šac*), ale také dobr

[1]) Odkud byla čerpána data o častých spolkových návštěvách, když jich před světovou válkou nebylo a po válce jen dva větší pěvecké zájezdy(!)?

domácí *pokwad* (= pokład), podnes v lužické mluvě běžné (srov. Šołta v cit. spise str. 19).

Nemáme dosud bohužel dějepisného nástinu vývoje lužické srbštiny se zřetelem k nadhozeným otázkám. Při podrobném jeho sledování bude nutno rozřešit otázku převzetí některých slov z církevní slovanštiny českým prostřednictvím a také snad z češtiny, jimiž se zabýval již I. I. Sreznevskij ve svém „Istoričeském očerku serbolužickoj literatury" v petrohradském Žurnále Min. N. P. 1844, Maj 43, odděl. II., v 2. pozn. na str. 34. Sreznevskij vykládal z češtiny výrazy: *jitne*, *blido*, *kelich*, *čistc*, *Boze stpiće*, *biskup*, z církevní slovanštiny anebo z češtiny: *kral*, *płat*, *trojica*, *kšćić*, *sćenje* (evang. čtení), *pop*, *cirkej*, *duchomny*. Je podivné, že Bielfeldt si slova *kral* ani nepovšiml.

Po této *nejstarší vrstvě* bychom musili mluvit o knižních vlivech při překládání církevních knih a příruček a to počínaje Jakubicou a jeho následovníky v obou Lužicích, dále bychom si musili všimnouti vlivů českých nejen u M. Frencela, nýbrž také u překladatelů ostatních, zejména u evang. komise, která přeložila celou bibli a vytiskla ji v Budyšíně r. 1728. Na katolické straně byl to přímý vliv Lužického semináře v Praze, založeného r. 1704, z něhož vyšla řada vynikajících lužických spisovatelů a národních pracovníků, mužů, kteří se stýkali s českými pracovníky, spisovateli a vědci, a kteří také pod tímto vlivem pracovali v dobách, kdy u spisovatelů evangelických byl přejímán jazyk beze změny jen mechanicky novými přetisky nebo překlady církevních a náboženských knih. Srov. J. H[andrik], Stawizny serbskeho seminara w Praze (Budyšin 1930), o českých vlivech Jos. Páta: Z archivu pražské Serbowky, Máchalův sborník v Praze 1925, nově v Lužických statích, Praha 1936.

Pak přišly vlivy v době obrozenské: osobní a písemné styky česko-lužické (srov. Jos. Páta, Zawod do studija serbskeho pismowstwa, Budyšin 1929). Jak hornolužický obrozenský básník H. Zejleŕ, tak filolog J. P. Jórdan založili své hornolužické mluvnice na pracích českých, zejména na mluvnici Dobrovského (srov. Jos. Páta, H. Zejleŕ a jeho styky s Čechy a Slováky, Čas. Nár. musea 1923, též ve zvl. otisku v Praze 1923.) Oba znali český jazyk, z něho překládali a přejímali slova česká, což zejména činil K. Pful. Dalším obdobím bylo období mladolužické, kdy vůdčí básník té doby J. Bart-Ćišinski tvořil přímo pod vlivem českým a zaváděl také české výrazy, až to způsobovalo u domácích spisovatelů zřejmý odpor: na př. u H. Dučmana. Konečně posledním obdobím je teprve období po světové válce. Ale to všechno by vyžadovalo nového zkoumání, probrání příslušné literatury, k čemuž podnes nebyl učiněn ani náběh. Nemáme podnes ani jediného rozboru jazyka novodobých lužických spisovatelů a nemůžeme tedy tvořiti předčasných a nesprávných závěrů. Práce Bielfeldtova mimoděk povzbuzuje k vykonání této pracné, ale již velmi žádoucí práce o lužickosrbském jazyce*).

---

*) Srvn. dosud jen celkový obraz v mé úvaze Jak se vyvíjel dnešní luž. spisovný jazyk v knize *Lužické stati*, Praha 1936. [Podrobněji ve sborníku „Slovanské spisovné jazyky v době přítomné" (Praha 1937) str. 107 nsl. Kor. pozn.]

Teprve soustavným probíráním celého slovního pokladu knižního i živého jazyka budeme moci přistoupiti také k chronologii přejatých slov, jinak dosavadní úsudky jsou stavěny na písku. Upozorňuji zde na to, že některá slova přinášejí poučné příklady pro danou otázku. Bielfeldt na př. úplně vyloučil slovo *pan* se všemi dalšími tvary a odvozeninami. Učinil tak zajisté se svého stanoviska o živé mluvě snad správně. Ale podívejme se na slovo *pan* ‚pán', které může býti z češtiny i z polštiny, v některých dokladech: v Jakubicově dolnolužickém Novém zákoně nalézáme běžně *pan, panic, pański, pańlstwo, panowaś, panownik*, výrazy, které se dostaly do překladu Jakubicova 1548 z českých a polských textů (srov. A. Muka ve studii M. Jakubica a jeho podřěč v Čas. Mać. Serb. 1909; tam je také literatura předmětu). Muka tyto výrazy zařadil do svého dolnolužického slovníku II. 1928 jako zastaralé. Rovněž jako archaismy uvádí K. Pful ve svém hornolužickém slovníku z r. 1866 výrazy: *pan, pank, panik, panko, pań* a *pani, panička, panoš, panski* a *panstwo*, a po něm také J. Kral v novém hornolužickém slovníku 1927. Jsou to tedy výrazy zastaralé a knižní, poněvadž vedle nich se vžilo a výraz *pan* zatlačilo slovo *knjez, knježna, knjeni, knježski, knježstwo, knježk, knježić* atd. v obojím luž. nářečí. Nicméně některé tvary slova *pan* jsou podnes živé v lužické srbštině, tedy také v lužické srbštině horní, a to zejména v národních písních, v nichž se slovo *pan* dosti často vyskytuje, a mimo to v lidové prosaické literatuře. Najdeme tyto písňové doklady nejen ve staré sbírce Smoleřově Pjesnički Hornych a Delnich Serbow I. 1841, ale dosud ve všech běžných společenských zpěvnících hornolužických. Tak na př. v I. sv. Smoleřa, str. 29: Hdže tón *pan* z tej *panju* spi? Přenjej nowej komory, tam tón *pan* z tej *panju* spi, — anebo ve čtvrtém rozmnoženém Słodeńkově vydání Fiedleřova Towaŕšneho spěwnika z r. 1927: Ha přijěł *panik* do Delan (str. 81), Ha słužił je hólčik *panikej* (89), Přijěł je z Mišnja młody *pan* (138) a j. Podnes oblíbený je smutný zpěv: Štó tu khodźi po mojim rowje...!? — Khodźi tu z hroda młody *pan* (Přetištěno ze Smoleřových Pěsniček v mé Lužické čítance 1920, č. 27, b). V prosaické lidové literatuře nacházíme pohádku o *panu* Hibšikovi (Łužica 1892), Khrowatski *pan* (Tydženska Nowina 1844) a j. Ve zvláštních případech se užívalo zvolání: *miły panje!*, kde je jinak běžný obrat *luby knježe!* J. Kral v uvedeném slovníku cituje také s. v. *pan* obraty rázu průpovědního: *pan a pacholo, rjane drasty troja* (= stroja) *panika* „pěkné šaty dělají pána"; při vychvalování pěkné trávy u Łazu se říká: trawniki kaž *pańske* łuky (cituje Pful i Kral). Není o tom pochyby, že takové výrazy jsou podnes majetkem živého jazyka a jejich smysl je každému zjevný. Rozhodně patří do Bielfeldtova výkladu o českých výrazech na str. XXII. Jsem ostatně proti Bielfeldtovi (str. XXII—XXIII) přesvědčen, že také některé knižní výrazy vnikly do obecné mluvy: slovo *pan* je právě toho dokladem. Užíval ho na př. běžně lidový veršovec J. Radyserb-Wjela: Jom' njeweŕ, lube rjanuško,// hdyž k tebi lišći *panik* so! ——— A z haja k njej so stowaŕši tón pyšny *panik* hońtwjeŕski (Serb. Nowiny, Budyšín, roč. 94, č. 251, 26. 10. 1935). Chronologii přejatých slov bychom mohli přesně stanoviti teprve vyexcerpováním veškeré hornolužické litera-

tury (jak to spíše mužeme stanoviti nyní po vytištění Mukova slovníku v jazyku dolnolužickém). Uvedu aspoň jeden doklad možného stanovení slova: v roce 1695 sloužil v křižáckých vojích saského kurfirsta Augusta Silného proti Turkum charvátský voják ze Záhřeba — plukovník Jan Šadovic (tak jej píší). Za své služby dostal darem statek Wulke Zdźary (Groß Särchen) v Lužici. Tam také ve věku 80 let zemřel a byl pochován v Kulowě r. 1704. Tento plukovník vzbuzoval živou pozornost lužického lidu, jenž jeho mohutnou postavu a živou jihoslovanskou letoru opředl rozmanitými legendami a vytvořil celý cyklus pohádek o lužickém čaroději Krabatovi s faustovskými ohlasy (viz Měsačny Přidawk k Serb. Now. 1858; Łužičan 1865; Łužica 1887 a 1896). Lid si jméno Chorvat, zřejmé německým zprostředkováním Kroat, zkomolil v podivuhodný výraz Krabat, který sám o sobě byl něčím exotickým. Jinak se také méně objevoval výraz *khrowatski pan*, jak jsem již dříve v dokladech při *pan* uvedl. Tento Krabat skutečně žil a jeho kosti i s nápisem byly objeveny při restauraci starého kulowského kostela r. 1934 (srov. J. Kral, Die katholische Pfarrkirche in Wittichenau, vydáno tamže 1935). Slovo Krabat mohlo tedy vzniknouti na sklonku 17. století a žije v lužickém lidu podnes: o velikých národopisných slavnostech hornolužických objevuje se také Krabat na koni v průvodu vedle Augusta Silného (tak na př. v Radwořu 1934, v Budyšíně a ve Wojerecích [Hoerswerda] 1935).

Podobně i Bielfeldtovy poznámky o vlivu polském a ruském nelze ovšem pokládati za konečné. Oba Frencelové — jak otec, tak syn — užívali slovního pokladu polského, a polská literatura byla známa, stejně jako literatura ruská, novodobým hornolužickým spisovatelům: z obojího bylo překládáno (srov. Páta, Zawod do studija serb. pismowstwa 1929, téhož Z kulturneho žiwjenja łuž. Serbow po swětowej wójnje, Budyšín 1932; J. Jatzwauk, Wendische (sorbische) Bibliographie 1929 s mými dodatky ve Slavii XIII, 1934/35, str. 545 a n.; nejnověji Vlad. Zmeškal, Hórnikova Lužická knihovna v Praze v Luž. knihovničce 1931 a téhož Čsl.-lužickosrbská bibliografie s dodatkem slovanským v téže knihovničce 1935). Ostatně lužičtí Srbové také zajížděli do Polska i do Ruska, v němž se dokonce trvale usadili členové Smoleřovy rodiny (někteří Lužičané studovali ve Vratislavi s Poláky, stýkali se s Poláky a s Rusy v Lipsku, s nimi a jinými Slovany v Praze, r. 1867 se zúčastnil J. A. Smoleř s P. Dučmanem zájezdu do Moskvy atd.). Tedy také tuto otázku bude nutno podrobiti důkladnému zkoumání.

Bielfeldt pojednává o hornolužických výpůjčkách z němčiny; ovšem zúžil si svou hornolužickou jazykovou oblast: jemu se hornolužická jazyková oblast kryje téměř úplně s hranicemi Saska a Pruska s nevelikými výjimkami na severo-východě. Ale to není hornolužická oblast celá. Bielfeldt se dovolává sice Wirtova jazykového atlasu (Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. Kartenband I. 1933), ale pozorným prostudováním všech map Wirtových docházíme k závěru, že horní lužická srbština (rozumíme vlastní, bez přechodních dialektů pohraničních mezi Lužicí Horní a Dolní) sahá mnohem dále k severu, než jak soudí Bielfeldt. Měl tedy prozkoumati oblast mnohem větší, než

jak učinil, oblast, kterou vymezil ve své historické a srovnávací mluvnici lužické z r. 1891 A. Muka na str. 4 a n. a nejnověji Zd. Stieber v monografii Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich (Krakov 1934), jak se dá snadno na připojené první mapce zjistiti.

Ve výkladech hláskoslovných a etymologických vede si Bielfeldt obezřetně; kde věc není jistá, netají svou pochybnost, dávaje tak podnět k výkladům novým. Obtíže působí výklad slov onomatopoických, u nichž je leckdy těžko rozhodovati, jsou-li přejata či jsou-li domácí. Tak na př. slovo *campać, camprować* Bielfeldt (109) odvozuje od slov německých, tak i Schneeweis ve Feste und Volksbräuche der Lausitzer Wenden 1931 (str. 161), které však Janko v Čas. pro mod. fil. XXI. 1935, str. 254 přesvědčivě spojuje se starou onomatopoickou skupinou *camp-, čamp-, cemp-, čemp-.*

Pokud jde o jednotlivé doklady, nutno rozhodně doplniti slovo *jutry* za něm. *Ostern* (dial. *jastry*, dolnolUž. *jatšy*). Vedle tvaru *ham* (s. v.) se užívá také zřetelnějšího výrazu *ében* anebo opět zkomoleného *ém.* Vedle *hégen* je běžný tvar *hégent* ‚eigentlich'. V starší době byl také běžný výraz *kabl* ‚los', o němž psal J. Körner ve svém spisku Philologisch-kritische Abhandlung von der Wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften r. 1766 (viz můj Úvod do studia luž. písemnictví, Praha 1925, str. 42 v poznámce). Výraz *Gnade* byl přejat jako *gnada, hnada* (lidově *nada*), odkudž adj. *gnadny* (tak ještě v budyšínské měšťanské přísaze z 2. pol. XV. stol.; viz v mé Luž. čítance čl. 47); vedle toho se vyvinul dnes běžný výraz *hnadowny*; běžné je slovo *placać*: na př. *kharty placać.* Zajímavé bylo také dnes již zastaralé slovo *wićaz* (*vitęz*), dnes již běžné jen v četných jménech vlastních *Wićaz*, německy obyčejně matrikované jako *Lehmann.*

Poněkud nejasné jsou někdy citované české výrazy; byly brány výhradně ze Slovníku Jungmannova a z Gebauerova Staročeského slovníku: potřebovaly by snad revise se zřetelem k jazyku dnešnímu, t. j. přesného označení, že jde o výraz již zastaralý anebo jen staročeský: tak čteme bez zvláštního vysvětlení české výrazy jako *buršák* s. v. *bórša, drbiti* s. v. *dyrbić, dík* vedle *děk* (*dźak*), *hrota* (grat, nářadí), *krůna* (khróna „koruna"), *kroš, groš* (*kroš*), *koukati—kukati* (*kukać*), *švandrati* (*žvantorić*) a j. Užitečný je závěrečný index dolnolužických slov.

Práce Bielfeldtova je velmi záslužná: zpracovává látku dosud nezpracovanou a klade základ k dalším pracím toho druhu, a to nejen jazykovědným, nýbrž svými výklady o způsobu používání (na př. odvozených synonym v domácím životě, str. XXXVII a n.) s hlediska psychologického a sociologického také lidovědným (*falować—pobrachować* ‚chyběti'; *khornař—krogen* ‚límec'; *krjud* (*křud*)—*pajča* ‚bič' atpod.). K užívání německých výrazů při rozhořčení a v zlosti mohu upozornit na to, že také v sousedních slovanských oblastech, na př. v českých krajích, s německými vlivy se dávala přednost při nadávkách a projevech zlosti výrazům německým jako silnějším; upozorňuji také na způsob, jak mluví lužický venkovan s domácími zvířaty: s některými jen německy!

Jos. Páta

Paul Wirth, **Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas.** Textband. Lief. I. Stran XII + 59 + IV (Anhang). Kartenband. Lief. I. Stran III + 16 map. Slavistische Abhandlungen im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften, herausgegeben von Max Vasmer. 1933. Kommissionsverlag Otto Harrassowitz Leipzig.

Wirtovy příspěvky k lužickosrbskému atlasu jazykovému jsou první nové vědecké jazykové příspěvky z dílny lužickosrbské od dob Mukových. Pavel Wirt, žák M. Vasmera, učinil si úkolem methodou jazykového zeměpisu prozkoumati zachované dosud slovanské kraje v Lužici. Počínaje rokem 1928 prošel lužickosrbské území ode vsi ke vsi, vycházeje z dosavadních záznamů Mukových v jeho německé srovnávací mluvnici lužickosrbské, podrobuje tyto záznamy stálé kontrole a revisi. Brzy se ukázalo, jak jsou naléhavě nutné tyto výzkumy na území, které se neustále drobí a tratí v silném prostředí německém. Tak zjistil zejména v Dolní Lužici, jak veliké územní oblasti lužické jsou již ztraceny, které ještě Muka zastihl a popisoval (na př. Dřowk), místy žijí už jen jednotlivé rodiny anebo příslušníci vzácných starých dialektů (na př. v okolí Komorowa), jak se zmenšuje lužická jazyková oblast mezi Grodkem a Chotěbuzem v Lužici Dolní a kraje na jih od Budyšína v Lužici Horní atd.

Vasmer navrhl Wirtovi, aby zpracoval jazykový zeměpis některých výrazů pro obydlí a domácí nářadí. Wirt si vypracoval potřebné dotazníky, jež ovšem nemohl pro nedostatek schopných lidí po lužickosrbské oblasti rozesílati, nýbrž musil si odpovědi na ně shledati sám za účasti rodáků těch kterých vsí anebo za účasti některých lužických učitelů a duchovních toho kterého kraje. Základem své mapy učinil Wirt, jak vykládá v úvodních slovích první knihy, mapu Mukovu z roku 1884, která vyšla po světové válce v novém vydání. Podle zkušeností získaných svým zkoumáním mluví Wirt o trojím území lužickém: hornolužickém, východolužickém a dolnolužickém. Východolužickým míní území dosud žijícího nářečí slepjansko-mužakowského a bývalého, dávno již vymřelého nářečí žarowského, jemuž ruský fonetik Ščerba věnoval první část své nedokončené studie Vostočno-lužickoje narěčije (Petrohrad 1915). Zd. Stieber v práci Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich (Krakov 1934) přičleňuje toto nářečí k jazyku dolnolužickému. Věc není dosud úplně vyjasněna a potřebuje dalšího důkladného zkoumání, srv. o tom v posudku práce Stieberovy ve Slavii XIV, 1935-36, str. 172—176.

Mukova mapa z r. 1884 ovšem již neodpovídá dnešnímu stavu, zejména na okrajích a také v přechodním území z Horní Lužice do Lužice Dolní. Proto Wirt nemohl již celou řadu vesnic lužických zahrnouti do svých výzkumů, nicméně pojal do svého plánu všechny osady a všechna místa, kde mohl jen poněkud dosáhnouti nějakých spolehlivých dat. Uvedl také doklady z vesnic, které dnes jsou již poněmčeny, v nichž jsou však přece ještě jednotliví příslušníci lužickosrbského jazyka znalí a jím mluvící. Zvláštních poznámek o životě lužickosrbském Wirt nepodává, stejně jako se nezabývá otázkou soudobé lužickosrbské statistiky. Cílem jeho studia bylo prostě zjistiti zeměpisné rozšíření některých názvů obydlí

a domácího nářadí, jež vyznačil v svých mapách a jež v textovém svazku doprovází příslušnými výklady. Nicméně předeslal svým jazykovým mapám několik užitečných map všeobecných. Jsou to: 1. mapa dnešních politických a správních hranic. — 2. Mukova mapa lužickosrbského jazyka z Čas. Mać. Serb. 1884 (přetištěná ve zvl. vydání Mukovy Statistiky r. 1886 a nově po světové válce ve vydání H. Hajnově). — 3. mapa starších cest v Lužici. — 4. mapa panství, okresů a úřadů v markrabství hornolužickém r. 1759. Nakresleno bylo podle Schenkovy mapy amsterodamské. Zde je také částečné zakreslení farností. — 5. mapa podává zvláštní rozvrstvení farností v obojí Lužici. — 6. mapa, na níž jsou podtrženy osady, vsi a místa, jež Wirt navštívil. — 7. mapa podává obraz rozšíření *ł* (*u̯*) *ľ l* v Lužici.

Teprve osmou mapou se počíná znázornění zeměpisného rozšíření jednotlivých názvů pro tyto věci: *střecha, hřeben* (slémě střechy), *síň* (předsíň), *světnice, patro* (ve stodole), *dvéře, práh, sklep, trám* (kláda), *chlívek* (pro prasata), *chlév* (pro krávy, kravín; pro koně, konírna), *žlab* (koryto), *řezárna, mlat* (humno) atd. Je velmi zajímavé pozorovati, jak jsou jednotlivé výrazy rozšířeny po lužickém území: tak na př. výraz *třěcha* (v nářečích *cěcha, čěcha*) je jen v oblasti hornolužické, v nářečí slepjansko-mužakowském je již *kryće*, kterýžto výraz se objevuje také v Dolní Lužici jako *kryśe, křyśo* (*kryśo*), *křywo;* pro *síň* je v horní luž. srbštině výraz *khiža, chiža, kh*(*è*)*jža*, ale již v přechodných krajích, i v slepjansko-mužakowském je *wěža, ẃeža*, a po celém dolnolužickém území (*w*)*jaža*. Poměrně jednotný je název pro *světnici*: hornoluž. *stwa*, dolnoluž. *śpa*, v přech. krajích *spa*. Naproti tomu *patru* říkají v Horní Lužici *hubja, hujbja* (t. j. *łubja*), ale v přechodných krajích *najspa* a v Dolní Lužici *najśpa*. Jednotné jsou celkem názvy *durje* — *dźurja* — *źurja, próh* (*prów*), *prόg, pinca* (h.-luž.) — *pilnica* (slepj. - mužak.) — *piwnica* (dolnoluž.). Kládě říkají jen v čistě hornoluž. území *hŕada*, v přech. krajích *bolka, balka*, v Dol. Lužici *bałka*. Pro *mlat* má horní luž. srbština výraz *huno*, Mužakowsko *guno*, Slepjansko *tła*(!), a tak i celá Dolní Lužice *tła* (*twa*!?). Pozoruhodné je rozšíření slova pro *kamna:* až po Grodk z Horní Lužice *pěc* (*ṕec*) fem., pod Grodkem již *ṕac* masc., v Dolní Lužici pak jsou dva výrazy: jižnější *kachle*, severní *kamene*. Po celém území lužickém je výraz *łopata* v rozličných hláskových obměnách, podobně výraz pro jařmo *kwakla, kwaka, kopla, kokula*, dále *ńecki* (*ḿecki*), ale ve vých. oblasti dolnoluž. *kopanki*. Po celé Lužici je *kotoł* v rozličných hláskových obměnách, *róra* vedle *truba* (Ofenröhre). Většinou však pozorujeme, že se drží určité výrazy v oblasti hornolužické, dolnolužické a také v přechodné oblasti, Wirtem zvané východolužické, čímž se mimoděk dělení v nářečí východolužické podporuje. Mohu ještě uvésti z mapy 34. výraz pro lůžko: hornoluž. *łožo* (wochožanské *ložo*), wojerecké *špumbeta*(!), ale již slepjansko-mužakowské *póstol* a dolnolužické *póstola*. Podobně pro svrchnici (přikryvku, Deckbett) mají v Horní Lužici *poslěšćo*, ale na Wojerecku i Mužakowsku *łožišćo* (*wožišćo, łožyšćo*) a tak i po celé Dolní Lužici *łožyšćo;* — stoličce pod nohy (Fußbank) říkají po celé Lužici *hička* s rozličnými hláskovými obměnami: *hejčka, hyčka, ryčka* (ve vých. části Dolní Lužice). Hornoluž. *hornc* (hrnec) zní na Komorowsku *hernyk*, na Mužakowsku *gernyk*

a zde již v malém úseku *gjarnyk*, kterýžto tvar je běžný na Grodkowsku, ale pak přechází ve vých. části Dol. Lužice částečně ve výraz *gjarnec* a v běžný dolnolužický tvar *gjarnc*. Sklenici říkají v Horní Lužici *škleńca* (na Wochozaňsku *škłańca*), ale již v ostatních oblastech *głašk*, *głašk*, na Komorowsku *hłašk*; kávovému hrnéčku říkají v Horní Lužici na Budyšínsku *kopik*, ale dále již na sever *šalka*, *šelka*, a od Wojerecka na západě a Mužakowska na východě po celé Dolní Lužici je běžný výraz *tasa* — zřejmě převládly výrazy německé. Stejně tak pozoruhodné jsou názvy pro lívanečník (*škorodej* — *tygl* — *zeležko* (plincowe), *mlincař*), dojačku (*blachowa* — *dončka* — *dojnica*), cedník (*powzka* — *cejdźawka* — *cejžatko*); až po ručník (*tréńo* — *twelka* — *trenišćo* — *hantwal*) na mapě 39—45.

Wirt doprovodil své mapy příslušnými výklady popisnými a podle možnosti etymologickými v prvním svazku své práce.

Doplňkem k svým popisum map připojil Wirt (od str. 36.) ještě všeobecné poznámky o rozšíření *ł* (*ł* — *u*), *ľ* (*ľ* — *l*), o posunutí jednotlivých názvu v témž území, kde stará generace zná starou místní formu, ale mladí užívají výrazu kraje sousedního, kde se starší forma objevuje jen sporadicky, dále o zmenách lexikálního rázu a j. Zajímavé jsou Wirtovy poznámky o klasifikaci lužickosrbských nářečí (str. 41 a d.), v nichž dochází k určitým korekturám starších tvrzení Wjelanových, Ščerbových a Mukových: nejduležitější z toho je správný poznatek, že se politické hranice *sasko-pruské vubec nekryji s rozhraničením nářečí*, jak se domníval Muka. Ve zvláštní kapitole vysvětluje Wirt, že při tvoření jazykových hranic spolupusobily spíše jiné okolnosti: osidlovací, vrchnostenské, částečně náboženské, farnostní a konečně také kulturní. Není pochybnosti, že svou prací Wirt značně prospěl k poznání nynějšího stavu jazyka lužického. Soupis literatury, jazykový slovníček v prvním svazku a vyobrazení lužického obydlí s některými součástkami vhodné doplňují celou práci.

Při transkripci lužických výrazu užil Wirt berlínské methody, jak ji známe z edic Lautbibliothek, v níž v r. 1932 a 1934 vyšly čtyři sešity lužicko-srbských textu: *Slavische Texte*, bearbeitet unter der Leitung von *Max Vasmer*, 1. *Sorbische (wendische) Texte*, bearbeitet von *Max Vasmer* und *Paul Wirth*, Nr. 1. Niedersorbische Schriftsprache. — 2. Die niedersorbische Mundart von Haasow, Kr. Kottbus. — 3. Obersorbische Schriftsprache. — 4. Die obersorb. Mundart von Groß-Koschen bei Senftenberg. Vydal Institut für Lautforschung an der Universität Berlín, v komisi O. Harrassowitze v Lipsku. Na tyto texty zvláště upozorňuji, zatím však otázku zpusobu fonetického přepisu ponechávám na jinou příležitost. Jsou velmi duležité pro fonetická studia lužická, stejně jako mé fonetické přepisy lužickosrbských gramofonických zápisů v Čas. pro mod. fil. XVII, 1931 str. 112—124.

Bylo by bývalo dobré, kdyby byl Wirt podal názvy lužickosrbských míst vedle úředního znění německého také v domácím znění lužickém. Dlužno také litovati (s prof. Vasmerem v úvodě k mapám), že dnešní poměry nedovolily výraznější tisk map: vytištěné mapy jsou skutečně příliš drobné! *Jos. Páta.*

Zprávy.

Nicolae Drăganu: **Românii în veacurile IX.-XIV. pe baza toponimiei şi onomasticei.** (Rumuni v stol. IX.—XIV. na podkladě toponymie a onomastiky.) Academia română, studii şi cercetări XXI., Bucureşti 1933. Str. 682, s mapou.

I když se romanita rumunského národa všeobecně připouští — se všemi výhradami, jako na př. jenom s hlediska jazykového —, nejsou vzácností názory, že jeho dějinám chybí to, co v dějinách národů bývá podstatné, t. j. souvislost, což naopak vyvolává i názory, že po celých deset století, od stol. IV. do XIV., Rumuni vůbec dějin nemají. Stejný názor pronesl nedávno bulharský učenec P. Mutafčiev v knize „Bulgares et Roumains dans les pays danubiens“ (Sofia 1932), na str. 279. Jak v svém referátu o byzantinologickém sjezdu r. 1934 v Sofii (Slovanská revue, Praha, 1934, č. 2—3, str. 32—34), tak i v recensi o jmenované knize (Slavia, XIII., 1934 až 1935, str. 763—769) jsem ukázal, jaké rozhořčení tento výrok vzbudil u rumunského historika N. Iorgy, a upozornil jsem i na to, pokud Iorga měl i jiné důvody, aby odsuzoval knihu Mutafčievovu. Avšak přihlédneme-li k tomu, jak vypadají dějiny Rumunů v klasických příručkách, vidíme, že i z tohoto zřetele tento výrok bulharského učence byl Iorgovi jenom jakousi příležitostnou záminkou. Dějiny Rumunů začínají od ovládnutí Dacie Trajanem a od reforem Hadrianových. Jací kolonisté do Dacie přišli a kolik jich bylo, o tom příručky vědí málo. Kdy přesně byla opuštěna Dacie Římany, o tom víme objektivně ještě méně. Opustili-li ji všichni kolonisté a kde vlastně vznikl rumunský národ, o tom se jenom dohadujeme a pronášíme theorie více nebo méně pravděpodobné. A tak od oficielního opuštění Dacie dějiny Rumunů obsahují vpády barbarské, kdy a jaké byly, kde se tito barbaři usadili, jak dlouho setrvali na dáckém území nebo na Balkáně a v Pannonii. Ale kde byl rumunský národ sám? Na kterém území si jej umístíme, to záleží na tom, komu chceme věřit, ke které theorii o jeho původu se přikloníme. Teprve od X. století se ozývají zprávy o „Vlasích“ na Balkáně, už zprávy spolehlivé, jež nepřipouštějí nějaké vedlejší a protichůdné interpretace. Ale byli Rumuni současně i na pravém břehu Dunaje i v Dacii? Pro toto území máme zprávy teprve z XIII. století, a skutečné dějiny Rumunů na tomto území začínají teprve v XIV. stol. utvořením rumunských knížectví valašského a později moldavského. To, co tu bylo předtím, jsou to dějiny? Záleží na tom, jak vůbec „dějiny“ chápeme. Názory se tu mohou přirozeně různit tak, jako se různí i v theoriích a v nekonečných odstínech theorií o původu a pravlasti rumunského národa. V literatuře týkající se vzniku a vývoje rumunského národa uplatňovaly se velmi často politické tendence, hypernacionalistická předpojatost různých stran a poněkud i vědomá propagační zlomyslnost na všech stranách. Myslím, že neexistuje ve vědecké světové literatuře otázka spornější, spletitější, kde by se fantasie a někdy z vědeckého hlediska podezřelá ctižádost a domýšlivost, více uplatňovaly než v otázce o původu Rumunů, o jejich pravlasti a jejich územním postavení v raném středověku. Rumunská obrozenecká věda z konce XVIII. stol. a z minulého století, se svými přehnanými historicko-filologickými vývody, utkala se v politicko-vědeckém boji s vědou německo-maďarskou a zvláště s pýchou civilisované šlechty maďarské vládnoucí v Sedmihradech jakož i s temperamentem a rychlou přizpůsobivostí bulharskou k vědě ruské a západní. V své recensi o práci „Originea Românilor“ velikého rumunského učence A. Philippideho (Byzantinoslavica, VI., str. 286—303)[1] citoval jsem několik jmen nejvýznačnějších učenců, kteří se zabývali otázkou Rumunů, ne vždy se stejného hlediska, a citoval jsem také názor tohoto jedinečného

[1]) Viz tamtéž o jeho osobnosti.

rumunského učence o cele této literatuře. Před valkou šlo o dokazovaní práva národa na jisté území na podkladě historickem a na tomto podkladě vedl se mezi Rumuny a Maďary boj o Sedmihrady. Po světové valce, když už rumunský národ toto právo na Sedmihrady uplatnil, stejně jako na ostatní rumunská území, projevuje se u rumunských učenců snaha osvoboditi se od „historické" tradice a bádat o věcech pro ně samé a nikoliv pro jistý účel více méně předem stanovený. Jména jako A. Philippideho, I. Bărbulesca a posledně C. C. Giuresca tomu nasvědčují.

Ale stanovil-li Philippide podklad, na kterém vznikl rumunský národ, římské prvky, jež do něho vnikly, a jeho pravlast, končí své historické bádání začátkem VII. století a odtud vede nás jenom na základě badaní dialekticko-jazykovědného, určuje jenom z tohoto zřetele přibližně dobu rozdělení rumunských dialektů, různé vlny rumunského severního, dakorumunského dialektu a jejich přibližné směry. Musíme uznat, že theorie Philippideho se v širších rysech shoduje s historickými událostmi po VII. století, ale on nevešel v bližší styk s nimi a nepodrobuje zjevy lingvistické a historické další vzájemné vědecké kontrole. Musíme si k jeho theorii hodně přimýšlet sami, na př. co se týká vztahů Rumunů k Slovanům; i když by se theoreticky z něho dalo odvodit, že rumunský jazyk povstal jako zvláštní románský jazyk před stykem s nimi, musíme sami domyslit, stalo-li se to před příchodem Slovanů nebo trvalo-li odloučení od Slovanů i později a do kdy. A tu se setkáme s theorií rumunského slavisty I. Bărbulesca, jenž zvláště v Individualitatea[2]) je toho nazoru, že tyto styky začaly v širším rozsahu teprve koncem X. století. Soudí tak na základě toho, že všechna stara slovanská slova v rumunštině jsou rázu postpalaeoslovenického. Tyto dvě theorie se týkají však jedině území dáckého, a to nejjižnější jeho části. Ať přijmeme theorii autochthonickou, jak ji vytváří slavista Bărbulescu, nebo admigracionistickou, jak ji dosud nejdokonaleji nastínil Philippide, zůstává nám stejně nejasno, byli-li Rumuni v okolních zemích, kde a v jaké míře. Až kam zasahla rumunská migrace od doby rozdělení rumunských dialektů, t. j. od začátku VII. století? Od té doby zprávy o Rumunech, po výtce nepřímé, řídké, nesoustavné a roztroušené u rozličných spisovatelů a v rozličných pramenech nebyly dosud důkladně a pečlivě sebrány a prostudovány. A. Philippide zanechal v rukopise takovou sbírku, ale dosud bylo uveřejněno jeho žákem, prof. D. Găzdaruem jenom Știri despre limba română până în sec. XIV. (Zprávy o jazyce rumunském do XIV. století, Iași, 1935); nemohl jsem se s obsahem této sbírky dosud seznámiti. Nověji sestavuje podobnou sbírku G. Popa-Lisseanu „Izvoarele istoriei Românilor" (Prameny dějin rumunských), ale jsou to malé svazečky, jež vycházejí (dosud jich vyšlo 8) jakoby za účelem propagačním (pro rumunskou veřejnost) a nikoliv vědeckým. Bude to asi sotva práce závažnější, poněvadž autor je středoškolským profesorem latiny a snad i řečtiny a pravděpodobně se asi omezí[3]) jenom na prameny z těchto dvou jazyků, jež jsou zajisté důležité, ale nejsou to prameny všechny.

V knize, o níž tuto chceme referovati, vynechává Drăganu starší období, začíná své šetření IX. stoletím a vede je dále do století XIV. Je to jedno z nejdůležitějších období dějin rumunských a to tím, že ve XIV. století po hlubokém mlčení pramenů najednou se objevují na sever od Dunaje dvě knížetství rumunská. Ve století XIII. je předchází několik zpráv v pramenech maďarských, ty však by ani zdaleka nedávaly tušiti vznik těchto dvou knížetství. XIV. století je doba, kdy se začínají opravdové dějiny Rumunů jako národa státotvorného. Až do té doby je v dějinách Rumunů opravdová tma, v níž jenom vzácně z pramenů kronikářských probleskne několik jiskřiček, jež však neukazují jistě ani rozsah ani směr vývoje. Je nepochybné, že argumentum ex silentio není vlastně argumentem a že nedostatek zpráv historických, kronikářských a dokumentárních musí býti nahrazen zprávami jinými, z nichž nejdůležitější je poučení, které poskytuje toponymie a onomastika. Proto práce prof. N. Drăganua je jednou z nejvítanějších. A právě rozšíření Rumunů v okolních zemích mezi IX. a XIV. stoletím, v období předcházejícím před utvořením rumunských knížetství, si vzal autor za úkol osvětlit.

---

[2]) Viz Byzantinoslavica V, 1934, str. 485—492 mou recensi o této práci se zřetelem na všechny dosavadní recense; též Byzslav VI., str. 302—303.

[3]) Přísně ho kritisuje i Drăganu str. 54—55.

Kniha tato je v podstatě souhrn několika obsáhlých recensí autorových a podnět k ní dala významná práce maďarského učence Janose Melicha: A honfoglaláskori Magyarország, Budapest, 1929, jejíž obsah podal německy J. Kniezsa v čl. „Ungarn zur Zeit der Landnahme" v Roczniku slawistycznėm XI, 1933, str. 1—25. Je to vlastně důkladná a vše vyčerpávající odpověď na tuto knihu Melichovu, jež právě svým původním účelem má všechny stinné stránky polemických spisů, ač autor svou knihu za polemickou nepovažuje (str. 40). Autor vynaložil tu všemožné úsilí, aby seskupil ohromný materiál, který dosud byl rozptýlen na nejrozmanitějších místech. Jeho úmyslem bylo patrně, na základě toho tak rozsáhlého materiálu diskusi, založenou na několika isolovaných faktech a doplněnou soustavně přítěží protichůdných a někdy docela fantastických interpretací, uvést na základ opravdu vědecký, svésti ji na pole filologické a dopátrati se výsledků jistějších, nezakládajících se na nejasných, značně se lišících, ba protichůdných zprávách kronikářských, nýbrž vyrůstajících z pevné půdy toponymie a onomastiky. Ale to zůstane ideálem i nadále. V tomto shromáždění bohatého materiálu, v této rozsáhlé, ale často jen nadhozené bibliografii, je vlastní cena této studie. Ani ve způsobu zpracování tohoto materiálu, ani v jeho výsledcích nevidím něco, co by se blížilo dokonalosti. Vážím si velice autora této studie, ale musím uznat, že jsem křivdil maďarskému učenci J. Kniezsovi, když jsem ve svém referátě o knize P. Mutafčieva Bulgares et Roumains (ve Slavii XIII. 1934—5), mluvě i o této práci prof. Drăganu (str. 768—9, pozn. č. 17), nazval paradoxním mínění, jež Kniezsa o této knize pronesl na II. slavistickém sjezdu ve Varšavě: praca ta, mimo wykorzystania ogromnego materyalu żródłowego, żadnych pewnych argumentów nie daje.[4]) Paradox tu vlastně máme, ale v knize samotné. Od té doby, co jsem napsal recensi knihy Mutafčievovy, shledal jsem, že nelze mluvit ani o naprosté spolehlivosti pramenného materiálu N. Drăganua. Je tu tolik věcí, zvláště ze slovanských jazyků, přejímaných z druhé ruky, že se i tím význam knihy této rozhodně a citelně zmenšuje.

Zabývám se již několik let speciálně rumunskými vlivy na západní Slovany, zvláště na Slovany na Moravě a na Slovensku, takže do kritiky aspoň jisté části této práce mohu zasáhnouti velmi podstatně. Proto jsem vlastně napsání této recense odkládal po dva roky, abych mohl znovu přehlédnouti vše a abych mohl poukázati na jisté dobré výtěžky této práce, s nimiž se musí počítat. Ale časem jsem svůj soud změnil. Přese všechen bohatě zde podaný materiál chybí knize této to, co v každé práci vedle materiálu je podstatné, — jeho důkladné zpracování. Není-li tato kniha vzorem nepropracovanosti, je podle mého názoru vzorem nepřehlednosti, přes obsáhlý rejstřík (str. 626—682). Autorovi šlo hlavně o to, aby snesl co nejvíce příkladů „možných" vlivů rumunských v zemích okolních, kdežto bylo by bývalo žádoucí, aby přinesl doklady co nejurčitější. Svým dvojakým chováním vůči nim autor nedokazuje, že si náležitě a dobře objasnil, co v podstatě znamenají jistá slova, jako na př. *valach, knez, vojvoda*, v jistých obdobích a v jistých zemích a jak tyto významy se časem mění. Je na př. podstatně falešný názor, jehož se D. fakticky drží, že jakmile někde v pramenech nebo v místopisu nalézáme některé z těchto slov, jde národnostně o Rumuny. V některých případech není to vyloučeno, ale musí se to dokázat jinými prostředky vědeckými. Přesvědčil jsem se dost a dost, že slovo samo o sobě není důkazem. Abych se vrátil k I. kapitole této práce „Rumuni v Pannonii" (str. 41—169), řeknu upřímně, že mě nijak nepřesvědčila. Je tu silně používáno, neřku-li zneužíváno, klasické methody všech theorií, jež čerpají argumenty z retoriky: podepírat jednu hypothesu hypothesami jinými, pochybovat o pravdivosti pramenů, opravovat libovolně jejich znění a využívat všech možných prostředků, aby se nějaká „možnost" zdála co nejpravděpodobnější s vědomím, že je to přece jenom pouhá možnost. Jsem také toho názoru, že kdyby bývali Rumuni přišli do oblastí politicky maďarských po vpádu Maďarů, měli bychom o nich zprávy daleko hojnější. Jsem také toho názoru, že Rumuni až do X. století byli již v jistých částech staré římské Dacie, kam přešli ze své původní vlasti na Balkáně, tak jak to ukázal Philippide a jak to přijímá i autor (str. 29 a násl., 594). Není totiž vyloučeno, že se z těch tří hlavních proudů, jimiž rumunský národ z původní vlasti šel jednak na se-

[4]) „Pochodzenie hungarizmów karpackiej terminologji pasterskiej", Księga referatów, II międzinarodowego zjazdu slawistów, sekcja I, Warszawa, 1934, str. 49—53.

ver, jednak na jih a západ, odloučily také proudy menší, jež odbočily a zašly ojediněle směrem jiným, dejme tomu do Pannonie. Ale mezi touto theoretickou „možností" a dokazováním, že na území Pannonie podle místopisu a onomastiky bylo tolik Rumunů, že se tím naplní přes 100 stran drobného tisku, a to způsobem, který čtenáře skoro vždycky a soustavně odkazuje na jiné „jistější" případy, je veliký rozdíl. Tohle přece není theorie, které by se mohlo věřit bez řádného ověření. Jsem také toho názoru, že Rumuni jsou přímými pokračovateli slovanského obyvatelstva v Sedmihradech, neboť kdyby tam byli přišli po Maďarech, bylo by to zřejmé na místopisu, jak je tomu v jistých vzácných případech pozdějších. Ale všechno to se vztahuje na území i dosud rumunská, nikoliv na Pannonii a na západní Karpaty, na jižní Slovensko a na Moravu. Tento proud Rumunů, jenž z původní balkánské vlasti (Moesia superior a inferior) zaplavil Pannonii a přešel dále na Moravu, je podle mého názoru jenom v theorii našeho autora. Všechna uvedená místní a osobní jména, nezakládají-li se na libovolném čtení pramenů, dají se vyložit všelijak jinak, z jiných jazyků, slovanských, z němčiny, z maďarštiny samé, z jiných nijak nepravděpodobných románských prvků a i z oficiální latiny, jazyka to církevního, spisovného a úředního v maďarském státě. Autor sám velmi často poukazuje poctivě ještě na tyto jiné možnosti. Ale konec konců přiklání se k možnosti rumunské a vychází z toho při výkladech dalších. Tak na př., poněvadž ve XII. stol. nacházíme na Nitransku místní jméno *Staul*, jež autor odvozuje od lat. *stabulum* a považuje bezpečně za rumunské, Kocel, jenž žil ve stol. IX., mohl podle jeho soudu míti příbuzné mezi tamějšími Rumuny a byl „možná" pokřtěn rumunským jménem *Cățel* (štěně; tento způsob pojmenování, zvláště v příjmeních, je opravdu u Rumunů obvyklý). Zajímavé je, že o trochu dále, na str. 175, Drăganu už je si tím úplně jist, neboť píše: „v dokumentech vztahujících se na Nitranskou oblast nalézáme ještě jiná jména, jež n e m o h o u b ý t i n e ž r u m u n s k á. Za prvé odtud vyšel Kocel, doložený r. 868 atd." (podtrhávám já). Ale nejenom to. I Kocelovo hlavní sídlo Mosapurg „možná" prý pochází od rumunského slova *moș* ‚děda'. Z toho je patrné na první pohled, že odborníkem ve filologii není. Nechápu, proč si autor zatížil knihu ještě jinými příklady, jež sám rozhodně odmítá jako nerumunské. A proč se v případech, jež „by ještě mohly býti" považovány za rumunské, nerozhodl pro ty, které aspoň podle jeho názoru „mohou jimi býti", aby se všech ostatních zbavil ve prospěch jasnosti a přehlednosti knihy. Je-li informace autorova opravdu skvělá, ukazuje-li někde dokonalé kritického a objektivního ducha, jsou tu zase místa, kde podlehl úplně polemickému duchu a děla — sit venia verbo — filologicko-historické zázraky.

Kromě propracovanosti materiálu chybí v této práci také jednotnost ideová, jíž se dostává každé práci, když je pracována účelně. Na tento nedostatek ukazuje také její velmi primitivní plán: Úvod (7—40), I. Rumuni z Pannonie (41—169), II. Rumuni ze západních Karpat (170—222), III. Rumuni z Banátu a Hunedoara (223—288), IV. Rumuni ze západních hor (Biharsko) a z údolí Krišů (289—325), V. Rumuni ze severovýchodních Karpat (326—415), VI. Rumuni z údolí Samoše (416—476), VII. Rumuni z údolí Arieše, Maroše a Trnav (477—534), VIII. Rumuni z údolí ř. Olt a z jihovýchodních Karpat (535—569), IX. Rumuni z Moldavie, Muntenie a od ústí Dunaje (570—581), X. Staré rumunské prvky vniklé do maďarštiny z jihovýchodu (582—586). Výsledky (587—618). V těchto skupinách je materiál roztříděn podle menších oblastí, podle obcí, panství, takže to, v čem máme vidět soustavnost argumentace, jména jsou po celé knize rozházena s delšími nebo kratšími úvahami, po výtce příležitostnými, k tomu zase na konci jsou přidána jiná jména z těchže oblastí, ale z jiných pramenů nebo z jiného období jeho práce, veliká část je rozložena v poznámkách, k nimž zase jsou Addenda (619—625). Sledovat v tomto labyrintu, jak hustě je zpestřena jistá oblast rumunskými jmény, nebo jak často se vyskytuje jisté jméno v rozličných oblastech, sledovat chronologii nebo territoriální rozložení je prostě nemožné.

Dále, abychom se vrátili k Pannonii, autor tu nebral zřetel na to, že Sedmihrady patřily k Uhrám, že maďarská šlechta, zvláště část šlechty původu rumunského, měla své statky jak v Sedmihradech, tak i ve vlastních Uhrách, takže již ve XII.—XIII. století mohly nastat jisté malé přesuny rumunského obyvatelstva v nepatrném počtu k pracím na statcích v Uhrách; v nepatrném počtu populačně, ale poměrně snad dosti hojně, připojíme-li k tomu spoustu nejistých případů, s chybnými nebo chybně interpretovanými grafikami, které autor přidal. Tak snad

by se dala přijatelněji vysvětlit[5]) některá jména osobní a místní původu rumunského v Pannonii, udrží-li se ovšem některá i po náležité kritice, které odplaví všechen ten nános, jímž autor za každou cenu chtěl novou a historicky vůbec nepodloženou theorii podepřít, neboť uznejme, že jediné „pascua Romanorum", výraz, který se často vyskytuje u anonymních kronikářů, není nikterak průkazný, tím méně jejich „reges". Vždyť Drăganu i ve slovech *knez, vojvoda-vajda,* jakmile a kdekoli je spatří, vidí „rumunská knížectví a vojvodství", „vojenskou organisaci rumunskou", což mimo případy, jež se ani jednotlivě nemohou dostatečně dokázat (kromě vlastních území rumunských), je zcela pochybené, zvláště na Slovensku a na moravském Valašsku. Tato theorie pannonských Rumunů se jeví i historicky i lingvisticky úplně nedokázanou, a chceme-li zůstat na pevné půdě, nemůžeme s ní počítat v žádné příčině. A poněvadž podle zjištění autorova zprávy toponymické a onomastické týkající se rumunských oblastí jsou novější než ty, které se týkají pannonských Rumunů (str. 32), znamená to, že tato práce mnoho na naší dřívější znalosti o rumunských migracích nemění. Jediné, co se tu N. Drăganovi podařilo, je, že sebral spoustu materiálu, jenž se vztahuje k rumunským otázkám; je to veliká zásluha. Ale v tomto labyrintu materiálu se autor ztratil. V celé knize je znát, že bloudí zaplaven spoustami poznámek, pro něž nešetřil místa, a toho dojmu nás nezbavuje ani závěr, jenž je také nahodilý, neboť připojuje v něm obsah několika knih, jež dříve pominul. Autor je poctivý a velmi pilný pracovník, ale neznaje důkladně dějin okolních slovanských zemí a znaje slovanské jazyky jenom v té míře, že dovede něco přečíst a zvláště užívat slovníků, stává se brzy a velmi snadno obětí fonetických podobností a zdánlivých shod, o nichž se hned přesvědčíme.

Všimněme si zde kapitoly „Rumuni v západních Karpatech", týkající se Slovenska a v souvislosti s tím i moravského Valašska. Není zvlášť dlouhá (str. 170—222), ale je v ní mnoho věcí, které jsou naprosto nepřijatelné. Autor staví na své theorii o pannonských Rumunech. Dostali se prý na Slovensko po vpádu Maďarů. Není to názor nový. Tak soudil již B. P. Hasdeu na základě několika jmen, jejichž výklad podám níže.

„Vesnice rumunských pastýřů nacházíme v oblasti Nitry již v prvních letech XII. století, což znamená, že tam museli býti i ve stol. XI." (str. 171). Doklady: r. 1113 a 1249 uvádí se v okolí Nitry jakási „Villa Staul". Tato forma *Staul* (pro stejnou oblast?) se vyskytuje ještě v letech 1311, 1331, 1342; v jiných oblastech (v Pannonii?) r. 1268, 1378, 1380; dále *Stoal* r. 1399 a 1405; *Istal* 1412, 1421; *Alastal, Olastal* r. 1356; *Alustar* 1347, 1356; *Alistal* 1426, 1428, 1437, 1439, 1448, 1486; *Alysthaal, Alesthal* r. 1458; *Aliztha* a *Alystah* 1433 (o těchto poznamenává, že „jsou zřejmě chybné"; proč?), jakož i *Felystal* r. 1454, 1462, 1487 a *Felestal* r. 1484. Jak vidíme, není tu pověděno, odkud jsou tato jména, jsou-li ze stejného pramene, týkají-li se všechna stejného místa nebo téže oblasti a pod. Kladu na to důraz, poněvadž toto jméno je podle mého názoru jediný případ, kde se musí trochu déle uvažovat; ostatní dají se vyvrátit zcela lehce.

Co se týká výkladu tohoto slova, autor tvrdí, že tu není přípustná ani etymologie německá (od *Stall*), ani italská (od *stallo,* jež však v maďarštině je jako *istállo*), ani nějaká jiná, nýbrž že jméno to může pocházeti jedině od rumun. *staul, staur* < lat. *stabulum.* Tomu prý nasvědčují i formy s *Ola-, Ala-,* jež autor odvozuje jediné od *Olach* (Rumun) a nikoli od *Olasz* (Ital), ačkoliv v obou dokladech na *Staul* z Nitry o *Ola-, Ala-* není řeči a o Valaších jinak tam není zmínky. K tomu třeba podotknouti, že Šmilauer Vodopis 80 a 82, kde podává výtah z téhož pramene se jmény vod a — jak Šmilauer v úvodu k své práci výslovně říká — i osad toho jména nemá. Z tohoto Šmilauerova výtahu je vidět, že není nijak oprávněné tvrzení Drăganuovo, že by v této listině byla ještě jiná jména, „která nemohou býti než rumunská" (str. 172). Zastavil se dále nad jménem „villa Luth", jež odvozuje od rumun. *lut,* Lehm, jíl, <lat. *lutum.* Ani toto jmeno však u Šmilauera

---

[5]) V. Chaloupecký, Staré Slovensko (Bratislava, 1923), na str. 127: „. . . prvními kolonisátory byli král, zemští páni, církevní ústavy a vůbec zemané. Jediné tito činitelé disponovali dostatečným lidským materiálem, kterého bylo k zaujetí nového kraje zapotřebí. A jediné tito mohli při vládnoucím nevolnictví prostě převésti svoje lidi, dobytek a jiné z jednoho svého dvorce k jinému, který zakládali" (podtrhávám; ibid. pozn. 481).

není, a proto mám pochybnosti o správnosti Drăganuových výpisků. Zdá se mi, že při *Lut*, *Luth* nebo *Luuth* jde spíše o řeku, a takový případ cituje i Drăganu na str. 172, pozn. 3: „voda Luuth" (řeka?) z r. 1260 v Poszony. Ukáže-li se má domněnka správnou, pak tyto výrazy ve vodopisu mohou, ale nemusí býti původu románského, neboť se mohou odvozovat od slov. *l'utъ*; vždyť ani latinisace a překládání jmen do latiny v maďarských pramenech není vzácností[6]). Drăganu se zastavil v tomto pramenu ještě nad slovem „piscina Lac" (je také u Šmilauera na str. 80), které on odvozuje rozhodně od rum. *lac* < lat. *lacus*, kdežto Šmilauer op. cit. 334 a 457 od románského *lat*, což je možné, přestože Šmilauer tu opatrně připojuje dva otazníky, neboť na Slovensku se vyskytují jména vodní i od románského kořene *palud-* (Šmilauer ibid. 479), o jehož rumunském původu nemůže býti ani řeči. A tak tato zcela jistá jména, jak zřejmo, jsou konec konců opravdu zcela nejistá. Přicházíme k těm méně jistým. „Villa Late (Drăganu neudává rok) může býti jak z rum. *lat*, *-ă*, breit' < *latus*, *-a*, *-um*, tak i z českého *lata* ‚Flecken'[7]) (172). „Není jistý ani Piscar" z „. . . piscina que vocatur Piscar cum villa Piscan". Jako možnosti slovanské v tomto případě cituje celou stať pod heslem ‚piskorĭ' od Miklosiche Etym. Wb. 247 (nepodotýká to) a ukazuje ještě na rum. *pescar*, macedorum. *piscar* < lat. *piscarius*, *-um*. Sám dále soudí, že, je-li „villa Pescan" dnešní *Piešťany*, z něhož se mohlo snadno odvodit „Piscanis fluvius, aqua quandoque fluens Piscanis vocata", tedy je skoro jisto, že ani v tomto jméně nejde o rumunské *peşte* (macedorum. *pescu* < lat. *piscis*, *-em*), nýbrž o *pešťana* scil. *rěka* ‚Sandbach' (toto dle Weiganda, viz u autora, str. 173, pozn. 2).

Kromě tohoto *Piscar* a *Piscan*, pro něž Šmilauer ibid. 335 udává ještě *piscanis*, *Piscanis* a ptá se, zda to nepochází od *piscaviz*. Existují podobná jména ještě dvakrát až na východním Slovensku. Těch autor neuvádí (jen Piscanis), ale jsou obsažena v knize Šmilauerově, palus Piscato (str. 440), jež by mohlo býti „z *Piscarustow*, což je pomaďarštění latinského *piscina*" a „piscina Piscarustow", „dnes prý Piscaris-tó", ale jevící se v pramenech ještě jako *Pirkárostó* (Šmilauer, ibid. 445). Šm. právem zařazuje tato jména mezi jména „neznámé etymologie" (str. 449), ačkoliv nevylučuje původ románský[8]). Rumunská hypothesa by tu mohla býti nanejvýše jedna z mnohých, ale nikoliv jediná možná. Hned potom Dr. upozorňuje, že u pramenů Nitry existuje „rumunského původu" *Kis-Magura* (Malá Magura mezi horními toky Nitry a Belanky) a že *Bella Vallaszka* (!)[9]), „jež ukazuje na rumunské obyvatelstvo", jmenovala se ve stol. XVI. *Bela Walachorum*. Magur je na Slovensku více jakož i jmen vesnic a vůbec míst od *valach*. Otázka důležitá je však z které doby jsou. Jméno Valaské Belé se vyskýtá v listině z r. 1120, jenže tato listina je pozdější falsum. Kavuljak, Valasi na Slovensku[10]) zastává názor, že pochází z doby falsifikací dokumentů, t. j. z druhé poloviny XIII. stol., ale k této listině, jíž ostatně datuje také do II. pol. XIII. stol., Chaloupecký Staré Slovensko 338 dodává: „K darování Diviak došlo až r. 1271 a tenkráte ještě jmenuje se zmíněné zboží ‚aliqua terra castri Nitriensis deueche nomine, vacua et habitatoribus destituta. . .' Topograficky vyznačuje tento okres celá řada nových vsí." Je z toho

---

[6]) O tom viz Šmilauer Vodopis 463 a passim.

[7]) O slovanských možnostech viz ještě Kniezsa Pseudorumanen I, 183.

[8]) Cf. Chaloupecký op. cit. 162. Z forem jím uvedených je možno odvoditi, že v pramenech je hojně písařských latinismů.

[9]) Ačkoliv se autor upřímně a usilovně snaží, aby se co nejvíce přiblížil skutečné pravdě, z důvodu, jež pro neslavistu jsou lehce vysvětlitelné, přichází velmi často s výklady z rumunštiny ve věcech, o kterých se vedla ve slavistice značná debata a jež byly již řešeny, aniž bylo třeba rumunské hypothesy. Takový případ máme se jmény řek *Olaska* a *aqua Olesca*, jež autor spojuje bez váhání ideově s „Valaskou Belou", aniž aspoň trochu pochybuje o jejich podstatně odlišném etymologickém původu. Olasca, Olesca, Olosca, i s hiatickým *h*, se týká jednak moravské Olšavy a jednak slovenské Olešky (Chaloup. op. cit. 80—82), známých již z konce stol. XI. a zač. stol. XII., ale obě pocházejí od slovanského *jelьcha* (o tom viz Šmilauer, op. cit. 299—300 a 479—480) a nemají nic společného se slovem *Valach-Vlach*, jak si autor myslí. Jméno to se vyskýtá podle Chaloupeckého St. Slovensko 272 kromě na Slovensku také v Čechách *(Oleška, Olešná, Olešnice)* již ve XII. století.

[10]) Sborník na počesť Joz. Škultétyho (T. Sv. Martin, 1933), str. 336—374.

zřejmo, že Valaská Belá patří k známé kolonisaci Slovenska, započaté již na přelomu XII. stol. a zvláště zesílené po vpádu tatarském v II. polovině 13. století. Magurami na Slovensku se budu zabývat jinde. Tu musím ještě vyvrátit nesprávný názor, jako by jména honu nebo kopců *Gaurov* a *Kopiletz* u Valaské Belé potvrzovala názor, že v této oblasti byli Rumuni již z vrstvy pannonské. Není to správné jednak proto, že nevíme, kdy se tu tyto názvy po prvé vyskytují (mohou býti z nejnovější doby), a jednak proto, že jejich koncovky ukazují na živel slovanský, jenž jich užíval jako obecných slov. O nich podrobněji pojednám jinde. Zde podotýkám jen, že pro jejich rozšíření v Karpatech rumunské prostřednictví není nutné. Mohli je šířit Slované východní nebo jižní z Potisí, z nichž podle Chaloupeckého šetření bylo mnoho kolonisováno do středního Slovenska již v XIII. stol. Tím méně přijatelný je výklad jména *Temes*, které autor uvádí ze stejné oblasti a spojuje se jménem banátské řeky *Timiš* (str. 173, pozn. 3), ačkoliv na str. 244—250, kde rozebírá podrobně jak jméno *Timiš*, tak i ostatní jména, která se mu formou podobají, připouští, že *Timiš*, *Timeš*, maď. *Temes*, později *Tömös* je jméno osobní, odvozenina od deminutiva *Tim*, *Tima* < *Timoftej* se slovanskou koncovkou *-išь*, *-ešь*. A tak, poněvadž aprioricky připustil, že oblast Nitranska byla „obývána Rumuny", zdá se mu přirozené, že jméno toto „ačkoliv konec konců slovanské", „muselo býti často užíváno i Rumuny". Je to názorný příklad Drăganuova tvoření závěrů z „jistot" zcela pochybných.

Dále (str. 174) autor odvozuje místní jméno *Sútocz* (Suttö), dnes Horní a Dolní Šutovce (v bývalém okresu prievidzském, cf. Niederle Národop. mapa. str. 33), od *šut-čut* původu nikoliv jistě rumunského[11]), jak připouští autor, nýbrž řekl bych balkánského. Je však i Rumunům dobře známo a bylo jimi — ale pravděpodobně nejenom jimi — rozšířeno i na sever v Karpatech. Již samy tyto okolnosti nabádají k největší opatrnosti. Autor naopak od tohoto slova odvozuje, co se dá (str. 73—74, 183 s poznámkami). Správně se tu táže Kniezsa Pseudorum. 207[12]): „Woher weiss übrigens Drăganu, daß der fragliche ON aus dem Worte *šut* ‚ohne Hörner' und nicht etwa aus *šut* ‚Narr, Spassmacher' (Mikl. EW 345) entstanden ist?" *Szutowice*, *Szutany* se vyskytují, jak ukázal Kniezsa ibid. i v místopisu polském, v oblasti vilenské.

Aniž poukázal, jak se to vlastně mohlo stát, aby se nějaká vesnice na Nitransku, třebas i mnohem dříve (okolo 1400), dnes již neexistující, jmenovala Caş, „sýr", autor tvrdí, že toto jméno *Kás* „není možno odloučiti od rum. *caş* < *caseus,-um*" (174). Jisto je, že kromě nahodilé fonetické podobnosti nic jiného by nemohlo podepřít toto ukvapené etymologisování. Jde-li o hláskovou podobnost, proč bychom neodvozovali *Káš* od slov. *kaša* (str. 327), když tu jde o území slovanské a když jinde se toto jméno vyskytá jako *Káső*, *Kassow?* Ostatně v místopisu slovanském je toto pojmenování dosti obvyklé, ale v rumunském tak nezvyklé (od *caş* ‚sýr'), že domněnka Drăganuova překvapuje (viz také Kniezsa Pseudorum. I. 164—165).

Též jen na podkladě pouhé hláskové podobnosti tvrdí autor, že jméno *Kap* (z r. 1261) na dnešním Fraštácku v Pováží pochází od rum. *cap.* < lat. *caput.* Dodává k tomu, že v rumunštině se tak jmenují nejenom prameny řek, nýbrž i vršky kopců, a tím vylučuje sln. *kâp* ‚Flussgroppe' a bulh. *kapï* ‚Götzenbild'. Je to výklad velmi prostý a pochybný, který zcela pomíjí historický vývoj této země. U Chaloupeckého (Staré Slovensko 72, 91, 106) byl by zjistil, že takových Kap na Slovensku bylo více (také *Kapušany* m. *Kapi*) a že nemajíce žádnou souvislost s rum. *cap* souvisí přímo s maď. *kápu* ‚brána'. Vyskytují se tam, kde dříve byly hraniční brány a slouží ještě dnes historickým badatelům k stanovení postupného pohybu hranic uherského státu do středního Slovenska.

Tyto Kapy[13]) souvisí zase dále s různými zásekami, seky (v listinách szeky, v kompositech zeek, zeg, zeegy, cf. Chaloupecký, St. Slovensko 107 až 115), jimiž byly bráněny stezky vedoucí přes hranice. Přidáme-li ještě to, že je možno

---

[11]) Cf. Philippide Originea II, 737 a 707.

[12]) Viz István Kniezsa, Pseudorumänen in Pannonien und in den Nordkarpathen, Archivum Europae Centro-Orientalis, Budapest, I, 1935, 97—220; II, 1936, str. 84—178.

[13]) Viz také jiné slovanské možnosti, od jmen osobních, u Kniezsy op. cit. I, 158—160; tamtéž také turecké, na př. pro nitranské Koplotovce, které nepochází, jak tvrdí Drăganu, od rum. *cap lat*, široká hlava.

odvodit s větší pravděpodobností různé *Zaka-*, *Szakafalva* z maďarštiny, a že *saku* (Miklosich EW 287) je slovo známé od Balkánu až k Baltickému moři, je patrné, že odvozování z rum. *sac* < lat. *saccus* nebo z rum. *sacă* (*seacă*) < lat. *siccus*, *-a*, *-um* je — kromě několika jasných případů v Sedmihradech — vždycky nepostačující; tím méně, že v místopisných jmenech od *Sak-* možno někde pomýšleti ještě na některé jméno osobní, jako *Isak* nebo jiné (viz u autora, str. 175, 180—181; též Kniezsa op., cit. 207—208).

Velmi prostoduše spojuje dále autor jméno *Mosócz* (str. 174), doložené na Trenčínsku r. 1255 a jinde, zase rozličná jiná slova, jako *Mosa*, *Mása* (ibid. pozn. 2) s rum. *moș* ‚Alter, Greis, Grossvater' a *moașă* ‚Grossmutter'. Správně poukázal Kniezsa op. cit. 192—194, že tento výklad je nepřijatelný, a že musíme vyšetřovat vždy od případu k případu. Na území ruském, polském a českém, daleko od oblasti, kde se může aspoň předpokládat zásah rumunského vlivu, nalézáme jména místní jako *Masz*, *Maszya*, *Maška*, *Mašov*, *Mašek* (od *Margareta*, *Maria*, *Matěj*) a *Moša*, *Moška*, *Mošenko* atd. atd. (od *Mojžíš*). Co se týká zvlášť jména *Mošovce* na Slovensku, Kniezsa má za to, že pochází od *Mojses*. Je to vlastně výklad Sasinkův, jejž přijímá i Šmilauer ve Vodopisu 57: „*Mojs* je osobní jméno XIII.—XIV. stol., vzniklé patrně z *Moise*, starofrancouzského tvaru jména *Mojžíš*" a odvozuje *Mošovce* od *Mojžišovce*. Tamtéž uvádí Šm., že jméno *Moys* („Com. Moys") se vyskýtá na Slovensku ještě r. 1233, kdežto Chaloupecký St. Slovensko 215 zná „Moyses comes Nitriensis" již z originálu z 12. století. Za těchto okolností není sporu o tom, že výklad jména *Mošovce* na Slovensku od rum. *moș* ‚děda' je zcela pochybný.

Dále má autor rumunskou etymologii také pro jméno malé říčky, levý to přítok Bebravy, jež se vlévá do Nitry u Topolčan (autor umisťuje tuto „vodu" v údolí Váhu, str. 174). Jméno toto vyskýtá se v pramenech jako *Livina*, *Lywna*, *Lyuna*, *Leuna*. Podle Šmilauera, Vodopis 95 a 341, je patrné, že nejstarší znění tohoto jména je *Livina* (v zoborské listině z r. 1113), a správně Šm. se ptá (str. 341), nepocházejí-li formy mladší z ní (*Livina* > *Liuna* > *Leuna*) a není-li *Livina* ze slovanského *Hlivina*. Je to postup přihlížející k pramenům a zase náležitě opatrný. Náš autor naopak béře nejmladší formu *Leuna* a přes obtíže jež působí stránka hlásková, a přes to, že slovo toto se na území rumunském nikde nevyskytuje jako jméno řeky (je tu dvakrát jako jméno místní) odvozuje jméno to od rumun. *láun*, *láune* < *leo*, *-onem*. I tuto etymologii pokládám za nemožnou.

Velmi dobrodružnou etymologii nabízí autor pro jméno *Turz* a *Turzó*. *Turz* se vyskytuje na Nitransku r. 1183 jako jméno brodu, mýta[14]). Je proto velmi odvážné odvozovati toto jméno od rum.* *turz* ‚Krammetsvogel', které ve skutečnosti vůbec není doloženo ani ve spisovné řeči ani v dialektech rumunských, v názvosloví místopisném pak je jen *sturz*, poněvadž jednak původní lat. *sturnus* (viz W. M. Lübke REW 8999) má *s* a jednak jiné navrhované formy bez toho *s* dostaly je prothesí již, jak se sám D. vyjadřuje, „na terénu románském" (str. 175). Je to etymologisování velmi neopatrné; autorovu neopatrnost je vidět i v tom, že dále vykládá, jako by od téhož rumun. kořene byla i jména na území polském, jejichž grafika *rz* za *ž*, *š* ho svádí k hrubým omylům. Kniezsa op. cit. 215—216 v souhlase s místním a věcným významem tohoto slova, jakož i v souhlase s místopisem českým vůbec spojuje *Turzs* čes. *tvrz*, a tento výklad se mi zdá opravdu přijatelný. Souhlasím s Kniezsou i v tom, že i když jménu slovenských šlechticů *Thurzó* nemůžeme dáti přijatelnější výklad, přece rumunská etymologie je tu naprosto nemožná. Sem patří i jméno obce a řeky Turzovky. Tím odpadají ovšem i všechny autorovy úvahy o činnosti Thurzovců v souvislosti s rumunským elementem na Slovensku.

Velmi smělý je autor ve výkladě rozličných jmen vyskytujících se v historických pramenech ze slovenského území jako *Fata*, *Fotha*, *Fatha*, *Fetechk* již v první polovici stol. XIII.; spojuje je s rum. *fată*, pl. *fete* < lat. *fēta*, *-am* poznamenávaje, že je to jediná možnost jejich výkladu. Nehledě k tomu, že autor tu nerozebírá různé psaní těchto slov a nepřesvědčuje nás, je-li *Fotha* totéž co *Fata*, autor vůbec nepátral po jiných možnostech a nestará se také o to, že toto *fata* v rumunštině znamená ‚děvče', ale v pramenech je jménem mužů, a posléze ani nepovažuje za potřebné vysvětlit nějakým způsobem, že tu už v dokladech ze XIII. stol. je *a*, ačkoliv v ru-

---

[14]) Cf. Ducange, Glossarium med. et inf. lat. VI. 524: telo, telon, teloneum, locus ubi vectigal exigitur.

munštině diftong *ea* (lat. *ē*) se udržel do nejnovější doby. Na tyto slabé stránky rumunské etymologie správně poukazuje Kniezsa op. cit. 143—147, odmítaje toto snadné a rychlé etymologisování jedině na základě hláskové podobnosti a poukazuje na německé *Falo, Fatto, Fadiko, Fediko*[15]), *Fattylin, Fatuni*. I když etymologie Kniezsovy nepostačují pro všechny případy, proti Drăganuovi zůstávají vážné námitky jak fonetické a paleografické, tak i semantické a historické.

V rejstříku Chaloupeckého Starého Slovenska 392 našel autor „Porcus centurio nitriensis" (originál z r. 1117) a má za to, že tu jde o latinisaci rumunského *porc* < lat. *porcus*, což se nezdá tak jasné a jisté, nevěříme-li autorově premise, že Nitransko bylo obýváno Rumuny. Může to býti nejenom latinisace, ale také i překlad do latiny. S obdobnými případy *pras-*, *poros-* a *porc-*, *porch-* setkáváme se i na území českém, ruském, polském, o kterých ani badatel v nejhojnější míře připouštějící vlivy rumunské nemůže tvrditi, že tam zasáhl nějaký rumunský vliv, jak správně poznamenává Kniezsa op. cit. 201.

Klademe-li požadavek, aby Drăganuova premisa byla nejdříve dokázána, můžeme chápat prostě jako překlad do latiny i „terra Longa" na Trenčínsku, aniž bychom se dovolávali slovanského *lǫgъ* a aniž bychom to odvozovali od rum. *lung* < *longus, -a, -um*. A též ve jméně *Butul* z r. 1209, z oblasti Hlohovce, neviděli bychom jenom rumun. postpositivní člen *-ul*. I když bychom to připustili, museli bychom se ptáti, zda tu cizí základ neukazuje také na cizí koncovku. Co se týká základu opravdu se nezdá, že by toto *Butul* mělo něco společného s rum. *bute* < lat. *buttis, -em* ‚Fass' (W. M. Lübke REW 1427 a Puşcariu EWRS 20).

Jako i jinde, je mu vedlejší paleografie listin i v případě jména *Puyne* z Těkova, které se r. 1262 vyskytuje v jedné nitranské listině a které autor vykládá od rum. *pâne, pâine* < lat. *panis, -em*. Může to býti totéž co *Punie, Ponye, Ponya* (viz u něho str. 176, pozn. 3), jak správně upozorňuje Kniezsa op. cit. 202, a jsou i možnosti jiné, zvláště možnosti slovanské.

Autor má vůbec mylnou představu jak o rumunském vlivu na Slovensku a na Moravě, tak zvláště o dějinách Slovenska. Přečetl si totiž francouzské résumé z Chaloupeckého Starého Slovenska 425—445, ale ačkoliv se tam Chaloupecký o nějaké staré rumunské kolonisační vrstvě ani nezmiňuje, Drăganu setrvává při své předsevzaté idei o pannonských Rumunech, kteří přešli na Nitransko a odtud dále na Valašsko. A tak, když se ve stoletích 16. a 17. setkává na Slovensku se jménem *valach*, vždycky upozorňuje, že se tam Valaši udrželi až do té doby[16]), nepřipouštěje, že je to teprve tato vlna valašská, která přináší sem (bezpochyby o něco dříve) nový způsob pastevství (je to vlastně přirozený pokrok ve vývoji hospodářském: využití i posledních horských míst, jež neměla hospodářského bohatství a nebyla hned schopná zemědělství), a nedbaje toho, že *valach* nekryje se prostě a fakticky s *Rumun* ve všech případech (toto Drăganu theoreticky netvrdí, ale fakticky s tím všude počítá). Proto v pozn. 5. na str. 176—177 i okolnost, že Valaši na Slovensku v stol 16.—17. sloužili hradům jako stráže nebo pracovali při jejich opravách, by rád interpretoval jako doklad toho, že to byli Rumuni, neboť bylo něco podobného i v Sedmihradech i v jiných oblastech rumunských; není to zásadně vyloučeno, ale „populi castrenses, milites castri" nebyli v celých Uhrách jenom Rumuni. K takovýmto službám se samozřejmě nehodili poddaní sedláci, kteří nesli jiná těžší břemena, nýbrž právě polousedlý nebo zcela stěhovavý lid pastýřský, jenž platil velmi nízké daně materiální (často přestěhováním se i těm vyhýbal) a zavazoval se k službám vůči hradům, poněvadž pastevectví vyžaduje méně lidských sil než zemědělství.

Jak řečeno, autor prostě ignoruje historický vývoj Slovenska a tak to, co může býti z toponymie a onomastiky odůvodněno historicky a přijato jako románský vliv západní (Vlachů-Latinů), neboť takovýto element byl hojný nejenom ve větších obchodních městech, jako byla Ostřihom, Bratislava, nýbrž i v menších koloniích ve Spiši, vykládá prostě z rumunštiny. Tak *Borbath*, blízko Dunaje (r. 1279), vykládá z rum. *bărbat*, ačkoli sám uvádí i ital. šp. a portug. *barbato*. Ba v pozn. 1. na str. 17[?] uvádí také „Terra Barbata", jež roku 1262 byla darována klášteru Sv. Benedikta z Ostřihoma, a na str. 179 ji umisťuje podle Czambela (Slováci a ich reč, 1903

[15]) Viz Drăganu 178—179; uvádí prý od téhož kořene též Fetyk.

[16]) Podtrhávám. Viz dále, jak autor na str. 196 tvrdí, že v stol. XV.—XVI. *valach* znamenalo toliko co ‚pastýř' a ‚lupič'.

str. 11) v Těkově. U Chaloupeckého takovato zem ve 13. stol. uvedena není; proto pochybuji o správnosti jak pramene, tak i umístění. Dále autor neuvažuje o významu, jímž se těší latinsko-romanské jazykové prvky v různých jazycích slovanských a v maďarštině, a s bezmeznou neopatrností vykladá jako rumunská jména, která jsou, pravda, původu latinského, ale již jako taková se dostala k těmto jazykům a vyvíjela se dále zcela nezávisle na rumunštině. Tak od lat. *gunna* ,Pelz' máme náležité formy ve všech slovanských jazycích, ojediněle ve významu pastýřský šat. Slovo to je doloženo i v středověké latině, tudíž rumunská etymologie by přehlížela jak staří, tak i fonetické formy tohoto slova v slovanských jazycích; viz Miklosich EW 81, Berneker SEW 363[17]). Zařazuje tu také jméno *Dominka*, jež chce vyložit jako písařskou chybu, místo rum. *Domnica*, deminutiva od *domina*, *-am*, ačkoliv toto jméno je doloženo v komitátu vesprimském i jako jméno mužské. Kniezsa op. cit. 139 praví však, že toto jméno je náležitá maďarská forma křestního jména *Dominicus-Dominica*, v němž podle hláskových zakonů maďarských druhé *i* odpadlo (*Kamenica* > *Kemence*, *palica* > *pálca*, *malina* > *málna*, *Magdalena* >, *Magdolna*). Aby ukázal, jak lehkomyslně si počíná Drăganu uvádí Kniezsa, že lat. *Domina* se vyskytuje také ve velkoruštině, v nejsevernějších oblastech, právě ve formě, která se rovná rumunské formě *Domna* (rum. diftong *oa*, *Doamna*, není pro cizince snadno vyslovitelný; často jej ani neslyší), *Domnuška* a ostře, ale správně maďarský učenec podotýká: „. . .auf solcher Grundlage konnte die Expansion der Rumänen bis an das nordöstliche Eismeer ausgedehnt werden". Totéž by se mohlo opakovat i v případě místního jména v těkovském (?) komitátu *Árma*, slc. *Orma*. Z čeho autor čerpá jistotu, s kterou tvrdí, že toto jméno a vůbec maďarské slovo obecné *ármás* pocházejí z rumunštiny a ne z některého jiného romanského jazyka (cf. W. M. Lübke REW 650) nebo z latiny? Koncovka *-aš* není rumunskou zvláštností, neboť v rumunštině se rozšířila po výtce slovanskými slovy (viz Pascu, Sufixele 345, 351, 352[18]) a také v maďarštině, pokud je mi známo, je velmi produktivní (na př. valašsko-slovenské a podhalanské *portáš-portasz* je původu latino-maďarského). Vrcholu všeho dosahuje autor, když z těchto s hlediska rumunského tak pochybných slov odvozuje směle, že zvláště *armas* „ukazuje, že v těchto oblastech existovala kdysi vojenská organisace rumunská" (str. 179), odvolávaje se zase na „villa Knesech", „Knesecz", která ukazuje prý na organisace v knížectvích. Autor, jak vidět, je mylného názoru, že *knez* v místopisu ukazuje hned na politickou organisaci na témže místě a že to byla organisace nepochybně rumunská. Nepochybné je však myslím jen to, že z okolnosti, že Rumuni používali v svém politicko-administrativním životě terminologie slovanské, nemůžeme jednoduše vyvozovat, že Rumuni byli všude, kde se vyskytuje tato terminologie v slovanských zemích. Je tu zapotřebí mnoho jemnosti a opatrnosti.

Velmi prostoduchá se zdá také etymologie pro slova z 12. a 13. stol. *Fonsol* (str. 55 a 177), *Fonchol* (str. 299), *Fonsul*, *Fonsal* (str. 177), jež autor odvozuje od rum. *Făncel* < *fan* (hypokor. od *Ștefan*) + *slovanský sufix *-č* + *rum. sufix *-el*. Není přijatelná, protože jména s *č* se ve slovanských jazycích vyskytují teprve ve XII. stol. (viz Kniezsa op. cit. 142—143), poněvadž zkrácená forma *Fan* od *Ștefan* v rumunštině je bezpochyby novější a poněvadž docela nově, snad jenom v posledních dvou stoletích, se tvoří od křestních jmen deminutiva s koncovkou *-el*, která je velmi stará, ale užívalo se jí k jiným účelům (viz Pascu Sufixele, str. 8 a 144—153).

Téže chyby, jíž se dopouští při slovech *valach*, *knez*, *vojvoda*, dopouští se autor i při jiných slovech, a to po každé, když nalézá slovo více méně jistého původu rumunského; vždy je mu to svědectvím, že na tom kterém místě byli Rumuni. Tak zachází na př. se slovem *Kračun*, které se vyskýtá v maďarské formě *Karacson* a tu, na území slovenském — ostatně tvrdil to jinde i pro Pannonii — s místním jménem Choncu („palus. . .") mezi Váhem a Dudváhem (viz Šmilauer Vodopis 333). Nechme stranou na př. to, že Šm. u. m. navrhuje místo *Choncu* čtení *Chontu*, „t. j. *Csonto* (*-tö*)" a praví, že jest „odvoditi od m. os. jména *Cson*", které se vyskýtá i jinde v místopisu maďarském (viz ještě Šm. Vodop. 495), a uvažujme jen o tom, že i kdyby *Csont* bylo starší *Csunt*, a to od rum. *ciunc*, *ciung* ,verstummelt, ohne Arme, Schwanz', (což musíme brát s velkou reservou, poněvadž může zde jít o onomatopoje, a ne-li,

---

17) Kniezsa op. cit. 155 správně podotýká: „Nicht alles, was mit dem Hirtentum zusammenhängt, ist rumänisch".

18) G. Pascu, Sufixele româneşti (Bucureşti 1916), str. 489.

jsou na snadě také italské a jiné románské možnosti), bylo by to důkazem o rumunsk národnosti obyvatelstva, jež tohoto slova používalo? Správně tu praví Kniezsa op cit. 136: „Selbst wenn Dr. hinsichtlich dieser Etymologie recht hätte, dürfte er di angeführten PN nur dann aus dem Rumänischen erklären, wenn er beweisen könnte daß dem Ungarntum das angeblich rumänische Appellativ zur Zeit des Vorkommen der obigen PN-belege noch nicht bekannt war und so die Benennung der betreffender Personen von Ungarn selbst nicht herrühren kann". Jako mnoho slov cizích ve všech jazycích slovo *karacson* nabylo v maďarštině povahy slova obecného a — je-li ovšem původu rumunského — může býti jenom důkazem styků rumunsko-maďarských ale nikoliv toho, že ve všech případech, kde se vyskýtá, jde o Rumuny. Úplně zby tečně uvádí Dr. z novohradské stolice jména jako *Chonthahaza, Csontorog*.Rumun ské *ciung* je původu románského (viz Tiktin 367[19]) a románského původu může být též v maďarštině. Pokud však běží o rum. *şontorog*, pochází od maď. *csontorag csőntőrge* (Tiktin 1458). Více se o těchto mylných etymologiích není nutno šířit[20]).

V býv. těkovském komitátu vyskytuje se r. 1156 jakýsi „libertinus Kokon' (ze Selepčina), jméno, jež autor ztotožňuje s rum. *cucon-cocon* ,dítě' < n. řec. *κοκκῶνα* ,gnädige Frau', a rum. *coca* ,nemluvně'. Ale správně namítá Kniezsa op. cit. 173 odkud autor ví, že *κοκκῶνα* je tak staré v rumunštině a že tu nejde pravděpodobněj o kořen slovanský *koko-koka* (Berneker SEW 539), z něhož jest odvozena v slovan ských jazycích spousta jmen? Přidal bych k tomu, že *κοκκῶνα* je v rumunštině patrn z nejnovější vrstvy řeckých vlivů, z t. zv. fanariotické vrstvy, z XVIII. stol. a ž vůbec jako slovo z kořene onomatopoického toto *kokon* neposkytuje pro rumunštin na Slovensku žádnou průkaznost.

Tak naprosto nespolehlivá je celá řada rumunských možností, které navrhuj autor pro *Bocel* (str. 178; nepraví, odkud je), neboť stejným právem lze je odvozova z jiných jazyků, aniž je možno rozhodnouti se pro některou z těchto možností (vi Kniezsa op. cit. 115—119).

Pro *Edu, Edus*[21]), *Iezu* (jsou to jména místní či osobní, odkud, kteréh data?) autor navrhuje výklad z rum. *ied*, pl. *iezi* < lat. *haedus, -um*, ačkoliv uznáv že mohou to býti také maďarské a kumanské *Ede, Ed*. Co se týká jména *Iezu* Chaloupecký, Staré Slovensko, uvádí v rejstříku na str. 371 „Jesu libertinus i Selepchen" (orig. z r. 1165), takže to z domnělého rumunského *iezi* není potvrzen zápisem, kromě toho není *iezu* v rumunském singuláru možné.

Zcela bezpodstatné je odvozování jména (osobního? místního?) *Koszori* z macedorum. *cusurin* < lat. *consobrinus*, když se jméno toto vyskytuje i v místopis polském a českém (viz Kniezsa op. cit. 177) a očividně pochází od slov. *kosor* (Miklosich EW 133 a Berneker SEW 581). Též jen na podkladě hláskové podobnost odvozuje autor osobní jméno *Butura* „olim castellani de Lewa" z r. 1480 z rum *buturǎ* ,tronçon, creux d'arbre'; neuvědomil si, že zvláště v češtině a v polštin koncovka *-ura* je velmi produktivní při tvoření jmen osobních, jak ukazuje Kniezs op. cit. 188—189, srv. na př. Vančura, Mičura, Matura, Badura, Botura (odtu patrně Butura), Godura, Piechura, Szymkura, Wilczura a pod. V této honbě p výrazech hláskově podobných odvozuje autor i docela jasné jméno *Zima* (z Čobu XII. stol.) ne ze slovanského *zima*, nýbrž z macedorum. *Dzima, Dima, Dimitrie* Též se ukvapil autor s etymologií jména *Krecz, Crez*. *Crez* se vyskýtá v zakl dací listině premonstrárského kláštera v Bozóku (Bzovik), a je známo tak v češtině, ba i v polštině a ruštině; je to, jak správně vykládá Kniezsa op. cit. 177 a 178, zkrácená forma jména *Křesimir* (Cressone, Crzesus, Kres) a nemá pranic spo lečného s rum. *creţ* ,kraus' sporného původu.

Co se týče jména *Tath, Taath* atd., zajímají nás především „Thata juxt Gron" z r. 1230 a Tát z Ostřihoma. Autor se domnívá, že tato jména nemají nic spo

---

[19]) H. Tiktin, Rumänisch-deutsches Wörterbuch (Bukarest, 1903—1925) str. 1834.

[20]) Poznamenávám jen, že mě nepřekvapuje ostrost, s kterou Kniezsa op. cit I, 136—138 odmítá tyto vývody Drăganua.

[21]) Kniezsa op. cit. 140—142 ukazuje, že jsou to slova ryze maďarská, kdežt *Jesu* < *jež* ,Igel'. Koncové *u* je u těchto slov „der ungarische stammauslautend Vokal, der zu jener Zeit infolge des Systemzwanges auch bei Namen fremdem Ur sprungs noch vorkam..."

lečného s něm. *That*, nýbrž že nutno je odvozovati od rum. *tat(ul)*, *tată* ,otec' <lat. *tata, -am* nebo od kumanského *Tat*, jímž Turci pojmenovávali cizí prvky, jež se mezi nimi nacházely. Autor sám poukazuje na dvě možnosti. Těch možností je však vlastně daleko více. Na př. podle Knieszy 213—214 je jich celkem 5, a to dvě slovanské (*tatь* ,zloděj' a *Tatomir*, jméno osobní), tři turecké (*Tat* ,Fremder'; *tat* ,Geschmack' a *tatu-taty*, ,einig, friedlich, friedfertig') a jedna německá (*Tat*, osobní jméno). Dále velmi důležita je okolnost, že bulharština, srbština, ruština, ukrajinština, slovenština, čeština a polština (Miklosich EW 347) znají slovo *tati, tata, táta* v stejném významu jako rumunské *tată* a nikoho zajisté ani nenapadne, aby tvrdil, že všechny tyto jazyky si jej vypůjčily z rumunštiny[22]. „Thata juxta Gron" může theoreticky velmi dobře býti a také asi nepochybně je původu československého. Avšak právě v této formě autor nachází argument pro svou domněnku a nachází potvrzení — ovšem jen zdánlivé — pro rumunský původ ještě ve jménu *Tacz* z obce Fejér a ještě v jiných jménech rumunského původu z okolí. Jméno *Tacz* považuje za plurál od *tata*, totiž osoba nebo osada (není tu řečeno o jaké jméno jde), která se jmenuje „tátové"[23]. Není to trochu podivné? A není přijatelnější názor Kniezsův, který pro *Tácz, Tác* navrhuje něm. osobní jména *Tazo, Taz* (cf. op. cit. 214)? Zdá se, že Kniezsa má také pravdu, tvrdí-li, že osobní a místní jména rumunská *Tatu, Tatul, Tătulești* nepocházejí od *tata* ,otec', nýbrž od slovanského jména *Tatomir*; dokladem toho jsou starší a novější rumunská *Tatur, Tatomir, Tatomirești*.

Těch jiných jmen, která podle Dr. „nemohou býti než rumunského původu" (str. 182), z okolí, ale již z území na Ostřihomském břehu, je několik. O výraze *Lat, Lath* byla řeč již na začátku. *Chapa*, musí li býti čteno s *á* a nikoliv *a*, může býti identické s rum. *ceapă* ,cibule'[24]. Jméno muže *Fuurh* z r. 1218 odvozuje od rum. *fur*, ,zloděj' <lat. *fur, -em*. Tato jednoduchost výkladu přímo zaráží. Jak to, že se na to dříve nepřišlo? Poněvadž není to správné. Za prvé odvození přímo od lat. *fur* by tu bylo daleko přirozenější. Autor však udává špatně i pramen, z něhož toto slovo má (viz Kniezsa op. cit. 151), a neuvažuje nijak o přirozených potížích, jež by tu byly i proti výkladu z lat. *fur*. Snad právem Kniezsa spojuje toto slovo se slovem *fiure*, které Drăganu z Kovácziho Index alphabeticus codicis Arpadiani continuati per Gustavem Wenzel, Budapest, 1899, opsal v chybné formě *fiare* (doklady a ostatní viz u Kniezsy op. cit. 147) a snadno a rychle vyložil od rum. *fiară — fiare* ,wildes Tier', což dokazuje, jak správně podotýká Kniezsa, že někdy (Kn. píše „des öfteren") Drăganu „. . .nicht die Urkundenausgaben selbst benutzt hat — obgleich er diese immer citiert — sondern bloss in den dazu angefertigten Indices blätterte". Stejně to dělal i s knihou Chaloupeckého Staré Slovensko.

Dr. uvádí dále jméno *Muta* z r. 1208, 1218, 1231. Abychom se dověděli, jaká jsou to jména, zda místní či osobní, a z kterého místa přesně jsou, museli bychom otevříti Fejér, CD, III, I, 66; Wenzel, CD, VI, 393 a id., ib., VI. 499. Chci tím upozorniti jen na to, jak je autor nedůsledný. Jinde podává podrobnosti a zbytečně se opakuje, zde je skoupý na slovo. Proč? Vždyť pravdivost těchto slov má dokázat rumunský původ slova *Tata!* Podle autora toto záhadné *Muta* pochází z rum. *mut*,

---

[22]) Jiného názoru je N. Iorga, o němž byla řeč v Slavii XIII., str. 764. Více o něm se šířit není nutno. Drăganu uvádí bibliografii na str. 181—182, pozn. 2—3. Zmíním se jenom o tom, že A. Sacerdoțeanu přišel na to, že jméno *Tatos* je původu thráckého (jako ostatně i jiná jména) v čl. „O původu jména Tatos" v Iorgově Revista istorică, București, 1929, XV., str. 13—17 (podle Drăganua str. 181—182). Avšak toto slovo se vyskytuje i v dialektech italských, ba i španělských a portugalských (cf. WMLübke REW 8596). Že by snad tam bylo také původu thráckého? I O. Densușianu v čl. „Domnělý rumunský původ jména Tatos" (Presupusul românism al lui Tatos), Grai și suflet, București, I, 1923, 323—324, nazývá tyto Iorgovy etymologie „ukvapené a opovrhující filologií".

[23]) Velmi ostře odmítl Kniezsa (I, str. 184: „Der ganze Einfall ist so lächerlich naiv, dass es einem schwerfällt sich damit zu befassen") také pokus našeho autora odvoditi slovenské místní jméno *Mama* od rum. *mama*. Autor totiž na str. 174 praví, že „může býti identické s rum. *mama*, ale uznejme, že o tom nelze vůbec mluvit.

[24]) O nemožnosti rumunské etymologie tohoto slova, jakož i jména obce *Cheptsin* z r. 1262 z Turčanského komitátu viz kritiku Kniezsovu str. 130 až 131.

-*ă*, ‚němý‘ <lat. *mūtus, -a, -um.* Ostřihom a jeho okolí znaly velmi dobře tolik různorodých románských prvků, že rumunský původ se mi zdá zcela dobrodružný. Kniezsa op. cit. 194 poukazuje i na německou možnost (*Muth*), ale přidržuje se názoru, že tu jde o zkrácené *Mǫtimir* > *Mutimir*, které se na př. v Maďarsku vyskytuje v plnější formě: *Muthmer, Mutmer, Mutimerus, Mothmer,* ale i zkrácené: *Muta, Muthsa, Muthud Mutud, Mutina, Mot* atd. Stejně neudává Dr. místo, odkud je vzato „rivus . . . Aprik“, „Apurig“ z r. 1009, jež mu „připomíná“ rum. *aprig.* ‚heftig‘ <lat. *apricus, -a, -um,* aniž může uvést aspoň jeden analogický případ. *Tempnekul* „locus metalis“ z r. 1281 se mu zdá, že má rum. postpositivní člen *-ul,* ale v jiných pramenech jméno toto se vyskýtá ve formě *Tempnekut.* Co s tím tedy? Co se týká jména slovenské obce *Socovce* na Turčansku, jež Drăganu uvádí ve formě Kis- a Nagy Szoczócz (Niederle Národop. mapa zná jenom Nagyszoczócz) a odvozuje „podle vší pravděpodobnosti“ od rum. *soț* <lat. *socius, -um,* přiklonil bych se spíše k názoru Kniezsy op. cit. 212, který považuje etymologii tohoto jména (po prvé se vyskýtá r. 1258) za neznámou a ukazuje také na polské jméno místní *Socówka.*

Rumunská jsou mu dále *putyra, Mincsol, Šutovo, Batrna, Čaca, Brumov, Grapa, Kičera, Kikula, Magura, Gahura, Pestalak* (nikoliv *Pestelac,* jak píše Dr., str. 208; viz Válek ČMMZ X, 191—192), *strunga, bač, Bukeryša, Cab, koliba, Vakovna* a různé jejich odvozeniny, jakož i odvozeniny od *sihla, valach, vojvod* atd., atd., o nichž pojednám podrobně jinde.

Poněvadž autor je nesen nahodilostí materiálu (zdálo by se, že následující stránky jsou věnovány více moravským Valachům, ale autor není nikterak důsledný) vrací se zase na Slovensko a zabývaje se na str. 183—184 několika citáty ze studie Ing. Acsadyho, Magyarország pénzügyei I. Ferdinand uralkodása alatt, 1526—1564, Budapest, 1888, zlobí se na autora, že Valachy turčanské, oravské a trenčanské, kteří platili vigessimam, považuje za Slováky a praví: „Opravdu v XVI. století se ještě nacházeli Rumuni na Trenčansku“. Ba podle něho byli Rumuni nejenom ti, kdož byli v pramenech jmenováni Valachy, nýbrž i obyvatelé obcí, o nichž je uvedeno v pramenech, že platily census agnorum et vigessima a tak velmi pečlivě uvádí, kde kdo platil tyto daně okolo Trenčína.

Krátce — z trenčanského Pováží vlárským průsmykem přešli Valaši na Moravu; dokladem tohoto putování jsou mu *Brumov, Vlachovica, Vlachovac* (!), *Valašské Klobouky, Lhota Walachowa* (!) a *Cap* nebo *Cab* (!). (Je zajímavé, jak najednou béře jména z různých pramenů a z různých končin.) Jiný proud Valachů šel prý směrem od Čacy, jež mu je rumunského původu stejně jako i Brumov („je téže povahy“) jednak na Těšínsko a jednak na Moravu směrem na Valašské Meziříčí přes Kičeru, Bukovinu a Trojanovicza (sic). Kičera tato neznamená tu více než ostatní Kičery v Karpatech a jméno Trojanovic pochází od jména biskupa Trojera[25]); toto jméno původně nemá nic společného ani se slov. *trojanъ,* rumunský *troian,* ani s *Traian.* Znamenitým dokladem toho, jak nehistoricky se dívá náš autor na tyto věci, je i jeho výklad jména řeky a města Kysuce: „Je-li výslovnost se *s* (maď. *sz*) původní a správná, tedy rumunský kořen, jejž musíme hledati v nějaké odvozenině s rumunskou koncovkou [velmi nejasně řečeno] jest* *chisă* [nemůže pro ně ovšem uvést žádný doklad, že existovalo i samostatně] <lat. *clusa* (cf. *includo, -ere*> rum. *închid, închis, închide*), tudíž stopa rumunské pevnosti (!) v těchto končinách“ (str. 186). Tato prapodivná etymologie je naivní — a vedle už navržených výkladů tohoto skutečně nejasného slova (viz Šmilauer, Vodopis 328 a Kniezsa Pseudorumänen 162—3) nemá pražádné ceny. Stejně bezcenný je i nový jeho pokus odvodit jméno Revuce od rum. *rău* <lat. *reus, -a, -um* nebo od rum. *rîu* ‚řeka‘ <lat. *rivus*[26]), jak se mylně domníval již Melich (viz str. 219—221). Mylnou podporu pro rumunskou thesi vidí Dr. v koncovce *-uca.* Ačkoliv Šmilauer, Vodopis 499 považuje toto jméno za „neznámé a nejasné etymologie“, podle jeho překladu do němčiny (viz Šmilauer, Vodopis 317) přijal bych s Kniezsou Pseudorumänen II, který uvádí paralely i z území ruského, výklad od slovanského *revati,* ale netajím se tím, že tato etymologie zcela neuspokojuje.

---

[25]) Viz V. Prasek, Kolik bylo valašských vojvodství... Selský archiv, II, str. 89. Osada ta byla založena teprve kolem r. 1750.

[26]) Odtud rum. *rîu* skutečně pochází a nikoliv od kelt. *arva,* jak se mylně domnívá Kavulják, Orava v XIII. stol. str. 391 (viz pozn. 35).

A teď, Valaši na Moravě! Předvedeno, kdo co o té věci řekl, úryvkovitě, s chybnou transkripcí, bez náležitého kriteria. V textu a pod čarou uvedena spousta bibliografie, sepsaná podle všeho podle L. Sawického Almenwirtschaft[27]) se všemi chybami. Nestojí za to sledovat tyto bezcenné podrobnosti. Ale z toho, že autor tak věrně následuje Sawického i v tom, co se týká špatného počítání Válkových příkladů z rumunštiny, vyplývá nepochybně, že autor snad listoval Válka, ale nečetl ho (na str. 197 pozn. 1. praví, že práce Válkovy „použil"). Uvádí krátce ty, kdož považovali moravské Valachy za lid slovanský: Píče, Škultétyho, Václavka. Proti nim uvádí názory F. Pastrnka z prvního jeho článku[28]), které ovšem Pastrnek sám později v druhém článku[29]) podstatně pozměnil, ale to autorovi nevadí; podává několik slov původu rumunského běžných na Valašsku (a ovšem i jinde v Karpatech), uvádí domněnky Sawického o rumunském původu valašského pastevství a valašských vojvodů (uvádí jich mylně jenom 6) a podotýká velmi důležitě, že „theorie" Palackého (nebyla to theorie, neboť tento názor Palacký vyslovil jenom mimochodem) o gallském původu moravských Valachů je fantastická. Proti ní prý je historická theorie Miklosiche-Kalužniackého (Kalužniacki s touto theorií nemá nic společného: řekl bych spíše, že byl proti ní), jíž se drží Bartoš, Válek, Sawicki, Kadlec a ovšem Nandriş a Nistor. Avšak proti Miklosichovi, jenž tvrdil, že Rumuni přišli na Moravu podél Karpat, autor přichází se svou theorií Rumunů pannonských a má za to, že z Pannonie, kde Rumuni se prý udrželi i v době panování Hunů, Avarů a Maďarů, šli na sever do oblasti nitranské a odtud teprve se rozdělili a šli po částech na Moravu, do Těšínska a Slezska, Haliče, do komitátu berežského, užského a marmarošského. „Nomadism, nebo lépe transhumance (Rumunů) z opačného směru, z východu k západu začala teprve, když pramen rumunských pastýřů z Pannonie vyschl" (190 až 193). Správnou představu o těchto věcech měl prý již Hasdeu, ale chyboval v tom, že kladl příchod Rumunů do uvedených oblastí z Pannonie najednou, současně. Tu se tedy musíme zabývat jmény, jež Hasdeu[30]) uváděl z Bočkova Codexu: *Crisan*, *Bukan* filius *Neg*, *Kokora* ještě závažnější, ale Hasdeuem neuvedené, *Nesul*. Předně, tvrdit, že jméno *Kokora* je původu rumunského, bylo snad možné v době Hasdeuově. Slovo to je původu neznámého, snad románského (viz Berneker SEW 540), vyskytuje se v rozličných obměnách v Čechách (Kotyška 590, Sedláček 425, Gebauer Slovn. stč. II, 75), takže se může směle tvrdit, že je to na Moravě jméno české[31]) (cf. též Kniezsa Pseudorum. 173 pod heslem Kokon). Za druhé, jak a odkud by se vysvětlilo v rumunštině jméno *Bukan*, nevím. Jako jméno osobní na Moravě pochází snad od *Bukoslav* (viz Gebauer Slovn. stč. I, 116). Za třetí jenom úplná neznalost českých paleografických poměrů může se odhodlat k tvrzení, že *Crisan* je to, co rum. jméno *Crişan*. Ať už souhlasíme s názorem, že toto jméno v XI., vlastně v XII. stol. u Rumunů ještě nemohlo existovati (viz Kniezsa op. cit. 178),nebo ne, to uznati musíme, že *Crisan* je jenom staropísmá forma rozšířeného u západních Slovanů jména *Křížan*, buď od *kříž* nebo od *Chrysostomos*, jak dobře ukazuje Kniezsa u. m.; je hojně dosvědčeno i v místopisu českomoravském, polském, charvátském. Za čtvrté: ne každé *-ul* v cizích řečech je známkou rumunského vlivu, rumunský postpositivní člen mužského rodu. Tak je tomu i s osobním jménem *Nesul*, jež Gebauer Slovn. stč. II, 627 odvozuje od *súli, spu* a které se vyskýtá na Moravě také jako jméno místní *Nesulovice*. Konečně „Neg cum fillis Gostek, Theza a Bukan" by byl trochu divný Rumun, i kdyby tato domněnka byla trochu možná s hlediska historického. A to právě není možné. Ostatně sám Drăganu na str. 192, pozn. 2 píše: Opravdu ani o jednom (z těchto jmen) se nemůže říci, že je rumunské".

Autor se dále zabývá otázkou, jak a do které doby stanovili příchod Valachů na Moravu Bartoš, Pastrnek, Válek, Sawicki, Černý, Kadlec a Melich. Melichovi vlastně šlo o slc. *g>h: tehla* <lat. *tegulum*, maď. *tégla*, *beťah* <maď. *beteg*, *sihoť* <maď. *sziget* proti *magura*, *kľagať;* první jsou starší, druhé mladší než 13. stol. Autor však

---

[27]) Almenwirtschaft und Hirtenleben in der Mähr. Walachei, Z. f. österreich. Volkskunde, XXI—XXII, 1—28, 37—52, 68—85.

[28]) Slovenský jazyk, Študovanie slovenčiny, Slov. pohľ. XIII., 1893, 692—698, 762—767.

[29]) O původě moravských Valachů, Časop. Mat. Mor. XXXI, 1907, 113—129.

[30]) Povrch a podklad (Strat şi substrat), Bucureşti, 1892, na str. 28.

[31]) Drăganu sám, Românii 192, dovozoval, že *Kokor* je původu slovanského.

rád odbočuje a chce nás stůj co stůj ujistit, že na př. jméno *Kis-Magury* (Malé Magury u pramenů Nitry) mohlo se zachovat i z doby před 13. stol. s *g*, protože prý slova se vypůjčují až po nějakém čase, nikoliv hned; a to se tak muselo stát, neboť „... Rumuni, kteří měli svou organisaci a svá práva, drželi se jaksi isolovaně od Slováků a Slováci vnikali do vesnic a do hor Rumunů jenom pozvolna a později, po 13. stol., kdy, začínajíce je asimilovat, osvojili si také rumunský místopis. Neboť rumunská místní jména na horách mohou býti netoliko dokladem novosti, jak se domnívá Sawicki, nýbrž spíše starobylosti, jelikož je známo, že kolonisace postupuje z rovin do hor“ (195). A konečně může tedy docela dobře běžet o dvě vrstvy rumunských výrazů, starší, z oblasti nitranské již před XII—XIII. stol., v níž $g > h$, a mladší, kde se zachovalo *g*, jež vzhledem k maďarskému názvosloví (*gazda, hotar*, *salaš*) musela nejdříve přijít do styků s Maďary. K těmto starším skupinám se mohli později přidat ještě Rumuni z proudu východního. Doklady? Básní se dále. Většina vesnic moravského Valašska má dnes jména slovanská, ale existuje ještě část jmen místopisných, jež prý nemohou pocházeti než od Rumunů. Na neštěstí, jelikož nebyla významná, nezachovala se v pramenech té doby. „Ale nemohou býti o mnoho novější než jména z Nitry, Poszony, Turócz, Trencsen atd., neboť během XV.—XVII. stol. Valaši se poslovenštili a již by je nemohli dávat. V této době skutečně *valach* znamenalo již jenom ‚pastýř‘ nebo ‚lupič‘ “. Tak se to stalo během XV.—XVI. stol. podle výkladu na str. 196 a ze str. 183—184 si pamatujeme, jak zazlíval autor Acsádymu, že Valachy turčanské, oravské a trenčínské považoval za obyčejné Slováky. Sám za Rumuny je považuje zase na str. 195, pozn. 2., a o období od XV. do XVIII. (!) stol. tvrdí (na str. 214), že to máme také doloženo dokumentárně; ‚dokumenta‘ jsou mu samo sebou slova *valach* atd. v pramenech.

Nebudu zde uváděti analyse slov, jimiž se budu zabývat jinde. Upozorním jen na ta z nich, o kterých tam nejednám. Mezi jména rumunského původu na Valašsku řadí Dr. na př. i místní jméno *Fagoška* (str. 208), o němž na str. 210, pozn. 2, píše, že je převzal od Križ-Cabicar (sic), který prý podal výsledky práce Válkovy v Archiva Someşană, č. 7, 1927, str. 85. Jméno toto u Válka však uvedeno není. A i kdyby Križ-Cabicar nebo Drăganu je vzali odjinud — na tom už nezáleží, ale záleží na tom, zda-li je skutečně z moravského Valašska[32]), — není toto slovo původem rumunské, od *fag* < lat. *fagus*, jak ujišťuje Drăganu. Mnohem pravděpodobněji může pocházeti od polského *fagas*, ‚owczarz‘, (pogardliwie, viz Sł. jęz. pol. I, 710, Karłowicz Słownik gwar polskich II, 2), lokaj (Brückner SEJP 116—117), které může v polštině pocházeti od lat. *vagus* (Sł. jęz. polsk. u. m.) nebo od lat. *fagus*[33]) (Brückner u. m.), nikoliv z rumunštiny.

Ani u Válka není, ani v jiných pramenech jsem nenašel na Valašsku místní jméno *Redikanovo*, jež uvádí autor na str. 208. Jako slova obecná od rum. *rădica*, *ridica* jsou na Valašsku známé výrazy *redykať*, *redigovať*, *přiradykať*, *přeredikať* (viz Bart. Slovn. 331—337, 354) jako i jinde v Karpatech, ale v místopisu valašském *Redikanovo* není. V Tatrách je *Radikalna*, *Radikalnow*, *Redikalnia*, *Radikanowa*, jež autor hromadně opakuje na str. 619, 620, na kterých je však vidět, že jsou utvořena později ze slova obecného.

Co se týká místních jmen od *vojvoda-vajda*, budiž zde poznamenáno jenom to, že autor není v právu, když tvrdí (na str. 208), že prý Válek uvádí jich více, neboť to není pravda. Válek zná jenom *Vojvodka* (nikoliv *Vajvodka*) na Ondřejníku a dále na východ v Karpatech (nepraví kde) *Vojvodina*, *Vajdów groń* (nikoliv Vojvod... jak píše Dr.) a *Wejdów;* ostatní tři jsou již na území rumunském. A dále Válek (ČMMZ X, 297) právě tím, že je přesvědčen o tom, že „nelze tu zaručiti, že by se všecky (názvy od vojvod-vajda) vztahovaly na úřady podobné“, je dokonce na opačném stanovisku, než na jakém nám ho Dr. představuje.

Musíme odmítnouti také naivní etymologii mor.-valašského *stanisko* ‚salaš‘ (též *stanovisko*) od rum. *stână* ‚salaš‘ (sporného, ale snad slovanského původu v ru-

---

[32]) Fagoška je jméno trati v okr. val.-meziříčském, viz J. Kuba: Seznam tratí soudního okresu Val. Meziříčí, Sb. mus. spol. ve Val. Meziříčí, č. 9—10, 1902, str. 32—39 (jsou podána v abecedním pořádku).

[33]) „Fagha“ z r. 1216 v novohradské stolici viz Kniezsa op. cit. II, 101, odmítavě.

munštině, cf. Dr. ibid. 133—134 a Philippide Originea I, 443—444); Dr. 210 mluví o tom tak, že se zdá, jako by byl Bartoš tuto domněnku vyslovil, což není pravda.

Dále uvádí Dr. (str. 210) ze stolice novohradské *Kurtany* z r. 1246 (je to jméno osobní nebo místní?) jako cenné svědectví o existenci rumunské šlechty vojensky organisované v těchto končinách, neboť nejde tu prý snad o kurtany s významem ‚eine kurze Kanone‚Kartaune', nýbrž o slovo s významem ‚der einquartierte Söldling' a v tomto významu je identické s rumun. *curtean* ‚Höfling, Hofmann', odvozeným od *curte* ‚Hof' < lat. *curtis*, *-em*". Autorovi se to všecko zdá jisté, ale je to jenom iluse. Neboť uvědomíme-li si, že Rumuni mohli znát *curteni*, t. j. dvořany, Höfling, Hofmann, jenom po utvoření rumunských států, celá tato stavba, založená na hláskové podobnosti rum. novějšího (aspoň z XIV. stol.) *curtean* a tohoto *Kurtany* ze stol. XIII. se rozpadne. Též Kniezsa l. c. 181—183 pro nedostatek historického podkladu odmítá tuto etymologii. Kniezsa tam uvádí jiné dvě možnosti výkladu, ze slovenštiny a z turečtiny (ta je též pravděpodobna). Zajímavé je podle Kniezsy též, že jakési jezero v Sibiři, v Tobolské gub., se jmenuje také *Kurtan*.

Velmi oprávněně odmítá dále Kniezsa II, 145—146 výklad Drăganua 211 pro jméno (*Alsó-*, *Felső-*)*Szatok*, jež náš autor odvozuje od rum. *sătuc*, deminutiva k *sat* ‚Dorf' < lat. *fossatum*. Snad by se mohlo uvažovat i o tomto původu, kdyby Drăganu dokázal v stolici novohradské aspoň jedno jméno původu rumunského, které by podpíralo názor, že tam skutečně Rumuni byli (nejde o slova v Karpatech obecná; ta nedokazují nic), a kdyby slova *sătuc* bylo užíváno i v terminologii rumunské. Nic takového není. Rozhodnouti se pro některou z etymologií navrhovaných Kniezsou tu není třeba.

Sám Dr. dále považuje za méně jistý rumunský původ jmen jako *Korna*, *Korňa*, *Kornica*, která by odvozoval od rum. *corn* ‚Kornel-kirschbaum' < lat. *cornus*, *-a*, *-um*. Sám připouští i souvislost se slov. *kъrnъ* (Berneker SEW 669). Patří sem i jména vrcholků mezi prameny Turzovky a Černou a Bílou Ostravicí na hranicích slovensko-moravsko-slezských *Korňa* (2 ×) a *Kornica* a jméno malé říčky *Korňa*, jež tam vtéká do Turzovky, kterých Drăganu nezná (cf. gener. mapa, prozat. vyd. Vojensk. zeměp. ústavu v Praze: Žilina—Trenčín). O rozšíření tohoto slova jako podstatného a přídavného jména a jako jména osobního a místního viz Kniezsa op. cit. 175—177 pod heslem: Korna, Kornisfalva, Kárna. Zde jde o slovenské *o* < ъ nebo o vkladné *o* v případech, kde nejde zřejmě o odvozeniny od *kora* (Berneker SEW 566—67). Aby se však nezdálo, že Dr. odbývám příliš lehce, uvedu z Gebauera, Slovn. Stč. II, 107: Korniceh z r. 1167 a 1384 a Kornyczie z Čech a z Jungmanna II, 133: *kornice*, dřevnice, šťavnice, závitky, ale zvláště „pramen dříví ještě s korou, jež plavci při velké vodě plavívají, a kteréž obyčejně k stavivu bývá." Rumunského původu v Karpatech je jenom val. *kurnota*, slc. *kornut(k)a*, pol. *kurnuta*, ale tento ryze pastýřský výraz nemá pranic společného s místními jmény; tu jsou rozdíly, jichž si musíme býti dobře vědomi.

Nejisté je pro autora také *Bratkovitza* ze stol. zvolenské (viz Niederle, Národop. mapa 141), ale v přiložené mapě je uvádí; a uvádí tam také neuvedené v knize *Bradowszka* a na str. 175, pozn. 1. také *Bradlo* (vedle které Brezové?). Považovat tato slova za odvozeniny od rum. *brad* ‚Tanne, Fichte' (viz Tiktin 219), bylo by opravdu naivností, které se Dr. jen formálně nedopouští (viz též Kniezsa op. cit. 125). Nemožnou etymologii má dále Dr. (str. 219) pro dávno již vysvětlené jméno *Pucov* a pro slc. *puca* (cf. Kniezsa op. cit. 202).

Místní jméno v novohradské stolici *Zsuny* z XV. stol., zachované v několika zněních, odvozuje autor s pochybností (nemá rotacismu) od rum. *juni*, sg. *june* ‚mladý', istrorum. *žure*, macedorum. *džone*, meglenorum. *žuni* ‚Held, tapfer' < lat. *juvenis*, ale „může odpovídati též slovanskému *Žun*, *Žonko* < *Junius*, které však mohlo (?!) existovati i v rumunštině" (str. 211). Rumunská etymologie se mi zdá nejméně pravděpodobná. Ani Kniezsa op. cit. 219—220 se nerozhoduje; uvádí jen dále *Žuniewo*, místní jméno na území polském (Brest-Litowsk), které zcela jistě rumunského původu býti nemůže.

O *Rád* a *Szanda* s hlediska rumunského nelze mluvit a *Szirak* odvozovat od rum. *sărac* ‚chudý, chudák' (z csl. *sirakъ*, Tiktin 1363—4), by bylo nesmyslné, když jména místní od něho odvozená se vyskytují na území českém, polském, bulharském, srbocharvátském a když znění hláskové je ukrajinské. Velmi dobře a správně analysuje toto slovo Kniezsa op. cit. 210—212.

A tak dostáváme se ke jménu *Ipole* a tedy můžeme zaznamenati ještě jednu etymologii, rumunskou. Autor, jak již řečeno, nezná Šmilauerův Vodopis, kde na daleko méně stránkách (360—361) Šm. shrnul daleko více a zajímavější materiál. Ze všech dosavadních hypothes (slovanských, germánské a illyrské) o vysvětlení tohoto záhadného jména Dr. zná jen Melichovu: od illyro-pannonského kmene Osů — *Ipl* >*Ipul*> *Ipol* >*Ipoly*. Šm. poznamenává správně, že dochované doklady (*Ipul-Ipol*) neoprávňují nás vycházeti od *Ipl*. Pro illyrštinu by svědčil podle Šm. suffix *-ulo-*, jenž se tu nachází stejně jako v jiných místních jménech tohoto původu na Balkáně a v Dacii. Velmi správně dále Šm. zdůrazňuje, že nemáme opory, abychom tvrdili, že Slováci přijali toto jméno přímo od Osů nebo od Maďarů. Drăganu vychází také od *Ipul*, ale rozkládá výraz ten na *Ip*, prý rumunské hypokoristikon jména *Ipolit* — podle mého názoru nemožné — a postpositivní rumunský člen mužského rodu *-ul*. Tato etymologie svou nepřirozeností a nedostatkem historického podkladu se poráží sama sebou: autor jako by se řídil zásadou, když odporovat Maďarům, tak odporovat jim na celé čáře.

A této zásady se prakticky drží autor při výkladu velmi mnoha slov. Zmíním se tu o slově *knez*, převzatém do rumunštiny z jižních slovanských jazyků a jinak známém všem jaz. slov. Všechna jména místní nebo osobní pocházející od tohoto slova jak v Pannonii, tak i na Slovensku a jinde v Karpatech, ba dokonce i formy bezpochyby ruské (*knjahynja*), vykládá autor bez ohledu na jejich hláskovný vzhled z rumunštiny a vidí v nich docela nekriticky doklady toho, že tam Rumuni byli vojensky organisováni (viz Kniesza op. cit. 169—172).

Ficsor, ficsur v novohradské a zemplinské stolici není tak jednoduché, jak si to představuje Drăganu. Je to slovo v maďarštině obecné povahy a dostalo se i do slovenštiny (viz Bernolák I, 558 a Tvrdý 128). Z čeho odvozuje autor, že tu jde o přímý vliv rumunský? Vždyť toto slovo jako i další *urda* žije i dnes skoro v celých Karpatech. Můžeme tvrdit, že ti, kteří je tam dnes vyslovují, jsou Rumuni? Proč bychom to tvrdili i pro minulost, když nemáme pro to zvláštních důvodů? Jak jsem již několikráte řekl, slova obecná nemají onu průkaznost, kterou jim přikládá Drăganu (viz též Kniezsa op. cit. 147—149).

O *csongar* ‚kratší noha' bych se ani nemusel zmiňovat, kdybych nechtěl upozornit, že Pascu Sufixele, str. 56 (nikoliv 367) uvádí jako odvozeninu se suffixem *-ăr* rumunské *ciungăr*, ‚sestříhaný stromek'. Pascu však netvrdí, že tento sufix je rumunský svým původem; o kořenu samém viz výše.

Tu se zase musíme vrátit k mylné domněnce Drăganuově o kontinuitě valašsko-rumunského obyvatelstva[34]) na Slovensku z dob po vpádu Maďarů až do dob nejnovějších[35]), do XVIII. stol., jak tvrdí na str. 214 pro Oravu, kde cituje listinu, v níž Matyáš Huňady r. 1474 (viz Kadlec, Valaši 494—496) potvrzuje privileje Valachů z Medzibrodia, Kňažia a Val. Dubové, a část listu Kateřiny Zrinské králi Maximilianovi z r. 1576 (Kadlec, ibid. 497—500). Tam dodává: „Kolonie Rumunů se nacházela i na východním okraji oravského komitátu, na hranicích Haliče, v Suché Hoře, jak vyplývá z jednoho dokumentu z 4. X. 1614 . . .“ Jde ovšem o Valachy.

Podal jsem podrobněji analysu malého úseku této veliké práce jednak, abych vyřadil spoustu nesprávných domněnek, kterými autor plýtvá, a jednak, abych očitě dokázal, že autorova methoda není vlastně methodou, nýbrž že je to volná hra náhody. Jeho způsob, kterým podává materiál, je tak primitivní, že se stále a stále musí opakovat (a opakuje se, i když nemusí). Jak již bylo pověděno, materiálu je tu velmi mnoho. Autor se vrací k jistým otázkám slovenským — jména místní, osobní, slova obecná nebo speciální — i v kapitole V.: Rumuni z Karpat severovýchodních (326—416), kde by se měl zajímat vlastně o Podkarpatskou Rus v souvislosti s rumunským Marmarošem, a vrací se k nim i v jiných kapitolách. Není potřebí po tom, co zde pověděno, obírati se jimi podrobněji. Odkazuji částečně na studii Kniezsovu

---

[34]) „Život Rumunů v tomto komitátě (oravském) je doložen i dokumentárně ve stol. XV.—XVIII. . . .“ (str. 214).

[35]) O předhistorickém obyvatelstvu Oravy, pravděpodobně Keltů (podle nálezů archeologických a jména Arva) a hned po nich Slovanů a o historických začátcích Oravy pojednává velmi jasně a věcně A. Kavuljak: Orava v 13. storočí, Sborník Matice Slovenskej, časť tretia, Historia, roč. XIII., (1935), č. 4., str. 387 až 402.

Pseudorumänen I—II. Z toho, co bylo zde vyloženo, doufám, dostatečně vysvitla cena studie Drăganuovy, a kdyby nebyla v ní ona veliká masa materiálu, odkazů a bibliografie, byla by zcela bezvýznamna, aspoň pokud se týká Pannonie, Moravy a Slovenska[36]). Její cena je právě v tomto jejím encyklopedickém charakteru, ale i tu nutno dávat pozor na jeho přepisy. Velkého materialu, který autor shromáždil, nedovedl zvladnouti k vytvoření jasných výsledků. V celé práci je cítit nedostatek průpravy slavistické a také nedostatek vědecké opatrnosti a kritičnosti[37]).

D. Crânjală.

I. Ohienko: **Глаголиця не повстала з грецького мінускульного письма.** (Бібліотека »Нашої культури«, Львів 1937, str. 73— 80, 81—88).

V úvodu praví autor, že opravdového pramene písma hlaholského neznáme, přes to, že k jeho výkladu máme spoustu ruzných theorií; v posledních padesáti letech se prý vedrala do vědecké literatury theorie *Taylerova-Jagićova* o původu hlaholice z řeckého písma kursivního, z ř. minuskule. Tato theorie prý se udržuje dosud, ačkoli proti ní povstali paleografové, jako byl Sobolevskij a j.; je prý tudíž zřejmo, že v ní není vše v pořádku. Dodává, že tiskne tuto stať pro diskusi, od níž si slibuje, že by mohla dopomoci k rozřešení této záhady; pravého pramene hlaholice sám autor prý nezná, vyslovuje toliko své pochybnosti. Jak uvidíme, nejsou to pouhé pochybnosti, autor příkře odmítá mínění vážných odborníků.

V první kapitole uvádí hlasy odborníků proti minuskulní theorii. Na prvním místě uvádí samé její autory Taylora a V. Jagiće, protože prý vykládají hlaholská písmena většinou ne z písmen, ale ze svaznic. Na druhém místě připomíná slova J. K. Grunského, podle něhož tato theorie je naprosto nedostatečnou, protože prý se utíká k výkladům příliš umělkovaným. Velikou ránu prý jí zasadil prof. Jagić svou odpovědí Grunskému (Глаголическое письмо, str. 92 a 112), kde přiznává, že tato theorie nebyla všeobecně přijata; mluviti o naprosté její nedostatečnosti je však podle Jagiće předčasné, třebaže připouští, že v některých výkladech, jež podává Taylor, on a Leskien, je mnoho umělého.

Dále prý se, podle prof. Ohienka, vyslovil dosti „skepticky" proti této theori veliký znalec řecké paleografie Gardthausen. Připomínám, že prof. Jagić uvedl slova Gardthausenova k doporučení theorie o původu hlaholice z řec. minuskule, ale prof. Ohienkovi se zdají dosti skeptickými. Nemohu zde otisknouti celý citát Gardthausenův, uvedu jen závěr. „Sotva jsou dva druhy písem, jež na prvý pohled se od sebe liší .... jako tato dvě a přece podaný výklad (Jagićem a Leskienem).... zasluhuje před-

---

[36]) Tím odpovídám na to, co mi napsal prof. N. Drăganu v soukromém dopise z 1. VIII. 1935, v kterém praví: „... práce obsahuje některé věci nejisté, nedostatky, opomenutí. Přeji si vydati kratší (třetinu) francouzské vydání, v kterém bych vynechal vše, co je nejisté a zbytečné a přidal jiné důležité věci, které jsem našel po vydání knihy. Jsem přesvědčen, že podstata zůstane nezměněna. Jenom se objasní". Snad na té podstatě se musí něco také změnit. Shoduji se v názorech s p. prof. Drăganu v tom, že jeho práce je „přece jenom novým a vážným příspěvkem, aspoň jako sbírka materiálu" (podtrhávám). Vážným, až na *Ip-ul*, který autor přijímá asi spíše jako vtipný nápad a nikoliv jako možné řešení, a vážným více ve snahách autorových než jako v jeho výsledcích. Nejsem toho názoru, že proti maďarským thesím musíme postavit jiné. Jak prof. I. Bărbulescu, tak i jeho žáci ani nepřijímají ani neodmítají Maďary ze zásady a proto jim ani nenadržují ani jimi zásadně neopovrhují. Rozdíl mezi názory slavistickými v Iaších a v Kluži je v tom, že jašští slavisté jsou slavisté a místy se shodují v názorech s Maďary, poněvadž Maďaři místy operují ve slavistice s patřičnou slavistickou průpravou. To neznamená, že se místy nepřestřeluje, jako na př. v recensi v Arhivě (1934, str. 180—186), podepsané p. V. Chelaruem, která je na tolik zaujata, že si nedovede vážit ani práce ani člověka, a pod záminkou, že obhajuje theorie prof. Bărbulesca, překročuje prostě meze vědecké slušnosti. Nevěřil jsem, že byla psána na podnět prof. Bărbulescu, jak se v svém dopise domnívá prof. Drăganu, proto jsem p. prof. Bărbulesca ihned na tuto nesluš-nost přispivatele upozornil, a p. Chelaru přestal do Arhivy psáti vůbec. Doufám, že vyplývá z práce samé moje snaha po nestrannosti. Snad jsem se v lecčems zmýlil také. Nikdo není neomylný.

[37]) Viz též L. Tamás, Romains, Romans et Roumains II., 77.

nost přede všemi jinými, třebaže se jím neodstraňují všecky nesnáze.“ Viz Энциклопедия слав. филологiи III 43.

Velice vážný průlom v theorii Taylorově-Jagićově prý způsobil, podle prof. Ohienka, ak. F. Fortunatov svou studií »О происхожденiи глаголицы« (Извѣстія 1913, kn. 4, 221—256). Prof. Ohienko se dovolává i Wesselého. Napadá mne tu známé pořekadlo o satyře, ale prostě připomenu, že v této studii Fortunatov výslovně opravil své dřívější méně příznivé mínění o původu hlaholice a vyznává, že považuje její příbuznost s řeckým písmem minuskulním za n e p o c h y b n o u. (Извѣстія отд. русс. языка и словесности, XVIII, 4, 1913). Průlom do theorie Taylorovy-Jagićovy, ke které F. upřímně přilnul, lze viděti jen v tom, že připouštěl, že dvě písmena *š* a *ž* pocházejí z liter koptských; o hlaholském χ netvrdil to tak jistojistě.

Po Fortunatovovi se prof. Ohienko odvolává na stať Rahlfsovu „Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alfabets“ (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 45, 1913, 285—287). Tu přiznám, že prof. Ohienko překonal samého A. Rahlfsa, který, ačkoli jinak vystoupil proti Jagićovi, připouštěl, že snad jediné písmeno Ⰴ by mohlo pocházet z řec. minuskulního δ; prof. Ohienko se nezmiňuje ani o tomto ústupku.

Prof. Ohienko připomíná také mínění akademika O. Sobolevského jako největšího znalce cyrilské paleografie, podle něhož hlaholské písmo je bližší řecké unciále nežli řecké kursivě. Mám zato, že by důkladné práce Vondrákovy a Nachtigalovy byly zasloužily, aby se byl autor o nich blíže zmínil; prof. Ohienko odbývá Vondráka spolu s Běljajevem a Millerem, že sice oni byli přívrženci theorie minuskulního původu hlaholice, ale že si ji každý jinak vykládal, o Nachtigalovi a jeho pracích z toho oboru se vůbec nezmiňuje. Jsme sice teprve na konci první kapitoly, ale mohl bych referát ukončit, protože, píše-li autor pro diskusi, uvedení paleografové, kdyby mohli, bránili by se, že za takových okolností, jak se dívá prof. Ohienko na věc, není diskuse možná.

V druhé kapitole, str. 76—77, autor zdůrazňuje, že západní, latinské prameny (Anonymus z 871, papež Jan VIII.) svědčí o písmu Konstantinově, že to bylo písmo *nové*; kdyby je byl zdělal Konstantin na základě řec. minuskule, ani Anonymus prý je nemohl nazvat novým, ani Jan VIII. by prý byl nemohl užiti slov „litteras.... repertas“. Také v Benátkách by prý byli sv. Bratří hádku snadno skončili, kdyby se byli odvolali na původ svého písma z řecké minuskule.

V třetí kapitole (77—80) se namáhá prof. Ohienko dokázati, že crnorizec Chrabr mluví p r o t i řečené theorii (viz jeho stať „O písmenech“). V čele kapitoly uvažuje autor o smyslu slov словѣне, словѣньскъ u Chrabra; míní, že to musili býti Slované západní. Chrabr je podle Ohienka přívrženec Říma a ne Řeků; vždycky prý ostře vystupuje proti Řekům (z toho, že jmenuje latinské písmo před řeckým), brání samostatnost písma Konstantinova (z toho, že připomíná, jak nedostačuje písmo řecké k vyjádření jazyka slovanského). Tento postup řeči a jednání Chrabrova byl prý možný, bylo-li písmo Konstantinovo nezávislé na písmě řeckém. Přiznávám se, že v tom nevidím žádnou logickou důslednost, jak jedno plyne z druhého.

Nejdelší je hlava čtvrtá, str. 81—86, kde autor chce dokázati, že srovnání hlaholice s řec. minuskulou svědčí proti Taylorově-Jagićově theorii. Na počátku promlouvá autor o minuskuli, kterou prý paleografové zaměňují s kursivou (sám Ohienko to dělá také). Mně tu autor vytýká, že prý neprávem tvrdím, že se v minuskuli IX. století píší jednotlivá písmena odděleně, vedle sebe a že zbytečně uvádím příklady ze stol. X.—XIII. Odkazuji prof. Ohienka na snímek ve své Rukověti hlahol. paleografie: Tetraevangelium Kioviense (obr. 4.) z r. 835; k tomu se vztahuje text na předcházející stránce 40, kde výslovně upozorňuji čtenáře, že na řečeném snímku, ze stol. IX., v šesté řádce ve slovech *τὸν ἰούδαν* jsou čtyři písmena v o l n ě vedle sebe; a dále v následující tabulce rovněž ze stol. IX. (888) v první řádce, ve slově *χωρίον*, ze šesti liter jsou j e n dvě první spojeny mezi sebou; je tedy neporozumění na straně prof. Ohienka a ne u mne. Zůstává pravda, že se v starší řecké minuskuli stol. IX. psávají aspoň některá písmena odděleně vedle sebe. Další tabulky jsem připojil z důvodů jiných; tak na př. na tab. 6. z poč. století X. (914) je viděti, že se v starší minuskuli střídaly minuskulní tvary liter s tvary maiuskulními téhož písmene. Na př. konečné *ν* ve slově *ϑυμον* má tvar maiuskulní; tatáž litera ve slově *βοησον* má obvyklý tvar minuskulní. Bohužel, že se často posuzují knihy, aniž se dříve pozorně přečetly.

Autor vytýká dále paleografům jejich chybnou methodu a doporučuje methodologii svou. Paleografové (nikoho sice nejmenuje, ale ze souvislosti míní obhajce theorie Taylorovy-Jagićovy) prý převraceli, doplňovali, zmenšovali, libovolně předělávali litery podle svého; taková methodologie prý je zcela pochybená, protože prý takovým způsobem lze srovnati hlaholici s jakýmkoli jiným písmem. Nebudu probírati všecky body methodologie prof. Ohienka, uvádí jich 14; zajímavé je, že ve čtvrtém bodě tvrdí, co by byl musil Konstantin učinit, kdyby byl chtěl založiti své písmo na řecké minuskuli: byl by prý musil se držeti nejobvyklejších tvarů písmen, jak to učinil autor cyrilice.

Jednoho se přece dotknu. Když byl probral všecky nesnáze, jež mu působí řecká minuskule, končí, že jest tedy hledati nějaký zcela jiný pramen hlaholice, ježto theorie Taylorova-Jagićova nesnese přesné vědecké kritiky. Jak si asi představuje věc, udává příklad. Apoštol permský sv. Štěpán (1340—96), rodem Rus z Ustjugu, vychovaný v ruském klášteře, složil prý r. 1372 také azbuku, ne podle ruské azbuky, jak bychom se nadáli, ale zcela jinou, nemající nic společného s ruským písmem. Řečený sv. Štěpan vzal prý za základ značky z tamějších grošů. Prof. Ohienko si klade otázku: nemohl-li něco podobného učiniti sv. Konstantin? Nevím, byl-li by vytiskl Slovanský ústav moji Rukověť, kdybych se byl v ní řídil takovou methodologií, jaké hoví prof. Ohienko. Uvedený příklad vyvolává vzpomínku na theorii Vsevoloda Millera o znacích na penízech sassaniddských, o níž však ani sám nebyl pevně přesvědčen.

V páté kapitole se konečně autor táže, kde hledati prameny hlaholice? Předem autor znova zdůrazňuje, že slova crnorizce Chrabra „словѣньскы кънигы“ „словѣньска письмена“ naznačují písmo územní, snad moravsko-pannonské; ježto pak tito Slověné měli již dříve svoje „чьрти и рѣзи“, je prý možné, že tyto črty byly základem onoho písma, které Konstantin složil a uspořádal. Ježto však prý crnorizec příliš důrazně odlišuje písmo Slovanů-pohanů jak od latinského a řeckého, tak i od písma Slovanů, když se pokřesťanštili (písma Konstantinova), hledá autor původ písma Konstantinova jinde. Vrací se k zprávě ŽK. o evangeliu a žaltáři „роусьскыми“ písmeny psaném. Na potvrzení své domněnky připomíná práci Konstantina Kostendžského z konce stol. XIV. »Книга о письменахъ«, kde prý se mluví o účastenství „ruské“ řeči v překladech sv. Kyrila. Podle prof. Ohienka mohl prý Konstantin na Chersonu najíti nějaké územní „ruské“ písmo jako vzor písma svého.

Autor ještě připomíná, že obráncové řeckého původu Konstantinova písma mylně se dovolávají slov Chrabrových, podle něhož K. složil Slovanům 38 písmen „ова оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ“; slovo чинъ (taxis) značí prý toliko pořádek, soustavu, ne tvar neboli formu.

Podávám zde prostě zprávu o rozpravě prof. Ohienka, aniž bych se pouštěl do diskuse, nebo chtěl hodnotiti jeho tvrzení, po případě jeho výtky. Ježto však autor dvakrát připomíná (na začátku i na konci), že píše tuto stať jako podklad k diskusi, dovoluji si poznamenati, že diskuse je možná tam, kde se s obou stran aspoň něco připouští, kde však jedna strana všecko odmítá předem, není žádná diskuse možna. Ostatně všecko to, co zde autor v jednotlivostech pověděl, již zde bylo, nepověděl nic nového, a jak je vidět, jeho myšlenky neuspokojily, paleografové bádali dále. Takovou methodou sotva autor přispěje k rozřešení záhady, jak si slibuje v úvodě.

Josef Vajs.

Spisy redakci zaslané.

Badalić J., Puškin u hrvatskoj književnosti. Zagreb 1937. Str. 47.

Badania prehistoryczne w województwie Śląskiem w latach 1934—1935. Przeprowadzili Józef Żurowski, Roman Jakimowicz i Józef Kostrzewski. (Z 25 rycinami w tekście i 6 tablicami. — Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności. Kraków 1936. Str. 63.

Baley St., Osobowość twórcza Żeromskiego. (Studjum z zakresu psychologji twórczości.) — Nakł. „Naszej księgarni" SP. Akc. Związku nauczycielstwa polskiego. — Warszawa 1936. Str. 228.

Baratz L., Sur les origines étrangères de la plupart des lois civiles russes (à l'occasion du centenaire du corps des lois russes). — Publications de l' Institut de droit comparé de l' Université de Paris. (1re série.) — Paris 1937. Str. 59.

Barlé J., Prinosi Slovenskim nazivima bilja. Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. — Knj. XXX, sv. 2 i XXXI, sv. 1. — 1936 i 1937 god. U Zagrebu 1937. — Str. 181—292.

Бем А. Л., »Фауст« в творчествѣ Достоевскаго. Записки научно-изслѣдовательскаго объединенія, Том V. — Русскій свободный университет в Прагѣ. Praha 1937. Str. 109—141.

Bém A. L., Světový význam Puškinův. S ukázkami jeho lyriky. Přel. Petr Křička. Družstevní práce. Praha 1936. Str. 42.

Beneš E., Deux Conférences sur T. G. Masaryk. — Bibliothèque Internationale de Philosophie. — Prague 1936. — Str. VII + 24.

Bibliografický katalog Československé republiky. Literární tvorba z roku 1935, vyjma díla periodická. — Vydala Národní a universitní knihovna v Praze. Red. dr. V. Foch. Praha 1936. Str. 784.

Bibliografie československých prací linguistických a filologických za rok 1934. Část I. Linguistika obecná, indoevropská, slovanská a česká. — Nákladem České akademie věd a umění. V Praze 1936. Str. 82.

Biržiška M., Daukantas Simanas. Atspausta iš „Lietuviškosios Enciklopedijos" VI tomo 2 sąsiuvinio 1937 IV. 10. Kaunas 1937. — Str. 12.

Bogatyrev P., Funkcie kroja na Moravskom Slovensku. Vydala Matica Slovenská 1937. — Spisy národopisného odboru Matice Slovenskej v Turčianskom Sv. Martine, sv. I. Str. 76.

Bogatyrev P., Hra a divadlo. Zvl. otisk. Listy pro umění a kritiku, 1937, č. 9—10. Str. 232—233.

Breyer M., Südslavische Kara und Karissima. Eine empfindsame bibliophile Exkursion Wien—Leipzig—Zürich 1937. — Str. 40.

Bulletin international de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres. — Classe de philologie, Classe d'histoire et de philosophie. Nr. 4—10 (1934, 1935), 1—3 (1936).

Bulletin international de l'Académie Yougoslave des sciences et des beaux arts. Livre septième. U Zagrebu 1935. Str. 115. — Livre huitième. U Zagrebu 1936. Str. 72.

Burian V., Kulturno-nacionalni stiki med Čehoslovaki in Jugoslovani v preteklosti. (Slavnostno predavanje, s katerim je proslavila J. Č. Liga dne 20. marca t. l. 75 letnico univ. prof. dr. M. Murka na ljubljanski univerzi.) — Ponatis iz revije „Slovanski Svet", št. 5—10. — Ljubljana 1936. — Str. 22.

Бурмовъ Ал., Народни пѣсни на приазовскитѣ българи. Сборникъ за народни умотворения и народописъ. Кн. ХЛII. — София 1936. — стр. 16.

Centennial essays for Pushkin. Edited by Samuel H. Cross, Ernest J. Simmons. — Cambridge, Massachusetts Harvard University Press 1937. Str. 226.

Coleman, A. Prudden, Kotzebue and the Czech stage. — New York 1936. Str. 58.

Damiani E., Sulla questione della trascrizione dei caratteri cirillici in caratteri latini e viceversa. — Bibliotechina Bulgara della „Rivista Italo-Bulgara di letteratura, storia, arte". — Sofia 1936. Str. 16.

Damiani E., Sull' unificazione della trascrizione dei nomi slavi originariamente scritti in caratteri cirillici nei cataloghi delle biblioteche a caratteri latini. — Roma 1935. Str. 6.

Dobrowolscy A. i T., Strój, haft i koronka w województwie Śląskiem. (Z 65 rycinami w tekscie, 38 tablicami jednobarwnemi i 1 mapką.) — Nakładem Polskiej akademji umiejętności. Kraków 1936. Str. 144 + XXXVIII.

Долински Н. В., Скотовъдството въ България. Сборникъ на Българската Академия на Наукитѣ. Кн. XXVIII. — София 1935. стр. 92.

Drachmann A. B., Die Überlieferung des Cyrillglossars. — Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser XXI. 5. København 1936. — Str. 139.

Dukat Vl., Rječnik Mažuranića i Užarevića. — Rad Jug. akad. zn. i um. Knj. 257 (115) 1937 god. — U Zagrebu 1937. — Str. 83—132.

Dukić A., Marija devica, čakavska pjesma s tumačem riječi i naglasa. — Pretiskano iz Jadranskog Koledara za god. 1936. — Zagreb 1935. Str. 14.

Dukić A., Naš domaći glas, čakavska pjesma s tumačem riječi. — Pretiskano iz Jadranskog Koledara za god. 1937. - Zagreb 1936. Str. 16.

Ek Sv., Den första idyll och Epigram-Cykelns Tillkomsthistoria. — Särtryck ur Svenska Litteratursällskapets. Historiska och Litteraturhistoriska studier 13. Helsingfors 1937. — Str. 66.

Florovskij A., Le conflit de deux traditions — la latine et la byzantine — dans la vie intellectuelle de l' Europe Orientale aux XVI—XVII siècles. — Zvl. otisk. Rozpravy vědecké společnosti badatelské při Ruské svobodné univ. v Praze. Vol. V. (X) No 31. — Praha 1937. Str. 22.

Фридрих И. Д., Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Книга Первая. Песни: детские, хороводные, беседные, обрядовые, заговоры, духовные стихи и др. Izdota ar Kulturas fonda lidzekļiem. — Riga 1936. Str. VIII+527.

Георгијевић Кр., Српско-хрватска народна песма у пољској књижевности. Студија из упоредне историје словенских књижевности. Српска краљевска Академија. Београд 1936. Стр. VIII — 347.

Годишникъ на Софийския Университет. I. Историко-филологически факултетъ. III. Юридически факултетъ. София 1936.

Grafenauer J., Karolinška kateheza ter izvor Brižinskih spomenikov in čina nadъ ispovêdaj ąštiimь sę. — Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani 13. Filološko-lingvistični odsek 2. — V Ljubljani 1936. Str. 165 + III.

Грицак Е., Неологізми в сучасній українській літературній мові. »Бібліотека Рідної Мови«. — Друкарня О. О. Василіян у Жовкві. 1936. Стр. 65.

Грицак Е., Топографічні назви с. Сушиці Рикової у Старосамбіршуні. Відбитка з »Літопису Бойківщини« ч. IX Самбір 1937. — Стр. 13.

Grivec Fr., Žitja Konstantina in Metodija. Prevel in razložil . . . — Cvetje iz domačih in tujih logov 8. Založila družba sv. Mohorja v Celju. 1936. Str. 148.

Gunnarsson G., Das slavische Wort fur Kirche. Recueil de travaux publié par l' Université d' Uppsala. 1937, 7. Str. 66.

Hammerich L. L., Personalendungen und Verbalsystem im Eskimoischen. Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser, XXIII, 2. — København 1936. Str. 224.

Havránek B.-Vážný V., Spisovný jazyk český a slovenský. Československá vlastivěda; řada druhá. Za red. dra O. Hujera. — V Praze (Sfinx) 1936. — Str. 229.

Hromádka J. L., Masaryk as European. International Philosophical Library. — Prague 1936. Str. VII + 38.

Hrozný B., V pěti sovětských republikách. Zvl. otisk z „Praha-Moskva" 1937. Str. 17.

Hrvatsko Kolo. Književno-naučni zbornik. — Uredili B. Sivadić i B. Jurišić. — Umjetnički opremio Vl. Kirin. Knjiga XVII. — Redovno izdanje Matice Hrvatske. — Zagreb 1936. Str. 287.

Chętnik A., Pożywienie Kurpiów. Jadło i napoje zwykłe, obrzędowe i głodowe. — Z 48 figurami (209 rycin) wykonanemi przez autora. — Polska Akademja Umiejętności. Prace komisji etnograficznej. Nr. 16. — Kraków 1936. Str. 134.

Chrzanowski Ign., Literatura a naród. Odczyty, przemówienia, szkice literackie. Lwów, Ossolineum, 1936. — Str. 424.

Илешић Ф., Наше књижевне везе са Пољацима. Прештампано из »Летописа Матице Српске«. — Нови Сад 1937. — Стр. 32.

In memoriam Hermann Wendel. Im Oktober 1936 als Handschrift herausgegeben von A. St. M. Orbis, Praha. Str. 11.

Ивановъ Г. п., Народни пѣсни отъ Шуменско. Сборникъ за народни умотворения и народописъ. Кн. XLII. — София 1936. Стр. 328.

Jahrbuch für Fränkische Landesforschung. Herausgegeben vom Institut für Fränkische Landesforschung an der Universität Erlangen. I. 1935. Str. 79. II. 1936. Str. 107.

Jakovenko B., La bibliographie d'Edouard Beneš. Prague 1936. — Str. VIII + 123 + XII.

Jakowenko B., Zur Kritik der Logistik, der Dialektik und der Phänomenologie. — Internationale Bibliothek für Philosophie. Prag 1936. Str. VII + 60.

Jarmolinsky A., Early Polish Americana. A Bibliographical Study. With an Appendix: A Legendary Predecessor of Columbus. — New York 1937. Str. 79.

Jonescu-Nişcov Tr., Rumunská vesnice v monografických výzkumech prof. Dimitrie Gustiho. — Zvláštní otisk ze „Sociologické revue". Vydal Sociologický seminář Masarykovy university v Brně. — V Brně 1937. — Str. 12.

Jørgensen H., A dictionary of the classical newārī. — Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser XXIII 1. København 1936. Str. 178.

Kaczmarczyk K., Liber scabinorum veteris civitatis Thoruniensis 1363—1428. Wyd....
Nakł. Towarzystwa naukowego w Toruniu — Toruń 1936. — Str. 516.

Кеповъ И. П., Народописни, животописни и езикови материали отъ с. Бобошево-Дупнишко. Сборникъ за народни умотворения и народописъ. Кн. XLII. — София 1936. — Стр. 288.

Кириловић Д., Српски народни сабори. Списи бечке Државне архиве. Књига прва. 1861—1875. Историско друштво у Новом Саду. Посебна издања. Књ. V. — Нови Сад 1937. Стр. 223.

Klemensiewicz Z., Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. — Polska Akademia Umiejętności. Kraków 1937. Str. XIX + 302.

Књига о Балкану. II. Издање Балканског Института. Београд 1937. — Стр. 348.

Král Jiří, Život bulharských zahradníků v okolí Bratislavy. Das Leben der bulgarischen Gemüsegärtner in der Umgebung von Bratislava. — Zeměpisné práce; řídí prof. Jiří Král. Nákladem redaktora. Bratislava 1936. Str. 18. Se 6 vyobrazeními.

Krause W., Die Kelten und ihre geistige Haltung. Mit 9 Abbildungen. — Schriften der königlichen deutschen Gesellschaft zu Königsberg. — Königsberg 1936. — Seiten 47.

Krejčí K., Lenorský motiv v renaissanční poesii polské. — Zvl. otisk. Sborník Matice Slovenskej XIV (1936. č. 3—4) Str. 420—429.

Krejčí K., Přehled nové polské literatury. — Zvláštní otisk ze sborníku „Poznání". Nákladem Česko-polského klubu v Moravské Ostravě 1937. Str. 62.

Krejčí K., Renesance. Zvl. otisk. Věda a život. R. 3, 1937. Str. 489—503.

Krzyżanowski J., Paralele. Studja porównawcze z pogranicza literatury i folkloru. Nakładem T-wa lit. im. A. Mickiewicza (Oddział Warszawski) i Instytutu Wydawniczego „Bibljoteka Polska". Warszawa (Bibljoteka Pamiętnika Literackiego T. 4.) 1935. Str. 236.

Książka Polska w ZSRR w r. 1934 (Bibljografja) zestawiła Fr. Fryszmanowa. Bibljoteka Państwowa i Instytut Bibljograficzny BSRR im. W. J. Lenina. — Minsk 1935. Str. 36.

Lapchine J., La phénoménologie de la conscience religieuse dans la littérature russe. I. — Rozpravy vědecké společnosti badatelské při Ruské svobodné universitě v Praze. — Praha 1937. — Str. 69—108.

Łapszin J., Chopin w muzyce rosyjskiej. Str. 75—94.

ΛΑΣΚΑΡΙ Μ. Θ., *ΕΛΛΗΝΕΣ ΚΑΙ ΣΕΡΒΟΙ ΚΑΤΑ ΤΟΥΣ ΑΠΕΛΕΥΘΕΡΩΤΙΚΟΥΣ ΤΩΝ ΑΓΩΝΑΣ* 1804—1830. *ΑΘΗΝΑΙ* 1936. Str. 96.

ΛΑΣΚΑΡΙ Μ. Θ., *ΙΣΤΟΡΙΚΑΙ ΕΡΓΑΣΙΑΙ ΚΡΙΣΕΙΣ ΠΕΡΙ ΑΥΤΩΝ ΤΙΜΗΤΙΚΑΙ ΔΙΑΚΡΙΣΕΙΣ.* 1935. Str. 13.

ΛΑΣΚΑΡΙ Μ. Θ., *Ο ΠΟΥΣΚΙΝ καὶ Η ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΕΠΑΝΑΣΤΑΣΙΣ. ΑΝΑΤΥΠΩΣΙΣ ΕΚ ΤΗΣ „ΝΕΑΣ ΕΣΤΙΑΣ“* 1 *Ἀπριλίου* 1937. Str. 14.

Lednicki W., Puszkin 1837—1937. Prace Polskiego Towarzystwa dla badań Europy Wschodniej. Nr. XIV. Kraków 1937. Str. 64.

Лековъ Ив., Единъ своеобразенъ отзивъ за езиковедския конгресъ въ Копенхагенъ. 1936 год. Отдѣленъ отпечатъкъ отъ »Литературенъ Гласъ«, стр. 338 отъ 19.I.1937. — София 1937. — Str. 13.

Лековъ И., Нови насоки въ съвременното езикознание. Отпечатъкъ отъ Философски прегледъ, г. IX (1937) кн. 2; стр. 11.

Летапіс друку Беларускай ССР. Орган дзяржаунай бібліяграфіі БССР. Штомесячны бюлетэнь Беларускай кніжнай палаты при Дзяржаунай бібліятэцы і бібліяграфічным інстытуте БССР імя В. І. Леніна. Менск. № 9, 10, 11, 12 (1935) 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 (1936).

Лѣтописъ на Българската Академия на наукитѣ XIV. 1930—31.— Стр. 159, XV 1931—32. — Стр. 135. — София 1934. — XVI 1932/33. Стр. 96. — XVII 1933-34. Стр. 79 — София 1935 — XVIII 1934-35. — Стр. 159. София 1936.

Ljackij E., Historický přehled ruské literatury. Část I. Staré ruské písemnictví. — Rukověti Slovanského ústavu v Praze, sv. III. Str. 400.

Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1934—1935. Svezak 48. U Zagrebu 1936. Str. 320.

Lončar Drag., Dr. Janko Sernec. Družboslovna črtica v okviru njegovih narodnopolitičnih in gospodarsko-socialnih načel. — Ponatisk iz „Sodobnosti“. — Ljubljana 1937. — Str. 30.

Lozovina V., Dalmacija u hrvatskoj književnosti. Povijesni pregled regionalne književnosti u Dalmaciji, Hrvatskom Primorju i Istri (800—1890). — Redovito izdanje Matice Hrvatske. — Zagreb 1936. Str. 287.

Lukianos. Sen neboli Lukianův život a jiné spisy. Přel. Fr. Machala. — Nákl. České akademie věd a umění. — V Praze 1936. — Str. 179.

Mahler Elsa., Die russische Totenklage, ihre rituelle und dichterische Deutung (mit besonderer Berücksichtigung des großrußischen Nordens). — Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin. 1936. Str. IX + 698.

Makowiecki St., Słownik botaniczny łacińsko-małoruski. Zebrał i ułożył w latach 1877—1932.— Polska Akademia Umiejętności. Prace komisji językowej. Nr. 24. Kraków 1936. Str. 408.

Maretić T., Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Svezak 50. 4. jedenaestoga dijela. 2 prestati — prikladańe. — Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu 1935. Str. 721—960.

Мариновъ М., Народни пѣсни отъ Тетевенско. Сборникъ за народни умотворения и народописъ. Кн. XLII. — София 1936. — Стр. 22.

Marx K.-Engels B., O literatuře a literární kritice. Uspořádal a úvodní studii napsal V. Pekárek. — Edice Naší cesty. Sv. 9. Kladno. Str. 112.

Matl J., Der heilige Sava als Begründer der serbischen Nationalkirche. — Sonderdruck. Kyrios II. Jg. 1937. — 1. Heft. — Königsberg-Berlin 1937. — Str. 23—37.

Matl J., Die Kulturwelt der Slaven und das deutsche Geistesleben. — Sonderabdruck. Zeitschrift für deutsche Geistesgeschichte 1936. — Str. 24.

Mečiar St., Poezia a život. Essaye o poľskej literatúre. Vydala Matica Slovenská 1936. Str. 203.

Месеснел Фр., Скулптура Богородице у Соколици. Посебни отисак. Годишњак Скопског философског факултета. II. — Скопље 1936. — Стр. 57—74.

Meyer K. H., Deutsch-polnische Kulturbeziehungen. I. (Auf Grund der Allgemeinen Polnischen Biographie I.). — Sonderdruck aus „Altpreußische Forschungen“. Jahrgang 13, Heft 2; 1936. Str. 266—278.

Миятевъ Кр., Преславската кералика. Съ 86 образа въ текста, 18 свѣтлопечатни и 10 трицвѣтни таблици. Monumenta artis Bulgariae. Consilio et auctoritate Instituti Archeologici Bulgarici. София 1936. Str. 154.

Milewski T., L'indohittite et l'indo-européen. Bulletin international de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres. No. supplémentaire 2. — Cracovie 1936. Str. 83.

Minorsky V., Rūs. Tirage à part de l'Encyclopédie de l'Islam. Leiden 1937. — Str. 3.

Miscellanea slawistyczne. Prace Polskiego Towarzystwa dla badań Europy wschodniej i bliskiego wschodu pod red. dra W. Lednickiego. Nr. X. Kraków 1937. Str. 114.

Митропан П. А., Пушкин код Срба. Скопље 1937. — Стр. 142.

Mojmir H., Wörterbuch der deutschen Mundart von Wilamowicz. Zweiter Teil S—Z. Bearbeitet von Adam Kleczkowski und Heinrich Anders. — Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności. Kraków 1930—36. Str. 353—640.

Moszyński K., Atlas kultury ludowej w Polsce. — Zesz. III. Opracowany wspólnie z J. Klimaszewską. Polska Akademia Umiejętności. — Komisja etnograficzna. Kraków 1936. — Str. 2 + 10 map.

Moszyński K., Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce. — Nadbitka z „Ludu Słowiańskiego“, t. IV. z. I. r. 1937.— Kraków 1937. — Str. 65B—117B.

Moszyński K., Varia. 1. Kritische Bemerkungen über einige der gegenwärtigen Richtungen in der Ethnologie. — 2. Verbreitung der Giftfischerei auf der Erde. — 3. Die Giftfischerei bei den Slaven. — Odlitka. Lud Słowiański. T. IV. z. 1. — Kraków 1937. Str. 27—45B.

Mukařovský J., Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty. — Praha (Fr. Borový) 1936. Str. 86.

Murko M., Rozpravy z oboru slovanské filologie. Uspořádal Jiří Horák. — Práce Slovanského ústavu v Praze. Svazek IV. V Praze 1937. Str. XIV + 619.

Nahtigal R., Starocerkveno-slovanske študije. — Razprave znanstvenega društva v Ljubljani 15. Filološko-lingvistični odsek 3. — V Ljubljani 1936. Str. 77.

Neue Heidelberger Jahrbücher. Neue Folge. Herausgegeben von der Gesellschaft der Freunde der Universität Heidelberg. Jahrbuch 1936. Heidelberg 1936. S. 139.

Neumann Fr. W., Geschichte der russischen Ballade. — Schriften der Albertus-Universität. Geisteswissenschaftliche Reihe. — B. 5. Königsberg und Berlin 1937. Str. VIII + 353.

Николовъ А. М., Регистрацията на международнитѣ актове. Сборникъ на Българската Академия на Наукитѣ. Кн. XXVIII. — София 1935. — Стр. 155.

Novák Mirko. Kantův kriticismus a problém hodnoty. — Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě. V Bratislavě 1936. Č. XXIII. Str. 112.

Nowak T., Oblężenie Torunia w roku 1658. — Nakł. Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Toruń 1936. Str. 253.

Ocvirk A., Teorija primerjalne literarne zgodovine. Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani 12. Historični odsek 4. — V Ljubljani 1936. Str. 203.

Окуневъ Н. Л., Арилье. Памятникъ сербскаго искусства XIII. в. Seminarium Kondakovianum, VIII. 1936. Praha 1936. Str. 221—258.

Paşca St., Nume de persoane şi nume de animale în ţara oltului. — Academia Română. Studii şi cercetari XXVI. Bucuresti 1936. Str. 370.

Páta J., Lužické stati. S portretem, 2 mapkami a 72 obrázky. K životní padesátce autorově vydali jeho žáci a přátelé. — V Praze 1937. — Str. 381.

Paulová M., Dějiny Maffie. Odboj Čechů a Jihoslovanů za světové války 1914—18. Čsl. grafická Unie. V Praze 1937. Str. 675.

Rejstřík osobní.

Rejstřík věcný.

Rejstřík slov.

1. praslovanských, obecně slovanských a staroslověnských.

2. bulharských.

3. srbocharvátských.

4. českých.

5. lužických.

6. polských.

7. ruských.

8. litevských.

9. staroindických.

10. řeckých.

11. latinských a románských.

12. germánských.

13. jména vlastní (osobní, národní, zeměpisná, bájeslovná).